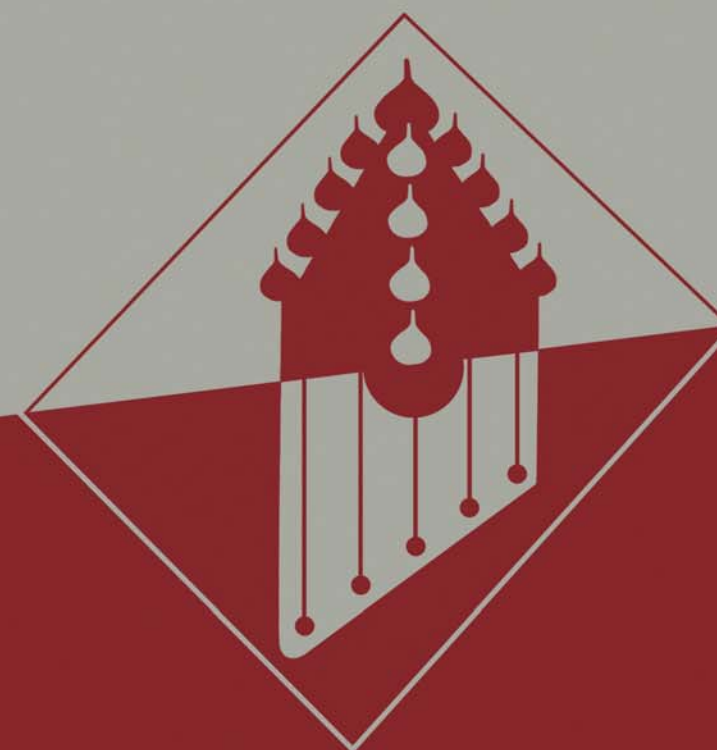

IX КОНГРЕСС ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ

Ассоциация этнографов и антропологов России
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
Петрозаводский государственный университет
Правительство Республики Карелия

IX КОНГРЕСС
ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ
РОССИИ
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Петрозаводск
4–8 июля 2011 г.

АССОЦИАЦИЯ ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

IX КОНГРЕСС ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.

ПЕТРОЗАВОДСК
2011

УДК [39+572](063)(47+57)
ББК 63.5+28.71
Д-37

Редколлегия:

В.А. Тишков (ответственный редактор), И.И. Муллонен,
З.И. Строгальщикова, И.Ю. Винокурова, Е.И. Клементьев

*Конгресс проводится при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
Министерства регионального развития Российской Федерации
и Правительства Республики Карелия*

Д-37 IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.
/ Редкол.: В.А. Тишков и др. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – 565 с.
ISBN 978-5-9274-0469-8

Сборник составлен по материалам, представленным к IX Конгрессу этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.). В рамках центральной темы Конгресса **«Культурное наследие – ресурс инновационного развития»** рассматриваются исследовательские проблемы, связанные с понятиями традиционности и модернизации, традиций и новаций, культурного наследия народов России, его инновационного потенциала. Наряду с основной темой будет уделено внимание другим важным и актуальным проблемам современной этнологической науки, связанным с культурным многообразием народов России, проблемами коренных малочисленных народов, миграций, историографией и источниковедением, этнографическим музееведением, физической антропологией, междисциплинарными исследованиями.

УДК [39+572](063)(47+57)
ББК 63.5+28.71

ISBN 978-5-9274-0469-8

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2011
© Коллектив авторов, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ	5
СИМПОЗИУМЫ	38
Симпозиум 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СБОРЕ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ	
<i>Секция 1.</i> ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	38
<i>Секция 2.</i> ПРОБЛЕМЫ СБОРА, СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЯХ РОССИИ	49
<i>Секция 3.</i> УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ИСТОЧНИК И МЕТОД ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	63
<i>Секция 4.</i> АНТРОПОЛОГИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	75
<i>Секция 5.</i> ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ, ТЕРРИТОРИЙ И СТРАН В СОВРЕМЕННЫХ СМИ	83
<i>Секция 6.</i> ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	91
<i>Секция 7.</i> АНТРОПОЛОГИЯ ДВИЖЕНИЯ	104
<i>Секция 8.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭТНОГРАФИИ	112
<i>Секция 9.</i> ЭТНОГРАФИЯ ШКОЛЫ И ВУЗА	116
Симпозиум 2. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ И ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТЫ	125
<i>Секция 1.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ	125
<i>Секция 2.</i> НАРОДЫ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА: ТРАДИЦИИ, ЦЕННОСТИ, НОВАЦИИ	133
<i>Секция 3.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ	153
<i>Секция 3.1.</i> XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР «ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ ЕВРАЗИИ»	165
<i>Секция 4.</i> ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ)	174
<i>Секция 5.</i> ФИННО-УГОРСКИЙ МИР: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ	182
<i>Секция 6.</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ	199
<i>Секция 7.</i> СОВРЕМЕННОЕ СКОТОВОДСТВО КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ У НАРОДОВ БЫВШЕГО СССР	206
<i>Секция 8.</i> ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	210
<i>Секция 9.</i> КОЛОКОЛА И ЗВОНЫ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ И РЕЛИГИИ	218
Симпозиум 3. КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ: РОЛЬ НАУКИ И ПРАВА В РАЗРАБОТКЕ «СТРАТЕГИЙ ЗАЩИТЫ»	226
<i>Секция 1.</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ	226
<i>Секция 2.</i> КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ И СУЩЕСТВУЮЩАЯ ПРАКТИКА	234
<i>Секция 3.</i> ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА РОССИИ	243
<i>Секция 4.</i> СПЕЦИФИКА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА-ЗАПАДА РОССИИ	248
<i>Секция 5.</i> ЖИЗНЬ НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦИРКУМПОЛЯРНЫХ РЕГИОНАХ	253

Симпозиум 4.	ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ГРАНИЦЫ, СИМВОЛЫ, СМЫСЛЫ	272
<i>Секция 1.</i>	КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР И СЕЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ	272
<i>Секция 2.</i>	ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ И НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ РОССИИ	286
<i>Секция 3.</i>	ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ СРЕДЕ: ВАРИАТИВНЫЙ ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ	299
<i>Секция 4.</i>	ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРЕ: ИСТОЧНИК СТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ ФОРМА ЛЕГИТИМАЦИИ ИННОВАЦИИ?	309
<i>Секция 5.</i>	ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА В РАЗНООБРАЗИИ НАУЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ, МЕТОДОВ И ПОДХОДОВ	329
<i>Секция 6.</i>	ЦВЕТ И КРАСКА В АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ	342
<i>Секция 7.</i>	НАРОДНЫЕ ремесла и промыслы: традиция и современность	347
<i>Секция 8.</i>	КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ, ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ	361
<i>Секция 9.</i>	НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	368
Симпозиум 5.	РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ	375
<i>Секция 1.</i>	КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ	375
<i>Секция 2.</i>	ПАТТЕРНЫ КУЛЬТУРЫ МЕНЬШИНСТВ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО/ПОСТСОВЕТСКОГО ГОРОДА. МАЛЫЕ ГРУППЫ В ЭТНОГРАФИИ	401
<i>Секция 3.</i>	АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ: ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (ТПК) КАК РЕСУРС СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ	411
<i>Секция 4.</i>	«КОРЕННЫЕ» И «ПРИШЛЫЕ»: СВЯЗЬ С ЗЕМЛЕЙ И ИДЕНТИЧНОСТЬ	419
<i>Секция 5.</i>	КРЕОЛЫ, КРЕОЛИЗАЦИЯ И «КРЕОЛЬСКИЙ СИНДРОМ»	431
<i>Секция 6.</i>	КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛО-АЛТАЙСКОЙ СЕМЬИ НАРОДОВ: МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА	437
Симпозиум 6.	СЕМЬЯ. ОБЩЕСТВО. ПРАВО	444
<i>Секция 1.</i>	ИНСТИТУТЫ ПРАВОСУДИЯ НАРОДОВ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН: КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА	444
<i>Секция 2.</i>	МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ РОССИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ	452
<i>Секция 3.</i>	АНТРОПОЛОГИЯ РОДСТВА И ВОЗРАСТА	483
<i>Секция 4.</i>	ТРАДИЦИОННАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ НА СЕВЕРЕ И СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ	491
Симпозиум 7.	ЭТНОГРАФИЯ И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ	495
<i>Секция 1.</i>	ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА	495
<i>Секция 2.</i>	ЭТНОНИМЫ: ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И СВЯЗЬ С ИЗУЧЕНИЕМ ЭТНОГЕНЕЗА	512
<i>Секция 3.</i>	ЭТНОБОТАНИКА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	515
<i>Секция 4.</i>	ЭТНОЭКОНОМИКА В РЕАЛИЯХ ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУР	521
<i>Секция 5.</i>	МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И БИОТИКА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ, СПЕЦИФИКА, ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ	529
Симпозиум 8.	АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ	541
УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ	556

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

ГОЛОВНЕВ Андрей Владимирович

чл.-корр. РАН, д.и.н., профессор, гл. научн. сотр. Института истории и археологии УрО РАН,
зав. кафедрой Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В последние годы «монументальность» культурного наследия размывается потоками релятивизма и постмодернизма. Релятивистский сдвиг выразился в риторике «культурного разнообразия»: согласно Всеобщей декларации ЮНЕСКО 2001 г., «будучи источником обмена, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений» (ст. 1). Постмодернистский сдвиг обозначился в тренде «от монумента к жизненной потребности». При этом если прежде основу наследия составляли «осязаемые» (tangible) памятники археологии и архитектуры, то недавно к ним добавились «неосязаемые» (intangible): (1) устные традиции и формы выражения, в том числе язык; (2) исполнительские искусства; (3) обычаи, обряды, празднества; (4) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; (5) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами (Конвенция ЮНЕСКО 2003 г., ст. 2.2).

Монуменды остались на месте, но отношение к ним изменилось. Их не миновала участь метанарративов (идеологем) эпохи модерна – переоценка значимости и испытание потребительской практикой. В разбухающих реестрах памятников и в проектах по их использованию выражается не только любовь к традициям, но и культурный консюмеризм. Отмеченный З. Бауманом ментальный дрейф «от пилигрима к туристу» (от модерна к постмодерну) означает переход от мечты к реальности, от долговременной стратегии к оперативной ситуативности, от строительства будущего к продлению настоящего, от романтической любви к пластичной сексуальности, от целостности времени к фрагментации на эпизоды, от вечных ценностей к мгновенному устареванию информации. Жизненная стратегия постмодерна состоит не в фиксации идентичности, а в обретении качества *fitness* – гибкой адаптивности и вариативной идентичности¹.

Пилигрим–турист – не единственная метафорическая ось сегодняшнего дискурса. Изменились и поведенческие стратегии «культуртрегеров» – генераторов и распространителей гуманитарных ценностей. Вчерашний культуртрегер выглядел рыцарем идеи, сегодняшний культур-менеджер больше напоминает участника торгов. Борьба правд сменилась конкуренцией проектов. Статичная идеологема уступила первенство мобильному проекту. Конкуренция множества проектов – стихия постмодерна, и сама конкуренция оказывается метапроектом. Она настроена не на окончательную победу одного из конкурентов, а на их долгосрочный диалог. Если модерн был ареной борьбы за господство (и в этом смысле следовал древней традиции «право победителям и горе побежденным»), то постмодерн обустроил поле многообразия и противоборств. Современности свойственна встречаемость трендов: глобализация vs локализация (глокализация), модернизационная однополярность vs цивилизационная многополярность, монокультурность vs мультикультурность. Постмодерн даже себя позиционирует так, что в его пространстве одинаково удобно быть и его поборником, и его противником.

Среди расшатанных метанарративов модерна оказались и смыслообразующие категории «народ» и «культура». По поводу «наследия» тоже возникают вопросы: «почему?», «зачем?», «чье?» (рода, народа, религии, региона, государства). Если осторожность, а порой ирония, в употреблении слова «этнос» среди российских этнологов вошла в обычай, то скепсис одного из итальянских режиссеров относительно слова «культура» (родного для Италии), которое ранит его слух, стал для меня сюрпризом. Речь идет не о персональной идиосинкразии или эпатаже, а о неудовлетворенности категориями, стесняющими «живой смысл». Сегодня в восприятии «культурного наследия» важно не столько его ценностное определение, сколько механизм актуализации в живой реальности (словами П. Бурдьё, переход от *opus operatum* к *modus operandi*).

Реальности постмодерна свойственна сообщаемость различных трендов и проектов. С одной стороны, современный потребитель склонен к пересчету «чудес» в единицах меню и услуг – «ментальность туриста» настроена на потребление, которое «расколдовывает» и обмирщает культурные ценности (прежняя «ментальность паломника» предполагала приобщение, с трепетом и пиететом, к шедеврам культуры). С другой стороны, постмодерн, несмотря на пристрастие к реальности и повседневности, открыл шлюзы «ренессансу сакральности». Навстречу рационализации идет мистификация, включая мифоиндустрию пришельцев и вампиров, триумф юных волшебников в литературе и кино, успех проектов «прорицаний», «исцелений», «сакральных зон», «троп» и т. д. По этому поводу вспоминается размышление Анри Бергсона: религия – это «защитная реакция природы против размывающей силы интеллекта»². Сегодняшний культур-менеджер не испытывает ни малейших затруднений в синтезе рационального и иррационального.

Стихия проектного многоголосия смешивает в информационном поле науку, религию, искусство, политику, предмет, объект, субъект, мотив, императив. О былом уюте ведомственного разделения труда остается только вздыхать. Уместна ли активизация цеха этнографов, этнологов и антропологов в конкуренции за информационное и проектное поле, в том числе культурное наследие? Сегодня идет передел информационного пространства, в котором каждый цех заново позиционирует свой потенциал. Условия конкуренции в информационной сфере таковы, что ни один проект не защищен от провала, даже если он опирается на прочные в прошлом основания. Ресурс антропологии как будто прочен и обилен, но именно поэтому он может обернуться «ресурсным проклятием» – торможением творческой и проектной активности.

Один из путей развития антропологии–этнологии состоит в активации гуманитарных технологий. Если методология – способ получения знания, то технология (букв. «учение о мастерстве») – способ его реализации. Методология и технология работают в связке, питая друг друга, обеспечивая прямое сообщение науки и жизни. Разрыв этой связки летален для науки. Поэтому разделение научных знаний на фундаментальные и прикладные, как это было в эпоху модерна, сегодня выглядит анахронизмом. На гуманитарные науки распространяется тезис Р. Кирхгофа «Нет ничего практичнее хорошей теории», выраженный на свой лад антропологом Б. Малиновским: «Если теория истинна, то она одновременно является и прикладной».

Древнейшими гуманитарными технологиями можно считать магию и религию, миф и ритуал. Изначально они были скорее стратегиями действия, чем статичными идеями. По наблюдениям Э. Эванса-Причарда, «для религии важна не рефлексивная составляющая, а моторная; действия рождаются аффективными состояниями»³. Б. Малиновский показал, что миф вкупе с магией – не заблуждение, а реальный инструмент жизненной практики. «Тробрианцы так сильно убеждены в том, что лодка, построенная без магии, будет непригодна к плаванию, медленной в ходу и не принесет удачи в кула, что никому и в голову не придет обойтись без магических обрядов. Согласно туземной мифологии, можно было бы делать даже и летающие лодки, если бы не была забыта необходимая для этого магия»⁴. Свойства религии как гуманитарной технологии оттеняются размышлениями К. Гирца. «Религия – (1) система символов, действующих для (2) утверждения в людях сильных, глубоких и долговременных настроений и мотиваций посредством (3) обоснования концепций общего порядка бытия и (4) облечения этих концепций такой аурой фактов, что (5) настроения и мотивации кажутся необычайно реалистичными». Устанавливая связь между концепцией и мотивацией, религия согласует мирской опыт и создает ауру абсолютной реальности⁵.

Периоды бума гуманитарной науки связывая не с кабинетными озарениями, а с обращением знаний в практику. Все значимые социальные преобразования исходили из гуманитарных проектов. Траектория превращения идеи из утопии в революцию иногда пугающе коротка. Самым впечатляющим примером эффективности гуманитарных технологий новейшего времени служит коммунистический проект. Его технологичность открыто выражалась в тезисе: марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию. Возможно, именно послекусие от марксизма-ленинизма и его «гуманитарных технологий» вызывает у российских интеллектуалов стойкую неприязнь к практикам. Впрочем, эмоционально-оценочный осадок от коммунистического, нацистского и иных проектов не отменяет значимости гуманитарных технологий. Иногда складывается впечатление, что они давно правят миром, но скрывают это, поскольку маскировка власти является одной из гуманитарных технологий.

Попытки отделить знание от действия, укрыться от практики в схоластике, обернулись сегодня кризисом гуманитарных, в том числе исторических, наук. Возвращение к технологиям неизбежно произойдет и уже происходит. Вопрос лишь в том, кто его инициирует – исследователи-гуманитарии или деятели религии и политики. Гуманитарной науке предоставлен выбор – смиренно лечь на музейную полку или пуститься в изнурительную гонку, от которой она давно отвыкла. Многие гуманитарии, преуспевая в фундаментальных изысканиях, нарочито и по-своему обоснованно дистанцируются от знания-в-действии. В этом случае знания, если не остаются достоянием узкого круга экспертов, интерпретируются и доставляются обществу средствами массовой информации. В антропологии решающая роль посредника – носителя и технолога информации – слишком очевидна, чтобы не обратить на нее особого внимания. Не замещая собой масс-медиа и иные информационные технологии, гуманитарная наука способна максимально полно готовить свой продукт для информационного поля (или рынка) и общественного спроса–потребления. В значительной степени она способна воздействовать на формирование этого спроса.

Синтез гуманитарных знаний и технологий свойствен творчеству ряда выдающихся исследователей прошлого века. Т. Хейердал своими геоантропологическими экспериментами создал новую ментальную модель власти над пространством (в СССР эхо этого эксперимента отозвалось на вкусах и интересах целого поколения – поклонников телепутешествий Ю. Сенкевича); К. Леви-Стросс открыл и популяризовал новый когнитивный алгоритм на основе интерпретации мифологии как кода мировоззрения и мироздания; Д. С. Лихачев предложил социально значимые концепции актуального фонда языка и экологии культуры. Все эти гуманитарные идеи, рожденные как персональные проекты, стали реалиями культуры. Симптоматично, что точки роста современной антропологии тоже генерируются не в ауре созерцательности, а в режиме проектности. Например, конструктивизм служит одновременно академической методологией и гуманитарной технологией,

причем на уровне структурирования национальной идентичности и других значимых гуманитарно-технологических понятий и категорий⁶.

Предложенная мной антропология движения также в значительной степени ориентирована на факторы активности – мотив, персону, проектное мышление, деятельностьную схему⁷. В этом ракурсе субъекты истории и антропологии предстают не исполнителями объективных законов и жертвами внешних обстоятельств, а мотивированными персонами. Антропология движения как методология ориентирована на генерирование историко-антропологического знания о мотивах действия, о соотношении персональной деятельности и социальных эффектов, о потенциале человека в природном и социальном пространстве. В качестве технологии эта методология оборачивается установкой: человек, осознанно корректирующий свою мотивационно-деятельностную схему, обладает усиленным проектным потенциалом. С этим связаны качества идентичности, достоинства и другие характеристики человека-деятеля, ради которого и разрабатывается антропология движения.

Активация гуманитарных знаний вовсе не предполагает массового перехода антропологов в политику и реализации мечты Платона об идеальном государстве, которым правят философы. Речь идет о решительном повороте профессионального цеха к широкой аудитории и о новом качестве исследований и публикаций, учитывающих возможности кибер-технологий и «электронной науки» (e-science, e-culture, e-history)⁸. Особого внимания достойны аудиовизуальные и мультимедийные технологии. Если прежде главным носителем гуманитарной информации было слово, то сегодня все большее значение приобретает изображение. Впрочем, современная экспансия визуальной культуры – не инновация, а возвращение древней традиции. Пещерные рисунки в десять раз старше письменности и в сто – печати. Возвращение к изображению как языку исконному, но технологически обновленному, предполагает его специальное гуманитарно-научное освоение.

«Визуализация сердца» считается экспертами главным направлением оптимизации методов кардиологии. Визуализация сознания, персональных мотиваций, этнокультурных явлений, исторических процессов – дает тот же эффект в области гуманитарных технологий. Визуальная культура стала сегодня актуальной долей общекультурного фонда, формируя в человеке новую матрицу мировосприятия, от экранной грамоты до стилизации под экран. Становление новой аудиовизуальной культуры само по себе вызывает к жизни адекватную антропологию. Нынешнее явление визуальности означает своего рода прозрение науки, обретение нового средства коммуникации – языка изображения, доведенного кинематографом за минувший век до всеобщей потребимости.

Поскольку кино сущностно родственно антропологии, науке о человеке пристало свободно говорить на языке изображения. Киноантропология может открыть новые грани и ракурсы самопознания человека и гуманитарного исследования. Сходства антропологии и кино обнаруживаются не только в методологии, но и в методике. Так называемое включенное наблюдение – их общий исследовательский метод. Ремесло антрополога и историка – монтаж фактов (текстов), подобный монтажу кадров в кинематографе. Законченность действия – канон съемки и монтажа в кино; то же самое – элементарная единица (атом) антропологии движения.

Владение аудиовизуальными методами, наряду с «оживлением» текста, представляется эффективным ресурсом антропологии, в том числе в актуализации культурного наследия. Это развивает собственный стиль и язык гуманитарной науки, еще недавно пытавшейся наукообразить себя за счет средств математики и естествознания. Аудиовизуальность представляется важнейшей сферой гуманитарных технологий, позволяющей не только адекватно транслировать и наглядно представлять факты и их интерпретации, но и на современном уровне включать полученные знания в научный оборот и информационный поток. Инновационные гуманитарные технологии включают, наряду с аудиовизуальными, виртуальные методы сбора данных, проведения публичных и экспертных дискуссий в масс-медиа, коммуникации и публикации посредством интернет-ресурсов. Гуманитарная наука нуждается в расширении исследовательского диапазона и обогащении своего языка, особенно сегодня, когда над ней навис вопрос об адекватности динамичным реалиям.

Примечания

¹ Bauman Z. From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity // Questions of Cultural Identity. Ed. by S. Hall and Hay Paul du. London: Sage Publication, 1996. P. 20–25.

² Bergson H. The Two Sources of Morality and Religion. N.Y., 1956. P. 122.

³ Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии. М.: ОГИ, 2004. С. 41.

⁴ Малиновский Б. Избранное: Аргonautы западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131.

⁵ Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books. A Division of Harper Collins Publishers, 1973. P. 90, 112.

⁶ Тишков В. А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М.: Наука. 2007. С. 558–601.

⁷ Головин А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009.

⁸ Humanities, Computers and Cultural Heritage. Proceedings of the XVI international conference of the Association for History and Computing (AHC) 14–17 September 2005. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005. P. 3.

ЛАЛЛУККА Сеппо
д.обществ.н., г. Хельсинки

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

С целью пополнения знаний о населяющих Россию народах, в XVIII в. было начато экспедиционное изучение регионов империи. Данная деятельность, очевидно, благоприятно воздействовала на осведомленность правителей об этническом многообразии своей обширной державы. Понимание этого и вытекающих из него громадных задач получили, в частности, отражение в письме, которое Екатерина II в 1767 г. отправила из Казани Вольтеру. В нем она рассказывала, что приехала в город, население которого «состоит из двадцати различных народностей, совсем не похожих друг на друга. А между тем необходимо шить такое платье, которое оказалось бы пригодно всем»¹. Внук Екатерины, Николай I, в свою очередь, отметил в беседе с маркизом де Кюстен, что «нет другой страны, где было бы такое разнообразие народностей, нравов, религий и духовного развития, как в России»². Однако признание многообразия и того, что Россия представляла собой империю, никак не означало, что правители отказались от ассимиляторских стремлений в отношении к нерусским группам населения. Достижение административного и социального единства, а по мере возможностей – также и большей религиозной и языковой сплоченности, числились среди целей политики правительства.

Но несмотря на то, что имперская власть мыслила Россию в качестве централизованного, унитарного государства, она в целом проводила осторожную национальную политику – для царей сохранение целостности и стабильности империи было намного важнее, чем ее превращение в русское национальное государство. В силу этого отношение власти к русификации и обращению в православие было прагматичным. Они использовались тогда, когда с их помощью можно было продвинуть интеграцию этнических групп, но если казалось, что они создают угрозу внутренней стабильности в империи, их применение утрачивало свою актуальность.

В отличие от верхушки властной элиты, в среде ведущих российских интеллектуалов бытовали и иные представления об этническом облике империи. На протяжении XVIII в. слышны были голоса, согласно которым вся ее территория считалась этнической родиной русских и, соответственно, история расширения ее границ представляла собой процесс собирания коренных русских земель. В следующем веке, с подъемом русского национализма и панславизма, популярность завоевали утверждения, что Россия не является многонациональной империей, а национальным государством. Последователи этой идеи признавали, что в России живут не только русские, но при этом подчеркивали, что населяющие ее народы характеризует тесное единство и общность культурных традиций. К тому же территориальная экспансия государства предыдущих столетий рассматривалась как процесс, носивший мирный характер. Что же касается имевшего место обрусения нерусских народов, в кругах панславистов наблюдалась тенденция преувеличения степени его продвижения.

Во второй половине XIX в. не только консерваторы, но и многие представители либеральной интеллигенции склонны были умалять имперский характер государства. Так, один из ведущих историков, Сергей Соловьев, считал, что в период восточнославянской колонизации Восточно-Европейская равнина была почти что пуста, «девственная страна, ожидавшая населения, ожидавшая истории». Его коллега, Василий Ключевский, несколько уточняя картину, рассматривал поглощение тех «туземцев-финнов», которые оказались на пути колонистов-выходцев из Киевской Руси, естественным процессом³.

В целом общественная мысль способствовала тому, что для большого общества финно-угорские группы населения оставались малозаметными. Отчасти такое положение дел было также следствием их обрусения и дисперсного расселения на периферийных территориях. В несколько ином положении были лишь эстонцы и финны. Так сложилось во многом благодаря их лютеранскому вероисповеданию и специфическому статусу – управление Прибалтийскими губерниями, а тем более Великим княжеством Финляндским, осуществлялось по принципам, которые отличались от общеимперских.

Типологизация национальных движений недоминантных групп

При изучении этнического пробуждения принципиальное значение приобретают два идеальных типа, разделяющие народы на две группы. В первую из них входят т. н. «старые» народы с развитыми элитами, профессиональной культурой и традициями государственности. Синтезируя этнополитическую эволюцию Российской империи, Андреас Каппелер относит к этой группе, в частности, русских, поляков и грузин. Вторая группа состоит из «молодых» и, в то же время, относительно малочисленных крестьянских народов, характеризующихся недифференцированной социальной структурой. К этому типу тяготела подавляющая часть этнических групп западных регионов, например, белорусы, латыши, финны и эстонцы, а также большинство из народов Восточно-Европейской равнины и Сибири (коми, марийцы, удмурты, чуваш и др.)⁴. Таким образом, несмотря на ряд весомых факторов, по которым финны и эстонцы отличались от восточных финно-угорских народов, по большому счету они типологически все тяготели к одному полюсу.

Социальную дифференциацию «молодых крестьянских народов», формирование у них собственных элит, тормозила, в частности, ассимиляция. В случае, когда крестьянин- выходец из этих народов продвигался

по социальной лестнице, он, как правило, сливался с доминантной группой. В этих условиях ассимиляция и социальное выдвижение стали как бы синонимами. К тому же типичным для этих народов было отсутствие собственных политических структур – таковые они либо никогда не сформировали, либо таковые были разрушены в такой глубокой древности, что связанные с ними традиции и преемственность были давно утрачены. Обычно отсутствовала у этих групп также высокая культура. Ликвидация этих недостатков – т. е. модернизация социальной структуры, культурно-языковое развитие и обретение той или иной формы политического самоуправления – стала задачей формировавшихся национальных движений⁵.

По сути, «молодые крестьянские народы» Каппелера совпадают с категорией «недоминантные этнические группы», которая была в центре внимания в известном труде Мирослава Гроха, посвященном компаративному изучению эволюции национального сознания у небольших европейских народов⁶. Самой цитируемой частью книги Гроха стала схематическая модель, созданная с целью облегчения сопоставительного анализа. В ней процесс национального пробуждения рассматривается как проходящий три стадии, обозначенные латинскими буквами А, В и С. Первая из них, фаза А, характеризовалась появлением отдельных патриотически настроенных интеллектуалов, приступивших к исследованию вопросов языка, истории, культуры и быта определенной, зачастую недоминирующей, этнической группы. Как правило, деятельность этих активистов была аполитичной, носила сугубо академический характер и не была направлена на нациестроительство. Только позже, в фазе В, проходил своего рода бродильный процесс национального самосознания. Его катализатором служило новое поколение активистов, приступившее к патриотической агитации с целью пробуждения национального самосознания в широких слоях населения. Если раньше научные изыскания ученых-патриотов дискутировались в узких академических кругах, то в фазе В они приобретали более широкое звучание и затрагивали также общественно-политическую тематику. Если внедрение этнического самосознания вело в мобилизацию в национальное сообщество, в котором подавляющая часть населения придает особое значение своей этничности, то тогда и происходил переход в финальную фазу С, в которой уже существует массовое национальное движение с четкими политическими, культурными и социальными целями.

В целом А–В–С-модель охватывает сущность эволюции европейских национальных движений, но вместе с тем каждое из них имело много специфических черт. По сравнению с Центральной и Западной Европой, этническое пробуждение народов Российской империи было запоздалым. Одна из главных причин этого состояла в том, что политическая сфера в России была блокирована самодержавием. В пределах же самой империи наблюдалась картина, согласно которой диффузия идей этничности обычно двигалась с запада на восток.

В этой статье ставится задача фиксировать некоторые характерные для финно-угорских групп особенности в их прохождении по фазам модели Гроха, а также общая оценка приемлемости предложенной периодизации к ним⁷. Рассматриваются эти вопросы на примере финнов, эстонцев, коми и марийцев. Таким образом, несмотря на общее типологическое сходство, принадлежность всех упомянутых групп к категории «молодые крестьянские народы», сравнению подвергаются две пары, которые достаточно отчетливо отличаются друг от друга. Если к Первой мировой войне уже существовали финская и эстонская нации, то у таких едва затронутых модернизацией жителей внутренней периферии империи, как коми и марийцы, этническое пробуждение только предприняло свои первые шаги.

По многим причинам для термина «национализм» характерна двуликость и с ним часто связан мощный эмоциональный заряд. В этой статье автор пытается подойти к этому термину с нейтральных позиций и использовать его без предварительных плюсов и минусов.

Западное пограничье: финны и эстонцы

Во второй половине XVIII в. как в Финляндии, так и в регионе проживания эстонцев (Эстляндская и Лифляндская губернии) стали заметны проявления патриотизма, которые можно отнести к академической фазе национальных движений. В этом духе под руководством Х. Г. Портана в Туркуском университете велись исследования по истории Финляндии, финскому языку и фольклору. В Лифляндской и Эстляндской губерниях стараниями пасторов были заложены основы эстонского литературного языка. Значимым стимулом в развитии языка было открытие в Тартуском университете должности преподавателя эстонского (1803). Аналогично тому, как феннофилы во главе с Портаном были шведоязычными литератами, стандартизация эстонского языка проходила благодаря немецким или онемеченным интеллектуалам. Представители этих же прослоек были инициаторами многих изданий и основателями первых образовательно-культурных объединений, таких как Финское литературное общество (1831) и Эстонское научное общество (1838). В эти же времена вышло в свет первое издание национального эпоса «Калевала» (1835), игравшего важную роль в развитии национального самосознания финнов. Познанию себя и своих корней способствовали также сведения о деятельности таких ученых первой половины XIX в. как А. И. Шёгрен и М. А. Кастрен, имевшие возможности посредством Петербургской Академии проводить исследования в группах носителей восточных финно-угорских языков. Очевидно, что в какой-то степени благосклонное отношение российских властей к фенноманским стремлениям объясняется политическим расчетом: в целях ослабления шведского влияния на вновь завоеванной земле власти были готовы пойти на уступки и принять во внимание национально-культурные чаяния финнов⁸.

Благодаря стараниям лютеранской церкви, в первые десятилетия XIX в. явное большинство населения на обеих сторонах Финского залива уже владело навыками чтения. Но если крестьянские массы освоили грамоту на народном языке, то языком общения образованных людей в Финляндии еще долго оставался шведский, а на территориях проживания эстонцев – немецкий. Помимо таких аналогичных черт наблюдаются также расхождения. Одно из самых существенных было положение крестьянства: в Финляндии крепостного права не знали, а большинство эстонцев находилось в зависимости от помещиков⁹. Препятствия национальному развитию эстонцев создало и то, что они были разделены между двумя губерниями – в то время как финны имели государственную единицу с четко обозначенными границами и, следовательно, их национальная мобилизация могла опираться на строящиеся традиции собственной политической истории.

Сама степень автономии была очевидной отличительной чертой. Для развития Финляндии глубокие последствия имело ее присоединение в 1809 г. к России в качестве Великого княжества. Хотя Александр I явно поторопился, заявив преждевременно, что финский народ возведен в разряд нации, национальное пробуждение финнов получило мощный импульс от тех административно-государственных структур, которые были созданы в период автономии. Благодаря специфическому статусу немецко-балтийской знати, Эстляндская и Лифляндская губернии отличались в управленческом отношении от общеимперской практики, но по сравнению с ними финляндская автономия была совсем иного порядка.

Перелом, когда старания ученых-патриотов начали получать более широкое общественное звучание, пришелся в Финляндии на конец 1840-х – начало 1850-х гг. Следовательно, национальное движение финнов вступило в фазу В. У эстонцев этот переход датируется 1860-ми гг.¹⁰

В финской среде центральной фигурой волны патриотической агитации был философ Й. В. Снельман, создавший радикальную программу, направленную на образование, достижение языкового равноправия и практическую реализацию конституционных прав Великого княжества. С точки зрения реализации планов фенноманов период правления Александра II оказался благоприятным. Языковая их платформа, которая была заодно и социальной программой, продвинулась: финский язык был признан равноправным официальным языком наряду со шведским. Реформами тех же 1860-х гг. были восстановление работы Сейма, преобразование народных школ, переход на свою денежную систему и др. В то же время, в основном благодаря влиянию прессы, в широких слоях населения возрос интерес к политической жизни и можно уже говорить о формировании общественного мнения масс¹¹. Реформистская атмосфера начала царствования Александра II способствовала также пробуждению эстонцев, но развитие событий носило здесь более четкую культурную направленность. Так, Ф. Р. Крейцвальд довел до конца издание эпоса «Калевипоэг», а Й. В. Яннсен основал газету «Перно Постимес», с которой начался поступательный рост эстоноязычной периодики. Началось движение за создание средних школ с преподаванием на эстонском языке. Особенным мобилизирующим фактором стали эстонские песенные фестивали, и бурно возросло количество разных местных культурных объединений¹².

В фазе В финского национального движения были весомо представлены чиновничество, студенчество и священнослужители. С учетом преобладания в населении сельских жителей, доля городских активистов была повышенной. Стержнем эстонского движения были сельские учителя¹³.

Как финны так и эстонцы оставались преимущественно крестьянскими народами, но в силу урбанизации, индустриализации и образовательного роста социальная структура обеих к концу XIX в. все же заметно изменилась. Реализовалась также одна из основных целей нацистроителей – сформировалась верхняя общественная прослойка, связанная в культурном отношении с большинством населения. Вследствие радикализации части активистов оба движения пережили и внутренний раскол. Не всех удовлетворил упор фенноманов на аграрно-религиозную идеологию; выдвигались требования ужесточить языковую политику и начали выходить политические водоразделы. Попытку политизировать эстонское национальное движение предпринял К. Р. Якобсон совершая в газете «Сакала» полемические нападки на привилегии балтийских немцев¹⁴.

В конце XIX в. рост как русского, так и миноритарного, национализма превратил политически пассивную полиэтническую империю в активное скопление народов. Из российских меньшинств финны были в числе первых, проявляющих политическую мобилизацию. Тем самым и их национальное движение приобрело массовый характер и вступило в фазу С. Эта трансформация произошла в 1880-е гг. У эстонцев этот прорыв произошел немного позже, но к началу XX в. и они имели все предпосылки довести строительство нации до завершения.

У обеих групп одним из основных катализаторов роста амбиции были действия имперской власти. В середине 1880-х гг. в Эстляндской и Лифляндской губерниях началась кампания культурной русификации, распространившаяся в сферы образования и религии. Однако эта политика, проведенная непоследовательно, не дала желанных результатов. Наоборот, она укрепила эстонскую идентичность интеллигенции и в то же время ослабила влияние немецкоязычной элиты. К рубежу столетий эстонский язык стал в кругах интеллектуалов обычным средством общения¹⁵. В Финляндии русификаторская политика носила скорее административный, нежели культурный характер. В имперских ультранационалистических кругах бытовало мнение, что особый статус, пожалованный Великому княжеству, должен подлежать пересмотру. Во время правления Николая II покушения на конституционный порядок стали систематической политикой, кульминаровавшей в манифесте 1899 г., в котором монарх утвердил себе право издавать законы без согласования с Сеймом. Мани-

фест привел к мощной мобилизации масс¹⁶. Угроза, ощущенная извне, способствовала сглаживанию языковых противоречий внутри страны: объединенные акции протеста приблизили финно- и шведоязычные лагеря друг к другу.

Таким образом, и для финнов и для эстонцев переход в новое столетие ознаменовался пронизывающей политизацией общественной жизни. В связи с шатанием царской власти в период Первой русской революции, укрепило свои позиции также социал-демократическое движение, и лояльность масс к монархии продолжала сваливаться. К этому же времени существовали уже развитая финская и эстонская профессиональные культуры, сформировались новая интеллигенция и средний класс, состоящие во многом из людей с крестьянскими корнями. А крестьяне, посредством школы и печати, постепенно интегрировались в национальное сообщество. Состоялись финская и эстонская политические нации. Еще до Первой мировой войны финны ставили себе целью достижение полной независимости.

Внутренняя периферия: коми и марийцы

Благодаря экспедициям И. И. Георги, И. И. Лепехина, Г. Ф. Миллера, Д. Г. Мессершмидта и др. к началу XIX в. накопился ряд описаний о коми и марийцах и о их языках. В свет вышли не только списки слов и образцы речи, но и первые грамматики марийского (1775) и коми (1813) языков. Пребывание А. И. Шёгрена в 1827 г. в Яренском и Усть-Сысольском уездах положило начало некоему прологу к академической фазе коми национального движения. Помимо освоения коми-зырянского языка и сбора материалов для последующих публикаций, ученый заботился и о том, чтобы собрать небольшую группу местных «зырянофилов», с которыми он годами поддерживал контакт и помогал в составлении коми словаря. Особый интерес для Шёгрена представляла созданная в XIV в. апостолом коми Стефаном Пермским азбука, благодаря которой коми язык относится к старописьменным (стефановская письменность употреблялась до XVII в.). Из вопросов предистории его увлекали мифы о Биармии и древние обыватели севера Восточно-Европейской равнины, чуди. На основе наблюдений современной ситуации Шёгрэн пришел к выводу, что двуязычие имело уже широкое распространение среди коми мужчин, к тому же он заметил, что в зоне языковой границы с русскими многие коми пытались скрыть свое истинное происхождение¹⁷. Однако в отличие от многих других меньшинств внутренних частей империи, у коми социальное продвижение не вело обязательно к обрусению. Так, в тех коми крестьянских семьях, которые перешли в купеческое сословие, коми язык своих позиций обычно не утрачивал¹⁸. Значение, по-видимому, имело то, что численно в Коми крае сильно преобладало коми население.

Большинство из опубликованных в первой половине XIX в. коми и марийских текстов были религиозными. Особенно это касалось литературы для марийцев, поскольку их конфессиональная ситуация отличалась своей сложностью. В качестве средства, с помощью которого хотели предотвратить отход от православия и нейтрализовать влияние ислама, церковные власти предприняли усилия к увеличению выпуска марийской духовной литературы¹⁹. Одна из особенностей пополнения материалов о коми в печати состояла в том, что некоторые ученые, оказавшиеся в ссылке в Коми крае, увлеклись краеведческими занятиями.

К 1850–1860-м гг. появилось несколько выходцев-просветителей из коми и марийцев, проявляющих этнорегиональный патриотизм. Свое образование они, чаще всего, получили в духовных училищах и семинариях. К таким деятелям относились, например, у коми И. А. Куратов и Г. С. Лыткин, у марийцев – С. А. Нурминский и Т. Удюминский. С их именами связано начало фазы А у коми и марийцев.

Для пробуждения марийцев огромное значение имело то, что они входили в сферу влияния системы «инородческого» христианского образования, разработанной под руководством Н. И. Ильминского с целью устранения той половинчатости, с которой, как считалось, православие было воспринято нерусскими народами Поволжья. По мнению инициатора системы, только родной язык может повернуть формально обращенные народы к истинному православию. Поэтому начальные классы «инородческих» школ должны работать на родном языке детей. Однако несмотря на эту уступку, конечная цель системы была ассимиляторская. По словам Ильминского: «Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, – он уже обрусел»²⁰.

Внедрение данной системы требовало большой работы по нормированию алфавитов, переводам, выпуску литературы и подготовке учительских кадров. Открытая в 1872 г. Казанская «инородческая» учительская семинария стала одной из основных структур, призванных способствовать решению названных задач. Хотя система Ильминского преследовала цель сближения «инородцев» к русским, и, в конечном счете, их русификацию, ее результаты были противоречивыми. Так, для молодых людей открылась не только возможность продвигаться по социальной лестнице, получить педагогическое образование, но заодно также глубже познавать свои миноритарные этнокультурные корни. Более того, началось формирование поколения нерусских интеллигентов-патриотов, которые не были изолированными индивидами, а образовывали небольшие группы и, в то же время, благодаря своему крестьянскому происхождению и деятельности в качестве сельских учителей и церковнослужителей, сохранили тесную связь с широкими слоями народа²¹. К началу XX в. эти довольно-таки неожиданные последствия просвещенческого эксперимента стали вызывать протесты в шовинистически настроенных кругах. Влиятельная казанская фигура, протоирей Е. А. Малов, первоначально стоявшая у истоков системы Ильминского, сетовал, что она дала результаты, которые были противоположны на-

мерениям. По мнению Малова «стала укореняться у инородцев мысль, что русские учителя для них не нужные, что они сами будут учителями, священниками и псаломщиками»; более того, он обвинял нерусских и в том, что те «не заботятся особенно об усиленном преподавании в школах русского языка, не говорят ученикам, чтобы они старались подражать русским в одежде, в житейских порядках»²².

Хотя некоторые из коми деятелей фазы А со всей очевидностью и поддерживали контакт с группой Ильминского, его система не распространилась на территории проживания коми. Основным очагом просвещения первых коми интеллектуалов-патриотов служила Вологодская духовная семинария.

В середине XIX в. исследования по коми языку заметно продвинулись, вышли в свет не только труды М. А. Кастрена и Ф. И. Видемана, но и пособия по языку, образцы фольклора и переводы, составленные местными авторами. К тому же был доведен до конца инициированный А. И. Шёгреном проект по сбору словаря²³. Состоялся также дебют коми художественной литературы. В 1855 г. студент Г. С. Лыткин издал в С.-Петербурге отдельными листами два небольших стихотворения, а в 1866 г. И. А. Куратову удалось опубликовать стихи в Вологодской газете. Тогда эти события остались для рядовых коми незамеченными. Но они показывают, что в поколении молодых образованных людей были патриоты, желающие обратить внимание публики на коми язык, на его востребованность. При царской власти лишь малая часть поэтических произведений этих авторов могла выйти в свет. Но важно заметить, что так или иначе призыв «Проснись коми!» был одним из их лейтмотивов²⁴. Из этих двух деятелей Лыткин проявил себя больше ученым, чем поэтом. Он написал основополагающее исследование «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» (1889). На основе этого труда создается впечатление, что для Лыткина эра Стефана Пермского служила «золотым веком» коми и роль Стефана он видел в культурном смысле героической. Куратов же проявлял интерес к главному оппоненту Стефана, предводителю язычников, Паму. Разумеется, единых основ коми письменности еще не существовало, но заслуживает внимания, например, стремление Лыткина к пуризму, к исключению из языка излишних заимствований²⁵.

Беря в расчет все виды литературы, к 1917 г. на коми языке было опубликовано немногими более 50 книг и брошюр. Соответствующая цифра для литературы на марийском языке составляла около 200. С учетом того, что грамотность была у коми распространена шире, чем у марийцев, разница в выпущенной печатной продукции удивляет²⁶. К тому же сеть школ в Коми крае, во многом благодаря деятельности земств, была довольно разветвленной. Одно очевидное объяснение большой разницы в том, что коми выпали из поля влияния переводческо-издательской деятельности миссионерской системы Ильминского. Возможно тоже, что коми считались более обрусевшими и образованными, чем марийцы, а поэтому и не столь нуждающимся в изданиях на родном языке.

Центром марийской интеллектуальной жизни был многонациональный город Казань. Если межэтнические связи коми просветителей в основном ограничивались контактами с русскими, то у марийской интеллигенции этот репертуар был шире. Очевидно, что здесь значение имело знакомство с татарскими просветителями и их идеями. Знакомству с ними способствовало то, что многие марийцы владели татарским языком. Таким был, например, уроженец Уфимской губернии П. П. Глезденев, приехавший в 1902 г. в Казань и затем преподававший в школе при Казанской учительской семинарии. Шатание политического режима в период Первой русской революции актуализировало среди марийской интеллигенции обсуждение идей, как она могла бы способствовать духовному пробуждению своего народа. В этих дискуссиях притягательной фигурой для семинаристов-марийцев был Глезденев. Согласно воспоминаниям одного из казанских марийцев, в конце 1905 г. состоялась одна из полутайных встреч, при которой Глезденев говорил следующее: «Теперь побольше свободы стало. Вышел Манифест. Все малые народы стали пробуждаться. Чуваши газету выпускают. Татары о «федерации» ведут разговоры. Марийцам от них не следует отставать и отделяться. Нужно начать пробуждать марийцев. Вы учитесь в семинарии. Вам сейчас же необходимо подготовиться для оказания помощи своему народу. Если мы сами себе не поможем, никто продвигать вперед марийский народ не будет»²⁷.

О тех же временах писатель С. Г. Чавайн вспоминал: «Революция 1905 года подняла у марийской интеллигенции национальное самосознание. Если многие до сих пор стыдились, что они марийцы, то теперь заговорили о марийской литературе, книге, газете»²⁸. Именно в тот период и сам Чавайн написал патриотическое стихотворение «Ото» (Роща), считавшееся первым произведением марийской художественной литературы. Наиболее конкретным последствием совещаний казанских марийцев был выход в 1907 г. в свет Марийского календаря – первого периодического издания (ежегодника) на марийском языке.

Распространение «независимого» марийского издания вызывало возмущение в ультранационалистических русских кругах. Так, изучив содержание Календаря, Е. А. Малов упрекал марийцев в неблагодарности к России и попытался изыскать возможности к его изъятию из обращения. Особенное негодование у него вызвала информация, на основе которой он мог предполагать, что среди главных авторов Календаря был миссионер П. П. Глезденев²⁹.

Публицистика первых выпусков Календаря содержала умеренную критику самодержавия. Кроме того, повторяющимся в них лозунгом был: «Марийцы, читайте книги, проснитесь, немедленно просветите себя!» Поскольку Календари распространились и в деревнях, в которых грамотные марийцы часто читали их вслух своим соплеменникам, широкие слои народа стали в какой-то степени осведомленными о стремлениях марийских просветителей. Календари, таким образом, играли определенную общественную роль. Но их влияние

распространилось и в другие сферы: в годы издания Календарей (1907–1913) языковое строительство стал уже настолько продвинутом, что это дает право говорить о сложившемся литературном языке³⁰.

Подобного Марийскому календарю издания у коми не появилось, хотя, например, такой коми деятель начала XX в. как К. Ф. Жаков много говорил о языке как о душе народа и зеркале его истории. Тот же Жаков в 1909 г. выдвинул и идею о комиязычной еженедельной газете³¹. Но в дореволюционное время эта мысль осталась нереализованной. Ярким примером национально-патриотических настроений Жакова служит его поэма «Биармия», которую он написал в годы Первой мировой войны под очевидным влиянием «Калевалы», а возможно и некоторых других эпосов. Хотя речь идет не о хронике, претендующей на отражение реальных событий, литературный эпос Жакова является определенной попыткой воссоздать образ «золотого века» коми. Действие поэмы происходит в XII в., который по представлению ее автора входил в период расцвета легендарной Биармии, страны гармоничной и благодатной³². Произведение Жакова представляет собой классический пример попытки создания мифа о великом, но утерянном, прошлом.

Исследования по коми и Коми краю развивались в начале XX в. силами таких молодых ученых как упомянутый Жаков, П. М. Сорокин, В. П. Налымов и др. Если многосторонние интересы Жакова распространились на проблемы этнографии, фольклора, истории и языка, то труды Сорокина были более сосредоточены на социологической и этнографической тематике, а Налымова – на этнографию и географию. С расширением возможностей на политическую деятельность Жаков и Сорокин проявили также интерес к участию в общественной партийной жизни³³.

Несмотря на некоторую активность на этническом поприще, до свержения монархии национальные движения коми и марийцев не состоялись. Социально-экономические отношения, особенно в периферийных регионах империи, мало способствовали их становлению. Предпосылки модернизации общества либо отсутствовали, либо были слабо развиты. К тому же политических свобод не было, империя до 1905 г. управлялась без конституции. Хотя затем и наблюдались некоторые признаки диффузии этнического пробуждения и также политизации активистов-патриотов, консолидация обоих народов до 1917 г. оставалась в рамках, соответствующих фазе А – периоду, определяемому академическим интересом. Такое типологическое сходство, однако, никак не означало, что предпосылки формирования самосознания и национальных движений были у коми и марийцев идентичными.

Очевидно, что в качестве мобилизующего фактора религия продолжала играть у марийцев более значимую роль, чем у коми. Обращение последних в христианство произошло веками раньше, чем марийцев. Поэтому и дохристианские верования не сохранились у коми в такой степени, как у марийцев, большая часть которых вплоть до конца эпоха царизма оставалась либо язычниками, либо двоеверцами. То, что религиозное своеобразие формировало важную часть самосознания марийцев, отражалась, например, в их изречении «Нашу веру кончать – нас кончать»³⁴.

По образовательному уровню коми были впереди марийцев – во всяком случае что касается грамотности. Кроме того можно предположить, что ввиду специфики школьной системы грамотность в русском языке была у коми более продвинута, чем у марийцев. Это, в свою очередь, создавало условия для обрусения. С другой стороны ареал проживания коми был этнически менее смешанным, чем Марийский край; даже в торговом центре Коми края, в городе Усть-Сысольске, подавляющей группой населения были коми. Довольно однородная в этническом отношении окружающая среда был фактором, тормозящим ассимиляцию. Этот фактор, по-видимому, играл некоторую роль и в том, что социальное продвижение у коми не вело обязательно к смене этнических ориентиров.

Однако влияние типа расселения на этнические процессы все-таки неоднозначно. Полиэтничность ареала проживания может дать и стимулы национальному самосознанию. В этнокультурном отношении в пестром Среднем Поволжье пробуждающиеся марийцы нередко перенимали от своих соседей модели организации собственных культурно-просветительских устремлений. К тому же близость крупного многонационального центра, города Казани, была ощутимым мобилизующим фактором.

В сфере стандартизации языков и их использования в печати имеются также различия. Коми язык – старописьменный, но его письменная традиция не является непрерывной. На самом деле строго нормированный коми литературный язык существует только с начала советского периода. Марийский литературный язык сложился несколько раньше, во многом благодаря действиям системы христианского просвещения Ильминского. Марийский язык также прочнее коми языка внедрялся в печатных изданиях. Помимо религиозных книг и пособий по языку на нем в некоторой степени опубликовалась и светская литература, а временами существовали также периодические издания.

Довольно четкое отличие между действиями коми и марийской интеллигенций наблюдается в том, что представители первой раньше и целенаправленнее второй занялись разработкой версий национальной истории. Так, например, дохристианский предводитель Пам, Биармия и Стефан Пермский были сюжетами, разбором и переосмыслением которых такие деятели как Куратов, Лыткин и Жаков пытались доказать величие древних коми и отвергнуть представления о «безысторичности» коми народа.

Если не полностью, то, во всяком случае по большей части, этнополитическая деятельность до свержения монархии была в подполье. Шансами, которые открылись с Февральской революции, пользовались акти-

висты многих национальных движений, в том числе и коми и марийского. В результате начатой ими патриотической агитации и общего подъема политического национализма, консолидация коми и марийцев быстро переступила из фазы А в фазу В. Представляется, однако, что марийцы были более подготовлены к самоорганизации, чем коми. Об этом говорит, в частности, появление за несколько месяцев большого количества отделений организации «Марий ушем» (Союз марийцев), учреждение газеты «Ўжара» (Заря) и проведение летом 1917 г. Первого Всероссийского Съезда Мари. Имеющиеся данные о составе делегатов Второго Всероссийского Съезда Мари (1918) свидетельствуют о социальной неоднородности участников национального движения: 43% из делегатов были крестьянами, 33% – учителями³⁵.

У коми подобного организационного наплыва не наблюдалось. Весной 1917 г. была создана «Партия обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда», но национального вопроса ее члены в повестку дня не ставили и газета, которую она короткое время выпускала, была, по-видимому, русскоязычной. Так же и другие общественные организации в течении 1917 г. практически обошли вниманием этническую тематику. За пределами Коми края носителями национальной идеи стали революционные солдаты, в частности, коми, служившие в Петроградском гарнизоне. В конце 1917 г. из солдатской среды поступил первый публичный призыв создать коми-зырянскую республику. Со следующего года мысль об автономии активно обсуждалась коми общественными деятелями и возникла организация «Коми автономист чукӧр» (Группа коми автономистов)³⁶. Создается впечатление, что у коми в большей степени, чем у марийцев внимание активных деятелей было с самого начала советского периода направлено на образование автономной коми территориальной единицы. Причем, их замыслы, касающиеся автономных прав создаваемого национально-государственного образования, были амбициозными. Речь шла даже о полунезависимой буферной республике на севере России.

Вместо заключения

За сорок с лишним лет модель Гроха нашла такое широкое применение, что со ссылкой на ту или иную ее фазу можно коротко и удобно прояснить, о каком именно явлении национальной сферы идет речь. Одно бесспорное достоинство этой модели и состоит в том, что ее фазы формируют набор терминов, с помощью которых исследователь может быстро объяснить свои идеи даже тем коллегам, подход которых очень далек от его собственного. О популярности модели говорит то, что географически и по временному измерению ее использование вышло далеко за те рамки, для которых она была первоначально сконструирована.

Грох создал свою модель с марксистских позиций и связывал строительство нации с преобразованием общества из феодального/доиндустриального в капиталистическое, а также с совершенствованием классовой структуры, сопровождающим эту трансформацию. Однако эта стыковка, точнее попытка выделить подтипы национальных движений в зависимости от того, с какой именно из трех фаз совпадала «полная победа капиталистических отношений», создает «узкое место» в книге Гроха. Хотя и кажется, что он позже несколько дистанцировался от абсолютизации роли общественных формаций, стержневым фактором в его модели в любом случае остается социальная структура³⁷. На самом деле вместо смены общественной формации можно было бы говорить о модернизации общества.

Больше всего критики, пожалуй, вызвало то, что А–В–С-модель фокусирует внимание преимущественно на развитии социально-экономических отношений, в то время как роль политических и идеологических факторов получает в ней относительно мало освещения. С этим, возможно, связано и то, что национальную доктрину патриотов-активистов Грох рассматривает несколько поверхностно. Ему она представляется довольно однородной и единой, что может вести к недооценке возможностей идеологических разногласий в национальных движениях.

Несмотря на то, что сам автор А–В–С-модели придерживался в основном в пределах XIX в. и не включил в свой анализ группы и территории, которые не прошли «буржуазную революцию», его модель нашла применение и к случаям, в которых общественная модернизация практически отсутствовала. Не представляется слишком смелым утверждение, что за исключением двух столиц и, возможно, некоторых анклавов, в Российской империи/СССР до 1930-х гг. модернизация находилась еще на заре своего развития. Это, однако, не стало препятствием к использованию модели Гроха в исследованиях, касающихся развития российских народов. Она применялась даже к раннему советскому периоду, когда, вопреки тому, из чего исходил Грох, стремления государства и национальных движений в основном совпадали, т.е. государство пыталось создать условия, благоприятствующие строительству нации. Так, для того, чтобы рассматривать нациестроительство в рамках некапиталистического государства, в Советском Союзе 1920–1930-х гг., Терри Мартин предлагал модификацию к А–В–С-модели. Чтобы перепрыгнуть в социализм, он добавил фазу D, связанную с национальным развитием в условиях социалистической системы, идущим не в оппозиции к государству, а под его покровительством³⁸.

Высшее большевистское руководство обратило пристальное внимание на вопросы национальности. К тому же крах Габсбургской империи был событием, которое еще раз, причем очень наглядно, напомнило об их весомости. В период начала Первой мировой войны В. И. Ленин и И. В. Сталин, вероятно, еще полагали, что в рамках Российской империи масштабные националистические выступления будут в общем ограничи-

ваться Польшей и Финляндией. Однако к 1917 г. многочисленные движения и брожение на разных территориях свидетельствовали о мобилизующей силе национальности. Конфронтация с национализмом заставляла большевиков переосмыслить свою национальную политику. Как считал Ленин, в трудовых массах нерусских народов бытовало такое недоверие к русским, что преодолеть его можно было только с помощью предоставления права на самоопределение. Но вместе с тем большевистская стратегия стремилась к разоружению национализма. Поэтому уступки перед ним должны были ограничиваться внешними формами государственности. Однако в то же время рост национального самосознания рассматривался неизбежным историческим явлением и лидеры большевиков признали, что национальности будут долго существовать и при социализме. На самом деле формирование нации было признано неминуемой и положительной стадией в процессе модернизации Советского Союза. Ленин также заявил, что нерусский национализм был в основном реакцией на царское угнетение, поэтому он, по сути, демократичен, носит оборонительный характер и заслуживает поддержки.

Таким образом, большевики начали поддержку тех форм государственности, которые не должны были вступать в противоречие с унитарно-централизованным советским государством. Таких национальных форм было четыре: территория, язык, элита и культура. Эта политика распространилась не только на крупные народы, но и на малочисленные миноритарные группы, потому что советская власть считала их ассимиляцию нежелательной. Результатом была громадная пирамида, состоящая из тысяч национальных территориальных единиц различного иерархического уровня. С этим советское государство на самом деле взяло на себя шефство над всеми тремя фазами, выделенными в модели Гроха. Более того, как утверждает Мартин, оно начало еще дополнительную фазу D, с целью языкового строительства и создания новой руководящей элиты, чтобы направить национальные движения на советский интернациональный национализм, т.е. на феномен с определенными формами, но без национального содержания.

На протяжении 10–15 лет эта политика, коренизация, была руководящим фактором в этническом развитии российских миноритарных групп. Благодаря этой покровительственной политике наблюдался большой подъем этнических культур. Нет сомнения в том, что этот период был важнейшим этапом этнонационального формирования также для коми и марийцев. Коренизация служила катализатором того этнокультурного развития, семена которого были посеяны в предыдущие десятилетия.

Мобилизующим началом в пробуждении всех четырех рассматриваемых здесь народов служил язык, стремления к его развитию и укреплению его позиций в обществе. Также во всех случаях развитие национальных движений было в тесной зависимости от политического развития в большом обществе. Поэтому периоды наибольшей этнической активности, как правило, совпадали с периодами шатания центральной власти. В целом прослеживалось развитие этнического пробуждения и национальных движений, соответствующее модели Гроха – хотя коми и марийцы и не прошли по всем ее фазам. Что касается фазы A, то ее общее содержание было у всех одинаковое. По времени финны и эстонцы продвигались по фазам модели почти синхронно, несмотря на то, что внешние административно-политические рамки для деятельности их национальных движений существенно отличались. Что же касается фазы A у коми и марийцев, то несмотря на существенные отличия между ними, их пребывание в данной фазе было по своим временным границам фактически одинаковое. Как можно было заранее полагать, по предпосылкам развития этнонациональных движений коми, марийцы, финны и эстонцы формируют две четко отличающиеся друг от друга пары. Но это обусловлено не только различиями во внешних условиях. Не менее важную роль в этой раздвоенности играли внутриэтнические факторы.

Безусловно, важными предпосылками для распространения идеологии национализма были рост территориальной мобильности населения и социально-экономическое развитие. Люди, живущие в разрозненных местных общинах, смогли осознать себя принадлежащими к более широкой этнической общности. Однако модернизация не представляет достаточной предпосылкой для становления всеобъемлющего национального самосознания. Хотя нация и есть феномен только XIX–XX вв., ее корни все же идут в глубокое прошлое. Независимо от того, основываются ли представления о прошлом на реальных фактах или на сконструированных мифах, они являются важнейшим связующим звеном внутри образующейся национальной общности. Это в полной мере касается и финно-угорских народов.

Примечания

¹ <http://ekaterina2.com/tvorchestvo/pismo/pismo_00.php>.

² А. де Кюстин. Николаевская Россия. Смоленск: Русич, 2003. С. 141.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Книга II. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. С. 648; В. О. Ключевский. Сочинения. Том I. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. С. 65; V. Tolz. Russia. London: Arnold, 2001. С. 160–162, 170–172.

⁴ A. Kappeler. Russland als Vielvölkerreich. München: Beck, 1992. С. 178–179.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ M. Hroch. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegungen bei den kleinen Völkern Europas. Prag, 1968; англоязычная версия книги Гроха носит заглавие: Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

- ⁷ Венгры выпадают из этой статьи по двум причинам: они входили в состав не Российской, а Австрийской империи, к тому же они скорее представляли «старый» народ.
- ⁸ *T. Raun. Estonia and the Estonians. Second edition. Stanford: Hoover Institution Press, 2001. P. 53–56; С. Лаллукка. Санкт-Петербург и ‘академическая фаза’ финского национального движения // Проблемы новейшей истории народов России. Саранск: Мордовский госуниверситет, 2007. С. 87–89.*
- ⁹ *A. Kappeler. Russland als Vielvölkerreich. С. 184; T. Raun. Estonia and the Estonians. Second edition. С. 45–49, 54–56.*
- ¹⁰ *M. Hroch. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegungen bei den kleinen Völkern Europas. С. 62–63; E. Jansen. Die estnische Nationalbewegung: sozio-ökonomische Bedingungen und sozio-kulturelle Charakteristika // ENSVTA Toimetised 41 (1992) № 4. С. 263–265.*
- ¹¹ *L. Puntila. Suomen poliittinen historia 1809–1955. Toinen painos. Helsinki: Otava, 1963. С. 42–57.*
- ¹² *E. Jansen. Die estnische... С. 269–270; T. Raun. Estonia and the Estonians. Second edition. С. 55–57, 74–76.*
- ¹³ *M. Hroch. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegungen bei den kleinen Völkern Europas. С. 72, 82.*
- ¹⁴ *R. Alapuro, H. Stenius. Kansanliikkeet loivat kansakunnan // Kansa liikkeessä. Helsinki: Kirjayhymä, 1989. С. 14–17; E. Jansen. Die estnische... С. 270.*
- ¹⁵ *T. Raun. Estonia and the Estonians. Second edition. С. 66–67, 77–80.*
- ¹⁶ *L. Puntila. Suomen poliittinen historia 1809–1955. Toinen painos. С. 65–71.*
- ¹⁷ *И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин. Коми край. Очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. С. 196–198; M. Leinonen. Perceptions of Identity Among Speakers of Finno-Ugric Languages in Russia as Recorded by Finnish Scholars, 1816–1860 // Defining Self. Essays on Emergent Identities in Russia Seventeenth to Nineteenth Centuries. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009. С. 465–481.*
- ¹⁸ *I. Jääts. Etnilised Protsessid Vene imperiumi siseperifeerias 1801–1904. Komi Rahvuluse sünd. Tartu: Tartu University Press, 2005. С. 308.*
- ¹⁹ *И. Г. Иванов. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. С. 20–23; S. Lallukka, N. Popov. Testing the Limits of the Permissible. Mari Ethno-religious Ferment and Russian Authority, 1820s–1840s // Defining Self. Essays on Emergent Identities in Russia Seventeenth to Nineteenth Centuries. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009. С. 324–325.*
- ²⁰ Н. И. Ильминский. Из неизданных писем Н. И. Ильминского к графу Д. А. Толстому // Сотрудник Братства Гурия. 1911. № 15–16. С. 244.
- ²¹ *S. Lallukka. From Fugitive Peasants to Diaspora. The Eastern Mari in Tsarist and Federal Russia. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2003. С. 144–147.*
- ²² Б-ка Казанского гос. ун-та, Отдел рукописей и редких книг, ф. 7, ед. хр. 8, л. 251об.–252; ф. 7 ед. хр. 18, л. 158об. (Миссионерские заметки протоиерея Е. А. Малова).
- ²³ *I. Jääts. Etnilised Protsessid... С. 183–188.*
- ²⁴ *A. Turkin. I. A. Kuratovin elämä ja toiminta // Komin kansan ensimmäinen runoilija. 150 vuotta I. A. Kuratovin syntymästä (Castrenianumin toimitteita 36). Helsinki, 1990. С. 15; I. Jääts. The Birth of Komi Nationalism. Prelude, 1800–1850s // Defining Self. Essays on Emergent Identities in Russia Seventeenth to Nineteenth Centuries. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009. С. 534–535.*
- ²⁵ *Я. Н. Безносилов. Рассвет над Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. С. 19; И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин. Коми край. С. 201; I. Jääts. Etnilised Protsessid... С. 197–217, 225–237.*
- ²⁶ *С. Лаллукка. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 68, 189. В 1897 г. из коми в возрасте 10 лет и более грамотными были 17,9%. У марийцев эта цифра была 8,9%.*
- ²⁷ *В. Сави. Ерык муро. Йошкар-Ола: Кн. лукшо марий изд-во, 1978. С. 81–82.*
- ²⁸ *С. Чавайн. Ойпого. Йошкар-Ола: Кн. лукшо марий изд-во, 1957. С. 5.*
- ²⁹ Б-ка Казанского гос. ун-та, Отдел рукописей и редких книг ф. 7, ед. хр. 12, л. 28–29 (Миссионерские заметки протоиерея Е. А. Малова).
- ³⁰ *И. Г. Иванов. История марийского литературного языка. С. 36–46; S. Lallukka. From Fugitive Peasants to Diaspora. С. 151–154.*
- ³¹ *И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин. Коми край. С. 201; В. И. Коробов, М. В. Таскалев. Первая коми газета // Известия Общества изучения Коми края. № 2/2007. С. 30.*
- ³² *А. Е. Ванев. Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар: Эском, 2001. С. 169–183.*
- ³³ *И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин. Коми край. С. 201–202; История Коми. Том второй. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. С. 42–45.*
- ³⁴ *Н. В. Никольский. К истории христианского просвещения черемис в XIX веке // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 29, вып. 1–3, 1915. С. 72.*
- ³⁵ *S. Lallukka. From Fugitive Peasants to Diaspora. С. 153–169.*
- ³⁶ *Ю. П. Шабает. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М.: ЦИМО, 1998. С. 26–27. История Коми. С. 188, 218; В. И. Коробов, М. В. Таскалев. Первая коми газета С. 30–31.*
- ³⁷ *M. Hroch. Social Preconditions of National Revival in Europe. С. 25–30; См., напр.: A. Maxwell. Typologies and Phases in Nationalism Studies: Hroch’s A–B–C schema as a Basis for Comparative Terminology // Nationalities Papers, vol. 38 (2010), № 6. С. 868–869; I. Appelby. Uninvited Guests in the Communal Apartment: Nation-Formation Processes among Unrecognized Soviet Nationalities // Nationalities Papers, vol. 38 (2010), № 6. С. 854–855.*
- ³⁸ *T. Martin. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca–London: Cornell University Press, 2001. С. 1–27.*

МАТВЕЕВ Александр Сафронович*д.э.н., профессор, Председатель Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, г. Москва***О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛАМ СЕВЕРА И МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ПО ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации представляют собой сохранившиеся до сегодняшнего дня древние сообщества охотников, рыболовов, собирателей и оленеводов. Традиционные виды хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов являются основой их традиционного образа жизни, важнейшим условием сохранения самобытной культуры и языка. В силу неразрывной духовной и физической связи коренных малочисленных народов со своими землями, территориями и природными ресурсами, их особой зависимости от благополучия исконной среды обитания Российская Федерация выделяет коренные малочисленные народы в отдельную социальную группу населения, нуждающуюся в особой государственной защите и государственной поддержке, и признает за ними особые права на земли и территории, приоритетный доступ к традиционным природным ресурсам.

Основы правового статуса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации составляют положения Конституции Российской Федерации (ст.ст. 9, 69, 72 п. «м»), Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2009 года № 132-р, Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255, а также Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 года № 536-р.

Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов в соответствии с основными направлениями своей деятельности осуществляет законодательное обеспечение жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации с учетом состояния и тенденций развития законодательства Российской Федерации, а также влияния на традиционный образ жизни и традиционное природопользование этих народов изменений, вносимых в законы природоресурсного блока.

Несмотря на принятие в последние годы трех специальных федеральных законов о правах коренных малочисленных народов, закрепления отдельных положений в Налоговом, Земельном, Лесном и Водном кодексах, отраслевых федеральных законах о рыболовстве, об охоте и ряде нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, которые создают определенную правовую основу для защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, для эффективного обеспечения прав этих народов этой правовой базы явно недостаточно. По мнению экспертов «правовое регулирование общественных отношений с участием данных народов все еще остается весьма фрагментарным; в законодательстве содержится значительное количество пробелов, а также коллизий правовых норм»¹. Профессор В. А. Кряжков оценивает современную ситуацию в развитии законодательства о коренных малочисленных народах как «правовую стагнацию и откат с прежних позиций»².

Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов отмечает, что изменения последних лет, вносимые в Лесной кодекс Российской Федерации, в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», другие федеральные законы, в частности Федеральный закон № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятый 26 июля 2009 года, не учитывают законные права и интересы коренных малочисленных народов, в том числе закрепленные в других федеральных законах. Данное положение является следствием тенденции развития законодательства Российской Федерации по выполнению установок на создание благоприятных правовых условий для развития рыночных отношений.

Принцип платности пользования земельными участками, лесными ресурсами, водными биологическими ресурсами, и другими природными ресурсами, распределение участков: земельных, лесных, рыбопромысловых и охотничьих угодий на основе конкурсов и аукционов на длительный срок, без каких-либо исключений, негативным образом отражается на правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Эти последствия усугубляются отсутствием механизма реализации Федерального закона от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Несмотря на поручение Президента Российской Федерации от 16 октября 2008 года № Пр-2191 (абзац 16), до сих пор не выработаны механизмы реализации названного Федерального закона.

В этих условиях обращения организаций и общин коренных малочисленных народов о защите их исконных земель и территорий путем образования территорий традиционного природопользования в соответст-

вии с указанным Федеральным законом остаются безответными, в то же время на вполне законных основаниях эти же земли и территории в виде рыбопромысловых участков и охотничьих угодий передаются другим юридическим и физическим лицам через конкурсы и аукционы, в том числе и под промышленное рыболовство, в долгосрочную аренду.

С учетом поступления в Совет Федерации и в другие федеральные органы государственной власти многочисленных жалоб и обращений от общин и организаций коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по вопросам нарушения их прав на традиционное природопользование, основное внимание Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов в последние годы было сосредоточено на следующих направлениях:

- внесение изменений в земельное законодательство в части безвозмездного пользования земельными участками лицами, относящимися к коренным малочисленным народам, и их общинами для целей традиционного природопользования;

- отражение в полной мере интересов коренных малочисленных народов путем внесения поправок к проекту федерального закона «Об охоте», а после принятия этого закона в июле 2009 года – путем разработки проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

- проведение анализа реализации Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» в части обеспечения приоритетного доступа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации к рыбопромысловым участкам и к водным биологическим ресурсам и подготовка предложений о внесении изменений в законодательство о рыболовстве;

- проработка вопроса о подготовке проекта федерального закона о государственной поддержке северного оленеводства;

- взаимодействие с Правительством Российской Федерации и с федеральными органами исполнительной власти по реализации Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

В этих целях комитетом подготовлен проект федерального закона № 217488-5 «О внесении изменений в статью 24 Земельного кодекса Российской Федерации, в статью 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» и в статью 10 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», одобренный Советом Федерации 17 июня 2009 года и внесенный в Государственную Думу в порядке реализации Советом Федерации права законодательной инициативы.

В июле 2009 года был принят Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Уже при принятии закона комитет отмечал, что ряд его норм нуждается в существенной корректировке. В законе недостаточно учитываются особенности ведения охотничьего хозяйства в условиях Севера, особенно в части регулирования вопросов охоты в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера.

Поэтому комитетом с участием представителей профильных комитетов Государственной Думы, Минсельхоза России, Минрегиона России и Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока был разработан проект Федерального закона № 406814-5 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и внесен в Государственную Думу 14 июля 2010 года в качестве реализации права законодательной инициативы Совета Федерации. С учетом положительного отзыва Правительства Российской Федерации законопроект имеет перспективу быть принятым до окончания срока полномочий депутатов действующего состава Государственной Думы.

Следующим важным направлением для комитета является подготовка проекта федерального закона «О государственной поддержке северного оленеводства». В связи с тем, что 16 января 2009 года Государственная Дума отклонила проект федерального закона № 220824-3 «О северном оленеводстве», Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов была проведена работа по выявлению мнений субъектов Российской Федерации по вопросу о целесообразности разработки и принятия федерального закона о поддержке северного оленеводства. Органы государственной власти всех субъектов Российской Федерации, на территории которых коренные малочисленные народы занимаются ведением домашнего оленеводства, выразили единодушное мнение о необходимости регулирования этих отношений в рамках федерального закона. С учетом данной позиции субъектов Российской Федерации Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов принял решение о разработке проекта федерального закона о государственной поддержке северного оленеводства как этнообразующего и этносохраняющего вида традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и образовал для этого рабочую группу.

В случае получения поддержки со стороны Правительства Российской Федерации данный законопроект имеет перспективу быть внесенным в Государственную Думу в качестве консолидированной законодательной инициативы Совета Федерации совместно с законодательными (представительными) органами ряда северных субъектов Российской Федерации.

Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов внимательно отслеживаются проблемы, связанные с реализацией на практике законодательства о рыболовстве в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Комитетом на основе соответствующих предложений субъектов Российской Федерации подготовлена аналитическая записка по данной проблеме, материалы которой направлены в Росрыболовство для учета в работе Межведомственной рабочей группы, образованной по поручению Правительства Российской Федерации для подготовки предложений по совершенствованию законодательства в сфере организации и регулирования рыболовства для обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Хочу заметить, что в этой записке (она размещена на сайте нашего комитета – www.severcom.ru) обобщены предложения регионов, и комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, выражающий и отстаивающий интересы регионов, будет отстаивать выводы, рекомендации и предложения по совершенствованию законодательства о рыболовстве, содержащиеся в данном аналитическом докладе.

Проект федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации», разработанный Минрегионом России в соответствии с поручением Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина от 24 августа 2010 года, хоть и предусматривает решение отдельных проблем традиционного рыболовства для удовлетворения личных нужд, однако полностью исключает правовое регулирование деятельности общин коренных малочисленных народов. По мнению комитета, такой подход не способствует решению накопившихся проблем. К тому же это противоречит целям и задачам Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

По актуальным проблемам жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера и по вопросам их законодательного обеспечения комитетом, кроме того, готовятся информационно-аналитические материалы, проводятся «круглые столы», парламентские слушания, расширенные и выездные заседания комитета.

Помимо законопроектной деятельности, которая является для нас основной, комитет осуществляет взаимодействие с Правительством Российской Федерации, федеральными министерствами и ведомствами.

К примеру, в январе 2009 года комитет принял активное участие в работе над проектом Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Комитетом были подготовлены поправки к проекту Концепции, включая право приоритетного доступа коренных малочисленных народов к охотничьим угодьям и к рыбопромысловым участкам, которые были учтены и нашли свое отражение в итоговом документе.

В последующем предложения, подготовленные комитетом по законодательному обеспечению жизнедеятельности коренных малочисленных народов, легли в основу раздела «Совершенствование нормативной правовой базы» Плана мероприятий по реализации в 2009–2011 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Сегодня мы внимательно следим за ходом реализации данного Плана мероприятий. К сожалению, сроки выполнения целого ряда этих мероприятий срываются.

Полагаем весьма важно оценить эффективность выполнения мероприятий первого этапа реализации Концепции в 2009–2011 годах с тем, чтобы внести предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на период до 2015 года. Вполне подходящей для этих целей дискуссионной площадкой является симпозиум по теме «Коренные малочисленные народы России: роль науки и права в разработке «стратегий спасения», организуемый Российской академией наук в Петрозаводске в рамках IX Конгресса этнографов и антропологов России в июле 2011 года.

Примечания

¹ А. Е. Постников, Л. В. Андриченко, Л. Е. Бандорин. Анализ федерального законодательства Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на предмет соответствия международным стандартам. М.: Ассоциация КМНСС и ДВ РФ, 2007

² В. А. Кряжков. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. С. 106.

МУЛЛОНЕН Ирма Ивановна

д.ф.н., профессор, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАРЕЛИИ

Топонимы (географические названия) обладают всеми признаками, характерными для объектов нематериального культурного наследия. Созданные в прошлом, они передаются из поколения в поколение и являются

знаковыми, брендовыми для территории. Судя по фактам исторического языкознания, типологии топонимии, а также редким свидетельствам письменных источников, среди топонимов Карелии немало таких, возраст которых насчитывает не менее 1000 лет. Приходится признать, что среди фактов культурного наследия нашего региона не столь уж много дошедших из такой древности исторических свидетельств. При этом речь идет об истории, облеченной в слово, которое доносит через века не только отголоски звучания языка создателей топонима, но и наполнено содержанием. По сути, не меньшей историко-культурной ценностью обладают и более молодые по возрасту топонимы, ибо каждый из них создан определенным человеческим сообществом и отражает многие аспекты его жизнедеятельности, особенности его социально-экономического состояния, культуры, его приоритеты, его оценку. При этом имеется в виду не только прямым образом высказанная информация, как, к примеру, в упоминавшихся в источниках XIX в. «Деревня Корельских выходцев» в Вытегорье, отражающая переселение карелов из Северо-Западного Приладожья в 17 веке, или в целой серии топонимов с элементом -матка (ср. приб.-фин. *matka* 'волок'), реконструирующих заонежский участок древнего водно-волокового пути из Обонежья в Поморье. Исследования выявили этнокультурное содержание целого ряда топонимических моделей. Доказано, к примеру, что ойконимический суффикс -la маркируют земледельческое освоение территории в ареале прибалтийско-финского расселения, что *Святозера* (приб.-фин. *Pyhäjärvi*) в Карелии и прилегающих областях Русского Севера нередко выступают знаками границ родовых территорий. Достоверность топонимической информации обеспечивается массовостью, устойчивостью во времени и формульностью топонимии, в соответствии с которой каждое географическое название создается и функционирует как часть системы. Современные исследования значительно продвинулись в раскрытии закономерностей образования и функционирования топонимов, что позволяет использовать их в качестве надежного источника для исследования этнокультурного, исторического и языкового наследия территории. В докладе на материале исторической топонимии реконструируются основные этапы формирования этнической карты Карелии.

Анализ саамского топонимического наследия в топонимии Карелии и смежных территорий позволяет скорректировать и сблизить позиции археологии и языкознания на этническую историю саамов. Сейчас они значительно расходятся, например, в представлениях об этнической саамской территории. В языкознании, в том числе и в топонимии последних десятилетий господствовало представление об обширном саамском ареале, протянувшемся практически от Урала до западной Скандинавии. Картографирование саамских топонимов выявило важную закономерность в ареальной дистрибуции саамских топооснов. Известно,

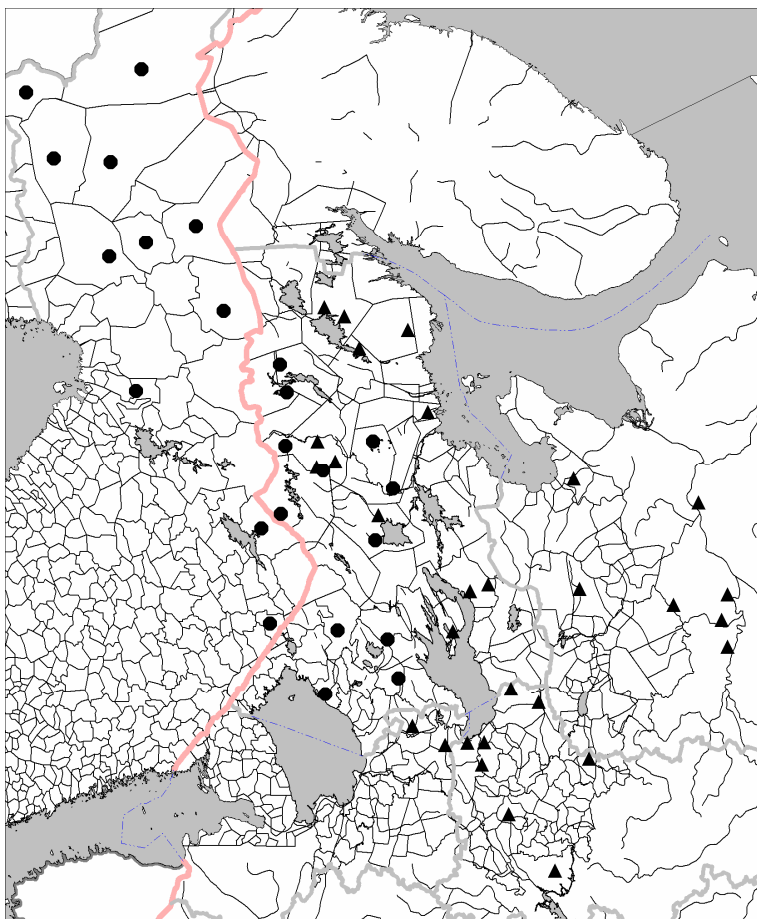

Рис. 1.

что в саамском языке существует два принципиально важных пласта лексики: финно-угорский, единый с прибалтийско-финскими языками, и субстратный, который в последнее время определяется многими исследователями как палеоевропейский. Оказалось, что ареал топонимных основ, восходящих к общему прибалтийско-финско-саамскому наследию, значительно смещен на юго-восток на фоне ареала топооснов, в которых представлена саамская лексика, не имеющая параллелей в прибалтийско-финских и вообще финно-угорских языках. На эту особенность обратил не так давно внимание и финский исследователь Янне Саарикиви¹.

В качестве иллюстрации (рис. 1) приведена карта, которая демонстрирует топонимическое бытование двух саамских топооснов: субстратной и финно-угорской. Первая опирается на субстратное для саамского языка слово *lusme* 'исток реки из озера'. Как и другие топоосновы с этим генезисом, она характеризуется ареалом в северной и центральной Карелии и смежных областях Финляндии. Данный ареал принципиально отличается от ареала саамской топоосновы *Colm-*, которая восходит к саам. *coal'bme* 'про-

лив, имеющему единые истоки с прибалтийско-финским *salmi* 'пролив'. Очевидно, за этим ареальным членением стоят разные этапы древней саамской этноязыковой истории. Не исключено, что ареал субстратной топонимии отражает былую территорию бытования палеоевропейского субстрата, подвергшегося финно-угорскому языковому воздействию, сформировавшему саамский язык. Иначе говоря, саамский понимается как образование, возникшее на территории Карелии, к северо-западу от Обонежья в результате наложения финно-угорского языкового типа (традиционно фин. *varhaiskantasuomi*, англ. *Proto-Finnic*) на субстратный. В этом случае встает вопрос о правомерности отнесения к сугубо саамскому наследию той финно-угорской топонимии на территории современной Архангельской области, которая традиционно интерпретируется как саамская. Видимо, речь должна идти о едином древнем прибалтийско-финско-саамском наследии, которое на более западных территориях преобразовалось в результате поглощения субстратного языкового элемента в пра-саамский язык. Ареальное членение, выявленное на примере двух саамских типов, подтверждается и территорией распространения других саамских топонимов.

Традиционная культура Карелии возникла на стыке двух культурных традиций – прибалтийско-финской и русской и явилась результатом их взаимодействия и взаимопроникновения. Прибалтийско-финское топонимическое наследие складывается из карельской и вепсской составляющей. Исследования в области вепсской топонимии доказывают, что она представлена далеко за пределами ареала современного вепсского расселения и реконструирует, таким образом, историческую вепсскую этническую территорию. При этом границы вепсских топонимных ареалов коррелируют с границами Обонежской пятины – исторического административного подразделения, образовавшегося в XV веке в связи с присоединением новгородских земель к Москве. Это обстоятельство позволяет предполагать, что указанная административная единица объединяла земли с вепским населением. Иначе говоря, административные подразделения, существовавшие на территории средневековой Карелии, могли носить этнический характер. До сих пор таким образом в исторических исследованиях вопрос не ставился, видимо, из-за невозможности проследить эту закономерность по письменным источникам. Другой новый для вепсологии вывод, вытекающий из ареального анализа вепсской топонимии касается экономических предпосылок освоения вепсами северных территорий. Традиционно на основе анализа археологических материалов считалось, что вепское продвижение на север Обонежья было продиктовано промысловым освоением. Однако картографирование показало, что северный предел исторического вепсского этнического ареала, маркированного дистрибутивными вепскими топонимными моделями, повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также южной климатической зоны. Иначе говоря, вепское расселение на север определялось, видимо, ландшафтно-географическими и климатическими факторами, что связано с сельскохозяйственным характером освоения средневековыми вепсами северных территорий. Природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно. Сельскохозяйственный, а не промысловый характер культуры сформировал северную границу вепсской территории.

Наоборот, в карельской колонизации сельскохозяйственные истоки освоения не столь очевидны. Это неоднократно демонстрируют карты атласа с карельскими дистрибутивными топонимными моделями, которые отражают продвижение карелов на территорию современной Карелии, освоение территории между Ладожским и Онежским озерами и Белым морем.

Здесь выбрана одна карта, на которой представлена модель для называния высоких мест *Jylmäkkö*, в русской интерпретации, т.е. на русской территории Карелии *Юлмаки* (рис. 2). В ее основе карельский ландшафтный термин *jylmäkkö*

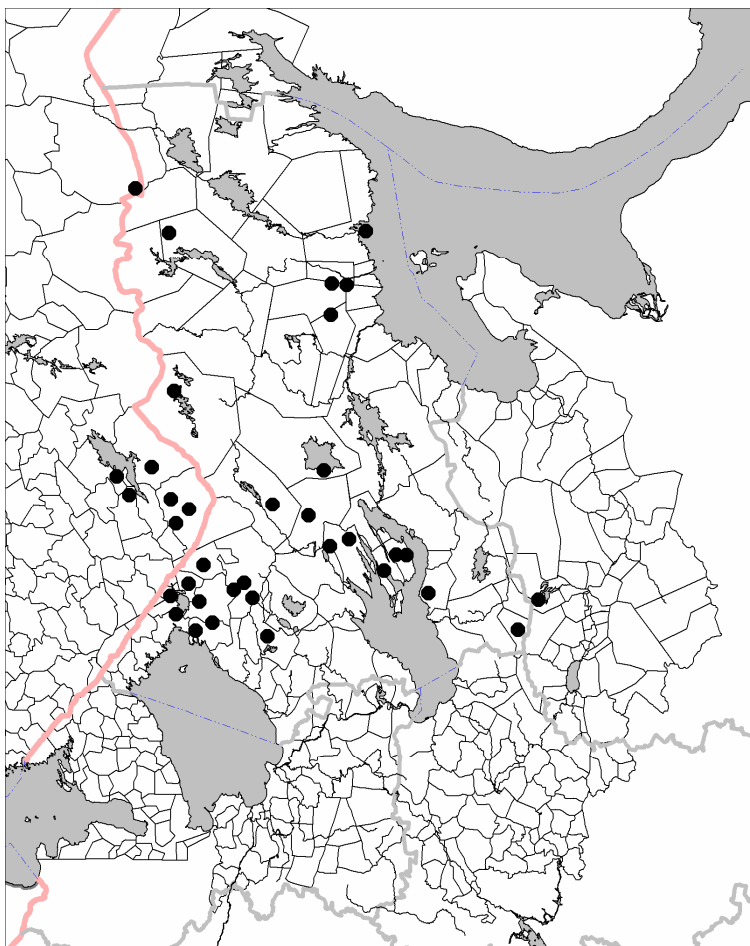

Рис. 2.

‘круглая гора, крутой склон’, зафиксированный в говорах Суоярви в Северном Приладожье². Картографирование модели показало, что ареал протянулся из Северного Приладожья – коренной средневековой территории корелы – на север и восток вдоль путей карельской экспансии. При этом ареал наиболее насыщен, плотен в северном Приладожье, там, где, собственно, модель зародилась. На последнее указывает то, что именно здесь фиксируется соответствующий апеллятив. По мере продвижения на окраины он редет, доходит на востоке до архангельского Кенозерья, на севере до Белого моря. При этом территория бытования модели содержит косвенную информацию о ее возрасте в Карелии. Дело в том, что она неоднократно отмечается на Заонежском полуострове, причем не на прибрежных территориях, а во внутреннем Заонежье, осваивавшемся, как известно, поздно – в XVI–XVII веках³. Анализ ойконимов, т.е. названий поселений внутренних областей Заонежского полуострова показывает, что многие из них возникли на основе собственно карельских антропонимов в ходе продвижения карелов из Корельского уезда, попавшего под власть Швеции⁴. Видимо, именно этот поток карельских переселенцев принес с собой и модель *Jylmäkkö*, которая, таким образом, является для Карелии относительно поздней, возникшей в XVI–XVII вв. Ее ареал лишь незначительно перекрывает историческую вепскую территорию в северной части Онежско-Ладожского перешейка, основной же массив представлен севернее, на собственно карельской в языковом отношении территории.

Вместе с карельским населением на территорию Карелии происходил и определенный отток восточно-финского саволакского населения. Вопрос о продвижении саволаков на территорию Карелии до сих пор специально не ставился, поскольку в распоряжении исследователей не было надежного дистрибутирующего материала. Исследования в области топонимики предоставляют такой материал. В ходе работы над топонимическим атласом Карелии удалось выявить и прокартографировать несколько саволакских моделей, в том числе *Pahakala*, *-vesi*, *Hoikka/järvi*, *-lampi*, *Kolmisoppi*, которые маркируют появление в Беломорской Карелии переселенцев из Восточной Финляндии после XVII века⁵.

Активное русское (псковско-новгородское) освоение территории Карелии начинается, видимо, уже с середины XIII в. Топонимия позволяет уточнить и развить известные современной науке представления о формировании русской Карелии. Так, она не только подтверждает основные направления колонизации территории в ходе древнерусского освоения, но и устанавливает некоторые ее особенности.

На Обонежье приходится граница двух речных суффиксальных моделей: названия рек с формантом *-ина* (*Ивина*, *Важина*, *Неглинка*, *Марина*, *Остречина*, *Чебина* и др.) преобладают вдоль западного побережья Онежского озера, а с формантом *-ица* (*Шалица*, *Тамбица*, *Возрица*, *Падрица*, *Рагбица*, *Ухтица*, *Ялмица*) вдоль восточного. При этом противостояние не ограничивается Обонежьем, граница носит в рамках севера глобальный характер, поскольку к востоку от Онежского озера в бассейнах рек Онеги и Северной Двины господствует модель *-ица*. Обе гидронимные модели сформировались за юго-западными пределами Обонежья, в ходе продвижения на север оба речных форманта приобрели функцию «адаптера» иноязычного топонима к русской системе называния. Видимо, за названными моделями стоят несколько разные потоки русского освоения Карелии: *-ина* маркирует продвижение из Поволжья через Присвирье и, возможно, связана с Ладогой как центром освоения. Данный маршрут подтверждает и ареал ойконимов на *-ичи/-ицы* в Обонежье (см. ниже). Между прочим, именно в ареале потамонимов типа *-ина* бытует этноним *людики*, имеющий русские истоки и использующийся применительно к прибалтийско-финскому населению Присвирья и Обонежья – карелам-ливвикам, карелам-людикам, вепсам. Модель *-ица* связана, скорее, с тем маршрутом, который исходил из Новгорода в направлении Белозерья и достигал восточного Обонежья в обход с юга и юго-востока. На этом маршруте господствует этноним *чудь*, маркировавший прибалтийско-финское население.

Исходящий из Ладоги маршрут русского освоения Карелии маркируется и ойконимами с формантом *-ицы/-ичи* (*Печеницы*, *Пижевичи*, *Койкиницы*, *Тайгиницы*), служившим для языковой адаптации прибалтийско-финских оригинальных топонимов. Наиболее ранние фиксации модели в топонимии Карелии относятся к XIII–XV вв. Ареал модели не выходит на восток за пределы Обонежья и связан с традицией именования, пришедшей из южного и юго-восточного Приладожья в первые века второго тысячелетия. Характерная особенность ареала заключается в том, что его северная граница накладывается на границу северного земледелия (Выгозерье на Онежско-Беломорском водоразделе), маркируя тем самым хозяйственный тип культуры носителей топонимной модели *-ичи/-ицы*.

В то же время в восточной Карелии – в Поморье и восточном Обонежье – фиксируются топонимы, свидетельствующие о проникновении этнокультурного и языкового влияния с востока, из архангельских земель. Среди них названия с основой *залаз-* (*Залазное озеро*, *Залазной мох*, *Залазная корга*, *Залазной мыс*, *Залазной остров*, *Залозное поле* и др.). Она хорошо представлена в топонимии северных и центральных районов Архангельской области, причем на значительно более обширной территории, чем в собственно лексическом употреблении. За топоосновой стоит архангельская диалектная лексема *залазь* ‘высокая ель, у которой на верхушке условно обрубаются ветви для приметы’ (Даль). Судя по ареалу, речь должна идти об архангельской инновации, производной от глагола *залазить*. Русские говоры Карелии этой лексемы не знают. Самым западным районом проникновения архангельского термина следует, видимо, считать Заонежский полуостров на северном берегу Онежского озера, где обнаружено по крайней мере три топонима (остров *Залазник*, *Залазный бор* и *Залазный остров*) с этой основой.

Таким образом, картографирование топонимов реконструирует основные этапы и маршруты освоения территории Карелии на протяжении второго тысячелетия, а также механизмы взаимодействия и экономические приоритеты этноязыковых коллективов.

Примечания

- ¹ Saarikivi Janne. Über die saamischen Substratennamen des Nordrusslands und Finnlands // Finnisch-Ugrische Forschungen 58. Helsinki, 2004. P. 162–234.
- ² Karjalan kielen sanakirja. Osat 1–5. LSFU XVI. Helsinki. 1968–1997.
- ³ М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- ⁴ И. И. Муллонен. Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями Петрозаводск, 2008. С. 150–162.
- ⁵ Д. В. Кузьмин. Наследие саволаксов в топонимии Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитарные науки. Петрозаводск. 2011 (в печати).

РАДОЙИЧИЧ Драгана

д.н., директор Этнографического институт Сербской академии наук и искусств, г. Белград (Сербия)

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЦЕНА ЧЕРНОГОРИИ В КОНТЕКСТЕ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ

Поводом для этого исследования стали миграции граждан России в начале XXI века. Они рассматриваются нами в контексте глобальных процессов в современном мире и как особый *русско-черногорский феномен*. Россияне интенсивно покупают недвижимость в Черногории, особенно на побережье, для отдыха или работы, временного или постоянного проживания. Их присутствие повлияло на все сферы общественной и культурной ситуации в Черногории, оно заметно и в ее культурной жизни. В СМИ постоянно обсуждается тема адаптации и ассимиляции россиян. Многие вопросы, связанные с русским присутствием на Балканах заслуживают этнологических и антропологических исследований.

Итак, в двадцать первом веке начались *новые миграции* русских в Черногорию, они особенно активизировались на протяжении 2006–2007 гг., а в 2008–2010 гг. несколько сократились¹. Российские граждане интенсивно покупают недвижимость, особенно на черногорском побережье. Нужно принять во внимание и тот факт, что многие россияне находили убежище здесь в более ранний период, особенно после Октябрьской революции². *Анатомия событий* последних лет прослеживается в данном исследовании через призму социальных и культурных мероприятий. Полевое исследование, систематическое наблюдение за ситуацией в соответствии с современными методологическими подходами в области этнологии и антропологии позволяет сделать новые выводы о *глобальном или русско-черногорском феномене*.

Исследования показали, что российские граждане в начале XXI века в большом количестве сосредоточились именно на черногорском побережье. Их привлекает красота здешней природы, благоприятные климатические условия, но главным мотивом выбора этих мест, безусловно, стала приятная дружеская атмосфера, непринужденность поведения местного населения, отсутствие языковых барьеров, чувство общности менталитета и доступные цены. Воздействие этих процессов на социальную и культурную жизнь Черногории и Балканского региона в целом, находится во взаимосвязи с развитием мирового рынка, вызванным глобальным экономическим кризисом и его проявлением в Черногории³.

Спустя пять лет после начала массового заселения русских в Черногорию тема их приезда все ещё широко обсуждается. Об этом говорят официанты в ресторанах и кафе, банковские сотрудники, новые / старые соседи, агентства недвижимости и все остальные черногорцы начиная с черногорского побережья до горы Дурмитор. Многие русские приехали в качестве туристов, некоторые по работе, а в большинстве случаев – в качестве покупателей недвижимости, многие остались жить, их дети учатся в школах, получают образование от дошкольного до высшего.

За прошедшие годы продавали – покупали – торговали, разрушали, строили почти всюду, особенно это заметно в тех местах, которые до этого представляли собой заброшенные необработанные территории. Приобретенные дома или квартиры новые владельцы – россияне, как и остальные, регистрируют в Республиканском кадастре недвижимости⁴. Купив недвижимость, многие русские решили использовать свое новое жилье в течение всего года, и они чувствуют себя здесь как дома⁵. Они интеллектуалы, профессора, доктора наук, врачи, экономисты, художники, военнослужащие, пенсионеры, журналисты и так далее. Большинство из них супружеские пары с детьми, семейные люди. К ним в гости приезжают родственники, друзья, знакомые, в том числе и их деловые партнеры из России. Их возраст в среднем составляет 40–60 лет, в то время как молодежь, кроме молодых пар с маленькими детьми, в большинстве случаев бывают здесь в летние месяцы.

Очаровывает огромное количество вновь построенных жилых домов, туристических комплексов для аренды или продажи, которые встречаются на каждом шагу, следствием чего стали многочисленные изменения в социальной и культурной жизни Черногории. Исследуя эту тему, я заметила перемены и в культуре

проживания. В первую очередь изменился городской облик черногорского побережья, что подтверждают и многочисленные публикации в печатных и электронных СМИ, как государственных, так и частных, причем на русском языке.

Правда, из-за экономического кризиса в последние два года наблюдается стагнация и спад объемов продаж и строительства новых домов, а также в работе смешанных черногорско-русских компаний, основанных с волной переселения россиян и их интересом к инвестированию в рынок Черногории. Локальное проявление кризиса следует искать в крупных прямых иностранных инвестициях в черногорскую экономику в период непосредственно до начала самого кризиса, через внедрение частных инвесторов, преимущественно граждан России, которые вышеупомянутыми покупками недвижимости создали виртуальный эффект благосостояния среди местных жителей.

На каждом шагу можно увидеть богатые и разнообразные предложения, предназначенные *новым мигрантам*, от которых ожидается экономическая прибыль. Маленькие и большие рекламные щиты, развешанные в престижных местах, напоминают местным жителям о ещё живой кириллице, в данном случае русской. Печатные и электронные СМИ ежедневно предлагают на русском языке всё, что можно купить и съесть, одним словом – потреблять. Ещё одним моментом общественной реальности, несомненно, является присутствие русских деятелей искусства в культурной жизни Черногории, либо появление самих авторов, либо специальных культурных программ по русской культуре и искусству.

Внимание СМИ сосредоточено, в частности, на адаптивных и ассимиляционных процессах людей из России, которые переехали в Черногорию. Мы можем заключить, что русские и черногорцы предоставили друг другу новые возможности. И, если оглянемся на общественную жизнь Боки Которской почти столетней давности, когда после Октябрьской революции туда устремилась волна беженцев, увидим, что хотя причины тех миграций отличались от современных, культурная польза и тех, и других очевидна.

В новой среде обитания эмигрантами из царской России был основан целый ряд объединений, связанных с образованием, культурной или творческой деятельностью. Многие из них запомнились по многочисленным культурным мероприятиям. У приезжих был высокий уровень музыкального образования, поэтому организовывались концерты, классические музыкальные вечера оперных арий, русские давали уроки французского и русского языков, а, также, балета. В посёлке Игало, в котором в то время жило около трёхсот человек, было основано русское филателистическое общество, которое публиковало свой бюллетень, распространяемый по всему миру. Русские беженцы работали учителями в период между двумя мировыми войнами в Низшей реальной гимназии в г. Герцег Нови, где они преподавали черчение, французский язык, физику, химию, математику, географию. Назовем некоторые имена русских педагогов: Аркадий Северинов, Алексей Петрович Сосновский, Георгий Чайка, Никола Краснов, Николай Чаплин и Павел Охимовский. По окончании Второй мировой войны русский язык в Гимназии преподавали Феодосий Краснокуцкий и Сергей Кудриевич, а в Педагогическом училище с 1945 года преподавали русскому языку, географии и истории учили Виктор Булгаков и Григорий Коновалов⁶.

Маргарита Лисенко внесла наиболее значительный вклад в развитие музыкального искусства, как педагог более четырёх десятилетий она работала в г. Герцег Нови. Кроме этого до Второй мировой войны она организовывала собственные фортепианные концерты и концерты своих учеников. Сразу после войны пианистка активно участвовала в культурных и художественных мероприятиях общества *Орьен*, а после открытия Низшей музыкальной школы была одним из ее первых учителей⁷. Художник Арсений Петрович Сосновский (1895–1967) жил в г. Герцег Нови по имеющимся данным до 1934 года, с женой Галиной, которая тоже была художником. По данным, приведенным в каталоге выставки «Художники русской миграции в Черногорию», состоявшейся в Подгорице в 2008 году, известно, что этот художник подготовил собственные выставки в Загребе, Праге, Брюсселе, Париже и что его работы находятся в музеях в Цетинье, Котора и Загреба, в частных коллекциях в Черногории, Сербии, Хорватии, Швейцарии и России. Он также выступал профессионально как оперный и камерный певец с концертами и по радио в Белграде и Загребе.

Русские беженцы в Герцег Нови основали *Русский клуб*, который был известен как *Русский клуб – читальный зал*. О работе этого клуба находим многочисленные данные в журнале *Альманах*, издаваемом клубом. Пять номеров журнала сохранила Наташа Йовичевич, урождённая Тарасова, дочь русских беженцев, прибывших в Герцег Нови, где у них родились две дочери, Валерия и Наташа, живущие сейчас в Которе. Журнал публиковался на русском языке, тексты были написаны на печатной машинке. По словам Наташи Йовичевич, она передала сохранившиеся журналы Марии Црнич Пейович, исследователю культурного прошлого Боки Которской. Благодаря ее работе *Альманах* снова появился спустя 80 лет⁸. Публикации в *Альманахе* были разнообразны. Среди них стихи, проза, клубные новинки, технические достижения, спорт, обзор различных событий в мире, детективные романы, анекдоты и юмор, выдержки из югославских газет, множество иллюстраций и рисунков. Значительная часть статей в этом журнале была написана в шутиливом тоне, например, рубрика о работе Клуба. Объявления также писались с юмором, много было объявлений о споре на жилье, как, например, *Ищу тихую квартиру. Не обязательно в центре города. Предпочтительно на втором этаже, но без нижнего и желательно в ближайшее время. Государственный служащий. Адрес в редакции*. Другое объявление: *Сдаю в аренду комнату на том самом месте, где продаётся лавровый лист. Сурин*⁹.

Тема беженцев того времени сегодня привлекает внимание многих исследователей гораздо больше, чем современные социальные события, хотя они присутствуют в нынешнем медиа-ландшафте, преимущественно в печатных СМИ на русском языке, хотя и других языках. Таких журналистских публикаций с каждым днем становится в Черногории всё больше. Электронные средства массовой информации, радио и телевизионные станции также включены в *русскую волну*.

Следя за актуальной общественной ситуацией Черногории, в октябре 2009 года Черногорская академия наук и искусств организовала международный научный симпозиум «Российско-черногорские научные связи в прошлом и настоящем», в котором приняли участие выдающиеся ученые из России. По случаю 300-летия со дня установления официальных отношений Черногории и России, в 2010 году вышла из печати двуязычная монография «Чтоб мы не были далеко друг от друга», объемом в 239 стр. и роскошно иллюстрированная, под редакцией Елены Рабкиной.

Скажу пару слов и о газетах, печатающихся на русском языке в г. Будва, редколлегию которых составляют исключительно россияне. *Русская газета* выходит каждую субботу, начиная с мая 2007 года. Наряду с рекламными сообщениями, она следит и за актуальными событиями в областях культуры, спорта, туризма, экономики, даёт медицинские советы. *Русский журнал Адриатика* выходит раз в месяц. Этот журнал посвящает каждый номер одному из приморских муниципалитетов, а вводная статья всегда содержит интервью с мэром данного муниципалитета. Журнал богат иллюстрирован и технически хорошо оформлен. Все объявления бесплатны, они дают необходимую информацию приезжим россиянам – от рекламы всех видов товаров до правовых советов. Журнал также печатает материалы по истории Черногории, интересные сведения для туристов, следит за актуальными культурными и политическими событиями¹⁰. На русском языке выходят и *Правовой Вестник*, ориентированный на юридическую тематику, в нем публикуются полезные сведения, правовые документы, важные для россиян. Газету *Российский курьер* с 2010-го года можно купить и в Черногории. Она предназначена для Центральной Европы и даёт объёмную информацию о таких европейских центрах, как Вена и Будапешт, а на восьмой и девятой страницах регулярно помещаются очерки о культурных мероприятиях. *Русский вестник* – газета о Черногории на русском языке информирует о важных общественных и культурных событиях. Самые влиятельные черногорские СМИ сообщили в марте 2008 года о начале издания в Черногории одной из самых популярных российских газет – *Комсомольской правды*, выходящей раз в неделю. В специализированном иллюстрированном журнале *Навигатор Монтенегро* есть рубрики, посвящённые культурным мероприятиям, которые сообщают о местных деятелях культуры и гостролях выдающихся российских артистов.

Художники и музыканты из России принимая участие в музыкальных и художественных мероприятиях в Будве, Которе, Герцег Нови, Баре и других городах вносят свой вклад в разнообразие культурных предложений особенно в летний период. Общественное учреждение Музеи и галереи Подгорицы, галерея Гайо и Александр Арт Груп провели в конце 2008-го года выставку «Художники российской эмиграции в Черногории» и по этому поводу опубликовали содержательный и богат иллюстрированный каталог. Этой выставкой объединились эмигрантская и новая общественно-культурная действительность. О влиянии российских мастеров на черногорскую культуру свидетельствует, например, следующий текст, опубликованный в 2010 году в подгорицкой ежедневной газете «Дан».

УКРАИНСКИЕ И РОССИЙСКИЕ ХУДОЖНИКИ ЗАКРЫЛИ ВЫСТАВОЧНЫЙ СЕЗОН

Весной новые шедевры

Роскошная выставка картин российских и украинских художников открыта в шестнадцатый раз в галерее «Кастелло ди Бока» под эгидой Международного фонда «Культурное наследие» из Санкт Петербурга. Ею в этом году закрылся пленэр художников в Столиве. Залы галереи были малы для того, чтобы все лучшие работы могли быть выставлены. Прилежные художники неустанно работали в течение 15 дней, а публика имела возможность наслаждаться ошеломляющими картинами, холстами с мотивами черногорского приморья и образами национальной истории. Среди тех, кто выставил свои работы Владимир Переяславец, 94-летний московский художник, до сих пор самый старший участник пленэров, народные художники, заслуженные художники и академики Алексей Суховецкий, Валерий Ржевский, Анатолий Рыбкин, Александр Колотилов, Григорий Гусаков, семейная команда художников – отец Николай Чеботару и его сыновья Алексей и Андрей, чьи картины в «ваноговском стиле» были самые впечатляющие, а также Нина и Юлия Суховецкие, Анастасия Качина, Владимир Кожевников, Викентий Лукьянов, Константин Кокель, Александр Федоров, Константин Долгашев, Владимир Сяров, Ольга Гусакова и Елена Ржевская. «Эта группа художников, учитывая их высокий академический статус, дружеское отношение и сотрудничество, обеспечила пленэру высокое качество», – сказал Виктор Карцев, председатель фонда. Основываясь на решении жюри, состоящего из двенадцати академиков России и Украины, он вручил художникам золотые значки и медали, являющиеся эквивалентом академического признания. Одну из них получила и Оксана Слюсаренко, посол Украины, за поддержку фонда и общины.

– Если есть такая возможность, хорошо было бы открыть пленэры на севере Черногории, на Жабляке, Дурмиторе, так как и там есть красота. Рисовать её – это возможность презентации Черногории, посредством этих картин весь мир знакомится с вами, что невозможно ни посредством музы-

ки, ни посредством книг, – сказала Слюсаренко. Редактор и директор ТВ Колашин Зоран Ракочевич, первый черногорец, который по этому поводу получил «Золотой знак» почетного члена фонда за культуривование черногорско-российской дружбы.

– С самого начала мы с помощью телевидения следим за этим культурным мероприятием. Я имел честь на каждой выставке обратиться к российским и украинским художникам. Я считаю себя очень польщенным тем, что благодаря этому я стал ближе к художникам страны, славящейся культурой, которая учила меня, о которой я мечтал молодым, сказки и легенды которой я превращал в правду, литературные герои которой мне некоторым образом были близки, ближе людей, окружающих меня, – сказал он.

От имени Черногорского объединения коллекционеров предметов культурного наследия Мирко Мишурович вручил В. Карцеву (члену объединения) признательную грамоту за экспертную исследовательскую помощь в поиске, собирании, сохранении и презентации произведений, относящихся к культурному наследию Черногории. Атмосферу выставки украсил исполнением русских песен, джаз-миниаюр и мелодий танго Предраг Йанкович, профессор Консерватории в Цетине, аспирант национальной Консерватории им. П. И. Чайковского в Киеве. Гостем выставки был и Герхардт Скримчик, друг фонда, приехавший из Австрии. В шестнадцати до сих пор организованных выставках участвовало 520 художников. Следующий пленэр намечен на весну, на май, на время нового «пробуждения» приморского пейзажа.

М. Д. Попович

История российской эмиграции актуализирована посредством деятельности Общества сербско-русской дружбы в Боке Которской и Дубровнике, учреждённого в 1990–1991 годах, а в 2003 году перерегистрированного в Общество сербско-русской дружбы в Герцег Нови и Боки Которской. «Программа общества заключается в упрочении культурных связей с Россией. Основной целью общества является защита Русского кладбища в Савине в Герцег Нови, основанного в 1919–1920 годах. Кладбище было разрушено, а могилы продавались, особенно в 90-е годы XX века». Это общество возбуждает судебные дела, оно смогло защитить небольшую часть кладбища, на которой в наши дни построена церковь, посвящённая Святому Федору Ушакову. Российская Дума в 2006 году поддержала восстановление кладбища. Тогда началась его реконструкция и строительство церкви, законченное в 2008 г. Церковь Св. Фёдора Ушакова освятил Митрополит черногорско-приморский Амфилохий. Она получила в подарок несколько икон от Русской патриархии, Российского парламента и ряда других организаций¹¹. «За отечество и веру, за царство небесное», так озаглавлен текст, опубликованный в газете «Новске новине» в 2009 году, по случаю 14-го октября, дня именин церкви Святого Федора Ушакова, находящейся на Русском кладбище в Герцег Нови. По этому поводу посол Российской Федерации в Черногории Яков Герасимов выразил удовольствие строительством церкви и восстановлением кладбища рядом с ней, так же как и присутствием на литургии немалого числа граждан Герцег Нови и российских предпринимателей, живущих в Боке Которской.

«Чтобы россияне не забыли язык», «Русские учатся на родном, но не на русском языке», «И преподавание на русском» – это только некоторые из заглавий в ежедневной печати, указывающие на ещё один важный факт, касающийся поселения и постоянного проживания русских в этих краях. Российские дети в Будве в начальной школе «Стефан Митров Любиша» имеют возможность факультативно учить русский язык и культуру. Согласно некоторым сведениям, в этой школе учатся около тридцати русских детей в возрасте с первого по восьмой класс, а в других приморских муниципалитетах русские дети поступают в начальные и средние школы и на факультеты.

По некоторым данным можно ожидать прироста новорождённых детей от смешанных черногорско-российских браков. В частности, в Российском центре в Баре решили открыть агентство, посредством которого люди из России и Черногории знакомились бы друг с другом и вступали в брак. Директор этого центра заявила 13 декабря 2008 года газете «Политика», что желание черногорцев познакомиться с «женщиной своей жизни» из России посредством их агентства превзошло их ожидания. Этот центр строго охраняет тайну информации о своих клиентах, но интересно, что самому старому жениху 78 лет и он охотно бы женился на русской женщине лет 45.

В заключение скажем, что россиян в Черногории можно встретить в течение всего года в большем или меньшем количестве во всех общественных местах: в супермаркетах, продовольственных магазинах, бутиках, аптеках, на общественных мероприятиях, музыкальных и театральных представлениях, в галереях, библиотеках, на пляжах и в ресторанах, они не беженцы и не туристы, по крайней мере большинство из них, они здесь купили квартиры и дома, или пребывают здесь со своими семьями большую часть года. В отдельных приморских городах свои новые дома приобрели по несколько сотен российских граждан, их присутствие заметно даже в небольших городах. Один из моих собеседников во время разговора, состоявшегося в июле 2008 года в Герцег Нови, подчеркнул, что он, как и многие другие, ездит в Россию только раз в год ради оформления визы.

Цель настоящей работы – внесение научного вклада в исследование общественно-культурологической ситуации, сложившейся в Черногории после поселения здесь немалого числа российских граждан, что отражается на всём регионе Балкан. Данной работой я хочу обратить внимание экспертов и учёных, занимающихся сходными вопросами, на новый вид миграций, приводя факты, основывающиеся на полевых исследовани-

ях, а также сведениях, предоставленных многочисленными информаторами, печатными и электронными СМИ в 2005–2010 гг.

Общее впечатление, что россияне XXI века в новой среде устраивают кухню, гостеприимность хозяина и непринужденность, одним словом, они чувствуют себя свободно, но как и их предшественники эмигранты через различные культурные события создают свою культурную среду!

Примечания

- ¹ Я попыталась определить анатомию событий последних нескольких лет, связанных с *push and pool factors*, понять, что подталкивает людей к выбору новых направлений для миграций. Важность данного исследования объясняется фактором времени и общественной ситуацией.
- ² Например, истоки связей России и Боки Которской начинаются ещё со школы первых русских моряков, которая была создана в г. Пераст в конце XVII века, затем на протяжении XVIII века проходят через участие жителей Боки в создании русского флота и через русское управление Бокой в начале XIX века. В Боку Которскую эмигрировали, в основном, офицеры высокого ранга, а затем профессора, врачи, художники и их семьи.
- ³ «Цены на недвижимость растут, а покупателей всё меньше» – заголовок в газете «Вести» от июня 2008 года.
- ⁴ На сайте Торговой палаты Черногории размещен список зарегистрированных строительных фирм со смешанным иностранным капиталом.
- ⁵ Ч. Прелевич. Батюшки только наличными // *Вечерние новости*. Белград. 2007. 15 января.
- ⁶ Русский хор *Байам* в 1922 году дал концерт русской оперной музыки в Доме хорватов в г. Герцег Нови. В мае месяце 1924 года там же состоялся концерт-экзамен моих учеников, которые были сербы и хорваты, писала Наталия И. Фиден. В том же году русская певица Елена Бородина потребовала этот Дом для трёх концертов, один из которых был только для учеников из Герцег Нови. Известный русский пианист Никола Чернолуский в 1936 году дал концерты во многих городах Югославии, среди них и в г. Герцег Нови. *Марија Црнић Пејовић*. Један заборављени часопис. Зборник радова из науке, културе и умјетности. Бока 30. Херцег Нови, 2010. С. 68, 69.
- ⁷ Там же. С. 69.
- ⁸ Сохранённые номера являются уникалами и ими можно пользоваться только в читальном зале Клуба.
- ⁹ Характерным является и текст объявления *Ищу партнёра для преферанса Игнатъев*, из которого видно, что главный инициатор *Альманаха* умел пошутить и на свой счёт. Жаль, что на сегодняшний день мы многое не знаем о тех событиях, так бы мы могли узнать имена людей не только в рубрике объявлений и могли бы реально рассмотреть атмосферу и события, не только в Русском клубе, но и шире. *Марија Црнић Пејовић*. Један заборављени часопис. Зборник Бока, 96.
- ¹⁰ Эта газета и этот журнал выходят в Будве, где находятся их издательства. Они впервые появились в 2007 году и печатаются тиражом в 2 000, т. е. 3000–5000 экземпляров, а Русская газета распространяется и в России.
- ¹¹ Госпожа Гордана Стиепич Булатович, председатель Общества сербско-русской дружбы, предоставила мне упомянутые данные в устной и письменной форме в августе–сентябре 2007 года в Герцег Нови. Я искренне благодарна ей за предоставленные сведения. Господин Александр Беляков, исполнительный директор Славянского альянса в Герцег Нови, в сентябре 2007 года при разговоре так же дал мне важные данные о постройке церкви и восстановлении русского кладбища. СМИ неоднократно передавали новости о русском кладбище: *С. Паповић*. Элита царске Русије // *Политика*. 2003. Октябрь; *V. Ignjatović*. Parastos posle 90 godina // *Svedok* (Белград). 2007. 16 января.; Дан (Подгорица). 2007. 30 апреля, 12 мая (И Путин под Орьеном); *В. Стрига и Л. Злотникова*, Открывање споменика Русима у Црној Гори, Герцег Нови // *Руски Јадран* (Будва). 2007. №№ 4–5 (май).

ХАРТАНОВИЧ Валерий Иванович

к.и.н., зав. отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург

ШИРОБОКОВ Иван Григорьевич

м.н.с. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

ПАНТЕЛЕЕВА Татьяна Асировна

Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Вологда

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ (По антропологическим материалам из позднесредневековой Вологды)*

Данные этнографии, диалектологии, ономастики, археологии позволили установить, что в формировании современного русского населения Севера и Вологодчины в том числе, участвовали компоненты различного этнического происхождения. Освоение региона было связано как с двумя потоками древнерусского продвижения, пролежавшими через территории Новгородской земли и Ростово-Суздальского княжества (так на-

* Исследования выполнены в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», Направление 8. Музейные и архивные фонды: изучение, введение в научный оборот, обеспечение нового качества доступа к культурному наследию.

зываемая «новгородская» и «низовая» колонизация), так и с местным субстратными финно-угорскими группами, которых летописи называют собирательно «чудью», «чудскими племенами». Центральные области Севера (будущие вологодские земли) занимали весь и чудь.

Начиная с рубежа X–XI веков древнерусское население, преодолев волоки между реками Волжской системы и Белого моря, продвигается на восток и север. И в XI–XIII вв. происходит колонизация Вологодского края сложным по составу «древнерусским» населением, в состав которого, в свою очередь, входили как славяне, так и группы прибалтийско-финского и поволжско-финского происхождения¹.

До XII в., по-видимому, могло иметь место проникновение сюда только отдельных групп славян. Постепенно в Обонежье, Южном Беломорье и Нижнем Подвинье утвердились группы «новгородского происхождения». На Верхней Двине, в Белозерье, на Сухоне в XIII–XV веках укрепились «низовцы». На Ваге, Пинеге и Мезени долго оставалось местное финноязычное население, особенно на водоразделах (до XVI–XVII веков). Позднее, с конца XVI века, Печорская и Вятско-Пермская земли заселялись русскими. В ходе такого продвижения не только происходило смешение и ассимиляция пришлого и местного населения, но и длительное время сохранялись области, практически не осваиваемые русскими переселенцами. В целом же данные различных исторических источников позволяют в Вологодском крае выделить три зоны, где ранние этнические процессы имели разный характер. В западных районах с древнейших времен шло взаимодействие славян и западнофинских групп населения. В центре произошло столкновение двух славянских потоков – новгородского и ростово-суздальского. В восточных районах края славяне пришли во взаимодействие с восточнофинскими группами².

Очевидно, что данные палеоантропологии могли бы способствовать детализации столь пестрой по составу картины взаимодействия разнообразных компонентов в историческом процессе сложения современного русского населения Вологодского края, всего Севера Европейской России. Изучению средневековых антропологических серий, в основном из западных районов области, посвящены работы В. Ю. Коваленко³, Т. И. Алексеевой и В. Н. Федосовой⁴, Н. Н. Гончарова⁵, С. Л. Санкиной⁶. К настоящему времени опубликованы краниологические данные около полутора десятков различных серий, относящихся к территории Вологодской области. Однако почти все из них имеет очень небольшую численность. Последнее обстоятельство пока не позволяет делать окончательные выводы о роли различных компонентов в процессах сложения антропологического состава местного населения как в эпоху средневековья, так и в более поздние периоды. Тем не менее, общие результаты проведенных исследований в целом согласуются с данными других исторических источников. Анализ краниологических серий показал, что в формировании населения Вологодчины принимали участие группы местного субстратного финно-угорского населения, северные группы кривичей и жителей Новгородской земли различного этнического облика. При этом в первой половине II тысячелетия н. э. процессы смешения различных этнических групп, вероятно, не играли доминирующей роли в формировании антропологического состава населения края, морфологически достаточно неоднородного в этот период.

В 2000-е гг. в ходе охранных раскопок, проводившихся на территории г. Вологда, были получены новые значительные по объему палеоантропологические материалы по средневековому населению региона. Они происходят из двух памятников – скудельницы у Софийского собора (авторы раскопок И. П. Кукушкин и И. В. Папин) и погребений из остатков позднесредневекового православного кладбища в Парковом переулке (автор раскопок М. Л. Мокрушин). По предварительным данным антропологические материалы датируются XIV–XVI вв. н. э.

В двух раскопах (размерами 2x1.5 м и 2x1.2 м) непосредственно у стен Софийского собора костные останки находились не в анатомическом порядке, индивидуальные могильные ямы отсутствовали. Вероятно, обнаруженные останки происходят с кладбища приходской церкви, и были перезахоронены при его застройке в XVI или XVII вв., связанной с сооружением масштабного Архиерейского дома или самого Софийского собора⁷.

В 2007 году были проведены археологические исследования на территории памятника археологии «Вологодское городище», Парковый переулок г. Вологда. На всей площади раскопа были выявлены погребения, по всей видимости позднесредневекового православного кладбища. Общее число задокументированных погребений составило 338 единиц.

Во вскрытом у Софийского собора захоронении, по результатам исследования краниологических материалов и костей посткраниальных скелетов, находились останки 182 взрослых субъектов и 72 детей – всего как минимум 254 индивидуумов. Всего было изучено 24 мужских черепа и 36 женских.

Мужские черепа имеют средней длины, широкую, мезо-брахикранной формы черепную коробку. Высота черепа большая. Лоб довольно широкий, прямой. Лицевой скелет мезогнатный по указателю выступания лица, мезо-ортогнатный и по общему и по среднему лицевым углам. Альвеолярный отросток мезогнатный. Скуловой диаметр большой по абсолютному размеру. Но, при достаточно широкой черепной коробке, горизонтальный фацио-церебральный указатель попадает в категорию средних величин. Лицо средней высоты. Однако, при значительных величинах высоты черепной коробки и ширины лица, вертикальный фацио-церебральный и верхний лицевой указатели показывают малые значения. Орбиты широкие и низкие и по абсолютным размерам, и по указателям, как и грушевидное отверстие. Переносье и носовые кости широкие, высокие. Нос к линии профиля выступает очень сильно. Вместе с тем, лицевой скелет в горизонтальном плане несколько уплощен, и эта уплощенность особенно заметна на верхнем лицевом уровне – на уровне точки назион. Ка-

тегории размеров и указателей женской части краниологической серии соответствуют средним характеристикам мужской ее части.

Вторая изученная краниологическая серия, происходящая из раскопа в Парковом переулке, представлена 46 мужскими и 32 женскими черепами, в основном хорошей и удовлетворительной сохранности.

Мужские черепа имеют мезокранной формы черепную коробку, все основные диаметры которой относятся к категории средних величин. Лоб средней ширины, прямой. Лицевой скелет средней высоты, ортогнатный по указателю, мезогнатный по обоим лицевым углам. Скуловой диаметр и горизонтальный фацио-церебральный указатель относятся к категории средних величин. Орбиты имеют средние размеры, мезоконхны по указателю. Грушевидное отверстие скорее широкое, средней высоты, широкое по указателю. Переносье и носовые кости широкие, высокие. Нос к линии профиля выступает сильно, но лицевой скелет имеет несколько уплощенную горизонтальную профилировку. Характеристики женских черепов в целом соответствуют представленным у мужчин.

Вместе с тем, краниологическую серию из Паркового переулка отличает внутригрупповая неоднородность. Различия в морфологической характеристике черепов четко прослеживаются визуально как в мужской, так и в женской частях выборки. И хотя показатели дисперсии для большинства признаков не выходят за пределы нормальных, для ряда признаков были выявлены повышенные значения стандартных отклонений. В число последних входят: длина основания черепа, углы горизонтальной профилировки лицевого скелета, а также признаки, характеризующие профилировку переносья и угол выступления носа.

С целью объективизации методов выделения морфологических комплексов был проведен ряд многомерных статистических внутригрупповых анализов с учетом разных наборов признаков. Статистической обработке подвергались только черепа хорошей степени сохранности, с полным набором привлеченных для анализа параметров, что обусловило некоторое сокращение численности анализируемой выборки при повышении достоверности результатов. Результаты анализа главных компонент показали, что наиболее значимыми признаками для внутригрупповой дифференциации серии из Паркового переулка являются угол выступления носа, высота переносья, высота свода черепа, высота лицевого скелета и степень его уплощенности на нижнем уровне горизонтальной профилировки.

Таким образом, в составе краниологической серии из Паркового переулка было выделено два морфологических комплекса. Первый характеризует значительная высота черепа, средней высоты лицевой скелет, сочетание некоторой уплощенности лицевого скелета на верхнем уровне с его клиногнатностью на нижнем, сильно выступающие носовые кости. Второй – при относительно меньших размерах черепа отличается средней высоты его свода; уплощенным на обоих уровнях горизонтальной профилировки, скорее низким лицевым скелетом, относительно слабо выступающими носовыми костями, широким средней высоты грушевидным отверстием. Как показали результаты статистических анализов, аналогичные морфологические комплексы выделяются также и в серии женских черепов.

Первый морфологический комплекс, присутствующий в составе серии из Паркового переулка, сближается с группой из Софийского собора. Представляется, что в обоих случаях можно говорить о вариантах единого антропологического типа, достаточно широко присутствовавшего в составе позднесредневекового населения г. Вологда.

Для выявления аналогов среди современного населения выделенным антропологическим вариантам, было выполнено сопоставление изученных групп с широким кругом сравнительных материалов с территории Восточной Европы и Финляндии. В анализ (метод канонических корреляций – таблица), включены, кроме серий из Вологды, краниологические материалы XVIII–XIX вв. по русским Северным и Северо-западным губерниям, карелам, ижоре, финнам Финляндии, пермским и поволжским финноязычным народам (рисунок).

Результаты анализа канонических корреляций позднесредневековых серий из г. Вологда и 44 групп близкого к современности населения Восточной Европы и Финляндии.

Нагрузки на канонические векторы

Признаки	КВ I	КВ II
1.	-0.032	-0.231
8.	0.563	0.494
17.	0.951	0.061
9.	0.098	0.322
45.	0.694	-0.270
48.	0.486	0.159
77.	0.774	-0.409
Zm.	0.306	-0.848
SS:SC.	0.036	0.598
75(1).	0.216	0.725
Охват изменчивости, %	30.463	24.093

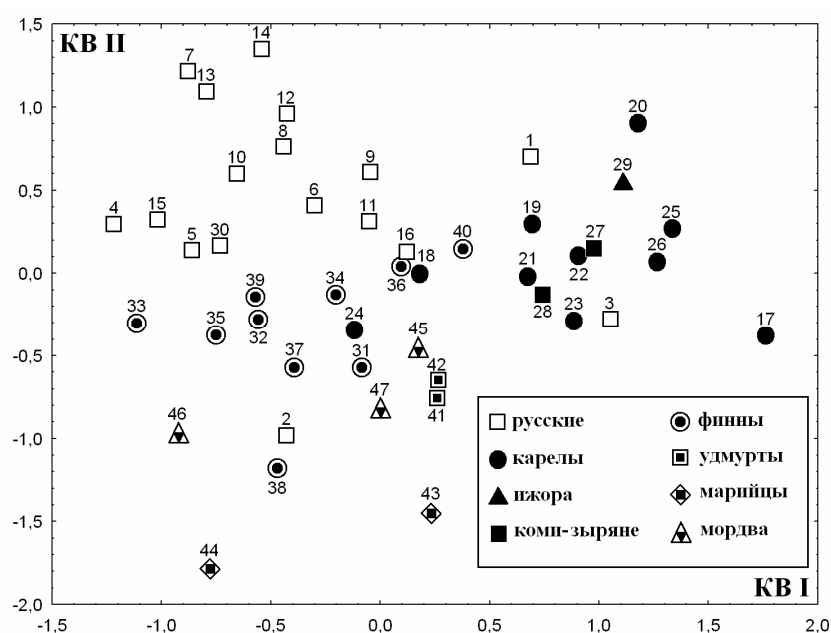

Рисунок 1. Результаты анализа канонических корреляций позднесредневековых краниологических серий из г. Вологда и сравнительных материалов по близкому к современности населению Восточной Европы и Финляндии.

1 – Парковый переулоч, Группа I; 2 – Парковый переулоч, Группа II; 3 – Софийский собор.

Русские: 4 – Архангельская губерния; 5 – Олонецкая губерния; 6 – Петербургская губерния; 7 – Новгородская губерния; 8 – Псковская губерния; 9 – г. Себеж; 10 – Вологодская губерния; 11 – Старая Ладога; 12 – Костромская губерния; 13 – Ярославская губерния; 14 – Тверская губерния; 15 – Московская губерния; 16 – Вятская губерния.

Карелы: 17 – Алозеро I; 18 – Алозеро II; 19 – Суйстамо I; 20 – Турха; 21 – Кондиевуара; 22 – Пеканвуара; 23 – Боконвуара; 24 – Компаково; 25 – Чикша; 26 – Регярви.

Ижора: Липпово – 27.

Коми-зыряне: 28 – Подъяельск; 29 – Грива.

Финны: 30 – Саво; 31 – Хяме; 32 – Уусима; 33 – Хельсинки; 34 – Варсинан-Суоми; 35 – Педерсерге; 36 – Южная Похьянмаа; 37 – Северная Похьянмаа; 38 – Сатакунта; 39 – Ингерманландия; 40 – Куркиеки.

Удмурты: 41 – северные; 42 – южные.

Марийцы: 43 – горные; 44 – луговые.

Мордва: 45 – эрзя; 46 – мокша; 47 – терюхане.

Из рассмотрения положения групп на графике можно сделать следующие основные выводы.

1. Выявленные на позднесредневековых черепах из г. Вологды антропологические типы в целом не характерны, судя по имеющимся сейчас краниологическим данным, для русского населения более поздних эпох, в том числе русских Вологодской губернии XVIII – нач. XX вв.⁸

2. Один из отмеченных в составе серии из Паркового переулка морфологических комплексов (Группа II), сближает часть населения Вологды с финноязычным населением Поволжья – в первую очередь, и Финляндии. Его присутствие на территории Вологодчины может быть связано как с сохранением местных субстратных групп населения, так и с колонизацией Русского Севера древнерусским населением, включавшим в себя значительный финноязычный компонент.

3. Второй антропологический тип, широко распространенный у позднесредневекового населения г. Вологда (Группа I Паркового пер., серия близ Софийского собора), очень близок к чрезвычайно специфическому комплексу признаков, встречающемуся среди всего современного населения Евразии только у части прибалтийских и пермских финноугров – карел, ижоры, коми-зырян.

Основными отличительными характеристиками такого комплекса являются – очень большая высота черепной коробки, мезо-брахикрания; лицевой скелет с немного ослабленной на верхнем уровне горизонтальной профилировкой, при резко выступающих и высоких носовых костях. Обращает на себя внимание крайне специфическое сочетание некоторой ослабленности горизонтальной профилировки лица на верхнем уровне, с его отчетливой клиногнатностью – на среднем уровне, резко выступающими к линии профиля и высокими носовыми костями.

Этот комплекс признаков вполне отчетливо разделяет по степени антропологической близости сами современные прибалтийские и пермские финноязычные народы на две группы. К первой среди прибалтийских финнов относятся карелы и ижора, среди пермских – коми-зыряне. Ко второй – финны Финляндии и эстонцы, удмурты и коми-пермяки⁹. Вторая группа, в свою очередь, сближается с поволжским финноязычным населением, в отличие от первой, занимающей среди всего близкого к современности населения Евразии особое место.

Из всех введенных в научный оборот палеоантропологических материалов подобный антропологический тип до сих пор был выявлен только среди серий черепов более западных, по отношению к Вологодской области, территорий – в мезо-неолитических памятниках Восточной Прибалтики (Звейниекс – Латвия; Дудка – северо-восточная Польша). Встречен в отдельных средневековых группах с территории Новгорода Великого (могильник Раглицы) и Северо-Западного Приладожья (могильник древней «корелы» Кюлялахти Калмистомяки). Вероятно, своим происхождением он может быть связан с древнейшим мезолитическим населением Восточно-балтийского ареала.

В представляемых материалах такой антропологический тип вне пределов этого ареала на древних сериях черепов отмечается впервые. Таким образом, позднесредневековые серии черепов из г. Вологда а какой-то мере закрывают разрыв между регионами современного распространения подобного комплекса признаков – северо-запад и северо-восток Европейской России. Они позволяют предполагать, что в древности антропологический тип, сохранившийся к настоящему времени лишь у части финноязычных народов, имел на Севере Восточной Европы широкую и непрерывную территорию распространения. Почти полное отсутствие палеоантропологических материалов из районов Северо-Запада России восточнее Онежского озера не позволяет сейчас уточнить время появления здесь населения с отмеченными специфическими антропологическими особенностями.

Примечания

- ¹ Е. А. Рябинин. К этнической истории Русского Севера (чудь заволоцкая и славяне) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб, 1995. С. 13–42; А. Н. Башенькин. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда. Краеведческий альманах. Выпуск 2. Белозеро: Изд-во Русь, 1997. С. 5–35; Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М.: ИЭА РАН, 1997. 202 с.
- ² Власова И. В. Вологодская земля и ее население: этническая история XII–XX веков // Вологда. Краеведческий альманах. Выпуск 2. Белозеро: Изд-во Русь, 1997. С. 47–62; Она же. Этническая история и формирование населения Русского Севера // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. М.: Наука, 2001. С. 16–36.
- ³ Коваленко В. Ю. К антропологии курганного населения XI–XIII вв. Вологодской области // Вопросы антропологии. 1975. Вып. 49. С. 92–107.
- ⁴ Алексеева Т. И., Федосова В. Н. Ранние этапы славянской колонизации Русского Севера. Ч. I. Антропологический состав, палеодемография // Вопросы антропологии. 1992. Вып. 86. С. 8–23.
- ⁵ Гончарова Н. Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России. Антропология. Часть 2. М.: Старый сад, 2000. С. 66–94.
- ⁶ Санкина С. Л. Антропология средневекового населения Русского Севера // Палеоантропология. Этническая антропология. Этногенез. СПб: МАЭ РАН, 2004. С. 83–107.
- ⁷ Патин И. В. Тайны главного здания Вологды: археологические исследования Софийского собора // Археология Вологды: история и современность. Вологда: Издательство «Древности Севера», 2007. С. 69–75.
- ⁸ Алексеев В. П. Краниология населения Восточной Европы. Краниологическое исследование. М.: Наука, 1969. 324 с.
- ⁹ Хартанович В. И. Краниология ижор // Расы и народы. Вып. 30. М.: Наука, 2004 С. 96–124.

ШЭНМИНЬ Ян, проф.

ХУН Дин, проф.

Центральный университет национальностей, г. Пекин (КНР)

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ЭТНОЛОГИИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Этнология – это независимая отрасль, возникшая в середине XIX века на Западе. Например, с книги «Расоведение», вышедшей на китайском языке в 1903 г., и книги «Антропология» в высших образовательных учреждениях Китая начался отсчёт официального существования этнологии в стране. Таким образом, этнология в Китае имеет более чем столетнюю историю. Этот временной промежуток в Китае принято подразделять на три этапа: старый Китай, новый Китай и новая эра. Каждый из них имеет свои особенности.

Этнология старого Китая

Появление в Китае этнологии было связано с политической обстановкой в стране. Новое время увеличивало число контактов с Западом, порождая в китайцах осознание необходимости учиться у него, осознание опасности сохранения статуса закрытой для внешнего мира страны. С первых дней контактов Китай перенимал опыт у Запада: сначала он осваивал западный принцип «крепкого флота и мощной артиллерии», затем – законодательную систему и общественные науки. В то время китайская интеллигенция перенимала западный опыт с целью реформирования старого Китая и создания общества нового образца. Этнологические теории Запада играли важную познавательную роль, имели большое значение в деле строительства единого, многонационального государства и помогали избегать чужих ошибок. Поэтому можно сказать, что активное проникновение западной этнологии в Китай в новое время являлось результатом большого спроса на знания, накопленные западными общественными науками, и провоцировалось обществом того времени.

В это время, не привлекая внимания, небольшое число китайских ученых, поддерживавших связи с зарубежьем или учившихся за границей, не имея возможности заниматься этнологическими исследованиями официально, активно переводили статьи и работы западных авторов для знакомства с ними китайского научного сообщества и представителей научных кругов. На китайский язык переводились американские, английские, французские, немецкие и др. работы, параллельно сопровождаемые пояснениями научных терминов и содержания; были случаи, когда переводы не совпадали. Например, перевод с японского на китайский язык отличался по форме от перевода, выполненного с китайского языка на французский. Однако такое знакомство было неполным, к тому же некоторые статьи имели однобокие или даже ошибочные разъяснения. Это обстоятельство вскоре обнаружилось. Особенно ярко стали видны расхождения в трактовках на примере разъяснений сущности этнологии, принятых в Великобритании, Америке и в континентальной Европе; у всех было свое мировоззрение; китайский учёный либо из-за того, что учился за рубежом, либо из-за того, что проникся идеями какой-либо зарубежной книги, нередко давал собственные трактовки. Кроме того, время работы китайских ученых в этой отрасли науки было коротким, не хватало исследовательского опыта и знаний. К тому же, перевод на китайский язык осложнялся отсутствием проработанной и унифицированной системы терминов, существовало множество различных вариантов названия самой науки, как то: «Расоведение», «Народоведение», «Социология» (как наука о массах людей), «Этнология» и др.

После 1920 г. в таких китайских государственных университетах как Пекинский, Нанкинский, университет Чжуншань и др. стали готовить кадры по специальности «Этнология». Кроме того, в университетах, сотрудничавших с западными странами, и в частных университетах также стали готовить по специальности этнология и социология, например, в Университете Яньцзин, Циньхуа, Цзиньлин, Хуаси, Линнань, Фужэнь, и Чжунфа и др. В то время курс этнологии и антропологии чаще всего читался на факультете социологии. Первыми большинство таких курсов стали читать ученые, стажировавшиеся на Западе. Например, учившийся в Германии Цзинь Юаньпей, во Франции – Лин Дуньшэн, Ян Чэнчжи, в США – Ли Цзи, Пань Гуандань, У Вэньцао и др. которые окончив в начале XX века отучившись на Западе вернулись в Китай с докторской степенью по социологии и этнологии.

Приехав на Родину, они независимо друг от друга создали в университетах факультеты этнологии, социологии или антропологии. Кроме обучения студентов так же появилась система подготовки аспирантов и специальная система проведения исследовательских работ в области этнологии. Например, в 1927 году Университет Чжуншань создал Исследовательский институт истории и лингвистики, набирающий аспирантов по специальностям – антропология, национальная культура, национальные традиции и др. В том же году народное правительство основало Центральный исследовательский институт, ставшего основой высшей научно-исследовательской структуры Китая. Цзинь Юаньпей, исполняя обязанности директора института, создал отделение этнологии при Исследовательском институте общественных наук Центрального исследовательского института.

Независимость этнологии как отрасли науки в Китае подтверждает ещё один важный факт. Начиная с 1920-х годов, китайская этнология стала проводить полевые исследования. В 1928 г. Исследовательский институт истории и лингвистики при Университете Чжуншань начал проводить полевые работы. Это стало тол-

чком к независимому проведению масштабных этнологических исследований китайскими учёными. После этого началась эра масштабных полевых исследований в китайской этнологии.

В это время кроме создания большого числа образовательных и научно-исследовательских учреждений, а также развития полевых исследований, китайская этнология совершила рывок в деле научного строительства; например, в деле масштабной разработки исследовательских методов, в применении теорий на практике и увеличении их проработанности. Указанные тенденции также подтверждаются тем огромным вкладом в систему образования и перевода на китайский язык теоретических работ западных этнологов, который сделали учёные первого поколения.

В то время среди учёных, стажировавшихся за рубежом, было много тех, кто обучался непосредственно у крупнейших учёных – лидеров различных теоретических направлений западной этнологии и антропологии. Например, научным руководителем Лань Гуанданя в период его обучения в исследовательском институте Колумбийского университета (США) был основатель исторической школы Ф. Боас; кроме того, китайский исследователь также испытал большое влияние известного учёного, основателя эволюционизма Л. Г. Моргана. В период прохождения стажировки в Колумбийском университете У Вэньцао на факультете антропологии работали практически все самые известные американские учёные того времени – научная элита этнологии и антропологии; например, основатель исторической школы Ф. Боас, Р. Бенедикт, М. Мид и др., т. е. крупнейшие профессора и учёные, чьё имя приобрело большую известность в этнологическом сообществе. Ян Чэнчжи получил докторскую степень в Парижском университете, там же он приобрелся к функционализму. Вернувшись в Китай, китайские исследователи писали статьи, делали переводы, читали лекции, активно знакомили коллег с теоретическими разработками научных направлений Запада. Именно в это время Китай познакомился с теориями эволюционизма, функционализма, исторической школы, с теорией культурных кругов и т. д. Китайские учёные тщательно анализировали эти теории и методы. В результате, достижения мировой этнологии в сфере теоретических разработок и методологии получили большое распространение и применение в Китае. Вместе с тем, китайские учёные приглашали известных западных исследователей читать лекции в Китае, а своих учеников отправляли на стажировки к западным специалистам с просьбой о консультациях. На этом этапе независимо друг от друга отправляются на стажировку в США и Великобританию ученики У Вэньцао – Фэй Сяотун, Линь Яохуа и др.

Параллельно с этими процессами были переведены и получили распространение в Китае некоторые этнологические работы, в основе которых лежала марксистская теория. Таким образом, несмотря на то, что этнология в стране находилась в самом начале своего развития, она довольно комплексно осваивала теорию и методологию различных научных направлений Запада.

В то время на занятиях по социологии и этнологии в различных университетах часто использовались работы и учебные материалы, вышедшие на Западе на английском языке; работы китайских учёных также часто писались либо переводились на английский язык, что давало возможность представлять их на международном уровне. Всё вышеперечисленное способствовало благоприятному сотрудничеству с международным научным сообществом. Тем не менее, несмотря на наличие такого способа обучения достижениям западного мира, по-прежнему существовала проблема постепенной замены западными терминами специфических китайских понятий. Однако это не мешало ведущим учёным международного и китайского научного сообщества сохранять тесные связи и взаимопонимание. Когда в 1936 г. была закончена работа Бр. Малиновского «Научная теория культуры», но ещё не была опубликована, У Вэньцао одолжил рукопись у автора и велел Фэй Сяотуну перевести её на китайский язык, чтобы представить в Китае. К этому времени китайская этнология в исследовательской и образовательной деятельности уже обрела независимость и собственную структуру, а в деле всестороннего освоения передовых научных теоретических разработок выполнила начальную задачу по научному строительству и уже создала независимую отрасль науки с относительно законченной структурой.

В годы Китайско-японской войны Япония вынашивала планы по выведению из состава Китая Маньчжурии и Монголии, в результате, границы Китая оказались под угрозой. В таких условиях изучение национальных меньшинств и пограничных территорий превратилось в необходимую меру по противостоянию японской агрессии. В это время большинство высших учебных заведений перемещаются из восточной части страны в западную и в приграничные районы; правительство начинает проявлять повышенное внимание к вопросу границ – вопросу, который с этого момента активно изучается. Таким образом, важной особенностью исследовательской деятельности китайских этнологов и антропологов становится изучение вопроса западных границ и районов проживания национальных меньшинств. Именно тогда зародилась традиция делать упор на исследования определённых территорий. Данная традиция сохранилась до сих пор.

В ходе углублённого изучения китайского общества, проводимого этнологией, происходит поиск ответов на поставленные этим же обществом вопросы. В результате этнология, развивающаяся в Китае, преобразуется из законченной копии зарубежной отрасли знаний в самостоятельное образование с местной спецификой. Ниже мы попытаемся рассмотреть особенности китайской этнологии.

1. Внимание к применению на практике. Если сравнивать китайских этнологов с их западными коллегами, что они уделяют больше внимания применению на практике этнологических знаний как способа решения существующих общественных вопросов. Поскольку на протяжении всей истории китайская интеллиген-

ция считала, что она лично ответственна за происходящее в стране, политическая обстановка вокруг Китая за последние сто лет вынудила китайских учёных уделять больше внимания практической стороне. На первом этапе формирования данной научной дисциплины существовала необходимость строительства нового государства, нового общества; затем, в годы противостояния японской агрессии перед китайским обществом стояла задача защиты и укрепления государственных границ. В результате, учёные были склонны видеть в этнологии практический инструмент, находящийся на службе у общества, нежели область научных исследований.

2. Северное и южное научные направления. С точки зрения теории, исследовательского метода и т. д. в китайской этнологии того времени можно выделить два направления – северное и южное. К южному направлению, главным образом, относятся учёные южного и восточного Китая. Его представителем является Ян Чэнчжи из Университета Чжуншань. С точки зрения теории оно испытало влияние американской исторической школы. Направление уделяло большое внимание древним документам и археологическим артефактам, а в качестве объектов исследования и изучения рассматривало культуру различных народов. В ходе исследований данное направление рассматривало эволюционизм как главную теоретическую позицию, уделяющую большое внимание описанию и всестороннему изучению, а также накоплению материалов.

Северное направление было представлено, главным образом, Университетом Яньцзинь, а его представителем является У Вэньцао и др. Основное воздействие на него оказал теоретический анализ европейской школы функционализма, тщательное изучение ханьских общин, повышенное внимание к разъяснению сущности теории. Важной особенностью направления было внимание к анализу причин возникновения различных социальных феноменов и их связь с другими явлениями. Вместе с тем, направление характеризуется вниманием к историческим документам.

За многотысячелетнюю историю Китай накопил большое число исторических документов. В таком сложном обществе, как китайское, кажется неуместным простое заимствование методов исследования, предложенных западными учёными для исследования колониального, простого общества.

Южное и северное направления имеют свою специфику, и хотя оба уделяют большое внимание историческим исследованиям, применяемые ими методы изучения исторических документов различаются.

3. «Своя» этнология и изучение общин. На Западе развитие этнологии началось с изучения колониальных народов и особенно тех, кто не имел письменной истории. В западном научном мире их было принято называть «примитивными». Но Китай является многонациональным государством, не имеющим ничего общего с колониализмом. В Китае существуют лишь подразделения на «внутренние районы», «пограничные районы» и «места проживания национальных меньшинств», но подразделения на «державу» и её «колонии» отсутствует. А потому западная этнология, занимавшаяся изучением различных народов, отличалась от китайской этнологии. Основываясь на таком традиционном подходе, китайская этнология претерпела многочисленные преобразования в сфере трактовки теоретических позиций, методологии и в исследовательских областях. Всё это привлекло к китайской этнологии международное внимание.

Западная этнология и социология имеют чёткое различие в предметах исследования и методологии. Социология тщательно наблюдает и исследует конкретное общество, «образованное общество»; место проведения её исследований – город. У этнологии – это народы, «примитивные сообщества», деревенские общества, бесписьменные сообщества. Научно-исследовательским методом У Вэньцао в социологии был метод, основанный на анализе данных трёх наук – демографии, географии и социологии; кроме того, он использовал теоретический анализ функционализма, проводил в Китае полевые исследования. В результате, его метод работы получил название «метод исследования общин». Комментируя свою работу, он написал: «С точки зрения автора, антропология и социология, на самом деле, – это две неразрывно связанные вещи, в особенности так должно быть в Китае».

В рассматриваемый промежуток времени исследования, проводимые местными этнологическими школами, применявшими «метод исследования общин», оказали влияние на крупные работы мировой этнологии, антропологии и социологии; например, работа «Сельское хозяйство деревни Цзянцунь» Фэй Сяотуна; «Деревня Цзинь» и («Золотые крылья») Линь Яохуа; «Уезд Дяньсянь» Ли Цзинхана и др. Бр. Малиновский лично в предисловии к книге Фэй Сяотуна написал: «Осмелюсь взять на себя роль предсказателя, предположив, что книга «Жизнь китайского крестьянства» («Сельское хозяйство деревни Цзянцунь») доктора Фэй Сяотуна станет верстовым столбом в развитии теоретической работы и практических исследований в антропологии».

Вплоть до настоящего времени существуют западные учёные, которые считают китайский «метод изучения общин» чрезвычайно важной главой в истории антропологии. И хотя они полагают, что этот метод, вероятно, попал под влияние только-только зарождающегося метода американской социологии, однако, американские антропологи того времени во многом опирались на зарубежные разработки, в то время как китайские этнологические исследования руководствовались, главным образом, своими.

Этнология нового Китая

После образования КНР китайская этнология взяла курс на заимствование опыта у Советского Союза. Китайская социология и антропология стала рассматриваться как «западная капиталистическая наука»; а физическая антропология согласно новым представлениям сохранилась только в Исследовательских институтах

археологии и палеонтологии Академии наук. В соответствии с системой деления, принятой в СССР, этнология стала относиться к историческим наукам.

Несмотря на то, что этнология сохранилась, в 1952 г., в ходе приведения в порядок университетских факультетов во всей стране все имеющиеся факультеты этнологии были потревожены, штат преподавателей этнологии сокращён, а по специальности «этнолог» больше не набирали студентов.

Первым шагом образовательных учреждений высшего уровня по изучению советского опыта стал перевод соответствующих научных работ и учебных материалов. В начале 1950-х годов СССР предоставил Китаю огромное количество учебных материалов и учебной литературы. Согласно данным статистики в период с 1949 по 1955 гг. Китай выпустил около 3000 наименований советских книг, переведённых на китайский язык, общим числом 20 млн. томов. В прошлом китайская этнология училась исключительно у Запада, а знания о советской этнологии были весьма поверхностны, но, переведя за короткий период огромное количество книг, ей удалось совершить большой рывок в восприятии советского опыта; учёные очень быстро освоили наработки советской этнологии и по заслугам оценили их. В этот период большое число советских специалистов, включая этнологов, приезжали в Китай с лекциями и совместно с китайскими учёными исследовали различные этнологические проблемы. Число китайских студентов, побывавших на стажировке в СССР за это время, составило 11 000 человек, в числе которых были и студенты, изучавшие этнологию. Среди самых известных этнологов, побывавших в эти годы в Китае с лекциями, руководитель кафедры этнологии МГУ профессор Н. Н. Чебоксаров. В Центральном институте национальностей он прочитал для китайской группы аспирантов-этнологов курс лекций по советской этнологии. В том же году аспиранты этой группы защитились и стали известными в Китае специалистами. По мнению западных учёных научное мировоззрение большинства этих людей до сих пор развивается в русле советской этнологической школы.

Большинство базовых учебных материалов по специальности «этнология» в Китае являлись советскими, переведёнными на китайский язык.

Советская этнология трудилась над созданием советского государства и участвовала в разработке национальной политики. Вместе с тем, этнология отстаивала интересы марксистско-ленинской теории и боролась с западным империализмом. Из-за этого главными целями советских этнологических исследований была политическая направленность и возможность применения на практике. Подвергнувшись влиянию советской этнологии, китайская этнология быстро приобрела ту же исследовательскую направленность. Некоторые области исследований испытали особенно сильное воздействие. Например, «изучение первобытных сообществ», «изучение видов хозяйственных культур» и др. В 1961 г. была опубликована совместная работа приехавшего с лекциями в Китай Н. Н. Чебоксарова и Линь Яохуа «Типы сельскохозяйственных культур Китая», среди прочего рассказывающая о каждом из национальных меньшинств Китая.

После всех преобразований китайская этнология полностью интегрировалась в советское научное русло, и, вместе с тем, стала отрицать или даже относиться враждебно ко всем научным направлениям Запада. Китайская этнология полностью прекратила контакты и научный обмен с этнологическими кругами Запада. Став одним из подразделений советской этнологической школы, китайская этнология осуществляла устойчивый научный обмен со странами соц. лагеря, например: Восточной Германией, Болгарией, Чехословакией, Северной Кореей, Румынией, Внешней Монголией, Вьетнамом. Ознакомится с некоторыми результатами этнологических исследований этих стран, главным образом, можно было в публиковавшем научные переводы «Вестнике переводов национальных вопросов».

В новом Китае как в многонациональном государстве в начале 1950-х годов правительством стала разрабатываться национальная политика, требовавшая теоретической базы и активного накопления материала. В этом процессе участие этнологов было обязательным. Освоив азы марксистской теории и теоретических основ советской этнологии, китайская этнология полностью посвятила себя изучению народов, живущих в пограничных областях, и национальных меньшинств. Несмотря на то, что дело научного строительства само по себе процесс весьма закрытый, тем не менее, исследовательская и полевая работы по изучению народов, в которых принимали участие учёные, привлекали повышенное внимание общества и правительства и получали государственную поддержку. Начиная с 1950-х годов, китайские этнологи сумели получить правительственную поддержку на проведение полномасштабного изучения всех народов Китая сроком на 14 лет и изучение истории национальных меньшинств сроком на 8 лет. Это позволило дать комплексную оценку национальной обстановки в стране. Результатом этой работы стало издание свыше 400 наименований книг по истории и лингвистике. Кроме того, учёные и различные исследовательские структуры на уровне провинций опубликовали множество работ, значительно превышающих по объёму выше упомянутые. Исследования, призванные выявить отличия между народами, сделали неоценимый вклад в создание обширную базу для последующей исследовательской работы по этнологии и разработки национальной политики нового Китая.

В 1957 г. по всей стране начались политические движения. Под удар попали многие ведущие специалисты в области этнологии. В этот период они подверглись гонениям и критике; их стали называть «учёными капиталистической этнологии», критиковать за использование традиционных западных теорий по этнологии. Несмотря на это этнологические исследования продолжались, хотя этнологию стали расценивать как слабое место науки. В это время практически прекратились научные разработки в сфере теории и методологии. На-

чина с 1958 г., китайско-советские отношения ухудшаются; практически сразу советская этнология, ранее воспринимавшаяся как образец для подражания, подвергается критике и получает название «этнография ревизионизма». Под влияние новой политики попадают учёные, которые занимались изучением советской этнологии. Тем не менее, структура, формы и ключевые исследовательские позиции данного периода сохраняют особенности советской школы этнологии вплоть до 1978 г., когда этнологическая наука вошла в новый этап развития.

Сначала в 1958 г. Академия наук Китая приняла решение создать Исследовательский институт по вопросам этнологии, но во время официальной процедуры учреждения вместе предложенного названия был утверждён вариант Исследовательский институт по вопросам национальностей. В начале 1960-х годов «изучение национальностей» окончательно вытеснило «этнологию».

Изначально на историческом факультете Центрального института национальностей существовала кафедра этнологии, а в высших учебных заведениях континентального Китая в ряде названий образовательных учреждений использовался единый термин «этнология», в 1964 г. в ходе преобразований кафедра была переименована в «кафедру этнографии». В этот период «исследование национальных вопросов» заменило «этнологию».

В годы Культурной революции (1966–1976 гг.) этнология была провозглашена «капиталистической наукой», а исследовательская и образовательная деятельность, осуществление которой прикрывалось названием «исследование национальных вопросов», полностью прекратилась.

Этнология новой эры

Весной 1978 г. состоялось открытие V Съезда Всекитайского собрания народных представителей. На заседании, во время рабочего правительственного доклада было провозглашено отделение этнологии от философии, юриспруденции, экономики, истории и др. наук. И этнология была объявлена независимой отраслью научных знаний, относящейся к области общественных наук Китая. Этнология обрела новую жизнь.

1) Исследовательская и образовательная структуры.

В 1980 г. начался новый этап строительства китайской этнологии. В настоящее время в Китае насчитывается почти 2000 членов Союза этнологов Китая, среди них 45% являются членами Союза национальных меньшинств в Китае, а также представителями свыше 40 национальностей.

Союз этнологов Китая имеет три подразделения: Отделение по изучению национальности хань, Отделение по изучению национальности хуэй (дунгане) и Отделение визуальной антропологии.

Союзы этнологов, исследующие региональные объединения и различные национальности, создаются в Китае повсеместно, например, Юго-западный союз этнологов Китая, Общество исследователей народов провинции Хэйлунцзян, Союз народов провинции Гиринь, Союз этнологов и антропологов Синьцзян-уйгурского АР, Союз народов провинции Юньнань, Союз исследователей народов провинции Гуандун, Союз исследователей народов Гуанси-чжуанского АР, Союз исследователей народов провинции Хубэй, Союз исследователей народов провинции Фуцзянь и др. Представители некоторых национальностей учредили собственные исследовательские общества. В 1981 г. был создан Союз антропологов Китая, в настоящее время он насчитывает почти 1000 членов. В Китае во главе с Центральным университетом национальностей существует 13 различных высших учебных заведений, специализирующихся на национальных вопросах. Большинство из них открыло соответствующие исследовательские лаборатории, факультеты и институты. Кроме того, Юньнаньский университет, Университет Чжуншань, Сямэньский университет, Ланьчжоуский университет, Пекинский университет и свыше десяти других высших школ также открыли факультеты этнологии и антропологии. За последние годы непрерывно растёт число вузов, в чьих стенах читается курс этнологии. Центральный университет национальностей на базе прежнего исследовательского отдела в 1983 г. создал факультет этнологии; в 1994 г. – этнологический исследовательский институт с пятью факультетами и исследовательской лабораторией; в 2000 г. – учреждение вновь было переименовано, превратившись в Институт этнологии и социологии. В настоящее время институт готовит специалистов, магистров, докторов. Исследовательские области включают изучение национальных сообществ и культуры, народов мира, этнологической теории и методологии, практической этнологии, исторической этнологии, национальной экономики, межнациональных взаимоотношений, истории этнологии, экологической этнологии, археологии, физической антропологии и ещё несколько десятков областей.

2) Базовые теоретические и практические исследования.

1. Изучение методологии и теории этнологии и антропологии.

1980-е годы – начальный период возрождения этнологии и антропологии. В эти годы китайские учёные, выполняя переводы, делают упор на работы теоретического и учебного характера. После 1990-х годов китайские исследователи также начали выпускать научную литературу. Вместе с тем стали выходить в свет издания с лучшими произведениями зарубежных учёных за 1920–1950-е годы. В последнее время китайские учёные больше внимания стали уделять современным работам своих зарубежных коллег, особенно изданным за текущие десять с лишним лет. Материалы некоторых западных журналов по этнологии и антропологии стало возможным почти одновременно выпускать на китайском языке. Последнее – результат улучшения и углубления научного обмена между Китаем и зарубежными странами.

2. Практические этнологические исследования.

В основе развития китайской этнологической науки лежит тесная связь с китайским обществом; верное понимание китайских национальных сообществ с точки зрения этнологии и антропологии служит развитию китайского общества.

3. Результат и новое строительство.

В последние годы китайская этнология в базовых теоретических и практических исследованиях добилась очень больших результатов. Во-первых, это доработка и улучшение традиционных теорий, распространённых в международной этнологии и антропологии. Во-вторых, последовательное обогащение и усиление специфических особенностей теории и методологии китайских этнологических исследований.

За последние тридцать лет китайская этнология, имеющая вековую историю, добилась особенно больших успехов. Достижения китайских учёных вносят неоценимый вклад в сокровищницу мировой науки. Мы надеемся, что эта отрасль науки не только продолжит активное развитие в Китае, но также сохранит и усилит применение на практике марксистской теории – своей важной особенностью.

*Перевод с китайского: О. И. Курто
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва*

СИМПОЗИУМЫ

Симпозиум 1

ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СБОРЕ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Секция 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Руководитель: д.и.н. Томилов Николай Аркадьевич (Омск)

АЛЕКСАНДРЕНКОВ Эдуард Григорьевич

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

КЛАССИФИКАЦИЯ РАННИХ ИСПАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КОРЕННЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ АМЕРИКИ

От времени конкисты и колонизации Америки осталось много письменных свидетельств, по которым можно изучать коренное население. Этому способствовали удаленность колоний от метрополии и строгая централизация власти, при которой любое действие местной администрации в Америке контролировалось королевской властью в Испании. Королевская власть была высшим судьей и для частных лиц, как светских, так и духовных, и они обращались к королю, если были недовольны действиями региональных властей. С ростом городов и развитием светской и духовной администрации росло количество местных документов. Кроме того, на протяжении XVI в. были написаны обширные сочинения о завоевании Америки и ее обитателях, в которых нашла отражение культура доевропейского времени и периода начальной колонизации континента испанцами. Испанские документы можно группировать с учетом разных параметров: тип документа, вид авторства, содержание документа, время появления, место составления и др. На мой взгляд, ранние испанские источники об аборигенах Америки полезно классифицировать на основе степени близости их составителей или авторов к описываемому явлению и широты пространственного охвата: 1) первичные источники, среди которых, в свою очередь, можно выделить нарративные, директивные и протокольные; 2) региональные описания; 3) работы общего характера, в которых речь шла о всей испанской Америке.

АХУНОВА Эльфира Рахимовна

Омский филиал Института археологии и этнографии

СО РАН, г. Омск

КАТАЛОГИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ КУЛЬТУРЫ ТАТАР В МУЗЕЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Издание каталогов этнографических музейных коллекций Сибири начали публиковать в Омске в се-

рии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» с 1986 г. За это время в свет вышли 16 книг этой серии, и 3 из них посвящены только культуре татар Западной Сибири. Первый выпуск «Хозяйство и средства передвижения татар Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета» опубликован в 1999 г. В нее входит описание 378 музейных предметов, и все они относятся к предметам, входящим в систему жизнеобеспечения татар Западной Сибири. Второй выпуск «Культура татар Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета», опубликован в 2003 г. В ней описаны 376 предметов домашней утвари, обстановки и украшения жилых комнат, наружный декор и другие предметы. Третий выпуск «Одежда татар Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета» вышел в свет в 2009 г. В ней дано описание 106 предметов верхней одежды, головных уборов и женских украшений, обуви татар.

Еще раньше, в 1979 г., в издательстве Томского государственного университета вышла книга «Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета». В ней опубликовано несколько десятков предметов татарской коллекции, находящейся в этом музее. В данный момент продолжается дальнейшая работа по каталогизации музейных коллекций в музеях Сибири.

**БОРОВ Аслан Хажисмелович,
МУРАТОВА Елена Георгиевна**

*Кабардино-Балкарский государственный университет,
г. Нальчик*

БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ XIX в.

Возникновение кавказоведения неотделимо от политических (военных, дипломатических, административных) интересов, целей и задач Российского государства.

Признание необходимости этнографического описания, долженствующего предшествовать изло-

жению военных действий и исторического хода распространения русского владычества в крае – центральное положение политико-этнологической парадигмы кавказоведения.

Констатация отсталости общественного развития горских народов, их пребывания в состоянии «первобытности», «младенчества», отсутствия элементов цивилизации – отправной пункт интерпретации проблем общественного развития народов региона.

Тесная и в то же время амбивалентная взаимосвязь социальных структур и систем власти и управления – особенность трактовки общественного строя народов Северного Кавказа в историко-этнографической литературе XIX в.

Тенденции эволюции кавказоведения – усиление в рамках сложившейся политико-этнологической парадигмы просветительской традиции ее толкования и применения, профессионализация сферы научного изучения Кавказа, превращение его в часть академической науки, снижение интереса к изучению традиционных форм правления у народов Северного Кавказа, тем более что по завершении Кавказской войны все функции власти и управления в регионе сосредоточиваются в руках российской администрации.

ГОСТИЕВА Лариса Казбековна

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, г. Владикавказ

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОСЕТИНОВЕДЕНИЯ: МАХАРБЕК ТУГАНОВ

Махарбек Сафарович Туганов (1881–1952) – выдающийся деятель осетинской культуры, один из основоположников реалистического изобразительного искусства осетинского народа, народный художник Северо-Осетинской АССР, исследователь этнографии и устного народного творчества осетин, публицист. В своих статьях М. С. Туганов уделял большое внимание горской архитектуре и орнаментальному искусству народов Северного Кавказа. Он подверг сравнительному анализу прикладное искусство и археологические материалы скифо-аланского и кобанского культурного круга и выявил ряд историко-этнографических параллелей. М. С. Туганов исследовал старинные общественные и семейные обряды осетин. Большую ценность представляют его записи о культе *Уацилла* и поверьях, связанных с похоронами убитого молнией.

М. С. Туганов являлся одним из первых исследователей народной хореографии и театра осетин. Он классифицировал осетинские танцы, сделав их запись собственным способом графической фиксации, изучал обрядовое ряжение, распространенное в календарной обрядности осетин. М. С. Туганов известен как собиратель и исследователь устного народного творчества осетин: нартовских сказаний, исторических и трудовых песен. На историко-этнографическом материале основано большинство живописных полотен и графических рисунков М. С. Туганова. Художественной выразительностью и эпической мону-

ментальностью отличаются его масштабная картина «Пир нартов» и серия иллюстраций к нартовским сказаниям.

ЕФРЕМОВА Юлия Николаевна

Омский филиал института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

ИЗУЧЕНИЕ ПИЩИ УКРАИНЦЕВ СИБИРИ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Поскольку пища является одним из наиболее устойчивых сфер культуры, ее изучение вызывает научный интерес у этнографов. В литературе XIX – первой половине XX в. украинская пища рассматривается как часть материальной культуры этноса и носит фрагментарный характер исследования. Интерес к традиционной украинской пище наиболее четко проявился во второй половине XX в. В работах Л. Ф. Артюх по традиционной пище украинского населения Украины наиболее четко описаны способы заготовки продуктов, режим питания, пищевые запреты и ограничения, повседневные и праздничные блюда: «Украинская народная кулинария: историко-этнографические достижения» (1977), «Традиционная украинская кухня в народном календаре» (2006) Эти работы на сегодняшний день являются основой для изучения традиционной украинской пищи.

В качестве объекта этнографического исследования пища украинцев Омского Прииртышья стала изучаться сравнительно недавно. Первые исследования традиционной украинской пищи юга Омской области состоялись в 1988 г. в рамках этнографической экспедиции Омского государственного университета. Был проведен мониторинг основных повседневных и праздничных блюд, показано значение трапезы в украинской семье. По результатам экспедиции ученые-этнографы опубликовали ряд очерков и статей, посвященных украинцам Омской области: А. Л. Чередников «Устойчивость традиционных компонентов материальной культуры (на примере системы питания украинцев Западной Сибири)», В. В. Реммлер «Украинцы» и др. Вклад в изучение пищи украинцев Омского Прииртышья внесла музеевед Т. М. Назарцева в статьях «Украинцы Омской области» (2003) и «Национальная кухня украинцев-переселенцев» (2006). Т. М. Назарцева также является составителем каталога «Материальная культура украинцев в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея», который вышел в свет в 2004 г. Культура украинцев Омской области освещается и в работах Д. Г. Коровушкина «Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири» (2006) и «Украинцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века» (2007), где приводятся сведения о хозяйстве, утвари и пище украинского народа. В целом в настоящее время традиционная пища украинцев Сибири остается малоизученной.

ЖУК Александр Владиленович

*Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск*

**АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ИЗЫСКАНИЯ И. С. ПОЛЯКОВА
НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ И НИЖНЕЙ ОБИ
В 1870-х гг.**

Доклад посвящен исследованиям в области археологии и этнографии, которые вел в 1870-е гг. в пределах Олонецкой и Тобольской губерний сотрудник Императорской академии наук Иван Семенович Поляков (1847–1887). По ходу изысканий он основное внимание уделил сопоставлению добытого им археологического и этнографического материала, причем в очень широких временном и пространственном спектрах. В терминах того времени это направление научных изысканий обозначалось как «естественная история человека», «антропология» или «палеоэтнология». Представляя собой результат сложного, многообразного, нередко противоречивого синтеза истории и естествознания, эта наука уже тогда располагала широким выбором интерпретаций своего объекта как целостного природно-культурного явления. Итоги экспедиций 1870-х гг. позволили И. С. Полякову приступить к разрешению основной методологической задачи, возникающей на стыке исторических и естественных наук. Задачу эту он сформулировал так: «Уяснить роль природы в судьбе человека и обратно обозначить те изменения, которые человек произвел среди этой самой природы». Здесь важнейшим для понимания человека оказывалось такое его состояние, в котором он тесно и непосредственно слит с природой, в максимально возможной степени зависим от нее; иначе говоря – первобытное состояние. В этой-то концепции еще один принципиально важный в тогдашней науке термин «до-история» приобретал точный смысл как состояние исходной нерасчлененности человека, который еще не выделился из природы.

ИППОЛИТОВА Александра Борисовна

*Государственный республиканский центр
русского фольклора, г. Москва*

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДОВ СИБИРИ
П. Е. ОСТРОВСКИХ (1870 – после 1936)**

Имя П. Е. Островских хорошо известно этнографам-сибиреводам как автора ряда основополагающих работ по этнографии хакасов, тувинцев, долган, эсесейских якутов и других народов Сибири. Достаточно сказать, что он первым в науке описал феномен тувинского горлового пения (1897 г.) и первым зафиксировал долганское олонхо (1902 г.). Весьма значимы для науки многочисленные собранные П. Е. Островских этнографические, антропологические, археологические, зоологические, ботанические и другие коллекции, хранящиеся ныне в Музее антропологии и этнографии РАН, Российском этнографическом

музее, Берлинском музее народоведения, Красноярском и Минусинском музеях и других собраниях. Вместе с тем биография этого ученого до сих пор была практически неизвестна (лишь в 2010 г. вышли две статьи В. А. Данилейко об исследованиях ученого в Туруханском крае, содержащих и биографические данные). В докладе на материале архивных источников (Архив РАН, фонды Красноярского и Минусинского музеев, отдел эстампов РНБ, семейный архив Ипполитовых) будет предложена реконструкция биографии ученого и его исследовательского пути; особое внимание будет уделено личностям, способствовавшим формированию научных интересов П. Е. Островских.

КАРАПЕТОВА Ирина Альфредовна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

**Л. В. КОСТИКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
КУЛЬТУРЫ ГЫДАНСКИХ НЕНЦЕВ**

Двадцатые годы XX столетия – период, предшествовавший социальным преобразованиям на Севере и важный этап в исследовании северных народов. В это время начинается планомерное изучение Российского Севера. Важное значение придавалось и исследованию культуры, традиционной системы землепользования, состояния промыслов и в целом опыта адаптации народов Севера. Этнографы и лингвисты, активно включились в работу по изучению языка, экономики и традиционной культуры северных народов. Одним из таких исследователей был сотрудник этнографического отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей) Леонид Васильевич Костиков.

Являясь участником Гыданской экспедиции 1927 г., возглавляемой известным ученым Б. Н. Городковым, он первым из этнографов обследовал этнолокальную группу ненцев, проживающих на Гыданском полуострове, зафиксировал их фамильный состав, провел антропометрические измерения 150 человек, собрал коллекцию, характеризующую их культуру и сделал 173 фотоснимка. По материалам поездки Костиковым написан ряд статей, представляющих значительный интерес. Л. В. Костиков был одним из старейших сотрудников этнографического отдела. Еще студентом в 1903–1904 гг. он работал в музее по вольному найму. Затем уже как заведующий русским отделом совершил ряд экспедиций в Кемский и Онежский уезды Архангельской губернии. Гыданская экспедиция оказалась для него первой поездкой в Сибирь. К тому времени Леониду Васильевичу исполнилось уже пятьдесят лет, и за его плечами разнообразная событиями жизнь. В 1931 г., когда многие сотрудники музея старшего поколения были репрессированы, Л. В. Костиков был уволен «как не соответствующий требованиям, предъявляемым к научному сотруднику, работа которого связана с массовой политико-просветительской работой». Умер Л. В. Костиков в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

КЕРИМОВА Мариям Мустафаевна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОВ РУССКОГО СЕВЕРА В ТРУДАХ Н. Н. ХАРУЗИНА И В. Н. ХАРУЗИНОЙ

Заслуги Н. Н. Харузина (1865–1900) и В. Н. Харузиной (1866–1931) в становлении и развитии этнографической науки России последних десятилетий XIX – первой трети XX столетия неоспоримы: им принадлежат более 200 трудов по этнографии, многие из которых вошли в золотой фонд отечественной научной мысли и не утратили актуальности и в наши дни. Велика роль В. Н. и Н. Н. Харузиных в утверждении этнографии как специальной дисциплины в российских вузах и создании первых систематических курсов лекций по этнографии, в их активном участии в экспедиционных и программных мероприятиях ведущих научных обществ, в архивном и музейном деле.

В докладе проанализированы труды брата и сестры Харузиных, посвященные русскому населению Олонецкой и Архангельской губернии и лопарям (самам) Кольского полуострова. Их по существу первая этнографическая экспедиция на Север (летом 1887 г.) по поручению этнографического отдела ИОЛЕАЭ, имевшая целью изучение жизни и быта русского населения Олонецкой и Архангельской губернии и лопарей, закончилась небывалыми для русской этнографической науки результатами. Это статьи Н. Н. Харузина, написанные на основании личных наблюдений: «О лопарской бывальщине и песне», «О нойдах у древних и современных лопарей», «К вопросу о двух типах лопарей» и «Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского у. Олонецкой губ.» и очерк В. Н. Харузиной «На Севере». Эти работы послужили прологом для капитальной монографии Н. Н. Харузина «Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта» (М., 1890), удостоенной золотой медали ИОЛЕАЭ. Труды Харузиных по достоинству были оценены их современниками (Д. Н. Анучин, В. Ф. Миллер) и не утратили своего научного значения и в наши дни (отзывы Т. В. Лукьянченко, Б. И. Кошечкина, О. Лукичевой и мн. др.).

КОРУСЕНКО Михаил Андреевич

Омский филиал Института археологии и этнографии

СО РАН, г. Омск

ИЗУЧЕНИЕ МИФОЛОГИИ ТАТАР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Данный доклад посвящен изучению мифологии сибирских татар во второй трети XX – начале XXI в. В начале выделенного нами хронологического периода ее изучение связано с именами Ф. Т. Валеева, Н. А. Томилова. Благодаря их работам появилась возможность представить большинство образов ми-

фологического пантеона изучаемой этнической общности. В середине 1980-х – начале 2000-х гг. в этой области начала свою работу целая группа молодых исследователей. Выбранные ими направления работ при изучении мифологии можно свести к двум большим исследовательским проектам. Первый – исследование региональных аспектов распространения и существования ислама, языческо-мусульманского синкретизма (Селезнев, Селезнева, 2004; Селезнев, Селезнева, Белич, 2009 и др.). Второй – работы по созданию энциклопедического словаря «Мифология сибирских татар» (см.: Корусенко, Смирнова, Ярзуткина, 2002. С. 446–449 и др.).

Необходимо отметить, что в результате работ исследователей в рамках этих больших направлений произошло существенное изменение состояния изученности мифологии сибирских татар. В частности, уточнен пантеон мифологических образов, выявлены сакральные предметы и объекты вещного мира, обозначены абстрактные понятия. Настоящее состояние исследований в этой области следует определить как завершение этапа накопления данных, за которым последует этап обобщения, изучения генезиса и динамики явлений в традиционном мировоззрении сибирских татар.

КОТЫЛЕВ Александр Юрьевич

Ками государственный педагогический институт,

г. Сыктывкар

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Житие святителя Стефана Пермского, написанное в конце XIV в. иноком Троицко-Сергиевой лавры Епифанием Премудрым, является уникальным произведением. Оно не только утвердило в российской культуре образ выдающегося миссионера, просветителя Перми, но, по-видимому, во многом изменило мироотношение русской социокультурной элиты, начавшей как раз с этого времени проявлять интерес к другим народам и странам, выходящий за пределы религиозной тематики. Одним из основных исходных тезисов концепции жития утверждается многообразие народов. Вслед за некоторыми другими православными мыслителями (в русской традиции – Иларионом) Епифаний предлагает подход, позволяющий сравнить народы друг с другом и, в какой-то степени, систематизировать различия между ними. Возникает своего рода иерархия этносов, незамкнутая и нестабильная, в рамках которой каждый народ наделяется способностью культурно и духовно возрасти от естественного состояния (определяемого родовым происхождением и местом проживания) до цивилизованного (связанного с обретением письменности) и далее – до высшего состояния православной просвещенности. В основе житийного представления этноса лежат два понятия: «язык» и «земля». Пермская земля обозначена в житии в земной системе координат, наряду с которой в житии описана еще религиозная, божественная, мистическая. Первоначаль-

ное белое пятно, обойденное апостольскими ногами, незатронутое божественным Словом сакрального языка обретает равноправие в ряду других стран и народов. Состоявшийся акт крещения зырян позволяет автору утвердить Стефана Пермского в длинном ряду апостолов в качестве сакрального патрона Пермской земли.

ЛЕГОСТАЕВ Александр Сергеевич

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

ПРАВОСЛАВНОЕ СЕКТАНТСТВО В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Научный интерес к нетрадиционным религиозным течениям сформировался в России во второй половине XIX в. В предшествующий период заинтересованность в изучении раскола и сектантства проявляли либо представители духовенства, целью которых было опровержение ересей и возвращение заблудших в лоно православия, либо чиновники министерства внутренних дел напрямую, ввиду своих профессиональных обязанностей связанные с делами раскола. К последним, в частности, можно отнести В. И. Даля и Н. И. Надеждина, занимавшихся изучением русского скопчества.

Тема сектантства становится более доступной для гласности в 60-е гг. XIX в., в эпоху правления императора Александра II. В периодической печати появляются статьи популяризатора истории сектантства и раскола, известного писателя П. И. Мельникова «Тайные секты» и «Белые голуби». Значительный вклад в изучение русских мистических сект внесли работы Н. И. Барсова, подготовившего сборник сектантских песнопений. Также нельзя не упомянуть деятельность таких специалистов, как И. Г. Айвазов, Н. Г. Высоцкий, В. И. Кельсиев, К. В. Кутепов, П. Н. Милюков, А. С. Пругавин, А. П. Щапов, чьи исследования не утратили своего эвристического потенциала и в наши дни.

ЛУКЬЯНЕЦ Ольга Степановна

*Национальный музей этнографии и истории природы
Республики Молдова, г. Кишинев (Молдова)*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕССАРАБИИ (XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)

История Бессарабии XIX – первой половины XX в. как в зеркале отразилась в истории этнографических исследований. С 40-х гг. XIX в., когда этнография приобрела статус самостоятельной дисциплины, этнографические исследования в Бессарабии велись в едином русле с российской этнографией. Созданные в России научные общества вовлекали в проводимые ими изыскания интеллигенцию края. Во второй половине XIX в. в Бессарабии начался процесс оформления научных учреждений, выполнявших функции и организаторов этнографических исследований (Бессарабский статистический

комитет, Бессарабская губернская ученая архивная комиссия, Музей Бессарабского земства). Наиболее влиятельные периодические издания края (Бессарабские губернские ведомости и Кишиневские епархиальные ведомости) принимают активное участие в изучении традиционной культуры населения края. В силу сложных политических событий с 1918 вплоть до 1940 г. молдавская этнография непосредственно попадает в орбиту румынской этнографической школы. Сфера воздействия русской этнографии сузилась – научные центры Советского Союза в этот период проводили исследования лишь на территории Молдавской автономной республики. Румынская этнографическая школа с 30-х гг. XX в. целенаправленно изучает край по линии Института социальных исследований. С июня 1940 г. этнографические изыскания в крае ведутся вновь научными центрами Советского Союза. В годы Второй мировой войны румынские социологи, выполнявшие политический заказ правящей элиты своей страны, продолжают изучение традиционно-бытовой культуры молдаван Бессарабии. Влияние этих двух научных школ сохранялось и после изменений чисто политического характера. Колебания в сторону то одной, то другой этнографической школы были закономерны. Видимо, можно говорить о соперничестве не только двух этнографических школ, но и двух культур, что было порождено и географическим положением края. Бессарабия наряду с некоторыми другими территориями, как подчеркивают современные политологи, представляла собой исторический промежуточный пояс между российской и европейской романо-германской этноцивилизационными платформами.

ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ Сергей Валентинович

*Оренбургский государственный педагогический
университет, Поволжский филиал
Института российской истории РАН, г. Оренбург*

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Активное развитие этнографии на территории Оренбургского края в досоветский период было обусловлено его пограничным положением и потребностями налаживания эффективного имперского управления многонациональным регионом. В докладе обозначены основные этапы развития данного процесса, которые персонализируются такими исследователями, как: 1) П. И. Рычков, П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. К. Георги (середина – конец XVIII в.); 2) Г. Ф. Генс, А. И. Левшин, Н. В. и Я. В. Ханьковы, И. Ф. Бларамберг, А. А. Леман (первая половина XIX в.); 3) В. В. Григорьев, В. В. Вельяминов-Зернов, А. А. Бобровников, Р. Г. Игнатьев, С. Б. Кукляшев (1850–1860-е гг.); 4) Ж.-А. Кастанье, А. Е. Алекторов, Д. Н. Соколов, М. С. Бабаджанов, С. Джантюрин, Т. и А. Сейдалины (конец 1860-х –

конец XIX в.); 5) Р. Фахретдинов, И. М. Бикчантаев, С. Камалетдинов, М. Я. Бигеев (начало XX в.). Сделан вывод о том, что особенности этапов во многом основывались на должностных обязанностях и социальном статусе исследователей, которые определяли магистральный вектор (некую «сверхзадачу») их этнографических изысканий. Это особенно ярко проявилось в рамках первых трех этапов, когда большинство оренбургских этнографов являлись чиновниками местной администрации. Впоследствии в крае появились организующие центры в виде сначала научных (архивная комиссия, отдел географического общества), а затем и национальных просветительских организаций (газета «Вақыт», медресе «Хусаиния» и др.), которые пытались создать программу этнологических исследований в крае и координировать работу этнологов.

МАГОМЕДХАНОВ Магомедхан Магомедович
*Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН,
г. Махачкала*

ОБ ЭТНОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ДАГЕСТАНСКИХ АРАБОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Арабо-мусульманская письменная традиция, зарождение которой связано с исламизацией Дагестана, имеет тысячелетнюю историю и представлена многочисленными сочинениями на арабском, персидском, тюркском и местных языках. Это такие выдающиеся произведения, как «История Ширвана и Дербенда» (1106); «Тарих Дагестан» Мухаммада-Рафи (XIV в., о событиях X–XIV вв.); «Дербент-намэ» (конец XVI – начало XVII в. (о событиях V–X вв.) и др. В Дагестане до XIX в. письменными являлись преимущественно арабский и тюркский языки. В XIX в. наблюдается упрочение позиций языков народов Дагестана в сфере религии, художественном и научном творчестве. С 20-х гг. прошлого столетия арабо-мусульманская письменная традиция, хотя и не была предана полному забвению, перестала существовать как легально функционирующая система.

Сочинения на арабском языке предназначались для просвещенной части дагестанцев, тогда как на аджаме писали преимущественно «для народа», то есть с учетом духовно-нравственных пороков, потребностей и интересов общества. Так, с сознанием поведенческих изъянов современников написаны «Къылыкь китап» («Книга об этике») на кумыкском языке Абусуфьяна Акаева, «Насихату-л-главам фи найли-л-маарам» («Наставление народу в обретении блага») на лакском языке Курбанали ал-Гумчукатли, «Бустан Аваристан» («Сад Аваристана») на аварском языке Сиражудина из Обода, «Уммул баян» («Мать разъяснений») на аварском языке Абдуллаха из Чоха. Дагестанские арабографические сочинения представляют собой самостоятельный, заслуживающий этнологического осмысления феномен культуры.

МАТВЕЕВ Алексей Викторович

*Омский областной музей изобразительных искусств
им. М. А. Врубеля, г. Омск*

КУЛЬТУРА ДОРОГИ ИЛИ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПУТЕШЕСТВИЯ?

Наибольший вклад в изучение народных традиций путешествия в России внесла Т. Б. Щепанская. В монографии «Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.» (2003) она на обширном этнографическом материале отобразила общие принципы организации дорожных взаимодействий, дорожные формы жизнеобеспечения и общения, структуру дорожных сообществ. На основании исследования символики дороги и придорожного пространства она реконструировала ряд механизмов функционирования традиционной системы территориальных коммуникаций. Термин «культура дороги», введенный Т. Б. Щепанской, обозначает «комплекс этнических традиций – обычаев и норм поведения, вещественных атрибутов и представлений, связанных с передвижением». Между тем в русском языке слово «дорога» имеет и значение материального объекта на поверхности земли. По этой причине применение термина «культура дороги» неоправданно расширяет предметную область заявленного Т. Б. Щепанской феномена и должно включать в себя рассмотрение устройства дорожных искусственных сооружений, обстановки дороги, проезжей части, земельного полотна.

Мы используем термин «традиционная культура путешествия», под которым понимаем комплекс народных знаний и представлений, вещественных атрибутов, направленных на обеспечение достижения цели путешествия человека в конкретных природно-географических условиях, в рамках сложившейся системы восприятия мифологического пространства.

МЕЖЕВИКИН Иван Владимирович

*Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, Сибирский филиал
Российского института культурологии, г. Омск*

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ

Погребально-поминальная обрядность в отечественной историографии рассматривалась как с точки зрения теории (о сущности, природе и структуре погребально-поминальной обрядности как явления) писали А. А. Богданов, Ю. А. Смирнов, С. А. Токарев и др.), так и в виде описания и анализа конкретных практик русских различных регионов (например, в трудах Д. А. Анучина, Д. К. Зеленина, И. А. Кремлёвой, П. Е. Бардиной и т. д.). К периоду предистории этнографического изучения погребально-поминальной обрядности русских следует отнести все записи до середины XIX в. Несмотря на то что в летописях и книгах более раннего периода (Повесть временных лет, работа И. Г. Георги и т. п.) содержится значи-

тельный объем этнографических сведений по погребально-поминальной обрядности русских, эти записи не носят системного характера. С середины XIX в. в связи с деятельностью Императорского Русского географического общества начинается новый этап этнографического изучения погребально-поминальных обычаев русского населения, создаются методы и система исследования обрядов, связанных со смертью, первые программы сбора данных по погребально-поминальной обрядности русских, а также первые специальные и систематические труды по данному вопросу. С середины XX в. радикально меняются подходы и методы исследования погребально-поминальной обрядности: начинаются междисциплинарные исследования (этноархеология, этнолингвистика и т. п.), а также используются цифровая фото- и видеосъемка, ГИС-технологии и т. д.

МИХАЛЕВА Татьяна Владимировна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

ОМСКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1920–1970-х гг.: СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Первым исследователем, которому принадлежит опыт осмысления культурно-исторической ситуации в Прииртышье эпохи Средневековья является В. П. Левашева. Она обобщила материалы XV–XVII вв.

В 1945–1949 гг. в Прииртышье работала Северо-Барабинская экспедиция Института истории материальной культуры под руководством московских ученых В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской. В 1950-х гг. вышли их широко известные работы по созданию генеральной схемы развития народонаселения западно-сибирского региона. Исследователи акцентировали внимание на угорской этнокультурной принадлежности памятников железного века. Были выделены археологические культуры, которые позднее другими учеными подвергнуты пересмотру, их культурно-хронологическая принадлежность скорректируется к Средневековью (среднеиртышская, потчевашская культуры).

В 1950–1960-х гг. в составе Средне-Обской экспедиции Томского государственного университета А. С. Шемякина (Чагаева) исследовала ряд ранне-средневековых памятников в лесном Прииртышье. Ею была поднята тема потчевашской археологической культуры раннего Средневековья.

Особый этап в изучении Средневековья Прииртышья связан с именем московского археолога В. А. Могильникова, ученика В. Н. Чернецова. Исследователь определял материалы Средневековья как угро-самодийские, уделяя большое внимание тюркизации региона. Уральская археологическая экспедиция под руководством В. Ф. Генинга в 1961 – конце 1970-х гг. предложила свою схему последовательного развития культурной ситуации в Среднем Прииртышье. Памят-

ники Средневековья в Прииртышье уральскими учеными определялись как самодийские.

НИКИШЕНКОВ Алексей Алексеевич

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЭТНОЛОГИИ

Во всем многообразии признанных в академической среде науковедческих концепций нельзя не учитывать так называемую парадигмальную теорию американского философа науки Т. Куна. Основными аналитическими понятиями этой теории являются «нормальная наука», «парадигма» и «научная революция». Теория Куна несет в себе немало эвристических и аналитических возможностей для изучения истории науки, но в ней есть и определенная ограниченность, особенно в применении к гуманитарным наукам, так как она разрабатывалась на материале естественных наук. Кроме того, ее дискретная модель развития науки слабо учитывает либо вообще не учитывает филиацию и преемственность идей между разными поколениями ученых. Эти обстоятельства послужили причиной разработки альтернативных науковедческих теорий, одной из которых стала концепция «трансформации научного познания» Б. Козна, изложенная им в книге «Ньютоновская революция: с иллюстрациями трансформации научных идей», которая исходит из того, что новые теории вытекают из старых, образуя некий синтез, а историческое движение научного познания – это трансформация идей и исследовательских принципов. Обе концепции представляют собой крайние точки зрения, хотя в каждой из них заложен позитивный элемент. Очевидно, что для выработки методологической ориентации, адекватной историческому процессу развития этнологии, необходим некий синтетический вариант. Настоящий доклад представляет собой попытку рассмотреть историю отечественной этнологии последних двух десятилетий с позиций такого синтетического подхода. В особенности важно сопоставить соотношение (столкновение) двух методологических ориентаций в истории нашей науки – «теории этноса» и «теории этничности».

ПОДРЕЗОВА Светлана Викторовна

*Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург*

«АКАДЕМИЧЕСКИЙ СБОРНИК РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕСЕН»: ИСТОРИЯ ОДНОГО СОБРАНИЯ

В середине 1930-х гг. сотрудники фольклорной секции Института антропологии и этнографии, как и многие советские исследователи, выполняли социальный заказ сталинского режима. Казалось бы, что может быть благополучнее, чем подготовка к изданию антологии русской революционной песни, когда живы еще те, кто мог назвать себя носителями или даже авторами широко известных и культивируемых

в советском быту так называемых песен революционной борьбы. Однако «бригаде по собиранию революционных песен», которая состояла из таких крупных фигур отечественной науки, как Е. В. Гиппиус, С. Д. Магид, В. И. Чичеров, А. А. Шилов, П. Г. Ширяева, под руководством музыковеда М. С. Друскина и под зорким взглядом руководителя фольклорной секции М. К. Азадовского, так и не удалось увидеть свою антологию в печати. Причина, к сожалению, банальна и вместе с тем трагична. В докладе предлагается попытка восстановить историю создания этого сборника по сохранившимся архивным материалам и представить один из малоизвестных и неоднозначных эпизодов в истории отечественной науки.

ПУШКИН Сергей Николаевич

Нижегородский государственный педагогический университет, г. Нижний Новгород

ПРОБЛЕМА ЭТНОСА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ГУМИЛЕВА

По утверждениям Л. Н. Гумилева, «ни одного реального признака для определения этноса как такового» пока еще не обнаружено. При его определении он из обширного перечня его значений выбирает только «вид», «породу» (той или иной общности людей). Все другие значения для его концептуальных построений мало приемлемы, ибо он стремится в первую очередь выделить то общее, что имеется у различных этносов. Принципиально отрицая наличие у них какого-либо универсального внешнего отличительного признака, Л. Н. Гумилев определяет этнос как *системную целостность*. Понимая систему как группу составляющих ее элементов, в которой сами элементы менее важны, чем постоянно возникающие между ними связи, он критиковал исследователей, утверждающих обратное. Для него этнос – это всегда коллектив людей, так или иначе выделяющий себя из числа всех прочих коллективов («мы» и «они»). По Л. Г. Гумилеву, этнос характеризуется стереотипом поведения, который, как и сам этнос, динамичен и индивидуален. Он постоянно повторяет, что этнос – явление, с одной стороны, производное от исторического процесса, а с другой – самым тесным образом связанное с естествознанием. В этой связи он отмечает различного рода воздействия общественного развития на процессы эволюции этносов, но лишь при условии их «воплощения в истории», хотя всегда при этом указывает, что исторический материал необходимо тщательно обрабатывать методами естественных наук.

САВОСКУЛ Сергей Сергеевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ 1920-х гг. (по материалам Переславля-Залесского)

В докладе на примере Переславля-Залесского рассматривается развитие этнографического краеведения 1920-х гг. – практически неизученной части ис-

тории отечественной этнологии. Для краеведения тех лет характерна небывалая до той поры массовость, а также целенаправленная поддержка государства и активное участие в нем многих авторитетных ученых. В те годы под руководством Российской академии наук было создано Центральное бюро краеведения, в которое вошли известные отечественные ученые, при этом членами его президиума был ряд авторитетных этнографов, фольклористов и антропологов: Д. Н. Анучин, В. В. Богданов, Д. А. Золотарев, С. Ф. Ольденбург, Б. Э. Петри, Ю. М. Соколов и др. В 1923 г. начал издаваться журнал «Краеведение», в котором многие известные исследователи публиковали свои статьи, программы для работы краеведов, обзоры новой литературы. Специальные программы для сбора фольклора и другого этнографического материала издавались и отдельно.

Научные результаты этнографического краеведения 1920-х гг. по-настоящему еще предстоит оценить, но уже сейчас очевидно, что наиболее значительными они были там, где идеи изучения локальной народной культуры попали на подготовленную почву, где краеведение развивалось в русле современных научных знаний. Такое удачное совпадение сложилось в Переславле-Залесском, где наиболее известными были публикации переславского краеведа старшего поколения М. И. Смирнова, ставшего организатором фольклорно-этнографического изучения края. Не менее значительными, но до последнего времени неопубликованными и в силу этого практически неизвестными были достижения его младшего коллеги С. Е. Елховского. Первая половина его уникального фольклорно-этнографического собрания недавно издана под руководством автора.

СОЛОВЬЕВА Любовь Тимофеевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ АКАДЕМИКА С. Н. ДЖАНАШИА

Известный грузинский историк, академик Симон Николаевич Джанашиа (1900–1947), крупнейший специалист по истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, стоял у истоков создания АН Грузии, был одним из первых выпускников Тбилисского государственного университета, основанного в 1918 г. И. А. Джавахишвили. Для творчества ученого был характерен значительный интерес к данным этнографии, которые он плодотворно использовал в своих научных изысканиях. Причем С. Н. Джанашиа и сам собирал «в поле» и записывал этнографические материалы.

Наиболее обширные этнографические записи С. Н. Джанашиа посвящены абхазам и адыгским народам Северного Кавказа – абазинам, адыгейцам, кбардинцам, шапсугам. Кроме того, имеются также материалы по чеченцам и некоторым дагестанским народам – даргинцам, аварцам, лакцам; они охватывают значительно меньший круг вопросов, но содер-

жат весьма интересные наблюдения и факты. Важно, что эти этнографические материалы собирались в 1920-е гг. профессионалом – историком и языковедом – и теперь представляют огромную ценность как первоисточник. Они были изданы на грузинском языке еще в 1968 г. в четвертом томе «Трудов» С. Н. Джанашиа, но, судя по отсутствию ссылок на эти материалы, этнографы к ним не обращались. Одна из целей доклада – привлечь внимание этнографов к этому интереснейшему источнику, особенно учитывая то обстоятельство, что существенная часть полевых записей С. Н. Джанашиа – «Черкесские дневники» – недавно издана в переводе на русский язык. Несомненно, было бы важно осуществить перевод всех этнографических материалов С. Н. Джанашиа на русский язык, чтобы расширить круг специалистов, которые имели бы возможность обращаться к этому замечательному источнику.

СОУКУПОВА Бланка

Университет им. Карла, г. Прага (Чехия)

ЧЕШСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ (АНТРОПОЛОГИЯ ПОСЛЕ БАРХАТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

Цель доклада – сформировать взвешенный взгляд на роль и место современной антропологической дисциплины в чешской науке. Доклад включит в себя наиболее важные темы чешской антропологии – исследование города, изучение этнических меньшинств и религиозных групп в городе. В статье будут рассматриваться проблемы контактов с бывшим европейским Востоком. Какие существуют возможности сотрудничества?

ТИХОМИРОВ Константин Николаевич

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

О ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ ДРЕВНИХ МИГРАЦИЙ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В истории исследования причин миграционных процессов явно выявляются два направления. Одно из них главным стимулом миграций объявляет социально-экономические процессы. Второе отстаивает превалирование естественных природно-географических факторов. Первое отражает доминировавшее среди российских историков второй половины XX в. представление об историческом процессе как прогрессивной смене общественно-экономических формаций вследствие социальных революций. Оно во многом было обусловлено господствующей в то время в России идеологией.

Существует большой массив археологических данных о подвижках без значительных социальных потрясений (переселения кулайцев, миграции носителей традиций фигурно-штампованной орнаментации керамики и ряд других). Попытки объяснения этого и стремление избежать абсолютизации социальных фак-

торов привели к тому, что определенную долю популярности приобретают альтернативные работы. В них доминирующими причинами переселения выступали природно-географические факторы. Эти работы были вызваны исследованиями палеоклиматологов, предположивших смещение природно-географических зон в период перехода к раннему железному веку и в раннее Средневековье. Ряд исследователей Западной Сибири предположил, опираясь на данные археологических исследований, что указанные сдвиги сопровождались движением групп населения. Указанная точка зрения была близка воззрениям представителей процессуальной археологии, утверждавших, что исследование социумов должно быть тесно связано с изучением среды проживания при теснейшей интеграции с естественными науками. Данная точка зрения вызвала ряд плодотворных дискуссий, в результате чего при исследовании причин миграций сейчас стремятся учитывать не только социальные факторы.

ТИХОМИРОВА Марина Николаевна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

ИЗУЧЕНИЕ ПИЩИ В РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКЕ (1980–2010-е гг.)

Наиболее плодотворное изучение пищи развивалось в рамках *направлений*:

– культура (система) жизнеобеспечения, работы «Этнография питания народов стран зарубежной Азии» (1981) «Культура жизнеобеспечения и этнос ...» (1983);

– этническая экология и адаптация, статья Н. И. Григулевич в «Этнической экологии: теория и практика» (1991), работы Ю. Б. Симченко и Г. И. Афанасьевой в «Сибирском этнографическом сборнике» (1993). Идея о том, что пища – это часть культуры (системы) жизнеобеспечения, стала очень популярна в «крупных» исследованиях, посвященных данной теме в 1990–2000-х гг., поскольку, как нам кажется, работа в рамках этнической экологии требовала специальных знаний и подготовки.

При изучении пищи и питания можно выделить несколько *тем*, одна из которых становилась ключевой в том или ином исследовании: 1) технология приготовления (например, у А. Р. Хабибуллиной (1999); 2) соционормативная и обрядовая роль пищи и питания в культуре изучаемого народа (например у М. Г. Якунчевой (2004), С. Р. Курмановой (2010); 3) генезис, историко-культурные связи (у М. С. Бердыева (1990), С. А. Абдулкаримова (1992), М. Н. Тихомировой (2006).

За рассматриваемый период *больше всего работ* по пище посвящено: народам Кавказа (по армянам – раздел в «Культуре жизнеобеспечения и этнос ...» (1983), адыгам – М. Ф. Пафова (1992); по народам Дагестана – «Система питания народов Дагестана» (1990), М. Б. Алимова (2003, 2005), Р. Б. Рамазанова (2007); по карачаевцам и балкарцам – М. Х. Хаджиева

(2008); по русским – работы В. А. Липинской (1981, 1987 и др.), Н. И. Григулевич (1990, 1996), статьи Т. А. Ворониной (2001, 2004), Т. Б. Андреева (2006), М. В. Блощицына (2008); по башкирам – А. Р. Хабибуллина (1999), Э. В. Мигранова (2003); по коренным народам Сибири: по восточным хантам – статья Н. В. Лукиной (1991), гыданским ненцам – А. Есида (1997), хантам и манси – Е. А. Оборотова (2003), алтай-кижи – В. А. Муйтуева (2007).

ТОМИЛОВ Николай Аркадьевич

Омский государственный университет

им. Ф. М. Достоевского, Омский филиал

Института археологии и этнографии СО РАН,

Сибирский филиал Российского института культурологии

МК РФ И РАН, г. Омск

**НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ГОРОЖАН СИБИРИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.**

В этнографическом изучении городов Сибири второй половины XX – начала XXI в. выделяются два периода. 1950 – 1960-е гг. характеризуются изучением истории заселения Сибири, этнодемографии, хозяйства, отдельных явлений культуры (в основном архитектуры) историками, искусствоведами и в малой доле этнографами. Второй период (1970-е гг. – начало XXI в.) – это исследования этнографов, этноархеологов, этносоциологов. В 1970–1980-х гг. они появились в единичных вариантах. В 1990-х гг. – начале XXI в. этнографические исследования горожан приняли целенаправленный характер. В Новосибирске, Омске и Томске шли процессы складывания научных центров по этой проблематике. Теоретические подходы к проблеме народной культуры горожан нашли отражение в работах Д. А. Алисова, В. А. Дмитриева, М. А. Жигуновой, М. В. Зубачевского, А. В. Самсонова, О. Г. Севан, Г. В. Старовойтовой, С. А. Токарева, Н. А. Томилова, М. П. Черной и др.

Что касается изученности материальной и духовной сфер народной (традиционно-бытовой) культуры городского населения Сибири, то эта часть нашего исследования рассмотрена на монографических работах Ш. К. Ахметовой по этнологии и этносоциологии казахов, И. В. Лоткина по этническим процессам и показателям населения городов Омской области, А. А. Люцидарской по истории и этнографии русских городов Сибири, А. Ю. Майничевой по зодчеству русских городов Сибири, А. В. Малхасьяна и А. Г. Селезнева по компонентам современной культуры татар Салехарда, Г. М. Патрушевой по этнографии и этносоциологии шорцев Кемеровской области, Н. А. Томилова по этнографии и этносоциологии татар городов Западной Сибири, М. П. Черной по культуре населения русского средневекового города (Томска) Сибири. Предстоит выполнить огромный объем этнографических и этносоциологических исследований в городах Сибири. Главное, нужно вернуть этнологов в сторону изучения этнографии города.

УВАРОВА Татьяна Борисовна

Институт научной информации

по общественным наукам РАН, г. Москва

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАКТОР
В СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ
РОССИЙСКОЙ ЭТНОЛОГИИ**

В российской этнологии за короткий период на рубеже XX–XXI вв. произошли очевидные изменения, существенно преобразившие общепризнанную международным научным сообществом академическую и университетскую дисциплину не только исторического, но и антропологического профиля. Отечественная этнология, учитывая острую востребованность этнологического знания на современном этапе развития российского общества, представляет особый интерес как репрезентативная модель для анализа многоплановых изменений обществоведческой дисциплины в условиях сложных социально-культурных трансформаций общества, а также формирования современной информационной среды.

Особую актуальность в современном науковедении получило направление, связанное с исследованиями информационных характеристик научной деятельности, от уровня мировой науки в целом до анализа динамики отдельных дисциплин национальных научных школ. Более разнообразными становятся и исследовательские методы в этой области науковедения. Преобладавшие первоначально количественные методы, присущие библиометрии и информетрии, дополняются применением дискурсного подхода к социально-гуманитарному знанию как совокупному тексту, социологическими интерпретациями. Анализ современной российской этнологии с этих позиций позволяет рассматривать их не только в виде хронологически разворачиваемого перечня биографо-библиографических данных о наиболее известных ученых, списка исследовательских центров и аналитических характеристик их деятельности, конкретных проблемно-историографических исследований, как информационное пространство или совокупность информационных ресурсов, создаваемых и востребованных научным сообществом. Информационное пространство российской этнологии характеризуется по основным сайтам информационных ресурсов, то есть публикационных потоков и массивов, а также электронных и интернет-ресурсов. Анализируются формирование информационно-поисковых технологий в современном этнологическом антропологическом знании и информационный потенциал российского этнологического образования.

ФИЛИППОВ Василий Рудольфович

Институт Африки РАН, г. Москва

**В ПОИСКАХ ТЕОРИИ: У ИСТОКОВ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АФРИКАНИСТИКИ**

Судить о теоретических воззрениях ученого, творившего в тоталитарном обществе, сложно. Реконструировать методологическое «кредо» в таких случаях можно лишь на основе «информированного инту-

итивного суждения». Анализ терминологического континуума трудов Д. Ольдерогге свидетельствует о том, что он не воспринимал ни сталинскую «теорию нации», ни «советскую теорию этноса». Он полагал, что к концу XIX в. русская этнография вышла на мировой уровень благодаря работам М. Ковалевского, Н. Зиберта, Н. и В. Харузиных. Обучение у классиков отечественной науки В. Бартольда и В. Струве, сотрудничество с Л. Штернбергом и В. Богоразом во многом определило приверженность Д. Ольдерогге идеям эволюционистов. Ученый с пиететом отзывался о Л. Моргане, Я. Бахофене, Э. Тейлоре, Дж. Фрезере. Позже, обучаясь в Германии, Д. Ольдерогге попал под сильное влияние концептуалистов культурно-исторической школы – Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, К. Менхофа, Д. Вестермана. Известное влияние на Д. Ольдерогге оказали идеи Ф. Боаса. О функционализме Б. Малиновского и Р. Брауна он отзывался очень резко, скептически относился к формальным методам исследования в структурной лингвистике. Себя он позиционировал как адепта сравнительно-исторического метода, последователя Я. Гримма, Ф. Боппа, Р. Раска. А. Востокова. Несмотря на энциклопедические познания и большое число учеников, нет оснований считать Д. Ольдерогге создателем оригинальной теории и собственной научной школы.

ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, г. Магадан

КОНЦЕПЦИИ ЭТНОГЕНЕЗА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОЛОГИИ

В докладе рассматривается эволюция этногенетических концепций российских ученых, а также возможность приложения их к конкретному археолого-этнографическому материалу, отражающему этногенез северо-восточных палеоазиатов. Показано, что в XVIII–XIX вв. преобладало представление о приоритете языковых данных при решении вопроса о происхождении народов (Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, М. А. Кастрен). К концу XIX в. утверждается комплексный подход, предусматривающий учет данных целого ряда научных дисциплин. Складывается школа Д. Н. Анучина: знаменитая «анучинская триада», созвучная концепции Ф. Боаса, исходила из антропологических, археологических и этнографических материалов. Практическое применение в отечественной этнологии данный подход нашел в начале XX в. (Джезуповская экспедиция).

В советское время основное методологическое положение базировалось на принципе историзма: этногенез рассматривался как сложный длительный исторический процесс, в ходе которого складываются хозяйственно-культурные и бытовые особенности, формируется язык и физический тип (С. А. Токарев, Б. О. Долгих, И. С. Гурвич и др.). Так что утвердившаяся еще прежде комплексность привела к возобладанию кумулятивных взглядов на сущность этногенеза. Основной операцией в ходе этногенетических

исследований стал поиск «корней» элементов, входящих в облик того или иного народа, а затем, возможно, более непротиворечивое их согласование.

В настоящее время в российской этнологии присутствуют подходы, тяготеющие к полярно ориентированным примордиалистской и постмодернистской концепциям, при этом постмодернизм фактически отказывается от рассмотрения этногенетических проблем. В то же время конструктивистский подход к этничности, учитывающий её креативную по отношению к человеческим сообществам природу, может стать важной методологической основой этногенетических реконструкций. В русле применения этих подходов рассмотрены узловые проблемы этногенеза оленных и приморских групп северо-восточных палеоазиатов.

ШКЕРДИНА Надежда Олеговна

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

НАРОДЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Во второй половине XVIII в. в числе многих появляются труды Х. А. Чеботарева, М. Д. Чулкова и Ф. А. Полунина. Их сочинения отличаются информационной насыщенностью и содержат обширные сведения исторического, этнографического, лингвистического, фольклорного и географического характера. Их универсальные по содержанию сочинения заложили основы российского энциклопедизма. Они содержат ценные и разноплановые сведения о финно-угорских и тюркских народах Среднего Поволжья. Источниковая база сочинений Х. А. Чеботарева, М. Д. Чулкова и Ф. А. Полунина отличается большим разнообразием. Ими привлекались сведения древнерусских летописей, средневековых исторических, географических и этнографических сочинений, а также материалы архивов.

Анализируя издания Х. А. Полунина в «Географическом лексиконе...» (1773) и М. Д. Чулкова в «Абеве русских суеверий ...» (1786) и др., можно выделить несколько общих особенностей. Они используют алфавитный принцип распределения исторических, географических, лингвистических, этнографических и фольклорных сведений, содержащих материал о народах, населяющих Среднее Поволжье. В то же время М. Д. Чулков в «Историческом описании российской коммерции...» (1776) совмещает историко-географический и хронологический принципы распределения исторического материала, отмечая торговые пути, региональную экономическую спецификацию и т.п. сведения. Данные о финно-угорских и тюркских народах Среднего Поволжья у Х. А. Чеботарева в «Географическом методическом описании Российской империи» (1776) концентрируются в третьей главе. В сущности Х. А. Чеботаревым, М. Д. Чулковым и Ф. А. Полуниным предпринимаются успешные попытки создать первые энциклопедические издания.

Секция 2. ПРОБЛЕМЫ СБОРА, СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЯХ РОССИИ

Руководители: к.и.н. **Новак Александр Александрович** (Санкт-Петербург);

к.и.н. **Патрушева Галина Михайловна** (Омск);

к.и.н. **Фишман Ольга Михайловна** (Санкт-Петербург)

АХУНОВА Эльфира Рахимовна

*Омский филиал Института археологии и этнографии
СО РАН, г. Омск*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ СИБИРСКИХ ТАТАР В СЕЛЬСКИХ МУЗЕЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРОБЛЕМА СБОРА И СОХРАНЕНИЯ

Этнографические коллекции сибирских татар, которые находятся в сельских районных музеях Западной Сибири (Омская и Тюменская области), составляют ценный научный фонд. Количество предметов в их собраниях насчитывает от нескольких десятков до нескольких тысяч единиц хранения. В них представлены все разделы традиционной культуры сибирских татар, многие из них являются уникальными, имеют хорошую сохранность. Вместе с тем эти коллекции мало известны этнографам и музеологам, научная общественность не знает о богатых этнографических фондах этих музеев. Из всех документов, содержащих сведения об истории предметов, в них имеются, в лучшем случае, книги поступлений памятников в музей, но в некоторых музеях они утрачены. Данные об экспонатах фактически отсутствуют, нет и научной паспортизации уникальных предметов. Многие ценные и уникальные вещи могут просто исчезнуть или погибнуть из-за плохой сохранности. Изучение и сохранение коллекций по этнографии сибирских татар в сельских музеях Западной Сибири является важной задачей не только введения их научный оборот, но и популяризации бесценного культурного наследия. Требуется обсуждения описание различных категорий музейных предметов, характеризующих явления традиционной материальной и духовной культуры татар Западной Сибири.

БАРАНОВ Дмитрий Александрович

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

«ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ» ЭТНОГРАФИЯ

Музейная этнография изначально являлась по преимуществу «репрезентативной» наукой – «наукой на показ». Эта ее функция предполагает наличие зрителя, поскольку конечная цель музея – не только собирание, документирование, сохранение и интерпретация предметов материальной культуры, но и их репрезентация. Именно экспозиция как специализированный язык, выработанный музеем для трансляции во внешний мир определенных образов и значений, является наиболее чувствительным как к потребностям «широкой публики», так и к идеологическим запросам. В этом отношении одно только представление о посетителе и

«подстраивание» под него серьезно подрывает научный, то есть объективистский, «независимый» статус музейной этнографии. В докладе на примере экспозиций второй половины XX в. Государственного музея этнографии народов СССР (с 1992 г. – Российский этнографический музей) будет рассмотрен, с одной стороны, механизм влияния на выработку выставочной стратегии музея актуальной научной парадигмы, в основе которой лежат субъективные по своей природе дисциплинарные классификации, с другой – идеологических установок государства.

БЕЛИКОВА Ольга Борисовна

Томский государственный университет, г. Томск

АРХИВ ЭТНОЛОГА А. М. САГАЛАЕВА: МАТЕРИАЛЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1984 г. НА НИЖНЮЮ ОБЬ К МАНСИ

Профессор, доктор исторических наук Андрей Маркович Сагалаев (1953–2002) – известный исследователь этнологии Северной Азии, мифо-ритуальной культуры, автор и соавтор около 120 публикаций, среди которых 11 индивидуальных и коллективных монографий, научные и публицистические статьи, художественные произведения и др. Огромный домашний архив А. М. Сагалаева, содержащий источники по культурной антропологии и её истории, биографии учёного и пр., с 2004 г. передаётся на постоянное хранение в Томский государственный университет. В отделе рукописей и книжных памятников его научной библиотеки открыт «фонд А. М. Сагалаева», куда уже поступило 118 рукописных дел.

В составе архива имеются материалы Приполярного этнографического отряда Института истории, филологии и философии СО АН СССР (затем – Институт археологии и этнографии СО РАН), который в июне–июле 1984 г. совершил путешествие по Оби от г. Новосибирска на Нижнюю Обь (реки Ляпин, Северная Сосьва) к северным манси. Результаты этой экспедиции нашли достаточно полное отражение в ряде статей и двух монографиях. Вместе с тем сохранённые А. М. Сагалаевым документы, преимущественно неопубликованные, существенно дополняют корпус визуальных источников 1984 г. о манси, в том числе об их культовых местах.

Довольно чётко идентифицированы материалы фотосъёмки (проведены преимущественно им): 159 негативов (чёрно-белые и цветные, узко- и широкоформатные), около 137 слайдов (цветные, узко- и широкоформатные), порядка 30 фотографий (чёрно-белые). Имеются также краткие полевые записи А. М. Сагалаева,

карта с отметками о маршруте экспедиции. Перспектива использования нижеобских материалов из архива А. М. Сагалаева видится, прежде всего, в издании фотоальбома и в музейных фотовыставках, подробно и наглядно представляющих яркие результаты академической экспедиции 1984 г. к северным манси.

**БЕЛЯЕВА Светлана Сергеевна,
МЕЛЬНИКОВ Николай Петрович**

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора НАН
Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ЗОНЫ БЕЛАРУСИ

В докладе рассматривается история формирования одной из коллекций музея древнебелорусской культуры Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси «Памятники этнографии и народного искусства Чернобыльской зоны». Экспедиционная работа велась на протяжении девяти лет, в течение которых было собрано около двух тысяч предметов народного быта, создан уникальный фото- и видеоархив. Сбор экспонатов проводился в деревнях тридцатикилометровой зоны отселения, созданной на территории Беларуси после аварии на Чернобыльской АЭС. Это позволило показать в сформированной экспозиции предметы материальной культуры наиболее архаичного историко-этнографического региона Беларуси – Восточного Полесья. Собранный коллекция на данное время не имеет аналогов в мире. Один из авторов доклада – постоянный участник «чернобыльских» экспедиций.

БУТЕНКО Евгения Львовна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

МОЖЕТ ЛИ ЭТИКЕТКА БЫТЬ ИНТЕРАКТИВНОЙ?

В любом музее, и в этнографическом в частности, для облегчения восприятия экспозиций посетителями огромную значимость имеет ее информационное сопровождение, а именно этикетаж. По сформировавшейся в музеях традиции этикетки отличаются крайней лаконичностью и формализованностью. Складывается ощущение, что сотрудники музеев создают их для каких-то своих внутренних целей, а не для посетителей. А каким хотят видеть посетители этикетаж в музее? Как привлечь их внимание к сопроводительным текстам на экспозициях? Что нужно для того, чтобы этикетаж «работал»? Задавшись этими вопросами, автор провела опрос посетителей МАЭ РАН. Его результаты – главное содержание доклада. Кроме того, обобщен опыт создания интерактивных этикеток в ходе проведения программы фестиваля «Детские дни в Петербурге» в ноябре 2010 г., приведены результаты опроса, посвященного выявлению информационной эффективности программ выходного дня, проводимых в МАЭ. Представлены те приемы работы с посетителями, которые дают наилучший результат и свиде-

тельствуют о том, какая информация усваивается более полно: произнесенная экскурсоводом, отображенная в маршрутном листе в виде текста, рисунка или представленная в этикетаже.

ВИНОКУРОВА Ульяна Алексеевна

*Арктический государственный институт
искусств и культуры, г. Якутск*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ «ЦИРКУМПОЛЯРНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В МУЗЕЯХ МИРА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА – ARCTICMUSEUM.COM»

Стержневой основой циркумполярной цивилизации является приверженность культуре мира, ненасилия, сосредоточенность на ценности жизни человека в гармонии с законами природы, на идентичность этносов в исторической преемственности.

В настоящее время образцы древнейших культур арктических народов сохранены в различных музеях мира и представляют собой культурную ценность человечества.

Идея проекта: распространение знаний о разнообразном культурном наследии народов циркумполярной зоны Земли, находящихся в состоянии утери своей культурной самобытности и идентичности.

Практическая задача проекта состоит в объединении ресурсов музеев, хранящих артефакты исчезающих культур народов Арктики, чтобы вернуть народам Арктики их культуру посредством мобилизации информационно-коммуникационных ресурсов музеев и содействовать возрождению их этнокультурной идентичности.

Организация реализации проекта. Концепция международного проекта «Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра» поддержана ЮНЕСКО, ИКОМ и Правительством Республики Саха (Якутия).

В 2008–2009 гг. осуществлен первый этап проекта. Созданы интернет-портал www.arcticmuseum.com, содержащий 18 разделов по 14 музеям Якутии и музеям-партнерам; каталог и мультимедийный DVD-диск на русском и английском языках.

Второй этап проекта предполагает участие музеев-партнеров из различных стран. В «Плане действий» мы наметили семинары, совещания, выставки, создание коллективной монографии, организацию исследований в музеях и т. п.

Мы приглашаем научное и музейное сообщество к сотрудничеству.

ГАДЖИЕВА Айшат Ахмедовна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

ИЗ ИСТОРИИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ, АТРИБУЦИИ И ПРЕЗЕНТАЦИИ КОЛЛЕКЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РУМЯНЦЕВСКОМ МУЗЕЕ

Специфика комплектования и презентации этнографических коллекций в «Московском Публичном

и Румянцевском Музее» (РМ). Организация Обществом любителей естествознания публичных выставок и проблема идентификации присланных на выставки музыкальных инструментов (МИ). Дашковский этнографический музей (ДЭМ): состав собрания, раритеты, перерастание этнографических коллекций в археологические (по В. Ф. Миллеру).

Недостаточное финансирование музейной деятельности, значительный временной разрыв между поступлением и регистрацией экспонатов; слабодокументированные передачи коллекций и обезличивание памятников и собраний.

Неразработанность понятийного аппарата и терминологической базы этноинструментоведения, отсутствие единой классификации / типологии, унифицированной системы описания и учета памятников.

Лекция А. С. Владимирского «О законах музыкальной гармонии и национальных музыкальных инструментах, доставленных на этнографическую выставку» (1867) – одна из первых отечественных систематик МИ. «Иллюстрированное описание музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском Этнографическом Музее» А. Л. Маслова (1909) – опыт разработки морфологического описания памятников. Инвентари коллекций ДЭМ (Н. Г. Керцелли и Н. А. Янчука) и Отделения иностранной этнографии РМ (В. В. Богданова) как незавершенная попытка реконструкции реестра и атрибуции уникального собрания.

Судьба коллекции после 1921 г.: структурная реорганизация музея, переезды и расформирование собрания (передачи МИ в 34 учреждения). МИ бывш. ДЭМ в Российском этнографическом музее и перспективность поиска памятников бывш. РМ. Источниковая база и предполагаемый реестр учреждений.

ГОЛАНТ Наталия Геннадьевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЖИВЫХ МЕРТВЕЦАХ» ИЛИ «ВАМПИРАХ» У РУМЫН СЕВЕРНОЙ ОЛТЕНИИ

Сведения, представленные в докладе, были собраны в 2006–2010 гг. в коммунах Мэлая (жудец Вылча), Половраджь (жудец Горж) и Поноареле (жудец Мехединць).

Жители Мэлаи употребляют для обозначения «живого мертвеца» термин *strigói*, жители Половраджь и Поноареле – термин *morói* (или *murói* – в Половраджь). В качестве причин превращения покойника в «вампира» называют рождение «в рубашке» (Мэлая), смерть без причащения и без свечи (Мэлая, Поноареле) или тот факт, что в то время, когда покойник лежал в доме, через него перескочила кошка (Половраджь). Во всех трех коммунах известны «превентивные меры», долженствующие не допустить превращения покойника в вампира (натираание гроба чесноком, помещение в него шипов растений и др.). В Мэлае и Половраджь в

прошлом практиковалось также вскрытие могил предполагаемых вампиров и пробивание их сердец острыми металлическими предметами. Вероятно, наличие и отсутствие подобных манипуляций с телом предполагаемого вампира в том или ином населенном пункте связано с существованием обычая повторного погребения. Так, в Мэлая и Половраджь распространен обычай через семь лет после смерти извлекать кости умершего из могилы, мыть их и, завернув в белое полотно, хоронить снова, тогда как в Поноареле обрядность седьмой годовщины смерти ограничивается поминками. Вместе с тем вопрос о корреляции между обрядами, направленными на устранение опасности со стороны «живого мертвеца», и обычаем повторного погребения требует дополнительного изучения.

ГУЩИНА Елена Геннадьевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ МУЗЕЙ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ МАТЕРИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ОПЫТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Российские классические университеты занимают особое место в отечественной культуре. Свою учебно-образовательную, научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность они во многом реализуют через музеи. Музеи Казанского университета обладают уникальными коллекциями, раскрывающими специфику природного и материально-культурного развития Поволжского региона, результаты плодотворного взаимодействия различных культур на территории края, вклад региональной культуры в мировую цивилизацию, место и роль университета в истории развития науки в России и за рубежом. В настоящее время, когда общество во многом испытывает тенденцию к утрате абсолютных ценностей и особенно насущной становится проблема исторической памяти и сохранения традиций, роль этнографических музеев чрезвычайно возрастает.

Накопленное за 200-летнюю историю существования и развития Казанского университета этнографическое собрание состоит из разнообразных и во многом уникальных коллекций. Этнографический музей Казанского университета сохраняет и интегрирует накопленное материально-культурное наследие путем передачи информации между поколениями, различными этническими и социальными группами и культурами. Музей формирует осмысленную гражданскую позицию по отношению к абсолютным ценностям, аккумулирует и распространяет объективную информацию о межкультурном сотрудничестве, выступая как важнейший ресурс осуществления диалога культур. Заявленная еще в 1882 г. цель Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете «Свое и чужое мы должны судить по

высшим общечеловеческим принципам» продолжает оставаться базовой для данного музея.

ГУЩАН Лусинэ Степановна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НА МАТЕРИАЛАХ ГРЕЧЕСКИХ СЕЛ ПРИАЗОВЬЯ

Греки эллинофоны (румеи) и тюркофоны (урумы), переселенные из Крыма в Приазовье в конце XVIII в., проживают ныне компактно в нескольких полиэтничных районах Донецкой области.

Полевые материалы, собранные мной в 2008–2010 гг., позволяют зафиксировать следующие тенденции: 1) современный свадебный обряд в греческих селах Приазовья по большей части основывается на ритуалах, актуализированных в советское время; 2) изменения, происшедшие в практикуемой свадебной обрядности, тем не менее не означают исчезновения традиционного свадебного обряда из жизни греческих общин Приазовья. В настоящее время в рамках актуализации этничности греческое население региона активно проявляет интерес к собственной национальной культуре и обычаям. В рамках этих процессов на сценах клубов приазовских сел инсценируется «греческая свадьба», ставшая одной из наиболее популярных сценических тем, демонстрируемых на сельских праздниках и на общегреческом празднике Мега юрты. «Греческая свадьба» реконструируется при помощи информантов-экспертов и подвергается тщательной проверке остальными жителями села и краеведами во время представлений. Видеосъемки данных инсценировок затем распространяются среди желающих и могут храниться в семейных архивах. Между тем в краеведческих музеях региона, как и в крупных этнографических музеях, данный тип источника в настоящее время остается почти невостребованным, не находя свою нишу в экспозиционной практике.

ДУГУШИНА Александра Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

РОДИННАЯ ОБРЯДНОСТЬ АЛБАНЦЕВ ПРИАЗОВЬЯ: МАТЕРИАЛЫ 2007–2010 гг.

В результате экспедиций в албанские поселения Приазовья МАЭ РАН и Санкт-Петербургского государственного университета собран ценный этнографический материал.

Особое место в системе этнокультурного наследия албанцев Приазовья занимает родинная обрядность, поскольку во взглядах на рождение и воспитание детей сконцентрированы базовые мировоззренческие представления людей, понимание сущности человека и его духовного предназначения. Между тем сбор подобного рода информации зачастую затруднен, что в определенной степени связано с сакральностью самой темы. Это

цикл родовых обрядов, затрагивающих ожидание и подготовку к рождению ребенка; принятие родов и забота о здоровье роженицы в этот период; послеродовой цикл обрядов, первые дни и месяцы жизни ребенка, особенности ухода и воспитания. Выявление и изучение таких интимных аспектов традиционной жизни людей требует особого исследовательского подхода, установления доверительных отношений между исследователем и информантом. Также большинство исследуемых обрядов сохранились в полной мере до середины XX в., а народное акушерство исчезло с появлением в советское время больниц. Из-за отсутствия в наши дни ранее бытовавших ритуалов наиболее доступным методом описания является фиксация материала в ретроспективе. Благодаря этому изучение минувших традиций позволяет восстановить систему взглядов на рождение человека в целом, а также проследить изменения в традиционной культуре с течением лет.

ДЫРТЫК-ООЛ Анна Оюновна

Тувинский государственный университет, г. Кызыл

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА: ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Первые этнографические коллекции Тувинского музея – это конфискованные вещи князя Идам-Сюрюна, последнего правителя Тувы: одежда, посуда и другие предметы быта. Сегодня они занимают достойное место в фондах музея и составляют 9522 учетных единицы (8% от общего числа памятников). Экспонаты систематизированы по видам материалов (металл, дерево, кожа, ткань). В целом поступление предметов по традиционной культуре тувинцев носит нерегулярный характер. За последние 10 лет в фонд музея поступило 1082 этнографических предмета.

Фонды комплектуются в результате целенаправленной работы с реальными и потенциальными корреспондентами и заказов народным мастерам. В 1972 г. от народных мастеров Бай-Тайги поступила войлочная юрта с внутренним убранством. Материалы об оленеводах Тоджи прежде ограничивались собранием С. И. Вайнштейна, а в 2006 г. пополнились коллекцией предметов тоджинского быта благодаря умению и изысканиям народного умельца А. М. Арандола. В ее составе – зимний и летний чумы с убранством из шкур диких и домашних животных, посуда из дерева и бересты, железные чаши *паш*, приспособления для очага, орудия охоты, ловли рыбы, комплекты зимней и летней одежды. Все экспонаты выполнены по старинной технологии, по воспоминаниям и рассказам стариков-оленеводов.

Научно-исследовательская работа по изучению музейного собрания является одним из ведущих направлений сотрудников. Результаты исследований отражены в докладах на различных научных конференциях, в публикациях. В числе научных тем молодых специалистов – «Орнаменты на кожаных сосудах *когээржык*, «Мир детства у тувинцев в XX в.» и др.

ЕРМИШИНА Анна Викторовна

Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, г. Москва

МЕДИАОБРАЗ ПРЕДМЕТА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ МУЗЕЯ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЕВ НАРОДНОГО ИСКУССТВА)

Мобилизация медиаконтента в современных экспозиционно-выставочных проектах должна способствовать реализации комплексного подхода к традиционной культуре, актуализации различных уровней памяти предмета. Она позволяет обратиться к технологической информации, пространственно-временному (ландшафтному, культурно-историческому) контексту, выявить социокультурные и ценностные аспекты в их стабильности и динамике. Медиаобраз способствует утверждению антропологического уровня культуры, главного канала передачи традиции, ее сохранения и обновления. В основе медиаязыка экспозиции должны лежать структуры видеоархива музея (в частности в музеях народного искусства – видеоархив традиционных художественных промыслов).

В выстраивании пространственной конфигурации, сложного коммуникативного взаимодействия поля реального предмета и поля медиаобраза, следует учитывать опасность виртуального отчуждения, заложенную в самих медийных практиках. Медиа-контент требует четкого соотнесения с предметной средой музейного пространства, с задачами прагматики культуры. Виртуальное должно актуализировать все каналы доступа к реальному, инновационному потенциалу традиции, соответствуя характеру интеллектуальных реакций современного человека и соотнося их с практиками непосредственного творчества. Это позволит раскрыться музею как пространству живого антропологического присутствия и осуществлять задачи творческой педагогики, развития эмоциональной творческой активности.

Креативные возможности виртуального познания должны дополняться реальными практиками приобщения к основам национальной художественной культуры, в частности на уровне создания и росписи традиционной формы. Данная модель активно практикуется в музейных детских центрах, при этом нередко выдвигаются задачи оживления диалога с пространством повседневности, знакомства с образами и ритуалами культуры.

ЕРМОЛИН Денис Сергеевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМЫ ВЫЧЛЕНЕНИЯ БАЛКАНСКИХ ЧЕРТ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПРИАЗОВСКИХ АЛБАНЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2007–2010 гг.)

Полевая работа в албанских поселениях Приазовья (2007–2010 гг.) показала, что погребально-поми-

нальный комплекс данной этнической группы состоит из различных по своему происхождению компонентов (балканские, восточнославянские, советские, новейшие).

Наиболее архаичными и являющимися квинтэссенцией современной погребально-поминальной обрядности албанцев Приазовья нужно по праву считать элементы, имеющие балканский характер (далее – *балканизмы*), сохранившиеся в ритуалах, обычаях, представлениях албанцев с тех времен, когда их предки проживали в пределах Карпато-Балканского ареала.

Во-первых, для вычленения балканских черт необходимо было изучить погребально-поминальный комплекс иных этнических и этноконфессиональных групп, компактно проживающих в регионе (украинцев, русских, болгар, гагаузов). Этот шаг позволяет сравнить, насколько схожи и чем отличаются обряды погребения в различных локальных традициях, существующих у соседних этнических групп.

Во-вторых, представлялось необходимым рассмотреть бытование интересующих нас компонентов в современной погребально-поминальной обрядности балканских народов и сопоставить с материалом, зафиксированным в Приазовье, что было получено в результате работы с тремя видами источников: опубликованными этнографическими описаниями, архивными материалами и собственными полевыми наблюдениями.

Изучение *балканизмов* в погребально-поминальной обрядности приазовских албанцев, с одной стороны, поможет реконструировать архаику представлений, связанных с погребением, поминовением и загробным миром вообще, а с другой – лучше понять процессы трансформации традиционной культуры, протекающие в данном полиэтническом регионе.

ЗВЕРЕВА Юлия Ивановна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

МОСКВА И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Потребность российского общества в этнографическом просвещении стала насущной в середине XIX в. Начало её реализации связано с образованием по инициативе профессоров Московского университета Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). После организованной им этнографической выставки был основан Дашковский музей. Его экскурсии, выставки, лекционная работа, выпуск почтовых карточек с изображением народов России в национальных костюмах с краткой исторической справкой, несомненно, способствовали пропаганде этнографических знаний. Получив в советское время новые названия (Музей народоведения, Музей народов СССР), он продолжал свою деятельность до 1948 г.

С открытием в 80-е гг. XX в. Исторического музея Москва получила ещё один музей, основатели ко-

торого придавали большое значение традиционной бытовой культуре (ТБК) народов России. В музее собрана значительная коллекция ТБК практически по всем народам России. Все годы ГИМ вел и ведет большую просветительскую работу, демонстрируя различные стороны культуры и быта разных слоёв российского общества. Она стала особенно значимой после закрытия Музея народов СССР в 1948 г. В 1885 г. в Москве открывается Кустарный музей, ставивший своей задачей пропаганду народных промыслов. В 20-е гг. XX в. были открыты «Бытовой музей 40-х гг.» в доме славянофила А. С. Хомякова, посвящённый показу быта городского дворянства, Музей Центрально-промышленной области и Центральный антирелигиозный музей.

С 1992 г. в Институте этнографии и антропологии работает этнографический кабинет. С усложнением этнического состава Москвы и открытием в ней школ с этнокультурным компонентом заметную просветительскую деятельность стал вести центр межнационального образования «Этносфера».

ИВАНОВА-БУЧАТСКАЯ Юлия Валерьевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

НЕМЕЦКАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ В СОБРАНИИ КУНСТКАМЕРЫ. К ПРОБЛЕМЕ СБОРА И АТРИБУЦИИ КОЛЛЕКЦИИ

В рамках исследовательской работы по изучению региональных идентичностей Германии в 2008–2010 гг. автором сообщения для собрания МАЭ РАН была приобретена коллекция предметов рождественской обрядности южной Германии (№ 7439, 7440, 7441; 96 ед.хр.). Данная коллекция представляет собой уникальное для музеев России собрание широкого временного среза – от середины XIX до XXI в., достаточно полно характеризующее рождественскую культуру Германии. Ввиду отсутствия в отечественных музейных собраниях подобных вещей для коллекции отбирались предметы, иллюстрирующие по возможности все традиционные сферы Рождества: праздничную трапезу, декор жилья, резную деревянную игрушку, детские подарки, стеклянную елочную игрушку.

При комплектовании и атрибуции подобной коллекции обнаружились следующие трудности. Во-первых, доступность разрозненных и случайных вещей на антикварных прилавках в противовес репрезентативным тематическим взаимосвязанным комплексам предметов, представленным в частных и музейных собраниях Германии по Рождеству; невозможность приобретения предметов непосредственно у владельцев. Во-вторых, связанная с этим фактом сложность датировки и восстановления истории бытования предметов, вырванных из исторического и бытового контекстов. В-третьих, малая доступность вещей, изготовленных до 1930-х гг., иллюстрирующих историю становления специфических «рождественских» ремесел; в-четвертых, обилие на рынке пред-

метов массового производства второй половины XX в., изготовленных по традиционным формам и практически не отличимых от ранних ремесленных экземпляров. В докладе освещаются предпринятые собирателем возможные пути решения проблем атрибуции подобных собраний.

КИСЕЛЁВ Алексей Валерьевич

Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», г. Ростов

САКРАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ РОСТОВСКОГО РАЙОНА ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ

В настоящее время активно обсуждается вопрос об изучении, сохранении и презентации культурного наследия. С целью сбора материалов по народной культуре Ростовского района Ярославской области автор с 1998 г. проводит опрос информантов по темам локальной истории, различным разделам народной духовной и материальной культуры, а также ведется аудио-, фото- и видеофиксация обнаруженных реалий. В итоге удалось собрать сведения о сакральных местах региона (топонимия, поверья, обряды, фольклорные произведения, локализация, современное состояние).

Автор отмечает катастрофическое положение в сфере изучения и сохранения данных памятников в Ростовском крае и предлагает пути решения намеченных проблем. Последнее связано с активизацией и улучшением качества экспедиционной деятельности, работы с «полевым» материалом, усилением внимания к духовной культуре в музее и проблемам ее сохранения.

В 2011 г. в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» планируется создание информационного туристского центра, цель которого – презентация географических и историко-культурных ресурсов Ростовской земли и предоставление населению доступа к информации о них. Сведения о сакральных объектах выступают в качестве одной из частей баз данных этого центра. В структуре туристского центра будут сочетаться традиционные и новейшие способы презентации материала.

КОСИНЦЕВА Александра Павловна

Свердловский областной краеведческий музей, г. Екатеринбург

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУЗЕЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОГО КОМПЛЕКСА им. И. С. ШЕМАНОВСКОГО В САЛЕХАРДЕ)

Особенность музейного показа заключается в некоторой удаленности во времени и/или пространстве экспонируемых культур от зрителя. Сотрудники музея, как правило, стараются создать некий цельный образ культуры, экспонируя предметы из разных сфер жизни – от ритуальных предметов и одежды до

хозяйственной утвари и образцов декоративно-прикладного искусства с народными мотивами. Образ культуры, представленный в музее, конструируется сотрудниками музея исходя из их знаний об этой культуре, общей концепции музейной деятельности, конкретных художественных решений экспозиции. Музейная экспозиция, как правило, представляет внешний (этний) взгляд на культуру.

Музеи в национальных регионах сталкиваются с проблемой показа культуры, существующей «здесь и сейчас». Специфика Салехардского музейно-выставочного комплекса заключается в том, что народы, чья культура там представлена, в первую очередь ненцы и ханты, частично сохраняют свой традиционный образ жизни, и в результате музейная репрезентация культуры может быть сопоставлена с реальной практикой людей, которые сегодня живут в тундре.

У представителей экспонируемого в музее народа, особенно у национальной интеллигенции, существует свой взгляд на то, как надо представлять их культуру. Эта точка зрения позиционируется как основанная на знании культуры изнутри (эмная позиция). В такой ситуации между ними и музеем возможны разные модели взаимодействия: от сотрудничества и совместной работы по созданию выставок до противостояния и конфликтов в публичных дискуссиях.

КУЗНЕЦОВ Денис Николаевич

*Карельский государственный краеведческий музей,
г. Петрозаводск*

ПРОЕКТ «ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ЛЮДИКОВ»

Карелия является территорией традиционного проживания карелов и вепсов. Среди карелов выделяют три этнические группы: собственно карелы, ливвики и людикки. Язык и культура людиков наименее изучены, и угроза их исчезновения стоит особенно остро. Людикки проживают в Кондопожском районе и в с. Михайловское Олонецкого района Республики Карелия. По данным финских исследователей, их осталось около 5 тыс. чел., и только 1 тыс. является носителями языка.

Основная цель проекта:

1. Актуализация культуры людиков в современной социокультурной ситуации в целях сохранения и развития этноса.

Задачи:

1. Выявление этнокультурного потенциала «страны людиков» как символических ресурсов Кондопожского района для создания культурных брендов и развития туристской деятельности.

2. Формирование научно-исследовательской базы культурного развития Кондопожского района с учетом наследия «страны людиков»:

– культурно-антропологические исследования этнолокальной «устной истории» XX в. и социокультурной специфики локального сообщества;

– визуально-антропологические, художественные исследования современного состояния культуры людиков;

– комплектование музейной коллекции.

3. Презентация культуры людиков музейными средствами, создание и представление визуальных образов «страны людиков» средствами современного искусства.

Проект получил поддержку VII грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» (Благотворительный фонд В. Потанина) в номинации «Музейные исследования». Реализация: вторая половина 2010 – первая половина 2011 г. Руководитель О. Л. Локтева, директор музея Кондопожского района.

КУПИНА Юлия Аркадьевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

КАТАЛОГ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ: КРИЗИС ЖАНРА И ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

Среди музейных изданий особая роль принадлежит каталогам. История их публикаций в Кунсткамере насчитывает почти 270 лет, первый полный каталог её коллекций был издан в середине XVIII в. В настоящее время сформировался такой вид деятельности, как каталогизация коллекций, которая строилась на сочетании учетно-документальной и научной работы, предполагая описание памятников, их визуальную фиксацию, систематизацию, документацию, учет и интерпретацию. Каталогизация за многие десятилетия стала основополагающей и обязательной формой музейной и исследовательской работы, когда создавались каталоги-описи, каталоги-путеводители по экспозициям. История каталогов этнографических коллекций – это история формирования предмета и методики этнографической науки.

Современный опыт издания каталогов МАЭ РАН в сотрудничестве с зарубежными партнерами дает богатый материал для анализа тенденций и определения приоритетов в публикации каталогов этнографических собраний музея. Привычный вопрос: «Каким коллекциям он посвящен?» сегодня все чаще заменяется другим: «Для кого он издается и с кем вместе его музей делает?» Современный каталог этнографической коллекции раскрывает смысл памятников, заложенный в предметах их творцами, а в коллекции предметов – их собирателями; раскрывает значение этнографических коллекций для современных носителей культуры и исследователей. Актуальность каталога зависит от умения авторов осмыслить и объединить столь различные взгляды на этнографические коллекции, сделав их взаимодополняющими.

КУТЕНКОВ Павел Иванович

*Северо-Западный НИИ культурного и природного
наследия, г. Санкт-Петербург*

ПОДХОДЫ ПО РАЗРАБОТКЕ ЗНАКОВЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ

Широкое бытование в русской народной одежде древних знаков различной природы не нашло равно-

значного отражения в литературе. Прежде всего, слабо раскрыты их смыслы. Одна из причин – отсутствие методов, которые бы позволяли обнаруживать и раскрывать знаковые системы в народной одежде.

В основу разрабатываемых методов исследования знаковой системы должны быть положены общеизвестные закономерности русской народной культуры, остовом которых является календарная и семейная обрядность. Для выявления и разработки частных закономерностей, которые будут обуславливать сущность частных методик, целесообразно использовать обрядовый материал крестьянских родовых культур, что позволяет устанавливать знаковые системы в одежде.

Определение и вычленение понятия времени жизни, закономерностей народной культуры разрешает выстроить два естественных круга времён жизни женщины. Время жизни – это длительность бытия, имеющее, как правило, естественные границы, отграничиваемые обычаем и обрядом. Вычленяемые времена объединяются в две группы: яргические – девичество, свадебное, родославное (детородное), последетородное, смерть; сварожьи (духовные) – свадебное, бабство (40 дней после родов), праздничное, печальное, солдатство, вдовье, вековое, смертное.

Каждое время отмечается различными *срядами*. Сами сряды образуют сверхсложные знаковые системы, в них заключены знаки различной природы: линейные, цвета, ткани, языка, одежды и др. Знаки, выстроенные в ряды согласно временам жизни, образуют знаковые системы; их смыслы прочитываются с привлечением частных методик. Обнаружение знаков и знаковых систем, раскрытие их смыслов осуществляются в ходе различных переходов между временами и переходов внутри самих времён.

КУТЕНКОВ Павел Иванович

Северо-Западный НИИ культурного и природного наследия, г. Санкт-Петербург

ВНУТРЕННИЕ, ГРАНИЧНЫЕ И СЛОЖНОНАПРЯЖЁННЫЕ ПЕРЕХОДЫ ЗНАКОВОГО МЕТОДА ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНО-РУССКОЙ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ

Значения и смыслы знаков, которыми насыщена русская женская народная одежда, успешно раскрываются при рассмотрении их поведения на переходах по «временам жизни» и внутри них. Известно, что они объединяются в два круга: яргический – девичество, свадебное, родославное, последетородное, смерть; сварожий (духовный) – свадебное, бабство, праздничное, печальное, солдатство, вдовье, вековое, смертное. Каждое время жизни внутри себя делится на более мелкие временные отрезки. Например, детородное (родославное) и последетородное времена – каждое подразделяется на четыре возраста. Печаль имеет несколько времён, определяемых её видами: свадебное печальное – печаль перехода; бабство (кручина роженицы до сорока дней) – разъедини-

тельная печаль; кручина по умершим – иносветная печаль; солдатство (печаль по воину и временно отсутствующему) – белосветная печаль; вековое (печаль вековой) – внутренняя печаль. Праздничное – делится на четыре степени. Свадьба включает времена обоих кругов: печальное и родославное.

Внутренние переходы между временами яргического круга обозначаются **яр-яр**. Труднее выявляются знаки, например, соответствующие возрастам, в **мягких** переходах **яр-яр**, то есть внутри самих времён. Сложнее выстраиваются внутренние переходы типа **га-га** между сварожьими временами. Они часто не имеют прямой последовательности смены; это свойственно и для их мягких переходов. **Граничные** переходы: с яргических в духовные **яр-га** и обратно – **га-яр**. В культуре они, как правило, сопровождаются резко выраженными переменами знаков и их смыслами. Наибольший интерес представляет поведение знаков, когда одновременно или в краткое время осуществляется **сложнонапряжённый** граничный переход, переход в несколько состояний. Например, переход молодой бабы в двойное состояние: в печаль и тут же в годовой праздник; в свадебное и иносветную печаль и др.

ЛОМОНОСОВ Матвей Юрьевич

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург;
Тиранский университет, г. Тирана (Албания)*

АЛБАНСКАЯ ЭТНОИСТОРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ. ПРОБЛЕМЫ СБОРА И ХРАНЕНИЯ ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ

В момент геополитических и культурных сдвигов сбор полевых материалов по духовной культуре и самосознанию балканских народов представляется особенно насущным. В полной мере это относится к албанскому этносу, переживающему процесс интеграции в европейское культурное пространство, отхода от традиции и стремящемуся к государственности (Республика Косово). Период трансформации дает политическим и культурным элитам большие возможности для манипуляций исторической памятью албанцев, которая является исключительным фактором албанской идентичности, поскольку представители этого балканского народа разделены между конфессиями и государствами.

При изучении этноисторической мифологии албанцев автором сообщения в 2008–2010 гг. проведена полевая работа в Косово, Албании, Черногории и Греции. Ее цель – установить популярность дискурса истории среди населения, каналы распространения и формы выражения протохронистических мифов. Были сделаны фотографии, собраны плакаты, демонстрирующие роль символов западнобалканской древности в повседневной жизни албанцев. Распространено более 200 анкет «История и национальное самосознание» в Косово и Албании, проведены интервью с учителями истории и информантами из среды рядовых албанцев, наблюдения во время семинаров по

древней истории в Тиранском университете. Используются документы Архива Косово (Ф. 154, 250, 427, 431). Собранные материалы, отражающие пластичность албанской идентичности в различных странах Балкан, могут быть разбиты на аудиовизуальный, этносоциологический и этнографический блоки и переданы на хранение в Архив МАЭ, а фотографии – использоваться при проведении выставок.

ЛЫСЕНКО Олег Викторович

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

ЭТНОМУЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В XXI в.: СМЕНА ЭКСПОЗИЦИИ

Этнографические музейные коллекции в XXI в., когда этнографическая реальность кажется практически исчезнувшей, возрастает и приобретает иное значение, чем во времена их формирования. Музейные собрания оказываются полноценным источником, дополняющим и отчасти позволяющим переосмыслить этнографическую реальность на уровне ее существования в XIX – начале XX в. В этот период, с одной стороны, она оказалась наиболее полно описана с другой – этнографические реалии стали своеобразным эталоном, исходя из которого, этнографы строили свои интерпретации, типологические схемы и методы «идеального образа жизни крестьян».

В настоящее время эта система представлений претерпела существенные изменения, современное осмысление этнокультурных традиций требует новых методов и подходов. В этой ситуации этнографические работы XIX – начала XX в. не только переосмысляются, приобретают источниковедческий аспект, но и переходят в область истории науки на уровне анализа фактов, обладающих вечной ценностью. Музейные коллекции, их информационная ценность, наоборот, кажутся незыблемыми, константными. Между тем в процессе изучения обнаруживается «субъективная диалектика» их появления и бытия в недрах музея как целостного самодостаточного информационного пространства. Реальность музея детерминирована реальностью контакта этнографической действительности – живой традиции и музейного собирателя, классифицирующего собственные концептуальные модели. Наши предшественники в полной мере показали сложность и неадекватность музеефикации как эпистемологического процесса, и этот опыт необходимо учитывать.

НАЗАРЦЕВА Татьяна Михайловна

*Омский государственный историко-краеведческий музей,
г. Омск*

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Сохранение культурного наследия разных народов в многонациональной Омской области является важным фактором социокультурной политики регионального правительства. В Омской области

имеется более 40 музеев, в которых хранятся и экспонируются этнографические коллекции. Наиболее обширны коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея, Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (ОмГУ), Музея Омского отделения истории и этнографии СО РАН, музейного комплекса «Старина сибирская», Музея Московско-Сибирского тракта, Большереженского историко-этнографического музея и др. В музейном фонде области, который в 2010 г. насчитывал более 500 тыс. ед. хранения, этнографические коллекции составляют около 8%. Более каталогизированными являются коллекции крупных музеев. С 1986 г. издаются каталоги этнографических коллекций ОГИК музея, введены в научный оборот коллекции Музея археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Практически во всех музеях оформлены комплексы «Крестьянский быт начала XX в.», «В старинной избе», «Занятия и культура кочевых народов», которые широко используются в работе со школьной аудиторией. Большая часть этнографических коллекций малых музеев, расположенных в районных городах и поселках, представлена в действующих экспозициях. Их изучение и введение в научный оборот еще только начинается. Первым шагом стало издание каталога «Этнографические коллекции районных музеев Омской области», подготовленного сотрудниками областного музея. В каталог включены 417 описаний этнографических предметов из 31 районного музея области. Издание имеет научно-справочный аппарат, цветные иллюстрации. Вторым шагом изучения этнографических коллекций является создание Генерального каталога коллекций историко-краеведческих музеев области, работа над которым ведется с 2010 г., электронной базы музейных коллекций. В настоящее время в каталог введено около 15 тыс. описаний, значительную часть которых составляют предметы этнографических коллекций. Их изучение послужит выработке новых принципов экспонирования предметов традиционной культуры народов Сибири.

НИКОЛАЕВ Олег Рудольфович

Альманах «Русский мир»

(ассоциация «Русская культура»), г. Санкт-Петербург

«ИСТОРИЯ» ВЕЩИ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ИПОСТАСЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ К КАРЕЛАМ-ЛЮДИКАМ 2010 г.)

Этнографический предмет обычно «приходит» к исследователю в экспедиции с длинным вербальным шлейфом. В музейные «легенды» эти «истории» попадают редко, так же как и «биографии» вещей в бытовой письменности (письмах, дневниках). Доклад посвящен проблеме музейной репрезентации «истории» вещей.

НИКУЛИНА Елена Евгеньевна

*Музей изобразительных искусств Республики Карелия,
г. Петрозаводск*

СЕВЕРНАЯ ИКОНА XVII–XVIII вв. КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРАЯ

Рассматривается узкий аспект, получивший развитие в северной иконописи в XVII–XVIII вв. За основу берутся иконы, которые по своему генезису близки народному изобразительному искусству. Эти стилистические связи представляют более древнюю структуру, чем те, которые возникают позже в период активных культурных преобразований с участием Европы. Содержание явления, специфика его самобытности убедительно раскрываются в типологических универсальных схемах. Наиболее заметным уровнем в знаковой системе выступает конкретное изображение, суть которого состоит в том, что северный иконописец использует отдельные изобразительные приемы в иконе, взятые из искусства вышивки, резьбы и росписи по дереву. Выделяется несколько таких типов – лепестковый цветок, точечное соцветие, елка, «коромысло», спиралевидный круг, «роза», круг с лучами, ромб, личина. Рассмотрение данных архетипических структур дает возможность в какой-то степени реконструировать изобразительный ряд произведений народного и декоративно-прикладного искусства, бытовавших в более ранний период в XVI–XVII вв. на территории Карелии, а также дополнить существующие исследовательские позиции по этому вопросу.

НОВИК Александр Александрович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

СОБОЛЕВ Андрей Николаевич

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург;
Балканская комиссия Австрийской академии наук,
г. Вена (Австрия);
Университет Марбурга, г. Марбург (Германия)*

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ГОЛОБОРДУ (АЛБАНИЯ) 2008–2010 гг.: ОПЫТ СБОРА ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ И МУЗЕЙНОЙ АРХИВАЦИИ

Экспедиции в Голоборду, район совместного проживания славян и албанцев, ставили задачу комплексного исследования населения пограничья, а в ее рамках – фиксацию диалектной лексики животноводства и духовной культуры, аудио- и видеозапись нарративов для последующего лингвистического и культурологического анализа, а также предварительное этнографическое описание области расселения македонских славян-мусульман. Изучение явлений на стыке языка и культуры, относящихся к предмету этнолингвистики, в полиэтническом регионе позволит в дальнейшем пролить свет на ряд таких актуальных вопросов, как языки, этническая идентичность и са-

мосознание местного населения, фольклор, традиции, верования, культура жизнеобеспечения и комплекс хозяйственных занятий людей, живущих в условиях постоянных межэтнических контактов.

Албанско-македонское пограничье представляет собой исключительно важный регион для этнографических, этнолингвистических и социолингвистических исследований. Здесь проживают албанцы (мусульмане, православные христиане и католики), македонские славяне (православные и мусульмане), цыгане (мусульмане); имевшееся здесь в Средневековье и Новое время арумунское (влашское) население ныне ассимилировано.

Лингвистическая программа экспедиции предполагала, в частности, сбор диалектной лексики. Собранный материал лег в основу нового фонда, хранящегося в лаборатории аудиовизуальной антропологии МАЭ РАН. Его обработка позволит сохранить уникальнейший полевой материал для последующих поколений. Из экспедиций в Голоборду были привезены также предметы традиционной культуры, в первую очередь комплекс мужской одежды первой половины XX в., не имеющий аналогов в отечественных и зарубежных музеях.

ПАТРУШЕВА Галина Михайловна

*Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск*

МАРИНЕНКО Елена Леоновна

Музей истории ООО «Газпром добыча Ямбург», г. Ямбург

РОЛЬ ВЕДОМСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ ОАО «ГАЗПРОМ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ведомственные музеи ОАО «Газпром» занимают свою нишу в социокультурной сфере северных регионов Западной Сибири. Эти музеи выявляют подлинные памятники истории, формируют свои коллекции. На их основе музейные работники проводят культурно-образовательную и научно-исследовательскую работу.

Характерной чертой для музеев истории ООО «Ямбурггаздобыча», ООО «Уренгойгазпром», ООО «Сургутгазпром» является сохранение историко-хронологического принципа отражения интересов своего ведомства.

Для правильной организации работы музеев большое значение имеет понимание уникальности корпоративных музеев, расположенных на территории севера Западной Сибири. Основными задачами исследуемых нами ведомственных музеев являются:

- сохранение яркой, насыщенной событиями истории крупных газодобывающих компаний;
- соответствие музейной деятельности интересам корпоративной культуры ведомства.

На современном этапе статус ведомственного общественного музея стал неопределенным, так как в новом российском законодательстве о музейном деле

указаны только две группы: государственные и негосударственные музеи. Категория «ведомственный музей» выпала из законодательной базы. В Федеральном законе № 54-ФЗ от 26.05.1996 «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» не отражено положение ведомственных музеев.

В результате ведомственные музеи, хранящие уникальные предметы, относящиеся к корпоративной культуре того или иного ведомства, оказались не защищены законом Российской Федерации. Судьба этих музеев зависит от руководителей предприятия и музейных работников, что ставит под угрозу значительный и уникальный фонд, являющийся частью культурного наследия России.

**ПАЦИЯ Евгения Яковлевна,
КАЗАКОВА Ксения Сергеевна**

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона, г. Апатиты

МУЗЕЙ-АРХИВ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ СААМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время в музейном деле важным представляется востребованность музея местным сообществом. Для представителей коренного населения Кольского Севера музей становится местом сохранения социальной и культурной памяти. Для посетителей – транслятором опыта и традиций предшествующих поколений. Неотъемлемой частью работы музея на сегодняшний день является сбор духовного наследия саамской культуры и его популяризация. Сегодня сотрудники музея, используя современные технологии, ведут активную издательскую деятельность. «Саамское рукоделие», «Саамские сказки», «Фольклорные традиции в культуре саамской семьи» – это те издания, которые помогают не только сохранить культурные традиции коренного населения, но и познакомить с ними посетителей музея. В этих изданиях представлены разные стороны жизни саамов. Впервые издания публикуются на двух языках: саамском и русском. Таким образом, издательская деятельность музея способствует сохранению саамского языка и дает возможность расширить знания о его культуре соотечественникам, владеющим саамским языком.

ПЕКИНА Анна Михайловна

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ ПО СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В 2009–2010 гг.

Важнейшим условием сохранения культурной идентичности финно-угорских народов в Республике Карелия является деятельность культурно-просвети-

тельных учреждений, в том числе музеев. В республике на 2010 г. насчитывалось 14 музеев.

Карельский государственный краеведческий музей совместно с музеем Вестерботтен (Швеция) подготовил проект «Наскальное искусство саамов». Шелтозерский вепсский этнографический музей впервые в 2009 г. показал в Петрозаводске выставку «Мир вепсов» и организовал для населения праздник «Вепсская калитка», совместно с финской коммуной Конттилахти осуществил проект «Традиционные ремесла вепсов».

К 160-летию со дня выхода полного издания эпоса «Калевала» музеем изобразительных искусств была организована международная выставка «Живая Калевала», которая собрала, помимо произведений из коллекций музея, работы современных художников Карелии, губернии Оулу и Северной Карелии (Финляндия).

Как дополнение к постоянной экспозиции раздела народного искусства в музее с 23 апреля 2010 г. работает мультимедиа-программа «Мультиполотенце или Käsraikka». В Олонецком национальном музее карелов-ливвиков им. Н. Г. Прилукина в 2009 г. была открыта новая постоянная экспозиция. В 2009 г. в Государственном музее истории Санкт-Петербурга демонстрировалась интерактивная выставка музея «Кижи» «Путешествие в страну двух эпосов». Работа в музее ведется по направлениям: экскурсионная, экспозиционная, научная, проектная деятельность.

Вместе с тем существует проблема сбора и сохранности фондов музеев. Несмотря на то что из республиканского бюджета выделяются средства на реконструкцию и капитальный ремонт двух музеев: этнокультурного центра «Kalevalatalo» и Куркиекского краеведческого центра, этого недостаточно.

СЕМ Татьяна Юрьевна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

ВЫСТАВКИ ПО ШАМАНИЗМУ НАРОДОВ СИБИРИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: СТРУКТУРА И МАТЕРИАЛ ПО ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИМ НАРОДАМ

Шамановедение – одно из актуальных направлений исследования в этнологии. В научной литературе были предложены различные подходы в изучении шаманства: историко-этнографический, культурологический (системный, социокультурный), феноменологический, этнопсихологический, этномузыкаловедческий, гендерный.

В музееведении сложилось свое особое видение предмета исследования шаманства – сочетание регионального и этнического подходов с функционально-семантическим подходами. Петербург – МАЭ и РЭМ.

Основная цель выставки РЭМ «На грани миров: шаманизм народов Сибири в системе ритуалов» заключалась в стремлении раскрыть мировоззренческую сущность феномена шаманизма через разнооб-

разие его проявления в ритуалах и социальных формах у разных народов Сибири.

Структура выставки МАЭ 1995 г. «Шаман и Вселенная» включала идею путешествия шамана по духовным мирам, шамана – медиатора между людьми и духами. В первом разделе был показан сакральный мир шамана, во втором – модель мира, в третьем – родовое священное место жреца, сакральное искусство и ритуалы.

Более половины экспонатов выставки РЭМ по шаманизму представляют материалы по тунгусо-маньчжурским народам. Среди них предметы, характеризующие модели мира. Особую ценность имеют большой выбор костюмов и бубнов, уникальные предметы шаманского мольбища. Широко представлены атрибуты профессиональных шаманов разных посвящений. Особое место среди шаманских атрибутов занимают предметы с влиянием буддизма и христианства.

ТУРКИНА Ольга Анатольевна

Музей-заповедник «Родина В. И. Ленина», г. Ульяновск

ЭКСПЕДИЦИЯ, ВЫСТАВКА, ПУБЛИКАЦИИ

Во время ежегодных фольклорно-этнографических экспедиций Ульяновского педагогического университета и музейных работников ставилась задача пополнения коллекции традиционной одежды русских.

Находка русских сарафанов первой четверти XIX в. в селах Инзенского района была редчайшей удачей. В с. Палатово были обнаружены одинаковые по крою сарафаны («кумашник» и «китаешник»), шелковая фатка с золотым кружевом, фартук и ткань-пестрядь.

Кумашник – косоклиный сарафан невесты, распашной, из кумача. Верхняя часть спинки, переда, ляжки и низ подола обшиты темно-синим бархатом. Верхняя часть спинки украшена полосой золотистого позумента. Спереди полки застегиваются на круглые стеклянные пуговицы, на металлической ножке продеты на красно-синий шнур, пришитый к полке. Из такого же шнура сделаны петли.

Сарафан («сукня») бордового цвета из с. Петины – глухой, туникообразный, сшит из домотканого сукна и расклешен клиньями по бокам.

В с. Валгуссы Инзенского района были найдены: ситцевая женская рубаша, сшитая в конце XIX в., полотенца, кожаные ботинки, колыбель-зубка и полог из ситца, гребни, веретено, кочедык для плетения лаптей, лапти русские косоногого плетения, самопрялка.

Фонды музея-заповедника «Родина В. И. Ленина»полнились кокошником-золотоглавкой из с. Погрецкое и праздничным костюмом крестьянки с. Тазино Ардатовского уезда Симбирской губернии, состоящим из рубашки и косоклинного сарафана, а также фотографией старшей сдатчицы в этом костюме середины XX в.

ТУРЬИНСКАЯ Христина Михайловна

*Этнографический кабинет-музей им. Н. Н. Чебоксарова
Института этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КАБИНЕТА-МУЗЕЯ ИЭА РАН

В 2011 г. исполняется 20 лет со времени организации Этнографического кабинета-музея имени Н. Н. Чебоксарова в качестве структурного подразделения Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Музей входит в систему музеев РАН и на сегодняшний день является единственным в Москве профильным этнографическим музейным учреждением, где ведется непрерывная работа по комплектованию, учету, хранению, научному изучению, презентации и пропаганде коллекций по культурам народов мира.

Этнографические артефакты в собрании Этнографического музея ИЭА РАН с разной степенью полноты представляют все континенты и крупные регионы земного шара, иллюстрируют различные стороны хозяйства, быта и искусства охотников, собирателей, земледельцев, скотоводов. Коллекции включают как старинные предметы, так и отражающие современные процессы в культурах отечественных и зарубежных народов. На протяжении двух десятилетий функционирования музея наблюдается постоянный прирост его коллекций. Новые поступления способствуют расширению музейного собрания в географическом и тематическом отношении, а также в плане более полной репрезентации этнокультурного облика России и зарубежных стран.

Экспозиция Этнографического музея ИЭА РАН включает несколько крупных разделов, представляющих культуры народов Австралии и Океании, Африки, Америки, Европы и Азии. Специальный раздел посвящен народам России. На базе музея ведется просветительская и образовательная деятельность.

В докладе затрагиваются актуальные проблемы этнографической музейной деятельности и перспективы развития музейной этнографии и популяризации этнологических знаний в Москве.

УШАКОВ Никита Вадимович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

НУМЕРАЦИЯ ЕДИНИЦ ЦИФРОВЫХ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ АРХИВОВ

В наш компьютерный век потоком собираются цифровые полевые этнографические материалы следующих видов: компьютерные, фото, аудио, видео.

Цифровые аудиовизуальные материалы позволяют совершать оперативную, точную и подробную фиксацию современного состояния реалий, которые станут уникальными документами в недалеком будущем. Несомненно, они должны архивироваться в цифровых полевых архивах.

Основная задача цифрового архива – хранить исходные материалы. Архив – это, прежде всего, идентичная нумерация единиц. Практикой апробирована следующая нумерация вещевых этнографических музейных коллекций: коллекционный номер (собрание вещей из конкретного места) и порядковый номер (вещь): например 2251-1.

По такому же принципу предлагается архивная нумерация формальных единиц видов цифровых полевых этнографических материалов, где первый номер – номер коллекции, второй – номер единицы:

DT-00001-0001 – текстовая запись;

DPh-00001-0001 – фотокадр;

DAu-00001-0001 – трек;

DVd-00001-0001 – видеокادر.

Фотокадры и видеокадры обычно объединяются в тематические сюжеты, а текстовые записи и треки (точнее текстовые расшифровки треков), наоборот, распадаются на тематические сюжеты. Данные сюжеты обозначаются вспомогательными номерами.

Вспомогательные номера сюжетных фото, видео-объединений или сюжетных текстовых, аудиоразделений привязываются к основным номерам формальных единиц – текстовым записям, фотокадрам, трекам, видеокдрам.

Такая нумерация позволит четко привязывать текстовые описания к единицам цифровых коллекций.

ФАЙЗУЛЛИНА Галия Шаукетовна

Центральный государственный музей

Республики Казахстан, г. Алматы (Казахстан)

«ЖЕЛЕК» (ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА)

Одной из проблем презентации национальной культуры является проблема «перевода» названий специфических предметов, в данном случае перевод этнографизма *желек* — головной накидки (покрывала) казахской невесты. Во время свадебного ритуала «Беташар» лицо невесты покрывает желек – фата, прикрепленная к саукеле или просто закрепленная на голове невесты, в южном Казахстане «желек» – белый платок, который молодая жена будет носить и после свадьбы. В свете этого становится логичным определение, данное в иллюстрированном научном каталоге «Традиционная одежда казахов» (2009. С. 307): «Желек – послесвадебная накидка женщины, одеваемая до первых родов». В упомянутых случаях желек – это в большей степени отрез (кусок) ткани в виде платка или накидки. Есть информация и о том, что желек – это саукеле, выполненное в несколько упрощенном варианте в форме усеченного конуса, обернутого фольгой или обшито го гдетом. «Желек также украшают золотыми и серебряными бляшками, вставляют драгоценные камни, но все это выполняется более просто и не с таким шиком, как украшение саукеле» (описание напоминает головной убор, называемый У. Джанибековым «аксаукеле – головной убор молодой замужней женщины», иллюстрацией к которому служит сценический головной убор

Жамал Омаровой из фондов ЦГМ РК). По другой версии, желек – это шелковый халат с ложными рукавами невесты.

Таким образом, желек – это предмет, символизирующий переход невесты из одного социума в другой, то есть его главной функцией является знаковая, фиксирующая пограничное состояние невесты и молодой женщины. Следовательно, перевод казахского этнографизма *желек* на русский язык должен содержать четыре определения: 1) платок (жаулык), набрасываемый на голову невесты; 2) вышитое покрывало (накидка) к саукеле (фата); 3) шелковый халат с ложными рукавами невесты; 4) послесвадебная накидка женщины, одеваемая до рождения первого ребенка.

ФИШМАН Ольга Михайловна,

КОЛЧИНА Елена Викторовна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ «ОТ БАЛТИКИ ДО УРАЛА»)

Динамика развития современного информационного пространства требует постоянного поиска и внедрения новых путей и форм работы по изучению и популяризации этнокультурного наследия.

Многолетний и постоянно действующий проект «От Балтики до Урала» Российского этнографического музея включает разнообразные направления деятельности в области изучения и презентации истории и культуры народов данного региона и рассчитан на широкий круг пользователей: представителей музейного и научного сообществ РФ и зарубежья, национально-культурных и религиозных организаций, издательств, включая СМИ и интернет-издания, административных структур и широкую детскую и молодежную аудиторию. Структура проекта представляет собой систему взаимосвязанных, последовательно реализуемых адресных мероприятий, которые осуществляются через научную, выставочную, экспедиционную, издательскую, педагогическую и научно-просветительскую деятельность музея. Одним из приоритетных направлений является работа с национальными обществами Петербурга и Ленинградской области. Каждый сегмент проекта рассчитан на проведение совместных партнерских, в том числе межинституциональных, проектов по сохранению, изучению, освоению и развитию этнокультурного фонда финно-угорских, балтских, скандинавских и тюркских народов с использованием современных мультимедийных программ и информационных технологий.

Основная цель проекта «От Балтики до Урала» – актуализация значимости культурного наследия народов региона и создание реальной модели открытого музея как новой формы его презентации в едином евразийском музейном и культурно-информационном пространстве РФ и стран зарубежья, а также об-

новление системы общероссийской и международной научно-культурной интеграции в сфере музейно-образовательной этнографической деятельности.

ЧЕРНЫШОВ Сергей Валерьевич

*Московский психолого-социальный институт (филиал),
г. Брянск*

**СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Историко-культурный каркас Брянской области формируется как сложная, сложившаяся в течение многих веков система памятников истории и культуры, неразрывно связанная с уникальными природными ландшафтами. Он представлен историческими поселениями, связанными между собой линейными элементами – реками и их обжитыми долинами, историческими путями сообщения, множеством ареалов разнообразных памятников истории и культуры, центрами народных художественных промыслов, а также территориями с самобытным обликом, культурным наследием и образом жизни.

Выделим ряд первостепенных конструктивных задач по совершенствованию организационно-экономического обеспечения развития историко-культурного туризма:

1. Придание области особого историко-культурного статуса.

2. Внесение дополнений в действующий Закон Брянской области «О туризме», в котором необходимо дать определение историко-культурного туризма, а также установить правовые основы его регулирования и поддержки.

3. Создание механизма финансирования сохранения и развития ресурсного потенциала историко-культурного туризма, в том числе за счет привлечения средств структур и предпринимателей, заинтересованных в его развитии.

4. Совершенствование системы информационного обеспечения развития историко-культурного туризма путем создания интернет-справочника «Историко-культурный туризм Брянской области».

5. Развитие кадрового потенциала историко-культурного туризма, в том числе посредством активного включения сельского населения в турист-

скую деятельность в качестве участников культурно-туристских программ и обслуживающего персонала.

ШЕЛЕГИНА Ольга Николаевна

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

**ПРОБЛЕМЫ СБОРА, СОХРАНЕНИЯ
И ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЯХ РОССИИ**

Комплексное изучение и презентация в музеях культуры жизнеобеспечения населения Сибири, формирующейся и функционирующей в результате взаимодействия практик уходящих поколений и опыта современных процессов адаптаций, диффузий, аккумуляций, имеет важное теоретическое, научно-практическое, социокультурное значение и актуализируется в эпоху глобализации. На основе результатов ее традиционного изучения в современных условиях следует разрабатывать и апробировать новые формы ее презентации с учетом интеграции науки, образования, культуры. В Институте истории СО РАН совместно с мультимедиацентром Новосибирского государственного университета создана интернет-ориентированная (<http://kjons.mmc.nsu.ru>) информационная система «Культура жизнеобеспечения населения Сибири: общее и особенное» со следующей структурой. I. Научно-исследовательский ресурс: 1. Историографический раздел (библиография по теме, тексты монографий, статей). 2. Источниковый раздел (архивный документ, архивный рисунок, фотография, музейный предмет (фото, рисунок), фрагмент экспозиции (фото), видео, реконструкция, анимация). 3. Справочный раздел (персоналии, события, хронология). II. Научно-образовательный ресурс: 1. Мультимедийные лекции. 2. Базы знаний. III. Культурологический ресурс: 1. Экспозиции. 2. Выставки. 3. Презентации. В систему уже включены материалы из музеев Сибири, Европейской России, Китая и Тайваня. Наличие системы удаленного доступа позволяет участвовать в пополнении и пользовании системой заинтересованных российских и зарубежных ученых, что будет способствовать развитию сравнительных историко-этнографических исследований и внедрению их в музейную и образовательную практику.

Секция 3. УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ИСТОЧНИК И МЕТОД ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Руководители: д.и.н., проф. Щеглова Татьяна Кирилловна (Барнаул);
к.и.н. Корусенко Светлана Николаевна (Омск)

АБИЛОВ Игбал Шахин оглы

Талышская национальная академия

ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ТАЛЫШСКОГО НАРОДА

Талыши – один из северо-западных иранских народов – проживают в одноименной области на юго-западе Прикаспия, по обе стороны ирано-азербайджанской границы. Численность талышей достигает 1,5–2,5 млн человек.

Являясь абorigенами региона, талыши вплоть до XII в. населяли значительную часть современного Азербайджана, но вследствие длительной и широко-масштабной ассимиляции границы талышеязычных областей и число носителей языка сокращаются быстрыми темпами.

Барьером дальнейшего исчезновения может стать не только «возвращение к истокам», возрождение интереса к языку, широкое историко-этнографическое изучение талышей, но и реконструирование коллективной исторической памяти этноса как возможный «трамплин» для намечающегося подъема национального самосознания.

Единственным источником подобного восстановления памяти, безусловно, является устное народное творчество. В случае с талышским народом таким примером могут служить образы Сийах Галеша (Черный Пастух) и Сийо Чыхо (Черный Чыхо – пастушеская накидка).

Сийах Галеш – божество-скотовод, известный у иранских талышей (преимущественно горных жителей). Сийо Чыхо – «постскотоводческий образ», распространенный в низинных и равнинных частях азербайджанского Талыша.

Несомненное сходство этих образов наталкивает на мысль, что культы Сийах Галеша и Сийо Чыхо в раннюю эпоху были единым образом, а потом разделились и развивались отдельно. Видимо, в прошлом талыши в основном населяли горную область, а лишь потом расселились на равнине и низменности, став земледельцами.

БЕРДИНСКИХ Виктор Аркадьевич

*Вятский государственный гуманитарный университет,
г. Киров*

Д. К. ЗЕЛЕНИН И МЕТОДИКИ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Д. К. Зеленин (1874–1954), выдающийся русский этнограф, чья биография до сих пор мало изучена, а ряд трудов неопубликован. Фактически с ним прервалась дореволюционная мощная научная школа

общегуманитарного подхода к истории и этнографии. Исследования культуры русского крестьянства велись Д. К. Зелениным в молодости с помощью методики опросов, близкой по своей сути к современным методикам устной истории.

Выходец из беднейшего сельского духовенства, Д. К. Зеленин остро чувствовал и понимал вятских крестьян, среди которых проводил свои исследования в 1900-е гг. Записи русских народных сказок от крестьян велись им системно и на очень высоком научном уровне, с большим вниманием к особенностям диалектной речи. Только в Котельничском уезде Вятской губернии ученый записал 83 сказки (из 139 сказок, опубликованных им в томе «Великорусские сказки Вятской губернии»). Ряд своих поездок в села Вятского края ученый считал диалектологическими экспедициями.

Руководителем магистерской диссертации Д. К. Зеленина (защищена в 1915 г.) был академик А. А. Шахматов. Записи о народных обрядах стали для Д. К. Зеленина важным источником его докторской диссертации «Очерки русской мифологии» (1917). В конце своей жизни ученый видел не только враждебное отношение властей к крестьянской культуре, своим трудам, но и обрыв важной научной традиции. В июле 1951 г. он писал в частном письме вятскому краеведу В. Г. Пленкову: «Этнография, в области которой я работал, теперь считается неактуальной; старую народную деревенскую культуру теперь не принято даже вспоминать, тем более изучать. У меня готова большая работа «Русский сарафан», и ее нельзя напечатать. (...) И об авторе ее можно писать лишь после его смерти».

Труды Д. К. Зеленина требуют дальнейшего изучения.

БИЛАНЧУК Роман Павлович

*Вологодская областная универсальная научная
библиотека, г. Вологда*

УСТНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СЕЛЬСКИХ ПРИХОДСКИХ СООБЩЕСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА XVII – НАЧАЛА XX в.

В докладе представлены предварительные итоги изучения одной из важнейших составляющих исторической культуры и культурной памяти традиционных сообществ – устной исторической традиции.

Как известно, культурная память представляет особый вид культурной деятельности, в процессе которого группа поддерживает свою идентичность с помощью реконструкции собственного прошлого. Поскольку «прошлое» (по выражению М. Хальбвакса) является «искусственным продуктом», то формы

его выражения (историческая культура в «узком», «прикладном» смысле) и способы организации исторического материала вариативны.

В северорусской культурной традиции периода Средневековья и Нового времени можно выделить, по крайней мере, три основных информационных составляющих исторической культуры, «ответственных» за передачу ретроспективных социальных представлений «о прошлом» и поддержание групповой идентичности: устную историческую традицию (предания, легенды), совокупность письменных текстов, «мемориальная» направленность которых очевидна (памятники агнографии, местные летописи и др.), и обрядово-праздничный комплекс, соединяющий письменный и устный тексты в единое поле культуры памяти.

Автор рассматривает комплекс малоизвестных источников по заявленной теме и, используя функциональный подход, прослеживает влияние устного текста на формирование исторических представлений сельского приходского сообщества. Отдельной проблемой является методика выявления устных источников в письменных текстах и их влияние на устойчивое существование элементов праздничной культуры.

ВИНОГРАДОВ Валентин Валентинович

*Российский институт истории искусств,
г. Санкт-Петербург*

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

Рассказы о Великой Отечественной войне представляют собой комплекс разных источников: 1) документы эпохи (дневниковые записи, письма); 2) мемуарную литературу (ее существенная часть – это переработка фронтовых заметок «на память»); 3) специальные фиксации воспоминаний о войне в виде интервью (записи от военных и гражданских ведутся с середины 1940-х гг.). При всей разнохарактерности текстов, объединенных тематическим принципом, можно говорить о специфическом фонде мотивов, присущих именно данной группе. Этот факт представляется перспективным для анализа рассказов о войне с позиции таких наук, как фольклористика и этнография. В первую очередь они позволяют проследить сам процесс мифологизации реальных событий, использование в повествовании привычных для фольклорного сознания символов и знаков. Становятся актуальными характерные образы, например, «вода, ставшая красной от пролитой крови».

Осмысление отдельных эпизодов военной повседневности происходит под влиянием воззрений на мир или так называемой картины мира (представителей разных народов и социовозрастных групп). Отдельные схемы, интерпретирующие факт, обнаруживают в себе черты архаического сознания. Например, представления о заговоренности человека, счастливым подразделением, несчастливом дне, бытовании амулетов, о приметах и предчувствиях. Актуальными становятся такие специфические формы поведения, как ритуальные издевательства над противником, известные еще по средневековым источникам.

ВОРОБЬЕВ Денис Валерьевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

КАРИБУ/ДИКИЙ ОЛЕНЬ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ РАЗГОВОРЫ В ОХОТНИЧЬИХ СООБЩЕСТВАХ

Охота на карибу/дикого северного оленя являлась основой жизнеобеспечения многих сообществ Субарктики Нового и Старого Света. Она находит свое отражение не только в промысле, но и в остальных сферах жизни, в частности в повседневных разговорах людей.

В записанных канадскими исследователями автобиографиях двух индейцев-инну (Матьё Местокшо и Мишеля Грегуара), молодость которых пришлась на начало XX в., речь идет почти исключительно о карибу. Тексты состоят из перечислений непрерывных охот, объяснений стратегии промысла и рассказов об обрядовых действиях, связанных с карибу (мокушан, колышущаяся палатка, палатка потения). Современные инну, судя по их дискурсам, отраженным в литературе, также придают большое значение сверхъестественным представлениям о карибу, хотя охота на него уже не имеет первостепенного экономического значения.

Дикий олень является наиболее популярной темой разговоров эвенков Чиринды. Речь идет о том, кто, где и когда их видел; сколько добыл; по какой цене коммерсанты принимают мясо; рассуждения о повадках животного; охотничьи рассказы; подробный анализ прежних охот, направленный на исключение допущенных на них ошибок в будущем. Между тем в разговорах почти отсутствуют какие-либо рассуждения сакрального плана.

Это несоответствие обусловлено интенсивностью и экономической значимостью данного промысла в Чиринде. Во время короткого периода массовой охоты некогда задумываться о сакральности карибу, так как это может отрицательно повлиять на их результат, тогда как современные размеренные охоты инну к этому предрасполагают.

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ДЕТСКАЯ ПАМЯТЬ О ФИНСКОЙ ОККУПАЦИИ КАРЕЛИИ КАК ПРОСТРАНСТВО БОРЬБЫ ЗА ИСТОРИЮ

В докладе представлен анализ конкурирующих версий исторической памяти об оккупационном режиме, установленном Финляндией в годы Великой Отечественной войны на территории Карелии. В настоящее время в социальной памяти Карелии доминирует версия событий военного времени, отражающая военный и послевоенный опыт бывших узников финских концлагерей. Их воспоминания институционализированы на основе организации «Союз бывших малолетних узников фашистских лагерей», которая

целенаправленно вытесняет из социальной памяти альтернативные версии о событиях периода финской оккупации. Устная история в данном контексте становится не только исследовательской методикой, но и социально значимым инструментом, призванным сохранить эти альтернативные пласты памяти о жизни населения Карелии в годы оккупации.

ГРИГУЛЕВИЧ Надежда Иосифовна

*Центр междисциплинарных исследований
Института этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СТАРОЖИЛОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ УГЛИЧА, КАЛАЗИНА, КАШИНА (МЕТОДИКА СБОРА, ОБРАБОТКИ И ХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ)

С 1990 г. клуб путешественников «Зюйд-Вест» при центре образования № 109 Юго-Западного округа г. Москвы организует ежегодные комплексные экспедиции, которые проходят в сельских районах Верхней и Средней Волги. Курсанты клуба обследуют села по определенной, разработанной нами программе, которая подразумевает подробный опрос старожилов. Так как большинство курсантов, как правило, впервые принимают участие в сборе полевых материалов, мы предложили проводить тренинг для отработки навыков общения с информантами и подробного ознакомления с вопросниками. Когда группа подростков приходит в село или деревню для проведения опроса, руководитель повторно инструктирует и объясняет подросткам, как следует себя вести, чтобы расположить к себе местных жителей. Затем группа направляется в дом старожила и приступает к работе. Весь материал курсанты записывают на диктофоны и в блокноты, а затем расшифровывают эти записи в полевых условиях и готовят на их основе доклады для конференции. После того как опрос по программе завершается, подростки задают старожилам дополнительные вопросы, а иногда просят показать дом, усадьбу и приусадебное хозяйство. С годами программа для опроса старожилов совершенствовалась и расширялась. Так как в полевых условиях затруднительно качественно обработать полевые материалы, эта работа проводится в ходе ежегодной весенней практики студентов Московского государственного университета дизайна и технологии, которые переводят все данные в электронный вид и используют их в курсовых работах.

ДАУТОВА Сахинур Сыдыковна

*Государственный историко-культурный заповедник
«Иссык», г. Алматы (Казахстан)*

ИСТОРИЯ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ» УЙГУРОВ (1881–1883) В ПЕСНЯХ «УСЕКСКИХ ТАРАНЧЕЙ» (ПО МАТЕРИАЛАМ Н. Н. ПАНТУСОВА)

Петербургский договор 12 февраля 1881 г. между Россией и Китаем коренным образом изменил судьбу

илийских уйгуров. Этим договором российский император соглашался на восстановление власти китайского правительства в Илийском крае, жителям которого предоставлялось право самостоятельного выбора подданства. Число желающих переселиться в русские пределы превысило ожидаемое, составив 100 тыс. человек. «Тогда одни пески и травы согласились остаться в ведении дайцинов...», – писал народный поэт.

Образцы уйгурской устной словесности, собранные с 1880 по 1906 г. Н. Н. Пантусовым, управляющим канцелярией по кульджинским делам, год за годом последовательно излагают события того времени. Песни из сборника «Война мусульман против китайцев» (1881), «Материалы к изучению наречия таранчей Илийского края» (1901), «Новые песни усекских таранчей – переселенцев из Илийского края» (1906) и др. отражают национально-освободительную борьбу против цинов, образование и крах последних независимых уйгурских государств Кашгарского эмирата во главе с Якуб-беком и Илийского султаната Алихана Абли-зоглы, период русской колонизации края, этапы переселения и жизнь таранчей в пределах Российской империи.

Можно ли считать устный источник более достоверным, нежели официальный исторический документ – вопрос спорный. Несомненно, что содержание песен дополняет исторические исследования, обогащает их деталями, конкретными именами и событиями, не зафиксированными официальными документами. В нашем случае ценность устной истории в отличие от интерпретированной, в том, что она повествуется участниками и очевидцами событий и передает атмосферу сложного и драматического периода истории уйгуров.

ДЖАПУА Зураб Джотович

*Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа АН Абхазии, г. Сухум*

НАРТСКИЙ СЮЖЕТ О «ПРОИСХОЖДЕНИИ» ПОМИНОК

В нартском эпосе народов Кавказа (в абхазской, абазинской и адыгской версиях) засвидетельствован сюжет о «поминках по герою», напоминающий мотив «живой в гостях у мертвеца» в международном указателе сказок (АТ 470). Его содержание вкратце сводится к следующему. Младший брат нарттов Сасыркуа устроил поминальную трапезу по всем нарттам. Последним погиб сам герой. Путник, заночевавший на могиле Сасыркуа, во сне оказывается в загробном мире и видит, что у всех нарттов много еды, а у Сасыркуа стол пустует и он питается только подавляниями других нарттов. Узнав от Сасыркуа причину этого (что он остался без поминок), путник, вернувшись домой, устраивает на пустыре нарттов поминки в честь Сасыркуа. После поминок путник этот вновь заночевал на могиле Сасыркуа и видит во сне, что теперь у него полный достаток и он даже в состоянии принимать гостей. С тех пор люди начали

устраивать поминки по умершим (см.: Джапуа З. Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле. Сухум, 2003. С. 89–90). Сюжет по своей сути заметно отличается от других эпических сказаний, по отношению к которым он стоит как бы особняком, его фабула выходит за рамки собственно эпического времени. Если рассматривать изнутри природу сказания, то кажется, что мы имеем дело с «постэпическим», «посленартским» созданием. В нем действуют уже обыкновенные, смертные люди, а все нарты предстают во сне как привидения. Налицо повествовательная речь мифологического, религиозного предания вместо возвышенного эпического звучания. Вместе с тем следует сказать, что данное нартовское предание, описывающее загробную жизнь основного эпического героя и связывающее с его именем начало исправления поминок, свидетельствует о популярности Сасрыкуа/Сосруко в абхазо-абазинско-адыгской эпической традиции, о сохранности его образа в народной памяти.

ДИАНОВА Татьяна Борисовна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ОККУПИРОВАННЫХ ДЕРЕВЕНЬ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ И ФОРМАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ЭГО-ТЕКСТОВ

В основе исследования – корпус текстов воспоминаний о войне, полученных в ходе интервьюирования жителей оккупированных районов Смоленской, Брянской, Калужской, Ростовской, Волгоградской областей в 80–90-х гг. XX в. и в начале XXI в. Для описания и систематизации материала предпринята попытка составления многоуровневого указателя мотивов, в ходе работы над которым определен «слоевой состав» воспоминаний: актуализируются личные, коллективные и архаические стереотипы воспроизведения военных событий, фактов личной биографии и эмоциональной памяти рассказчиков. Выявлены основные концепты, микросюжеты, сценарии, персонажи и их системные оппозиции, формирующие топик воспоминаний. Определены содержательные доминанты и этические акценты в текстах рассказчиков разного возраста (взрослые и детские), пола (мужские и женские) и положения (остарбайтеры, крестьяне, эвакуированные и проч.). В результате предложена модель описания, параметры которой могут быть распространены на иные тематические группы эго-текстов.

КАЗАЧЕНКО Борис Николаевич

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ФИКТИВНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ РУССКОГО РОДСТВА

Феномен родства – важнейшее понятие популяционной генетики человека. Лица, связанные узами

родства, используют специальные термины, которые порой несут различную смысловую нагрузку (брат названный и брат родной). Если под «русским родством» понимать близость людей, имеющих непосредственное сходство в чем-либо, то к ним применима логика популяционно-генетического анализа. При этом мерой русского родства будет вероятность для двух лиц иметь сходство, например, по идентичным генам, по проживанию или принадлежности к общему делу (брат – братич – браток – братва). Причины трансформации этого исторического феномена не изучены. Задача исследования состояла в выявлении отнюдь не очевидных связей между естественным и фиктивным родством.

Основные материалы были собраны в экспедициях НИИ и МА МГУ 1972–2007 гг. на Европейском Севере, в центральной части России, Сибири, на Дальнем Востоке и в русских религиозных изолятах. Привлекался также архивный материал отделов ЗАГС за 140–214 лет.

Результатом исследования явилось: 1) субтотальное восстановление связей родового, сводного, побочного, узаконенного и брачного родства в реальных популяциях; 2) реконструкция духовного родства (кумовство) и землеродных отношений; 3) систематизация терминов родства по видам и типам; 4) построение принципиальной блок-схемы «Системы русского родства».

КАРЦЕВ Павел Петрович

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

КОНТАМИНАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ САХА (ЯКУТОВ)

При использовании исторических преданий в качестве источника информации по этногенезу и этнической истории необходимо учитывать присущую им специфику, заключающуюся в проявлении в них контаминации сюжетов и персонажей. Как правило, в нашем распоряжении оказываются предания и легенды, записанные в довольно позднее время, нередко отстоящее от описываемых в них событий на несколько столетий. Этногенетические предания якутов, записанные в XIX–XX вв., но описывающие события, происходившие ещё до присоединения Якутии к России, относятся как раз к такому типу преданий. В них вследствие длительного устного бытования произошло объединение в единое целое преданий, изначально повествовавших о разных исторических событиях. Установить это позволяют материалы Я. Линденау, зафиксировавшего основные моменты якутских этноисторических преданий в том виде, в каком они бытовали в середине XVIII в. Сравнение их с записями начала XX в. позволяет установить, что в поздних вариантах преданий произошло объединение в одном образе Элэя и Баджея, в одном событии двух разных и разновременных событий – переселение саха в Прибайкалье (Предбайкалье) из Монголии (Урянхая) и якутов из Прибайкалья на

Среднюю Лену. Это оказалось возможным в силу однотипности деяний данных персонажей, главная историческая заслуга которых состояла в том, что они возглавляли переселение народа на север, на новые земли.

Учёт произошедшей контаминации образов Элэя и Баджея позволяет понять ранее не поддававшуюся объяснению информацию с памятника И. Г. Шадрину. На памятнике в качестве года смерти Элэя указан 1574 г. (по Окладникову; у Ксенофонтова – 1575 г.), что явно противоречит всему комплексу данных о времени жизни Элэя. Предположение же о том, что здесь мы имеем дело с контаминацией, что в действительности на памятнике указана дата смерти Баджея, который в сознании создателя памятника совместился с легендарным Элэем, всё расставляет на свои места. Баджей был дедом Тыгына, умершего в 1630-х гг. глубоким старцем, а следовательно, вполне мог умереть в 1574 или 1575 г.

КИСЕЛЕВА Ирина Александровна

Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», г. Ростов

ЭТНОЛОКАЛЬНАЯ ГРУППА БЕЛОРУСОВ («ЗАРЕЦКИХ») В РОСТОВСКОМ РАЙОНЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ: ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В 2004 г. начал осуществляться проект «История и культура этнолокальной группы белорусов («зарецких») в Ростовском районе Ярославской области» (авторы-участники: сотрудники ГМЗ «Ростовский кремль» И. А. и А. В. Киселёвых), цель которого состоит в изучении истории, духовной и материальной культуры «зарецких»; вопросов, связанных с их идентификацией и национальной самоидентификацией данной общности. Наименование группы происходит от названия д. Заречье Ростовского района Ярославской области. Наиболее раннее упоминание о белорусах в Ростовском уезде относится к 1910 г. «Зарецкие» сохраняли культуру своих предков (строительство усадеб с типичной для белорусов трёхкамерной планировкой; изготовление самотканой одежды и предметов утвари, приготовление блюд национальной кухни, праздники, песни и др.). Бытование данных явлений на протяжении первой половины XX в. обеспечило существование этнолокальной группы и её закрытый характер. С середины XX столетия постепенно исчезала корпоративность данной общности.

Важной частью работы по сбору источников для изучения «зарецких» являются полевые исследования на территории их бывшего расселения. Был разработан специальный вопросник, пункты которого затрагивали различные стороны истории, духовной и материальной культуры «зарецких». Сведения устных сообщений информантов во многом подтверждаются архивными материалами.

КОРУСЕНКО Светлана Николаевна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

КУЧУМ И ЕРМАК В УСТНОЙ ИСТОРИИ ТАТАР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

На протяжении более тридцати лет совершались ежегодные экспедиционные поездки к татарам Западной Сибири. Их материалы охватывают все стороны жизни сибирских татар. В экспедициях осуществлялся сбор исторических преданий и легенд об истории возникновения деревень, особых почитаемых мест и в целом о событиях из жизни народа. В докладе будут рассмотрены и проанализированы многочисленные исторические предания о Кучуме и Ермаке. Здесь не имеют в виду предания, посвященные конкретно Кучуму и Ермаку, речь идет о той информации, которая так или иначе была связана с этими именами, очень значимыми для истории Сибири. Почти в каждой деревне, расположенной на берегу Иртыша, рассказывали о гибели Ермака и его могиле. Часто в исторических преданиях описываются какие-либо события и хронологически привязываются ко времени правления Кучума. В части родословных легенд потомков бухарцев представлена информация о том, что основатель рода пришел в Сибирь по просьбе Кучума. Есть еще много сюжетов, где фигурируют эти имена. Цель данного сообщения – систематизировать имеющуюся информацию и выявить основные сюжетные линии.

ЛИПАТОВА Антонина Петровна

Управление Федеральной службы по контролю за наркотиками России по Ульяновской области, г. Ульяновск

АРХИВНЫЕ ДЕЛА О ЯКОБЫ ЯВИВШИХСЯ ИКОНАХ КАК ИСТОЧНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В докладе предполагается исследовать «серию» дел XIX в., в которых фиксируются результаты «дознания», «расследования» о «якобы» явившихся иконах, проводимых Симбирской духовной консисторией. Подобные дела интересны ученому-этнографу по многим причинам:

Они содержат рассказы очевидцев или непосредственных участников события чудесного обретения иконы на роднике. Рассказы были записаны священниками, проводящими расследование. Это пересказы нарративов непосредственных участников событий – рассказы были созданы «по следам» самого (экстраординарного) события.

В делах-дознаниях о «якобы» явившихся иконах в силу их «критической» направленности содержится официальная (церковная) точка зрения на чудесное происшествие.

В материалах дел сохранились интересные этнографические подробности почитания родников, так как они имели статус доказательства.

Рассказчикам текстов не удалось соблюсти условия «удачной коммуникации» (happiness condition). В результате проведенного дознания все рассказы при-

знаны «лжетекстами» или текстами о «лжесобытии» (о «якобы», «будто бы» явлении иконы). Установление причин этого – задача доклада.

**МАХОВСКАЯ Ирина Станиславовна,
РОМАНОВА Ирина Николаевна**

*Белорусский государственный университет;
Институт истории НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНЫЙ ОПЫТ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ В НАРРАТИВАХ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

В докладе изложены некоторые результаты проекта по изучению памяти об ожиданиях, восприятии и реальном опыте радикальных реформ второй половины 1980 – начала 1990-х гг. (известных под общим названием «перестройка») жителей белорусской провинции.

Проект реализовывался методами oral history. Информантами являлись лица 1940–1960-х гг. рождения, которые на момент перестройки составляли наиболее «активную часть» советского общества. Территориально исследование коснулось только белорусской провинции.

Сегодняшние перестроечные нарративы с некоторой долей условности можно определить как «воспоминания об обманутых надеждах». В практиках коммеморации перестройка как символ глобального переустройства жизни и как воплощение всего последующего опыта была привязана не к мало повлиявшим на течение повседневной жизни демократическим свободам, введенным в СССР во второй половине 1980-х гг., а к трансформации потребительских привычек в начале 1990-х гг. Состояние релятивной депривации, сменившееся состоянием фрустрации, когда люди оказались лишены зачастую элементарных материальных благ, во многом определяет сегодняшнее представление ими своих позиций и ожиданий.

МИГРАНОВА Эльза Венеровна

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ТРУДОВОЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАШКИР В ПАРЕМИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ НАРОДА

Пословицы – важнейшая составляющая фольклорного наследия любого народа. Объектом исследования выбраны башкирские пословицы и поговорки о труде и традиционных хозяйственных занятиях башкирского народа. Скотоводческое прошлое башкир наложило отпечаток и на их паремическое наследие. У них сохранилось много пословиц о трудовой деятельности, связанной с разведением скота и переработкой продуктов животноводства. Между тем наличие пословиц, в которых говорится о сельскохозяйственных работах (посеве, уборке и хранении зерна), а также о хлебе, красноречиво свидетельствует о немаловажной роли и этой отрасли хозяйства в жизни традиционного башкирского общества (по крайней мере, уже в XIX в.). В пословицах нашли отра-

жение и другие виды традиционных хозяйственных занятий башкир: бортничество и пчеловодство, охота, рыболовство, собирательство и т. д.

Из содержания пословиц видно, что в традиционном башкирском обществе были известны такие виды ремесел, как плотничество, кузнечное и ювелирное дело, в пословицах говорится о сапожниках, мельниках, смолокурах, угольщиках, скорняках и сапожниках и т. д.

В пословицах нашел отражение и гендерный аспект трудовой деятельности. Женские виды работ в основном были связаны с семьей и ведением домашнего хозяйства. Мужчина же в пословицах выступает и как правитель, и как служитель религиозного культа, и как судья, и как служивый человек, и как тот или иной мастерской. Количество и разнообразие пословиц о мужских видах работ на порядок выше, чем пословиц о женской работе, что косвенно подтверждает наличие развитых патриархальных отношений в эпоху сложения основной массы пословиц.

Пословицы и поговорки не только содержат богатый и разнообразный материал философского и мировоззренческого аспектов, но и свидетельствуют о прошлом народа; они с успехом могут быть использованы в этнографических исследованиях.

МУХТАРОВА Гульмира Раиловна

*Государственный историко-культурный заповедник «Иссык»,
г. Алматы (Казахстан)*

ХАДЖ В УСТНЫХ НАРОДНЫХ СКАЗАНИЯХ КАЗАХОВ

Изучение истории хаджа (паломничества) с территории Казахстана, его социальной и идеологической функций со времени принятия казахами ислама вплоть до XVIII в. сопряжено с определенными трудностями ввиду отсутствия доступных письменных источников. Официальные сведения о хадже у кочевых народов появляются с периода подчинения казахской степи царской России и установления колониального административно-управленческого аппарата, когда процесс отправления хаджа стал регулироваться государством.

Основными источниками по хаджу в казахской степи до означенного периода являются сохранившиеся образцы устного народного творчества – эпические сказания, песни казахских акынов и жырау (Шалкииз, Актамберді жырау, Шал-акын, Нурым жырау, Шыршагул-улы). Согласно им совершение хаджа имело место в казахской среде, но со своими противоречивыми особенностями. Иногда к совершению хаджа приравнивались добропорядочность и благие дела, о чем свидетельствуют строки из песен Актамберді жырау:

Ей, люди, шоры (представители власти),
Не ищите Мекку вдали,
Почитайте родителей –
Вот Мекка для вас...

Тем не менее в киса (устная религиозная повесть), повествующих о хадже, таких как «Киса-и

Усербай» «Хаж-ул-харамаен Бектурган бин Каражан хажы», «Киса-и Ондирбай хаж-ул-харамаен», «Козыбай-хаджи Исенгул-хаджи улынын марсиясы» и др. прослеживается глубокое почитание хаджа.

Таким образом, устные народные сказания являются одним из основных источников по изучению хаджа казахов, позволяющим проследить сложный характер синкретизма культурных и религиозных традиций в степи.

НИКИТИНА Серафима Евгеньевна

Институт языкознания РАН, г. Москва

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП КАК ИСТОЧНИК ОПИСАНИЯ МОДЕЛИ МИРА И КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

Проблема рассматривается на материале сопоставительного описания устной традиции трех конфессиональных групп русского населения: старообрядцев, духоборцев и молокан. Они обладают, несмотря на принадлежность к разным христианским концессиям, рядом общих признаков, таких, например, как **традиционность, идея избранности, высокая степень самосознания, самодостаточность, эсхатологическая ориентация**, которые отражаются в их текстах. История возникновения религиозного движения, конкретной группы и ее территориального варианта, а также жизнеописания духовных лидеров наличествуют в коллективной устной памяти названных групп и служат источником описания ценностной модели мира и наиболее значимых для культуры смыслов – культурных концептов. И целиком устная культура духоборцев, и старообрядчество со своей очевидной письменной доминантой хранят большое количество устных текстов, посвященных основанию поселений, многочисленным миграциям, гонениям, деяниям своих лидеров. То же мы находим в устных текстах молокан: достаточно обратиться к их фольклорным духовным песням. Эти тексты являются источником описания концептов «идеального правителя», «пути», «чуда» и др. Так, указанные культуры объединяет ключевое слово *страдалицы*, называющее лидеров и пророков и обозначающее мощный культурный концепт. Поиски *земли обетованной*, в старообрядчестве называемой *Беловодьем*, а в молоканстве – *убежищем*, породили рассказы и песни, которые являются источником для описания эсхатологической составляющей соответствующих моделей мира.

ОХОТНИКОВ Андриан Юрьевич

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

МАТЕРИАЛЫ РАЙОННОЙ ПРЕССЫ КАК ХРОНИКАТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ КУЛУНДИНСКИХ РАЙОНОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ, 1930–1960-е гг.)

Включение материалов районной прессы в число источников по истории российских немцев оправ-

данно не только как компенсация отсутствующих документальных источников, но и как дополнение мемуаров, имеющих, как правило, значительный хронологический и социокультурный разрыв между временем рассказа и временем события. Высказывания кулундинских немцев, синхронных событию, на страницах районной периодики представлены в реальном социокультурном контексте сельского полиэтнического сообщества. Жизнь села в районной газете освещается, безусловно, клишированно, но публицистические штампы функционируют в поле консенсуса между пропагандистскими интересами власти, творческими способностями селькоров и реципиентными возможностями аудитории. Оперативность подачи информации делала невозможной тщательную цензуру и редактуру высказывания, в результате публикации районных газет сохраняют просторечие респондентов; в 1930-е гг. в заметках немцев-селькоров сохраняется и акцент. Указанные свойства источника делают возможным и продуктивным прагматический дискурс-анализ высказываний в рамках авторских заметок и интервью с целью отслеживания специфики адаптации мигрантов-немцев к изменениям государственной политики, иноэтничному окружению, внутрigrupповым и надgrupповым процессам.

РЕБРОВА Ирина Викторовна

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

УСТНАЯ ИСТОРИЯ – ИСТОЧНИК И МЕТОД АНАЛИЗА ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Устные воспоминания людей фронтового поколения – важный источник для изучения военной повседневности, образов героев и врагов минувшей войны, быта за линией фронта. В современных условиях актуальным становится изучение опыта мирных жителей, переживших войну на своей территории и тяжелый труд по восстановлению хозяйства.

С точки зрения современной типологии интервью с мирными жителями, оказавшимися в годы войны за линией фронта, сочетают в себе элементы как биографического интервью, позволяющего анализировать содержание рассказа в контексте жизненного пути респондента, так и лейтмотивного, предполагающего наличие сквозной темы беседы (в данном случае тема – повседневная жизнь в условиях оккупации и периода восстановления хозяйства).

Анализ устных интервью с мирными жителями временно оккупированной территории Краснодарского и Ставропольского краев, собранных в ходе реализации проекта РГНФ в 2008 г. совместно с коллегами из Ставрополя (Е. Н. Стрекаловой), позволяет поставить новые вопросы изучения повседневности, быта, изменения гендерных ролей, образа врага. В интервью можно выделить несколько основных компонентов: временной, идеологический, личностный. Взаимосвязь этих пластов в нарративе дает возмож-

ность изучать как прошлое (события, о которых ведется речь в интервью), так и настоящее (индивидуальная и коллективная оценка событий прошлого).

РЕВИН Иван Алексеевич

Южно-Российский государственный технический университет, г. Новочеркасск

ИСЧЕЗНУВШИЕ ХУТОРА В УСТНЫХ ПЕРЕДАНИЯХ ДОНСКИХ КРЕСТЬЯН

Донская земля с начала складывания здесь казачьего сообщества была полиэтничным регионом. Агроколонизация Дона изменила этническую картину края и привела к формированию местного крестьянского сословия. Ко времени отмены крепостного права в Земле войска Донского проживало 315 тыс. крестьян, что составляло более 30% населения региона. Основными типами крестьянских поселений на Дону были слободы, поселки и хутора, массовое основание которых приходится на рубеж XVIII–XIX вв. Бурные социально-политические процессы предыдущего столетия привели к резкому сокращению численности сельского населения и, как следствие, к исчезновению сотен хуторов и поселков. Начало исчезновения сельских населенных пунктов на Дону связано с ликвидацией поселений немецких колонистов перед Первой мировой войной и погромом кулацких хуторов в Гражданскую. Коллективизация сельского хозяйства привела к массовому сокращению малых населенных пунктов, преимущественно хуторов. В послевоенный период наблюдались две противоречивые тенденции. С одной стороны, были ликвидированы «неперспективные» деревни, а с другой – основывались новые (отделения совхозов, чабанские точки и др.). В 1990-е гг. произошло катастрофическое сокращение численности сельского населения и, как следствие, многие хутора обезлюдели. Таким образом завершился этот трагический ряд преобразований. Основная цель данной работы – при помощи информантов и документальных свидетельств восстановить особенности материально-бытовой культуры, хозяйственно-экономических условий, традиций, обычаев и пр. донских крестьян в исчезнувших и исчезающих крестьянских (неказачьих) поселениях Дона.

САБИТОВ Алишер Турсунович

Институт истории АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ORAL HISTORY: ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ И СОВРЕМЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА

Центр Oral history Института истории АН РУз совместно с представительством DVV-International в 2010 г. провел тренинги, мастер-классы и пилотажное междисциплинарное исследование на тему «Oral history: исследование традиций и современности на примере Узбекистана». В исследовании участвовали этнографы, социологи, историки, журналисты. Предварительно они прошли тренинги по методике устной истории.

Исследовались вопросы взаимовлияния традиций и современности в контексте двух форм махаллей Ташкента: классическая махалля «Сузук-Ота» (кварталы одноэтажных домов, «старый город»); махалля «Янги Камолон» (многоэтажный дом, «новый город»).

Информация была получена методом oral history через ключевые вопросы: причины выбора дома (традиционная постройка, современное жилище), досуг, наличие/отсутствие подсобного хозяйства, форма проведения мероприятий, моно/полиэтничность, форма управления местным социумом, степень участия в делах общины, наличие собственности, выбор брачного партнера, степень автономности семьи и индивидуума, степень зависимости от общины, характер потребления, элементы интеграции общины традиционной и современной.

Краткие результаты исследования показали, что для классических махаллей характерны: традиционные застройки, частое наличие подсобного хозяйства, преимущественная моноэтничность, меньшая степень автономности семьи и индивидуума, большая степень зависимости от общины, приверженности традициям. «Новым» махаллям присущи: новые застройки, частое отсутствие подсобного хозяйства, преимущественная полиэтничность, большая степень автономности семьи и индивидуума, меньшая зависимость от общины, незначительная приверженность традициям.

САТАРОВ Рамис Талгатович

Институт истории АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ЖИЗНЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЧЕРЕЗ МЕТОД УСТНОЙ ИСТОРИИ

Популярность устной истории как исследовательского метода была возрождена в 80-х гг. XX в. в результате возросшего интереса к социальной истории и «истории снизу».

Устная история становится все более популярным исследовательским методом, генерирующим исторические материалы по целому ряду тем, которые могут быть не представлены в письменных источниках. В исследовании жизни населения малых городов она может быть полезным источником знаний о развитии этих городов в разных аспектах: сообщить нам, как проживали в малых городах до получения статуса города и после его обретения, получить сведения из первых уст о хозяйственно-экономической деятельности жителей, трудовой занятости, инфраструктуре, транспорте, коммуникациях, культурной и духовной особенности города.

Особенность проекта исследования социокультурной специфики малых городов заключается в том, что теоретический курс освоения устной истории как метода сопровождается полевой и исследовательской практикой. Большое внимание уделяется принципам источниковедческого анализа интервью, а также сопоставлению устных источников с другими типами источников; важное место в программе занима-

ет обучение современным технологиям записи, обработки и архивирования аудио- и видеоинформации.

СОКАЕВА Диана Вайнеровна

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРАЗОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСТНЫХ РАССКАЗАХ ОСЕТИН

Нами рассмотрены конкретные тексты. С точки зрения переосмысления традиционных осетинских представлений мы можем отметить только символизм цифры 9, а не 7. Были подвергнуты философствованию практически все ритуальные моменты традиционных осетинских представлений, закрепленные в канонических фольклорных текстах: совмещены два временных плана (прошлое, настоящее), стерты границы между художественным текстом и реальной жизнью. Например, рассказчица лишает фольклорное слово статуса творящего мир в пользу контактов через взгляд. В рассказе о женщине-волчице большое внимание уделяется моменту мести через убийственный плевок. Переход к новой жизни женщины-волчицы посредством воды, причем символическое соответствие воды жизни объясняется рассказчицей почти научно, то есть мы можем констатировать потерю традиционной веры в описанный ритуал (заметим, что о женщинах-волчицах только рассказывают, вся их жизнь виртуальна) и веры в действительную ее трансформацию. Говорится о какой-то ее новой жизни в связи с прохождением через желоб мельницы. Пространственное распределение зон реального мифологического мира рассказчицы достаточно четко, и именно оно является нитью рассказа. Нельзя не заметить обозначения нижней и верхней зон богами: Верхним и Нижним. Одним из нижних богов назван Сырдон. Это своеобразная интерпретация нартовского героя. Переход из героев в боги, вторичное мифотворчество, возможно, является спонтанной реконструкцией древней семантики образа.

СОЛОВЬЕВА Светлана Анатольевна

Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки, г. Бийск

УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

При изучении материальной культуры русского населения Алтая, в частности особенностей строительства жилища в XX в., традиционные этнографические методы работы сочетались с устными источниками: опрос, интервьюирование. Как правило, респондентами были жители 1915–1940-х гг. рождения. В ходе работы они давали оценку событий, свидетельствами которых были. Воспоминания носят ностальгическую окраску.

Старожилы отмечали, что дома родителей были возведены в соответствии с традициями, соблюдение

которых обеспечивало их качественность. Руководили работами опытные мужчины. Описывая процесс строительства, они нередко давали эмоционально негативно окрашенные сведения об утрате жилища при раскулачивании, ссылке родителей. Многие отмечали, что позднее постройки были разрушены. Бывшие владельцы с горечью отмечали: «Разломали, не свое – не жалко, а построено было на века».

В послевоенный период значительная внутренняя миграция населения и укрупнение поселений вызвали массовое строительство жилья. Работы велись силами членов семьи или в виде «помочей». Предоставлялись участок и материал для строительства. Старожилы говорили, «что было, из того и строили, не выбирали». Многие владельцы в настоящее время отрицательно оценивают качественность возведенных жилищ, объясняя незнанием или нарушением традиционного порядка стройки.

При работе с устными источниками фиксировались не только содержательная часть, но и субъективные установки респондентов для получения более широкого материала исследования.

СТРЕКАЛОВА Елена Николаевна

Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь

«ЭМИССИЯ» ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: К ВОЗМОЖНОСТЯМ УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ЛОКАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Тематика устноисторических исследований в России прямо или косвенно связана с историей Второй мировой и Великой Отечественной войны.

Исследователей привлекает возможность пополнения источников «антропологического ракурса» военного времени, способствующих изучению «человеческого измерения» военной поры 1941–1945 гг. Записи устных воспоминаний-интервью с людьми военного поколения создают своеобразные мемуары, однако их отличие от такого рода источников в возможности анализа голосового и эмоционального фона рассказчиков и в уникальности источника, которые не возникли бы никогда без усилий исследователей.

Архив устной истории Великой Отечественной войны на материалах Северного Кавказа формируется при кафедре истории России и НОЦ «Новая локальная история» Ставропольского государственного университета, где более трех лет ведется сбор, хранение и интерпретация устных источников. К работе привлекаются студенты и аспиранты. В 2007–2008 гг. была получена грантовая поддержка со стороны РГНФ. В архив вошло уже около 80 записей воспоминаний представителей фронтового поколения, доступ к которым открыт для других исследователей.

Анализ устных свидетельств показывает, что они отражают широкий пласт неофициальной памяти, не востребованной официальной культурой в совет-

ском/российском обществе. Неофициальная память о войне существует параллельно выхолащенной, отредактированной, героической концепции войны, она передается современному молодому поколению и влияет на формирование их идентичности. Таким образом, происходит «освоение» методологии устной истории в российском академическом сообществе, столичном центре и провинции. Вместе с тем в научной среде существует неоднозначное отношение к исследовательским возможностям этого направления.

ТРОШИНА Татьяна Игоревна
Поморский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОЧНИКОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В ПАРТИЙНЫХ АРХИВАХ, ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПЕРЕЛОМНОЙ ЭПОХИ*

«Устная история» как форма сбора историко-бытовой информации широко применялась в 1920-е гг. Комиссией по изучению истории Октябрьской революции и Коммунистической партии: комиссии «истпарта» существовали при каждом губернском комитете. Впоследствии формированием фонда «жизненных историй» рядовых участников событий первой четверти XX в. занимались областные партийные архивы. Эта информация долгое время была закрыта для исследователей; если ее использовали, то лишь в качестве иллюстраций к истории Гражданской войны и установления советской власти на местах. Вместе с тем в 1920-е гг. был разработан подробнейший список вопросов, которым должен был следовать интервьюер или автор личных воспоминаний. Эти вопросы касались сохранившихся воспоминаний об истории и социально-экономическом состоянии малой родины респондента; о традиционных формах социализации, которым он подвергался. Вопросник включал сведения о семье, межпоколенных и внутриобщинных взаимоотношениях; о формах проявления молодежной культуры.

Разумеется, не все воспоминания выстроены по предложенной схеме, однако тщательно разработанные и прописанные вопросы, включенные в список, не могли не будировать память респондента. И хотя дальнейшие события, выпавшие на долю этого поколения (Мировая, Гражданская, Великая Отечественная войны, социалистическое строительство), затмили многие воспоминания, в архивных текстах присутствует существенная информация, которая является результатом не внешнего наблюдения, а фиксации лично пережитого. Представляется важным, что эта информация касается переломного периода в истории традиционного общества; интерес к социокультурной трансформации у исследователей проявился только в

1920-е гг. – в этом же виде есть сведения предыдущего периода, который обычно был скрыт от глаз наблюдателей крестьянской «порукой».

УШНИЦКИЙ Василий Васильевич
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ САХА О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАРОДА В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА

За отсутствием достоверных сведений в китайских источниках о народах Северо-Востока Сибири одними из важных материалов являются фольклорные источники саха. В них достойное место занимают легенды саха о своих прародителях и древних племенах, проживавших на его территории. Народ саха своими прародителями считает Омогоя и Эллэя, которых якутские предания относят к одному из южных народов. Они представлены в них как люди из рода кыргыс, бырааскай или татар. Встает вопрос, насколько объективным является использование в изучении этнической истории народа саха фольклорных сведений о происхождении народа, где важное место занимают мифы о легендарных первопредках этноса. В них встречаются бродячие сюжеты, известные из эпоса тюркских народов, этнотопонимы и генеалогии, возможно почерпнутые из общения информантов со ссыльными татарами и киргизами, есть и чисто библейские мотивы. Если обратиться к историографии вопроса, то почти все исследователи, начиная с Г. Ф. Миллера до А. П. Окладникова и Г. В. Ксенофонтова, активно использовали сюжеты преданий о прародителях для выдвижения своих теорий о происхождении саха.

Гораздо важнее сведения якутского фольклора о племенах, проживавших на ее территории к приходу предков саха или одновременно с ними. Названия этих племен – *саха, ураанхай, хоро, боотулу, тумат, сортол, кыргыс, хара-сагыл* – дают обширную пищу для этногенетических построений о миграции племен с южных территорий и участии их в этногенезе саха. Анализ фольклорных источников позволяет утверждать о приходе с юга на Среднюю Лену носителей данных этнонимов, имеющих в составе тюрко-монгольских народов.

ФЕДОСОВА Ксения Александровна
Лицей № 1553, г. Москва

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О КОЛХОЗЕ В СВЕТЕ МЕТОДИКИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕЗЕНСКИХ ДЕРЕВЕНЬ)

Доклад будет посвящен воспоминаниям о колхозе, записанным в деревнях Мезенского района Архангельской области. Эти мемуары были обработаны с помощью методики контент-анализа (анализа частотности), что позволило выявить набор частотных тем и ключевых образов, повторяющихся в раз-

*Работа выполнена в рамках научного исследования, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (проект № 10-01-48102 а/С).

говорах о колхозе из интервью в интервью. Как показывает исследование, часть из них сформирована советской риторикой и советским новоязом и в сознании информантов тесно связана именно с колхозной реальностью, хотя их понимание зачастую коренным образом отличается от официального значения. Часть же отсылает к миру традиционных фольклорных образов, переосмысленных применительно к реалиям эпохи.

ШАГЛАНОВА Ольга Александровна

*Этнографический музей народов Забайкалья,
п. Верхняя Березовка*

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ: К ПРОБЛЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДИ МОНГОЛЬСКИХ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНИИ)

Современная монгольская миграция в Японию имеет разнородное происхождение и представлена следующими группами мигрантов: монголами из Внутренней Монголии (Автономный внутренний район Монголии, Китай), монголами из Монголии (Внешняя Монголия или Халх), бурятами из Монголии (монголой буриад), бурятами из России (оросын буриад) и шэнэхэнскими бурятами из Китая.

Несмотря на разные исторические судьбы, разнородное монгольское сообщество в Японии позиционирует себя как единый монгольский мир и стремится к конструированию общей модели монгольской этничности в чужой среде. Между тем в рассказах о родине монгольских мигрантов, имеющих разное происхождение, раскрываются специфические черты этнического самосознания, вызванные драматическими, по сути историческими событиями, которые предопределили разную культурную среду проживания монгольских групп на протяжении многих веков. В жизненных историях красноречиво отражаются проблемы идентичности и неоднозначные представления о родине как индикаторе этничности.

ШАНТАЕВ Бемб Александрович

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,
г. Элиста*

ДЕПОРТАЦИЯ 1943–1957 гг. В УСТНОЙ ИСТОРИИ КАЛМЫКОВ

Уход старшего поколения сокращает возможность передачи молодому поколению реальных событий, происходивших в истории калмыцкого народа в период насильственной депортации 1943–1957 гг., однако потребность в ее сохранении существует, свидетельством чему являются полевые этнографические материалы. Информация, получаемая от конкретного человека, повествует о чрезвычайных событиях, происходивших в его жизни, об условиях, в которых он находился и как действовал сообразно обстановке, чтобы выжить.

Ссылных калмыков советская идеология клеймила как «предателей», «пособников фашистов»,

«людоедов», для того чтобы местное население не проявляло сострадания и не оказывало помощи депортированным. На первых порах имело место столкновение с местным населением, особенно проявлялось негативное отношение среди детей. С течением времени отношения нормализовались.

После принятия закона о реабилитации репрессированных народов в 1957 г. калмыки стали уезжать на родину, а местные власти прилагали все усилия, чтобы оставить калмыков для постоянного проживания на своей территории.

ШАХОВ Павел Сергеевич

*Новосибирская государственная консерватория (академия)
им. М. И. Глинки, г. Новосибирск*

МОРДОВСКИЕ КАЛЯДНЫЕ ПЕСНИ СИБИРИ В СВЕТЕ УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Данная статья посвящена мордовским зимним колядным песням, входящим в цикл обрядовых песен, приуроченных к рождественским праздникам (по материалам мордовских экспедиций в Кемеровскую область, Алтайский и Красноярский края). Фольклористическими устными источниками являются не только сами фольклорные тексты мордовских колядок, но и информация, описывающая ситуации бытования, личное отношение этнофоров к выделенным объектам музыкальной культуры и их оценку, что, возможно, влияет на трансляционность данной традиции. Это положение актуально и для изучения других жанровых групп музыкально-фольклорных традиций. В собранном полевом материале следует отметить некоторые его жанровые особенности. Если фольклор мордвы Алтайского края (Залесовский район) сосредоточен в основном в жанровых рамках семейно-обрядового цикла, то музыкальные традиции мордовских переселенцев Красноярского края (Минусинский и Каратузский районы) демонстрируют в большей степени календарную обрядность и несколько меньшей – семейные обряды. В кемеровской фольклорной традиции (Прокопьевский, Чебулинский районы) обрядовые жанры представлены фрагментарно. Колядные песни сибирской мордвы имеют три формы: с постоянно повторяющимся рефреном «каляда»: «*Каляда, каляда, тупором, тапором*» (эрз.); с зачином «каляда» без рефрена: «*Ай, каляда, каляда, щакай дай беряка*» (мокш.); с зачином «тауси-тауси» без рефрена «*Тауси-тауси, салдан бардауси*» (мокш.).

ЩЕГЛОВА Татьяна Кирилловна

*Алтайская государственная педагогическая академия,
г. Барнаул*

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК МЕТОД И ИСТОЧНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Техническая революция XX в. в способах фиксации и хранения информации создала новые возможности для развития гуманитарных наук с помощью

так называемого исторического или исследовательского интервью. В этнографии его контуры оформились в 1920-е гг., когда был брошен призыв к исследователям изучать «уходящую Россию», и были разработаны вопросники для изучения деревни и крестьянского мира. Это были первые попытки формирования новых способов проникновения в «этничность». Именно на этом этапе наметилось разделение между двумя методами этнографических исследований. Первый метод до сих пор называется «сбор этнографических источников», то есть сбор и фиксация преданий, причитов, колядок, свадебных песен и других готовых форм устной традиционной культуры, который приравнивается к сбору предметов материальной культуры. Второй метод – это «создание» или «фабрикация» этнографических источников с помощью исторического или исследовательского интервью, то есть опрос с проникновением в «культуру» и этническую ментальность.

Сферой взаимодействия устной истории и этнографии может стать формирование архивов устных этнографических и исторических источников. В этнографических исследованиях при новациях в исследовательских технологиях (примером является развитие визуальной антропологии) остается почти нетронутой технология документирования и архивирования получаемого материала. Это касается в первую

очередь распространенной у этнографов ручной записи сведений. Вызывает критику то, что при записи рассказов вручную усиливается вмешательство исследователя в авторскую интерпретацию рассказчика, искажается первоначальный материал в результате сокращения услышанного во время записи, допускается переформулировка услышанного, вручную записывается текст так, как понял интервьюер, а не так как понимал рассказчик. Существуют и другие негативные издержки фиксации вручную, наносящие урон авторской версии повествования.

В исторических исследованиях, в том числе и в рамках этнологии, все настойчивее звучит мысль о введении требований к группе так называемых полевых материалов автора. Они справедливо подвергаются критике за отсутствие единых требований к их оформлению, высокую долю субъективности при ручной фиксации, их незащищенность и частую потерю без обязательного размещения на хранение в государственных архивах с гарантией авторских прав и т. д. Для того чтобы уменьшить критику материалов опросов, необходимо наряду с деятельностью этнографа по «сбору полевого материала» расширить деятельность по «созданию источника», с выполнением всех требований к его формированию с использованием технологии устной истории (oral history).

Секция 4. АНТРОПОЛОГИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Руководители: д.и.н. **Комарова Галина Александровна** (Москва);
к.и.н. **Козьмин Валериан Александрович** (Санкт-Петербург)

АБРАМОВ Роман Николаевич

*Институт социологии РАН, Государственный университет –
Высшая школа экономики, г. Москва*

АНТРОПОЛОГИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ: АКАДЕМИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Доклад посвящен исследованию коллизий между академической автономией и административными процедурами в современном российском университете.

В качестве метода исследования были выбраны личные интервью с представителями университетского сообщества, включая работников административного аппарата и академических сотрудников – преподавателей и ученых-исследователей. Все информанты работают в известном российском вузе, который является одним из лидеров реформы образования и активно интегрируется в глобальное образовательное пространство. В качестве дополнительного метода было выбрано включенное наблюдение – автор исследования в силу своей профессиональной и должностной позиции является участником академической жизни данного вуза. Результаты опроса показывают, что для профессионального академического сообщества одной из ключевых характеристик академической автономии является свобода распоряжения своим временем. Регламентация жизни академического профессионала рассматривается участниками исследования как наступление на индивидуальные академические свободы и дезавуирование принципов университетской корпорации. Дополнительные возможности для наблюдения за пребыванием ученого в университете открывают электронные технологии связи и контроля: создание виртуального профиля в интрасети, принуждение к использованию корпоративной электронной почтой, электронные пропуска с фиксированием времени прихода и ухода – все эти средства становятся инструментом ограничения академической автономии. Дух дисциплинарного общества проникает в современный университет сквозь мелкие щели процедурных правил, бюрократических уловок, методических указаний, обязательных для исполнения.

АКСЕНОВА Наталья Владимировна

*Харьковский национальный университет, г. Харьков
(Украина)*

ЧЕРЕПАХА ВСЕГДА ПРИХОДИТ ПЕРВОЙ: СКОРОСТЬ ПОТОКОВ ИНФОРМАЦИИ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

В докладе предполагается рассматривать систему научных и учебных учреждений постсоветского

пространства как объект, устойчивость которого достигается отсутствием динамики научных достижений и новаций. Очень важным стабилизирующим фактором в системе научных коммуникаций является скорость производства продукта профессиональной деятельности академического коллектива. При этом скорость творческого процесса отдельных членов единого научного коллектива не должна быть разновеликой. Вместе с тем по умолчанию приветствуется заторможенность и замедленность в производстве любого научного продукта, производимого на «заказ», как обоснование «глубины» и «академичности» работы. В академическом сообществе существует и другой поток информации – рутинная ежедневная сверхскоростная отписка и подача данных о сотрудниках и этапах продвижения «науки». Этот поток и создает иллюзию динамики и развития научного сообщества.

Понятийный научный аппарат, как и скорость передачи информации каждым индивидуумом, входящим в коллектив, либо подчиняется представлениям большинства (доходит до уровня околонуучности), либо наличие этого научного аппарата скрывается или остается известным лишь очень узкому кругу. Единый поток и скорость передачи не терпят ограничения представителей этой среды определенными академическими рамками. Подобная «академичность», с одной стороны, способствует исчезновению заинтересованности в увеличении скорости и наукоемкости производимой продукции, а с другой – создает гипертрофированный интерес только к официальным регалиям представителей данной группы. Самодостаточность системы научных обществ ограничивается самым слабым представителем академического общества. «Принятие» или «непринятие» в академическое сообщество происходит по шкале понятности и доступности не только наукоемких слагаемых, но и динамики вклада индивидуума в работу данного научного сообщества.

БЫКОВА Светлана Ивановна

Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМА АКСИОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА

В докладе рассматриваются факторы, определяющие своеобразие стратегий создания профессиональной идентичности в академическом сообществе, на примере исследователей – современных сторонников мифа о великих исторических достижениях в развитии советской промышленности 1930-х гг., мифа, созданного еще в условиях первых пятилеток и по сей день составляющего основу многих исторических исследова-

ний. Темпы строительства, количество новых предприятий, индустриальные гиганты наряду с другими формальными характеристиками (в том числе мнимой урбанизацией) рассматриваются в подобных трудах как аргументы модерности советского общества. Исследователи не принимают во внимание негативные тенденции, отрицающие даже формальные характеристики модернизации. Не является предметом изучения социалистическая этика труда, не анализируется влияние политических репрессий, в результате которых погибли многие высококвалифицированные специалисты и прекратили существование некоторые рабочие династии. Многие исследователи не считают возможным изучать самое яркое свидетельство архаики советской экономической системы – абсолютное пренебрежение к достоинству человека труда, превращение его в средство производства. Именно отсутствие «антропологического измерения» не позволяет подвести итоги социалистических преобразований.

Сегодня, когда в обществе уже нет единой гегемонистской идеологии, которая делала реальность советского общества символической реальностью, нуждавшейся в творцах мифов и символов, вопрос внутренней экспертизы современного ученого-обществоведа особенно актуален.

ГАПОВА Елена Ильинична

Университет Западного Мичигана, г. Хау (США)

ПОСТСОВЕТСКАЯ АКАДЕМИЯ И БОРЬБА ЗА СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЫНКИ

Согласно П. Бурдьё, академия воспроизводит средствами своей институциональной логики общие изменения социального порядка. К каким стратегиям прибегают различные группы постсоветских академических интеллектуалов, стремясь использовать обладание знанием как особый ресурс для занятия престижной социальной позиции в условиях формирования новой социальной стратификации. Эти стратегии обретают форму борьбы между «старым» («советским») и «новым» знанием и способами его легитимации в условиях включения академии в рыночные экономические и символические обмены и проникновения на международные символические рынки.

ГРИНЬКО Иван Александрович

Российский институт культурологии, г. Москва

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КИНО: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Самые значимые проблемы российской этнологии коренятся в коммуникации между академическим и реальным миром. Как правило, основное внимание научного сообщества уделяется научной литературе, изредка – научно-популярной, однако о таком важном инструменте репрезентации науки, как художественная литература и кинематограф, часто

забывают, хотя это один из кратчайших путей до общественного сознания.

Одной из основ стабильного развития зарубежной этнологии по праву можно считать удачную репрезентацию в литературе, которая началась еще с Редьярда Киплинга. Западная литература культурных антропологов ценит и любит за богатство сюжетов и изначально заложенный в этнологии конфликт столкновения двух культур, двух мировоззрений, двух систем ценностей.

В советский период этот инструмент развития этнологами фактически не использовался, хотя в археологии наблюдалась прямо противоположная ситуация: с 1960 г. свет увидело девятнадцать научно-популярных и более двадцати художественных книг, так или иначе посвященных работе археологов.

Конечно, можно говорить о том, что этнологи не обязаны писать рассказы, романы и сценарии, хотя опыт Валентина Берестова, Игоря Можейко и Альберта Санчеса Пиньоля доказывает, что ничего невозможного в этом нет. Между тем проанализировать пусть и небольшой, но имеющийся опыт подобных репрезентаций этнологии в художественных произведениях необходимо для четкого понимания образа науки в массовом сознании и поиска возможных путей его изменения.

ДАГАЕВА Елена Александровна

Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог

КОРПОРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РИТУАЛЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА

Системные изменения внешней среды, в которой вынуждены сегодня функционировать российские вузы, выдвигают проблему интеграции вузовского сообщества на одно из первых мест. Формирование и поддержание корпоративной идентичности как осознания принадлежности к своей организации, вовлеченности в дела компании, приверженности становится одной из приоритетных задач менеджмента вуза.

Признание данного факта обуславливает актуальность проблемы изучения механизмов развития и поддержания корпоративной идентичности. Особый исследовательский интерес представляют универсальные механизмы формирования данного образования, пронизывающие весь процесс внутриорганизационной коммуникации, – символы – в их как материальном, так и нематериальном выражении, и в частности такой их вид, как ритуалы.

В докладе представлен теоретический анализ проблемы влияния ритуалов на формирование корпоративной идентичности вузовского сообщества. Подробно проанализированы функции ритуалов в соответствии с классификациями, предложенными Э. Дюркгеймом и К. С. Сарингуляном, содержание и виды организационных ритуалов в контексте формирования отдельных компонентов корпоративной идентичности университетского сообщества. Их значимость в контексте формирования и поддержания корпоративной идентичности университетско-

го сообщества неопределима, ритуалы как символы действия являются способом донесения до профессорско-преподавательского состава, сотрудников, студентов – одним словом, тех, кто входит в сообщество, системы ценностей и моделей поведения, отражающих корпоративную культуру университета. Именно ритуалы как устойчивая система ценностей, накопленных и воспроизводимых в коллективной памяти, дают университетскому сообществу ощущение устойчивости, столь необходимое в непрерывно изменяющемся мире.

ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна

Краснодарский государственный университет, г. Краснодар

УЧЕНЫЙ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ: СПЕЦИФИКА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В докладе рассматриваются особенности научной деятельности и научной коммуникации в регионах бывшей Российской империи, ставших в 1917–1920 гг. центрами сопротивления различных политических режимов и массовой миграции столичной интеллигенции.

Источниковая база доклада включает делопроизводственную документацию властных структур, вузов, научных учреждений, периодическую печать и книжную продукцию 1917–1920 гг., мемуары, дневники, частную переписку. Ряд документов из центральных архивов России и Украины, региональных архивов (Краснодара, Ростова-на-Дону, Харькова, Одессы) впервые вводится в научный оборот.

Интерпретируя Гражданскую войну как явление временное, ученые пытались и в экстремальных условиях максимально рационализировать собственную жизнь. Это означало остаться в профессии, по мере возможности приумножать профессиональные компетенции, быть вовлеченным в научную коммуникацию.

Активная профессиональная деятельность давала возможность выживать материально. Она же, наряду с работой в общественных объединениях, позволяла солидарно вырабатывать практики противостояния различным угрозам, выстраивать перспективу ближайшего будущего.

КОМАРОВА Галина Александровна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АНТРОПОЛОГИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ: ПОЛЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Современная российская социально-культурная антропология все чаще обращает внимание на изучение самых различных социальных и культурных групп, что становится возможным благодаря расширению методологической базы исследований и распро-

странению этнографического метода. Наука развивается в направлении анализа методологических основ исследования профессиональных субкультур, демонстрируя преимущества интерпретативного подхода перед позитивистской парадигмой. И в этой связи, кажется, было бы естественно, чтобы отечественная социально-культурная антропология обращала внимание, прежде всего, на исследование себя самой – на изучение сообщества ученых, академического сообщества собственными методами. Уже тем более именно для этнографов, этнологов, социальных и культурных антропологов собственное антропологическое академическое сообщество в первую очередь и должно было бы представлять научный интерес, так как генезис данного жанра в антропологии, безусловно, связан с антропологическим знанием.

По мнению французского антрополога Мориса Годелье, «антропология, история и другие социальные науки ставят перед собой один и тот же вопрос: каким образом понять и объяснить существование того, что прежде не было составной частью вашего образа жизни и мысли? <...> Живя в нынешнем мире, было бы крайне безответственно и даже недостойно со стороны антропологов перестать заниматься изучением не только *других*, но и самих себя, а также делиться результатами своих исследований». Между тем, несмотря на всю актуальность такой постановки вопроса, до сих пор возможность и необходимость антропологического взгляда на антропологию как научную дисциплину, как социально и культурно обусловленную практику в российском этнографо/этнолого/антропологическом сообществе еще не осознана, невзирая на всю ее теоретическую и практическую значимость.

КУЗНЕЦОВ Александр Александрович

Независимый исследователь, г. Красноярск

АНДРОПАРКИ КАК ОБЪЕКТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ (ОПЫТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ)

В целях фиксации и осмысления современных исследовательских стратегий и тактик посредством авторской саморефлексии перед научным этнологическим сообществом ставится вопрос о возможности изучения методами антропологии и этнографии *андропарков* – особой разновидности телевизионных реалити-шоу, распространившихся в конце XX – начале XXI в. на Западе, а затем и в России («Старший брат», «Голод», «Дом-2» и др.). «Андропарк» (от греч. andros – человек и франц. parc – огороженное место) – термин, не имеющий четкого определения в европейских языках. По аналогии с «зоопарком» под андропарком следует понимать закрытое от внешнего мира пространство, специально организуемое для содержания человеческих особей обоего пола в полувольном состоянии с целью их демонстрации потребителям телевизионных программ. Общение «обитателей» андропарков управляемое, развивается по заранее намечен-

* Работа осуществлена в рамках проекта РГНФ № 10-01-00105А.

ным сюжетным линиям, у каждого из участников имеется определенная цель (остаться «на проекте» до его завершения, стать победителем и получить награду – значительную денежную сумму или её вещный эквивалент). Действия «говорящих обезьян» подчинены, как правило, врождённому инстинкту самосохранения, направленному на доминирование и выживание (физическое, социальное, видовое) в чуждой и агрессивной среде, а также половому влечению (индивидуальному и коллективному либидо).

Натуральные реалии-шоу (андропарки) в свернутом виде отражают все социальные проблемы постиндустриального (постмодернистского) общества. Стремительно превратившись из особого жанра развлекательных телепрограмм в интерактивный институт массовой социализации личности, они формируют мировоззрение значительной части современной молодёжи, её ценности и идеалы и требуют всестороннего «прочтения», в том числе антропологического.

КУЛАКОВА Ирина Павловна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Российский государственный
гуманитарный университет, г. Москва*

КАБИНЕТ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ КАБИНЕТ (ПРИВАТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В ЭПОХУ ПОСТКНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ)

Российская академическая традиция выработала собственный, национальный вариант развитого интеллектуального быта, который достиг своего расцвета на рубеже XIX–XX вв. (когда каждый респектабельный «господин» имел свой кабинет). Советский кабинет отчасти наследовал ему. В постсоветский период компьютерные технологии выступают как ключевые культуuroобразующие факторы. Каждый период истории придавал своеобразие кабинетному пространству. Переход к компьютерным коммуникациям оказал влияние не только на содержание деятельности, но и на стиль поведения современного человека, на структуру его приватного пространства. В докладе рассматривается современная ситуация, когда необходимость в домашнем рабочем пространстве вообще подвергается сомнению.

«Драматургический» подход к повседневности предполагает также выяснение того, как функционирует предметная среда; какова корреляция между видом кабинета и статусом его хозяина; как ведет себя хозяин кабинета на работе. Исследование жизненного мира современного интеллектуала лежит в русле микросоциологии и истории культурных практик. Методика собирания информации автором может быть названа методом участвующего наблюдения – знакомство с кабинетами личных знакомых дополняется сбором информации о чертах «интеллектуального быта» представителей разных слоев ученых и отечественной интеллектуальной элиты в целом.

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич

Государственная академия славянской культуры, г. Тверь

«ПРОФЕССОР»

КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ МИФ

Слово «профессор» соотносится с мифологемой, реализующейся в разных версиях. Семантика мифологемы складывается из двух крупных компонентов – старого и нового. Старый восходит к академическим традициям дореволюционной России и их отзвукам в довоенной культуре Советского Союза. Новый формируется представлениями о социальном статусе профессуры послевоенного Советского Союза. В соответствии с теорией Сепира-Уорфа можно утверждать, что представления о профессуре и результатах причисления к этому сообществу во многом определяются мифологическими коннотатами. Мифологическое осмысление наблюдается и в повседневном поведении, фиксируемом этнографией. Профессор обычно наделяется чертами трикстера. Миф определяет модусы отношения к профессуре: зависть, благоговение и т. д., представления о «профессорском облике», чертах психологии, поведения, включая речевое, устройстве повседневности, узловых моментах биографии.

В формировании устойчивых паттернов принимают участие сохранившиеся сведения о знаменитостях, принадлежавших к профессуре (чему помогают авторские мемуары и фольклор, хотя первое нередко порождает второе), и образы, созданные искусством, вторичными моделирующими знаковыми системами. Реальный социальный тип профессора не обладает тем постоянством, которое присуще мифологическому образу. Классический «профессорский» паттерн имеет два основных варианта: «классический» и «трикстерский». Указанные типы обладают разной динамикой изменений. «Трикстерский» более зависим от социальной ситуации. Социальная мифология наделяет профессора рядом валентных связей. Во внешней среде он связан с «избранными» и «непосвященными». Представления о «профессоре» отображаются и в мортальном фольклоре.

LIKA RYGINA

University of Gothenburg, Sweden

PRECARITY IN KNOWLEDGE INDUSTRIES: THEORETICAL FRAMEWORK FOR STUDIES ON MICRO-PROCESSES IN CONTEMPORARY ACADEMIA

Nowadays not only the economically advanced North-Western Europe and US but more and more countries all around the world experience so-called post-Fordist or postindustrial condition manifesting itself in rapid development of service and intellectual labour. As pointed out by contemporary scholarship, fluid/unfixed job and employment arrangements dominating in these spheres often tail social insecurity, instability and lack of political representation. The particular notion, *precarity*, was invented for accounting various effects of labour flexibility to the peoples, work and life.

My presentation is thought to discuss prospective theoretical designs of a study on precarization in the sphere of knowledge production. Driving from autonomist Marxists ideas of the transformation of ontology and phenomenology of both labour and capital in the age of cognitive capitalism (M. Hardt, A. Negri, M. Lazzarato, others) and from more resent intellectual experiences with precarity mobilization (B. Neilson and N. Rossiter, R. Gill and A. Patt, B. Trott, others), I will develop theoretical-methodological scheme for analysis of objective and subjective aspects of the academic reality age of postindustrial free-market economy.

**МИРОНОВА Наталья Петровна,
ФИЛИППОВА Татьяна Петровна,
ЛИСЕВИЧ Нина Григорьевна**
Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНОГО РАБОТНИКА (НА ПРИМЕРЕ ФОТОДОКУМЕНТОВ КОМИ НЦ УРО РАН)

В докладе предполагается рассмотреть комплекс фотодокументов Коми НЦ УрО РАН с позиций антропологии академической жизни и выделить некоторые репрезентативные практики, в которых отражаются особенности профессиональной среды научного сообщества. В архиве Коми НЦ УрО РАН обработан фонд № 18 (всего 582 дела). Фотодокументы, содержащиеся в фонде, показывают историю развития академического учреждения в регионе с 1940-х гг. по настоящее время. Представленные фотодокументы Коми НЦ УрО РАН являются важным источником по антропологии академической жизни в регионе, позволяют выявить особенности быта и образа жизни ученого в Коми научном центре, а также определить особенности репрезентации «ученого» в фотодокументах Коми НЦ УрО РАН в советский и постсоветский период.

Таким образом, несмотря на то что анализ визуально-антропологической продукции предполагает привлечение данных письменных источников, материалов устной истории и др., фотодокументы являются самостоятельным источником с широкими информационными возможностями и обладают значительным научным потенциалом, в том числе и для визуально-антропологических исследований в поле антропологии академической жизни.

ПЕРЛОВ Аркадий Маркович
*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

ГУМАНИТАРИИ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ СОБСТВЕННОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Доклад основывается на материалах междисциплинарного курса для аспирантов гуманитарных факультетов, который читается в РГГУ с 2007 г. (<http://aspirant.rggu.ru/article.html?id=66699>). Две лекции в рамках курса традиционно посвящаются проблемам самоопределения гуманитарного знания. Как правило,

одна из них сопоставляет «гуманитарное знание» с «естественными и точными науками» (в этом случае соотношение выстраивается по линиям понимания предмета, метода и функций различных типов знания). Вторая лекция, отталкиваясь от противопоставления «гуманитарного знания» и «вдохновенной поэзии», ставит вопрос о самоощущении гуманитария-профессионала в сравнении, допустим, с «пророком», «поэтом», «политиком» или «наемным специалистом». Центральными категориями такого сопоставления оказываются «интерсубъективная модель науки», «социальный контракт», «(не)конкурентность научного сообщества», «обязательства», «экзистенциальные эстафеты», «агентство счастья» и т. п.

Лекционные занятия сопровождаются относительно плотной отчетностью (помимо вопросов и реплик, звучащих в аудитории, имеются еще и эссе, высылаемые аспирантами в конце учебного года, в которых они должны зафиксировать тезисы лекций, кажущиеся им наиболее подходящими или неподходящими для использования в их собственной научной работе). В весеннем семестре 2011 г. состоятся также семинарские обсуждения вышеупомянутой проблематики. В докладе планируется обобщить то представление о науке и о собственной профессиональной субъективности, которое формулируется в высказываниях аспирантов эксплицитно или может предполагаться с относительно высокой степенью вероятности.

ПИСКУНОВА Лариса Петровна
Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

«ЧЕЛОВЕК В ОЧКАХ И ШЛЯПЕ» – ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СОВЕТСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Академическая жизнь предполагает не только интеллектуальную работу, но и потребление как духовное, так и материальное. На материале дневниковых записей, писем, бесед и интервью проведен анализ образа жизни и повседневных потребительских практик преподавателей Мордовского государственного университета в 50–70-е гг. XX в. Город Саранск как место ссылки выбрали многие ученые гуманитарии из-за близости к Москве, возможности преподавать и заниматься наукой. Стиль жизни философа и филолога М. М. Бахтина, историка и археолога П. Д. Степанова, историка М. Г. Сафаргалиева отражает специфику представления этоса науки в сопряжении с обыденной жизнью и является основанием для сопоставления с современной ситуацией.

ПРИГАРИН Александр Анатольевич
*Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
г. Одесса*

ФАКТ(О)Р ЭТНОГРАФИИ: ОБ АВТОРСТВЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

В докладе ставится вопрос об авторском начале в этнографическом тексте. Показываются возможные

формы и пути преобразования элементов реальности в этнографический факт. На основе этого определяется место исследователя в выстраивании жанра описания наблюдаемой жизнедеятельности. В силу эмансипации субъекта научного процесса в антропологии оказывается необходимым вписать статус собеседников-этнофоров в качестве соавторов. Ведь именно их информация, ракурс и опыт являются демиургами сути и структуры этнографических текстов. При этом они были и остаются полуанонимными сносками в научной продукции.

На основе актуальной практики этнологической науки анализируется роль источников информации (респондентов). Демонстрируются наметившиеся тенденции перехода от присвоения данных к их диалоговому созиданию. Постулируются возможности включения отдельных судеб в общую биографию науки.

ПЧЕЛИНЦЕВА Наталия Дмитриевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ЭТНОГРАФ БОЛЬШЕ ЧЕМ КОЛЛЕГА...*

Экспедиционный выезд московских этнографов в Азербайджан в 2009 г. и встречи с азербайджанскими коллегами заставили вновь ощутить всю важность сохранения и поддержания межличностных (и межгрупповых) отношений внутри профессионального научного сообщества. Длительный разрыв российско-азербайджанских научных связей, возникший в силу общеизвестных политических и экономических обстоятельств в последние два десятилетия, помимо воли и желания представителей обоих академических сообществ, нанес ощутимый ущерб как отечественному кавказоведению, так и развитию азербайджанской этнографии, что связано с ограничением возможностей свободно пользоваться богатейшими фондами библиотек и архивов, обмениваться вновь изданными научными публикациями, участвовать в совместных российско-азербайджанских научных мероприятиях и экспедициях. Благодаря личностным отношениям (скрепленным совместными экспедициями в Азербайджане четвертьвековой давности), всемерной поддержке азербайджанских коллег, успех полевых исследований 2009 г. был обеспечен. Между тем проблема сохранения единого научного пространства, на мой взгляд, беспокоит сегодня как азербайджанских, так и российских этнографов.

СТОЛЯРОВА Гузель Рафаиловна

Казанский государственный университет, г. Казань

ФЕНОМЕН ОТНОШЕНИЙ «УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК»

В создании научных школ и направлений одинаково важно наличие как лидеров (основателей, учителей), так и последователей (учеников). Если пер-

вые задают старт процессу, то вторые не только поддерживают его, но и способны перевести на новый качественный уровень. Феноменальность отношений между учителями и учениками заключается, с одной стороны, во всеобщности явления, а с другой – в уникальности каждого случая.

Пути формирования незримой связи Учитель – ученик могут быть самыми различными, а содержание этих связей определяется множеством факторов. Если говорить о причинах, которые приводят людей к их учителям, то в первую очередь это, несомненно, притяжение к личностным и профессиональным качествам, среди которых трудно выделить главное и второстепенное.

В докладе раскрываются поставленные вопросы на примере отношений выдающихся ученых – профессоров Казанского университета Николая Иосифовича Воробьева и Евгения Прокопьевича Бусыгина, заповеди которых – *Человека и Этнографа* – воспитали не одно поколение исследователей.

ТЮХТЕНЕВА Светлана Петровна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

«СВОЙ»/«ЧУЖОЙ» ЭТНОГРАФ В ПОЛЕ: ПОПЫТКА САМОРЕФЛЕКСИИ В РАМКАХ ЭКСПЕДИЦИОННО-ПОЛЕВОЙ ПРАКТИКИ

Я провожу полевые исследования среди алтайцев в селах Республики Алтай с 1986 г. Основная идея сообщения состоит в следующем: этнокультурная принадлежность к изучаемому народу, знание языка, соблюдение обычаев исследуемой группы не гарантируют восприятия респондентами исследователя как «своего» на основании только этих параметров. Проблема «свой»/«чужой» в антропологическом/этнографическом контексте относится к числу наиболее актуальных тем, периодически обсуждаемых сообществом российских этнографов и антропологов. Безусловно, уважение к культуре и нормам социальной жизни изучаемых народов – это краеугольный камень, лежащий в основании профессиональной этики этнографа, однако, помимо этических норм, имеется ряд иных обстоятельств и даже нюансов, от которых зависит успешность, полнота, целостность и качество результатов полевых этнографических работ.

Сравнительный анализ результатов работы по сбору полевых материалов у алтайцев в Республике Алтай на протяжении двадцати четырех лет показал следующее. Вне сомнения, знание алтайского языка и принадлежность к алтайскому народу служат одним из важных «ключей», помогающих «открыть» доступ к необходимому для определенного исследования сведениям. Помимо этого, как оказалось, для респондентов важен социальный статус самого исследователя: прежде всего, это возраст, пол, семейное положение и включенность исследователя в различные социальные сети, сформированные по родству, свойству, дружбе.

* Работа осуществлена в рамках проекта РГНФ № 10-01-00105А.

ФИЛИМОНЧИК Светлана Николаевна

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

УЧЕНЫЕ-ГУМАНИТАРИИ В ПРОВИНЦИИ В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ (НА МАТЕРИАЛАХ КАРЕЛИИ 1930-х гг.)

В сообщении представлена новая для Карелии 1930-х гг. социокультурная группа профессиональных ученых, работающих в области истории, этнографии, фольклора, охарактеризованы их путь в науку, уровень образования, профессиональная деятельность, научная и бытовая повседневность, взаимоотношения ученого-гуманитария с властью и т. д.

Профессиональное сообщество ученых в Карелии формировалось в трудных условиях индустриализации. Большинство научных сотрудников составляла молодежь 1902–1910 гг. рождения. Почти все они были выходцами из крестьянских и рабочих семей. Некоторым из них получить образование помогли общественные организации. Большую помощь в подготовке научных кадров Карелии оказали ведущие специалисты Ленинграда и Москвы.

Карельские ученые развернули активную экспедиционную и исследовательскую деятельность по изучению традиционной культуры народов Карелии, начали работу по созданию литературных языков карелов и вепсов. Были выявлены и изучены ценные памятники материальной культуры древней Карелии, подготовлены к публикации документы центральных архивохранилищ по истории Средневековья, сделаны первые шаги в изучении опыта социалистического строительства.

Финансирование научных учреждений осуществлялось за счет республиканского бюджета. Определенной поддержкой в период карточной системы являлось снабжение ученых по нормам индустриальных рабочих. Зарплата научных сотрудников превышала средний заработок промышленных рабочих и служащих. В то же время тяжелыми оставались жилищные условия ученых, недостаточно финансировалась экспедиционная работа.

Большой урон нанесил региональной науке сталинские репрессии, затронувшие, прежде всего, финскую интеллигенцию, составлявшую республиканскую элиту в 1920 – начале 1930-х гг. Преследования ученых, запреты на публикацию научных сочинений вели к стагнации ряда научных направлений. Вместе с тем, несмотря на жесткий идеологический контроль, в творчестве ведущих исследователей Карелии проявлялась известная автономия, свобода духа, профессионализм.

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

СОВЕТСКИЙ АРХЕОЛОГ: НАУЧНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИССИЯ

В нашей стране долгое время считалось, что далекая от злободневных проблем современности археология менее всего подвергалась политизации. В

действительности же, советский этнофедерализм, придававший особое значение статусу «коренного народа», способствовал выстраиванию определенной этнической иерархии, возглавлявшейся «титутельными нациями». Тем самым последние были кровно заинтересованы в легитимации своих политических привилегий апелляцией к истории, в том числе весьма отдаленной. Этим, в частности, и вызывался жгучий интерес к этногенетическим исследованиям, в которых активно участвовали археологи.

Если внешне советская идеология основывалась на марксистской концепции диалектического развития, то содержащиеся в ней этнические идеи имплицитно апеллировали к понятию «народного духа», выражавшегося в «национальной самобытности» и «национальных ценностях». И советские ученые со страстью искали истоки самых разных этносов и всеми силами стремились углубить их историю. Ведь именно на заре формирования этноса следовало искать источник «народного духа», который с тех пор не уставал проявлять себя в героических деяниях предков данного народа. Причем, чем раньше в истории обнаруживал себя этот «дух», тем больше великих подвигов можно было ожидать от его носителей, тем, следовательно, весомее был их вклад в сокровищницу человеческой культуры. В советское время все это не артикулировалось открыто, но постоянно имело в виду и оказывало сильное влияние на представления археологов о своей научной миссии.

ЭПШТЕЙН Алек

Открытый университет Израйля, г. Иерусалим (Израиль)

ВОЗМОЖНО ЛИ ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУКИ В ДИАСПОРЕ

В сегодняшнем мире глобализации всё более проблематичным становится статус национально-ориентированной науки; многие считают такую науку в принципе невозможной или малоосмысленной. Утверждается, что глобальному миру может соответствовать только глобальная наука. Мне представляется, что дело обстоит с точностью до наоборот: в мире, в котором английский язык и ценности потребительской культуры с невиданной прежде скоростью стирают различия между народами и культурами, особенно важно сохранить, холить и пестовать тот уникальный опыт, который накоплен отдельными народами в ходе своего исторического пути. Изучение своеобразного национального опыта учеными-гуманитариями разных стран в совокупности и создаст плюралистичную мультикультурную мозаику человеческой истории, принципиально не сводимую, по всей видимости, к каким-либо универсальным детерминистским законам развития. Эта задача на самом деле выполнима только в том

случае, если национальная история (а также археология, этнография, социология и т. д.) изучается на высоком научном уровне, где любое утверждение об «особом» пути тщательно обосновывается в сравнительной перспективе. Только инклюзивный интегральный подход, не вычлняющий искусственно «своих», противопоставляя их всем остальным, а рассматривающий в качестве «своих» всех, кто в разное время с той или иной точки зрения был «своим», позволит реконструировать национальную историю во всем ее богатстве и многообразии.

Без изучения истории каждого из народов Земли понять комплекс общемировых процессов – задача заведомо невозможная. Будущее гуманитарных наук, как мне представляется, состоит не в повальном увлечении глобалистикой, а, напротив, в углубленном сопоставлении опыта и исторического пути каждого из населяющих нашу планету народов.

ЯНКОВ Игорь Викторович

Уральская государственная консерватория, г. Екатеринбург

КОНФЕРЕНЦИИ: КОММУНИКАЦИИ, РИТУАЛЫ И НАРРАТИВНЫЙ ФЕТИШИЗМ

Конференции являются формой воспроизводства научного сообщества и формой поддержания социального статуса участников. Наряду с прямыми академическими задачами, конференции являются формой структурирования и репрезентации социальных отношений, как внутри научного поля, так и по отношению к другим социальным полям. Участие в конференциях и научные выступления могут быть мотивированы скрытыми для самих авторов причинами и идеологически и психологически «нагружены».

Отношения между различными сегментами вовлеченности участников в научную деятельность задаются различными тропами (метафорой, метонимией и синекдой).

Секция 5. ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ, ТЕРРИТОРИЙ И СТРАН В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Руководители: д.и.н. **Малькова Вера Константиновна** (Москва);
к.и.н. **Бережнова Марина Леонидовна** (Омск)

АККИЕВА Светлана Исмаиловна

*Институт гуманитарных исследований
Правительства Кабардино-Балкарской Республики
и Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик*

СМИ И НОВАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В современных условиях отмечается интерес к праздничной культуре народов Кабардино-Балкарской Республики, в празднование которых внесен дух состязательности. Этому в немалой степени способствуют национально-культурные центры, общественные объединения, созданные по этническому принципу, и СМИ.

Общественные организации кабардинцев, балкарцев, русских и других народов выступают инициаторами проведения праздников календарного цикла. Их широкое освещение в СМИ, инновации в этой праздничной культуре вызывают, с одной стороны, неоднозначную реакцию в обществе, а с другой – порождают инициирование или «возрождение» того или иного праздника у соседствующей этнической группы.

Растет и количество семейных праздников. Наряду с традиционными – рождение детей, дни рождения, свадьбы – отмечается поступление в высшее учебное заведение, его окончание, защита диссертации, назначение по службе. Все эти праздники сопровождаются поздравлениями по радио, на телевидении, страницах газет. Бывает, что семейные праздники транслируются и по каналам местного телевидения.

Благодаря СМИ и религиозные праздники отмечают не только среди представителей той или иной религиозной общины, но и на общереспубликанском уровне.

С каждым годом все больший размах и состязательность приобретают встречи представителей родов, что также порождает все новые формы этого праздника. Идет негласное состязание – какой род интереснее провел встречу, чей род многочисленнее и т. д. Количество праздничных мероприятий растет год от года, возрождаются «старые» праздники и возникают новые. Праздничные мероприятия проходят по единому сценарию: торжественное открытие, театрализованные представления, костюмированные шествия (иногда соревнования спортивного типа), угощение.

АРЕФЬЕВА Анна Германовна

*Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
г. Одесса (Украина)*

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В РЕКЛАМЕ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ)

За последние десятилетия реклама заняла важное место в нашей жизни. Она – наш «друг», «советчик»,

«доктор». И, в отличие от реальных, она всегда рядом. Куда бы мы ни отправились, она смотрит на нас с высоты больших конструкций, с витрин магазинов, с телеэкрана, мы слышим её по радио, встречаем в Интернете. С её помощью нас информируют о многих сторонах жизни. При этом нередко используются этнические стереотипы. Глядя на рекламу или слушая ее, как правило, находим в ней что-то уже знакомое (традиционные костюмы, манеру поведения и др.). Мы отчётливо видим позиционирование: «свое»/ «чужое», «благополучие»/ «упадок» и др. С помощью этнических стереотипов реклама может быть обращена к различным этническим группам. Содержание ее может быть одинаковым для разных групп, но благодаря правильной расстановке этнических акцентов она может оказывать неодинаковое воздействие на представителей разных этнических групп.

БЕРЕЖНОВА Марина Леонидовна

Омский государственный университет, г. Омск

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: О ВОЗМОЖНОСТИ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ НАУКИ И ОБЩЕСТВА

Интернет уже стал обыденным явлением для значительной части россиян. Многосторонность Интернета не позволяет ему дать однозначную оценку, каждый пользователь находит необходимые ему функции сети. Главное, что позволяет делать Интернет, – устанавливать обратную связь читателя (пользователя) с автором. При этом связь может быть не только активной, но и пассивной, которая проявляется в просмотре страниц. Число посещений сайтов и отдельных интернет-страниц служит свидетельством востребованности обществом той или иной информации.

Наибольший исследовательский интерес представляют ресурсы, специально созданные для общения. В России наиболее популярными являются такие сети, как «В контакте», «Живой журнал», «Мой мир», «Одноклассники». Тематика создаваемых в сетях групп зависит от проблем, стоящих перед обществом в целом. Дискуссии в социальных сетях показывают, какие проблемы культуры волнуют общество: это сохранение традиционной культуры и этнической идентичности, возрождение России и деревни, профессиональные проблемы.

Участники общественных интернет-дискуссий декларируют уважение к науке и при высказывании по любой проблематике склонны апеллировать к результатам научных исследований. При этом в обсуждениях редко принимают участие специалисты по данной тематике и

зачастую руководители форума, вне их компетенции, навязывают свое мнение участникам дискуссии. Последнее следует рассматривать как тревожный сигнал, поскольку такого рода обсуждения приводят к росту дилетантизма в обществе и нередко обнажают социально напряженные вопросы этнографии.

ВЕЗНЕР Наталья Николаевна

Сибирский филиал Российского института культурологии, г. Омск

ВЛИЯНИЕ СМИ НА РАЗВИТИЕ И СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ХОРЕОГРАФИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Традиционная хореография российских немцев на протяжении нескольких веков передавалась из поколения в поколение. Массовый выезд российских немцев на территорию Германии повлиял на механизмы передачи традиций народной танцевальной культуры. Уже в конце XX – начале XXI в. формой бытования народной хореографии становятся в основном коллективы народного танца и центры немецкой культуры, целью которых является сохранение этой культуры. Деятельность этих коллективов освещается как в печатных, так и в электронных СМИ. Все чаще появляются статьи о проведении фестивалей и конкурсов народного танца. В Интернете на портале Rusdeutsch можно ознакомиться с информацией о коллективах немецкого танца, находящихся в разных регионах России, где представлен видеоряд композиций, исполняемых российскими немцами. Танцы в этих коллективах являются постановками профессиональных хореографов, с которыми можно познакомиться на страницах журнала «Gemeinschaft (Содружество)». В этом журнале также публикуются расписанные композиции народных танцев Германии. При знакомстве через публикации с танцевальной культурой Германии у немецкого населения России появляется интерес и к народным танцам российских немцев. Кроме традиционных элементов в народных танцах появляются новые положения рук и движения, заимствованные из постановок профессиональных хореографов и народных танцев немцев Германии. Сегодня можно говорить о формировании нового этапа в развитии народной хореографии. Теперь она включает в себя не только традиционные композиции российских немцев, но и профессиональную танцевальную культуру, и танцы немцев Германии. И одну из главных ролей в этом процессе играют СМИ, помогающие развивать этот вид культурного наследия.

ИЛАРИОНОВА Татьяна Семеновна

Институт энергии знаний, г. Москва

НАУЧНЫЕ КОММЬЮНИТИ – НОВЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Российские ученые – одна из самых мобильных групп мирового интеллектуального сообщества. Нет

точной статистики их выезда за рубеж, но локальный срез можно видеть. В 2009 г. 92 исследователя из России смогли начать работу в Германии благодаря стипендии Фонда им. Александра Гумбольдта. Взамен в Россию из Германии приехал для научной работы «по линии Гумбольдта» только один ученый. Можно представить себе, как на самом деле выглядят сегодня интеллектуальные обмены нашей страны с Западом. Иностранные научные фонды, предоставляющие гранты и стипендии, стремятся поддерживать постоянные связи с собственными и иностранными учеными, которые были их «клиентами», содействовать внутрикорпоративной солидарности. Сегодня действует германский Alumni-Portal, аналогичные коммьюнити есть в США, Великобритании, Франции. Особенностью этих сообществ является их транснациональность и мультидисциплинарность. Они обеспечивают связь уехавших с родины ученых с прежними сослуживцами, предоставляют возможность взаимодействия с коллегами в рамках профессии, создают клубную среду объединенных общим прошлым людей. Принадлежность к коммьюнити способствует формированию международных научных групп, являясь движущей силой новых исследований. Она помогает представителям точных наук искать более оснащенные лаборатории и более дешевых техников по всему миру для изготовления испытательных образцов, становясь фактором экономики. Она формирует культуру взаимного цитирования, создавая, в частности, рейтинги вузам. Она облегчает поиски работы людей из коммьюнити, ускоряя глобализацию рынка труда. Наконец, она – фактор жизни детей членов коммьюнити.

КАН Валерия Сергеевна

Тувинский институт гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ТУВИНЦЕВ В ОСВЕЩЕНИИ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ КОНЦА 1980 – НАЧАЛА 1990-х гг.

В докладе рассматривается деятельность прессы Тувы по освещению проблем этнокультурного развития в конце 1980 – начале 1990-х гг. (тематические приоритеты, формы работы, ее роль). Эмпирическую базу исследования составили материалы контент-анализа газет: «Тувинская правда», «Молодежь Тувы», «Центр Азии», «Шын» («Правда»), «Тыванын аныяктары» («Молодежь Тувы»), «Хемчиктин сылдызы» («Звезда Хемчика») с 1987 по 1993 г.

Социологическое изучение прессы показало, что подавляющее большинство публикаций, затрагивавших этническую тему, было посвящено проблемам этнокультурного развития: сохранению и развитию тувинского языка, внедрению национально-регионального компонента в сферу образования, возрождению народных традиций, обычаев и обрядов. В освещении межнациональных отношений в газетах можно условно выделить два пе-

риода: 1) 1985–1988 гг., 2) 1989–1991 гг. На деятельность местных газет сильное влияние оказала сама читательская аудитория, информационная потребность которой в этнической информации стала определяющим фактором развития и функционирования прессы в изучаемый период. Пресса внесла серьезный вклад в возрождение этнической культуры тувинского народа благодаря различным формам работы, использованным журналистами: регулярное обращение, организация конференций и круглых столов, вынесение законопроектов на обсуждение в СМИ, создание общественных объединений. Во всех журналистских материалах подчеркивалась особая ценность национальных видов искусства, народных традиций, обрядов и обычаев тувинцев, тесно связанных с кочевым образом жизни. Регулярное транслирование прессы подобной информации, безусловно, способствовало укреплению национального самосознания и углублению самопознания тувинцев.

КОСТИКОВА Надежда Алексеевна

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

КОНСТРУКЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКЕ XIX в.

Формирование этнической идентичности являлось важным направлением деятельности российской периодики с XVIII столетия. Уже в первом печатном периодическом издании – газете «Ведомости» – содержится информация этнического характера: «Из Персиды пишут», а также «из Казани, Сибири, Олонца», приводятся демографические данные: с 24 ноября по 24 декабря родилось 386 человек «мужеска и женска полу».

На протяжении XIX в. в русской журналистике, публицистике и литературе были поставлены и проанализированы следующие вопросы:

- об отношении новой России к старой, допетровской;
- об изучении национального характера русского народа и других народов, населяющих Россию;
- о согласовании самобытного народного развития с необходимостью заимствовать достижения европейских народов и даже подражать им;
- об отношении к «инородцам» в Российской империи;
- об отношении России к Западной Европе.

Разнообразные этнографические и этнополитические материалы способствовали развитию феномена сначала русской, а затем российской этнической идентичности. Первой из основ формирования этнической и гражданской идентичности было привлечение темы патриотизма и героизма народа в периоды военных баталий; второй важнейшей исследовательской темой стало утверждение духовных ценностей народа: православной веры, святости престола и государя как наместника Бога на земле, развитие идей

о народе, взыскующем не только земного, но и прежде небесного отечества. Так формировались представления о народе – воине-освободителе, труженике и страдальце, вечно бедном и непрехотливым, народе-созерцателе, идущем своим путем.

Во второй половине XIX в. ведущим направлением в определении российской идентичности стала тема становления и быстрого развития гражданских отношений – духовное общение и обсуждение русской интеллигенцией социальных, политических, нравственных проблем. Отсюда многочисленные материалы о многоуровневой системе благотворительности, государственной и общественной системе призрения и помощи бедным и неимущим, о развитии национальной промышленности, системы образования и др. Образ русского народа оставался неоднородным и многоплановым.

Дореволюционная журналистика отразила особенности внутренней национальной политики и государственной идеологии, укрепляя в общественном самосознании сложный образ русского народа. В переломные моменты общественного развития пресса содействовала подъему национального самосознания, последовательно привлекая ценности русской и гражданской идентичности – веру, патриотизм, народность.

КОЧЕРГИН Алексей Анатольевич

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ЭТНИЧЕСКИЙ ТЕЛЕПРОЕКТ: «ЛИЦА КУБАНСКИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ НА “НОВОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ КУБАНИ”»

На «“Новом телевидении Кубани”», единственном полноценном региональном телеканале в Краснодарском крае, в течение пяти месяцев шел цикл программ собственного производства «Лица кубанских национальностей». В каждом выпуске рассказывалось об истории, культуре и особенностях жизни в крае какой-то одной этнической общности.

По данным ТНС Россия, оригинальные выпуски по средам в 20.00 в среднем собирали 1,28% (доля от всех телезрителей), повторы по субботам в 15,45 – 2,81%, при среднем за эти месяцы 2,24%. Ядро аудитории составляли зрители в возрасте 35–54 лет – 42,26% (из них мужчины – 23,47%), также проект вызвал интерес у женщин 18–34 лет – 17,85% и 55+ – 18,89%. При продолжительности программы 25 мин. среднее время просмотра около 6 мин. Всего было сделано 40 выходов программы в эфир, при этом частота контакта составила 2,7, то есть в среднем 1 человек смотрел порядка 3 выпусков.

Таким образом, проект не остался незамеченным аудиторией канала, однако большого интереса у нее не вызвал. Просмотр выпусков был выборочным, передачи об одних народах привлекали зрителей больше. Зато о других большие аудитории не собирали. При этом целиком, от начала до конца, выпуск, как правило, не смотрели. Малую долю среди зрителей составила молодежь, особенно мужчины. Все это

вызывает сомнение в эффективности проекта по реализации просветительской цели и развитию толерантности в кубанском сообществе.

КРЖИЖЕВСКИЙ Михаил Владиславович

Филиал Российского государственного университета туризма и сервиса, г. Самара

ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ НА СТРАНИЦАХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ «АЗАН»

В настоящее время в Самарской области, как и в других регионах России, издаются различные этнические газеты, в которых, в частности, публикуются материалы, посвященные традиционной и современной этнической культуре. С 1996 г. выходит в свет областная общетюркская газета «Азан» («Призыв»), которая пользуется большой известностью не только в Самарской области, но и далеко за ее пределами.

В отличие от других областных этнических газет, в которых обычно публикуется информация, посвященная культуре одного народа, в «Азани» печатаются материалы, о традиционной и современной культуре разных народов. Основное внимание уделяется тюркским народам Самарской области, исповедующим ислам (татарам, башкирам, казахам), но публикуются и материалы по культуре других народов области (русских, мордвы, чувашей и т. д.), а также культурным традициям мусульманских народов иных регионов России и зарубежных стран. Газету «Азан» можно с уверенностью назвать духовно-просветительским изданием. Она выходит на русском языке, чтобы ее могли прочитать представители разных народов. Среди постоянных авторов, публикующих свои материалы в данной газете, – ученые, преподаватели высших учебных заведений, сотрудники органов государственного управления, представители национально-культурных объединений. Этнографы неоднократно публиковали материалы, полученные ими в ходе полевых исследований: фольклорные сюжеты, родословные и т. д. Такие публикации в конечном счете способствуют сохранению культурного наследия разных народов.

МАЛИКОВА Наиля Рамазановна

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА ПОТЕНЦИАЛА СМИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В информационную эпоху глобальной коммуникации особую тревогу вызывает тиражирование и распространение феноменов: «визуализации агрессивной ксенофобии»; расовой, этнической,

культурной «стигматизации» (демонизации, кретинизации) облика иной, «чужой» этничности, субкультуры в электронных СМИ (TV, Интернет). Распространение «ксенофобной лексики» препятствует распространению «социально-культурной адаптивности», росту социальной активности, уверенности в позитивности социальных, межэтнических отношений, культурного, информационного взаимодействия, позитивной стратегии социального развития с опорой на межкультурную, межэтническую интеграцию.

В докладе отмечается, что в современной этнической социологии отсутствует методологическая ориентация на общие теоретические парадигмы: этнокультурное наследие и культурный потенциал инновационного развития народов анализируется либо в контексте мультикультурной социальной реальности, либо идеальным социальным конструктом. Актуальное видение мультикультурной социальной реальности определяется в метафорах «этноглокальности», «изменяющейся», «текущей» современности, межкультурной коммуникации с «двусмысленными, смутными» идентичностями, с «конфликтами цивилизаций/цивилизационных идентичностей». Междисциплинарный анализ выявляет эвристические возможности привлечения различных концепций, методов сбора и анализа информации не только о феноменах межэтнической интолерантности, создаваемых вследствие радикального «культурного плюрализма» в пространстве информационного обмена СМИ, но и о культурном потенциале обеспечения совместного инновационного развития народов.

МЕЖЕВИКИН Иван Владимирович

Омский государственный университет, г. Омск

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РУССКИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Интернет как развивающаяся структура постоянно наращивает объем научной информации наряду с разнообразными внеучными коммуникациями. Погребально-поминальная обрядность, являясь достаточно популярным объектом исследований, представлена и на страницах интернет-ресурсов. На наш взгляд, важно рассмотреть группы источников по погребально-поминальной обрядности русских в Интернете. Во-первых, следует изучить специализированные сайты, в которых отражается специфика погребально-поминальной обрядности (например, www.requiem.ru) и семейной обрядности русских (например, www.pgunica.ru/etnos). Во-вторых, в Сети размещены библиотеки, в которых содержится информация о погребально-поминальной обрядности русских (например, www.prlib.ru). В-третьих, развивающиеся социальные сети несут в себе помимо всего прочего и сведения о погребально-поминальной обрядности русских. Так, например, в «В контакте» создана группа «По ту сторону... Я люблю гулять на кладбище...» (<http://vkontakte.ru/club55583>), в кото-

рой проводятся опросы и размещены фотоматериалы (в том числе этнографического характера). В-четвертых, информация о погребениях содержится в личных блогах пользователей Интернета (например, <http://aleko.starobrad.info/2007/09/01/obzor-majskoj-poezdki-po-uralu/>). В-пятых, в Сети размещены нормативные документы, регламентирующие погребально-поминальную обрядность русских (например, <http://www.med-pravo.ru/Law/Pochoronca/Pochoron2.htm>), и документы, определяющие погребение православных русских (например, http://liturgy.ru/nav/trebi/trebnik/_6_zaupokoj.php). Кроме того, следует отметить, что, помимо информации, являющейся непосредственно этнографическим источником, в сети Интернет размещён огромный объём историографического материала по проблеме. Материалы по погребально-поминальной обрядности русских можно найти на сайтах учебных и научных заведений (например, <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=874>), а также в электронных библиотеках (например, <http://www.twirpx.com/file/271963/>).

НЕСТЕРОВА Светлана Леонидовна

Тираспольский государственный университет, г. Кишинев (Молдова)

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ МОЛДОВЫ

В Республике Молдова в условиях экономического кризиса, при расширяющихся процессах глобализации наблюдается напряжение практически во всех сферах жизнедеятельности, и особенно в области межэтнических отношений. Несмотря на наличие законодательной базы, направленной на стабилизацию межэтнических отношений «де-юре», в республике постоянно нарушается данное правовое поле.

СМИ – это посредник между человеком и обществом, поэтому СМИ называют агентами и институтами второй социализации, то есть вторым эшелонным влиянием. СМИ выходят в лидеры формирования критического мышления, диагностики ситуации, гражданского политического, в том числе и толерантного сознания, принятия того или иного решения. Доклад основан на материалах анализа СМИ, которые выступают мощнейшими средствами влияния на молодежь. Будут рассмотрены материалы газет: «Независимая Молдова» – Кишинев, «Приднестровье» – Тирасполь, «Вести Гагаузии» – Комрат, а также порталов в Интернете. Будет показан дефицит толерантного воспитания среди современной молодежи Молдовы, что подтверждается ее участием в политических акциях, направленных на дестабилизацию современной этнополитической ситуации в республике. Молодежь с менее устойчивым иммунитетом наиболее уязвима и легче поддается влиянию различных политических партий и группировок, вещающих, обрабатывающих молодежь с экранов телевизоров, со страниц газет и сайтов Интернета.

ПАВЛОВА Ольга Сергеевна

Московский городской психолого-педагогический университет, г. Москва

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В СОДЕРЖАНИИ И ТЕМАТИКЕ ФОРУМОВ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Традиционная культура народов Северного Кавказа претерпевает изменения, связанные с глобализационными процессами. Интернет, являясь наиболее динамично развивающимся современным средством массовой информации и коммуникации, отражает эти изменения. С этой точки зрения интересен анализ содержания форумов чеченских и ингушских сайтов. Тематика форумов часто связана с обсуждением обычаев и традиций и их модернизацией: «Как вы смотрите на кражу девчонок?», «Кризис нравственности», «Ингушские свадьбы», «О головном уборе современной молодежи».

Разделы форумов, посвященные исламу, содержат вопросы духовного просвещения: толкование Корана, а также совершение религиозных обрядов и ритуалов, например, «Ошибки, связанные с омовением», «Рукопожатие после молитвы в мечети». Интересны темы форумов, связанные с вопросами регуляции поведения современных вайнахов законами шариата и адатами. Являясь духовными и нравственными регуляторами социотипического поведения чеченцев и ингушей, адаты и законы шариата порой вступают в конфликт, в связи с чем существуют и дискуссии следующего содержания: «Адат или шариат?», «Можно ли праздновать Новый год и поздравлять с этим праздником?», «Арабские слова в ингушском языке?» Таким образом, анализ тематики и содержания форумов чеченских и ингушских сайтов позволяет судить об актуальности проблемы сохранения и возрождения духовной, нравственной и религиозной культуры народа.

ПЕТРОВА Наталья Сергеевна

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

ФОЛЬКЛОР В АНИМАЦИОННОМ КИНО В 2000-х гг.

Обращение к проблеме фольклорных экранизаций обусловлено сложившейся в последнее время специфической ситуацией: практически прекратилось живое бытование многих традиционных форм русского фольклора (сказки, былины), но именно к этим жанрам чаще всего обращаются создатели кино- и мультипликационных произведений, а также рекламы, используя в качестве исходного материала их сюжеты и образы. Это приводит к тому, что в рамках современного городского общества формированию стереотипных представлений о фольклоре предшествует репрезентация его средствами массовой культуры. Возникают закономерные вопросы: насколько аутентична аудиовизуализация традиционного фольклорного произведения с его текстовым

наполнением невербальными, внетекстовыми реалиями, как работает механизм медиа, создавая собственный продукт из привнесенного из другой культурной традиции материала?

В докладе на материале российских анимационных экранизаций фольклора, созданных в 2000-е гг. («богатырская трилогия», полнометражный мультфильм «Бабка-Ёжка и другие», сериал «Маша и медведь» и т. п.), рассматриваются проблемы воссоздания фольклорных образов и сюжетов в мультипликации. Дело не только в трудностях аудиовизуализации письменных вариантов изначально устного текста: идейное содержание и художественная форма экранизаций определяются как общей историко-культурной обстановкой, так и индивидуальными предпочтениями создателей мультфильмов. Обращение к зрительской рецепции позволило показать, что фольклорные экранизации не ограничиваются искажением источника и распространением псевдофольклорного знания, они способствуют также формированию новых форм массовой устности, которые репрезентируют так называемый медиафольклор.

РАСПОПОВА Светлана Леонидовна

Приднестровский государственный университет, г. Тирасполь

ОБРАЗ РОССИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Сегодня в Приднестровье практически нет такой сферы деятельности государства, где хоть частично не затрагивалась бы Российская Федерация. Это и образовательная деятельность по российским стандартам, и законодательство, схожее с российским, и многие единые культурные и исторические ценности. В связи с этим приднестровские СМИ часто в своих публикациях затрагивают российскую тематику. Анализ публикаций СМИ Приднестровья показал, что образ приднестровского народа тесно переплетен в сознании авторов газетных публикаций с образом России и россиян в целом.

В современных изданиях довольно заметно акцентируется консолидирующая общество идея «Мы вместе с Россией». Целевая аудитория печатных СМИ, постоянно сталкиваясь со словами, вызывающими ассоциации с Россией, ощущает масштабность этой страны, ее значимость в жизни Приднестровья. Путем употребления пророссийски окрашенных языковых единиц (идеологем, стереотипов) авторы в своих публикациях соотносят народ Приднестровья и России, указывая на их общие корни, культурное единство и тесную духовную связь. Образ РФ создается и распространяется как журналистами, так и другими идеологами, которым СМИ предоставляют своеобразную трибуну для свободного выражения своих этнических и этнополитических идей, впечатлений, обобщений. Образ России формируется в СМИ Приднестровья путем рассмотрения ее различных сторон жизнедеятельности: через описание судьбы страны (в основном ее исторических побед),

культуры, образования, науки, посредством частого использования политических вопросов, через описание экономических аспектов и др.

САВИНОВА Ольга Николаевна

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского, г. Н. Новгород

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Деятельность современной прессы в культурной сфере носит сложный, а зачастую противоречивый характер. Это связано, во-первых, с явно дисфункциональными процессами в деятельности самих СМИ, что выражается в экспансии коммерческих интересов при ослаблении просветительской и воспитательной миссии журналистики. Во-вторых, журналистика сегодня – это понятие многогранное, она включает в себя общественно-политические, корпоративные, социокультурные издания, а также гламурную, «желтую» прессу и др. Исследователи СМИ констатируют процессы абберации (отклонение от нормы) культурно-просветительской функции, гипертрофированность функции релаксации, а также появление и развитие новых функций – маркетинговых, PR-функций и т. д. Предметом нашего исследования является региональная пресса, а именно этнонациональные издания, освещающие вопросы культуры, традиции, истории народов, проживающих на территории Приволжского федерального округа.

В Приволжском федеральном округе выходит более 7 тыс. газет и журналов, из них 6 процентов – на 11 языках народов России. Анализ региональной прессы позволяет выделить следующие тенденции:

- расширение и развитие в общем масс-медийном пространстве сегмента этнической журналистики, увеличение количества изданий, выходящих на национальных языках;
- усиление этнокультурной тематики в прессе в целом;
- активное позиционирование в СМИ лидеров национально-культурных общественных организаций, выступающих в роли ньюсмейкеров и комментаторов актуальных событий общественно-политической жизни;
- активизацию общественного диалога по этнонациональным проблемам в прессе.

Несомненно, развитию диалога способствует язык межнационального общения – русский. Там, где в национальных изданиях присутствует вкладка на русском языке, такой диалог налаживается легко. Главная миссия региональных национально-культурных изданий – раскрывая многоцветную палитру национальных культур, традиций, стремиться к развитию межкультурного диалога, к осознанию того, что все в этом мире гармонично взаимосвязано и только эта гармония и красота спасут мир.

САМСОНОВ Александр Викторович

Омский государственный университет, г. Омск

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ONLINE- СООБЩЕСТВ НА САЙТАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ VKONTAKTE.RU)

Последние три года в России наблюдается бум на пользование социальными сетями Интернета, который имел место на западе десятилетие назад. Самая популярная из них – Vkontakte.ru – позволяет пользователю создавать виртуальные сообщества, вступать в уже существующие, вести в них обсуждения. Участие в подобных кибер-сообществах создает виртуальную реальность, в которой происходит замещение реальных вещей и поступков образами. Пользователи ведут дискуссии, порой скрываясь за чужими именами, но это дает им еще больше свободы в самовыражении.

Особый интерес представляют сообщества, образованные по национальному принципу, в которых представители различных этносов организуют группы, которые рассчитаны преимущественно на людей одной национальности. Тем не менее, часто в списках участников «моноэтнических» групп встречаются и представители других национальностей. Возникает вопрос о мотиве их вступления в подобного рода группы и о восприятии «законными» членами виртуальных сообществ этих «чужаков». Для исследования выбраны несколько групп социальной сети Vkontakte.ru, которые позиционируют себя как «группы “ТОЛЬКО для армян”, “настоящих” татар, “чистых” казахов», но в которых активную роль играют люди, по национальному принципу не вписывающиеся в рамки «законных» членов этих виртуальных сообществ. Безусловно, информация о пользователях не всегда достоверна, но интерес вызывает то, как люди себя позиционируют в виртуальном пространстве, которое заменяет им реальность.

УТЮПИНА Ольга Владимировна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК ПРИ ПОДГОТОВКЕ РАБОТЫ «ОБРАЗ КОШКИ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ МИРА»

Современная жизнь, глобализация и компьютеризация диктуют свои правила современным ученым. Уже становится нормой тот факт, что при публикации бумажного варианта книги, она имеет и цифровой вид в Интернете. Этот способ хранения информации становится популярнее с каждым днем. Интернет доступен, как и библиотека. Он содержит огромное количество разнообразных источников – текстовых, графических и др. Одним из существенных плюсов работы в Интернете является возможность использовать поисковые системы, они сканируют не только названия сайтов или отдельных страниц, но и тексты, расположенные на них.

Интернет-источники должны быть проверены в соответствии с разработанными в науке методами верификации. Применительно к такой теме, как «Кошка в культуре народов мира», публицистическая и научно-популярная информация является с определенной точки зрения очень полезной. Люди, давая комментарии к тем или иным материалам Интернета, высказывают свое мнение, анонимность придает достаточную смелость их высказываниям. Безусловно, в таких материалах может присутствовать элемент выдумки, но ведь любые фантазии обычно опираются на культурно заданные изначальные установки. Например, если бы человек не верил в то, что черный кот, перебежавший дорогу, – к неприятностям, то вряд ли он стал бы рассуждать на тему причастности черных котов к магии.

ФАТХУТДИНОВА Айгуль Ильясовна

*Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

РОЛЬ СМИ В УДОВЛЕТВОРЕНИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Языками массовой коммуникации в Башкортостане являются в основном русский, башкирский, татарский. Однако их функциональная дистрибуция свидетельствует о разном объеме выполняемых социальных функций, которые в свою очередь формировались под воздействием ряда исторических факторов. В докладе на основе анализа динамики подписки республиканских газет предпринята попытка изучения национально-культурных потребностей населения региона в сфере печати. Если с 2000 по 2005 г. количество газет, выпускаемых в республике, возросло с 293 до 378 наименований (увеличение составило 85 названий), то к началу 2009 г. насчитывалось 418 наименований, то есть динамика увеличения количества названий в среднем составляет 6–8 изданий.

Специфика языковой и демографической ситуации, безусловно, нашла своеобразное отражение в распределении функций русского и башкирского языков в средствах массовой коммуникации и информации. Газеты в республике издаются на шести языках. Большинство газет и журналов, выпускаемых в республике, выходят на русском языке. Так, в 2000 г. доля разового тиража газет на русском языке составляла более 90%, количество названий около 73%. Что касается динамики издания газет на башкирском языке, то в период с 2000 по 2009 г. наблюдается увеличение количества названий при сокращении тиражей. В целом с конца 2004 по 2009 г. тираж официальных республиканских газет имел тенденцию к заметному сокращению. В районах и городах с многонациональным составом населения, где

нет возможности издавать газеты на нескольких языках, выпускаются дубляжи.

Такова общая картина функционирования газетной продукции в многоязыковом коммуникативном пространстве Республики Башкортостан. Тенденция сокращения подписки на рассматриваемый вид издания связана с финансовым кризисом, а также появлением новых частных издательских домов и подпиской на издания из соседних регионов (республики Татарстан, Чувашия, Удмуртия, Марий Эл), которые создают определенную конкуренцию на рынке печатной продукции.

ЧИКИНА Наталья Валерьевна

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТРАНИЦАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

К началу XXI в. в Республике Карелия национальная периодическая печать представлена на четырех языках: русском, финском, карельском и вепском. У каждого периодического издания есть свои особенности становления и развития. Если журналистика на финском языке стала развиваться с момента образования Карельской Трудовой Коммуны (1920), то газеты на карельском и вепском языке – лишь в 1990-е гг. Такое разное развитие журналистики на национальных языках было обусловлено историческими событиями, происходившими в Карелии. Большой вклад в ее становление внесли национальные кадры: финны-эмигранты и финны-ингерманландцы Ленинградской области, карелы и вепсы. Одним из важнейших источников, способствующих популяризации традиционной культуры на страницах современной периодики, был национально-творческий подъем.

ШИЖЕНСКИЙ Роман Витальевич

Нижегородский государственный педагогический университет, г. Н. Новгород

ДИАСПОРАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ INDIGENOUS RELIGIONS (ПО ДАННЫМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ)

Одним из идеологических новшеств, мировоззренческих открытий, охвативших Россию в XX в., следует признать религиозно-философское движение, известное в научной среде как неоязычество. Возрастающая активность (особенно в 1980–1990-х гг.), а затем и неожиданное долголетие российского варианта движения заставляют общество обратить внимание на феномен славянского неоязычества. Научное сообщество пытается разобраться в терминологических дефинициях религиозного течения. Дискуссионным полем, общедоступным и наиболее посещаемым, становится множество сайтов и форумов сети Интернет. Именно Всемирная паутина как постоянно обновляющаяся экспериментальная площадка содержит наибольшее количество версий, раскрывающих суть понятия «неоязычество». По нашему мнению, на современном этапе развития новому славянскому язычеству присущи многие черты еще одного термина-феномена – диаспоры. Неоязычество как диаспора вписывается в общую классификацию данного феномена и может быть отнесено к так называемым новым диаспорам. Являясь, как и другие подобные образования, универсальной формой, «родноверческая» диаспора умело подстраивается под изменяющийся мир, уже несколько десятилетий существуя и развиваясь в иноэтничном окружении и среде своего этноса.

Секция 6. ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Руководитель: к. и. Александров Евгений Васильевич (Москва)

АЛЕКСАНДРОВ Евгений Васильевич

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ЭТИКА ВИДЕОДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Видеодокументирование является наиболее избыточным и достоверным материалом для построения на его основе сообщений разного вида и жанра. Это могут быть фрагменты-иллюстрации для доклада на конференции и учебного занятия, самостоятельные учебные и научно-популярные фильмы, материалы для телевизионных передач. Вместе с тем главная цель, к которой стремятся с той или иной степенью осознанности визуальные антропологи, – передача зрителю своего впечатления от соприкосновения с событием, в которое им позволили войти представители культуры. При удаче возникают фильмы, которые иногда относят к жанру научно-художественных и в которых органично воплощается взгляд ученого и художника, – новый и пока теоретически плохо осмысленный способ познания окружающего мира.

В чем же главная особенность визуально-антропологического подхода к отображению действительности? В чем его отличие от других подходов, позволяющее претендовать на осуществление такой желанной задачи, как диалог культур? Какие принципы пронизывают всю деятельность визуального антрополога на всех этапах: от съемки до внедрения его результатов в общественную практику?

Этот подход, на наш взгляд, определяется закономерностями этического отображения культуры. Теоретические исследования глубинного уровня визуальной антропологии можно назвать этикой кинематографической коммуникации (синэтикой). Термин объединяет кинематографическую эстетику и антропологическую этику, которые только в органичном синтезированном виде способны претендовать на корректное отображение человеческих культур.

**АНТРОПОВ Евгений Владимирович,
БЕНДЮКОВ Александр**

Музей Октябрьского района, г. Новосибирск

ОБРАЗ ГОРОДА В ВИЗУАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ г. НОВОСИБИРСКА)

В современной России более 1 тыс. поселений имеют статус городов. Новосибирск – третий по численности мегаполис страны. В 1990 г. ему был присвоен статус исторического города как центра науки и культуры Сибири. Население Новосибирска на 1 января 2010 г. составляет 1409137 чел.; в границах агломерации – 1716775 чел. В городе проживают представители более 100 народов, действуют несколько десятков националь-

но-культурных и общественных организаций. Имидж города – важнейший показатель его развития. В имидже важна его символическая составляющая – социо- и этнокультурный образ. Под образом города принято понимать ментальный рисунок его внешнего физического мира. Образ включает официальные символы, в том числе флаг, герб, мемораты. Поиски образа становятся актуальными в связи с консолидацией городского полиэтничного сообщества и формированием его самосознания. С середины 1990-х гг. в г. Новосибирске реализуются академические, журналистские, фото- и арт-проекты, ориентированные на характеристику города и моделирование его образов с учетом полиэтничной структуры. Визуальные технологии позволяют соединить личный и коллективный опыт, актуальную документалистику и архетипические конструкторы. Город как место создания и функционирования символов сам предстает в качестве универсального символа. Образ «нового Вавилона», образ многоликого целого – локуса, где соединяются языки, культуры и традиции возникает, в ходе многочисленных фото и арт-описаний г. Новосибирска.

АРХИПЕНКО Наталья Анатольевна

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ВЛАСКИНА Нина Алексеевна

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ

В докладе рассматривается опыт аудиовизуальной фиксации престольного праздника как центрального события годового календарного цикла казаков-некрасовцев п. Новокумского (Ставропольский край). Рабочей группой экспедиции ЮНЦ РАН были сделаны записи, касающиеся подготовки к празднику (приготовление обеда для всех членов общины), самого события, включающего церковную службу, крестный ход и обетную трапезу, и «вареников» – заключительного застолья стряпух.

Возможность включенного участия исследователей в событии была обусловлена рядом факторов. Длительное существование общины в иноэтничном окружении сформировало отношение ее членов к собственному наследию как к объекту, нуждающемуся в сохранении. Эта установка была подкреплена непреходящим интересом ученых и журналистов к жизни некрасовской группы с момента прибытия казаков на родину в 1962 г. и по настоящее время.

Некрасовцы с готовностью демонстрируют артефакты, воспроизводят типичные ситуации, востребованные этнографами и фольклористами: традиционный костюм, приготовление еды, исполнение песен, члены экспедиции допускаются к участию в церковных служ-

бах. Информанты психологически готовы к процессу видеосъемки, выказывают интерес к ее результатам. Немаловажную роль в обеспечении контакта с некрассовцами сыграло и то, что информанты воспринимали исследователей как своих земляков – людей с Дона – исторической родины казаков-некрассовцев.

Все это обусловило возможность в сжатые сроки сократить дистанцию между наблюдателями и носителями традиции, принять участие в событии, объединяющем членов общины, и одновременно фиксировать его на аудио-, фото- и видеоносители.

БАЙГОЖИНА Асия Махтаевна

*Казахская национальная академия искусств
им. Т. Жургенова, г. Алматы (Казахстан)*

«ПРЕДСТАВЛЕНИЕ» РОДИНЫ И НАРОДА В КАЗАХСКОМ НЕИГРОВЫМ КИНО: ЭВОЛЮЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА И ПОНЯТИЯ

Образ родины и народа – прежде всего визуальный образ. Как неигровое кино формировало и развивало этот образ? Первые хроникальные видовые съемки в Казахстане датируются 1925 г. и это были видовые съемки. Сегодня архив документальных лент республики насчитывает свыше 10 тыс. ед. хранения, объем производства документальных фильмов растет из года в год. Все они о народе и родине. Что же представляет собой этот образ на протяжении десятилетий? Из чего складывался экранный образ, что входило в этот документальный «набор»? Что было определяющим? Какой комплекс идей, чувств он нес? Какой смысл вкладывался в понятия «народ» и «родина» посредством неигрового кино? Данная работа – попытка проследить на примере документальных фильмов советского периода и времени независимости, как фундаментально формировалось, видоизменялось, трансформировалось «представление» родины и народа в неигровом казахском кино, как оно выявляло, заявляло и предъявляло себя – формы, методы, стереотипы и новации. Исторический, ментальный, чувственный образ. Политические, культурные, национальные составляющие образа. Художественная достоверность документального образа. «Расшифровка» понятий «народ» и «родина» в современном казахском документальном кинематографе – состояние и интенции.

БОЙЦОВА Ольга Юрьевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

«ЕСТЕСТВЕННОЕ» ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ФИЛЬМЕ «МАЛЫШИ»

Фильм «Малыши» (реж. Бальмес, Франция, 2007), о котором идет речь в докладе, смонтирован из документальной съемки четырех малышей из четырех стран: США, Японии, Монголии и Намибии. В докладе рассматривается, какой взгляд на западную и незападную модель воспитания детей транслируется в фильме и какими средствами этот взгляд конструируется.

При кажущемся сходстве американской и японской моделей воспитания, американская и японская семьи, участвовавшие в съемках, представляют разные культуры. Американская семья придерживается принципов «естественного» воспитания, которое предлагается современной западной культурой как альтернатива высокотехнологичному детству, такому как у японки в фильме. Впрочем, обе модели оказываются в фильме удивительно похожими и противопоставлены воспитанию намибийки.

Основным инструментом проведения авторской позиции в фильме является сравнение. Помимо того что зрительвольно или невольно сравнивает малышей, в фильме используется параллельный монтаж: перемежаются сцены игры японской девочки и монгольского мальчика.

Большое значение также имеет выбор героев (в Японии режиссер выбрал семью, которая жила в центре, а не пригороде Токио) и сцен, включенных в фильм или оставшихся за кадром. Отсутствие закадрового текста, с одной стороны, производит впечатление «объективности», а с другой – превращается в умолчание, когда зрителям приходится, успешно или не очень, домысливать то, что им не рассказано.

Эти и другие средства, при кажущемся равенстве всех героев фильма, конструируют образ техногенной «западной цивилизации», детство в которой является не самым счастливым, и противопоставленной ей Африки, где естественное воспитание делает ребенка наиболее счастливым, спокойным и развитым. Изобретенное же современной западной культурой «естественное» воспитание показано в фильме на фоне африканской модели воспитания иронично, как не имеющее с ней почти ничего общего.

БОРОНОВА Дарима Цыбиковна

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

ЖИЗНЬ ДИАСПОРЫ В ЗЕРКАЛЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ

Одним из вызовов глобализации является усугубление ситуации, когда в результате интенсификации трансграничных миграций и активизации межкультурных контактов и взаимовлияний люди ощущают себя одновременно и в глобальном мире, и в мире локальной культуры. Жизнь мигрантов в принимающем обществе при всем разнообразии конкретных исторических, культурных, языковых, политических обстоятельств свидетельствует об актуализации в их среде проблемы идентичности – обозначения национальной и этнической принадлежности, своего места в пространстве, что ведет не только к формированию диаспорального самосознания, к «строительству» диаспор, но и к сакрализации локального опыта. Под сакральным в данном случае понимается не верность религиозным принципам и не религиозное толкование священного, а святые для индивида ценности его непосредственной жизни. В этом значении термин «сакральное»

широко употреблял Э. Дюркгейм, который указывал в работе «Элементарные формы религиозной жизни» на возможность нерелигиозной трактовки сакрального как составляющего подлинную основу человеческого бытия, его коллективистскую (традиционную) сущность. Для репрезентации этой сакральной сферы, связанной с фундаментальными ценностями, восстановления тех элементов этнически специфического и уникального мира, потеря которых была осмыслена благодаря современным тенденциям, визуальные методы исследования наряду с традиционными для этнографии методами анализа документов, наблюдения, интервью представляются особо ценными. Так, на примере анализа визуальных текстов культуры бурятской диаспоры в Китае, характеризующейся консервацией языка, обычаев, традиций, то есть того, что частично было утрачено на исторической родине в процессе модернизации, можно попытаться воссоздать целостный «документальный» образ повседневной жизни, наполненный традиционными смыслами.

БУДИНАС Борис Леонардович

*Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН,
г. Москва*

«КНЯЗЬ ИГОРЬ» В ПУТИВЛЕ

«Слово о полку Игореве» возникло почти в начале русской письменной традиции. Опера «Князь Игорь» Бородин – классика русской национальной оперы.

В 2010 г. в Путивле состоялось исполнение оперы «Князь Игорь» детским коллективом музыкальной школы из Днепропетровска, что является совершенно новым в музыкальной практике. Не только в музыкальной, но и в образовательной и воспитательной.

Предполагается демонстрация фильма (продолжительностью 15 мин.) – краткий видеорассказ о том, что же происходило в Путивле. Это и некоторые детали истории написания оперы «Князь Игорь», и личные впечатления автора от общения со «Словом», и рассказы участников о самой постановке оперы, и, конечно, короткие фрагменты репетиции и самого спектакля стали содержанием фильма и посвященного ему сообщения.

ГЛАВАЦКАЯ Елена Михайловна

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛАНДШАФТ ПРИПОЛЯРНОГО УРАЛА В 1920-х гг. ПО ФОТОМАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ГАСО)

Религиозный ландшафт Приполярного Урала в 1920-х гг. представлял собой сложное явление, включавшее элементы традиционной нехристианской религиозности манси, хантов и ненцев, официального православия и различных вариантов его адаптации.

Религиозные традиции народов Приполярного Урала имеют богатую историографию, однако целью

данного доклада является использование визуального источника – коллекции фотоматериалов из собрания ГАСО в реконструкции религиозного ландшафта края в 1920-х гг. Используемые фотоматериалы, в основном стеклянные позитивы, – часть более значительной архивной коллекции, с точной датировкой и одновременным письменным источником – позволяют провести их атрибуцию и анализ.

На основании анализа имеющихся материалов можно предположить, что снимки были сделаны во время Приполярной переписи 1926–1927 гг. и являлись частью обязательных материалов, предоставляемых переписчиками в процессе отчета. Техника фотографирования предполагала исполнение как минимум двух снимков, с которых позднее делались копии. Анализируемые фотоматериалы позволяют восстановить основные элементы религиозного ландшафта Приполярного Урала в 1920-х гг., предположить обстоятельства, при которых был сделан тот или иной снимок, степень и характер участия фотографа и фотографируемых в этом процессе.

Имеющиеся документы отражают уникальный период в развитии религиозной ситуации на Приполярном Урале, когда народы, сохранившие свою религиозность, не боялись ее открыто демонстрировать.

ГОЛОВНЕВ Иван Андреевич

*Некоммерческое партнерство «Этнографическое Бюро»,
г. Екатеринбург*

«ЭТНОКИНО»: ПРОЕКТ НА СТЫКЕ НАУКИ И ИСКУССТВА

«ЭтноКино» – образовательный этнокультурный проект, направленный на привлечение молодежи к этнографическим исследованиям и видеофиксации уникальных культурных традиций различных народов России. Результатами проекта, помимо приобретенного молодыми участниками опыта (как задела для самостоятельной деятельности в будущем), является создание альманаха документальных фильмов на темы этнографии различных народов, включающих 7–10 короткометражных фильмов за сезон, актуальных для последующей популяризации в образовательных, кинематографических, научных и других гуманитарных процессах, а также для дальнейшего развития проекта «ЭтноКино». Некоммерческая популяризация результатов проекта происходит также для широкой аудитории через ресурсы СМИ и Интернет.

Проект «ЭтноКино» проводится с 2008 г. на территории Урала и Сибири. В 2007–2008 гг. он был связан с темой «Традиционные праздники», в 2009–2010 гг. – основная тема проекта – «ЭтноПортрет». Различные сезоны предполагают методологическое, тематическое и географическое развитие проекта.

Основные компоненты проекта «ЭтноКино» – медиа-образовательный, творческий, исследовательский. Основные методы проведения проекта «Этно-

Кино» – теоретический (лекции, семинары, индивидуальные занятия, просмотры) и практический (полевая киношкола, монтаж фильмов альманаха). Преподавателями проекта «ЭтноКино» являются профессиональные этнографы и кинематографисты.

В ходе реализации проекта «ЭтноКино» происходит также формирование цифрового архива аудио-, видеоматериалов по этнографии, доступного для широкого пользования.

Специфическая цель проекта «ЭтноКино» – сохранение уникальных явлений традиционных культур на территории многонациональной России, а также содействие их популяризации и самовыражению.

ГОНЧАРОВА Елена Захаровна

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

КУПЕЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАЛОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Основопологающим направлением посвященной городу историографии является исследование темпов, факторов и форм урбанизации на основе привлечения архивных источников, опубликованных статистических данных и описаний современников. На наш взгляд, перспектива движения урбанистики к аналитической истории, исторической реконструкции заключается во введении в научный оборот визуальных источников – градостроительных планов, архитектурных проектов, фотографий и сохранившихся в современном городском ландшафте зданий. Их использование позволяет пополнить инструментарий историков методами, активно разрабатываемыми социологами и антропологами.

В основу доклада положены архивные документы, коллекции фондов краеведческих музеев, а также фотосъемка малых городов рубежа XIX–XX вв. Западной и Восточной Сибири – Тары, Бийска, Ачинска и Енисейска, проведенная в 2008–2010 гг.

Малые города Сибири, оставшиеся на рубеже XIX–XX вв. вне зоны влияния Транссиба (Тара и Енисейск), значительно снизили темпы социально-экономического развития, выполняя лишь административные и торгово-транзитные функции местного значения. Сократившиеся доходы купечества и скромный бюджет города привели к свертыванию каменного строительства. Построенные на каменном основании деревянные купеческие особняки являются олицетворением архитектурно-строительных традиций крестьянства. Ачинск, напротив, стал стремительно развиваться. Полученные доходы незамедлительно вкладывались в недвижимость – кирпичные общественные здания, особняки и усадьбы, магазины и складские помещения, принадлежавшие предпринимателям.

Таким образом, фрагменты культурного ландшафта и архитектура малых городов Сибири, «визуализировавшие» их экономическое, социальное и

культурное состояние на рубеже XIX–XX вв., являются надежным источником в исследовательских реконструкциях урбанизации Сибири.

**ГРИГОРЬЕВА Мария Анатольевна,
ЗУБАРЕВА Алена Валерьевна**

*Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЫБОЛОВНОГО ПРОМЫСЛА НА ПОМОРСКОМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ

Доклад представляет собой 10-минутный фильм с комментарием.

Тема фильма – современное состояние и проблемы рыболовного промысла на Поморском берегу Белого моря – раскрывается через рассказы и воспоминания практикующих рыбаков. В основу фильма положены видеоматериалы двух фольклорно-этнографических экспедиций 2009–2010 гг. в Республике Карелия (г. Кемь, с. Шуерецкое, с. Сумский Посад, с. Колежма – 2009; г. Беломорск, с. Нюхча – 2010; руководитель экспедиции м. н. с. ФЭЦ СПбГК Е. В. Самойлова).

Рыболовный промысел в силу ряда объективных причин всегда был основным занятием поморов, являясь, с одной стороны, источником экономической жизни, с другой, – порождая ряд явлений в культурной жизни: связанные с рыболовством обряды, ритуалы составляют весомую часть культуры поморов.

В связи с этим представляется важным проследить процессы, происходящие сегодня с одним из традиционных промыслов Поморья в новых экономических, социальных, культурных условиях. Во-первых, наблюдается постепенная трансформация рыболовной практики, которая проявляется в ряде конкретных признаков. Во-вторых, возникают внешние предпосылки к угасанию активного рыболовства как главного источника экономической жизни. Связанный с рыболовством комплекс ритуалов, примет, поговорок также отодвигается на второй план, оставаясь в практике фрагментарно.

Представляется, что сам формат фильма как аудиовизуального произведения позволяет более остро поставить вопрос сохранения традиции: рассказ «от первого лица» выводит нас на более высокую степень достоверности, актуальности и даже злободневности информации.

ГУЩИНА Елена Геннадьевна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ФОТОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ

Е. П. БУСЫГИНА И Н. В. ЗОРИНА)

Изобретение фотографии дало новый способ изображения этнических типов и быта различных наро-

дов. Это позволило исследователям с большей точностью фиксировать изучаемый материал. Между тем этот способ обладает большим художественным потенциалом, позволяющим фотографу создавать емкие психологические образы и бытовые картины. В исследовании снимок не только выполняет иллюстративную роль второго плана, но и передает визуальную информацию. Кроме того, при первичном обращении к изображению оно само инициирует дальнейшие изыскания, выступает первоисточником исследования. В результате экспедиций 40–60-х гг. XX в. под руководством профессора Е. П. Бусыгина и доцента Н. В. Зорина в Этнографический музей Казанского государственного университета была доставлена большая коллекция, характеризующая традиционную культуру русского населения Среднего Поволжья. Помимо предметов бытовой утвари, костюмного комплекса и пр., фонды Этнографического музея пополнились большим количеством рисунков и фотографий, благодаря которым можно представлять традиционную культуру русской деревни в Поволжье и изменения, происходившие в ней. Коллекция полевых фотоматериалов Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина состоит из панорамных и портретных снимков, фотографий отдельных предметов материальной культуры и пейзажей. Соотнесение архивной и музейной документации с визуальными коллекциями делает фотографии Этнографического музея Казанского университета важным и достоверным источником при реконструкции отдельных элементов традиционной культуры.

ДАНИЛКО Елена Сергеевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ОПЫТ ВИДЕОСЪЕМКИ ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ

Современная визуальная антропология чаще рассматривается в качестве развития такого известного документального жанра как этнографическое кино, поскольку ее предметное поле располагается как раз на стыке между ним и научным исследованием. Вместе с тем она значительно расширяет возможности исследователей, не столько позволяя популяризировать научную информацию, концентрированно включив ее в этнографический фильм, сколько предоставляя для анализа уникальный материал или не помещающийся в полевые дневники живой контекст.

В настоящем сообщении будет проанализирован опыт видеосъемки песенной традиции уральских казаков в станице Круглоозерной Западно-Казакстанской области летом 2008 года. Видеосъемка велась несколько часов, в течение которых представители казачьей общины исполняли песни специально для исследователей, стремясь продемонстрировать им местную манеру пения и репертуар, попутно сравнивая различные казачьи традиции (донская, кубанская и др.) с уральской. На ос-

нове полученного видеоматериала был смонтирован фильм, включивший песни различных жанров и ориентированный на узкую целевую аудиторию исследователей фольклора.

ДБЯКОВА Елена Васильевна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

МОБИЛОГРАФИЯ КАК СПОСОБ ВИЗУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Широкое распространение техники, позволяющей фиксировать каждый момент жизни человека и окружающее его пространство, не позволяет обойти вниманием такой способ отображения действительности, как камера мобильного телефона. Владелец мобильного телефона фотографирует необходимую ему информацию, основываясь исключительно на собственных потребностях и ощущениях и создавая тем самым «банк изображений» своей жизни.

В основе доклада лежит экспериментальное визуальное исследование жизни группы подростков Санкт-Петербурга в возрасте 15–18 лет. Подросткам было дано задание рассказать о себе, фотографируя «Один день своей жизни», в ходе которого они снимали самые характерные моменты их жизни. Также исследуются и изображения, которые создавались в другое время.

При этом я акцентирую внимание и на том, что фигура автора имеет здесь особенное значение, так как автор одновременно является частью действительности, которую фиксирует, то есть объектом исследования, и полученное изображение несет в себе иную достоверность, чем сделанное сторонним наблюдателем его жизни (например, этнографом или фотографом) в той же среде.

ИСАЕВА Юлия Анатольевна

*Нижегородская государственная медицинская академия,
г. Н. Новгород*

ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРЫ: АУТЕНТИЧНОСТЬ И НАУЧНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ

В современной антропологии парадоксально сосуществуют две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, культуру стремятся сохранить в первозданном виде, а с другой – придают ей наиболее приемлемый, интересный для взгляда другого вид. Вместе с научным описанием и интерпретацией культуры используются симулятивные практики, подтягивающие реальность к эстетическим идеалам. Наиболее ярко это проявляется в визуальной антропологии, которая не просто фиксирует и осмысливает реалии культуры, но еще их художественно конструирует. Здесь вспоминаются слова М. Мид, написавшей в своем письме: «Мне кажется, что мы рассматриваем культуру как если бы она была подобной тарту, ингредиенты которого нам неизвестны; и главное – привезти домой кусок по-

больше, а не подвергать его химическому анализу, чтобы проверить, состоит ли он из масла или маргарина и в ходе такого анализа разрушить его целостность, но зато показать, что факт использования или не использования масла является научно важным». Все бы хорошо, да только очевидно, что кусочек должен быть «поаппетитней» для тех, кого будут им «угощать», чтобы вызвав интерес, он не стал бы причиной несварения. Именно таким принципом пользуются коммерческие проекты, использующие представления (чаще всего стереотипные, а зачастую ложные) о той или иной культуре, например, в рекламных роликах. Задача доклада состоит в том, чтобы рассмотреть, нужна ли нам аутентичность на самом деле и насколько наши научные конструкции способствуют ее сохранению.

КАЗАКЕВИЧ Ольга Анатольевна

*НИВЦ Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ЯЗЫК И ЕГО НОСИТЕЛИ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ЖИЗНИ ЯЗЫКА*

Возможно ли визуализировать жизнь языка, и если да, то каким должна быть подобная визуализация, чтобы ее результат не только мог стать достоянием мультимедийного лингвистического архива, но и заинтересовать «широкую публику»? Обсудить это предполагается в рамках доклада, проиллюстрировав фильмом «Эвенки Боговых озер», являющимся побочным продуктом работы лингвистов по документации западных эвенкийских говоров. Советские озера, расположенные за Полярным кругом на западе Туруханского района Красноярского края у границы с Ямало-Ненецким автономным округом, когда-то назывались Боговыми, и это название до сих пор сохраняется в языке эвенков, чьи летние стойбища разбросаны по берегам Боговых (Советских) озер. Здесь эвенки по-прежнему держат оленей. Олень – это не просто домашнее животное, обеспечивающее хозяевам надежнейший зимний транспорт, это образ жизни. Сохранив оленей, эвенки сохранили и свой язык, хотя детям все же привычнее говорить по-русски, чем по-эвенкийски, даже если они живут на стойбище. Да и пожилые люди, рассказывая о своей нелегкой жизни, нередко переходят с эвенкийского языка на русский. Долго ли еще здешним эвенкам удастся сохранять оленную жизнь и этнический язык, сказать трудно: недалеко от Боговых озер начата эксплуатация Ванкоровского нефтегазового месторождения. А пока еще можно наблюдать за жизнью стойбищ и любоваться хитроумными конструкциями сооруженных заботливыми хозяевами дымокуров, к которым олени приходят отдыхать от отравляющих жизнь комаров и мошки.

* Доклад подготовлен в рамках проекта «Мультимедийный размеченный корпус текстов на говорах западных эвенков», грант РФФИ № 10-06-00532.

КАЗУРОВА Наталья Валерьевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера), г. Санкт-Петербург*

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: КРИТЕРИИ И ОЦЕНКИ

Документальный кинематограф (репортаж, интервью, хроника, собственно этнографическое кино) с оговорками, но получил распространение в качестве этнографического источника.

В свою очередь игровое кино вызывает недоверие в среде антропологов, однако в истории мирового кинематографа есть направления, в рамках которых фильмы сняты по шаблону классических этнографических концепций сбора и хранения материала. Так, система, разработанная основателем школы функционализма Б. Малиновским, реализуется в неореалистическом фильме Л. Висконти «Земля дрожит» (1948). Л. Висконти, следуя принципам итальянского неореализма реалистично отражает жизнь простого народа, во время съемок в д. Ачитрецца воплощает на практике положения функционализма, которые не менее усердно проводили в жизнь представители американской школы исторической этнологии Ф. Босаса и этнопсихологической школы (Р. Бенедикт, М. Мид и т. д.).

Особого внимания заслуживает жанр фольклорного кино. Это фильмы с богатым этнографическим материалом, в которых происходит переосмысление автором-носителем той или иной культурной традиции обычаев своей страны посредством киноязыка. Особенно полезным для этнографии может явиться материал восточного кинематографа. В нем ярко выражена замкнутость в своей самобытности трансформируется в общедоступный текст, который можно «читать» через интернациональные кинематографические структуры.

Рассматривать игровое кино как этнографический материал можно по трем компонентам – визуальный и аудиальный ряды и сюжетная канва фильма, а анализировать двумя путями – перевод и интерпретация в зависимости от целей и задач исследования.

КАЛЬНИН Артем Михайлович

*Социально-гуманитарный институт Кабардино-Балкарского
университета им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик*

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СОВЕТСКОГО ГОРОДА В ПРЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО ГОРОДА – НАЛЬЧИКА)

Формирование городского пространства (в частности социального имиджа города) предполагает участие разного рода дискурсов, и не последнее место в широком перечне занимает визуальный ряд. Изображения (образы) не являются по своей сути настоящими представлениями действительности (эта нить отлично прослежена в богатой традиции семио-

тической мысли). Фотографии, предлагаемые СМИ, не записывают просто окружающую реальность и не репрезентируют ее как таковую. Скорее, они являются закодированными изображениями, которые являются неотъемлемой частью построенной действительности газетного репортажа, что позволяет рассматривать газету в более широком контексте открытого взаимодействия городских агентов и окружающего их пространства. Развитие визуального анализа как критического дискурса выглядит очень перспективным, поскольку визуальная коммуникация становится все более и более основным средством современной коммуникации и появляется необходимость (в данном случае научная) перенести исследование визуальных репрезентаций прошлого на новый уровень. Опираясь на критическую методологию социальной семиотической традиции можно довольно обстоятельно попытаться раскрыть скрытый потенциал официальной советской фотографии (в частности репортажной) и тем самым расширить ареал исследований, касающихся изучения городского пространства в рамках раскрытия и экспликации методов и средств массовых коммуникаций, особенно прессы.

КЛАММ Валерий Вильгельмович

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

«РОДИНКИ НА КАРТЕ». ОБРАЗ МЕСТА В СИБИРСКОЙ ФОТОГРАФИИ НАЧАЛА ХХІ в.

В начале ХХІ в. в истории модернизации России ставка была сделана на человеческий потенциал. В стратегиях политиков, экономистов, маркетологов многоликое народонаселение государства превратилось в продукт и товар территории. В России на протяжении 2000-х гг. была реализована серия фотопроектов, ориентированных на описание территорий. Антропологический и этнокультурный тренды определили их специфику. Подчиняясь законам времени и социальной конъюнктуры, Агентство регионального маркетинга Новосибирской области (АРМ НСО) в 2009 г. инициировало документальный фотопроект «Родинки на карте». Основная цель проекта заключалась в создании и обеспечении признания положительного образа НСО для повышения конкурентности региона на рынке инвестиций. По замыслу авторов фотография была призвана стать инструментом эффективного маркетинга территории, но в ходе реализации программы в фокусе репортажей оказывались истории о повседневной жизни глубинки – истории малых родин. Базовый формат проекта «Родинки на карте» возник как фотоблог-сообщество на платформе Делового портала НСО Newsib.ru. и стал коллективной фотолетописью НСО. Появление этого формата отразило тенденцию в визуальном «переосознании» категории «места» – малой родины. Обитатели российской провинции хотят видеть себя глазами других, возможно, чтобы осознать ценность жизни на своей земле. «Родинки на карте», выйдя за рамки маркетинговой программы, превратились в долгосрочную про-

грамму актуализации человеческого потенциала, имеющую большое социальное значение и высокий гуманитарный смысл постижения и сотворения малой родины как части большого общероссийского целого.

КОЛЕСНИЧЕНКО Светлана Григорьевна

Российская государственная библиотека,

НИИЦ «Информкультура», г. Москва

ТЕМАТИКА ВИЗУАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ В СОПРЕДЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ

Если попытаться охватить весь спектр исследований, определяющих себя визуально-антропологически, или тех, которые при расширительном толковании этого термина относят к таковым, можно увидеть очень широкую и плохо структурированную картину.

Производство и сбор аудиовизуальных материалов, исследование спектра создания и функционирования произведений, относимых к визуальной антропологии, использование таких материалов в социокультурных и научно-образовательных практиках чаще всего находятся в центре внимания визуальных антропологов. В то же время разнообразие подходов к этим видам деятельности и множественность решений чрезвычайно велики. В целом же этот круг исследований характеризуется важнейшей особенностью, вытекающей из дуалистической природы визуальной антропологии. Либо (и чаще всего) рассматривается содержание аудиовизуальной информации, либо – характер самих сообщений. Это объясняется тем, что большинство исследователей являются антропологами (или специалистами близких дисциплин) и значительно реже – теоретиками, изучающими кинематографическую и аудиовизуальную информацию.

КУЗНЕЦОВА Валентина Павловна,

БОВИН Владимир Борисович

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,

г. Петрозаводск

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОМОРЬЯ В ВИДЕОЗАПИСЯХ: ВЕРОВАНИЯ

В течение нескольких последних лет сотрудниками Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН проводились экспедиции в Беломорский и Кемский районы Карелии. Обобщены результаты экспедиционных исследований по одному из изучавшихся направлений. В докладе представлены видеоматериалы по народным верованиям поморов и методы собирательской работы с использованием видеокамеры.

ЛИТВИНА Наталья Викторовна

Архив Российской академии наук, г. Москва

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ВЕРХОКАМЬЕ

Визуально-антропологические исследования в Верхокамье проводятся с разной степенью интенсив-

ности с 1993 г. совместно с Центром визуальной антропологии МГУ, Археографической лабораторией МГУ, а с 2003 г. – Архивом РАН. В течение первых лет истории и визуальные антропологи приходили в семьи староверов на несколько часов по предварительной договоренности и записывали интервью, моления, фиксировали ремесла и т. д. С конца 1990-х гг. «гостевой режим» работы исследователей изменился – появилась возможность останавливаться в домах староверов, жить у своих респондентов по нескольку дней, а то и недель, наблюдать повседневную жизнь семьи и принимать в ней участие. Все это отразилось и на характере визуально-антропологического материала.

С одной стороны, вырос объем «вязкого», плохо структурированного, малосодержательного материала, с другой – поиск и фиксация кульминаций повседневной жизни, непреднамеренность событий повышает репрезентативность визуально-антропологических источников.

ЛИХАЧЕВ Роман Андреевич

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

СПЕЦИФИКА МОНТАЖА В ВИЗУАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Если в постановочном кинематографе экспрессивный монтаж не стал повсеместным (за исключением, пожалуй, жанра клипа), войдя в противоречие с необходимостью разворачивания сюжета и протяженностью актерской речи, то в документальном кино он применяется достаточно широко, став своего рода синонимом выразительности в противовес репортажности, кинонаблюдению.

Отказавшись от радикальности вертовского монтажа, дополнив монтажные фразы наложенными шумами, дикторским текстом, музыкой, используя приемы драматургического построения, документалисты создали гибкий и выразительный синтетический язык, на котором в основном и происходит общение с современным зрителем. Телевидение довело до совершенства механизм передачи информации разнородной публике, сформировав тем самым многомиллионную аудиторию зрителей, с одинаковой легкостью поглощающих развлекательные, рекламные, пропагандистские, популярные и прочие экранные сообщения.

Акцент на выявление тех сторон действительности, которые соответствовали решению конкретных задач, привел документалистов к потере ощущения самоценности события, обладающего собственной значимостью, не зависящей от воли режиссера, к отказу от выявления выразительности и скрытого смысла реальности.

Эти задачи можно решать только при внимательном длительном наблюдении явлений, что характерно для визуальной антропологии, важнейшим свойством которой является существование экранных сообщений в контексте антропологической деятельности. В этом одна из главных трудностей восприятия таких фильмов, но в этом же и большое преимущество, позволяющее

наиболее эффективно использовать возможности, присущие именно кинематографическому языку, добываясь выявления тех сторон отображаемой реальности, которые не доступны никаким другим средствам информации.

ЛУРЬЕ Вадим Феликсович

Сайт Visantrop.ru, г. Москва

ВИЗУАЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ В «СТРАНЕ ЛЮДИКОВ»

«Путешествие в страну людиков» – проект карельских и петербургских исследователей, начало которому было положено осенью 2009 г. Людики – малочисленный карельский субэтнос, изученный крайне недостаточно. Во время экспедиций автор занимался собиранием и фиксацией визуального материала. В ходе посещения 12 населенных пунктов была собрана очень разнообразная визуальная информация. Это и архивы жителей, предметы быта, портреты, съемка типичных ландшафтов и архитектуры, объектов традиционной и современной культуры, культовые объекты и т. п. Сочетание народной карельской культуры и локальной (в конкретном населенном пункте), культуры советского и постсоветского времени делает визуальный мир «страны людиков» неповторимым и очень интересным. В новых условиях существования (исчезновение традиционных промыслов и занятий, смена постоянных жителей деревень дачниками) традиционная культура уходит и трансформируется. Накопленный материал – около 10 тыс. файлов изображений – описаны, сгруппированы и представлены в виде визуальной базы данных «Визуальный мир страны людиков». Некоторые аспекты ее анализа и предполагается представить в виде доклада.

МАДАСОН Дмитрий Аполлонович

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ АРХИВ АУДИОВИЗУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В настоящее время аудиовизуальный архив МГУ располагает уникальной информацией, отражающей: опыт советской высшей школы по использованию кинематографических средств для преподавания, осмысление которого может стать вкладом в развитие медиаобразования; профессиональную деятельность Московского университета второй половины 20-го столетия с момента его строительства на Ленинских горах и по настоящее время; многогранный образ культуры народов всего мира, представленный самым крупным в России собранием визуально-антропологических фильмов; малоизвестные стороны традиционной жизни народов России на протяжении последнего двадцатилетия.

Видеоматериалы архива довольно активно используются исследователями, студентами и преподавателями МГУ, а также заинтересованными пользователями из других московских, региональных и зарубежных культурно-образовательных и научных

организаций, СМИ – всеми, кто занимается и интересуется образованием и культурой России.

Очевидно, что их использование должно быть более интенсивным и системным, а главное, архив нуждается в экстренном сохранении, так как представлен в основном киноматериалами и аналоговыми кассетами, срок хранения которых истекает. Перевод архива на современные цифровые носители позволит создать систему информирования и обмена информацией между всеми заинтересованными организациями с помощью коммуникативных возможностей Интернета и спутникового телевидения.

МАТЛИН Михаил Гершенович

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск

БЫТОВЫЕ ВИДЕОЗАПИСИ СВАДЬБЫ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В течение последних 20 лет в быту и праздничной культуре прочно закрепилась видеосъемка. В первую очередь фиксировать на видеокамеры стали свадьбы, выпускные вечера в школе, детских садах и пр. По мере развития цифровой техники и внедрения ее в быт они стали сопровождать людей в туристических поездках, на пикниках и других мероприятиях. И вскоре видеокамера стала неотъемлемой частью современного культурного обихода. Визуализация жизни, в том числе и своего Я, происходящая при этом, открыла новые возможности для культурно-антропологических и этнографических исследований. Так, в частности, бытовые видеозаписи свадьбы за этот период представляют интересный источник для анализа основных направлений и особенностей этого процесса. На ранних этапах, то есть в начале 1990-х гг. видеосъемка во многом носила неотобранный характер, отсутствовала постановочность, редко применялись приемы профессионального кино, за исключением наложения музыки. По мере развития рынка видеослужб, на котором все больше места занимают профессионалы или любители высокого уровня, вырабатывается своеобразный «видеоязык» свадебного фильма и создаются на основе снятого материала видеофильмы, построенные с соблюдением основных правил и канонов киноискусства. Этот процесс, с одной стороны, определялся желаниями и вкусами заказчиков, а с другой – опытом и мастерством видеооператора, что в итоге создавало очень интересный и необычный визуальный образ обрядовой действительности.

ОКТЯБРЬСКАЯ Ирина Вячеславовна

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ В РОССИЙСКОЙ ФОТОГРАФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI в.

Задача воссоздания образа человека в историко-культурном контексте была сформулирована российской гуманитарной наукой в 1940–1950-е гг. К числу

архаичных была отнесена его «геральдическая» модель. Статусность, каноничность и атрибутивность определяли визуальный характер «геральдичного типа». Он был исходной точкой художественной рефлексии. С этого начиналась мировая и российская фотография. В сословном государстве, которым, несмотря на все преобразования, оставалась Россия в конце XIX – начале XX в., визуальное подтверждение статуса имело большое значение. Проекты М. Дмитриева, К. Буллы, С. Дудина, М. Круковского, С. Прокудина-Горского и др. создавали коллективный «имперский» портрет. Типы жителей государства подлежали «фотоинвентаризации». Этнографическая фотография соответствовала общей тенденции. Типологичность и статусность оставались актуальными для российской фотографии на протяжении всего XX в., хотя в контексте социально-политических перемен менялось ее идеологическое прочтение. В 1990-е гг. характер антропологического тренда фотографии России претерпел изменения. Статусность утратила свое значение. Получили развитие имиджевая фотография и репортаж, ориентированный на социальный, культурный и этнический экстрим. Сфера социальной легитимности расширилась. Возникла тема трансформации и самопостижения. С начала 2000-х гг. были реализованы десятки фотопроектов, ориентированных на описание России и ее народонаселения. Фотография вновь стала инструментом созидания образа единого и многоликого государства. При этом личностное стало формой описания общественного. Персонификация определила одну из доминирующих тенденций в развитии антропологического тренда российской фотографии начала XXI в.

ПЕТРОВА Анна Александровна

Учебно-научный центр визуальной антропологии и эгоистории РГГУ, г. Москва

ФОТОГРАФИЯ В СЕЛЬСКОМ ДОМЕ: ОБРАЗ, ПАМЯТЬ, КОММУНИКАЦИЯ

Фотография в северной русской деревне – феномен совершенно особенный, отличный от фотографических практик «большого города»: любительской фотографии и арт-фотографии. Деревенская, сельская фотография может быть рассмотрена как один из жанров визуального фольклора (А. В. Захаров), то есть народного/массового изобразительного творчества. Сегодня фотографические практики видоизменяются: любительская фотография становится цифровой, аккумулируется в Интернете, где выстраивает эгоисторию пользователя. Фотография профессиональная стала одним из медиумов «контемпорари арта» и СМИ. В деревне фотографическое изображение остается несамодельным, технически не освоенным; фотография здесь визуализирует образ «большой семьи», оформляет интерьер и может служить средством коммуникации с умершими родственниками. Доклад базируется на полевом материале, собранном в ходе экспедиций в Вологодскую область.

ПОПОВА Елена Васильевна

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН, г. Ижевск*

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ И ПИЩА В ВИЗУАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛАХ (ПО ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДИ БЕСЕРМЯН)

Этническая и региональная культура питания представляет собой культурное наследие, которое сохраняется в современной сельской и городской среде, становится знаковой частью народных праздников. Культура питания в широком аспекте – предмет специального изучения и рассматривается в контексте разных научных тем.

Визуализация позволяет расширить источниковую базу, зафиксировать технологии, сложно поддающиеся устному или текстовому описанию. Особое внимание уделяется выявлению материалов семейных архивов (фотоальбомы, видеоматериалы), где запечатлены трапеза, использование блюд и продуктов в обрядах, этикет, изредка – технологии приготовления. В ходе экспедиций сделаны снимки праздничной, повседневной и ритуальной кухни бесермян. Максимально эффективный способ – это видеосъемка процесса приготовления блюд.

Материалы, связанные с культурой питания, – важная часть в съемках календарных и семейных обрядов бесермян, поэтому они фиксируются наиболее полно в контексте обряда. Например, это изготовление святочных сочней для ряженных, приготовление «каши из нового урожая», блюд пасхального стола. В рамках семейной обрядности готовятся поминальное блюдо – «каша для стариков», «детская каша» по случаю появления новорожденного, выпечка лепешек невесткой на второй день свадьбы и др.

Фиксируется пространство приготовления блюд – это кухня, ее планировка и оформление, традиции и новации в интерьере (в частности связанные с технологией приготовления блюд), изготовление приспособлений и утвари для приготовления пищи.

РОГОТНЕВ Илья Юрьевич

Пермский государственный университет, г. Пермь

НАРОДНАЯ РЕЛИГИЯ В АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ

В докладе анализируется опыт изучения народно-религиозных традиций современных коми-пермяков посредством аудиовизуальных технологий. Сформированные в ходе экспедиционных работ документы, их систематизация, анализ, подготовка к изданию рассматриваются с учетом современных представлений о полевой практике, этике антрополога, формах работы с цифровой аппаратурой – комплекса научных знаний и методик, традиционно называемых визуальной антропологией. В ходе исследования были подготовлены тематическая фотоколлекция, этнографический фильм, единая текстовая и аудиовизуаль-

ная база данных. Выработанные методики работы с этнографическим материалом сопоставляются с принципами визуальной антропологии, уже примененными и апробированными отечественными и зарубежными антропологами.

Ключевой методологической проблемой принятого исследования стали концепция религиозного опыта как невыразимого и глубоко интимного, непроясненность его связей с религиозным поведением, неоднозначность толкования смыслов религиозной культуры.

САМОЙЛОВА Елена Валерьевна

*Фольклорно-этнографический центр им. А. Мехнецова, СПбГК,
г. Санкт-Петербург*

ТРУДОВЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ

«Капустки» представляют собой одну из разновидностей женских трудовых практик. Несмотря на происшедшие трансформации ритуала в деревнях Бокситогорского района Ленинградской области сохраняется практика коллективной рубки капусты. Полевые материалы, собранные автором на этой территории с 2005 по 2009 г., позволяют прояснить специфику структурно-функциональной организации ритуала. В подборку включены видеозаписи сезонной рубки капусты и ее реконструкций, сделанные в разные годы в с. Сомино, д. Климово и д. Усадище.

Особый интерес представляет ритмическая организация обряда. Песня (обычно частушка), исполняемая движущимися по кругу женщинами, встраивается в четкий пульсирующий ритм ударов сечек. Понятие ритма определяется в традиции термином «лад» и связывается не только с обрядом рубки капусты, но и с молотью, танцевальной дробью.

СЛАВГОРОДСКАЯ Наталья Алексеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ВИЗУАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ ПРОФЕССИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА ЖУРНАЛА «РУССКИЙ РЕПОРТЕР»)

В докладе речь пойдет о проекте, проведенном журналом «Русский репортер» в 2008 г., целью которого было проанализировать уровень зарплат представителей нескольких самых распространенных профессий в разных регионах России. Подобный материал был подготовлен годом ранее немецким журналом Spiegel. В отличие от немецких коллег, представивших аналитическую статью об уровне зарплаты на рынке труда Германии, снабженную фотографиями людей в реальных рабочих условиях, наши журналисты пригласили людей из разных частей страны на интервью и фотосессию. Профессиональные фотографы сделали постановочные фотографии, этому предшествовала работа стилистов. Были подобраны атрибуты, олицетворяющие ту или иную профессию.

Цель доклада – описать визуальные стереотипы, связанные с различными профессиями, и способы их отражения в постановочных фотографиях. В качестве сравнительного материала привлекается статья из журнала *Spiegel* и работы Штефана Мозеса, героями которых были люди «на рабочем месте».

ТАВРОВСКИЙ Александр Владимирович

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

СОЦИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА КАК РЕСУРС ВИЗУАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В докладе проводится мысль о том, что социальная семиотика как научно-исследовательская программа может послужить важным ресурсом для визуально-антропологических исследований. Становление социальной семиотики связано с именем британского лингвиста М. Хэллидея, который в конце 1970-х гг. обосновывает социально-семиотический взгляд на язык. Это научное направление успешно развивается во второй половине 1980-х и в 1990-е гг. в рамках Сиднейского семиотического кружка. С 1990 г. начинают выходить специализированные журналы «Социальная семиотика», а с 2002 г. – «Визуальная коммуникация». Среди ведущих социальных семиотиков выделяются имена Б. Ходжа, Дж. Лемке, Г. Кресса, Т. Ван Лейвена и мн. др.

В отличие от традиционной семиотики, сосредоточенной на изучении знаковых систем, социальная семиотика изучает то, как люди используют семиотические «ресурсы» для производства и интерпретации коммуникативных актов и событий в контексте различных социальных ситуаций и практик, а также то, как они регулируют использование этих ресурсов. В процессе изучения коммуникативных событий ключевую роль играет понятие мультимодальности: семиотические модусы изучаются не отдельно (семиотика текста, образа, пространства и т. д.), а во взаимодействии друг с другом.

За три десятилетия своего существования социальные семиотики разработали богатый концептуальный аппарат и провели десятки конкретных исследований разнообразных семиотических ресурсов. Визуальные антропологи, которые постоянно сталкиваются с проблемой репрезентации культурных смыслов, могли бы с успехом обратиться к опыту социальной семиотики.

ТИТОВА Татьяна Алексеевна,

ВЯТЧИНА Мария Васильевна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

ВИЗУАЛЬНЫЕ ФИКСАЦИИ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В МАТЕРИАЛАХ ОАИЭ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Конец XIX в. – период обретения этнографией новых смысловых оттенков в социокультурном про-

странстве. Экспедиции, увлечение «инородческой культурой», ведение полевых записей и многозначительные выводы становились очередной формой интеллектуальной реализации в обществе, доказательством чему служит возрастающая популярность общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете, научную значимость которого до сих пор сложно оценить в полной мере. В составе коллекций общества немаловажную роль играют фотоматериалы, из числа которых наш интерес вызывают визуальные фиксации народов Волго-Уралья.

Фотография к тому моменту стала уже привычным явлением, вошедшим не только в повседневность, но и в научные круги. Будучи итогом сотворчества ученого-исследователя и мастера-фотографа (в нашем случае это И. Н. Смирнов и К. Т. Сафонов), изображение «включается в трехмерную систему отношений, олицетворяя опредмеченное пространство этноса», указывая на мотивацию мастера и личность собирателя, руководствовавшегося субъективным восприятием изучаемой культуры. В этом смысле фотография выступает символом своего времени, отображая, с одной стороны, позитивистский подход к научному знанию «последовательного эволюциониста» Смирнова, а с другой – раскрывая развитие студийно-жанровой работы фотографа. Визуальные фиксации народов, перешагнувшие порог научности, становились достоянием общественности посредством экспонирования в музеях и на выставках, через выпуск специальных открыток, марок, портретных видов. Здесь имеет место явление, названное Б. Андерсоном «логотипизацией», когда массовое воспроизводство, сериализация и тиражирование изображений разных этносов служили одной цели – иллюстрации разнообразия «видов» имперского пространства, способствовали узнаванию обывательским взглядом «логотипа» и стереотипизированному конструированию «этничности» на профанном уровне.

ТОЛМАЧЕВА Екатерина Борисовна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ПОЗИТИВИЗМ (ЭВОЛЮЦИОНИЗМ) В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ

Научную гуманитарную фотографию, и в частности, этнографическую нельзя изучать вне того исторического контекста, в котором она была создана. Помимо событий, на фоне которых появился тот или иной визуальный документ, существует множество научных и общественных теорий, влияющих на содержание создаваемого источника, однако исследователи не уделяют должного внимания рассмотрению данной проблематики. И сейчас в связи с подъемом интереса к этнографическому изображению следовало бы посвятить ряд исследований этому вопросу.

Позитивизм – получение объективного знания, и восприятие этого знания невозможно как однолиней-

ного, поступательного, не имеющего других трактовок и понимания. Фотография зародилась в период преобладания в науке позитивистской теории и идей эволюционизма. Это научное направление сильно повлияло на содержание и прочтение раннего этнографического визуального материала. Фотография воспринималась современниками как механическая копия природы, создаваемая техникой, и поэтому не могущая лгать. Она принималась без критики, как отражение реальности, как фиксация единственно возможного факта в определённый момент времени, и считалась достоверным источником. Интересно и то, что понимание фотографии в позитивистском ключе можно встретить до сих пор, несмотря на то что развитие науки и научных направлений уже ушло далеко вперёд.

ФЕДОРОВА Дина Николаевна

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ТИТУЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЧАН В ВЕЛИКОБРИТАНИИ)*

Сегодня антропологическая фотография как один из основных инструментариев исследования и представления его результатов находится на стадии неорганизованного спорадического развития, что связано со спецификой фотографической и научной деятельности, недостаточной ясностью возможностей использования фотографии, ее якобы ограниченного потенциала.

Средства этнофото активно используются в рамках проекта «Идентичность и мультикультурализм в условиях постимперскости (на материалах Великобритании)»¹, непосредственно во время наблюдения, фиксации и рефлексии. В ходе этнографической экспедиции в Англии было собрано более 6 тыс. фотографий. Доклад предполагает показ слайд-фильма.

На фоне подъёма идентичностей шотландцев, валлийцев, ирландцев англичане как бывшая «титовая нация», исторически нивелировавшая свои этнические особенности в пользу Британской имперскости, сегодня переживают кризис идентичности. Одна из центральных задач данной работы — посмотреть «в британском отражении» на сегодняшние проблемы России, связанные с идентификационным кризисом, а также познакомить общественность с механизмами решения данных проблем в Великобритании.

Фотография направлена в первую очередь на раскрытие темы «Этнопортрет». Это предполагает, что в тематическом фокусе оказываются конкретные представители культуры и всё, что их связывает с действительностью (деятельностные схемы, се-

мейный портрет, автопортрет, семантическое географическое пространство и др.). Фотография, благодаря своей двухмерности (в отличие от одномерного текста), позволяет более точно и образно описать различные «антропологические типы» английскости, включая ритуалы, обычаи, визуальные символы и т. д.

ХОХЛОВ Никита Викторович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ТРАДИЦИОННАЯ ЮРТА КАРАКАЛПАКОВ (АРХИВНЫЙ ФИЛЬМ, АВТОР А. В. ОСЬКИН)

Предлагаемый архивный фильм представляет собой редкий по красоте образец этнографического немывого кино, в котором все необходимые комментарии выведены в отдельную научную статью, опубликованную в одном из этнографических сборников Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

ХРИСТОФОРОВА Ольга Борисовна

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

В докладе речь пойдет о десятилетнем опыте преподавания учебного курса «Визуальная антропология» в московском лицее № 1514 и Российском государственном гуманитарном университете. Школьная и студенческая программы по визуальной антропологии имеют ряд существенных отличий: различны цели преподавания (общее гуманитарное и этнокультурное образование, с одной стороны, и подготовка специалистов-антропологов, с другой), необходим разный набор этнографических фильмов (для школьников больше подходят фильмы, где дается общее знакомство с культурой, хороши этнографические сериалы; для студентов необходимы фильмы, подробно освещающие отдельные аспекты культуры). Разные аудитории требуют различных методик преподавания (так, важное значение имеет то, что студенты параллельно изучают другие антропологические дисциплины, в то время как для школьников курс визуальной антропологии — подчас единственный, где даются этнографические знания) и разных форм оценки итогов обучения (устные обсуждения и письменные рецензии на фильмы у школьников; у студентов к этому добавляется чтение специальной литературы, коллоквиумы, экзамен, а также, по желанию, самостоятельная научно-исследовательская работа — курсовые проекты, в том числе создание собственных фильмов). По результатам выяснения ожиданий школьники и студенты предъявляют разные требования к этой учебной дисциплине, а также к исследовательской и педагогической активности преподавателя.

* Работа проводилась при поддержке гранта РГНФ 10-01 (рук. А. В. Головинёв).

ЧЕТИНА Елена Михайловна

Пермский государственный университет, г. Пермь

**КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ
КУЛЬТУРЕ: ВИЗУАЛЬНО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Визуально-антропологические исследования традиционной культуры, проведенные нами в отдаленных районах Пермского края, фиксируют варианты календарной обрядности (Святки, Великий четверг, Пасха, Семиково-Троицкая ритуалистика). Подроб-

ная фиксация и анализ контекста позволяют обозначить и визуально представить ряд социокультурных проблем: трансформация механизма сохранности фонда священных символов крестьянской культуры, функционирование общинных форм культовой практики, влияние фестивально-самодеятельного движения на естественное бытование традиций. При изучении континуума субъективных значений, сопровождающих ритуал, принципиально значимо использование визуально-антропологической методики; экран позволяет проявить «сеть» социальных и индивидуальных переживаний.

Секция 7. АНТРОПОЛОГИЯ ДВИЖЕНИЯ

Руководитель: д.и.н., проф., чл.-корр. РАН Головнев Андрей Владимирович (Екатеринбург)

АДАЕВ Владимир Николаевич

Институт гуманитарных исследований

Тюменского государственного университета, г. Тюмень

О МЕТОДИКЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО МЕСТНОСТИ

Передвижение человека по местности является одним из основных способов освоения пространства. Для этнологии оно представляет интерес и в качестве самостоятельного феномена исследования, и как важная составляющая модели жизнеобеспечения индивидуума или коллектива. При комплексном изучении передвижения в центре внимания должны находиться мотивы (потребности), масштабы, график, направления и способы перемещения этнического коллектива. Система передвижения имеет свои структурные особенности в общностях так называемых кочевников, у полупоседлого или оседлого населения. Отдельное положение занимают миграционные процессы. Типологически передвижение по местности включает в себя пеший и транспортный варианты.

Методика исследования предполагает применение междисциплинарного подхода. С одной стороны, в центре внимания находится социальный феномен, с другой – для его рассмотрения немаловажен учет естественно-природных факторов: условий природной среды обитания, набора доступных ресурсов, особенностей биологии транспортных животных. В социальной составляющей исследования необходимо брать в расчет уровень развития материальной культуры, особенности этнических традиций, культурные и экономические контакты, а также исторические реалии.

Особый интерес представляют исследования небольших этнических общностей и сравнительно-культурный анализ, что позволяет выделить отличия в системах передвижения, в том числе на уровне нюансов.

БАДМАЕВА Тамара Борисовна

Московский государственный университет

культуры и искусств, г. Москва

КИНЕСИКА КАК ВАЖНАЯ ЧАСТЬ БУДДИЙСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Кинесика, или язык тела, как невербальная часть коммуникации занимает исключительно важное место в буддийской обрядности. Двигательно-статичный комплекс, состоящий из скульптурных и иконописных изображений богов – умиротворенных будд и ботхисатв и гневно-активных докшитов, а также символических жестов богослужений и религиозных плясок монахов, подчиняется единым ки-

несическим законам. Средствами коммуникации могли служить как слова, так и материальные символы. Символы создавались предметами, жестами, изображениями. Они образовывали словесный, предметный, визуальный коды сообщений. А. М. Позднеев в описании ритуала богослужения в монгольском буддийском храме XIX в. обратил внимание на «сложные телодвижения первостоятеля, который сначала указывал на предметные жертвы-балины, затем характеризовал их с помощью жеста-символа, жеста-понятия. Жертва, называемая по-санскритски *алоги*, по-тибетски *мар-мэ*, по-монгольски *цзула*, означает лампаду и изображается символическим жестом в виде поднятия «вверх больших пальцев обеих рук с остальными, согнутыми к ладони». Аналогичным сочетанием пальцев передают два понятия – святильник и шивалингам. Подобное дублирование информации, ее рассеивание по разным уровням ритуального текста и другие такие же приемы обеспечивают необходимый уровень устойчивости во времени ритуального текста. Ему придается многократный (по числу используемых знаковых систем) запас «прочности».

ВЕКИЛОВА Севиль Афрасябовна

Российский педагогический университет

им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

МНОГОПОКОЛЕННАЯ СЕМЬЯ В СОЦИАЛЬНОМ И ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С помощью контент-анализа изучались тексты, сопровождающие многопоколенные генеалогические древа (четыренадцать 6-ти поколенных графов; объем выборки 969 чел., хронологическая глубина материала – в среднем 115 лет). Движение рассматривалось как перемещение многопоколенного семейного организма в нескольких видах «пространств» – экзистенциальном, социальном, политическом и географическом. Экзистенциальное пространство – как пространство жизни и смерти. Социальное пространство изучалось через практики, связанные с получением образования, профессии, карьерные достижения и в целом описано через понятия восходящей и нисходящей социальной траектории П. А. Сорокина. Политическое пространство исследовалось через индексы гражданского согласия (частоты упоминания фактов служения, наград, почетных званий) и гражданского несогласия (репрессии, эмиграции). Перемещения в географическом пространстве – по частотам упоминания фактов миграционной активности и данным миграционной дистанции. Отдельно рассматривались причины миграции (с внутренним и внешним локусом контроля) и ее направление (центростремительное и центробежное). Оседлость также рассмат-

ривалась как один из видов поведения в географическом пространстве. Предварительные результаты говорят о том, что основным местом приложения усилий людей, чьи судьбы описаны, является социальное пространство жизни: усилия, связанные с получением образования и карьерными достижениями. Миграционная активность тесно связана с социальной активностью, она имеет центростремительный вектор и характеризуется внутренним локусом контроля. Поколенная динамика движения имеет пульсирующий характер.

ВОЙТИШЕК Елена Эдмундовна

*Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ «ВИННЫХ ПРИКАЗОВ» ЭТНОСОВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В исследовании проводится сравнительный анализ особенностей традиционных интеллектуальных развлечений в Китае, Корее и Японии, основу которых составляли литературные игры, сопровождавшиеся ритуальным употреблением вина. Игры и ритуалы «винного приказа», существующего более двух тысяч лет в Восточной Азии как вид элитарного досуга, анализируются в рамках идеологической концепции «человека культуры» (кит. *вэньжэнь*, кор. *мунъин*, яп. *бундзин*), которая подразумевала владение каллиграфией, живописью, литературой, музыкой, игрой в шашки и шахматы. Созданные сообществом интеллектуалов игровые практики в этих областях являлись необходимым условием социализации культурного человека на Дальнем Востоке. Трансформация игр и ритуалов китайского происхождения при их рецепции в Корее и Японии показана на примере одного из древнейших ритуалов «винного приказа» под названием «пир у изогнутой воды», где участники соревнуются в сочинении литературных экспромтов, пока чарка со священным вином плывет по извилистому каналу. Анализ особенностей национальных вариантов этого ритуала позволяет лучше понять закономерности межкультурного взаимодействия.

ГЛУШКОВА Ирина Петровна

Институт востоковедения РАН, г. Москва

ДВИЖЕНИЕ В ПАЛОМНИЧЕСТВЕ: КУДА, ЗАЧЕМ, ЧТО ДАЛЬШЕ?

В 1920-е гг., за несколько десятков лет до тэрнеровских трудов 1970-х гг. и последовавшей полемики, О. А. Добиаш-Рожественская обратила внимание на категорию движения, сущностно противопоставив «неподвижность» вообще паломнической «подвижности». Вместе с тем соображения о важности движения как особом признаке, отличающем паломничество от других видов религиозной активности, прозвучали в *pilgrimage studies/peregrinology* только на третьем десятке их существования. Это

совпало с осознанием того, что до недавнего прошлого состояние *en route* или *on the move* было естественным способом человеческого бытования, и с появлением работ, анализирующих в духе «Культуры в движении» или «Общество и циркуляция» не только перемещение к святыням, но и другие динамичные феномены из жизни социума. Это оказалось тем более справедливым, что в историческом плане паломничество непринужденно соединялось с войнами, торговлей, поиском брачных партнеров и другими способами овладения пространством, то есть в «чистом» виде не существовало.

В «Антропологии движения» А. В. Головнёв задается вопросом: «Почему движение... не служит ключевой категорией в антропологии?» В исследованиях, посвященных различным видам индуистского паломничества, я предположила, что движение можно принять в качестве исторической категории, и продемонстрировала это, в частности, реконструкцией паломнических маршрутов маратхи-язычного этноса Индии в эпоху экспансионистской политики Маратхской конфедерации (XVIII в.). В своем докладе я попытаюсь представить этот сюжет с использованием инструментария, предлагаемого А. В. Головнёвым, экспериментально оценив применимость этого инструментария к исследованию кризисного периода в истории Индии. Именно движение как освоение и присвоение пространства позволяет упорядочить кажущийся хаос, когда после распада империи Великих Моголов «все воевали против всех».

ГОЛОВНЁВ Андрей Владимирович

*Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург*

КРУПНЫЙ ПЛАН В АНТРОПОЛОГИИ

Антропологию и кинематограф роднит как история развития, так и методы: включенное наблюдение, монтаж фактов (текстов и кадров), принцип заочности действия. Антропология движения особенно близка к кино, поскольку динамика в соотношении со статикой служит ее базовой категорией. Антропология может заимствовать из арсенала кино и понятие «крупный план». В кинематографе крупный план персонализирует ощущения и включает зрителя в сопереживание событий на экране. Персонафикация в антропологии позволяет увидеть культуру или эпоху глазами персонажа-гида, который вводит исследователя и читателя в свое пространство и время. Опыт этнографических исследований показывает, что в каждой культуре множество индивидуальных проявлений, и между торговцем, колдуном и крестьянином одного народа обнаруживаются существенные различия, раскрывающие не общий «тип народа», а персону и деятельностную схему в этнической (или межэтнической) среде. Сопереживание событий с позиции конкретного человека открывает совершенно новые – собственно гуманитарные – ракурсы исследования, например, мотивационной ди-

намики и проектной деятельности. Обычно макроисторией называют общие обзоры, в которых главную роль играют внечеловеческие факторы телеологического, экологического и иного порядка, а микроисторией – проекцию взгляда реального человека на конкретную ситуацию. В гуманитарном измерении все выглядит наоборот: макро – крупный план человека, а микро – мелкий, растворенный в массе. Когда гуманитарные науки пытаются подражать естественным и цифровыми исчислениями превращают человека в статистическую пыль, они теряют предмет своего исследования и собственную значимость. Когда на первый план выходит реальный человек, в картине мира проявляется гуманитарное измерение со свойственным ему алгоритмом мотив–решение–действие.

ЖУЛЬНИКОВ Александр Михайлович

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

МИГРАЦИИ И КОНТАКТЫ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Доклад посвящен результатам изучения наскальных изображений Фенноскандии в качестве источника по изучению миграций и контактов древнего населения Северной Европы. Петроглифы эпохи неолита, относящиеся к миру мужской субкультуры, свидетельствуют о том, что миграция в неолите на север Европы групп населения поволжского и восточнобалтийского региона, фиксируемая ранее исследователями по керамике, получает подтверждение и при анализе некоторых специфических признаков на петроглифах Онежского озера и Белого моря. Автором рассматриваются возможные причины данной миграции. Судя по наскальным изображениям, контакты древнего населения восточной части Балтийского региона, западной части Прибеломорья и крайнего севера Фенноскандии осуществлялись в основном в меридиональном направлении. Уникальные сцены военных столкновений на поздненеолитических петроглифах низовьев р. Выг подчеркивают значение этого микрорегиона в качестве своего рода перекрестка культур и этнических общностей Северной Европы. В эпоху бронзы, судя по наскальным изображениям, начинается активное проникновение на север Европы групп южноскандинавского населения – из зоны производящего хозяйства на территории, где развитие скотоводства и земледелия было невозможно – видимо, с целью создания торговых или, не исключено, промысловых поселений на северном побережье Норвежского, Баренцева морей и северной части Ботнического залива. Основным мотивом петроглифов эпохи бронзы приполярных районов, как и в южной части Скандинавии, становится изображение основного средства передвижения этого региона – корабля или лодки, а также композиции, выражающей идею ми-

фического путешествия или переселения – в виде каравана кораблей или лодок с многочисленным экипажем.

ИПАТОВА Ирина Серафимовна

*Российская академия правосудия, Приволжский филиал,
г. Н. Новгород*

ВИТИЙСТВО ТЕЛЕСНОЕ: ПОЭЗИЯ И ПРОЗА ЮРИДИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

Риторическая аксиома: витийство словесное неотделимо от витийства телесного – одна из парадоксальных аксиом, требующих постоянного практического подтверждения. Теория вопроса представляется четкой и традиционной: от рассуждений о жестах Демосфена до замечаний о мимике А. Ф. Кони; от динамических красок, наложенных на речевой холст великим Леонардо да Винчи, до определения речевых векторов князем С. М. Волконским; от системы К. С. Станиславского до современных классификаций жестов, мимики, кинем.

Практика подачи элементов витийства телесного имеет свои особенности. Так, если судебный оратор оттачивает свое невербальное мастерство во избежание двусмыслиц, то любой подозреваемый преследует совсем иные цели. Спецкурс по языку мимики и жестов видится целесообразным продолжением юридической риторики. Знание основ материальной формы кинетического знака и антропологии движения, умение классифицировать компоненты «языка тела», фиксировать мимические маски и уровни жестиксации, анализировать речеповеденческие реакции и устанавливать по их элементам эмоциональное и интеллектуальное состояние собеседника – словом, по штрихам невербальных комплексов «прорисовывать» риторический портрет коммуниканта, по сути, есть составляющие профессионального мастерства юриста. Иллюстративный материал курса (например, соматические фразеологизмы и литературные портреты) призван способствовать работе студентов над выразительностью и изяществом собственной речи. Чтение мимики человека на фотографии и портрете, анализ жестово-позициональной нагрузки персонажей полотен и скульптурных композиций, балетных постановок и немого кино повышает общий уровень культуры будущих составителей мудрых гуманных законов.

КРАСИКОВ Михаил Михайлович

*Национальный технический университет «Харьковский
политехнический институт», г. Харьков (Украина)*

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПРОХОДКА: МЕЖДУ ПРАЗДНИКОМ И РИТУАЛОМ

Шествие – одна из древних форм ритуализованного поведения, известная во все века, у всех народов. Крестный ход и первомайская демонстрация, при всей полярности их семантики, функционально явления одного порядка. В практике современных городских субкультур шествия играют важную роль:

консолидируют его участников (поддерживая субкультурную идентичность), обозначают собственную иеротопию (так как обходятся сакральные или, по крайней мере, знаковые места), демонстрируют социуму данное мини-сообщество как особую, отделенную от него группу, со своими эстетическими и этическими ценностями; и, в известной степени, рекламируют свой *modus vivendi*.

В студенческой среде шествия по городу были популярны еще во времена Средневековья, отмечены они и в дореволюционной России. Празднование Дня знаний (1 сентября), дня факультета, окончания института часто также включает в себя то или иное шествие по городу или по территории вуза. Увы, они часто носят формальный характер. Другое дело – неформальные проходки. Несколько лет назад в Харьковском государственном институте искусств как реакция на скуку официальной проходки первокурсников 1 сентября и встреч с главрежисерами театров возникла альтернативная проходка, организуемая 31 августа старшекурсниками театрального факультета и как веселый праздник, и как посвяtitельный обряд, и как ритуал единения. В 2009 г. студенты философского факультета ХНУ им. В. Н. Каразина заложили новую традицию – костюмированное «Философское шествие», ставшее преамбулой посвящения в философы.

МАТВЕЕВ Алексей Викторович

Омский областной музей изобразительных искусств, г. Омск

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПУТЕШЕСТВИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР В XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Традиционная культура путешествия (ТКП) – комплекс народных знаний и представлений, вещественных атрибутов, направленных на обеспечение достижения цели путешествия человека в конкретных природно-географических условиях, в рамках сложившейся системы восприятия мифологического пространства. ТКП сибирских татар конца XIX – первой половины XX в. имела свои особенности. Во время подготовки к путешествию люди проводили комплекс обрядовых действий *юл хаир* (*юл саадака*). Сибирские татары не придавали особого значения внешним характеристикам первого встречного для предсказания удачи/неудачи предстоящего пути. Они просто дарили ему подарок. Абсолютной защитой от любых неприятностей, встречавшихся путешественникам в пути, служили монеты, которые играли роль искупительной жертвы. Хлеб использовался в целом ряде обрядовых действий путешественника (откусывание куска хлеба перед отправлением в путь, кормление во дворе собак хлебом, обязательное употребление хлеба в гостях). Во время проводов и встречи родных и гостей сибирские татары исполняли песни. Уникален комплекс действий сибирских татар, который они проводили при входе в чужой дом, для защиты его от проникновения злых духов.

МИССОНОВА Людмила Ивановна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ПОЛУТОРАВЕКОВОЙ ПУТЬ ВОССОЗДАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИСКУССТВА МАЛОЧИСЛЕННОГО НАРОДА СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Omnia orta cadunt – как гласит латынь, все, что возникло, гибнет, однако, известно, все меняется, ничто не исчезает – *Omnia mutantur, nihil interit*. Именно так протекает бытие и формируется этническое самосознание одного из самых малочисленных народов Дальнего Востока России – уйльта, насчитывающего в начале XXI в. всего три с половиной сотни человек. Идентичность этого народа неоднократно стойко выстаивала во времена бурных этнополитических и этносоциальных изменений и оказывалась настолько же естественной и необходимой, как и иные витальные потребности человека, которые, изменяясь во времени и пространстве, тем не менее остаются насущными. Вариативности воссоздания этнического самосознания многогранны в разные эпохи. Одной из ярких граней можно назвать этническое искусство. *Omnis ars imitatio est naturae* (всякое искусство есть подражание природе), но очевидно, что смысл и методы подражания находятся в вечном движении и изменении. Пройдя путь тунгусо-маньчжурской этнической общности, освоившей определенное пространство Амура, Сахалина и частично Хоккайдо, искусство малого по численности народа являет собой пример оригинального собрания амурской и тихоокеанской культуры.

В работе использованы материалы 20-летних полевых этнологических исследований автора на территории Сахалина, шести музеев России (Санкт-Петербурга и Сахалина) и пятнадцати фондов музеев, архивов и библиотек Японии (Саппоро, Абасири, Хакодатэ, Асахикава, Осака, Токио). Приводимые археологические артефакты Сахалина (предположительно X–XIII вв.) позволяют провести некоторые сопоставления этнологических и археологических данных.

ПЕРЕВАЛОВА Елена Валерьевна

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПУТИ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР (ОБСКИЕ УГРЫ)

Локальная культура предполагает сосуществование различных коммуникативных связей-путей. В культуре обских угров мифологизированные дороги духов-хозяев рек являются указателями направлений миграционных потоков и одновременно маркерами освоенного пространства. Особым образом маркируется пространство в ходе медвежьих игр: песенный путь гостя-медведя к месту проведения игр считывает природно-сакральный ландшафт; исполняемые от лица прибывающих на медвежьи церемонии богов священные песни отражают, а следовательно, и закрепляют кровнородственные и территориальные

связи-пути локальной общности. Мифоритуальные, территориально-родственные связи, наряду с экохозяйственными, выстраиваются в определенную коммуникативную систему, движение внутри которой являет собой механизм единения общности и формирования локальной идентичности.

Развернувшаяся в конце XVII в. российская колонизация Сибири, используя действующие, по крайней мере с XII в., пути через Урал, создала новую разветвленную систему коммуникаций. Огромное сибирское пространство покрылось сетью так называемых царских дорог, связывающих русские города между собой и с метрополиями. По ним шли пушнина и импортные товары, новые технологии, а вместе неизвестные прежде болезни. Для их контроля и поддержания выстраивается сеть таможенных застав, ямских станций и постоянных дворов; часть хозяйств коренного населения оказывается ориентированной на их обслуживание (извоз, содержание ямов, таверн и игровых домов, торговля). Новая коммуникативная система направлена на внешний мир, выходит за круг взаимодействий внутри локальной общности и выступает магистральным механизмом развития локальных культур.

ПЛУЖНИКОВ Николай Владимирович

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ОТ ЗНАКА К ИСКУССТВУ (САМОДИЙСКИЙ ОРНАМЕНТ У СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ)

Одним из этнографических открытий Ю. Б. Симченко была семантика нганасанского орнамента на одежде. Нганасаны считают, что их одежда была заимствована у энцев, так что и семантику тоже можно считать заимствованной, поскольку она касалась магических оберегов и общих социально-возрастных характеристик. Знаковый характер орнамента выражен в простоте и небольшом размере изображения на одежде. Ненецкий орнамент на одежде сходен с нганасанским и энцким, но менее разнообразен в простых формах. Его семантика неизвестна. Орнамент северных хантов сходен с самодийским по использованию ключевых элементов, но из вышеупомянутых он самый сложный и разнообразный, его названия к семантике отношения не имеют, а крупное исполнение на одежде (преимущественно женской) доказывает чисто декоративное назначение. При сравнении декоративно-прикладного искусства народов Сибири обнаруживается, что разработка декоративных тем характерна для оседлого или полuosедлого населения, к которому относятся ханты. Социально-возрастная семантика нганасанской одежды отражает образ жизни бродячих охотников, поскольку они большую часть года существуют малыми семьями и независимыми маршрутами, для крупностадных оленеводов эта семантика теряет свой смысл. Ненецко-хантыйские связи в орнаменте одежды, вероятно, возникли с появлением крупностадного оленеводства у ненцев и тенденцией северных хантов отдавать своих дочерей замуж в не-

нецкую среду. При этом разработанный хантами орнамент мог возвращаться к ненцам.

РЕТЕЙОМ Алексей Юрьевич

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, г. Москва

АНТРОПОЛОГИЯ ДВИЖЕНИЯ: РОЛЬ ГРАВИТАЦИИ

Мы часто забываем, что жизнь человека (в сущности сводящаяся к множеству движений) постоянно сопряжена с преодолением гравитации. В первом приближении ее величина на планете постоянна, однако при детальном анализе обнаруживаются более или менее крупные пространственные различия. Имеют ли значительные изменения силы тяготения от места к месту антропологические последствия? Вопрос сложен, требует разработки соответствующей методологии.

Предлагаемое автором решение заключается в сравнительном изучении достаточно однородных этнических групп, занимающих контрастные по силе тяготения территории в течение длительного времени, необходимого для адаптации. С этой точки зрения особого внимания заслуживает большая австралийская раса, которая более 40 тыс. лет назад заселила области двух крупнейших на Земле гравитационных аномалий, возникших в результате расширения Тихого океана. Отрицательная аномалия приурочена к Цейлону и южной части Индостана, положительная аномалия занимает Северную Австралию и соседние острова.

Люди, издревле живущие в пределах отрицательной гравитационной аномалии, отличаются низким ростом и грацильностью. В данном случае малорослость не может быть объяснена островным эффектом, так как близкие по конституции к цейлонским веддам мунда, хо и ораоны обитают на континенте. Чрезвычайно показательна неразвитость ножной мускулатуры у веддов из центра этой аномалии, в частности почти полное отсутствие мышц икры. Для районов положительной гравитационной аномалии типичны народы, представители которых имеют массивное сложение при средней или повышенной длине тела (как коренные австралийцы, папуасы Новой Гвинеи и меланезийцы Новой Каледонии). Характерно, что аборигены севера Австралии выше ростом, чем южане. Причины выявленной закономерности очевидны. Таким образом, гравитация представляет собой мощный фактор эволюции человека.

ТЕРНАВСКИЙ Николай Александрович

Краснодарский государственный университет культуры

и искусств, г. Краснодар

ИНДОАРИЙСКИЕ СЛЕДЫ В ТОПОНИМИКЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

О присутствии индоевропейских племен на Таманском полуострове свидетельствуют этнонимы и омонимы, зафиксированные письменными источниками и

эпиграфическими памятниками эпохи античности. На это аргументированно указал О. Н. Трубачев в ряде своих работ, высказав гипотезу об арийском происхождении синдов, которых считал автохтонным народом региона. Негреческими являются названия озера и селения Корокондама, которое может быть с санскрита переведено как «рождающая крайнее место», этнонимы дандарии – «арии, обладающие жезлами (палками)», аспургiane – «живущие в укрепленных городах». Вместе с тем не только древняя географическая карта Таманского полуострова, но и топонимика Западного Кавказа свидетельствует о раннем и длительном присутствии в регионе индоевропейцев. Название гор и рек говорит о том, что в районе от Архыза, Красной Поляны, включая побережье Большого Сочи, до Хадзыженска долгое время проживало индоевропейское население (например, индоевропейские названия имеют реки Кыфар, Лаба, горы Акрагварта, Ажара, Уруп). Явно индоевропейские топонимические названия рек, гор и урочищ по Черноморскому побережью от Сочи до Тамани; иногда они чередуются с кавказскими, изредка тюркскими и другими: Айбга, Мзымта с притоком Агура, Ассара (ср.: *ahuga*, *arsaga*). Все это свидетельствует о присутствии и миграционном движении индоариев в указанном регионе.

Точно установить и проследить маршруты миграции индоарийских племен, являвшихся ветвью индоевропейцев, сложно. О. Н. Трубачев предполагает, что на Северный Кавказ, в Приазовье, они проникали из степной зоны Украины через Дон. Другие исследователи указывают на движение индоариев из Малой Азии. Синды, вероятнее всего, являлись представителями лишь последней или предпоследней волны индоевропейских переселенцев. Самое раннее дошедшее до нас древнегреческое упоминание о них, относится к концу VI – началу V в. до н. э. и связано с Гиппонактом, упоминавшим «Синдскую расселину». Очевидно, на островах Таманского архипелага синды обосновались в начале I тыс. до н. э. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что один из крупнейших островов древней дельты Кубани был занят киммерийцами. И Киммерийский вал азиатского Боспора, скорее всего, являлся границей между киммерийской и синдской (арийской) территориями. В целом на Западном Кавказе можно выделить четыре ареала с индоарийской топонимией: северо-восточная часть Таманского полуострова, Закубанское предгорье с верхним бассейном р. Кубань, Черноморское побережье Кавказа, побережье Азовского моря с дельтой р. Дон. Все эти ареалы были в разной степени связаны друг с другом географически и хронологически.

ТЫЧИНСКИХ Зайтуна Аптрашитовна

Государственная социально-педагогическая академия

им. Д. И. Менделеева, г. Тобольск

ИНСТИТУТ АСТАНА В КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ СИБИРСКИХ ТАТАР

На юге Тюменской и севере Омской областей на территории расселения тоболо-иртышской группы

сибирских татар располагается ряд историко-религиозных памятников – *астана*. Один из памятников – Цингалинская астана – находится в Ханты-Мансийском автономном округе. По данным исследователей, число этих памятников колеблется от 40 до 60. Причем в культурной традиции сибирских татар сохраняется феномен «обнаружения» новых объектов. В сознании верующих астана рассматривается как место захоронения мусульманских святых, обычно легендарных шейхов-миссионеров, в XIV–XV вв. пришедших в Сибирь и павших мученической смертью в священной войне с язычниками. На их могилах обычно устанавливались деревянные срубы-«мавзолеи», которые становились объектами религиозного поклонения местного населения. И хотя с точки зрения ортодоксального ислама паломничество к «могилам святых» является греховным и рассматривается как запрещенное идолопоклонничество, данный культ и в настоящее время широко распространен у тоболо-иртышских татар.

Исследователи народного ислама (И. В. Белич, А. Г. Селезнев, Р. Х. Рахимов и др.) подробно рассмотрели и описали различные аспекты культа астана и определили его как «поликомпонентный социально-религиозный институт». В настоящее время проводится паспортизация священных мест сибирских татар, в ходе которой были выявлены 25 астана.

Начальный этап формирования культа святых в Сибири относится к периоду правления последнего правителя Сибирского ханства – Кучума. Выявление могил павших святых было начато шейхом Шерпети, который, согласно «Шаджара рисаласи» («Трактату о генеалогии» или «Родословию сеидов»), в составе мусульманских миссий из Бухары прибыл в Сибирское ханство и «был направлен на кладбище Тобола для составления имен святых». Традиция перечисления имен святых с указанием места захоронения в молитвах по сей день существует у тоболо-иртышских татар. Выявление могил святых продолжается и в настоящее время, фиксируется современными этнографическими наблюдениями, когда определенным людям (обычно во сне) приходит информация о существовании в том или ином месте астана, им определяется миссия оградить указанное место и совершать необходимые ритуалы.

В 2007–2008 гг. археологом А. А. Адамовым проводились раскопки в районе городища Искер, где, согласно устным и летописным источникам, должен был находиться один из наиболее чтимых сибирскими татарами памятников – Искер-астана. Однако захоронений на указанном месте обнаружено не было. По свидетельству археологов, не были найдены мусульманские захоронения и на ряде других объектов, связываемых со священными местами.

Эти данные позволяют говорить об астане не столько как о реальных захоронениях святых (которые, безусловно, имеют место), сколько как о сформированной системе маркеров, фиксирующих и закрепляющих освоенное религиозное пространство. Культ астана представляет собой живой механизм в

культуре сибирских татар, в течение столетий сохраняющий устойчивость модели развития ислама на данной территории. Рассматривая колонизацию как процесс освоения пространства, можем предположить и существование религиозной колонизации как процесса освоения духовного пространства, фиксируемого определенными институтами (священными местами, храмами и т. д.), в варианте сибирского ислама роль которых выполняли астана. Рассмотрение в данном аспекте астана во многом объясняет и «примирение» местного исламского духовенства с «греховностью» столь популярного у сибирских мусульман культа «могил святых».

ФЕДОРОВА Дина Николаевна

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

ВАРИАТИВНОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ: АНГЛИЧАНЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ*

Теория дрейфа идентичности в антропологии движения представляется инновационным инструментарием в исследовании структур и механизмов развития и действия идентичности, в первую очередь этнической, национальной. В фокусе автора – англичане Великобритании. Английская культура сама по себе парадоксальна на пересечении разнохарактерных деятельностных схем, сочетая, с одной стороны, предприимчивых, открытых внешнему миру, глобалистски ориентированных или даже маргинальных поборников инноваций, с другой – хранителей английской традиции, любителей крикета и чайных посиделок в саду, всячески оберегающих свою культуру от внешних или внутренних трансформаций. Имперское прошлое России и Великобритании, положение на географической периферии Европы, наличие автохтонных этнических сообществ, особой позиции «титупной нации» позволяют провести впечатляющие параллели как в истории, так и в современном «кризисе идентичности».

В данном сообщении рассматриваются две основные модели современной английскости, локальная и магистральная – идентичность «суши» и «моря», их взаимосвязь и вариативность. Как правило, данные модели идентичности тесно связаны с гендерностью, физической и психологической зрелостью. Так, локальность в первую очередь исповедуется женским населением, а также людьми преклонного возраста, а магистральность является свойством мужского населения, людей зрелого возраста. Данные модели сплетаются в причудливые конструкции с территориальной, региональной, ландшафтной и социально-политической идентичностями, входят в конфликт или гармонию с образом мира, самообразом, исторической памятью, национальными мифами и пр.

Особое внимание уделяется одной из локальных идентичностей – территориальной, свойственной жи-

телям северных регионов Англии, на границе с Шотландией (Ньюкасл, Нортумбрия и другие территории, что входят в географическое, а также ментальное и культурное понятие «Северная Англия»). По методике крупного плана А. В. Головинёва в докладе представлено несколько портретов представителей этнической группы, и через них автор попытается проанализировать модели идентичности. Доклад основывается на авторских материалах, полученных в ходе этнографической экспедиции в Англию, Соединенное Королевство (города Сандерленд, Йоркшир, Хаддерсфилд, Гилдфорд, Кентербери, Солсбери, Лондон) в июле-августе 2010 г.

ШТАММЛЕР Флориан

*Арктический центр Университета Лапландии,
г. Рованиеми (Финляндия)*

ДВИЖЕНИЕ КАК ДЕЙСТВИЕ И ОПЫТ, СТРУКТУРИРУЮЩИЙ ВОСПРИЯТИЕ ЗЕМЛИ

В докладе рассматривается опыт передвижения антрополога в ходе полевых исследований для понимания того, как кочевники Российского Севера воспринимают пространство. Я анализирую практическое применение концепций Т. Ингольда о феноменологическом подходе к восприятию Земли для полевой работы антрополога. Согласно этому подходу, нет независимого от практики знания об окружающей среде. Оно появляется, изменяется и развивается через практический опыт взаимодействия человека и среды, в том числе движения. На примере полевой работы среди оленеводов Ямала и Верхоянья демонстрируется, как отличается антропологический материал, полученный через традиционное включенное наблюдение движения оленеводов, от материала, полученного через опыт непосредственного участия самого антрополога в таком движении. Накопление мастерства позволяет антропологу развивать диалог с людьми, что ведет к более глубокому пониманию связи между опытом движения и восприятием окружающей среды. Этнографические эпизоды и диалоги демонстрируют эту связь, например, опыт совместного передвижения пешком, на оленей упряжке, верхом на олене или лошади и на вездеходе. Очевиден потенциал «радикальной активизации» (radical enactivism) как важного метода в антропологии движения.

ШУВАЛОВА Ярослава Юрьевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ВЧЕРА И СЕГОДНЯ. ЭКСПЕДИЦИЯ ПО СЛЕДАМ ПУТЕШЕСТВИЯ М. А. КРУКОВСКОГО 1899 г. В ОЛОНЕЦКИЙ КРАЙ

В 2008 г. лаборатория аудиовизуальной антропологии (ЛАВА) МАЭ РАН предприняла экспедицию в Олонецкий район Республики Карелия. За основу была взята хранящаяся в МАЭ коллекция фотогра-

* Работа проводилась при поддержке гранта РГНФ 10-01-00241а в рамках проекта «Идентичность и мультикультурализм в условиях постимперскости (на материалах Великобритании)».

фий, привезенная М. А. Круковским из его путешествия, и его книга «Олонецкий край», изданная в 1904 г. Целью Карельской экспедиции ЛАВА было «путешествие во времени и пространстве» по местам Круковского, создание на основе визуального источника XIX в. комплексной характеристики современной жизни в этих местах. Задача, совместившая два временных плана в работе экспедиции, поз-

волила ЛАВА получить интересный материал, отражающий как архаичные, так и современные аспекты жизни карельского и русского населения изучаемого района. Кроме этого, снятые экспедицией современные видеоматериалы придают движение, оживляют статику фотографий Круковского. Все эти аспекты представлены в подготовленном автором видеоматериале.

Секция 8. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭТНОГРАФИИ

Руководитель: к.с.н. **Габдрахманова Гульнара Фаатовна** (Казань)

ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань*

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КАТАЛОГА ПО ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТАТАР ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА*

В отделе этнологии Института истории АН РТ накоплен богатый материал по традиционной культуре татарского народа, собранный в ходе 40 лет экспедиционных выездов в рамках создания историко-этнографического Атласа татар. Специалистами было совершено 29 экспедиций, охвативших около 450 населенных пунктов Среднего и Нижнего Поволжья, Урала, Сибири, европейской части России, Крыма. Кроме того, изучены фонды 26 музеев и более 20 архивов страны. По репрезентативной методике и сетке, используемых для подобного рода исследований, были обследованы этнотерриториальные, субэтнические и субконфессиональные группы татар – волго-уральские (казанские, мишари, касимовские, кряшены, в том числе нагайбаки), астраханские, сибирские, крымские.

Собранный материал аккумулирован в архиве фотографий, фотоплёнок, чертежей, схем, слайдов, полевых дневниках. Часть материалов отражена в рисунках этнохудожников. В 2009 г. был сформирован ВТК в составе этнографов Института истории и специалистов Института информатики АН РТ. Основная задача проекта сводилась к тому, чтобы путем использования средств автоматизации первичных этноспецифических этнографических материалов (костюм, жилище, обряды и праздники) создать электронный корпус этнографических источников волго-уральских татар в виде аналитической этнографической инструментальной системы. В докладе будут представлены первые итоги проекта: описана процедура создания системы, ее возможности для аналитической работы, возникшие проблемы использования информационных технологий в этнографии.

ГОРОШКОВ Николай Павлович

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

CASE STUDY METHOD И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРНЕТА

В зарубежной этнографической науке сравнительно недавно получил распространение так называемый case study method, то есть метод изучения случаев. Он заключается в том, что исследователь слушает и фиксирует беседы людей, рассказывающих друг другу о тех или иных случаях из своей жизни, обменивающихся мнениями по тем или иным вопросам. Данная практика коррелирует с методом

«археологии знания», распространенном в постмодернизме. В основе «археологии знания» лежит понятие дискурса, то есть набора высказываний. При этом в качестве такового может выступать всё сказанное. Дискурс воспринимается как «текст-в-себе», не отражающий реальность, взгляды, идеи и т. д.

С внедрением в повседневную практику Интернета, в блогах, а затем и в социальных сетях, таких как «Одноклассники», «Vkontakte», «Fasebook» и др., российский ученый получил возможность применять методы, используемые в постмодернизме, то есть «собирать», анализировать, исследовать этнографический материал, перейти в какой-то мере от «пассивного наблюдения» к «наблюдению включенному», что предполагает проникновение исследователя внутрь изучаемой группы и «участие» в её деятельности.

ГРИШИНА Ирина Евгеньевна,

ЛЯЛЛЯ Елена Витальевна

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭТНОАРХИТЕКТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КАРЕЛИИ

Развитие использования информационных технологий в этноархитектурных исследованиях НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества ПетрГУ стало логическим продолжением разрабатываемой институтом методики исследований традиционной деревянной архитектуры Русского Севера, в том числе Карелии. Предложенное и развиваемое академиком В. П. Орфинским и его учениками научное направление – этноархитектуроведение, объединяющее этнографические и историко-архитектурные подходы, нацелено на определение специфики архитектуры, формирующейся в рамках традиционной народной культуры, характеристику процессов этноархитектурного развития субрегионов и этнолокальных ареалов на примере Карелии и прилегающих к ней территорий Русского Севера, выявление этнических особенностей в народном деревянном зодчестве.

Исследования НИИНЗ базируются на детальных типологических разработках, охватывающих разные уровни архитектурной среды – от поселений до деталей и конструкций построек; связаны с натурным сбором и последующей систематизацией массового этноархитектурного материала.

В докладе даны результаты работы института последних лет, связанной с использованием информационных технологий для накопления, обработки и представления информации по традиционным деревянным постройкам: этноархитектурный картографический анализ типологических признаков построек и их деталей на базе ГИС-технологий; электронный классификатор деревян-

* Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-29102а/В).

ного культового зодчества и сформированная на его основе база данных часовен северо-восточного Обонежья; информационная модель исторического поселения – комплексного памятника архитектуры.

КРАСОВСКАЯ Татьяна Михайловна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ

По предложению России Арктический совет недавно включил в критерии устойчивого развития Арктики «культурное измерение». Созданные под эгидой Арктического совета электронные базы данных по региону не содержат информации о культурном наследии коренных малочисленных народов, хотя с 2009 г. существует соответствующая методика ЮНЕСКО. Эта информация крайне необходима для регионального планирования. Территориальной единицей привязки культурологической информации могут служить культурные ландшафты арктических народов, отражающие оригинальные этнокультурные коды и тексты, интегрирующие множественную этнографическую и специфическую географическую информацию. Существующая практика направлена на сохранение отдельных объектов наследия, что не отражает особенности аборигенной культуры освоения северного пространства, в котором нет «пустот». Примеры охраны культурных ландшафтов как элемента Всемирного культурного наследия в Арктике единичны. Предлагаемая структура базы данных содержит статистическую, этнографическую, картографическую и другую информацию и включает следующие блоки: этническая структура; традиционное природопользование; сакральные территории разного ранга; топонимия; существующие и виртуальные культурные ландшафты; «горячие точки» для сохранения культурного наследия; этнотуризм; информационный. Карты культурных ландшафтов коренных малочисленных народов являются неотъемлемой частью базы данных и включают следующие тематические слои: природные ландшафты, природопользование, сакральные территории, топонимический. Синтезирование этих слоев осуществляется методом построения нечетких классификаций. Он применялся при создании карт культурных ландшафтов ХМАО, виртуальных саамских ландшафтов Хибинских гор и др.

МУРАТОВА Елена Георгиевна

*Кабардино-Балкарский государственный университет,
г. Нальчик*

СТАТИСТИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ БАЛКАРСКИХ ОБЩЕСТВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Осуществлен статистико-математический анализ одного из репрезентативных массовых источников

по истории Балкарии конца XIX – начала XX в. – по семейным спискам; представлен демографический, социокультурный и социально-экономический срез балкарского общества этого периода; дана оценка степени трансформации традиционного горского общества в условиях российской модернизации второй половины XIX – начала XX в.

Исследование показало, что в конце XIX в. социальная структура балкарского общества не совпадала с сословным делением России и мыслилась в значительной степени в традиционных этносоциальных категориях. Количественные данные указали на устойчивость сословных перегородок внутри балкарского социума в пореформенный период.

Анализ статистических рядов распределения дворов по основным имущественным показателям для всех балкарских обществ по данным посемейных списков за 1886 и 1905 г. привел к двоякому заключению. С одной стороны, имущественная дифференциация в балкарском обществе была весьма значительной, но, с другой – нет оснований говорить о резких сдвигах в имущественной дифференциации горцев в последней четверти XIX в. и о формировании новой социальной структуры, характерной для аграрного капитализма, поскольку распределение хозяйств по всем видам богатства осталось приблизительно одинаковым. Незначимыми и малозначимыми оказались и коэффициенты корреляции, показывающие взаимосвязь факторов имущественной состоятельности горского хозяйства. В связи с этим можно говорить об устойчивой социально-экономической структуре балкарского общества в рассматриваемый период.

В целом балкарское общество в русле общероссийской модернизации второй половины XIX – начала XX в. все-таки не подверглось коренной структурной трансформации, поскольку постоянно воспроизводилась традиционная система хозяйствования, а все проявления «капиталистических отношений» носили скорее характер изменений внешней среды.

РОДИН Андрей Николаевич

*Астраханское представительство Казанского института
социальных и гуманитарных знаний, г. Астрахань*

ОПЫТ ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДИКИ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОТОБРАЖЕНИИ МАТЕРИАЛОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2003–2010 гг. ПО АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Распространение средств массовых коммуникаций (вследствие их разнообразного ассортимента, многофункциональности, доступности) требует от современного исследователя адекватного уровня владения ими. Процесс модернизации основных сторон жизни российского общества, курс на ускорение темпов научного развития позволяют широко использовать инновационные методики, технологии

исследования на практике. На передний план в их применении с учётом современных электронно-технических средств выходят когнитивный и презентационный факторы, которые выражаются в увеличении объёмов познания (путём оптимального сбора, обработки, хранения материала) и в смене форм целевой подачи накопленных данных, искомых выводов. Расширение в восприятии аудиторией итогов этнографических исследований происходит за счёт потенциальных потребителей культурного наследия (среди населения, общественных объединений, государственных, муниципальных структур). Таким образом, опыт инновационной методики заключается в апробации современных электронно-технических возможностей исследователя на более широких спектрах материала и аудитории, в попытке обеспечения массового сбора, подачи материала, в стремлении к моральной и финансовой «самоокупаемости» (согласно затраченным силам, средствам) изыскания.

Практическое применение информационных технологий современными учёными, культурными работниками осуществлялось в ходе этнографических исследований 2003–2010 гг. по Астраханской области. Был затронут ряд районов, этногрупп, носителей традиций, хранителей культурного наследия, по итогам чего собраны ценные материалы. В 2007–2010 гг. эти данные находили своё отражение в печатной, электронной продукции, характеризующейся наглядностью, социокультурной адаптивностью, кроссплатформенным программным решением, мультимедийным контентом, лёгкостью в воспроизводстве.

УВАРОВА Татьяна Борисовна

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ЭТНОЛОГИИ

Версия информационной модели российской этнологии разработана с использованием библио- и информетрического анализа БД ИНИОН РАН. Формирование информационной модели дисциплины по образу карты строится на применении таких аналогий, как «внешние границы» информационного пространства, где происходит взаимодействие со смежными областями общественности, внутридисциплинарное членение, обусловленное углублением специализации. Основными средствами информационной навигации для такой карты служат библиометрические методы обработки БД и современные поисковые технологии, связанные с применением и совершенствованием рубрикаторов БД и информационно-поисковых тезаурусов.

Материал для сравнительного анализа дает сопоставление своего рода сводного этнолого-антропологического рубрикатора по базам данных ИНИОН и классификационных схем зарубежных информационных систем, таких, например, как Subject Map of

Ethnology, Ethnography, Anthropology Section of Social Science Information Gateway (SOSIG).

Анализ показывает, что наиболее общим для обоих рубрикаторов является принцип выделения единого этнолого-антропологического направления в современном общественности. Классификационная схема рубрикатора ИНИОН зафиксировала историко-научные особенности отечественного этнолого-антропологического знания как исторической дисциплины с сохранением еще более ранней традиции – регионально-географическим принципом тематической группировки конкретных исследований. В ИНИОН РАН в соответствии с усложнением структуры современного российского этнолого-антропологического знания ведется разработка дополнительного элемента основного рубрикатора, отражающего изменения в предметно-проблемной структуре дисциплины, что сближает структуру рубрикатора с зарубежными аналогами, в частности с рубрикатором системы SOSIG.

Анализ динамики приоритетов этнолого-антропологических исследований осуществлен с учетом тематики специализированных публикаций ИНИОН РАН по этнонациональным проблемам.

ЮНУСОВА Айслу Билаловна

*Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

ЗАДАЧИ И ПАРАМЕТРЫ ТРЕХМЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ МУЗЕЕВ И ТРАДИЦИОННОЙ СРЕДЫ БЫТОВАНИЯ

Применение новых технологий в этнографии, в частности трехмерного сканирования, выходит за рамки простой оцифровки музейных предметов и позволяет создать трехмерные модели уже имеющихся в музейных фондах экспонатов. Кроме того, следует учитывать, что пополнение музейных фондов за счет приобретения новых этнографических экспонатов не всегда возможно. Чаше приходится лишь фиксировать (фотографировать, записывать на видеокамеру) наличие интересных предметов, по-прежнему употребляемых в быту. Их трехмерное сканирование позволит расширить экспозиционные возможности за счет создания сначала электронной трехмерной модели предмета, затем ее физической копии. Расширяются возможности представления трехмерной модели предмета для специалистов, которые не могут увидеть предмет на месте, через сеть Интернет. В целом это позволяет не только «прикоснуться» к предмету, но и «оживить» его, реконструировать процесс использования его в традиционной среде бытования, что особенно интересно для этнографов. Таким образом, в параметры трехмерного сканирования входит не только сам предмет, но и фиксация «среды бытования», использующих предмет лиц, процесс использования. Сегодня на сайте kuzeev-center.rb7.ru можно ознакомиться с экспозициями Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований

УНЦ РАН в формате 3D. Дальнейшая работа по трехмерному сканированию музейных экспонатов и предметов этнографии народов Южного Урала в традиционной среде бытования расширит экспозиционные и научно-исследовательские возможности музея.

**ЯГАФОВА Екатерина Андреевна,
СУШКОВ Сергей Александрович**

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

**ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИОННО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА ДАННЫХ
«ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЧУВАШЕЙ
УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ»***

Проект нацелен на создание электронной информационно-исследовательской базы данных по этнической культуре чувашей на основе применения современных информационно-компьютерных технологий и содержательного ресурса (этнографических материалов) его участников. Он предполагает последовательное выполнение следующих работ: проектирование структуры информационного ресурса, разработку программной оболочки, прототипа информационного ресурса в соответствии с выбранными структурой и дизайном, перевод в цифровой формат аналоговых аудио- и видеозаписей (100 и 20 часов соответственно) и фотоиллюстраций (более 1000), сделанных во время полевых экспедиций в чуваш-

ские селения Урало-Поволжья в 1993–2007 гг., разработку мультимедиа-компонентов и создание базы данных мультимедиа-компонентов (включая аннотацию материалов), проверку рабочего проекта и редактирование, организацию доступа для пользователей-исследователей и размещение части базы данных в сети Интернет. Экспедиционные материалы были собраны во всех основных регионах проживания чувашей в Пензенской, Самарской, Оренбургской, Ульяновской областях, республиках Татарстан, Башкортостан, Чувашской и Удмуртской. Аудио- и видеозаписи интервью на чувашском и русском языках представляют ценный материал о религиозных представлениях, обрядовой культуре, семейном и общественном быте, хозяйственной деятельности, межконфессиональных и межэтнических отношениях. Они представляют не только этнографическую, но и диалектологическую ценность, так как отражают особенности локальных говоров чувашского языка, а записи напевов значимы с точки зрения музыкальной диалектологии. Иллюстративный материал включает фотографии селений, жилых и хозяйственных построек, предметов быта и костюма, индивидуальные и коллективные портреты. Указанные особенности полевого материала отражены в структуре ресурса. Ресурс может быть использован, кроме собственно этнологических (этнографических) исследований, в лингвистических и культурологических исследованиях, а также в учебных и просветительских целях.

* Работа выполнена по гранту РГНФ (№ 10-01-12153).

Секция 9. ЭТНОГРАФИЯ ШКОЛЫ И ВУЗА

Руководители: к.и.н. Степанов Валерий Владимирович (Москва);
к.и.н. Филиппова Елена Ивановна (Москва);
д.и.н., проф. Мартынова Марина Юрьевна (Москва)

АНТРОПОВА Наталья Александровна

Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ,
г. Москва

ЭТНИЧЕСКАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ У МОСКОВСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Проблемы, возникающие в настоящее время в московских школах в связи с обучением в них детей граждан как России из разных регионов различной этнической принадлежности, так и граждан других стран, зачастую не принадлежащих к титульному этносу страны исхода, достаточно редко становятся предметом широких дискуссий. Предлагаемый материал был собран в течение 2010 г. в средней московской школе, где около 50% учеников являются детьми мигрантов, переехавших в Москву за последние 5–7 лет. Целью работы антропологов в школе было не только описание системы ценностей этих детей и их родителей, но и определение характера и степени влияния этнической и/или локальной идентичности на систему взаимодействия внутри школы (учитывались отношения ученик–ученик, ученик–родитель, родитель–учитель, директор–родитель). Для обсуждения предлагаются результаты исследования.

ГРИГУЛЕВИЧ Надежда Иосифовна

Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ (ПОЛЕВЫЕ ИСТОРИКО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ В 2000–2010 гг.)

Деревенская жизнь претерпевает в последние десятилетия кардинальные изменения. В некоторых селах практически не осталось старожилов, а большинство жителей приезжают из городов только на летнее время. Разрушена инфраструктура советского времени, а новая еще только создается, в основном в районных центрах. Особенно сильно эти процессы затронули Центральный и Северо-Западный регионы России. Клуб путешественников «Зюйд-Вест» при центре образования № 109 Юго-Западного округа г. Москвы организует ежегодные комплексные экспедиции по селам Тверской и Ярославской областей. Школьники 6–7 классов по разработанной нами программе опрашивают старожилов – людей, которые родились и продолжают жить в данном населенном пункте. История села, коллективизация, предвоенные годы, Великая Отечественная война, послевоенное время, перестройка и современное состояние дел – вот некоторые вопросы, которые изучают курсанты клуба путешественников. Один из бло-

ков программы посвящен традиционным праздникам, пище и напиткам, ремеслам и традиционным занятиям сельчан. Изучается также судьба священников и сельской интеллигенции.

Одной из важнейших составляющих работы клуба путешественников в обследуемых селах является установка поклонных крестов на месте разрушенных храмов. Чаще всего причина сноса – предстоящее затопление территории. Предварительно исследуются история храма и приблизительное место его нахождения. Это не только древняя традиция, но и первый шаг к восстановлению храма. Курсанты клуба путешественников «Зюйд-Вест» в ходе ежегодных экспедиций получают уникальный опыт общения с людьми, в чьей жизни отразилась история страны за последние 50–70 лет.

ДОСЭ Франсуаза

Университет им. Б. Паскаля, г. Клермон-Ферран (Франция)

ЯЗЫК «МЕЖДУ ПРОЧИМ»: РАЗНООБРАЗИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ШКОЛ В МОСКВЕ

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. создание в Москве этнокультурных школ обычно обосновывалось необходимостью обеспечения возможности изучения различных национальных языков. Сегодня, почти двадцать лет спустя, хотя эти школы действительно обеспечивают такое образование, эта их функция тем не менее уже не кажется основной. В сегодняшней Москве одного лишь преподавания татарского, литовского или корейского языка недостаточно для оправдания существования таких школ и привлечения в них учеников. Этнокультурные школы осуществляют, не всегда афишируя их, социальные, экономические, культурные и религиозные функции, выходящие за рамки обучения языкам. Школа – это место социальных контактов, где формируются социально-экономические сети. Именно эта социальная роль, понимаемая во всей множественности и всеохватности ее проявлений, гарантирует стабильное существование таких школ. В своем выступлении, основанном на материалах исследования в этнокультурных школах Москвы, я покажу многообразие их социальных функций.

ЗУБАРЕВА Ирина Геннадьевна

Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

НАЦИОНАЛЬНАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА В МОРДОВИИ (1940–1950-е гг.): ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Исследуемый период характеризовался процессом возрождения национальной начальной школы:

содержание образования стало обогащаться элементами лингвистического, литературного, исторического краеведения. Вместе с тем, несмотря на усилия центральных и региональных органов власти, направленных на поддержку национального образования, качество обучения на родном языке оставалось неудовлетворительным.

Исследование выявило, что в национальных начальных школах существовал ряд проблем, связанных с обучением русскому языку (низкая профессионально-педагогическая подготовка педагогических кадров, их недостаточное количество, отсутствие эффективного руководства, слабая научно-методическая и технологическая база), что требовало организационного вмешательства вышестоящих органов в решение данного вопроса. В этих условиях Совет Министров Мордовской АССР и бюро обкома ВКП(б) 26 июля 1946 г. приняли постановление «Об улучшении преподавания русского языка в мордовской школе». Архивные материалы свидетельствуют о том, что состояние преподавания русского языка в начальной (мордовской) школе и в последующие годы было явно неудовлетворительным. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Мордовской АССР» (1959 г.) предусматривал возможность проводить обучение в национальных начальных школах на родном наречии учащихся. С начала 1960-х гг. постепенно стала прослеживаться тенденция перевода обучения в национальных школах на русский язык, родной язык преподавался как учебный предмет.

ИЛЮХА Ольга Павловна

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ДЕТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ В КАРЕЛИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. *

На рубеже XIX–XX вв. в карельской деревне складывалась новая модель социализации подрастающих поколений, когда в ее структуре расширялся и закреплялся государственный сегмент. В этот период начальная школа стала привычным явлением во многих карельских деревнях. При участии государства, церкви и земства была создана довольно плотная сеть учебных заведений. С появлением школы социализация детей уже не происходила традиционно целно. В отличие от семьи с ее естественной повседневностью, жизнь ребенка в школе протекала в условиях «сконструированной повседневности», была подчинена новой регламентации, протекала «от звонка до звонка», что требовало нового понимания дисциплины и порядка.

Через школу дети национальных окраин вовлекались в отношения с государством, опосредованно становились объектом политической социализации.

* Доклад подготовлен при поддержке программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

Школа для карельских детей в том виде, в каком она сложилась к концу исследуемого периода, официально относилась к школе «нормального типа», но на деле имела целый ряд особенностей. Такие культурные табу и принципы коммуникативной культуры карельской семьи, как исключение агрессии по отношению к детям, осторожность и последовательность в применении наказаний, непререкаемый авторитет старших, отчасти проецировались на школу, сказывались на повседневном общении учеников с учителем, оказывали влияние на формирование внутренней атмосферы учебных заведений. В школе, где русский учитель обучал карельских детей, зарождались элементы межкультурной педагогики, основанной на необходимости учета менталитета учеников.

КАТЕБ Камель

*Национальный демографический институт, г. Париж
(Франция)*

ОТ КОЛОНИАЛЬНОЙ ШКОЛЫ К ШКОЛЕ АЛЖИРСКОЙ: ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА, РЕЛИГИИ И ИСТОРИИ

Образовательная система современного Алжира имеет двойное наследие. Французское, основанное на светской концепции образования (результат действия законов Ж. Фери от 1882 и 1883 г. а также закона 1905 г. об отделении церкви от государства), и магрибинское, основанное на преподавании религии и стихов Корана, знание которых необходимо для отправления религиозных практик. В стремлении к обновлению национальной идентичности руководители Алжира сделали ставку на два инструмента: арабский язык и религиозное образование. Потребности культурного возрождения, задачей которого было уравновесить ущерб, нанесенный «колониальным ущемлением», вернули ислам в политическую сферу и публичное пространство. Замена светского образования религиозным по замыслу должна была способствовать возрождению индивидуальной и коллективной идентичности алжирцев. Насколько последовавший за этим выбор языка обучения и содержания образования отвечает потребностям алжирского общества? Помогает ли он школе в выполнении ее главной роли – передаче знаний и социализации молодого поколения? Или, напротив, слишком большое значение было отведено идеологической роли системы образования в конструировании идентичности?

КОЛГУШКИНА Нина Васильевна

*Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина,
г. Рязань*

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РЯЗАНСКОГО КРАЯ В СИСТЕМЕ РАБОТЫ МУЗЕЯ АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКОГО РГУ ИМ. С. А. ЕСЕНИНА

В мае 2007 г. в РГУ им. С. А. Есенина был открыт первый в России университетский Музей академика И. И. Срезневского. Особое место в его работе зани-

мают этнографическое и лексикографическое направления, тесно связанные между собой.

На базе музея разработан факультативный курс «Отечественная лексикография», где отдельным блоком изучаются региональные словари. В их числе и словари, созданные в рязанском крае в последнее десятилетие (Бабуринов А. В. Рязанский топонимический словарь [2004]; Хрусталёв И. Н. Название озёр и болот Рязанской области [2009]; Гордова Ю. Ю. Словарь фамилий Рязанской области. Имена, прозвища, фамилии рязанцев в XVI веке [2009]). Традиционная форма деятельности привлекает студентов тематикой экскурсий как средством дополнительного образования: «Срезневский исследователь и собиратель украинской этнографии», «Путешествия Срезневского по славянским странам», «Создание "Материалов к словарю древнерусского языка"», «История и современность рязанской этнографии и лексикографии» и др. Музей развивает инновационные подходы к образованию через работу студенческого научного общества срезневедов, где разрабатываются темы по изучению наследия учёного и развитию его этнографических идей в региональной лексикографии, проводятся научные чтения с участием видных российских учёных. Студенты имеют возможность представлять свой исследовательский материал, развивать и проявлять творческие способности при подготовке и проведении «Музейных гостиных».

Доклад раскрывает систему работы музея по изучению этнографического наследия Срезневского, а также региональной этнографии и диалектологии в рамках университетского образования и воспитания.

КУЛЬБАЧЕВСКАЯ Ольга Вячеславовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЗАПРОСОВ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ ЧЕРЕЗ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ С ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Этническое многообразие и заметная численность целого ряда этнических групп, этносоциальные и этнодемографические процессы, протекающие в российской столице, определяют специфику этнокультурных запросов жителей города, которые они могут в той или иной мере реализовывать для своих детей через процесс обучения в среднеобразовательных школах с этнокультурным компонентом. Таких школ в Москве в настоящее время насчитывается свыше 30. Их этнокультурная специализация в основном соответствует особенностям этнической структуры города.

Важность этнокультурного компонента в школах столичного региона огромна. В пользу этого можно выдвинуть следующие аргументы. 1. Москва является многонациональным мегаполисом, и потому существует необходимость в воспитании толерантности у его жителей с раннего возраста. 2. В силу многонациональности и этноспецифики миграционных процессов в столице существует большая заинтере-

сованность в возможности этнокультурного обучения со стороны ряда этнических групп (что подтверждается ростом в последние годы количества школ с этнокомпонентом в московском регионе). В наибольшей степени в Москве востребованы такие предметы этнокультурной направленности, как национальный язык, литература, история, культура, традиции.

Изменения в ФЗ «Об образовании», отменяющие термин «национально-региональный компонент» и согласно которым решение о том, будет ли преподаваться предмет с этнокультурным содержанием, принимает сама школа, могут привести к негативным последствиям, в первую очередь к таким как сокращение часов преподавания, отведенных на этнокомпонент, и увеличение нагрузки учащихся. Таким образом, на фоне увеличения этнокультурных запросов жителей столицы это приведет к ограничению возможностей их реализации через общеобразовательную сферу.

ЛЕ КОАДИК Ронан

Университет Ренн-2, г. Ренн (Франция)

БРЕТОНСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

В начале XX в. французская республиканская школа активно боролась с бретонским языком. В 1980-е гг. последний был допущен в систему образования. Что произошло за это время?

На протяжении 1970-х гг. сформировалось общественное движение, силами которого были созданы школы с преподаванием на бретонском языке вне государственной образовательной системы. Эти школы (*Diwan*) работали методом погружения: в начальных классах все обучение шло на бретонском языке, французский же вводился постепенно. Данные общественные школы стали настоящим полигоном для всей системы образования в Бретани, как для государственных, так и для частных католических школ: и те, и другие ввели у себя двуязычные классы. Таким образом, в начале прошлого века, когда бретонский язык был почти единственным языком населения западной части Бретани, с ним велась упорная борьба, тогда как теперь, когда он стал языком меньшинства и находится на грани исчезновения, у школьников появилась возможность получать образование на этом языке от начальной школы до лицея. Кто те родители, которые отдают своих детей в эти двуязычные школы? Как относятся к этим школам население в целом? Какова их эффективность и каковы недостатки двуязычного образования?

ЛЕОНТЬЕВА Светлана Геннадьевна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры и искусств, г. Санкт-Петербург

«ЛЕТОПИСЬ ПИОНЕРСКИХ ДЕЛ»: ТИПЫ И ФУНКЦИИ ШКОЛЬНОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XX в.

В школьной повседневности XX в. большое место занимают различные формы самодельной доку-

ментальной письменности: дневники пионерских отрядов и дружин, пионерские летописи, памятные альбомы отрядов и классов, календари отрядной/классной жизни, стенгазеты, бортжурналы и т. п. Выполняя мемориальную и ритуально-праздничную функции, они фиксировали как события, отдаленные во времени (создание первых пионерских отрядов), так и события «вчерашнего дня» (сборы, походы, спортивные соревнования и т. п.).

Основное внимание в докладе будет уделено жанровым – стереотипизация содержания и визуальное оформление (типы рисунков, фотографий, орнаментов) и функциональным свойствам рукописной школьной словесности, связанной с пионерским движением. Материал исследования (документы 1950–1980-х гг. из школьных и личных архивов Республики Карелия и Оренбургской области) отражает как универсальные, так и региональные черты этого рода документальной письменности.

В типологическом плане пионерская/школьная письменность соотносится с другими групповыми рукописными традициями (семейной, корпоративной, субкультурной, локальной). Изучение межгрупповых закономерностей в этих формах коллективной памяти позволит выявить семантическое и функциональное поле народной письменности предшествующего столетия.

МАРТЫНОВА Марина Юрьевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Одним из наиболее действенных инструментов социального конструирования идентичности, на мой взгляд, является образовательная политика. То, что люди принадлежат к разным культурным традициям, обусловлено, прежде всего, воспитанием и социализацией в целом. В наибольшей степени это касается школьного образования. Именно в детском возрасте люди, как правило, получают представление об этнически кодируемых различиях. Этому способствует не только личный опыт социальных отношений, но и целенаправленные усилия педагогов. Школьная программа в значительной степени актуализирует различия, делая их предметом изучения. Всяческие манипуляции с педагогическими системами отнюдь не безобидны и имеют далеко идущие последствия.

Соотношение диалектического единства общечеловеческих компонентов и их этнокультурных особенностей в обществе во многом зависит от государственной политики. В любом обществе государство теми или иными способами задает тон отношениям между разнообразными субъектами общественной жизни. Это воздействие осуществляется в том числе через культурную и образовательную политику, управление религией, наукой, искусством, выработку и транслирование определенной идеологии с помощью средств коммуникации.

Образовательная политика предполагает отбор вполне определенных культурных ценностей для их распространения по существующим или создаваемым каналам. И это то общее, что свойственно политике всех государств во все исторические эпохи. Между образовательными политиками различных государств можно обнаружить и некоторые принципиальные различия. Она может быть ориентирована: на максимальное удовлетворение культурных потребностей как можно большего числа субкультур; на модернизацию или, наоборот, на консервацию традиций. На практике все общественные системы используют комбинации из описанных видов.

В докладе рассматривается российский опыт образовательной политики и ее взаимосвязь с полиэтничностью общества. Особое внимание уделяется так называемому этнокультурному образованию, исследуется его влияние на формирование идентичности личности.

МАСЛИНСКИЙ Кирилл Александрович

*Институт логики, когнитологии и развития личности,
г. Москва*

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА И ЛОКАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО В 1950–1960-е гг.

В послевоенный период советская школа должна была стать одной из важнейших площадок реализации государственного проекта по воспитанию дисциплинированного советского гражданина. В инструктивно-методических документах этого времени педагогам и школьной администрации предписывается регламентирующая и руководящая позиция по отношению к учащимся и их родителям не только в стенах школы, но и за ее пределами.

В докладе на примере сельских школ и школ малых городов исследуются сфера и формы социального контроля, предписанного школе государством, при взаимодействии с локальным сообществом: от ритуализованных коммуникативных ситуаций (родительское собрание, посещение учителем семьи ученика, вызов родителей в школу и т. д.) до повседневных практик, в которых члены сообщества ощущали влияние своего школьного статуса, будь то учащиеся, учителя, директор школы (дисциплинарные практики в семье и публичном пространстве, репутация и авторитет учителя в локальном сообществе, сфера допустимого поведения учителя, школьника и т. д.). Источниковую базу исследования составили полевые записи интервью с учителями и учащимися школ указанного периода, документы и визуальные материалы из школьных и личных архивов, опубликованные инструктивно-методические документы органов управления образованием. Изучение форм взаимодействия школы и локального сообщества представляется важной составляющей как этнографического описания культуры детства и повседневной жизни села и малого города 1950–1960-х, так и антропологического исследования школы данного периода.

МИНИБАЕВА Зулфия Расфаровна

*Шатмантамакская средняя школа Миякинского района
Республики Башкортостан*

**НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА
В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ**

Народная педагогика – это исторически сложившийся опыт воспитания и обучения детей, первоначально передаваемый из поколения в поколение в устной форме, а затем зафиксированный в письменных памятниках в виде фольклора. В докладе рассматривается использование в учебном процессе таких элементов устного народного творчества, как пословицы, поговорки, загадки и скороговорки, которые способствуют развитию речи учащихся, пополнению словарного запаса, образному мышлению, быстроте умственных реакций. В пословицах и поговорках людям удалось убедительно выразить свои мысли, продемонстрировать свое остроумие, находчивость, культурную специфику. Загадывание и отгадывание загадок считалось одним из важнейших обрядовых действий.

Важную роль в народной педагогике играет обучение детей сбору материалов по духовной культуре у местного населения и дальнейшего применения их в процессе обучения. Старшее поколение передает таким образом детям свой опыт, знания, что способствует сохранению в памяти народа вековой мудрости.

НАЙДЕНОВА Елена Александровна

*Московский институт открытого образования,
кафедра ЮНЕСКО «Международное (поликультурное)
образование и интеграция детей мигрантов в школе»,
г. Москва*

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, ПРАКТИКА
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ВОСПИТАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ
ТОЛЕРАНТНОСТИ У УЧАЩИХСЯ**

(из опыта работы лаборатории народоведения и межкультурной коммуникации кафедры ЮНЕСКО МИОО)

Лаборатория народоведения и межкультурной коммуникации в составе кафедры ЮНЕСКО Московского института открытого образования исследует проблемы поликультурного образования, обеспечивает научно-методическое сопровождение курсов повышения квалификации для различных категорий слушателей: «Музейная, театральная и туристская деятельность в этно-поликультурном образовании»; «Инновации в поликультурном образовании дошкольников и младших школьников (этнокультурный аспект)»; «Психология межкультурной коммуникации». В Московском музее образования нами созданы и курируются две экспозиции: «Такие разные и такие похожие (этнокультурное образование для всех)» и «Школа 21-го века: от традиционной культуры до высоких технологий».

В 2007–2010 гг. нами было осуществлено руководство сетевой ГЭП Москвы: «Воспитание межкультурной толерантности и патриотизма у учащихся в процессе информационно-аналитической и художественно-

проектной деятельности». Под информационно-аналитической деятельностью подразумевается выявление учащимися этнической информации в предметах базового компонента и окружающем социуме (театральные и кинопостановки, музейные экспозиции, народное, классическое и эстрадное искусство, публикации, теле- и радиопередачи, Интернет и пр.), анализ этой информации на предмет толерантности/интолерантности по предложенным критериям.

Художественно-проектная деятельность предполагает создание педагогами и учащимися собственных проектов этнокультурной направленности, включая создание музейных экспозиций, театральных постановок, составление и реализацию туристско-краеведческих маршрутов, репортажи в школьных газетах и журналах и т. д.

Для начальной школы нами разработан учебный комплект «Культура мира и согласия (природа, общество, человек). Наш дом – планета Земля» (Е. А. Найденова, Л. И. Ногаева, М. В. Чепайтите).

НИКИШЕНКОВ Алексей Алексеевич

*Исторический факультет Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

**ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ:
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КАФЕДРЫ
ЭТНОЛОГИИ МГУ**

В настоящее время одной из главных проблем на кафедре этнологии МГУ стала реформа высшего образования. В 2010 г. МГУ, наряду с Санкт-Петербургским университетом, получил особый статус, дающий некоторые возможности самостоятельного выбора в формировании учебного процесса. Ученый совет МГУ принял решение выделенный государством 6-летний срок образования для поступивших на 1-й курс университета не членить на бакалавриат и магистратуру, оставив для них степень «специалист». Для выпускников иных университетов (из России и других стран), получивших степень бакалавра и желающих продолжить образование в МГУ, планируется введение магистратуры по разным специальностям. Наша кафедра работает над составлением учебного плана расширенной специализации (4 года вместо 3) и магистратуры по специальности «Этнология», а также ведет подготовку к формированию новых лекционных курсов и учебных пособий к ним.

В новый учебный план мы предполагаем ввести много предметов, трактующих связь этнологии с самыми разными научными дисциплинами – с демографией, социологией, религиоведением, психологией, географией, фольклористикой и др. Впрочем, мы стараемся сделать так, чтобы это многообразие не привело к размыванию предметного ядра нашей науки, которым издавна являются этнические общности. В составе кафедры уже ряд лет находится учебно-научный центр прикладной этнологии. В новых условиях нам предстоит придать работе центра большую глубину и масштабность, что можно считать законо-

мерным ответом на общественную потребность в научно обоснованной политике в сфере все более обостряющихся межэтнических отношений в России.

НИКОЛАЕВ Олег Рудольфович

Альманах «Русский мир»

(ассоциация «Русская культура»), г. Санкт-Петербург

ШКОЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА МАТЕРИАЛЕ СЕМЕЙНЫХ ФОТОАРХИВОВ КОНДОПОЖСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Фотографии – значимый феномен школьной субкультуры; традиционно они используются в иллюстративно-документальной функции и редко рассматриваются как самоценный историко-культурный источник. Школьные фотографии широко бытуют в семейных фотоархивах, становясь визуальными артефактами семейного предания. Значимость источника возрастает в случае сельской местности: зачастую давно нет ни школ, ни населенных пунктов, в которых они находились. В докладе предлагается авторская методика герменевтического «прочтения» деревенской школьной фотографии:

1. Источник по истории школьной повседневности: архитектура и топография внутри- и околошкольного пространства; формы деятельности; история школьной атрибутики. Контекстом и «ключом» к фотографиям являются материалы бытовой письменности: личные дневниковые записи учителей, материалы частной переписки и т. д.

2. Материал для реконструкции жизни локального сообщества. Устные комментарии информантов (это отдельный жанр «устной истории» – своего рода «наивная герменевтика») к рассматриваемым фотографиям позволяют восстановить систему деревенских репутаций (в разные времена), «жизненные траектории» местных жителей, сюжеты и коллизии локальной истории (многие из них когда-то бытовали внутри общедеревенского предания).

3. Феномен памяти о школе. Функционирование воспоминаний о школе порождает и разнообразные формы мемориального бытования фотографий: от составления альбомов и музейной репрезентации до семейных и индивидуальных практик (рассматривание и припоминание «лично для себя», подписывание и систематизирование в личном архиве, показ и комментирование для детей и внуков).

ПЕСТЕЙ Филипп

Университет Корсики, г. Кортэ (Франция)

ДВУЯЗЫЧНЫЕ ШКОЛЫ НА КОРСИКЕ (1982–2010): РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ, ЗАДАЧ И СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

С 1982 г. в соответствии с циркуляром Савари в системе государственного образования Франции организовано обучение на корсиканском языке. В том

же году Корсика получила особый административный статус, в результате чего организация преподавания корсиканского языка и культуры была отнесена к компетенции региональной ассамблеи. Как оценить итоги этой деятельности сегодня, 28 лет спустя, не ограничиваясь официальными цифрами и чисто педагогическим аспектом? Что думают о созданных образовательных структурах заинтересованные лица (активисты сохранения и развития языка, родители учеников, преподаватели...)? Создают ли объективные условия (такие как старение населения, заметная доля не говорящих по-корсикански среди населения острова) непреодолимое препятствие для развития регионального языка? Мы попытаемся ответить на эти вопросы, сопоставляя количественные и качественные данные, отражающие чувства и представления различных действующих лиц.

ПОДЛЕСНЫХ Ольга Николаевна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ТАТАРСКАЯ И ЛИТОВСКАЯ ШКОЛЫ В МОСКВЕ

В докладе анализируется ситуация с преподаванием предметов этнокультурной направленности в двух школах Москвы (средние общеобразовательные школы № 1186 им. Мусы Джалиля и № 1247 им. Юргиса Балтрушайтиса с этнокультурными татарским и литовским компонентами образования соответственно). На основе опросов учителей и родителей обсуждаются новые положения закона об образовании и последствия их реализации. В обеих школах были опрошены ученики разных классов и их родители. Помимо этого, были проинтервьюированы пятеро учителей в литовской школе и шестеро – в татарской, в основном преподаватели языка, литературы и народного искусства. В ходе интервью с учителями также задавались вопросы о необходимости преподавания дисциплин религиозной направленности. Опрошенные учителя считают, что обобщающий курс «Основы религиозной культуры и светской этики» (хотя он и является наиболее приемлемым из всех предлагаемых) во многом дублирует содержание уже существующих гуманитарных дисциплин. Преподавание же основ отдельных религий плохо согласуется со светским характером образования и будет, по их мнению, разобщать школьников и порождать конфликты.

ПОЛЕЩУК Вадим Владимирович

Центр информации по правам человека, г. Таллинн (Эстония)

РУССКАЯ ШКОЛА ЭСТОНИИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ

Эстонская конституция и другое законодательство не гарантируют права получать школьное образование на языках национальных меньшинств. Тем не менее в Эстонии в настоящий момент функциониру-

ют государственные и муниципальные школы на эстонском и русском языках. В рамках начавшейся в 2007 г. реформы до 2011 г. 60% всей учебной работы в русской гимназии (10–12-е классы) должно быть организовано на эстонском языке.

В стране неоднократно проводились опросы населения и особых групп (учителя, школьники, родители), чтобы выяснить их отношение к реформе. Противники перехода опасались негативного влияния эстоноязычного обучения на идентичность русского меньшинства. Высказывались опасения, что реформа плохо подготовлена и что ее проведение в нынешних условиях может негативно сказаться на качестве полученных знаний. Одновременно с этим большинство и эстонцев, и неэстонцев соглашались, что по итогам данной реформы улучшится знание эстонского языка русской молодежью. По данным опроса 2009 г., ученики 11-х классов «реформированных» гимназий ссылались на различные трудности, связанные с изучением предметов на эстонском языке; большинство утверждало, что их успеваемость ухудшилась.

С конца 1990-х гг. в Эстонии наблюдается заметное отставание русской молодежи от эстонской в том, что касается приобретения образования (особенно в Таллинне). Имеются обоснованные сомнения в том, что реформа русской гимназии сможет решить эту проблему.

РОЖКОВ Александр Юрьевич

Краснодарский государственный университет культуры и искусств, г. Краснодар

«НО В ШКОЛЕ СВИСТ, БУЗА И ШАЛОСТЬ»: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В АЛЬБОМНОЙ КУЛЬТУРЕ ВЫПУСКНИКОВ СОЧИНСКОЙ ШКОЛЫ 1928 г.

Несмотря на заметное возрастание интереса к изучению школьного фольклора и альбомной традиции учащихся (В. Бахтин, А. Белоусов, С. Борисов, В. Лурье, Е. Неелов, Ю. Тынянов, А. Ханютин, М. Чеканова и др.), лучше всего разработаны рукописные альбомы гимназисток конца XIX в. Альбомная культура школьников первой половины XX в. до сих пор мало изучена, поэтому исследование структуры, символов, смыслов рукописного сборника, созданного в 1928 г. учащимися 9-й группы 1-й сочинской школы – первыми выпускниками советской школы, не познавшими лично традиций дореволюционной гимназии, включая и ее альбомную культуру, – весьма актуально.

Исследуемый сборник можно классифицировать как специфическую разновидность массового литературного альбома. В отличие от традиционных альбомов гимназисток и гимназистов XIX в., здесь нет дружеских напутствий, мадригалов, заимствованных моралистических изречений. Сборник состоит из литературных произведений (стихи и проза) и графических иллюстраций, созданных самими учащимися. Тематические жанры сборника – рассказы-были о советской действительности, приключенческие расска-

зы о жизни за рубежом, стихи-воспоминания о школе. Работы в сборнике сгруппированы по признаку авторства, вне зависимости от жанра произведения. В альбоме тесно переплелись городские фольклорные и литературные традиции с советским «новоязом» и эстетическими новациями пореволюционного десятилетия. Рукописный сборник отражает картину мира школьников раннего советского периода.

СОРОКИНА Елена Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШВЕЦИИ

Подавляющее большинство учебных заведений Швеции работает в соответствии с государственными образовательными программами. Любое образование на всех его ступенях признается важной государственной задачей. Большое значение придается образованию для иммигрантов и последующей интеграции мигрантов (*invandrare*) в шведское общество. Основным принципом шведской системы образования является равенство прав и возможностей получения образования для всех детей, независимо от пола, возраста, этнической, национальной принадлежности, социально-экономического уровня, каких-либо функциональных ограничений по здоровью. Школьным образованием в стране занимаются органы муниципального самоуправления коммуны, что соответствует шведским традициям реализации принципов самоуправления и демократии в различных областях жизни страны и общества. Школьное образование является обязательным и бесплатным для всех детей от 7 до 16 лет. Также бесплатны школьные принадлежности, учебники, школьное питание.

Шведская система образования использует принцип мультикультурности, что предполагает наличие и ряда специальных школ и учебных программ. Среди них саамские школы, а также программы для детей с интеллектуальной недостаточностью, физическими изъянами и недостатками. Детей воспитывают в традициях толерантности и культурного многообразия. В самых разных формах воспитывается самостоятельность и независимость маленьких детей в принятии любых решений. С детства дети, к примеру, учатся обращаться с деньгами. Важным моментом является и половое воспитание детей в различных формах. Дети получают доступную их пониманию, но правдивую информацию.

СТЕПАНОВ Валерий Владимирович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ КАК ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Институт этнологии и антропологии РАН в сотрудничестве с научной общественной организацией Сеть этнологического мониторинга и раннего преду-

преждения конфликтов ЕАВАРН начал планомерное изучение проблем этнокультурного образования. В постсоветские десятилетия этнокультурное образование приобрело в России размах, имеет не только образовательные, но и социальные и политические следствия. Свою «независимость» в сфере образования российские регионы начинают терять только теперь. Упразднение национально-регионального компонента в школьном образовании уже породило значительное напряжение. Особое беспокойство проявилось в республиках Российской Федерации, в которых находится наибольшее количество школ с нерусским языком обучения.

Как и процесс децентрализации, нынешнее стремление построить «единое образовательное пространство» зачастую понимается федеральными и региональными менеджерами как борьба за «свою» форму бюрократической иерархии, борьба законов и даже борьба идеологий. Сами образовательные учреждения оказались в сложной ситуации «двойных» (федеральных и региональных) обязательств, двойной подчиненности и вместе с тем перед необходимостью действовать самостоятельно.

Хотя федеральный закон упразднил только понятие «национально-региональный компонент образования», а не сами школьные предметы, учителя практически всех обследованных регионов справедливо опасаются, что чиновники воспримут нововведение как запрет преподавания. Ситуация усугубляется тем, что ширится недовольство родителей школьников, которые считают, что их дети должны изучать родные языки в рамках государственных программ, а не в платных кружках. Дебаты, как правило, переходят в плоскость взаимных претензий и «темы национальных отношений». Как следствие, социальная ориентация российских школ может быть названа неудовлетворительной и чревата общественными конфликтами.

ФИЛИППОВ Василий Рудольфович
Институт Африки РАН, г. Москва

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МЕГАПОЛИСЕ

Концепция «этнокультурного образования» стала едва ли не главным элементом «национальной политики» московских властей на рубеже веков. Эта политика была реализацией в управленческой практике скверно понятой доктрины мультикультурализма.

Мэрия оказалась неспособной выработать эффективные административные решения, адекватные принципиально новой ситуации (культурной, миграционной, криминальной, демографической и пр.), ошибочно трактуемой в терминах «этничности». Чиновники, призванные «оптимизировать этноконтактную ситуацию» в мегаполисе, имплицитно руководствовались теми эссенциалистскими представлениями о «нациях» и «национальностях», которые сформировались у них в молодости на семинарах по истории КПСС и воспроизводили идеологемы «сталинской теории нации».

В соответствии с этим население Москвы вообразилось как совокупность «национальностей», а город интерпретировался как «самый многонациональный». Вместо того чтобы формировать у москвичей единую национальную (российскую) и региональную (московскую) идентичность, городские власти добросовестно культивировали «этнокультурное многообразие».

Создание школ с «этнокультурным компонентом образования» стало апофеозом этих порочных управленческих практик. Фактически такие школы послужили инструментом сегрегации детей по мифологизированному «этническому» признаку. Обучение в таких школах формировало у детей этноцентристскую картину мира и соответствующее понимание себя в этом мире. Локализация представителей различных культурно-отличительных групп создавала острые конфликтные ситуации среди подростков. Вместо того чтобы облегчить детям мигрантов адаптацию к условиям столичного мегаполиса, способствовать преодолению культурного шока, такие школы стали заповедниками «этничности», лишая детей шанса на успешную социальную динамику.

ХАРУНОВ Рамиль Шатмуратович

Тывинский государственный университет, г. Кызыл

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РСФСР (1919–1939 гг.)

Руководство РСФСР прекрасно понимало важность борьбы за умы. Помимо военной подготовки к «мировой революции», первостепенное значение придавалось формированию национальной интеллигенции для иностранных государств в учебных заведениях Советской России.

Обучение иностранных студентов являлось составной частью геополитической и экономической стратегии, но в первую очередь решалась политическая задача – подготовка настоящих революционеров, вооруженных теорией ленинизма и способных выполнить очередные задачи освободительного движения колоний и зависимых стран не за страх, а за совесть. Подготовленная элита, придя к руководству, должна была привязать политическую и экономическую системы своих стран к политике Советского государства.

Особую роль в деле подготовки национальных государственных кадров сыграл Коммунистический университет трудящихся Востока, организованный в 1921 г. по постановлению ВЦИК при Народном комиссариате по делам национальностей. Цель КУТВа заключалась в подготовке политической элиты для стран зарубежной Азии. Суть создания подобного университета недвусмысленно указана в самом названии: распространение идей коммунизма на Восток. Первое социалистическое государство шло к «грядущей мировой революции» и втягивало в орбиту своей внешней политики близлежащие страны.

ЧАГИН Георгий Николаевич*Пермский государственный университет, г. Пермь***ЭТНОЛОГИЯ В ПЕРМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Как наука и учебная дисциплина этнология развивается в университете с середины 1970-х гг. Учебный курс состоит из теории этноса, методики полевой работы, этнографического обзора народов мира. Лекционные и практические занятия дополняются подготовкой курсовых и дипломных работ. В летнее время проводится этнологическая практика.

В 1975 г. организована Камская этнографическая экспедиция. Полевые сезоны посвящаются изучению традиционной культуры народов Урала, а в последние годы направлением исследования избраны современные этнокультурные процессы. В состав отрядов экспедиции входят не только этнографы, но и фольклористы, искусствоведы, художники, фотографы. Экспедиции собрали воедино материалы по этнокультурной истории, культуре, быту и самосознанию русских, коми-пермяков, коми-язьвинцев, марийцев, удмуртов. В музеи Пермского края передано на хранение почти 3,5 тыс. экспонатов, фотографий и рисунков.

Научные изыскания отразились в 85 публикациях, в том числе 17 монографиях, альбомах и учебных пособиях. Впервые издан историко-этнографический комплекс, состоящий из учебного пособия и историко-этнографического атласа «Народы и культуры Урала XIX–XX вв.». Теоретические и практические разработки о народах Урала используются в деятельности национально-культурных центров, которые восстанавливают духовные ценности народов.

Под воздействием этнографов в первой половине 1990-х гг. началось возрождение коми-язьвинского народа. Судьбой коми-язьвинцев удалось заинтересовать местные органы власти и управления, сообщество финно-угорских народов. При поддержке администрации губернатора Пермского края созданы условия для изучения родного языка, истории, фольклора.

ЯВНОВА Лариса Александровна*Алтайская государственная академия образования
им. В. М. Шукшина, г. Бийск***РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ**

В докладе предлагается вниманию опыт реализации этнокультурного подхода на примере проектной деятельности общественных организаций, преподавателей вуза и студентов. Бийским педагогическим государственным университетом им. В. М. Шукшина и алтайской региональной общественной организацией «Объединение кумандинцев Алтая» (руководитель В. М. Кастаракова) с 2007 г. реализуется комплексный проект «Возрождение и развитие кумандинской культуры в Алтайском крае». Он ориентирован на обобщение и анализ социокультурных этнических традиций, самобытной этнической культуры кумандинцев и выявление условий ее сохранения и разви-

тия в условиях русской доминирующей культуры в Алтайском крае.

Выстраивание отношений взаимодействия, сотрудничества с представителями этнических меньшинств, как показывает практика нашей работы, способствует взаимообогащению и эффективному решению задач этнокультурного образования. Оно рассматривается в единстве двух аспектов: как результат национального воспитания и как итог специально организованной этнопсихологической и этнопедагогической подготовки. Создана программа формирования основ национальной культуры «Я – кумандинец», включающая четыре блока: особенности национального костюма, национальная культура кумандинской семьи, родной край, история кумандинского народа. В работе над программой приняли участие студенты, которые проводили этнокультурные исследования по сбору материала для работы с детьми разных возрастов.

ЯКУБОВСКАЯ Ирина Владиславовна*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, г. Новгород***НАЧАЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА РОССИИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ
И ИНОКУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ**

В пореформенной России необходимость как можно быстрее – эффективно и с реальным результатом – преодолеть экономическую отсталость страны, а также и впервые появившаяся возможность публичного обсуждения наиболее значимых вопросов общественной жизни обострили интерес к западным вариантам социально-политической и экономической трансформации традиционного общества, в том числе и к вопросам развития начального образования. Внимание российской педагогической общественности привлекала прусская (позднее – германская) система образования. Изучался и учитывался также английский опыт: использование различных педагогических систем, государственное участие и роль частной инициативы.

В сложившейся ситуации, при ограниченности реальных финансовых возможностей земства и государства, использовался опыт раннего этапа школьного дела в Англии, где с конца XVIII в., в условиях массовой неграмотности, получили развитие различные формы первоначального народного обучения. В России как в национальном, так и в региональном масштабе развитие системы взаимного обучения и «подвижных школ» не только представляло собой инокультурное заимствование, основанное на опыте ланкастерской системы обучения, но и соответствовало существовавшей в России традиции обучения первоначальной грамотности частными лицами.

Пример Новгородской губернии в последней трети XIX в. позволяет проследить трансляцию, трансформацию и использование в России инокультурного, прежде всего английского, опыта.

Симпозиум 2

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ И ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТЫ

Секция 1. ИННОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Руководители: к.и.н. Листова Татьяна Александровна (Москва);
к.и.н. Крюкова Светлана Станиславовна (Москва)

БУГАНОВ Александр Викторович
Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ – ОСНОВА САМОСОЗНАНИЯ РУССКИХ И РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Память об общности исторического прошлого, гордость за героические и культурные свершения, за великие имена россиян – существенный консолидирующий фактор в самоидентификации русских. Трудно переоценить роль исторической памяти, особенно в ее позитивной части, в сохранении отечественной культурной традиции.

В течение многих столетий определяющей чертой русского самосознания было теснейшее взаимодействие различных его составляющих – религиозного, этнического, государственного и социального, синонимичных понятиям *русский, православный, российский*. Устойчивость этих компонентов в значительной мере определила своеобразие русских как народа.

Не менее значима роль исторической памяти в формировании сегодняшних жизненных стратегий и ментальных установок. Обращение к традиционным формам самосознания, апробированным в ходе этнической истории русского народа и отложившимся в его культурном арсенале, позволит выявить существенный ресурс дальнейшего развития русских. Представляется целесообразным актуализировать воззрения в сфере семейно-личной нравственности, прочно стоявшей на православной основе; представления о религиозно-нравственных основаниях труда, об отношении к богатству; отношение к защите Родины и представления о воинском долге; соответствующие оценки событий, фактов, героев отечественной истории и современности и др.

ВЛАСОВА Ирина Владимировна
Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

СТАНОВЛЕНИЕ И СУДЬБЫ РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Этническая история русских обусловила формирование народа и становление его культуры. Постоянно действующими факторами в этих процессах были миграции и взаимодействие с разными народами, наложившие отпечаток и на этнические процессы, и

на этнокультурное развитие. Консолидация народа, адаптация к разнообразному природному и людскому окружению способствовали не только распространению общерусской культуры на огромных пространствах, но и выработке региональных и локальных этнокультурных черт. Общее, региональное, локальное, их разное соотношение, возникшее исторически, прослеживается и в культурном наследии, и в современном культурном облике русских вплоть до настоящего времени.

Русская культура вобрала в себя опыт межкультурных связей. Она возникла как культура земледельческого народа. Крестьянское сословие сберегло ее черты до кардинальных изменений жизни в XX в. В течение многовековой истории культура народа как живой организм претерпела новации, трансформации, нивелирование, иногда отмирание или возникновение вновь. Судьбы форм народной культуры были не одинаковые: их в разной степени коснулись сохранность или утрата.

Общая направленность изучения русской культуры – историческая этнография на всем протяжении развития народа. Не утрачена актуальность и значимость подобных исследований в поисках исторических, политических, культурных ориентиров для дальнейшего развития России.

ДЕНИСОВА Ирина Михайловна
Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ЯЙЦО-КАМЕНЬ-МЕЛЬНИЦА: ПОИСК ОСНОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ (К ВОПРОСУ О ПРЕВРАЩЕНИИ ИННОВАЦИЙ В ТРАДИЦИИ В ДРЕВНОСТИ)

Образ яйца широко известен и в фольклоре, и в обрядах как символ плодородия, жизни, возрождения. В русских сказках наиболее распространенный мотив с этим образом – добывание героем яйца с жизнью-смертью Кошечки (Змея). Извлеченное из некоего вместилища, чаще всего связанного с деревом, оно приобщается к трем сферам мироздания (земля, небо, вода) через образы сменяющих друг друга животных. Имея в виду, что в основе сказок этого типа лежит идея путешествия души по «иному миру» (В. Я. Пропп), в этой цепи образов несомненно угадывается реинкарнационный ряд.

Но известны сказочные мотивы, где сходный путь проделывает не яйцо, а мельница (жернов, «жерновцы»), встречающие близкую параллель в шумерской мифологии, благодаря чему эти образы можно интерпретировать как сакральный источник жизненной силы. И мельница, и яйцо выступают в наших сказках в качестве предметов, дающих изобилие (молоко, скот и пр.), а также обладают космологическими параметрами. Связующее звено между ними просматривается в образе камня-острова (тем более, что каменные зернотерки в форме яйца известны с неолита), обладающего богатейшей мифо-космологической семантикой (И. М. Денисова, 2009). Наложившись на более древние образы как инновационный для своего времени, образ мельницы создал свой особый фольклорно-мифологический пласт в народной традиции.

ЖЕЛТОВ Андрей Александрович

*Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
г. Вологда*

КУЛЬТУРНАЯ И ПРИРОДНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ЗЕМЛИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ*

Формирование особенностей традиционной кухни происходит под влиянием множества факторов, сложно подразделяемых на значимые и второстепенные. Среди них можно назвать: наследование (сохранение, воспроизводство) культурных традиций; заимствование рецептов и особенностей приготовления, хранения, консервирования пищи; воззрения, обусловленные суевериями, мифами и религией. Эти «культурные» факторы отличает определенная субъективность – зависимость от наличия идей (знаний, навыков, технологий) и предрасположенность следовать привычным схемам. Вторая группа факторов связана с особенностями природной среды и физиологическими потребностями организмов людей. Природно-климатические условия влияют на хозяйственные занятия населения, вынуждая иногда отказаться от привычных видов деятельности или внести коррективы. Так, славяне, придя на Русский Север в период колонизации, были вынуждены откорректировать свои хозяйственные занятия и отчасти заимствовали опыт автохтонов. В результате появилась смешанная модель хозяйствования. С включением новых разработок и адаптацией старых приемов к новым условиям. В начале XX в. сохранялись и локальные различия в структуре хозяйственных занятий в зависимости от того, какие группы населения в период колонизации здесь преобладали. К XIX в., когда население численно значительно увеличилось, возник дефицит земельных угодий, система хозяйствования претерпела значительные трансформации.

* Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ (№ 08-01-00371 а).

ЗАСЕДАТЕЛЕВА Лидия Борисовна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ У ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XVI–XX вв.)

Восточнославянское население Северного Кавказа сложилось в ходе длительного переселения с XVI в., оседания и смешения различных категорий беглых крестьян из южных и центральных областей России, вольных казачьих групп, выходцев с Дона, бунтарей, недовольных существующими порядками и др. Переселенцы в целом успешно адаптировались к местным природно-географическим условиям. Славяне сблизилась в хозяйственно-этнологическом и культурно-бытовом отношении с коренным населением края, что сказалось на всём укладе их жизни.

На развитие этнокультурных процессов в крае влияли демографические показатели: пёстрый этнический и социальный состав переселенцев, динамика соотношений половозрастных групп, их конфессиональная принадлежность. Важное значение имела специфика патриархально-бытового уклада казаков, их военизированный быт и сословная замкнутость.

На территории проживания славянских переселенцев прослежены следующие типы этнических процессов: частичная ассимиляция в иноэтничной среде с некоторой тенденцией разрушения традиционного культурно-бытового уклада населения, внутриэтническая консолидация, направленная на ликвидацию различий в рамках традиционной культуры и языка, а также межэтническая интеграция славян. Материалы XX в. свидетельствуют об интенсификации интегрированных черт материальной культуры.

Сохранению славянской культуры на Северном Кавказе способствует деятельность русских и украинских историко-культурных центров, школ, библиотек, музеев, театров, фольклорных коллективов, основанное на лучших традициях и обычаях.

КАСПЕРОВИЧ Галина Ивановна

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск (Беларусь)*

ИЗМЕНЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XX–XXI в.

В 2009 г. в Республике Беларусь проживали 785 тысяч русских. С 1999 по 2009 гг. их численность сократилась на 357 тысяч человек, что связано с негативными тенденциями в естественном движении населения, главным образом с интенсивным развитием этнотрансформационных процессов, затронувших многообразные сферы культуры русских, в том числе этническую самоидентификацию.

Полевые, архивные, статистические материалы в историко-сравнительном плане показали эволюцию традиций народной культуры русских, высокую сте-

пень их аккультурации и интеграции в современную культуру Беларуси. Активной интеграции русских способствовали мощный инновационный потенциал русской культуры, высокий образовательный и социальный статус ее носителей, что обусловило их значительный вклад в развитие культуры Беларуси, а также историческая близость русских и белорусов, добрососедские отношения, рост межнациональных браков. Этнокультурные традиции русских и белорусов постоянно находятся в тесном взаимодействии, подвергаются взаимному влиянию, особенно на этноконтактных территориях в сходных природно-климатических, экологических, социально-экономических условиях.

В развитии языковых процессов у русских прослеживаются многоплановые тенденции. С одной стороны, русские приобщаются к белорусскому языку, с другой стороны, выявляется приоритетная роль использования русского языка в самых различных сферах общения. Русский и белорусский языки, имеют статус государственного в Республике Беларусь. В условиях массового белорусско-русского двуязычия русский язык испытывает влияние белорусского языка, преимущественно в сфере фонетики, лексики, акцентуации и интонации.

Русские в Беларуси продолжают сохранять свои этнические особенности в наиболее устойчивых компонентах культуры (в системе питания, украшениях жилища, в религиозных воззрениях), языке.

КИРИЧЕНКО Олег Викторович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

РОДИНА-МАТЬ В ЖИЗНИ РУССКИХ XIX–XX вв. ИСТОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ

Доклад посвящен истории возникновения и особенностям функционирования одного из ярчайших символов эпохи Великой Отечественной войны 1941–1945 г. Корни символа уходят в XIX в., в литературно-художественную среду русских писателей. Образ «Родины-Матери», как противовес официальному понятию «Отечество», стал формироваться в период после Отечественной войны 1812 г. и был связан с обращением русской литературной интеллигенции к народному пониманию Родины (земля, как святыня, оком, мир, природа). Наиболее концептуально эту тему разрабатывал в своих стихах Н. А. Некрасов. В то же время в государстве и обществе существовал традиционный образ России, как родной страны, именуемый словом Отечество. Защитницей Отечества признавалась Богородица. Таким образом, в дореволюционный период сложилось два понимания Родины. В советское время широкое обращение к образу Родины произошло в период ВОВ. При этом заметно, что и литературное понимание (т. н. упрощенно народный взгляд на Родину), и традиционный государственно-общественный взгляд были соединены в один единый образ Родины-Матери. В послевоенный период, когда из образа понадобилось убрать религиозную составляющую, плакатные изображения Ро-

дины-Матери стали заменять памятниками. Так победил литературный образ Родины.

КРЮКОВА Светлана Станиславовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА И КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВОСУДИЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАТИВНОСТИ И ТРАДИЦИОННОСТИ НЕКОТОРЫХ МЕТОДОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Любая реформа общественного устройства в идеале несет с собой инновационные элементы. В российской истории XIX в. определяющим вектором развития стала эпоха Великих реформ, начало которой положила отмена крепостного права. Эстафета была подхвачена коренным преобразованием судебной системы, нацеленным на создание принципиально нового для России правосудия, построенного во многом на заимствовании основ судебных институтов европейских держав. Крестьянство, составлявшее в период законодательных экспериментов подавляющее большинство населения, стало главным объектом нарождавшихся перемен.

Со второй половины XIX в. крестьянский правовой быт характеризовался как совокупность неписаных, но действующих и действенных норм поведения, вырабатываемых крестьянским социумом в соответствии с запросами времени. Очевидность определенных устоев в регулировании различных коллизий способствовала легализации обычного права в законодательстве, признавшего его силу в решении ряда имущественных дел. Однако крестьянский правопорядок охватывал значительно более широкий круг отношений, чем это было предусмотрено законом, при этом методы крестьянского правдоискательства далеко не всегда подпадали под категорию права с точки зрения государства. В многочисленных столкновениях интересов крестьян позитивно окрашенное «самоуправление» трансформировалось в официальной трактовке права в «самоуправство» с явно негативным оттенком. В ходе противоречивого взаимодействия официально-законодательства и практики крестьянского судопроизводства одни инновационные инициативы, осуществленные властью, прививались с трудом, другие же, напротив, оказались весьма успешно адаптированы сельским обществом.

ЛИСТОВА Татьяна Александровна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ОБРЯДОВ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

В традиционной культуре обряды сопровождали всю жизнь человека, фиксируя каждый значимый этап его бытия. Обряд сакрализировал происходящее событие, придавая ему особую значимость, вводил

объект обрядовых действий в пространство сакральной защищенности, переводил человека из одного состояния (возрастного или качественного) в новое, придавая характер необратимости совершившемуся переходу. Совершение обряда имело и социальную функцию, придавая событию характер законности в глазах окружающего мира. Именно эти аспекты обрядовых актов составляют предмет нашего исследования: многообразие ситуаций, требующих обрядового сопровождения, обрядовое сопровождение акта усыновления др. Эти обрядовые действия нельзя назвать общепринятыми в русской религиозной и народной юридической практике. Однако их варианты, известные по описаниям XIX в., позволяют говорить о необходимости дать религиозно-обрядовое оформление совершающемуся переходу.

Поскольку вся культура русских базировалась на православии, в докладе анализируются значимые христианские составляющие в каждом отдельном случае с точки зрения их семантики и функциональной нагрузки. Задача автора – показать роль обрядового сопровождения в возвышении сакрально-правового статуса реальных событий, в укреплении новых взаимосвязей действующих лиц с экскурсом в современность и с описанием некоторых обрядов с интерпретацией их цели и значения для современного человека. В качестве предварительного итога можно сказать, что традиционная обрядовая культура органично сочетала сакральное и игровое начала. Почти полное доминирование последнего в современной культуре лишает обряд ряда его основных функций.

МАКАШИНА Татьяна Сергеевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

«НОВЫЕ» ПЕСНИ ИЗ СОБРАНИЯ ПЕРЕСЛАВСКОГО КРАЕВЕДА С. Е. ЕЛХОВСКОГО (К ИЗУЧЕНИЮ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РОССИИ НАЧАЛА XX в.)

Заметную часть песенного репертуара крестьян и многих, особенно провинциальных, горожан в первую четверть XX в. составляли (в отличие от классического крестьянского фольклора) так называемые «новые» песни. Это песни литературного происхождения, городские песни разных социальных слоев и разнообразные романсы. Специалистами они изучались сравнительно мало. Собиратели фольклора долгое время записывали их неохотно, считая их «ненастоящим» фольклором, как правило, невысокого поэтического достоинства. Однако, присутствие в репертуаре разных социальных слоев в конце XIX – начале XX в. большого числа таких песен красноречиво свидетельствует об их популярности и широком распространении по территории России, т. е. о новом этапе развития песенного жанра.

Обширное собрание переславского краеведа С. Е. Елховского, состоящее из записей фольклора в

20-е годы XX в., представляет уникальную возможность ознакомиться с богатым песенным репертуаром жителей г. Переславля и его уезда. Собранный материал беспристрастно зафиксировал реальную картину бытования песенного жанра этого времени. Эти годы XX в. представляют специфический период ломки старого бытового уклада, являющегося естественной почвой для классического крестьянского фольклора, становление нового строя, новой идеологии с новыми эстетическими и культурными нормами. Старый классический деревенский (крестьянский) фольклор еще бытовал в достаточно яркой и жизнеспособной форме, но это были последние годы его органического существования. Нарождались и активно входили в жизнь новые жанры: частушки, городские песни, романсы и т. д.

МЕЛЕХОВА Галина Николаевна

*Московский государственный институт радиотехники,
электроники и автоматики, г. Москва*

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Православный северорусский приход – структура глубоко традиционная. Но в современной жизни в его деятельности возникают задачи, решение которых происходит не только в традиционном русле, но и включает разные новшества.

Начиная с 1990-х годов, православный приход развивается «вширь» и «вглубь»: сегодня приходские общины зарегистрированы почти в каждом крупном кусте деревень, но структура приходов, как правило, повторяет дореволюционную. Приходская топография (храмы, часовни, монументальные кресты, приходские центры и воскресные школы, священнические дома, чтимые иконы, близлежащие монастыри) тоже ориентируется на традицию: храмы и часовни восстанавливаются на исконных, освященных ранее местах. Но и изменения значительны: нередко приходы возникают на новых местах, а внутриприходская структура имеет существенные ресурсы экстенсивного развития.

Особенностью процесса восстановления приходской топографии на Русском Севере является участие уроженцев северных деревень, ныне живущих в крупных городах, а также иногородних, для которых край стал духовной родиной. В то же время существует проблема вхождения в местную жизнь храма, поставленного и обустроенного приезжими.

Наглядной чертой современных северных приходов, во многом определяющей их облик, является острая нехватка священников, хотя на приходы благословляются и иеромонахи. Интенсивная деятельность северорусских священников, вынужденных охватывать территорию до сотни километров и окормлять по 5–8 приходов, предъявляет повышенные требования ко всем участникам приходской жизни. Крайне актуальна задача становления общин как единомышленников и духовного родства, как

братств и сестричеств, укрепления внутри- и меж-приходских связей.

НЕКРАСОВА Мария Александровна

Российская академия художеств, г. Москва

ИННОВАЦИИ В ПОНЯТИИ «НАРОДНОГО ИСКУССТВА» КАК ФЕНОМЕНА ДУХОВНОГО

1. Формирование парадигмы в системе понятий «народное искусство».
2. Народное искусство – фундаментальная часть культуры, независимая от времени и общественных формаций. Религиозное эко-этническое сознание как определяющее начало.
3. Целостность – принцип творчества и развития: единство эстетического и нравственного, традиционного и современного.
4. Культура преемственности – школа традиции.
5. Актуальность народного искусства в современной культуре и образовании как интегрального начала. Родовая художественная специфика творчества.
6. Роль народного искусства в формировании диалога культур.

НИКИТИНА Галина Александровна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ПЕСНЯ В ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА

В составе русского народа, составляющего 82% населения Российской Федерации, выделяются и более или менее самоидентифицируются различные этнокультурные сообщества, специфика которых определена исторически. Например, признаки особых культурно-исторических общностей до сих пор сохраняет население территорий бывших казачьих войск.

История терского казачества, как и всего казачества в целом, сложна и неоднозначна. Из всего спектра направлений, в русле которых могло бы развиваться исследование, в данном докладе дается характеристика песенной традиции как музыкально-этнографического целого. Это связано с решением проблем специфики терской исполнительской традиции, уникальной своей синтетической природой формирования, а также определением места песенного фольклора терского казачества в системе диалектов русской песни. Изучаемая в рамках различных (исторических, этнологических, филологических, музыкально-ведческих) исследований, терская народная музыкальная традиция еще не обрела своих отчетливых позиций в рамках южнорусского народно-песенного стиля, к которому относится, например, народная музыкальная традиция донских казаков.

На материалах музыкально-этнографической экспедиции кафедры этнологии Исторического факультета МГУ 2009 г. будут рассмотрены различные вопросы, связанные с историей, этнографией, культурой региона, вопросы взаимовлияния и взаимопроникновения различных песенных культур русского и других народов, проживающих на данной территории, а

также возможности использования особенностей местной песенной традиции в современном народно-песенном исполнительстве.

РЕТЕЮМ Алексей Юрьевич

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

КУЛЬТУРА РУССКОЙ АРТЕЛИ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС

Новейший исторический опыт, результаты специальных исследований и данные отечественной статистики свидетельствуют о том, что решающую роль в обновлении нашего общества должны играть не технические, а социальные инновации. Это хорошо видно на примере малого предпринимательства, развитие которого на протяжении последних 20 лет крайне осложняется многочисленными ошибками в подготовке кадров, установлении производственных отношений и управлении ими. Решение проблемы, как представляется, зависит от того, в какой мере будут использованы почти забытые многовековые традиции артельной организации труда в России.

Успехи отечественной экономики в дореволюционной России во многом были связаны с работой артелей в самых разных отраслях промышленности – от росписи лаковых миниатюр до изготовления оружия. Артель, в отличие от предприятий с использованием наемного труда, обеспечивала оптимальные условия для обучения и воспитания учеников, их дальнейшего профессионального роста и превращения в мастеров. Внутренний психологический климат артели способствовал справедливому распределению доходов и служил препятствием социальному расслоению.

Для восстановления культуры артели, доказавшей свою высокую эффективность, было бы целесообразно на начальном этапе издать серию специальных пособий и ввести соответствующие курсы в нескольких средних и высших учебных заведениях.

СЛЕПЦОВА Ирина Семеновна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АДАПТАЦИЯ ГОРОДСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В СОВРЕМЕННОСТИ

Социокультурные трансформации последних десятилетий оказывают значительное влияние на все сферы духовной жизни общества, в том числе и на обрядность. В настоящее время в российском обществе и культуре происходит переосмысление и переоценка института брака и семьи, интенсивно формируются новые символы и ритуалы, в том числе связанные с празднованием такого важного события в личной жизни, как свадьба.

Доклад написан на основе полевых материалов, собранных в г. Нерехта Костромской обл. в 1996 г. и в 2009 г. Сопоставление этих двух периодов позволяет проследить тенденции адаптации свадебного обряда в небольшом городе. Современная свадьба во

многим сохраняет традиционную структуру (предсвадебный, свадебный и послесвадебный этапы), а также семантику основных моментов обряда при определенной вариативности конкретных его воплощений в зависимости от социальной и культурной среды. Существенно изменилось содержание этапов свадебного обряда: произошла редукция предсвадебного и послесвадебного этапов, многие элементы собственно свадьбы получили игровое переосмысление. Ведущую роль в современной свадьбе стал играть «тамада», на которого перешли функции организатора и руководителя всего свадебного застолья. Получило широкое распространение проведение свадьбы по специально разработанному или готовому сценарию, которые предлагаются специальными фирмами. Это обстоятельство приводит к некоторой унификации обряда, что можно расценивать как сложение локальной городской традиции. Таким образом, современный городской свадебный обряд в переосмысленном и трансформированном виде содержит традиционные формы, что демонстрирует адаптивную пластичность традиции.

СНЕЖКОВА Ирина Анатольевна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЯРМАРКИ РОССИИ И УКРАИНЫ*

В последнее время проведение православных ярмарок получило широкое распространение в России, в Украине, Белоруссии, Сербии, Греции и др. православных странах. На территории России православные ярмарки организуются во всех регионах страны.

Цель исследования заключалась в изучении особого религиозно-окрашенного пространства, являющегося продолжением социальной деятельности церкви в миру. На православных ярмарках происходит встреча посетителей, имеющих отношение к церкви или далеких от ее жизни с духовенством, с православными святынями, жизнью монастырей и приходов. В настоящее время периодичность проведения православных ярмарок в Москве и Киеве – каждые две недели. Продолжительность прохождения каждой ярмарки – неделя. Организаторами ярмарки могут быть несколько человек, понимающие специфику ярмарочного дела. Организаторы должны соблюдать правила проведения именно православных ярмарок, которые отличаются невысокой арендой, соответствующим ассортиментом товаров.

Основное место прохождения православных ярмарок в Москве – Всероссийский выставочный центр ВВЦ (в прошлом ВДНХ), павильоны 69 и 70. В Киеве – территория Киево-Печерской Лавры. Как правило, ярмарки приурочены к годовому праздничному православному циклу: «Рождественский дар»; «Великий пост»; «Пасхальный подарок». В зависимости

от содержания текущего религиозного праздника диктуется внутреннее наполнение ярмарки товарами потребления и концертными мероприятиями. В двенадцатые праздники проводятся праздничные программы. Ассортимент товаров скромный. В дни постов набор предлагаемых продуктов исключительно постный, праздничные программы уступают место духовным песнопениям.

СОКОЛОВА Анна Дмитриевна,

ЮДКИНА Анна Борисовна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНЫХ ЗНАКАХ НА МЕСТАХ АВТОМОБИЛЬНЫХ АВАРИЙ

Изменения в общественной жизни и культуре повлекли за собой ряд коренных трансформаций в духовной культуре русских. Часть практик и традиций модифицировалась или прекратила свое существование, однако появились некоторые новые. Одним из примеров явления, появившегося и получившего широкое распространение в последние десятилетия, является практика установки памятных знаков на местах автомобильных катастроф.

В ходе полевых исследований во Владимирской (Меленковский, Селивановский и Судогодский районы) и Тульской (Белевский, Веневский, Дубинский, Кимовский и Новомосковский районы) областях в июле, сентябре и ноябре 2010 года авторами был собран обширный материал, позволяющий выявить следующую типологию памятных знаков на местах аварий: искусственные венки; надгробия в виде плиты (гранитной, металлической); надгробия в виде креста (деревянный, кованый, каменный); своеобразные мемориальные комплексы (неординарные памятники, ограда, скамейки, мощное пространство вокруг памятника).

Описанию и анализу практик, связанных с местами автомобильных катастроф, а также рассмотрению вопроса о том, насколько подобные практики являются религиозными, и будет посвящен данный доклад.

ТУЛЬЦЕВА Людмила Александровна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

РЕГИОНООБЪЕДИНЯЮЩИЕ/ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ САКРАЛЬНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В СВЕТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН И ИННОВАЦИОННЫХ ПЕРСПЕКТИВ

Речь идет о долговременном функционировании этнически специфических сущностно-ритуальных типов духовной культуры в конкретном регионе со своими условно очерченными географическими границами, с более или менее компактным или же вполне компактным этническим расселением. Целостность этнически специфических форм духовной культуры, типически характеризующих географические этно-

* Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ (№09-01-00571a/U).

пространство, определяется узловыми для данной территории духовно значимыми универсальными артефактами, в нашем случае в сфере календарно-праздничной культуры. Сакральный тезаурус народной культуры расцвечивает пространство этнической географии, помогает в составлении карт этнических миграций и этнокультурных контактов, в итоге – объединяет то или иное географическое пространство по фактору бытования определенного ресурса этнически маркированных ритуальных артефактов. Изложенные положения автор рассматривает в границах от Верхней Волги (ярославско-костромское пограничье) до Нижегородского Поветлужья. Этническим «определителем» данного этнокультурного ареала стал устойчивый тип календарной обрядности с развитой структурой календарных обходов деревень, пастбищ и полей, с исполнением самобытных сакральных текстов.

Несмотря на цивилизационные перемены, наблюдаемые в этнических культурах, в том числе и в наиболее размытой русской этнокультуре, традиционные сущностно-ритуальные типы культуры в виде отдельных артефактов или трансформированного тезауруса по-прежнему интегрированы в современную систему ценностей. Они сохраняются и в проектируемой инновационной перспективе. Свидетельство тому – неиссякаемый и всё возрастающий интерес к сакральным космологическим тайнам, этническим праздникам, костюмам, пище, боевым искусствам, этнофильмам, этномузеям, в целом к этническим социально-гуманитарным программам.

ТУТОРСКИЙ Андрей Владимирович

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ОБЩИННЫЕ ТРАДИЦИИ В БЫТУ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ РУССКОГО СЕВЕРА

Общинные традиции (коллективная взаимопомощь, коллективные работы, организация артелей для ловли рыбы или лова зверя) традиционно были широко распространены на Русском Севере. Многие неспециалисты в области этнографии Русского Севера считают, что с приходом Советской власти в 1917 г. община прекратила свое существование как юридический институт и соответственно постепенно угасли и связанные с ним традиции.

Полевые материалы автора и архивные данные показывают, что многочисленные обычаи коллективного ведения хозяйства существовали на Русском Севере в 1930–1960-е годы, а некоторые продолжают существовать и в настоящее время. В 1930-е годы председатель колхоза нес ответственность за свою деревню и скрывал работников, которых необходимо было посылать на работу в лесопункты. В 1950-е годы широко бытовали практики колхозного строительства дорог, уборки кладбищ, постройки школ и т. д. Все названные работы строго юридически не входили в сферу компетенции колхозов.

В 1960–1970-е годы колхозы укрупняются и трансформируются в совхозы. Работы, которые традиционно

выполняются всей деревней, короткое время юридически не существуют. В середине 1960-х годов, в связи с соответствующим постановлением ВС РСФСР, во многих деревнях Русского Севера образуются селькомы, которые выполняют функции дореволюционных общин. В тех деревнях, где селькомы не образуются, работы выполняются самими жителями без официальных постановлений и документов.

В 2000-е годы на местах разрушенных колхозов и совхозов создаются ТОСы. ТОСы активнее работают в более отдаленных от центров деревнях, в которых сильны общинные традиции. В ряде деревень постройка мостов, содержание магазинов целиком поддерживается коллективом жителей деревни, причем ТОС там не организовывается.

ФРОЛОВА Александра Викторовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

НОВАЦИИ В ГОРОДСКИХ ПРАЗДНИКАХ В НАЧАЛЕ XXI в. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Судьба праздников в городе и сельской местности складывается по-разному. В городской среде всегда преобладала ориентация на новации. В современных условиях процессы развития и видоизменения праздничной культуры приняли свои интересные формы.

На протяжении XX столетия в праздниках Архангельского Севера происходило смешение трех пластов (языческого, православного и советского), что привело к возникновению своеобразной культурной среды, отражающей пестроту, многообразие и сложность современной праздничной жизни Архангельского края. Формирование новых праздников и памятных дат продолжается и в XXI в., причем, в последние годы происходит соединение новых дат с церковным календарем, что говорит о продуманности и историческом анализе при выборе нового торжества. День народного единства, отмечаемый 4 ноября, и Праздник семьи, любви и верности (8 июля) – яркая иллюстрация этого.

В современных городских праздниках Архангельского Севера очень сильны процессы этнокультурной консолидации, которые способствуют формированию общерусских праздничных символов. «Старый» праздник переосмысливается и насыщается новой обрядностью, которая черпает вдохновение в народном творчестве, местном фольклоре и более древних истоках.

ЦЕХАНСКАЯ Кира Владимировна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ДУХОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В ЭТНОРЕЛИГИОЗНОМ САМОСОЗНАНИИ РУССКИХ

Духовные категории православия мыслятся как основополагающие, неизменные понятия ортодоксального вероучения. Важнейшая из них – всеобъемлющая категория истинности и спасительности веры,

которая в этническом менталитете русских всегда занимала приоритетное духовно-смысловое положение. Именно сквозь призму спасительной истинности православия русский народ осуществил свою историческую судьбу, создал самобытное этнокультурное «лицо». Уверенность в идеалах веры давала русским возможность синтезировать все проявления своей духовной и материальной деятельности в качестве цели, выходящей за пределы земного попечения. Этот метафизический порыв за грань временного бытия, сформировавший историческое и религиозно-нравственное самосознание этноса, воплотился в таких качествах русского характера, как любовь к правде, жертвенность, патриотизм, благочестивое отношение к святыням, стремление отдать жизнь за идеал.

ЮРЕНКО Анастасия Игоревна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ПРАЗДНИК В ПРАВОСЛАВНОМ ПРИХОДЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Современный православный приход – явление сложное и многогранное, во многом отличное от того, что он представлял собой в дореволюционный период и в советскую эпоху.

Основа жизни прихода – Богослужение. Наибольшее количество прихожан собирается в храм на

праздничную службу. То, как будет проходить праздник в приходе после ее окончания, зависит в первую очередь от настоятеля, а также находится в прямой зависимости от половозрастного состава прихожан, наличия при храме воскресной школы, молодежной организации. Чем сплоченнее община, тем чаще в приходе организуются совместные праздники помимо праздничных дней церковного календаря. Празднования могут быть связаны с общегражданским календарем, а также с днями, праздничными лично для членов причта и прихожан.

В некоторых приходских общинах дела милосердия являются обязательной компонентой праздника. Так, например, может быть организовано посещение дома престарелых, детдома, больницы. Приходские храмы не только играют роль духовных и историко-культурных центров, но также нередко выполняют ряд жизненно важных социальных функций.

В ряде приходов все основные события в жизни общины находят отражение на приходском Интернет-сайте, в стенгазете, вывешиваемой в притворе или выпускающемся самиздатовским способом приходском листке.

Современная православная приходская община, восприняв традиции праздничной культуры прошлого, как дореволюционного периода, так и советского, во многом их преобразила и вывела на новый уровень бытования.

Секция 2. НАРОДЫ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА: ТРАДИЦИИ, ЦЕННОСТИ, НОВАЦИИ

Руководители: к.и.н. **Коростелев Александр Дмитриевич** (Москва);
д.и.н., проф. **Ягафова Екатерина Андреевна** (Самара)

АБСАЛЯМОВА Юлия Аликовна
Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОМИНАЛЬНОГО ОБРЯДА БАШКИР

Несмотря на то, что похоронно-поминальные обряды башкир в течение длительного периода исламизации претерпели качественные изменения и стали в целом мусульманскими по содержанию, в них сохранился значительный пласт обрядности, восходящей к древним, неисламским верованиям. В исламском законодании, в котором довольно четко разработаны погребальные обряды, проведение поминок не регламентируется. Однако сейчас многие элементы поминальных обрядов, отсутствующие в официальном исламе, воспринимаются как мусульманские.

Основным содержанием поминок является чтение мусульманских молитв, которые облегчают отход из этого мира и участь покойных (*аруахов*). Их традиционно справляют на 3-й, 7-й, 40-й день и через год после смерти. Набор молитв, читаемый на всех поминках, остается одним и тем же (255 аят 2 суры, 1, 36, 67, 112 и некоторые другие суры Корана). В день похорон принято печь лепешки по числу присутствующих. В некоторых районах полагалось испечь 41 лепешку. Лепешка должна быть такого размера, чтобы закрывать лицо покойного до ушей. Ее нельзя прокалывать вилкой и резать ножом.

Считается, что первые сорок дней после смерти душа покойного скитается по земле, поэтому поминки на 40-й день являются самыми важными. В течение этого времени мулла или другой человек, исполняющий его функции в деревне, должен прочитать сорок раз 36 суру. В доме покойного по истечении этого срока ночью нельзя гасить свет.

Башкиры верят, что души всех покойных время от времени приходят домой в ожидании молитв от своих близких. Раньше в домах специально вбивали деревянный колышек в стену для того, чтобы душа покойного могла присесть. Традиционно считается, что *аруахи* приходят по четвергам, поэтому в этот день стараются проводить ежегодные поминки, а также пекут лепешки для того, чтобы в доме «пахло маслом». Запах масла, на котором они жарятся, служит пищей для *аруахов*.

В настоящее время трансформации в поминальной обрядности выражаются в тенденции большей исламизированности обрядов. Этот процесс связан с появлением большого числа образованного духовенства и распространением мусульманской литературы.

АКСЕНОВА Татьяна Викторовна

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И СТЕПЕНЬ СОХРАННОСТИ

В докладе автором анализируются обряды русского населения Республики Мордовия, связанные с хозяйством, выявляются процессы трансформации и степень их сохранности на примере обрядов, связанных с жилищами и хозяйственными постройками, и обрядов в земледелии и животноводстве.

Цикл жилищной обрядности русских Мордовии идентичен не только аналогичным обрядам всего русского населения, но и схож с жилищными обрядами мордвы и татар Мордовии. Наиболее полно эти обряды сохранялись лишь до начала XX в. Изменившиеся социально-экономические условия привели к утрате многих обрядов, связанных с жилищами и хозяйственными постройками. К наиболее сохранившимся следует отнести обряды, связанные со строительством дома. Обряды, связанные с хозяйственными постройками, практически утеряны, что объясняется снижением роли личного подсобного хозяйства в жизни современного крестьянина.

Земледельческие и животноводческие обряды русских Мордовии аналогичны производственной обрядности русского населения. Цикл хозяйственных обрядов определялся основными занятиями крестьян. Изменения социально-экономических условий и характера труда крестьян оказали значительное влияние на обрядность. Многие обряды исчезли из быта русской деревни, но сохранились в памяти пожилого населения. В основе занятий современного крестьянина земледелием и животноводством в основном лежат привычные действия рационального характера.

АМЕЛИН Веналий Владимирович

Министерство культуры, общественных и внешних связей
Оренбургской области, г. Оренбург

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В российском обществе ощущается межэтническая напряженность. Одним из конфликтогенных факторов является миграция. Иноэтнические трудовые мигранты порой игнорируют традиции и культуру местного населения. Все это вызывает отторжение у россиян, что приводит к размежеванию в российском

социуме на «мы – они», «свои – чужие», «коренные – приезжие» и т. д.

В условиях ухудшения межэтнических отношений в ряде регионов России, проявлений ксенофобии, расизма, возникает необходимость поиска путей повышения толерантности в российском обществе.

Под толерантностью мы понимаем «моральные качества, характеризующие терпимое отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам в поведении других людей» или же «активное признание прав и свобод другого безотносительно к его этническим, религиозным или гендерным особенностям».

Одним из инструментов повышения толерантности может стать реализация этнокультурной политики. Под этнокультурной политикой мы понимаем сферу управления и обеспечения интересов и прав граждан с их этнокультурными запросами. Этнокультурная политика способствует межнациональному миру и согласию, противодействию различного рода фобиям, повышению терпимости у людей различных этнических общностей.

Для успешной интеграции мигрантов в российское общество необходимо создание межнациональных этнокультурных организаций, разработка спецкурсов по этнокультурной политике в Вузах, введение предмета «Народоведение» в школах страны. В рамках реализации этнокультурной политики целесообразно осуществление проектов, направленных на повышение толерантности. К примеру, в Оренбуржье создан культурный комплекс «Национальная деревня». В каждом подворье (русском, украинском, татарском, казахском, башкирском, мордовском, чувашском, немецком, белорусском, армянском) размещается этнографический музей, литература на родном языке, кафе национальной кухни. На территории подворья располагаются предметы, отражающие быт и культуру этнических общностей. В зданиях расположены редакции национальных газет, офисы национальных общественных организаций.

Аналогичный проект «Этномир» осуществлен в Калужской области. Строятся этнокультурные комплексы в Ульяновской области и ряде других регионов России.

АХАТОВ Альберт Тагировича

*Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС БАШКИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В наше время башкирское население Курганской области в подавляющем своем большинстве проживает в сельской местности в юго-западной части региона. В прошлом основу хозяйственного комплекса курганских башкир составляли скотоводство, земледелие и подсобные отрасли хозяйства (охота, рыболовство и др.), удельный вес которых варьировался в зависимости от социально-экономических, природно-климатических и даже политических факторов.

Структурный кризис российской сельскохозяйственной отрасли экономики 1990-х годов привел к тому, что в настоящее время традиционные занятия снова становятся важнейшей составляющей в жизнеобеспечении людей: в частном секторе увеличивается поголовье скота, фермерство ведет товарное зерновое хозяйство, во всех сельских населенных пунктах, где проживает башкирское население, возродились уже потерявшие в советские времена свое значение рыболовство, собирательство, охота, пчеловодство, некоторые виды домашних промыслов.

Несмотря на технический прогресс, многие способы ведения земледельческой, а особенно животноводческой отраслей хозяйства, уходят корнями в прошлое, а современные количественный и качественный состав домашних животных, ассортимент сельскохозяйственных культур находят прямые аналогии в прошлом. В то же время, известные в дореволюционный период и подзабытые в советские времена способы охоты, рыболовства и собирательства в обновленном виде также находят успешное применение.

БАЯЗИТОВА Розалия Рафкатовна

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, г. Уфа*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЫЧАЯ ИЗБЕГАНИЯ У БАШКИР

Взаимоотношения членов традиционной башкирской семьи регулировались поведенческим комплексом, основанным на возрастном делении и половой принадлежности. Отношения между «своими» и вновь поступившими «чужими» членами семьи строились по обычаю избегания.

Можно выделить следующие категории лиц, которыми соблюдались запреты и обычай избегания: между супругами; между каждым из супругов и родственниками другого супруга (преимущественно старшими), между женой и старшими мужскими (женскими) родственниками мужа, между мужем и старшими мужскими (женскими) родственниками жены. Что касается младших (мужских, женских) родственников обоих супругов, то здесь категорические запреты не прослеживаются.

Связь с новым членом семьи устанавливалась по взаимному соглашению путем дарообмена. Инициатором прекращения избегания выступал чаще всего старший по статусу, но первым подарок вручал новый член семьи. Функция данного обычая сводилась к упорядочению отношений между полами, укреплению социальной роли старших по возрасту и статусу, закреплению таких качеств, как скромность, стыдливость, сдержанность. На наш взгляд, более глубокий смысл обычая избегания заключается в стремлении сохранить устойчивость и стабильность функционирования семейного коллектива, оградить его от неожиданностей, связанных с появлением представителя чужого рода и предоставить новому члену семейства некоторый отрезок времени для привыкания к новой семье.

БЕЛЕВЦОВА Виктория Олеговна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

**БРАЧНАЯ ОБРЯДНОСТЬ МАРИЙЦЕВ
В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
УСЛОВИЯХ**

Брачные обряды наиболее живописно демонстрируют всю самобытность культуры этноса, являются его существенной характеристикой и надежным этнографическим источником. В свадебных обрядах мари́йцев нашли отражение различные этапы формирования института брака в социально-экономическом, культурном, правовом плане, пережитки ранних форм семейно-брачных отношений, религиозные представления, а также результаты этнокультурных взаимодействий с соседними народами. Одной из устойчивых тенденций современности является возрождение национальных традиций, вызванное общественной потребностью к самоидентификации членов этнического сообщества, в сохранении и трансляции собственных традиций.

В докладе будет представлен механизм функционирования традиционной свадебной обрядности мари́йцев в условиях современного поликультурного общества, рассмотрены основные трансформационные процессы в обрядности, так или иначе отражающие общие тенденции развития народов в Урало-Поволжском регионе.

Процесс вхождения традиционных культур в современное общество зачастую сопровождается глубокими социокультурными противоречиями, осмысление которых имеет актуальное научное и практическое значение. В этом ключе семейно-брачная обрядность является связующим звеном между глобализирующимся российским обществом и этнической культурой народа. Сохранение и функционирование традиционных свадебных ритуалов затрудняется сложной полиэтнической и поликонфессиональной структурой современного социума, идущими в нем урбанизационными процессами. Однако именно свадебная обрядность, как важная часть духовной народной культуры, способна выступить в качестве канала трансляции и сохранения мари́йских традиций и, в какой-то мере, служить индикатором адаптации народа к условиям современного мира.

ВАЛИАХМЕТОВ Рим Марсович

Институт социально-политических и правовых исследований Академии наук Республики Башкортостан, г. Уфа

**КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ
БАШКОРТОСТАНА КАК РЕСУРС РЕШЕНИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ РЕГИОНА**

Культурное многообразие Башкортостана, имеющее давнюю историческую традицию, является объективной предпосылкой для решения многих проблем современности. Активизация миграционных потоков и культурное взаимодействие народов еще более ус-

ложняют этнокультурную палитру регионального пространства. Перспективы развития миграционных процессов и демографических изменений требуют создания условий и возможностей для бесконфликтного включения новых этнических групп и культур в региональную общность. Это еще более актуализирует важность сохранения межэтнической толерантности, солидарности и сотрудничества, это требует активизации согласованных усилий государственных органов власти и институтов гражданского общества для решения задач в двух основных направлениях. Во-первых, необходимо продолжить создание благоприятных условий для этнокультурного самовыражения, сохранения и развития культуры и традиций всех этнических и конфессиональных групп Башкортостана; во-вторых, следует укреплять существующие и вырабатывать новые социокультурные интеграторы и ценности, которые могут стать основой формирования как общероссийской, так и региональной идентичности.

ВИКТОРИН Виктор Михайлович

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
И ЭТНИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ
ДЕЛЬТЫ ВОЛГИ И СЕВЕРА ПРИКАСПИЯ:
ЛОВЦЫ – ОХОТНИКИ
В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XX вв.**

По северному берегу Каспийского водоёма-реликта, ставшего российским с середины XVI в., у новых вольнопоселенцев (по-местному, «сходцев») сложился особый хозяйственно-культурный тип (ХКТ) – морских рыбаков («ловцов») и охотников на тюленя («белуха», «белёк»). К началу XIX в. возникли прибрежные русские сёла Тишково, Каралат, Сафоновка, Дмитриево, Красное, Оля, Бирючья Коса, Лагань и др. (не менее 10–15 тыс. чел.). Любопытно, что к середине XIX в. тот же ХКТ восприняли приморские «яндыко-мочажные» калмыки (их «рыбачий», казённый улус с 1892 г. – 4–6 тыс. чел.).

Среди ловцов – охотников выделялись «тюленьщики», «гагачи» и универсалы-умельцы – так называемые «эмбинцы». Говор русских переселенцев был «окающим», и предания связывали истоки части мигрантов с Новгородчиной. Отмечен в лексике и небольшой, но заметный тюркский субстрат (Э. В. Копылова).

Особая культура и здешний образ жизни изучались ранее (К. М. Бэр, Н. Н. Пальмов, Ф. П. Зыков, П. Г. Любомиров, В. В. Когитин и др.), во многом сохраняются их черты и до сих пор.

Аналогии с русским Севером (в основном, конвергентные) многообразны: промысел и охота по всем сезонам, судовая артель с «атаманом», загонный и шумовой способы охоты, езда по снегу и льду на санках с собачьей упряжкой и др. Фрагментарна связь с финно-угорским миром – отмечена миграция к 20-м гг. XIX в. в прибрежное с. Зеленга (по ранним архивам, Селенга) группы мордвы-мокши.

ГУЛАВСКАЯ Валерия Владимировна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ КРЯШЕН РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

1. Кряшены – тюркоязычное православное население Поволжья (Республики Татарстан, Удмуртской Республики, Чувашской республики). В настоящее время в большинстве работ российских этнологов кряшены определяются как этноконфессиональная группа в составе татарского этноса. С конца 1980-х гг. в кряшенской среде наблюдается как этнокультурное движение, имеющее неполитическую направленность, так и движение за самоопределение в рамках национально-культурной автономии.

2. Полевые исследования, проведенные сотрудниками кафедры этнологии Исторического факультета МГУ в 2000, 2001 и 2009 гг., выявили наличие устойчивого этнического самосознания у кряшен. Одной из важнейших составляющих кряшенского этнического самосознания является религия, причем, религиозные традиции транслируются семьей. Подобная ситуация наблюдалась в советский период, когда религиозные обряды и богослужения выполнялись внутри семьи, камерно, что было связано с запретом на религиозную жизнь. В настоящее время тенденция включения в религиозную жизнь через семью сохраняется.

3. Для того, чтобы понять, какова роль семьи в формировании этнического самосознания кряшен, автором было проведено полевое исследование в Республике Татарстан в июле 2010 г. Исследование подтвердило предположение, что в религиозную жизнь кряшены включаются через семью и семья является одним из основных источников формирования этнической идентичности.

ГУСЕВА Юлия Николаевна

Самарский филиал Московского городского педагогического университета, г. Самара

ОБРЯДОВЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ 1920–1930-х гг. В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ТАТАР-МУСУЛЬМАН ПОВОЛЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИН НИЖЕГОРОДСКОЙ, САМАРСКОЙ, УЛЬЯНОВСКОЙ, ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Предметом доклада является сложный и малоизученный период в истории тюрко-мусульманских общин Поволжья, связанный с их «погружением» в реалии Советского времени. Это – первый период «скрытого» и явного противостояния двух идеологических систем (ислам – коммунизм), приведший к неоднозначным деформациям в практике религиозной жизни и мировоззрении поволжских татар-мусульман. Анализируются конкретные факты проявления секуляризации (отречения мулл от сана, изменения метрического учета, закрытие религиозных

школ, мечетей) в весьма ограниченных масштабах. Попытки «обмирщения» духовной жизни татар в большинстве случаев способствовали консолидации общин на национально-религиозной почве, когда обрядовые нововведения можно охарактеризовать как незначительные.

В 1920–1930-е гг. усилиями государства были заложены основания для дальнейшего укоренения начал т. н. неофициального ислама, существовавшего с дореволюционного периода. Этому в немалой степени способствовало наличие традиционных, со времен имперской России, споров внутри самой поволжской уммы относительно модели государственно-церковных отношений, модернизации системы обучения.

В сравнении с другими регионами СССР, в Поволжье на характер трансформации духовной жизни татар-мусульман существенное влияние оказали: большая вовлеченность духовенства в традиционную политическую структуру российского государства, исторически обусловленный низкий потенциал конфликтности с соседними народами и властью, частичная изолированность от зарубежного мусульманского мира, особенности партийно-государственного курса в отношении ислама. Сопоставительный анализ показывает, что при всей радикальности нововведений, касавшихся духовной жизни татар-мусульман, т. н. официальный и неофициальный поволжский ислам в целом оставался лояльным в отношении Советской власти. Сами же общины реагировали на происходившие изменения, опираясь на привычные, укорененные в исторической традиции, стереотипы взаимодействия с властью и обществом.

ДАВЛЕТШИНА Зилья Минниязовна

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

ТЮБЕТЕЙКА – НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР ГАЙНИНСКИХ БАШКИР (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Тюбетейка – головной убор в виде шапочки с вышитыми или ткаными узорами косоугольной формы. Исследователи отмечают ее практичность и удобство. В настоящее время существует множество тюбетеек, различающихся по форме, декоративному оформлению, предназначению и географии распространения.

Тюбетейка, распространенная среди башкир Бардымского района Пермского края, «бардымская тюбетейка» отличается оригинальностью в украшении как от тюбетеек других этнографических групп башкир, так и от татарских и среднеазиатских. Сшитая чаще всего из бархата, плюша или вельвета она украшается, как правило, цветочно-растительным орнаментом. Наиболее часто применяется узор в виде трилистника, напоминающего лотос или тюльпан и служащего символом возрождения. Узор выполняется гладевым швом шерстяными или шелковыми нитями, дополняется бисером, блестками.

Тюбетейка широко применялась в обрядах жизненного цикла: дома и в мечети во время чтения молитвы, в дни священных праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам, в обряде наречения имени, на свадьбе (*никах туй*), на похоронах и поминках, а также во время проведения всенародных праздников сабантуй и Барда-зиен.

Популярность бардымской тюбетейки в последние годы возросла настолько, что стала пользоваться спросом не только у местного населения, но и у приезжих гостей. В связи с этим возросло число мастериц, владеющих этим ремеслом. Искусством украшения тюбетеек славятся вышивальщицы населенных пунктов Барда, Березники, Ишимово, Танып. Красочному ремеслу обучают в Центре занятости населения (р/ц Барда), на уроках труда в школах района. В деревне Березники существует небольшой музей тюбетейки, в котором представлены оригинальные виды этого изделия, входящего в состав национального костюма башкир.

ДАВЫДОВ Денис Владимирович

Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева, г. Казань

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ СЕКТ СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НАЧАЛА 1920-х годов

Общественно-политическая ситуация 1920-х годов предоставила уникальные возможности для проявления плюрализма религиозных воззрений крестьянства, одним из проявлений которого стало распространение религиозных сект. Развитие сектантского движения в сельской местности определялось как спецификой деятельности церкви в полиэтнической среде Казанской губернии, так и антирелигиозной политикой советского государства против официальных церковных структур.

Сектантские группы учитывали особенности труда и быта сельского населения, привлекая крестьян помощью в решении культурных и хозяйственных проблем.

Идеология братства и взаимной поддержки способствовала успешному хозяйствованию сектантских групп, их опоре на собственные силы. Иногда это приводило к консервации традиционного быта, что особенно заметно проявлялось в поселениях этнических меньшинств республики. Нередко сектанты демонстрировали примеры проявления деловой и политической активности, принимая участие в работе некоторых сельсоветов, что вызывало большую озабоченность правительственных структур.

Деятельность религиозных сект в сельской местности решала несколько задач: секты способствовали укреплению религиозного мировоззрения; помогали решать экономические проблемы, показывали примеры успешного хозяйствования; повышалась политическая активность, что обусловило использование репрессивных мероприятий против сект в русле антирелигиозной политики государства.

ДОНИНА Лариса Николаевна

*Институт истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан, г. Казань*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТАТАРСКОГО КОСТЮМА В ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ СПЕКТАКЛЕ

Развитие российского театрального искусства и культуры в течение последнего столетия вызывает повышенный интерес к феномену национального театрального костюма, выявлению его художественно-образной и знаковой структур. Театральный костюм воплощает в себе мироощущение и художественно-эстетические представления художников, использующих различные методы и подходы: этнографический, реставрационный, реконструкционный. В театральном пространстве татарский костюм использовался и в неизменном виде, и в его стилизации (то есть имитации образной системы и формальных особенностей стиля), представляя собой синтез татарского классического и общенационального костюма всех его известных вариаций.

Использование этих разновидностей интерпретации наглядно просматривается на примере музыкального фольклорно-этнографического спектакля «Голубая шаль» К. Тинчурина. Эстетика его драматургии выражалась в намеренном разрушении стереотипа обычаев и, тем самым, оказывала сильное влияние и на интерпретацию татарского костюма. За восемьдесят лет сценической судьбы спектакля костюм прошёл путь от использования подлинного костюма до введения его на правах сценографии, приобретения символического характера и фольклорной сценической формы, доведенной до максимального звучания условности цвета и универсальности форм. Интерпретация как методологический аспект воспроизведения оригинала продолжает претерпевать активные изменения, влекущие за собой эстетические и сущностные изменения в понимании самого татарского театрального костюма. Театр является той средой, где сохраняются вторичные (фольклористические) формы традиционной культуры.

ИВАНЧИНА Оксана Александровна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

РОЛЬ ЧУВАШСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СОХРАНЕНИИ И ПЕРЕДАЧЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX вв.)

Одной из значимых функций семьи являлась межпоколенная передача традиций и ценностей, проводницей которых в традиционной культуре многих народов, в том числе и чувашей, выступала именно женщина как хранительница этнокультурных норм и ценностей. Во многом этому способствовали традиционные нормы, определяющие приватный характер общественной и семейной жизни чувашской женщины. Данная специфика начинала проявляться с самого детства. Процесс воспитания мальчика и девочки в чувашской семье имел каче-

ственные отличия, связанные с существующей полоролевой стратификацией традиционного общества. Воспитанием девочки, как правило, занималась женская половина семьи, готовившая ее к домашней работе, связанной с созданием уюта, тепла, с обшиванием всех членов семьи и приготовлением пищи, а также с приобщением девочки к женской обрядовой культуре. Так, например, создавая костюм, девочка участвовала в формировании целого комплекса представлений, обрядовых действий.

Важной составляющей воспитания чувашки был традиционный этикет, который ориентировал ее на покорность, послушание, уважение к старшим и к своему супругу, т. е. на традиционность мировосприятия.

**ИДИЯТУЛЛОВ Азат Корбангалиевич,
ШАБАЛИНА Любовь Петровна**

*Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск*

СОВРЕМЕННЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАР- МИШАРЕЙ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Возникновение религиозного синкретизма, как исторического явления, определяется взаимопроникновением элементов культур. Учитывая поликультурность Среднего Поволжья, в том числе и Ульяновской области, можно предположить, что на человека оказывают воздействие несколько религиозных учений, образов различных систем бытовой обрядности, воспринимаемых как из окружающего социума, так и из исторических источников. Этот процесс продолжается в настоящее время, создавая прецеденты религиозного синкретизма, требующие своего исследования и осознания.

В Ульяновской области живет более 100 национальностей, исповедующих разные религии. Татары-мишари (буинские, карсунские, хвалынские группы) по доле в составе населения занимают в области второе место после русских.

Религиозное мировоззрение современного мишарского населения Ульяновской области полисинкретично, представлено тремя пластами: 1) народным исламом, 2) духовным исламом, 3) новыми представлениями синкретичного характера. Наиболее распространен народный ислам (синкретизм ислама и язычества). В ряде случаев к мишарским языческим верованиям примешиваются элементы язычества соседних народов (русских, чувашей) и западноевропейские магические приемы и способы гаданий. Особое место в народном исламе мишарей занимают культ святых и родственный ему суфизм, определившие особый этап в эволюции религиозного мировоззрения мишарей – духовный ислам, характерной чертой которого стало почитание могил «святых», памятников болгарской культуры. Идеи современных сект с различными элементами восточных, христианских и других религий незначительны.

Интерес представляет изучение религиозного синкретизма на уровне национально-смешанных се-

мей, в которых один из супругов татарской национальности. В таких семьях развивается двоеверие, возникает осложнение с передачей вероисповедания религиозных действий и обрядов детям. В этом случае определенную роль играет преобладающее этническое окружение.

ИДРИСОВ Эльдар Шамигуллович

*Астраханский филиал Волгоградской академии
государственной службы, г. Астрахань*

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИСТОРИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ И СОВРЕМЕННОГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НОГАЙЦЕВ И ТАТАР НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

К этой теме обращались многие исследователи-тюркологи (Л. Арсланов, В. Викторин, Д. Исхаков, Д. Кидирниязов, Ф. Шарифуллина, А. Усманова, Н. Гайнуллина, Н. Азизова и др.). В тоже время ей не посвящены специальные монографические исследования.

Само направление не является чисто научным, а имеет и этнополитический контекст, особенно в период переписей населения в связи с так называемой татаро-ногайской проблемой. Существует несколько подходов к характеристике этноисторического развития тюркского населения Нижнего Поволжья, связанного с ногайцами и татарами. Речь, прежде всего, идет о так называемой группе «юртовские татары» (самоназвание «нугай»).

В докладе на основе историко-культурного материала рассматриваются вопросы взаимоотношения ногайцев и татар Поволжья, дается характеристика этнокультурного развития ногайских групп Нижнего Поволжья (юртовцы, карагаши, кундровцы и утары) в процессе седентаризации в контексте взаимоотношения со средневожскими татарами-переселенцами и другими соседними народами, анализируются этнокультурные процессы, происходившие в ногайской среде под влиянием татарского языка и культуры в советский период, дается характеристика современного ногайского и татарского национальных движений, проанализированы вопросы их развития и взаимоотношения.

Вопрос взаимоотношения ногайцев и татар на территории Нижнего Поволжья является многоаспектным, речь идет не только о межэтнических связях двух этнических общностей, но и о трансформационных процессах в ногайской среде под влиянием татар.

ИЛИМБЕТОВА Азалия Фаттаховна

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА КУКУШКИ В НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЯХ БАШКИР

В религиозно-мистических представлениях башкир кукушка фигурирует как вещая птица, обладающая сакральной силой влиять на судьбы и здоровье людей, предсказывать продолжительность их жизни,

дарить им жизнь. Кукушка в них выступает и в ипостаси грозной птицы, приносящей людям горе, несчастье, смерть. В основе таких воззрений лежат, видимо, дериваты восприятия древними башкирами кукушки как олицетворения души или как дарительницы и переносчицы душ человека.

В башкирском народном творчестве кукушка изображается в качестве божественной, райской птицы, благодетельницы, покровительницы и повелительницы людей, дарительницы счастья и богатства, указывающей людям безопасные места для постоянного жительства. В предрассудках башкир она как орнитоморфное божество связана с огнем, солярным культом.

В обычаях и обрядах башкир до наших дней дошли атавизмы древнейших суждений о кукушке как о птице, способной помочь молодым людям в устройстве их брачных отношений, обеспечить плодородие почвы и скота. Генетические корни таких умозаключений, видимо, восходят к мировоззрениям первобытных людей о кукушке как о птице – мифическом первопредке – покровительнице плодородия людей, земли и животных.

Кукушка как тотемный предок была табуированной птицей: под страхом неминуемой кары запрещалось убивать ее, трогать и разбивать ее яйца. Следы тотемического почитания кукушки ясно просматриваются в легендах, преданиях и сказках башкир о том, что кукушка некогда была человеком, о трансформации женщин в кукушек. Несомненно, подобные идеи складывались на базе убеждений о тождестве (несмотря на их очевидные различия) человека и кукушки – краеугольного камня тотемического образа мышления первобытных людей.

Выявление в башкирской родоплеменной номенклатуре родов «*кәжүк*» («кукушка») свидетельствует о том, что предки башкир верили в родство их с кукушкой, в происхождение их от единого тотемического предка – кукушки. В башкирском празднике «*Кәжүк сәйе*» («Кукушкин чай») прослеживаются основные элементы тотемического праздника, главным предназначением которого было чествование кукушки – тотема с заклинаниями-мольбами к священной птице, исполнением тотемической песни и пляски «Кукушка», выполнением ритуалов размножения тотемной птицы, проявлением заботы о ней, причащением тотемом и с обрядами посвящения девушек в разряд полноправных членов первобытного коллектива женщин.

Генетические корни культа кукушки у предков башкир, по видимому, связаны с тотемическими взглядами на кукушку древних урало-алтайских народов.

ИОНОВА Мария Владимировна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Урало-Поволжье формировалось на протяжении веков как полиэтнический регион, в пределах которого взаимодействовали народы различного происхож-

ждения и облика, языковой и религиозной принадлежности. Сегодня Урало-Поволжье – это один из немногих регионов, который демонстрирует мирное сосуществование и активное межкультурное взаимодействие. Характерной чертой региона является дисперсность расселения этносов, что позволяет исследовать культурные результаты межэтнического взаимодействия с точки зрения анализа типичных ситуаций межкультурного взаимодействия в полиэтническом регионе, выявления тенденций развития этнических процессов в них, выявление механизмов взаимной адаптации этнических групп, происходящих в культурно-языковой, традиционно-обрядовой, бытовой сфере жизнедеятельности соседствующих в Урало-Поволжье этносов. В данном докладе будет исследован историографический аспект изучаемой темы и вытекающие из него проблемы дальнейшего изучения.

КОРОСТЕЛЕВ Александр Дмитриевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ФИКСАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ПОТОМКОВ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БРАКОВ В ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫХ СЕЛЕНИЯХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

В 2006–2008 гг. Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН были организованы три экспедиции, изучавшие процессы взаимной адаптации и этнокультурного взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжского региона с участием специалистов по этнографии различных народов, работающих в исследовательских центрах Москвы, Уфы, Самары, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани.

Одной из многих задач исследования, в частности, было изучение межэтнических браков по данным похозяйственных книг по 39 селениям пяти субъектов РФ. Помимо общей картины распространения и динамики таких браков можно оценить предпочтения лиц, состоящих в смешанных браках, в выборе национальности своих детей, а также возможные факторы, влияющие на такой выбор, для различных вариантов брачных пар. К таким факторам можно отнести: а) широко распространенное предпочтение выбирать для своих детей национальность отца (фактор отца); б) встретившееся в двух селениях предпочтение выбирать для детей национальность матери (фактор матери); в) зависимость выбора национальности от того, какая из этнических групп в демографическом и культурном отношении преобладает в данном селении (мажоритарный фактор).

В целом при идентификации детей от браков татар и башкир с представителями других народов, включая русских, чаще всего доминирует фактор отца (за исключением тех местностей, где проявляются локальные особенности, связанные с фактором матери). Если речь идет о русско-чувашских, русско-удмуртских, русско-марийских и русско-мордовских браках, в действие вступает фактор престижности

русской идентичности. В случае же, когда в смешанные браки между собой вступают представители чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы, решающее значение при идентификации детей, рожденных от таких браков, часто имеет мажоритарный фактор.

КУЗНЕЦОВ Александр Валерьянович

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

«САЛАМ» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

В настоящее время лексема *салам* и ее фонетические варианты встречаются в речевом этикете многих тюркских, финно-угорских, славянских и других народов России. В одних лингвокультурных общностях нашей страны *салам* используется во всех стилях общения, а в других – при обиходном общении представителей разных слоев общества, в третьих – только при непринужденной беседе молодежи и т. д. В то же время *салам* имеет не только вербальную составляющую, но и материальную. 100–150 лет тому назад в традиционной культуре чувашей и удмуртов *саламами* назывались конкретные вещи, передаваемые родственникам, знакомым через третьих лиц. Чуваша вместе сословным приветом (по-чувашски «салам»), передавали завернутые в чистый белый холст гостинцы *кучченеç*, которые также назывались *салам*. У чувашей *салам* встречается также и в свадебном обряде и связан с приходом в дом нового человека – *кин* («сноха; невестка»). Удмурты при подготовке к проведению больших праздников (торжеств по случаю рождения ребенка, проводов в армию, свадеб и т. д.) вместе со словами приглашения передавали через хороших знакомых *саламы* – лоскутки. К началу XXI в. во всех лингвокультурных общностях Волго-Уралья *салам* дошел лишь в качестве лексемы, относящейся к категории вербальных средств этикетного общения тематической группы «Приветствие».

ЛУКАНОВА Лидия Сергеевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

ПРИРОДНЫЕ ПОЧИТАЕМЫЕ ОБЪЕКТЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ. КЛАССИФИКАЦИЯ И АНАЛИЗ

Нижегородская область имеет несколько различных природных зон, начиная от тайги на севере и заканчивая степью на юге. Традиции почитания природных объектов при этом также различаются. На севере главными объектами почитания являются деревья, на юге – водные источники – вода, на западе – элементы ландшафта, холмы, овраги, при этом камни почитают практически везде, однако культы весьма различны. Именно традиции почитания природных объектов выявляют во многом этническую ситуацию региона – они своеобразный маркер, отмечающий на многие годы сохранение традиций тех народов, которые могли давно исчезнуть и к которым современное

население себя не относит, но бессознательно придерживается старого. Такое явление наблюдается на значительной территории области – это закономерное проявление ситуации, в которой большое количество народов проживает компактно и происходит их постепенное слияние. Для Нижегородской области «культообразующими» народами являются не только ныне живущие мордва, марийцы, татары, русские, но и давно исчезнувшие народы – мещера и меля. Естественно, любые культы постоянно проходят трансформацию и приобретают новые черты, выявить основу которых порой сложно, постоянно возникают новые культы и объекты почитания. В работе классифицируются природные объекты, систематизируются культы и анализируются изменения, которым они подвержены по тем или иным причинам, фиксируются появляющиеся вновь.

МАХАЛОВ Сергей Анатольевич

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

САРАТОВСКАЯ МОРДВА И ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ХОДЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 2008–2009 гг.

По ВПН–2002 г. общая численность мордвы в Саратовской области составляет 16523 чел. В последние годы народы бывшего Советского Союза переживают качественно новый этап развития, который характеризуется ростом этнического самосознания, обостренным вниманием к проблемам сохранения и развития этнических культур, языков, традиций, обычаев. Представители этнических групп создают различные институты, самые многочисленные из которых – национально-культурные общественные организации. Так, в Саратове действует Центр финно-угорской культуры, и инициативную часть в нем составляют представители мордовской диаспоры, здесь же издается газета «Азор». В Петровском районе Саратовской области с 1998 г. существует Мордовский культурный центр, усилиями которого в с. Оркине созданы краеведческий и этнографический музеи, накапливающие экспонаты, связанные с историей и культурой мордвы.

В связи с этим правомерным и актуальным представляется изучение исторического прошлого, особенностей традиционной культуры и тенденций современного социального развития мордовского населения, проживающего на территории Саратовской области. Изучению мордвы, переселившейся в Саратовскую область, были посвящены этнографические экспедиции 2008–2009 гг., где исследованы Петровский р-н (с. Синенькие, Оркино, Новозахаркино, Новодубровка, Колки, Савкино), а также Хвалынский, Вольский, Базарно-Карбулакский районы и в них 9 сел: Калмантай, Черкасское, Старая Лебежайка, Ерёмкино, Поповка, Елшанка, Старая Яблонка, Новая Яблонка, Сухой Карбулак. Собраны сведения о хозяйстве, поселениях, материальной (жилые и хозяйственные постройки, пища, утварь и др.) и духовной

(праздники, обряды) культуре. Значение исследования заключается не только в раскрытии истории и современного положения мордвы в области, но и в том, чтобы выявить механизмы и особенности бытия этнической группы в полиэтнической среде.

МЕДВЕДЕВ Владислав Валентинович

Магнитогорский государственный университет,
г. Магнитогорск

МОЛЕНИЕ УЧУК НЕКРЕЩЕННЫХ ЧУВАШЕЙ БАШКОРТОСТАНА: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В июле 2010 г. сотрудниками Магнитогорского государственного университета в д. Юльtimiровка Бакалинского района Башкортостана было зафиксировано общесельское моление некрещенных чувашей учук. Слово учук (*уй чук*) буквально означает «полевое моление». Чуваша проводили учук в июне – после весеннего сева и до взмета пара. В д. Юльtimiровка ежегодно моление проводится во второе воскресенье июля. Смысл моления всегда заключался в обеспечении благополучного проведения сенокоса, жатвы, здоровья скота. В настоящее время при обращении к *Турă* (Богу), которого именуют *Турă-бабай*, *Тур-бабай*, чуваша помимо хорошего урожая, здоровья скота просят о поступлении детей в ВУЗ, легкой службе в армии, рождении ребенка, поминают усопших и т. д. Молением руководит *молла* – Ванюкова (Горбатова) Юлия Федоровна (1937 г.р.). Обратившись на восток, она читает молитву, после чего начинается обливание водой жертвенных животных. Учук проводится на поляне у священных деревьев – двух молодых берез. В жертву было принесено 14 овец и баранов различной масти. Два животных были куплены на общие средства, что является данью традиции, другие животные жертвовались родственными группами.

Одновременно проводились культурные мероприятия, что является нововведением: концерт, торгующая, спортивные состязания. Помимо мяса животных готовят кашу, из дома принесут лепешки – *юсман*, *пашалу*. Итак, учук чувашей д. Юльtimiровка несмотря на некое видоизменение сохранил основное предназначение – обращение к *Турă*.

МИХАЙЛОВА Елена Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет
сервиса и экономики, г. Санкт-Петербург

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОСУГОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

В качестве одной из особенностей современного общества рассматривается изменение социальной структуры, формирование массовых слоев, различающихся по образу и стилю жизни. Знаками престижа и средствами иерархии выступают предметы потребления. Культура потребления определяет интересы, ценности, нормы поведения. Потребление становится показателем социального статуса и об-

раза жизни. Образование, физкультура и спорт становятся платными рыночными услугами, распространенными в массовых масштабах.

Специфика досугового поведения россиян обусловлена общими тенденциями цивилизационного развития, последствиями российских социально-экономических преобразований и, до определенной степени, этническими различиями. Материалы эмпирического исследования в Астраханской области показали, что переживаемые экономические трудности и сформированные в ходе социализации сходные культурные нормы и ценности определяют сходный тип потребительского поведения в этнических группах региона (пользование платными образовательными, медицинскими, оздоровительными и т. д. услугами).

Выявились определенные различия в показателях досугового поведения представителей этнических групп. Большинство опрошенных предпочитают пассивные формы досуга – телевизор, компьютер и т. д. Спорт занимается среди опрошенных татар, казахов, русских в среднем не более трети, среди представителей народов Кавказа регулярно спортом занимается почти половина. Причиной этого являются семейные и этнические традиции. В полиэтническом регионе у этнических групп, обнаруживающих сопоставимый уровень модернизированности, характер потребления оказывается сходным. Однако обусловленные этнической спецификой традиции, обычаи могут способствовать формированию иного типа поведения.

МИШУРИНСКАЯ Ольга Владиславовна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

РИТУАЛЬНАЯ ПИЩА МОРДВЫ-ЭРЗИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Мордва-эрзя – древнее автохтонное население современной Нижегородской области – имеет давние сложившиеся пищевые предпочтения. Многовековые тесные этнокультурные связи с русскими и татарами оказали влияние на повседневную и ритуальную пищу мордвы. Пищевой рацион народа пополнился продуктами, которых до контактов с русским населением группа эрзя не знала. Основу повседневных и обрядовых блюд составляли крупы, хлеб и выпечные изделия из теста. С хлебом связывались все основные магические свойства, приписываемые обрядовой пище. Хлеб неизменно присутствовал на всех этапах свадьбы. Блины, лепешки, пироги выполняли сходные с хлебом функции. Широкое распространение имела пшеничная каша, которая была и повседневным, и ритуальным блюдом. Она играла большую роль в свадебной, крестильной и поминальной обрядности.

Ритуальная пища в современной мордовской деревне претерпела значительные изменения. Исчезновение и редуцирование большого числа старинных обрядов и праздников привело к понижению семан-

тического статуса целого ряда кулинарных блюд. С течением времени произошел переход многих изделий из разряда ритуальной пищи в разряд повседневной. Также можно наблюдать процесс замены одних кулинарных обрядовых символов на другие. Кроме того, в последние десятилетия произошла смена представлений о ритуальных блюдах.

МУСИНА Розалинда Нуриевна

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань*

АНТРОПОНИМИКОН ТАТАР: ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ, ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Антропонимия, исследуя специфику личных имен у разных народов, тенденции изменения их именника на различных этапах этносоциального развития, позволяет проследить развитие и их этнонационального самосознания.

При наречении имени в середине XIX – начале XX вв. татары-мусульмане пользовались, как правило, мусульманским именником, хотя в более ранние периоды были широко распространены имена тюркского происхождения.

В послереволюционные, а особенно в 1930–1950-е гг. постепенно выходят из употребления «мусульманские» имена, многие сложносоставные имена трансформируются в односоставные. Как и у других народов страны, у татар, особенно среди интеллигенции, в это время получили распространение «революционные» имена, а также заимствования из русского и западноевропейского именника.

В 1990-х – начале 2000-х гг. на этапе «этнического возрождения» получают распространение татарские имена тюркского происхождения. В условиях современного процесса реисламизации в татарском именнике вновь появляются имена, связанные с религией.

Прослеженные тенденции изменения татарского именника можно рассматривать как проявление идентификационных волн, тесным образом связанных с этносоциальными процессами у татар на том или ином этапе их исторического развития. Эти тенденции характерны для всех этнических и социальных групп татар, но с временным опережением у социально более продвинутых групп.

НАГОРНОВА Елена Семёновна

*Ульяновский государственный педагогический
университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск*

РЕКРУТСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЧУВАШЕЙ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Рекрутские обряды чувашей изучены мало. Поэтому их исследование и обобщение сегодня наиболее важны. Цильнинский район Ульяновской области является местом компактного проживания чувашей. Рекрутские обряды здесь сохранены в традиционном виде. При проводах в армию обязательны обход родителей, благословение, прощание с семьёй, роднёй.

Проводы начинаются с ужина, на который приглашены близкие родственники, приятели призывника, «свита», сопровождающая при прощальных визитах к родственникам. На столе обычно праздничные блюда, но иногда ставят и традиционные (*шйрттан*).

После угощений и наставления о «правильном» поведении парни ходят по деревне, распевая рекрутские песни. Компанию приглашают в дома, угощают и дарят двухметровое вышитое полотенце – непременный атрибут рекрутского обряда у кайсаровских и алгашинских чувашей. Полотенцем родные благословляют ровную, широкую дорогу в армию. Полотенце может завязываться крестом на шее как защита. Некоторые просто накладывают их на шею.

Символом прощания раньше выступали платки. Ими призывник прощался с роднёй. Обычно их дарили девушки. Платок любимой парень забирал с собой. Исчезает обряд исполнения танца с платками. Сейчас платки (уже носовые) преподносят при провах из родительского дома.

Рекрутская обрядность чувашей Цильнинского района Ульяновской области сочетает в себе элементы традиционной обрядности и новшеств. Сохранилось использование полотенца как обязательного атрибута, благословение, прощание, в то же время теряет свои функции платок.

НЕЧВАЛОДА (НИКОНОВА) Елена Евгеньевна

*Институт этнологических исследований Уфимского научного
центра РАН, г. Уфа*

ОДЕЖДА НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА И ПРИУРАЛЬЯ XVIII–XX вв. (ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ)

В начале XXI в. народная одежда конца XIX – начала XX вв. выступает как воплощение традиции. Между тем по отношению XVIII в. она нередко демонстрирует размывание и утрату более архаичных форм. «Традиционная» одежда, в процессе непрерывной эволюции и трансформации, никогда не была законсервированным явлением. Этнографические источники (описания и изображения) позволяют проследить эволюцию одежды с конца XVIII в.

Основными тенденциями развития одежды в период с конца XVIII до начала XX в. стали: 1) постепенный переход от одежды из белого холста к пестряди из нитей домашнего производства, далее – к пестряди из покупных нитей, в последующем – вытеснение пестряди покупными фабричными тканями; 2) изменение кроя одежды как следствие использования широких покупных тканей; 3) прекращение бытования отдельных элементов костюма; 4) изменения в декоре одежды: постепенное исчезновение счетных вышивок и замена их аппликацией или строчкой; 5) изменения вследствие иноэтнических заимствований (от отдельных элементов кроя и предметов одежды, до полного перехода к «чужому» костюму).

В XX в. основными тенденциями эволюции костюма стали: 1) давление городской моды, вытесне-

ние традиционной одежды из быта, 2) изменения функций и сферы бытования народной одежды (использование ее только на свадьбах, народных праздниках, в выступлениях фольклорных коллективов). Особенностью XX в. стало проявление своеобразной «моды» – наложение и соединение традиционной и актуальной культуры (то есть явлений, которые возникали в традиционной одежде, актуализировались и исчезали в течение 2–3 десятилетий). Указанные тенденции проявлялись неравномерно, в разной степени у различных народов, этнических, этнографических групп, в различных населенных пунктах, что определялось воздействием суммы факторов, которые будут подробно рассмотрены в докладе.

ПЕТРОВ Игорь Георгиевич

*Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

МЕДВЕДЕВ Владислав Валентинович

*Магнитогорский государственный университет,
г. Магнитогорск*

НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НЕКРЕЩЕННЫХ ЧУВАШЕЙ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Среди этноконфессиональных меньшинств Южного Приуралья выделяются группы некрещенных чувашей, придерживающихся традиционной («языческой») религии. Наиболее полно она сохранилась в двух селениях на западе Башкортостана – с. Ахматово и, особенно – дер. Юльtimiровка. Одним из выразительных признаков традиционной религии данной этноконфессиональной группы являются надмогильные памятники юпа (досл. «столб», «опора»). По материалу они подразделяются на каменные, деревянные и металлические. Каноны древнего погребального культа, проявляющие себя, прежде всего, в антропоморфизме, в наибольшей степени сохранились в каменных и деревянных памятниках, в металлических они подверглись некоторой трансформации.

По своим формам и композиционной структуре каменные изваяния делятся на три основные типологические группы: а) памятники с ярко выраженной фигурой человека с округленной верхней частью головы и с выступающими с двух сторон плечиками; б) памятники с изображением лица человека или с заменяющим его знаком; в) плитообразные памятники с овальной, двускатной или плоской вершиной, но без признаков антропоморфизма. Деревянные и отчасти металлические памятники здесь бытуют четырех типов: а) памятники с фигурой человека с округленной вершиной и плечиками с двух сторон; б) памятники с вершиной в виде фигуры перевернутого знака сердца; в) памятники с ровной двускатной вершиной; г) памятники в виде многоугольной фигуры лопатообразной формы. Искусство ваения каменных и деревянных надмогильных памятников здесь развивалось на основе древних традиций, но вместе с тем происходил и синтез.

ПОПОВ Никандр Семенович

*Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ МАРИЙЦЕВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Народные верования и культы являлись ядром духовной культуры марийцев. Несмотря на принятие православия, они продолжали поклоняться природе, предкам, семейно-родовым и общинным божествам, проводили аграрные праздники и жертвоприношения. Традиционные верования продолжали регулировать семейную жизнь марийцев и в годы советской власти.

В 1990-е годы учреждается общемарийская религиозная организация, возобновились моления с жертвоприношениями. Сейчас в Республике Марий Эл и в соседних регионах функционируют несколько зарегистрированных религиозных общин, исповедующих «Традиционную Марийскую Религию». По мере укрепления организационного единства, привлечения к культовой деятельности молодежи меняется представление о божествах, сущности и назначении традиционной веры. Идеологи марийской веры заговорили о культе многоипостасного единого Бога, олицетворяющего Вселенское начало. По-новому стали трактоваться основы традиционного мировоззрения, система ценностей. Традиционная вера стала увязываться с идеей консолидации народа, утверждения идей гуманизма на земле, сохранением природы от экологической катастрофы. Большое значение стало придаваться усилению религиозно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Ведется полемика по поводу почитаемого восточными марийцами культа «Керемет» (луговые мари его считают носителем зла).

На трансформацию традиционных верований стали влиять возрождающиеся православные приходы. Роль православия в жизни марийцев с каждым годом усиливается. Симбиоз двух религиозных традиций ведет к качественному обновлению религиозных представлений, семейных обрядов, размытию некоторых важных для утверждения этнической идентичности традиционных ценностей.

ПОПОВА Елена Васильевна

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН, г. Ижевск*

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕСЕРМЯНСКИХ СЕЛЕНИЙ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ

Сакральные объекты определяют этническую специфику современных сельских поселений бесермян – коренного малочисленного народа, живущего в Урало-Поволжье. Они представляют собой сложный природно-культурный комплекс, сформировавшийся в ходе времени и в результате взаимодействия разных культурных и конфессиональных традиций.

В целом структура сакрального пространства сложилась к началу XX века и включала объекты, связанные с традиционным мировоззрением (священные рощи, места молений, кладбища, объекты природного ландшафта). Другая группа – мусульманские святыни в смешанных татарско-бесермянских селениях. В числе относительно поздних – православные культовые объекты (источники, храмы/места их расположения). Христианизация бесермян началась в середине XVIII в., и эти объекты сосредоточены в приходских центрах. Современное сакральное пространство формируют и памятники советского периода. Это захоронения в местах боев в годы Гражданской войны, монументы воинам-землякам участникам Великой Отечественной. Они включены в семейные и календарные обряды.

В XX веке в результате идеологических, социальных изменений, адаптации традиционного мировоззрения к меняющимся реалиям произошла значительная трансформация культовой практики, что сказалось и на степени почитания сакральных объектов.

Сохранность объектов, их использование в современных обрядах разная. Некоторые посещаются во время календарных и семейных обрядов. Информация о других бытует на уровне топонимики, пространственно-временных запретов. Есть памятники, подвергшиеся трансформации в результате естественного изменения ландшафта или воздействия человека, другие восстановлены вновь. Неоднократно рассматривался вопрос о создании реестра памятников. Перечень объектов актуален и составляется в целях сохранения культурного наследия бесермян, при проведении историко-культурных экспертиз (при разработке нефтяных месторождений, хозяйственной деятельности, проведении газопровода).

РОГАЧЕВ Владимир Ильич

Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

АТРИБУТИВНЫЙ МИР СВАДЬБЫ: ФЕНОМЕН ВЕНКА

В свадебной обрядности мордвы венок является непременным атрибутом свадьбы: его надевают на голову невесты и ее подруг. На протяжении всей свадьбы с венком на голове ходят распорядители и организаторы брачного действа *уредев* (дружка), *куд ава* (сваха). Надевание венка сопровождалось изменениями женской прически, одежды, украшений, что, по всей вероятности, означало изменение статуса женщины. Венок из бумажных цветов также одевался на голову умершей в добрачном возрасте девушки и ее провожающих подруг и других участников «свадьбы» смерти, которая разыгрывается при погребении. Такую же картину можно было наблюдать у славянских народов. Имеются сведения и об обычае венчания покойников у немцев Поволжья.

Использование венка в погребальной и свадебной обрядности мордовского народа позволяет предположить не являлся ли венок символом смерти,

угасания, умирания, а в далеком прошлом и жертвоприношения. Какие-то отголоски этого явления можно наблюдать в мордовском летнем моляне *Букань озкс* (моление быку). Обряд проводился в период цветения ржи и завершался жертвоприношением быка, голова которого была украшена венком, расшитыми узорами полотенцами. Наряду с различными толкованиями символики венка в обряде, можно предположить, что, возможно, венок символизировал половую зрелость, готовность девушки предстать перед языческим божеством и стать его супругой. Возможны и другие объяснения этого свадебного феномена некоторых народов России.

РЫЧКОВА Надежда Васильевна

Казанский государственный технологический университет, г. Казань

ТРАДИЦИИ В СИСТЕМЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ И ТАТАР РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Под «традицией» в докладе понимается совокупность представлений, норм, правил, привычек, навыков, которые передаются из поколения в поколение, являются элементами потребительской культуры, формируют потребительские предпочтения и могут определять направленность поведения потребителей. Сегодняшняя рыночная реальность характеризуется ростом предложений различных товаров и услуг, возможностью широкого выбора, агрессивностью маркетингового воздействия на потребителей. Все это позволяет рассматривать традиции в таких плоскостях как «традиционное – инновационное» и «традиционное – современное» в потребительской культуре, «традиция и мода».

На основе анализа эмпирических данных, полученных в ходе опроса в РТ в 2010 г. были выявлены некоторые особенности потребительского поведения русских и татар. Они связаны с целями шопинга, мотивами покупки новых вещей, реакцией на некачественный товар, оценкой влияния рекламы на образ жизни членов семьи и т. д.

Традиционно выделяют пять типов потребительского поведения. По данным исследования более половины респондентов «ориентированы на хорошее обслуживание». «Учитывающие тенденции моды» и «приверженцы традиций» составляют примерно одинаковый процент в структуре потребителей (более 12%). Особое внимание уделено характеристике потребительского поведения типа «приверженец традиций». Выявлены некоторые социально-демографические характеристики русских и татар, у которых традиции наряду с другими факторами влияют на потребительские предпочтения и определяют направленность потребительской активности.

Предпринята попытка построить сравнительный психографический профиль потребителей русских и татар – «приверженцев традиций». Рассматриваются

вопросы потребительской социализации в мононациональных семьях.

САГИТОВА Лилия Варисовна

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань*

ПОВОЛЖСКИЙ ИСЛАМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТРАДИЦИЯ-РЕСТАВРАЦИЯ, ИЛИ ТРАДИЦИЯ-ИННОВАЦИЯ?

Говорить о российском исламе как о некой гомогенной и однозначной культуре представляется сегодня проблематичным в силу многих причин. Сложность анализа этого феномена в России связана не только с сильной дифференциацией ислама в регионах России, что обусловлено своеобразием культурного, исторического и геополитического контекста регионов РФ. Сам по себе процесс «возвращения» ислама на постсоветское пространство неоднозначен и сложен. Аналитические рамки анализа этого процесса будут зависеть от интерпретативных сценариев актуализации ислама в России. Для научной литературы конца 1980-х – начала 1990-х годов характерно понятие «исламское возрождение», под которым подразумевался возврат к исторической традиции тюркских народов СССР после 70-ти лет атеизма. Однако уже к началу XXI века стало ясно, что «вернувшийся ислам» часто отличается от дореволюционных канонов. Появилось другое понятие – «исламская глобализация», подразумевающее заполнение духовной ниши тюрков арабской версией ислама. Появление духовных учителей и проповедников из стран исламского Востока, подготовка молодых имамов и мулл в зарубежных духовных центрах положили начало процессу ревизии традиции предков. Средоточием споров явилось понятие «традиция», поскольку проводники обозначенных тенденций апеллировали к истине, как мерило легитимности своего направления. Для обращающихся к региональной исторической традиции истина была в канонах предков. Исламские неопиты отсылали к арабской модели ислама, считая лишь ее одну истинной. Описанная коллизия вполне закономерна, поскольку культура в самых разных своих проявлениях обязательно содержит аспект традиции. Но ее существование и развитие немислимо без инноваций. Драматургия взаимоотношений этих аспектов и обуславливает сложность анализа социокультурных процессов.

САДИКОВ Ранус Рафикович

*Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

УДМУРТЫ-БАПТИСТЫ

Исторически сложилось так, что удмурты в подавляющем своем большинстве являются последователями православного христианства. Некоторые группы этого этноса никогда не были крещены и до сих пор сохраняют приверженность своей традиционной религии.

В ходе экспедиционной работы в 2008 г. выяснилось, что незначительная часть представителей этого народа исповедует баптизм. Одна из групп удмуртов-баптистов (примерно 20 человек) проживают в д. Удмурт Китяк Малмыжского района Кировской области среди православного большинства населения – удмуртов и русских. Община евангельских христиан-баптистов образовалась в деревне в 1920-е гг. Основателем ее стал местный житель Овчинников Кузьма Иванович, 1883 г.р., родившийся в православной семье. В годы Первой мировой войны он попал в плен и там, познакомившись с баптистами-украинцами, принял их веру. В 1918 г. он вернулся в свою деревню, привез Библию и начал проповедовать новое вероучение, причем не только в Удмурт Китяке, но и в соседних деревнях. Несмотря на угрозы, насмешки, побои родных, он продолжал заниматься миссионерством. В настоящее время община в селении сохраняет свою целостность.

В Россию баптизм начал проникать в конце XIX в. усилиями миссионеров с юга Украины. Отмеченные выше факты говорят о существовании другой формы распространения баптизма в России в начале XX в. Благодаря миссионерству бывших в плену военнопленных, баптизм распространился не только среди удмуртов, но и среди некоторых чувашских деревень.

СЕМЕНОВА Татьяна Витальевна

*Чувашский государственный университет
им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары*

ОБРЯД ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ У НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ*

Характерной особенностью летнего цикла обрядов и праздников народов Поволжья было проведение обряда вызывания дождя. Поводом служила знойная погода, мешающая нормальному росту хлеба и грозящая бедствием всей деревне.

Чувашское название обряда образуется из двух слов: *сумър* (дождь) и *чүк* (жертвоприношение, дар). *Сумър чүк* – наиболее утвердившийся и понимаемый термин, однако он имеет множество вариантов. Обряд проводился сельской общиной или улицей. На месте общественного моления непременно должна быть вода. Организаторами и инициаторами обряда выступали старики, хотя основную массу участников составляли дети. Сбор продуктов производили «заходя в каждый дом», «по всей деревне», «со всего народа». Такие уточнения говорили о круге участников. В качестве жертвенных приношений в домах сборщикам давали масло, крупу, соль, муку, яйца и другие необходимые продукты.

Обряд вызывания дождя был характерен для всех групп татар, но бытовал в разных формах. Организаторами и основными участниками обряда выступали либо взрослые, либо дети. При подворном обходе собирались продукты – разные крупы, молоко, яйца,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-11-21601 е/В).

масло. В большом котле готовилась каша. Это происходило на лугу или в поле, в некоторых случаях около кладбища или на месте старого кладбища, как правило, у воды. Иногда к назначенному месту шли с готовым угощением для обрядовой трапезы.

В засушливое время года мордва устраивали моления о дожде – *пиземе озкс*. С молитвой о дожде обращались к богине воды Веды Аве. Обряд совершался около ручья, реки, озера и т.п. С молитвой о ниспослании дождя ходили и на кладбище, поливая наиболее старые могилы.

У марийцев при бездожде все общинники шли к реке, а одна женщина в обрядовой одежде брызгала воду веником на участников обряда, обращаясь при этом к богам с молитвой о дожде. Неотъемлемая часть ритуала – так называемое приманивание дождя на кашу.

В какой бы форме обряд не проводился, он обязательно завершался массовым обливанием водой не только участников, но и всех жителей деревни.

СЕНИУТКИНА Ольга Николаевна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

ВВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ТАТАР-МИШАРЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ НИЖЕГОРОДЧИНЫ

Сегодня можно утверждать: история нижегородских татар-мусульман в целом написана, чему послужила в качестве базовой основы тщательная работа по исследованию архивных материалов и историографии ряда нижегородских историков. Защищены диссертации (Сенюткин С. Б., Гусева Ю. Н.), опубликованы монографии (Сенюткин С. Б., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н.), научные статьи, очерки (Мухетдинов Д. В., Хайретдинов Д. З., Загидуллин И. К., Хабутдинов А. Ю. и др.). Анализ материала по истории нижегородских татар дал возможность открыть 12-томную серию словарей «Ислам в России» томом, посвященным исламу на нижегородской земле. В настоящее время интересующиеся историей татар-мишарей Нижегородского края могут познакомиться с историей отдельных татарских селений: Большого и Малого Рыбушкино, Сафаджая (Красная Горка), Ишеево, Базлово, Татарской Медяны и др.

Написанная учеными история нижегородских татар-мусульман позволила начать процесс ознакомления с татарами-мусульманами и их вкладом в культуру региона учащихся и студентов через издание «Книг для чтения», предназначенных как для учащихся, так и для учителей, учебных пособий для студентов и преподавателей вузов.

Строительство Исламского культурного центра, начатое по инициативе ДУМНО (Духовного управления мусульман Нижегородской области), послужит созданию некоего «культурного моста» между представителями разных этносов и конфессий региона, тем самым постепенно меняя культурный образ Нижегородского региона с моноэтноконфессионального на полиэтноконфессиональный.

СЕРГЕЕВА Евгения Валерьевна

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ НИЗОВЫХ ЧУВАШЕЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

На основе изучения культуры питания чувашей в разных временных рамках прослежена эволюция чувашской кухни. Доклад построен на данных литературы и собственных полевых материалах, собранных среди низовых чувашей (южные районы Чувашской Республики). Этнокультурные особенности их питания объясняются значительной приверженностью к традициям, иноэтническим влияниям – кухни русского, но в большей степени татарского населения. Заимствования от татар отмечены в названиях и в приготовлении блюд (например, в Шемуршинском районе творожное кушанье *кăрт*). Обрядовая трапеза, по сравнению с повседневной, менее трансформировалась. По-прежнему проводятся обряды по случаю рождения детей *ача пăтти* с характерными блюдами, обычаи проводов в армию – призывник отрезает горбушку каравае, который хранится до его возвращения, по-традиционному кашу *пошол пăтти* ставят на стол при прощании с гостями, сохранились свадебные трапезы (*хур пăсни*) и комплекс поминальных традиционных блюд.

В выводах обобщены бытующие традиции, знания информантами блюд и обрядовой трапезы, которых придерживались чуваше в недавнем прошлом. В целом, чувашские национальные блюда и напитки все больше вытесняются рецептами приготовления пищи европейских, в т.ч. кавказских народов.

СУСЛОВА Светлана Владимировна

Институт истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан, г. Казань

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ КРЯШЕН

Традиционные костюмные комплексы (К. К.) кряшен – казанско-западно-казанский, елабужский, молъкеевский – формировались в едином этнокультурном пространстве с казанскими татарами (мусульманами). Нам удалось зафиксировать общность этноопределяющих ранних, особенно сельских, К. К. казанских татар и кряшен. Эта общность проявляется в крое нижней одежды. Сюда же можно причислить ранние типы женских головных уборов, в частности, широко известный в тюркском мире белый вязаный калфак *ак калфак*. Общими были монетные шейно-нагрудные и накосные украшения, миндалевидные филигранные серьги и т. д.

В отличие от казанско-татарских К. К., отличающихся однородностью составляющих их элементов, К. К. кряшен заметно различаются между собой структурно-типологическим содержанием и особенностями генезиса. В их генезисе в различной степени присутствуют различные по времени проникновения древнетюркские компоненты, в частности, булгарский, кипчако-ногай-

ский. Формирование К. К. крышен тесно связано с финно-угорским миром, что обусловлено тесными этнокультурными контактами с соседними финскими народами региона и их предками еще в составе Волжской Булгарии, Казанского ханства, позднее и Российского государства и, вероятно, ранними этнокультурными связями с обско-угорским миром Сибири. Генезис К.К. крышен безусловно связан с этническими традициями русской культуры, что, в первую очередь, обусловлено православной системой вероисповедания. Христианство, в конечном итоге, явилось важнейшей предпосылкой того, что костюм крещеных татар не консолидировался в единые общенациональные «мусульманские» нормы.

**ТИТОВА Татьяна Алексеевна,
КОЗЛОВ Вадим Евгеньевич**

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Несмотря на обширный материал по русскому населению Татарстана, накопленный со второй половины 1940-х годов, постсоветский период характеризовался снижением интенсивности «полевых» экспедиционных исследований русского населения республики. При этом русское население рассматривалось в большей степени как этносоциальная группа, а такие краевые проблемы как трансформация материальной, социальной и духовной культуры, которые имели место в этот период, оставались, как правило, за рамками проводившихся исследований. К настоящему времени, русское население Республики Татарстан уже почти 20 лет не является объектом систематического и всестороннего этнологического анализа. Кроме того, сформировалась достаточно асимметричная репрезентация современного русского населения – преимущественно через группу городского населения. Все это позволяет говорить о высокой степени актуальности комплексных исследований современного русского населения республики, изучение всех сторон жизнедеятельности ее представителей (социальной, культурной и психологической), а также генерализированный и компаративный анализ основных социальных групп внутри самой этнической группы. Цель исследования 2009 и 2010 годов – выявление и анализ общих качественных характеристик современного русского населения республики на основе изучения локальных групп русских Лаишевского и Тетюшского районов Республики Татарстан, а также г. Казань.

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна

Вятский государственный университет, г. Киров

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ ЭСТОНЦЕВ В ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ В XX ВЕКЕ

Этническая история эстонцев на севере Вятского региона связана с переселением их в этот край по

Столыпинской аграрной реформе. Способы и последствия проведения конкретных мероприятий повлияли на степень воспроизводства этнической культуры на новом месте. Поскольку мероприятия реформы предполагали выделение вагонов для перевозки бытовых вещей и «механизмов», то воспроизводство материальной культуры происходило согласно системе жизнеобеспечения на исконной территории. На обустройство полей, строительство хуторов, производство предметов быта и одежды повлияли местные природно-климатические и географические условия. Так, хутора обустраивались в лесах, борах, богатых природным сырьем. Виды домостроений воспроизводились по традициям южной Эстонии, с характерной крышей, окном рядом с входной дверью и т. д. Ведра, маслобойки, детали ткацкого стана выявляли сходства с бытовавшими на родине. По сравнению с местным населением много производилось шерстяных тканей, сукна, вязаных вещей.

До 1930-х годов полноценно использовался эстонский язык, работали школы. Сохранялись народные праздники, фольклор.

Воспроизводство традиционной культуры эстонцев в условиях Приуралья зависело от форм контактов с местными русскими и коми, на протяжении XX века на него сильно влияли социалистические преобразования и идеология.

УРАЗМАНОВА Рауфа Каримовна

*Институт истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан, г. Казань*

МЕСТО ПРАЗДНИКА САБАНТУЙ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ТАТАР (XIX – нач. XXI вв.)

Материалы, собранные во время многолетних экспедиций с целью создания научной базы для подготовки историко-этнографического атласа татарского народа по теме «Обряды и праздники», дают объективную картину бытования праздника сабантуй в этнографически обозримых хронологических рамках – сер. XIX – нач. XXI вв. Анализ этих материалов позволил проследить трансформацию такого многофункционального социально-художественного явления бытовой культуры народа как традиционный праздник, эволюцию форм (ритуала, обрядов, действий) праздника, а главное – изменение его значимости в общественной жизни татарской этнической общности.

Выделяется три этапа. Первый этап (XIX – нач. XX вв.) – время так называемого традиционного быта. По принципу функционирования – это светский, «самоорганизующийся» многовариантный праздник одной из групп татар Поволжья и Урала, а именно казанских татар с «самообслуживанием» в решении как организационных, так и финансово-экономических вопросов. Второй этап (советское время) – характеризуется ярким проявлением этноинтегрирующей функции – сабантуй стали праздновать как общетатарский народный праздник. Произошла его институционализация и связанная с этим унификация.

Третий этап – постсоветское время. Еще более активно проявляется его этноинтегрирующая функция. Наряду с обычными ежегодно стали проводиться «Региональные (областные)», «Федеральный сабантуй». Сабантуй становится «этнопрезентирующим» праздником татар как по всей России, так и за ее пределами.

ФАЗЛИЕВ Айваз Миннегосманович

*Управление по делам религий при Кабинете Министров
Республики Татарстан, Казанский (Приволжский)
федеральный университет, г. Казань*

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В МНОГОЭТНИЧНОМ И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ТАТАРСТАНЕ

Опыт Татарстана в религиозной сфере привлекает внимание не только в России, но и за рубежом. В частности, по инициативе экс-Комиссара Совета Европы по правам человека Альваро Хиль Роблеса в Казани 22–23 февраля 2006 г. прошел международный семинар: «Диалог, толерантность, образование: совместные действия Совета Европы и религиозных обществ (конфессий)». На семинаре рассматривались проблемы межконфессионального диалога и пути решения проблемы нарушения прав человека в государствах современной Европы. Участниками семинара была признана необходимость преподавания основ всех религий в школах. В своем выступлении на семинаре Комиссар отметил: «То, что мы видим в Казани, в Татарстане, – пример для всего мира». По его словам, ему предложили провести этот семинар в Толедо (Испания), «но я сказал, что Толедо – это история, а Казань – это сегодняшний день, она сегодня может быть примером взаимопонимания».

На протяжении более чем тысячелетия в регионе выработаны оптимальные формы сосуществования между различными религиозными конфессиями и народами. Эти традиции получили развитие в религиозном образовании края. Уже более одиннадцать веков назад мусульмане создали систему религиозного образования. В дореволюционной России Казань стала одним из центров православного образования, а Казанская духовная академия – одним из четырех высших религиозных учебных заведений империи. Эти традиции, прерванные в советский период, возрождаются в наше время.

ХАБИБУЛЛИНА Айгуль Рафкатовна

*Министерство культуры Республики Башкортостан,
Башкирский государственный университет, г. Уфа*

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН НА УРОВЕНЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Одной из форм сохранения и пропаганды этнической культуры народов Башкортостана являются историко-культурные центры (ИКЦ). На сегодняшний

день открыто 14 ИКЦ: 4 русских, 2 башкирских, татарский, удмуртский, марийский, чувашский, немецкий, украинский, латышский, белорусский. С 1 июня 2006 года Постановлением Правительства РБ № 85 от 13 апреля 2005 г. ИКЦ РБ придан статус филиалов государственного учреждения Дом дружбы народов РБ.

Динамика развития этнических процессов на территории ИКЦ и выяснение степени влияния центров на уровень этнической идентичности населения заявлялась автором в 2002–2003 и в 2008–2009 гг. путем опросов среди населения, проживающего на территории ИКЦ. Использовались методы социально-психологического опроса, этнической и кросс-культурной психологии.

Указали свою этническую принадлежность 62,57% опрошенных, у 37,43% она вообще не была актуализирована. В 2002–2003 гг. эти цифры составляли 51,29% и 48,71% соответственно. Максимальная значимость этнической принадлежности оказалась у башкир (98% опрошенных) и марийцев (93%), минимальная – у немцев (15%) и латышей (28%). У русских, в зависимости от территории нахождения центра, разброс значений колебался от 20 до 98%, средний показатель составляет 56,75%.

Для немцев и латышей этническая идентичность оказалась менее значимой, чем для остальных исследуемых групп, у которых характеристики групповой этнической идентичности выражены ярче.

Этническая принадлежность в целом по выборке занимает пятое место, пропуская вперед семейную, общечеловеческую, половую и профессиональную принадлежности. Такая тенденция прослеживается у представителей всех исследуемых этнических групп.

Исследования показывают: уровень этнической принадлежности на территории ИКЦ выше, чем на территории аналогичных по этническому составу иных населенных пунктов.

ХАБИБУЛЛИНА Зиля Рашитовна

*Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА БАШКОРТОСТАНА В НАЧАЛЕ XXI в.

Одним из малоизученных факторов современного развития мусульманской уммы в Урало-Поволжье является исламское духовенство. Цель доклада – проанализировать качественный состав, общественные функции и ценностные установки нынешнего мусульманского духовенства Башкортостана. На протяжении истории отмечается неоднократная трансформация этого сословия. До 1917 г. мусульманское духовенство представляло собой важнейшую группу элиты Башкирии, было носителем культурных и символических функций. Политика советских властей, направленная на прекращение основной деятельности духовенства, привела к снижению догматического и общекультурного уровня священнослужителей, превратив их в отпавителей культов, не обладающих достаточ-

ными знаниями и образованием. К 1930-м гг. духовенство в России было практически уничтожено. Становление мусульманского духовенства как социальной прослойки, сопровождаемое качественным изменением его роли и численности, относится ко второй половине 1990-х гг. После многолетних гонений и утраты своего статуса, ему приходится искать новые пути для укрепления положения в обществе. На основании материалов текущих архивов Центрального духовного управления мусульман России, Духовного управления мусульман Республики Башкортостан, данных социологических опросов священнослужителей (2006–2009 гг.), интервью муфтиев, их заместителей и наиболее авторитетных имам-хатибов мечетей г. Уфы (2005–2007 гг.) формируется социальный портрет современного мусульманского духовенства республики. Делается акцент на описании социально-профессиональных характеристик и идейно-политических позиций служителей ислама.

ЧЕРНИЕНКО Денис Аркадьевич

Уфимский филиал Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова (МГГУ), г. Уфа

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА

Украинский анклав в Южном Приуралье начал формироваться с середины XVII в. в процессе переселения. Численность украинцев в регионе поступательно увеличивалась до середины XX в., достигнув к 1939 г. 92 тыс. чел., с 1939 по 1989 г. снизилась на 17299 человек (18,74%), а к 2002 г. сократилась еще на 19741 тыс. и составила 55,2 тыс. чел., из них 87% – городское население, что обуславливает высокие темпы ассимиляции. За более чем 350 лет присутствия украинцев на территории Башкортостана для них были характерны разнонаправленные этнические процессы. До середины XX в. украинцы расселялись преимущественно в южных, западных и юго-западных районах Башкортостана, по природно-климатическим условиям напоминающих Украину, в настоящее время украинцы проживают в городах и селах по всей территории республики. Наиболее актуальная проблема заключается в сохранении этнической идентичности, что отражено в результатах последних переписей. Показательным является и процесс языковой ассимиляции (в 1926 г. украинский язык назвали родным 77%, в 2002 г. им владели всего 35,7%), которая ускорилась во второй половине XX в. в результате межэтнического сближения с другими народами республики, прежде всего русскими. Украинский язык вытесняется из сферы семейных отношений, разговоры испытывают сильное влияние русского языка. В результате возникают смешанные этнокультурные комплексы, обусловленные высокой степенью дисперсности расселения украинцев. Содержание данных комплексов, степень их влияния на этническое самосознание требуют дальнейшего изучения и сравнительного анализа с анало-

гичными процессами в соседних регионах Урало-Поволжья. Среди мер, способных приостановить процессы ассимиляции, уменьшить негативные для этноса последствия можно выделить: 1) сохранение системы национального образования, 2) необходимость дальнейших научных исследований и просветительских мероприятий, 3) продолжение деятельности национально-культурного общества, 4) укрепление разносторонних связей с Украиной.

ЧУРАКОВ Владимир Сергеевич

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН, г. Ижевск*

МИГРАЦИИ ПРАПЕРМЯН НА РУБЕЖЕ I–II тыс. н. э. И ФОРМИРОВАНИЕ УДМУРТСКОГО И КОМИ ЭТНОСОВ

Предлагаемые, главным образом в археологической литературе, схемы ранних этапов этногенеза пермских народов находятся в разительном противоречии с данными языкознания. (Разница в датировке разделения прапермской общности достигает более 1000 лет: в археологии этот процесс сопоставляется с «распадом» Ананьинской АК (VIII–III вв. до н. э.); по лингвистическим данным дивергенция современных пермских языков началась на рубеже I–II тыс. н. э.) В тоже время, финальная стадия формирования удмуртов и коми, сопоставляемая большинством исследователей-археологов со временем существования в начале II тыс. н. э. Чепецкой АК (предки удмуртов), Вымской АК (предки коми-зырян) и Родановской АК (предки коми-пермяков) не находит подтверждения в письменных источниках, которые беспристрастно свидетельствуют об относительно позднем появлении соответствующих пермских народов на данных территориях. Расширение числа археологических культур (в отношении этногенеза удмуртов) за счет так называемых «постпьяноборских», не учитывает того очевидного факта, что на столь огромной территории не могли сложиться необходимые условия для формирования весьма монолитных и достаточно близких в языковом отношении пермских народов.

Автор предлагает связывать начальные этапы этногенеза удмуртов и коми с хорошо фиксируемой по археологическим данным миграцией в конце I тыс. н. э. прапермского (*эндопермского*) населения с пермской прародины (Верхнее и Среднее Прикамье) на территорию Нижнего Прикамья. Закрепившееся в данном районе (историческая область *Ар-Ару*) прапермское население, среди которого распространилось самоназвание **odomort* (< иранск. **antamarta*), стало основой для сложения на рубеже I–II тыс. н. э. удмуртского этноса. Другая часть прапермян, продвигнувшись к X в. вдоль Вятки в бассейн Юга (историческая «Пермь», «пермские места устюжские») и сохранив, возможно, общепермское самоназвание (< прапермск. **kom-* «человек»), стала основой коми народа. Последующие миграции удмуртов и коми привели к формированию их современных этнических территорий.

ШАРИФУЛЛИНА Фарида Лутфулловна

*Институт истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан, г. Казань*

**СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ТАТАР
г. КАЗАНИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

В сложении этнического ядра городского населения г. Казани участвовали, в основном, казанцы, татары касимовские и мишари. Процессы этнической консолидации нашли отражение в традиционной свадебной обрядности. На формирование ее особенностей повлияло также и совместное проживание в течение нескольких столетий с русскими. В современной свадебной обрядности городских татар сохраняются некоторые наиболее зрелищные обряды: проведение девичника и мальчишника, шуточный торг выкупа невесты и ее приданого. Новобрачных при встрече осыпают зерном или изюмом или монетами, подносят масло и мед или хлеб с солью. Сохраняется традиция разделения гостей по возрастному признаку. Отдельно приглашают молодежь, стариков и людей среднего возраста. Наряду с регистрацией брака в ЗАГСе, проводят религиозное бракосочетание «никах» в доме родителей невесты или жениха. В последнее время престижным считается проведение религиозного бракосочетания в мечети, но после получения брачного свидетельства. Некоторые пары заключают брачный договор. В последнее время стало модным устраивать молодежную свадьбу в ресторане или кафе. После свадьбы молодые начинают жить в доме родителей или на арендуемой им квартире.

ШИШКИНА Елена Михайловна

*Государственный фольклорный центр
«Астраханская песня», г. Астрахань*

**ТРАДИЦИОННОЕ МУЗЫКАЛЬНО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ
АСТРАХАНСКОГО КРАЯ – ВАЖНЕЙШИЙ
РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В XXI ВЕКЕ**

Народная культура Нижнего Поволжья носит многокомпонентный полиэтнический характер. Населяющие Астраханскую область этнические группы – калмыки, татары, казахи, русские, немцы, туркмены, украинцы, чеченцы, даргинцы – являются создателями и хранителями богатого культурного наследия. В результате длительных межэтнических контактов в Нижнем Поволжье сложился своеобразный «культурный тип», отличающийся большой толерантностью к иноэтническим компонентам. В настоящее время, когда меняется тип общественных процессов, появляется новый тип переходного общества и преобразуется вся система социально-экономических отношений, необходим инновационный подход к выработке новых принципов жизнедеятельности с опорой на культурное наследие народов России. Системогенетический подход, опирающийся на

социокультурную память при разработке инноваций, будет способствовать улучшению качества жизнедеятельности астраханского региона.

Инновационный потенциал музыкально-этнографического наследия народов Поволжья опирается на систему традиционных этнокультурных признаков. Необходимы новые схемы использования социокультурного потенциала региона, активизации культурных ресурсов, сочетания модернизационной ориентации и сбережения традиционных ценностей. Важнейший и неизученный на сегодня фактор – поведение национальных и этнических групп Нижнего Поволжья как социальных систем. Становятся все более актуальными и необходимыми исследования особенностей традиционной культуры в новых условиях и этнической идентичности как типа социального процесса, в котором понятия культурных различий заданы социальным контекстом. Одной из новых стратегий развития астраханского региона, учитывающих культурные факторы, могла бы стать опора на развитие субэтнических культурных микросообществ.

ЩЕРБАКОВ Александр Сергеевич

*Северо-Западная академия государственной службы,
г. Санкт-Петербург*

**КУЛЬТУРА РУССКОГО
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

В XX в. направление и динамика этнических процессов как в нашей стране, так и во многих других государствах мира заметно изменились. Под влиянием глобальных процессов (индустриализации, урбанизации, секуляризации общественного сознания и др.) происходило изменение традиционной системы жизнеобеспечения этносов, размывались и исчезали многие элементы этнической культуры, активнее происходили межэтнические контакты и ассимиляционные процессы. Поэтому в современном индустриально-развитом обществе об этнической специфике в материальной и духовной культуре приходится говорить с известной долей условности. По поводу этой ситуации в отечественной этнологии в наши дни сложилось два мнения. Согласно первому, для современной этнической культуры многих народов характерна утрата этноспецифических элементов, в итоге она перестает быть традиционной. Приверженцы другого мнения считают, что в описанной ситуации традиционность не утрачивается, а наполняется иным содержанием. Другими словами, традиционная культура этноса – это его актуальная культура на любом этапе истории, в т. ч. и на современном, независимо от степени и особенностей бытования этноспецифических элементов.

Русское население Башкирии – самая крупная этническая общность республики. Его этнодемографическая история в XX в. – это не в последнюю очередь история урбанизации. При этом формирование русского городского населения края в течение XX в. в своем роде тождественно урбанизации региона в

целом: вплоть до последней трети XX в. представители других национальностей среди горожан Башкортостана были немногочисленны. Получается, складывание городского уклада жизни и русской городской культуры в Башкортостане проходило параллельно и было взаимообусловленным процессом. Кроме русских, традиционный городской уклад характерен лишь для части татарского населения республики.

В заявленном докладе рассматриваются характерные особенности культуры русского городского населения Башкирии, специфика её внутреннего содержания и влияние на этнические процессы в городах региона.

ЮСУПОВ Ринат Мухаметович

Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа

ПЕРЕЖИТКИ ДОИСЛАМСКИХ ВЕРОВАНИЙ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ БАШКИР*

В погребальном обряде башкир ярко выражен синкретизм канонизированных положений ислама и пережитков домонотеистических верований. В определении кладбища у них доминирует слово *зыйарат* (араб. «посещение», «паломничество»), в то время как у других тюркских народов оно определяется терминами *гуристан*, *каберистан*. Вероятно, башкиры устраивали в прошлом погребения вокруг древних могил, курганов или иных святых мест, к которым совершалось паломничество *зыйарат*, что перешло к названию кладбища, употреблявшемуся еще в домусульманское время.

В этом плане интересно, что в ряде мест Хорезма до сих пор бытует близкий термин – *дакма*, под которым понимается заколдованное место. Оно происходит от авестийского *дахма*, первоначально означавшего «место сожжения», «погребальный огонь». *Дахма*, в свою очередь, восходит к индоевропейскому корню *dhmbh* («хоронить») и первоначально означало «могила». По мере развития у индоиранцев новых представлений о смерти в соответствии с зороастризмом *дахмы* стали означать не места трупосожжений (дабы не осквернять огонь), а пустынные склоны гор, где выставлялись трупы людей. Большинство изученных нами кладбищ башкир располагалось на высоких местах, на склонах холмов и в предгорьях, что дает возможность возводить происхождение названия кладбищ *«зыйарат»* к местам древних захоронений.

При анализе археологического материала обращают на себя внимание элементы сходства в обустройстве погребальной камеры и надмогильных сооружений у древнего дотюркского савромато-сарматского населения и современных башкир. К ним можно отнести укладывание покойника в подбоя, на-

стил из камыша, сухой травы, мела, укрывание подбоя можжевельником для отпугивания злых сил, а также устройство деревянных срубов над могилой. Существующий сейчас у башкир весенний праздник «Карга туй» («Грачиная свадьба»), скорее всего, восходит к обряду выставления трупов древним населением Южного Урала ранней весной после таяния снега. Возможно, название его трансформировалось от «Каргас-туй», означавшего праздник грифов, когда выставленные на склонах гор или внутри срубов трупы поедались грифами.

Ритуал погребения у башкир сформировался в результате длительного взаимодействия на территории Башкирии индоиранского, финно-угорского, тюркского населения, придерживавшихся различных религиозных воззрений. Он представляет собой органический сплав из элементов язычества, зороастризма и более позднего ислама, что, в конечном итоге, создает территориальное разнообразие во внешнем оформлении могил. В то же время это разнообразие уравнивается единым для всех башкир мусульманским обрядом захоронения – в земле, без вещей, с ориентировкой лица покойного на Мекку.

ЯГАФОВА Екатерина Андреевна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА ЧУВАШЕЙ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.: МЕЖДУ ТРАДИЦИОННОСТЬЮ И МОДЕРНИЗАЦИЕЙ*

Развитие современной празднично-обрядовой культуры чувашей в значительной степени обусловлено влиянием общих тенденций социокультурного развития российского общества в постперестроечный период. Так, заметно актуализировались религиозные (православные) праздники и обряды среди крещеных чувашей, повсеместно распространены общественные и государственные праздники. Вместе с тем, существенную роль в современной празднично-обрядовой культуре чувашей играют традиционные элементы. В докладе представлены особенности функционирования элементов «языческого» обрядового комплекса в современных условиях на примере четырех этноконфессиональных сообществ чувашей: православных, «язычников», «мусульман» и старообрядцев. Несмотря на то, что религиозные воззрения и культовая практика характеризуются во всех группах синкретичностью форм, они содержат «языческий» пласт с различной степенью вариативности. «Языческо»-православный синкретизм представлен в культуре некрещеных чувашей и некоторых групп номинально православного населения (например, Приуралья), православно-«языческий» тип характерен для православного большинства народа, мусульманско-«языческий» и «языческо»-мусульманский – для потомков исламизированных чувашей, «христианско-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Башкиры Степного Заволжья: история, этнография, антропология» (№ 10-01-84114 а/У).

* Работа выполнена по гранту РГНФ (08-01-00284а).

языческий» – для чувашей-старообрядцев. Указанные типы сложились преимущественно в течение второй половины XIX–XX вв. Помимо усиления православного компонента в соответствующих религиозных типах на рубеже XX–XXI вв. наблюдались также изменения в содержании и форме проведения собственно «языческих» обрядов и праздников: с одной стороны, нарушение сроков и регулярности их проведения, сокращение числа участников и др. как свидетельство сужения ареала «язычества» среди чувашей, а с другой, масштабность организации и выход за пределы сельского общества, утрата сакрального смысла и т. д., свидетельствующие об интеграции «языческого» компонента в праздничную культуру на общечувашском уровне.

ЯФАЕВА Гульназ Маратовна

Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета, г. Нефтекамск

ЯЗЫЧЕСТВО В СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ ВОСТОЧНЫХ МАРИЙЦЕВ

Язычество восточных мариЙцев в научной литературе представлено недостаточно. На полевых материалах автора рассматривается семейная обрядность

восточных мариЙцев на примере мариЙцев Калтасинского района Республики Башкортостан.

Восточные мариЙцы – этнографическая группа мариЙцев, проживающая по берегам Вятки и далее на восток по Каме и её притокам, переселившаяся на данную территорию в XVI–XVII вв. В результате изоляции от поволжской части этноса и контактов с местным населением мариЙцы во многом сохранили древнейшие этнические черты в культуре и быте и в то же время испытали значительное влияние культуры соседних народов – башкир и татар.

Семейные обряды, связанные с рождением, свадьбой и похоронами, имеют отношение к так называемым «обрядам перехода». Рождение, свадьба и смерть – это переломные события в жизненном цикле человека, именно поэтому общество на протяжении всей своей истории внимательно относилось к ним. У восточных мариЙцев языческие элементы в родильных обрядах сохраняются в меньшей степени, так как современные мариЙки рожают в родильных домах. Лучшее язычество сохраняется в свадебной обрядности, а именно сохраняются этапы свадьбы и ритуальная одежда. Более ярко языческие мотивы просматриваются в похоронно-поминальной обрядности восточных мари, особенно в почитании предков и т. д.

Секция 3. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Руководитель: д.и.н. **Рахимов Рахмат Рахимович** (Санкт-Петербург)

АВЕРЬЯНОВ Юрий Анатольевич

Института востоковедения РАН, г. Москва

САКРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НАРОДНОСТИ ТАХТАДЖИ (МАЛАЯ АЗИЯ)

Первые европейские исследователи, писавшие о тахтаджах во второй половине XIX в., – П. Браун, Т. Бент, К. Хуманн – придерживались мнения, что эти племена, возможно, являются потомками древнего коренного населения Анатолии, смешавшегося впоследствии с пришельцами-тюрьками, но сохранившими ряд религиозных и этнических особенностей. Высказывалось предположение о том, что первоначально тахтаджи исповедовали христианство. Тахтаджи – одна из наиболее закрытых этноконфессиональных групп в Турции, у них сохраняется строгая эндогамия и запрет посторонним участвовать в религиозных обрядах данного сообщества, которые таким образом принимают вид «тайнств». Это народ, почти не затронутый письменной культурой, но обладающий богатой устной традицией, изученной далеко не полностью.

Главные святилища тахтаджей располагаются на западе Малой Азии. Это *оджак* («очаг») Йанын Йатыр в Нарлыдере (провинция Измир) и Хаджи Эмирли в Решадийе (провинция Айдын). Оба святилища возглавляются наследственными кланами духовных наставников-*деде*. Считается, что род этих *деде* восходит к восьмому имаму шиитов Али Ризе (ум. 818 г.).

У тахтаджей нет понятия о карме, и они думают, что Бог лично определяет, в какое живое существо должна переселиться душа того или иного человека (хотя его добрые и злые дела при жизни учитываются при новой инкарнации). Постепенное очищение душ от «земной грязи» во время перерождений подготавливает их к будущему райскому блаженству, которое наступит после конца света. Души святых (*эренлер*) могут сразу воссоединиться с Богом, минуя цепь перерождений (хотя в прошлом они также перерождались). Распространенный у тахтаджей культ предков, казалось бы, противоречит учению о переселении душ, но в реальности эти два феномена уживаются друг с другом.

Ритуалы тахтаджей обнаруживают тесную связь с их религиозными представлениями. Главной обрядовой церемонией считается у них *джем*, в котором принимает участие вся община, но главные «роли» исполняют двенадцать персонажей. Каждый из них выполняет особые сакральные функции. Джем считается религиозным поклонением Всевышнему (*ибадет*). Происхождение джема возводят к доисламским церемониям, связанным с именем древнеиранского мифического правителя Джамшида и с культом плодородия. Участники джема становятся во время ритуала духовными сущностями-*джан*. Наставник-деде служит посредником между миром людей и Всевышним.

АВКСЕНТЬЕВ Виктор Анатольевич

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ ДЛЯ ЮГА: ЭТНИЧНОСТЬ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ, ИННОВАЦИИ

На Юге России на смену деполитизации этничности с середины десятилетия пришел период ее реполитизации с включением в этот процесс конфессионального фактора. Основные конфликтогенные процессы переместились в религиозную сферу, причем, прежде всего это внутриконфессиональные проблемы. С этничностью тесно связаны религиозные особенности, до настоящего времени суфийские братства, существенно влияющие на духовную жизнь Северного Кавказа. Имеются проблемы и в «православном сегменте» Юга России. Значительно возрос интерес людей к так называемым нетрадиционным религиозным движениям. Не менее сложная ситуация сложилась с возродившейся этноклановой структурой. Эти процессы имеют одно общее: они являются свидетельством глубокой модернизации северокавказского региона в постсоветский период и признаком архаизации кавказского общества. Одновременно на Юге в первой половине и середине 2000-х гг. появились очаги ускоренной модернизации, сосредоточенные в «русской части» региона. Экономическая динамика выявила глубокий раскол: модернизационные процессы не затронули восточную часть, которая составила Северо-Кавказский федеральный округ. Изменить социально-политическую ситуацию, стимулировать светские тенденции в жизни общества, ослабить окрепшие в постсоветский период этноклановые связи могут инновационно ориентированные отрасли экономики. На Юге гипертрофированная этничность пришла в противоречие с потребностями модернизации. Одно из возможных решений накопившихся проблем – создание и реализация на Северный Кавказ модернизационного проекта, в результате которого будут запущены производства, модернизирующие социальную и политическую структуру.

АКСЕНОВА Татьяна Викторовна

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И СТЕПЕНЬ СОХРАННОСТИ

В докладе делается попытка проанализировать обряды русского населения Республики Мордовия, связанные с хозяйством, выявить процессы транс-

формации и степень их устойчивости. Хозяйственные обряды русских Мордовии подразделяются на две большие группы: обряды, связанные с жилыми и хозяйственными постройками и обряды в земледелии и животноводстве.

Установлено, что цикл жилищной обрядности русских Мордовии идентичен не только аналогичным обрядам русского населения, но и схож с жилищными обрядами мордвы и татар Мордовии. Наиболее полно он сохранялся лишь до начала XX в.; изменившиеся социально-экономические условия привели к потере устойчивости многих обрядов, связанных с жилыми и хозяйственными постройками. Как наиболее сохранившиеся, следует отметить элементы обрядности, связанные со строительством дома. Обряды, связанных с хозяйственными постройками, практически утеряны, что объясняется снижением роли личного подсобного хозяйства в жизни современного крестьянина.

Земледельческие и животноводческие обряды русских Мордовии аналогичны производственной обрядности русского населения. Это отмечено и у соседних народов. Цикл хозяйственных обрядов определялся основными занятиями крестьян. Изменения социально-экономических условий и характера труда крестьян оказали значительное влияние на обрядность. Многие обряды исчезли из быта русской деревни и сохранились лишь в памяти пожилых людей.

АЛЕКСЕЕВ Антон Кириллович

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

СОЧИНЕНИЕ АХМАДА Б. МАХМУДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В БУХАРЕ

Религия выступает одной из наиболее устойчивых форм идеологии, и может быть ассоциирована с *традицией* в самом широком смысле. Однако наши знания по истории идеологических учений народов Центральной Азии нуждаются в значительном расширении за счет ввода в научный оборот и всестороннего исследования письменных памятников, что и по настоящее время остается крайне актуальной задачей. Нарративные источники являются отражением мировоззрения их авторов и в этом ключе представляют особый интерес.

В настоящем докладе речь пойдет о малоисследованном агиографическом сочинении, написанном частично на арабском, а частично на персидском языке, имеющим условное название *Тазкират шайхух Бухара* (*Антология шайхов Бухары*). Автором трактата является Ахмад б. Махмуд, известный также под *тахаллусом Му'аййин ал-фукара*, судя по всему, выходец из суфийской среды. В сочинении приведены биографии нескольких десятков *улемов* и *шайхов*, а также названия их трудов. Насколько нам известно, сочинение дошло до нас в единственном списке, исследование которого может существенным образом дополнить наши знания, а также выступить в качестве

проверочного материала по истории идеологической жизни в Мавераннахре и Туркестане.

БИЧЕ-ООЛ Светлана Монгушевна

*Тувинский институт гуманитарных исследований
при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл*

ТУВИНСКИЕ ОЛЕНЕВОДЫ ТОДЖИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

В докладе представлены результаты исследования, посвященного оленеводам Тувы, проживающим в северо-восточной и юго-восточной частях. В годы Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) в Тодже разводили различные виды скота, но поголовье оленей было преобладающим и постоянно росло (1936 г. – 11557, 1939 г. – 16500 голов). По доходности оленеводство превосходило другие отрасли и давало более 30% всей валовой продукции животноводства. К концу 1980-х гг. оленей насчитывалось более 12 тыс., а к 1995–1998 гг. поголовье уменьшилось до 2 тыс. голов. Сегодня в Тодже насчитывается около 1,5 тыс. голов оленей. Негативные последствия, которые испытали и испытывают сегодня от рыночных реформ оленеводы, более серьезны, чем от социалистических преобразований в 1940–1950-х гг. Указом Президента РФ в 1994 г. территории Тере-Хольского кожууна и пяти сумонов Тоджинского кожууна были отнесены к территориям проживания коренных малочисленных народов Севера, а в 2001 г. тувинцы-тоджинцы включены в список «Коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». По переписи 2002 г. их численность составила 55,2% от всего населения кожууна (всего 5931 человек). В ходе пилотного социологического исследования некоторые жители райцентра выражали недовольство тем, что население Тоджи разделено на тувинцев-тоджинцев, как представителей коренных малочисленных народов, и на тувинцев, которые к этой группе не принадлежат. Это ставит их в неравные условия при распределении льгот. Большинство опрошенных считают, что улучшение их жизни зависит от них самих. Оленеводы понимают зависимость обустроенности, численности и воспроизводства здорового поколения от состояния оленеводческого хозяйства и поголовья оленей.

БОГАТОВА Ольга Анатольевна

Мордовский государственный университет, г. Саранск

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Республика Мордовия в постсоветский период демонстрирует особенности религиозности, характеризующие ее как типично православный российский регион: стремительное возрастание доли верующих, усложнение конфессионального состава населения при доминировании православия, «проправославный консенсус» в сочетании с высокой степенью этноконфессиональной толерантности, тесная взаимо-

связь этнической и конфессиональной идентификаций. Вместе с тем у православных наблюдается разрыв между декларируемой конфессиональной идентичностью и низкой степенью вовлеченности в конфессиональные практики, или «воцерковленностью» (8,3% православных), сочетание религиозных представлений, характерных для традиций, с квазирелигиозными и паранаучными идеями. Наблюдаемые особенности православной религиозности в постсоветской России рассматриваются не как отклонения от конфессиональной нормы, а как особый тип религиозности, сформировавшийся вследствие секуляризации в советский период и постсоветской глобализации, характеризуемый автономией верующего по отношению к приходским церковным структурам, самостоятельным регулированием верующим своего участия в религиозных практиках и свободой в формировании представлений, определяющих религиозное мировоззрение верующего, при сохранении традиционной конфессиональной идентификации.

ВАСИЛЬЦОВ Константин Сергеевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

СВЯТЫЕ МЕСТА И КУЛЬТ СВЯТЫХ НА ЗАПАДНОМ ПАМИРЕ

Кульст святых – один из наиболее интересных элементов мусульманской культуры, ибо, не будучи частью официального (нормативного) ислама, является едва ли не основным определяющим элементом местного (регионального или локального) ислама. Полевые работы таджикского отряда Центральноазиатской этнографической экспедиции (МАЭ РАН) проводились в 2007, 2010 г. в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Основным их содержанием был сбор и фиксация полевых материалов по культу святых исмаилитского населения Западного Памира. В ходе полевых работ изучались культовые памятники памирских исмаилитов (*мазар*, *остон*) Шахдары, Ишкашима, Вахана, фиксировались фольклорные материалы, легенды, связанные с тем или иным святым местом.

Оказалось, что святые места на Западном Памире можно разделить на несколько категорий: а) посвященные людям и б) посвященные природным явлениям. Обыкновенно *остоном* (*мазаром*) становится место, где захоронен человек, которого почитают как святого (*вали*) или где когда-то проходил и останавливался святой человек (*кадамджой*). Остоны посвящаются персонажам мусульманской сакральной истории (Мухаммад, Али, Фатима, Хасан, Хусайн), знаменитым на Памире исмаилитским проповедникам (Шобурон, Сайид Джалал Бадахши, Насири Хусрав) либо известным своей праведностью односельчанам (Ходжаи Нур, Ходжаи Зур). Внешне *остоны* представляют собой небольшие строения, украшенные рогами архаров. Нередко в число почитаемых объектов входит также водный источник, старое дерево, камень необычной формы. В начале 90-х годов памирцы либо ак-

тивно восстанавливали утраченные *остоны* либо строили новые, однако в 1995 году Имам Ага-хан IV издал *фирман*, запрещающий основывать новые *мазары*. Вместе с тем поклонение святым и культ святых мест продолжает играть важнейшую роль в религиозной жизни горцев Бадахшана.

ВДОВЧЕНКОВ Евгений Викторович

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ АЛАНОВ НА ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЯХ В I в. н. э.

Проникновение аланов в степи Северного Причерноморья в I в. н. э. (фиксируемое античными авторами) стало одним из важнейших событий в древней истории европейских степей. Несмотря на относительно немногочисленность мигрантов с востока, их приход изменил этнополитическую и этнокультурную ситуацию, вызвав многочисленные последствия. В I в. происходит массовое движение кочевников на запад. Резко активизируется военная деятельность кочевников. Аланы, видимо, стали важнейшим фактором в формировании среднесарматской археологической культуры. Происходят серьезные сдвиги в политической и социальной организации кочевников Северного Причерноморья и Подонья. Об усилившейся социальной стратификации свидетельствуют богатые комплексы среднесарматской культуры, концентрирующиеся в районе Подонья, а также появление у кочевников тяжелой конницы, неизвестной у ранних сарматов.

Возникает вопрос о механизмах взаимодействия мигрантов с местными племенами. Анализ письменных и археологических источников показывает, что им удалось захватить политическое господство в нескольких районах европейских степей и ассимилировать местное население (аорсов письменных источников, археологических ранних сарматов), при этом какое-то время группы раннесарматского населения сосуществовали с носителями среднесарматской культуры, пока не были поглощены ими.

ГОЛУБЕВ Андрей Васильевич

Общественный фонд «Евразийский союз учёных», г. Уральск

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ «ЕВРАЗИЙСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК» В ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Создание в Западно-Казахстанской области историко-этнографического природно-ландшафтного музея-заповедника «Евразийский перекресток» является инициативным культурным проектом Общественного Фонда «Евразийский Союз Учёных». Музейный комплекс с охранной природной зоной позволит наглядно, убедительно и доходчиво рассказать об истории Приуралья, об обычаях, традициях, верованиях различных этносов, проживавших и проживающих в нашем крае с VIII века до н. э. по XX век. Сохранившийся практически в нетронутом

виде типичный степной и лесостепной природный ландшафт, красивые виды на реку Урал, наличие старинных построек и особенно христианского православного храма 1899 года – делает вполне закономерным выбор окрестностей поселка Коловертное Западно-Казахстанской области в качестве места расположения музейного комплекса.

Модель историко-этнографического, природно-ландшафтного музея-заповедника содержит огромный потенциал возможностей для осуществления научно-исследовательских, научно-популяризаторских, просветительско-образовательных, культурно-досуговых и туристическо-рекреационных замыслов. Именно в рамках музея-заповедника открываются широкие и разнообразные возможности экспонирования материалов археологических раскопок в крае, начиная с VIII века до н. э. до XVIII века н. э.

В проекте изначально заложены религиозно-культурные аспекты, поскольку он предполагает создание музея истории православия в Приуралье и выделение отдельных залов для экспозиций по верованиям и религиям народов края с VIII века до н. э. до XVIII века н. э. и религиозным представлениям казахов, в особенности, в период XVI–XIX веков. Находящийся в регионе на пересечении трансграничных экономических, культурных, межкофессиональных, политических и геополитических влияний и воздействий, данный музей-заповедник смог бы стать общей территорией и эффективной научно-информационной, организационной структурой развития международного культурного сотрудничества стран постсоветского евразийского пространства.

ГРОШЕВА Ирина Александровна

Тюменская государственная академия мировой экономики управления и права, г. Тюмень

ГРОШЕВ Игорь Львович

Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ РОССИЯН СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Доклад посвящен рассмотрению специфических особенностей современных социокультурных процессов, связанных с глобализацией и процессами модернизации. Для тех социологов, которые осуществляют анализ исследуемых проблем со стороны культуры, именно стереотип сознания определяют формирование общественного, толерантного в своей основе консенсуса. Несомненно, что социальные ценности и социальное поведение являются существенной основой стереотипов, только тогда, когда они являются общепризнанными в данном обществе.

Авторы доклада рассматривают проблему культурной толерантности в контексте культурной диффузии и определяют ее как естественный эволюционный путь развития социокультурной составляющей современного российского общества.

ДЖАНДОСОВА Заринэ Алиевна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

НОВЫЕ КАЗАХИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ

Проблема казахской идентичности, сильно увязанная с вопросами казахского языка и русификации, кочевого наследия казахов и урбанизации, ренессанса традиций и отката/прогресса модернизации остается острой и трудно разрешаемой как в силу своей естественной политизированности, так и из-за объективной, исторически обусловленной комплексности. Подходя к решению этой проблемы, нельзя не учитывать и факторы кланового сознания и суперэтнической солидарности, национальной идеи независимого Казахстана и национальной идеи казахов. Перед исследователями остро встают вопросы объективной оценки истории «этноса», «этнической территории» и границ, соотношения собственного начала и внешних влияний в культуре и этническом бытии казахов.

Новый виток обострения этой проблемы приходится на последнее десятилетие, когда негласный политический заказ, вызванный созданием нового независимого государства с т. н. «титულიйной нацией» во главе, породил бум научной и, в большей степени, околонушной и публицистической литературы на «этнические темы» и гипертрофированный интерес к ним. Изучение этой литературы приводит к выводу не столько о формировании, сколько о конструировании национальной идентичности в современном Казахстане и об отсутствии в казахском и казахстанском обществе какого бы то ни было согласия по этому поводу, а также к выводу об отсутствии исследований, содержащих беспристрастный, подлинно научный анализ проблемы.

КАЛАНДАРОВ Тохир Сафарбекович

Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСМАИЛИТСКАЯ РЕФОРМА НА ПАМИРЕ: ЗА И ПРОТИВ

После образования независимой Республики Таджикистан на Памире начался этап возрождения исмаилизма. Но при этом обнаружился недостаток необходимых достоверных знаний основ исмаилитского ислама, богословской литературы и духовного наставничества. Сказывались также последствия гражданской войны в Республике Таджикистан (1992–1996 гг.). Для решения этих проблем и пытаясь поддержать своих памирских мюридов, Ага-хан IV – духовный глава исмаилитов всего мира, в мае 1995 г. впервые за тысячелетнюю историю существования исмаилизма на Памире посетил Горно-Бадахшанскую автономную область Республики. Встречи и общение с духовным лидером положили начало реформам в памирской общине. Суть их сводится к созданию стройной и гибкой структуры, включающей хорошо налаженный ап-

парат управления. В 1995 году в единственном в области городе – Хороге открылся офис Ага-хана по образованию и начал функционировать Комитет по исмаилитскому пути исповедования (*тари-ка*) и религиозному обучению, который памирские исмаилиты называют по первым буквам английского названия – «Ismaili Tariqa and Religious Education Committee» – ИТРЕК.

С Науруза (праздника Весеннего Равноденствия) 2009 г., в соответствие с новыми установлениями, исмаилиты Памира, как и их единоверцы в других районах мира, совершают обряд бракосочетания «никох» по нормам ислама. С 11 июля 2009 года был утвержден новый порядок проведения обряда прощения с духом умершего, который сопровождается ритуалом возжигания лампы.

В докладе подвергаются анализу религиозные нововведения и отношение к ним исмаилитского населения Западного Памира.

КАМАЛОВА Гульдар Рашитовна

Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, г. Уфа

ЭТНИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Процесс идентификации предполагает выделение основных характеристик, оценок, которые подчас носят расплывчатый характер, позитивную коннотацию, нейтральную или резко отрицательную характеристику (что, впрочем, присуще как при идентификации других, так и при самоидентификации). С целью выявления характера этих восприятий и образа *другого* нами была разработана анкета по этническим портретам и автопортретам. Использовались методы свободных характеристик.

Исследование проводилось автором на базе Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. Выборка составила 100 человек с соблюдением гендерного баланса. В исследовательское поле были включены студенты 30–35 лет, получающие второе высшее образование. Студентам предлагалось описать качества, характеризующие некоторых представителей индоевропейских, алтайских, уральских, сино-тибетских и вьетнамских народов.

Как показал анализ, общим для всех респондентов явилось наличие психологии советского прошлого, поскольку данные респонденты относятся к поколению, которое застало советское время и, следовательно, оказалось одновременно свидетелем советского, постсоветского и постиндустриального периодов. Наиболее частотными характеристиками стали взаимовыручка и гостеприимство – позитивные составляющие. В качестве отрицательной характеристики многие респонденты отметили «негостеприимность», раскрывая семантику данной характеристики как маркера культурного стереотипа. Интересным оказалось восприятие некоторыми респондентами характерной черты представителей японской и американской культуры, которая проявля-

ется в специфике их коммуникативности. Данное исследование является лонгитюдным; в дальнейшем предполагается дополнить данные по другим возрастным группам, что позволит рассмотреть исследуемый сегмент в сравнительной перспективе.

КОМОЛЯТОВА (ТЕРЕБИХИНА)

Анастасия Николаевна

Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск

ЕВРЕЙСТВО В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX вв.: ТРАДИЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

В докладе представлена периодизация и содержание этнокультурных процессов в среде российского еврейства XIX – начала XX вв., обусловленных как этноконфессиональной политикой правительства, так и внутренней трансформацией традиционного общинного уклада диаспоры.

В *первый период* (первая половина XIX в.) российское еврейство оставалось изолированной общностью, имеющей институты самоуправления, базирующиеся на религиозном законе. Разработка основных законодательных актов правительства в этот период была направлена на модернизацию еврейской жизни в основных ее аспектах.

Второй период, связанный с реформами 1850–1860-х гг. стал для евреев временем более активного включения в социокультурную и экономическую жизнь Российской империи. С середины XIX в. происходит процесс редукции конфессиональной идентичности еврейства, которое начинает динамично интегрироваться в российский социум.

В третий период (1881–1905 гг.) усиливается вхождение еврейства в процесс российской модернизации, что предопределило подъем его социальной активности и мобильности. В этот период в самосознании российского еврейства происходит распад прежде целостной модели «евреи как религия» на «евреи как нация» и «иудаизм как еврейская религиозная система».

В XIX – начале XX вв. в контексте модернизационных процессов происходит трансформация традиционного этнокультурного мира российского еврейства (десакрализация, революционный и национальный активизм и т. д.)

КРАСНОДЕМБСКАЯ Нина Георгиевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕРЕЗ ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СИМВОЛЫ (ПО ПОЛЕВЫМ НАБЛЮДЕНИЯМ В ШРИ ЛАНКЕ)

Проблема этнической самоидентификации древнего народа сингалов, основного населения Шри Ланки, обострилась в последние десятилетия в связи с граж-

данской войной, длившейся, в своей активной фазе, с 1983 по 2009 гг. Война имела форму межэтнического конфликта: противоборствующей стороной выступало местное дравидское население (так называемые «тигры Тамил Элама», ставившие своей целью создание на территории острова независимого государства). Межэтнические «трения» в постколониальную эпоху возникали в Шри Ланке (бывший Цейлон) преимущественно в отношении приоритетов в области языка и религии, проявляясь главным образом на политической и законодательной аренах. В быту культурные различия редко воспринимались обостренно или враждебно. Тем более, что многие из значимых символов магики-религиозного и общекультурного смысла были общими для местных народов.

Поствоенный «синдром» (усиленный бедствиями, которые принес чудовищной силы цунами, в 2004 г.) вызвал у сингалов рост этнического самосознания и стремление к самоутверждению в качестве «главных хозяев» страны. Начало XXI века отмечено заметной активизацией внимания к использованию традиционной культурной символики во многих областях общественной жизни.

Прицельно ведутся археологические изыскания культовых и «светских» памятников истории. Обновляются (и создаются новые) символы и культовые сооружения (как монастырские комплексы, так и отдельные ступы и статуи Будды), иногда и с помощью зарубежных братьев по вере. Централизованно окультуривается организация паломничества к святыням буддизма. Буддийские символы вводятся в быт даже в качестве сувениров (буддийский флажок, ступы-шкатулки и т. п.). Появились новые формулы приветствий и прощаний со смыслом буддийского благопожелания.

Новое осмысление традиционной символики идет по двум направлениям: этноконсолидирующему (ср. образ льва как напоминание о самоназвании сингалов от слова «синха», то есть «лев») и этнодифференцирующему (специфический взгляд на колокол, образ тигра и т. п.).

КРЮКОВА Виктория Юрьевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

КУЛЬТ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ В ЗОРОАСТРИЗМЕ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В зороастрийских религиозных текстах, как авестийских, так и более поздних, написанных на средне- и новоперсидском языках, содержатся сведения о животных, живущих в приводной местности. Еще в Авесте они выделены в класс *urāra-* ("приводные"), упомянутый, в частности, в начальном стихе авестийского Висперета (V 1.1), где перечисляются главы благих существ, принадлежащих Святому духу. При этом животных, именуемых в Авесте *urāra-* не так много, но все они имеют глубокое мифологическое значение, будучи связанными с культом во-

ды, играя важную роль в картине мира. Среди них рыба Кара (возможно, связанная с трехногим ослом, хага-, стоящим посреди мирового океана), бобр (?), выдра.

Из этих авестийских персонажей в поздних зороастрийских текстах, например, Бундахишне, детальное внимание уделено только трехногому ослу и рыбе Кара. Такие важные в авестийской мифологии животные, как выдра, не только отходят на второй план, но и вовсе теряют мифологическое значение, переходя в классификации скорее биологического свойства. Тем не менее, следы бывшего почитания этих животных мы находим в центральноазиатских этнографически засвидетельствованных ритуалах и ритуальных предметах.

МАГОМЕДОВА Муслимат Алхилаевна

Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала

ДАГЕСТАНСКОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Современные этнокультурные процессы в России отмечены сужением сфер функционирования традиционно-бытовой культуры, тотальной модернизацией быта, проникновением «массовой культуры». Так, в Дагестане в 1960–1980-е годы в результате широкомасштабной политики народов, проживающие в равнинной части республики (кумыки, ногайцы, русские и ниже-терские казаки Кизлярщины, дербентские азербайджанцы) лишились значительной части земель на своей исконной территории, утратили компактность проживания. В отличие от горских народов Дагестана, они не имеют теперь мононациональных районов и в условиях, когда большинство ныне существующих, в том числе сельских, населенных пунктов стали многонациональными, возникли реальные перспективы деэтнизации этих народов или вынужденного оттока наиболее активной части.

Дагестан в этническом и языковом отношении чрезвычайно многообразен. В общественной жизни и политике современного Дагестана большую роль играет этнический фактор. В докладе рассматривается тема многонациональности Дагестана, которую автор склонен оценивать не как помеху или фактор разобщенности народов, а как их богатство, реальную силу единения народов и условие интеграции их с другими этническими общностями.

МАЙБОРОДА Эльвира Тагировна

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Системный баланс культур, сложившийся на Северном Кавказе, после распада СССР оказался разрушен, что привело к всеобщему кризису не только советской идентичности, но и российской. Стремясь подтолкнуть Россию к модернизации, смене

социокультурного кода, культурная политика федеральных властей, деятельность электронных СМИ были направлены на дискредитацию всего, что было связано с Российской империей и СССР. Такая политика создавала образ русской культуры как вторичной, ретранслятора европейской, что в полиэтническом государстве не могло не иметь деструктивных последствий. Магнетизм, притягательность русской культуры, ее интернациональная роль на Северном Кавказе стала утрачиваться, часть интеллигенции народов Северного Кавказа стала испытывать потребность дистанцироваться от «непрестижной», «суррогатной» и «тупиковой» российской социокультурной системы и ее «пагубного» влияния, считая это необходимым условием этнического самосохранения. В условиях несформированности общероссийской гражданской идентичности ценности традиционной культуры народов Северного Кавказа показали способность противостоять энтропийным процессам, стали каналом и средством адаптации к современным переходным условиям. В то же время возрождается не весь комплекс традиционной культуры, а лишь те сегменты и стороны, которые могут быть востребованы в современных условиях для приспособления к модернизационным процессам или, наоборот, обеспечивают защиту, сопротивление тем культурным инновациям, которые угрожают ментальной идентичности. Очевидна тенденция ослабления доминантной роли российской культуры на Северном Кавказе и борьбы за замещение ее западной массовой культурой и различными исламскими течениями.

МАХМУТОВ Зуфар Александрович

*Институт истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан, г. Казань*

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ, КУСТАНАЙСКОЙ, ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Исследование основано на проведенном нами этносоциологическом опросе и глубинных интервью среди татар Северного Казахстана в 2005–2010 годах. Национальные обряды татарского населения Северного Казахстана неразделимо связаны с традиционными религиозными ритуалами, а именно: с «исем кушу» – при рождении ребенка, с «никахом» – при заключении брака, с полным комплексом исламской обрядности – при выполнении погребально-поминальных ритуалов. Однако, несмотря на фундаментальное значение мусульманских канонов, нами зафиксированы элементы различия в проведении традиционных ритуалов татарами Северного Казахстана как относительно единоверцев-казахов, так и татар в других регионах. Как показывает наше исследование, младшее поколение татар в меньшей степени соблюдает традиционную се-

мейную обрядность. Существенное влияние на нарушение вертикальной культурной трансмиссии оказывает значительный рост межэтнических браков. Наиболее подвержены нивелировке свадебные обряды, наименее – похоронные. В обрядах татар Северного Казахстана отчетливо прослеживается как влияние казахской, так и общесоветской культуры.

МИХАЙЛОВА Татьяна Александровна

*Поволжская академия государственной службы,
г. Саратов*

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ КАК ФИРМЕННЫЙ ЗНАК ГЕРМАНИИ, ЭТНИЧЕСКИЕ НЕМЦЫ В РОССИИ

Сегодня широко дискутируются вопросы культурного многообразия. Общества все больше приспособляются друг к другу. Рождается новое многообразие мультикультурализм. Мультикультурализм стал фирменным знаком Германии. В Германии культурное многообразие обусловлено ее федеральным устройством исторически. В России этнические немцы жили с XVI века, где и сложилась особая этническая общность – «российские немцы». Наиболее крупным поселением немцев в России с середины XIX века становится Поволжье.

Немецкие иммигранты были столь влиятельными и многочисленными (немцы по численности занимали в стране девятое место), что существенно повлияли на формирование всех аспектов современной жизни России: культуры, экономики, быта, языка. Культура «российских немцев», вобравшая в себя русскую и немецкую культуру, самобытна и интересна. Традиции немцев, порою уже утерянных в ФРГ, по-прежнему сохраняются в России. В поисках новой модели этнокультурной политики правительство Германии способствует сохранению немецкой идентичности в России, поддерживая уникальную культуру «российских немцев». Культуре России, как и Германии свойственна мозаичность. Сами «российские немцы» оценивают немецкий этнос в России как носителя европейской цивилизации в условиях азиатской культуры. «Российские немцы» помогли процессу взаимного сближения России с европейскими государствами.

МУЛЛАГУЛОВ Мирза Гизетдинович

*Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННЫХ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИР)

Полевые материалы свидетельствуют о постепенном исчезновении элементов традиционной культуры башкир. В настоящее время башкиры живут дисперсно в одних деревнях и селах вместе с представителями других народов, общаются на русском языке,

носят покупную одежду и обувь, питаются продуктами, купленными в магазинах, пользуются современными видами транспорта. Молодежь уже забывает национальный язык, не знает ни традиционных занятий, ни культуры. В области хозяйства и материальной культуры сохранились лишь отдельные традиционные элементы. Например, если брать собирательство, то здесь многие не знают съедобных трав и корнеплодов, за исключением некоторых ягод и плодов. В области рыболовства их знания ограничиваются лишь удочкой и мордой. Характерно незнание традиционных приемов охоты и приспособлений для звероловства. Раньше башкиры прекрасно ориентировались в лесах, умели находить гнезда диких пчел и снимали мед.

Автор доклада пытается обобщить возможные способы и методы сохранения устойчивых элементов традиционной культуры башкир.

МУСИНА Розалинда Нуриевна

*Институт истории им. Ш. Марджани АН
Республики Татарстан, г. Казань*

НОВАЦИИ В СФЕРЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКИ У ТАТАР-МУСУЛЬМАН

Последние два десятилетия после более 70 лет атеистического советского прошлого у татар, как и других народов, предки которых исповедовали ислам, ознаменовались процессами «религиозного возрождения» или «реисламизации». Рост числа верующих, активизация их религиозной практики, стремительное увеличение количества мечетей, религиозных учебных заведений, обилие религиозной литературы и средств массовой коммуникации являются яркими этому свидетельствами. В советском обществе ислам проявлялся, главным образом, в семейных обрядах жизненного цикла и праздниках, которые выступали как часть этнической культуры, дань этнокультурной традиции. В новых условиях религия прочно входит в повседневную жизнь татар–мусульман, играя все более активную роль в современном обществе. Возрождение религиозной жизни, происходящее чаще в рамках традиционного «татарского» ислама, подчас приобретает новые формы проявления; например, проведение религиозных обрядов бракосочетания – *никах* и имянаречения – *исем кушу* в мечетях, обряда обрезания – *суннат* в больницах, активно развивающаяся *халяль-индустрия* (продукты питания, косметика и парфюмерия, фармацевтическая продукция), индустрия мусульманской одежды с фестивалями мусульманской моды и другие. В обрядовой жизни заметны процессы, с одной стороны, упрощения ритуалов, с другой, «народного обрядотворчества». Новации в религиозной практике связаны как с различными внутренними идеологическими течениями ислама в регионе – традиционалистским, реформистским и фундаменталистским, так и влиянием современных социальных условий.

ПОПОВА Лариса Федоровна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА КАК ФАКТОР ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ У КАЗАХОВ ОРЕНБУРГСКОЙ (РОССИЯ) И АКТЮБИНСКОЙ (КАЗАХСТАН) ОБЛАСТЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2009 г.)

В 2009 г. были начаты полевые этнографические исследования у казахов Соль-Илецкого района Оренбургской области РФ и Хобдинского района Актыбинской области РК. Одна из задач – определение роли государственной границы в этнокультурных процессах у казахов этих приграничных районов. Большинство населения относит себя к *Малому жузу*, роду *табын* племенного объединения *жетиуру*.

Исследования позволили сделать предварительный вывод о нарастании этнодифференцирующей функции границы, что находит проявление в следующих процессах:

1. Повышение чувства этнического самосознания оренбургских казахов и ощущения ими своего историко-культурного своеобразия. Признание казахами Казахстана факта высокой консолидации российских казахов.

2. Сохранение оренбургскими казахами ряда локальных особенностей этнической культуры, преимущественно в обрядовой сфере (проведение обряда мусульманского бракосочетания в доме невесты, отсутствие блюда *куйрук-баур* при сватовстве, раздача кусочков ткани *жертис* на любом празднике, а не только на поминках, празднование Навруза 14 марта и мн. др.). Оценка этих особенностей как «своих».

3. Явное снижение роли казахского языка в оренбургской группе которая в экономической и образовательной сферах ориентируется на российский рынок. Казахи Казахстана в бытовых ситуациях используют это обстоятельство как повод для третирувания соседей.

4. В экономике села проявляются разные тенденции, влияющие на общекультурную ситуацию: в Хобдинском районе сохраняется высокий удельный вес скотоводства, в Соль-Илецке более выгодно возделывание бахчевых культур, чем занята большая часть мужского населения.

5. Формальности при пересечении границы заставили казахов Хобды ориентироваться в качестве города-центра на Актобе, а не на Оренбург, как в советское время. Это определило иные влияния, умонастроения, модные тенденции, новации в обрядовой сфере.

Представляется, что в дальнейшем центростремительные тенденции в обеих группах будут нарастать, хотя фактор родственных отношений является значительным препятствием для быстрого развития этого процесса.

ПРИЩЕПОВА Валерия Александровна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ (КУНСТКАМЕРА) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Иллюстративный фонд МАЭ располагает значительным количеством фотографий второй половины XIX–XX веков, на которых запечатлены памятники культовой архитектуры Бухары. Доклад акцентирует внимание на необходимости введения в научный оборот этого ценнейшего источника для искусствоведов, религиоведов, этнографов.

Для мусульман Бухара была своего рода Меккой. Гробница покровителя столицы ханства шейха Баха ад-дина во второй половине XIX века находилась в окрестностях города. Фотография Н. Орда 1880-х годов из собраний МАЭ называется «Бухара. Кишлак Бугоэдин». На ней изображение старинного кишлака Баха ад-дин – усыпальницы шейха и окружавшие ее постройки. По внешнему виду кишлак Баха ад-дина почти ничем не отличался от других селений. Его жилища, дома для паломников утопали в зелени деревьев. Фотограф зафиксировал на кадре постройки для нищих, которые тянулись вдоль улиц кишлака. По свидетельству литературных источников XIX – начала XX веков, в них могло проживать до нескольких сот человек. Улицы нищих вела к воротам исторического кладбища, где покоились потомки Баха ад-дина, некоторые из выдающихся личностей и общественных деятелей разных эпох существования Бухары.

В собраниях МАЭ хранится снимок более позднего времени, предположительно, начала XX века, который называется «Вход в мавзолей с. Бехуаддина». Исторические фотографии из музейных коллекций позволяют сравнить их с современным обликом этого места, связанного с культом святого.

РАХИМОВ Рахмат Рахимович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

СВАДЕБНАЯ ВЫШИВКА ТАДЖИКОВ НА ОБЛОЖКЕ КНИГИ О. А. СУХАРЕВОЙ (В ПОИСКАХ СМЫСЛА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО МОТИВА)

В центре внимания – один из жанров традиционного художественного узоротворчества таджиков, именуемого *болинпуш* («покрывало на подушки» новобрачных). В долинных районах центральноазиатской оседлости вышивки подобного типа являются неотъемлемым элементом свадебной ритуальности. Ее использование в обряде знаменует завершение совокупности длительных и сложных обрядов, предшествующих ритуалам приезда новобрачной в дом молодого. Показателем завершения этой группы церемоний является такой важный элемент в общей сис-

теме свадебных церемоний как *алоугардон* – костер на пути поезда новобрачной к дому жениха для ритуального ее обведения вокруг пламени. Выполнение обряда предполагает необходимость использования *болинпуша* в качестве балдахина над невестой (новобрачными). Второе назначение вышивки – служить накидкой (*-пуш*) на подушки (*болин-*) в спальном ложе молодоженов. Отсюда и ее название *болинпуш*.

Композиция именуется *чорчирог* (лит. *чорчирог*). *Чорчирок* в лексике таджиков прилагалось к уже давно вышедшему из употребления масленому (глиняному или металлическому) светильнику крестообразной формы, рожки которого отходили от единой базы в центре по сторонам света. Базу составляла цилиндрическая по форме масленка (резервуар), которая питала четыре фитиля, закигавшихся на концах рожков. В узоре вышивки практически нет признаков, которые могли бы отдаленно напоминать привычный для старого быта таджиков светильник. Строгая стилизация заставляет композицию *чорчирок* глаголить языком трудно разгадываемых смыслов. Это и определяет задачу докладчика. Она состоит в попытке найти ключ, который позволил бы раскрыть смыслы, скрытые в орнаментальной композиции. Источником служит изображение *болинпуша* в посмертной книге О. А. Сухаревой (Сухарева, 2006, вклад., ил. 3); оно сдублировано и на обложке ее книги. Вышивка происходит из Самарканда (50–60-е гг. XIX в.). О. А. Сухарева не предполагала рассмотрение свадебной вышивки в ключе, в котором она интересует докладчика.

РОДИОНОВ Виталий Григорьевич

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет
им. И. Н. Ульянова», г. Чебоксары

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ НАЦИЙ В ПОВОЛЖЬЕ (НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА)

Становление и развитие современных этнокультурных наций в Поволжье охватывает три последовательных этапа: развитие этноконфессиональной нации, формирование этнокультурной нации и образование политической нации. Татарская нация проходила первый этап в XVIII – первой половине XIX в., второй – начиная с середины XIX в. до 1905 г., третий – с 1905 г. до конца 1920-х гг. На первом этапе объединяющим фактором выступала религия ислам, на втором – этнокультурные черты. Третий этап выдвинул вперед социально-политические проблемы нации.

Чуваши стали отходить от конфессионального сознания к этнокультурному относительно рано, чему способствовала их массовая христианизация в 40-е гг. XVIII в. Переходный этап от конфессионального сознания к этнокультурному продолжался примерно до середины XIX в. К 60-м гг. XIX в. главными этнодифференцирующими признаками являлись язык, костюм, обрядовый быт, но только не религия.

Формирование и развитие чувашской этнокультурной нации происходит во второй половине XIX в. и в 1917 г. уверенно переходит к этапу политической нации.

Марийское язычество в некоторой степени затянуло переходный этап вплоть до начала XX в. В 1917 году среди марийцев активизировались этнокультурные процессы, которые были спровоцированы в основном внешними факторами. Процессы формирования марийской этнокультурной нации продолжались и в 20-е гг. XX в., затем приостановились надолго, вплоть до начала 90-х гг. XX в.

Сравнительный подход к проблеме формирования в Поволжье этнокультурных наций позволяет выявить основные причины неравномерного развития у народов региона этнического сознания с их разными этнодифференцирующими признаками.

**РЕЗВАН Ефим Анатольевич,
РЕЗВАН Марьям Ефимовна**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

«МИГРАЦИЯ» ПРЕДАНИЯ О СВЯТОМ КОНЬЯРЕ

С 26 мая по 9 июня 2010 г. в рамках совместного проекта МАЭ РАН и Центрального государственного музея Республики Казахстан «С. М. Дудин – фотограф, художник, этнограф. Материалы экспедиции в Казахстан 1899 г.» прошла совместная российско-казахстанская историко-этнографическая экспедиция. Маршрут проходил через Астану, Караганду, Каркаралинск, Баян-Аул и Павлодар.

В Баянаульском районе работы проводились, в частности, в почитаемой пещере с целебным источником, одном из древнейших сакральных мест на территории Казахстана. По нашим сведениям, эта пещера носила название Аулие-Тас, однако, на месте нас встретила надпись, излагающая связанную с ней легенду, согласно которой ее нынешнее имя – Коньяр аулие.

По легенде пещера названа в честь святого Коньяра, одного из троих спутников Нуха (Ноя), которые, прибыв с опозданием к ковчегу, не обнаружили там свободного места, и были вынуждены следовать за ковчегом, привязав к нему плот. Столкнувшись с камнем, плот развалился на три бревна, разлучив троих аулие. Бревно Коньяра приплыло к пещере, где он и обосновался.

В 400 км от этого места в окрестностях Семипалатинска расположено почитаемое пещерное озеро с таким же названием – Коньяр аулие. В результате ядерного взрыва 1965 г. это озеро оказалось в зоне заражения.

Можно предположить, что зараженное озеро, утратив в глазах паломников целебную силу, передало свое название и функции другой пещере с источником.

САПАЛОВА Дария Усеновна

ГОУ ВПО «Саха государственная педагогическая академия», г. Якутск

НЕКОТОРЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ФОРМАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА ЯКУТОВ И КЫРГЫЗОВ

В докладе рассматриваются формы заключения брака двух родственных тюркоязычных народов, ны-

не живущих далеко друг от друга – якутов и кыргызов. Изучение данной темы значительно расширяет имеющиеся представления об их истории и культуре, позволяет глубже понять особенности этногенеза, является дополнительным свидетельством этнокультурной общности изучаемых народов.

У обоих народов существовало несколько форм заключения брака: браки по сватовству и браки путем похищения невесты (умыкание). Существовали также своеобразные внебрачные отношения, допускавшиеся обычаями – левират и сорорат. К бракам по сватовству относились просватывание еще не родившихся детей, обычай обручения малолетних, брак путем обмена невесты (обмен родственницами) и брак с отработкой. Обоим народам также были известны браки с насильственным похищением невесты. В настоящее время у якутов данный вид бракосочетания себя полностью изжил, а у кыргызов не только сохранился до этнографической современности, но и получил еще большее распространение.

Непременным условием заключения всех форм брака у обоих народов была уплата калыма («халыым» – як., «калың» – кырг.), которая рассматривалась как компенсация за рабочие руки в хозяйстве, потерянные родителями невесты.

Этнокультурная общность якутов и кыргызов продолжается и при сравнении терминов родства по браку, позволяющая выделить общий лексический пласт.

Исследование данной темы в единой системе семейной обрядности позволяет сделать вывод об этнокультурной близости якутов и кыргызов, подтверждаемый языковыми, фольклорными, этнографическими материалами.

СТАСЕВИЧ Инга Владимировна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ТРАДИЦИЯ ПОЧИТАНИЯ СВЯТЫХ ПРЕДКОВ В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ (В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ИСЛАМА)

На сегодняшний день имеется довольно обширная литература о домусульманских религиозных представлениях в мусульманской культуре, в том числе и культурах народов Центральной Азии. Исследуя специфику религиозной ситуации в Казахстане, было бы целесообразно учитывать не только «количественное» соотношение мусульманских и домусульманских компонентов в культуре, но и попытаться определить варианты и формы их сочетания в отдельном обряде или в повседневной практике. В докладе анализируется одна из устойчивых форм сочетания мусульманских и домусульманских представлений как элементов двух разностадийных систем в рамках одной религиозной практики. К основным проявлениям практики почитания святых предков в казахской культуре могут быть отнесены: ритуал посещения могилы святого, обычай поминальных тра-

пез, посвященных умершим предкам, передающиеся из поколения в поколение устные рассказы, легендарного характера о знаменитых основателях родов и семейно-родственных групп. Несмотря на то, что традиция почитания памяти предков в диахроническом плане имеет явное домусульманское происхождение, внешне эта практика окружена мусульманскими символами. К таким символам, в первую очередь, должны быть отнесены мусульманские молитвы и молитвенные обращения верующих к Аллаху, а также мусульманизация самих почитаемых персонажей. Интерпретация этих символов самими носителями традиции дается скорее в духе народного ислама, чем канонических норм.

В последние десятилетия в Казахстане наблюдается заметное оживление религиозной жизни. Наряду с пропагандой «классических» устоев мусульманской религии, активно дополняются и корректируются теории и практики народного ислама. Некоторые из этих проявлений вполне согласуются с традиционными религиозными представлениями, другие не находят аналогий в традиции, зафиксированной историками и этнографами в процессе изучения казахской культуры. В докладе речь пойдет и о некоторых религиозных течениях, появившихся в Казахстане в конце XX века, в том числе о религиозной организации *Ата Жолы*, конструирующей свое учение на культе почитания святых и практике паломничества.

Привлечение полевых материалов позволяет провести сравнительный анализ современной практики почитания памяти святых-предков с традиционной и зафиксировать развитие исследуемой традиции в диахронической перспективе.

СУРАГАНОВА Зубайда Кабиевна

*Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан)*

ДАРЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ КАЗАХОВ

В структуре современных социальных отношений казахов существенное место занимает традиция дарения. Практики дарения существуют в виде систематических (обоюдовыгодных) инвестиций на различных уровнях самоорганизации общества (семья, клан и т. д.) как в условиях праздника, так и в повседневной жизни. Системность дарообмена поддерживает социальную структуру в целом. Современные практики дарения укоренены в обществе на уровне поведенческих стереотипов. В традиционной казахской культуре любое приобретение или изменение условий существования было общественно значимым событием. Родные и близкие поздравляли хозяина и вручали ему подарок-*ырым-байгазы*. Подарок был обязательным по поводу презентации любой обнови. Подношение *байгазы* у казахов сопровождалось произнесением обязательного благопожелания – *кутты болсын, озин киш, озин тоздыр!* (букв. «на счастье, сам носи, сам и сноси!»). В ответ хозяин обнови отвечал: *айтсын* («да будет так!») или *кутты-*

ктамак сизден болсын (букв.: «поздравление с Вас»), что требовало от поздравляющего делать подношение обладателю обнови. Также обязательным было одаривание по случаю приобретения нового социального статуса. *Байгазы* подносилось в рамках обрядов семейного цикла, по случаю установки кибитки молодоженов, строительства надмогильного сооружения и т. д. Дарение *байгазы* заключало в себе благопожелательную символику. Оно выступало атрибутом социализации, формировало структуру комплиментарных отношений, основанных на многоуровневых символических и реальных инвестициях. Принципы, сложившиеся в рамках традиционного общества, продолжают сохранять свое значение и для современного Казахстана.

**ТАДИНА Надежда Алексеевна,
ЯБЫШТАЕВ Тенгис Степанович**

*Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск*

О СТАТУСЕ СОВРЕМЕННОГО ЗАЙСАНАТА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ*

Современный *зайсанат*, встречаемый лишь в Республике Алтай, является общественной организацией и претендует быть прообразом общественной палаты Российской Федерации в регионе. Его правовые основы определяет обычное право, поэтому актуальным остается вопрос о его закреплении в Конституции Республики Алтай. Идея возрождения *зайсаната* как совета родовых глав, широко обсуждавшаяся с 1989 года, материализовалась в 1997 году в виде проекта Закона Республики Алтай «О родовой общине алтайцев и других этнических общностей Республики Алтай», над которым работали профессиональные юристы, ученые-историки и представители Совета *зайсанов*. Проект обсуждался на Курултае алтайского народа и на заседании Тёс Тёргё *зайсанов*, а затем был предложен на рассмотрение Государственному Собранию – Эл-Курултай Республики Алтай, где, к сожалению, не был принят. Принятие данного закона диктовалось в то время, и диктуется сейчас рядом причин. Законодательство Российской Федерации делает шаги к возрождению исторически существовавших народных (общинных) институтов власти, традиций, обычаев, норм обычного права и традиционного природопользования. *Зайсанат* продолжает быть востребованным в решении острых социальных недугов современного общества: сохранение норм родовой экзогамии и авункулата, соблюдение обычая взаимопомощи, проблем алкоголизма и безработицы. Мы наблюдаем деформацию родового самоуправления как неизбежный итог адаптации к нынешним условиям развития этноса. Вопрос о рассмотрении разработанного проекта «О родовой общине алтайцев» продолжает оставаться актуальным в Республике Алтай.

* Исследование проведено при финансовой поддержке проекта РГНФ (№ 09-03-61302а/Т).

ТЕРЛЕЦКИЙ Николай Сергеевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ПОЧИТАНИЯ ПЛОДОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ У НАСЕЛЕНИЯ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Почитание деревьев распространено практически у всех народов мира, и регион Центральной Азии не является в этом отношении исключением. В докладе рассматриваются особенности почитания плодовых деревьев в первую очередь среди оседлого населения долины реки Зеравшан. Материалы, легшие в основу сообщения, являются результатом полевых исследований, проведенных автором в республиках Таджикистан и Узбекистан в 2008–2010 гг. Заявленная проблематика рассматривается в контексте распространения в регионе традиции почитания мусульманских праведников и совершения паломничества и поклонения. Эта традиция стадильно относится к доисламской эпохе, однако была переработана исламом и включена в русло его системы обрядности. Древние традиции не могли быть полностью уничтожены и плавно вливались в новую культуру; почитание деревьев было приспособлено под новые культурно-религиозные традиции. Среди разнообразных деревьев, к которым местное население проявляет почтительное отношение, плодовые занимают особое место.

ШАЛМАНОВА Алия Бакитжановна

Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова
КН МОН, г. Алматы (Казахстан)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАХОВ-ОРАЛМАНОВ ИЗ МОНГОЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В докладе подвергается анализу характер адаптации этнических казахов, возвращающихся из Монголии в Казахстан. Подчеркивается что изменения в традиционно-бытовой культуре у вернувшихся на историческую родину наиболее ярко прослеживаются в материальной культуре.

В условиях рыночной экономики и урбанизации трансформации подвергается хозяйство казахов-репатриантов, основу которого составляло полукочевое скотоводство. Традиционное жилище и предметы быта теряют свою актуальность. Оралманы, не видя потребности жить в юрте (*киіз үй*), используют раздвижные секции основания кочевого жилища – *кереге* – в качестве ограждения. В некоторых случа-

ях, юрты с убранством продаются коммерческим организациям для использования их на празднике Наурыз или становятся музейными экспонатами. Элементы традиционной одежды (*елтірі ішік, пұшпақ тымақ, түлкі тымақ* и др.), которые не потеряли своего функционального назначения у казахов Монголии, у оралманов не сохраняются. В наименьшей степени изменения затронули пищу. Блюда национальной кухни по-прежнему считаются наиболее предпочтительной пищей. Привычный ассортимент продуктов домашнего стола расширился в пользу овощей, фруктов и мучных изделий.

Некоторые изменения наблюдаются и в обрядовых циклах. Как известно, в обычаях и обрядах жизненного цикла казахов существуют некоторые региональные отличия. К примеру, репатрианты из Монголии – в основном представители родов *керей* и *уак* Среднего жуза – расселяясь на территории Западного Казахстана, проводят поминальный обряд «сто дней» (*жүзі*), который является характерным признаком обрядности казахов Младшего жуза.

ШАГАПОВА Гулькай Рахимьяновна

Нефтекамский филиал БашГУ, г. Нефтекамск

ОБЩЕЕ В ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

В докладе анализируется традиционная игровая культура народов Европы, Сибири и Центральной Азии. На опубликованных материалах по евразийским народам рассмотрены игры, в которых наблюдается не только сюжетное совпадение игровых мотивов, правил, половозрастного характера участников, но также отмечается калькирование текста, не всегда объясняемое этнокультурными контактами и связями. Картографирование материала позволяет утверждать евразийский характер таких игр как «Баба Яга», «Жмурка», «5 камешков», игры в кости, в мяч и некоторые другие.

На сегодняшний день очевидно, что игра может иметь различное название даже в одной этнической группе; наблюдаются ее классические переходы в меньшую возрастную группу; как правило, игра не сохраняется в полном виде, существуя как части некогда единого целого. Но неизменным остаются календарная привязка игры, ярко выраженная гендерная принадлежность игроков, одинаковые по смыслу действия и выражения игроков. Делается вывод о том, что рассмотренные игры тесно связаны с обрядовой сферой, в том числе с гаданиями. Предлагается опыт восстановления обряда, дошедшего в игре «Баба Яга».

Секция 3.1. XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР «ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ ЕВРАЗИИ»

Руководитель: д. филос. н. Попков Юрий Владимирович (Новосибирск)

АБРАМОВА Мария Алексеевна

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО- ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ И СТИЛЕЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В результате осуществления межкультурного взаимодействия в силу усвоенной социокультурной модели поведения, социальной и этнической стратификации общества, групповыми и личными целями, желанием / нежеланием контактировать индивид избирает определенную стратегию аккультурации. Мы попытались выявить влияние на выбор стратегии межгруппового и межличностного взаимодействия индивидуальных типологических качеств личности. В ходе исследования применялись методики Л. Н. Собчик и Ш. Шварца, которые показали, что социокультурные установки и реальные модели поведения индивида в конкретных ситуациях не всегда совпадают. Это несовпадение объясняется усвоением формализованных моделей поведения, зачастую расходящихся с мотивацией личности в принятии тех или иных поведенческих решений, а также социальными ограничениями поведения (нормы, возможности и т. д.). Также было отмечено, что формирование индивидуально-типологических качеств личности находится в косвенной зависимости от этнокультурных и этносоциальных особенностей, сложившейся системы воспитания. Так, сформированность национального самосознания обуславливается высоким уровнем развития рефлексивного мышления, что в свою очередь обуславливается качеством получаемого образования и в первую очередь гуманитарной подготовки учащихся.

АНАЙБАН Зоя Васильевна

Институт востоковедения РАН, г. Москва

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

По данным наших исследований, культурная жизнь Тувы, несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию, в целом сохраняет соответствующий накал, демонстрирует неплохие способности адаптироваться к современным социально-экономическим условиям. Ценный вклад в развитие культуры Тувы вносят Государственный ансамбль «Саяны», Тувинская государственная филармония, Национальный оркестр Республики Тыва и мн. др. Значимым событием в культурной жизни республики явилось открытие не так давно в столице нового здания национального музея им. Алдан-Маадыр. Об активизации культурной жизни Тувы последних лет

свидетельствуют и регулярно проводимые в республике различные культурные мероприятия. **Важно также отметить, что сегодня в Туве ориентация на традиционную народную культуру – заметная черта современного этнокультурного процесса в целом.** В известной степени это обусловлено численным преобладанием в республике титульной национальности. На данное обстоятельство также повлияло возрождение традиций, обычаев, религии Тувы – буддизма и отмечаемое на данном этапе массовое **приобщение к ней тувинского населения.** Доминированию тувинской культуры во многом способствовало и устойчивое положение тувинского языка, его государственный статус, широкая сфера использования. К факторам, сдерживающим благоприятное развитие этнокультурных процессов в Туве, кроме недостаточного финансирования культуры и искусства в целом, относится непродуманное распространение на сферу культуры принципов реформирования, приемлемых для производственных отраслей экономики. В этой связи оставляет желать лучшего общее состояние мест культуры и отдыха, слабая работа культурно-досуговых учреждений. Кроме того, в известной мере оптимизации названных процессов, безусловно, не способствуют и ограниченные возможности жителей республики активного приобщения к культурной жизни и доступа к культурным ценностям, которые, в свою очередь, обусловлены территориальной отдаленностью большинства сельских районов от культурного центра – столицы республики.

АНЖИГАНОВА Лариса Викторовна

Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия, г. Абакан

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ*

В условиях глобализации закономерно актуализируется потребность представителей различных этносов в восстановлении этнокультурной идентичности, что связано с их ориентацией на воссоздание традиционных ценностей, норм, социальных отношений и форм жизнедеятельности для обретения целостности и полноты бытия народа. Однако изменившиеся условия ведут к невозможности реставрации этнокультурного наследия в полном объеме.

* Исследование осуществлено при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (госконтракт № 02.740.11.0585).

При этом элементы этнической культуры, как правило, используются неравномерно и не в полном объеме. Этническая культура присутствует в жизни народа скорее как символическая ценность. Глобализация, расширив пространство существования этнических общностей, рождает стремление предъявить мировому сообществу локальную культуру региона (по сути полиэтнического сообщества) как уникальное явление, тем самым, увеличив его социально-экономическую и этнокультурную привлекательность. Поэтому, как правило, в рамках социокультурного неотрадиционализма эксплуатируется укорененное на этой территории историко-культурное наследие в доступных, усредненных, обедненных его формах. Так, фундаментальный сакральный аспект традиционных культурных ценностей, социальных норм, форм жизнедеятельности остается не понятным и не востребованным. Противоречивость развития этнокультурного неотрадиционализма в региональном аспекте не исчерпывается вышеназванными проблемами. Однако нельзя не отметить, что разработка и реализация международных и отечественных проектов в сфере культуры, образования и науки, туризма, предпринимательства на основе даже отдельных элементов этнической культуры могут способствовать превращению этнокультурного неотрадиционализма в ресурс развития регионального сообщества.

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, г. Улан-Удэ*

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

XX век характеризуется ускоренным вхождением кочевых народов Байкальской Азии в общемировой глобализационный процесс, модернизацией их социальной структуры. Изменения социальной структуры, наиболее ярко выражающиеся в период трансформационных изменений, обусловлены рядом факторов. Первая группа факторов – исторические, подразумевающие традиционную для бурятского общества структурированность со времен монгольской государственности. Кроме того, в пределах последнего столетия Бурятия развивалась в хозяйственно-экономических условиях с доминирующей идеологической концепцией социально-классовой структуры. За годы советской власти имели место резкие и глубокие изменения в социальной структуре бурятского населения республики. Если ко времени образования Республики Бурятия бурят-рабочих почти не имелось, то в 1989 г. их численность увеличилась до 65 тыс. человек. Колхозное крестьянство в структуре бурятского населения составляло 8,7%. Слой интеллигенции и служащих равнялся 41,9%. Вторая группа факторов – детерминированность социальной структуры спецификой сельского и городского образа жизни. По данным

ВПН 2002 г., соотношение городского и сельского населения в Бурятии составило 59,6 % (584,8 тыс. чел.) к 40,4% (396,2 тыс. чел.). Третья группа факторов обусловлена распадом социалистической системы, экономическими преобразованиями и демократизацией общества. Изменения соотношения в этносоциальной структуре региона составляют в совокупности ряд факторов, влияющих на процесс социальных изменений в структуре современного бурятского общества. Как результат, в социальной структуре населения Республики Бурятия добавились новые структурные элементы: 1) появился новый, постсоветский, слой национально-региональной элиты; 2) сформировался слой собственников; 3) выделился слой новых «бедных».

ВИНОКУРОВА Анна Викторовна

*Находкинский инженерно-экономический институт
(филиал) ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный
технический университет (ДВПИ им. В. В. Куйбышева)»,
г. Находка*

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

В современных российских условиях все более очевидной становится необходимость определения приоритетов экономического и социального развития регионов. Поэтому проблема осуществления региональных социологических исследований, в том числе семейной проблематики, ценностных ориентаций семьи приобретает важное практическое значение. Все это в полной мере относится и к социологическим исследованиям. Нами изучались мнения и суждения супругов, свидетельствующие о трансформации ценностных ориентаций приморских семей. Респондентами выступали супруги, состоящие в зарегистрированном браке. Выборочная совокупность – квотная, квотируемыми признаками были семейное положение, годы прожитые в браке, уровень образования супругов, национальная принадлежность. Объем выборки – 500 семей (1000 человек).

Исследование показало, что семья была и остается основной жизненной ценностью для жителей. Подтвердилось предположение о том, что ценности супружества являются преобладающими, ценности родительства также сохраняют свою высокую значимость, а ценности родства становятся все менее значимыми. Внеfamilial ценности в основном сводятся к ценностям профессиональной занятости. Работа считается средством обеспечения материальной жизни семьи. В целом, результаты исследования ценностных ориентаций приморских семей отражают их основные аспекты с учетом влияния территориального контекста, а также воздействующих на них компонентов социального, экономического, демографического, этносоциального содержания.

ВЫДРИНА Галина Антоновна

АУ ДПО «Институт развития образования» ХМАО – Югры, г. Ханты-Мансийск

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Особенностью последнего десятилетия развития Ханты-Мансийского автономного округа (Югры) являются активные, порой не контролируемые миграционные процессы. Из-за этого в обществе возникли проблемы: обострение межнациональных отношений; трудности социальной адаптации мигрантов; снижение общего уровня владения русским языком. Социологические исследования подтверждают необходимость разработки конкретной программы духовно-нравственного воспитания личности гражданина России. Программа должна иметь механизмы обеспечения реализации приоритетов национальной доктрины образования: историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и национальному наследию народов России. Программа должна быть направлена на воспитание патриотов, граждан правового демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов. Программа призвана раскрывать творческий потенциал детей, формировать в них чувство ответственности, гражданственности, способствовать выработке собственной жизненной позиции и мировоззрения, формировать ориентации на базовые ценности российской культуры. В сфере социализации воспитывать у учащихся достойных представителей своей культуры, знающих, чувствующих и понимающих ее идеалы и ценности сотрудничества в современном полиэтническом поликультурном социуме, стремление к социальной консолидации и стабильности российского общества.

ГОЛОЛОВА Ванда Нимаевна

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ БУРЯТИИ (ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

Представления о здоровье различаются в зависимости от социо(этно)культурной среды. Даже в одном населенном пункте могут сосуществовать различные представления о здоровье, о разных стратегиях сохранения здоровья. Весьма значимыми при формировании таких представлений могут быть этнокультурные факторы, в частности, особенности религиозного мировоззрения. По результатам нашего исследования русские чаще, чем буряты, отмечали качество сдержанности при определении характеристик здорового человека. Возможно, такое восприятие связано с влиянием христианского мировоззрения, где воздержание от греха является одним из необходимых условий фи-

зического и духовного здоровья. Буряты чаще выделяли качество добросердечия, что связано с добродетелью уже буддийской культуры. Преобладающее число респондентов рассматривают здоровье как отсутствие болезней и хорошее самочувствие. Русские респонденты ассоциировали здоровье с красотой и силой. Буряты чаще отмечали ведение здорового образа жизни. Выше оценивали важность усилий самого человека в сохранении здоровья. Этнокультурные особенности выявлены как в представлениях о здоровье, так и способах сохранения и восстановления здоровья. Возможно, с влиянием именно этнокультурных факторов связаны различия в уровне заболеваемости среди студентов бурят и русских.

ГОНЧАРОВА Галина Савитовна

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ У НАРОДОВ СИБИРИ

Этнокультурные традиции народов имеют общие и особенные тенденции развития в различных сферах жизни. Семья осуществляет связь поколений, транслируя материальные формы быта, собственнические отношения, обычаи, нравы, ценности. Индикатором этого процесса в той или иной мере у этноса может быть сохранение традиций и верований. Под влиянием технического прогресса происходят существенные изменения ценностных ориентаций в сфере семейно-брачных отношений у всех народов. Степень этих изменений связана с живучестью традиций. Отход от традиций происходит и у русских, и у народов тюрко-монгольской группы, но у русских он более интенсивен. Дифференциация наблюдается и внутри тюрко-монгольской группы: у алтайцев этот процесс наиболее интенсивен. Наличие детей, мужа (жены) и зарегистрированного брака неизменно сопровождается повышением уровня требований. Русская и тюрко-монгольская молодежь считает, что самую высокую ценность представляет брак, основанный на любви, доброте и заботливости при высоких требованиях к образованности супругов. Она рассматривает ценность вступления в брак как возможность иметь детей, как источник заботы и внимания супруга (супруги), как приоритетное представление о браке. Существующие гендерные различия во мнениях на ролевые функции в семье, на ценность вступления в брак и качественные характеристики мужа (жены), показывают, что происходят значительные изменения в традиционном представлении о браке и в моделях поведения.

ГОНЧИКДОРЖИЕВА Оюна Жимбаевна

ГОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕЛАХ БУРЯТИИ

Межнациональные и этнические проблемы относятся к числу проблем, решение которых увязано с

сохранением целостности страны и ее национальной безопасности. Практика последних лет наглядно показала, что в многонациональном обществе при решении вопросов социально-политического устройства неизбежно выявляется этнический аспект. Республика Бурятия, один из самых толерантных регионов страны, переживает в настоящее время процесс глубокой социальной трансформации. Это обстоятельство делает положение некоторых страт ее населения уязвимыми. Республика Бурятия относится к аграрным регионам, 40% ее населения – сельские жители. Несмотря на то, что село – среда преимущественно гомогенная по национальному составу, – по существу «глубинка» этнических традиций, современные социальные и культурные процессы, миграция населения, урбанизация развивают процессы внутриэтнической консолидации, обостряют проблему сохранения этнической самобытности, способствуя этнической ассимиляции. Эти обстоятельства делают актуальными исследовательские задачи, направленные на выявление основных тенденций этнических и социокультурных процессов и анализ состояния межнациональных отношений на селе. Основной информационной базой настоящей работы стали материалы массового опроса жителей сельских районов Бурятии, проведенного в марте–апреле 2010 г. Число опрошенных составило 401 человек. В докладе дается оценка характера межэтнических отношений в сельских локальных сообществах Республики Бурятия.

ЕКЕЕВА Наталья Михайловна

ГНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», г. Горно-Алтайск

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Характер развития этнокультурных процессов в субъектах Российской Федерации определяется общей экономической и политической ситуацией в стране. Но вместе с тем, каждый регион, в том числе и Республика Алтай, имеет свою специфику, основанную на особенностях опыта исторического развития, традиционной культуры и мировоззрения. Республика Алтай является одним из немногих регионов, в котором культурное наследие сохранилось не только в «памятниках» и «остатках старины», а представлено действующими объектами как неотъемлемой частью жизнедеятельности проживающих здесь народов, что обусловлено следующими особенностями историко-культурного развития региона. Алтай – древнейший очаг человеческой цивилизации с памятниками всех исторических эпох. Алтай – центр этногенеза и интенсивного межкультурного взаимодействия коренных этносов Евразии: тюркского, монгольского, славянского, угро-финского. Глубина исторической памяти Алтая бездонна, чему в значительной степени способствовало своеобразие его географического положения (отдаленность и труднодоступность горных массивов). Культурные слои здесь не «вымывались» «волнами» переселяющихся

народов, как на равнине, а «складировались» в горных долинах и ущельях, обеспечивая устойчивость этнокультурных традиций, сохранение у коренных жителей методов хозяйствования, старинных обычаев, религиозных верований, диалектов. Традиционная культура, несмотря на современные глобальные воздействия, жива почти в каждом народе и может служить на благо человечества, если она успешно адаптируется к реалиям XXI столетия.

ЕРОХИНА Елена Анатольевна

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ ПЕРЕД ЛИЦОМ БУДУЩЕГО

Объективные сложности, с которыми общество сталкивается при социокультурных трансформациях, побуждают его членов обращаться к прошлому в поиске исторических аналогий решения проблемных для общества вопросов. Обращенность общества к прошлому обусловлена интересом к выбору модели цивилизационного развития. В средневековье и раннем модерне для России – это выбор между универсальными христианскими ценностями и своеобразными ценностями православия. В развитом модерне и современности в России – это дискуссия между западниками и почвенниками, евроатлантистами и евразийцами. Проблема выбора для современной России – это выбор между «Европой» и «Евразией», понимаемой в широком смысле как единство Восточной Европы (включая Кавказ), Сибири и Центральной Азии. Коллективная память о прошлом (историческая память) является структурной частью этнического самосознания и групповой идентичности современных славянских и тюрко-монгольских народов России. Если рассматривать цивилизацию не только в ее онтологическом (как локальную цивилизацию) и гносеологическом (как идеально-типическую конструкцию, репрезентирующую макроуровень дифференциации человечества как единого социального организма по существенным социокультурным основаниям), но и в феноменологическом содержании – как предмет коллективного и индивидуального выбора той или иной системы ценностей, то на первый план выходит проблема выбора аксиологических оснований цивилизационного развития (и, следовательно, предпочтительной модели модернизации), ассоциированная с той или иной исторической альтернативой, реализованной в прошлом.

ЖИГУНОВА Марина Александровна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

ЭТНОСОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РУССКИХ В СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

Русские – самый многочисленный этнос Сибири. Их культура представляет собой сложный, многогранный феномен с широким диапазоном вариативности

традиционно-бытовых форм, наличием многослойных напластований и синкретизмом традиций. Качественные преобразования социально-политической системы в России способствовали наиболее существенным изменениям общих тенденций этносоциального и этнокультурного развития русских в конце 1980-х – начале 1990-х гг., всплеску этнического самосознания. Современная русская культура характеризуется тесным переплетением традиционных и новых черт. Её специфика обусловлена особенностями заселения и расселения, активными контактами с представителями разных народов, религий, культур, дальнейшим увеличением доли нуклеарных семей. Территориальная разобщенность, отдельное проживание детей и родителей приводят к нарушению основного традиционного способа межпоколенной трансмиссии этнической культуры. Из семейных обрядов наиболее консервативными являются похоронно-поминальные. Этническая специфика русской культуры сохраняется и воспроизводится благодаря синтезу фольклорных и профессиональных форм. Наиболее четко она фиксируется в области духовной культуры, а также в системе питания. Отдельные традиционные элементы уже исчезли, другие сохраняются (полностью или частично), третьи трансформируются и приспосабливаются к изменяющимся условиям. Наряду с этим идет постоянный процесс появления и включения в культуру новых элементов. Основным в этнокультурном развитии русских в Сибири является процесс этнокультурной консолидации и выработки общесибирских форм традиционно-бытовой культуры в русле общенациональных русских традиций.

КАРИМОВ Бахтиер Рахманович

*Институт философии и права АН РУз,
г. Ташкент (Узбекистан)*

К МОДЕЛИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ СОЦИУМАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В поликультурных социумах Центральной Азии функционируют тюркские, иранские и славянские языки. Для решения этнолингвистических проблем региона представляется целесообразным: 1. Создание среднетюркского языка ортатюрк методом усреднения норм тюркских языков, признание его в качестве языка межтюркского. При сохранении равноправия тюркских языков и права тюркских народов на использование своего языка как государственного в своем национальном государстве. 2. Создание системы усредненных языков для родственных языков (в частности, среднеиранского и среднеславянского). 3. Создание всемирного языка на основе всех языков мира посредством системы усредненных языков. 4. Поддержка концепции государственного статуса национальных языков. 5. Поддержка концепции «понятных» языков. Близкородственные языки могут официально быть признанными в качестве «понятных» языков на территориях других государств. 6. Создание координированной системы алфавитов национальных тюркских языков и языка ортатюрк. 7. Создание координированной системы терминов тюркских языков. 8. Поддержка концепции межязыковой толерантности. 9. Поддержка концепции культурного разнообразия и защиты национальных языков. 10. Ежегодно 21 февраля отмечать «День родного языка», солидаризуясь с решениями ЮНЕСКО. 11. Содействовать добровольному изучению каждым человеком в регионе и мире трех языков – родного, усредненного родственного и мирового.

ЛАМАЖАА Чимиза Кудер-ооловна

*Московский гуманитарный университет,
Институт фундаментальных и прикладных
исследований, г. Москва*

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ АРХАИКИ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Термины «архаика» и «архаические», которые часто используются исследователями довольно условно, на деле сложны и связаны с проблемой социальной эволюции кочевых народов, тувинцев в частности. Окончательное формирование этноса «тыва» («тувинцев») приходится на период XVIII – первую половину XIX вв., этническое ядро которого составили скифские племена, а также хунну и другие тюркоязычные племена. Архаический период истории тувинцев относится не просто к прототувинской истории в целом, а именно к прототувинской ранней, догосударственной истории каждого из этнокультурных компонентов, внесших существенный вклад в формирование тувинского этноса. Для исследования прототувинской архаики с последующим анализом ее проявлений в социальной жизни Тувы плодотворен социокультурный подход, подразумевающий изучение тесной взаимосвязи культуры и социальной жизни. Проявления культуры можно, на наш взгляд, рассматривать на основе изучения менталитета общества и его составных – категорий культуры. Эвристичность подхода не только в том, что их можно изучать в разных культурах, но и в том, что возможны интересные сравнительно исторические работы в рамках изучения одной культуры. Речь идет об исторических «пластах» культуры, или исторических «слоях» в содержании менталитета. Определение архаического содержания, архаического «пласта» даст возможность исследовать вопрос о его последующих проявлениях в периоды социальных трансформаций, в том числе в современности.

МИКИДЕНКО Наталья Леонидовна

*Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск*

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА И ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В КОНЦЕПЦИИ Р. БРУБЕЙКЕРА

Реальностью современного глобализирующегося общества стали не ослабевающие проблемы, связан-

ные с этническим многообразием человеческих сообществ. Это делает необходимым прояснение сути феномена этнического, вокруг которого идет активное научное обсуждение. Одно из направлений задано теоретической мыслью Р. Брубейкера. Одна из задач по Р. Брубейкеру связана с попыткой ответить на вопрос действительно ли этнические группы выступают протагонистами этнических конфликтов, есть ли какие-то другие действующие акторы, заинтересованные в раскручивании этнических конфликтов. Эмпирический материал подводит Р. Брубейкера к мысли, что в реальности основным протагонистом большинства этнических конфликтов являются не этнические группы как таковые, а различные организации, понимаемые в широком смысле, и их представители (административно-территориальные единицы, правительства, офисы, службы охраны порядка и вооруженные объединения; террористические группировки, околвоенные организации, бандформирования и организованная преступность; политические партии и т. п.). Именно они используют этничность как ресурс, конструируя на имеющемся этническом материале идею вражды, конфликта между двумя или более этническими группами. Конфликт приобретает характер этнического, поскольку инициаторы используют этническую риторику. Р. Брубейкер приходит к выводу, что возможно «этнос», «этническая группа» – это удобные понятия, в рамках которых групповые феномены, с одной стороны, несопоставимы, а с другой стороны, имеют много общего с феноменами, которые обычно не относятся к этносу.

НЕДЗЕЛЮК Татьяна Геннадьевна

*Сибирская академия государственной службы (СибАГС),
г. Новосибирск*

КАТЕГОРИЯ «ВРЕМЯ» В СОЗНАНИИ КАТОЛИКОВ-СИБИРЯКОВ XIX–XXI вв.

Категория «время» рассматривается нами в качестве одной из формант модели картины мира сибирских католиков как религиозной группы (не в юридическом, но в общекультурном аспекте). Картины мира польского дворянина-повстанца и немецкого колониста-переселенца (именно в этом качестве попали в свое время католики в Сибирь) весьма различимы. Тем не менее, существуют «точки соприкосновения», позволяющие выделить общие для них поведенческие характеристики, основа которых – принадлежность к одной конфессии. Будучи единоверцами, они руководствовались идентичной шкалой морально-нравственных стереотипов, в основе которых, в числе прочих – постоянные представления о времени и пространстве. Традиционное восприятие сибирских католиков как элемента прозападного, остро реагирующего и живо откликающегося на вызовы модернизации общества, определяет актуальность предмета изучения. В рамках доклада планируется обсудить соотношение понятий: *личностное время, повседневное время, праздничное вре-*

мя, литургическое время. Личностное время как ежеминутное существование личности в границах временного объема, квинтэссенцией которого являются экстремальные ситуации. *Повседневное время*, растягивающее смысловую определенность индивиду в канве обыденности, позволяющее вести привычный образ жизни в соответствии с религиозным каноном. *Праздничное (сакральное) время* – категория, выводящая индивидуума за границы повседневности. В христианской культуре, сочетающей *праздник с покаянием, праздничное время* отождествляется с рефлексией, осознанием ценностной и темпоральной протяженности индивидуального человеческого существования. *Литургическое время* итожит вышеизложенные смыслы, позволяя классифицировать их в рамках годового календарного круга.

ПЕРСИДСКАЯ Ольга Алексеевна

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

СОВРЕМЕННЫЕ МОЛОДЫЕ МОНГОЛЫ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: СИНТЕЗ ВЛИЯНИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТЕЙ

Современный взгляд на наследие евразийцев позволяет применять цивилизационный подход в этносоциальных исследованиях евразийского сознания, структура которого базируется на синтезе ценностей Востока, и Запада. Внутреннее единство евразийской цивилизации определяется многовековой историей взаимодействия разных народов, проживающих в сходной природно-географической среде и имеющих однотипные характеристики образа жизни. Как представляется, народы Монголии могут быть отнесены к евразийской цивилизации. Конкретно-социологическое исследование ценностного сознания современных монгольских студентов выявило наличие в нем элементов и восточной, и западной культур. Молодежь считает важным иметь хорошее образование и собственное дело, то есть реализует ценности западной рыночной экономики. Одновременно для нее очень актуальны также моральные установки на сотрудничество, коллективизм, единение с природой и приоритет потребностей общества над потребностями личности. Сложный синтез ценностей свидетельствует о том, что для эффективного развития экономики нельзя переносить модель западного рынка на почву менталитета кочевников. Здесь необходим поиск более деликатных путей совмещения полярных ценностей для эффективного развития социума. Изучение их сочетания особенно важно, так как в настоящее время народы Монголии находятся на одном из своих переходных этапов. Сохраняющиеся до сих пор черты кочевого мироустройства во взаимодействии с европейскими и азиатскими социальными, экономическими и политическими системами создают предпосылки для особого пути развития в рамках евразийской цивилизации.

ПОПКОВ Юрий Владимирович

*Институт философии и права Сибирского отделения РАН,
г. Новосибирск*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ*

Особенностью современного этносоциального развития многих этнокультурных сообществ является опора на историческую память, использование потенциала прошлого, воспроизведение традиций. Традиция выступает значимой формой устойчивости, как важным компонентом историко-культурного наследия и способом трансляции этнокультурного опыта, передачи его от поколения к поколению. Проблема в том, что аутентичная традиция практически не сохранилась. Видоизменившись под влиянием новаций, она существует в виде обновленной традиции, неотрадиции. Последняя выступает способом существования практической составляющей социокультурного неотрадиционализма, характеризующего одновременно преемственность, социальное наследование и новацию, изменение. Воспроизведенная традиция имеет, как правило, обновленный смысл, обновленное содержание и форму. Социокультурный неотрадиционализм представляет собой не только определенное мировоззрение, концептуальное видение действительности, но и организацию самой жизни, устройство мира этнокультурного сообщества. Он выступает способом современного развития этнических культур в целом, условием благополучного развития отдельных народов в процессе усиливающихся межэтнических взаимодействий. Неотрадиционализм отличается от сходных процессов, но ведущих в конечном итоге к разрушению традиционной культуры, тем, что он характеризует становление такой неотрадиции, которая формируется на основе логики развития собственной этнической культуры, а новация не является деструктивной. Анализ социокультурного неотрадиционализма в сравнительно-историческом аспекте позволяет прогнозировать мультиренессанс этнокультуры, умножающий в глобальном масштабе существовавшую в Европе культурную ситуацию эпохи Возрождения.

ПУШКИН Сергей Николаевич

Нижегородский государственный педагогический университет, г. Нижний Новгород

ЕВРАЗИЙЦЫ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ СВОЕОБРАЗИИ ЕВРАЗИИ

По мнению сформировавшихся в 20–30-е годы XX века в единое движение евразийцев, евразийское пространство – это граничащий с Европой и Азией особый континент, объединивший населяющие его народы. Здесь невиданное ранее братство народов

рождает единое государство, в котором формируются и взаимообогащаются национальные культуры. Лес представлен славянами, а степь – туранцами – народами «урало-алтайской группы». Для евразийцев русские – это органическое единство славянского и туранского этносов. Однако только заимствование из Византии христианства позволило русским в полной мере осознать себя таковыми. Симбиоз православной веры с туранской психологией сформировал ту идейную основу, которая способствовала развитию этнокультурных процессов Евразии. Неудивительно, что евразийцев серьезно беспокоила европеизация отечественной цивилизации. Уничтожая повсюду «своеобразные духовные устои жизни и культуры», европейская цивилизация опустошает души европеизированных народов. А это не только препятствует развитию самобытного культурного творчества, но и чрезмерно побуждает к стяжанию земных, материальных благ. Seriously беспокоят евразийцев и различного рода попытки отождествления европейской цивилизации с общечеловеческой. Они убеждены, что европейская цивилизация отнюдь не общечеловеческая, а всего лишь цивилизация «определенной этнографической особи». Приблизиться к ней возможно только через уничтожение многообразия национальных культур. Выдавать же европейскую цивилизацию за необходимую и желанную для всех народов, с точки зрения евразийцев, все равно, что строить новую вавилонскую башню.

СЫСОЕВА Анна Евгеньевна

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПА РОДОВОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В НЕОШАМАНИЗМЕ

Возрастание интереса к национально-культурной традиции и стремление возродить ее наблюдается сегодня повсеместно. Шаманизм, являющийся традиционной религиозной практикой многих коренных сибирских народов, также переживает процесс возрождения, но уже в новой форме. Трансформируется как содержание традиционного шаманизма, так и сама его практика. Изменения касаются и основополагающего принципа регенерации (воспроизводства) шаманов – принципа родовой преемственности. Одной из причин этого является то, что новые шаманы в роду перестают появляться: члены рода, понимая возможность выбора, отказываются быть продолжателями династии шаманов. Отчасти это связано с попыткой избежать шаманского родового проклятья, продлить срок собственной жизни. С другой стороны, повышенный спрос на шаманские услуги рождает и соответствующее ему предложение. Но в ситуации, когда передача знания внутри рода затруднена (а то и невозможна) для овладения специальными знаниями и навыками претендующий на занятие шаманской практикой вынужден проходить обучение не внутри рода, а у сторонних лиц. Это существенно меняет облик традиционного шаманизма в целом и становится одной из отличительных специфических

*Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (проект «Социокультурный неотрадиционализм как способ существования традиций в современных условиях»).

черт нового шаманизма, или неошаманизма – обновленной традиционной практики.

УДАЛОВА Иранда Викторовна

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО НАРОДА В СОХРАНЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ

Видимо, причиной того, что Россия столь многонациональна, являются особенности русского национального характера, сложившегося на основе православных традиций. По мнению А. С. Хомякова, России суждено в этом мире, мире своекорыстия и эгоизма, насилия и зла, являть высокие жертвы, великие дела, отстаивать племен святое братство, объединять всех в небесном начале любви. За тысячелетие со дня крещения Руси православие становится основой духовности и культуры русского народа, этнического единства, его государствообразующим началом. Так, результаты социологических исследований, проведенных в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, показывают, что основная часть аборигенов положительно оценивают роль православия в жизни народов Севера. Большинство представителей различных национальностей (84%), уверены, что различные религии способны мирно сосуществовать друг с другом. Так ответили 83% славян, 80% татар и башкир, 92% выходцев из Кавказа и Средней Азии, 78% народов Севера. Взаимное уважение народами национально-культурных особенностей друг друга – характеристика традиционной российской культуры. Благополучное будущее страны жители региона связывают в основном с традиционными российскими ценностями, в своем большинстве предпочитая их альтернативным либерально-рыночным ценностям. Среди жителей Югры преобладает мнение, что будущее благополучие и национальное возрождение народов всей России напрямую связано с благополучием и национальным возрождением русского народа.

УШАКОВ Дмитрий Викторович

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МОНГОЛИИ

Важнейшим противоречием современного развития Монголии является усиление модернизации во всех сферах общественной жизни в духе западной либерально-рыночной модели демократии, наиболее ярко проявляющейся у среднего и подрастающего поколений, проживающих в городской местности центральных и промышленных районов (особенно в столице), что входит в диссонанс с базовыми традиционными ценностями пожилого и среднего поколений сельских жителей периферийных районов. Традиционный уклад во многом диктуется необходимостью адаптации к суровым природно-климатическим условиям территории проживания. Основным тради-

ционным занятием остается кочевое и отгонное пастбищное животноводство. Большинство традиций передаются у кочевников в семье. Дети с раннего возраста пасут скот, помогают родителям по хозяйству, вместе участвуют в народных праздниках, осваивают национальные виды спорта. В последние годы усиливаются процессы урбанизации и миграции населения в центральные промышленные районы. Родители и молодежь все больше возлагают надежды на развитие современных отраслей экономики: добычи и переработки полезных ископаемых, транспорта и энергетики, строительства, переработки сельскохозяйственной продукции, сферы торговли и социальных услуг. Вместе с тем утрачивается престиж профессий животноводства и рабочих специальностей у молодежи. Среди негативных последствий стремительной модернизации и урбанизации все чаще выступают: усиление имущественного расслоения, социальной дифференциации и поляризации, и как следствие, – маргинализация определенной части населения Монголии, проявляющаяся в криминализации и усилении националистических настроений.

ХАРУНОВА Марианна Монге-Байыровна

*Тувинский институт гуманитарных исследований
при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТУВЕ

История Тувы XX века является частью глобального процесса модернизации традиционных обществ. В связи со сложившимся геополитическим положением Тува находилась в сфере политических и экономических интересов Китая и России. Под влиянием двух империй началось постепенное разложение традиционной общественной системы тувинцев. Особую роль в модернизационных процессах в Туве сыграла Россия. Значительные уступки китайских властей в результате заключенного российско-китайского торгового договора (1860 г.) и Правила сухопутной торговли с Китаем (1862 г.) способствовали зарождению российской торговли в Туве. Это позволило наиболее предприимчивым переселенцам приступить к промышленному освоению края. Начавшееся с 80-х гг. XIX века стихийное переселение русских в Туву набрало силу к началу XX века. Хозяйственные контакты с переселенцами расширяли связи тувинцев с носителями другой культуры. Основание переселенческих поселков вносило элементы оседлого образа жизни. Стали появляться новые виды производства: мукомольное, лесосечное, добыча золота, солеварение. В соседстве с буддийскими ху-рээ (храмы), где хуураки (послушники) получали образование и практиковалась тибетская медицина, строились переселенческие школы и больницы. Через их деятельность были запущены ростки культурного влияния на местное население. Объявление в 1914 г. российского протектората над Тувой способствовало дальнейшему углублению модернизационных процессов в Туве. Начавшиеся естественным об-

разом преобразования традиционного образа жизни тувинцев стали предметом государственной политики России, в дальнейшем – Советского Союза.

ШАКУРОВА Шаура Рашитовна

*Институт гуманитарных исследований Академии наук
Республики Башкортостан, г. Уфа*

СОВРЕМЕННЫЕ МУСУЛЬМАНКИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (БАШКИРКИ)

В докладе планируется представить анализ традиций и новаций в духовных практиках мусульманок (башкирок) на основе биографических интервью. Во многих отношениях башкирское общество является традиционным: сфера жизни мусульманки определяется семьей, при этом желательно, чтобы женщины были хорошо образованы, так как именно им в большей степени предстоит заниматься воспитанием детей. Современные практики таковы, что карьерный рост так же воспринимается позитивно, но он не должен быть в ущерб отношениям в семье. Для мусульман Умма – необходимость. Общение с единоверцами помогает поддержать *иман* (вера) и освоить осно-

вы Ислама. Как полагают респондентки, делится знаниями – обязанность мусульманина. Однако не для всех, кто находится в духовных поисках, приемлемо поступление в Исламский университет или посещение мечети: они предпочитают избегать публичной демонстрации, их так же беспокоит то, что требования Ислама к «внешнему» хиджабу (мусульманская одежда, соответствующая нормам шариата) могут привести к проблемам на работе: «Меня уволят, и куда я пойду? У меня семья, пока я не могу носить платок». Вероятно, именно поэтому для этой части респонденток становится актуальным (во всяком случае, на первоначальном этапе) обрести «внутренний» хиджаб (то есть духовный, находится в самом сердце мусульманки). Этим женщинам несвойственен фанатизм новообращенных, ими руководит осознанный выбор. Видимо поэтому эти мусульманки получают знания, используя традиционные практики возрождения «женской половины» дома, где более сведущие делятся знаниями (в том числе о тонкостях омовения, женских практиках в Исламе и т. п.), посещают святыне места, практикуют курбан в честь умерших предков и т. п.

Секция 4. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ)

Руководитель: к. филос. н. **Назаров Равшан Ринатович** (Ташкент)

АЛИЕВА Вилоятхон Ренатовна

*Институт философии и права АН РУз,
г. Ташкент (Узбекистан)*

НАЗАРОВ Равшан Ринатович

Институт истории АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ТРАДИЦИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Узбекистан вступил в новый исторический этап развития, характеризующийся глубокими политическими трансформациями на фоне подъема национального и религиозного самосознания, полиэтничности и поликонфессиональности. Узбекистану удалось избежать противостояний и сохранить политическую стабильность благодаря выбору приоритетов: внутривнутриполитическая стабильность, национальная безопасность, консолидация. Учитывая культурный плюрализм общества, состоящего из 130 этнических групп и 16 конфессий, необходимо сохранение религиозной и межэтнической толерантности. Важность анализа развития толерантности в Республике обусловлена: статусом категории «толерантность» как демократического принципа, способного обеспечить мир и гарантировать политическую стабильность и безопасность в условиях культурного разнообразия; утвердившейся гипотезой априорного существования конфликта во всех сферах жизни. Так, конфликтологи утвердили категорию «конфликт» как первоначало в построении личностно-социальных связей, задали социуму логику конструирования конфликта и сформировали конфликтную парадигму с соответствующей логикой урегулирования разногласий. Такая парадигма, несмотря на то, что за ней стоят мировые традиции, нуждается в переосмыслении в соответствии с реалиями современного Узбекистана, что ставит вопрос о переходе от конфликтной парадигмы к логике современной толерантной парадигмы – сохранению мира, стабильности; недостаточным вниманием к категоризальному осмыслению толерантности, её месту и роли в современном политическом процессе Узбекистана, без чего не может быть успешного развития общества; выявлением места толерантных отношений в социально-политической, культурной, религиозной, этнической сферах в Узбекистане.

АМИНОВА Алена Юсуповна

*Журналист, собкор газеты «Новости Узбекистана»
в Нукусе, г. Нукус (Узбекистан)*

ТРАДИЦИИ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ- СТАРООБРЯДЦЕВ КАРАКАЛПАКСТАНА

Первыми русскими поселенцами на Арале были уральские казаки-старообрядцы, сосланные в 1875 г. До наших дней в Каракалпакстане сохранились об-

щины казаков, придерживающихся традиционной веры, патриархального уклада. На новом месте казаки легко освоились, привыкли к двуязычию. В дельте Амударьи они начали заниматься охотой, монополизировали рыбный промысел. Быстро изучив навигацию, на лодках-каюках стали перевозить грузы и пассажиров от Муйнака до Чарджоу, торговать рыбой, хлебом, скотом, сахаром, керосином в Самарканде, Туркестане, Маргилане. Появились владельцы хлопководов. Советская власть с 1920-х гг. повела наступление на частную собственность, попыталась упразднить религиозные ценности староверов. Но даже коллективизация и террор 1930-х годов не разрушили казачьих общин. Члены общины объединялись вокруг молебельного дома – Собора. Во главе стоял «старшой» – отец семейства, власть которого переходила старшему сыну. Старшая женщина управляла хозяйством. Выбор невест оставался правом родителей. В начале XX в. круг родства уральцев был широкий, включая родственников, свойственников, «свадебные» группировки. Законность брака признавалась после совершения всех обрядов и родительского благословения, которое давалось при условии принадлежности жениха и невесты к одной вере. Ныне это правило смягчилось, молодые казаки создают семьи с представителями других религий и национальностей. Но в ортодоксальных семьях еще празднуют свадьбы, соблюдая старинные ритуалы – отгадывание невесты на смотринах, преграда «поезду» жениха, выкупы, круговое хождение молодоженов. Сохранился похоронно-поминальный ритуал. Хороны покойных на «уральском» кладбище. «Страдальцев» – умерших неестественной смертью, не отпевают, не хоронят на погосте. Остаются запреты на табак, алкоголь, чеснок, чай, кофе, покупное мясо.

АТАХОДЖАЕВ Азимхужа Музафарович

Институт истории АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ТЮРКО-СОГДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Результатом происходивших в ЦА тюрко-согдийских отношений стала политико-этно-культурная общность народов, проживавших по Великому Шелковому пути. Согд и крупные согдийские центры выполняли роль посредника в торгово-коммерческих и культурных связях Китая–Западной Азии–Европы. Конкуренцию с Китаем, Ираном, Византией Тюркские каганаты (552–744) выдержали в союзе с Согдом и согдийцами. Под влиянием согдийцев тюрки обрели культуру оседлой жизни, согдийцы в лице тюрков обрели партнера и защитника. В формировании Первого Тюркского каганата (552–603), достижении независимости каганы

Бумин, Истеми, Таспар, Нивар (Сивар), Мухан эффективно использовали поддержку согдийцев Аньнапанта, Маниаха. Основой Тюркского каганата являлся тюрко-согдийский симбиоз и этносоциальная общность. Общность политико-экономических интересов обеспечила лидерство Тюркского каганата в регионе. В 603 г. в результате раздела Первого Тюркского каганата установились отношения Западно-Тюркского каганата с Византией, Ираном, Восточно-Тюркского каганата – с Китаем. В 630–679 гг. Восточно-Тюркский каганат боролся против влияния Китая, в Западно-Тюркском каганате продолжался процесс этнокультурного синтеза оседлой и кочевой культур. В раннее средневековье население Согда, Чача, Ферганы и Тохаристана объединилось на пути общности интересов независимо от этнопринадлежности. Стороны остались верными традициям духовной и культурной толерантности. Тюрки доброжелательно относились к согдийской религии – зороастризму. Буддизм, христианство, манихейство при участии согдийцев получили широкое распространение среди тюрков Центральной Азии и в Китае. Благодаря согдийцам потомкам осталось богатое письменно-религиозное наследие. Согдийская письменность была официально принята в тюркских государствах, стала основой формирования культуры письменности среди тюрков. Появились тюрко-рунийская, тюрко-уйгурская письменность. В Чаче, Семиречье, Восточном Туркестане десятки согдийских поселений приобрели облик города, что явилось вкладом в расцвет тюркской культуры. Эти города стали политико-культурными центрами. Тюрко-согдийский симбиоз способствовал развитию изобразительного искусства, скульптуры, музыки, танца.

АХМЕДОВА Нигора Рахимовна

Институт искусствознания АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СПЕЦИФИКИ

Исследование новой культурной парадигмы и цивилизационной специфики искусства Центральной Азии актуализировано творческой практикой последних десятилетий. В результате исторических, политических и социокультурных факторов конца XX в. начались процессы деидеологизации, демонтажа прежних норм, формирование новых приоритетов в культуре. После развала СССР в идентификации народов региона происходили трансформации, они все больше начали осознавать свою этнокультурную самобытность, определять вектор цивилизационной идентичности, который раньше по идеологическим причинам оказывался латентным.

Научная традиция изучения данной проблемы не развита, актуальным представляется анализ опыта современного искусства Центральной Азии в границах и духовных координатах мусульманской цивилизации. Он имеет значение и в связи с типологически сходными трансформациями в других постсоветских общест-

вах. В период смены идеологических парадигм в них крайне остро стоял вопрос – как будет пройдена точка бифуркации современной истории, к чему приведет переходный период. В ситуации кризиса прошлой модели развития устойчивая картина мира распадалась, однако в новейшей истории искусство вновь показало способность выступать эффективным средством преодоления кризиса идентичности. Исторический аспект данной проблемы связан с учетом неравномерной, «догоняющей» динамики региона в XX в., уникальным опытом его выхода из традиционного мусульманского ареала и ускоренным освоением европейской культуры.

Современный аспект проблемы обращен к анализу путей и результатов реконструкции традиционных духовных ценностей, а также адаптации новых форм визуальной культуры в контексте разнообразного культурного фонда, сохранения западных, русско-советских установок, влияющих на двойственность и инверсионность идентичности в искусстве региона.

ДОРОШЕНКО Татьяна Ивановна

*Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека,
г. Ташкент (Узбекистан)*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРКЕСТАНЕ КОНЦА XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТАШКЕНТА)

В этнической и социально-политической истории ЦА были периоды активного увеличения полиэтничности и многоконфессиональности. Наиболее яркий период миграции этносов, религий, культур происходит в конце XIX в. В 1867 г. образуется Туркестанское генерал-губернаторство, центром становится Ташкент. По Всероссийской переписи населения (1897) в городе проживало 155673 чел.: узбеки, русские, украинцы, немцы, татары, евреи. Немцы занимали высокие посты в комсоставе, в администрации, торговле, культуре, образовании, медицине. Большая татарская община сложилась в XIX в. под Ташкентом, в Ногай-кургане. Значительное количество татар прибыло в качестве военнослужащих. Свободные от службы татары работали переводчиками, маркитантами. В 1880-х гг. в Ташкенте прочно обосновалось уже более 100 известных татар. Среди купцов, торговцев было много бухарских евреев. Одним из признаков успешности еврейской общины являлась ее численность: в середине XIX века община насчитывала всего около сотни человек, затем стала расти за счет евреев из Бухары, Афганистана, Персии, в 1910 г. объединяла несколько тысяч человек. Ташкент считался главным русским городом в Азии. По переписи 1897 г. в составе европейцев было 15 тыс. русских. За полстолетия численность населения выросла втрое: в 1914 г. в городе жили 250000 чел., в т. ч. 70000 славян. Сообщение между европейской и местной частями общества происходило посредством тех людей, которые были приближены к русской администрации и знали русский язык: коммерсанты, интеллектуалы, чиновники. Среди мусульман было много тех граждан, кто выполнял посреднические функции, перекидывая мост между двумя частями города.

ИНОЯТОВА Диларам Манглиевна

*Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека,
г. Ташкент (Узбекистан)*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ – НОВЫЙ ЭТАП В СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ

Распаду СССР сопутствовало обострение противоречий в национальной сфере. Для одних это был период эйфории, для других – потеря стабильности и поиск путей адаптации к новым реалиям. На новом этапе межнациональных отношений проявилась позитивная роль государства, ориентированная на стабилизацию и гармонизацию национальных отношений. Приоритетом национальной политики стало создание равных условий и возможностей для развития всех этносов, проживающих в Узбекистане.

Первые культурные центры были созданы в 1989–1990 гг. Национальные культурные центры Узбекистана – общественные организации, выражающие интересы представителей той или иной нации, живущей в стране, действуют на основании Конституции Республики Узбекистан, законодательства об общественных организациях, а также своих уставов. Стало быстро расти и их количество – с 10 национальных культурных центров в 1992 г. до 72 в 1995, 148 в 2011 г. Это республиканские, областные, городские, районные национальные культурные центры. Главные цели и задачи центров – это изучение истории, сохранение и развитие родного языка, письменности, литературы, устного народного творчества, изобразительного и театрального искусства, национальных ремесел и обычаев, национальных видов спорта. Центры организуют семинары, конференции, «круглые столы», фестивали, встречи, развивают художественную самостоятельность. Для объединения усилий и действий центров создан Республиканский интернациональный культурный центр (Интерцентр, 1992). Задачи Интерцентра: совершенствование межнациональных отношений, удовлетворение национально-духовных потребностей проживающих в стране представителей различных наций и народностей (более 130 этносов), оказание методической и практической помощи культурным центрам в сохранении и развитии присущих каждой нации обычаев и традиций, укрепление межнационального единства и согласия.

**КАДЫРОВА Зухра Рашидовна,
АЛИЕВА Вилоятхон Ренатовна**

*Институт философии и права АН РУз,
г. Ташкент (Узбекистан)*

ТРАДИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Длительный процесс становления государственности и политической культуры этносов доказывает, что та социальная практика жизнеспособна, в поли-

тических идеях и концепциях которой делается упор на такие составляющие культуры, как веками складывающиеся и передаваемые от поколения к поколению традиции взаимоотношения общества, государства, этноса, индивида. С одной стороны политическая культура складывается из укоренившихся представлений, касающихся сферы политики, обусловленных традициями, обычаями, передаваемыми из поколения в поколение. С другой – из воспроизводства этих представлений в процессе изменяющихся условий политической жизни общества. Историческая память и традиции – это история развития политических отношений, исторические, литературные, научные памятники, традиции и обычаи, которые формируются в результате деятельности поколений и являются основой устойчивого образа жизни, определяют образцы политического поведения. Сохранение и развитие позитивных политических традиций – одно из условий политической стабильности общества и его прогрессивного развития. Политическая культура способна оказывать разное влияние на этнополитические процессы и институты: воспроизводить традиционные формы политической жизни. Эта возможность сохраняется даже в случае изменения внешних обстоятельств и характера режима. Такая способность политической культуры объясняет то, что в истории большинство революций чаще всего заканчивались либо возвратом к старому, либо террором, который принуждал людей к реализации новых принципов политического развития; политическая культура способна порождать новые, нетрадиционные формы социальной и политической жизни; она способна комбинировать элементы старого и перспективного (нового) политического устройства.

КАРИМОВ Бахтиёр Рахманович

*Институт философии и права АН РУз, г. Ташкент
(Узбекистан)*

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ СОЦИУМАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В поликультурных социумах ЦА функционируют тюркские, иранские, славянские языки. Для решения этнолингвистических проблем региона целесообразно: Создание среднетюркского языка ортатюрк (Каримов Б. Р., Муталов Ш. Ш. Уртатюрк тили. Тошкент, 1992) методом усреднения норм тюркских языков, признание его в качестве языка межтюркского межнационального общения, языка информации, имеющей общетюркское и мировое значение, достижение признания его в качестве одного из языков ООН. Это обеспечит равноправие тюркских языков между собой, каждый из тюркских народов имеет право использовать свой язык как государственный в своем национальном государстве и развивать его в меру возможностей. Механизм усреднения при создании норм языка «ортатюрк» дает близость к языку предков современных тюркских народов и внесение в язык ортатюрк основной части языкового наследия каждой из

тюркских наций; создание системы усредненных языков для родственных языков (среднеиранского, среднеславянского); создание всемирного языка на основе всех языков мира посредством системы усредненных языков (Karimov B., Mutalov Sh. Averaged languages: an attempt to solve the world language problem. Tashkent, 1993, (2-изд. – 2008); поддержка концепции госстатуса национальных языков; поддержка концепции «понятных» языков. Близкородственные языки могут официально быть признанными в качестве «понятных» языков на территориях других государств; создание координированной системы алфавитов национальных тюркских языков и языка ортатюрк; создание координированной системы терминов тюркских языков; поддержка концепции межъязыковой толерантности; поддержка концепции культурного разнообразия и защиты национальных языков. Целесообразно ежегодно 21 февраля отмечать «День родного языка», солидаризуясь с решениями ЮНЕСКО; содействовать добровольному изучению каждой личностью в регионе и мире трех языков – родного, усредненного родственного, мирового. Это способствовало бы развитию языковой личности каждого человека и мирному сосуществованию, сотрудничеству, диалогу между представителями тюркской, иранской, славянской цивилизаций в рамках Центрально-азиатской и Мировой цивилизаций.

КАШАЕВ Тимур Мохирович

Институт истории АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Актуальным разделом этноэкономики является исследование проблемы взаимосвязи этнических процессов и процессов реформирования экономики, рыночной адаптации этносов. Это должно повысить эффективность трансформационных рыночных преобразований и помочь в осуществлении оптимальной стратегии социально-экономического развития страны и ее различных регионов. Последнее особенно важно. Узбекистан и Россия – государства с многонациональным населением. Так как экономическое поведение разных этносов может отличаться от рыночных стандартов, важно в этноэкономике развивать регионально-территориальные разделы.

Серьезное влияние этноэкономика оказывает и на экономические теории (теорию предельной полезности и др.). Возникновение теории предельной полезности обусловлено синтезом экономических и психологических концепций. В основных постулатах этой теории предполагается усредненное рыночное поведение индивидуума, хотя в реальности поведение людей может существенно отличаться от усредненного.

Усредненное поведение в «традиционных восточных обществах» сильно отличается от классически-рыночного. На усредненное экономическое поведение оказывают влияние особенности идеологии, культуры, религии, психологии различных этносов. Поэтому име-

ет смысл осуществить исследование вопроса сквозь призму учета специфики этнического поведения в сфере экономики. При проведении такого рода исследований, помимо этнических особенностей, следует учитывать также и другие условия и факторы. В частности, поведение как отдельного индивидуума, так и целого этноса зависит от конкретных социально-экономических условий: фазы кризиса или подъема экономики, половозрастной структуры общества и др.

МУХАМЕДОВ Шухрат Бахрович

Институт истории АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ТРАДИЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ БУХАРСКОГО РЕГИОНА

«Бухорои-шариф» («Благородная Бухара») один из древнейших городов. Город полиэтничен (узбеки, таджики, арабы, евреи, татары, корейцы, русские, немцы, греки), поликонфессионален (сунниты, шииты, православные, католики, лютеране, буддисты, иудеи), полиязычен (узбекский, таджикский, русский языки). В обычаях жителей Бухары присутствуют элементы зороастризма. Во время свадеб, когда везут жениха к невесте (домодбари), друзья впереди несут 2 факела. Около дома невесты разжигают костер, который жених и его друзья обходят три раза как символ очищения огнем от злых духов, потом входят в дом невесты. В Бухаре понятие «бухороги» (бухарец) важнее этноидентичности. Разнообразием этносовета Бухары объясняется специфическое развитие районов. В Гиждуване самая вкусная кухня (шашлыки, рыба). Гиждуванская кухня под названием «Бухарской» («Восточной») распространилась по миру. В поселке Зирабад Каганского района проживают иранцы («эрони»), имеющие специфические обычаи. В поселке есть музей. По всей Бухаре разбросаны поселки «арабхона» – потомков арабов. Они говорят на узбекском и таджикском языках, однако имеют ряд особенностей в обычаях. В ряде поселков проживают среднеазиатские цыгане «люли» («джуги»). Цыгане не смешиваются, говорят на узбекском и таджикском языках, исповедуют ислам. Цыгане живут гаданием, подавляющими, что неприемлемо для других. Бухарские евреи (500 чел.) одни из древних жителей, имеют 2 синагоги. История этносов Бухары имеет значение как уникальный опыт положительно-го взаимодействия народов Центральной Азии.

НАЗАРОВ Равшан Ринатович

Институт истории АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ЮНУСОВА Джанан Мамадалиевна

Ташкентский институт ирригации и мелиорации, г. Ташкент (Узбекистан)

РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН: ТРАДИЦИИ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ И ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ

В этнополитике Узбекистана учитываются традиции совместного проживания этногрупп, сложившаяся социально-политическая ситуация, их общие стре-

мления и желания. Проблемы межнациональных и субэтнических взаимодействий имеют стратегическое значение и требуют особого внимания при построении межгосударственных отношений в Центральной Азии. Сегодня всё возрастающее значение этнического/межэтнического факторов в процессе сохранения стабильности в регионе, требуют разработки и внедрения научно-обоснованной, гуманной и справедливой этнополитики. Узбекистан, учитывая современное состояние национального вопроса и следуя основным принципам его разрешения, проводит свою этнополитику, которая по содержанию является гуманистической и конструктивной, преследуя цель – достижение межнационального согласия. Сохранению межнационального согласия способствует цивилизованная законодательная база – Конституция РУз, Закон «О гражданстве», Закон «О государственном языке» и др. Для Узбекистана характерны этноконсолидационные процессы представителей всех национальностей республики. С 1989–1990 гг. в республике начали создаваться национально-культурные центры (их более 140). Они играют позитивную роль в процессе политического, экономического, культурно-духовного переустройства полиэтнического социума. Узбекистан стремится к таким внутриаэтническим и межэтническим взаимоотношениям, которые позволили бы любому человеку чувствовать себя свободным и равноправным. Государство с целью недопущения конфликтов руководствуется следующими принципами: этнополитика строится на приоритете защиты прав личности, на недопущении ущемления прав меньшинств; стратегическая линия этнополитики строится на методах, разрешающих межнациональные противоречия конструктивным образом; в условиях рыночных отношений обеспечение сильного механизма социальной защищенности людей, отвечающего интересам всех национальностей республики.

РАСУЛОВА Зиёдахон Абдубориевна

*Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека,
г. Ташкент (Узбекистан)*

ТРАДИЦИИ ПОДГОТОВКИ К СВАДЬБЕ: ЭТАП ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ СВАТОВСТВУ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Обычаи/обряды подготовки свадьбы – неотъемлемая часть культуры узбекского народа. Узбекская свадьба подразумевает длительную подготовку, имеет общие черты и особенности. Подготовка к свадьбе зависит от материального положения, обычаев/обрядов региона, образа жизни.

С рождения девочки собирают приданое. Когда рождается сын, родители сажают тополя, планируют постройку дома, выращивают для него скот. С взрослением сыновей приступают к строительству домов или расширяют дом. Иногда просторная комната делится перегородкой на две части, достраиваются дополнительные комнаты.

Подготовка к свадьбе не ограничивается материальными затратами. Важную роль в подготовке игра-

ют развитость родственных связей, участие соседей, помогающих проведению торжеств. Часто они берут на себя подготовку «тогора» (большая чашка, таз; поскольку кушанья на свадьбы доставляют в такой посуде, говорят «принести тогора»), активно участвуют в предсвадебных и последующих мероприятиях. Зачастую от соседей зависит, состоится ли свадьба. Сваты интересуются семьей невесты у соседей. В зависимости от отзывов сваты придут или уйдут. В отношении жениха сторона невесты выясняет всё о будущем зяте.

Важна поддержка со стороны друзей. В этой связи необходимо упомянуть обычай «гап», проводимый мужчинами и женщинами. Друзья участвуют в подготовке к свадьбе, оказывают материальную помощь. Это означает, что в семье дети с малых лет воспитываются в духе уважения к родственникам, друзьям, соседям, учатся считаться с мнением других, принимать участие в их заботах.

РАХМАТУЛЛАЕВ Шавкатжон Мухаммадалиевич,

Институт истории АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

КУЛМАТОВ Норкобил Эшмаматович,

*Ташкентский областной государственный пединститут,
г. Ангрен (Узбекистан)*

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УЗБЕКИСТАНЕ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Этнодемографические процессы в постсоветском Узбекистане связаны с урбанизацией. Пик урбанопказателя пришелся на 1979 г. (41,4%), в дальнейшем он снижался, на 2009 г. он едва превышает 36%. Существуют обоснованные причины снижения урбанизированности в республике. Интенсивный рост городского населения пришелся на 1970–1990 гг. Численность городов в этот период увеличилась почти втрое (с 43 в 1970 г. до 124 в 1990 г.). Это результат необоснованной политики искусственного повышения удельного веса городского населения за счет придания городского статуса сельским населенным пунктам (не имевшим инфраструктуры). Вследствие отказа от данной практики и за счет низкого естественного прироста населения в годы независимости показатели удельного веса городского населения стали снижаться.

В советский период урбанизация Узбекистана развивалась за счет миграции в города европейского населения. Титульное население оставалось до 80% сельским. В результате миграции и снижения рождаемости русскоязычного населения особенно в начале 1990-х годов, с учетом его высокой урбанизированности, прирост городского населения Узбекистана замедлился. При этом надо учитывать темпы прироста сельского населения республики, которые также существенно влияют на показатели урбанизированности.

В переходный период в Узбекистане сложилась новая этнодемографическая ситуация, отразившаяся на сокращении темпов роста численности населе-

ния – в среднем 1,5–1,6%. Население республики увеличилось с 20,7 млн. чел. в 1991 г., до 29 млн. чел. в 2011 г. Уменьшение рождаемости, наблюдавшееся к концу 1980-х годов, приняло стабильно-долговременный характер. В городах рождаемость упала на 1,3%, а в сельской местности – на 1,5%.

СИТНЯНСКИЙ Георгий Юрьевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ТОБОЛО-ИРТЫШСКИЙ РЕГИОН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Тоболо-Иртышский регион имеет давние традиции переселений из Средней Азии (с конца XIV в.), от которых остались этногруппы «бухарцев» в составе сибирских татар. Нынешние переселения наложались на старые традиции. Теперь основной поток мигрантов направляется не в Тоболо-Иртышский регион, а в ХМАО. В советское время мигранты переселялись в города, где имелись представительства среднеазиатских нефтяных компаний. Традиция «сезонной» миграции идет от «вахтовых» поездок нефтяников. Киргизы в отличие от узбеков и таджиков отличаются большей мобильностью. Традиция переселений их предков – степных скотоводов – еще более старая: на рубеже I–II тыс. н. э., по некоторым данным, они достигали района нынешнего Уренгоя.

В «традиционных» центрах миграции проблемы адаптации в российское общество и вообще межэтнических отношений решаются достаточно успешно, однако в большинстве мест таких «старых» землячеств нет. Возродилась традиция религиозного влияния выходцев из Средней Азии на тюрко-мусульманское население Сибири. Среди них есть и исламские радикалы. Среди узбеков преобладают переселенцы из исламизированных регионов (Фергана, Суркаш). Я много писал о «перетоке с юга на север», о дифференцированном подходе к переселенцам из разных бывших республик СССР. Тоболо-Иртышский регион с его традицией переселения сопоставим с Поволжьем, что чревато серьезными демографическими и геополитическими проблемами. Есть и еще одна проблема, требующая серьезного анализа – наличие многочисленных переселенцев «догастарбайтерского периода», в основном нефтяников.

УБАЙДУЛЛАЕВА Барно Машрабжановна

Институт истории АН РПУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ У УЗБЕКОВ

В традициях узбеков методы воспитания мальчиков и девочек различаются. В воспитании девочек основную роль играет семья, мальчиков – община (махалля). Мальчикам с детства предоставляют большая свобода. Девочкам предъявляют повышенные требования по дому, у них меньше игрового време-

ни. Девочек готовят к выполнению домашних обязанностей, мальчиков – к внесемейной деятельности. Дифференциация формирует два типа поведения: женское и мужское. Мальчики, проводя время вне семьи (в махалле, школе, кругу сверстников), глубже осознают гендерную принадлежность. Особую роль для мальчиков-подростков имеет круг друзей, который, транслируя манеры поведения, способствует формированию мужских привычек, форм общения, манеры поведения.

В традиционном воспитании узбеков понятие «мужская роль» – социальная функция в общине, семье. Мужскими чертами считаются мужество, многословие, выдержка, решительность. В узбекской семье отец выступает как покровитель, авторитет, глава. Ранее в воспитании подростков важную роль играли учителя-мужчины. Ныне их значение снижается. Нуклеаризация семьи привела к снижению воспитательной роли родственников-мужчин. В условиях урбанизации родственные связи слабеют.

Девочек готовят к супружеской жизни, поэтому матери требовательны к ним, воспитывают в них трудолюбие, терпение, обходительность. Хотя и сейчас счастье девушек связывают с брачной жизнью, но учитываются и другие факторы (образование, профессия). Воспитание девушек по сравнению с воспитанием мальчиков считается более трудным, хлопотным. Поэтому родители девушек торопились раньше отдавать их замуж и «освободиться» от хлопот. В последнее время отношение к воспитанию девочек меняется. В результате соцопроса выяснилось: 32,5% респондентов считают «трудным» воспитание мальчиков, 15,5% респондентов – воспитание девочек. По мнению остальных респондентов «трудность» связана с характером ребенка.

УБАЙДУЛЛАЕВА Барно Машрабжановна

Институт истории АН РПУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ТРАДИЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ У УЗБЕКОВ

У узбеков традиции воспитания издавна формировались на основах ислама. В традиционно-нераздельной семье старшее поколение участвовало в воспитании внуков. Свекрови разрешали невесткам самостоятельно воспитывать ребенка с 2–3 лет. С рождением второго ребенка воспитанием первого в основном занималась свекровь. «Ребенок дорог, а его воспитанность дороже» – гласит узбекская пословица. Одним из признаков хорошего воспитания считалось почтительное отношение к старшим. Детей учили первыми приветствовать старших, не вмешиваться в разговоры, помогать, выполнять поручения. При нарушении замечание ребенку делали наедине.

За плохие поступки детей ругали не только родители, но и посторонние, на что родители не обижались. В соответствии с традициями воспитание проводилось с учетом возраста. Мальчики и девочки до 5–6 летнего возраста воспитывались почти одинаково. К ним относились бережно, ласково. По мере

взросления стиль воспитания менялся. Девочкам давалось женское воспитание. Под присмотром матери, бабушки, тети их стремились воспитать скромными, послушными, умелыми, гостеприимными хозяйками. Мальчиков воспитывали по-мужски: давали больше самостоятельности, стремились воспитать сильными, мужественными, смелыми. Вопросами воспитания мальчиков ведали отцы, деды, дяди. Девушки основное воспитание получали в семье, в воспитании мальчиков–подростков активное участие принимали соседи, махалля (община). С раннего возраста внимание уделялось трудовому воспитанию детей. Девочки с 5–6 лет помогали матери: следили за чистотой, мыли посуду, присматривали за младшими. Лет с 12–13 девочка умела выполнять все основные женские работы. Раньше в семьях пожилые рассказывали детям эпические произведения. Это считалось школой жизни, т. к. в сказаниях и эпосе воспеваются человечность, любовь, скромность, благородство, трудолюбие, честность, осуждаются жадность, зависть, лживость. К сожалению эта прекрасная традиция исчезает.

ЦЕПКОВА Ирина Борисовна

*Казахская академия транспорта и коммуникаций
им. М. Тынышпаева, г. Алматы (Казахстан)*

ТРАДИЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

В Казахстане проживает 130 национальностей. В РК 7 этносов со значительным удельным весом представлены во всех регионах. Особенность этнополитической ситуации Казахстана проявляется во взаимоотношениях крупнейших этносов – казахского и русского. Их взаимоотношения характеризуются как спокойные. Актуальными для Казахстана являются проблемы этнотолерантности на государственном, межгрупповом и индивидуальном уровнях. Государство регулирует межэтнические процессы на правовой основе. В тексте Конституции 1995 г. отсутствует разделение казахстанцев на представителей титульной и нетитульной наций. В ней выражены общегосударственные принципы характера государственности с переходом к гражданской нации. Ясно прослеживается толерантный аспект этнополитики – устранение этнонациональной иерархии, установление межэтнического согласия. В целом госполитика в этносфере основывается на равенстве граждан, независимо от нацпринадлежности. В качестве стратегической задачи выделяется политическая стабильность, консолидация общества на основе межэтнического единства. Все этногруппы проявляют толерантность, готовность к таким формам взаимодействия, как работа в многонациональном коллективе, соседские взаимоотношения, дружба с представителями других национальностей. У граждан достаточно высок этнический толерантный потенциал, сформированный на генетическом уровне благодаря евразийской истории, характеризующейся открытостью и толерантностью общества. В целом, для установления подлин-

ной межэтнической толерантности необходимо: комплексное идеологическое обеспечение госполитики; соотнесение ее с социально-политическими реалиями, регулярный мониторинг общей ситуации с измерением социальности и уровня конфликтности, оценка реализации госпрограмм и мероприятий; привлечение к ответственности СМИ и лиц, разжигающих межнациональную вражду; пропаганда межэтнической толерантности.

ШАДМАНОВА Санобар Базарбаевна

Институт Истории АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

НЕКОТОРЫЕ ИННОВАЦИИ В ВОПРОСАХ БРАКА В ТУРКЕСТАНЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

В конце XIX – начале XX вв. большой интерес вызывали вопросы брака местного населения Туркестана. В крае браки совершались обычно не по достижении определенного возраста, а по внешним признакам половой зрелости, с 12–14 лет. В «Туркестанских ведомостях» фактически впервые была поднята проблема ранних браков. Особо подчеркивался вред ранних браков с медицинской точки зрения, несоответствие ранних браков законам Российской империи. Против ранних браков выступали и национальные прогрессисты края. Абдурауф Фитрат писал о вреде ранних браков для девушек и юношей. Ссылаясь на мнение медиков, он советовал вступать в брак юношам не ранее 23, девушкам не ранее 18 лет. На практике осуществить это нелегко, т. к. у местного населения не было принято регистрировать рождение детей, отчего возникали трудности с установлением возраста. Мусульманское духовенство не регистрировало браков, предлагая проводить гражданскую регистрацию. Однако ранние браки продолжают заключаться. В настоящее время женщины придерживаются новых взглядов, в корне отличающихся от господствовавших. В газете «Садои Туркистон» стали публиковаться статьи, в которых женщины в качестве условий вступления в брак ставят совершеннолетие, наличие справки о здоровье, согласие на вступление в брак, объяснение на родном языке супружеских обязанностей.

ШАДМАНОВ Турдибай Рузибоевич

Институт Истории АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ЖЕНЩИНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. ГЛАЗАМИ ЗАПАДНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

О Туркестане в целом было известно немного, о туркестанских женщинах практически ничего. Западные путешественники, делавшие записи о поездках в Туркестан до 1917 г. представляли несколько иную картину условий проживания местных женщин, по сравнению с тем, что впоследствии представляла советская власть, в большей степени уделяя внимание внешним атрибутам. Исследователи, работавшие позднее над проблемой положения туркестанских

женщин отмечали, что свободные от советской пропаганды дооктябрьские источники представляли более объемное изображение. В работах Шварца «Колыбель индогерманских народов», Микин «В Русском Туркестане», Кристи «Через Хиву в Золотой Самарканд» значительное внимание уделялось парандже (которой они давали различную характеристику), хотя указанные авторы не ограничивались только описанием паранджи, а уделяли внимание статусу женщин, их положению в обществе, благосостоянию, занятости и образованию. Вместе с тем западные путешественники имели собственные ограничения, связанные главным образом с их культурным восприятием.

После 1917 г. небольшое количество информации появлялось большей частью благодаря советским источникам. Иностранцы (та же Кристи), которым удалось посетить ЦА в этот период, знакомились с регионом через фильтр советских линз. Они уделяли больше внимания вопросам проявления подчиненности женщин ЦА, в особенности, что касается уединения и паранджи, а недостаток очевидных символов подчинения мешал многим европейцам и представителям советской власти в понимании того, что положение центральноазиатских женщин было несколько лучше, по сравнению с тем, как это позже представлялось.

Секция 5. ФИННО-УГОРСКИЙ МИР: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Руководитель: д.и.н., проф. **Абрамов Владимир Кузьмич** (Саранск)

АБРАМОВ Владимир Кузьмич

Мордовский государственный университет, г. Саранск

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ФИННО-УГРОВ

К настоящему времени о финно-угорских народах России собран богатый статистический и антропометрический материал, который позволяет в дополнение к традиционным этнографическим методам исследования широко применять количественные методы. Многонациональное Поволжье представлено многими антропологическими типами, о чем накоплен значительный антропометрический материал (работы В. П. Алексеева, В. В. Бунака, Г. Ф. Дебеца, К. Ю. Марк и др.). Богатство количественных характеристик, с одной стороны, и многочисленных традиционных исследований местного населения, с другой, открывает широкие возможности применения количественных методов как для их апробации, так и для получения новых выводов. Особенно большой интерес представляют методы, позволяющие одновременно включать в синтетические и аналитические процедуры все имеющиеся в наличии материалы и устанавливать обобщенные количественные меры качественных различий исследуемых явлений и процессов. В Мордовском университете в рамках курса «Количественные методы в исторических исследованиях» традиционно проводятся социально-экономические изыскания с применением средних величин и показателей вариации, методов ассоциации, контингенции, корреляции рангов и др.

Особенно большие возможности открываются при использовании количественных методов в антропологических исследованиях. В ходе исследований сопоставлялись мордовские группы (по 99–102 чел.): 12 мокшанских, 11 эрзянских, 1 терюханская (52 чел.); русские (по 70–100 чел.): 12 донсурских, 6 верхневолжских, 6 средневолжских, 6 северовосточных; 1 горномарийская (Еласовский район Марий-Эл – 100 чел.), 1 чувашская (Октябрьский район Чувашии – 76 чел.) и 1 татарская (Ширингушский район Мордовии – 99 чел.). Хорошие результаты дало использование критериев согласия, Хи-квадрата, коэффициентов Гейнке и расового сходства Пирсона, как непосредственно, так и в рамках кластерного анализа.

АБРАМОВА Ольга Владимировна

Мордовский государственный университет, г. Саранск

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОРДВЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ПО ДАННЫМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2007 г.)

Как известно, среди компонентов, определяющих этническую идентичность личности, таких как: отнесе-

ние себя к той или иной этнической группе, представления о культуре, языке, истории, «образ мы» и интересы, связанные с этим образом, язык традиционно относится к доминирующим. Язык же является важнейшим этнодифференцирующим признаком, помогающим, наряду с представлениями о родной семье, общетнической территории, историческом прошлом, осознанием общности происхождения, вероисповедование, культура и др. отличать один этнос от другого.

Многие социологические исследования, проведенные ранее у мордвы, а в ходе реализации Российско-Финляндского проекта 2005–2008 гг.: «О положении финно-угорских народов России» и у других этносов, неизменно подтверждают этот вывод. Неожиданными явились для исследователей результаты этносоциологического опроса 2007 г. в среде мордовского населения Республики Мордовия. Опрос показал, что для мордвы, говорящей на трёх языках (мокшанский, эрзянский, русский) первостепенное значение среди этнодифференцирующих признаков имеет территория проживания (родная земля). Родной язык так же относится к важнейшим этническим символам вместе с происхождением и культурой своего народа, но он стоит на втором месте.

Это может говорить о том, что для многоязычной мордвы республики главным признаком этнического единства постепенно становится наличие мордовской государственности в форме автономии в составе России. В целом, для мордовского населения Мордовии характерен позитивный тип этнической идентичности и достаточно высокий уровень этнической толерантности.

АНДРЕЕВА Ольга Николаевна

Санкт-Петербургский технологический университет растительных полимеров, г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОГО ОБРЯДА КАЗЫМСКИХ ХАНТЫ И КОСИНСКИХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

На протяжении всей жизни человека сопровождают различные обряды. Удивительной полнотой сохранения народной памяти обладает похоронно-поминальный обряд. Представленный фольклорно-этнографический материал, собран в учебных этнокультурных экспедициях: «Рёд вуж» («Родственные корни») в с. Казым Белоярского района ХМАО, 2007 г.; «Ёрта кар» Коми-Пермяцкого округа Пермского края, 2009 г., организованных школьной фольклорной лабораторией ГОШ-И «Гимназия искусств при Главе Республики Коми». В результате анализа особенностей похоронно-поминального обряда косинских коми-пермяков и казымских ханты были выявлены следующие черты сходства и различия в обрядах.

Сходства: в обеих традициях устойчиво появляются все этапы от «проводов умершего» до поминания покойного в определенные календарные дни; в обрядах захоронения проявляются древние элементы поклонения «культу предков». С одной стороны, их почитали, поминали. С другой же стороны, предков боялись, так как усопший мог жестоко «наказать» родственников (например, наслать болезнь, являться во снах).

Различия: у ханты устойчиво сохранился обряд опроса покойного «хантыйлты», во время которого узнают волю умершего; отличительной особенностью хантыйского обряда захоронения является обилие вещей, положенных в гроб. Каждую вещь умышленно портят, объясняя тем, что они понадобятся им на том свете, и чтобы ими не смогли воспользоваться другие; ханты на могиле строят надгробное сооружение, «домик», в традиции коми-пермяков мы этого не обнаружили; поминание покойного происходит в разные поминальные дни; в похоронно-поминальном обряде косинских коми-пермяков ярко выражено христианское начало. В то же время в погребальном обряде казымских ханты встречаются элементы дохристианских представлений, тесно переплетенные с мифологией, такие как жертвоприношение оленей, обряд опроса покойника «хантыйлты», обряд «закрывания дыры входа дома» («хот вус тохарты»), а также поверья, связанные с вредоносной силой покойника.

Таким образом, похоронно-поминальные обряды казымских ханты и косинских коми-пермяков имеют свои отличительные особенности, основанные на уникальном сочетании древних языческих и более современных христианских традиций.

БАЛЯЕВ Сергей Иванович

Мордовский государственный университет, г. Саранск

ОПЫТ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭРЗЯН И МОКШАН

Этническая идентичность эрзян и мокшан является двухуровневой: во-первых, для большинства современных эрзян и мокшан характерен общезтнический (мордовский) уровень, обнаруживаемый в актуальных межэтнических контактах (к примеру, с русскими); во-вторых, субэтнический уровень (эрзянский или мокшанский) проявляется в межсубэтнических взаимодействиях эрзян и мокшан. Важной особенностью межсубэтнической перцепции является существование социально-психологической субэтнической границы на различных уровнях взаимовосприятия и взаимодействия эрзян и мокшан. Сравнительно высокий уровень социально-культурной дистанцированности между эрзей и мокшей, четкость осознания взаимных различий на уровне гетеростереотипов, их эмоциональная насыщенность и существенная взаимная удаленность позволяют говорить о значительной роли такой границы в межсубэтнических отношениях. Данную особенность межсубэтнической перцепции можно объяснить действием механизма так называемого «парадокса этнокультурной дистанции», когда субэтнические общности (в

нашем случае, эрзяне, мокшане), близкие и этнокультурно, и соседствующие территориально, в своих взаимных представлениях различий находят всегда больше, чем дистанцированные общности. Данный механизм естественным образом выполняет защитную функцию любой общности – этнической, и даже субэтнической. В тоже время наблюдается понижение (в психологическом отношении), статуса этнической границы между мордвинами и русскими. Историческая близость совместного проживания обусловила не только накопление значительного потенциала толерантных отношений, но и тенденцию интенсивного сокращения этнопсихологической дистанцированности. Этому способствует благоприятная психологическая основа русско-мордовских отношений, сравнительно низкий уровень межэтнической напряженности в Мордовии в сопоставлении с другими республиками РФ. В связи с этим защитная реакция мордовских националов, находящихся в авангарде некоторого всплеска межэтнических противоречий в республике начала 1990-х, скорее была обусловлена общей этнополитической мобилизацией групп в условиях социальной нестабильности, чем характером межнациональных отношений, сложившихся в Мордовии.

БЕЛЕВЦОВА Виктория Олеговна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

ТРАДИЦИОННАЯ СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ МАРИЙЦЕВ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Одним из ценнейших источников информации при изучении истории развития этноса, функционирования его культуры в прошлом и трансформации в настоящем является традиционная обрядовая культура народа. Несмотря на утрату своей целостности, тенденции к отмиранию, упрощению некоторых ритуальных форм, традиционная обрядность, будучи наиболее консервативной сферой традиционного мировоззрения и самосознания, сохранила специфические этнические черты. Традиционный свадебный ритуал мариюцев в различных районах Урало-Поволжского региона существенно отличается по ряду параметров – наличием или отсутствием того или иного обрядового действия, по его функциональному значению и т. п. В каждой этнографической группе мари (горные, луговые, восточные) были выработаны особые свадебные обычаи и обряды, собственная свадебная символика. К сожалению, свадебная обрядность различных этнографических групп мариюцев мало изучена, хотя исследование брачной традиции с конкретной характеристикой этнографических групп могло бы послужить ключом к пониманию факторов и результатов взаимодействия различных этнических структур. Более глубокое изучение традиционной свадебной обрядности мариюцев посредством структурно-типологического анализа позволит выявить не только типологические особенности свадебной обрядности, но и рассмотреть этот вопрос с

диалектологической точки зрения, что, в свою очередь, даст возможность по-новому подойти к вопросам истории, развития и функционирования как марийского этноса в целом, так и его этнографических групп. Конечный результат анализа брачной обрядности марийцев предполагает выявление комплексов свадебной обрядности и ареалов их распространения по районам и подрайонам.

**БЕЛЯЕВА Надежда Федоровна,
ТЮГАНКОВА Елена Владимировна**

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск*

МОРДОВСКАЯ СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ*

Республика Мордовия издавна сложилась как полиэтнический и поликультурный регион. Многообразие населения было источником постоянного культурного взаимодействия. За последние десятилетия произошли существенные этнодемографические изменения, вызванные миграционными процессами. Ныне в республике проживают представители более 100 национальностей, представляющие 10 различных конфессий. В условиях этнического и религиозного смешения актуализируется проблема формирования поликультурной личности с определенными ценностными ориентациями, моралью, поведением, отношением к другим народам и другой культуре. Большая роль в данном процессе отводится семье. Мордовская семья, несмотря на все изменения, остается носителем традиционного менталитета и традиционных ценностей, в числе которых знание своего языка, обычаев, норм морали и т. д. Морально-этические и религиозные основы культуры межнационального общения закладываются в мордовской семье с раннего детства. Издавна одним из способов формирования его навыков служили календарные и престольные праздники. В мордовские семьи в гости приезжали русские, татары, чуваши. Праздничные застолья заканчивались исполнением народных песен, плясок. Ряд элементов татарского Сабантуя, чувашского Акатуя вошел в состав мордовских праздников. Важным средством в формировании межкультурного диалога служили так же ярмарки, куда приезжали представители различных народов. Знакомство с культурой других народов подразумевает знакомство с их языками. Традиционным языком межнационального общения является русский язык, однако данные переписей говорят и о знании мордовского языка русскими, татарами, чувашами.

Среди основных современных тенденций можно отметить рост числа межнациональных браков, сглаживание национально-конфессиональных различий. Более 40% мордвы живут в смешанных семьях, в основном в

русско-мордовских. В Самарской области высок процент мордовско-чувашских семей. В национально смешанных семьях в качестве языка общения часто выступают оба языка, дети осознают себя не только мордвинами, но и русскими или чувашами, т. е. имеют двойственное самосознание. Межнациональные браки также являются фактором расширения и обогащения языковой и поликультурной компетенции.

ВОЛКОВА Марина Семеновна

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск*

ТРАДИЦИОННО-ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА МОРДВЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: АДИЦИИ И НОВАЦИИ

В настоящее время духовная культура мордвы переживает период активного возрождения, что по-разному влияет на семейные традиции. Если ритуалы, связанные с погребальным и поминальным обрядами, бытовавшие в прошлом, сохранились фактически без изменений, то свадебная и празднично-обрядовая культура очень упростилась и трансформировалась. В похоронно-поминальном цикле сохранились очистительно-магические обряды, целью которых было уберечься от скорой смерти или от «наказания» со стороны умершего, а также их почитание. Во многих мокшанских селах сохранился старинный обычай «Гужонь лихтема», т. е. «смена одежды умершего», проводимый на Троицу или на Дмитриеву субботу. На крест вешают одежду для умершего, а затем отдают нуждающемуся, раньше – нищим.

До настоящего времени одним из важнейших событий в жизни любого человека является создание семьи, издавна сопровождающееся разнообразными свадебными обрядами. Здесь в прошлое ушли предсвадебные и послесвадебные обряды, но сохранилось благословение молодых, как в доме невесты, так и в доме жениха; соблюдается обычай укладывания молодых спать. В некоторых мордовских селах утром следующего дня невесту водят на колодец за водой. Провожаящему она делает подарок. В этот же день пекут блины, ходят ряженные и т. д. В прошлое ушло наречение невесты новым именем. В 80-е гг. XX в. этот обычай в мокшанских селах бытовал повсеместно.

Послесвадебная обрядность, назначение которой состояло в укреплении отношений между родами жениха и невесты с одной стороны, и с другой – вступление новобрачной в половозрастную группу замужних женщин и переход в род мужа – фактически исчезла. Только осталось приглашение молодых и родителей жениха в гости к родителям невесты на ближайший праздник.

В прошлое ушли многие традиции из празднично-обрядовой культуры мордвы. Из праздников большое внимание уделяется только Рождеству, Пасхе и Троице. В последнее десятилетие возродилось общемордовское моление «Раськенъ озкс», на которое съезжаются жители не только из районов Мордовии, но и со всей России.

* Работа выполнена в рамках проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг. (Культурный диалог в полиэтническом пространстве).

ГОЛЕВА Татьяна Геннадьевна

*Пермский краевой институт повышения квалификации
работников образования, г. Пермь*

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ В ОБРЯДНОСТИ И ПОСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ*

Набор религиозных предметов, известный коми-пермякам, определен их православным вероисповеданием. В традиционной культуре они функционируют как элементы церковного богослужения и как предметы повседневной жизни народа. Степень почитания всех атрибутов выражается в особом этикете по отношению к ним, в вариантах их сохранения и наследования, в ритуальном использовании. Большую важность для коми-пермяков имеют образ и распятия. Они подразделяются на личные и общественные. Интересна судьба последних в период слома религиозной системы и ее возрождения в постсоветский период, которая отражает народное мировоззрение и характер верований и взаимоотношений в сельской общине.

Частные иконы считаются обязательной принадлежностью жилища. Несмотря на пространственное и социальное ограничение их использования в домашнем семейном кругу, их ритуальное применение разнообразно. Одной из особенностей народного восприятия иконы, является одушевление ее изображения, различение значимости образа того или иного святого и соответствующее поклонение ему.

Другие культовые предметы, такие как свечи, ладан, православная литература и т. д., тоже имеют статус сакральных вещей. Некоторые из них в локальных традициях становятся символами деятельности служителя культа.

Для коми-пермяков иногда важнее прагматическая, а не идеологическая ценность религиозных атрибутов, поэтому в истории их бытования существуют примеры нейтрального или даже негативного отношения к ним. В историческом сравнении область применения культовых предметов с забвением традиций сужается, изменяется их значение в духовной культуре народа.

ГРОМОВА Алла Витальевна

*Московский городской педагогический университет,
г. Москва*

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СЕТУ РУССКИМИ ЭМИГРАНТАМИ В 1930-е ГОДЫ

До революции культуру сету изучали Ю. Трусман, Ф. Крейцвальд и Я. Гурт, в 1950-е годы – Е. В. Рихтер и др. В 1999 г. вышла монография «Историко-этнографические очерки Псковского края», включившая главу о сету и их исследователях. В тоже время деятельность русских эмигрантов по изучению данного этноса во многом остается неизвестной.

Этнограф-энтузиаст Л. Ф. Зуров в 1920–1930-е годы участвовал в обследовании древностей Псково-Печерского монастыря и проводил археологические разведки в его окрестностях. В 1937 г. он отправился в Печерский край вместе с другим русским эмигрантом, сотрудником Парижского Музея Человека Б. В. Вильде (их экспедиция была организована под эгидой Министерства Просвещения Франции). Одновременно в ту же местность был направлен представитель Пражского археологического института им. Н. Кондакова Н. Е. Андреев, обследовавший церковные древности, и профессор Базельского университета Э. Э. Малер, делавшая фонографические записи народных песен.

Собрание предметов материальной культуры, а также негативы уникальных фотографий были переданы в Музей Человека, материалы по истории Псково-Печерского монастыря – в Кондаковский институт в Праге, фонозаписи увезены Э. Э. Малер в Швейцарию. Остается открытым вопрос о дальнейшей судьбе этих экспонатов.

Сохранились отчеты Зурова, содержащие сведения о языческих обрядах и верованиях сету (тризны на могилах, поклонение священным камням, источникам и деревьям). В 1944 г. Зуров пробовал передать отчеты об экспедициях в Советский Союз, но этого не произошло. В наши дни необходимо ввести сведения о деятельности русских эмигрантов в научный обиход и поставить вопрос о судьбе их находок.

ГУРЕВИЧЕВА Юлия Анатольевна

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск*

ФОЛЬКЛОРНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Национальный фактор продолжает играть значительную роль в жизни народов и государств. В этом отношении мордва мало отличается от представителей других национальностей, большинство из которых заявили о значимости своей этнической принадлежности. Одним из важнейших современных агентов этнизации являются фольклорные коллективы. Мокша и эрзя издавна славились богатством и неповторимостью песенного искусства, своеобразием мордовского многоголосья. Наибольшей популярностью в республике и за ее пределами пользуются фольклорные ансамбли «Торама», «Келу», «Умари-на», «Лейне», «Дигаля», «Морденс», «Сятко», «Ламзурь» и др. В их репертуаре – старинные мордовские историко-эпические, лирические, обрядовые песни и наигрыши. Характерной чертой современных фольклорных коллективов стало обновление их состава. В последние годы активными участниками становятся дети и молодежь. Участие в ансамблях представляет

* Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ «Народное мировоззрение и религиозные традиции коми-пермяков» (№ 10-01-82108а/У).

* Исследование выполнено по проекту ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг. (Культурный диалог в поликультурном пространстве)

наиболее эффективный способ овладения языком, культурой, традициями. Здесь молодое поколение приобщается к духовному наследию человечества, усваивает традиционную культуру как часть общечеловеческой. В современной ситуации через участие в фольклорных коллективах осуществляется сохранение и возрождение самобытной культуры, народных промыслов, формирование этнической идентификации. Важнейшая миссия фольклорных коллективов – формирование культурного диалога, а диалог – путь к взаимопониманию. Через народные песни воспитывается уважение к другим народам, к их культуре, традициям и обычаям.

Важной составляющей культурной жизни республики является проведение международных и республиканских фестивалей, фольклорно-этнографических праздников. Поистине народными стали ежегодные фестивали самодетельного творчества «Шумбрат, Мордовия!», «Од Вий». Историческим событием в жизни фольклорных ансамблей стало их участие в международном фестивале национальных культур финно-угорских народов «Шумбрат, Фино-Угрия!», способствующее не только развитию народного творчества, возрождению духовного наследия мордовского этноса, но и сближению народов и культур.

**ЖИНДЕЕВА Елена Александровна,
РОГАЧЕВ Владимир Ильич**

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск*

СВАДЕБНЫЕ ОБЕРЕГИ: ТРАДИЦИИ И ИХ ТРАНСЛЯЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МОРДОВСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ К. Г. АБРАМОВА)

Мордовская свадьба представляет собой сложный многослойный пласт этнической культуры. В ходе свадебной церемонии особое внимание с языческих времен уделялось сбережению молодых от порчи колдунов, ведьм, нечистой силы. Этим занимались *куд ава* (сваха), *уредев* (дружка). Они выводили молодых из дома, обходили свадебный поезд, выполняя определенные ритуалы: сваха – с иконой, уредев – длинным клинком *тор* оставлял зарубки на углах избы, на телеге, *он-аве* (свадебная повозка) и т. д. В *панар* жениха и платье невесты с изнаночной стороны втыкались иголки, на шею надевались ладанки. Помимо других многочисленных обереговых процедур совершалось подпоясывание жениха и невесты куском бредня во избежание порчи, со словами: «Когда колдун сможет распутать все узелки, тогда лишь сможет напустить порчу».

Схожий обычай встречался и у других финно-угорских народов. Так, у ижорцев невеста под сарафаном подпоясывала себя куском сети. С высокой долей вероятности можно утверждать, что *комбоня* – бисерная пелерина, укрывающая плечи мокшанской невесты, в селах Инсарского района Мордовии, тоже имеет отношение к оберегу и культу *Ведь-авы*, покровительницы женщин, любви и чадородия. По

форме плетения *комбоня* напоминает средневековую сеть, состоящую из ромбических фигур – символов плодородия. Функциональное предназначение этого плечевого украшения – обереговое. Вышивка, стилизованные изображения покровительницы в виде женской фигуры в ладье, носа, кормы лодки, весел, которые можно увидеть на свадебной одежде невесты, тоже имеют непосредственное отношение к оберегам.

В современном мордовском повествовании трансляция свадебного обряда и обереги показаны в романах К. Г. Абрамова, где воспроизводится само действие и даны подробные разъяснения происходящему.

**ЗАВАРЮХИН Николай Васильевич,
ЕРЕМКИНА Ольга Анатольевна**

*Мордовский государственный университет,
НИИ Гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск*

МОРДОВСКИЕ МУРЗЫ XVII ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЦОВОЙ КНИГИ «СИМБИРСК И КАРСУН»

В XVII веке на территории Мордовского края от Шацка до Симбирска были построены новые остроги и засечные линии, обозначившие новую, более южную границу Российского государства. К службе на границе привлекались мордовские князья (Еделовы, Ичаловы, Издеберские, Павловы, Ромодановы, Тяпины, Кижедеевы, Мокшазаровы, Разгильдеевы, Андреевы и др.). В Карсунском и Симбирском уездах мордовские мурзы проживали в 7 станицах, с пашнями – 6460 десятин, сенных покосов – 20470 копен. Одной из этих станиц была деревня Мордовская Кандарать. В 1685–1686 гг. в 33 дворах там жили 63 человека мужского пола. Главы семейств носили в основном мордовские имена, но своих детей они называли и христианскими именами.

ИВАНОВА Людмила Ивановна

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ЛЕСНОЙ НОС: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КАРЕЛ О БОЛЕЗНИ

Одним из самых архаичных представлений человека является представление о болезни, которая издавна многими народами, в т. ч. карелами воспринималась как некое живое существо. Причины возникновения недуга карелы часто искали в нарушениях различных табу и условий общения с духами-хозяевами леса, в неверных способах и ошибочных целях проникновения в «лесное царство».

То же самое касалось и симптомов протекания болезни. Самые разные симптомы: головокружение, тошнота, боль в спине, ухе и т. д. определялись как следствие конкретных мифологических причин. При этом необходимо отметить: подобное обрядовое наполнение было настолько архаично и мифологизировано, что в силу иной ментальности мало соотносимо

с современным понятием «народная медицина», которая параллельно существовала во все времена.

В мышлении древнего человека микрокосм (в данном случае человек) и макрокосм (лес) настолько неразрывно были связаны друг с другом, что нарушение, «поломка», любого звена этой цепи приводило к тяжелым последствиям. Путь к исцелению был один: восстановить нарушенное равновесие.

КАРИМОВ Бахтиёр Рахманович

*Институт философии и права АН РУз, г. Ташкент
(Узбекистан)*

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

В современную эпоху глобализации и формирования мировой информационной цивилизации важно решение проблем формирования единого информационного пространства финно-угорских народов. Предлагается решить эти проблемы посредством использования ойкуменической теории нации, концепций этно-сизма, этнолингвопанизма, создания усредненных языков и среднемирового языка (См.: Каримов Б. Р. Ойкуменическая концепция нации и развитие языков. Якутск: ЯГУ, 2004). При создании усредненного финно-угорского языка предлагается использовать метод усреднения (См.: Каримов Б. Р., Муталов Ш. Ш. Усредненные языки: попытка решения мировой языковой проблемы. Ташкент: Фан, 2008).

Между финно-угорскими языками, относящимися к различным группам внутри финно-угорской (уральской) семьи языков (прибалтийско-финская, волжская, пермская, угорская группы и саамский язык), имеются значительные различия усложняющие взаимное понимание. Поэтому предлагается также использовать современные достижения в сфере исследования уральских и алтайских языков; борейскую (ностратическую) теорию, теорию языковых универсалий, статистические методы переработки баз данных. Используя математико-лингвистический метод определения количественной меры близости родственных языков предлагается произвести расчет меры близости различных финно-угорских языков и их групп. Это позволит найти оптимальные пути усреднения.

Усредненный финно-угорский язык целесообразно признать языком межфинно-угорского межнационального общения, языком накопления информации, имеющей общефинно-угорское и мировое значение и достичь повышения его социального статуса в регионе. Такой подход обеспечивает равноправие всех финно-угорских языков между собой, каждый из финно-угорских народов имеет право использовать свой финно-угорский язык как государственный язык в своем национальном государстве и развивать его в меру своих возможностей. Финно-угорской общности народов целесообразно сформировать у своих членов финно-угорское локально-цивилизационное мировоззрение.

КАШТАНОВА Полина Викторовна

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск*

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОМ» В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ)

В качестве фрагмента мордовской языковой картины мира, представляет интерес рассмотрение концепта «куд» (дом). Когнитивный анализ его содержания является способом раскрытия глубинных смыслов, связанных с особенностями восприятия дома в данной лингвокультуре.

В мордовской культуре «дом» символизирует освоенное пространство, в котором человек чувствует себя в безопасности. Это место, где он живет и где он счастлив, которое он любит. В своем доме мордвин чувствует себя защищенным, он является хозяином, на котором держится семейный уклад.

Результаты исследования паремиологической репрезентации концепта «дом» в мордовских языках, показывают, что для мордовской лингвокультуры, в частности, характерно выражение отношения человека к дому, построенное на образном сравнении с птицами и пчелами:

Эрь мешкясь эсь пизозонза канды;
отношение к соседям как к родственникам и друзьям:

Эрямс вешентть аф цебярь васта, а цебярь шабрат;

отождествление понятий дом и семья:

Коса семья (куд), тоса пря (азор);
восприятие женщины как хранительницы домашнего очага, уюта:

Аш ава – кудсь шава;
отношение к детям как к главной ценности мордовского дома:

Кудсь тётмак мархта – павазу куд.

Проведенный анализ показывает сложность и многогранность концепта «дом» в мордовских языках, его универсальность, с одной стороны, и специфичность, с другой.

КЛЮЧЕВА Мария Аркадьевна

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

ПРОЦЕССЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЗЕРКАЛЕ ДЕТСКОГО ИГРОВОГО ФОЛЬКЛОРА

В докладе рассматриваются асемантические слова и тексты детского фольклора (марийского и русского), в частности: формулы чурания в марийских прятках (*запырт, кулай-кулай, чондри*); названия марийских игр с палками – *митули* и *клёк* (последнее название распространено не только в Марий Эл, но и во многих регионах России и бывшего СССР); название игры в кости – *иляки* (рус. диалект.); игровой диалог в некоторых русских играх с зачином: *Али-баба, Клум-бамба, Калим-бамба, Колю-баба* и т. п.; текст из игры в ярки: *Чо-*

ган-чоган по бокам... (рус. вятск., 19 в.) в сопоставлении с аналогичным марийским текстом.

Показано, что ряд заумных слов и текстов в марийском фольклоре появились в результате заимствования с асемантизацией и пересемантизацией, возникающей в результате плохого знания русского языка, например, считалки:

*Ашла-кушла мама зия
А за нею молодая
Кук-мак, кук! (мар.) ←
Шла кукушка мимо сети
А за нею малы дети
Кук-мак, кук-мак
Убирай один кулак! (рус.)*

С другой стороны, ряд асемантических слов и текстов русского игрового фольклора имеет финноязычное происхождение (например, *шляк* (игральная кость) – «темное слово» по Фасмеру *шакляк*, *пакляк* (мар.)), и это является не столько результатом заимствования, сколько обнаруживает финно-угорский субстрат русского населения ряда областей России.

КОРНИШИНА Галина Альбертовна

Мордовский государственный университет, г. Саранск

ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАРКЕРЫ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ

В современных условиях, когда активно развиваются процессы унификации этнической культуры, происходит и обратный процесс – процесс сознательного сохранения и рекультурации отдельных традиционных форм.

У мордвы также имеются определенные культурные маркеры, помогающие мордвину сохранять самоидентификацию. Одним из них является традиционная обрядность, в частности семейные ритуалы. В мордовской свадьбе по-прежнему используется специальная традиционная одежда свахи – *кудавы*, функционируют основные свадебные персонажи: глава свадебного поезда – *уредев*, провожатые невесты – *урьваля*, наличествуют обряды приезда «свадебного поезда» жениха за невестой, посещение родственниками невесты дома жениха, взаимодоаривание новой родни.

В сельской местности продолжают бытовать архаичные черты похоронно-поминальной обрядности, связанные с облачением покойного, захоронением, поминками. Широко бытуют и общие поминальные дни, в которых участвуют городские жители.

В материальной сфере наиболее полно этнические компоненты проявляются в питании. В повседневном и обрядовом рационе мордвы присутствуют домашний хлеб, блины, пироги, напиток на основе ржаного солода – *поза*.

Этноидентификационные маркеры зависят от профессионального статуса, возраста этнофора, его принадлежности к этнической группе, района проживания. Они лучше сохранились в районах, удаленных от городов и районных центров. Значима ценность их у старшего поколения. Молодежь в основном ориентируется на унифицированные формы культуры.

КОЧЕМАСОВ Геннадий Григорьевич

Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, г. Москва

ФЕННО-САРМАТСКАЯ ТЕКТОНИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ – ГРАНИЦА МЕЖДУ УГРО-ФИННАМИ И ИНДО-ЕВРОПЕЙЦАМИ НА СЕВЕРЕ – ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА ЮГ В ОБЛАСТЬ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Фенно-сарматская тектоническая линия простирается с СЗ на ЮВ от острова Ян-Майен через Скандинавию, Ладогу, Москву, Прикаспий, Сарыкамыш на Бадхыз. Эта линия является проекцией фундаментальной границы в форме геоида (эквипотенциальная поверхность земного шара) и диаметром суперструктуры Восточно-Европейской платформы – тектонической гранулы планеты. К ЮЗ от этой линии геоид поднимается, к СВ – опускается в связи с изменением плотности пород внутри Земли (на СВ она увеличивается). Оказалось, что и в антропосфере эта линия играет существенную роль. Так, было замечено, что в Мордовии она отделяет эрзю на северо-востоке от мокши на юго-западе. Антропологически более высокорослая и светлая эрзя (балтийская тенденция) отличается от менее высокорослой и более пигментированной длинноголовой мокши (северо-понтийский тип). Далее на СЗ вдоль линии наблюдается контакт более короткоголовых владимирцев и более длинноголовых рязанцев (факт, поразивший Е. М. Чепурковского). Еще далее на СЗ линия разделяет финнов и карел. На юго-востоке в пределах Прикаспийской низменности в сарматское время линия разделяла савроматов Поволжья (и их предков срубников) на западе и сарматов южного Приуралья (предки андроновцы) на востоке. В Средней Азии с мезолита и до современности на юго-западе обитали грацильные длинноголовые восточно-средиземноморцы, на северо-востоке – массивные широкоголовые андроновцы, позднее южно-сибирские племена. Разделяющая долгоживущая тектоническая линия пересекает тундру, лес, лесостепь, степь, пустыни.

КУБАНЦЕВА Ирина Алексеевна

Мордовский государственный университет, г. Саранск

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ XIX в. О МОРДОВСКОМ КРАЕ

В публицистических произведениях XIX в., в которых служители церкви описывали свои наблюдения о мордовском крае и народе, населявшем его, представлены интересные этнографические данные о мордве, содержатся сведения по истории сел и деревень. В очерках о монастырях рисуется так же общая картина провинции XIX века. В частности, представлены публикации краеведческого характера отца Иоанна (И. Н. Беляева), служителя Троицкого собора Краснослободска и преподавателя Краснослободского духовного училища, священника Саранской Тро-

ицкой церкви А. И. Масловского и других. Упоминаются так же такие авторы, как М. Гребнев, А. Антонинов, Ф. Зерновский, занимавшиеся исследованиями по этнографии мордовского народа.

Многие священнослужители обладали фундаментальными познаниями в мировой и отечественной истории, географии, словесности, знали несколько иностранных языков, владели навыками литературной работы. Церковный уклон их публикаций не влиял на информативность текстов, не снижал значимости накопленного и изложенного в них фактического материала. Свои работы деятели церкви в основном публиковали в периодических изданиях – Пензенских, Тамбовских, Симбирских епархиальных ведомостях 1860-х годов.

КУЗИВАНОВА Ольга Юрьевна

Коми республиканская академия государственной службы и управления, г. Сыктывкар

СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КУЛЬТУР ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ (ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Символическая система этничности представляет собой сгусток самых различных смыслов, практик, моделей поведения, закреплённых институционально и имеющих большую эмоциональную силу. Этнические символы играют значительную роль в адаптационных возможностях этничности, создании новой реальности (в результате трансляции этих знаков-символов в обновлённую среду). Символические элементы выступают как символы «для этничности» так и «для других». И в том и другом случае они могут быть как функциональны, так и дисфункциональны, могут использоваться как для деструкции, так и для сотрудничества и интеграции. Последний аспект наиболее актуален и интересен, так как представляет собой социальный ресурс «выживания» этничности в мире современности с её плюрализмом, прагматизмом и изменчивостью.

Финно-угорские народы имеют собственные, выработанные каждым народом символы, которые уже вошли в современную политическую реальность и стали элементом региональных идентичностей. Процесс конструирования новых политически значимых символов происходит в рамках такого феномена как «финно-угорский мир». Всё это позволяет провести существенную связь между традиционными культурами финно-угорских народов и реальностью, которая «конструируется» многими политическими факторами и в которой финно-угорские народы должны найти своё место.

ЛАЛЛУККА Сеппо

Хельсинкский университет, г. Хельсинки (Финляндия)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИСКУССИЯ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ КОМИ-ЗЫРЯН И КОМИ-ПЕРМЯКОВ

С первых десятилетий XX в. вопрос о существовании коми-зырянского и коми-пермяцкого языков и народов в качестве самостоятельных относится к числу дискуссионных. В связи с проектом создания ав-

тономии коми-зырян, с 1920–1921 гг. выдвинулась идея об объединении всех коми в одно автономное образование.

Однако центральная власть настороженно относилась к «максималистским» предложениям коми деятелей. К тому же их активность вызывала недовольство в руководстве Пермской губернии и вела к росту напряженности в межрегиональных отношениях. В результате были созданы не одно, а два автономных образования: Коми АО и Коми-Пермяцкий национальный округ.

Несмотря на это, со стороны Коми АО и во второй половине 1920-х гг. продолжалась деятельность, направленная на объединение. Но в то время эта идея уже не нашла поддержки у руководителей коми-пермяков. Тем не менее, деятельность коми-зырян в данном вопросе приостановилась лишь по принятии Конституции СССР 1936 г. К этой теме все же вернулись в постсоветское время. Данная дискуссия, однако, носила исключительно теоретический характер, практических политических целей не преследовала и была спорадической. Свою актуальность она потеряла с созданием Пермского края.

ЛЕХТИНЕН Ильдико

Национальный музей Финляндии, Хельсинки (Финляндия)

СОТРУДНИЧЕСТВО ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Финляндское Общество им. А. М. Кастрена в 2009–2010 гг. реализовало масштабный проект «*Финно-угорские народы и культурное наследие. Мультиязычность и мультикультурность в музеях*» (руководитель Ильдико Лехтинен). Проект осуществили Музейное ведомство Финляндии и ведущие музеи республик Марий-Эл, Удмуртии и Мордовии при финансировании Фонда поддержки культуры Финляндии.

В рамках проекта состоялось несколько семинаров, был открыт сайт финно-угорских музеев (www.fumuseums.ru), проводились стажировки, были изданы каталоги и создана передвижная музейная выставка «*Финно-угорский триптих*». Выставка состоит из трех тематических разделов, представляющих культуру мари, мордвин и удмуртов, через присущие им атрибуты в духовно-нравственной и бытовой сфере. Выставки прошли в Йошкар-Оле (сентябрь 2009 г.), в Ижевске (март 2010 г.) и Саранске (сентябрь, 2010 г.).

Национальным музеем Марий-Эл им. Т. Евсеева был подготовлен раздел «*Три тотема*» – об обрядовой культуре мари; Мордовским республиканским объединённым краеведческим музеем им. И. Д. Воронина совместно с Художественным училищем и Институтом национальной культуры – раздел о народном костюме мокшан и эрзян – «*Узоры столетий*»; Национальным музеем Удмуртии им. Кузуба Герда – раздел «*Три свадебных напева*», повествующий о представлениях и обрядах, сопровождающих

самые важные события жизненного цикла каждого человека: рождение, свадьбу и погребение.

Культурное пространство финно-угорского мира самобытно и уникально. Многие элементы культуры финно-угорских народов малоизвестны даже для представителей данных народов и нуждаются в представлении широкой общественности. Международное финно-угорское сотрудничество содействует сохранению и презентации культурного наследия финно-угорских народов, включению знаний о них в живую и развивающуюся часть культуры современного мира.

МАЛАНКИН Александр Валерьевич

Мордовский государственный университет, г. Саранск

МИССИОНЕРСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В МОРДОВИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Важнейшим направлением деятельности Русской православной церкви в Мордовии является миссионерско-просветительская работа. Ее организацией занимаются все отделы Саранской и Мордовской епархии, но главным образом отделы по религиозному образованию и катехизации, миссионерский, издательский и по делам молодежи. Приоритетными направлениями их работы в настоящее время являются: создание Богословско-катехизаторских курсов для мирян и открытие Духовных центров с современными классами для занятий и библиотекой при Иоанно-Богословском кафедральном соборе в г. Саранске и в г. Темникове им. адмирала Ф. Ф. Ушакова; проведение конференций и бесед опытных священников и преподавателей по основам православной веры и проблемам духовной жизни; составление и публикация учебных программ и других вспомогательных материалов по «Основам православной культуры»; работа с православным детским клубом («Родник»), обществом социально-психологической помощи («Юнона»), спортивно-патриотическим клубом («Импульс»); сотрудничество с молодежными организациями и ведение духовно-профилактической работы с трудными подростками; привлечение студентов в Союз Православной Молодежи Мордовии, детей и подростков – в Братство Православных Следопытов и работа с молодежью в летних лагерях; учреждение встреч с представителями разных конфессий; реабилитация граждан, пострадавших от деятельности сект, разработка курса «сектоведения», приспособленного к местным условиям для МВД, больниц, образовательных учреждений и др.; ведение переводческой работы Священного Писания и Богослужебных текстов на мордовские языки (эрзя и мокша); организация паломнических поездок по святым местам Мордовии и России и др.

Основными печатными изданиями РПЦ в Мордовии являются газеты и журналы: «Саранские Епархиальные ведомости», «Мордовия православная», «Миссионерское обозрение», бюллетень «Миссионерское обозрение», для молодежи издаются журналы «Сретение» и «Вестник».

МАХАЛОВ Сергей Анатольевич

НИИ гуманитарных наук при Правительстве

Республики Мордовия, г. Саранск

МОРДВА ПЕТРОВСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И ТОПОНИМИКА

Разнообразие географической среды, прежде всего ландшафтно-климатических условий и природно-ресурсных баз, в значительной степени влияет на характер культурных процессов у той или иной этнической группы. Культура, в свою очередь, может рассматриваться как важный механизм адаптации человека к природной среде. От климата, ландшафта, гидрографии, растительности и других природно-географических факторов в значительной степени зависят планировка населенных пунктов и отдельных жилищ, их расположение на местности, строительство домов и хозяйственных сооружений, промысловая, хозяйственная деятельность, пищевой рацион населения и многое другое.

Мордва предпочитала селиться и жить в лесах, где есть материал для строительства, земля для пастбищ и т. д.. Лесные массивы, реки и озера были главным источником существования населения.

Север Саратовской губернии соответствовал всем этим требованиям, изобилуя лесными массивами и густой сетью водных путей. Петровский район расположен на Приволжской возвышенности с преобладающими высотами 200–250 м. Территория района относится к черноземной степной зоне с господствующим черноземным типом почвообразования, с умеренно континентальным климатом, умеренно увлажненный, теплый.

В районе преобладают культурные ландшафты, сформировавшиеся на месте восточноевропейских луговых степей и остепненных лугов в северной части района и на месте причерноморских разнотравно-ковыльных степей в левобережье Медведицы.

Окрестности населенных пунктов Петровского района, в которых проживает мордовское население, получили названия, производные от особенностей местности, фамилий, имен, рода деятельности людей и т. д. В названиях поселений сохраняются мордовские слова.

МИРОШКИН Владимир Вячеславович

Мордовский государственный педагогический институт

им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

РОЛЬ ОБЩИННЫХ ТРАДИЦИЙ МОРДВЫ В ВЫСТРАИВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА*

Вопросы межкультурного дискурса являются приоритетными в контексте процессов глобализации, в стороне от которых не осталось современное россий-

* Исследование выполнено по проекту ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009-2013 гг. (Культурный диалог в поликультурном пространстве).

ское общество. Национально-этническая, религиозная, социальная пестрота и многоукладность, сложность политической обстановки в ряде регионов, усиление тенденций этноцентризма актуализируют проблему поиска эффективных средств выстраивания межкультурного и межконфессионального диалога.

Одной из моделей конструктивного взаимодействия и взаимопроникновения культур разных этносов является Республика Мордовия – место уникального соединения трех цивилизаций – славянского, финно-угорского и тюркского миров и двух религий – православия и ислама. На протяжении своей многовековой истории мордовские крестьяне стремились к установлению добрососедских отношений с представителями различных народов. Использование этого опыта предполагает обращение к историческому опыту межнационального, межконфессионального и межкультурного взаимодействия, накопленному ими в рамках такого традиционного социального института, как крестьянская община, где мощным фактором межэтнической консолидации и важнейшим путем межкультурного взаимообогащения служила общность экономических и общественных интересов. Это отчетливо прослеживается на примере обычаев крестьянской взаимопомощи, совместного празднования значимых событий сельской жизни, определенной тождественности многих нравственных норм, которыми представители различных этносов руководствовались в своей повседневной жизни.

Общинная среда выступала как пространство формирования культурного поведения, в котором знакомство с чужой культурой служило способом понимания и осмысления другой культуры, поэтому диалог культур помогал воспитывать национальную терпимость, подсказывал формы толерантного поведения и межнационального взаимодействия.

МОКШИН Николай Федорович

Мордовский государственный университет, г. Саранск

СУБЭТНИЧЕСКАЯ БИНАРНОСТЬ – ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ЭТНОСТРУКТУРЫ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современная этнология установила, что для каждого этноса присуща своя этноструктура, выступающая в виде тех или иных субэтносов и этнографических групп, которые находятся в определенных соотношениях и динамике, когда этногруппа может стать субэтносом, а тот – этносом и наоборот. Указанная парадигма убедительно подтверждается на примере финно-угорских народов Среднего Поволжья, а именно мордвы, в этноструктуре которой в настоящее время выделяются два субэтноса (мокша и эрзя), марийцев с субэтносами *олык мари* (луговых мари) и *курык мари* (горных мари) и удмуртов с субэтносами *ватка* (северных удмуртов) и *калмез* (удмуртов южных).

В принципе, тот или иной субэтнос может стать этносом, но процесс такого становления сопряжен со многими не только сугубо этническими, но и другими

ми обстоятельствами, в том числе политическими, без должного учета которых данная трансформация может не состояться, а то и «пойти в обратную сторону» с перспективой стать из субэтноса этногруппой, то есть «опуститься» в этноструктурной таксономии на более низкую ступень.

В настоящее время наиболее заметные попытки преобразования из субэтноса в этнос прослеживаются у мордвы-эрзя, меньше у марийцев (горных). Что касается удмуртов, то они некоторое время (во второй половине прошлого века) насчитывали не два, а три субэтноса (ватка, калмез, бесермяне). В связи с ростом этнического самосознания бесермян и движением за их самоопределение, в 1992 г. решением Президиума Верховного Совета Удмуртской Республики «О восстановлении исторического имени бесермянского народа» они были признаны самостоятельным этносом, обретя статус малочисленного народа, удмуртский этнос вновь стал бинарным. Причем в этноконсолидационном отношении в сравнении с марийцами и особенно мордвой они оказываются наиболее продвинутыми. Это, в частности, подтверждается наличием у них единого литературного языка, в то время как у марийцев в этой сфере продолжают споры, приобретающие в 1990-х гг. политическую окраску, а у мордвы с конца 1930-х гг. шло формирование двух литературных языков, что не способствовало оптимизации этнической консолидации. В настоящее время актуализировался вопрос о создании единого мордовского литературного языка.

МОКШИНА Елена Николаевна

Мордовский государственный университет, г. Саранск

РЕЛИКТЫ ДОХРИСТИАНСКИХ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ В ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ МОРДВЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современная обрядовая жизнь мордовского народа во многом схожа с издавна живущим по соседству русским населением, особенно в городах. И это, конечно, не случайно, ибо русские и мордва живут бок о бок с глубокой древности, исповедуют одну и ту же православную религию. И все же в обрядах мордвы, в ее жизнедеятельности поныне, особенно в сельской местности, сохраняется немало колорита, национальной специфики. В частности, до сих пор бытуют, хотя нередко, конечно, не в чистом, а чаще в синкретическом виде, некоторые традиционные элементы, восходящие к дохристианским верованиям.

Как известно, мордва очень медленно расставалась со своими традиционными верованиями и обрядами. Они прочно бытовали в народе, в сознании каждого мордвина, передаваясь из поколения в поколение, веками хранились в народной памяти. И даже христианскую религию она воспринимала не в чистом виде, а адаптируя в соответствии с местными традициями.

А какое место занимают дохристианские верования и обряды в современной жизни мордвы? Эта

проблема на протяжении многих лет изучалась этнографическими экспедициями Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, а в 1995–2010 гг. проводился специальный анкетный опрос сельской мордвы по выявлению характера и уровня ее религиозности.

Обобщая его итоги, можно отметить: хотя некоторые элементы дохристианских верований и обрядов у части мордвы бытуют поныне, думать всерьез о возвращении мордовского народа к языческой религии в настоящее время, как это предлагают активисты части эрзянского национального движения, не стоит, слишком глубокие и прочные корни пустила в нем православная вера.

МОЛОТОВА Тамара Лаврентьевна

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола

ИДЕНТИФИКАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МАРИЙСКОГО КОСТЮМА

Народный костюм в традиционной культуре марийцев является элементом идентификации. В прошлом полный отказ от марийского народного костюма означал отказ от принадлежности к этносу, к потере идентичности. У всех групп марийцев народный костюм был очень важным этническим маркером и сохранился в той или иной степени в зависимости от района проживания, от типа поселений и ряда других факторов. Особенностью современного периода в Республике Марий Эл является развитие спроса и на современные модные формы костюма, созданные по мотивам народного. При этом современный покрой одежды из фабричных тканей сочетается с марийской вышивкой. Такая одежда шьется в ателье «Сайвер» (Йошкар-Ола), в ряде сельских мастерских, а также ее изготовлением занимаются мастера-модельеры.

Мужской марийский стилизованный костюм, который шьют для участников художественной самодеятельности, представляет комплект из белых брюк, белой рубашки с вышивкой на груди, концов рукавов, подоле. Иногда к этим формам одежды добавляются легкий белый кафтан с вышивкой и головной убор (шляпа). В последние годы сложился стандартный мужской сценический костюм.

Комплекты специальной марийской ритуальной одежды имеют и большинство языческих жрецов – картов. Костюм состоит из орнаментированных вышивкой белых рубахи и кафтана, пояса, войлочной белой шапки, брюк обычно белого цвета, обуви.

Одним из важных элементов традиционного женского костюма являются украшения, преимущественно из серебряных монет. Раньше они демонстрировали имущественную состоятельность носительницы. В настоящее время старинные украшения сохранились в незначительном количестве. Современные сельские мастерицы делают их из металлических жетонов.

Функциональное применение народного костюма все более перемещается в празднично-обрядо-

вую сферу. Можно предположить, что в ближайшей перспективе именно на уровне праздничной и сценической одежды и следует ожидать стабилизацию бытования марийского национального костюма.

МОРОЗОВА Елена Николаевна

Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

ПРАВОСЛАВНАЯ СИМВОЛИКА КАК ОСНОВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И МОРДОВСКИХ ИДИОМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА)

Результаты исследования фразеологических единиц русского и мордовских языков идиом со значением интеллекта показали наличие в их внутренней форме религиозной составляющей. В каждом из сопоставляемых языков существуют специфические национальные единицы, хотя в большинстве случаев наблюдается тесная связь русского и мордовских языков, в которых христианство является одним из главных источников культурно значимой информации.

Символика, характерная для православного сознания, играет доминантную роль как в русской, так и в мордовской идиоматике, о чем свидетельствует наличие в этих языках эквивалентных фразеологических единиц: русск. *светлая голова, светлый ум*; мокш. *валда пря, валда ёнь*; эрз. *валдо пря, валдо превю*.

Свет разума противопоставляется тьме невежества. Данные фразеологизмы отражают восприятие Христа (христианства) как символа света, в первую очередь света духовного. В русском и мордовских языках немало идиом, имеющих в составе компонент *бог*. Первоначальное значение данной лексемы – «тот, кто наделяет материальными благами и т.п.». Это подчеркивается в различных устойчивых сочетаниях: русск. *дай бог, не дай бог*; мокш. *шкаень пилес валхне, максоза шкайс*; эрз. *пазось илязо, ве паз соды*.

Умного, сообразительного человека характеризуют фразеологизмы: *от бога, богом данный*; человека глупого, бестолкового – *богом обиженный, олух царя небесного*.

В ходе сопоставительного анализа фразеологических картин мира в целом и образно-мотивационных основ фразеологических единиц в частности выявляется универсальность отображения действительности во фразеологии разных языков.

ПЕРЕВОЗЧИКОВ Юрий Александрович

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СЕЗОННОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ УДМУРТОВ В ФИНЛЯНДИЮ

В последние годы под влиянием процессов демократизации и глобализации, с одной стороны, и кри-

зисных тенденций в российском аграрном секторе, с другой, сезонная трудовая миграция в зарубежные страны стала одним из альтернативных способов заработка у определенной части коренного сельского населения Удмуртии. Наиболее часто выбираемыми объектами приложения труда в летнее время у удмуртов, даже несмотря на ожидаемый сравнительно небольшой доход, становятся сельскохозяйственные работы и сбор дикорастущих даров природы в Финляндии.

В результате данных анкетирования и интервью сезонных трудовых мигрантов из Удмуртии были выявлены основные причины выбора ими этой родственной в языковом отношении страны. Выяснилось, что этнокультурный компонент при выборе поездки на работу в Финляндию играет хотя и не первую, но, тем не менее, достаточно важную роль. При этом представления об общих финно-угорских корнях служат существенным фактором внеэкономических мотивов миграции. Среди этих мотивов, особенно у молодых мигрантов, выделяются возможность путешествия, овладение иностранными языками, расширение круга общения, культурное и личностное развитие, что в большей степени придает подобному заработку характер познавательного и образовательного туризма. Неоднократно отмечалось и сходство в менталитете родственных народов (трудолюбие, работоспособность, аккуратность, исполнительность) и приверженность трудовой деятельности в непосредственной связи с экологической средой. Заметная часть трудовых мигрантов положительно отзываются о своей поездке, ссылаясь на расширение своих знаний о финно-угорском мире.

САЛМИН Антон Кириллович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

УГОРСКИЕ ИСТОКИ ИСТОРИИ ПРЕДКОВ ЧУВАШЕЙ

Есть основание полагать, что предки чувашей савиры в Европу пришли с юга Западной Сибири, а в языковом отношении изначально они были уграми. Время ухода савиров из Сибири логично отнести ко времени после распада праугорского единства, точнее на середину I в. до н.э. Именно тогда под натиском юго-восточных кочевников и сильным изменением климатических условий, савиры и мадьяры двигаются на запад, а вогулы и остяки, в поисках речных и лесных ресурсов, — на север.

Однако долгое время исследователи не обращали внимания на поразительное хронологическое совпадение. Возникновение кочевничества в степи и формирование угорской общности в лесостепи Южного Зауралья пришлось на одно время. Хронологию возникновения кочевничества, изменение климата в худшую сторону и начало формирования расового облика предков венгров представители разных дис-

циплин приурочивают независимо друг от друга к концу II – началу I в. до н. э. В это же время китайцы заключают союз с соседними племенами против гуннов и около 93 г. одерживают над ними победу, что послужило толчком к передвижению гуннов на запад. На пути гуннов впереди оказываются савиры, которые также двигаются в западном направлении. В первой половине II в. гунны оказываются на границе Азии и Европы, а в середине того же века выходят к берегам Волги. Савиры к этому времени уже были на Кавказе.

СЁКЕ (БОЛОТОВА) Наталья Сергеевна

Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт (Венгрия)

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВ РОССИЙСКИХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В ВЕНГРИИ

Длительное время основной базой для венгерской финно-угристики являлись материалы лингвистических, этнографических, археологических и других полевых исследований, собранные учеными еще в период Российской империи. Для венгерских исследователей и студентов языки российских финно-угорских народов оказались в статусе «мертвых» языков, поскольку общение с их носителями было крайне редким.

Возникновение в начале 1990-х годов по инициативе общественных организаций международного финно-угорского сотрудничества способствовало углублению межгосударственных гуманитарных контактов между Венгрией и Россией, которое нашло отражение в ряде правительственных соглашений между данными странами. В 1998 году Венгрией была учреждена специальная стипендиальная программа для представителей финно-угорских народов России. В рамках программы многие представители финно-угорских народов прошли обучение на кафедре финно-угроведения университета им. Этвеша Лоранда. Венгерские студенты получили возможность изучения финно-угорских языков при непосредственном общении с их носителями. Можно констатировать, что произошел исторический поворот: финно-угорские языки народов России, в том числе, которые считались практически исчезнувшими, стали «живыми» языками за рубежом. Следует отметить, что штатные преподаватели кафедры хорошо владеют многими языками российских финно-угорских народов, а изучение эстонского и финского является обязательной частью учебной программы.

Как пример, можно привести чтение курса «Вепсский язык и культура», который автор данного сообщения, как аспирант кафедры, читает на венгерском языке для студентов кафедры финно-угроведения. В процессе обучения студенты проводят сравнение вепсского языка с венгерским, финским, эстонским и марийским языками, изучают культуру вепсского народа, используя СМИ, следят за событиями в регионах проживания вепсов.

СИЙ Энико

Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт (Венгрия)

О РОЛИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УКРЕПЛЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Сотрудничество финно-угорских народов основано на признании языкового родства финно-угорских народов, сам факт установления которого в XVIII в. стал одним из важнейших научных достижений того времени. Расширение сотрудничества между финно-угорскими народами требует знания их истории, поскольку каждое событие или явление имеет свою предысторию, неосведомленность о котором приводит к ошибкам в переводах и применении терминологии.

Так, например, в Венгрии длительное время было распространено мнение, а в некоторых слоях венгерского общества существует и сейчас, что финно-угорские народы непривлекательны, и для венгров немного чести считать их своими «родственниками». Сохраняется использование старых этнонимов для финно-угорских народов, часто неблагозвучных на русском языке и уже не используемых как их официальные названия в России. Хотя эти обстоятельства лишь отражали знания, которые венгерские исследователи, посещавшие еще в XIX веке финно-угорские крестьянские и полукочевые народы, проживающие в экстремальных условиях, донесли до своих граждан и европейской обществу.

В то же время употребление в российской этнополитической науке термина диаспора по отношению к венграм, проживающим в сопредельных государствах, свидетельствует о незнании истории Венгрии, поскольку современная территория этих стран, на которой сейчас проживает около 2,5 млн. венгров – граждан этих государств, является их этнической родиной и была изъята из состава Венгрии по Трианонскому мирному договору (1920 г.) решением стран-победительниц по итогам Первой мировой войны.

Сегодня как в науке, так и в политике часто превагируют поверхностный подход к изложению исторических событий и фактов, что приводит к неточностям при переводах и неправильному использованию специальной терминологии, тем самым, искажая исторические знания и вызывая непонимание между странами и народами.

СИНДЯНКИНА Ольга Константиновна

Мордовский государственный университет, г. Саранск

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОРДОВИИ В 1920-е гг.

Важной проблемой в изучении профсоюзного движения Мордовии в 1920-е гг. является исследование национального состава профорганизаций. Динамику их национального состава можно проследить по следующим данным:

Динамика национального состава профсоюзных организаций Мордовского округа на 1928–1929 гг.*

Период	Октябрь 1928г.		Апрель 1929г.	
Национальность	Чел.	%	Чел.	%
Русские	22620	86,5 %	22729	84,0 %
Мордвыны	2677	10,2 %	3477	12,7 %
Татары	725	2,8 %	988	2,6 %
Прочие	14	0,5 %	169	0,7 %
Всего	26162	100 %	27363	100 %

В президиуме Окружного профсоюзного бюро в 1928 г. был только 1 мордвин. В состав пленума ОПБ вошли от мордвынов 3 чел. (14,3%). В окружных отделениях союзов и в организациях их заменяющих мордвыны составляли 12,2%, татары 3,3%. Достаточно низкий процент национальных кадров в профсоюзных организациях объясняется тем, что работа с ними велась в большинстве случаев единственным способом – созывами инструкторских совещаний актива, которые проводились в среднем раз в три месяца.

Организация Мордовского округа привела к активизации работы по выдвижению на профработу мордвы. Уже к апрелю 1929 г. процент работников мордовской национальности в ОПБ и его филиалах увеличился на четверть, тогда как общее число членов профсоюза всего на 5% [ЦГА РМ. Ф. 326-П. Оп. 1. Д. 577: 9]. При этом возросла активность и мордовских женщин. Так, из 70 выдвижений 1929 г. женщин всего было выдвинуто 30 чел., в т. ч. мордвонок – 6 чел. или 20% [ЦГА РМ. Ф. 326-П. Оп. 1. Д. 577: 10].

Хотя организованный в 1928 г. округ юридически не являлся автономным образованием, само его появление под именем «Мордовский» явилось стимулом для активизации национального движения в крае, в т. ч. в профсоюзной сфере, результатом которого стало создание в 1930 г. Мордовской автономной области.

СТАВИЦКИЙ Владимир Вячеславович

*Пензенский государственный педагогический университет**им. В. Г. Белинского, г. Пенза*

МАРЬЁНКИНА Татьяна Анатольевна

*НИИ Гуманитарных наук при Правительстве**Республики Мордовия, г. Саранск*

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НОСИТЕЛЕЙ ОКСКИХ (ПРОТОФИНСКИХ) НЕОЛИТИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Генезис поздняковской культуры первоначально связывался исследователями с миграцией носителей срубных древностей на территорию Поочья, где в результате их обособления происходит сложение новой культуры. Однако после того, как был выдвинут тезис об участии поздняковских племен в формировании городецких древностей, относимых исследова-

* Табл. сост. по ЦГА РМ. Ф. 326-П. Оп. 1 Д. 577. Л. 1-3; Ф.Р. 162. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

телями к финно-угорским, встал вопрос о противоречии подобной этнокультурной принадлежности со срубной (ираноязычной) подосновой поздняяковской культуры. Тогда А. П. Смирновым было высказано предположение об участии в генезисе поздняяковцев окских неолитических племен, относящихся к лесному ареалу финно-угорских культур. Сославшись на слабую изученность местных поздненеолитических древностей, он не стал рассматривать вопросы их конкретного участия в данном процессе.

Исходя из автохтонной концепции формирования археологических культур, А. П. Смирнов априори полагал, что местное население не могло остаться в стороне от данного процесса. Однако после исследований Т. Б. Поповой в Среднем Поочье был выявлен допоздняяковский (фатьяноидный) пласт памятников, относящийся к раннему бронзовому веку, а Е. А. Каверзневой здесь были выявлены ещё и памятники шагарского типа, также предшествующие сложению поздняяковских древностей. При этом оказалось, что шагарские древности своими корнями связаны с поселенческими памятниками среднеднепровской культуры, а фатьяноидные – с лесостепными древностями иванобугорского типа. Таким образом, тезис об участии в сложении поздняяковской культуры носителей местных неолитических древностей должен быть переосмыслен.

СТАВИЦКИЙ Владимир Вячеславович

*Пензенский государственный педагогический университет
им. В. Г. Белинского, г. Пенза*

ФИНО-УГОРСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В настоящее время финно-угорская принадлежность городецкой культуры практически ни у кого не вызывает сомнений. Данное утверждение стало «общим местом» учебников и энциклопедий. Между тем его верификация никем и никогда не производилась. Положение о финно-угорской принадлежности городецких памятников в начале XX века было выдвинуто А. А. Спицыным, исходя из совпадения их ареала с территорией распространения погребальных памятников окских финнов.

Общность территории выступала главным аргументом и в автохтонной концепции А. П. Смирнова при доказательстве генетической преемственности городецких и древнемордовских памятников.

Однако как оказалось впоследствии, значительная часть городецкого ареала выходит за пределы распространения древностей окских финнов. В частности, обширный район городецких поселений и городищ был выявлен на Верхнем и Среднем Дону, другой – на территории Саратовского Поволжья.

В противоречие с финно-угорской принадлежностью городецких древностей вступила и их генетическая связь с памятниками поздняяковской культуры, подоснова которых связана с ираноязычными носителями срубных древностей.

Но поскольку финская принадлежность городецких памятников воспринимается как непреложный факт, то, исходя из этого положения, стали выдвигаться аргументы в пользу участия в генезисе поздняяковской культуры местных неолитических племен. Однако к моменту появления поздняяковских древностей в Среднем Поочье местные племена уже были ассимилированы носителями древностей шагарского и примокшанского (иванобугорского) типов, происхождение которых связано с лесостепными племенами Подонья и Приднепровья.

СТРОГАЛЫЩИКОВА Полина Борисовна

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

ПРИМЕНЕНИЕ ВЕНГЕРСКОГО ОПЫТА ЗАЩИТЫ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ В ФИНО-УГОРСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Особая роль в европейской политике по защите меньшинств отводится Венгерской Республике, опыт которой по защите своих соотечественников, проживающих в сопредельных странах, вызывает интерес исследователей и политиков, внося заметный вклад в формирование международных стандартов в области защиты прав меньшинств.

При включении Венгрии в финно-угорское движение её представителями сразу была отмечена схожесть ситуаций в этнической проблематике, которые предстояло решать российским финно-угорским народам. Значительная часть венгров, также как и представителей российских финно-угорских народов, имеющих свои республики, проживала за пределами своих государственных образований. И в том и другом случае, они проживали на родине своих предков. Венгрия, являясь активным участником финно-угорского движения, распространила некоторые из мер, применяемых для поддержки своих соотечественников, и по отношению к представителям российских финно-угорских народов, в их числе:

1. Предоставление государственных стипендий для обучения в вузах страны;
2. Проведение семинаров и конференций просветительского характера по истории финно-угорских народов и стран, в сфере языкового строительства;
3. Организация ежегодных летних курсов по «Хунгарологии», на которых изучается история и культура венгров;
4. Издание специальных работ просветительского характера о финно-угорских народах, среди них фундаментальный труд «Сородичи по языку» на русском и английском языках;
5. Чтение лекций для студентов российских вузов венгерскими специалистами методом дистанционного обучения и др.

В таких же формах в последние годы по инициативе национальной общественности руководство российских финно-угорских республик начало реализовывать программы поддержки соплеменников своих титульных народов, проживающих за их пределами.

ТРОСТИНА Марина Александровна

Мордовский государственный университет, г. Саранск

СЮЖЕТЫ И ПЕРСОНАЖИ РУССКОЙ И МОРДОВСКОЙ БЫЛИЧКИ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ РУССКОЙ И МОРДОВСКОЙ КУЛЬТУР

В устном репертуаре мордвы и русского населения Республики Мордовия по сей день продолжают активное бытование рассказы о мифических существах. Под влиянием изменений, происходящих в жизни и сознании человека, трансформации подверглась, прежде всего, образная система – самое «уязвимое» место суеверных рассказов. Так, перешли в стадию угасания былички о духах природы и домашних духах, их место в образной системе произведений заняли оживающие покойники, гадалки, предсказатели, светящиеся шары, барабашки, летающие предметы, человекоподобные существа, связанные с космосом, и др.

Главными героями мордовских быличек являются человек-свидетель, мифические существа (Вирява, Ведява, Юртава, Куйгорож) и другие представители сверхъестественных сил (мертвецы, колдуны, утопленники и т. д.). Былички связаны с верованиями народа мордвы и хорошо прослеживается как с древними верованиями, так и с христианскими, привнесенными в XVII–XIX вв. Такое напластование религиозных воззрений привело к дуалистичности ряда мифологических образов. Например, в суеверных рассказах мордвы и местных русских на равных правах существуют Вирявы и лешие, Ведявы и русалки, Юртавы, Кудава (Кудальти), Куйгорыши (Куйгорожи) и домовые. Причем функции парных персонажей в одном случае могут совпадать, в другом – иметь некоторые различия в толкованиях.

Особенностью народного суеверного рассказа является то, что он, как и другие фольклорные жанры, развивается под влиянием как общенациональных, так и регионально-локальных традиций. Быличка подвергается трансформации под влиянием двух основных факторов: временного (общенационального) и регионально-локального, определяющего специфику произведений, возникающих и развивающихся на территории совместного проживания русских и мордвы.

ЦЫКАРЕВ Алексей Васильевич

*Молодежная ассоциация финно-угорских народов (МАФУН),
г. Петрозаводск*

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ И ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТЫ

В 2010 году исполнилось 20 лет молодежному движению финно-угорских народов. Специалисты выделяют три периода становления молодёжного финно-угорского движения:

I период (1990 – 1994 гг.) характеризуется формированием идеологии и активным обменом специалистами. Крупнейшее событие периода – научно-прак-

тическая конференция «Молодёжь и финно-угорский мир», итогом которой стала «Концепция программы развития финно-угорской молодёжи». Документ взял в себя все основные тревоги молодёжи, определил стиль и характер молодёжного взаимодействия.

На II период (1995–1997 гг.) пришёлся пик активности, крупные молодёжные мероприятия и рост международных связей. III период (1997–2000 гг.) охарактеризовался спадом активности и ломкой кадровой структуры актива организации.

Программа развития финно-угорской молодежи, принятая самой молодежью в 1993 году, стала давать сбои. Сегодня нет никакой стратегии развития, нет комплексной программы. Взамен мы получили лишь модели поведения. В одних регионах это конформизм, в других – конфронтация, в третьих – симбиоз. Ни одна из этих моделей не способствует сохранению и развитию наших народов. Это означает, что новому поколению активистов предстоит подвергнуть программу переосмыслению. Нужно определить базисные для развития концепты и основные принципы принятия решений. В МАФУН они видятся следующими: международный характер, открытость, демократизм, эффективность. Мы инициируем широкое обсуждение новой программы в финно-угорском сообществе. Конечно, речь не идет о переосмыслении основополагающих целей движения. Они останутся консервативными. Речь идет о новых проектах и направлениях, способных поднять чувство национальной идентичности. Такими новыми темами могут стать экология и наука.

ЧУЗАЕВ Родион Иванович

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

ТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИЯ МАРИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ УЧАСТНИКОВ МАРИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

На Всероссийских съездах мари начала XX в. из делегатов формировались комиссии по религиозным вопросам. Материалы этих комиссий в совокупности представляют: а) идеальный образ традиционной религии мари; б) модель межконфессиональных правил общежития в Волго-Камском ИКО; в) средства достижения первых двух позиций. Представляют интерес отдельные пункты резолюций:

О статусе. Признание верований мари «равноправной религией».

Механизм повышения статуса: предоставление льгот для *онаен* (жрецов – прим. ред.); освобождение от воинской повинности; жалование, равное жалованию православных священников; присутствие в марийских воинских подразделениях *онаен*; организация учебно-воспитательного процесса в марийских школах на основе религиозных воззрений мари; создание при Губернских Духовных Правлениях мари отделов по регистрации родившихся, умерших, вышедших замуж и вступивших в брак; содержание *күсото* (моленных роц) и кладбищ в образцовом состоянии.

Об организационных мероприятиях. Иерархическая структура духовной организации мари: Молитвенные общины; Районные Духовные Правления мари; Губернские Духовные Правления мари; Центральное Духовное Правление мари.

О межконфессиональных отношениях. Допущение свободного перехода в иные вероисповедания с 18 лет. Разрешение смешанного брака между православным и язычницей и наоборот. Допущение к местам молений мари лиц других вероисповеданий при соблюдении условий санитарно-гигиенического характера. Определение вероисповедания детей от смешанного брака с обоюдного согласия родителей.

Таким образом, активисты мари начала XX в. дели веру своих предков равной среди равных.

ШКАЛИНА Галина Евгеньевна

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

АРХЕТИПЫ БЕССМЕРТИЯ В МИРОВОСПРИЯТИИ НАРОДА МАРИ

Архетипы – первоначальная схема, прообраз мира земного, в представлениях древних отождествлявшийся с высшим миром богов. Архетип пронизывает культуру, определяет ее историческую преемственность и память.

Классик эволюционизма Э. Тайлор отмечал, что «среди образов, в которых человечество рисует себе будущую жизнь, следует различать в особенности два главнейших представления. Одно из них изображает будущую жизнь как отражение настоящей: в новом мире, или в фантастически прекрасном или в призрачно-туманном, человек удерживает земную форму и условия прежнего существования, живет между земными друзьями, владеет своей земной собственностью и занимается обычными земными делами. По другому представлению, будущая жизнь есть вознаграждение за настоящую, и удел человека там является следствием его земной жизни или, лучше сказать, наградой или наказанием за неё»¹.

Жизнь народа мар изи поколения в поколение образует уникальную и непрерывную цепь. Предшествующие периоды жизни сохраняются посредством перевоплощения. Душа прародителя появляется в новорожденном в омоложенном состоянии. Настоящее, прошедшее и будущее сливаются друг в друге без какой-либо четкой линии разграничения. Границы между поколениями становятся неопределенными. Чувство нерушимого единства жизни настолько сильно и непоколебимо, что, по сути, отрицается и отвергается сам факт смерти. Погребальные и поминальные обряды народа мари, описанные многочисленными зарубежными и российскими этнографами в XVIII–XX вв., свидетельствуют о том, что «у черемис загробная жизнь как продолжение настоящей»².

В контексте архетипов бессмертия у народа мари необходимо отметить наличие очень сильного культа предков. Более того, оставаясь человеческими существами в физических и душевных свойствах, эти от-

даленные предки в памяти своих потомков становятся, можно сказать, божествами.

Примечания

¹ Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989. С. 292.

² Кузнецов С. К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение, 1904. Кн. XI. № 22.

ЯКУНЧЕВА Марина Геннадьевна

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

ТРАДИЦИОННЫЙ ЭТИКЕТ ПИТАНИЯ МОРДВЫ*

Этикет питания мордвы, включающий в себя стандарты и нормы, связанные с производством, переработкой, хранением и потреблением пищи, организацией семейных и коллективных трапез, имеет древние корни. Его функционирование обусловлено этническими и религиозными воззрениями народа.

Особое место в этикете питания мордвы занимали правила поведения во время еды, так как в этих обычных обстоятельствах довольно отчетливо проявляется этнопсихологический стереотип, сложившийся в рамках традиционной культуры. В этикете питания мы наблюдаем уважительное отношение: здесь и молитвы, возносимые к высшим силам перед началом и после потребления пищи, запреты, связанные с продуктами питания, принесение клятв и др.

У мордовского народа сложилось особое отношение к таким продуктам питания как хлеб, молоко и продукты его переработки, мясо и др. Это наглядно выразилось в правилах приготовления и обращения с ними, способах хранения, а также в бытовании примет и поверий.

Характеристики этикета питания мордвы проявили историческую устойчивость, пережив целые эпохи, что является прямым следствием функционирования модели питания этноса. Регулируя, а в отдельных случаях и стандартизируя, взаимоотношения людей в процессе приготовления и принятия пищи по признакам пола, возраста, социального положения, регламентируя видовой ассортимент продуктов, блюд, напитков, этикет питания выступает как часть системы питания народа, его этнического менталитета.

ЯУШКИНА Наталья Николаевна

Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

МЕСТО И РОЛЬ ПРЕСТОЛЬНЫХ ПРАЗДНИКОВ В КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ

Последнее десятилетие XX в. стало для России временем глубокого переосмысления фундаментальных вопросов общественного бытия. Противоречивые поиски новых путей дальнейшего разви-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-3109а/В).

тия государства коснулись и проблем духовной жизни этносов, их отношения к религии и церкви. В Республике Мордовия наиболее активно «религиозный ренессанс» выразился в массовом строительстве и реставрации церквей, монастырей, мечетей, молитвенных домов (с середины 1990-х гг.). Практически в полном объеме восстанавливалась культовая система. В настоящее время зарегистрированы 352 религиозных организации, представляющие 10 различных конфессий. Наибольшим влиянием пользуется Русская православная церковь. По данным социологических исследований 98% русских, 97,8% мордвы отнесли себя к православным христианам.

В духовной жизни мордвы традиционно значимыми были престольные праздники, в честь православных святых, которым посвящены местные церкви, важные события церковной истории. Наиболее популярными традиционно были Пасха (Инечи), Покров, Троица, день Казанской божьей матери, Михайлов день, Никола. Одной из важных особен-

ностей храмовых праздников ранее являлась взаимная гостьба родственников, которые съезжались со всей округи. По народной поговорке: «Престольные праздники – родо-племя-собиратели».

Престольные праздники, в основном, были адаптированы к древним праздникам, имеющим национальную специфику. Они имели не только религиозный характер, но были насыщены нравственным началом, несли как идейное, так и эстетическое содержание, являлись важной формой общения, средством передачи традиций, произведений устно-поэтического творчества и т. д. В современной жизни престольные праздники также весьма значимы, в них заложены народные установки на бережное отношение к окружающей природе, положительный опыт взаимоотношений между родственными группами, представителями старшего и младшего поколений. В системе современной праздничной культуры, престольные праздники, сохранив национальное своеобразие, играют важную этнообъединяющую, консолидирующую роль.

Секция 6. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

Руководитель: к.соц.н. Юсупов Масу Мовлиевич (Грозный)

АБДУЛАЕВА Элита Султановна

Чеченский государственный университет, г. Грозный

НАРЦИССИЗМ В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ КАВКАЗА

Процесс глобализации обостряет интерес к культурной самобытности этносов. Каждый из них стремится сохранить и развить свою целостность и культурный облик, боясь раствориться в новом информационном, универсальном мире. Эта тенденция осознания и отстаивания собственной неповторимости и сохранения культурной традиции проявляется и у народов Северного Кавказа. Мы наблюдаем в последнее время поток публикаций на Северном Кавказе (монографий, статей, публицистики) по проблемам истории отдельных народов, которые проявляют сходство в стремлении к чрезмерному приукрашиванию и преувеличению вопреки фактам былой исторической роли своих народов, внушая им чувства собственной национальной исключительности и превосходства, идеи этноцентризма. Такое проявление обычно рассматривают как страх перед ассимиляцией. Культивирование национальных идеологем, нарциссизм в некоторых этнических культурах Северного Кавказа следует рассматривать как некий условный барьер против глобализации, которая ассоциируется часто с негативными девиациями

Безусловно, сохранение человеком своей этнической принадлежности является его родовой потребностью, помогая ему более четко определить свое место в окружающем мире. Однако без заимствований ни одна культура не может долго существовать. Современный процесс глобальной стандартизации затронул этнические культуры народов Северного Кавказа. Несмотря на сложность, противоречивость и неоднозначность этнических взаимоотношений процесс интеграции в мировое сообщество здесь имеет место.

АГЛАРОВ Мамайхан Агларович

*Институт антропологии и этнографии ДНЦ РАН,
г. Махачкала*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ В ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ СРЕДЫ: СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА*

Восточному Кавказу (ВК) характерны антропогенные ландшафты (террасирование горных склонов, «выращивание» искусственных равнин путем приме-

нения селевого орошения, аналогии в Хадрамауте). Ему присущ уникальный территориальный строй и организация территорий для хозяйственной эксплуатации по установленным общинами режимам. Здесь первичные этнические поля были разорваны самоуправляемыми эндогамными общинными устройствами. В то время как на Центральном Кавказе равновесие *Человек–Природа* было достигнуто меньшими разрушениями последней, господством экзогамии по генеалогии, сохранением и дальнейшей интеграцией общества по этническому принципу, то есть формированием этнополитических образований с интегрированной этноязыковой культурой.

АЗАМАТОВА Гюльджан Камилевна

*Кабардино-Балкарский государственный университет,
г. Нальчик*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Актуализация исследований религиозной культуры народов Северного Кавказа связана с возрастанием роли и значения религиозной идеологии. В результате религиозное возрождение стало существенным фактором современного общественного развития различных этнических социумов. Все это непосредственно обусловило повышенный интерес к религиозной ситуации предшествующих эпох, где религия, по сути, выступала стабилизирующим фактором, интегрирующим северокавказские общества.

В структурах идентичности современных народов Северного Кавказа в последние годы доминантное значение приобретает их этническое измерение. Этнонизация личностного и группового самосознания влечет за собой его архаизацию, поскольку собственно этнические элементы в системе социальных отношений и социальных действий воспринимаются как имеющие исконный архетипический характер. Изменения, происходящие в культуре, трактуются как ее кризис и разрушение. В рамках культурного возрождения этнические и культурные процессы находятся в сложном взаимодействии. Рассмотрение этих явлений научно-рационалистически и исторически не дает возможности абсолютизации отдельных элементов культурного наследия и их конфликтной интерпретации, ибо в процессе исторической эволюции культуры и обществ происходил их синтез и видоизменения всех этих явлений. История показывает относительность любых культурных форм, поскольку, во-первых, они всегда привязаны к определенному историческому контексту, а во-вторых, всегда изменчивы. Поэтому исследование эволюции религиозных верований, в которых находит свою сущность этническая культурная традиция, представляется весьма

* Исследование выполнено по программе фундаментальных исследований РАН (подпрограмма № 12).

своевременной и важной задачей, приобретающей новый – прикладной и политический характер.

АРСЛАНОВ Леонид Шайсултанович

*Елабужский государственный педагогический университет,
г. Елабужск*

ГРЕБЕНСКИЕ ТАТАРЫ

Гребенские татары проживают в станице Гребенской Шелковского района Чеченской Республики. Уже в течение трех столетий они проживают среди гребенских казаков, чеченцев, кумыков и ногойцев. Казанцы прочно сохранили свое самоназвание и самосознание, не меняли свою национальную принадлежность. В каждой переписи населения пишутся татарами. В паспортах отдельных татар можно было встретить запись «казанский татарин», хотя свой родной татарский язык они забыли, давно переняли более понятный и близкий им кумыкский. Этому способствовал, по-видимому, тот факт, что до присоединения Северного Кавказа к России кумыкский язык был языком межнационального общения в Дагестане, Чечне и других республиках Кавказа. Этот феномен интересен для лингвистов, этнографов, социологов с точки зрения устойчивости самосознания и самоназвания народа в условиях изоляции от основной массы народа. Он свидетельствует о том, насколько важен учет самосознания народов при определении этнической принадлежности отдельных этносов, особенно малых этнографических групп.

ВАРИВОДА Наталья Владимировна

*Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и
КБНЦ РАН, г. Нальчик*

РОЛЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

«Русский вопрос» на Северном Кавказе резко обострился с конца 80-х годов XX века. Снижение доли русского населения в национальных республиках региона стало приобретать обвалный характер. По сей день продолжается отток русского населения, внесшего неоспоримый вклад в превращение Северного Кавказа в один из индустриально-аграрных и культурно развитых регионов России. Выполнение главной задачи, стоящей перед новым полпредом президента РФ А. Г. Хлопониним – модернизация Северо-Кавказского федерального округа, – осложняется в первую очередь продолжающимся оттоком русского населения из республик Северного Кавказа. Это наиболее квалифицированные кадры, необходимые для модернизации региона. Подавляющее число покинувших республики Северного Кавказа русских в период с 1989 по 2010 год как раз и представляли собой квалифицированную прослойку – учителей, врачей, инженеров, специалистов в области высоких технологий, научных работников. Динамичное экономическое развитие Северного Кавказа требует притока русского населения, без которого регион рискует затормозить свой потенциал роста.

Федеральный центр должен взять на себя задачу привлечения русского населения в регион. Для изменения настроения остающихся здесь русских и создания условий для нового притока русских специалистов необходима четкая артикуляция интересов и целей политики, определения места русских в геополитике России на Кавказе, ее последовательное проведение.

ГАМИДОВА С. У.

*Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН,
г. Махачкала*

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОЕДАНИЕ ДОМАШНЕГО ЖИВОТНОГО В ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ ДАГЕСТАНЦЕВ (XIX в.)

Идея приобщения к носителям высокого начала путем вкушения их плоти и получения тем самым возможности влиять на силы природы принадлежит к древнейшим религиозным представлениям. У ряда народов Западного Дагестана при исполнении обряда вызывания дождя, собравшиеся у водоема люди, кроме прочих действий съедали вареное мясо барана, но так, чтобы кости не были повреждены. После окончания сельскохозяйственных работ молодые мужчины ряда лакских селений вскладчину покупали бычка, резали его и съедали, не повредив ни одной косточки. Тиндинцы в период колошения хлебов в таком же составе съедали барана, корову. В каждом из этих и многих подобных случаев внутренности животных отдавали какому-нибудь бедняку, кости заворачивали в шкуры животных и закапывали в землю (часто – на пастбище или общественном сенокосе) или хранили в сухих пещерах. Население верило, что после всех этих действий каждому из них обеспечено здоровье и благополучие и, кроме того, земля получит влагу, скот будет размножаться и множиться, пашни, пастбища и сенокосы покроются густой растительностью и др.

Таким образом, в ритуальной трапезе народов Дагестана нередко использовались туши животных целиком. В последующем, примерно с первых десятилетий XX в., поедание мяса животного, чаще всего купленного вскладчину, уже рассматривалось как нечастое коллективно-развлекательное мероприятие, совершенно не связанное с религиозно-магическими представлениями.

КАЗАКБИЕВА Ольга Ивановна

*Дагестанский государственный технический
университет, г. Махачкала*

О МИФОЛОГИЧЕСКОМ ПЕРСОНАЖЕ «СААЛЛИ»-«СААЛЛИМ» В ПОХОРОННОЙ ОБРЯДНОСТИ ЦАХУРОВ

В Южном Дагестане у цахуров есть поверья, связанные с мифологическим персонажем Саалли, Сааллим. Его имя в условиях обыденной жизни упоминать избегали: это, по поверьям, могло пагубно отразиться на здоровье человека. Люди, собирающиеся омыть покойного мужчину, заходили в комнату, в которой

он лежал и, закрыв глаза и прикрыв уши пальцами, опустив голову, шепотом произносили: «Саалли, не гневайся, у тебя свое дело, у нас – свое». Слова эти нужно было произнести до молитвы. Закончив омывание, мужчины поворачивались спиной к телу покойного и в той же позе, что и в начале, тихо говорили: «Знающий чего мы не знаем, мы уходим, оставив все, как и было». Воду после омывания мужчины уносили с собой в старом керамическом сосуде, молча, проходили через селение, вырывали глубокую яму, клали в нее сосуд и быстро засыпали землей.

Персонаж «Суллу», «Сулла» упоминается в историко-этнографическом исследовании С. А. Лугуева «Балхарцы» (Махачкала, 2008). Верования и поверья, связанные с этим персонажем, можно предположить, были распространены у многих народов Дагестана. В пользу такого мнения говорит схожесть наименований персонажа (Сулла, Суллу – Саалли, Сааллим), сферы задействованности (похоронная обрядность) и обращения к нему участников обряда омывания покойника у народов Дагестана, пространственно отдаленных друг от друга (Центральный Дагестан – Южный Дагестан).

КАЛЬНИН Артем Михайлович

Кабардино-Балкарский госуниверситет

им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕСТА ДЕЙСТВИЯ В ЦЕНТРЕ НАЛЬЧИКА: ИДЕОЛОГИЯ КАК ФОН ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОРОДА

Площадь, расположенная в центральной части сквера перед Домом Советов в Нальчике, на протяжении всего позднесоветского периода имела значение географического и символического центра города. Советский Союз создал грандиозный пример политической традиции продуктивного использования памятников и священных мест как средства поддержания идеологической законности правящей Коммунистической партии и наряду с этим идеализированной версии истории. Площадь перед Домом Советов может служить хорошим примером управляемой трансформации «места памяти». Идеологическая центральность площади – это также интересный вопрос, поскольку само создание нового центра столицы КБАССР явилось воплощением строительства некоего священного института, обладающего центристской силой для всех жителей и гостей города. Мы попытаемся исследовать природу созданной святости исследуемого ландшафтного объекта. Организация авторитарного стиля публичного пространства и официальной памяти через монументальное строительство, в дополнение к традиции авторитаризма и его приложений, вынуждала формировать физическое пространство сообразно предлагаемой стратегии городского планирования. В то время как Нальчик не был изначально спроектирован как социалистический город, нам важно смотреть на позднесоветский период как продолжение этой политики, связанной с советской эрой городского планирования.

КЕШЕВА Зарема Мухамедовна

Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, г. Нальчик

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ БРЕНДЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ КАК РЕСУРС ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Конец XX – нач. XXI века ознаменовались для всех народов Северного Кавказа межнациональными конфликтами, военными и политическими противостояниями. Стабильность Северо-Кавказского региона во многом зависит от тех процессов, которые происходят в Кабардино-Балкарии. В КБР сосредоточен курортно-рекреационный комплекс федерального значения и сейчас в республике ведется активная работа по развитию индустрии туризма. К сожалению, средствами массовой информации создается негативный облик северокавказских народов, и в качестве одного из способов разрушения этого стереотипа может явиться создание новых этнокультурных брендов.

В условиях глобализационных процессов современные локальные общества, к каковым относится и население КБР, стали испытывать как проблемы этнического самосохранения, так и трудности в поиске конструктивной модели экономического и культурного развития. Опыт развитых стран и локальных обществ свидетельствует о том, что в решении этих двух проблем ключевое место занимает создание позитивного, привлекательного образа, или бренда. Рост этнического самосознания сопровождается повышенным вниманием к вопросам сохранения этнокультурного наследия, самобытности, культурного разнообразия, а также к проблемам взаимодействия туризма и культуры. Новое понимание культуры в современном обществе и осознание необходимости сохранения ее многообразия расширяет перспективы развития этнокультурного туризма, и Северный Кавказ определенно должен стать для России полем гуманитарных инноваций.

ИЗМАЙЛОВ Г. М.

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

ОБ ОБЫЧАЯХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА, СВЯЗАННЫХ С САДОВОДСТВОМ И ВИНОГРАДАРСТВОМ

Садоводство и виноградарство – древнейшие занятия народов Дагестана. У лезгин к саженцам, подготовленным к посадке, женщина не могла прикасаться. Для девушек и девочек делалось исключение. У табасаранцев, сажая яблоню, хозяин мысленно посвящал ее умершей родственнице, а грушу – родственнику. Хозяин дерева делал в селении жертвенные раздачи именем покойных родственника или родственницы. Дагестанские азербайджанцы и терекеменцы никогда не бросали куда попало косточки сливы, вишни, черешни, персика и др.: их следовало собрать и закопать в землю. По обычаям этих же народов

люди избегали ругаться, плохо отзываться о ком-либо, шуметь, громко разговаривать на виноградниках: считалось, что в противном случае урожай будет низким, а ягоды – некачественными. По обычаю каякентских кумыков, уезжая на несколько дней из дома, хозяин должен был попрощаться с приусадебными фруктовыми деревьями и кустарниками, а возвратившись – поприветствовать их. По поверьям даргинцев, о своих печалях, горестях и неудачах нужно было вполголоса рассказать ореховому дереву: от этого человеку якобы становилось легче. У тех же даргинцев считалось, что чем чаще дети, мальчики и девочки, будут посещать виноградник, тем большим будет с него урожай.

Все эти обычаи, своими корнями уходя в домотехнистические представления, говорят о стародавности и важности садоводства и виноградарства для дагестанцев как важнейших отраслях традиционного хозяйства.

МАГОМЕДСАЛИХОВ Хайбула Гамзатович

*Институт антропологии и этнографии ДНЦ РАН,
г. Махачкала*

ТРАДИЦИОННЫЙ МЕДИАТОРСКИЙ СУД У ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА

Медиаторство – наиболее эффективная форма разрешения острых конфликтов у горцев Дагестана, который обозначался арабским термином *маслаат*, что означает: 1) заключение мира, примирение; 2) обоюдная выгода, в интересах сторон. *Маслаат* занимал середину между судом по адату и шариату и в основном использовался при разрешении конфликтов на почве убийств. Основные принципы *маслаата*: *маслаат* (медиаторство) осуществляли независимые третейские, наиболее уважаемые, в морально-нравственном отношении безупречные представители старшего поколения, в том числе представители духовенства; обязательная компенсация морального и материального ущерба пострадавшей стороне; заинтересованность *джамаата* в достижении *маслаата*, иначе конфликт держал все общество в психологическом напряжении; сила *маслаатного* разрешения конфликта была безупречна и возобновление вражды исключалось.

К медиаторскому суду также прибегали при межобщинных конфликтах, когда стороны обращались к посреднической помощи независимых *джамаатов*, снискавших репутацию в морально-нравственном отношении безупречных. *Джамааты* с такой репутацией имелись в каждой округе.

Были случаи неприемлемости *маслаата*, как формы разрешения конфликта. К ним относились убийства: а) в семье по восходящей линии; б) вора на месте преступления; в) прелюбодеев; г) подвергнутого остракизму; е) похитителей женщины при преследовании родственниками похищенной; ж) сотворивших кощунство и кровосмешение; з) за убийство гостя позволялось безнаказанно убить преступника; и) незаконнорожденные дети почти всегда умерщвлялись.

МАМИЕВА Изета Владимировна

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, г. Владикавказ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ КАК ТИП ПОВЕСТВОВАНИЯ

На рубеже XVIII–XIX вв. в обстановке форсированных модернизационных преобразований, инициируемых Российской империей, возникает феномен северокавказского просветительства. Возникновение северокавказской русскоязычной прозы было обусловлено потребностью национальной самоидентификации, необходимостью диалога с Россией – через посредство объяснения образа мира горца.

Концептуальное осмысление литературного процесса тех лет позволяет дифференцировать этнографические тенденции в нём, проследить истоки, национально-специфические черты, стадии развития. Этнографизм как элемент литературно-фольклорного синтеза участвует в формировании романтической прозы 1830–1850-х гг. и литературы реализма второй половины XIX века. Для первого типа повествования характерно воспроизведение реалий прошлого сквозь призму героико-романтического видения, персонажи изображены в свете патриархально-родового идеала. Повествование второго типа отмечено углублением принципов историзма; элементы народной культуры и устной поэзии в его структуре обладают идеологически значимой функцией. Опыт русской «этнографической школы», лёгший в основу данного направления, активизировал интерес писателей к изображению повседневного быта, этнопсихологических особенностей нации; доминантной становится идея внесословной ценности личности. Художественно-публицистическая мысль концентрируется вокруг широкого спектра вопросов, связанных с адаптацией к сложному процессу социально-экономической реорганизации края. Просветительские тексты ориентированы на ревизию атрибутики горской культуры, на отрицание факторов, препятствующих социальному, духовно-нравственному развитию этноса. Отсюда рационалистичность в сущностном понимании человека, в утверждении необходимости преобразования, как быта, так и характера горца.

ПАВЛОВА Ольга Сергеевна

*Московский городской психолого-педагогический университет,
г. Москва*

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ КАК РЕГУЛЯТОРЫ СОЦИОТИПИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

На протяжении веков регуляторами социотипического поведения чеченцев и ингушей были адаты, ислам, этноэтикет, а также нормы коллективизма. Роль и значение каждого из этих факторов меняется на современном этапе развития общества.

Проведенное исследование, участниками которого были чеченцы и ингуши, проживающие в Санкт-

Петербурге, Москве, Чечне и Ингушетии, показало, что среди наиболее значимых традиций чеченцами и ингушами выделяются: уважение, особенно уважение старших, поддержание тесных родственных связей, гостеприимство, свадебный обычай и кровная месть. Отвечая на вопрос «Чем должно регулироваться поведение современного чеченца (ингуша)?», законам шариата отдали предпочтение респонденты обеих выборок. Далее, с небольшим отрывом, чеченской выборкой были отмечены как одинаково значимые общегосударственные законы, адаты, нормы чеченской этики, а также нормы и требования своего тейпа. Ингушской выборкой были отмечены общегосударственные законы, адаты и нормы ингушской этики. При этом важно отметить синкретизм религиозных и адатных ценностей для респондентов. Качественный анализ авторской методики «Неоконченные предложения» показал, что «быть настоящим мусульманином» для чеченцев означает «следовать адатам». В то же время «быть настоящим чеченцем» – «быть мусульманином», «быть богобоязненным», «быть покорным Всевышнему», «следовать адатам». Быть настоящим ингушом это значит – беспрекословно соблюдать традиции и адаты предков, «быть в первую очередь мусульманином».

ПРАСОЛОВ Дмитрий Николаевич

Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, г. Нальчик

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Одним из базовых механизмов функционирования системы первичного производства традиционных обществ являлось хозяйственное землепользование. В предшествующих исследованиях системы поземельных отношений у кабардинцев, балкарцев и соседнего с ними русского населения рассматриваются достаточно изолированно, а не как взаимосвязанные в определенной мере единым природно-хозяйственным пространством традиции пользования. При всей своей специфике и обособленности они все же не были изолированы друг от друга, а тесно взаимодействовали посредством различных поземельных институтов. В XIX в. происходит активизация правительственной миграционной, земельной и административной политики, которая выступила мощным фактором, с одной стороны, деформации, а с другой – эволюции традиционных поземельных отношений. В условиях динамично меняющейся этнодемографической, социальной, политической и экономической ситуации активизация взаимодействия различных моделей землепользования в значительной степени определила специфику эволюции поземельных отношений в регионе в пореформенный период. В XIX веке происходит значительная интенсификация взаимодействия различных традиций землепользования на предгорной и равнинной территории Кабарды, что

способствовало формированию новой модели поземельных отношений. Сложившаяся в это время система поземельных отношений в целом просуществовала до 20-х гг. XX в., но в силу устойчивости ареалов расселения основных этнических групп Кабардино-Балкарии, в определенной мере сохраняется до сих пор. Опыт данного взаимодействия представляет несомненный исторический интерес и актуальность в условиях современной социально-политической ситуации в республике.

САМШИЕВ Ибрагим Магомедович

Ингушский государственный университет, г. Назрань

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ КАВКАЗА

«Конец истории» не состоялся: «столкновения цивилизаций» формируют глобальное политическое развитие. Как контактная зона противоборствующих цивилизаций Кавказ обречен на нестабильность. Но если подходить к Кавказу как к особой цивилизации, основанной на общем культурном и ментальном генетическом единстве его автохтонных этносов, корни которого восходят к палеокавказской общности, то перспективы региона не столь пессимистичны.

Демократия – необходимое условие и инструмент прогрессивного развития региона. «Кавказскость» (Г. Нодия), отождествляемая с древними традициями гостеприимства, этикета, культом мужественности, вполне совместима с демократией. Этнокультурные предпосылки демократизации: набор гуманитарных общечеловеческих ценностей в кавказских этнокультурах, их толерантность, развитое чувство собственного достоинства, чести и уважение к личности другого, особая культура межэтнической коммуникации. Не случайно этические кодексы Кавказских народов практически едины (религиозная терпимость, гостеприимство, побратимство, этикет и т. п.). В этнокультурные системы народов Кавказа органической частью входят традиции сотрудничества, обмена ценностями, знаниями, технологиями, обычаями.

Кроме того, на Кавказе конфликты и вооруженные инциденты строго регламентировались общепризнанными нормами, во многом напоминающими европейское «право войны», а процедуры миротворчества носили конвенциональный характер и были весьма эффективны. Поэтому мы вправе говорить о позитивных социальных функциях таких горских традиций, как гостеприимство, старшинство, медиаторство, куначество и др. Отсюда следует, что демократизация Кавказа не только необходима, но и возможна на базе его собственных этнокультурных оснований.

ТУАЕВА Берта Владимировна

Владикавказский институт управления, г. Владикавказ

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ КАК ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ МАКРОРЕГИОН

В этноконтактных регионах, к каким относится и Северный Кавказ, на протяжении многих веков скла-

дывался своеобразный социокультурный ландшафт. Здесь переплелись достижения культур как собственно кавказских, так и европейских, закавказских и ближневосточных этносов. Исторически сложившаяся структура северокавказского общества представляет сложное явление, в основе устойчивости которой лежат общность территории, особенности природной среды, исторический и культурный опыт освоения народами этого региона. Наряду с этим, выделяются и региональные особенности: наличие различных этнических групп, многочисленные миграционные волны, сложные межэтнические и внутриэтнические отношения, сохраняющиеся культурно-исторические различия.

Сохранение традиционных культурных доминант на Кавказе объясняется многими причинами, в частности тем, что многие народы довольно долго развивались в рамках традиционных обществ. Сегодня, в условиях социально-политической модернизации российского государства, мы являемся свидетелями того, как заметно меняется картина взаимодействия культур, как этнокультурные ценности претерпевают глубокую трансформацию. Это актуализирует вопрос о будущем, и возникает необходимость сохранения межкультурного диалога и поиска нового соотношения традиции и инновации, применения исторического опыта становления и развития полиэтнического российского социума.

Поликультурное богатство России служит одним из принципиальных факторов возрождения ее могущества, усиления международного влияния, обеспечения благосостояния и процветания всех общественных групп.

ЧАБИЕВА Танзила Саварбековна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

СОВРЕМЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В ИНГУШКОМ ОБЩЕСТВЕ

В начале XXI в. Российское государство после волны либеральных преобразований оказалось в ситуации «стабильной неопределенности», а российское общество – в состоянии напряжения, ожидания перемен.

В общественно-политической жизни страны происходят значительные изменения. Так, в средствах массовой информации вместо слова «реформы» все чаще замечаем слово «модернизация». Процессы глобализации коснулись всех сторон жизни россиян. Не явилось исключением и ингушское общество, со всем присущим ему своеобразием традиций и обычаев.

Традиции народа составляют особый пласт, фундамент в историко-культурном наследии этноса. Язык, религия, материальная и духовная сферы жизни, этническое самосознание и историческое прошлое этноса в условиях обновляющегося развития России, являются важнейшим фактором сохранения ценностных ориентиров народа.

Ингушский народ – субъект кавказского цивилизационного пространства, характеризуется рядом стой-

ких обычаев и традиций. С момента образования Республика Ингушетия претерпела изменения в культуре, образовании, экономике. Предприняты меры по обеспечению сохранения и развития языка, активизации таких институтов, как Советы старейшин, Муфтията республики и др. Однако зародившиеся сложности в начале 90-х годов не потеряли актуальности и в наши дни, требуется выверенная политика поиска рациональных форм и путей решения накопившихся проблем.

ШИХАЛИЕВА Сабрина Ханалиевна

*Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, г. Махачкала*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЭТНОСОВ ДАГЕСТАНА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В условиях этнокультурной глобализации народы Дагестана обеспечены изучением религиозных учений и религиозной литературы иных конфессий. Это создает хорошую почву для продуктивного межконфессионального диалога. Гуманитарная наука внесла свой вклад в исследование данного социокультурного феномена. Переводы Библии на дагестанские языки играют решающую роль в глобализации проблем человека и человеческого мира. Выход первого издания переводов Нового Завета на аварский и кумыкский языки, заставляет нас сделать краткий экскурс в прошлое, чтобы напомнить о традициях перевода Библии на дагестанские языки. Самый ранний из известных переводов на аварский язык молитвы «Отче наш» представлен в книге Hermann Dalton. Das Gebet des Herrn in den Sprachen Russlands, осуществленный в 1870. Второй перевод был осуществлен преподавателем аварского языка из Новочеркасска в 1900 г. Первый перевод на кумыкский язык молитвы «Отче наш» из Евангелия от Матфея был осуществлен в 1888 году. Перевод осуществил молодой мулла из Аксаия Гасанбек-Эфенди Муцалов, а редактировал его русский офицер С. Чеканов и А. Амирханянц, который сравнил перевод с греческим текстом. Сегодня тексты Библии переведены полностью на аварский и кумыкский языки. Ознакомление дагестанских мусульман с основной книгой христианства является одним из приемов процесса глобализации современной цивилизации. Создание единого мирового информационного пространства может способствовать развитию культурного сотрудничества и диалога народов.

ЮСУПОВ Муса Мовлиевич

Чеченский государственный университет, г. Грозный

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА: ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ*

Трансформационные процессы в российском обществе вызывают необходимость социально-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-03-00750а.

экономической и культурной модернизации страны. Это актуализирует потребность выявления потенциала и ограничений историко-культурного наследия, роли социокультурных ценностей в совершенствовании социального обустройства. Модернизационные изменения в полиэтническом и поликонфессиональном государстве характеризуют их общая направленность и региональная специфика. На Северном Кавказе эту специфику образуют, с одной стороны, языковое, религиозное многообразие и единая сущность системы социокультурных норм и ценностей, с другой – разный уровень образования, урбанизации, различные типы региональных экономик. Инновационный потенциал северокавказского сообщества находит выражение в преемственности межпоколенческого историко-культурного опыта. Высокая жизненная активность проявляется в таких социальных качествах как самостоятельность, инициативность, предприимчивость, предрасположенность к самоорганизации, риску и ответственности. Ограничениями или препятствиями обновления региональных общностей служат неравномерность темпов развития сопредельных субъектов, политизация кровно-родственных кланов, безработица, отсутствие горизонтальных экономических связей, совместных экономических проектов и предприятий, неразвитость современных гражданских институтов, наличие вооруженной оппозиции. В культурно-цивилизационном отношении этнические общности региона переживают промежуточную форму развития, сочетающую в себе традиционные и современные компоненты. Поэтому стратегию социального обновления оправданно строить на основе сочетания традиционализма и модернизма, выработки наряду с общей и региональных моделей социокультурной самореализации.

ЯРЛЫКАПОВ Ахмет Аминович

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРОБЛЕМЫ РОСТА И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Ислам на Северном Кавказе, несмотря на то, что переживает возрождение с конца 1980-х годов, еще не прошел высшую точку роста. Тем не менее, можно определить некоторые тенденции его развития. Ислам, несомненно, становится одной из культурных доминант Северо-Восточного Кавказа. При этом наблюдается уверенный рост исламской культурной компоненты и на менее религиозном Центральном и Северо-Западном Кавказе. Ислам представляет в регионе религиозное движение, которое покрывает собой всю палитру политических взглядов и предпочтений.

В этой палитре просматриваются разные программы и подходы. Дагестанские суфии с программой постепенной исламизации жизни республики идут по пути встраивания в саму плоть существующей системы и изменения ее изнутри. Разнообразные группы, которые собираются под общим названием «салафиты», также выступают за исламизацию, но с параллельным изменением системы. Мусульмане Северного Кавказа обладают огромным потенциалом проводников инновационных идей, но в то же время они могут быть серьезной оппозиционной силой.

Культурную роль ислама невозможно оценить однозначно. С одной стороны, ислам выступает как универсальная сила, которая в некоторых случаях может вступать в конфликт с этническими традициями. В то же время, ислам часто играет роль одной из основ этнического самосознания и этнической культуры. Эти тенденции будут развиваться параллельно, что будет способствовать закреплению в регионе культурной мозаичности.

Секция 7. СОВРЕМЕННОЕ СКОТОВОДСТВО КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ У НАРОДОВ БЫВШЕГО СССР

Руководитель: к.и.н. Тюхтенева Светлана Петровна (Москва)

АЛЕКСЕЕВСКИЙ Михаил Дмитриевич

Государственный республиканский центр русского фольклора, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНЫХ ВЕТЕРИНАРНЫХ ПРАКТИК НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Крестьянские ритуалы и традиции, связанные с домашними животными, записывались русскими этнографами еще с середины XIX в. Однако после революции эти элементы традиционной культуры были объявлены пережитками прошлого, которые необходимо уничтожить. Долгие годы советские ученые не занимались изучением народной медицины и ветеринарии. Исключение составляли народные заговоры, которые изучались филологами-фольклористами как произведения «устного народного творчества». В 1970–1990-е годы этнографы и фольклористы активизировали полевую работу по сбору фольклора и народных традиций. В это время они снова начинают записывать материалы по народной медицине, фиксировать традиции, связанные со скотоводством, включая народную ветеринарию. Однако русским народным ветеринарным практикам все равно уделялось мало внимания, лечение животных оставалось в тени лечения людей. Между тем, современные полевые записи показывают, что русские крестьяне до сих пор сохраняют народные ветеринарные практики. Более того, в лечении некоторых болезней народная ветеринария уверенно одерживает верх над научной. Обычно это касается неопасных болезней (ушибы, повреждения вымени и т. п.). Такие болезни хозяйки предпочитают лечить самостоятельно или пользуются помощью деревенских знахарей. В докладе на материале новейших полевых записей рассматриваются современные ветеринарные практики, анализируются их вербальные и акциональные коды, определяются основные направления их дальнейшего изучения.

АМИНОВ Закирьян Галимьянович

Институт гуманитарных исследований АН РБ, г. Уфа

ВОЗРОЖДЕНИЕ КОНЕВОДСТВА В ЗАУРАЛЬСКИХ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

История сохранила имена некоторых башкир, которые имели в своих табунах по несколько тысяч голов коней. Например, тархан Алдар Исякаев – герой Азовского похода Петра I – имел более восьми тысяч коней. В годы коллективизации, создания колхозов, башкиры практически стали поголовно безлошадным народом. После Великой Отечествен-

ной войны желание содержать коня среди башкир усилилось, особенно среди тех, кто в годы войны воевал в составе Башкирской кавалерийской дивизии. Для этих башкир конь стал символом их боевой и героической юности. С распадом Советского государства и отменой запретов на содержание коня, башкиры этих районов стали возрождать коневодство, как мясное, так и для изготовления кумыса. Наш опрос владельцев коней показал, что, несмотря на трудности, они не собираются бросать свое дело. Многие считают, что они являются продолжателями дел своих предков, то есть они открыто заявляют, что чувствуют некую ответственность перед памятью своих предков, которые веками были коневодами. За века скотоводческого хозяйствования башкирами была выведена особая башкирская порода коней, приспособленная к природно-географическим особенностям края. Некоторые хозяйства стали разводить башкирскую породу коней и на продажу, что также является доходным промыслом, так как эта порода коней пользуется спросом среди коневодов соседнего с Россией государства Казахстан. Есть сообщения в прессе, что башкирскую породу коней закупают даже из Монголии.

БАДМАЕВА Екатерина Николаевна

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛМЫКОВ В КОНЦЕ 20-х – НАЧАЛЕ 30-х гг. XX в.

Природные и климатические условия Калмыкии: континентальный засушливый климат, бедность почвенных и водных ресурсов, обусловили преобладание в этом регионе кочевого и полукочевого скотоводства.

Политические и социальные потрясения, вызванные Октябрьской революцией и гражданской войной, способствовали разорению крестьян, и только переход к нэпу стабилизировал ситуацию в животноводстве. Стабильность хозяйственных форм сохранялась вплоть до конца 1920-х годов, когда начался период жесткой и силовой трансформации традиционного хозяйства калмыков в рамках модернизационных процессов, развернувшихся на всем советском пространстве. В рамках данной политики была проведена кампания по конфискации скота и собственности у крупных скотопромышленников, способствовавшая ликвидации социальной неоднородности и стратифицированности калмыцкой кочевой общины. Нивелирование социальной неоднородности стало началом крушения традиционного хозяйства.

Заготовительные кампании подорвали фундаментальные основы хозяйства калмыков и стали одной из причин значительного сокращения поголовья скота. Модернизационные преобразования – коллективизация и оседание кочевого населения – создавали условия для индустриального рывка, а также устанавливали полный контроль над дисперсным калмыцким населением, что противоречило принципам традиционного хозяйства калмыков.

В Калмыкии масштабы голода 1933 года и вызванные им эпидемии, вследствие разорения и гибели сельского населения, существенно отразились на социально-демографических процессах. Таким образом, насильственная трансформация негативно повлияла на традиционное хозяйство калмыков.

БАТЫРОВ Валерий Владимирович

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,
г. Элиста*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОГАТСТВЕ И СКОТЕ В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ КАЛМЫЦКОМ ОБЩЕСТВЕ

На протяжении столетий калмыки выращивали четыре вида скота (лошадей, овец, крупный рогатый скот, верблюдов). Известна поговорка: «Кто выращивает скот, у того рот всегда в масле». В XVII в., когда калмыки пришли на Нижнее Поволжье, они создали свою систему маршрутов перекочевки и распределения пастбищ по сезонам. Кочевки калмыков зависели от сезона года и проходили строго по определенным территориям с кормами, водой и укрытиями для скота в зимнее время. Сезонные перекочевки происходили в основном в меридиональном направлении. Так, зиму калмыцкие улусы проводили на юге, а в теплое время года кочевали по северным территориям. Большими бедами для экстенсивного скотоводства являлись стихийные бедствия и эпизоотии.

В условиях неразвитости товарно-денежных отношений в XVIII–XIX вв. скот являлся основным мерилом материального благополучия. Даже кризис кочевого скотоводства, вызванный сокращением пастбищных территорий в XIX в. в результате проводимой правительством России политики, никак не повлиял на такое отношение к скоту, как главной ценности у калмыков. В условиях земельного «голода» калмыки стали массово переходить к полукочевому, а затем базовому (стойловому) скотоводству.

В советское период отношение к скоту как основной материальной ценности во многом было поколеблено в результате процессов развития земледелия, урбанизации и индустриализации. Однако, распад СССР и последовавший за ним глубокий системный кризис вызвал крах большинства отраслей калмыцкой экономики. В 1990-е гг. произошло возвращение части населения к скотоводству, что предопределило возрождение отношения к скоту как одному из мерил материального благополучия.

ИГНАТЬЕВА Ольга Петровна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

КОНЬ КАК СВЯЗУЮЩИЙ АСПЕКТ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ

Традиционно лошади играли существенную роль в производящем хозяйстве алтайцев, поскольку служили источником молока, мяса, кожи и конского волоса. На данный момент эта роль сведена к минимуму. Казалось бы, что для транспортных нужд вполне хватило бы 2–3 лошадей, однако, с отменой ограничений на численность поголовья животных в частном владении появилось большое число хозяйств, в которых количество лошадей превышает 50 голов. Ответ на этот парадокс следует искать в традиционной обрядовой практике, системе традиционных социальных отношений и мировоззрении алтайцев. Коневодство в сознании алтайцев напрямую ассоциируется с родной культурой, традицией, исконным укладом жизни. Отсутствие лошадей в хозяйстве семьи воспринимается как окончательный переход к оседлости, утрата связи со своими корнями, обрусение.

ТЮХТЕНЕВА Светлана Петровна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

СКОТОВОДСТВО КАК СИМВОЛ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ У СОВРЕМЕННЫХ АЛТАЙЦЕВ

В период с 1991 по 2009 гг. произошла очередная социальная трансформация – алтаец «пролетарий со скотом» советского времени вновь стал владельцем, частным собственником. Нельзя не сказать также и о том, что значительно увеличилось имущественное и социальное расслоение общества: в современном алтайском селе разница в количестве скота измеряется сотнями. Некоторые семьи владеют 5–10 овцами, 1 коровой, а другие содержат от 100–400 до 1000 голов овец, от 5–10 до 800 голов КРС, от 1–2 до 500 лошадей (ПМА 2007-08).

Лошадь для современных алтайцев не просто хозяйственно полезное животное. Это – символ их культуры, в том числе символ мужественности. Согласно традиционной гендерной модели, мужчиной может считаться тот, кто сидит в седле, пасет свой скот и ездит на охоту; и этнической идентичности. Даже когда речь шла об этническом единстве алтайцев в период подготовки переписи населения 2002 г., они использовали пословицы и поговорки, семантически уподобляющие социум стаду. К примеру, «Отделившееся (от стада животное) будет съедено волком, разделившееся (животное) будет съедено медведем», *Болунгенди бору жиш, айрылганды айу жиш*. Сами себя алтайцы, выражаясь высоким стилем, в художественной литературе и в публицистике, называют «Черноголовые, с поясом из сыромятной кожи, с нравом как у жеребенка алтайский народ», *Кара баиту, кайыш курлу, алтай кулун албаты*.

ШАВЛАЕВА Тамара Магомедовна*Чеченский государственный университет, г. Грозный***ПОДЗЕМНЫЕ И ПОЛУПОДЗЕМНЫЕ
СТРОЕНИЯ ДЛЯ СКОТА В ГОРНЫХ
РАЙОНАХ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В горных районах Чеченской республики, в частности, Чабирлойском, Шаройском, Шатойском, до сих пор сохранились каменные подземные и полуподземные строения для скота, некоторые из которых используются по назначению. Особое внимание привлекают относящиеся к арочному виду овчарни – «нартол жоэла». Техника их строения отличается плавно отходящими от столбов сводами – «коррош», напоминающими винтообразные бараны рога, которые в итоге соединяются, образуя тем самым, арку – «нарто». Многослойную кровлю утрамбовывали специальным приспособлением – тяжелой каталкой из камня, называемой «керчолг».

Народная память сохранила имена известных мастеров, а также технику строения, которая отражена в богатой терминологии с ярко выраженной нахской этимологией. Эти строения имеют местную природу, так как сделаны из местного сырья и удачно вписываются в здешний ландшафт, а функциональное назначение вполне соответствует их востребованности, в связи с высоким уровнем развития животноводства, начиная с древности.

ШАНТАЕВ Бемб Александрович*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,
г. Элиста***СКОТОВОДСТВО У КАЛМЫКОВ В XXI ВЕКЕ**

Скотоводство у калмыков в XXI веке продолжает оставаться основой хозяйствования. Переход от кочевого ведения хозяйства к оседлому в первой четверти XX века не привел к полному исчезновению скотоводства, но привел к значительному сокращению пастбищ и, соответственно, уменьшению общего поголовья. В XX веке на территории Калмыкии стали активно развивать земледелие, но из-за природно-климатических условий оно стало основным типом хозяйствования только в нескольких районах. В подавляющем большинстве хозяйств скотоводство продолжало оставаться основным видом деятельности. С распадом СССР произошел развал практически всех хозяйств республики, за исключением нескольких сельхозпредприятий. Население села стало заниматься частным предпринимательством и разводить скот, став фермерами.

Мерилом богатства на селе вновь, как в кочевом прошлом, стал скот. Кто имеет скот в достаточном количестве, чувствует себя увереннее. Все приобретаемые материальные блага исчисляются не суммой денег, а количеством скота, отданного за тот или иной товар.

ШАРАЕВА Татьяна Исаевна*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,
г. Элиста***ТРАДИЦИЯ ДАРЕНИЯ МОЛОДНЯКА СКОТА
(«МАЛ ЗААХ») У КАЛМЫКОВ**

У калмыков существует традиция дарения молодняка домашних животных – «мал заах». Истоки традиции тесно связаны с ведением в прошлом калмыками кочевого хозяйства (до к. XIX – нач. XX в.) и их родовой структурой.

При рождении ребенка калмыки устраивают праздник «мелялгня хюрм», на который собираются родственники из числа близкородственных семей по линии отца. В число подарков новорожденному обязательно входит молодняк домашнего скота: телята, ягнята, поросята, иногда – жеребята. При этом родственники должны содержать подаренных животных у себя, пока родители ребенка не решат забрать их. Если за это время у животных появляется приплод, то он тоже считается собственностью ребенка. В случае падежа животного родственники выделяют другое животное того же вида. В настоящее время традиция дарения *нагцх* племяннику молодняка домашнего скота сохраняется.

В числе традиций настоящего времени у калмыков существует такая: если у братьев отца и матери есть фермерское хозяйство, то они содержат определенное количество голов скота, выделенных для племянников с целью последующего использования, например, для проведения свадьбы, покупки квартиры или машины, внесения оплаты за обучение и т. д.

При проведении свадьбы у калмыков все представители близкородственных семей оказывают посильную помощь *дем* – как внесением денежной суммы, так и скотом.

ЯБЫШТАЕВ Тенгис Степанович*Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск***КОННОСПОРТИВНАЯ ИГРА КӨК-БӨРҮ
КАК СКОТОВОДЧЕСКИЙ СИМВОЛ
У СОВРЕМЕННЫХ АЛТАЙЦЕВ**

В Республике Алтай получает популярность конноспортивная игра Көк-бөрү (серый волк). Это зрелищное соревнование «козлодрание» представляет одну из сторон культурного наследия скотоводческих народов Центральной Азии. В Казахстане ее называют «кокпар тарту»/«улак тартыш», Таджикистане – «бузкаши», Киргизии – «көк-бөрү». Во время национальных праздников, когда со всех районов съезжаются гости, после отдыха в юртах, концертов и спортивных мероприятий, совершается игра Кокбору в 3 периода по 20 минут. Она построена по принципу футбола – две команды всадников вместо мяча используют тушу козла, вместо ворот – подобие больших казанов. Смысл игры заключается в том, чтобы, мчась на галопирующей лошади, под-

нять с земли или отнять у соперника тушу козла весом до 40 кг, при этом нужно умело управлять лошадью. Неслучайно участники игры из алтайцев-скотоводов представляют гордость не только своего села, но и рода для собравшихся сородичей. В 2010 году лучшей стала команда из села Шыргайты, а лучшим игроком Какпаков Куулер из сёла кыпчак. В меняющихся условиях жизни зрелище Кок-бору становится

не только выражением культурно-исторических традиций скотоводов, но и способом самоидентификации алтайцев, когда появляется возможность демонстрации приобретенных навыков. С другой стороны, для жителей городов, поселков и крупных сел, незнающих скотоводства, все совершающееся в игре Кок-бору может восприниматься экзотикой, символом скотоводческой жизни алтайцев.

Секция 8. ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Руководители: акад. **Тишков Валерий Александрович** (Москва);
к.и.н. **Зотова Наталья Александровна** (Москва)

БАБЕНКО Василий Яковлевич

Уфимский филиал Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (МГГУ), г. Уфа

УКРАИНЦЫ РОССИИ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глобальные политические и социально-экономические изменения конца XX столетия способствовали росту национального самосознания народов России, в т. ч. украинцев, стремлению к национальным формам самоорганизации общественной жизни. Сегодня в России действует более 100 украинских организаций, объединенных в федеральные организации – Объединение украинцев России (1993 г.) и Федеральную национально-культурную автономию украинцев России (1997 г.).

Результатом их деятельности стало создание воскресных/субботних школ, открытие в общеобразовательных школах классов с изучением украинского языка, преподавание в вузах украинского языка как предмета или факультатива. Повсеместно создаются фольклорные художественные коллективы. Стало традицией проведение различных фестивалей и т. д.

Пик этнокультурной активности украинцев приходится на конец 90-х гг. XX в.

В настоящее время идет его спад, обусловленный сменой поколений в политической элите России и украинском движении и парадигмы внутренней и внешней политики российского руководства; сокращением затрат на развитие культуры и образования этнических меньшинств, усилением контроля и ограничением украинского движения в РФ. Это отразилось на этнодемографических показателях. Перепись 1989 г. зафиксировала 4,35 млн., 2002 г. – 2,94 млн. украинцев. Их численность снизилась на 1,42 млн. (около 100 тыс. за год). Для сдерживания ассимиляционных процессов среди украинцев необходимы активные меры со стороны общественных украинских организаций и государственных структур России и Украины.

БАЛИНОВА Наталья Валерьевна

Калмыцкий Институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

КОГО МЫ ВЫБИРАЕМ? БРАЧНО-МИГРАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ НА ПРИМЕРЕ ДВУХ РАЙОНОВ*

Для описания брачно-миграционной структуры населения двух районов Республики Калмыкия собраны и проанализированы 723 брачные записи из районных отделов ЗАГСов за 2000–2005 гг. В обследованных районах наблюдается избыток моноэтнических и недостаток межэтнических браков. Например, наблюдаемое число русско-русских браков Городовиковского района 209, ожидаемое 124 (избыток); наблюдаемое число калмыцко-калмыцких 70, ожидаемое 19 (избыток); наблюдаемое калмыцко-русских 50, ожидаемое 96,3 (недостаток). По структуре браков изученные популяции отклоняются от панмиксии. Этническая ассортативность калмыков Городовиковского района наиболее высока. В Кетченеровском районе, где калмыков более 87%, этническая ассортативность лишь немного превышает единицу. Частота смешанных русско-калмыцких брачных пар в Кетченеровском районе составляет 2,5%. В Городовиковском районе интенсивность смешения выше и составляет 15%. Индекс эндогамии рассчитан по каждому этносу отдельно для административного района и для республики. В Кетченеровском районе русско-русские браки оказались малочисленными и не вошли в последующий анализ. У русских Городовиковского района индекс эндогамии составил 0,28, что характерно для русского сельского населения юга России, в пределах Республики Калмыкия родился лишь 41% супругов. Для калмыков внутрирайонный индекс эндогамии оказывается также невысок – 0,37 в Городовиковском районе и 0,44 в Кетченеровском, однако уроженцами Калмыкии являются от 81% до 90% супружеских пар, соответственно.

* Работа выполнена при поддержке подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе», Программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика».

БЛУСЕНКОВА Инна Владимировна

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ТЮРКСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП БЕЛАРУСИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время перед этнологами все чаще встает задача изучения специфики развития национальных групп в иноэтничном окружении. Это предполагает также необходимость выявления факторов, определяющих специфику и влияющих на адаптацию (хозяйственную, культурную, языковую) к новым условиям и обстоятельствам.

В Беларуси проживают представители тюркских этнических групп – азербайджанцы, чуваша, узбеки, туркмены и татары – общим количеством около 35 тысяч человек. Актуальной проблемой является степень осознания представителями тюркских этнических групп своей этнической идентичности, сохранения ими элементов своей материальной и духовной культуры, а также языка. В последние десятилетия XX – начале XXI вв. значительно возрос иммиграционный поток в Республику Беларусь, что объясняется ростом культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями и отдельными индивидами.

В процессе межэтнического взаимодействия неизбежна аккультурация этнической группы, то есть отказ от определенных стереотипов поведения и, соответственно, усвоение элементов культуры этнического большинства. В докладе предпринимается попытка раскрыть эти явления на конкретном материале.

ВЕРЕЩАГИНА Александра Владимировна

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В БЕЛАРУСИ

Для Беларуси проблема депопуляции населения и старения общества начала актуализироваться с 1970-х годов, когда темпы ежегодного прироста численности населения Беларуси начали снижаться. Фактором, компенсирующим естественную убыль населения, является внешняя миграция. Складывающаяся ситуация потребовала проведения исследования с целью разработки механизмов этнической адаптации мигрантов к условиям проживания в Беларуси, их интеграции в белорусское общество.

В ходе исследования, проведенного этнологами НАН Беларуси, были исследованы исторически сложившиеся адаптационные стратегии русских старообрядцев, литовцев, евреев-ашкенази, татар, немцев, цыган. Исследованы современные закономерности этнокультурной адаптации в Беларуси пред-

ставителей народов Кавказа, мигрантов из Восточной и Юго-Восточной Азии. Исторически различие в стратегиях адаптации и последующей интеграции мигрантов в местную социокультурную среду во многом зависело от их официального статусно-юридического (правового), хозяйственно-производственного (экономического), культурно-языкового (коммуникативного) и повседневно-бытового (межэтнического) статуса.

С целью определения характера этнокультурного взаимодействия местных жителей с мигрантами на территории Беларуси были проведены опросы представителей мигрантов и местного населения. На основе анализа результатов опроса было установлено, что в процессе межкультурного диалога местного населения и переселенцев обеими сторонами перенимаются друг у друга различные компоненты материальной и духовной культуры. Значительная часть мигрантов успешно интегрировалась в белорусское общество, о чем свидетельствуют межэтнические браки, отсутствие открытых межэтнических конфликтов. Увеличение потока мигрантов не исключает проявления ксенофобии в будущем, что требует разработки системы раннего предупреждения конфликтов.

ВОРОНЦОВ Владимир Степанович

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ И МИГРАНТЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Взаимоотношения между местным старожильческим населением и мигрантами относят к наиболее конфликтным, в российской науке уже успел укорениться такой термин, как мигрантофобия. Проведенный в Удмуртии в 2010 г. опрос общественного мнения по проблемам миграции свидетельствует о сложных взаимоотношениях, сложившихся между «коренным» населением и «пришлыми», о неготовности значительной части принимающего общества к приезду мигрантов на территорию республики. Иноэтнический мигрант остается чужаком для местного населения, да и местное население воспринимается мигрантами с большой долей опасения. Вместе с тем, отдельные группы населения Удмуртии осознают необходимость налаживания дружеских взаимоотношений с законопослушными мигрантами, которые с уважением относятся к культуре, обычаям, образу жизни местного населения. В целях скорейшей адаптации мигрантов, они считают необходимым организацию различного рода правовых и этнокультурных курсов для приезжих. Собственно, и сами мигранты заинтересованы в таких курсах и мероприятиях. Постепенно к людям приходит понимание, что для решения проблем адаптации и интеграции необходимо использовать «силу общего дела» – совместную деятельность мигрантов и местного старожильческого населения в реализации общих социальных проектов.

ГАРМАЕВА Татьяна Владимировна

*Саранский кооперативный институт (филиал) АНО ВПО
Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»,
г. Саранск*

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
АДАПТАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-МОРДВЫ
В ИРКУТСКУЮ ОБЛАСТЬ,
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ**

Формирование мордовской диаспоры в Иркутской, Читинской областях и Республике Хакасия началось в конце XIX в. в результате переселения мордвы из территории Мордовского края. Миграции были обусловлены потребностью в расширении пастбищных угодий, поиске свободных земель и неблагоприятными жизненными условиями на их родине. Для ранних переселенцев были характерны внутренние миграции, связанные с переездами в другие населенные пункты и губернии и основанием новых поселений, что подтверждается сведениями, полученными от информаторов. Переселение порождало множество проблем и оно расценивалось многими мордовскими семьями не как временный этап, они переезжали на постоянное место жительства, у них были определенные перспективы на будущее качественное улучшение жизненных условий. В то время люди отправлялись по переселенческому билету в малонаселенную Сибирь. В первое время жили у родственников, вселялись в помещения, не приспособленные под жилье, но позже строили дома. Расселение мордвы характеризовалось увеличением дисперсности и развитием процессов интеграции с иноэтническим окружением. Утрата первичного окружения, новые этнокультурные и социально-экономические условия Сибири способствовали формированию изменений в традиционной культуре мордвы-переселенцев. Для переселенцев было также характерно сохранение связей с Мордовским краем, что в свою очередь способствовало устойчивости характерных черт традиционного комплекса культуры. Это проявлялось в сохранении основных особенностей обустройства поселений и жилищ, рациона питания, средств передвижения и др. Процесс социокультурной адаптации мордвы переселенцев на территории Сибирского региона был успешным. Один из механизмов адаптации – комплексное ведение хозяйства, сочетающее разные направления (животноводство, земледелие). Адаптации на новом месте жительства способствовали также проживание переселенцев компактными группами, что проявлялось в сохранении родственных, соседских и земляческих связей.

ГОДОВЫХ Татьяна Владимировна

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

**ПРОГРАММЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ
И АБОРИГЕНОВ ЧУКОТКИ**

По теории функциональных систем адаптивные результаты, образующие различные функциональ-

ные системы, могут проявляться на всех уровнях системы, направлены на поддержание гомеостаза. Генетический код под влиянием окружающего пространства определяет в первую очередь оптимальный уровень метаболических процессов его внутренней среды. Мигранты и аборигены Чукотки реализуют кататоксическую и синтоксическую программы адаптации, составляющие общую адаптационную реакцию, однако специфическая компонента, затрагивающая энергетический и пластический обмен различна. Специфическая компонента мигрантов: увеличение вариативности признаков длины, массы и компонентов тела; скачкообразность скорости их приростов, нарушение гармоничности развития. Микроэлементный статус: дефицит калия, фосфора; избыток хрома, силиция; дисбаланс магния. В углеводном обмене уровень глюкозы и лактата выше аборигенов. Специфическая компонента аборигенов: узкий коридор варьирования признаков, плавные приросты; гармоничность развития мальчиков. Микроэлементный статус: дефицит кобальта, хрома; дисбаланс калия, фосфора, силиция. Углеводный обмен: меньший уровень глюкозы и лактата. В периоде долгосрочной адаптации мигрантов изменения направлены по тому же вектору, как у аборигенов. На наш взгляд биологические системы в экстремальных условиях эргономично реализуют генетический код развития индивидов с учетом влияния факторов окружающего пространства. Эргономичность системы проявляется на всех уровнях: морфофункциональных, биохимических, поведенческих, социокультурных проявлениях. Экстремальные условия окружающей среды формируют элементы синтоксической программы в долгосрочной адаптации.

ДАВЫДОВА Ольга Эдуардовна

Университет Восточной Финляндии, г. Йонсуу (Финляндия)

**РУССКИЕ ФИННЫ – ФИНСКИЕ РУССКИЕ:
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД
К ЭТНИЧНОСТИ В МИГРАЦИИ**

Финское население современной Карелии сформировалось в результате трех миграционных потоков: послереволюционной миграции «красных финнов», миграции «американских финнов» и «перебежчиков» в 1930-е годы и трудового набора ингерманландских финнов после второй мировой войны. Роль финского языка и финноязычной культуры менялась с течением времени. К концу советского периода на финском языке функционировал ряд культурных институтов, одновременно происходила языковая ассимиляция. Завершение советской эпохи характеризовалось подъемом этно-национальных движений, получавших значительную поддержку с «исторических родин». Одна из форм такой поддержки в Финляндии вылилась в начало «репатриации» людей финского происхождения, которую планируется завершить в 2011 г. За двадцатилетнюю историю этого миграционного процесса сформировались транснациональные культурные и социальные сети между

Карелией и Финляндией, финская этничность получила новые значения, в Финляндии сформировалось новое русскоязычное меньшинство. В своем докладе я планирую рассмотреть некоторые аспекты новой, не ограниченной границами одного государства, этничности, используя в качестве примера, в частности, мой личный опыт миграции из Петрозаводска в Финляндию.

ЗМЕЕВА Ольга Васильевна

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Учреждения Российской академии наук Кольского научного центра РАН, г. Апатиты

ХАРАКТЕР АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

В докладе рассматриваются адаптационные возможности этнических мигрантов Кольского Севера. Значительная часть жителей областной столицы и большинство жителей малых индустриальных городов Кольского полуострова – дети мигрантов или сами переселенцы. «Старожилы» и «новосёлы» интенсивно взаимодействуют, их влияние друг на друга очевидный факт. В случае мигрантов диапазон эффектов этого влияния широк – от растворения в новом этнокультурном окружении до образования сплочённой диаспоры и сохранения всеми возможными способами (не исключая вооружённых конфликтов) этносоциальной идентичности. Наблюдается и другая тенденция – приезжающие этнические сообщества рассматривают свое пребывание на данной территории как временное, поэтому они не стремятся к диаспоральному укоренению. В ряде случаев люди, прожившие длительное время в каком-нибудь районе, по тем или иным причинам не считают себя адаптированными к его социальной среде. Особенно характерно это для вынужденных мигрантов и для людей, приехавших с установкой на временное пребывание. Успевшие адаптироваться на севере земляки – мигранты советского периода – не отказываются от помощи новым мигрантам, по крайней мере, в начальный период их проживания. Поддержка этнических мигрантов через родственные связи сохраняется и в настоящее время. Кроме того, постоянно сравнивается новое место жительства (Кольский полуостров) с исторической родиной, сравнение происходит на уровне сопоставления или противопоставления. Стереотип родины разрушается на уровне взаимодействий и сохраняется при упоминании экзотических природных условий, традиционного уклада.

ЗОТОВА Наталья Александровна

Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ЖЕНСКАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ

Российская Федерация в целом и Москва привлекают большое число трудовых мигрантов из стран

бывшего Советского Союза; мигранты из стран Средней Азии составляют большинство трудовых мигрантов города. На начальном этапе подавляющее большинство трудовых мигрантов составляли мужчины, но постепенно значимую роль в этих потоках стали играть женщины.

Основной причиной выезда на заработки являются экономические трудности, которые следует рассматривать в широком контексте. Медленное экономическое развитие новых независимых государств вкупе с нехваткой природных ресурсов и плодородных земель, быстрый рост населения и обеднение вынуждает людей отправляться на заработки. Социальные факторы могут усугубляться межэтническими конфликтами в стране исхода. Так, мы наблюдали рост числа мигрантов из Узбекистана после событий в Андижане 2005 г.; также после событий 2010 г. в г. Оше в России оказалось большое число узбекских беженцев.

Выезд женщин на заработки из стран Средней Азии является феноменом недавнего времени и указывает на значимые изменения в социальной структуре общества стран исхода. В то же время феминизация миграционных потоков укладывается в закономерности развития миграционных процессов в мире на современном этапе.

В докладе представлены результаты исследования женщин-мигрантов из стран Средней Азии, прослежены сходства и различия между основными этническими группами трудовых мигрантов в Москве – киргизками, таджичками и узбечками.

КВИЛИНKOVA Елизавета Николаевна

Институт Культурного наследия Академии наук Республики Молдова, г. Кишинев (Молдова)

САКОВИЧ Василий Андреевич

Государственный Институт международных отношений Молдовы, г. Кишинев (Молдова)

БЕЛОРУСЫ МОЛДОВЫ: СЛОЖНОСТИ ПРОЦЕССА ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ

Белорусская диаспора небольшая по численности, но для нее характерны свои особенности в области адаптации и аккультурации. Исследование некоторых аспектов проблемы адаптации белорусов Молдовы проведено на основе полевого материала, собранного автором в 2009 г. в ходе углубленного интервью у этнических белорусов, проживающих на территории Молдовы, в том числе АТО «Гагауз Ери» и Приднестровья. Основная часть опрошенных – это представители старшего поколения, переселившиеся в Молдову в 1950-х – первой половине 1980-х гг.

Во времена СССР процесс адаптации и аккультурации протекал безболезненно. Этому во многом способствовала незначительная культурная дистанция между белорусами и местным населением, а также широкое использование последними русского языка. О динамично протекающем у белорусов Молдовы процессе аккультурации свидетельствует зна-

чительное число иноэтнических заимствований как в народной обрядности, так и в пище.

Языковая среда является фактором, способствующим или тормозящим процесс адаптации. Отношение белорусов к молдавскому языку можно рассматривать как один из показателей стратегии адаптации и как критерий этнической толерантности. В настоящее время белорусы Приднестровья и Гагаузии в основной своей массе молдавским языком не владеют. Отношение белорусов к государственному языку свидетельствует о существовании у них понимания того, что овладение им – это неизбежность и необходимость. Есть также понимание того, что знание языка соседнего народа в значительной степени обогащает самого человека и делает возможным сокращение культурной дистанции между этносами. Все это серьезно влияет на ход и темпы адаптационных процессов, тем более что этническая принадлежность у молодого поколения белорусов, родившихся в Молдове, не столь актуализирована по сравнению с представителями старшего поколения.

Однако незнание белорусами (как и многими другими национальными меньшинствами) молдавского языка тормозит процесс их адаптации и интеграции в этнокультурное пространство Молдовы. Как подчеркивали респонденты, реальные шаги властей по обучению граждан молдавскому языку были не продуманы и малоэффективны. В результате имеют место ущемления по языковому признаку в сфере труда и образования.

КУКЛИНА Вера

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

ОТНОШЕНИЯ «ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ» В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ БУРЯТ

Понятие «центра» имеет очень важное значение в традиционной культуре бурят в первую очередь в связи с местом, где происходит захоронение последа, а в дальнейшем – шаманские обряды. В условиях урбанизации происходит столкновение традиционных и модернизационных систем мировосприятия, в котором понятия центра-периферии подвергаются переосмыслению. Так же переосмыслению подвергается идентичность коренных народов, которая традиционно связана с сельской местностью (отметим также, что, по материалам В. В. Воробьева [1975], в 1897 г. в городах проживало 0,6% бурят). В интернет-пространстве распространены призывания городских бурят к уважению сельских бурят как хранителей языка и народных традиций. В то же время в самих городах, параллельно с усилением традиций проведения обрядов в родных деревнях, формируются альтернативные «центры». В частности, усиливается отток наиболее талантливой и обеспеченной молодежи в центральные вузы страны (Москвы и Санкт-Петербурга) или даже зарубежных европейских стран. В то же время усиливаются позиции буддийских центров, привлекающих молодых людей в

буддийские центры Монголии и Тибета. Периферийность деревень увеличивается, и, несмотря на рост символической значимости «родной земли», практически они формируются из престарелых и маргинализированных слоёв населения.

КУЛЕШОВ Денис Николаевич

Научно-практический сетевой журнал

«Инновации & Общество», г. Москва

МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАРОДОВ БАШКИРИИ В XX СТОЛЕТИИ

Одним из важнейших трендов социально-культурной динамики России в XX веке было движение населения по пути демографической модернизации. Если вопросы динамики репродуктивного, матримониального и сексуального поведения, как основных элементов демографического поведения, нашли свое отражение при анализе модернизации России, то динамика миграционного поведения еще не выступала объектом пристального внимания российских специалистов.

В докладе на примере полиэтнического населения Башкирии предполагается осветить региональные аспекты изменения миграционного поведения россиян в XX веке. В основу доклада легли следующие реперные тезисы автора:

1. Модернизация – движение общества от традиционного аграрного к современному городскому, сопровождающееся изменением или приспособлением всех форм общественного бытия к атрибутивным изменениям, и становлением нового типа «человека рационального». Данное определение вполне применимо к ситуации в России XX века.

2. Миграционное поведение россиян в XX веке изменялось в ходе демографической модернизации.

3. Миграционное поведение имеет этнические и территориальные особенности, что экстраполируется и на течение модернизационных изменений.

4. Модернизация нивелирует этнические и территориальные особенности миграционного поведения.

5. Современное миграционное поведение плюралистично и поливариативно.

ЛУКЬЯНОВА Ольга Олеговна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

РУССКОЯЗЫЧНАЯ МОЛОДЕЖЬ: ДЕТИ МИГРАНТОВ НА ЭСТОНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Продолжительный исторический период русское и русскоязычное население аккумулировалось на территории Эстонии. Кульминация процесса пришлась на последнее десятилетие XX в., когда Эстония была частью Советского Союза, представляющего сложный политико-экономический механизм. Часть механизма работала на интеграцию единого советского народа, т. е. формирование новой исторической, социальной и интернациональной общности людей, имеющих единую территорию, экономику,

единую по социалистическому содержанию и многообразную по национальным особенностям культуру, федеративное государство и общую цель – построение коммунизма. Системная трансформация Эстонии в 1990-х гг. породила межнациональные конфликты и идентификационный коллапс. Процесс продолжился ликвидацией видимых национальных рубежей и интеграцией в единое европейское пространство.

Новое тысячелетие Эстония встретила в составе нового Союза – Европейского, принципы которого, фрагментарно идентичны СССР. Однако за ним не закреплен термин европеец, как элемент, интегрирующий все национальности (nationalities) Союза. Интеграция проходит имплицитно. Оба объединяющих феномена – наднациональные конструкции.

Русскоязычная молодежь Эстонии представляет собой совокупность жителей страны, объединенных на основе доминантного использования русского языка и, в большинстве случаев, территорий проживания. Групповая идентификация этой части населения, обусловлена многоуровневыми идентификационными паттернами. Самая распространенная модель – этническая, наряду с ней функционируют: гражданская и локальная. Относительно новый феномен – глобальная модель, т. е. причисление себя к европейцам. Каждой из моделей присущи характерные признаки. В докладе рассматриваются возможные причины и следствия идентификационной множественности.

ПЕТЛЯР Анастасия Павловна

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

МИГРАНТЫ БЕЛАРУСИ В ИСТОЧНИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Рассмотрение истории миграции представляет интерес с точки зрения не только полноты исторического знания, но и постижения богатого опыта прошлого, который имеет и практическую значимость, поскольку миграционные движения населения на современном этапе развития играют значительную роль в социально-экономической сфере общества. В Беларуси трудовые миграции получили заметное распространение во второй половине XIX в. после реформы 1861 г. Реакцией царского правительства на восстание 1863 г. стала приостановка на территории Беларуси проведения буржуазно-демократических реформ, вплоть до начала XX в. Ввиду этого во второй половине XIX – начале XX в. в Беларуси отсутствовала земская статистика, поэтому для изучения вопроса миграций первостепенное значение приобретают архивные источники; сведения различных ведомств, правительственных комиссий, комитетов и т. д. Материалы фондов канцелярий Минского, Витебского и Могилевского губернаторств хранятся в Национальном историческом архиве Республики Беларусь (ф. 295, 1430, 2001). Богатый статистический материал по отдельным уездам и видам промыслов содержат сборники «Обзоры» и «Памятные книжки»

белорусских губерний. Значительный интерес для исследователя миграций представляет документ «Итоги переселенческого движения за время 1896–1905 гг.». Данный источник показывает пути трудовых миграций населения Минской, Витебской и Могилевской губерний.

Комплексный анализ источников и статистических данных позволит в дальнейшем систематически рассмотреть проблемы трудовых миграций белорусов в прошлом и настоящем, прогнозировать социально-культурные изменения, связанные с миграциями.

ПИВОВАРОВА Мария Николаевна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

В современных российских городах проблема адаптации мигрантов становится одной из главенствующих. Сохранение этнической культуры, этнической идентичности мигрантов из ближнего зарубежья приводит либо к созданию на новом месте диаспорных структур, либо к консолидации приезжих вокруг культурных центров этнической направленности («домов дружбы народов» и т. п.). Одной из наиболее важных характеристик сохранения идентичности является трансляция традиций этноса внутри семьи, несмотря и не вопреки адаптации ее в сложную полиэтничную сеть взаимодействий мегаполиса. Как показывает практика, наиболее важными элементами сохранения культуры в мигрантской среде является активное использование родного языка, религиозных обычаев и традиций, элементы же традиционной материальной культуры приобретают ритуализированное значение, становятся отличительным маркером принадлежности к этносу.

В рамках доклада мы попытаемся проследить механизм функционирования и трансформации этнической идентичности мигрантов в современных социокультурных условиях полиэтничного города. Самарский регион изначально формировался как полиэтничный, и данное историческое обстоятельство послужило оптимальным базисом для поддержания толерантной межэтнической коммуникации и возможности воспроизведения и функционирования этнических культур приезжих.

САКУМА Сергей Львович

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВЬЕТНАМЦЕВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Основной этнической группой во Вьетнаме являются вьеты, которые составляют 86,2% всего населения. Их именование содержится в названии страны – Вьетнам («вьет», «нам» – «южный»). Официально

имеется также 54 этнических меньшинства. В современных условиях, благодаря всеобщему образованию и культурной политике властей Вьетнама, различия между этническими группами постепенно стираются. Однако понятие «народность» сосуществует с понятием «национальность» на официальном уровне: так, при поступлении на работу вьетнамцы заполняют анкету, в которой, помимо общей национальности, необходимо также отметить принадлежность к этнической группе.

Для вьетнамцев в Беларуси гражданская идентичность становится преобладающей, а принадлежность к малой этнической группе отходит на второй план. Это связано с коллективным способом адаптации вьетнамцев в Республике Беларусь. Как правило, максимальная плотность коммуникаций происходит внутри вьетнамской общины, что связано с языковыми трудностями, особенно на первом этапе, а также с культурными различиями и трудовой деятельностью.

Местное общество в большинстве своем также рассматривает вьетнамцев как единое этническое сообщество, что связано с незнанием о существовании других этнических групп во Вьетнаме, а также с бытованием общих стереотипов относительно «вьетнамцев». Большинство респондентов выделяет среди внешних качеств, по которым можно узнать вьетнамца, низкий рост, смуглую кожу, черный цвет волос. Вьетнамцы ассоциируются у местного населения, прежде всего, с их профессиональными занятиями – мелкое предпринимательство (торговля на рынках), обмен валют.

СОДНОМПИЛОВА Марина Михайловна

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, г. Улан-Удэ*

МИГРАНТЫ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В БУРЯТИИ: В ПОИСКАХ «НОВОГО СВЕТА»*

В первом десятилетии XXI столетия Байкальская Сибирь и, главным образом, Республика Бурятия, стала довольно притягательным регионом для мигрантов из стран Центральной Азии. Эта притягательность во многом обусловлена относительной стабильностью межрасовых и межэтнических отношений в регионе, толерантностью его многонационального населения. Находящийся вдали от линий межэтнического и межконфессионального противостояния регион имеет сложившуюся репутацию «тихой заводии» в межэтническом плане. Особый интерес Бурятия представляет для киргизов – тюркоязычного населения Средней Азии, в этническом самосознании которых постепенно формируется миф о Бурятии как прародине тюркских народов в целом, и соответственно киргизского народа, в частности. Данная идея в среде киргизов-мигрантов становится одним из мотивов выбора Бурятии в качестве постоянного места проживания. В этой связи, актуальным представляется изучение ответных реакций местного

русскоязычного и автохтонного населения на проблеме увеличения численности трудовых мигрантов и укоренения выходцев из стран Средней Азии в Бурятии. Особую актуальность этому вопросу придают современные этнополитические процессы в регионе, в частности такие инновации этнической реальности, как формирование конструкта «родовая земля» в культуре и мировоззрении бурят, эвенков, сойотов.

ТАВРОВСКИЙ Александр Владимирович

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ПАМИРЦЫ В ДВУХ МИРАХ: МИГРАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА ВЫСОКОГОРНЫХ СООБЩЕСТВ

Исследования, посвященные трудовой миграции из Таджикистана в Россию, как правило, носят количественный характер и делают акцент на социально-демографических характеристиках мигрантов, причинах миграции, их положении на рынке труда и на способах адаптации мигрантов в принимающем обществе. Напротив, изучению последствий миграции для локальных сообществ в стране исхода, процессам социально-культурной трансформации, вызванной миграционными потоками, образованию и развитию миграционной экономики уделяется незначительное внимание. Особый интерес представляет изучение высокогорных сообществ Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), отличающихся от сообществ других регионов Таджикистана географическими, культурными и социальными условиями существования.

Исследовательский материал, послуживший основой доклада, был получен в течение трех кратких полевых сезонов в ГБАО (в 2008–2010 гг.) и качественного исследования памирцев в Санкт-Петербурге (в 2010 г.), и является частью продолжающегося проекта по изучению трансформационных процессов на Памире. Мы пытались описать миграционную экономику с разных сторон: выявить ее исторический, социальный и культурный контекст, выявить причины, и главное, последствия миграции для местных сообществ, определить организацию миграции и наблюдать за жизнью выходцев из известных нам кишлаков и семей в ситуации большого города.

ФИЛИППОВ Владимир Иванович

*Представительство Федеральной миграционной службы
России в Киргизской Республике, г. Бишкек (Киргизия)*

ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ В МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Стратегической целью миграционной политики России является управление процессами миграции, при этом необходимо учитывать, что статус принимающей страны дает основание говорить об особой роли России в регулировании миграционных процессов на всем постсоветском пространстве, следовательно, о том, что межгосударственная интеграция

* Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ 10-01-00495а.

должна основываться на принципах и механизмах, учитывающих ее интересы.

Интересы России определяются комплексом демографических, экономических, политических и социокультурных факторов, совокупность которых должна задавать основные количественные и качественные параметры принимаемых из стран СНГ миграционных потоков.

Основные усилия должны быть направлены на формирование общего рынка труда, создание правовых, экономических и организационных условий для перехода к свободному перемещению рабочей силы на пространстве СНГ, решение проблемы согласованного регулирования трудовой миграции, повышение эффективности согласованной миграционной политики на основе достижения соответствия объемов, направлений и структуры миграционных потоков ин-

тересам мигрантов и с учетом законодательства принимающего государства. Особое внимание при этом должно уделять идентичности мигрантов, обуславливающей возможности их социокультурной адаптации к российским реалиям.

Учитывая, что сам статус государств-доноров задает несовпадение их интересов, обусловленных потребностью в расширении трудовой эмиграции, с интересами основного реципиента на постсоветском пространстве – России, иммиграционная политика должна быть дифференцирована в зависимости от целей и сроков пребывания мигрантов и категорий иммигрантов; согласована с другими направлениями политики, в особенности с внешней политикой государств, политикой в сфере обеспечения национальной безопасности и политикой сохранения культурной самобытности России.

Секция 9. КОЛОКОЛА И ЗВОНЫ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ И РЕЛИГИИ

Руководители: **Старостенков Сергей Алексеевич** (Санкт-Петербург);
Гущина Виола Анатольевна (Петрозаводск)

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ Лариса Дмитриевна
*Школа звонарей при Новосибирском Свято-Макарьевском
Православном Богословском институте, г. Новосибирск*

РОЛЬ ЗВОНА В ОБНОВЛЕНИИ ЗВУКОВОЙ СРЕДЫ ПОСЕЛЕНИЯ

I. На открытом воздухе:

1. После столь длительного перерыва традиционный звон к богослужению воспринимается народонаселением как новое звучание.

2. Фестивали звонарей – принципиально новая форма публичных мероприятий на открытом воздухе.

3. Звон во время экскурсий (в том числе и общедоступный) – новое в церковной практике.

4. Занятия и подготовка в Школе звонарей – неизбежный компонент звуковой среды отдельных районов.

5. Участие разборной мобильной звонницы в общегородских и епархиальных мероприятиях подчеркивает их значимость.

6. Приезд мобильной звонницы в учреждения системы исполнения наказаний – звучащий призыв к духовному обновлению.

II. В замкнутом помещении:

1. Цикл «Звоны России» с участием мобильной звонницы в Новосибирске – новое в концертной практике страны.

2. Аудио и видеозаписи в лекционной работе и домашнем быту.

III. Восприятие населением нового компонента (колокольного звона) в звуковой среде жилой застройки.

БОЕВ Александр Анатольевич
*Структурное предприятие ООО «Знаменский
селекционно-генетический центр», г. Орёл*

ЛИТЬЕ КОЛОКОЛОВ И ЯМСКИХ КОЛОКОЛЬЧИКОВ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Орловская губерния в границах до 1917 года не являлась общепризнанным центром производства колоколов и колокольчиков в России. Тем не менее, в небольшом количестве колокола отливали и здесь. Коллекционерами-исследователями за последние 20 лет было установлено, что центрами производства церковных колоколов в Орловской губернии были г. Орёл (завод Акима Воробьева) и г. Елец (заводы купцов Ростовцевых и Криворотовых). Поддужные колокольчики отливали в Орле, Ельце и Мценске. На основании собранных архивных документов в докладе представлена информация о знаменитых орловских династиях колоколозаводчиков и истории возникновения, и развития их предприятий.

БОНДАРЕНКО Анна Федоровна
Музей истории Верховного Суда РФ, г. Москва

ИНОСТРАННЫЕ КОЛОКОЛА В РОССИИ

Колокола, появившиеся на Руси после принятия христианства, были западноевропейского происхождения. Даже после того, как к концу XI – началу XII в. русские мастера освоили колоколотейное ремесло, импорт этих атрибутов православной церкви не прекращался. Это объяснялось отсутствием добычи на территории Руси меди и олова. Приходилось закупать эти металлы за рубежом. В первой половине XVII в. в России начинаются промышленные разработки рудных месторождений, позволившие увеличить количество и размер отливаемых колоколов.

Колокола попадали на Русь разными путями: их привозили купцы, брали в качестве военного трофея, отливали иностранные мастера, состоявшие на службе у русских князей. Имеются сведения о десятках иностранных колоколов от XI до XVII в. Они находились на колокольных в различных уголках Российского государства. Многие из них сохранились. Произведенные на территории Германии, Голландии, Франции, Польши европейскими мастерами, эти колокола были небольшими, весом не более 500 кг. В отличие от них, колокола, изготавливаемые иноземцами, работавшими в России, весили до тысяч пудов. В настоящее время колокола иностранного производства хранятся в российских музеях, на колокольных храмов и монастырей, небольшое их количество находится в частных собраниях. Докладчиком был собран определенный материал о западноевропейских колоколах, находящихся в России. Составление реестра и комплексное изучение этих памятников поможет расширить наши знания о западноевропейской колоколотейной традиции и внесет значительный вклад в отечественную campanологию.

ГЛУШЕЦКИЙ Андрей Анатольевич
*Академия народного хозяйства при Правительстве РФ,
г. Москва*

КОЛОКОЛОТЕЙНОЕ ДЕЛО В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX– НАЧАЛЕ XX вв. ИСТОРИКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОБЗОР

Автором были обобщены статистические и архивные материалы о заводах, литейных мастерских, а также об индивидуальных литейщиках второй половины 19 – начале 20 вв., изготавливающих колокола и колокольчики различного назначения.

Они дифференцированы в 4 основные группы в зависимости от объемов их производства. Показана

динамика колоколотейного промысла в России и его распространение в региональном аспекте. Систематизированы данные о периодах основания колоколотейных заводов и мастерских. На основе архивных изысканий приводятся биографические данные о членах наиболее известных колоколотейных династий

ГРИБКОВА Елена Юрьевна

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

КАЙЧУК Владимир Степанович

*Собор Владимирской иконы Божией Матери,
г. Санкт-Петербург*

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ШКОЛА ЗВОНАРЕЙ: ИТОГИ ДЕСЯТИ ЛЕТ ИСТОРИИ

Петербургская Епархиальная Школа звонарей действует при соборе Владимирской иконы Божией Матери с 2000 г., но ее открытию предшествовал почти десятилетний период становления и исканий после возвращения храма в 1989 г. ленинградской Епархии.

Развитию звонарского дела способствовало знакомство с учеными и практиками, занимающимися вопросами истории и возрождения колокольного дела и искусства, а также участие в научно-практических конференциях и колокольных фестивалях.

Подводя некоторые итоги 10-летнего существования звонарской школы, в первую очередь хочется отметить именно тот факт, что в Петербурге школа звонарей имеется. Парадокс заключается в том, что в отличие, например, от Москвы, где официально существуют несколько колокольных организаций, в Петербурге действует лишь одна школа звонарей, вокруг которой или при участии которой происходят основные колокольные мероприятия города.

За десять лет школа вырастила ценные кадры «профессиональных» звонарей, которые не только служат при храмах, но и преподают звонарское мастерство. Важно отметить, что школа прививает единую петербургскую культуру звонов. А это значит, что петербургская традиция развивается и живет. Благодаря своей активной деятельности Звонарская школа является достаточно известной организацией Петербурга. Школа отмечена в епархиальном справочнике, имеет отдельную рубрику на сайте храма, а также часто освещается в периодических изданиях, видео и аудио сюжетах теле и видео каналов.

ГУЩИНА Виола Анатольевна

*Музей-заповедник «КИЖИ»,
отдел истории и этнографии, г. Петрозаводск*

КОЛОКОЛЬНЯ КИЖСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ (ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА)

Первое графическое изображение Кижского погоста относится к 1785 году. На гравюре изображён классический тип северной колокольни на низком

основании – четверике, переходящем в высокий восьмигранный сруб с шатровым завершением. Такой была предшественница существующей колокольни. Различие в их образе – поразительное: словно объект перевернут «с ног на голову»: низкий цоколь колокольни превратился в высокий сруб четверика, а сильно завышенный восьмерик стал низким пьедесталом для шатрового завершения.

К чему понадобилось подобное превращение традиционного классического образа в небывалое сооружение? Данный феномен объясняется просто. Рассматриваемый тип колоколен в их эволюционном развитии оставался с конструктивной стороны неизменно традиционным, видоизменялся лишь в отношении пропорций: высота основания со временем становилась всё выше. Так, колокольня Кижского погоста по высоте превосходила все другие колокольни: её нижний сруб стал значительно выше верхнего сруба. Колокольня приобрела своеобразный силуэт и завершила собой эволюционное развитие данного типа строений. В её внешнем облике также ярко проявилось отражение новых требований в архитектуре.

На примере Кижской колокольни излюбленная в народе схема была доведена до уникального выражения, что позволило зодчим удачно вписать её стройный силуэт в ансамбль.

В настоящее время звонница колокольни активно используется звонарями во время туристического сезона, обладая высокими акустическими достоинствами. Специалисты – кампанологи отметили уникальность и самобытность «заонежских звонов», что позволяет говорить об отдельном течении в колокольном искусстве.

ДОРОФЕЕВА Елена Михайловна

*Экскурсионная служба ООО Туркомпании «Помор-тур»,
г. Архангельск*

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ЗВОНАРЬ ИВАН ДАНИЛОВ – ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТРАДИЦИИ СЕВЕРНЫХ ЗВОНОВ

И. В. Данилов был одним из тех, кто в середине 1970-х годов возрождал колокольную музыку в нашем Отечестве. В 1975 г в Архангельском музее деревянного зодчества по инициативе А. Н. Давыдова началась работа по созданию «звучащей экспозиции». К ней привлекли преподавателя музыкального училища В. В. Лоханского – он и составил первые звоны для колоколов Архангельского музея. Иван Данилов, не имея музыкального образования, учился звонить самостоятельно, отрабатывал технику игры на небольшой звоннице, и вскоре стал выделяться своим мастерством. Встречаясь с фольклорными коллективами и старожилками, восстанавливал праздничные звоны Архангельского Севера, сочинял собственные музыкальные произведения. Звоны в его исполнении вошли в несколько фильмов, а «праздничный звон» стал своеобразной музыкально визитной карточкой музея «Малые Корелы». Колокольные звоны стали неотъемлемой частью фольклорных праздников,

проведения свадебных обрядов в народных традициях. Обучение новых звонарей «из рук в руки». Иван Данилов первым укрепил колокола на паруснике и в 1990-е годы с набором колоколов совершил несколько путешествий, давая колокольные концерты в портах Скандинавии, Европы и на Аляске, пропагандируя искусство русского колокольного звона во всем мире. По словам А. С. Ярешко «Данилов понял наивысшую сложность колокольной музыки, достиг наивысшего технического мастерства»...

КАПУСТА Людмила Иосифовна

*Карельский государственный краеведческий музей,
г. Петрозаводск*

ЧУГУННЫЕ БИЛА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В СОБРАНИИ КАРЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В фондах КГКМ хранятся 4 чугуновых била, отлитых на Олонецких Петровских заводах в 1706 и 1709 гг. Традиция бытования бил из камня на территории края известны по архивным источникам XVI–XVII вв.

Данные чугуновые памятники уникальны и являются образцами специфических инструментов для подачи звуковых сигналов (как в культовых, так и в гражданских целях) в переходную эпоху, когда по указу царя Петра I приостановлено было литье традиционных колоколов.

Изготовление бил на заводах Карелии, где стали отливать чугуновые пушки, явилось продолжением давней связи между искусством пушкаря и колокололитейного мастера. Била – образцы чугунового художественного литья; их форма и декор – результат работы профессионального художника. Особый интерес представляет символика декора. Сохранившиеся образцы свидетельствуют об отливке двух серий чугуновых бил на заводах Олонецкой группы, которые привязаны были либо к важным событиям Северной войны, либо к определенным этапам в строительстве флота. Традиции изготовления бил из чугуна в XVIII–XIX в. пытались продолжить заказами на чугуновые колокола (заказы поступали на Олонецкие заводы).

КАРТАШОВА Мария Вячеславовна

*Муниципальное учреждение культуры «Балахнинский
музейный историко-художественный комплекс», г. Балахна*

КОЛОКОЛЬНЫЕ МАСТЕРА ЧАРЫШНИКОВЫ

Колокольные мастера Чарышниковы известны в Ярославле со второй половины XVIII в. В 1886 г. ярославский цеховой мастер Сергей Семенович Чарышников открыл мастерскую в г. Балахне Нижегородской губернии. Так началась история колокольного завода в Балахне, просуществовавшего 40 лет. В 1891 г. Сергеем Чарышниковым были отлиты три крупных колокола для церквей Нижегородской губернии. С. С. Чарышников скончался и был погребен

на кладбище при Троицкой церкви 18 декабря 1894 г. Хозяйкой мастерской стала его жена. Специально для Всероссийской промышленно-художественной выставки, проходившей в Нижнем Новгороде в 1896 г. в мастерской Чарышниковых был отлит 1000 пудовый колокол.

В начале XX в. Чарышниковы переводят завод на другое место. 16 июля 1904 г. Городская Управа вынесла постановление об аренде государственной земли вдовой цехового мастера Чарышниковой. Закрепив за собой землю, Чарышниковы предприняли следующий шаг на пути дальнейшего развития колокольного производства. 3 марта 1905 г. они учредили первыми (и последними) в Балахне полное Товарищество под фирмой «Торговый дом Ев. Дм. Чарышниковой с сыновьями». На колокольном заводе Чарышниковых отливали церковные колокола весом от 20 фунтов до 300 пудов. Колокольный завод прекратил свое существование в 1926 г. Основные строения Чарышниковых сохранились до наших дней.

Чарышниковы отлили значительное количество колоколов. Название «Балахна» на колоколах до сих пор встречается в разных местах России.

КЛИМИН Евгений Андреевич

*Российский институт истории искусств, сектор
инструментоведения, г. Санкт-Петербург*

СТАРИННЫЕ КОЛОКОЛА В ПРИХОДАХ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ

На северо-западе Псковщины (Печерский район) сложилась уникальная ситуация. Уничтожение в 1920–1930-е гг. не затронуло ни сельские, ни городские приходы, т. к. эта территория в то время принадлежала Эстонской республике. Ценнейшие памятники колокололитейного искусства XVI – нач. XX вв. почти полностью сохранились. Как показала экспедиционная работа, проведенная летом и осенью 2010 г. в сравнение с полевыми campanологическими исследованиями А. Б. Никанорова (1980–2000-е гг.), за это время специальных мер к сохранению старинных колоколов не предпринималось. Несколько памятников в течение ближайших двух десятилетий сильно пострадали от неверной эксплуатации, либо просто утрачены (приходы Залесье, Паниковичи, а также колокольня Троицкого собора в Пскове). Основной «группой риска» являются колокола, звон в которые может производить любой желающий. В ближайшее время, вследствие падения уровня исполнительского мастерства звонарей и недостаточного надзора со стороны ответственных священнослужителей, в первую очередь настоятелей, имеется угроза выхода из строя других памятников колокольной культуры. Следует добавить, что детали подвески колоколов во многих случаях сильно изношены, а новые системы крепления, зачастую, выполнены некомпетентными людьми. Не все настоятели, проявляющие заботу о колоколах и заинтересованность в

их сохранении, располагают необходимыми знаниями и нередко сталкиваются с дезинформацией. Видится целесообразным распространение адекватных рекомендаций по хранению и эксплуатации старинных колоколов среди священнослужителей и прихожан.

КРАСНОДЕМБСКАЯ Нина Георгиевна

Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, отдел Южной и Юго-Западной Азии, г. Санкт-Петербург

МАЗУРИНА Валентина Николаевна

Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург

НЕПАЛЬСКИЙ КОЛОКОЛ: ФОРМЫ И СИМВОЛИКА (ПО ПОЛЕВЫМ НАБЛЮДЕНИЯМ)

Употребление колоколов — характерная черта культовой жизни непальцев, как индуистов, так и буддистов. Находясь в специализированной поездке в Непал в апреле 2006 г., среди других этнографических целей мы не упускали из виду и наблюдение названного аспекта. В этой стране колокола присутствуют в культово-символическом оформлении как храмов и монастырей, так и отдельных площадей и улиц старинных и современных городов и селений. Характерно обязательное украшение массивными колоколами на мощных стойках и под специальными навесами пространства вокруг королевских дворцов (с функцией магической охраны). Колокола меньшего размера, как правило, сопутствуют изображениям отдельных святынь (индуистских и буддистских) под открытым небом.

Конструкции с колоколами обычно насыщены декоративными элементами: украшены и стойки, и крыши, и навершия, и детали подвесной конструкции самого колокола. Оригинальны и формы колокольного языка. Крупные колокола отлиты из серо-чёрного сплава (о его составе нет подробных данных), малые — нередко из жёлтого сплава. Обычно украшена и поверхность тулова колокола: верхняя часть — символическим орнаментом, нижняя — как правило, текстом; средняя часть чаще всего остаётся незаполненной. Устойчива и форма тулова колокола: слабо расширяющийся книзу цилиндр (почти квадратный в сечении) заканчивается заметно отогнутым краем. Не всегда верхняя (округлённая) часть цилиндра подчёркнуто выделена; тем не менее всегда очевидно членение тулова на три пояса (что, по-видимому, символизирует сферы мироздания)

ЛАВРОВ Олег Борисович

Институт геологии Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

К ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВА КОЛОКОЛЬЧИКОВ В ФИНЛЯНДИИ

Когда Финляндия входила в состав Российской империи, на ее территории существовали три центра

по производству колокольчиков для конской упряжи. Это деревня Каакамо Улеаборгской губернии, селение Нурмо Вазаской губернии и литейная мастерская Х. Юутилайнена на хуторе Вехкалаhti Куопиоской губернии.

Литьем колокольчиков в Каакамо местные жители стали заниматься в 1810-х гг. До настоящего времени сохранились лишь единичные отливки, датированные первой половиной XIX века. «Львиную» долю этой продукции составляли копии русских валдайских колокольчиков.

Расцвет колоколотейного ремесла в с. Нурмо пришелся на 1870-е годы. В период 1870–1920 гг. в Нурмо с цветным металлом работали около 30 человек. Имена 24 мастеров известны.

Датой основания литейной мастерской Хейкки Юутилайнена считается 15 ноября 1881 года. Основной продукцией мастерской являлись колокольчики типа «айсакеллот» (от фин. «aisa»-оглобля), украшенные орнаментом из дубовых листьев и имеющие клейма мастера на «юбке». Таких колокольчиков было отлито великое множество, особенно после обретения Финляндией независимости и окончания гражданской войны. В тот период только в одном магазине г. Сортавала продавалось свыше полутора тысяч колокольчиков типа «айсакеллот».

Финны бережно охраняют памятники прошлого, берегут предметы старины. Оборудование и инструменты литейной мастерской Юсси Кангаса из д. Каакамо хранятся в музее г. Торнио. Во внутреннем помещении музея сельского хозяйства университета г. Хельсинки восстановлена мастерская последнего кустика из Нурмо Юхо Тиисиярви. Литейное заведение, где трудился Хейкки Юутилайнен, в настоящее время превращено в музей.

НИКАНОРОВ Александр Борисович

Российский институт истории искусств, г. Санкт-Петербург

СИСТЕМА ОПРОСА ЦЕРКОВНЫХ ЗВОНАРЕЙ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭТНОИНСТРУМЕНТОВЕДЧЕСКОГО И МУЗЫКАЛЬНО-КАМПАНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Описание колоколов храмов и монастырей со второй половины XIX века, несмотря на ряд сложностей, обрело подобие некой системы в виде отдельных анкет и схем, предназначенных для сбора сведений о колоколах как памятниках материальной культуры. Систематический сбор сведений о специфике звонов, приемах их исполнения, а тем более об их музыкальной организации до середины 1970-х гг. фактически не производился. Изучение музыкально-инструментоведческих аспектов колокольного звона требует от исследователя всякий раз заново формулировать темы и вопросы для информантов. Одним из средств, способствующих выявлению и систематизации такой информации может

стать специальный опросник, что особенно актуально для нынешних молодых исследователей, которые только входят в проблематику. В 1980–1990-е годы нами был разработан список вопросов для работы со звонарями ориентированный, прежде всего, на изучение музыкальной и акустической составляющей колокольной культуры. Опросник состоит из трех блоков: о самом звонаре, особенностях его звона, специфике данного набора и технических приемах исполнения. Сейчас аутентичных носителей колокольной культуры постепенно замещают, а порой и вытесняют лица не являющиеся носителями традиционного знания. Однако, сбор данных у этих исполнителей также может представлять интерес для кампанолога-этномузыковеда и кампанолога-этнографа.

ПЕКИНА Анна Михайловна

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

КОЛОКОЛА И ЗВОНЫ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ И РЕЛИГИИ

Возрождение колокольного звона начинается накануне празднования 1000-летия крещения Руси в 1988 г. В докладе на основе личных бесед и анкетирования 20 человек будет дан социокультурный портрет звонарей г.Петрозаводска, чей практический опыт насчитывает не менее двух лет. По возрастному составу – это, в основном, мужчины от 16–50 лет. Образовательный уровень – незаконченное среднее, высшее и высшее музыкальное образование.

Все звонари – крещенные в разном возрасте. Это как штатные звонари в двух храмах, двух соборах, двух церквях и часовне так и те, кто совмещает концертную деятельность с церковной. В соборе Александра Невского звонят, в основном, профессиональные музыканты. Так, в течение последних 20 лет колокольным звоном в Карелии занимаются старший преподаватель кафедры культурологии Петрозаводского университета, И. М. Архипов и сотрудник музея «Кижи» И. И. Хуттер. Они же оборудуют звонницы, разыскивают старинные колокола, заказывают новые, учат новичков. С 2008 г. появляется школа звонарей, в которой активно работает выпускница экономического факультета ПетрГУ Оксана Дергунова,

Особую ценность представляют ответы интервьюируемых на вопрос: «Что подвигло быть звонарем?» Например, артиста, студента Петрозаводской консерватории Кирилла Гуреева, который занимается колокольным звоном пять лет. Десятиклассник Кирилл Фурцев начал обучаться этому искусству 8 лет назад при храме Христа Спасителя. Он – участник ансамбля «Кантеле», считает, что занятие колокольным звоном – особый род духовной деятельности. Это – наиболее типичные ответы.

**РУДОМЕТОВА Ольга Андреевна,
ПЕСЬЯКОВА Оксана Павловна**

Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, г. Каргополь

«ХРУСТАЛЬНЫЕ ЗВОНЫ» – ЗИМНИЙ ФЕСТИВАЛЬ КОЛОКОЛЬНОГО ИСКУССТВА В КАРГОПОЛЕ. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Идея проведения зимних фестивалей колокольного искусства в городе появилась у первого каргопольского звонаря Олега Пантелеева, участника фестивалей и конкурсов колокольного искусства в Ярославле.

В январе 2005 года Каргопольский музей организовал семинар «Хрустальные звоны». Идею проведения зимнего фестиваля в Каргополе поддержали принявшие участие в работе семинара звонари, население города, православные священники. Было определено время проведения фестиваля: 17–19 января, празднование Крещения Господня.

За годы проведения фестиваля не только увеличилось число звонарей, но и расширилась география участников: Москва, Петербург, Ростов Великий, Ярославль, Вологда, Петрозаводск, Архангельск, Омск, Беларусь, Сербия.

С каждым годом программа фестиваля «Хрустальные звоны» становится более разнообразной и насыщенной: проходят концерты на Соборной колокольне и передвижной звоннице; опытные мастера проводят мастер-классы; в рамках фестиваля проводится конкурс детского художественного творчества, открываются новые выставки; проходят концерты музейного хора духовного пения «Светилен». По итогам фестиваля проводится «круглый стол». В 2010 г. в фестивальный круговорот были вовлечены учреждения культуры города, привлечены творческие коллективы из Архангельска, Норвегии. Удачным решением стал «Ледовый вернисаж» у Соборной колокольни. Композиции из льда были украшением фестиваля и привлекли большое количество людей на кульминационное мероприятие: колокольный концерт в ночь с 18 на 19 января, Великое водосвящение и купание в крещенской купели.

«Хрустальные звоны» в Каргополе – яркое и необычное по своей энергетике событие. По предложению губернатора, с 2011 года он открывает комплекс фестивальных мероприятий в Архангельской области.

РАДИН Павел Витальевич

*Храм Рождества Крестителя Иоанна,
пос. Юкки, Ленинградская область*

БОГОСЛУЖЕБНЫЙ УСТАВ ЦЕРКОВНЫХ КОЛОКОЛЬНЫХ ЗВОНОВ В ТАБЛИЦАХ

I. Материалы доклада:

1. Никольский К. Т. «Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви».
2. Типикон.

3. Скабалланович М. Н. Толковый Типикон.
- II. Краткая справка о Никольском и Скабаллановиче.
- III. Жанры колокольного звона (как их понимает Типикон).
- IV. Богослужбные периоды годовичного круга.
- V. Производство звона в указанные периоды.
- VI. Современные тенденции и особенности исполнения богослужебного звона.

РОСТОВСКАЯ Олеся Васильевна

г. Москва

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПАРАЛЛЕЛЕЙ РУССКОЙ И ФЛАМАНДСКОЙ КОЛОКОЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

Представители разных колокольных традиций, будучи погруженными в область своей профессиональной деятельности, не уделяют достаточно внимания другой. При рассмотрении некоторых аспектов этих традиций (фламандской и русской) мы можем увидеть, что они имеют много общего.

Как человек, исполнительски владеющий фламандским и русским звоном, автор видит эти области колокольной музыки не только как самостоятельные, независимые пути колокольного искусства, но и как две исторические и культурологические параллели. Анализ инструментов даёт нам представление о существовании таких параллелей.

Существуют три способа управления колоколом: двигать сам колокол (вращать, качать, трясти), ударять в неподвижный колокол снаружи, ударять в неподвижный колокол языком изнутри. Качание колокола практикуется до сих пор в России («очепной звон») и во Фландрии. В Европе также используется способ вращения колокола с помощью колеса и ремённого привода. Ударение в неподвижный колокол снаружи показывает нам разнообразие вариантов, и массу родственных примеров: всевозможные била (деревянные и металлические), куранты – всё это существовало и существует поныне. Следует упомянуть о цимбалах. Часто изображаемые как «колокольчики царя Давида», они имели широкое хождение на Западе. В наши дни в России есть инструменты, реализующие ту же самую идею. Языковой звон, как наиболее развитое и сформировавшееся искусство, демонстрирует нам наибольшие различия между рассматриваемыми традициями. Мелодии карильона и ритмические русские звоны — два различных пути, по которым пошло колокольное искусство.

СОБОЛЕВА Елена Станиславовна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

БУБЕНЦЫ НА ОСТРОВЕ ТИМОР

Музейные коллекции свидетельствуют, что на острове Тимор бытовали как орнаментированные, так и простые металлические бубенцы. Ф. де Ягер относит их к так называемым «тигровым бубенцам»

(тип А) – древним амулетам и предметам магии Юго-Восточной Азии.

Определённые ритуальные действия сопровождались звуком бубенцов. Тиморцы привязывали бубенцы к жезлу распорядителей обрядов, к рукояти сабли, дорожной сумке, посоху, конской упряжи лиц высокого статуса. Воины атони танцевали в ручных и ножных браслетах с припаянными бубенцами; на о. Саву подобные надевали всадники. Костюм мангараев о. Флорес ранее дополняли плетеные из листа пандануса коробочки, наполненные семенами, позднее их заменили множеством бубенцов.

Бубенцы отливали в технике утеряннного воска. Металлические украшения изготавливали белу центрального Тимора и ювелиры-отходникам с о-вов Роти и Ндао. В XX в. на Тиморе возник оригинальный вариант мужского браслета с несомкнутыми концами (Кеке). В центральной части пластины на высокой полый трубке припаян бубенец, внутри которого находится кусочек металла; верхняя часть сферы имеет четыре сквозных прорези. Кеке стали частью праздничного костюма. Когда для обрядовых танцев женщины надевают украшения мужа, они зажимают овальный кеке в руке и потрясают им в такт музыке. Тиморские женщины сопровождали обряды, связанные с охотой за головами, игрой на гонгах. Показательно, что в женских круговых танцах бубенцы не используются.

СТАРОСТЕНКОВ Сергей Алексеевич

Ассоциация Колокольного искусства России,

г. Санкт-Петербург

ОСОБОЧТИМЫЕ КОЛОКОЛА В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ У РУССКИХ

Церковные колокола повсеместно нашли применение в народной медицине.

Как в европейских странах, так и в России помимо колокольного звона при лечении применялся колокольный металл (стружки, отщепы с места удара в него языком), вода, которой предварительно обмывали колокол, а иногда и его язык и даже верёвки, используемые при звоне (бахрома, отдельные нити и узлы). У русских колокола исцеляли как глухоту, так и немоту, косноязычие и испуг. «Под звоны» ставили кликуш и бесноватых.

В Пасху под благовест костью мертвеца тёрли бо-родавки, чтобы от них избавиться. Широко было распространено поверье, что, позвонив в Пасху, можно на целый год избавиться от головной боли, боли в руках и других недугов. Во время свадьбы, в случае болезни кого-нибудь из брачующихся, перед заходом в церковь звонарь должен был три раза ударить в большой колокол, «чтобы болезнь не завенчаться».

Из многоголосной гаммы русских колоколов особо почитаемые в народной медицине считаются:

Сольвычегодский «всполюшный» колокол. К. Случевский сообщает, что «в народе существует вера в целительную силу таинственного колокола». В частности, «верёвка от языка этого колокола способна

устранить бесплодие женщин». А звон его и вода, которой обмыли колокольный язык, является хорошим средством против детских болезней, в том числе «сполоха», т. е. испуга;

Ссылный угличский колокол также помогал при недугах детей;

В Елгомской пустыни под Каргополом церковная метрика конца XIX века зафиксировала интересный факт почитания наряду с Чудотворной иконой Божьей Матери, от которой «было многим людям исцеление», и старинного колокола. «Поэтому-то и считается явленною иконою с колоколом даже, – который и висит наравне с прочими», – сообщает источник;

В с. Мошка близ Муром, согласно М. Пыляеву, на колокольне висел старый колокол. Он был разбит, но, несмотря на это, «народ бережёт его как святыню», пишет автор. Сельские старики, согласно обычаю, должны были в Пасху подняться на ярус звона и ударить в колокол;

Царь-колокол Московского Кремля никогда не звонил и не был, как все церковные колокола, освящён. В этой связи интересно сообщение писателя И. Шмелёва о том, что в детстве они с сестрой «лазили под него (колокол) в пещерку (т. е. выбитый бок) для здоровья».

В настоящее время особо чтим православными паломниками и славен чудесными исцелениями Большой Благовестник Почаевской Лавры на Украине.

ТОСИН Сергей Геннадьевич

*Новосибирская государственная консерватория
им. М. И. Глинки, кафедра композиции, г. Новосибирск*

ГОРОДСКИЕ ЗВОННИЦЫ СОВРЕМЕННОГО ГЕЛЕНДЖИКА

В границах этого кавказского города находится три православных храма: Вознесенский, Преображенский, Св. муч. кн. Михаила Черниговского. Анализ собранных автором материалов выявляет по ним типичные тенденции, характерные для нынешнего состояния звонничного инструментария в целом по России. Здесь он представлен весьма разнопланово. В одном случае это достаточно полные звонничные подборы, состоящие из старинных и современных церковных колоколов, рынд (Вознесенский храм – 6, Преображенский – 9), в другом – крайне скудный комплект в два колокола (дореволюционный и рында). Последний относится к Михаило-Черниговскому храму и, в отличие от других, поставленных на колокольнях, размещен на настенной звоннице. Звон тут производится с земли, но язычным способом.

Подвес колоколов везде характеризуется эклектичностью технических решений, включающих традиционный и нетрадиционные подходы. В колоколеных звонницах колокола размещены достаточно грамотно, однако их балансировку нельзя считать удачной. Поэтому собственно звон в Вознесенском соборе вместо одного исполняют два звонаря. В Преображенской звоннице механические приспособления не

используют принципиально, ошибочно полагая, что они противоречат традиции. У Михаило-Черниговской звонницы балансировка колоколов вовсе отсутствует.

Упомянутые количественные и качественные показатели звонничных подборов, а также их выявленный окказиональный характер формирования, различные подходы в балансировке колоколов и обустройстве геленджикских звонниц указывают на то, что на Кавказе, как и в других регионах России, данный инструмент является многовариантным и развивается преимущественно в русле старорусской колокольно-звонной традиции.

ЯКОВЛЕВ Валерий Иванович

*Казанская государственная консерватория (академия)
им. Н. Г. Жиганова, кафедра теории и истории
исполнительского искусства, г. Казань*

ЗВУКОВОЙ ЛАНДШАФТ КАЗАНИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Современная Казань – это крупнейший и уникальнейший полиэтнический, поликонфессиональный мегаполис Татарстана, Волго-Уралья, России. Здесь с давних времен активно взаимодействуют представители различных языковых групп (тюркской, славянской, финно-угорской и др.) и конфессий (мусульманской, православной, языческой и др.). Все это является результатом длительной истории совместного проживания разных по языку и культуре этносов, длительного взаимодействия разных этнокультурных пространств.

Одним из малоизученных элементов этнокультурного пространства Казани является звуковой ландшафт города. Наиболее ярко звуковой ландшафт Казани проявлялся в прошлом и проявляется в настоящее время в процессе проведения традиционных этноконфессиональных практик жителей города, в звуковом оформлении многочисленных общественных праздников, социально значимых мероприятий и т. д.

Цель настоящего доклада – кратко представить некоторые, наиболее характерные особенности формирования звукового ландшафта Казани в процессе взаимодействия двух мировых конфессий – христианства и ислама.

ЯКОВЛЕВА Надежда Петровна

*Валдайский филиал Новгородского музея-заповедника
(Музей колоколов), г. Валдай*

ПРОИЗВОДСТВО И БЫТОВАНИЕ БОТАЛ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ В XX в.

XX в., с одной стороны, показывает преемственность древней архаической традиции производства и семантики ботал, с другой – отход от традиций и полное исчезновение не только мест производства, но и бытования данных колокольных предметов. Причи-

нами этого являются как упадок кузнечного ремесла, так и общее сокращение домашнего скота, происшедшие на фоне технических, технологических, мировоззренческих изменений в сельской среде.

В первой половине XX в. в регионе производился и бытовал самый архаический тип ботала – трапезиевидной формы железное кованое клепаное ботало с выступающими на торцовых сторонах нижними углами, подгибом нижнего края, креплением боковых швов с помощью нижней заклепки и верхнего клапана.

Более поздний тип кованого клепаного ботала – прямоугольной (трапезиевидной) формы с прямоугольным ровным основанием, без боковых выступов и подгиба нижнего края, со скругленными углами,

креплением торцовых швов с помощью нижнего и верхнего клапанов

Кризис сельского кузнечного производства в военный и послевоенный периоды обусловил появление ботал, изготовленных из доступных подручных материалов, таких как снарядные гильзы. Позднее, исходя из опыта изготовления гильзовых ботал, появляются кустарные изделия из металлических цилиндров, выпущенных промышленным способом.

Отсутствие возможности заказа традиционных железных кованых ботал приводило к замещению их неустребованными в 1930–1960 гг. бронзовыми поддужными колокольчиками и бубенцами. Бронзовые (медные) литые ботала бытовали достаточно редко и представляли собой привозную продукцию.

Симпозиум 3

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ: РОЛЬ НАУКИ И ПРАВА В РАЗРАБОТКЕ «СТРАТЕГИЙ ЗАЩИТЫ»

Секция 1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Руководители: к.и.н. **Пивнева Елена Анатольевна** (Москва);
д.и.н., проф. **Шерстова Людмила Ивановна** (Томск)

АБРАМОВ Илья Викторович

АУ «Центр охраны культурного наследия», г. Ханты-Мансийск

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОЗЬВИНСКИХ МАНСИ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «УРАЛ ПРОМЫШЛЕННЫЙ – УРАЛ ПОЛЯРНЫЙ»

Лозьвинские (ивдельские) манси – этнографическая группа, оторванная от основного ареала этноса в силу административно-территориального деления. На землях МО Ивдель (север Свердловской области) живут 147 манси, из них в трудоспособном возрасте 64 человека. Непосредственно в лесных поселениях осталось 80 коренных жителей (на 2006 г.).

Среди всех групп манси, занимающихся традиционным природопользованием, свердловские понесли наибольшие потери в перестроечные времена. С 1991 г. у них наблюдается перманентный демографический кризис, обусловленный аномально высоким уровнем смертности. Основная причина вымирания – летальные исходы от несчастных случаев, отравлений, а также насильственная смертность. Причины – тотальная безработица и пьянство. В советские годы оленеводство и промысловая охота являлись основой жизни и традиционного уклада. Без поддержки государства эти отрасли умерли, так как оказались не востребованы рыночной экономикой. Оленеводство у лозьвинских манси угасло в 1994–1995 гг.; промысловая охота до сих пор обеспечивает минимальный прожиточный минимум. Цена шкурки соболя от 800 до 1200 руб. (в советское время до 150 руб.), 1 кг лосятины (филе) 150 руб. (в советское время – 1 руб.) Сбывать продукцию приходится самостоятельно в Ивделе, что связано со значительными транспортными издержками и риском потратить полученные деньги на алкоголь.

Вместе с оленями канули в прошлое многие религиозные обряды и праздники, особенно массового характера (например, медвежий праздник, жертвы духам – покровителям селений). Несмотря на усилившиеся процессы ассимиляции, родной язык в лесных поселениях знают представители всех поколений, что говорит о наследовании традиционных знаний.

Меры администрации по поддержке манси неэффективны. Системный подход, декларируемый в планах, на деле оборачивается половинчатыми решениями. Территория лозьвинских манси подпадает под проект строительства железной дороги вдоль восточного склона Урала (проект «Урал промышленный – Урал

полярный»). В связи с этим можно прогнозировать окончательный «закат» традиционной культуры манси (лозьвинцев в первую очередь). В докладе на конкретных примерах раскрывается сложившаяся ситуация.

БАНЩИКОВА Наталья Васильевна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, г. Магадан

СОВРЕМЕННОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ: ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ВНЕЭТНИЧНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

В докладе на примере Магаданской области рассматривается современное состояние оленеводства на северо-востоке России. Проанализирована роль этнических традиций (наследование практик двух основных типов оленеводства: кочевое хозяйство тунгусского типа /эвены, юкагиры/ и оленеводство северо-восточных палеоазиатов /коряки, чукчи/) и внеэтнических факторов (модернизация оленеводческой отрасли под влиянием социалистических реформ и перехода к рыночной экономике). Показано, что в условиях традиционного природопользования тип оленеводческого хозяйства определялся этническим фактором, в том числе межэтническими взаимодействиями. Численность поголовья была стабилизирована на оптимальном для данного типа хозяйства уровне. Мало-стадные оленеводческие хозяйства тунгусского типа ориентировались на рынок (пушная охота), а крупно-стадное оленеводство северо-восточных палеоазиатов носило замкнутый натуральный характер.

Установлено, что в советский период, при включении отрасли в государственный аграрный сектор, этнический фактор элиминируется вследствие внедрения единой модели развития оленеводства путем непрерывного наращивания поголовья, укрупнения стад, изменения способов выпаса и кочевания.

В результате перехода к рыночной экономике в сфере оленеводства в регионе утвердились два вида природопользования, основанные на частной (родовые общины) или государственно-муниципальной собственности на оленепоголовье. В ходе полевых и архивных исследований выявлено, что общинный способ хозяйствования (частная собственность на животных) в современных условиях воспроизводит определенные черты тунгусского типа оленеводства (изгородное содержание, возрастание значения пуш-

ной охоты). Муниципализация оленеводства при ограниченности ресурсов приводит к архаизации экономики (отсутствие прироста поголовья, низкие качественные показатели, натурализация) при сохранении модернизированных в советский период этнокультурных форм.

БЕЛЯНСКАЯ Марина Христофоровна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ ЭВЕНКОВ БУРЯТИИ И ЯКУТИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Эвенки (тунгусы), проживающие по всей территории Сибири, Севера и Дальнего Востока, до сегодняшнего дня сохранили свои язык и культуру. В этнографической литературе неоднократно указывались локальные особенности этого народа, демонстрирующие конкретные исторические события, иноэтническое окружение и др.

В августе 2009 года автор данного материала посетила Республику Бурятия и Республику Саха (Якутия), где исследовалось современное этнокультурное состояние эвенков. При анализе полевых материалов нами было зафиксировано, что, несмотря на малочисленность представителей эвенков в вышеуказанных административных единицах, у этого народа сохраняются языковая среда и культура, но четко проявляются локальные особенности.

При сравнении культурного наследия эвенков Якутии и Бурятии, например, выявлено неравномерное функционирование родного языка. Так, в 2000 и 2003 г. нами было отмечено в южной Якутии знание родного языка у представителей эвенкийского этноса разных возрастных групп, что не выявилось в 2010 г., а в Бурятии – иная ситуация. Зафиксирована обрядовая практика эвенков, имеющая немаловажное значение в жизни современных представителей этого народа.

БОЧАРНИКОВА Александра Владимировна

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

С точки зрения европоцентризма неоспоримо первенство современной урбанистической цивилизации над живыми культурами Севера. Такая концепция исторически получила свое отражение и в российской государственной политике, где есть представление о приоритете общегосударственных задач над местными, региональными и этническими. Проблема коренных малочисленных народов Севера в том, что они проживают на землях, богатых полезными ископаемыми и занимаются традиционным природопользованием, которое к современной рыночной экономике приспособлено мало. Хозяевами же в поселках и на территориях исконного проживания северных народов становятся современные производственные

структуры и госучреждения, которые существуют десятилетия, а вовсе не общины коренных народов, живущих тысячелетия на этой земле.

В среде советских ученых существовали две основные концепции развития северных народов и их культур – «традиционализм» и «модернизаторство». В современных условиях для возрождения культур народов Севера актуален подход неотрадиционализма: в экономике и экологии он выражается в предоставлении общинам свободы выбора в форме природопользования и экономической деятельности, а в социально-политическом плане – это конструктивное взаимодействие центрально-государственных органов, региональной политики и этнических институтов общинного и родового самоуправления. Развитие северной региональной промышленности должно быть согласовано с традиционным хозяйством северных народов, что предполагает щадящий режим природопользования. Основной задачей такой политики является сохранение и развитие этнокультурной самобытности народов Севера. На общегосударственном уровне – это сохранение особых отношений между центральной властью и коренными народами, укрепление прямых отношений «центр – народы Севера» в противовес отношениям «центр – регионы – народы Севера». На региональном уровне – это протекция и защита интересов народов Севера в случае их конфликтов с региональными и ведомственными промышленными структурами. На местном уровне – поддержка «этнических территорий» и «зон приоритетного природопользования», развитие общин народов Севера. Политика неотрадиционализма может считаться официальным курсом российской политики в Арктике, существует законодательство, являющееся предпосылкой к реализации прав коренных народов, в том числе Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов. На практике же действенных механизмов для учета интересов коренного населения при осуществлении крупных проектов, выполняемых государством и промышленными компаниями, на территории их традиционного расселения, нет.

ВИНОКУРОВА Антонина Афанасьевна

*Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Амосова, г. Якутск*

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭВЕНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАК ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭВЕНОВ

Литература народов Севера возникла к концу 20-х гг. XX в. и связана с образованием национальной интеллигенции. Одна из граней творческой самобытности эвенских писателей – связь их лирики, прозы с фольклором. В художественной системе писателей Н. Тарабукина, П. Ламутского, В. Лебедева, Е. Боковой, М. Амамич, В. Баргачана представлены распространенные в устном народном творчестве символические образы, происхождение которых связано с природой Арктики, народными традициями, верованиями эвенков. Наиболее частотны: явления

природы (солнце, заря, река, горы, олень, лес, северное сияние, луна; народные традиции и обычаи (огонь, дух земли, хэде – хороводный танец, сватовство); верования эвенов (песни шамана, образы трех миров, переложение сказок, легенд).

Содержание и форма произведений в значительной степени обусловлены фольклором эвенов: поэтики, эстетики, сюжета, композиции. Например, Н. Тарабукин в своей повести использовал эвенский обычай дэлбургэ, описал хороводный танец хэде, камлание шамана. Эвенские писатели на основе фольклорных традиций создали особый пласт культурного наследия эвенов, который стал отличительным свойством их творчества.

КАРАСЕВА Надежда Кенжебековна

ГОУСПО «Алтайский колледж пищевых технологий и бизнеса», г. Бийск

ПРИСВАИВАЮЩЕЕ ХОЗЯЙСТВО КУМАНДИНЦЕВ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Социально-экономический кризис последнего десятилетия предопределил наблюдающиеся в настоящее время в национальных районах Сибири тенденции последовательного возврата кумандинцев к традиционным формам жизнеобеспечения. Сохранились те инновационные формы активности, которые были интегрированы в традиционные формы природопользования – пчеловодство, огородничество и собирательство (колба, папоротник «орляк», лекарственные дикоросы, ягоды, кедровый орех). Так, кумандинцы, проживающие в Республике Алтай, активно участвуют в заготовке дикоросов. В любом селе почти каждая семья в период заготовки занимается этим промыслом, потому что приработок очень хороший. Специально формируются добровольные группы заготовщиков, порой даже из других регионов – Новосибирска, Кузбасса. Места для заготовок – Чойский район, Семинский перевал, Алтайский, Солонешенский, Турочакский районы Республики Алтай.

Исследование показало, что в настоящее время в присваивающем хозяйстве кумандинцев сохранилась устойчивая традиция коллективного промысла при собирательстве дикорастущих растений, способах заготовки и применения продуктов собирательства. При этом присваивающее хозяйство кумандинцев в основном ориентировано на рынок, а не на личное потребление, как было в конце XIX – начале XX в.

КОЛОМИЕЦ Оксана Петровна

Лаборатория комплексного изучения Чукотки СВКНИИ ДВО РАН, г. Анадырь

ЧУКОТСКАЯ СЕМЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Вопросы развития институтов семьи и брака, этнические и социокультурные особенности семейно-брачных отношений коренных народов Севера занимают достойное место в современных научных исследова-

ниях по этнографии, социальной антропологии и социологии. Системное этнографическое изучение коренных народов Чукотского полуострова прерывается в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. после проведения масштабных научных экспедиций по сбору социологического и этнографического материала. В связи с этим последние данные по этнической генеалогии, определению численности семей, распределению чукотского населения по возрастным группам, по статистике смешанных браков не актуализировались уже двадцать лет, при том, что за это время кардинально изменился социально-экономический уклад государства и условия жизни коренных обитателей Чукотки.

В современных условиях облик чукотской семьи представляет собой феномен, в котором новое, ставшее результатом адаптации коренных жителей к социально-экономическим реалиям, органично вплетается в традиционное. В итоге, кроме широкого распространения межнациональных браков, обычным явлением становятся неполные семьи и передача женщинами своих детей на воспитание родственникам, чаще всего своим матерям.

В докладе будут освещены такие вопросы, как структура современной чукотской семьи, характеристика современных семейно-брачных отношений (однонациональные, смешанные браки, многодетные, неполные семьи), основные отличия в семейном укладе у городских и сельских жителей. Также будет показана динамика развития брачно-семейных отношений на Чукотке в начале XXI в.

ЛЕБЕДЕВА Валентина Владимировна

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток

СОХРАНЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК ОСНОВЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ НЕГИДАЛЬЦЕВ И ЭВЕНКОВ ПРИАМУРЬЯ)

Сегодня одной из важнейших остается проблема выживания коренных народов, сохранения их родного языка, форм традиционно-хозяйственной деятельности, уникальной национальной культуры и народных промыслов. В условиях современной России это имеет большое значение не только для полиэтнического государства, но и для самих малочисленных народов, в среде которых в последнее время наблюдается рост этнического самосознания.

Доклад основан на полевых этнографических фото- и видеоматериалах автора, собранных в местах компактного проживания негидальцев и эвенков, преимущественно в бассейне р. Амур в Ульчском, Николаевском и районе им. П. Осипенко Хабаровского края с 1997 по 2010 г. Негидальцы – один из коренных дальневосточных народов, общая численность которого не превышает 800 человек. В районе им. П. Осипенко негидальцы живут в тесном соседстве с эвенками. Основным источником жизнеобес-

печения населения являются национальные виды промыслов: рыболовство, охота на пушных и копытных зверей, сбор дикоросов.

В настоящее время в районе сложилась чрезвычайная ситуация, связанная с массовой вырубкой лесопромышленными предприятиями лесного массива, находящегося на территории охотничьих угодий, традиционного природопользования аборигенов, что итоге может привести к нарушению экологического баланса и, как следствие, к возникновению реальной угрозы исчезновения в недалеком будущем коренных этносов с их уникальной культурой.

МАРТЫНОВА Елена Петровна

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, г. Тула*

ЧАСТНОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО НА ЯМАЛЕ: ЭТНИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В РЕЖИМЕ САМОВЫЖИВАНИЯ

Оленеводство является основой ненецкого хозяйства более трех столетий, именно оно определило многие особенности образа жизни и культуры народа. В 1990-е гг. в ходе реорганизации сельхозпредприятий сотни тысяч оленей были переданы в частные руки. Такая «приватизация» бывших государственных (совхозных) стад многими расценивалась как возрождение традиционной ненецкой оленеводческой системы, возможность сохранения культурной самобытности. На протяжении последних двадцати лет частное оленеводство на Ямале развивалось, о чем свидетельствует рост численности поголовья в хозяйствах населения. В настоящее время личных оленей в двух самых «олeneводческих» районах округа больше, чем на сельхозпредприятиях (в Тазовском районе почти в пять раз). Являются ли семьи оленеводов-частников хранителями культурных традиций? Однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. В условиях рыночной экономики и интенсивного промышленного освоения они оказались менее защищенными по сравнению с другими группами населения. Поголовье оленей на территории Ямальского полуострова лимитировано наличием кормов и пастбищ, а поскольку существует избыток оленепоголовья, то особенно остро проблема пастбищ стоит перед владельцами личных стад. Кроме того, им сложно организовать сбыт оленеводческой продукции, осуществлять закупку товаров. Тем не менее многие ненецкие семьи связывают свое благополучие именно с развитием частного оленеводства.

ПИВНЕВА Елена Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (МАНСКИЙ ВАРИАНТ)

Манси – одни из самых урбанизированных среди малочисленных народов Севера (по данным переписи

2002 г., доля горожан в общей численности составляет у манси 51,8%, в этнической структуре Ханты-Мансийского округа они занимают всего 0,76%). Такая ситуация вынуждает представителей этого народа принимать стратегию социокультурной интеграции в доминирующее большинство. Наряду с этим государственная политика предоставления материальных и финансовых льгот для коренных малочисленных народов Севера, а также усиление в последние десятилетия внимания к проблемам коренных народов в ХМАО – Югре способствуют переоценке отношения многих аборигенов к своей этничности, избавлению от стереотипов советского «ущемленного» сознания. Какую роль играет самобытная этническая культура «традиционных» сообществ в их стратегиях адаптации к современным городским условиям? Есть ли ей вообще место в мегаполисе?

В докладе, основанном на материалах исследований, проведенных автором в 2006–2010 гг. в г. Ханты-Мансийске, освещаются формы и факторы бытования традиционных форм мансийской культуры в условиях города. Показаны области проявления этнической специфики (социальные, культурные, экономические), выявлены инновационные этнокультурные процессы.

Материалы доклада свидетельствуют о том, что мансийская культура воспроизводится сегодня в новых (в основном профессиональных) формах. Вместе с тем этнический ресурс (владение родным языком, познания в области народной культуры и пр.) дает манси дополнительные возможности для их социальной и психологической адаптации к современным условиям.

САМУШКИНА Екатерина Викторовна

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск*

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСАХ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI в.)

В современном гуманитарном дискурсе важное место занимают проблемы культурной и социальной памяти. Современное восприятие прошлого во многом определяет понятие «наследие».

Концепции культурного наследия обсуждаются в том числе на региональном уровне, что показывает появление программ и законодательных инициатив в Республике Алтай и Республике Хакасия. Идеологической базой для создания и распространения идей сохранения культурного наследия служат образы прошлого тюркоязычного населения, сформулированные в конце XX – начале XXI в.

Историческую память тюркоязычного населения транслируют различные институты (музеи, архивы, этнонациональные организации), призванные аккумулировать и систематизировать культурное наследие. Используя средства массовой ин-

формации, они представляют образы, тексты, символы. Одной из форм такого рода деятельности являются музеи под открытым небом.

Сотрудники музеев проводят экскурсии, посвященные прошлому региона, археологическому наследию. С помощью интерактивных методов музейной коммуникации, представляются образ жизни, обычаи и фольклор этнических групп региона. Эта деятельность способствует формированию образа прошлого, актуализации региональной и этнической идентичности. Музеи становятся формой материализации искусства памяти.

ТАДЫШЕВА Наталья Олеговна

ГНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», г. Горно-Алтайск

ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ

Политические процессы в стране в 90-х гг. прошлого столетия привели к усилению этнического самосознания, поиска своего места в новых условиях. В Республике Алтай происходит активизация себоков (родов), проводятся курултаи, всенародные игры – Эл Ойын, возобновились празднования Нового года – Чага байрам (по лунному календарю), наступления весны – Жылгайак, предпринимается попытка возродить институт зайсанатства. Параллельно идет процесс обращения народов республики к своему этнокультурному наследию в вопросе конфессиональной идентификации.

Единой религии в Республике Алтай нет, и это приводит к усилению поиска через историческую память. Наблюдается религиозная трансформация, особенно в среде коренного населения. Происходит обращение к различным религиям, которые в прошлом, в разные периоды истории, личными методами активно внедрялись в среду населения Горного Алтая и первоначально воспринимались как «чужое». Сегодня же часть северных алтайцев (кумандинцы, тубалары) принимают христианство как «свою» традиционную религию. Часть южных алтайцев в вопросе возрождения традиционной религии склоняется к буддизму. В противовес у другой части южных алтайцев возрастает роль шаманизма. Казахское население старается восстановить традиционное мусульманство.

Мировоззрение и связанные с ним традиции играют важную роль в межэтническом взаимодействии в полиэтничном и поликонфессиональном пространстве Республики Алтай. Под влиянием определения себя в религии происходит своего рода консолидация общества. Вследствие конфессиональной идентичности усиливаются социальные связи. Осмысление традиционной культуры как этнокультурного наследия несет чувство устойчивости и является важным фактором в укреплении национального самосознания.

ТУРАЕВ Вадим Анатольевич

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ БЕЗ ПЕРСПЕКТИВ

В докладе рассматриваются место и роль традиционной культуры в современном обществе на примере коренных малочисленных народов Дальнего Востока, но многие его положения отражают ситуацию с традиционной культурой у других народов и в иных регионах.

Традиционной культуры как целостной функциональной системы у коренных народов Дальнего Востока сегодня не существует. То немногое, что еще сохранилось, либо функционирует в системе художественной культуры, либо реализуется на индивидуально-семейном уровне и не носит всеобщего характера. В таком состоянии традиционная культура не может выполнять многие свои функции, но интеграционную функцию она по-прежнему выполняет. Это ее значение особенно заметно в последние десятилетия, когда традиционная культура, почти исчерпавшая себя как основа жизнеобеспечения коренных народов, оказалась востребованной для мобилизации этнического самосознания. Ее консолидирующая функция ярко проявляется в ходе этносоциологических исследований. У дальневосточных эвенков, например, на этнообъединяющее значение традиционной культуры (при почти полном ее исчезновении) указывает до 80% респондентов.

Как сохранить традиционную культуру коренных народов, если материальная основа их существования разрушена? Оленеводство – важнейшая хозяйственная отрасль чукчей, коряков, эвенков и эвенков – во многих районах вообще прекратило существование. Не меньшие трудности переживают охота и рыболовство, являющиеся материальной основой традиционной культуры нивхов, ительменов, удэгейцев, нанайцев, орочей, ульчей.

Сохранение и развитие традиционной культуры как системы ценностей общества невозможно без развития его экономического потенциала. К сожалению, это понимание не доступно нашим законодателям и исполнительной власти. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов РФ, принятая Правительством РФ в феврале 2009 г., провозглашает одной из своих целей развитие традиционного образа жизни коренных народов, а хозяйственная практика государства не сохраняет, а разрушает традиционный образ жизни. Концепция предусматривает приоритетность доступа малочисленных народов Севера к биологическим ресурсам в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности, а законодательные и подзаконные акты, регламентирующие деятельность в традиционных отраслях, по существу превращают это положение концепции в фикцию.

ФЕДОРОВА Елена Геннадьевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ИЗОБРАЖЕНИЯ ДУХОВ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ СЕВЕРНЫХ МАНСИ

Северные манси проживают главным образом на территории Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области. В последние десятилетия среди них наблюдается рост национального самосознания, интереса к собственной традиционной культуре, особенно к религиозным верованиям и обрядам. Происходит своеобразное возрождение некоторой части традиционных обрядов, в частности жертвоприношений, в них принимает участие заметное число представителей коренного населения.

К атрибутам, задействованным во время жертвоприношений, относятся изображения духов различных категорий. Выявляется несколько типов этих изображений. Значительный интерес представляет одежда, одетая на них или хранящаяся вместе с ними в качестве приклада. В большинстве случаев она выполнена из ткани, ее покрой не соответствует покрою традиционной мансийской одежды, известной по этнографическим источникам. В одежде духов отражены более ранние ее формы, которые реконструируются также по данным фольклора. Наличие такой одежды подтверждает присутствие в составе манси этнокультурного компонента, изначально не связанного с таежной территорией. В настоящее время одежда духов выполняется в соответствии с традицией.

В докладе на литературных источниках и собственных полевых материалах автора охарактеризованы жертвоприношения, изображения духов, особенности их одежды у современных северных манси.

ХАРИЮЧИ Галина Павловна

Ямало-Ненецкий научно-инновационный центр, г. Салехард

РОЛЬ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ НЕНЦЕВ

Современный этап развития науки среди коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Западной Сибири, начался на рубеже 1980–1990-х гг. Роль зарождающейся науки в жизни коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) показана в монографии Н. В. Лукиной «Наука как форма общественного развития северных этносов» (2002). Большую роль в этом процессе сыграла научная лаборатория по этнографии, позднее научный центр ГИКМНС (1990–2004 гг.), Ямальский филиал ИИиА УрО РАН (2005–2008 гг.). В 2010 г. создано ГБУ «Ямало-Ненецкий научно-инновационный центр». Приняты законы ЯНАО о реализации государственной научно-технической политики, фольклоре коренных малочисленных народов, государственной поддержке фольклорной деятельности коренных малочисленных народов. Одной из самых значительных инноваций исследуемого периода

следует считать появление у ненцев собственной интеллигенции. Наиболее важный аспект этой инновации – влияние национальной интеллигенции на функционирование традиционной культуры и её трансформации.

Современные достижения научно-технического прогресса стали неотъемлемой частью домашнего быта коренного населения ЯНАО. По результатам социологического опроса видно, что половина кочевых домохозяйств располагает современной техникой: снегоходами «Буран», моторными лодками, электростанциями, телевизорами, сотовыми телефонами и даже ноутбуками. С технической точки зрения кочевой образ жизни стал существенно отличаться от своего архаического прототипа. Сегодня модернизацию традиционной культуры можно выразить формулой «Олень+снегоход». Одновременно жизнь кочевников становится все более зависимой от различных внешних обстоятельств: многие испытывают нужду в солярке, керосине, брезенте.

В последнем десятилетии приоритет индустриального развития округа вступил в противоречие с традиционным этноэкологическим приоритетом развития хозяйства ненцев. Основной фонд этнической культуры ненцев, сложившийся к началу XX в., сохраняется до наших дней. В наиболее отдаленных районах ЯНАО традиционный уклад жизни в последние годы даже укрепляет свои позиции, активно воспринимается молодым поколением.

ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, г. Магадан

СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОХОРОННОМ ОБРЯДЕ КОРЯКОВ

В докладе рассматривается современный похоронный обряд коряков, проживающих в Северо-Эвенском районе Магаданской области. На основе сравнительного анализа выявляются степень и причины трансформации элементов погребального ритуала на протяжении этнографического времени. Выделены основные тенденции, причины и результаты изменений:

- возрастание открытости традиции, обусловленное проживанием большей части коряков региона в поселке с этнически смешанным населением. Вместе с тем имеют место факты персонального запрета на участие, причинами которого являются особенности и личностных, и межэтнических взаимодействий;

- трансформация отдельных ритуалов по сравнению с традиционными из-за невозможности должного их соблюдения, например, пошив одежды с отступлениями от традиции, вывоз тела на машине и т. д.;

- впитывание в канву традиционного обряда иноэтнических элементов, появившихся под влиянием православия;

- изменение отдельных ритуалов вследствие желания родственников (особенно иноэтнической принадлежности);

– изменение мотивации некоторых ритуальных действий из-за забвения их реальной основы и связанных с ними представлений: например, переход охранительного ритуала помазания в детскую игру-забаву.

Показана тесная взаимосвязь выделенных тенденций, являющихся следствием утраты традиционного образа жизни и среды обитания, питавших и поддерживавших народную традицию. Отмечены и волевые проявления со стороны родственников, иногда идущие вразрез с традицией и вызывающие негативную реакцию окружающих. Рассмотрены мужской и женский погребальные комплексы: одежда, инвентарь, инструменты и т. д. Уделено внимание вариативности отдельных действий, показано их соотношение с погребальными обычаями окружающих этносов (чукчей, эвенов). Зафиксированы сооружения в местах кремации. Показано размытие традиции, ярко выраженное в форме ослабления связей между отдельными ритуальными действиями и породившими их представлениями.

ЧИГРИНА Елена Владимировна

*Томский государственный педагогический университет,
г. Томск*

ТЮРКСКИЕ МИКРОГРУППЫ В СОСТАВЕ ТОМСКИХ ТАТАР НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В литературе есть несколько описаний этнических групп западносибирских татар, в частности томских. По данным исследователя Н. А. Томилова (1978, 1983), в этническом плане томские татары сформировались из трех тюркоязычных групп – эуштинцев, чатов и калмаков (потомков телеутов), а также казанских татар, в разное время переселившихся в Сибирь. В настоящее время томские татары проживают крупным анклавом в г. Томске и пригородных селах Черная Речка, Эушта, Тохтамышево, Барабинка, Казанка, Кафтанчиково, Калтай, Курлек, Воронино. В Томске есть места их компактного проживания, сформировавшиеся в разные периоды существования города: район Заистока (улицы Аркадия Иванова, Буткеевская, Горького, Дамбовая, Источная, Московский тракт, Мусы Джалиля, Татарская, Трифонова, Учебная, Эуштинская).

Особыми микрогруппами в составе томских татар назывались исследователями калмаки и чаты.

Калмаки. На рубеже XX–XXI вв. о калмаках собраны следующие сведения: в 1994 г. из 500 нижнетомских татар-калмаков по происхождению сохранили свое калмацкое самосознание лишь 300 (Кимеев, Кривоногов, 1996), тогда как в 1960 г. потомки калмаков проживали только в трех населенных пунктах – Зимнике (31% татар имеют калмацкие фамилии, из них лишь 32,5% считают себя калмаками), юртах Константиновых (соответственно 48 – 41,7%), Большом Улусе (85 – 66,1%). В 1970–80 гг. населенные пункты Логовой, Сарсаз, Зимник, Юрты-Константиновы и г. Юрга стали основными местами сосредоточения потомков калмаков. В Кемеровской области к

началу XXI в. калмаки полностью ассимилировались среди русских, хотя некоторые из пожилых людей помнят отдельные слова калмацкого говора. В последнее десятилетие продолжают активные миграции молодежи, и не только в Юргу и Томск. В Томске калмаки не имеют места компактного проживания, их численность не выявлена.

Чаты. Чатскими населенными пунктами в окрестностях Томска считались юрты Тахтамышевские, Чернореченские, Барабинские, Калтайские, Казанские, а также д. Кафтанчиково (Томилов, 1993). В этих местах проживали представители томско-чатской группы. В юртах Орских и Акбалыкских фиксировалась группа обских чатов. На рубеже XXI в. чатское население рассредоточилось среди русских и татар.

Особая микрогруппа, не отмеченная в исследованиях тюркологов, но до сих пор проживающая в Томске, так называемые спиченские татары, в районе спичечной фабрики «Сибирь» (ул. Залоговая). Татары приехали в 1920–1930 гг. из Кемеровской области из населенных пунктов Теплая Речка Тяжинского района, Нижегородка и из еще одной Теплой Речки Ижморского района. Исследователи В. М. Кимеев, А. П. Уманский, Д. А. Функ считают эти поселки местами переселения татар из различных районов Поволжья, «смешавшихся между собой». Спиченские татары имеют собственную идентичность, противопоставляя себя как томским-эуштинским, так и казанским татарам.

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна

Томский государственный университет, г. Томск

ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕОТРАДИЦИОННЫХ ФЕНОМЕНОВ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СИБИРИ

Современная экономическая и социально-политическая ситуация проявляется в противоречивых этнокультурных процессах, протекающих у коренных народов Сибири. Поиск общественной и индивидуальной устойчивости на фоне быстро меняющегося мира приводит к актуализации историко-культурного наследия. Вместе с тем вследствие утраты преемственности в передаче традиции, ее прерывности или существенной трансформации в советский период все большее значение в современной культурной жизни сибирских народов приобретают различные «неотрадиционные» феномены. Утраченные или деформированные компоненты традиционной культуры «восстанавливаются» благодаря музейным коллекциям, этнографическим работам авторов XIX – начала XX в. К тому же в результате «социалистического строительства», нарушения межпоколенных связей у современных сибирских народов изменились многие традиционные ценности, в том числе понимание комфортности жилища и значимости традиционного костюма. Следствием этого стала «фольклоризация» многих элементов культуры и

приобретение ими «праздничных» функций. Вытесняемая из повседневного быта традиционная материальная культура «оживляется» во время национальных праздников, фестивалей, превращающихся в зрелищные и развлекательные мероприятия в том числе и для туристов. В сибирских регионах интенсивно идет процесс «коммерциализации» историко-культурного наследия, которое чаще всего выступает в виде сконструированных «неотрадиционных» феноменов. Этот процесс упрощается еще и тем обстоятельством, что достаточно часто «хранителями», а вернее их создателями, являются люди, имеющие образование и довольно широкий кругозор. Пользуясь письменными этнографическими и историческими

источниками, они безапелляционно принимают на себя роль «носителей традиционной культуры». Таким образом, при беглом взгляде на современную культуру народов Сибири появляется ощущение, фантом ее возрождения, но в связи этим возникают вопросы о соотношении ее с действительно традиционной культурой, об основах и механизмах ее восстановления, о том, стоит ли «неотрадиционные феномены» рассматривать как часть процесса развития традиционной культуры, либо, понимая их весьма условную связь с традицией, воспринимать происходящее как незавершенный, неустоявшийся процесс, который лишь со временем, возможно, обозначит новый вектор культурного развития сибирских народов.

Секция 2. КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ И СУЩЕСТВУЮЩАЯ ПРАКТИКА

Руководитель: к.и.н. Строгальщикова Зинаида Ивановна (Петрозаводск)

АФАНАСЬЕВА Клавдия Васильевна

*Кафедра филологического образования АУ ДПО
Института развития образования, г. Ханты-Мансийск*

ПРОГРАММЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ХАНТЫ-МАНСЬЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

Для реализации Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в сфере образования предлагаются проекты программ научно-исследовательских работ по сохранению и развитию языков коренных малочисленных народов Севера на 2011–2015 гг.

Программа языкового планирования включает:

1. Статусное планирование. Законодательно закрепить за языками коренных малочисленных народов Севера право обучения на родном языке в начальных классах.
2. Структурно-организационное планирование. Разработка и издание академических и орфографических словарей, определяющих стандартные нормы по диалектам хантыйского и мансийского языков.
3. Лингвотехнологическое планирование. Разработка компьютерных программ, обеспечивающих применение информационных словарных систем и электронных грамматик при изучении обско-угорских языков.

Программа социолингвистического блока исследований по сохранению и развитию языков коренных малочисленных народов Югры с целью выявления этнолингвистической ситуации в районах компактного проживания коренных народов автономного округа

Программа научно-методических и психолого-педагогических исследований по сохранению и развитию языков коренных малочисленных народов Югры с целью создания принципиально новых, коммуникативно-ориентированных учебников по хантыйскому и мансийскому языкам для общеобразовательных учреждений с этнокультурной составляющей содержания образования. Этапы реализации программы включают подготовительный (2011–2012) и этап реализации (2013–2015).

Программа проектного экспериментального обследования учащихся начальных классов общеобразовательных учреждений из числа коренных малочисленных народов Югры. Основная гипотеза проекта – это тезис о встрече двух культур и двух языков.

БЕРЕЖКОВ Дмитрий Владимирович

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО РЫБОЛОВСТВА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Проблемы реализации прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ на традиционное природопользование, в том числе на традиционное рыболовство, в особенности на Камчатке, широко известны. В рамках существующего законодательного поля нарушаются права коренных малочисленных народов на получение рыбопромысловых участков и квот на осуществление рыболовства в целях ведения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности. Федеральными органами власти вносятся изменения в действующее законодательство, однако без выполнения определенных условий данные изменения могут только ухудшить существующее положение коренных народов. Таким образом, необходимо учесть ряд предложений, в том числе о разделении квот, выделяемых коренным народам, на два вида – для личного потребления и экономического развития общин. Внедрить принцип первоочередного выделения рыбопромысловых участков для общин коренных народов на территориях традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и ряд других.

БОЧАРНИКОВ Владимир Николаевич

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ В СОХРАНЕНИИ БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ РОССИИ

Конвенция по биологическому разнообразию (КБР) является международным соглашением высокого уровня, которое определяет приоритеты природоохранной политики в современном мире.

На своей 10-й Конференции сторон КБР (Япония, октябрь 2010 г.) утвердила новый стратегический план общемировых работ по сохранению живой природы в период до 2020 г.

Важнейшей темой конвенции является механизм эффективного участия коренных малочисленных народов в практике сохранения живой природы. Эта позиция официально закреплена в статье 8(j) конвенции, а приоритетной темой признается привлечение традиционных знаний в сферу изуче-

ния, сохранения и устойчивого использования биоразнообразия.

Для развития этой деятельности представляется целесообразным обозначить пять основных принципов, на наш взгляд, чрезвычайно важных для практического принятия с целью сохранения живой природы российскими коренными малочисленными народами:

- приоритетность консервативного сохранения, так же и как устойчивого использования ценностей биоразнообразия, равноценна и избирается в соответствии с побудительной необходимостью;
- многофункциональность применимости и многозначность тематики биоразнообразия необходима для учета и рассмотрения как в практике, так и в теоретических задачах;
- четкая обоснованная ориентация на включение региональной специфики в процесс планирования и использования задач, связанных с тематикой биоразнообразия;
- обязательность рассмотрения триады, составленной из социально-экономических, этнических и политических задач применительно к задачам сохранения и устойчивого использования ценностей биоразнообразия

ВИНОКУРОВА Ульяна Алексеевна

ФГОУ ВПО «Арктический государственный институт искусств и культуры», г. Якутск

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ И МАЛОЧИСЛЕННЫЕ КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА

Модернизация системы образования в Российской Федерации приблизилась к стадии внедрения ФГОС общего образования. Необходимость введения культурной составляющей образования формирует целевой научно-педагогический заказ научному и педагогическому сообществу. ФГОС опирается на новую дидактическую модель образования, основанную на компетентностной образовательной парадигме, предполагающей активную роль всех участников образовательного процесса в формировании мотивированной компетентной личности. Разработка соответствующей дидактической модели является задачей, поставленной перед науками об образовании. Новый стандарт нацеливает на развитие творческих способностей обучающихся, раскрытие своих возможностей, подготовке к жизни в современных условиях.

Духовно-нравственное развитие, воспитание и социализация обучающихся направлены на формирование навыков социальной деятельности, профессиональной ориентации, **культуры** здорового и безопасного образа жизни, **экологической культуры**. В ФГОС выделяются основная часть образовательной программы и часть, формируемая участниками образовательного процесса, что позволяет значительно расширить их права по удовлетворению об-

разовательных запросов, в том числе **региональных, этнокультурных, конфессиональных** и др.

В настоящее время не отработан механизм научного обеспечения и реализации ФГОС, что может особенно болезненно отразиться на образовательных учреждениях, где обучаются дети коренных малочисленных народов Севера.

Введение ФГОС становится заказом государства научному и педагогическому сообществу, требующим создания соответствующей научно-педагогической инфраструктуры, занимающейся научным обеспечением ФГОС в соответствующем региональном, этнокультурном контексте. Крайне необходима научная разработка стратегии внедрения национальных школ в новую реальность ФГОС.

ГИЛЬМУЛЛИНА Динара Абдурауфовна

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Политический менеджмент является одним из важнейших инструментов целенаправленного, сознательного, планомерного регулирования системы общественных отношений, а также поиска новых способов включения людей и их интересов в процесс преобразования жизни. Социально-экономические и климатические изменения в северных регионах России, Сибири и Дальнего Востока создают негативные последствия для коренного населения, в особенности для тех, кто занимается традиционными промыслами, такими как оленеводство, охота и рыболовство. В настоящее время языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока включены в «Красную книгу языков народов России». В Российской Федерации заложена правовая база сохранения, возрождения и развития языка этих народов РФ. Это зафиксировано в Конституции РФ в статьях 26, 29, 68, 69. Для сохранения и развития языков, культур и традиционной активности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в современных экономических условиях необходимо планирование федеральных и региональных программ и специальных мер для поддержки национальной культуры и промыслов, введение в школьные учебные планы таких дисциплин, как «Оленеводство», «Охота, рыболовство и другие традиционные промыслы». Для поиска новых способов включения коренных малочисленных народов и их интересов в процесс преобразования жизни необходимо государственной власти на правовом уровне решить следующие задачи:

- активизировать создание различных организаций малочисленных народов, которые способствовали бы росту их политического самосознания и политической активности;

- проводить специальную подготовку руководителей органов местного самоуправления коренных народов;
- создать механизмы для участия в соуправлении ресурсами коренных малочисленных народов, закреплённых законодательно;
- осуществлять активную поддержку со стороны органов государственной власти и местного самоуправления общинных и иных форм самоорганизации народов через бюджетную и налоговую политику.

МАКСИМОВ Александр Анатольевич

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

КОМИ-ИЖЕМЦЫ КАК КОРЕННОЙ НАРОД И СУБЪЕКТ РЕСУРСОПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕЧОРСКОГО УЕЗДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ*

Коми-ижемцы сформировались как народ на территории Печорского уезда Архангельской губернии. Ижемский социум вобрал в себя часть ненцев и воспринял оленеводство в качестве главного традиционного занятия. Совершенствование технологии оленеводства, развитие его коммерческой составляющей позволили модернизировать хозяйственный комплекс европейского северо-востока царской России. Активно развивалась промышленность по переработке продукции оленеводства и сельского хозяйства, масштабная торговля соединила европейские тундры и Приобье с европейскими рынками. Экономическому развитию соответствовали беспрецедентные темпы роста ненцев и ижемцев. Число коми-ижемцев за сто лет возросло в 10 раз (21947 чел. в 1897 г.), что составляло 62,7% населения Печорского уезда (402 тыс. км²).

В результате революционного террора, уничтожения умелых организаторов хозяйства, инфекции и голода численность коми-ижемских поселений в 1920 г. уменьшилась наполовину по сравнению с 1915 г. Раскулачивание, жестокие меры по вытеснению ижемцев из тундр не нашли должного отражения в научной литературе, как и миф о коми-ижемцах, пришельцах на Севере, ограбивших ненцев.

Современные чрезвычайно высокие показатели смертности в молодых возрастных группах коми-ижемцев, в том числе от самоубийств, низкие доходы и высокая безработица требуют принятия адекватных мер для реабилитации и социально-экономического развития коми-ижемцев как коренного малочисленного народа Севера.

* Доклад подготовлен в рамках интеграционного проекта фундаментальных исследований, выполняемых в Уральском отделении РАН «Концептуальные основы формирования региональной социально-экономической политики северных территорий с учетом фактора освоения природных ресурсов».

МАТВЕЕВ Александр Сафронович

Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, г. Москва

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛАМ СЕВЕРА И МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ПО ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Информация о законопроектной деятельности Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов в 2008–2011 гг. по правовому обеспечению коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и о предложениях по реализации Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2009 года № 132-р.

МУРАШКО Ольга Ануфриевна

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

УРОКИ ПРОЕКТА ПО СБОРУ ИНФОРМАЦИИ О ТРАДИЦИОННОМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ В НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

В докладе рассматривается опыт совместной работы антрополога и организации коренных народов ассоциации ненецкого народа «Ясавэй», полученный в ходе реализации проекта «Мониторинг традиционного природопользования в Ненецком автономном округе (руководитель В. К. Даллманн, Норвежский полярный институт) <http://npolar.no/ipu-nenets>.

Одной из основных целей и методом представления данных проекта было картирование всех объектов традиционного природопользования в их взаимоотношении с объектами нефтегазовой промышленности.

Подготовлен вопросник для сбора информации по традиционному природопользованию, разработан методика картирования объектов традиционного природопользования (О. Мурашко). Вопросник включает вопросы обо всех видах традиционного природопользования – оленеводстве, охоте, рыболовстве, собирательстве, обработке, заготовке продукции, иных источниках доходов семей, о священных местах о воздействии объектов нефтегазовой промышленности.

Работа по сбору информации и его первичной обработке велась на базе офиса NGO «Ясавэй».

Анкетирование и картирование проводили представители коренных народов НАО. Было обучено 6 интервьюеров, собравших за полтора года 103 анкеты и 76 карт у оленеводов и сельских жителей шести населенных пунктов НАО.

Интервью у респондентов брали их же односельчане, поэтому степень доверительности и достоверности во время записи интервью была высокой. Полнота интервью зависела от круга интересов интервьюера.

Респонденты показали отличное знание карты, искренность ответов. Анализ ответов продемонстрировал высокую степень зависимости респондентов от результатов традиционного природопользования, уверенность в собственных силах и одновременно высокую степень виктимности их сознания и изолированности от остального социума.

МУРТУЗАЛИЕВ Сергей Ибрагимович

Региональный центр этнополитических исследований ДНЦ РАН, г. Махачкала

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КAVKAZA – ПРАВОВОЙ ДЕФИЦИТ

Проблема коренных малочисленных народов (КМН) весьма остра в политике постсоветской России. Около 40 субъектов РФ в своих пределах имеют горные районы, в числе которых Северный Кавказ. Только в Дагестане более 50% территории, или 20 тыс. кв. км, составляют густонаселенные горы – здесь расположено около 1200 населенных пунктов, где проживают более миллиона человек. В Республике Северная Осетия-Алания из около 8 тыс. кв. км территории 5,2 тыс. кв. км приходится на горную часть. Значительную часть населения высокогорных аулов составляют именно представители КМН. Только в Республика Дагестан из более 30 народностей 18 не имеют своей письменности, и число носителей каждого из них колеблется от 300–400 человек до нескольких сотен тысяч. В РФ не существует законодательных актов или иных нормативных документов, устанавливающих правовое положение КМН и особый статус «горного» района. В этом отношении им повезло значительно меньше, чем КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока. Подобные законы уже давно приняты и действуют во многих европейских государствах. В ряде республик Северного Кавказа этот термин используется в официальных документах, однако не имеет законодательного оформления. Хотя за последние несколько лет были приняты местные законы о горных территориях, но правовое поле КМН еще ждет своего «пахаря». Данный фактор требует обязательного учета в ходе дальнейшего национализма.

ПОПОВ Александр Александрович

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

МАРКОВ Валерий Петрович

Консультативный комитет финно-угорских народов, Государственный совет Республики Коми, г. Сыктывкар

НЕСТЕРОВА Нина Александровна

Министерство образования Республики Коми, г. Сыктывкар

ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ ДЕКЛАРАЦИИ ООН «О ПРАВАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ»

На рубеже XX–XXI вв. в международном сообществе предпринимаются беспрецедентные усилия

в области защиты прав коренных народов (этнических меньшинств на своей исторической родине). Наиболее убедительным свидетельством этому является Декларация ООН о правах коренных народов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 г. Ее разработка и процедура принятия заняли почти четверть века. Впервые осуществлены кодификация и нормирование стандартов применительно к данной категории этнических меньшинств; наиболее оптимально решается такая сложная проблема, как сочетание защиты индивидуальных и коллективных прав человека; в качестве консенсуса для государств и коренных народов по вопросу о праве на самоопределение четко обозначен механизм его реализации через самоуправление и автономию в соответствии с внутренней юрисдикцией государств с безусловным сохранением их территориальной целостности; особое значение придается договорным отношениям в качестве основы правовых взаимоотношений между органами государственной власти и институтами коренных народов.

На наш взгляд, назрела необходимость имплементации в отечественное (российское) законодательство основных положений Декларации ООН. И не только применительно к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, но и по отношению ко всем коренным этническим меньшинствам, в том числе в «титულных» республиках РФ.

Прецеденты такого рода имеются и весьма успешные. Представители Республики Коми, и в частности такого института коренного коми народа, как Съезд коми народа (с 2002 г. его правопреемник МОД «Коми войтыр»), в составе Консультативного комитета финно-угорских народов (исполнительный орган Всемирного конгресса финно-угорских народов) на протяжении 15 лет (с 1993 г.) принимали участие в деятельности Рабочей группы ООН открытого состава (Женева) над проектом Декларации ООН. Практика международного правотворчества Съезда коми народа нашла свое позитивное отражение в региональном законодательстве Республики Коми, где к концу XX в. коренной коми народ составлял меньшинство (1926 г. – 92,2%, 1989 г. – 23%). МОД «Коми войтыр» обладает правом законодательной инициативы в региональном парламенте – Госсвете РК (ст. 75 Конституции РК), с 1992 г. в республике успешно реализуется Закон РК «О государственных языках», с 1993 г. в структуре правительства функционирует Министерство национальной политики, в 1990-е гг. в регионе реализован комплекс мероприятий Международного 10-летия коренных народов, производимого под эгидой ООН (мероприятия утверждены указами Главы РК), решения съездов МОД «Коми войтыр» и ежегодных городских и районных конференций коми народа в обязательном порядке рассматриваются Правительством РК и органами местного самоуправления.

ПОПОВА Алена Георгиевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЮЖНОЙ ЯКУТИИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ МЕГАПРОЕКТОВ

Проблема охраны и укрепления здоровья населения выдвигается в число приоритетных задач социального развития, от решения которых в значительной степени зависит настоящее и будущее страны. Между тем вопросы охраны здоровья населения невозможно рассматривать вне комплекса окружающей экосистемы. В связи с этим экологи региона всегда отмечали многочисленность, разнообразность и сложность экологических проблем Якутии.

В южной Якутии г. Нерюнгри неоднократно включался в приоритетный список городов России с наибольшим уровнем загрязнения. Индекс уровня выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в г. Нерюнгри равен 26,29, а в Алданском районе – 24,29. По данным вышеуказанного ведомства, число нестандартных проб питьевой воды по микробиологическим показателям в Алданском районе достигает 155, в то время как в Нерюнгринском равно 30.

Среди малочисленных народов Севера отмечается рост числа заболеваний, особенно социально значимых, таких как активный туберкулез, злокачественные новообразования, наркологические и психические расстройства, болезни, передаваемые половым путем, алкоголизм. Специалисты неоднократно указывали на стрессовое происхождение основных групп соматических патологий в заболеваемости коренного малочисленного населения.

При широкомасштабной реализации мегапроектов на территории южной Якутии здоровье ее населения, принимая во внимание мнение экологов республики и региона, прогнозирующих изменение в связи с этим состава воды, воздуха и почвы, ландшафта, биоресурсов и климата, будет ухудшаться.

РЯБЧИКОВА Зоя Степановна

Научно-образовательный центр по изучению и сохранению языка и культуры коренных малочисленных народов Севера Гуманитарного института Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск

О КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ- МАНСЬИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра занимает ведущее место не только в России, но и в мире по разработке правовой базы по защите прав коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Задача на ближайшую перспективу – добиться развития и совершенствования, эффективности ее исполнения. В 2011 г. завершается первый этап реализации принятой в стране Концепции устойчивого развития ко-

ренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. По реализации системного подхода в государственном регулировании проблем.

Предполагается, что во втором полугодии 2011 г. Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры будет принята Окружная концепция и вопросы языковой политики и весь спектр языковых правоотношений будут последовательно регулироваться и решаться.

Для реализации Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, необходимо создать во властных структурах автономного округа центр или департамент по языковому планированию и развитию обско-угорских языков, так как без государственной поддержки и регулирования вопросов развития и сохранения языков коренных малочисленных народов Севера, которые находятся на грани исчезновения, эти языки действительно пополнят список «мертвых языков» не позднее чем к середине столетия второго тысячелетия.

СМИРНОВА Тамара Михайловна

Государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ ДЛЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Школы для вепсов и ижор в 1910–1930-е гг. прошли несколько этапов развития: русско- и финноязычные начальные, начальные и семилетние школы на родном языке, «советские школы обычного типа». Каждому этапу соответствовали свои концепция, методология и методика обучения, в том числе преподавания русского языка, а первым двум – еще и национального (финского, вепского, ижорского). Проблемы вызвала не только трехкратная за 20 лет смена подходов к обучению детей малочисленных коренных народов Ленинградской области, но и асинхронность социальных и этнокультурных процессов как внутри национальных групп, так и в их взаимодействии с «большим миром». Изменение языковой среды, постепенное исчезновение традиционных форм хозяйствования, миграция в город, наступление промышленной цивилизации, культурно-кадровая революция трансформировали социальную иерархию родного и русского языков в пользу русского. Изучение своего национального, но малораспространенного языка малочисленными коренными народами Ленинградской области в настоящее время превратилось в его изучение как неродного. При фактическом отсутствии языковой среды для овладения вепским и ижорским языками необходимы как эффективная методика, так и серьезная мотивация, недостаточно сегодня обоснованная. Определенным подспорьем в этом вопросе может быть осмысление исторического опыта национальной школы.

СОВКИНА Валентина Вячеславовна

*Баренцев офис коренных народов, с. Ловозеро
(Мурманская область)*

**САМОПРЕДЕЛЕНИЕ И СОУПРАВЛЕНИЕ
СААМИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА**

Доклад построен на анализе исторических источников столетнего самоуправления саами Кольского полуострова, начиная от реформ Александра II и заканчивая созданием в настоящее время временного Саамского парламента Кольского полуострова. Также будет дан анализ реализации двух действующих документов в Мурманской области – Концепции устойчивого развития КМНС и Комплекса мероприятий по Второму Международному десятилетию коренных народов мира, принятых в соответствии с аналогичными на федеральном уровне.

Основой для организации самоуправления в России в местах компактного проживания коренных малочисленных народов может быть положение Конституции РФ (статья 131-1) «Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций. Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно». В этой связи важным является и признание в Конституции РФ приоритета международного права над российским (статья 15-4) и гарантий осуществления прав коренных малочисленных народов в соответствии с международными стандартами (статья 69). Таким стандартом служит Декларация ООН о правах коренных народов, принятая в 2007 г., где важнейшей правом коренных народов признается самоуправление в рамках действующего в странах законодательства. К сожалению, вопросы самоуправления коренных малочисленных народов не нашли отражение в российском законе о местном самоуправлении и поэтому реализация конституционных гарантий на право организации местного самоуправления для коренных малочисленных народов в соответствии с историческими традициями затруднена, что показывают и сложности, которые испытывают общественные организации саамов при создании представительного органа саамов в Мурманской области.

СТАРЦЕВ Анатолий Фёдорович

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток*

**НАРОДЫ СЕВЕРА И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА РОССИИ**

Анализ этнографических источников и законодательных актов Российской империи, СССР и Российской Федерации свидетельствует о том, что для каждого государственного объединения центральной была проблема освоения территорий и мирных взаимоотношений с аборигенным населением, известным под названиями «иностранцы», «туземцы», «малочисленные народы Севера» и др. Каждое из вышеперечисленных государств преследовало свои цели.

Российская империя с целью закрепления сибирских и дальневосточных территорий исходила из концепции, что без мирного отношения инородческого населения к русским землепроходцам и переселенцам закрепление территорий Сибири и Дальнего Востока невозможно. В связи с этим империя выделяла аборигенов в особую социальную группу, узаконила их нормы обычного права и сделала все возможное, чтобы не допустить их конфронтации с русскими.

Политика советской власти исходила из концепции, что народы Севера являются равноправными гражданами СССР. Советы рассчитывали, что аборигены примут участие в освоении северных территорий. Добившись нужных результатов, советская власть ликвидировала туземные органы власти, оставив только русские органы управления. Территории обитания аборигенного населения и ее ресурсы перешли в государственную собственность. Приоритетными были коллективные способы ведения хозяйства, индивидуальные и этнические интересы подчинялись государственным потребностям. По этим причинам природные ресурсы в угоду светлого будущего осваивались без учета национальных интересов и потребностей аборигенного населения.

В условиях Российской Федерации территории традиционного природопользования – охотничьи, рыболовные, пастбищные и другие угодья – законом закрепляются за аборигенами, а на практике, по воле местных органов власти, преследующих меркантильные интересы, они лишаются этих угодий в пользу отечественных и иностранных бизнесменов.

**СТРОГАЛЬЩИКОВА Зинаида Ивановна,
ЗАЙЦЕВА Нина Григорьевна**

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

**СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ
И КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Важнейшая задача поддержки и воспроизведения этнической идентичности коренных малочисленных народов для обеспечения их устойчивого существования и развития как этнических сообществ стоит перед системой образования. Современное российское законодательство в данной сфере (федеральные законы «О языках народов России», «О культуре», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации») относят это в сферу полномочий федеральных органов власти. Вместе с тем отсутствие в Федеральном законе «Об образовании» статей, четко регламентирующих организацию преподавания родных языков и предметов этнокультурной направленности у коренных малочисленных народов, фактически передает эти полномочия региональным и местным органам власти. Их осуществление на местах, как показывает практика, проводится по-разному в регио-

нах и даже в различной степени по отношению к одному и тому же народу. Для реализации одной из целей Концепции «повышение доступа к образовательным услугам малочисленных народов Севера с учетом их этнокультурных особенностей» необходимо создание в Министерстве образования России специальной структуры по управлению организацией этнически ориентированного образования у коренных малочисленных народов и контролю за его функционированием в регионах. Право коренных народов на образование с учетом этнокультурных особенностей должно быть отражено в новом законе «Об образовании», разрабатываемом в настоящее время.

ТОДЫШЕВ Михаил Анатольевич

Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В докладе даны краткий анализ результатов совершенствования нормативной правовой базы Плана мероприятий по реализации в 2009–2011 гг. Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2009 г. № 1245-р и предложения по направлениям дальнейшего совершенствования законодательства о правах коренных малочисленных народов на период 2012–2015 гг.

ХАКНАЗАРОВ Саидмурод Хакмамович

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЮГРЫ

Проблема социально-экономического развития коренных народов Севера была и остается актуальной в настоящее время для России, около 70% территории которой расположено в зоне Севера. Разрабатываемые здесь природные ресурсы гарантируют экономическую и энергетическую безопасность страны, являются основной базой пополнения федерального и региональных бюджетов, источником валютных поступлений. Как отмечает В. Г. Логинов (2007), широкомасштабное освоение природных ресурсов Севера, которое осуществлялось в советский период при полной государственной поддержке, выявило целый ряд проблем экономического, социально-экологического характера.

В условиях перехода к рыночной экономике коренные народы Севера оказались во многих отноше-

ниях в более сложном социально-экономическом положении, чем другие народы, проживающие в данном регионе.

В докладе рассматриваются некоторые из этих проблем в разрезе социологических исследований. Например, отвечая на вопрос: «Получают ли представители коренных народов Севера от органов государственной власти и других организаций материальные и финансовые средства, необходимые для социально-экономического и культурного развития?», относительное большинство респондентов из числа народов Севера и эксперты (49 и 52% соответственно) отметили, что не получают материальной и финансовой помощи на цели социально-экономического и культурного развития от органов государственной власти и других организаций. Получают такую помощь лишь 37,55% и 37,93% респондентов соответственно.

В заключение отметим, что необходимо искать пути решения проблем социально-экономического развития коренных народов Севера.

ХАРИТОНОВА Елизавета Евгеньевна

Госкомитет по вопросам национальной политики и связям с общественными и религиозными объединениями Республики Карелия, г. Петрозаводск

КАРЕЛИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Утверждение Правительством Российской Федерации в 2009 г. Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации является важным шагом в стремлении центра выстроить систему регулирования прав коренных малочисленных народов страны для обеспечения их прав, гарантированных Конституцией РФ. Предложенный поэтапный план реализации позволяет более конкретно определить перечень мероприятий на региональном уровне, направленных на решение проблем, которые предусмотрены на данном этапе, и согласовать его с задачами, решаемыми на федеральном уровне.

Вместе с тем в концепции не учтено, что расселение коренных малочисленных народов имеет дисперсный характер и для обеспечения их устойчивого развития необходимо закрепить на федеральном уровне механизмы взаимодействия органов исполнительной власти всех регионов, в которых проживает один и тот же народ. Республика Карелия при реализации концепции по отношению к коренному малочисленному народу Севера – вепсам – создает такой механизм через подписание межправительственных соглашений с органами исполнительной власти Ленинградской и Вологодской областей, являющихся также регионами традиционного проживания вепсов. На данном этапе этнического развития вепсов только скоординированный подход к реализации концепции

всех регионов проживания вепсов может создать базу для их сохранения как этнического сообщества.

БЫЧА Марина Владимировна

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, г. Москва

ВОЗМОЖНОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: УЧАСТИЕ ОБЩИН КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ОЧИСТКЕ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Исследования последних 15 лет, проведенные в рамках Арктического совета различными арктическими государствами, показывают, что загрязнения разного рода, накопившиеся в Арктике, в том числе вследствие протяженных трансокеанических и атмосферных переносов, а также в ходе промышленной и военной деятельности в регионе, негативно влияют на здоровье местного населения. Особенно эти загрязнения воздействуют на коренные народы, проживающие в Арктике и на прилегающих территориях, ведущие традиционный образ жизни, традиционную хозяйственную деятельность и употребляющие в пищу объекты традиционной охоты. В настоящее время Арктический совет приступает к практической фазе по проведению проектов, способствующих очистке арктических территорий от загрязнений. Самую активную роль в этом процессе должны играть общины коренных народов. Для координации данной деятельности в рамках рабочей группы Арктического совета АСАР был создан управляющий комитет проектов ИРСАР (программа действий общин коренных народов по очистке территорий от загрязнений).

ЮЖАКОВ Александр Александрович

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

ИННОВАЦИОННОСТЬ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЕВОДСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Неолитическая революция в Центральной Азии изменила не только систему жизнеобеспечения человека, преимущественно охотничье-собираательную, на воспроизводящую животноводческую, но и сформировала его новую ментальную доминанту. В условиях Севера носителями и ретрансляторами такой ментальности стали ненцы (самодийцы) как онтогенетические наследники древней центральноазиатской животноводческой культуры.

Дикий и домашний северные олени по способам их использования человеком отличаются кардинально. Это различие заключается, прежде всего, в отношении к оленю как объекту промысла или объекту защиты. Это подтверждается тем, что у ненцев домашний и дикий олени имеют совершенно разные названия. Первый: *Ты* – переводится как «олень», дикий олень называется *Илебц* – «жизнь дающий». Разное отношение к двум формам вида закреплено у ненцев в обрядах и фольклоре. Именно домашний

олень, а не его дикий собрат у ненцев находится в сфере сакрального. Только ненцами выведена пастушеская собака-оленегонка. Остальные «оленьеводческие» народы пастухами оленей являются исторически недолгое время (не более 400–500 лет). Их ментальная доминанта – «охотничье-промысловая», а не «животноводческая». Следствием этого явилось то, что в XX в. почти все «оленьеводческие» народы потеряли или значительно сократили поголовье своих стад, перейдя к ментально более близким охоте и рыболовству.

В условиях кризиса и реформ, усиливающейся промышленной экспансии и общей аккультурации КМНС благодаря именно «животноводческой» ментальности ненцы смогли сохранить, а в ЯНАО даже увеличить численность домашних оленей.

ЯКЕЛЬ Юлия Яковлевна

Региональная общественная организация «Эколого-правовой центр коренных малочисленных народов Приморского края», Московская областная коллегия адвокатов, г. Москва

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В российской и международной правовой практике существует множество актов, гарантирующих и защищающих особые права коренных народов. Защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов в России гарантирована Конституцией. Такая позиция государства обусловлена малочисленностью этих групп, а следовательно, большей уязвимостью в вопросах сохранения жизненного уклада, связью с природой, которая формирует материальную и духовную основу образа жизни. Обеспечение исполнения гарантированных прав возможно с помощью развития конкретных норм Конституции в федеральном и региональном законодательстве и применения этих норм органами исполнительной власти, местного самоуправления и иными юридическими и физическими лицами.

Часть гарантированных малочисленным народам прав исполняется или осуществляется практически беспрепятственно, но существуют серьезные проблемы в реализации таких ключевых прав, как: право безвозмездно пользоваться в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности землями различных категорий; право на участие в проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах проживания и деятельности малочисленных народов; право на возмещение убытков в результате нанесения ущерба исконной среде обитания и т. д.

Кроме того, в последние годы происходит вымывание из федерального законодательства норм, гарантирующих особые права и льготы малочисленным народам. Это становится серьезным препятст-

вием при осуществлении традиционного образа жизни и природопользования. Необходимы разработка и принятие ряда специальных законов и внесение изменений в существующие. Это должно убрать суще-

ствующие пробелы и коллизии, конкретизировать процедуры реализации прав, также должны появиться санкции, принимаемые в отношении нарушителей этих законов.

Секция 3. ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА РОССИИ

Руководители: чл.-корр. РАН Арутюнов Сергей Александрович (Москва);
к.и.н. Воронина Татьяна Андреевна (Москва)

АРУТЮНОВ Сергей Александрович
*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ФЕРМЕНТИРОВАНИЕ МЯСА В ИСТОРИИ ПИТАНИЯ

Навыки потребления мяса, подверженного воздействию бактериальной флоры, восходят еще к ранним этапам антропогенеза. Вряд ли можно сомневаться в том, что верхнепалеолитические охотники Евразии хранили куски туши крупных млекопитающих достаточно долго.

В настоящее время ферментированное хранение мясных продуктов в основном приурочено к арктической зоне, однако не очень долгая выдержка мяса, ведущая к его частичной ферментации, входит в арсенал целого ряда западных и восточных кухонь. Что касается питательной ценности или, напротив, вредности ферментированных мясных продуктов, то этот вопрос продолжает дискутироваться среди специалистов.

БАСАНГОВА (БОРДЖАНОВА) Тамара Горяевна
*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,
г. Элиста*

О КАЛМЫЦКОМ ЧАЕ В ИНТЕРНЕТЕ

Калмыцкий чай в Интернете представлен во множестве сайтов и страниц, обсуждается в блогах и форумах (более 1000 упоминаний на «Яндексе»). Калмыцкие ученые исследовали чайную церемонию у калмыков, предания и легенды о происхождении этого напитка, являющегося одним из символов Калмыкии и относящегося к почетной «белой пище». Интересен сайт о калмыцком чае на Севере (www.tea.ru) Для северян «калмыцкий чай» – это чай из *бадана*, растения с лилово-розовыми соцветиями. По данным этой страницы, рецепт чая из бадана завезли монахи. Со временем у разных народов понятие о традиционном калмыцком чае (плиточном) расширилось – это напиток из разных трав и соцветий. На Северном Кавказе пьют чай из соцветий рододендрона, у которого такие же розовые соцветия. Адыги варят чай, добавляя сушеный конский щавель. Ранее сами калмыки при отсутствии чая добавляли корень солодки, заправляя молоком. Данные Интернета свидетельствуют о том, что национальный напиток калмыков вызывает интерес во всем мире.

ВОРОНИНА Татьяна Андреевна
*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

РОЛЬ ДИКОРАСТУЩИХ РАСТЕНИЙ В ПИЩЕВОМ РАЦИОНЕ ЖИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЕВЕРА (XIX – НАЧАЛО XX в.)

В жизни населения Русского Севера не раз случались такие ситуации, когда пищевой рацион по тем или иным причинам не включал достаточного количества питательных веществ, необходимых для поддержания жизненных сил. Нередко при этом источником питания становились дикорастущие съедобные растения.

В XIX – начале XX в. жители Русского Севера систематически занимались сбором даров природы и включали в пищевой рацион ягоды и грибы, а также плоды, корни, луковицы, молодые побеги, стебли, листья, почки, цветы, сок, кору многих пригодных в пищу дикорастущих растений. Причем употребляли их в пищу по мере созревания в различное время года в сыром виде или после предварительной обработки. По данным ряда источников, в отдельных уездах собирательство дикорастущих растений среди крестьян даже стало промыслом.

Употребление в пищу дикорастущих растений и ягод позволяло бороться с такой распространенной болезнью, как авитаминоз или цинга.

Дикорастущие растения восполняли недостаток муки в голодные годы. На севере это было чаще связано с поздними или ранними осенними заморозками. В годы неурожая или в других экстремальных ситуациях крестьяне были вынуждены заниматься собирательством чаще.

Рукописные и опубликованные материалы позволяют сделать вывод о том, что собирательство было существенным подспорьем в традиционном питании русского народа.

ЖЕЛТОВ Андрей Александрович
*Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
г. Вологда*

ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКИХ ЗЕМЕЛЬ*

Традиционное питание в отношении этноэкологических вопросов следует рассматривать как минимум с двух позиций: 1) как средство адаптации

* Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-01-00371а, «Культура питания и здоровье населения Вологодской земли в конце XIX – начале XX в.»).

к условиям среды (природной и социальной), 2) как средство обеспечения всеми необходимыми для метаболизма организма человека питательными веществами. Вторая позиция, пожалуй, даже более значима. Третья (несколько обособленная) составляющая вопроса – взаимосвязь набора пищевых продуктов и хозяйственных занятий населения. Всегда ли структура питания следует за особенностями хозяйствования, или, в свою очередь, потребность в определенных видах продуктов заставляет развивать особые направления хозяйственной деятельности?

Адаптивная значимость традиционной пищи населения Вологодской земли проявлялась преимущественно в обеспечении людей необходимыми для жизни питательными веществами. Уровень обеспечения можно оценить как умеренно допустимый. В целом на конец XIX в. весь комплекс потребностей в веществах, поступающих с пищей, удовлетворялся по минимальной необходимой норме (одних веществ с превышением, других – на грани минимальных потребностей). Структура питания в целом поддерживала жизнедеятельность и даже обеспечивала необходимый уровень здоровья для существования в условиях северного климата и природной среды, однако минимальный уровень обеспечения витаминами С и А приводил к ослаблению организма и снижению сопротивляемости заболеваниям. Продукция основного вида хозяйственной деятельности – полеводства – не обеспечивала потребностей в белках, витаминах С и А, что компенсировалось продуктами животноводства и сбором дикоросов.

ЖУКОВСКАЯ Наталья Львовна
Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ПИЩА КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Экстремальных ситуаций в жизни кочевников и в Средние века, и в Новое время случалось немало. Одни были следствием политических причин, прежде всего войн с соседями, которые в случае победы не только убивали мужчин во избежание будущей мести с их стороны, забирали в плен и превращали в рабов женщин и детей, но и присваивали себе все имущество побежденных и, что особенно важно, угоняли весь скот – основу жизни кочевников. Оставшиеся в живых вынуждены были бедствовать и искать замену традиционным видам пищи. В этой роли выступали рыба, птица, которых в обычных условиях не ели, корни съедобных растений и т.д. Еще более страшными были последствия от стихийных бедствий – засухи, гололеда, обильных снегопадов, вызывавших *дзуд* (джут), невозможность скоту добыть себе пищу в условиях его круглогодичного свободного выпаса на пастбищах. Начинались падеж скота и его почти полная гибель. В этих условиях именно падала становилась пищей людей. Нередко случались эпизоотии ящура, сибирской язвы, клещевой чесотки.

Первые две были опасны для человека, но призрак голодной смерти был страшнее. И кочевники искали и находили способы обработки зараженного мяса и использования его в пищу.

ИСАЧЕНКО Татьяна Александровна
Российская государственная библиотека, г. Москва

МОЛИТВА О «ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ» В БИБЛЕЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Праславянское слово «хлеб» является ранним германизмом. В англосаксонской письменности XI в. просьба о хлебе в молитве «Отче наш» переделана в просьбу о совете, помощи, а в Новое время католические миссионеры учили эскимосов молиться о рыбе насущной, китайцев – о рисе насущном. Доклад посвящен способам передачи библейского слова «хлеб» в новых переводах последних десятилетий.

МИГРАНОВА Эльза Венеровна
Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской академии наук,
г. Уфа

К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ В ТРАДИЦИЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ В ПИЩУ ДАРОВ ПРИРОДЫ У БАШКИР И НАРОДОВ СИБИРИ

В традиционной системе питания башкир имеются древние кушанья из дикорастущих растений, рыбы, дичи, меда диких пчел. Общность в традициях питания башкир и некоторых народов Алтая и Сибири (сибирских татар, алтайцев, тувинцев, хакасов, якутов и др.) связана с природно-климатическими и хозяйственными факторами и в некоторой степени является свидетельством их этнических и культурных контактов. К древнейшим традициям относится употребление в пищу дикорастущих лука, чеснока, сараны, ягод черемухи и др. Аналогичные кушанья обнаруживаются у ряда сибирских народов; существенное место в пищевом рационе они занимают там, где долгое время сохранялось присваивающее хозяйство. У башкир кушанья, приготовленные из «даров природы», часто дополнялись мясными, молочными, зерновыми продуктами. По мнению известного башкирского этнографа С. Н. Шитовой, на сибирские традиции указывают инструменты для добывания природных продуктов (так, для сбора сараны у башкир использовались корнекопалки, идентичные южносибирским), орудия охоты, рыболовства, а также некоторые виды берестяной и долбленной утвари. Древними традициями являются некоторые способы приготовления башкирами мяса диких животных и птиц (непосредственно на охоте) и рыбы. К ранним традициям относятся не только названия, способы добычи и приготовления продуктов собирательства и охоты, но и их использование в древних обрядах, таких,

например, как Медвежий праздник, Воронье пиршество, Кукушкино чаепитие и других, связанных с почитанием диких животных и птиц. Обряды со сходной семантикой имели место у селькупов, кетов, якутов, тувинцев, бурят и др.

ОНУЧИНА Татьяна Алексеевна

Творческая мастерская «Пряничное дело», г. Архангельск

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ «ПРЯНИК» И «КОЗУЛЯ»

На территории России для обозначения хлебного лакомства на меду, патоке, сахарном сиропе с добавлением пряностей используется название «пряник» (В. И. Даль). На Русском Севере для подобного изделия применяют название «козуля». «Козуля» – общее название славянского обрядового печенья: хлебных фигурок животных и птиц, ажурных лепешек из хлебного жгута, это «ватрушка с творогом» и «пирог с яйцами и рогульками, иногда кольцо» (Т. А. Онучина).

В устной речи жителей Русского Севера слова «пряник» и «козуля» функционируют в качестве синонимов. Целью доклада является попытка выявить внутреннюю форму этих слов, их мотивированность.

РОМАНОВА Екатерина Назаровна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

МАСЛО В КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНЫХ ТЮРКОВ-САХА: МИФ, ПАМЯТЬ, РИТУАЛ

Кумыс, молоко и масло, являясь наследием южной культуры, раскрывают сложный «хронотоп» кулинарно-пищевой модели народа саха. В этом контексте интересным представляется на основе якутской традиции проанализировать концепт пищи на уровне разных культурных кодов (кулинария, язык, миф, ритуал, детская игра) и его семантических воплощений. Выделение в пищевом рационе якутов масла как объекта исследования в первую очередь продиктовано его характеристикой как внесезонной повседневной и в то же время обрядовой еды. Процесс приготовления масла в символическом плане переводило этот технологический процесс в космогонический акт. Масло в разных ипостасях (топленое, свежее, старое, мерзлое) реализовывало в ритуалах многослойность его как символа. В обрядовых подношениях масла божествам и духам особое значение придавалось его запаху (свежий/прогорклый), такая вариативность была обусловлена разнонаправленностью (благожелательный/враждебный) адресата. Масло как живая субстанция проживало «жизнь» на земле согласно круговороту солнца (ех. летние и зимние превращения масла). Якутские мифы о солнце и ритуал первотворения Ысыах раскрывают символическую сопряженность масла с элементом мироздания и зародышем человеческой души (*илгэ*), а также божеством масла и молока как «фигур воспоминания».

РЫЖАКОВА Светлана Игоревна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

AKRISTAPACHYA – «ПИЩА, ПРОИЗРАСТАЮЩАЯ САМА ПО СЕБЕ». К ВОПРОСУ О ПРАКТИКАХ И КАТЕГОРИЯХ ANNA И PHALA В ИНДИЙСКОМ ПИЩЕВОМ КОДЕ

Разновидности и формы пищи в индийской культуре питания окружены множеством культурных и религиозных представлений, которые в значительной степени влияют на реальные практики. Классификации продуктов, содержащиеся в древних философских, медицинских, обрядовых трактатах, известны и актуальны и поныне, хотя в разных индийских регионах и в различных кастовых и сословных группах они обретают разное содержание и интерпретации. Одно из наиболее общих и важных делений пищи связано с двумя категориями – *анна* (близкое к понятию *криштапачья*, где речь идет о блюдах из специально выращенного зерна или бобовых культур, собранных на полях, обрабатываемых плугом) и *пхала* (близкое к *акриштапачья*, то есть буквально «плоды», «произрастающее само по себе»). Отчасти эту классификацию можно сопоставить с противопоставлением К. Леви-Стросса «приготовленного» / «сырого». Наряду с огнем и *гхи* (очищенным топленым маслом) эти две категории составляют базу для культурного и обрядового преобразования «продуктов» в «пищу». В индийских пищевых практиках можно заметить две стратегии отношения к пище типа *акриштапачья*: с одной стороны, это отвержение ее как «дикого», с другой – в ряде случаев (обрядовая ситуация, требующая высокой чистоты, а также в пищевой диете аскетов и санньяси, в рамках поста) только такая пища возможна для принятия, и она оказывается более «высокой» и «чистой» по сравнению с пищей типа *анна*. Поедание некоторых цветов, корней, семян и листьев диких растений, а также и мёда диких пчёл в индийском пищевом коде маркирует социальный, обрядовый и культурный статус человека.

СОЛОВЬЕВА Любовь Тимофеевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ПИЩА В ОБРЯДНОСТИ ДЕТСКОГО ЦИКЛА ГРУЗИН

В докладе на основе полевых, архивных и литературных материалов анализируется роль пищи, различных видов трапез и продуктов питания в детской обрядности грузин. Следует отметить, что хотя пища (и в ее утилитарном значении, и в символической и сакральной ипостаси) – важный атрибут всех семейных обрядов, но в детской обрядности ее роль особенно велика, поскольку важнейшей задачей после рождения ребенка было именно его кормление, а на первом этапе жизни младенца – обеспечение необхо-

димыми продуктами питания роженицы, кормящей матери.

Приводятся данные о пищевых запретах для беременной (на мясо буйвола, дичь и др.), об использовании некоторых продуктов (соль, молоко) при гадании о рождении будущего ребенка, в качестве оберегов при родах (луковицы).

Особые женские трапезы устраивали на том месте, где происходили роды; иногда это сопровождалось церемонией «насыщения земли» (в землю зарывали горшок с мясом, хлебом, вином).

Ритуальная «нечистота» роженицы была причиной ряда запретов: 40 дней она не имела права готовить пищу, брать в руки целый хлеб, заходить в винный погреб, 2–3 месяца не пекла хлеб. Не допускалось, чтобы роженица оставалась голодной: считали, что в этом случае «год будет голодным». Обязательными были приношения даров роженице в виде продуктов (хлеб, лепешки, сладости, кура, вино, водка), причем посетители должны были приходить к ней сытыми, ни в коем случае не на голодный желудок. «Для младенца» приносили отдельную лепешку, чтобы он в будущем «не был лишен доли».

В случае первого укладывания в колыбель, появления первого зуба, перемены имени, первой стрижки волос, лечения некоторых болезней (насморк, оспа, корь и др.) готовили особые блюда (каши), пекли различные виды лепешек и хлебов.

ТАЛЕЕВА Лариса Прокопьевна

ОГУ «Ненецкий краеведческий музей», г. Нарьян-Мар

НЕНЕЦКАЯ КУХНЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В выступлении раскрывается история изучения вопроса о питании ненцев. Приводится описание пищевых традиций ненецкого народа, основанных на блюдах ненецкой кухни. Они могут быть представлены в следующем виде: мясная и рыбная, мучная и растительная пища, напитки и другие продукты. Далее описывается режим питания и используемая посуда. В работе приводятся ненецкие приметы, запреты и ограничения, связанные с приемом пищи.

ТЕР-САРКИСЯНЦ Алла Ервандовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ПИЩА АРМЯН НАГОРНОГО КАРАБАХА В НАЧАЛЕ XXI в. (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2001 И 2007 г.)*

Несмотря на пережитые трудности, связанные с активизацией в 1988 г. конфликта с Азербайджаном, повлекшего блокаду и кровопролитную войну (1991–1994 гг.), армяне Нагорного Карабаха уже к началу 2000-х гг. смогли обеспечивать себя полноценным

питанием. Этому способствовали благоприятные для развития сельского хозяйства природные условия, бесплатная раздача земли в собственность крестьянам в 1998 г., содержание ими большого числа домашнего скота, птицы, нередко пчелиных ульев. Кроме того, они продолжают по традиции широко использовать растущие здесь в изобилии ягоды, дикие фрукты, травы. Это помогало им и во время войны, когда пища была довольно скудной в связи со значительным сокращением площадей сельскохозяйственных угодий, в том числе посевов зерновых и особенно плантаций винограда, что во многом произошло как из-за трудностей с его реализацией, так и из-за необходимости увеличения злаковых для питания в дни блокады.

К началу XXI в. среди карабахских крестьян вновь стали популярны разнообразные традиционные мясные (*долма, хашлама, хаши*), молочные (*сыр, масло, мацун, танов*), крупяные (*куркут, плав*), овощные блюда. По-прежнему распространено маринование и солнение овощей и дикорастущих растений, широкое употребление фруктов, орехов, меда. Традиционным крепким напитком остается тутовая водка, которую всегда применяли и в лечебных целях. Большую роль в питании продолжает играть пшеничный хлеб, выпекаемый в виде толстых лепешек (*проз*) в традиционных печах (*тонирах*), при этом для теста многие стали использовать сухие дрожжи. Новшеством стало приготовление к праздникам разного рода тортов, пирожных, кексов домашней выпечки, распространение таких напитков, как «Кока-кола», «Фанта», «Пепси-кола». Вошел в быт перенятый из Армении обычай употребления кофе, и гостя (если он не был заранее приглашен) стало престижно угостить чашечкой крепкого кофе с кусочками шоколада или конфетами.

ФУРСОВА Елена Федоровна

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

ФИГУРНОЕ ПЕЧЕНЬЕ НА СЕВЕРЕ И В СИБИРИ: ПРЕДЕЛЫ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ

Исследование традиционной культуры этноса в связи с этапами его этнической истории, реконструкция смыслового поля отдельных компонентов культуры – специфические проблемы, призванные быть решенными этнографической наукой. Споры о том, почему угасающие традиции вдруг по необъяснимым причинам актуализируются, ведутся исследователями в наши дни. В Архангельской области, в деревнях Ошевенска и некоторых других до сих пор поддерживается обычай выпекания фигурного печенья «тетёрки», который приурочен ко времени «Тетёрошного дня», или весеннего равноденствия 22 марта (варианты: «сорокосвятых», четверг-пятница Масленицы). В Каргополье издавна тещи для зятя выпекали ажурные печенья с центром-«солнышком» и узорными «спиралями» вокруг. Современные северные зятья внимательно осматривают

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 10-01-00118а.

витиевато закрученные «спирали» вокруг «солнышка», так как именно в них теща выражает свое к ним отношение.

Исследования в среде северорусских переселенцев Сибири свидетельствуют о том, что у этих крестьян до недавнего времени выпекалось фигурное печенье «шашни», «сочи» к определенным праздничным дням. Постепенное отмирание этого обычая произошло уже в 1960–1970-е гг., когда в сельских районах широко распространилось новое достиже-

ние цивилизации – телевизоры. Информация о печенье хранится в памяти людей старшего поколения, но сейчас эту традицию пытаются восстановить фольклорные коллективы, отдельные семьи, любители старины. Справедлив и убедителен тезис о включенности в современную, прежде всего сельскую, культуру реликтов устаревших традиций, почему дешифровка кодов последних позволяет и сегодня понять глубинные основы мировоззренческого мышления.

Секция 4. СПЕЦИФИКА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА-ЗАПАДА РОССИИ

Руководители: к.и.н. **Терюков Александр Иванович** (Санкт-Петербург);
к.и.н. **Пашков Александр Михайлович** (Петрозаводск)

ВЕРИГИН Сергей Геннадьевич

*Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ФИНСКИХ ВЛАСТЕЙ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1941–1944 гг.

В докладе будет освещена этнокультурная деятельность финских властей на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 гг. Финская военная администрация разделила все оставшееся население (по различным данным, его численность колебалась от 80 до 90 тыс. человек) по национальному признаку на две основные группы: коренное, или привилегированное, население (карелы, вепсы и другие финно-угорские народы) и некоренное, или непривилегированное, население (русские, белорусы, украинцы и др.).

Местное финно-угорское население рассматривалось в качестве будущих граждан Великой Финляндии. Для реализации этой цели была развернута мощная этнокультурная просветительская работа. Важнейшими средствами воздействия на местное финно-угорское население были газеты, радио, школьное обучение, религиозное воспитание. Главную роль в этнокультурной деятельности оккупационные власти отводили национальным праздникам: дню независимости Финляндии, дню «Калевалы», празднику финского флага и др.

Попытка культурной финнизации местного финно-угорского населения ярко проявилась и в топонимике. Петрозаводск был переименован в Яанислинна (Крепость на Онего), Олонец – в Аунуслинна (Крепость Олонии). В городах и селах проходило переименование улиц в честь героев так называемых племенных войн и происходящей войны, а также имена героев национального эпоса «Калевала».

В докладе будут отражены результаты этнокультурной политики финских властей среди местного финно-угорского населения в военный период и последствия для жителей после освобождения территории республики от оккупантов.

ИЛЮХА Ольга Павловна

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

**ХЯМЮНЕН Тапио,
ШИКАЛОВ Юрий Геннадьевич**

Университет Восточной Финляндии, г. Йюэнсуу (Финляндия)

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАРЕЛЬСКИХ ДЕТЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: СЕМЕЙНЫЕ, ЦЕРКОВНЫЕ, ШКОЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИКИ*

В рамках совместного российско-финляндского проекта «Народ, разделенный границей. Карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.» исследуются региональные и локальные особенности детства в карельской деревне по обе стороны «порубежной черты». Одной из характерных черт жизни детей и подростков конца XIX–начала XX в. было религиозное воспитание, дававшее мировоззренческие ориентиры и предлагавшее систему нравственных координат.

Карелы, проживавшие в зоне контактирования православия и лютеранства, испытывали на себе влияние как той, так и другой конфессии. Масштабные перемены в социальной сфере и национальной политике, происходившие в исследуемый период и в России, и в Финляндии, усилили конфронтацию этих церквей. Кроме того, карелы находились в сфере влияния российского старообрядчества, а в конце XIX в. со стороны Финляндии сюда стали проникать лютеранские радикальные религиозные течения. Наконец, в Карелии существовал мощный пласт хорошо сохранившихся народных верований.

Перечисленные факторы оказывали влияние на содержание и повседневную практику религиозного воспитания карельских детей в семье, школе и церкви. В докладе представлена роль и значение этих общественных институтов в формировании мировоззрения карельского ребенка. Каков был авторитет в среде карельских крестьян официальных учреждений – церкви и школы, в каких формах и какими средствами осуществлялось религиозное воспитание детей на разных уровнях. Эти вопросы рассматриваются на примере трех карельских территорий: финской Приграничной, Олонецкой и Беломорской Карелии.

* Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект N 10-01-00631a/F «Народ, разделенный границей. Карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция идентичностей, религии и языка».

КОЖЕВНИКОВА Юлия Николаевна

г. Петрозаводск

**ПРИПИСНЫЕ МОНАСТЫРИ КАРЕЛИИ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.:
СОСТОЯНИЕ БРАТСКИХ ОБЩИН
И МОНАСТЫРСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Первая четверть XVIII в. – крайне сложный период в истории российского монашества. Законодательство Петровской эпохи жестко регламентировало монастырскую жизнь и сильно ограничивало ее дальнейшее развитие. Небольшие монашеские обители постепенно лишались самостоятельности и подчинялись власти архимандрита Александро-Свирского монастыря. Следствием принятых законов оказывалось повсеместное «малобратство»: монашеские общины не пополнялись новыми постриженниками и буквально вымирали. Серьезной проблемой было малое число или даже отсутствие иеромонахов, без которых становились невозможны литургия, исповедь и причастие. Вдовы священники и диаконы, отставные солдаты – те, кому официально постриг разрешался – не стремились к принятию иноческих обетов. Приписные монастыри, удаленные от «патрона» на многие десятки километров, по сути оставались без пристального контроля за своими насельниками и земельными угодьями. Сохранившиеся в архиве СПбИИ РАН переписные книги, фиксировавшие имущество приписываемых монастырей, свидетельствуют о многочисленных случаях пропажи и воровства монастырских богослужебных книг, скота, хозяйственного инвентаря. В ходе ревизий вскрывались денежные махинации бывших строителей и казначеев. Бегство монахов, несмотря на строгий запрет бродяжничать, наряду с пьянством, были самыми распространенными причинами их наказания, определявшегося по решению свирского настоятеля. Нередко происходил самовольный захват монастырских земель крестьянами, селившимися целыми семьями при монастырях в качестве вкладчиков. Таким образом, можно говорить о сложившемся к концу первой четверти XVIII в. неблагоприятном состоянии приписных монастырей Карелии.

КУЛАГИН Олег Игоревич

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

**ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ
«ЛЕСПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ»
КАРЕЛИИ НА ТРАДИЦИОННУЮ
ЭТНОКУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ РЕГИОНА
В 1940–1950-е гг.***

В послевоенный период конца 1940-х – начала 1950-х гг. процесс модернизации лесной промыш-

ленности Карелии стал важнейшим этапом восстановления и дальнейшего развития не только экономики Северо-Запада СССР, но и всего государства в целом. Из-за отсутствия необходимого потенциала рабочих ресурсов в регионе одним из важнейших условий успешности осуществления данного процесса стала политика промышленного переселения в республику населения из других регионов СССР. Такая практика была в первую очередь осуществима при наличии жестких административно-командных средств и методов регулирования экономики и, в свою очередь, не могла серьезным образом не повлиять на изменения в традиционной этнокультурной среде региона. При этом необходимо учитывать и тот факт, что с 1940 по 1956 г. статус Карело-Финской ССР в том числе предполагал наличие в ней значительного процента карело-финского населения. Политика же переселения в республику представителей некоренных национальностей (белорусов, украинцев, татар и др.) должно было существенным образом сократить данный процент. Во многом с целью сохранить национальный облик региона была в то же время осуществлена политика переселения в Карело-Финскую ССР финнов-ингерманландцев. Тем не менее влияние промышленного переселения в республику и в целом лесопромышленной модернизации региона не только оказали серьезное влияние на демографические показатели, но и затронули глубочайшим образом социально-экономическую и культурно-бытовую сферы жизни коренного национального меньшинства Карелии.

МЕНЬШИКОВА Елена Владимировна

*Карельская государственная педагогическая академия,
г. Петрозаводск*

**ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ЭВАКУАЦИИ
И РЕЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
В СССР И КАРЕЛИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В советской историографии эвакуация рассматривалась как мероприятие, провести которое было под силу государству с плановой экономикой. Сейчас при изучении истории ВОВ большее внимание уделяется повседневной жизни на фронте и в тылу, мыслям и чувствам людей военного времени.

Отдельные аспекты эвакуации населения Карелии можно найти в научных трудах, посвященных истории Карелии в целом и истории Карелии в годы ВОВ в частности. Там представлена общая информация о проведении эвакуации. В современных работах поднимается проблема субъективных факторов, влияющих на успешность проведения эвакуации: это растерянность руководства, недостаточная организованность и т. д.

Эвакуацию населения изучали В. Г. Макуров и Л. Н. Юсупова. Они представили статистические данные о численности эвакуированного населения Карелии, описывали условия проживания и трудоустройство эвакуированных.

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ по проекту № 10-01-00631a/F «Народ, разделенный границей. Карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция идентичности, религии и языка» совместного конкурса РГНФ – Академия Финляндии 2010 г.

Проблема реэвакуации была впервые затронута в «Истории Карелии с древнейших времен» и научных статьях, посвященных восстановительным процессам на территории Карелии.

Вопросы эвакуации и реэвакуации карельского населения затрагивались в работах некоторых финских историков, в частности в исследованиях А. Лайне.

Анализ имеющейся литературы позволяет утверждать, что проблема эвакуации и реэвакуации населения Карелии в годы ВОВ не была комплексно исследована. В более глубоком изучении нуждаются вопросы работы республиканской комиссии по: эвакуации; организации перевозок населения Карелии; трудоустройству эвакуированных и их бытовым условиям; началу процесса реэвакуации населения на завершающем этапе войны.

ПАШКОВ Александр Михайлович

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

**«ВЫ ПРОТИВ ВОЛИ ЧУВСТВУЕТЕ,
ЧТО НАХОДИТЕСЬ НЕ В САМОЙ РОССИИ,
А ТОЛЬКО ПОДЛЕ НЕЕ»:
КАРЕЛЫ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ
ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX в.***

Реализация в 1860-е гг. реформ Александра II оказала большое влияние на социально-экономическое и социокультурное развитие карел Олонецкой губернии, но отсутствие развитых путей сообщения делало внутренние районы губернии, где и проживало большинство карел, заповедником архаики. Это привлекало в Олонецкий край этнографов, антропологов и фольклористов, изучавших прибалтийско-финское население края. Из русских исследователей здесь побывали В.Н. Майнов, А.В. Елисеев, Н.И. Березин, М.А. Круковский, М.М. Пришвин и др. Их интересовала как этнографическая проблематика (этническая психология, постройки, одежда, пища, быт, традиционные занятия и религиозные верования карелов), так и изучение социально-экономических вопросов (расслоение крестьян, отхожие промыслы, отношение к земству и сельской школе). Особое внимание уделялось выяснению уровня русификации карелов и влиянию на них Финляндии. Анализ путевых очерков русских путешественников позволяет понять особенности развития карельского этноса в пореформенной России, когда в условиях разложения традиционного общества и развития рыночных отношений и элементов гражданского общества зарождалось карельское этническое самосознание.

* Доклад подготовлен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, совместный конкурс РГНФ – Академии Финляндии 2010 г., проект N 10-01-00631 а/ф «Народ, разделенный границей».

ПАШКОВА Анна Александровна

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

**ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ СОРТАВАЛЫ
В СВЕТЕ «ПОЛИЦЕЙСКОГО УСТАВА» 1852 г.***

Сортавала (Сердоболь) – старейший город на территории современной Карелии, был основан в 1643 г. шведским королем Густавом II Адольфом. В годы Северной войны город был razорен русскими войсками. По Ништадтскому мирному договору 1721 г. Сортавала была присоединена к России, но потеряла статус города, превратившись в деревню. Только в 1783 г. она вновь стала уездным городом Выборгской губернии.

В 1812–1917 гг. Сортавала входила в состав Великого княжества Финляндского. С середины XIX в. начался период расцвета города, который превратился в крупный культурный и образовательный центр северного Приладожья. Отражением изменений в городской жизни стал «Полицейский устав для города Сердоболя», принятый ратушей в 1852 г. В нем были отражены различные стороны жизни города (противопожарные мероприятия, меры по соблюдению городской гигиены, организация досуга сердобольцев развитие городской торговли и т. д.). За нарушение устава местные жители должны были платить штрафы.

В свете «Полицейского устава» Сортавала середины XIX в. предстает как небольшой город, с деревянной застройкой, жители которого активно занимались торговлей. Еще одной чертой жизни города была связь жителей с аграрным сектором – большинство горожан имели небольшие участки за пределами городской территории, а во дворах держали домашний скот.

«Полицейский устав города Сердоболя» подробно раскрывает повседневную жизнь этого города, что позволяет по-новому взглянуть на его историю.

**ПОПОВ Александр Александрович,
ЖЕРЕБЦОВ Игорь Любомирович**

*Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

**РОЛЬ ГУМАНИТАРНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
НАУКИ В ФОРМИРОВАНИИ
СОВРЕМЕННОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
КОМПЛЕКСА НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)**

Радикальные, сравнимые с революционными трансформации России в конце XX в. обусловили общее состояние духовной жизни страны как в центре, так и в провинции. В условиях, когда общество утратило привычные политико-идеологические ориентиры, когда в духовной сфере сработал принцип

* Доклад подготовлен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, совместный конкурс РГНФ – Академии Финляндии 2010 г., проект № 10-01-00631 а/ф «Народ, разделенный границей».

«отрицание отрицания», образовавшийся «вакуум» стал наполняться стандартами (при этом далеко не лучшими) западной масскультуры. Именно в этих условиях на рубеже XX–XXI вв. сработал «инстинкт общественного самосохранения», оказалась востребованной народная культура с ее традиционным этническим началом, состоялась этнокультурная мобилизация, которая взяла на себя функции морального оздоровления общества. В таком общероссийском контексте в 90-е гг. XX в. происходило становление регионального этнокультурного комплекса в Республике Коми, являющегося поликультурным. Понятно также и то, что ядром и несущей конструкцией этого комплекса выступило этнокультурное финно-угорское начало. Именно в сложнейший и противоречивый период последних 10–15 лет в республике по существу с нуля сформирована достаточно развитая инфраструктура этнокультурной жизни.

Общепризнанной считается та прогрессивная роль, которую сыграло гуманитарное науковедение в формировании современной инфраструктуры этнокультурной жизни региона. Теоретический и научно-практический потенциал всего комплекса финно-угроведческих наук к началу реформирования общества оказался востребован и реализован в полной мере. Прежде всего необходимо отметить ту позитивную роль, которую сыграло научное экспертное сообщество в законодательном и в целом в правовом обеспечении современной государственной этнокультурной политики Республики Коми. Основные культурологические законы и нормативные акты в этой сфере (законы «О государственных языках», «О культуре», «Об образовании», «О национально-культурной автономии»; «Концепция коми национальной школы», «Концепция государственной национальной политики Республики Коми») в свое время получили научное сопровождение со стороны специалистов Института языка, литературы и истории Коми НЦ Уро РАН. Очевидно также, что «научное присутствие» в процессах этнической мобилизации периода 1990-х гг., прежде всего в массовом коми национальном движении, сыграло роль конструктивного соиздательного начала, стало своеобразным гарантом от проявлений крайнего радикализма и этнического экстремизма.

СТАРИЦЫН Александр Николаевич

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва

ПРЕДАНИЯ О СТАРОВОЕРЧЕСКОЙ ПУСТЫНИ НА ИВАНОЗЕРЕ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА

В научной литературе неоднократно упоминалось о существовании в начале XVIII в. на Иванозере в Каргопольском уезде старообрядческой пустыни, основанной монахом Филаретом, выходцем из Соловецкого монастыря. После смерти монаха на его могиле стали происходить чудеса и началось почитание этого места старообрядцами. Там была поставлена

часовня, периодически уничтожавшаяся местными властями и восстанавливаемая староверами. В старообрядческой среде возникли и сохранились до наших дней предания о Филарете, о святости Иванозера, дающего здоровье.

В результате двух экспедиций в п. Шестиозерский и на Иванозеро были зафиксированы основные сюжеты местных преданий. Большинство из них, как подтвердили архивные изыскания, имеют под собой реальную историческую основу. На могилу к Филарету ходили по обету как старо-, так и новообрядцы. Это наблюдалось ещё в XIX в., как следует из донесения миссионера Каргопольского округа священника Ф. Стручкова. Паломничество продолжалось до 70-х гг. XX в. Последними паломниками были пожилые женщины из окрестных деревень – из Орьмы, Шожмы и др. По преданию, ранней весной на озере видна светящаяся полоса – будто бы след, оставленный Филаретом, убегавшим от солдат по первопутку. Филарет перешел озеро с двумя сестрами, с которыми жил и умер в пустыни, и похоронены они вместе.

Выговский старообрядческий синодик действительно содержит имена скончавшихся у Иванозера инока Филарета, Дарии и Иулиании. В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. среди обитателей староверческого поселения на р. Порме значится монах Филарет. Во вкладной книге Соловецкого монастыря есть запись от 1659 г. о принятии пострига священником Плесской волости Федором Ханковым с именем Филарета. Накануне осады Соловецкого монастыря там был известен дьякон Филарет. Кто же из них стал основателем пустыни и завершил свой жизненный путь на Иванозере?

**СУРВО Вера Викторовна,
СУРВО Арнольд Абрамович**

Хельсинкский университет, г. Хельсинки (Финляндия)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ: РЕАЛИИ И СИМУЛЯЦИИ

Сегодня на Русском Севере активно развивается «этнический» и «деревенский» туризм, действуют этнокультурные центры и национальные парки. Современные формы актуализации карельского, вепсского и северорусского культурного наследия и попытки воссоздания аутентичного облика сельских этнокультурных ландшафтов экзотичны не только для иностранных туристов или отечественных горожан, но нередко и для самих сельских жителей. Ю.М. Лотман характеризует взаимоотношения текста и аудитории взаимной активностью. Текст навязывает аудитории свою систему кодов и стремится уподобить аудиторию себе, в то же время аудитория наделяет текст понятными и близкими ей кодами. Текст «отбирает» себе идеальную аудиторию, так же как и аудитория конструирует «свой» текст. В симуляциях «под старину» присутствует множество интересных примеров как диссонанса между «текстом» и «аудиторией», так и совпадения взаим-

ных ожиданий. В сообщении рассматривается деятельность этноцентров в карельских деревнях Кинерма, Большая Сельга, Рубчойла, гостевых домов в Заонежье, национальных парков «Кенозерский» и «Водлозерский», а также привлекается материал из финляндской Карелии, где в 1970-х гг. внедрялась модель развития туристического сектора с ярко выраженной «карельской» (в финляндском понимании) этнической составляющей.

ХАЛТУРИН Анатолий Николаевич

*Северный (Арктический) федеральный университет,
г. Архангельск*

СИМВОЛИКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ У НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Организация пространства жизнедеятельности в обычном праве народов Европейского Севера осуществлялась в соответствии с языческой моделью мироустройства. Архаические этносы ненцев, карелов, коми, лопарей (саамов) из «чужого Хаоса» сконструировали «свой Космос», который в дальнейшем был разделен на пространства семейной и родовой собственности. Обычному праву северорусских крестьян знакомы пространства собственности семейной, дворовой, родовой и общинной. Каждый вид

пространства имел свои традиционно обозначаемые границы.

Для обозначения пространства собственности этническим правосознанием была сформирована символическая система. В качестве символов границ могли выступать естественные географические объекты (речка) и приметные места (большой камень). Наибольшую группу символов составляли рукотворные материальные объекты-символы (изгородь), речевые формулы-символы (клятва) и символические действия (обычай).

Широкое распространение получили символы «оккупации» лесных территорий, охотничьих угодий, морских и речных участков. Охотничьи «пути» маркировались *затесами* на деревьях. Для определения ширины полосы «чорного» леса, принадлежащего деревне, обычай требовал *бросить от осека топор* в сторону леса. На подледном лове захваченный участок «выпешивали» и ставили «*веха*» – *колья, молодые деревца*, а также бросали на лед *лопату, пешню, одежду, невод*. При захвате мест лова в открытом море очерчивали тоню *неводом*, вбивали *колья*, на которых крепились *гарвы, рюжи*.

Поморскими мореходами разработана особая *навигационная символика* для обозначения «морского хода».

Секция 5. ЖИЗНЬ НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦИРКУМПОЛЯРНЫХ РЕГИОНАХ

Руководители: к.б.н. Аксянова Галина Андреевна (Москва);
к.и.н. Квашнин Юрий Николаевич (Тобольск)

Работа секции посвящается памяти исследователей народов Крайнего Севера

АГРАНАТ Татьяна Борисовна
Институт языкознания РАН, г. Москва

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ И ЯЗЫКИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В докладе речь пойдет о миноритарных языках, распространенных в двух ареалах на Северо-Западе РФ: на Кольском полуострове и в исторической области Ингерманландии – западной части Ленинградской области.

На Кольском полуострове саамы до начала XX в. вели кочевой образ жизни, передвигаясь этнолокальными группами. Разобщенность этих групп способствовала сосуществованию большого количества идиомов. Коллективизация, а также ликвидация «неперспективных» населенных пунктов и переселение их жителей в основном в Ловозеро приводили к смешению и исчезновению некоторых диалектов. Место распространения нотозерского диалекта было затоплено, его носители были расселены в разные части Кольского полуострова, из-за чего диалект практически не сохранился. Сейчас наиболее крупным является кильдинский диалект, распространенный в с. Ловозере. На нем издаются буквари, его пытаются преподавать, но говорящие по-саамски дети – скорее исключение, чем правило.

В Ингерманландии с XVII в. три близкородственных прибалтийско-финских языка – водский, ижорский и финский – находятся в контакте между собой и с русским языком. Несмотря на то что эти языки не могли использоваться во всех сферах, они были жизнеспособными до Второй мировой войны. После войны прекратилась передача языка детям.

В докладе речь будет идти о социолингвистических и экстралингвистических причинах исчезновения языков, в целом сходных в обоих регионах. На Кольском полуострове, как и в Ингерманландии, повышается этническое самосознание, что выражается в создании музеев, фольклорных ансамблей, возрождении традиционных промыслов, однако вряд ли это поможет сохранить язык.

АКСЯНОВА Галина Андреевна
*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

УРАЛЬСКИЙ ПЕРЕКРЁСТОК «В ПОЛУНОЩНЫХ СТРАНАХ» *Памяти Владимира Ивановича Васильева*

Этнограф д.и.н. В. И. Васильев [1935–1993] известен как один из ведущих специалистов по этноге-

незу и этнической истории северосамодийских народов, прежде всего ненцев и энцев. Ученик Б. О. Долгих, коллега Ю. Б. Симченко, он живо интересовался результатами археологических и антропологических исследований, анализом межэтнических взаимодействий в контактных зонах, поддерживал гипотезу локализации прародины самодийцев в Среднем Приобье и связи ее с кулайской культурой раннего железного века.

Полярный и Приполярный Урал – уникальное место соприкосновения ареалов всех наиболее крупных подразделений уральской языковой семьи – финно-язычного (коми), угорского (ханты, манси) и самодийского (ненцы). В докладе рассматриваются антропологические материалы в связи с этногенетической проблематикой региона: дифференциация ненецкого этноса и самодийцев в целом, компоненты расового комплекса ненцев и его таксономическое положение в Сибири, оценка кулайских антропологических материалов, отражение хантыйско-ненецких, коми-русско-ненецких и саамско-ненецких контактов, характеристика метисной группы – колвинцев, проблема древней уральской (финно-угорской) общности в североуральском регионе, гипотеза алтае-саянской прародины самодийцев, современная динамика антропологического состава народов уральского Заполярья.

В более западном районе «полуночных стран», на Кольском полуострове, в XIX в. оформился аналогичный «уральский перекресток» как результат переселения в саамский ареал небольших групп ненцев и северных коми (ижемцев). Общая малочисленность этнических групп, сходные формы хозяйства, многонациональный состав поселков и производственных коллективов способствовали быстрому развитию здесь процессов межэтнического смешения.

АКСЯНОВА Галина Андреевна
*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

РАСОВЫЕ ТИПЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ВЫСОКИХ ШИРОТ В ПРОСТРАНСТВЕ ОТ ТАЙМЫРА ДО КОЛЫМЫ

Вспоминая Ирину Михайловну Золотарёву, к её 80-летию

И. М. Золотарёва (1931–2002) – мой учитель в научной специализации, профессионал высокого уровня в этнической антропологии, прежде всего азиатских монголоидных народов. Владея в совершенстве расоведческой методикой, сочетая ее с историческим подходом в популяционных исследованиях, она

заполнила белые пятна на антропологической карте народов Южной Сибири (самое подробное изучение бурятского народа) и Северной Сибири, внесла значительный вклад в фундаментальное изучение аборигенных групп Заполярья. К числу непревзойденных научных результатов ученицы Г. Ф. Дебеца и М. Г. Левина смело можно отнести уникальные экспедиционные исследования в азиатской Арктике среди коренных народов п-ова Таймыр, бассейна Индигирки и Колымы. Здесь в 1959–1962 гг. по расоведческой программе она обследовала выборки взрослого мужского и женского населения коренных малочисленных народов: ненцев, энцев, нганасан, долган, юкагиров, эвенов, якутов и чукчей. В полевых условиях с научной целью проводились определения групп крови АВО и MN, антропологическое фотографирование. Важнейшими результатами исследований Золотарёвой являются решение проблемы антропологического состава заполярных общностей КМНС и доказательство его гетерогенности, детальная публикация характеристик аборигенных популяций, заключение о дифференцированности этносов северных самодийцев и смешанном европеоидно-монголоидном генезисе расового типа ненцев, о крайнем своеобразии физического комплекса у нганасан и байкальском антропологическом типе юкагиров при максимальной близости их к эвенкам, предположение о связи предков нганасан и юкагиров с древним пластом населения Енисейско-Ленского междуречья, о центральноазиатском расовом комплексе долган, их антропологическом сближении с северо-восточными якутами. Эти материалы расширили доказательную базу тезиса об эффективности антропологических данных в решении этногенетических проблем, что особенно выразительно продемонстрировано на примере долган (1965).

Список основных научных трудов И. М. Золотарёвой опубликован в журнале «Этнографическое обозрение», 2001, № 3, а также в альманахе ИЭА РАН «Вестник антропологии», 2002, вып. 8.

БАЛУЕВА Татьяна Сергеевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

*Посвящается памяти дорогого учителя
Валерия Павловича Алексеева*

В 1970–1980-е гг. Институт этнографии АН СССР совместно с НИИ антропологии МГУ проводил комплексные исследования коренных малочисленных народов Чукотки и Камчатки, участником которых мне довелось быть. Инициаторами этих антропологических работ были В. П. и Т. И. Алексеевы.

В основе формирования целой группы арктических типов, во многом сходных между собой и, согласно классификации, образующих арктическую малую расу внутри континентальной ветви большой

монголоидной расы, помимо древних генетических связей лежат и процессы специфической адаптации человека к жизни в условиях Крайнего Севера. Своеобразие морфофункционального комплекса, его строго географическая приуроченность, генетическая обусловленность многих жизненно важных особенностей позволили обосновать существование арктического адаптивного типа, являющегося нормой реакции на воздействие холодового стресса.

Формирование древних народов, заселивших впоследствии Камчатку и Чукотку, происходило в южной части Приморья, что довольно убедительно доказывается В. П. Алексеевым (1974). Интересно также противопоставление друг другу представителей внутриконтинентальных и тихоокеанских монголоидов, еще раз этим подтверждая классификацию Н. Н. Чебоксарова (1947). Основными процессами, формирующими структуру антропологического состава населения Северо-Востока Азии, издревле были миграции, длительная изоляция и метисация. Сочетание всех этих факторов или преобладание какого-то одного из них в разное время и для различных этносов и предопределило все разнообразие антропологической палитры азиатского Северо-Востока.

БАРТОШ Татьяна Петровна,

БАРТОШ Ольга Петровна,

МЫЧКО Марина Валерьевна

*Научно-исследовательский центр «Арктика»
ДВО РАН, г. Магадан*

ВОЗРАСТНО-ПОЛОВЫЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ СОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ-АБОРИГЕНОВ ПОСЕЛКА ЭВЕНСК МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение психофизиологического статуса подростков из числа коренных малочисленных народов Севера – эвенов и коряков, проживающих в условиях Северо-Востока России, практически не проводилось. В связи с этим задачей нашего исследования было выявление особенностей психофизиологических показателей и функционального состояния центральной нервной системы подростков-аборигенов, проживающих в национальном поселке Эвенск Магаданской области. Всего обследовано 203 подростка (81 мальчик, 122 девочки) аборигенного населения (коряки и эвены) школы-интерната. Психофизиологический профиль подростков оценивался с помощью прибора «Психотест-НС» фирмы «Нейрософт» (Иваново) и стандартных психодиагностических методик.

Обследуемые были разделены на 3 возрастные группы: 1-я группа – 12–13 лет (средний возраст $12,9 \pm 0,08$); 2-я – 14–15 лет ($14,9 \pm 0,01$); 3-я – 16–17 лет ($16,8 \pm 0,25$). Во всех возрастных группах обоего пола время простой зрительно-моторной реакции было выше возрастных норм, что свидетельствует о выраженной инертности нервных процессов. Вероятнее всего, это является характерной особенностью

свойств нервной системы аборигенной популяции. У подростков обоего пола с возрастом наблюдается общая положительная динамика функционального состояния ЦНС, снижение психоэмоционального напряжения. Дифференцированная оценка тревожности показала, что пиковые значения проявлений тревожных реакций у подростков обоего пола были схожими. В каждом возрастном периоде девочки отличаются от сверстников более низким функциональным состоянием ЦНС, меньшей подвижностью нервных процессов и большим напряжением психоэмоционального состояния.

БАТАШЕВ Михаил Семенович,
ДАНИЛЕЙКО Виктория Александровна
Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск
СИРИНА Анна Анатольевна
Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ШАМАНСКИЙ ЧУМ У СЫМСКИХ И ПОДКАМЕННОТУНГУССКИХ ЭВЕНКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Шаманский чум (*нымгандяк, шэвэнчэдек*) – выдающееся явление эвенкийской культуры. Пространство больших шаманских камланий снабжалось семантически значимыми сооружениями и скульптурами, весьма подробные описания которых известны из литературы, однако в понимании этого феномена остается множество пробелов, вызванных отсутствием материалов.

В докладе, основанном на полевых материалах М. А. Дмитриева (реки Подкаменная Тунгуска и Сым) и И. М. Сулова (верховья р. Подкаменная Тунгуска и ее правый приток р. Чуны), собранных в 1920-х гг., дана история открытия и интерпретация комплексов «шаманских чумов». Материалы извлечены из старых музейных описей и этнографических коллекций Красноярского краевого краеведческого музея. Их анализ позволяет выделить две разновидности шаманских чумов, которые имеют базовую идентичность, но отличаются по некоторым деталям архитектуры и скульптуры, следовательно и по семантике.

В докладе прослеживаются общие и особенные черты в культовых постройках у западных эвенков. В енисейской тайге шаманский чум с галереями *дарпе* и *онанг* найден на территории между Ангарой и Нижней Тунгуской, а без галерей или с неярко выраженными галереями – в верховьях Подкаменной Тунгуски, Чуни и в бассейне Сыма. Разница в архитектуре шаманского чума не случайна; докладчики выдвигают версии объяснений: разный статус шаманов, разные типы камланий; дополнительно, особенности культурных традиций. Предлагаются интерпретации скульптурных изображений, часть которых не была известна в комплексах подобного типа: деревянная скульптура «крылатого человека», наличие неглубоких рукотворных канавок, в которых находились деревянные фигурки рыб и птиц разных зоологических видов.

БАТЬЯНОВА Елена Петровна
Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

СЕВЕРО-ВОСТОК СИБИРИ В ТРУДАХ СЕКТОРА СЕВЕРА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР (1950–1980-е гг.) *

В исследовании истории и этнической культуры коренных народов Северо-Востока Сибири выдающаяся роль в 1950–1980-е гг. принадлежала сектору Севера Института этнографии АН СССР. Сектор Севера (первоначальное название – сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера) был создан в 1954 г., и в сферу его научных интересов сразу вошел Крайний Северо-Восток. Почти ежегодно в этот регион направлялись полевые отряды Северной экспедиции, организованной руководителем сектора Б. О. Долгих в 1956 г. Исследования проводились у всех коренных народов региона: чукчей, коряков, ительменов, чуванцев, камчадалов, эвенов, юкагиров, эскимосов, алеутов, кереков. Изучались не только процессы, связанные с социалистическими преобразованиями хозяйства, культуры и быта этих народов, но и их социальная организация, традиционные обычаи, верования, художественные промыслы, фольклор, танцы. Результаты экспедиционных сборов обобщались в научных публикациях, а также экспертных документах: справках, докладных записках, направляемых в правительственные организации. Среди сотрудников и аспирантов сектора, проводивших исследования на Северо-Востоке, В. А. Туголуков, И. С. Гурвич, К. Г. Кузаков, А. В. Смоляк, М. Я. Жорницкая, Ю. Б. Симченко, В. В. Лебедев, В. П. Монастырская, Т. М. Мастюгина, Н. Н. Гуцол, Е. П. Батянова и др.

В выдающемся труде Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» (1960) значительное место уделено Северо-Востоку. Его коренным народам посвящены специальные разделы многих сборников и коллективных монографий, подготовленных сектором: «Общественный строй у народов Северной Сибири» (1970), «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера» (1970), «Социальная организация и культура народов Севера» (1974), «Этногенез и этническая история народов Севера» (1975), «Этногенез народов Севера» (1980), «Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера» (1985). Среди публикаций сектора, специально посвященных этой историко-культурной области, монография И. С. Гурвича и К. Г. Кузакова «Корякский национальный округ» (1960), монография М. Я. Жорницкой «Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири» (1983). В фундаментальном обобщающем труде И. С. Гурвича «Этническая история Северо-Востока Сибири» (1966) прослежен 300-летний путь этноисторического развития региона с начала его освоения русскими до современности.

* Работа подготовлена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Историко-культурное наследие в современной картине мира народов Севера и Сибири».

Результаты исследований, проведенных сотрудниками сектора в 1950–1980-е гг., получили отражение в томе «Народы Северо-Востока Сибири» (М.: Наука, 2010 / Серия «Народы и культуры»). Подготовку этого капитального труда координировал Институт этнологии и антропологии РАН совместно с Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

БАХОЛДИНА Варвара Юрьевна

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ОЙКУМЕНИ

Границы ойкумены на Севере Европы в период плейстоцена определяются не столько географической широтой, сколько распространением ледникового покрова. Эту границу очерчивают и стоянки древнейших европейцев – гейдельбержцев (*Homo heidelbergensis*) и неандертальцев (*Homo neanderthalensis*). В древних циркумполярных популяциях человека впервые появились стратегии биологических адаптаций, которые отличают и некоторые популяции современного коренного населения Севера. Особенности телосложения неандертальцев формировались как приспособление к условиям пониженных температур и высоких физических нагрузок. При этом небольшой размер групп создавал основу для высокого уровня инбридинга и высокой вероятности распространения мутаций, некоторые из которых, согласно гипотезе Е. Н. Хрисанфовой, могли приводить к снижению жизнеспособности популяций. Те же последствия могли повлечь за собой и так называемые гиперадаптации, основанные на генетически обусловленных гормональных сдвигах. Представители вида *Homo sapiens* появились на территории Европы намного позднее неандертальцев и, судя по всему, избежали значимых биологических «деформаций», связанных с приспособлением к условиям приледниковой зоны, реализуя в основном социальные и культурные механизмы адаптации. Очевидно, различие в адаптивных стратегиях неандертальцев и архаичных сапиенсов в значительной степени предопределило и дальнейшую роль каждого из этих вариантов древних людей в формировании современного населения циркумполярных регионов.

**БОБРОВА Анна Ивановна,
РЫКУН Марина Петровна**

Томский областной краеведческий музей, г. Томск

К ПРОБЛЕМЕ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЭТНОКОНТАКТНОЙ ЗОНЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Памяти Владимира Анатольевича Дрёмова,
томского антрополога

Изучение этноисторических процессов на основе сопоставления комплекса признаков разных дисциплин является актуальным направлением исследова-

ний. Западная Сибирь с древности представляла регион тесных контактов разноэтничных и антропологически неоднородных групп. Для исследования культурно-исторических процессов, протекавших в этом регионе в эпоху Средневековья и Новое время, особое значение имеет этноконтактная зона правобережья р. Оби, её Тымско-Кетское междуречье. Археологические, антропологические, этнографические и лингвистические источники позволяют проследить здесь динамику формирования селькупского этноса, контактных групп региона во времени и пространстве, а также компонентный состав и направление культурных и этнических связей аборигенного населения. Для положительного решения этих задач необходимо выделение и междисциплинарное сопоставление исторически и таксономически значимых комбинаций признаков. В. А. Дрёмов [1940–1996] один из первых применил комплексный подход к этногенетическому анализу западносибирских материалов. Он привлек краниологические, архивные, лингвистические сведения для рассмотрения соотношения антропологических и этнических группировок.

Картографирование комплекса признаков погребального обряда позднесредневекового населения Нарымского Приобья и совмещение их с территорией расселения нарымских селькупов XVII в. позволило выделить на основе археологических материалов четыре типа погребального обряда. Эти типы обряда, вполне оформившись к XV в., локализовались по рекам Тым, Кеть, Обь, Нижний Чулым. Сопоставление диалектно-локальных групп селькупского этноса (по Г. И. Пелих) и территории распространения каждого из них свидетельствует о том, что формирование этнодиалектных групп завершилось уже к этому времени.

БУБНОВА Наталья Андреевна

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА ХАЛАС-ПУГОР КАК ИСТОЧНИК ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О СЕВЕРНЫХ ХАНТАХ

Возможности использования данных палеоантропологии для демографической характеристики палеопопуляций многократно обсуждались на страницах как отечественных (Алексеев, 1972, 1989; Алексеева, 1977; Федосова, 1994 и др.), так и зарубежных исследований (Acsadi, Nemeskeri, 1970; Сеги, Буше, 2008 и др.).

В докладе представлены результаты изучения половозрастной структуры краниологической серии из могильника Халас-Пугор, расположенного близ г. Салехард. Так называемая Остяцкая коллекция – собрание этнографических экспонатов и скелетного материала – была привезена в Москву Д.Т. Яновичем, участником Карской экспедиции братьев Кузнецовых на Полярный Урал, в 1909 г. Этот уникальный

памятник материальной культуры аборигенов Нижней Оби хранится в НИИ и Музее антропологии МГУ.

На основе изученного краниологического материала (около 270 черепов) произведены половозрастные определения: пол определяется по методическому пособию В. П. Алексеева, Г. Ф. Дебеца (1964); возраст – на основании оценки степени зарастания швов и степени стертости зубов.

Рассчитаны палеодемографические показатели: половозрастное соотношение, размеры репродуктивной до- и пострепродуктивной частей, первого репродуктивного поколения и др. Исходя из показателей, можно судить о половозрастной специфике данной палеопопуляции. Реконструкция палеодемографических особенностей может позволить оценить степень биологической и социальной адаптации коренного населения Нижней Оби XIX в. к экстремальным условиям среды.

ВОРОБЬЕВ Денис Валерьевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОМЫСЕЛ ДИКОГО СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ ЭВЕНКАМИ ЧИРИНДЫ

В память о работах Ю. Б. Симченко

Юрий Борисович Симченко неоднократно обращался к изучению культуры охотников на дикого северного оленя в древности и окружавшей его современности (Культура охотников на оленя Северной Евразии М., 1976). Пытаясь продолжить тематику исследователя, я рассматриваю промысел этих животных чириндинскими эвенками на основе материалов своего полевого исследования 2009 г.

Поселок Чиринда расположен на севере Эвенкийского района Красноярского края, на берегу оз. Чиринда. Может показаться парадоксальным, но отдельные черты специализированной культуры охотников на северного оленя доолленеводческой эпохи, проанализированной Ю. Б. Симченко, по-прежнему существуют: дикий олень и сейчас выступает в качестве важнейшего источника существования в культуре жизнеобеспечения изученной группы эвенков. Детерминанта «дикивки» в локальной экономике группы состоит в том, что этот вид промысловой деятельности является одновременно натуральным и товарным ее сегментом. Его занимается большая часть трудоспособного мужского населения поселка. Большинство «дикивщиков» – штатные охотники ОГУП «Север», некоторые охотятся индивидуально.

Несмотря на все более явную модернизацию данного промысла, применяемую здесь стратегию адаптации следует признать успешной. Единственным негативным фактором этой адаптивной стратегии можно назвать высокую степень зависимости от внешнего фактора – конъюнктуры рынка оленины.

**ГОДИНА Елена Зиновьевна,
ХОМЯКОВА Ирина Анатольевна,
ЗАДОРЖНАЯ Людмила Викторовна**

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

АРХАНГЕЛЬСКИЕ ДЕТИ: ОСОБЕННОСТИ РОСТА И РАЗВИТИЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ*

В настоящем исследовании проводился сравнительный анализ ростовых процессов у детей и подростков разных поколений г. Архангельска с целью определения масштаба и направленности секулярной изменчивости по комплексу морфологических показателей. Использованы материалы обследования школьников 7–17 лет, этнических русских, собранные авторами в 1988 и 2009–2010 гг.: 1444 (724 девочки и 720 мальчиков) и 1526 (762 девочки и 764 мальчика) человек соответственно. Программа обследований включала более 30 антропометрических признаков, характеризующих развитие скелета, мускулатуры, подкожного жирового отложения и ряд других показателей.

Установлено, что современные школьники Архангельска превосходят детей 1980-х гг. по длине, массе тела и индексу массы тела: у мальчиков увеличение размеров достоверно в ряде возрастов, у девочек – на уровне тенденции. Для современных детей характерно изменение пропорций тела в сторону увеличения длины корпуса, уменьшения ширины плеч у девочек, увеличения тазового диаметра у мальчиков и девочек. Достоверные различия выявлены по величинам обхватных размеров и подкожного жирового отложения. Современные дети и подростки во всех возрастах отличаются большими обхватами грудной клетки и плеча, толщиной кожно-жировых складок. Для мальчиков и девочек характерны изменения топографии жирового отложения в сторону большей труктальности.

Результаты свидетельствуют о существенных изменениях в ходе ростовых процессов у детей и подростков Архангельска за последние двадцать лет, которые в основном связаны с повышением жирового отложения, что находится в русле общемировых тенденций.

ГРИБЧЕНКО Юрий Николаевич

Институт географии РАН, г. Москва

ГЛАВНЫЕ ПУТИ И УСЛОВИЯ ПЕРВИЧНОГО РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ

Вопросы, связанные с первичным проникновением человека на Север, входят в число наиболее важных проблем для понимания роли природного фактора в формировании человеческого общества. Именно здесь, в суровых ландшафтно-климатических условиях проявились накопленные ранее качества Человека разумного. В ходе природных изменений позднего плейстоцена постепенно активизировалось расселение

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 10-06-00582-а.

первобытных сообществ на равнинах Восточной Европы в условиях преобладания специфических перигляциальных ландшафтов и распространения ледниковых покровов на северо-западе региона. Среднепалеолитические сообщества заселяли по преимуществу южные предгорные области и изредка выходили на равнину, не задерживаясь там надолго. В мустьерскую эпоху люди продвигаются значительно дальше к северу по долинам Десны (стоянки Хотылево 1, Бетово), Волги (стоянки Сухая Мечетка, Челюскинец и др.) и достигли Средней Камы (примерно 58° с. ш.) – стоянки Пещерный Лог, Гарчи 1. Люди этого времени все же не закрепились на равнинных территориях в начале валдайской ледниковой эпохи.

В позднем палеолите (около 40 000–28 000 л. н.) процесс расселения первобытных племен по равнинам Восточной Европы приобрел более масштабный и отнюдь не стабильный характер. К этому времени относится первое проникновение человека в высокие широты. Его привлекали открытые пространства перигляциальных степей и тундро-степей с обилием стад крупных травоядных – главным объектом охоты.

**ГРИБЧЕНКО Юрий Николаевич,
КУРЕНКОВА Елена Ивановна**

Институт географии РАН, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕРВОБЫТНЫХ СООБЩЕСТВ С ПРИРОДНЫМ ОКРУЖЕНИЕМ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ПЕРВИЧНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Во второй половине позднего плейстоцена позднепалеолитическое население достаточно широко распространилось в центральных районах Восточно-Европейской равнины и проникало по речным долинам далеко на север. В этот период люди достигают арктических широт по долине р. Печоры (стоянки Бызовая – 28 тыс. л. н. и Мамонтова Курья – 36–37 тыс. л. н.). Многочисленные стоянки этого времени известны и на Средней Каме, что также фиксирует основные пути миграций. Указанные местонахождения представляют собой следы пребывания охотничьих отрядов, проникших на север за стадами животных. Кроме западных предгорий Урала, которые в среднем Валдае были наиболее удобны для обитания, признаки пребывания людей на севере фиксируются и западнее – в бассейне Северной Двины.

Палеолитические люди были достаточно адаптированы к ландшафтно-климатическим условиям позднего Валдая. Уровень развития хозяйства и средства адаптации позволяли человеку оставаться в северных районах даже в экстремально суровых условиях максимума последнего оледенения – стоянка Талицкого на Каме (18700 л. н.). Активное расселение в северных районах Восточно-Европейской равнины началось на рубеже плейстоцена и голоцена. Формирование в это время лесной зоны существенно повлияло на изменение не только типа хозяйства, но и на характер взаимодействия мезолитиче-

ских и неолитических сообществ с окружающей средой. Многочисленные стоянки голоцена известны и на северо-востоке Восточно-Европейской равнины, и на северо-западе, который в плейстоцене был недоступен для палеолитических охотников.

ГУДКОВА Людмила Константиновна

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН НА АДАПТИРОВАННОСТЬ ПОПУЛЯЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

В современных условиях коренное население Севера вынуждено приспосабливаться к новой гетерогенной среде, которая сильно отличается от той, где прошла большая часть его естественной истории.

Хорошим тестом на пределы адаптивной способности человека является возможность быстрых изменений в состоянии стресса, которые вызываются многочисленными стрессорами, связанными с современным обществом (Baker, 1983). Выраженность этих изменений зависит от интенсивности предъявляемых окружающей средой требований, функционального состояния физиологических систем и поведенческих реакций. Существует предположение, что популяции, более специализированные и/или имеющие ограниченные гомеостатические возможности, не могут вынести существенных перемен во внешней среде, которые выносятся популяцией неспециализированные или с более развитым гомеостазом (Fisher, 1930, цит. по: Пианка, 1981).

Многочисленные литературные данные и результаты, полученные нами (Гудкова, 2008), указывают на то, что изменившийся образ жизни коренного населения Севера обусловил у них снижение приспособленности к среде обитания, нарушил не только физиологические, но и поведенческие особенности популяций. В наибольшей степени изменения социально-экологических факторов среды повлияли на популяцию эскимосов, которой не удается поддерживать состояние адаптированности, более того, можно утверждать, что популяция на момент обследования находилась в состоянии дезадаптированности. Большая изменчивость нормы реакции количественных физиологических признаков, более других зависящих от факторов среды, свидетельствует о разладе динамического равновесия в системе «популяция – среда». По всей видимости, эскимосы являются высокоспециализированной группой, адаптивные возможности которой исчерпаны.

ДАНИЛЕЙКО Виктория Александровна

Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ П.Е. ОСТРОВСКИХ (1899–1903 гг.) В ФОНДАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Полевые материалы и этнографические коллекции известного этнографа Петра Евгеньевича

Островских [1870 – после 1937 г.], хранящиеся в музеях и архивах Красноярска, Минусинска, Москвы, Санкт-Петербурга, до сих пор остаются малоизвестными для современной историографии.

В фонд П. Е. Островских КККМ входят полевые дневники, этнографические, археологические, естественнонаучные и фотографические коллекции, собранные им в течение ряда лет по Минусинскому уезду, Урянхайскому и Туруханскому краям. Нами изучаются его неопубликованные полевые дневники за 1899–1903 гг. (КККМ О/Ф 9891/Пир 500) – время работы этнографа по нижнему течению Енисея в должности губернского чиновника. Самодельные тетради (158) содержат интересный, хотя и отрывочный этнографический материал. Наиболее подробно представлены данные по экономике и хозяйству русского и «инородческого» населения края: таблицы состава семей, их экономического положения, сведения по промыслам, ценам, долговым отношениям. Были записаны наблюдения шаманских обрядов, особенностей культуры и быта коренного населения; возможно, впервые в историографии (1899 г.) дано описание кетского мольбища на р. Сургутихе.

Публикаций П. Е. Островских по итогам исследований Севера очень мало – всего несколько общих работ по положению «инородцев»: «Баишенские "остяки"», «Поездка на оз. Ессей» и др., ряд корреспонденций для сибирских газет. Введение в научный оборот полевых материалов рубежа XIX–XX вв. может стать важным источником по этнографии коренных народов Сибири, поможет глубже понять этого исследователя как этнографа-сибироведа.

ДАНИЛКОВИЧ Нина Михайловна

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

КАРИЕС ПОСТОЯННЫХ ЗУБОВ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ХОЛМОГОРСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучали смену двух генераций зубов у русских детей и подростков в 1989 г. Всего исследовано 1282 школьника обоего пола в возрасте от 7 до 17 лет. Определяли сроки появления всех классов постоянных зубов и некоторые морфологические особенности (редукция, деформация и др.). Особое внимание уделено поражению зубов кариесом, самой массовой патологии человека. Так, в 10 лет 13% обследованных девочек и 23% мальчиков имеют кариозные зубы (КЗ), в 14 лет – уже 64 и 60% соответственно, а в 17 лет – 78 и 86%.

Количество пораженных кариесом зубов у одного школьника составило: один кариозный зуб в возрасте 7 лет у 6% девочек и столько же у мальчиков. В 17 лет кариес одного зуба отмечен у 25% девочек, у 28% – два КЗ, у 8% – три КЗ, у 6% – четыре КЗ и у 3% девочек восемь КЗ.

В 14 лет наблюдаем широкое распространение этой патологии у мальчиков: один КЗ имеют 22% обследованных, два КЗ – 15%, три КЗ – 11%, четыре

КЗ – 9% и шесть КЗ отмечено у 3,6%, единичные случаи встречаемости семи и десяти КЗ.

Интерес представляет и степень поражения кариесом отдельных классов постоянных зубов. Главенствующее положение во всех возрастных группах занимает М1 (первый моляр), причем в нижней челюсти значительно больше, чем в верхней, что отмечено и для М2. Поражение кариесом резцов, как центральных, так и латеральных, чаще происходит на верхней челюсти.

ДЕТЛОВА Екатерина Владимировна

Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

ГАНС ФИНДАЙЗЕН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРСКОГО СЕВЕРА

Значительный вклад в развитие русской этнографической науки первой трети XX в. внес известный немецкий ученый Ганс Финдайзен (Hans Findeisen). В 1920–1930-х гг. в зарубежной печати вышел ряд его работ, посвященных обзору русской литературы по этнографии. Лично поездку в Россию, к кетам севера Красноярского края, ученый совершил в 1927 г. Это путешествие он описал в брошюре «Из Берлина на сибирский Север» (1929), а итоги своих наблюдений впервые обнародовал в 1928 г. в Красноярске, на заседании коллегии музея. В 1929 г. его доклад лег в основу статьи «Из поездки к кэто (енисейским остякам)», опубликованной в журнале «Северная Азия».

Среди научных учреждений, с которыми ученый сотрудничал в течение длительного времени, был Красноярский музей. Возобновить прерванные в 1930–1940-х гг. контакты с музеем Финдайзен пытался и в послевоенное время. В архиве Красноярского музея сохранилось его письмо от 1956 г. с просьбой прислать новые материалы по этнографии народов Севера. Это письмо вкупе с рукописью отчета о поездке к кетам и брошюрами, присланными автором в дар музею, – уникальные документальные свидетельства о работе немецкого этнографа в Сибири. Известно, однако, что в личном архиве Финдайзена в Берлине сохранились неопубликованные материалы по этнографии северных народов, а также обширная переписка ученого с русскими коллегами, что представляет несомненную ценность и интерес для истории науки.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Мария Всеволодовна

Институт археологии РАН, г. Москва

ПИЩЕВЫЕ МОДЕЛИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ

Посвящая памяти академика

*Татьяны Ивановны Алексеевой**

Изучение рационов питания древнего населения актуально для различных направлений этнологии, антропологии и археологии. В современных палеоан-

* Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 10-06-00447.

тропологических исследованиях используются данные об изотопном составе коллагена костной ткани. Наиболее распространены данные о стабильных изотопах углерода ^{13}C и азота ^{15}N , информирующие о доле растительной и животной пищи, использовании водных или наземных ресурсов, общем положении в трофической пирамиде освоенной экологической системы. Также для реконструкции состава рациона питания применимы методы оценки аккумуляции микроэлементов, тяжелых металлов, ряда химических элементов, входящих в состав минеральной части костной ткани (Добровольская, 2005).

Этнологические исследования указывают на специфический состав рационов питания народов циркулярной зоны, в которых преобладающее место занимают животные жиры и белки. Данные по физиологии аборигенных популяций Севера убедительно демонстрируют выраженные специализации питания, закрепленные на генетическом уровне (Козлов, 2005). Изотопный анализ позволяет судить о пищевых специализациях в группах древнего населения, что, в свою очередь, дает основания для реконструкции хронологии формирования этих физиологических адаптаций.

В исследовании привлекаются оригинальные и литературные данные об изотопном и химическом составе костной ткани индивидов из погребений эпохи верхнего палеолита Европы (Сунгирь, Гуч Кэйв и др.) и мезолита (Оленеостровский могильник, некрополи Северной Прибалтики и Скандинавии) для сравнения с данными о древних группах с высокоспециализированными белковыми диетами на примере палеопопуляций из древнеэскимосских некрополей Эквен и Уэлен (ранний железный век). Дискутируются вопросы хронологии сложения высокоспециализированных белковых диет у населения высоких широт Северной Евразии.

ЕВТЕЕВ Андрей Алексеевич

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ВЛИЯНИЕ ДЫХАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ НА МОРФОЛОГИЧЕСКУЮ ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЛИЦЕВОГО СКЕЛЕТА ЧЕЛОВЕКА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Адаптивная значимость строения носовой области известна с первой половины XX в. и хорошо обоснована в десятках исследований, однако подавляющее большинство работ в данной области основано на сопоставлении двух контрастных вариантов: аборигенов тропиков Африки и западноевропейского населения как обитателей зоны относительно холодного и сухого климата. Большинство выводов относится к строению мягких тканей носа, в то время как об адаптивной изменчивости костных структур лица и носовой полости известно гораздо меньше, а то, что известно, описывает все тот же негроидно-европеоидный «вектор». Практически не изучено влияние респираторной функ-

ции на строение лицевого скелета в пустыне, высокогорье, циркулярных областях, зонах континентального климата. Между тем именно здесь, по данным физиологии дыхания и антропоэкологических исследований, следует ожидать ярких морфологических проявлений адаптивных процессов. Хорошо известно, например, какое влияние оказывает жизнь в высокогорье на строение грудной клетки, легких, биохимию крови. В докладе приводится обзор известных фактов и гипотез, связанных с адаптивной изменчивостью респираторного отдела лицевого скелета, излагаются результаты собственного морфометрического исследования, в котором краниологические серии из континентальных, циркулярных и горных районов сопоставляются с выборками населения умеренного климата. В измерительной программе использовано большое число признаков для характеристики внутренних и наружных структур носовой области, часть из которых применяется впервые. Наблюдаемые морфологические отличия интерпретируются с точки зрения изменений ростовых процессов черепа.

ЕФИМОВА Светлана Григорьевна

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

К ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ОКРАИН ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

«Не только публика, но и большинство наших ученых, совершенно не знакомы с особенностями племен, населяющих Россию, а между тем еще Бэр указал, что ни одно государство не представляет такого богатства, как Россия» – эта цитата из речи «Антропология и университет» (1876) выдающегося ученого и общественного деятеля А. П. Богданова отражает основную идею Антропологической выставки 1879 г. в Москве. Выставка имела важное значение для утверждения антропологии как университетской науки в России, вызвала большой общественный резонанс и широко освещалась в русской и иностранной прессе. Во время ее проведения состоялся Антропологический съезд, в числе делегатов которого были такие выдающиеся ученые того времени, как П. Брока, А. де Катрфаж, П. Топинар, Г. де Мортилье, Г. Лебон, К.Е. Уйфальви. Желая познакомить зарубежных ученых с народностями, населяющими Россию, комитет организовал летом 1879 г. приезд семьи вогулов из Тагила, шести самоедов из Канинской тундры, двоих лопарей из Архангельска. Экспозиция в Манеже поражала своим размахом и художественным оформлением и состояла из шести отделов: краниологического, фотографического, медико-антропологического, этнографического, геолого-палеонтологического и доисторических древностей.

В числе собирателей материалов выставки были как представители аристократических слоев, так и разночинная интеллигенция, купцы и крестьяне, но основная экспедиционная нагрузка легла на плечи небольшого кружка ближайших сподвижников

А.П. Богданова. Н.Ю. Зограф – известный зоолог (ихтиолог) и антрополог, профессор Московского университета, в 1877 г. по заданию комитета выставки проводил исследования на севере Архангельской губернии. Главной целью этой трудной экспедиции было антропологическое изучение самоедов (ненцев) Канинской тундры (измерено 50 человек, получено 10 гипсовых масок) и сбор кранио-остеологических материалов. Хранитель Зоологического музея, ученик и помощник Богданова во многих его начинаниях, Н.К. Зенгер в том же 1877 г. проводил раскопки кладбищ на побережье Белого моря (с. Золотицы) и доставил в Москву краниологический материал. Геодезист по образованию и антрополог по призванию, хранитель Политехнического музея А.И. Кельсиев в 1876–1877 г. совершил поездку в Русскую Лапландию. В саамских погостах он проводил антропологические измерения, собрал коллекцию этнографических предметов и фотографий; впервые на Кольском полуострове (около Поноя) провел археологические исследования. Значительная часть собранных в этих северных экспедициях краниологических коллекций и фотоматериалов до сих пор хранится в Музее антропологии Московского университета.

ИВАНОВА Елена Михайловна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ГОНИОМЕТРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСАНКИ ТЕЛА ШКОЛЬНИКОВ г. АРХАНГЕЛЬСКА В СРАВНЕНИИ С ДЕТЬМИ ИЗ ДРУГИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Проанализированы данные по трем детским группам в возрасте 7–17 лет из Архангельска (русские), Москвы (русские) и Элисты (калмыки). Для исследования осанки применялся метод гониометрии, предложенный В. А. Гамбурцевым. Гониометрия заключается в измерении угловых показателей на теле человека с помощью скользящих и толстотных циркулей с гониометрами. В настоящем исследовании измерялись углы наклона позвоночника и таза в сагиттальной плоскости. Наибольшие различия между школьниками трех городов обнаружены по углу отклонения от вертикали верхнейшейного отдела позвоночника. В целом у архангельских детей в большей степени развит шейный лордоз; его уменьшение у московских детей наблюдается как у мальчиков, так и у девочек. Анализ половозрастной динамики углов наклона позвоночника и таза показывает изменение с возрастом всех гониометрических показателей. Увеличиваются углы наклона верхнегрудного отдела позвоночника, крестца, таза, тем самым усиливая все изгибы позвоночника. У мальчиков Архангельска отмечена большая сутулость при слабом поясничном прогибе, тогда как у девочек Архангельска всех возрастов наблюдается меньшая сутулость при большей величине поясничного лордоза. Тем не менее частота встречаемости сколиозов во всех группах увеличивается с возрастом от 3 до 45% и от 8 до 50% у мальчиков и девочек соот-

ветственно. Исследование показало, что гониометрия может успешно применяться как способ мониторинга состояния осанки школьников.

ИГНАТЬЕВА Ванда Борисовна

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск*

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ КЛИМАТА

Результаты полевых исследований факторов безопасности, сопряженных с глобальным потеплением, подтверждают рабочую гипотезу, что происходящие изменения в окружающей природной среде многократно увеличивают и обостряют социальные, экономические и экологические проблемы коренных народов Якутии. Продвижение границы лесной зоны к северу, увеличение наводненных площадей и погибающих лесных массивов, сокращение земель сельскохозяйственного назначения позволяют обосновать тезис об экономической неустойчивости и социально-экономической уязвимости сельских территорий, поселений, жителей. По существу, речь идет о влиянии климатических перемен на формы традиционного хозяйства и аграрную экономику северных коневодов, оленеводов, охотников и рыболовов в целом, на сохранение и развитие их материального и духовного наследия, этнокультурных традиций. В общественном мнении коренных народов изменение климата – не отдаленная перспектива, а непосредственно переживаемая действительность, к которой они уже сейчас стараются адаптироваться.

Вместе с тем современным климатическим проблемам, определяющим прогноз на длительную бедность жителей сельских поселений Якутии с возможными потерями привычного места жительства, уделяется очень мало внимания с точки зрения безопасности жизнедеятельности. Косвенно это свидетельствует о недостатке или отсутствии в обществе релевантной информации по общим и региональным вопросам климатологии, экологии и социальной антропологии.

КАЗАКЕВИЧ Ольга Анатольевна

*Научно-исследовательский вычислительный центр
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ОТ РОДОВЫХ СОВЕТОВ ДО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ: ЖИЗНЬ ТАЗОВСКОЙ И БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЫ ПО ДНЕВНИКАМ Г.Н. ПРОКОФЬЕВА 1925–1926 И 1930 гг.*

В архиве Георгия Николаевича и Екатерины Дмитриевны Прокофьевых (МАЭ РАН, СПб) хранятся

* Доклад подготовлен в рамках совместного инициативного проекта лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова и отдела этнографии народов Сибири МАЭ РАН, цель которого – оцифровка и публикация материалов архива Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых.

фрагменты двух полевых дневников известного лингвиста и этнографа-североведа Г. Н. Прокофьева [1897–1942]. Разделенные интервалом менее чем в пять лет, они по сути представляют разные эпохи жизни автохтонного населения Севера: 1925–1926 гг. (первый год работы директором инородческой школы в Туруханском крае, родовые советы, еще связанные со старой социальной организацией инородцев, приполярная перепись, традиционная культура инородческого населения, школа как место знакомства автохтонного населения с плодами цивилизации, а также с идеологией новой власти, появление местных активистов-демагогов), 1930 г. (путешествие с культбазы Хоседа-Хард к Югорскому шару: коллективизация добралась до северных окраин, поиски кулаков, протест жителей тундры, неприглядные фигуры активистов и стыд за собственное участие, хотя и невольное, в том, что происходит). Дневники Прокофьева – ценнейший источник сведений о жизни автохтонного населения сибирского и Европейского Севера в первой трети прошлого века. Это еще и свидетельство того, сколь непроста была роль этнографа, лингвиста и культуртрегера в ту эпоху: с одной стороны, трудясь на ниве просвещения, знакомя своих учеников с плодами цивилизации, он тем самым расшатывал устои их традиционной культуры; с другой – стараясь зафиксировать все наблюдаемые им проявления материальной и духовной культуры жителей тундры, он способствовал сохранению и осмыслению этой культуры.

КАРЛОВ Виктор Владимирович

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ГИДРОНИМЫ НА -ИМ, -ЫМ И НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА САМОДИЙЦЕВ

Среди материалов по гидронимике Сибири и циркулярного региона, привлекаемых для решения вопросов об этногенезе самодийских (как и других уральских) этносов, гидронимы с окончанием на -им, -ым, представлялись загадочными, не находящими надежных этимологических объяснений. Их концентрация связана с междуречьем среднего течения Оби и Енисея и притоками этих рек, прежде всего низовий Оби. Менее частое их присутствие обнаруживается в очень широких границах, от Ишима на западе до Илима и Витима на востоке Сибири, а также вверх по Енисею. Кроме того, плотный «куст» подобных гидронимов есть в европейском Приуралье (бассейн Верхней Камы и Вычегды). Хотя конкретных объяснений самодийского или другого уральского происхождения этих форм нет, А. К. Матвеев высказывал мнение, что гидронимы на -им, -ым вполне могут восходить к уральским языкам, типологически они не отличаются от финно-угро-самодийских топонимов. Учитывая тот факт, что самые короткие варианты таких гидронимов (Сым, Тым, Пим) расположены именно в междуречье среднего течения Оби и Енисея, резонно предположить, что их происхождение, возможно, свя-

зано именно с этими территориями. Это позволяет высказать гипотезу о том, что последующее распространение гидронимов такой формы по Сибири и в Предуралье, возможно, связано с распадом кулайской общности Среднего Приобья и расхождением ее потомков в разных направлениях, прежде всего вниз по Оби, с выходом в Предуралье.

КВАШНИН Юрий Николаевич

Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень

ТАЙМЫРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЮРИЯ БОРИСОВИЧА СИМЧЕНКО*

Памяти учителя

В 2010 г. исполнилось 15 лет как ушел из жизни Ю. Б. Симченко [1935–1995], известный этнограф-северовед, учитель и замечательный человек. Из своих 60 неполных лет в общей сложности 10 лет Юрий Борисович провел в экспедициях по Северу и Сибири. Особое место в его научной жизни занимали экспедиции на п-ов Таймыр. С 1961 по 1977 г. он бывал там практически ежегодно, планомерно изучая во всем многообразии этническую культуру северосамодийских народов – ненцев, энцев, но в большей степени нганасан.

Ненцы и энцы занимались в тот период крупно-стадным оленеводством, а у нганасан в то же время в относительно полном объеме сохранялись многие элементы классической культуры охотников на диких северных оленей. Именно этническая культура нганасан как потомков коренного населения Таймыра заинтересовала Юрия Борисовича больше всего. Он изучал их родовую организацию и номенклатуру родства, обычаи и обряды, традиционные занятия и верования. Ему удалось собрать большой объем уникального материала о системе жизнеобеспечения и традиционных верованиях нганасан. Исследуя нганасанский шаманизм, он подружился с несколькими шаманами, что позволило ему и его коллегам записать целый ряд камланий, рассмотреть их структуру, музыкальный строй, попытаться проникнуть в их природу. Неоценимую помощь и поддержку в экспедиционных исследованиях и обработке материала оказывала Галина Михайловна Афанасьева, ставшая впоследствии его супругой и защитившая блестящую докторскую диссертацию по родовой системе нганасан. Научные труды Ю. Б. Симченко являются весомым вкладом в российскую и мировую науку.

КВАШНИН Юрий Николаевич

Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень

АДАПТИВНЫЕ СВОЙСТВА ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОМИ-ИЖЕМЦЕВ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ**

Коми-ижемцы – одна из этнографических групп народа коми. Этническая культура ижемцев по-своему

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

** Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №10-01-00176а.

уникальна. Эта группа начала образовываться в последней четверти XVI в. Постепенно продвигаясь на север Архангельской губернии, ижемцы адаптировались к суровому климату Заполярья. Они переняли у ненцев опыт ведения оленеводческого хозяйства, усовершенствовали его и стали заниматься им как товарным производством. Немалый доход приносила ижемцам организация рыбных промыслов, а также продажа ненцам и хантам муки, масла, чая, сахара, ситца и прочих товаров. В первой половине XIX в. ижемские оленеводы и купцы стали переселяться на север Тобольской губернии. На рубеже XIX–XX вв. у коми-ижемцев Зауралья сформировались два взаимодополняющих друг друга хозяйственно-культурных комплекса: кочевой (оленеводческий) и оседлый (торгово-промышленный). Такое сочетание, когда одна часть семьи кочевала по тундре с оленями, а другая оседло проживала в населенном пункте, привело к тому, что смена кочевого быта на оседлый и наоборот проходила у ижемцев практически безболезненно. Это выгодно отличало их от соседей. Ханты и ненцы, переходя к оседлости, часто не находили своего места в новой для них социальной среде, а их дети и внуки полностью утрачивали навыки традиционных хозяйственных занятий и становились маргиналами.

Современные исследования в Северном Зауралье показывают, что многие коми-ижемцы ушли из оленеводства. Сегодня в совхозах ЯНАО пастухами работают в основном ханты или ненцы. Лишь несколько бригад, кочующих в Приуралье, состоят из коми-ижемцев. Некоторые ижемцы выпасают личных оленей. Многие переселились из тундры в города и поселки. Анализируя родословные коми-ижемцев, можно сказать, что благоприобретенный навык безболезненного перехода от кочевания к оседлости позволяет некоторым представителям младшего поколения ижемцев свободно перемещаться и прижиться в разных уголках страны, от Центральной России до Дальнего Востока.

**КЛОКОВ Константин Борисович,
ХРУЩЕВ Сергей Андреевич**

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИНАМИКИ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОПУЛЯЦИЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ

Исследовалась динамика численности сельского населения коренных малочисленных народов Севера России (КМНС) и демографические аспекты политики Российского государства в отношении аборигенов Севера. Объектами статистического изучения были региональные сельские популяции 26 этносов, включенных в список КМНС 1926 г. Для анализа использованы данные всеобщих переписей населения с 1897 по 2002 г. в региональном разрезе, другие статистические и литературные материалы. Результаты

позволили выявить некоторые новые закономерности динамики региональных популяций КМНС.

Региональные популяции КМНС рассматриваются в двух аспектах: этносы-демасы и этносы-социумы. Динамика воспроизводства первых детерминирована эндогенными (внутрипопуляционными) факторами и определяется в основном соотношением рождаемости и смертности. В динамике воспроизводства этносов-социумов существенную роль играют межкультурные взаимодействия, то есть ассимиляция и противоположный ей процесс «этнической реидентификации» (так называемое восстановление этничности); питательной средой для последнего служит население из числа потомков национально-смешанных браков.

Процесс этнической реидентификации коренных этносов начал активно развиваться в межпереписной период 1989–2002 гг. В этот период влияние региональных условий и политических факторов в большей степени сказывалось на динамике популяций этносов-социумов, чем этносов-демасы.

Динамика численности КМНС принципиально отличается от динамики численности основной массы населения северных регионов. У коренных народов практически отсутствуют межрегиональные миграции, низок уровень урбанизации, повышен естественный прирост, развиты процессы ассимиляции и этнической реидентификации. В связи с этим для КМНС необходима разработка региональной демографической политики, учитывающей их этническую специфику и процессы межэтнического взаимодействия.

**КОКОБА Елизавета Григорьевна,
ЧИЖИКОВА Татьяна Петровна**

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ОЦЕНКА СОМАТИЧЕСКОГО СТАТУСА ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ 10 ЛЕТ

*В память наших учителей Алексеевых –
Валерия Павловича и Татьяны Ивановны,
Павловского Олега Михайловича,*

возглавлявших северные экспедиции к саамам и ненцам.

Материалы этих экспедиций были опубликованы

В качестве контраста северным группам населения предлагаются результаты диахронного обследования популяций, живущих в комфортных климатических условиях. Проанализированы соматические характеристики двух выборок взрослых сельских абхазов из трех сел (Члоу, Джгерда и Поквеш Очамчирского района Абхазии) двух моментов обследования (1980, 1990 гг.). Проведены продольно-поперечные сравнения возрастных когорт с целью изучения популяционных и индивидуальных возрастных изменений за 10 лет. Социальные условия жизни этого населения за данный период существенно не менялись. На этом фоне и значительных соматических изменений у абхазов не выявилось.

Во всех возрастных группах мужчин и женщин двух обследований отмечены большие по абсолют-

ной величине средние арифметические значения по длине и массе тела в выборках 1990 г., а индексы массы тела в пределах возрастной нормы.

Понижением средних значений длины тела выделяются когорты мужчин, рожденных с 1931 по 1940 г. (в возрасте 40–49 лет в 1980 г. и когорты 50–59 лет в 1990 г.), детство которых пришлось на годы Великой Отечественной войны.

Преобладающие соматотипы среди абхазов: у мужчин – мускульные варианты, у женщин – стенопластический и мезопластический варианты. Соотношение встречаемости соматотипов в разные годы обследования остается в целом стабильным, но в 1990 г. снизилась доля крайних вариантов.

Анализ абсолютных, относительных и качественных возрастных характеристик сомы у абхазов двух обследований, а также их динамики выявил практически неизменный габитус абхазов на протяжении 10 лет.

**ЛАВРЯШИНА Мария Борисовна,
УЛЬЯНОВА Марина Владиславовна**

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

БАЛАГАНСКАЯ Ольга Алексеевна

Медико-генетический научный центр РАМН, г. Москва

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СИБИРИ: ПРОЦЕССЫ АССИМИЛЯЦИИ ПРИШЛЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ПО ДАННЫМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И ПОПУЛЯЦИОННОЙ ГЕНЕТИКИ

Исследование трех поколений (1940-е, 1970-е, 2000-е гг.) коренных народов Сибири – алтай-кижи, качинцев, койбалов, кумандинцев, кызыльцев, сагайцев, теленгитов, тубаларов, челканцев и шорцев (73326 человек) на основе изучения брачно-миграционной структуры и фонда фамилий выявило общую тенденцию нарастания метисации коренного населения. Вместе с тем темпы ассимиляции сибирских народов пришлым населением существенно различаются. «Кризисным» с данной точки зрения выглядит кумандинский этнос, для которого характерна высокая миграционная активность, дисперсность расселения, отрицательная этническая брачная ассортативность и близкая к 100% частота межэтнических браков. Это свидетельствует о высокой вероятности внедрения «чужих» генов в кумандинский генофонд и необратимом разрушении традиционной генетической структуры данного этноса. Фамильный анализ выявил самые высокие среди изученных народов показатели генетических расстояний между поколениями кумандинцев 1940-х и 2000-х гг. ($d=0.5358$).

Генотипирование и последующий сравнительный анализ аутосомных ДНК маркеров CCR5, CCR2, ACE, ApoA1, PV92, TRA25, A25, F13B, B65 у десяти коренных народов Сибири (1085 человек) показал значительную генетическую дистанцированность кумандинцев от родственных им народов Алтае-Саян. Усредненная удаленность кумандинцев от всех исследованных сибирских популяций составила 0.0369, тогда как крайние значения данного показателя у других варьировали от 0.0124 у качинцев до 0.0247 у сагайцев.

При кластерном анализе с привлечением данных об этих генах у русских выявлено объединение кумандинцев с русскими. Таким образом, заключение, полученное при генетико-демографическом исследовании кумандинцев, подтверждается данными популяционной генетики.

ЛЕБЕДЕВА Елена Геннадьевна

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары*

ДЕРМАТОГЛИФИКА ЧУВАШЕЙ В СВЯЗИ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ ТЮРКСКОГО МИРА

Антропология чувашей все больше привлекает внимание ученых-тюркологов в связи с разработкой проблем формирования и современной расовой дифференциации тюркских народов. Своеобразный комплекс дерматоглифических признаков, отличающий чувашей, требует, по мнению Г. Л. Хить (2004), особого рассмотрения.

В работе проанализированы дерматоглифические материалы по трем этнографическим группам чувашей (верховые, средненизовые и низовые), собранные автором в четырех районах Чувашии, а также литературные источники. Мужские и женские серии описывались по стандартной методике, принятой в российской академической школе. В соответствии с методом межгрупповой шкалы (Хить, 1983, 1986) анализировались пять ключевых признаков, строились круговые полигоны ключевых признаков, вычислялись условные показатели выраженности расовой основы (ЕМК, СЕК), матрицы попарных ОДР (обобщенное дерматоглифическое расстояние) подвергались кластерному анализу со взвешиванием. Сопоставлены чувашские выборки с тюркскими и финно-угорскими народами в пределах каждого пола.

Результаты исследования подтвердили вывод о принадлежности основного массива чувашей к волго-камскому расовому типу по дерматоглифическим показателям, несмотря на различия между этнографическими группами по комбинациям признаков, при которых низовые чуваша характеризуются специфическим комплексом (увеличение дельтового индекса и индекса Камминса, частоты истинных узоров гипотенара и добавочных межпальцевых трирадиусов). Новые материалы и межгрупповые сопоставления подтверждают местную многокомпонентную природу чувашского этноса на основе не только культурного, но и биологического контакта финно-угорских и тюркских групп.

ЛУКЬЯНЧЕНКО Татьяна Васильевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ЭТНОГЕНЕЗ СААМОВ

Доклад посвящен памяти известного карельского ученого лингвиста и историка Георгия Мартыновича

Керта [1923–2009], доктора филологических наук, автора саамско-русского и русско-саамского словаря для школ (П., 1986).

Саамы – коренные насельники Европейского Севера, живут в северных районах четырех стран: России, Финляндии, Швеции и Норвегии. Их общая численность составляет около 70 тыс. человек. Этногенез саамов сложен и до сих пор, хотя им занимались и занимаются многие исследователи разных стран (археологи, антропологи, лингвисты и этнографы), до конца не выяснен.

Существует несколько версий происхождения саамов. Одна из них связывает этногенез этого народа с Зауральем, в частности, предполагаются контакты предков саамов с самодийцами и только позже с прибалтийско-финскими племенами, от которых саамы восприняли их язык. Этой точки зрения придерживался Г. М. Керт.

По другой гипотезе саамы являются древними палеоевропейцами, предки которых жили на крайнем севере Норвегии, на узкой береговой полосе, свободной от последнего оледенения (культура Комса), а также на крайнем северо-западе Кольского п-ова (культура арктического палеолита на п-ове Рыбачий).

Другая группа древнейших стоянок известна в Восточной Финляндии и Карелии, где открыты памятники мезолитического времени (культур Аскола и Суомусъярви). В заключение можно сделать вывод о том, что двумя возможными территориями, где происходило формирование предков саамов, были Восточная Финляндия и Карелия, с одной стороны, и северное побережье Норвегии и крайний северо-запад Кольского п-ова, с другой.

Дискуссия о происхождении саамов продолжается.

МАКСИМОВ Аркадий Леонидович

*Научно-исследовательский центр «Арктика» ДВО РАН,
г. Магадан*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ АДАПТАЦИЙ У КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ – ПОТОМКОВ ЕВРОПЕЙСКИХ МИГРАНТОВ

Современные исследования в области антропологии и экологии жителей Северо-Востока России требуют не только унифицированных методических подходов к оценке адаптивных морфофизиологических перестроек организма человека, но и строгих терминологических понятий. Мы не считаем, что понятия «аборигенный» и «коренной житель» являются синонимами. Под аборигенным населением понимаются конкретные этнические популяции людей, в течение многих поколений живущие на определенных территориях, жизненный уклад и хозяйственная деятельность которых основаны на традиционном экстенсивном использовании возобновляемых природных ресурсов в своем ареале. Коренными жителями Севера мы предлагаем считать лиц, родившихся от пришлого населения (мигрантов) в регионах, как правило, расположенных севернее 60° и постоянно

проживающих там не менее одного поколения. Это популяции смешанного этнического состава и на Северо-Востоке России представляют в основном потомков выходцев из центральных районов России, Украины и Закавказья.

Морфофункциональные различия были выявлены в этой категории коренных жителей, проживающих в приморской и внутриконтинентальной зонах Магаданской области. Природно-климатические факторы внешней среды оказывают существенное влияние на становление морфофункциональных характеристик человека (Алексеева, 1977; Воронин, 1981; Leonard et al., 2002; Ulijaszek, 1996). Нашими исследованиями установлено, что у юношей из внутриконтинентальной зоны наблюдается меньшая поверхность тела и меньшая длина ног, чем у их сверстников приморской зоны. При анализе сердечно-сосудистой системы у юношей центральной Колымы отмечены повышенные значения систолического А/Д, что позволяет говорить о раннем развитии у них предгипертензионных состояний; у них снижены и показатели функции внешнего дыхания относительно сверстников из приморской зоны.

МАУРЕР Андрей Маркович

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ГАЛЕРЕЯ ОБОБЩЕННЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ФОТОПОРТРЕТОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЦИРКУМПЛЯРНЫХ РАЙОНОВ ЕВРАЗИИ

Накопленный многочисленными антропологическими экспедициями на Север Евразии числовой и табличный материал хорошо и полно представлен в отечественных и зарубежных публикациях, в то время как визуализация антропологического разнообразия представляется недостаточной. В данной работе мы стремились восполнить этот пробел. Нами использован метод обобщенного фотопортрета. Исходным материалом служили фотосери, полученные в экспедициях в различные районы Северной Евразии: северо-западный, северный и северо-восточный регионы России (бывшего СССР), то есть субарктические территории Европы, Западной и Восточной Сибири, Чукотка и Камчатка.

В работе использованы как материалы классиков отечественной антропологии (В. В. Бунака, В. П. Алексеева, Т. И. Алексеевой, И. М. Золотаревой, Ю. Г. Рычкова), так и фотосери, любезно предоставленные А. А. Зубовым, И. В. Перевозчиковым, Г. А. Аксяновой, а также недавно собранные этнографом Ю. Н. Квашниным (цветные цифровые фото). Привлечены опубликованные материалы финских исследователей.

В созданной галерее представлены следующие этнические группы: карелы, финны, саамы, русские (поморы), коми (зыряне), ненцы, эвенки, кеты, нганасаны, якуты, эскимосы, камчадалы. Фотогалерея наглядно подтверждает вывод В. П. Алексеева об исходной гетерогенности коренного населения Севера Евразии.

МИЛОВА Ольга Леонидовна*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва***ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ
1920–1930-х гг. НА РУССКИЙ СЕВЕР:
ЖИЗНЬ ИЛИ ВЫЖИВАНИЕ?**

В начале XX в. отмечены три волны колонизации Русского Севера. Последняя, сочетавшая добровольную и принудительную миграцию советских граждан, привела к кризисной демографической ситуации в крае. За короткое время в неподготовленные для проживания и работы условия прибыло огромное число переселенцев: раскулаченных (300 тыс. в 1930/31 г.), административно-ссыльных, высланных и др. категорий. Население Архангельска за период 1926–1938 гг. увеличилось почти в четыре раза и составило в 1939 г. 281 тыс. человек. Начавшиеся эпидемии сопровождались высокой смертностью мигрантов (10% от всех умерших спецпереселенцев СССР). Основные заболевания – брюшной и сыпной тиф, дизентерия, лихорадка, среди детей также скарлатина и корь. Смертность в 1933 г. превосходила рождаемость в 9,6 раза. Численность переселенцев в 1932/33 г. резко сократилась, потом стабилизировалась на уровне 80–70 тыс. человек.

Одной из самых уязвимых категорий принудительных переселенцев в регионе были административно-ссыльные и высланные по постановлениям ОСО ОГПУ (58 статья п. 10, 11). Вместе со спецпереселенцами их направляли в лесную промышленность. Эти группы дискриминировались по отношению к вольнонаемным лишением трудовых договоров, страхования, снабжения обувью, спецодеждой, промтоварами, должного медобслуживания. Питание для них выделялось из фондов спецназначения: работающим – 800 г хлеба в день, нетрудоспособным – 300 г. Ссыльные, которые не использовались на производстве и не имели права передвижения, часто не могли трудоустроиться в сельской местности. Источником выживания становились посылки от родных, лов рыбы, заготовка грибов, ягод. В крае развивалось бродяжничество и нищенство.

Несмотря на разрабатываемые мероприятия в рамках постановления Севкрайисполкома от 5 июня 1933 г. о трудовом и бытовом устройстве ссыльных и высланных, фактически наблюдалось резкое ухудшение уровня их жизни, быстрое истощение адаптационных резервов организма.

МОНАХОВА Елена Александровна*Институт лингвистических исследований РАН, г. Москва***К ЭВОЛЮЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАНДИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ САГ)**

Исландия заселялась в 870–930 гг. переселенцами в основном из юго-западной Норвегии. На материке была широко распространена кремация, которая в Исландии резко сменилась на трупоположение. Точную причину такого перехода назвать трудно; критикуются все выдвинутые версии (влияние христианских пе-

реселенцев с Британских островов, датско-шведское влияние, малое количество леса). Переселенцы приносят традиционные скандинавские типы похоронного обряда (в том числе в ладье). Полностью исчезает кремация, то есть тело усопшего теперь сохраняет анатомический порядок. С этим связано широкое распространение мотива «живых мертвецов», который укрепляется со временем благодаря появлению исландских захоронений типа «dys»: тела убитых засыпались землей или камнями, захоронения не имели погребального инвентаря, располагались вдали от поселений на побережьях. После крещения страны в 1000 г. традиционные скандинавские обряды вытесняются постепенно христианским типом захоронений (безинвентарные ингумации). Если не брать во внимание письменные источники (из которых известно историко-культурное окружение), а учитывать только данные археологии, можно ошибочно прийти к выводу о сосуществовании на острове двух культур (курганной и простых одиночных погребений) и о победе второй, распространившейся из глубинных, менее благоприятных районов острова на побережья, сильно упрощившей погребальный обряд.

Рассмотренные материалы подчеркивают важность комплексного и междисциплинарного подхода к историческому анализу культурных преобразований и смены населения.

ОРЕХОВА Наталья Алексеевна*Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск***НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И.М. СУСЛОВА В ПЕРИОД СОВЕТИЗАЦИИ
КРАЙНЕГО СЕВЕРА**

В Красноярском краевом краеведческом музее (КККМ) хранятся подлинные материалы, раскрывающие основные вехи жизни Иннокентия Михайловича Суслова [1893–1972], кандидата географических наук, этнографа, геолога. Его имя тесно связано с историей Красноярского края, освоением и изучением Крайнего Севера СССР и северной Арктики.

В 1921 г. Суслов участвовал в организации отдела по делам национальностей при Сибревкоме. В 1924 г. после ликвидации Наркомнаца и организации комитета Севера при ВЦИК постановлением правительства Иннокентий Михайлович был назначен его членом. Затем в течение 1924–1929 гг. он работал председателем Красноярского комитета содействия малым народам Севера. Суслов имел необходимую этнографическую подготовку, опыт научно-исследовательской работы в условиях Севера, понимал разговорный язык эвенков, поэтому именно ему была поручена работа по советскому строительству в Эвенкии. В 1926 г. им организован первый родовой совет у тунгусов на р. Чуны. Под его руководством были построены первая культбаза в 1927–1928 гг. на р. Нижняя Тунгуска, а последняя – восемнадцатая – в 1934–1935 гг. на р. Оленёк в Якутии.

В результате многочисленных экспедиций и поездок по Северу И.М. Суслов обследовал огромные пространства, которые в этнографическом отношении

оставались слабо изученными. Собранные им полевые материалы получили высокую оценку со стороны Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораз-Тана (*Personalia* // *Этнография*, Кн. IX–X, № 1–2. М., 1930. С. 140–141).

Уже находясь на пенсии, тяжело больной, И.М. Сулов не переставал работать над «Записками этнографа», где обобщена его практическая и научная деятельность в 25 аборигенных группах Севера и Сибири (часть рукописи – 249 л. – хранится в ККМ О/Ф 8471/ПИ (р)451).

ПЕЖЕМСКИЙ Денис Валерьевич

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. В. ВИТОВА И ЕГО ВКЛАД В ФИЗИЧЕСКУЮ АНТРОПОЛОГИЮ

Михаил Владимирович Витов [1923–1968], выдающийся отечественный этнограф и антрополог, несмотря на свой ранний уход из жизни, оставил большое научное наследие и целую исследовательскую школу (см.: Власова, 2003), его вклад в этнографию огромен и оценен по достоинству. Почти вся жизнь Витова была связана с кафедрой этнографии МГУ, где он учился с 1942 по 1946 г. Затем он поступил в аспирантуру и с 1952 г., после защиты диссертации, стал сотрудником кафедры. М. В. Витов принял деятельное участие в работе Прибалтийской комплексной экспедиции, где работал в первую очередь как антрополог. В 1953 г. им была создана комплексная северорусская экспедиция, которой руководил до 1958 г. Будучи учеником Н. Н. Чебоксарова, М. В. Витов, как и его наставник, олицетворял тип исследователя-энциклопедиста, характерного более для XIX, нежели для XX в. Соединяя в своем творчестве такие самостоятельные науки, как этнография, историческая география и физическая антропология, он показывал неразрывное единство знаний о человеке и среде его обитания. Вклад М. В. Витова в физическую антропологию не раз высоко оценивался (см., например, Алексеева, 1997), однако детальная проработка его антропологических взглядов не проводилась. В докладе анализируются опубликованные антропологические работы М. В. Витова (1959, 1964, 1994, 1997) с современных научных позиций, в первую очередь – популяционной концепции расы, рассматривается его классификация антропологических типов севера Восточной Европы и другие аспекты.

ПЕСТРЯКОВ Александр Петрович, ГРИГОРЬЕВА Ольга Михайловна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ ПОПУЛЯЦИЙ ЭСКИМОСОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Посвящается светлой памяти Георгия Францевича Дебеца

Рассматриваются тотальные параметры и форма черепной коробки, группы крови системы ABO у

эскимосов по всему ареалу обитания. Самые восточные популяции эскимосов (Гренландия, северная Канада) отличаются наибольшими размерами черепной коробки, по форме наиболее узкой и высокостводной. Такими же параметрами характеризуются и древние эскимосские краниосерии Берингоморья (могильники Эквен и Уэлен). Этот краниотип свидетельствует о южной примеси в их составе, что подтверждается и некоторыми расово-морфологическими чертами. Эскимосы Аляски занимают промежуточное положение между азиатскими эскимосами и более восточными. Древние серии аляскинских эскимосов по отношению к более поздним тех же могильников также отличаются большими размерами и более узкой и высокой черепной коробкой. Очевидно, в восточной части ареала сохранился краниотип первичной волны заселения эскимосами Арктики. Западные, азиатские эскимосы краниологически близки к чукчам.

Система ABO также показывает значительные отличия эскимосов восточной части их ареала от более западных групп. У эскимосов Гренландии и северной Канады выявляется минимальная концентрация гена q (группа крови B) – в среднем 0,047 и максимальная частота гена p (группа крови A) – в среднем 0,297. Азиатские эскимосы дают максимальную концентрацию гена q – 0,157 и минимальную гена p – 0,189. Географически промежуточные группы – эскимосы Аляски – дают промежуточное значение частот этих генов: p – 0,290, q – 0,088. Эскимосская волна привнесла в Америку ген q, так как у индейцев Северной и Южной Америки он, видимо, отсутствует.

По этим двум системам популяции эскимосов демонстрируют сходный вектор пространственно-временной изменчивости; на востоке ареала сохранились популяции с более древними антропологическими чертами.

РАЖЕВ Дмитрий Иванович

Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень

РАЗМЕРЫ ТЕЛА СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

*Памяти Сергея Михайловича Чугунова –
первого западносибирского палеоантрополога**

Изучение антропологических материалов из археологических памятников VIII–XVI вв. Нижнего Приобья позволило установить остеологические характеристики, реконструировать рост и некоторые параметры телосложения древних жителей таежной зоны. Восстановленная длина тела мужской части выборки колеблется в пределах 150–170 см, при среднем росте 160 см (N=34, модальный возраст 30–40 лет). Они характеризуются укороченными сегментами предплечья и голени, большим интермембральным индексом (отношение суммарной длины плеча и предплечья к суммарной длине бедра и голени –

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 10-06-00045-а.

73%). Средние обхватные размеры длинных костей попадают в малую категорию, хотя по относительным значениям они оказываются довольно массивными. Таким образом, таежное средневековое население характеризовалось малым ростом, относительно длинными руками и короткими ногами, укороченными средними отделами верхних и нижних конечностей и относительно крупными обхватными размерами. В докладе рассмотрена изменчивость остеометрических характеристик в изучаемых группах, проведены сопоставления с морфо-конституциональными параметрами современных коренных народов Западной Сибири.

РАНДЫМОВА Зинаида Иосифовна

Муниципальное учреждение культуры

«Культурно-досуговый центр "Наследие"», г. Салехард

КУЛЬТУРА СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В Ямало-Ненецком АО проживает более 8 тыс. хантов, представляющих северную группу этого коренного малочисленного народа. Большая часть сельского населения занимается рыболовством и живет в поселках, расположенных в бассейне нижнего течения р. Обь. Остальные ведут кочевой образ жизни, занимаясь оленеводством.

Традиционное хозяйство в современных условиях невозможно без нововведений. Северные ханты сегодня модернизируют приемы выпаса оленей, применяют современные средства передвижения, в быту используют унифицированную одежду и хозяйственную утварь. Меняются и ритуалы проведения традиционных обрядов и праздников.

В традиционном хантыйском обществе навыки выпаса оленей, бытовая культура, мировоззренческие установки передавались из поколения в поколение. Сначала христианизация, а затем советизация северного Приобья оказали сильное воздействие на материальную и духовную культуру хантов, повлияли на весь комплекс хозяйственной деятельности, семейных праздников и ритуалов жизненного цикла. В советское время воспитание в интернатах отрывало детей и подростков от родной культуры, приводило к нежеланию возвращаться в сферу традиционных занятий.

В настоящее время на уровне Правительства ЯНАО принимаются законы, закрепляющие права народов Севера на самобытное социально-экономическое и культурное развитие, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни, регламентирующие хозяйственную и иную деятельность. Вместе с тем конфликты между развивающимся промышленным комплексом и традиционным природопользованием сохраняются.

Несмотря на огромные изменения в жизни российского общества, северные ханты сегодня сохраняют самобытность, основные формы хозяйства, а также многие элементы материальной и духовной культуры.

РЕЙС Татьяна Михайловна

*Красноярский государственный медицинский университет,
г. Красноярск*

КОВАЧ Ласло

*Институт археологии Венгерской академии наук,
г. Будапешт (Венгрия)*

ВАНДОР Анна

Российский культурный центр, г. Будапешт (Венгрия)

ФЕРЕНЦ ДУШ – ВЕНГЕРСКИЙ ВОЕННОПЛЕННЫЙ, ПЕРВЫЙ АНТРОПОЛОГ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Материалы о биографии Ф. Душ [1888–1945] собраны в России и Венгрии совместными усилиями авторов данного сообщения.

У себя на родине Ференц Душ работал преподавателем в гимназии и по совместительству в Институте антропологии Будапештского университета при профессоре Ауреле Тёрёке, готовя свою диссертацию. Работу прервала Первая мировая война. Душ попал в русский плен и был отправлен в сибирский г. Красноярск. После шести лет заключения в лагере он получил разрешение жить и работать в городе. В ноябре 1920 г. по ходатайству директора музея Ф. Душ стал научным сотрудником отдела палеоантропологии.

В течение короткого срока работы в музее исследователю удалось обработать несколько коллекций из раскопок в Хакасии, подготовить к публикации неолитический материал с Базаихи, а летом 1921 г. совершить поездку к устью р. Подкаменной Тунгуски с целью изучения остяков (кетов) и тунгусов.

Здесь он совершает несколько поездок вниз по течению Енисея почти до с. Сумарокова и одну поездку вверх по течению, измерив в общей сложности 55 остяков и 10 тунгусов с рек Дубчес и Сым. В ноябре 1921 г. на коллегии музея Ф. Душ выступил с докладом, где сообщил предварительные сведения о росте и головном указателе остяков. В декабре того же года он получил разрешение вернуться на родину, а левой материал с Подкаменной Тунгуски более не обрабатывался и долгое время считался утерянным. В 1997 г. случайно обнаружен в библиотеке музея, обработан и опубликован (Рейс, Аксянова, 1999).

УДИНА Ирина Геннадьевна

Институт общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН, г. Москва

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭТНОГЕНОМИКА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ ПО АУТОСОМНЫМ SNPSTR СИСТЕМАМ

Коренные народы Сибири интенсивно изучаются с применением современных ДНК-технологий для выявления исторических связей, древних миграций и истории расселения. В рамках циркумполярного пояса нами изучены популяции коренного населения Сибири: алеуты, эвены, чукчи, коряки, а также эскимосы Западного полушария (инуиты) с помощью трех аутосомных SNPSTR систем для 5, 22 и 8 хромосом человека. Для сравнительного анализа использовали широ-

кий спектр коренных народов Сибири и Дальнего Востока (манси, восточные и западные эвенки, нанайцы, тувинцы степные и тоджинцы, алтайцы, якуты и буряты), а также Западной Азии (калаш, бурушо, брахуи), Восточной Азии (китайцы, японцы) и Америки (индейцы Северной Америки, Колумбии).

Документируются близкие генетические связи для группы северных популяций, которая объединяет не только сибирские популяции, но и эскимосов Западного полушария. В генофондах изученных нами выборок алеутов и коряков выявлены последствия недавней метисации с европейским населением, что выделяет их генофонды из группы североазиатских популяций. По особенностям распространения маркеров системы 8SR2 в Сибири и Америке можно предполагать относительно недавние обратные миграции из Америки в Сибирь. Популяции манси характеризуются своеобразием генофонда с древним европеоидным компонентом, выявляемым по совокупности изученных маркеров. Установленные нами исторические связи генофондов исследованных народов указывают на древние миграции как на один из важных факторов формирования современных популяций автохтонного населения не только Америки, но и Сибири и Дальнего Востока.

ФРОЛОВА Александра Викторовна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СЕВЕРОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПОМОРОВ) К СРЕДЕ ОБИТАНИЯ

Освоение Русского Севера с первых этапов шло при тесном взаимодействии славян и местных финно-угорских народов, что способствовало взаимовлиянию и взаимообогащению их материальной и духовной народной культуры. На этой обширной территории, объединенной в первую очередь историческим и социально-экономическим развитием в течение длительного времени, сложился своеобразный комплекс народной культуры. Огромное значение в этом процессе играло северорусское население – русскоязычные люди, непосредственные агенты коммуникации, создающие культуру, являющиеся носителями присущих только им культурных традиций. Культура, часто называемая поморской, сложившаяся на северном краю освоенной постоянным населением ойкумены, «границе с миром полярного инобытия» – это культура аскезы, отказа, предельного упрощения и доведения идеала простоты до своего реального воплощения.

Лес и река, «основные стихии природы Русской равнины», в мировоззрении поморов выступали как граница мира реального и мира сакрального, являлись той чертой, за которой находилось влияющее на жизнь человека пространство, обладающее сильной негативной энергией. В связи с этим, прежде чем идти в лес или к реке, человеку необходимо было сначала догово-

риться с его хозяевами (лешими, водяными и т. п.). Подобные «договорные отношения» принимали различные формы жертвоприношений, заговоров и молитв.

Вероятно, в процессе адаптации людей к экстремальным условиям жизни формировался и определенный поведенческий стереотип северян, способных к самостоятельности, активности, в то же время не склонных к антагонизму с общиной, окружающим миром и природой, поддерживающих, часто бессознательно, традиционный уклад своей жизни.

ХАРЛАМОВА Наталья Владимировна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ ТВЕРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Город Тверь сформировался в XII в. на основе ремесленно-торговых поселений в верховьях Волги. Расположение города на торговом пути, связывавшем Новгород с Северо-Восточной Русью, определило ход его исторического развития. Сегодня Тверь крупный промышленный, научный и культурный центр на Северо-Западе России.

Благодаря охраняемым археологическим раскопкам, проводимым на территории города Тверским государственным объединенным музеем, в 2006–2008 гг. получен антропологический материал, дающий представление о физическом типе населения разных исторических периодов: посадского ремесленного населения XVI–XVIII вв., с территории общего городского «Старого кладбища» XVII–XVIII вв., «где погребались люди странные», а также самого первого и большого кладбища Твери «Смоленского». Последние материалы, которые датируются XIX–XX вв., свидетельствуют о неоднородности и смешанности погребенных, что согласуется с данными тверского краеведа Бориса Ротермеля, сообщавшего о захоронении людей разного происхождения и различных сословий.

В целом, значение черепного указателя характеризует тверских мужчин XVI – начала XX в. как брахикранный тип, а женщин – как мезокранный. Морфология зубной системы позволяет отнести изученные группы к кругу европеоидных форм, носителям среднеевропейского одонтологического типа. Из трех тверских групп более выраженным сходством с современными русскими обладают поздние серии.

ХРИСТОФОРОВА Ольга Борисовна

Центр типологии и семиотики фольклора Российского

государственного гуманитарного университета, г. Москва

ОХОТНИК И ДВА МЕДВЕДЯ: О ВОЗМОЖНОМ ИСТОЧНИКЕ ЭСКИМОССКОГО МИФА

Памяти Георгия Алексеевича Меновищикова

Чукотско-эскимосский миф о столкновении двух белых медведей сопоставляется в докладе с амуро-сахалинскими мифологическими текстами о противостоянии обитателей горы и моря (медведя и сивуча). Сравнение этих мифов позволяет обнаружить ряд

общих мест, дающих возможность предположить, что мифы народов амуро-сахалинского и северо-берингоморского регионов связаны не только типологически, но и генетически (связи, которые подтверждаются и археологическими данными). Верность этой гипотезы доказывается еще и тем, что на основе гораздо более тщательно зафиксированной айинско-нивхской традиции можно прояснить семантику неясных фрагментов чукотско-эскимосского мифа.

Предположив его проникновение в Северное Берингоморье с юга, мы делаем вывод, что реалии привели к трансформации текста, который тем не менее сохранил основную схему: поход человека на охоту, встреча с медведем, обреченность последнего перед схваткой с «соседом-разбойником», победа охотника над врагом медведя, которого он непременно закалывает копьем, благодарность медведя. По сравнению с айинско-нивхским мифом конфликт медведя и его оппонента в циркуполярном регионе выглядит менее значительным: особенности ландшафта (отсутствие леса и гор), амбивалентность образа жизни белого медведя (он зверь в равной степени земной и морской) и в целом аморфность оппозиции суша/море за Полярным кругом лишает «основной конфликт» его символического значения – противопоставления стихий, что ведет к раздвоению образа героя-медведя и делает схватку двух медведей почти анекдотической, а сам миф – мало распространенным в циркуполярном регионе.

**ЧИКИШЕВА Татьяна Алексеевна,
ЗУБОВА Алиса Владимировна**

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НАСЕЛЕНИЯ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ ЭПОХИ БРОНЗЫ (ДОАНДРОНОВСКОЕ ВРЕМЯ)

Доандроновское население Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) эпохи бронзы представлено тремя одонтологическими сериями, полученными при раскопках могильника Сопка-2. Одна из них относится к одиновской культуре эпохи бронзы (первая половина III тыс. до н. э.); вторая – к классическому этапу кротовской культуры (вторая половина III – первая половина II тыс. до н. э.) и третья – к позднему ее этапу. В краниологическом отношении рассматриваемые популяции относятся к северной евразийской антропологической формации, являясь носителем недифференцированного в расовом отношении антропологического типа. Набор одонтологических признаков у одиновского, кротовского и позднекротовского населения также отличается своеобразием. Устойчивыми его характеристиками являются высокие частоты лопатообразных форм верхних медиальных резцов (54–63%), дистального гребня тригонида (20–32%), умеренные частоты коленчатой складки метаконида (6–9%). Одновременно здесь отмечены повышенные частоты 4-бугорковых первых нижних моляров (12–19%), дополнительных дистальных бугорков верхних моляров (12–18%) и слабо дифференцированных форм вторых нижних премоляров (в среднем 20–30%). Частоты бугорка Карабелли,

невысокие и средние по мировому масштабу (8–21%), повышены относительно большинства неолитических серий южных районов Западной Сибири.

Наблюдаемое сочетание признаков сохраняется на севере Барабинской лесостепи с эпохи неолита (VI тыс. до н. э.). Это ставит под сомнение вопрос о возможности его формирования в результате смешения контрастных в одонтологическом отношении групп и подтверждает гипотезу о недифференцированности антропологического типа автохтонного населения Западной Сибири, входящего в круг прото-морфных популяций северной зоны Евразии.

ЧУШЬЯЛОВА Анастасия Павловна

Институт языкознания РАН, г. Москва

ИСЧЕЗАЮЩИЙ ИЖОРСКИЙ ЯЗЫК

На сегодняшний день ситуация с малыми прибалтийско-финскими языками Российской Федерации вызывает опасения. Почти все они относятся к категории исчезающих языков, в их числе ижорский язык. Реальное число его носителей не превышает нескольких десятков, в основном это лица пожилого возраста. Общая численность ижоры, по данным всероссийской переписи 2002 г., составила 327 человек.

В 1930-е гг. в течение нескольких лет велось преподавание ижорского языка в начальной школе. Сейчас нормативные акты, направленные на сохранение и развитие ижорского языка отсутствуют. Молодежь практически по-ижорски не говорит, воспитание детей дошкольного и школьного возраста ведется на русском языке. Единственная сфера использования ижорского языка – бытовое общение представителей старшего поколения, еще владеющего родным языком, но и в данной сфере он применяется редко. Основным языком общения между представителями ижорского этноса на сегодняшний день является русский язык. С конца XVIII в., времени заселения русскими территории исконного проживания ижорцев, нередки межнациональные браки. События Великой Отечественной войны стали поворотными для ижорского этноса и языка.

В последние годы у ижорцев наблюдается рост этнического самосознания, они организуют фольклорные коллективы, пытаются самостоятельно учить язык, однако, к сожалению, приходится отметить, что подобные действия недостаточны для сохранения исчезающего языка.

ШЕРЕМЕТЬЕВА Валентина Алексеевна

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ В ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО ПОЯСА ЕВРАЗИИ

Посвящается памяти моего учителя

Юрия Григорьевича Рычкова

По материалам совместных работ с Ю. Г. Рычковым [1932–1998], опубликованных в 1960–

1970-е гг., представлены важнейшие итоги изучения генетических основ адаптации человека к экстремальным условиям Севера. Евразийская часть циркумполярного пояса характеризуется большим этнолингвистическим и хозяйственно-культурным разнообразием населяющих ее популяций. В циркумполярном поясе Северного полушария изучены 16 коренных народов (без индоевропейцев). Показана применимость математических моделей к исследованию генетического процесса в коренном населении циркумполярной зоны Евразии. Количественно оценено соотношение давлений случайного дрейфа генов, миграции и отбора как основных параметров генетического процесса в населении этого региона России. Выдвинута гипотеза о роли экстремальной окружающей среды в поддержании генетической стабильности и об адаптивном значении установленной генетической структуры популяций человека в Берингии и всей циркумполярной полосе Евразии. Показано, что в контактной зоне Евразии и Америки, в Берингии, несмотря на глубокую древность населяющих ее популяций, их генетическая дифференциация мала и не аппроксимируется математической моделью популяций в нейтральной среде. Установлено, что генетические особенности населяющих этот район прибрежных и островных народов находятся под особо жестким контролем и «давлением» географической среды. Исследованы популяционные аспекты процесса адаптации в пределах единого географо-климатического пояса от Берингова пролива до Скандинавии. Излагается метод оценки дифференциальной вовлеченности полиморфных генных локусов человека в процесс генетической адаптации населения. Найден географический градиент интенсивности адаптивного процесса в арктической зоне Евразии. Генетическая адаптация населения привела в соответствие географическое распределение генов со свойствами природной среды.

ЯМСКОВ Анатолий Николаевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**КРИТЕРИИ «ТРАДИЦИОННОСТИ»
СОВРЕМЕННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ
КРАЙНЕГО СЕВЕРА**

Светлой памяти Юрия Борисовича Симченко посвящается

Важнейшая часть культурного наследия народов Севера – традиционное хозяйство, среди многочисленных исследований которого выделяются работы Ю. Б. Симченко (Gulevsky, Simchenko, 1994; Симченко, 1998). В последнее время, однако, особое внимание привлекает проблема научного и юридического определения того, какие формы хозяйства и почему могут считаться «традиционными», ведь в позднесоветский период технологическая и социокультурная модернизация внесла немало изменений.

Развивая высказанные ранее положения (Ямсков, 1996, 2000), можно заключить, что к «традиционному хозяйству народов Севера» относятся такие его отрасли, в рамках которых современное население сохраняет преемственность форм хозяйствования от своих непосредственных предков (в период до начала коллективизации). Преемственность («традиционность») должна проявляться в следующих аспектах: 1) типы используемых природных ресурсов (дикие животные, рыба, естественная растительность, в том числе на оленях пастбищах); 2) типы трудовой деятельности (пастьба оленей, добыча диких животных, лов рыбы, сбор пищевых, лекарственных растений и других продуктов собирательства); 3) используемая территория или акватория (пастбищные, охотничьи, рыболовные угодья, места сбора пищевых, лекарственных и других природных ресурсов); 4) типы получаемой первичной продукции (мясо, рыба, шкуры, пушнина и т.п.). Это также позволяет по аналогии дать дефиницию «традиционного природопользования» и, следовательно, «территорий традиционного природопользования».

Симпозиум 4

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ГРАНИЦЫ, СИМВОЛЫ, СМЫСЛЫ

Секция 1. КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР И СЕЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ

Руководители: д.соц.н., проф. Широкалова Галина Сергеевна (Нижний Новгород);
к.культурол.н. Пермиловская Анна Борисовна (Архангельск)

**БЕЛКИНА Тамара Леонидовна,
ЯНЦЕВИЧ Инна Александровна**
*Костромской государственный университет
им. Н. А. Некрасова, г. Кострома*

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Служение народу занимало важное место в деятельности российской интеллигенции. Ее особое положение в провинции определялось близостью к народу, к его проблемам и настроениям, желанием сделать все для улучшения народной жизни. Интеллигенция играла важную роль в развитии культуры села, формировании мировоззрения народа, психологического климата провинции.

Благодаря филантропической и попечительской деятельности интеллигенции в Ветлужском уезде Костромской губернии была создана сеть общедоступных образовательных учреждений и народных библиотек. В имении Лугининых села Рождественского с 1823 г. действовала школа для крестьян, Рождественское народное училище (1871 г.), Рождественская народная бесплатная библиотека (1903 г.). К 1911 г. в Рождественской волости насчитывалось пять одноклассных земских школ.

Способность русской интеллигенции к состраданию и милосердию проявлялась в благотворительной деятельности. Проблемы нищенства решались устройством благотворительных заведений, дававших возможность оказывать помощь особо нуждающимся. Крестьянские дети, обучающиеся в церковно-приходских школах, обеспечивались жильем, одеждой и пищей.

В сельских приходах адресная благотворительная работа сосредотачивалась в руках церковно-приходских братств и попечительств. При Христорождественском братстве были открыты: церковно-приходская школа (1895 г.), где обучали крестьянских девочек основам религии, грамоты и рукоделия; женская богадельня им. В. И. Серебрякова (1903 г.); детский приют для мальчиков 4–9 лет (1905 г.).

Благодаря участию интеллигенции стали возможны преобразования, оказавшие благотворное влияние на социокультурное пространство села.

БЕЛЯЕВА Светлана Сергеевна
*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора НАН
Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР НАРОДНОГО ЖИЛЬЯ КАК ЧАСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ

В докладе анализируется декор деревянного народного жилья как одной из составляющих сельского историко-культурного ландшафта. Автор прослеживает изменения, происходившие во внешнем облике сельского дома в XX столетии под влиянием социально-экономических и культурных процессов. Народная архитектура неразрывно связана с природным окружением. Декор жилого дома, в свою очередь, органично сочетается с его конструкцией, образуя сложную систему, в которой сплетены воедино элементы духовной и материальной культуры. На примере отдельного историко-этнографического региона – Центральной Беларуси – представлено многообразие вариантов домового декора, отражено формирование локальных традиций.

БОЙКО Юлия Ивановна
*Институт языка, литературы и истории
КомиНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ЛУЗСКО-ЛЕТСКИХ КОМИ

Земледельческий тип хозяйства определил многие особенности в традиционной культуре лузско-летских коми. Освоением земель, удобных для земледелия было обусловлено гнездовое расположение селений. Большинство населенных пунктов располагалось на расстоянии от рек на возвышенных местах «на суходоле» или вдоль тракта. Здесь имели распространение неизвестные в других районах многоизбные дома, в которых объединялись в два порядка от четырех до шести изб. Единый комплекс составляли не только жилой дом с двухъярусным скотным двором, но и особая пристройка под односкатной крышей – улич на Летке, санник на Лузе.

Влияние севернорусских и среднерусских традиций определили различия в практике домостроительства лузских и летских коми. У летских коми имеют распространение небольшие по размерам дома-четырёхстенки, состоящие из одной избы с сенями,

двускатные с залобком и четырехскатные крыши, близкие постройкам центральных и северных районов Вятского региона.

Севернорусская традиция в большей степени наблюдается в особенностях домостроительства лузских коми, у которых строили преимущественно большие дома под двускатной крышей, состоящие из нескольких комнат: дома-двойни, пятистенки, шестистенки, шестистенки с заулком. Как и любая другая форма народной культуры, жилище создавалось путем отбора наиболее целесообразных вариантов. Так, в бассейнах рек Луза и Летка, наряду со сложившимися пятистенками и шестистенками, сохраняются наиболее архаичные жилые постройки: дома-четырёхстенки, «связь», дома-двойни.

ГРИЦЕНКО Галина Дмитриевна

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ставрополь

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Юг России исторически формировался как регион с полиэтническим, поликонфессиональным населением. На протяжении нескольких веков здесь жили народы с различными культурными обычаями, традициями. История взаимоотношений знала как периоды дружбы, так и вражды. Именно противоречивость, неоднозначность исторического наследия обусловили специфику ментальных характеристик народов, населяющих южно-российский макрорегион. Причем необходимо иметь в виду сельскохозяйственный уклад жизни большей части населения данного региона и их приверженность традиционализму. Эта специфика наиболее рельефно проявляется в этнической составляющей социального самочувствия. В последнее время в связи с ростом этнической миграции у значительной части населения актуализируются исторические «обиды», а, следовательно, возрождаются негативные аспекты этнического менталитета. В данном контексте показательным являются суждения сельчан по ряду проблем межэтнических отношений, анализ которых свидетельствует об уменьшении в последнее время числа тех сельчан, которые придерживаются позитивной оценки состояния межнациональных отношений, а также о возрастании доли тех, кто не может четко сформулировать свое отношение к тем или иным межнациональным проблемам. Это означает, что сельское сообщество распадается на этнические фрагменты, слабо связанные друг с другом и формирующие у людей образы «своего», «иног», «врага», заставляя их искать «убежище» в этничности. Именно культурно-коммуникативная и этнопсихологическая составляющие социального самочувствия привели к межэтническому противостоянию в ноябре этого года сельских жителей Советского района в Ставропольском крае.

ДЕРЯБИНА Ольга Николаевна

Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, г. Нижний Новгород

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ: ЗА И ПРОТИВ

Национальная программа по развитию сельского хозяйства может быть реализована при условии возвращения в село выпускников высших и средних учебных заведений. Наше исследование показало, что значительная часть опрошенных вне зависимости от формы обучения, не ориентирована на работу в сельской местности. В то же время доля тех, на чье решение можно повлиять через изменение условий жизни и работы в сельской местности, составляет от 45 до 70% и зависит от таких факторов как место жительства родителей, уровня образования, социальной инфраструктуры села. Отказ от трудоустройства на селе не означает отказа от работы по профессии: значительное число предприятий АПК находится в городах и на них нужны специалисты, подготовленные в системе сельскохозяйственного образования.

Рассматривая село как многофункциональное поселение, как единый социально-экономический комплекс, выполняющий производственные, социально-демографические, культурные, природоохранные и рекреационные функции, опрошенные совершенно правильно поднимают проблему необходимости создания соответствующих XXI веку рабочих мест не только в АПК, но и вне сельскохозяйственной сферы, что зачастую упускается из виду разработчиками программ развития сельского хозяйства. Всё это – матрица сельского образа жизни, в которой все параметры тесно взаимосвязаны. Её восстановление – условие возвращения в село молодежи, а, следовательно, сохранения российского села, решения проблемы продовольственной безопасности.

ИВАНОВА Анна Александровна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ФОЛЬКЛОР КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА

Традиционному фольклору не присуще зеркальное отражение культурного ландшафта. Величина «зазора» между объективной реальностью и формой ее текстовой репрезентации зависит от степени архаичности текста, его жанрового статуса и сориентированности на отражение определенного типа этнической идентичности (общерусской, региональной, локальной). Используя фольклор как источник сведений о культурном ландшафте, следует помнить, что художественный мир фольклорного текста формируется с опорой не только на объективную реальность, но и на общий для лингвокультурного сообщества фонд знаний и представлений о мире – этническую картину мира. Последняя выступает в роли универсального алгоритма (когнитивной матрицы), посредством которого реальные культурные ландшафты

преобразуются в разнообразные художественные миры. При всех конкретных различиях этнические картины мира формируются на основе нескольких типовых структурных моделей. В основу каждой из них положен свой «сценарий» восприятия и концептуализации этносообществом окружающей природно-социальной среды.

Фольклорная культура чрезвычайно консервативна и способна длительное время удерживать идеологические установки и образное мышление ушедших эпох. В результате в одном тексте может соединяться разновременная информация. Благодаря подобной компрессии фольклор становится бесценным источником сведений о давно исчезнувших культурных ландшафтах.

ИЛЬИН Иван Егорович

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары*

ЧУВАШСКОЕ СЕЛО В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В 2010 г. сотрудниками Чувашского государственного института гуманитарных наук проведено социологическое исследование «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике» (рук. И. Е. Ильин). 51,6% опрошенных селян оценивают современное состояние межэтнических отношений в Чувашии как очень хорошее, дружелюбное и хорошее. 28,8% респондентов считают уровень удовлетворительным, терпимым. 3,8% полагают, что отношения являются неважными, плохими, и даже враждебными.

Чуваши, по сравнению с русскими, в этом вопросе немного оптимистичнее: по мнению 49,9% для республики характерен высокий уровень этнической толерантности, почти треть (33,1%) отнесли межнациональные отношения к разряду удовлетворительных, терпимых и 5,4% посчитали, что они характеризуются различным уровнем напряженности. Для русских эти оценки выглядели соответственно следующим образом: 37,1%, 36,3% и 11,3%. Кроме того, 11,6% чувашей и 15,3% русских затруднились ответить на данный вопрос.

Респонденты полагают, что в основе конфликтов с этнической окраской лежит деятельность государства, в первую очередь в экономической, социальной сфере, в области правопорядка, а собственно этнокультурные причины являются второстепенными. В то же время логично предположение, что место и влияние этих факторов при повышении в целом уровня жизни, ослаблении деятельности различных экстремистских движений, решении важнейших социальных проблем будет возрастать. Иначе говоря, органы государственной власти не должны выпускать из виду проблемы сохранения культурной самобытности народов, какими бы незначительными они не казались на фоне экономического кризиса.

ИЛЬИНИЧ Татьяна Кимовна

Нижегородский филиал Университета Российской Академии образования, г. Нижний Новгород

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАЗДНИКА СБОРА И ПЕРЕРАБОТКИ ИВАН-ЧАЯ

Автор доклада явилась инициатором и организатором возрождения традиции праздника иван-чая. Основа праздника – сбор и приготовление чая старинным способом – передана автору носителем традиции. Сценарий праздника состоит из нескольких ритуалов и в праздничной игровой форме проводится ежегодно в Нижегородской области. Каждый его участник сам лично причастен к действию, и в дальнейшем пьет чай, приготовленный собственными руками. Не случайно выбрана его дата – летнее солнцестояние, когда по народному календарю начинается сбор трав. О празднике снят фильм и написана книга «Празднество иван-чая», изданная в 2010 г. издательством «Деком» в Нижнем Новгороде на русском и английском языках.

Иван-чай был известен в Европе как русский или копорский чай. Он представляет собой целебный напиток, являющийся профилактикой многих болезней. Найти заросли иван-чая на территории России не представляет труда. Нам известно, что участники праздника становятся носителями и распространителями народной традиции сбора и приготовления древнего напитка, который несет здоровье и телу, и душе.

В России несколько организаций, производят иван-чай фабричным способом. Один из этих центров находится на территории Нижегородской области. Автор патента защитил диссертацию и имеет объем выпускаемой продукции около двух тонн. Это свидетельствует об интересе населения к напитку. Но особенно ценен чай, собранный и сделанный своими руками.

КАЛУЦКОВ Владимир Николаевич

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

РУССКИЙ СЕВЕР КАК КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Место и образ Севера в русской культуре. Русский Север сыграл выдающуюся роль в становлении национального самосознания. Он занимает одно из важнейших мест на культурной карте России. По мнению Т. А. Бернштам и К. В. Чистова (1992), среди общерусских культурных образов и символов сформировался мощный культурный пласт «северного происхождения»; его образуют хранители «старой веры» такие, как протопоп Аввакум, безвестные народные зодчие и иконописцы, хранители фольклорных традиций, былинные певцы и сказители, твердые духом поморы и мужественные землепроходцы. В таком контексте правомерно рассмотрение Русского Севера как особой территории культурного наследия (Пермиловская, 2010).

Вековой культурно-географический тренд. За тысячелетнюю историю концепт Русского Севера испытал значительные изменения в культурном пространстве России – от «земли незнаемой» и «чуждой» периферии до одной из самых значимых провинций Русского культурного мира. При этом последовательно, отражая смену культурного статуса, менялось его название: Заволочье – Поморье – Русский Север.

Пространственная локализация и границы. В гео-концепте территория не задается исходно, а «появляется» в процессе локализации топонима. Только за последнее столетие Русский Север дважды расширял свою территорию: на рубеже XIX и XX столетий концепт в территориальном плане совпадал с границами Архангельской губернии. К 1970-м г. границы гео-концепта исследователи стали соотносить с ареалами севернорусского диалекта, севернорусского жилищного комплекса и ареалом расселения русских (Калуцков, 2008).

В начале третьего тысячелетия Русский Север становится не столько этническим, сколько цивилизационным пространственным концептом, объединяя не только русские, но финно-угорские земли – Карелию, Коми и другие. В связи с арктическими устремлениями России особый интерес представляет обособление северной границы Русского Севера.

КОЗНОВА Ирина Евгеньевна

Институт философии РАН, г. Москва

РОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР XX ВЕКА И ЕГО ПАМЯТЬ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Прошлое России имеет несколько измерений, среди которых преобладает аграрно-крестьянское наследие со свойственным ему характером «большой длительности». Выявление его содержательно-сущностных сторон – актуальная исследовательская задача.

В основе крестьянствования лежит принцип целостности, равноценности всех сторон жизни крестьянского общества. Целостность предполагает выработку единообразных и общепризнанных правил поведения, коллективной памяти и общей картины мира. «Антропологическая перспектива» крестьяноведения исходит из понимания памяти как способа существования крестьянской культуры, которая, в свою очередь, принимает характер «живой памяти». Следствием единства природного и социального в крестьянстве является слабая расщепленность памяти-образа (воспоминание) и памяти-действия (ритуал). Крестьяне традиционно воспринимают мир в категориях прошлого опыта. Крестьянская культура по своей сути является «помнящей культурой», направлена на сохранение образа жизни. Эти основополагающие принципы функционирования крестьянской памяти претерпели в XX в. серьезные изменения. Разные составляющие крестьянской памяти – поведенческий и ценностный компоненты, а также собственно ретроспективный компонент памяти, продемонстрировали разную степень трансформации – от затухания до активизации.

КРАСИКОВ Алексей Николаевич

Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н. В. Верещагина, г. Вологда-Молочное

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕЛЬСКИХ ПРИХОДСКИХ ХРАМОВ РУССКОГО СЕВЕРА XVII в.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Проблема реконструкции сакральных пространств является одной из наиболее актуальных в современных историко-антропологических исследованиях. Относительно небольших сельских храмов данная задача практически не решалась. В докладе на основе описаний храмов в писцовых книгах и описях монастырского имущества предпринимается попытка обобщения особенностей конструирования внутреннего сакрального пространства сельских храмов на Европейском Севере России XVII в.

Особое внимание уделяется таким аспектам как влияние локальных центров святости, воплощение крестьянских представлений о вере, соотношение традиций и новаций в сакральном пространстве.

КРИНИЧНАЯ Неонила Артемовна

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ПРИРОДНЫЙ ОБЪЕКТ И ЖИЛИЩЕ: ВЗАИМОПЕРЕКОДИРОВКА ОБРАЗОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОРУССКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ)

В докладе предполагается рассмотреть совокупность севернорусских мифологических рассказов, в которых человек, расположившись на природном объекте/под природным объектом, оказывается в жилище и, наоборот, расположившись в жилище, чудесным образом перемещается на лоно природы. При этом определенная часть ландшафта соответствует той или иной части крестьянской избы и, наоборот, структурная составляющая жилища соотносится с тем или иным компонентом ландшафта. Наша задача – показать, как в мифологических рассказах, даже записанных в наши дни, пульсируют архетипы «дерево-жилище», «гора-жилище», «пещера-жилище» и т. п., восходящие к изначальным представлениям человечества.

КУЗНЕЦОВ Александр Александрович

г. Красноярск

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ШУШЕНСКОЕ»: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОХРАНЕНИЮ КРЕСТЬЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ И ВОССОЗДАНИЮ СЕЛЬСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

В поселке Шушенское Красноярского края расположен историко-этнографический музей-заповедник, ранее известный как Мемориальный заповедник «Сибирская ссылка». Основанный в 1930 г. для

сохранения памяти о сибирском периоде жизни В. И. Ленина, сельский музей, состоявший из двух крестьянских домов, спустя сорок лет стал заповедником республиканского значения. К столетию со дня рождения В. И. Ленина московскими и местными специалистами было отреставрировано и воссоздано более 20 крестьянских сельских усадеб, здание волостного правления, трактир и тюремный острог. В 1974 г. постановлением Совмина РСФСР заповедник включен в перечень памятников истории и культуры и с тех пор охраняется государством как объект культурного наследия федерального значения (Указ Президента РФ от 20 февраля 1995 г.). В 1990-е годы музей-заповедник отошёл от ленинской тематики, сосредоточившись на деятельности по сохранению и популяризации крестьянских традиций, воссозданию сельского культурного ландшафта конца XIX – начала XX вв. В 2007–2010 гг. на территории площадью 3 га, переданной в пользование КГБУК ИЭМЗ «Шушенское» и примыкающей к «старой деревне», было воссоздано ещё шесть крестьянских сельских усадеб, прототипами которых стали традиционные русские постройки юга и севера Сибири, попавшие в зону подтопления при строительстве Саяно-Шушенской и Богучанской ГЭС.

ЛЕПИЛКИНА Ольга Ивановна

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ставрополь

СОВРЕМЕННАЯ СТАВРОПОЛЬСКАЯ РАЙОННАЯ ПРЕССА И СОХРАНЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЛЕДИЯ

Отличительной особенностью районной прессы всегда было то, что она была носителем эксклюзивной информации локального масштаба. Именно эти СМИ могут давать картину жизни конкретной местности, ориентированы на освещение событий и проблематику в своем регионе, в большей степени включены в социокультурные процессы, происходящие на местах, и наиболее полно отражают нюансы этих процессов. Еще одна важная характеристика районных газет – тесная связь с читателями, составной частью номеров которых, как правило, являются письма.

В то же время анализ районной прессы Ставропольского края выявил значительное сужение информационной повестки дня этого типа периодики. В частности, для нее характерно засилье информационных отчетов о деятельности власти, односторонняя подача сведений о её деятельности, отсутствие разъяснений; публикация большого количества документов, приветствий от имени официальных лиц, переизбыточности пресс-релизов и обращений; отсутствие постановки и разработки тем и проблем общественно-политического и социокультурного характера. Следовательно, можно говорить о том, что на современном этапе районные газеты становятся справочно-циркулярными изданиями. Тем не менее, в их структуре сохраняются материалы, посвященные социаль-

но-бытовой и культурной проблематике. Таким образом, районная пресса на современном этапе в определенном объеме фиксирует повседневную жизнь села, которая даёт возможность отслеживать сложные социальные процессы, которые характеризуют трансформацию социокультурных характеристик сельских жителей.

ЛИННИК Юрий Владимирович

Карельская государственная педагогическая академия, г. Петрозаводск

ПАНКИ НИЖНЕЙ ОНЕГИ: СЕМИОТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Панки впечатляют своей архаичностью. Несмотря на малые размеры, эти игрушки производят впечатление монументальности. Их лаконичные формы порой обобщены настолько, что может создаться впечатление: геометризация объёмов здесь норовит перейти в абстракцию. Когда-то у схожей границы оказался кубизм. Народная игрушка органично вписывается в контекст авангардных исканий. В попытках понять генезис панок можно развивать две гипотезы:

- панки являются реликтом древней сакральной пластики; культурологам хорошо знаком этот алгоритм: обряд становится игрой, идол – игрушкой; нечто подобное могло иметь место и на нижней Онеге;
- игра и игрушка самодостаточны; придумывая забаву для ребёнка, взрослый как бы входит в его мир, поэтому панки несут на себе напечатление детского наива.

Первая гипотеза отсылает нас к филогенезу – панки предстают в углублённой исторической перспективе. Вторая – заставляет вспомнить об онтогенезе: в своём индивидуальном развитии дитя или его педагог, на игровом уровне становящийся ребёнком повторяют исходные фазы в развитии искусства.

Оба подхода изоморфны друг другу. В обоих случаях панки могут рассматриваться как манифестация бессознательного: через них себя обнаруживают фундаментальные архетипы человечества. В первую очередь здесь надо вспомнить об архетипах Великой Богини (М. Гимбутас). Для поонежских панок можно найти замечательные аналогии в художественной практике матриархата. Эхо этой эпохи отчётливо звучит в северных вышивках. Характерный для них образ, который условно принято называть Мокошью, может быть соотнесён с панками по параметру предельно обобщённого геометризма.

Великая Богиня – это персонификация Матери-Земли: её лоно и порождает, и поглощает. Панки могут нести память о двойном культе: магия плодородия здесь сочетается с почитанием предков. Вспомним египетские ушебти или ханты-мансийские итармы. Эти миниатюрные статуэтки похожи на игрушки. Их предназначение: быть вместилищами для душ умерших. Не выполняли ли схожую функцию образы малой пластики, впоследствии оттеснённые в детский уголок? Он должен был напоминать маленькое языческое святилище.

Поонежские панки требуют комплексного исследования как тайна нашей культуры.

МАРДОСА Йонас

*Вильнюсский педагогический университет,
г. Вильнюс (Литва)*

САКРАЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ В ЛИТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

До середины XX в. сельская среда Литвы была насыщена религиозными символами. На территории сел находились святыне родники, камни и другие сакральные объекты. Существенным акцентом культурного ландшафта и сакральным элементом сельской среды, а также местом религиозных действий до середины XX в. выступали сооруженные в усадьбах, у дорог, даже в полях кресты. Они являлись местом постоянных индивидуальных молитв, а во время церковных праздников и местом общинных религиозных обрядов. Чаще всего в Восточной Литве весь май месяц жители собирались по вечерам у крестов исполнять Майские обряды. А три дня перед Воскресением во время Крестных дней, исполняя церковные песни, кресты поочередно посещали процессии членов сельской общины. Близки по содержанию к Крестным дням обычаи дня св. Марка (25 апреля). В этот день чаще всего мужчины молились у крестов, а на кладбище исполняли специальные литании. Церковная сакрализация земельных угодий происходила весной, когда сельская община приглашала ксендза освящать поля с целью охранять их от стихийных бедствий и различных недугов. После совершения ритуала остатки священной воды люди сливали в озера, речки или колодца, как связанные с хозяйством и жизнеобеспечением людей объекты. Таким образом, села и окружающая их территория (пашня, луга, рощи, озера и т. д.) существовали как сакральное пространство и такое понятие сохранилось даже после массового переселения жителей на хутора в 1920–1930-е гг. Только после коллективизации сельского хозяйства в середине XX в. представление о сакральности сельской среды перестало существовать.

МАРТАЗОВА Светлана Федоровна

МУК «Большемурашкинский историко-художественный музей», с. Большое Мурашкино

РОЛЬ КУПЕЧЕСТВА В ИСТОРИИ СЕЛА БОЛЬШОЕ МУРАШКИНО

История села Большое Мурашкино неразрывно связана с историей России. Прежде – это мордовский город (по одним сведениям, середина XII в., официальная дата основания 1377 г.), участник многих исторических событий. После подавления разинского восстания он был разграблен и сожжен. Еще до смерти Аввакума Петрова (1682 г.), который родом из этих мест, Мурашкино на несколько лет выпадает из летописей, а вновь появившись, числится уже селом.

Большое Мурашкино было знаменито меховым и кожевенным производством. На мурашкинской земле оно начало развиваться с 1478 г. и наивысшего расцвета достигло к сер. XIX – нач. XX в. Одним из мурашкинских купцов в 1899 г. была открыта Школа Инструкторов, где обучали кожевному и меховому ремеслу. Подобного рода школа была единственной в России. Купцы были участниками многих зарубежных выставок, получали золотые и серебряные медали за качество мехов. В годы советской власти Школа была преобразована в техникум. Позднее его вывезли в Московскую область, где все бесследно исчезло. В 2005 г. были уничтожены остатки мехового промысла, развивавшегося в селе пять веков.

Купцы создали облик Мурашкино и влияли на все сферы деятельности. Например, им было невыгодно, чтобы железная дорога проходила через село, и они сделали все, чтобы дорога прошла в другом месте.

До самой революции 1917 г. здесь царили домостроевские обычаи. Сегодня в Большемурашкинском районе представлены все виды православных церквей: старообрядческая, единоверческая, никонианская.

МЕЛЮТИНА Марина Николаевна

ФГУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск

СВЯЩЕННАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ХРАНИТЕЛЯ ЧАСОВНИ

Целью исследования является выявление генезиса, раскрытие семантики и анализ устойчивости в современном сообществе традиционного образа хранителя часовни. Для изучения проблемы определена локальная территория – Кенозерье, отмеченная высоким уровнем концентрации часовен. Впервые в научный оборот водятся архивные источники, полевые материалы, редкие документальные фотографии.

Часовенная традиция, основанная на восприятии человеком «личного бога» и доверия хранителю «держат ключ» от своего храма, является примером глубинного проникновения в христианскую среду языческих компонентов. Деятельность часовенного старосты, в обязанности которого входило осуществление ритуального обеспечения жизни крестьянского сообщества посредством религиозной регламентации жизни, роднит его с функциями волхва (жреца), совмещавшего общественные и сакральные функции посредников между людьми и божествами в Древней Руси.

Наша гипотеза, связанная с определением генезиса образа часовенного хранителя, основана на слиянии в одном архаическом образе жреца, жертвы и жертвенника, представления о котором было продолжено и продолжается русской традицией. Сакрализация традиции – это передача последующему поколению функции сохранения сакрального мира деревенского сообщества. В функции старосты часовни (в глубинные исторические времена – жреца) входило совершение магических обрядов (крещение

младенцев, отпевания покойников), хранение са-
кральных атрибутов (иконы, обетные «тканые приве-
сы»), подготовка культовых обедов из жертвенных
животных, продажа заветного предмета для исцеле-
ния. Сохранение в современном сообществе сакраль-
ных функций хранителя часовни является ценной со-
ставляющей культурного ландшафта Кенозерья.

НАУМОВА Надежда Ивановна

*Самарский государственный университет путей сообщения,
г. Самара*

ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КРЕСТЬЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)

В начале третьего тысячелетия н. э. под эгидой Самарской областной администрации НИИ «Языки и культуры народов Поволжья» [директор – проф. д.ф.н. Наумова О. Д.] проведено изучение жизненных миров коренных народов Поволжья. Этнографические экспедиции («Русские» и «Мордва» в Похвистневском и Исаκлинском районах Самарской области) изучали культурологические составляющие крестьянских поселений (исторический возраст: последние 280 лет).

Крестьянский уклад анализировался как «вмещающий ландшафт, кормящий этнос» (Л. Гумилев) и основа межэтнической толерантности. Положительная динамика отмечается в мордовско-эрзянских и татарских селах, в динамике менее устойчивого развития – русские и чувашские поселения. Еще менее устойчивы смешанные поселения поселкового типа, где население подверглось значительной демографической маргинализации (страта «псевдорусских») в течение многих десятилетий.

Устойчивость versus неустойчивость в механизмах толерантного этно-культурного взаимодействия русских, чувашей, мордвы, татар с миграционными стратами из Зарубежья складывается в пространстве устоявшихся крестьянских хозяйственных укладов – с нововведениями производственно-управленческих моделей:

- «Подбельская модель» с миграцией мужского населения на заработки и развитой инфраструктурой;
- «Аманако-Исаковская модель» с характерным «симбиозом» крестьянского хозяйства с банками, что укрепило крестьянское подворье и этнографические традиции семейного уклада;
- «Исаκлинская модель» с централизованным руководством, развитой современной телекоммуникационной инфраструктурой, с функционирующими колхозами (наследие советского периода).

Гармонизация межэтнической толерантности и сохранение культурных традиций крестьянского ландшафта в новом формате развития минимизирует отрицательно-неустойчивые тенденции и риски в развитии сельского ландшафта у носителей этнических языков и культур Среднего Поволжья.

НИКИТИНА Галина Аркадьевна

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УО РАН, г. Ижевск*

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО

Этническая культура (аутентичная или с ошутимым инновационным компонентом) в современной Удмуртии признана как ресурс, способствующий сохранению республикой своей «особости» в сфере культурной деятельности. Полиэтническое село демонстрирует различные формы работы с богатейшим фондом традиционной культуры, среди которых наиболее интересны этнофутуристические фестивали, массовое развитие практически всех видов традиционных ремесел и искусств, активное функционирование народной вокальной и хореографической культуры. Все это свидетельствует о более устойчивой связи крестьянской (и сельской в целом) традиции с архаикой, с одной стороны, и попытках противостояния процессам насаждения чуждых культурных образцов в худших вариантах, с другой.

Повышенный интерес к традиционным культурным ценностям можно объяснить и транзитивным характером российского общества. Как правило, именно в сложные переходные периоды вновь возрождаются забытые традиции, происходит реактуализация устойчивых и глубинных ментальных структур, которые могут более зримо, чем раньше, влиять на поведение человека и общества.

Востребованность этнической культуры на очередном витке развития общества актуализирует проблему новых подходов к ее анализу, практике развития вторичных форм (театрализованных, концертно-сценических, сувенирных), сохранению и возрождению уникальных обрядовых и музыкально-хореографических образцов как основы национального идентитета и удачной формы самопрезентации этносов окружающему миру.

Нельзя не заметить, что обретение традиционной культурой «второго дыхания» сопровождается противоположными процессами – отчуждения этнофоров от своих национальных культурных ценностей и корней, утраты чувства патриотизма и уважения к прошлому.

НИКОЛАЕВА Дарима Анатольевна

ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств», г. Улан-Удэ

ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ В ОБРЯДАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ КУЛЬТУ МАТЕРИ-ПРАРОДИТЕЛЬНИЦЫ

У бурят конца XIX – начала XX вв. места отправления ритуалов в честь матери-прародительницы в традиционной культуре ассоциируются с понятием «земля»/«вода»/«низ»/«женское». Так, женские моления проводили в устьях рек, у подножья родовых гор, на поляне возле леса. Женщины готовили

молочную пищу, угощались, танцевали круговые танцы и обращались к духам земли, воды и огня с просьбами о чадородии и благополучии.

Для проведения обрядов, связанных идеей получения душ детей использовались и другие природные объекты. Так, ввиду ассоциаций с женским детородным органом, буряты поклонялись пещерам (материнское лоно/утроба Земли). Считалось, что из «чрева» земли – пещеры вышли первые люди и животные, она дала жизнь деревьям и травам, поэтому так тесна связь между ними. В значении женского детородного органа задействован другой природный объект – береговая расщелина. В этногоническом мифе прародителями Эхирита (основателя одного из бурятских племен) были отец Пестрый налим и мать Береговая расщелина.

Можно также выделить почитание гор. У бурят существовал культ родовых гор – покровительниц рода, который тесно смыкался с особым культом родовой территории, мыслимой как исконно родовая земля – «место хранения материнского следа» рода или племени. Обычно эти места локализовывались на вершинах гор. На них проводились грандиозные родовые моления и обряды поклонения с просьбами о счастье, соответствовавшем традиционным представлениям (плодородие земли, размножение скота, чадородие людей и общее благополучие).

ОКЛАДНИКОВА Елена Алексеевна

Высшая школа народных искусств, г. Санкт-Петербург

ПРИЗНАКИ «САКРАЛЬНОГО» В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ДРЕВНЕЙ ЕВРАЗИИ

Понятие «ландшафт» никогда не принадлежало какой-то одной области знания. В узко-предметном смысле, земной естественный, физико-географический ландшафт является объектом исследования таких наук как география и ландшафтоведение. В широком смысле ландшафт – это объект исследования исторической географии, демогеографии, социологии и социальной антропологии и др. У таких социокультурных понятий, как «культурный ландшафт», «сакральная география» и «сакральный ландшафт» оказались единые геософские основания и истоки.

Сакральный ландшафт – это часть культурного, т.е. освоенного человеком с глубокой древности географического пространства, сформированного духовным человеческим опытом. Это одухотворенное, воображаемое пространство, и, следовательно, управляемое.

С позиций системного подхода и теорий самоорганизации сакральный ландшафт – это разновидность социотехнической системы, которая возникла в результате целенаправленного управляющего воздействия сознания людей архаического и традиционного общества на природный ландшафт.

На территории Евразии признаками сакральных ландшафтов, возникших в результате организующего и упорядочивающего воздействия человека архаиче-

ского и традиционного общества древней Евразии на окружающую среду, являются следующие:

- средовые (мифологизация конкретных природных зон: леса, озер, рек, гор и др.),
- пространственные (формирование границ конкретных территорий земной поверхности с помощью разных по материалу, форме, жанру объектов: стелы, скалы с рисунками, могильники в качестве маркёров),
- знаковые (использование разнообразных кодов для обозначения сакральности конкретного места).

Сегодня жизнь сакральных ландшафтов поддерживается путем научного исследования и консервации сакральных ландшафтов как объектов культурного наследия, организации паломнических туров в почитаемые места, а также организации заповедников и охраняемых территорий вокруг сакральных ландшафтов, и др.

ПЕРМИЛОВСКАЯ Анна Борисовна

*Институт экологических проблем Севера УрО РАН,
г. Архангельск*

СЕЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ РУССКОГО СЕВЕРА КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ

Сельский культурный ландшафт – это система, которая включает в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру, фольклор. Особенно полноценно и зримо феномен культурного ландшафта проявляется в регионах с мощными этнокультурными традициями, именно таким является Русский Север. Культурный ландшафт Русского Севера – это, прежде всего крестьянский ландшафт сельских поселений. По социально-экономическим признакам здесь сложились три основных типа поселения: погост, деревня, село. Тип расселения отражает архитектурно-пространственную организацию групп селений. Для Русского Севера характерен гнездовой тип расселения, при котором поселения располагаются не в одиночку, а группами. Северный крестьянин находился в сложной взаимосвязи с окружающим ландшафтом; обживая его, он формировал природно-культурную среду, которая в свою очередь влияла на его поведение и мировосприятие. Основу мировоззрения русского крестьянства составляло «народное православие». Церкви, колокольни, часовни, обетные кресты, ставившиеся в ходе освоения территорий, включались в важнейшие объекты крестьянского мира – деревни, дороги, уголья, холмы, водоемы.

Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство, превратившее Русский Север в особую «страну зодчих» – уникальный заповедник деревянной церковной архитектуры. Названия храмов становились частью историко-культурного пространства края, в них воплотились религиозные представления и ценности. Часто место для строительства храма (часовни), поселения определя-

лось с помощью гаданий и живых священных животных (конь) или предметов (дерево, икона, крест, свеча), обладающих высокой степенью семиотичности и особым сакральным статусом в традиционной культуре. Наряду с храмом, важнейшей смылособирающей, ценностной доминантой выступает крестьянский дом. Конструктивные особенности дома, тип крестьянской усадьбы и поселения в целом демонстрируют в предметно-пространственном воплощении особый образ жизни русского человека в суровой лесной зоне. До настоящего времени на Русском Севере сохранился ряд сельских поселений, которые по их насыщенности памятниками истории и культуры можно отнести к объектам культурного наследия. Это с. Кимжа на Мезени, д. Веркола на Пинеге, с. Черевково на Двине, с. Ошевенское на Каргополье и др. В 2004–2010 гг. были проведены исследования этих поселений.

Для изучения уникального культурного ландшафта с. Кимжа был выполнен историко-культурный опорный план. На плане отражены: планировка, топонимическая структура, местонахождение культовых (церковь, обетные кресты, сакральные места, часовни, кладбища), жилых, хозяйственных и инженерных построек. Выявлены 107 памятников архитектуры, их датировка, владельцы, легенды, архитектурно-конструктивные особенности, обмерены 32 памятника. Даны рекомендации по сохранению с. Кимжа в системе государственного законодательства – «достопримечательное место» федерального уровня, материалы исследований опубликованы в обобщающей монографии «Русский Север как особая территория наследия». Сельский культурный ландшафт – это объект наследия и ресурс развития. Необходима планомерная работа по постановке на охрану памятников народного зодчества и сельских культурных ландшафтов Русского Севера.

ПЕТРОВА Анна Александровна

Учебно-научный центр визуальной антропологии и этноистории РГГУ, г. Москва

ФОТОГРАФИЯ В СЕЛЬСКОМ ДОМЕ: ОБРАЗ, ПАМЯТЬ, КОММУНИКАЦИЯ

Фотография в северной русской деревне – феномен совершенно особенный, отличный от фотографических практик «большого города» (любительской фотографии и арт-фотографии). Деревенская, сельская фотография может быть рассмотрена как один из жанров визуального фольклора (А. В. Захаров), т. е. народного / массового изобразительного творчества. Сегодня фотографические практики видоизменяются: любительская фотография становится цифровой, аккумулируется в Интернете, где выстраивает эго-историю пользователя. Фотография профессиональная стала одним из медиумов «контемпорари арта» и СМИ. В деревне фотографическое изображение остается несамодельным, технически неосвоенным; фотография здесь визуализирует образ «большой семьи», оформляет интерьер и может служить сред-

ством коммуникации с умершими родственниками. Доклад базируется на полевом материале, собранном в ходе экспедиций в Вологодскую область.

ПОЗДЕЕВ Игорь Леонидович

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН, г. Ижевск*

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОГО ЭТНОСА)

В условиях социально-экономических трансформаций, идущих в нашей стране на протяжении последних двадцати лет, с особой остротой встает проблема адаптации к переменам, как всего российского социума, так и каждого индивидуума в отдельности. В сельской местности процессы социализации и адаптации всегда отличались от подобных процессов в городской среде. Это во многом обусловлено спецификой сельского образа жизни, малочисленностью большинства поселений, разветвленными родственными связями, сохранением этнокультурного своеобразия в отличие от преимущественно русскоязычного города.

В удмуртской сельской среде традиционно сильны общинные устои, поэтому здесь сохраняются такие черты, как зависимость от общественного мнения, оглядка в поведении на односельчан, индивидуальный фатализм («будь как будет»), характерные для традиционного сознания. Поэтому удмурты, в основной своей массе проходившие первичную социализацию в рамках сельского общества, не готовы в полной мере воспринять тенденции модернизации, в том числе и переход к рыночным отношениям, принятию новых экономических условий.

Деревня, в силу своего традиционализма, с трудом принимает деятельность отдельных индивидов, ищущих новые, нетрадиционные для селян способы повышения материального благосостояния. Поэтому наиболее активная часть населения, люди с предпринимательской жилкой, помимо естественных трудностей материального характера, сталкивается еще и с сопротивлением большинства. Вспомним, с какой враждебностью в 1990-х гг. было встречено фермерское движение. Отношение к фермерам среди селян со временем улучшилось, но предприниматели-удмурты нередко отмечают зависть, неприязнь со стороны односельчан.

В целом, современная деревня активно задействована в процессе социальных изменений, идущих в российском обществе. Основной задачей, стоящей перед сельскими жителями, является поддержание приемлемого материального уровня, что вызывает использование различных адаптационных ресурсов. В то же время переход к рыночным отношениям, адаптация к современным условиям идет сложно, что обусловлено характером сельской жизни, менталитетом селян, трудно поддающимся изменениям.

РОЗАНОВ Юрий Владимирович

*Вологодский государственный педагогический университет,
г. Вологда*

**МЕДВЕЖЬИ ОХОТЫ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX вв.: ТИПОЛОГИЯ И ГЕНЕЗИС**

В докладе рассматриваются два принципиально различных вида охот на «черного зверя»: традиционный (крестьянский) в разных его модификациях («на овсах», «на берлоге», «загоном», с помощью самозаводов и др.) и «культурный», осуществляемый совместно городскими и сельскими охотниками на договорных коммерческих основаниях. В последнем случае особое внимание уделяется роли крестьянина-окаладчика как организатора и руководителя трофейной охоты, анализируются этические, экономические и экологические аспекты деятельности окаладчика, особенности его отношений с городскими и зачастую высокопоставленными клиентами. Значительные доходы успешных окаладчиков, их уникальное положение в деревенском социуме, быстро растущий спрос на медвежьи охоты имели своим побочным следствием появление «лже-окаладчиков», устраивающих своего рода «охотничьи симулякры», что тоже рассматривается в нашем докладе. Источниками для работы стали полевые материалы фольклорных и этнографических экспедиций Вологодского педагогического университета и Вологодского музея-заповедника, охотничья литература и периодика XIX – начала XX в., дневники и мемуары охотников, статистические материалы.

СТАРОВЕРОВ Владимир Иванович

*Институт социально-политических исследований РАН,
г. Москва*

**КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ
КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНАЯ НАУКА**

Формирование крестьяноведения как самостоятельной науки подготовлено длительной практикой исследования крестьянства и связанных с ним многогранных проблем. Они проводились и проводятся с той или иной степенью интенсивности, что зависит от положения и роли крестьянства и агросферы в жизни разных стран. До недавних пор особенностью этих исследований была разрозненность, обособленность объектно-предметной парадигмы в рамках специфики той или иной науки. Она отражала свойственную классическим наукам тенденцию к их эвристической дифференциации, ослаблению в методологии познания синтетических начал, всё большей специализации на частных темах, что делало невозможным не только междисциплинарную, но подчас и внутридисциплинарную интеграцию познания. Наукоевческий анализ практики исследований подводит к выводу, что крестьяноведение должно представлять собой междисциплинарный комплекс гуманитарно-социального познания в аграрной сфере. Институционализация крестьяноведения требует: разработки теоретико-методологических оснований для

адекватного познания многогранности крестьянства; выявления социальной природы крестьянства; учета сущности, характера и содержания линейных связей крестьянства не только с аграрной сферой, но и с обществом в целом. Это обеспечит монистическое единство исследования российской деревни.

СТЕПАНОВ Андрей Викторович

АНО «Проповский центр», Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ
РУССКОГО СЕВЕРА В НАЧАЛЕ XXI в.
ОПЫТ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Структурно-семантические исследования крестьянского жилища, восходящие в основном к фундаментальной монографии А. К. Байбурина («Жилище в обрядах и представлениях восточных славян»), выявили значение аскриптивных символических классификаций и структур, определяющих место человека в культурном пространстве. Эти разработки позволяют подойти к вопросам, в рамках непосредственно самих семантических исследований не затрагиваемых. Один из таких вопросов состоит в том, как внутри этих моделей происходит актуальное взаимодействие субъекта с пространством избы, которым «абсолютные» значения этих моделей при всей их аскриптивности ежемоментно поверяются и обновляются в рамках повседневной жизнедеятельности. Проблема, таким образом, переходит в область прагматики, и во главу угла ставится субъект, а точнее его навыки использовать знаковое средство в конкретных условиях. В рамках симпрактического отношения «человек – пространство» само пространство оказывается лишенным внеположных индивиду свойств, и превращается в производную от социальных, психологических и телесных интенций. Второй вопрос, связанный с первым, касается трансформации указанных отношений во времени. Модернизационные процессы XX – нач. XXI вв., столь значительно повлиявшие на крестьянский мир, наложили отпечаток и на интенсионал пространственной системы крестьянского жилища: как ментальные, так и деятельностные аспекты взаимодействия человека и характерных топосов дома неизбежно меняются (и в повседневной и в обрядовой реальности). Исследование закономерностей этих изменений является одновременно и изучением адаптивных свойств традиции (если понимать под нею механизм сохранения, воспроизводства и трансляции коллективного опыта) и форм ее взаимодействия с инновационными влияниями среды.

ТОРМОСОВА Наталья Ильбрусовна

Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, г. Каргополь

**ЭВОЛЮЦИЯ СЕВЕРНОРУССКОЙ ВОЛОСТИ
XVI–XX вв. (НА ПРИМЕРЕ
КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА)**

Изучение особенностей социально-пространственной организации территории способствует созда-

нию объективной картины историко-культурных процессов в регионе. Традиционная волость на Каргополье, как административно-территориальная единица, сложилась к концу XV в. Ее границы совпадали с хозяйственным ареалом, который занимала сельская община, что объясняется естественно-географическими условиями. Сельская община, в свою очередь, была по церковному делению оформлена в сельский приход. Из анализа документов XVI–XVII вв. можно сделать вывод, что к концу XVII в. сложилось практическое совпадение границ волости и прихода. Данная ситуация существовала до конца XVIII в. Волость XVI–XVIII вв. мы именуем традиционной волостью или волостью-сообществом.

С конца XVIII до середины XIX в. происходит прекращение границ волостей и превращение их в чисто административно-территориальные единицы. Волость второй половины XIX в. получила новый статус, часто новые границы и новое название. Много для понимания этих процессов даёт анализ традиционных и новых волостных названий.

Кусты и группы селений, сформировавшиеся к XVII в., несмотря на административные преобразования, оставались неизменными в своих естественных границах до конца 1940-х гг. Территории сельских советов, созданных в 1929 г., в большинстве случаев соответствовали территориям традиционных волостей-сообществ.

Во второй половине XX в. традиционная сельская территориальная структура, оказавшись в полной зависимости от социально-экономической политики государства, пережила процесс глобальных изменений. Термин «волость», обозначающий традиционную волость-сообщество, бытовал на Каргополье до 1980-х гг. К настоящему времени он утрачен. На наших глазах происходит трансформация термина деревня. Мы наблюдаем заключительный этап перехода к новой системе сельских поселений.

ТРАПЕЗНИКОВА Ольга Николаевна

Институт геоэкологии РАН им. Е. М. Сергеева, г. Москва

КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И ГОСУДАРСТВОМ

Крестьянский мир, крестьянская община была основной ячейкой самоорганизации тех земледельческих племен, которые, начиная со второй половины I тысячелетия нашей эры, осваивали, распахивали нечерноземную лесную зону Восточно-Европейской равнины.

Последние работы археологов и историков дают нам конкретное представление об этом медленном и постепенном, но неуклонном процессе, его движущих силах и ограничениях. Из них следует, что причины сельскохозяйственного освоения Русского Севера менялись со временем. Сначала это было следствие Великого переселения народов, в Средневековье – возросший в Европе спрос на пушнину, в XIV в. – татаро-монгольское нашествие. Опричнина Ивана Грозного и гонения на староверцев в XVI–

XVII вв. вызвали новый отток крестьянского населения на север и восток.

В то же время менялись сельскохозяйственные технологии. Так, культура длинных курганов характеризовалась крупными поселениями и подсечной системой земледелия. Переход к постоянной пашне в условиях сложных природных условий Нечерноземья вызвал рост мелких деревень.

Развитие централизованного государства в XVI–XVII вв. привело к смене системы расселения в центре страны: деревни стали существенно крупнее, но число их уменьшилось. Отсутствие существенных изменений сельскохозяйственных технологий и природных условий свидетельствует о том, что это изменение было вызвано в первую очередь воздействием государства. Насколько принципиальным для дальнейшего аграрного и социального развития русского крестьянства было это изменение? Везде ли оно произошло? Где оно было оправдано? Поиску ответов на эти вопросы посвящено наше исследование.

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна

Вятский государственный университет, г. Киров

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ВЯТСКОГО РЕГИОНА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ

На формирование культурного ландшафта Вятского региона оказала влияние его «крестьянская модель» развития. Поэтому характерными объектами являлись деревенские поселения, гармонично вписанные в местность, соотносимые с рельефом, лесными и земельными угодьями, водными ресурсами. Архитектура домов связывалась с защитой от осадков, температурных перепадов. Продумывалась эстетика жилища, его внутреннее обустройство.

Поселения служили центрами, притягивавшими другие объекты культурного ландшафта. В их расположении проявлялась эргономика крестьянской деятельности, этноэкологические и этновалеологические правила. Духовная составляющая культурного ландшафта определялась месторасположением церквей, молитвенных домов, мечетей, языческих рощ, гуляний, дорогам, мостами, мельницами, местами промыслов.

Опыт поведения в природе и обустройство жизни вятских крестьян могут успешно изучаться, а рациональное в нем – использоваться современными поколениями. Одно из направлений – внутренний образовательный туризм. Музеи-скансены, стационарные экспозиции крестьянского быта, краеведение как предмет и направление воспитательной работы, практики и стажировки студентов-историков, филологов, художников, архитекторов, специалистов по туризму, выявляют емкое содержание регионального туристического ресурса. Приобщение к рассматриваемой деятельности в детстве и юности вырабатывает привычку к туризму в дальнейшем. Крестьянские ценности и культурный ландшафт сельской территории при этом становятся символами стабильности, благополучия, гармонии и патриотизма и могут влиять на его поступательное развитие в будущем.

ФИНЧЕНКО Александр Евгеньевич

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

**ДЕРЕВЕНСКИЙ МУЗЕЙ
КАК ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ**

Рассматривается проблема музеефикации элементов традиционной культуры в условиях современных экономических и демографических условий. Во многих привлекательных сельских зонах сегодня налицо: становление частного бизнеса в таких сферах, как рекреация и бизнес-туризм; изменение демографического состава села: рост доли таких категорий населения, как бывшие аборигены – переселенцы из городов, дачники – владельцы домов, использующие их как места летнего отдыха, а также владельцы сельского бизнеса и др.

Основа доклада – демонстрация документального фильма «Музей вепсской культуры и быта» – частное собрание А. Е. Финченко (4129 экспонатов) (26 минут) о созданном в 2002 г. музее в деревне Ладва Подпорожского района Ленинградской области:

Этот фильм предполагается включить в работу секции как стимул к дискуссии об институтах локальной памяти, среди которых народные музеи занимают ключевое место. Затрагиваются проблемы изменения условий функционирования этих музейных собраний: 1) если в советский период это были, в основном, школьные музеи, базировавшиеся на краеведческой и учебно-воспитательной работе, то теперь на первый план выходят частные собрания, основанные на профессиональных знаниях; 2) как современное направление экономического контекста повлияло или способно повлиять на их вещественное наполнение, формы сохранения, описания, этикетаж, условия доступа и прочее. Все это должно стать предметом для дискуссии, нацеленной на лучшее понимание конкретных механизмов функционирования подобных музеев.

ХАСБУЛАТОВА Зулай Имрановна

Чеченский государственный университет, г. Грозный

**ФУНКЦИИ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ ЧЕЧЕНЦЕВ
В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ И ОБЫЧАЯХ
В XIX – НАЧ. XX вв.**

В предлагаемом сообщении рассматривается народная одежда в связи с ее ролью в свадебных обрядах и обычаях, а также функции других предметов, в некоторых случаях, выполнявших роль одежды и имевших специальное назначение (ткань, материал – «коч», кинжал – «шаьльта», пояс – «доьхка», игла – «маха» и др.).

Многие элементы человеческой деятельности одновременно являются результатами как духовного, так и физического действия (Бромлей Ю. В. Эт-

нос и этнография. М. 1973, с. 50). В силу сказанного в данном сообщении народная одежда рассматривается не только как часть традиционной материальной культуры чеченцев, но и как явление, непосредственно связанное с духовной жизнью чеченцев, с их обычаями и обрядами. Значительна была роль одежды и заменяющих ее отрезов «коч» и в обрядах, которые относятся, по-нашему мнению, к контактной магии или магии соединения при взаимообмене подарков на свадьбе и других взаимоотношениях.

К одежде, связанной со свадебной обрядностью, относится и одежда ряженных на свадьбе. Это сложное многофункциональное явление, характерное и для других народов мира, требующее специального исследования. В представленном сообщении мы уделили некоторое внимание этому явлению, поскольку оно частично связано с ритуальной функцией одежды.

ХРУЩЁВА Маргарита Геннадиевна

*Астраханская государственная консерватория (академия),
г. Астрахань*

**СОВРЕМЕННЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ
ТАТАР-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СЕЛА НОВЫЕ
БУЛГАРЫ ИКРЯНИНСКОГО РАЙОНА
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Татары-переселенцы, основавшие село Новые Булгары уже более ста лет назад (XIX – начало XX вв.), до сих пор сохраняют свой язык, диалект, обычаи, традиционную культуру, песенный и инструментальный фольклор. На протяжении столетней истории села татары постоянно вступали в языковые, хозяйственно-производственные, социальные, семейные (в том числе и в межэтнические браки) и личные связи внутри села, с жителями окружающих сел и г. Астрахани. Постепенно с. Новые Булгары, особенно за последние два десятилетия, стало уже полиэтническим. Тем не менее, татарское население села до сих пор сохраняет не только в памяти, но в быту пословицы, поговорки, песни и инструментальные наигрыши, перенятые от родителей и более старшего поколения. Носители традиции в селе очень уважаемы и ценимы. В докладе анализируется межэтническая культурная ситуация села, современные новации в обычаях, форме праздников, степень этнокультурного взаимовлияния, процессы, происходящие в музыкальном (песенном и инструментальном) фольклоре; степень влияния городской культуры; культурные связи с основным массивом этноса, т. е. с Республикой Татарстан. На основе материалов полевых экспедиций прослеживается скользящее доминант в музыкальном фольклоре села, типологичное процессам в этнической культуре татар в XX в.; обнаруживается возникновение новых парадигм, обусловленных переходом от моноэтничности к полиэтничности села, наблюдаемых наиболее явно в музыкально-поэтическом фольклоре.

ЦЕЛИЩЕВА Вероника Геннадьевна

Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров, г. Санкт-Петербург

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА
«СЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИОННОСТИ»
КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС**

Разнообразие социально-культурных практик и расширение их диапазона под влиянием меняющихся условий приводит к размыванию границ дихотомии «город – село». Негомогенность и дифференцированность этих социальных пространств затрудняют их определение и очерчивание; различия между ними становятся все более условными, образуя специфические социально-культурные пространства, образованные взаимодействием городских и сельских жителей.

Анализ социальных практик, образующих дискурс сельскости, опирается на данные, полученные в полевых исследованиях, проводимых в Приамурье с 1995 г. по 2010 г. и дополнен материалами из различных источников. Перед нами стояли вопросы: что включают социокультурные практики, поддерживающие в условиях унификации жизни культурную дифференциацию локальных/локализованных сообществ (к которым, с определенной долей условности, можно отнести сельских жителей)? На чем они основаны? Как «сельскость» превращается в ресурс, и каким образом он используется? Ответы на эти вопросы может дать анализ оппозиций, образующих дихотомию «город-село», таких как: «промышленность – экология», «технология – ремесло», «прогресс – традиционная культура». Практики, опирающиеся на них, реализуемые горожанами и жителями сел создают новые конфигурации, описанию которых и посвящен доклад.

ЧЕРНЫШОВ Сергей Валерьевич

Брянский филиал НОУ ВПО «Московский психолого-социальный институт», г. Брянск

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ЭКСПОЗИЦИЙ**

При формировании этнографических экспозиций в музеях или наглядных пособиях образовательных программ следует уделить особое внимание вопросам использования традиционной знаковой культуры. Семантика является неотъемлемой частью традиционной культуры. Изучая основные элементы знаковой культуры, следует обратить внимание на ряд существенных особенностей.

Во-первых, следует определить место знаковой культуры в массовой культуре. Знак – информация, несущая сакральный, регулирующий характер, имеющий определяющее значение для некоей социально-культурной общности в конкретное время в конкретном месте. Массовая культура – идеология, торговый знак, имидж, выходящий за рамки этноса и расширяющий границы распространения.

Следует отметить варианты развития этнографической культуры как элемента знаковой культуры в музеях:

- музеефикация – «скансинг» – точное сохранение застывшей традиции;
- реконструкция – создание моделей адаптированных традиций для современного понимания;
- формирование новых традиций – стилизация под углом идеологических установок.

Любой предмет имеет смысл существования, если имеет практическое применение. Одним из вариантов использования является применения элементов материальной культуры этноса в образовательных целях:

- обращение внимания на фактор этнической принадлежности;
- при этом существует опасность непрофессионального использования, где могут иметь место две крайности – отвращение от предметного мира, или гиперболизация определенных аспектов с уклоном в национализм;
- наиболее оптимальное использование в качестве факультативного курса с элементами игровой культуры.

ШИРОКАЛОВА Галина Сергеевна

Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, г. Нижний Новгород

**СЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ:
ЖЕЛАЕМОЕ И РЕАЛЬНОЕ**

Одна из главных проблем российского села – сокращение численности занятых в сельском хозяйстве, прежде всего за счёт миграции из села наиболее молодых и квалифицированных кадров. Проблемная ситуация обусловила следующие задачи исследования: выявить условия, при которых молодёжь согласна работать в сельском хозяйстве и жить в сельской местности. Национальные проекты, не подкреплённые созданием современной производственной и социальной инфраструктуры, не влияют на жизненные стратегии молодёжи.

В последние годы для закрепления кадров принимаются законы, предоставляющие выпускникам вузов и техникумов ряд льгот. Однако требования молодёжи гораздо шире: они распространяются как на производственную, так и социальную сферы. Главными стимулами для принятия решения жить и работать на селе студенты очной формы обучения считают: возможность карьерного роста, современные рабочие места, предоставление служебного жилья, хорошая дорога в город, наличие в селе молодежи. Они болезненно воспринимают низкую престижность сельского труда, отсутствие возможности выбора рабочих мест для супруга. Причём иерархия требований к условиям жизни во многом тождественна у выпускников всех типов учебных заведений и определяется реальными потребностями, с которыми сталкивается молодая семья. Среди тех, кто родился в Н. Новгороде, средних и малых городах готовых

поехать в село на любых условиях нет. Более ориентированы на возвращение после учёбы селяне, но и они выдвигают требования развития не только производственной, но и социальной инфраструктуры.

ШУМСКИЙ Константин Анатольевич

Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск (Беларусь)

**ТРАДИЦИОННЫЕ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ
ЗНАНИЯ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX – НАЧАЛА XXI вв.**

Традиционные этноэкологические знания белорусских крестьян, зафиксированные во всех историко-этнографических регионах Беларуси, имели ярко выраженный экофильный характер: в них отсутствовало обоснование потребительско-хищнического отношения к растительному и животному миру, выявлялись уважение к природе, ее красоте, желание сохранять и рационально использовать природные ресурсы.

Отношения с окружающей средой строились на принципах диалога. Природа при этом рассматривалась не только как объект одностороннего воздейст-

вия и неисчерпаемый источник ресурсов, но и как субъект двустороннего взаимодействия, его полноправный участник. Сочетание разнообразных способов эксплуатации природы давало возможность окончательно не истощать тот или иной вид ее ресурсов, а равномерно распределять нагрузку на природу между разными видами ее богатств путем ведения комплексного хозяйства. Поэтому крестьяне, сохраняя традиции природопользования, практически не нарушали природного равновесия.

Наиболее массовое использование традиционных форм взаимоотношений с живой природой пришлось на XIX – первую половину XX вв. На протяжении второй половины XX – начала XXI вв., в связи со значительными изменениями во всех сферах культуры белорусов, в социально-демографической структуре нации, традиционные этноэкологические знания претерпели значительную трансформацию. Сфера их распространения и функционирования постепенно ограничилась узкими социально-демографическими рамками (демографическая группа сельских жителей старше 60–70 лет). В конце XX – начале XXI вв. в этой сфере традиционных представлений увеличивается доля знаний с элементами научного или псевдонаучного осмысления человеком взаимозависимостей в окружающей природе.

Секция 2. ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ И НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ РОССИИ

Руководители: д.и.н. **Бутовская Марина Львовна** (Москва);
к.ф.н. **Морозов Игорь Алексеевич** (Москва);
д.и.н. **Фурсова Елена Федоровна** (Москва)

АНДРЕЕВА Юлия Олеговна

*Европейский Университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург*

ПОИСКИ «НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ» В НОВОМ РЕЛИГИОЗНОМ СООБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЯ АНАСТАСИЙЦЕВ)

Интерес к народным традициям и фольклору, исходящий как из идеологии Нью-Эйдж, так и из более широкого наследия романтического национализма, характеризует довольно широкий сектор современной российской религиозной жизни. Например, анастасийцы часто обращают внимание на необходимость возвращения к истокам (в первую очередь к обычаям и праздникам), и эти истоки обычно связываются с дохристианским прошлым Руси. Традиционная культура понимается как первичное гармоничное состояние, в котором человек был близок к земле и природе.

Такие действия, как например, исполнение песен и вождение хороводов считаются обязательной составляющей полной жизни человека, с их помощью у человека «раскрываются» способности. Важным считается восстановление утраченных традиций в быту: народные обычаи должны существовать не на сцене, а быть живыми и осмысленными.

Традиционализм анастасийцев обычно легко сочетается со стремлением к инновациям. Так, они утверждают, что нужно возрождать (полагаясь на интуицию и здравый смысл) лишь то, что понятно современным людям, далеким от природы и естественной среды обитания. Традиционные славянские праздники крайне необходимы для гармоничного развития человека, но еще более важно, чтобы индивид совершал действия не механически, а осмысленно. То есть, для последователей данного движения границы понимания «традиции» размыты, каждый индивид волен вкладывать свой собственный смысл, ориентируясь на (пока) недостижимый идеал.

**АНДРОНОВ Владимир Петрович,
АНДРОНОВА Тамара Дмитриевна**

*Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск*

ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Обращение к истокам нашей культуры, ее освоение становится особенно важным в связи с теми процессами, которые происходят с человеком в современном российском обществе. Человек потерял смыслообразующие ценности, растратил духовный

опыт прошлых поколений, ориентирован все в большей степени на материальный успех, а не нравственное воспитание и духовное совершенствование. Изучение влияния православных религиозных традиций на духовно-нравственное развитие личности позволило выделить следующие ключевые проблемы.

Первой проблемой, обсуждаемой в святоотеческих православных учениях, является путь достижения глубинных качественных преобразований личности. Самосовершенствование в этическом отношении как условие достижения истинности познания составляет основной стержень всей православной святоотеческой традиции. «Очищение» личности, ее духовное совершенствование является предпосылкой познания истины.

Вторая проблема – это проблема формирования духовно зрелой личности. В лоне религии с момента ее зарождения непрерывно накапливается и сохраняется православный религиозный опыт осуществления практической деятельности по формированию такой личности. Результат этой деятельности проявляется в наличии в истории России множества святых – ярких образцов духовно-нравственно развитых личностей.

Третья проблема связана выделением основания типологизации личности. В святоотеческой традиции таким основанием является иерархические соотношения духа, души и тела.

Четвертой проблемой является перевод описания эмпирических данных, накопленных в русле истории подвижничества, на язык собственно психологии, в систему понятий.

Пятой проблемой, возникающей при анализе эмпирических психологических знаний, содержащихся в творениях святых отцов, является проблема символизма, утверждающего, что внешние обстоятельства жизни человека являются символами, знаковыми индикаторами, отражающими его внутренние духовно-нравственные состояния.

**АФАНАСЬЕВА Юлия Юрьевна,
ФУРСОВА Елена Федоровна**

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск*

ЭТНИЧЕСКИЙ КОСТЮМ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ОДЕЖДЕ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙАЛЬЯ*

В эпоху глобализации важное значение приобретает порождения неотрадиционализма: реконструируемые этнические костюмы, жилище, культовые соору-

* Работа ведется при поддержке РГНФ (проект № 10-01-00470а).

жения, предметы декоративно-прикладного искусства, в которые вкладываются знания и представления о традиционности, этнические стереотипы, политические взгляды организаторов. Исследование феноменов традиционализма и неотрадиционализма особенно важно сейчас, когда в мире появилось осознание того, что нет и не может быть универсальных рецептов *модернизации*, а насильственные меры могут привести к конфликту с органичным развитием общества, лишить его самостоятельности выбора. Проблема заключается в том, как традиционализм преподносится и переосмысливается сегодня, когда прервана эволюционная цепочка развития традиционной культуры. Источником для реставрации традиционности в культурных, региональных, конфессиональных и пр. сообществах и конкретных семьях является научная и популярная литература, членство в этнокультурных центрах, информация от людей старшего поколения. Иная ситуация наблюдается в изолированных группах. Например, в этнокультурной группе старообрядцев-семейских Забайкалья, несмотря на столетия гонений и проживания в инокультурном окружении, наблюдается высокая степень сохранности традиций, которые предполагается рассмотреть на примере женского семейского костюма. Виды и комплексы семейской одежды складывались на протяжении всей многовековой истории этой старообрядческой группы, и передавались из поколения в поколение, обеспечивая, таким образом, преемственность этнокультурной информации. Более того, почти в каждом селе, а тем более районе еще сейчас сохраняются свои особенности внешнего облика, конструкции и декорирования костюма. Сравнительно-историческое исследование такой составной части традиционной культуры, как традиционно-бытовая одежда, позволяет прояснить вопросы истоков формирования этнографической группы семейских, выявить этнокультурное разнообразие забайкальского старообрядчества, проследить трансформации под влиянием культурного пространства первичных и вторичных мест проживания (Русский Север, Белоруссия и пр.).

БАКИЕВА Гульсифа Такиюлловна

Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У СИБИРСКИХ ТАТАР В НАЧАЛЕ XXI в.

В 2000–2010 гг. под руководством автора данного доклада проводились полевые исследования в местах компактного проживания тоболо-иртышских татар – в Тобольском, Вагайском, Тюменском, Ялуторовском и Ярковском районах Тюменской области. Целью исследования было изучение этнокультурных процессов, происходящих в среде сибирских татар региона. После обобщения и анализа полученных материалов были сделаны следующие выводы.

Политические и экономические проблемы двух последних десятилетий вызвали кризисные явления во всех сферах жизнедеятельности сибирско-татарского населения. Во многих селах и деревнях наблюдается

снижение рождаемости. Общий уровень воспроизводства населения в целом ниже среднего. Численность людей дорепродуктивного поколения почти во всех группах меньше численности людей репродуктивного. Отмечается определенный перекося в соотношении мужского и женского населения. В большинстве возрастных категорий преобладают женщины. В связи с приходом в упадок сельского хозяйства, наблюдается сокращение рабочих мест в сибирско-татарских селах и деревнях и отток трудоспособного населения в города. Уровень фактической безработицы среди экономически активного сибирско-татарского населения составляет не менее 30%.

Несмотря на политику ассимиляции и аккультурации, проводившуюся в Российской империи и в Советском Союзе, сибирские татары, тем не менее, сохранили до сегодняшнего дня свою этническую идентичность, язык, традиционную культуру. Сегодня для устранения негативных последствий социально-экономического кризиса в районах проживания тоболо-иртышских татар необходимы консолидированные усилия ученых и практических работников. Они должны быть ориентированы на сохранение культурного наследия сибирских татар. Ближайшими целями должны быть решение социально-экономических проблем, устранение явлений социально-культурной деградации и обеспечение приемлемых условий повседневной жизни.

БУРКОВА Валентина Николаевна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ОБЫЧАИ ИЗБЕГАНИЯ И ТАБУИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ ТЕЛА У ОСЕТИН: ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Подобно многим другим народам Кавказа, у осетин существует ряд этикетных норм, предписывающих поведение людей в тех или иных ситуациях. Это касается также обычаев избегания и табуирования некоторых частей тела. В традиционной воинской культуре осетин существует довольно жесткий кодекс предписаний норм общения с противоположным полом – поведение мужчин и, в особенности, женщин тщательно и строго регламентировалось, что в частности проявлялось в запрете на обнажение некоторых частей тела, определенном стандарте одежды, избегании общения с некоторым кругом родственников.

В докладе будут представлены традиционные представления осетин о нормах поведения с противоположным полом – запрет на обнажение разных частей тела (и их возможность снятия этого запрета в определенных ситуациях), идеал внешности и поведения девушки-невесты в сравнении с замужней женщиной, наличие телесных контактов между полами, внутрисемейные обычаи избегания, кодекс поведения мужчины. Предполагается рассмотрение адаптивных функций подобных норм в традиционной культуре, их наличия и модификации у представителей современной городской культуры.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (проект «Кросс-культурный анализ социального пространства и механизмов регуляции социальной напряженности: от традиции к современности») и в рамках НИР «Пол и гендер в эволюционной и социокультурной перспективе».

**БУТОВСКАЯ Марина Львовна,
БУРКОВА Валентина Николаевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ЦЕРЕМОНИЯ ОЧИЩЕНИЯ «БОМЫ» ОТ ПОРЧИ У ДАТОГА – СКОТОВОДОВ СЕВЕРНОЙ ТАНЗАНИИ*

В докладе будет описана церемония очищения «бомы» (подворья) от порчи у датоба – скотоводов Северной Танзании. Церемония относится к категории редких, и 76-летний хозяин «бомы», проводивший её, признался, что присутствует на ней третий раз в жизни. Церемония занимает 5 дней и состоит из нескольких этапов (подготовка, жертвоприношение, гашение всех очагов «бомы», разжигание нового «чистого» огня, окуривание всех людей и животных «бомы», обряды очищения помещений, размещение амулетов, препятствующих проникновению в «бому» злых сил). На протяжении всего срока доступ посторонним в «бому» запрещен. Обращает на себя внимание четкое соблюдение последовательности действий и распределение ролей участников. Церемония осуществляется хозяином «бомы» при активном участии одного из его братьев и старшего сына. Магические обряды совершаются специально призванным для этого магом. Вся церемония осуществляется взрослыми мужчинами, имеющими потомство. Вместе с тем именно замужние женщины-хозяйки дома получают от мага тлеющие угли для разжигания новых «чистых» очагов. По нашим данным, описанная церемония сохраняется неизменной на протяжении многих десятилетий и практически не подвержена влиянию модернизации. В докладе будут представлены фрагменты видео- и фотоматериалов, относящихся к данной церемонии.

ВАРНАВСКИЙ Павел Кондратьевич

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, г. Улан-Удэ*

«ИЗОБРЕТЕНИЕ» РОДСТВА: НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННЫХ БУРЯТ

В общественном сознании населения современной Бурятии сложилось устойчивое мнение: родственные/этноклановые связи, являющиеся характер-

ной чертой бурятского этноса, оказывают заметное воздействие на социальную действительность в республике. Возможно ли утверждать, что в рассматриваемом контексте понятие «родства» становится одной из форм изобретения и последующей легитимации традиции, своего рода механизмом с помощью которого она (традиция) «укореняется» в социальной действительности и превращается в приемлемую/обычную систему социальных взаимодействий?

Проведенное исследование показывает, что родо-земляческая принадлежность среди бурят является весьма значимой социальной категорией. У них имеются социокультурные институты, позволяющие, во-первых, поддерживать групповую идентичность, во-вторых, использовать солидарность, возникающую на основе этой идентичности, в прагматических целях, в-третьих, включать в свою сеть «иных» акторов, обладающих доступом к тем или иным – как правило дефицитным – социальным ресурсам. При этом сами носители культуры интерпретируют этничность отнюдь не как лояльность ко всей этнической группе в целом, а как особую модель социального поведения – норму, которая предписывает выстраивать социальную коммуникацию преимущественно по линии родства.

Можно констатировать, что в Бурятии традиционная культура отнюдь не растворяется в современной социальной действительности, а, напротив, в процессе самых разнообразных социальных практик трансформируется и затем инкорпорируется в повседневность современного общества, оставаясь достаточно актуальным элементом, конституирующим формы ее организации. Это позволяет предполагать, что в социально-экономических и политических реалиях современного общества имеются некие системные обстоятельства и причины, способствующие сохранению определенных элементов традиционной социальности.

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект № 28.4.12 «Институт родо-земляческих отношений в культуре повседневности и социальных практиках современных бурят».

ВЕЗНЕР Наталья Николаевна

*Сибирский филиал Российского института культурологии,
г. Омск*

ХОРЕОГРАФИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Традиционная хореография является одной из наиболее устойчивых форм культуры российских немцев, но в тоже время и она подвержена изменениям. В традиционный немецкий танец добавляются элементы из других народных, социальных и городских танцев. Изменяются не только композиции, но и музыкальное оформление танцев. Заимствуются целые композиции из старинных германских танцев. Такие танцы часто можно увидеть на сцене. Это происходит по той причине, что в современной жизни

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (№ 08-01-00015а), РФФИ (№ 10-06-00010-а) и Федеральной целевой программы Минобрнауки «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (№ 2010-1.2.1-102-022-20). Исследования проведены с разрешения Комиссии по науке и технике Танзании (COSTECH).

все реже представляется возможность исполнять национальные танцы в повседневном быту.

В настоящее время в среде российских немцев сложилось два вида народной хореографии: сценическая и бытовая. В быту продолжают исполняться народные танцы, сохранившиеся со времен массового переселения немцев на территорию России, такие как хопса-полька и вальс. В сценических вариантах появляются как новые сюжеты из смежных областей фольклора (сказки Братьев Гримм), так и авторские элементы танца (движения, положения рук), созданные профессиональными хореографами. Несомненно красочность и зрелищность привлекает зрителя, поэтому такие номера становятся любимы народом. Многие из них принимаются российскими немцами как традиционные. Часто берутся положения рук, некоторые движения, а иногда и целые композиции этих танцев. Таким образом, можно говорить о специфике хореографии российских немцев, в которой сочетаются как традиции, так и инновации.

**ВЕСЕЛОВСКАЯ Елизавета Валентиновна,
БУТОВСКАЯ Марина Львовна,
КОНДРАТЬЕВА Анастасия Витальевна,
ПРОСИКОВА Екатерина Андреевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**СПОРТ КАК СОЦИАЛЬНАЯ НИША
ДЛЯ ЖЕНЩИН С МАКСУЛИННЫМ СТИЛЕМ
ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ:
БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ
ПОКАЗАТЕЛИ УСПЕШНОСТИ
НА ПРИМЕРЕ ДЕВУШЕК РОССИЙСКОЙ
СБОРНОЙ ПО САМБО**

Важной чертой современной культуры следует считать сближение гендерных ролей. Это проявляется не только в сфере занятости, но и в повседневной моде на одежду, прически, косметические средства, интерсекс. Антропологи и медики сообщают также и о наметившихся тенденциях в сторону феминизации мужчин и маскулинизации женщин. В данном докладе будет показана одна из социальных ниш, в рамках которой девушки с маскулинными признаками добиваются жизненного успеха.

Проведенное сопоставление биологических и личностных параметров выявило наибольшую значимость соотношения обхвата талии к обхвату бедер в коррелятивных связях с личностными характеристиками. Девушки с мужественными пропорциями лица и тела характеризовались и более маскулинным поведением. Получен высокий показатель зависимости маскулинной составляющей поведения с оценкой тренера по степени агрессивности спортсменов (0,477), что подтверждает связь мужественных черт характера с повышением степени агрессивности. Девушки с наибольшим процентом побед имели более мужественную фигуру, обладали более высокой нижней челюстью, не были склонны к сотрудничеству и раскрепощенному поведению. Девушки, с успехом выступающие в соревнованиях, не склонны демон-

стрировать рискованное поведение в жизни. Эта же закономерность была отмечена в аналогичных предшествующих исследованиях, на представителях мужской сборной России по дзюдо (Бутовская и др., 2009). Лучшие спортсменки, по мнению тренера, обладали и максимальными показателями склонности к лидерству.

ВОЛЖАНИНА Елена Александровна

Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень

**ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ
В КОЧЕВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ
ПУРОВСКИХ ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ
В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI в.**

В докладе представлены результаты экспедиционных исследований, проводившихся в 2004–2009 гг. на территории проживания пуровских лесных ненцев. Современные характеристики традиционного хозяйства данной этнографической группы и анализ демографической ситуации в их среде свидетельствуют о том, что сложившиеся взаимоотношения коренного населения с предприятиями нефтегазового комплекса помогают им адаптироваться к новым условиям промышленного освоения, расширяя доступ к техническим достижениям, улучшая условия труда и быта. Кочевое хозяйство представляет синтез традиционных и новых черт, приобретенных в результате взаимодействия с хозяйственными структурами и промышленными компаниями, осуществляющими разработку нефтегазовых месторождений на территориях их проживания. В результате наблюдается высокий уровень занятости в традиционных отраслях хозяйства, интерес к ним со стороны молодежи, отсутствие маргинальных групп, положительные демографические характеристики. Вместе с тем произошла существенная трансформация традиционного кочевого образа жизни и связанных с ним представлений, подтверждая гибкость ненецкой культуры и ее способность к быстрым переменам, сохраняя при этом свою этническую специфику. В первом десятилетии XXI в. для пуровских лесных ненцев характерны полуседлый и оседлый образ жизни, сокращение кочевых маршрутов, ведущая роль рыболовства в жизнеобеспечении, высокая доля безоленных и малооленных хозяйств, утрата некоторыми семьями оленеводческих навыков и техники с сокращением оленьего поголовья, использование новых видов транспорта и нетрадиционных материалов для строительства жилищ, пошива одежды, наличие двух типов жилищ: традиционного переносного (чум) и стационарного в поселках и т. д.

ГАББАСОВ Сергей Марленович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**СОБИРАТЕЛИ МЕГАПОЛИСОВ:
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
НИЩЕНСТВА И ПОПРОШАЙНИЧЕСТВА**

Тема нищенства и попрошайничества является малопопулярной и малоизученной. Лишь в недавнее

время исследованием этой темы стали заниматься на научном уровне, до этого были преимущественно журналистские репортажи, часто сомнительного и иногда провокационного содержания.

До сих пор неясными остаются корни нищенства и попрошайничества. Существуют различные, часто диаметрально противоположные теории относительно происхождения данного феномена. С одной стороны, нищенство сводят к последствиям развития общества, ставя его на верх стратиграфической пирамиды социальной классификации. С другой стороны, нищенство считают рудиментом ХКТ охотников и собирателей, где принцип дележа добычи или любого другого имущества между родственниками и членами одной группы является одной из главных черт. Непонятно, представляют ли из себя нищие последствия отхода общества от традиций взаимопомощи или же несут в себе глубинную установку дележа имущества с охотничье-собирательских времен.

В ходе доклада будут рассмотрены основные теории возникновения нищенства и попрошайничества, а также приведен материал полевых исследований функционирования различных моделей нищенства и попрошайничества среди среднеазиатских и российских цыган (и некоторых других групп) и уличных музыкантов и сделана попытка соотнесения теорий с полученными в ходе исследований результатами.

**ГРИЦЕНКО Валентина Васильевна,
МОЛЧАНОВА Наталья Владимировна**

Смоленский гуманитарный университет, г. Смоленск

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ*

Содержание и характер формирования профессиональной идентичности определяются многими факторами. Среди наиболее влиятельных можно назвать культуру, ее традиции, обычаи, нормы, ценности. Психологический подход к анализу культуры обычно связан с выделением таких характеристик культуры, как индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность, дистанция власти, уровень избегания неопределенности. В докладе показано, что наибольшее влияние на содержание профессиональной идентичности студентов оказало такое измерение культурной вариативности, как индивидуализм/коллективизм. Так, чем больше выражена у респондентов ориентация на индивидуалистические цели, тем содержательнее представлен когнитивный компонент профессиональной идентичности: более четкие представления о требованиях профессии, о себе как профессионале и степени соответствия своих возможностей требованиям профессии.

Выявлены также тесные взаимосвязи индивидуализма/коллективизма с такими компонентами профессиональной идентичности, как ценностно-смысловой и мотивационно-потребностный: чем больше в созна-

нии респондентов представлены индивидуалистические тенденции, тем чаще в структуре мотивов профессиональной деятельности преобладают внутренние мотивы (стремление к наиболее полной самореализации именно в данной профессии, потребность в удовлетворении от самого процесса и результата работы, потребность в достижении и др.). И наоборот, чем выраженнее коллективистские установки, тем чаще профессиональную деятельность определяют внешние мотивы (стремление избежать критики, возможных наказаний со стороны руководителя или коллег, мотивы социального престижа, зарплаты и др.).

ДРАМБЯН Михаил Игоревич

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ГРУПП РАЗНОГО ВОЗРАСТА КАК АНАЛОГ ВОЗРАСТНЫХ КЛАССОВ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ НАГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Поведенческие стереотипы в культуре народов Нагорного Дагестана значительно различаются в зависимости от социального и половозрастного статуса. Принципиальное различие может быть обусловлено принадлежностью к разным возрастным группам. С известной степенью уверенности можно говорить о том, что такая дискретность в поведенческих моделях аналогична возрастным классам у ряда народов мира. Особенности культуры народов Нагорного Дагестана в том, что эти «классы» не имеют жесткой формализации.

Представляется позитивным опыт кросс-культурного анализа некоторых культурных аспектов в культурах народов Нагорного Дагестана и культуре нилотов и даготов (кочевников скотоводов северной Танзании).

**ДРОНОВА Дарья Алексеевна,
БУТОВСКАЯ Марина Львовна**

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

БРАЧНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СРЕДИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ (ТАНЗАНИЯ, ДАР-ЭС-САЛАМ)*

При выборе брачной пары индийцы следуют жестким правилам. Брак заключается в пределах эндогамной общности (касты или подкасты), но вне экзогамной группы (готры) – это обязательные условия традиционного индийского брака (Куценков 1983: 31). Нами было установлено, что традиционная система матримониальных отношений сохраняется и практикуется внутри индийской диаспоры Дар-ес-Салама и в наши дни. Большую роль при выборе партнера для брака играет религиозная община, которая является консолидирующим элементом в диаспоре.

* Данное исследование ведется при финансовой поддержке РГНФ, проект №10-06-01302а/Б.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (№08-01-00015а) и в рамках НИР «Пол и гендер в эволюционной и социокультурной перспективе».

Сбор полевого материала был осуществлен в ходе экспедиционного выезда в Танзанию в августе-октябре 2010 года. Было собрано 235 анкет и записано более 30 интервью с представителями индийской диаспоры, произведены наблюдения и фотосъемка.

Результаты исследования показывают, что индийцы не заключают межэтнические браки с представителями как африканского, так и европейского населения, несмотря на то, что имеют много друзей и коллег из их числа. Наши данные свидетельствуют о том, что стратегии выбора брачного партнера представителями индийской диаспоры соответствуют эволюционным положениям и согласуются с теориями сексуальных стратегий (Simons 1979) и родительского вклада (Kenrick 1990; Trivers 1972), как и во многих других обществах (Бутовская, Смирнов 2003; Бутовская и др. 2008; Buss 1989, 1998; Mealey 2000). При этом, индийская культура вносит важные дополнительные критерии при выборе брачного партнера, например, кастовая и религиозная принадлежности.

ЖАНТАСОВА Жанара Жексембаевна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ У КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)

В этнопедагогической традиции казахов Омского Прииртышья важное значение имеет трудовое воспитание. Детство для казахов представляется подготовительным периодом, итогом которого должно стать овладение всеми навыками хозяйственной деятельности и становление полноценного помощника. В семьях детям прививают трудолюбие, ориентируют на посильное участие в бытоустройстве и народных ремеслах и промыслах. Воспитываются казахи в строгих правилах: от них требуют относиться к труду как к первой необходимости, понимать свой долг перед семьей, осознавать личную ответственность. С ранних лет ребенок считался трудоспособным. Традиционная модель воспитания отличалась неразделенностью мира детей и мира взрослых. Основой воспитания было подражание взрослым, четкое разделение обязанностей между мальчиками и девочками. Дети, наблюдая за повседневным трудом родителей, в игре воспроизводили поведение взрослых. Многие правила и нормы пришли из глубины веков, так как кочевой быт требовал соблюдения правил.

Основным источником для данной работы являются материалы этнографических экспедиций. Методика полевого исследования базировалась на непосредственном, включенном наблюдении и опросе. Сбор материалов производился методом тематического интервью. Для изучения форм воспитания и социализации детей, взаимоотношений с родителями автором данного исследования разработана программа. В ходе исследования было опрошено старшее поколение, младшие возрастные группы. При сборе ма-

териалов уделялось внимание и детям, как основным носителям собственной культуры. При работе с детьми использовались методы непосредственного и включенного наблюдения, применяемые для фиксации повседневного опыта детей.

ЗЕТКИНА Ирина Александровна

Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

ДЕТСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

Детство как целостный феномен культуры с собственными нормами, практиками, системой ценностей имеет определенную традицию изучения. Труды М. Мид, американская школа «Культура и личность», изучающая детство через социализацию и отношения к ребенку в разных культурных сообществах, а также работы отечественных педагогов Л. С. Выготского, К. Д. Ушинского, работы современных этнографов, историков, психологов (И. И. Белик, Н. Ф. Беляева, И. С. Кон, Д. И. Фельдштейн и др.) заложили методологический фундамент, представили фактологический материал для сравнительного анализа необходимого в раскрытии предложенной темы.

Изучение контента детства в пространстве традиционных культур Поволжья позволяет с позиций историко-культурологического анализа реализовать теорию межкультурного изучения детства на примере исторически соседствующих народов, относящихся к разным этноконфессиональным и языковым группам (мордва-мокша и –эрзя, марийцы, русские, татары, чуваша, удмурты). Принимая детство как «культуру в культуре», «индивидуальный акт рождения культуры» (А. Крёбер), мы пытаемся выявить механизмы интериоризации и закрепления культурных достижений народов на личностном уровне, проследить эволюционирование этих механизмов. Особое внимание нами уделяется восстановлению «образа детства» в традиционных культурах Поволжья.

Источниковой базой изучения проблемы выступают этнографические, архивные, фольклорные, археологические материалы XVIII – начала XX века, современные этнографические и фольклорные коллекции.

КОЧКИНА Ирина Юрьевна

ГОУ ВПО Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ТРАДИЦИЙ ДОМАШНИХ РЕМЕСЛ И ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО АЛТАЯ (по материалам этнографических экспедиций 2000–2010 гг.)

В традициях русского населения Степного Алтая можно отметить существование определенных закономерностей взаимосвязи исполнения музыкальных

произведений одного типа (размер песни, музыкальное строение, смысловая нагрузка текста и т. д.) за занятием определенным видом декоративно-прикладного искусства (вышивка, ткачество, плетение из прутьев и древесной коры).

Определяющим являлся процесс производства, под который напевались те или иные песни, песенные вариации, мелодии, образуя систему гармоничного рабочего процесса, созвучного с трудом и трудовыми песнями. Это песенное творчество можно назвать трудовыми песнями. Однако вместе с этим, нужно учитывать, что под категорию так называемых «трудовых песен» попадают и лирические, и любовные, и игровые и т. д. Потому определение таких песен как «трудовые» возможно лишь применительно к процессу труда, а не определению их как отдельного жанра.

Собранный нами материал позволяет выделить особенности исполнения песен для рассматриваемой территории. Так, можно отметить существование внутрислоговых распевов, которые связаны между собой и нередко падают на середину слова, что способствует изменению ритмического рисунка – затормаживанию, паузам, «наездам», «подкатам» и т. п. Существуют сочетания сложных звуков: малой и большой секунд, малой и большой септим, параллелизм терций. Исполнение трех-четыrehолосное, манера исполнения своеобразная – исполнитель как бы давит звук, делая его приглушенным, но очень сильным, «столбовым». Позднее трансформация русского фольклора на данной территории, в целом, проявляется в упрощении мелодии, использовании все чаще двухголосной формы исполнения.

КУПРИЯНОВ Павел Сергеевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклуххо-Маклая, г. Москва*

ТУРИЗМ И ТРАДИЦИЯ: ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРДЫНИ

Чердынь, древнейший город северного Прикамья, столица летописной Перми Великой, центр уральского православия, расположен на севере Пермского края. Удаленность от промышленных и административных центров (300 км. до Перми) и транспортных путей (100 км. до Соликамска, ближайшей ж/д станции) сегодня является важным препятствием для успешного экономического развития региона, в том числе и туристической отрасли. В то же время, именно благодаря такому географическому положению Чердынь воспринимается как глубинка, не тронутая цивилизацией, что и привлекает туристов, большинство из которых приезжает сюда, чтобы прикоснуться к подлинному: настоящей провинции, девственной природе, истинной вере, живой истории. Между тем, культурная ситуация в Чердыни неоднозначна: с одной стороны, из-за неблагоприятных экономических

условий происходит отток местного населения, что приводит к угасанию народной традиции. С другой стороны, развитие туризма способствует поддержанию и воспроизводству разных культурных практик, прежде всего – традиционных, связанных с почитанием местных религиозных святынь, природных и мемориальных объектов. Наряду с активным распространением и популяризацией существующих легенд и преданий, связанных со значимыми локусами, персонажами и сюжетами местной истории, в туристической среде происходит также порождение новых верований, практик и текстов. Этот неоднозначный процесс возрождения / трансформации / конструирования традиции и является главным предметом доклада.

ЛИПАТОВА Антонина Петровна

УФСКН России по Ульяновской области, г. Ульяновск

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЯВЛЕННЫМИ ИКОНАМИ: СРАВНЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И РЕЛИГИОЗНОГО ФОНДА XIX ВЕКА УЛЬЯНОВСКОГО ПРИСУРЬЯ

В докладе предполагается рассмотреть особенности народно-религиозных представлений и практик, связанных с явленными иконами в Ульяновском Присурье. Задача сообщения – сравнение современного состояния религиозного фонда Присурья с религиозным фондом XIX века. В основе анализа – материалы Государственного архива Ульяновской области (второй половины XIX в. – начала XX в.); материалы, записанные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций УлГПУ (второй половины XX в. – начала XXI в.). Архивные документы, в которых содержится информация о явленных иконах, разделяются на три группы:

1. «Серия» дел, в которых фиксируются результаты «дознания», «расследования» о «якобы» явившихся иконах, проводимых Симбирской Духовной Консistorией. В делах приводятся рассказы очевидцев или непосредственных участников события чудесного обретения иконы на роднике. В делах-дознаниях о «якобы» явившихся иконах содержится официальная (церковная) точка зрения на чудесное происшествие. В делах-дознаниях сохранились многие этнографические факты, связанные с почитанием явленных икон (т. к. они имели силу доказательства по делу).

2. Ко второй группе материалов относятся сохраненные в описях Консistorии сведения об иконах, широко почитаемых в Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX в.

3. К третьей группе материалов относятся Церковные летописи сел.

Анализ разнородных архивных материалов и сопоставление их с современными полевыми данными позволяет определить соотношение традиции и инноваций в современном религиозном фонде Ульяновского Присурья.

МАТЛИН Михаил Гершенович

*Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск*

**ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ОБРЯДАХ
ПОСЛЕСВАДЕБНОГО ЦИКЛА
В РУССКОЙ СВАДЬБЕ XX в.:
(на примере обряда «Поиски ярки»)**

Обряды послесвадебного цикла остаются одними из наименее изученных до настоящего времени. Положение усугубляется двумя обстоятельствами. Во-первых, в XIX веке в силу ряда причин эти обряды почти не публиковались. Во-вторых, фольклористы и этнографы советской эпохи крайне редко фиксировали живую обрядовую деревенскую и городскую свадебную практику и еще более редкими были публикации этих материалов. А между тем отдельные записи XIX века показывают, что второй день русской свадьбы был весьма насыщен празднично-обрядовыми формами – акциональными, вербальными и музыкальными, обладавшими ярко выраженной смехо-эротической доминантой. Все они получили дальнейшее развитие в XX веке.

Одним из наиболее ярких обрядов послесвадебного цикла в Среднем Поволжье является обряд «Поиски ярки», получивший особенно бурное развитие в послевоенные годы и остающийся живым и ярким и в настоящее время в русских, мордовских и отчасти чувашских селах Ульяновской области, районных центрах, городах областного подчинения и даже областном центре. На его примере можно проследить, разные формы адаптации и трансформации традиции в условиях быстрых социально-культурных изменений в сельской местности и провинциальных городах во второй половине XX в., что, в свою очередь, позволяет сделать некоторые выводы об общих закономерностях развития свадебной традиции в указанный период.

МАХОВА Людмила Петровна

*Московская государственная консерватория
им. П. И. Чайковского, г. Москва*

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ТРОИЦКОЙ ОБРЯДНОСТИ
СТАРООБРЯДЦЕВ-«ПОЛЯКОВ» АЛТАЯ**

Традиции и инновации в троицкой обрядности старообрядцев-«поляков» рассматриваются на основе архивных полевых этнографических материалов и на полевых записях автора, осуществленных в 2004 г. Доклад посвящен описанию динамики развития локального варианта самого важного летнего праздника – Троицы, завершавшего сезон вождения хороводов.

Основными особенностями традиционной версии праздника в прошлом являлись:

1) двухчастность цикла: троицкая родительская суббота (канун Троицы) – Троица (воскресенье); 2) закрепление за определенной половозрастной группой – «девичий праздник» (ритуальные обходы дворов с на-

ряженной березкой совершали только девушки); 3) смешанный характер троицких хороводов, которые водили через всю деревню по улицам или «на полянке» – в определенном месте села, где происходят игрища, на которые собирается деревенская молодежь, парни и девушки; 4) неучастие замужних женщин в праздничном шествии с песнями; 5) «отпевание березки», которое совершалось в Троицу на закате.

Для современных версий обряда характерны: 1) полное сохранение поминальных обычаев как самой Троицы, так и родительской субботы, в которую по обычаю разрешается почтить память совершивших великий грех – самоубийство, так называемых «удавленников», «утопленников» и 2) смена половозрастной группы: Троица празднуется «одной кашей» (в складчину) замужними женщинами или семьями по очереди друг у друга аналогично другим праздникам календарного цикла; особое значение приобретают соседско-родственные отношения.

Метод включенного наблюдения позволил зафиксировать обряд «отпевания березки» и выявить особенности функционирования в нем разных жанров фольклора (хороводных песен, песен литературного происхождения, причитаний), сцепление сюжетов которых происходит в сознании носителей традиции на уровне смысла текстов, связанных с образами «утонет» и «река».

МОРОЗОВ Игорь Алексеевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ И ГОРОДСКОЙ
СРЕДЕ: СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
И АДАПТАЦИИ**

В докладе предполагается рассмотреть различные современные городские и сельские практики, имеющие параллели в традиционном быту. Основной целью доклада является анализ способов трансформации и адаптации традиционных практик в современной среде, степень их зависимости от актуальных экономических, социокультурных и политических обстоятельств. При этом будут рассмотрены примеры как повседневных, так и празднично-игровых практик разного типа: от оформления интерьера и придомового пространства до устройства застолья и семейных и общественных праздников. На примере застолья будет продемонстрировано, как изменяется его состав и способы устройства под воздействием различных социокультурных факторов – экономических и идеологических (включая воздействие современных массмедиа и рекламы).

Докладчиком будут рассмотрены современные способы организации личного и общественного пространства, использование традиционных локусов в современных повседневных, праздничных и обрядовых практиках. Особое внимание будет уделено случаям использования в такого рода практиках традиционных предметно-символических кодов.

НИЗАМОВА Лилия Равильевна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

ДИЛЕММА ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Этнокультурное многообразие и воспроизводство самобытности народов в российском обществе актуализируют интерес к потенциалу идеологии и политики мультикультурализма. Вместе с тем, эссенциалистская концепция культуры, лежащая в основании теоретического фундамента многокультурности и практических решений по ее воплощению, считается проблематичной. В ее рамках культура как система разделяемых людьми символов и ценностей, стандартов мышления и поведения становится статичной, приобретает детерминистский и холистический характер. Сопряженная с эссенциализмом субстантивистская перспектива трактует этнические группы, меньшинства, нации как органические и гомогенные коллективы людей с ясно установленным членством и четкими границами. Подобная трактовка этнических культур игнорирует их изменчивость, вариативность и подвижность, недооценивает значение внутригрупповых различий и межгруппового схождения, оказывается не способной признать активность и рефлексивность действий социальных агентов – членов этнических сообществ. Уход от эссенциалистского понимания культуры не означает отказа от демократического мультикультурализма, предполагающего социально приемлемый баланс традиционного и современного, наследуемого и приобретаемого, самобытного и универсального. Сегодня этничность не может мыслиться исключительно как воспроизводство стародавних практик, в целом «архаического» или традиционного, т. к. нередко служит инструментом достижения актуальных социальных целей и средством мобилизации в эпоху глобализации. Этничность – это также и производство «настоящего» – новаторский процесс построения культурных форм и отношений современности (и постсовременности).

НОСЕНКО-ШТЕЙН Елена Эдуардовна

Институт востоковедения РАН, г. Москва

«СВЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ» РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ: ВОЗВРАТ К ПРОШЛОМУ ИЛИ ИЗОБРЕТЕНИЕ БУДУЩЕГО?

Доклад посвящен культурной преемственности и инновациям у различных поколений современных российских евреев. Он основан на полевых материалах автора (250 глубинных интервью), собранных в нескольких городах и результатах социологических опросов. Данные многолетнего исследования доказывают, что у российских евреев в наши дни имеется существенный разрыв в передаче культурных традиций от поколения к поколению. Он стал результатом антирелигиозной пропаганды советских времен, огромных людских потерь в годы Великой Отечественной вой-

ны и Холокоста, массовой эмиграции 1990-х гг. и ассимиляции. Остаточные знания о восточноевропейской еврейской традиции (идиш, кухня, музыка и пр.) сохраняет пожилое поколение, которое обычно не привержено религии. Люди еврейского происхождения средних лет (в основном это потомки смешанных браков) в массе своей не сохраняют и этих остаточных традиций. Однако за последние 10–15 лет среди российской еврейской молодежи наблюдается «всплеск» своего рода неотрадиционализма. Он во многом базируется на основах иудаизма, но при этом вобрал в себя многие современные символы и ценности. Такой неотрадиционализм – своего рода «светская религия», разновидность светского мировоззрения – включает в себя религиозные и светские верования и практики. Автор стремится выявить основные характеристики «светской религии», формирующиеся у еврейской молодежи России, а также показать перспективы такой «изобретенной» религии.

НОСКОВА Хелена

*Институт современной истории Академии наук
Чешской Республики, г. Прага (Чехия)*

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЧЕХИИ

Целью доклада является ознакомление с историей и современностью этнических меньшинств в Чешской республике, характеристика национальной политики по отношению к этническим меньшинствам Чехословакии в прошлом и Чешской республики в современный период. В 1918 г. возникла Чехословакия как национальное государство с 30% национальных меньшинств, сосредоточенных в пограничных регионах. В период до Первой мировой войны национальные меньшинства имели широкие культурные и политические права: свои школы, культурные общества, политические партии. 1945–1950 гг. стали ключевым периодом, в течение которого на территории Чехословакии осталось лишь 12% населения, относящегося к национальным меньшинствам. В настоящее время на территории ЧР, прежде всего в пограничных регионах, живет 6% жителей, причисляющихся к этническим меньшинствам. Эти районы отличаются поликультурностью, в них проживают словаки, венгры, немцы, греки, поляки, украинцы, цыгане, русины, русские, а также группы реэмигрантов, например чехи из Волыни, Польши, чья культура за период после 1945 г. претерпела множество инноваций, а после 1989 года в этих группах был отмечен подъем неотрадиционализма и национализма. Особое внимание в докладе будет уделено инновациям календарной обрядности исследуемых групп, к которым можно отнести традицию празднования Хеллоуина, Прощеного воскресения, концерты Святой Сесилии, обходы со Святым Николаем и т. д., а также новшеством в обрядах сезонного цикла и их влиянию на жизнь деревни, городка, города.

ПЕТРОВА Анна Александровна

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

ТРАДИЦИИ «ПОХАБСТВА» В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

В докладе будет предпринята попытка типологического сопоставления «перформативного поведения» художников российского акционизма (1990–2010) со знаковым поведением, известным в «традиционной» культуре: поведением шаманов, шутов, трикстеров, юродивых, клоунов, фриков. Йозеф Бойс называл себя шаманом, Герман Нитч сравнил искусство с религией, а художника – со священником, совершающим ритуал жертвоприношения. Материалом нашего сообщения станут перформансы и акции российских художников: Олега Кулика, Александра Бренера, Владислава Мамышева-Монро, Анатолия Осмоловского, Авдея Тер-Оганьяна, Олега Мавромати, Андрея Бартенева и других. Во многих их акциях отчетливо выделяются признаки демонстративного поведения – «юродства» (поза, лицемерие, обвинение, провокация, разнузданность, похабство, телесные эксперименты), черты «трикстера» (ряженье, смена гендерных ролей, озорство, хулиганство, похоть), «шамана» (заклинания, «контакты» со смертью, духами, сверхъестественными силами) и шута (высмеивание, сатира, клоунада).

ПОПЕЙ-ООЛ Саида Кууларовна

Академия Гражданской защиты, г. Химки

КРИЗИСЫ И КАТАСТРОФЫ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ФЕНОМЕН РОССИИ

Россия – страна, пережившая и переживающая множество кризисов. И один из них – социокультурный. Он свидетельствует как об исчерпании возможностей саморазвития общества в определенном качестве, так и об отсутствии целостности социокультурного пространства. Если Европа после кризиса вырабатывала новый тип исторического мышления, художественного восприятия мира, а Восток возрождал лучшие традиции и ценности прошлого, то России уготована судьба совмещения этих двух типов модернизации. Что приводит к реформам и контрреформам.

Формирование системного кризиса в России произошло в период с 1600 по 1700 г. Реформы Петра I сделали Россию сверхдержавой по западному образцу. Отсутствие культурной целостности из-за веяний с Запада вносят в российскую действительность разочарование и апатию: восстание декабристов и его подавление. В период с 1825 по 1855 г. Россия, сильнейшая в Европе, стоит на грани экономической катастрофы. 1855–1900 г. были эпохой российских реформ и контрреформ. А 1900–1920 г. – эпохой катастроф. Они в чем-то схожи с событиями 1605 г.

Новый век принес новые реформы и контрреформы. 1920–1945 г. могли кончиться очередной катастрофой: НЭП и «опричнина» 1934–1941 гг. Но, как и в

1812 г., народ не дал случиться национальной катастрофе 1941–1942 г. Победа во Второй Мировой войне сделала Россию новой сверхдержавой. Эпоха 1945–1990 г. повторила особенности развития страны 1815–1855 г.

Может нам стоит подумать о социокультурной целостности, о доминировании российского идеала государственного обустройства в России, а не западного (как происходит в реальности). Так мы сможем обрести социокультурную целостность и покончить с периодами реформ и контрреформ.

ПОПОВА Ирина Степановна

*Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург*

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КАНОН

Предметом внимания автора доклада является область взаимодействия устного и письменного компонентов фольклорной традиции на примере явления этноотирования вокальной и инструментальной музыки. Комплекс фактов, подлежащих изучению, включает в себя аутентичные формы записи музыкальных явлений, осуществленные носителями традиции вне пятилинейной нотации. В центре внимания автора работы оказывается личность создателя той или иной системы записи народной музыки, действующая в рамках устоявшегося этнокультурного художественного канона.

В основу доклада положен обширный свод музыкально-этнографических данных о способах этноотирования, собранных по авторской методике в различных регионах России и за рубежом от различных категорий информантов, представляющих различные социальные и поло-возрастные страты современного общества.

РАКОВА Любовь Васильевна

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
им. К. Крапывы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ (на материалах Гродненской области)

Проблема этнической самоидентификации молодежи является актуальной. Этническое сознание как форма обыденного сознания актуализируется во взаимодействии с другими народами и выполняет функцию этнической идентификации и интеграции, становится мощным фактором развития наций и национальных отношений, сохранения этнокультурных ценностей. Осознание своей принадлежности к определенной этнической группе, отождествление себя с представителями своего этноса происходит через познание и овладение личностью этнической культуры, системы ценностей своей этнической общности. Этническое самосознание объективируется в языке, стереотипах поведения, национальных чертах

характера, религиозных верованиях, народных традициях, обрядах, проявляется в исторической памяти, интересе к своим корням и ценностям.

Важную роль в формировании этнического самосознания играет семья, традиции семейного воспитания. Самоидентификация начинается в детском возрасте, заметнее проявляется в пограничных районах республики, изучение которых все чаще становится задачей этнологов. В семье ребенок впервые начинает осознавать свою принадлежность к определенной этнической группе, отождествлять себя с представителями своего этноса, благодаря национальной идентичности отца, матери или обоих супругов, а также национальной адаптации, которой в немалой степени способствует использование белорусского языка, традиций воспитания, важнейшие из которых сохраняются в современной семье. Результаты исследования показали, что подавляющая часть молодежи Гродненщины мало использует белорусский язык в повседневном речевом поведении, что, однако, не ослабляет интерес к белорусской культуре и языку.

СКОРОБОГАТАЯ Андриана Анатольевна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

КРИЗИС ТРАДИЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЙ СЕПАРАТИЗМ

В докладе будут изложены результаты кросскультурного исследования, выполненного при поддержке РГНФ (проект № 09-01-00408а), основной задачей которого было выявить и описать универсальные и специфические этнокультурные и социально-психологические факторы (базовые ценности культуры, этническую и гражданскую идентичность, субъективную оценку качества жизни и др.), а также их взаимосвязь с установками на сепаратизм. Исследования проводились в двух регионах – Абхазии и Крыму (Украина), имеющих как сходные, так и отличные варианты проявления сепаратистских тенденций. Преодоление кризиса идентичности порождает ряд следствий, которые могут быть предпосылками обострения межэтнической напряженности: возрождается интерес людей к объединению в первичных, естественных общностях (этнических и конфессиональных), усиливаются традиционалистские настроения и ксенофобия (Паин, 2002). Рассмотрение того, как изменения этнической идентичности и ценностно-мотивационной сферы представителей традиционных культур сказываются на субъективной оценке качества жизни, является очень важным. Субъективная оценка качества жизни отражает восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и систем ценностей, в которых они живут, в соответствии с их собственными целями, ожиданиями и стандартами (Урываев, 1998). В каждой культуре существуют доминирующие ценности-цели, определяемые самой культурой. Степень соответствия между индивидуальными целями и целями, одобряемыми в культуре, согласно модели С. Оайши

(см. Culture and subjective well-being, 2000), ведет к развитию позитивной самооценки индивида.

На основе результатов исследования были построены теоретические модели зарождения и функционирования негативных межэтнических установок и сепаратизма, а также предложены меры по их профилактике и улучшению социально-психологического климата в регионах с подобными проблемами.

СЛЕПЦОВА (КЫЗЛАСОВА) Ирина Семеновна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

«ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ» (ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НА СТАТУС ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ)

Проблема «образ другого», «свой и чужой» – одна из ключевых в гуманитарных науках. Она неоднократно оказывалась предметом рассмотрения в этнографии (культурной антропологии) и истории повседневности, для которых прежде всего были важны этнокультурные, гендерные, социальные или политические контакты и т. п. Личностные взаимодействия и их роль в сложении образа «другого» затрагивались в этих исследованиях очень мало. В предлагаемом докладе сделана попытка охарактеризовать репрезентации образа «другого» в современном селе и личностные факторы, оказывающие влияние на его формирование.

В современном селе выделяются отдельные категории личностей, которые выполняют различные функции в сообществе и оказывают большое влияние на коммуникативные связи, структуру (создание микрогрупп), мировосприятие и поведенческие практики его членов. Среди них можно назвать: «помощник», «враг», «святой» («блаженный»), «монашка», «дурачок». Для них характерно нарушение стереотипов поведения, внешнего вида, речи, занятий и т. п., что приводит к осознанию отдельного индивида в качестве «иного». На конкретных примерах будут рассмотрены те индивидуальные характеристики, которые позволяют отнести ту или иную личность к категории «другой».

При выстраивании образа другого человека особое значение имеет позиция наблюдателя, склонность к рациональному или мифологическому объяснению мира. В настоящее время наблюдается большое влияние традиционных ментальных установок на формирование образа «другого».

СУРВО Вера Викторовна

Университет Хельсинки, г. Хельсинки (Финляндия)

ЭТНИЧЕСКОЕ, ЛОКАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ОБРАЗОВ ВЫШИВКИ КАРЕЛИИ

С интенсивным развитием «этнического» и «деревенского» туризма, музейных и международных

культурных проектов в Карелии стала актуальной этнической тематика в прикладном искусстве, представляемой как «карельский брэнд». Карелия представляет собой своеобразный полигон этнокультурных контактов двух этнических миров – прибалтийско-финского и русского. Локальная и региональная специфика прослеживается во многих сферах культуры, в том числе и в декоре текстиля. В традиционном орнаменте вышивки карел, вепсов и русских концептуально-образные модели и композиционные схемы являлись общими. Система знаков народной вышивки оказывается весьма адаптивной к внешним воздействиям. Представления об этнической составляющей в области декоративно-прикладного искусства сегодня меняются в зависимости от социальных, функциональных, возрастных факторов. Нередко при сохранении стиля меняется смысловая интерпретация, происходит ремифологизация значений, придание орнаментальным композициям новых смыслов. В докладе рассматривается ряд аспектов, связанных с актуализацией образов традиционной вышивки Карелии в работах современных мастеров: ориентированность на прошлое, преемственность/утрата традиционных технологий, способы переработки традиционных орнаментальных композиций, поиск новых форм, «цитирование» старинных образов и придание им новых смыслов. В качестве примеров анализируются работы карельских и финских дизайнеров (материал из финляндской Карелии привлекается в сравнительном аспекте), «реплики» и «копии» ремесленников, созданные по старинным образцам. В частности, рассматривается продукция фабрики «Карельские узоры», переименование которой в 2006 г. интересным образом отражает динамику изменений, происходивших в отношении «пользователей» декоративно-прикладного искусства: на смену переименованиям локального уровня («Хашезерская вышивка», «Заонежская вышивка») пришло региональное «имя» «Карельские узоры», более рефлекслируемое туристической аудиторией и в целом горожанами.

ТИТОВЕЦ Александр Викторович

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

БЕЛОРУССКАЯ КАЛЕНДАРНАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ

Современная календарная и семейная обрядность белорусского народа на нынешнем этапе своего функционирования, в целом, сохраняют основные характерные особенности. Однако в силу своеобразия современной социокультурной ситуации наблюдается интересная тенденция к их упрощению. Как правило, остается только то, что зачастую имеет формальное содержание, в то время как традиционное содержание уходит на второй план. В зависимости от местной традиции и степени её живучести и сохранности формальные и содержательные уровни конкретного обря-

да могут сохраниться едва ли не в полном объёме. Например, в отдельных местностях Беларуси и поныне существует колядный обряд, который местные жители называют весьма необычно: «тащить Коляду на дуб» (в некоторых местностях вместо дуба могут фигурировать такие деревья, как берёза, сосна). Как ни удивительно, но существенное предметно-атрибутивное наполнение и психоэмоциональный фон (включая и общественно-коммуникативную сферу данного обряда) остались, по существу, неизменными. Данным обрядом в определенных местностях оканчивались Коляды. Свою живучесть и удивительно полную степень сохранности кое-где сохраняют весенние обряды Юровского, Троицкого циклов. Относительно семейной обрядности можно отметить следующее. Свадебная обрядность значительно упростилась по сравнению с традиционной формой её существования. Как правило, сохраняются формальные характеристики свадьбы, в то время как исконно присущее ей содержание утрачивается. Могут присутствовать все основные этапы свадьбы, но уже наполненные созвучным современности новым содержанием.

Необходимо отметить, что в современных социокультурных условиях календарная и семейная обрядность функционируют (с различной степенью сохранности), благодаря наличию в той или иной местности аутентичных фольклорно-этнографических коллективов. Такие коллективы пока ещё встречаются на просторах современной Беларуси. Однако их не так уж много. И это всё вместе свидетельствует о том, что традиционная народная культура «проживает» (или доживает) свою заключительную стадию функционирования в постиндустриальном обществе.

ФЕДЕНОК Юлия Николаевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ДОМА: ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Любая человеческая культура несет в себе модель мира, созданную данной этнокультурной общностью. Эта модель мира воплощена в мифах, отражена в системе религиозных верований, воспроизводится в обрядах и ритуалах, закреплена в языке, материализована в планировке человеческих поселений и организации внутреннего пространства жилищ. Вся «система представлений о внешнем мире проецируется на внутреннее пространство дома», то есть на его структуру и пространство [Байбурин 1983]. В то же время пространственная организация дома является и отражением социальных связей в пределах семьи. На представления о пространственной организации дома влияют пол, возраст, этническая и культурная принадлежность, окружения сверстников, средства массовой информации и многое другое [Бутовская и др., 2007; Холл 1991]. Они формируются у человека в процессе взросления и воспроизводятся во взрослой жизни чаще всего неосознанно.

Наше исследование проходило в г. Нерехте (Костромская область). Мы исследовали пространство «дома моей мечты» в представлении современных подростков (с использованием рисуночного метода Э. Холла) и традиционную пространственную организацию жилого помещения. Представления о пространственной организации дома («дома моей мечты») у современных подростков подвергаются сильному влиянию пропагандируемых масс-медиа западных ценностей и стереотипов «красивой жизни». Зачастую такие представления далеки от реальных условий проживания респондентов.

ФРОЛОВА Ольга Евгеньевна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ТРАДИЦИОННЫЕ НАРРАТИВЫ В СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ: ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ

Анекдот, пословицу и загадку объединяет их ситуативность. Эти жанры рассматривают устройство мира дискретно, разбивая его на ситуации.

Функции пословицы определяются как директивные и регулятивные. Предлагаемая типология пословиц: тексты, а) отражающие ситуации с постоянными характеристиками качества; б) предписывающие поведение в зависимости или вне зависимости от

жизненного контекста; в) описывающие состояние ситуации и ее участников, не поддающейся изменениям. Два первых типа представляют собой центр жанрового поля, последний тип – его периферию.

Функция загадки – когнитивная. Анекдот выдвигает на первый план когнитивную и релаксирующую функции, совмещая характеристики пословицы и загадки. Центр пословичного жанрового пространства становится периферией жанра анекдота. Типология анекдота: а) законы, отражающие постоянные качества ситуаций, б) случаи, описывающие единичные события, в) сцены, разыгрываемые персонажами, г) толкования, объясняющие устройство мира, д) анекдот-хамелеон, воспроизводящий черты других жанров.

Законы и случаи соотносимы с первым и третьим типами пословиц. Толкования, построенные на вопросно-ответных единствах, демонстрируют сходство с загадками. Сцены и анекдоты-хамелеоны не имеют аналогов в паремиях.

Тесная связь регулятивных, директивных и когнитивных функций в пословице и загадке меняется в жанре анекдота. Выключение директивных и регулятивных функций объясняется тем, что познание устройства в данном жанре мира связано с его неприятием: осмеивая, анекдот позволяет вытеснить из сознания говорящего те стороны жизни, которые не поддаются изменению.

Секция 3. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ СРЕДЕ: ВАРИАТИВНЫЙ ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Руководители: д.и.н. Данилко Елена Сергеевна (Москва);
д.филолог.н., проф. Кляус Владимир Леонидович (Москва);
к.и.н., доц. Пригарин Александр Анатольевич (Одесса)

АМОГОЛОНОВА Дарима Дашиевна

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, г. Улан-Удэ*

ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ (на материалах Республики Бурятия)

Понятие *десекуляризация* представляется более адекватным термином для характеристики процессов религиозного возрождения в постсоветскую эпоху, чем, к примеру, понятие *де-атеизация* в смысле формирования религиозного сознания. Если согласиться с точкой зрения Г. Вайгеля о том, что коммунизм является светской религией с атеизмом в качестве одной из догм, то современное возвращение религии, инспирируемое лидерами современной России, в не меньшей степени, нежели в советские времена, связано с идеологическими установками, нацеленными на формирование новой национальной идеи.

Апеллирование к исторической и культурной памяти в условиях полиэтничности, часто конфликтной, неминуемо ведет к этнонационализации религии в условиях успешного внедрения в общественное сознание эссенциалистских установок об этнической территории. Религия, благодаря возможности номинальной аскрипции к ней, становится самым действенным маркером, во-первых, для обозначения группового пространства, а во-вторых, для групповой социализации. В результате, идеологическая заданность религиозного возрождения приводит к тому, что современная *десекуляризация* общественного сознания, в частности, в Бурятии, является результатом не сознательного выбора, а унаследованного от советского времени конформизма. Вместе с тем, существование для современного момента является наличием феномена *обратной связи* между идеологическими установками, предлагаемыми элитами разного уровня, и трансформациями, которым эти установки подвергаются на уровне индивидуальных и групповых практик. Постсоветская *десекуляризация* подразумевает в равной мере секуляризацию религиозных институтов в разных смыслах, попытки сближения государства и церкви и одухотворение жизни индивидов.

АРГУДЯЕВА Юлия Викторовна

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток*

КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКИХ В АМЕРИКЕ

Русское старообрядчество, возникнув в России в 60-х гг. XVII в., вскоре распространилась в другие регио-

ны Российской империи и страны Европы и Азии. Попав из России в Румынию, а оттуда в Турцию, с Алтая – в Сынцзян, с Дальнего Востока – в Маньчжурию, старообрядцы в 60-е гг. XX в. мигрировали в Южную и Северную Америку, сохранив за собой региональные названия – «турчане», «харбинцы», «сынцзянцы». Все прибывшие первоначально были беспоповцами часовенного согласия, но в 1980-х гг. часть из них приняла священство, что вызвало раскол в старообрядческих общинах и отразилось на социальной жизни старообрядцев. Наиболее компактные группы русских староверов проживают в настоящее время в штатах Орегон и Аляска США. В процессе межэтнических взаимодействий происходило как заимствование, так и отторжение отдельных элементов чужих культур в зависимости от степени их влияния на целостность старообрядческих традиций. Длительное пребывание русских староверов на американском континенте показало, что изменив в значительной степени свои традиции в культуре хозяйствования, они частично сохранили их в материальной культуре, семейном быту, языке. Сфера же религиозных воззрений осталась практически неизменной. Именно она в настоящее время служит цементирующей основой для сохранения русской культуры в иноэтническом окружении.

АРТЕМОВА Ольга Юрьевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АДОПЦИЯ ВМЕСТО АДАПТАЦИИ (ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ОХОТНИКОВ/СОБИРАТЕЛЕЙ И ДОСТИЖЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА)

Доклад будет основан на полевых материалах, собранных в двух селениях аборигенов Австралии (Аурукун и Милингимби) в первое десятилетие XXI в. Селения сформировались вокруг христианских миссий, которые были созданы в первой части XX в. и существовали до 1970-х гг. Затем в них было организовано формальное самоуправление. Обширные территории вокруг селений поступили в распоряжение традиционных собственников – аборигенов, которые имеют наследственные права на них. До сих пор сохраняются отдельные семьи аборигенов, которые делят свою жизнь между «бушем» (дикой природой) и поселками.

То, что произошло со времени основания поселков, и результаты чего наблюдаются сегодня, можно определить следующим образом. Это не *адаптация* культуры бывших охотников и собирателей к англо-австралийской «мейнстримной» высокотехнологичной капиталистической культуре, а *адопция* или аб-

сорбирование отдельных ее элементов и технологических достижений в традиционную культуру при-сваивающей экономики при полном и сознательном игнорировании или *отторжении* наиболее существенных основополагающих качеств этой мейнстримной культуры. Это не сохранность традиций, а сохранение существенных, основополагающих черт культуры охотников и собирателей при *утрате* некоторых, имевших принципиальное значение, ее компонентов. Отсюда трагические следствия. Однако, в каждом из двух поселков сложились своеобразные, во многом несхожие ситуации. В докладе сказанное будет раскрыто на конкретном материале и сопровождаться фрагментами полевых видеосъемок.

АСТЭР Ирина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург

ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ МЕСТА И РОЛИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА В СОЦИАЛЬНОМ СЛУЖЕНИИ

Расставшись с крупными земельными владениями и прибыльными коммерческими предприятиями, потеряв социальную притягательность для элитных общественных групп, русское православное монашество, тем не менее, стремится сегодня, обращаясь к истории, обосновать свою социокультурную значимость. Православным монахам не были свойственны формы активного вмешательства в жизнь государства, как это наблюдалось в монашеских орденах средневекового Запада. Существовала и определенная «поляризация» в социальной направленности мужских и женских монастырей в дореволюционный период. Насельники мужских монастырей стремились идти созерцательным путем, в то время как женские монастырские общины ориентировались на социальное служение. После принятия первой в истории социальной концепции РПЦ наблюдается унификация в деятельности женских и мужских монастырей, но исследование различных видов деятельности монастырей обнаружило дифференциацию современных монастырских сообществ в зависимости от доминирующего типа деятельности: молитвенный, социальный и хозяйственно-экономический. Автор пытается выявить тенденции развития православного монашества и выбор стратегии между альтернативными установками: интеграции в социокультурную сферу и отказа от интеграции.

ВАНДЫШЕВА Галина Александровна

Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, г. Санкт-Петербург

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВИЕ НОВОЛАДОЖСКОГО УЕЗДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ (ПЕТРОГРАДСКОЙ) ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX вв.

Взаимоотношения старообрядческого и православного населения оказывали значительное влияние на

социально-экономическую и культурную жизнь Новолadoжского уезда. Появление «раскольников» на территории уезда было зарегистрировано уже в конце XVII века. Имели место оба основных течения «раскола» – беспоповство (федосеевцы, филипповцы, поморское согласие) и поповство (в форме единоверия). По переписи 1897 г., число православных в нем составляло 64003 чел., а старообрядцев – 5591 чел.

Православная церковь в лице приходского духовенства активно вела миссионерскую деятельность. В 1901–1902 гг. в Новой Ладогe существовало Братство во имя Святителя и чудотворца Николая. В метрических книгах сохранилось достаточно много записей о выходе из раскола и присоединении к православию. Однако старообрядчество сохраняло сильные позиции в регионе вплоть до атеистической кампании 1920-х гг.

Социально-культурные традиции старообрядчества формировали своеобразную культурную среду, не изолированную от православия. Некоторые сохранившиеся элементы этих традиций еще фиксируются среди потомков старообрядцев, проживающих в Волховском районе.

Источниковую базу доклада составляют метрические книги Новолadoжского уезда, материалы личных архивов старообрядческих семей, историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, материалы фондов Новолadoжского историко-краеведческого музея, Земской коллекции РНБ и т. д.

ВЕНГЕР Наталия Викторовна

Днепропетровский национальный университет, г. Днепропетровск (Украина)

ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЙ ОБРАЗ ЭТНОКОНФЕССИИ И ЕГО ИЗМЕНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕННОНИТСКИХ ОБЩИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

В докладе используется понятие «образа (презентационного образа) этнической группы», который формируется в обществе под влиянием различных факторов. Меннонитские общины, которые эмигрировали на территорию Российской империи в результате колонизационного проекта XVIII – начала XIX вв. и проживали в компактно расположенных замкнутых аграрных поселениях, являлись носителями двух типов презентационного образа: прямого и опосредованного. Опосредованный образ (официальный имидж, который формируется некоторой влиятельной социальной группой или стратой и в готовом виде передается обществу) в нашем случае складывался в результате взаимодействия конфессии и структур, принимающих участие в организации процессов колонизации и дальнейшего мониторинга колоний (попечительных органов, чиновников профильных министерств). Он имел преимущественно позитивный характер, и конгрегации, признаваемые конфессией, имели льготные условия адаптации, экономического развития и сохранения идентичности.

Авторами «непосредственного образа» являлись сами меннониты. Этот образ формировался локально

в результате взаимодействия между представителями этноконфессии и населением соседних селений. Содержание образа варьировалось в диапазоне «позитив – негатив».

В условиях модернизационного стресса середины XIX столетия характер официального образа изменяется. Инициаторами изменений выступают власть, проводившая реформы унификации (1871, 1874 гг.), и российская интеллигенция. В обществе поднимаются вопросы социальной справедливости и правовой унификации, используются элементы «антиколониистской пропаганды», которая опирается, в том числе, и на негативные варианты «прямого образа» предшествующего периода. Меннониты, адаптируясь к новым условиям социального и экономического развития, активно работают и над формированием официального образа.

**ВИНОГРАДОВА Ольга Владимировна,
МАЙОРОВ Роман Александрович**

Российский новый университет, г. Москва

СТАРООБРЯДЦЫ-ПОПОВЦЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ БУДЖАКА И ПРИБАЛТИКИ)

Доклад построен на материалах экспедиций и частных поездок авторов к русским старообрядцам-поповцам Буджака (Украина, Румыния) и Прибалтики (Латвия, Литва). Проводится анализ процесса адаптации старообрядцев к современным условиям жизни в странах Восточной Европы, где они являются этноконфессиональным меньшинством. При этом учитывается, что старообрядцы Прибалтики имеют беспоповские корни и большинство из них приняло священство недавно, старообрядцы же Буджака в основном являются потомственными поповцами. В докладе прослеживается, на какие уступки современному миру готовы идти старообрядцы, а что в их культуре остается неприкосновенным. Делается попытка сравнения «церковного» и «народного» осмысления происходящих изменений.

ВОРОНЦОВ Владимир Степанович

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УДМУРТИИ

После распада СССР Удмуртия, как и другие субъекты Российской Федерации, испытала значительные социально-политические трансформации, которые затронули и религиозную сферу. Это проявилось в многократном росте числа верующих, в появлении нетрадиционных для региона религиозных организаций, групп и деноминаций, исторически не укорененных, но активно претендующих на лидерство в духовной сфере.

Все эти факторы привели к тому, что религиозная жизнь в республике развивается достаточно противоречиво. Активизируя свою деятельность, религиоз-

ные объединения стремятся распространить свое влияние на все сферы общественной жизни, что усиливает конкуренцию между конфессиями, вызывает неоднозначную реакцию со стороны общества. Наглядный тому пример – дискуссии о введении в школах учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Вместе с тем, традиционные конфессии России накопили огромный опыт социальной деятельности, которая и будет проанализирована в настоящем сообщении.

ДАНИЛКО Елена Сергеевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

«НЕРУССКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО» И РУССКИЙ ЯЗЫК

Изучение основных закономерностей распространения старообрядчества среди поволжских народов включает, не только социально-культурный, но и языковой аспект проблемы: каким образом обращение финно- или тюркоязычных групп к древнеславянской книжности и языку богослужения отражалось на их этнокультурной традиции, существовала ли взаимосвязь между принятием старообрядчества и ассимиляционными процессами, сохранением или утратой родного языка, а также соотношением различных уровней самосознания – этнического, религиозного и языкового. В настоящем докладе предполагается рассмотрение этих вопросов на материале полевых исследований среди мордвы, чувашей и двух групп коми-пермяков – язвинской и зюдинской, для воссоздания исторического контекста будут привлечены архивные источники и опубликованная литература.

ЕФРЕМОВА Мария Викторовна

*Государственный Университет –
Высшая школа экономики, г. Москва*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ УСТАНОВКАМИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМ СОПОСТАВЛЕНИИ*

Вопрос взаимосвязи культуры и общественного развития широко обсуждается в последние годы специалистами в области экономики, социологии, политологии, психологии. Большинство исследователей согласны с тем, что культура и общественное развитие находятся в сложных отношениях взаимного влияния и взаимного изменения. Одним из культурообразующих факторов, оказывающих влияние на экономику, является религия, которая на личностном уровне проявляется как религиозная идентичность.

* Исследование выполнено при поддержке программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ» в рамках конкурса «Учитель-Ученики» 2010–2011 гг. (проект № 10-04-0014).

Религия оказывает влияние на культуру, что способствует значимости тех или иных ценностей в культуре, поэтому, на наш взгляд, будет интересным рассмотреть связь ценностей индивидуального уровня и религиозной идентичности с экономическими установками у представителей православия и ислама.

По результатам проведенного исследования, у студентов-христиан выраженность религиозной идентичности не связана с продуктивными экономическими установками, тогда как у студентов-мусульман такая связь обнаруживается, что обусловлено более ясными концептами исламской хозяйственной этики. У представителей обеих конфессий ценности «Самостоятельность» и «Достижение» взаимосвязаны с продуктивными экономическими установками и представлениями, а ценности «Традиция» и «Универсализм» – с непродуктивными. «Конформность» и «Власть» же носят амбивалентный характер у студентов-христиан, тогда как у студентов-мусульман данные ценности связаны исключительно с продуктивными экономическими установками и представлениями.

КЛЯУС Владимир Леонидович

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
г. Москва*

ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕТИСОВ ТРЕХРЕЧЬЯ (КНР) В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ

Русско-китайские метисы Трехречья (бассейна рек Ган, Хаул и Дербул, впадающих в Аргунь) после отъезда в конце 1950 – начале 1960 гг. из этого района в СССР и др. страны десятков тысяч русских представляют собой этническое меньшинство. Годы культурной революции, сложных отношений СССР и КНР значительно ухудшили социальное и культурное положение метисов, что выразилось в их причислении к китайскому суперэтносу, привело к значительной утрате языка (среди молодого поколения), трансформации бытового уклада, размыванию религиозного сознания и фольклорной традиции и т. д. Но несмотря на агрессивную атеистическую пропаганду в КНР в 1960–1990 гг., что выражалось по отношению к метисам в полнейшем запрете на свободу вероисповедания, уничтожении церквей и других символов христианства (икон, богослужебных книг, кладбищенских и поклонных крестов), они продолжали считать себя православными. Это стало решающим фактором для китайского правительства в начале XXI в. принять положительные решения относительно развития культурной автономии метисов, в том числе строительства храмовых сооружений в Трехречье. До сих пор потомки русско-китайских браков сохраняют свою идентичность и занимают важное место в этнокультурном облике и в экономике региона.

КЛЯШЕВ Александр Николаевич

Институт этнологических исследований УНЦ РАН, г. Уфа

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ НЕОПРОТЕСТАНТОВ БАШКОРТОСТАНА

Трансформация конфессиональной идентичности населения Республики Башкортостан является частью общемирового процесса изменения религиозной структуры населения. Факторами, способствующими этому процессу, выступают изменение государственной политики от жёсткого государственного контроля до сотрудничества; утрата частью представителей тюркоязычных и восточнославянских народов этноконфессиональных традиций; открытость новым мировоззренческим системам, связанная с повышением уровня образования; национальный характер протестантизма и неопротестантизма, позиционирующих христианство как религию для всех народов; интеллектуализм этого направления христианства и разнообразный спектр вариантов осуществления религиозной жизни верующего; разнообразная социальная и благотворительная работа среди социальных групп риска и малоимущих. Адаптированность перечисленных видов деятельности к полиэтничному характеру региона совпадает с общим вектором функционирования неопротестантов на территории России.

КОТЫЛЕВ Александр Юрьевич

*Коми государственный педагогический институт,
г. Сыктывкар*

РОЛЬ ПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РУСИ/РОССИИ В XIV–XVII вв.

Пермская епархия возникла в конце XIV в. как результат реализации теознотологического учения, оформленного в русской культуре святителем Стефаном Пермским. Впервые в социокультурном пространстве Руси была сформулирована и воплощена на практике идея равноправия этносов (языков/земель). Миссионерский проект Стефана, включавший создание новой письменности и перевод книг на древнекоми язык, предполагал сохранение относительной самобытности и самостоятельности культуры Перми. Особый статус Пермской епархии обусловил ее роль в развитии коми этносов, активизации межкультурных взаимодействий народов Приуралья, создании новой конфигурации пространства Руси. Пермские владыки выступали посредниками в межэтнических и межгосударственных отношениях, пытались защищать интересы своей паствы. Пространство епархии стало ключевой опорой при движении русской цивилизации на восток и распространении ее влияния на новые народы. Даже после прекращения миссионерской деятельности и упразднения епархии, идеи и образы ее создателей продолжали оказывать влияние на культуру страны. В то же

время, начиная с XVI в., включение новых земель в состав русского государства начинает противоречить принципам, на которых создавалась Пермская епархия. На смену полиэтническому и монорелигиозному сообществу пришла иерархия империи, жестко подчинявшая себе этносы и религии.

ЛЕПШОКОВА Зарина Хизировна

*Государственный Университет – Высшая школа экономики,
г. Москва*

СРАВНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНОГО УРОВНЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ И МУСУЛЬМАНСКОЙ КОНФЕССИЙ)*

Значимость тех или иных ценностей в различных культурах во многом определяется религией. В этой связи, в нашем исследовании мы попытались выявить различия в ценностях индивидуального уровня у представителей православия и ислама, используя методику Ш. Шварца.

Согласно Ш. Шварцу, главным содержательным аспектом, отделяющим ценности друг от друга, выступает тип мотивации. Поэтому он сгруппировал отдельные ценности в 10 различных комплексов (типов мотивации), имеющих общую цель: Самостоятельность, Гедонизм, Достижение, Власть, Безопасность, Конформность, Традиция, Благожелательность, Универсализм.

Сравнение ценностей индивидуального уровня между группами христиан и мусульман показало, что ценности «Конформность» и «Традиция» (блока «Сохранение») больше выражены в мусульманской выборке, чем в христианской. Полученные различия указывают на, что у представителей ислама большее значение имеют интересы их группы, что способствуют сохранению ее культуры и поддержанию внутригруппового согласия.

Значимость ценности «Гедонизм» выше у студентов-христиан, чем у студентов-мусульман. Здесь важно отметить, что социокультурная модернизация стимулирует рост значимости ценности «Гедонизм» и снижает ориентацию на ценности блока «Традиция». Соответственно, можно предположить, что это свидетельствуют о больших модернизационных изменениях в христианской культуре в целом.

ЛИПИНСКИЙ Войтек

*Институт этнологии и социальной антропологии
Варшавского университета, г. Варшава (Польша)*

ПЕРЕМЕМЫ В РЕЛИГИОЗНОСТИ СТАРООБРЯДЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛ ЮГА ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ)

Старообрядцы всегда считались одной из наиболее замкнутых религиозных групп. История раскола,

последующие преследования и характерные представления о внешнем мире способствовали устойчивости традиционного уклада жизни и религиозных воззрений. Однако социальные трансформации, особенно в XX в., коснулись и старообрядцев. Политика советизации, идеология атеизма, связанная с вхождением Бессарабии в состав СССР (1940 и 1944 гг.), а также наступающая модернизация, привели к существенным изменениям в жизни старообрядцев-липован. Новшества коснулись даже консервативной религиозной сферы. Основываясь на полевых материалах, мы хотим представить основные тенденции и формы подобных трансформаций.

ЛЫЮИС Давид Кристофер

*Институт этнографических исследований,
Юнаньский университет, г. Куньминг (Китай)*

ДРЕВНИЙ БОГ ИЛИ НОВЫЙ? ВЕРА В ХРИСТА У РАЗНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И КИТАЯ

У представителей разных народов Сибири до сих пор сохраняется представление о христианстве, как об «иной религии» или «религии иностранцев», а они, как и их предки, поклоняются другому Богу. К примеру, у западных бурят существует предание о едином Боге, называемом «Огторго». Некоторые шаманы до сих пор произносят это имя Огторго в своих молитвах, хотя и обращаются при этом к другим божествам. В Китае также существовала вера в единого Бога Шан Ди (Shang Di: 上帝), которому императоры молились в Храме неба в Пекине. Сегодня как среди западных бурят, так и среди китайских христиан, наблюдается усиление интереса к древним верованиям, а христианство представляется у них новой своеобразной формой древней религии.

ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ Алексей Валентинович

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

САКРАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВНЕРЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В докладе анализируется конфессиональное пространство Оренбургской области. В качестве инновационного потенциала пространства рассматривается возможность создания на базе культовых объектов внеерелигиозных культурных ландшафтов. Ландшафты, в центре которых находятся монастыри, храмы, мечети, «святые источники», поклонные кресты и т. д., мы относим к сакральным. Именно эти культовые объекты являются системообразующими элементами сакральных ландшафтов. В докладе показано, что каждый конкретный сакральный ландшафт имеет свои структурные особенности, индивидуальные черты, семантическое наполнение, что происходит их плавный переход во внеерелигиозные культурные ландшафты. Эти ландшафты представляют собой территорию с оптимальным природопользованием, где природная составляющая ландшафта оберегается

* Исследование выполнено при поддержке программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ» в рамках конкурса «Учитель–Ученики» 2010–2011 гг. (проект № 10-04-0014).

не только определенным материальным обустройством, но и нравственным сознанием населения, чувством уважения к сакральным местам. В докладе обосновывается, невозможность проведения четкой границы между сакральным и несакральным ландшафтами.

МАКАРОВА Вероника Юрьевна

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВ: ИСПОВЕДЬ, ПРИЧАСТИЕ И СОБОРОВАНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Предлагаемый доклад тематически соотносится с той предметной областью, которую Т. А. Бернштам предложила называть «церковной этнографией».

До последнего времени из семи церковных таинств, главным образом, лишь два из них привлекали к себе внимание антропологов: крещение и исповедь. Крещение традиционно рассматривалось в связи с институтом восприемников и как составная часть родино-крестильной обрядности; исповедь – почти исключительно как прогосударственная и дисциплинарная практика.

Предлагаемое выступление будет также посвящено исповеди и связанному с ней причастию (в том числе их предсмертной комбинации – так называемому *напутствованию*), а также соборованию. Однако в отличие от моих предшественников меня будут интересовать, прежде всего, специфика крестьянского отношения к церковной обрядности. Какие «народные» представления были связаны с указанными таинствами? Какие приметы, запреты и предписания их окружали? Какое место занимали те или иные таинства в иерархии таинств и треб? Можем ли мы на примере этих таинств говорить о процессах адаптации и др.?

МУХАМЕТШИНА Наталья Семеновна

Самарский государственный архитектурно-строительный университет, г. Самара

РЕГИОНАЛЬНАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ УММА: ВЕКТОРЫ ПЕРЕМЕН

В докладе рассматривается современное состояние мусульманского сообщества Самарской области. Основное внимание уделяется факторам, под воздействием которых происходят количественные и качественные изменения региональной уммы. Анализируются следующие факторы:

- религиозный ренессанс российского общества, в том числе среди представителей народов, традиционно исповедующих ислам;
- изменение государственной политики в религиозной сфере, в том числе деятельность органов власти и местного самоуправления Самарской области по развитию сотрудничества с религиозными организациями;

– приток культурно отличимых (им)мигрантов из государств Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа, в том числе активное освоение (им)мигрантами территории и социального пространства Самарской области.

В итоге суммарного воздействия выделенных факторов изменения региональной мусульманской уммы происходят по следующим направлениям:

- увеличение численности прихожан, количества общин-махалля и мечетей;
- увеличение штата и изменение качественного состава мусульманских священнослужителей;
- развитие системы духовного образования и просвещения;
- развитие системы управления;
- развитие социальной деятельности и сотрудничества;
- изменение этнокультурного состава мусульманских общин-махалля;
- появление в мусульманской среде последователей нетрадиционного для региона ислама;
- использование религиозного ресурса в политике.

При подготовке доклада использованы статистические источники, материалы социологических и этнологических исследований, экспертные интервью с активистами мусульманских и национально-культурных организаций, газеты «Азан», «Салам», «Ислам нур», «Очаг», «Эне тил», «Ак жол».

НИКИТИНА Серафима Евгеньевна

Институт языкознания РАН, г. Москва

КОМПРОМИСС КАК СРЕДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ

При рассмотрении функционирования устной традиции в трех конфессиональных культурах – старообрядческой, духоборческой и молоканской – можно отметить разные виды и способы взаимодействия традиции и инновации. Конфессиональная традиция, включающая в себя в качестве ядра вероучение и богослужебные обряды, оказывает влияние на остальные традиции культуры, производя в них изменения, в частности, стимулируя инновации, необходимые для сохранения традиции конфессиональной. Так, некоторая часть духоборцев Грузии, переселившись в конце XX в. в Тульскую область, была вынуждена для сохранения богослужения учить псалмы по «Животной книге», изданной в начале XX века В. Г. Бонч-Бруевичем, хотя до этого традиция «твердить» псалмы была исключительно устной. Молодые молокане, переселившиеся в Тульскую область из Армении, начали осваивать богослужение, используя вместо трудных в музыкальном отношении псалмов духовные песни, ранее в богослужении не употреблявшиеся. В одном из сел Забайкалья старообрядцы на похоронах вместо забытого сложного обряда отпевания поют духовные стихи. И у старове-

ров, и у молокан во многих общинах женщины выполняют роль наставников или пресвитеров, нарушая тем самым установленные традицией правила. Во всех случаях усматривается компромисс, необходимый для согласования насущных конфессиональных или бытовых потребностей с правилами жизнеустройства конфессиональной группы. Для оправдания изменений в деталях богослужения или легитимации использования современных технических средств в быту лидеры конфессионального сообщества обращаются, как правило, к прецедентным религиозным текстам.

ОСИПОВ Виктор Иванович

НП «Центр по изучению истории и культуры старообрядчества им. Ф. П. Морозовой», г. Боровск

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ В XX в. (НА ПРИМЕРЕ БОРОВСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ)

Большую часть населения г. Боровска, находящегося в 90 км на юго-западе от Москвы, еще в начале XX века составляли старообрядцы. Здесь, в Пафнутьевом монастыре, во второй половине XVII в. находился в заточении идеолог старообрядчества протопоп Аввакум, были казнены боярыня Ф. П. Морозова и её сестра Е. П. Урусова. Жители Боровска не сразу приняли нововведения патриарха Никона. Но старообрядческая традиция сохранялась, несмотря на церковные репрессии и государственную политику, существенные трансформации произошли в ней уже в XX веке.

Современной молодежью, пробующей искать свои корни в старообрядчестве, привносится множество новых элементов, которые ранее не были свойственны старообрядческому сообществу (крестные ходы, почитание святых, преобладание на клиросах женщин и т. д.). Боровская община – яркий показатель того, как одни традиции старшего поколения изменяются под давлением внешних факторов и молодежных движений, а другие остаются неизменными.

ПОДРЕЗОВА Светлана Викторовна

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург

«ПРЕПОДОБНЫЙ БАТЮШКА, ОТЧЕ НАШ МАТФЕЕ». О ПОЧИТАНИИ СВ. ПРП. МАТФЕЯ ЯРАНСКОГО ЧУДОТВОРЦА

Канонизация Преподобного Матфея Яранского чудотворца состоялась в 1997 году. В г. Яранске Кировской области и его окрестностях параллельно функционируют и развиваются несколько самостоятельных традиций почитания этого святого: 1) официальная церковная, взявшая под свою юрисдикцию мирскую традицию почитания, и все более укрепляющаяся и расширяющая свои позиции. Во время мероприятий по канонизации был составлен акафист и житие Св. Прп. Матфея Яранского, на могиле святого была построена часовня – и таким образом его захоронение и

место почитания было локализовано официально; 2) традиция почитания в среде т.н. «истинных православных христиан» – людей, не принявших «советское» священство. Место почитания этой многочисленной группы имеет альтернативный тип локализации – крест, дерево и часть могилы рядом с часовней – именно они, в глазах представителей этой группы являются истинными святынями. 3) мирская традиция почитания – самая мобильная и находящаяся в стадии формирования. Она объединяет уже сложившиеся нормы почитания или создает свои путем заимствования из традиций почитания других местночтимых святых (например, появление записок, обращенных Матфею, и сложение духовных стихов корреспондируют с формой почитания Ксении Петербургской). Как «уживаются» между собой эти традиции, из чего складываются, какие используют формы почитания и какие применяют стратегии для обоснования истинности святыни – те вопросы, которые будут освещаться в предлагаемом сообщении.

ПРИГАРИН Александр Анатольевич

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, г. Одесса (Украина)

«ИННОКЕНТЬЕВЦЫ» И «МУРАШКОВЦЫ»: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

Начало XX века стало «осевым временем» для возникновения и распространения целого ряда мистических религиозных движений среди народов России. Среди них можно назвать и последователей «св. Иннокентия» (в рамках официального православия) и «Евангельских христиан святых сионистов» (евангелисты-пятидесятники). Эти конфессиональные группы сформировались не столько за счет специфики догматических воззрений и ритуальной практики, сколько имели ярко выраженные этнические компоненты: молдавская (романская) направленность деятельности иннокентьевцев и украинно-белорусская – мурашковцев.

В докладе предпринята попытка сравнить этапы развития этих этноконфессиональных общностей минимального таксонометрического уровня (общины-группы) на протяжении XX в. Анализируется самобытность мировоззрения, в котором четко выделяется общность в эсхатологических взглядах и социально-утопической нормах организации. Прослеживается выразительность в социальных практиках – жизнь коммун в «подполье» в советское время. Особое внимание уделяется сакральным текстам (житие св. Иннокентия и устав, псалмы и др.) и их функционированию в данных общинах. Демонстрируется инновационный потенциал адаптации к условиям как атеизма, так и плюрализма.

На основе этого анализа рассматривается проблема воспроизводства традиции в элементарных общностях. Такой предметный подход позволяет четко выделить творческий потенциал в опыте генерализации и трансляции мистических воззрений.

САВОСТЬЯНОВА Ольга Петровна

*Государственный объединенный
музей-заповедник «Коломенское», г. Москва*

**ОСОБЕННОСТИ ОДЕЖДЫ КРЕСТЬЯН
СТАРООБРЯДЦЕВ СЕЛА КОЛОМЕНСКОГО
НАГАТИНСКОЙ (ЦАРИЦЫНСКОЙ) ВОЛОСТИ
МОСКОВСКОГО УЕЗДА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.**

Дворцовое село Коломенское во второй половине XIX в. входило в состав Царицынской, а затем Нагатинской волостей. На протяжении этого периода село Коломенское было центром для местных старообрядцев-беглопоповцев, а деревня Новинки – старообрядцев-поповцев неокружников.

Религиозная принадлежность жителей села Коломенского определяла жизненный уклад, культуру, традиции коренных крестьян-старообрядцев и в частности отражалась в одежде. Эти особенности сохранялись вплоть до 60-х годов XX в. Источниками по изучению темы стали беседы со старообрядцами и членами их семей, фотографии из семейных архивов и чрезвычайно редкие сведения из архивных документов за период с 1880-х по 1910-е и позднее, до 1930-х гг.

СЕЛЕЗНЕВА Ирина Александровна

*Сибирский филиал Российского института
культурологии, г. Омск*

**КНИГА В КУЛЬТУРЕ МУСУЛЬМАН СИБИРИ:
ПОДДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИИ
И ФАКТОР ИННОВАЦИИ**

В докладе рассматривается роль и значение книг в культуре мусульман Сибири (сибирских татар) на протяжении длительного исторического периода с точки зрения их магической, ритуальной, обрядовой, идентифицирующей функций, а также образовательной миссии. Особое внимание уделяется современному состоянию книжной традиции, которая является одним из каналов транслирования новых (не традиционных для мусульман Сибири) религиозных знаний и практик. Традиционные религиозные практики вступают в противоречие с новыми знаниями и перед населением встает проблема выбора между ними. В конечном итоге, следствием таких инноваций может стать изменение религиозной традиции в регионе.

СЕМЕНОВА Валерия Николаевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

**НА ПУТИ К СОВРЕМЕННОЙ ЭФИОПСКОЙ
ЖИВОПИСИ: СВЕТСКАЯ КАРТИНА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.
И ЕЁ ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА**

Эфиопская изобразительная (художественная) традиция конца XIX – начала XX вв. включает в себя как сакральную, так и светскую живопись. Ос-

новные сюжеты, иконография и композиционные принципы последней формируются под влиянием религиозной традиции христианской средневековой в историческом и культурном плане Эфиопии. Читаемый в изображении канон делает светскую картину доступной и понятной эфиопскому зрителю, включая её в оборот эфиопской традиционной культуры. Впоследствии эволюция религиозной и светской картины этого периода привела к возникновению «туристической» картины. В современной Эфиопии в условиях глобализации «туристическая» картина приобретает статус этнического и даже национального символа. Доклад иллюстрируется фотоизображениями икон из собрания МАЭ РАН (Кунсткамера).

СЕРЕБРЯННИКОВА Наталья Ивановна

*Международный гуманитарный университет,
г. Одесса (Украина)*

**ИСТОЧНИКИ ЗНАНИЙ
О РУССКИХ-СТАРООБРЯДЦАХ
В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОДЕССЫ)**

Исследования русских-старообрядцев в современных экономических и культурных условиях становятся все более актуальными в последнее время. Полиэтнический и поликонфессиональный город, где такие исследования могут быть особенно интересными, предоставляет широкий диапазон источников знаний о различных народах. Но функционирование и передача их в урбанистической среде существенно отличается от традиционных моделей коммуникации. Эти знания формируются в большинстве случаев СМИ (чаще всего сюжетами и статьями, рассказывающими о неоязыческих общинах), рассказами друзей или знакомых, а также научной и учебной литературой. На примере представлений о русских-старообрядцах в г. Одессе в настоящем докладе будут рассмотрены основные характеристики специфической этноконфессиональной группы (религиозные и социальные), существующие в восприятии городских жителей.

СЕРИН Павел Александрович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**ЖИЛИЩЕ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ
(«ЛИПОВАН») РУМЫНИИ В XX–XXI вв.**

Доклад посвящен трансформационным процессам в жилищном строительстве русских старообрядцев-липован, проживающих компактными группами на территории южной Румынии (Добруджи). В XX в., насыщенном политическими, экономическими и социальными изменениями, трансформационные процессы в культуре русских старообрядцев усилились, что нашло отражение в их жилищном строительстве, терминологии, понятиях удобства, моды и достатка.

Планировка всех русских сел региона – уличная, традиционное положение жилого дома («хаты») – узкой торцевой стеной к улице. Усадьба («домовля») делится на три части: передний («чистый») двор, задний («скотный») двор, огород. Это основные черты липованских сел, сохранявшиеся почти неизменными до конца столетия.

Происходившие в XX–XXI вв. изменения можно разделить на несколько этапов, в течение которых усиливалось городское, румынское и общеевропейское влияние.

1. Первая половина XX в. (до 1950-х гг.). Жилище – «традиционное»: трехкамерная постройка из саманного кирпича под двускатной крышей, крытой камышом, земляной пол («зем»). Полный набор крестьянских хозяйственных построек.

2. 1950–1960-е гг. («коллективизация») – тенденция к многокамерности, проникновение новых строительных материалов, сохранение традиционных черт жилища, сокращение числа хозяйственных построек, уменьшение площади усадьбы.

3. 1970–1980-е гг. – появление двухэтажных («этажных») и «круглых» домов, более широкое использование новых строительных материалов, городской интерьер, «восточная» ориентация переднего угла.

4. 1990-е гг. XX в. – начало XXI в. – полная ориентация на городское коттеджное строительство и планировку земельного участка.

СОКОЛОВА Анна Дмитриевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ПОХОРОНЫ БЕЗ ПОКОЙНИКА: ЛОКАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОХОРОННОГО ОБРЯДА У РУССКИХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

На протяжении XX века ряд факторов оказывал влияние на изменение семейной обрядности русских, в первую очередь – изменение социальной структуры населения и проводившаяся в СССР государственная кампания по разработке и внедрению новой социалистической обрядности. В этой ситуации похоронный обряд оказался самым консервативным в комплексе семейной обрядности. В сельской местности он в основном сохранил свою структуру до наших дней. Ситуация изменилась в последнее десятилетие. Вместе с общей тенденцией к централизации власти произошла централизация процедуры записи актов гражданского состояния, и в большинстве случаев эта функция была отчуждена у сельсоветов, что оказалось хорошим стимулом для развития похоронного бизнеса. Как выяснилось, эти, казалось бы, далекие от собственно похоронной обрядности факторы, оказались сильнее факторов, влиявших на семейную обрядность в прошедшем столетии, и под их воздействием похоронный обряд за несколько лет полностью изменил свою структуру. Доклад посвящен

анализу этого феномена на материале Селивановского и Меленковского районов Владимирской области.

СТЕПАНОВ Владимир Юрьевич

*ФГУ Российская государственная радиоккомпания
«Голос России», г. Москва*

РАСЦВЕТ И ЗАКАТ БЕГИНОК: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УПАДКА УНИКАЛЬНОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Автор доклада исследует причины возникновения, роста и упадка движения бегинок – полусветского-полумонашеского женского ордена, широко распространенного в Средние века на территории Западной Европы. Как своеобразный общественный статус членов ордена (нечто «среднее» между мирянкой и монахиней), так и новаторские для того времени мистически-богословские идеи бегинок поначалу вызывали конфликты при попытках нового движения интегрироваться как в традиционную-консервативную средневековую общественную структуру, так и в не менее строго иерархизированную структуру Католической Церкви. На протяжении всего XIV в. Католическая Церковь преследовала бегинок как еретичек. Преследования прекратились лишь в XV в. Тем не менее, именно на XIV в. приходится как наибольший рост и популярность движения бегинок, так и «золотой век» бегинского мистического богословия. Причины последовавшего затем упадка движения бегинок, по мнению автора доклада, следует искать в социально-экономической сфере, а также в переменах в господствующих в обществе умонастроениях, в результате которых популярность движения бегинок упала.

ТЮРЕНЕВА Наталья Николаевна

*Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан*

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ ХАКАСОВ В НАЧАЛЕ XXI в.: ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В условиях глобализации этнические религии испытывают серьезный прессинг со стороны массовой культуры, в тоже время в национальных республиках отмечается всплеск интереса к религиозным корням, особенно в среде интеллигенции. В докладе будут рассмотрены, каким образом сложившиеся к настоящему времени формы религиозности (христианство) сосуществуют с более древними формами (шаманизм и тенгрианство), формируют этноконфессиональную идентичность населения Хакасии и определяют пути его социально-культурного развития в ценностном контексте.

ХИЛАЗЕВА Гульдар Фаритовна

*Институт социально-политических и правовых исследований
АН Республики Башкортостан, г. Уфа*

УРОВЕНЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

С конца 1980-х – начала 1990-х г., в условиях переходного состояния общества, стал расти уровень религиозности населения. Религиозность стала выступать одним из факторов, который способствовал более «мягкой» социально-психологической адаптации населения к сложившимся реалиям российского общества.

По данным социологического исследования, проведенного среди жителей Башкортостана в 2009 г., около 70% населения республики, считают себя верующими, из них только 10% указали, что соблюдают все религиозные обряды. Относят себя к мусульманству 42,6% всех верующих, к православию – 35,5%, к другим религиям – 3,3%. Надо отметить, что религиозность несколько выше у женщин, чем у мужчин.

Исследование не показало значительных различий между уровнем религиозности различных этнических групп.

ЦЕРЕТЕЛИ Тамара Константиновна

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРЦЕВ ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ

Горная восточная Грузия исторически характеризовалась тенденциями к самоизоляции в силу удаленности от политических центров и труднодоступности региона. Восточно-грузинские горцы с трудом поддавались христианизации. Распространение новой религии шло путем наложения культа христианских святых на культы местных божеств, порождая религиозный синкретизм, до сих пор характерный для этого региона. Почти полное отсутствие христианских храмов и священнослужителей способствует сохранению этого своеобразного феномена.

ШЕВЧЕНКО Юрий Юрьевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

ГОТСКАЯ МИТРОПОЛИЯ И ХРИСТИАНСТВО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Наследие Готской державы – «королевства Германариха» на Юге Восточной Европы – явление, коснувшееся всего склада жизни обитателей этих громадных территорий. К предполагаемому территориальному континууму Лесостепного Подонья во время постготского и постгуннского господства ака-

циров – савилов, следует добавить Поволжье, где также имеются погребения данных периодов, условно называемые «княжескими». С другой – западной стороны – в ту же зону входит Днепровское Левобережье (с правобережной Киевской зоной), где во времена Готского союза располагалось «королевство Винитария», «примучившего антов». Гунны, освободившие антов от готской зависимости, после своего разгрома в 452 г. оставили антские территории под протекторатом болгар-савилов. О болгарском (гуннском) князе Алп-Илитвере, владевшем столь обширной территорией (от Днепра до Волги) и принявшем христианство в 682 г., сообщают источники [Артамонов 1962]. В Донском бассейне (Костомарово, Шмарное, Малые Дивы, Белогорье, Шатрище, Холки) и в Поднепровье (Китаево, Зверинец, Чернигов-Подол) зафиксированы девять пещерных христианских памятников, престол в которых примыкает к стене апсиды и предназначен для проведения литургии *перед престолом*. После введения правил Трулльского собора (692 г.), сделавшего обязательной службу *вокруг престола* в Двенадесятый праздник Благовещения престолы предназначенные для службы перед ними более не возводились.

ШИЛОВ Николай Владимирович

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

ТРАДИЦИОННЫЕ КОНФЕССИИ И НОВЫЕ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВИИ

Процессы «религиозного ренессанса», охватившие российское общество в конце 1980-х – 1990-е гг., в полной мере затронули Республику Мордовия. Сегодня здесь зарегистрированы религиозные организации, представляющие 10 конфессий. Это Русская православная церковь, ислам суннитского толка, баптисты, иудаисты. Есть также адвентисты седьмого дня, пятидесятники, церковь Ингрии, евангельские христиане, свидетели Иеговы, кришнаиты. Отдельные граждане Мордовии исповедуют католицизм, ислам шиитского толка, христианство армяно-григорианской церкви, религию бахаи и даже неоязыческие культы.

Современная конфессиональная ситуация в Республике Мордовия характеризуется относительной стабильностью, весьма перспективным представляется развитие отношений социального партнерства государственных структур и традиционных конфессий (православия и ислама). В то же время, сохраняются сложные отношения между Саранской епархией РПЦ и протестантскими общинами, продолжается организационный раскол среди мусульман. Кроме того, на территории Мордовии была отмечена деятельность эмиссаров радикальных исламистских группировок. Данные факторы, безусловно, содержат в себе определенный деструктивный потенциал, хотя в настоящее время их проявления носят локальный характер.

Секция 4. ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРЕ: ИСТОЧНИК СТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ ФОРМА ЛЕГИТИМАЦИИ ИННОВАЦИИ?

Руководители: д.искусств., проф. Разлогов Кирилл Эмильевич (Москва);

к.и.н., доц. Васильев Алексей Григорьевич (Москва);

к.и.н. Щепанская Татьяна Борисовна (Санкт-Петербург)

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИИ: ДОСТИЖЕНИЯ – ПРОБЛЕМЫ – ПЕРСПЕКТИВЫ

БЕЛКОВ Павел Львович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ «ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК»: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В области исторических наук (они же: гуманитарные, социальные, антропологические, культуроведческие) проблема дисциплинарного самоопределения заключается не только в их совместимости с понятием науки. История изначально противопоставлялась науке как знание, основанное на неких иных принципах, отличных от собственно научных. В наше время это представление стало формулироваться в терминах отличия описательного («квалитативного») знания от математизированного («квантитативного»). До сих пор в философско-научных трактатах социальные науки характеризуются как «недоразвитые» в отношении естественных или точных наук. Это мнение строится на утверждении, что социальные науки якобы постоянно подвергают отрицанию самые свои основы. Одним из наиболее ярких проявлений такого отрицания оказываются непрерывные пограничные войны и стремление к захвату чужих территорий. Каждая отдельная наука пытается интерпретировать (классифицировать) другие науки в качестве собственных субдисциплин, согласно некоторому методу исследования. Добровольный переход в чужое подданство (опять-таки, в обмен на «метод») – более редкий случай. Так или иначе, дисциплинарные границы часто случайным образом перематриваются. В этом контексте важно понять, как это вообще возможно? Откуда необычная для науки аморфность, противоречащая самому понятию дисциплины? Ответ заключается в отказе рассматривать вопросы выделения предмета исследования имярек науки и в переключении внимания на метод, под которым, в свою очередь, понимается нечто расплывчатое, близкое к «подходу», или «взгляду». При более точной формулировке понятия предмета исследования, задача разграничения гуманитарных наук становится логически осуществимой. Перечислим основные традиционные отрасли: антропология (физическая), археология, востоковедение, искусствоведение, (нарративная) история, история культуры, лингвистика, социология, филология, этнография (этнология).

БОНДАРЕВ Алексей Владимирович

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ СОПРЯЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ КАК «ПОРОЖДАЮЩАЯ СЕРДЦЕВИНА» КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Глобальные кризисы и радикальные изменения, охватывающие все сферы жизнедеятельности современных обществ, ведут к селекции и отмиранию прежних систем ценностей, смыслов, форм, явлений культуры, но одновременно происходит и порождение новых. Это в высшей степени актуализирует необходимость научного изучения фундаментальных закономерностей культурогенетических процессов и обновления способов регуляции социокультурных отношений, поскольку процессы *перманентного порождения и диалектического самовозобновления культуры* являются неотъемлемой составляющей человеческого бытия, охватывая все формы, смыслы и результаты человеческой деятельности. *Культурогенетические процессы*, с одной стороны, порождают культуру, а с другой, – связывают факты и явления культуры в единую цепь развития. Поэтому *генетика культуры* как суперорганическая (внебиологическая) программа матричного кода культурных процессов обуславливает не только *связность* культурных форм и явлений *по генезису* (происхождению), но и их *перманентное* в рамках локальных общностей *порождение*. Изучение процессов культурогенеза находится на пересечении исследовательских поисков целого ряда наук о культуре, являясь для них одной из узловых проблем.

В докладе проводится компаративный анализ культурогенетических концепций Э. С. Маркаряна, В. М. Массона и В. С. Бочкарёва, в рамках которых диалектическое сопряжение традиций и инноваций рассматривается как основной механизм и «порождающая сердцевина» культурогенеза.

ВАСИЛЬЕВ Алексей Григорьевич

Российский институт культурологии, г. Москва

«ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ» В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ: ИТОГИ ТРЕХ ДЕСЯТИЛИТИЙ

Доклад посвящен рассмотрению основных направлений рецепции и критики идей, высказанных в

опубликованном в 1983 г. сборнике статей под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера «Изобретение традиций», в современном социально-гуманитарном знании. Основное внимание уделяется оценке эвристического потенциала конструктивистско-презентистского подхода, предложенного авторами книги, для понимания сущности традиции и ее роли в процессах функционирования культуры и культурной динамики. Выявлено значение данной концепции для memory studies в контексте современных дискуссий о соотношении понятий традиции и культурной (социальной) памяти.

ГАБДУЛГАФАРОВА Ильгиза Мухаметгалеевна

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРЕ

В недрах народной жизни всегда живёт культура, впитавшая в себя многообразный опыт совместной жизнедеятельности людей. Культура, включающая фольклор, традиции, нравственные устои, производство и быт, политику и право, выражает всеобщность человеческого существования. Традиции в культуре народа имеют ярко выраженную специфику, являясь элементами культурного наследия. Выделяются социальные функции традиции: стабилизация форм и способов деятельности; закрепление разрозненного опыта людей в производстве материальных и культурных ценностей, передача социального опыта старшего поколения в разных сферах деятельности и общественной жизни, сохранение преемственности человеческой памяти и истории.

В условиях модернизации традиция рассматривалась как явление отмирающее, неспособное ни реально противиться современным формам жизни, ни существовать с ними. Традиционные явления культуры оценивались как рудимент, который должен был исчезнуть по мере возрастания активности модернизационных процессов. Традиция под напором сил современности не сдавала своих позиций, она обнаруживала значительные адаптивные способности, порождая специфические национальные формы модернизации. К. В. Чистов в журнале «Советская этнография» (1981, № 2) писал: «Термин «культура и традиция» в определённом теоретическом контексте синонимичны». Термин «культура» обозначает сам феномен, а «традиция» – механизм его функционирования. Проще говоря, традиция – это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причём при помощи этой сети совершаются определённый отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся.

Задача сохранения культурного наследия стоит перед каждой живой культурой, поскольку она существует во времени и, следовательно, вынуждена противодействовать его всепожирающему влечению. Традиции являются нравственными корнями культуры, и, по мнению В. Швебеля, «традиции часто ведут народ надёжнее, чем его самые умные головы».

ЛАВРЕНТЬЕВА Людмила Сергеевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЛЕДНИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)

В своем рассказе «Блины» А. П. Чехов высказывает мысль, которая как представляется, очень удачно раскрывает одну из насущных сегодня проблем в этнографии:

«Поддаются времена и исчезают мало-помалу на Руси древние обычаи, одежды, песни; многое уже исчезло и имеет только исторический интерес, а между тем такая чепуха, как блины, занимает в современном российском репертуаре такое же прочное и насыщенное место, как и 1000 лет тому назад. Не видно конца им и в будущем...».

Понятно, что культура не может оставаться неизменной, поскольку по мере развития производительной деятельности людей и усложнения их взаимоотношений с природой оказывается недостаточно выработанного когда-то набора традиций, обеспечивающих жизнеспособность общества. Изменения вносят миграционные процессы, межэтнические отношения и т. п. Обязательно появляются новации, но, как бы не изменялась культура, она существует за счет устойчивых компонентов, передаваемых через поколения. Культура и традиции не исчезают до тех пор, пока существуют носители.

В различные кризисные периоды возникает «тенденция возрождения» традиционной культуры для установления нарушенного баланса. В некоторых случаях происходит переосмысление тех сторон народной культуры, которые не всегда целесообразны, полезны, оправданы практическим опытом, но, несмотря на это превращаются в новые ценности и входят в жизнь.

ЛЫСЕНКО Олег Викторович

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ В ЭТНОМУЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данном контексте музей это инновация, а традиция – операционная модель, адаптационная реакция социума на изменения среды жизнедеятельности, при помощи которой поддерживается равновесие между центробежными тенденциями культуры и центростремительными цивилизациями. Традиция как механизм, обеспечивающий диалог между поколениями не позволяет универсальным тенденциям нивелировать пространство жизнедеятельности человека и в то же время утратить каналы коммуникации в многообразии форм культуры.

Культура никогда не уничтожает предшествующие формы, и механизм этого процесса состоит, в сущности, в том, что новые объекты входят в пространство культуры благодаря существованию предшествующих

форм, ставших компонентами их структуры. С этой точки зрения реконструкция является не только операцией по восстановлению исчезающих форм, но является неотъемлемой частью культуры, ее внутренним механизмом, обеспечивающим адаптационные процессы самоидентификации явлений культуры и человека в постоянно изменяющемся пространстве.

Музеологический текст также как и мифологический организован из осколков предшествующего социокультурного дискурса, он составлен из бессмысленных с точки зрения прагматики вещей. В музейной коллекции вещи начинают жить своей собственной жизнью, и нам приходится заново производить раскопки в поисках тех смыслов и значений, которые привели их на полки хранилищ. В этом отношении функция этнографического музея как феномена культуры и опыт научного исторического мышления обращаться к методам реконструкции явлений и событий, по сути, восходит к архаичным традициям ритуальных практик.

ЛЬВОВА Элеонора Львовна

Томский государственный университет, г. Томск

ФЕНОМЕН ТРАДИЦИИ И «ПЕРЕЖИТКИ»

Ответ на формулировку секционного заседания, равно как и обсуждение феномена традиции, лежит, возможно, в двуликой природе самой традиции. Блестящим подтверждением тому могут быть две семантические пары в русском и итальянском языках — «передать и предавать», *tradizione* и *tradimento* (традиция и предательство). Их несомненная близость заключается не только в этимологическом родстве в каждом случае, но и в близости смыслов, за ним стоящих. Любая традиция, сколь бы древней по происхождению она ни была, передаваясь от поколения к поколению, частично меняет свое содержание. Во всяком случае, возможность «изобретения традиции» всегда лежит на некоем архетипическом основании, и только живая повседневность, сегодняшняя ее востребованность либо воспроизводит ее как генеалогическую культурную память, либо служит легитимным оправданием явлений, которые, по тем или иным причинам культурное сообщество предпочитает обозначать как инновацию. Пережиточные явления в культуре, которые всегда соотносятся с традицией, как правило, воспринимаются как некие предрассудки, по каким-то причинам сохраняющие свое бытование. Но как не вспомнить замечательную строфу Е. Баратынского:

Предрассудок! Он обломок
Древней правды. Храм упал.
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Но потомки иногда восстанавливают храм и то, что некогда считалось пережитком, становится культурным достоянием современной традиции. И чем она в таком случае является — собственно традицией или инновацией?!

РАЗИН Альберт Алексеевич

Институт человека при Удмуртском государственном университете, г. Ижевск

КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Культура — это то, что способствует очеловечиванию человека, то, что возвышает человека. Культура возникает благодаря традиции, начинается с преемственности поколений, **почитания старших**. Если в общности нет традиции, нет и культуры.

Ш. А. Амонашвили утверждает, что «общечеловеческие ценности не существуют как абстракт, они проявляются как национальный дух, национальное самосознание, национальная культура. Всё национальное есть источник общечеловеческого». Культура — тот, кто является носителем той или иной этнической культуры.

В культуре есть как прогрессивные, так и регрессивные составляющие, и она не может обойтись без новаций и инноваций.

Новации и инновации улучшают культуру как стройную систему только при определенных условиях: а) если осуществлены в меру (скажем на 5%); если не эклектичны и соответствуют духу данной этнокультуры; б) если осуществлены самими носителями этнокультуры, а не кабинетными конструкторами-волюнтаристами; в) если новации и инновации не противоречат природе человека.

СЕЛЕЗНЁВ Александр Геннадьевич

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

В докладе обсуждается традиционная культура (ТК) (включая региональные языковые диалекты), как особый, самостоятельный социо-культурный феномен. Аргументируется положение о принципиальном отличии и несопоставимости ТК с этнической (национальной) культурой, включающей в себя, в качестве составной части, литературный язык.

ТК порождает специфические нормы социальной жизни, ментальности, поведения. Существенным свойством ТК является ее социальная и территориальная замкнутость, самодостаточность, локальность. Родовые и общинные связи в рамках ТК являются наиболее актуальными и значимыми. Способом существования ТК являются специфические социальные объекты — локальные культурные комплексы, культурные диалекты, ареалы и т.п.

ТК, во всяком случае, ментально, поведенчески пронизывает современную действительность, является ее органической составной частью. В таком качестве ТК предстает важнейшим фактором современных культурных идентичностей и политического дискурса.

Особый смысл приобретают интерпретации культурных явлений, возникших на границе двух типов культур: с одной стороны, ТК, – коллективной, существующей в форме локальных комплексов, или диалектов; с другой стороны, – культуры идеологизированной, этнически или даже над-этнически ориентированной. Примером такого рода культурного феномена могут служить региональные (народные) формы мировых религий, практически всегда существующие в рамках целостного религиозного мировоззрения и одновременно в форме синкретичного комплекса верований, культов и практик.

ТАРАСОВА Ольга Игоревна

*Елецкий государственный университет им. А. Е. Бунина,
г. Елец*

ФЕНОМЕН ТРАДИЦИИ В ДИСКУРСЕ ФИЛОСОФИИ, АНТРОПОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ

Весь спектр философско-антропологических и социокультурных интерпретаций феномена традиции возможен исходя из двух противоположных логик мышления: человеческого разума, как «способности к первоначалам» (М. Хайдеггер), или «технического интеллекта» (М. Шелер) и техноинформационной рациональности. М. Хайдеггер говорил о глобальной опасности, когда человек, как мыслящая сущность, открытая бытию подчи-

нен существу техники, которая сама по себе ничем техническим не является, об опасности, когда исчисление сущего останется единственно практическим видом мысли.

Опасный поворот в антропологической традиции: от культуры масс к массовой культуре, массовому потреблению бытия. Машинная логика, стандарты, алгоритмы и тиражируемые стереотипы мышления, искусственная потребность в креативности, творчестве, инновациях.

Традиция как антропологическая преемственность, наследование бытия, образа мысли и образа жизни. Традиция и инвариант «экзистенциального единства, когда одно не поработает другое, а оттеняет его красоту» (Т. П. Григорьева). Онтология традиции – онтология образа в эзотерическом и экзотерическом вариантах. Как путь «того, кто идет», или путь «того, кого ведут» технологии.

Интерпретация традиции в «контексте прошлого времени» – былое, прошедшее, наследие и наследуемое. В контексте «живого (или «умирающего») настоящего» – культурное достояние, богатство, капитал, потенциал. Актуальность понимания феномена антропологической традиции в триединстве времени и всех онтологических планов бытия.

Футурология культуры и традиции бытия. Проективность традиции, ее культуротворческий и жизнетворческий потенциал. Традиция как *можествование*, как возможность управления образом жизни и своей эволюцией.

II. ТРАДИЦИЯ И НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

АСТАФЬЕВА Ольга Николаевна

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва*

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА «КОНСТРУИРОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ» В УСЛОВИЯХ ИЕРАРХИЗАЦИИ СЕТЕВЫХ ПРОСТРАНСТВ ЭПОХИ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

«Традиционализация» социокультурных пространств рассматривается как тенденция поворота к «проверенным» в истории культуры схемам организации и структурирования социальных систем – иерархической стратификации и практикам сакрализации традиций, преломленным через новую информационно-коммуникативную оптику. В усложняющейся организации социокультурного пространства и формированием в нем нового транснационального пласта культуры, связанного с глобализационными процессами, наметился переход к двухуровневой стратификации: первый уровень – это «глобальная элита» сетевого общества с множеством «центров управления»; второй уровень – уровень «бесмолствующего большинства» (А. Я. Гуревич), развитие которого основано на ризоматическом принципе самоорганизации.

Становление идентификационных моделей, опирающихся на политику возрождения культурных традиций, связывается с обращением к ресурсам информационно-коммуникативных систем через практики «репрезентации» и «создания видимости» в массмедиа- и Интернет-ресурсах. Тем самым культуротворческий процесс приобретает характер псевдосвободного саморазвития субъекта, являясь частью общего процесса конструирования социальной реальности. Манипулирование культурными символами осуществляется разными субъектами, включенными в транснациональный пласт культуры, в том числе не только «клубными интеллектуалами» (П. Бергер, С. Хантингтон) и «брокерами от культуры» (К. Янг), но и научными сообществами, международными экспертными сообществами. Наблюдения за усложненными «культурными пазлами» («обновленные традиции»), вбрасываемые гуманитариями в массмедийную реальность в качестве элементов для сборки нации, подтверждают идеи Э. Хобсбаума о распространенных практиках конструирования вымышленных традиций, которым поддерживается субъективная реальность отдельной личности, устанавливается особый порядок коммуникативных связей в обществах, легитимируются институты и социальные статусы. Понимание традиций как основы ус-

тойчивости культур в современном информационном обществе в условиях усиления сетевого и цифрового неравенства вступает в противоречие с динамикой инновационных процессов в транснациональной модели культуры.

ГЛУШКОВСКИ Петр Адам

Университет им. Н. Коперника в Торунь, г. Торунь (Польша)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОЛЬШЕ

Польская Народная Республика перестала существовать в 1989 г. Республика Польша стала вполне независимой страной. Благодаря этому у поляков появилась возможность объективно исследовать историю своей страны. После того, как были пересмотрены события советско-польских отношений XX в. (Катынь, польско-большевистская война 1920 г., Варшавское восстание и др.), в Польше в 1999 г. был создан Институт Национальной Памяти (далее ИНП), в задачу которого входил сбор и интерпретация материалов периода 1944–1989 гг. Методы работы ИНП вызывают сомнения у многих историков XX в. Так, ИНП сосредоточился на описании «Чёрной истории» партийного и полицейского террора 1944–1989 гг., пропаганды и борьбы оппозиции с властью, забывая о культурной, научной, общественной жизни и миллионах поляков, которые политикой не занимались.

Объектом исторической политики стали также многочисленные польские восстания, практически все закончившиеся неудачей. Но из польской национальной памяти были удалены бессмысленные поступки многих повстанцев. В ней осталось место только для утопической идеи самостоятельного обретения независимости, авантюрных подвигов, романтизма и героев-повстанцев. Это видно на примере XIX в., и особенно – в отношении последнего польского восстания (Варшавское восстание 1944 г.) и созданного вокруг него культа (Музей Варшавского восстания).

В докладе будут рассмотрены следующие вопросы:

- определение понятия «Историческая политика»;
- компаративный анализ исторической политики в Польше и в других странах;
- особенности формирования исторической политики в Польше: проблема источников и «исторической правды».

КУПЦОВА Ирина Александровна

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, г. Москва

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ: ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Русская провинциальная культура обладает широким спектром объектов культурного наследия, включающим культурные ландшафты, памятные исторические места (связанные с жизнью и творчест-

вом выдающихся деятелей науки, культуры и искусства, а также с историческими событиями общероссийского и локального масштаба), историко-архитектурные комплексы (например, усадьбы, монастыри), произведения художественной культуры, семантический комплекс традиционной культуры, местные обычаи, традиции, обряды и др.

Культурное наследие может выступать в качестве инновационного потенциала развития территорий, который раскрывается путем включения провинциальных культурных ценностей в современные культурные индустрии и креативные технологии. При этом определяющую роль играют культурная политика, как на международном и федеральном, так и на локальном уровнях, а также возможности местной самоорганизации членов локального сообщества. В качестве основных инновационных направлений русской провинциальной культуры можно выделить: развитие туризма (сельского/агротуризма, этнотуризма, экологического, санаторно-оздоровительного, событийного, культурного и т.д.), формирование творческих кластеров на базе местных учреждений культуры и образования, использование творческого потенциала местного сообщества для формирования экономически эффективной и привлекательной социокультурной среды. Определяющую роль в освоении инновационного потенциала культурного наследия русской провинции играет экспертно-аналитическая и проектная деятельность культурологов. На основе комплексного системного подхода в контексте культурологической парадигмы возможна реальная оценка творческого потенциала провинциального пространства и разработка профессиональных практических рекомендаций по развитию локальных территорий и включению их в общекультурное поле современной социокультурной практики.

СОЛОВЬЕВА Анна Николаевна

Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск

ТРАДИЦИОННОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОТУРИЗМА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

На примере анализа специфики этнокультурного туризма на территории Архангельской области в докладе рассматриваются механизмы изменения и реконструкции культурных традиций, возникающие под влиянием желания удовлетворить запросы туристов. Динамика интеркультурного контакта туристов и местного населения отражает то, как в процессах манипуляции туристическим поведением создаются этнические стереотипы. Служит ли благом локальным сообществам консервация природной среды и культурных традиций ради развития туризма и как отделить истинность подобных традиций от их коммерциализированных подобию?

В докладе ставится задача определить эвристические границы использования понятия «туристическая этничность» для моделирования культурных механизмов понимания и оценки формирования этни-

ческой идентичности, отражающих специфику тематизации туристического дискурса. Брошюры и туристические агентства определяют свойственный туристу «первый взгляд» на местное население сквозь призму сформированных этнических стереотипов, которые потом либо объективизируются, либо разрушаются в ходе путешествий. По мере того, как изменяются ожидания и предпочтения туристов, этнокультурные традиции могут деконструироваться и реконструироваться снова и снова. Задача исследователя состоит не столько в борьбе с изобретенными формами культуры как неаутентичными, сколько в поиске путей понимания процесса либо обретения, либо утраты ими качеств «аутентичности».

ТОМИЛОВ Николай Аркадьевич

*Сибирский филиал Российского института культурологии,
г. Омск*

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ИХ РОЛЬ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Культурное наследие человечества, сосредоточенное в народных и профессиональных формах в музеях, собраниях разных общностей, организаций, отдельных лиц в условиях внедрения инновационных явлений играет значительную роль. Оно выполняет следующие социальные функции: интеграции, идентификации, документирования, коммуникационную, консолидирующую, охраны и сохранности, дифференцирующую, созидательную, мировоззренческую, познавательную (научно-исследовательскую), образовательную, эстетическую, экономическую, политическую, воспитательную.

При рассмотрении роли функций культурного наследия в инновационном развитии общества под инновацией понимается новое явление (через определенный хронологический этап она может стать традицией), а под инновацией – внедренная в практику новация и сам процесс этого внедрения. Инновационный потенциал культурного наследия народов России имеется и во всех сферах традиционно-бытовой культуры – природно-средовой, материальной, соционормативной, духовной, а также в культуре жизнеобеспечения. В инновационных процессах в российском обществе представляется наиболее важным изучить и усилить действие таких социальных функций культурного наследия как коммуникационная (способствует взаимопониманию и общению людей в рамках глубины истории и культуры человечества), консолидирующая (сплачивает все виды общностей, в том числе и те, которые увеличивают объем общих культурных явлений), созидательная (увеличивает объем историко-культурных ресурсов и объем их участия в развитии общества), мировоззренческая (формирует систему обобщенных взглядов (установок) на историю и мир культуры), познавательная (дает возможность воспроизведения прошлой социокультурной деятельности в мышлении людей через новые знания), экономическая (увеличивает историко-культурные ценности и использование их в жизнедеятельности людей), воспитательная (вызывает уважение к истории и культуре народов). Возрастающие действия данных социальных функций историко-культурного наследия усилят и процесс идентификации жителей России на уровне осознания себя россиянами – членами единой социально-политической и социокультурной общности – российского народа.

III. «СТАРОЕ» И «НОВОЕ» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ: МЕДИАТИЗАЦИЯ ТРАДИЦИЙ И ТРАДИЦИИ МЕДИАТИЗАЦИИ

РУСИН Дмитрий Владимирович

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

РОССИЙСКАЯ РАДУГА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Российская Радуга уходит своими корнями к американской Rainbow Gathering, откуда и были заимствованы основные традиции. В России это явление появилось в начале 1990-х годов. Первые собрания характеризовались большим количеством «индианистов» (как таковая, Российская Радуга была инициирована кришнаитской средой) и различного рода эзотериков, так называемых «космических бабушек». Но к концу 1990-х гг. они были фактически вытеснены из собрания Радуги.

На территории Радуги действует ряд правил, именующихся традицией. Суть этих традиций сводится к ненасилию, экологичности, отсутствию коммерческой деятельности, отказу от иерархии, отсутствию электрических приборов, запрету на пропаганду, запрету на алкоголь и наркотики. Центральным и свя-

зующим элементом традиции Радуги является ежедневное Пау-Бау и Круг.

Основной идейной базой движения является противопоставление Радуги «Вавилону», то есть миру обязанностей, принуждения и наказания. С концепцией «Вавилона» связано и традиционное приветствие на Радуге, ибо время осознается как элемент принуждения и является атрибутом «Вавилона».

На Радуге постоянно поднимается вопрос традиций, так как реальность не всегда соответствует манифестируемым принципам. Наиболее актуальны вопросы организации и запрета на употребление алкоголя и наркотиков. Выделение неформального лидера, привело в 2010 г. к расколу. Существуют лагеря, позиционирующие себя как алкогольные лагеря (Шайтан-Арба, Пеньки). Противоречие традиций и инноваций отображает процесс формирования Радуги как социальной структуры. Но традиции подчас носят ограничивающий характер, что противоречит утопическому принципу Радуги – свободе и отказу от принуждения.

УСПЕНСКАЯ Елена Николаевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КАСТООБРАЗОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРАДИЦИИ

Кастовый строй индийского традиционного общества имеет квазиплеменную природу; он формировался и воспроизводится под влиянием индуизма (религии *дхармы*), этические императивы которого объективно направлены на консервацию и воспроизводство архетипических форм социального взаимодействия и общественного сознания. Институциональное преобразование «общинно-клановая структура капсулированная *джати*» является моделью формирования социальных сегментов кастового общества. Сегментация первобытных социумов на множество капсулированных *джати* и оформление их границ произошли под влиянием брахманического натурфилософского концепта *джати* и адресных религиозных наставлений *свадхарма*, сакрализирующих образ жизни «созданных Брахманом пород людей». Это явление приобрело системный характер в ходе расширения «территории дхармы» и присоединения пришлых и периферийных автохтонных этносов Южной Азии через аккультурацию (санскритизацию). Особенности культуры жизнеобеспечения и духовной культуры санскритизированных этносов рассматриваются как показатели кастового статуса и воспроизводятся в течение столетий благодаря развитым в индуизме механизмам поддержания традиции через религиозные императивы. Идентичность каждой отдельной *джати* основана на представлении о незыблемости ее богоданного «жизненного предназначения» в мозаичной гармонии мироздания.

Механизм формирования новых *джати* хорошо заметен, особенно в контексте развития культурных новаций, при появлении новых возможностей приложения труда. В индийских условиях любые достижения культуры имеют своего «хозяина» и привязаны к конкретной группе носителей как маркеры ее идентичности. Культура – сущностное понятие индийского кастового способа существования, а инновации и деградации всегда ассоциируются с конкретными социальными ячейками.

ЧЁРНАЯ Людмила Алексеевна

Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова, г. Москва

ЧИН КАК ФОРМА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В традиционной культуре Древней Руси «чин» был универсальной формой создания и закрепления традиции в обществе. Чин охватывал все области жизни средневекового человека: от «Чина венчания на царство» до «Свадебного чина». До настоящего времени в России чин как культурная форма сохранился лишь в

церковной сфере, где и поныне существует разветвленная система «чинов» (от чина венчания патриарха до чина крещения и пр.). Современная официальная светская культура, отказавшаяся от советских традиций, вынуждена была обращаться как к зарубежным образцам, так и к церковной сфере, сохранившей до-революционную систему «чинов», для создания «чинов» новой России. Самый яркий пример – чин инаугурации Президента Российской Федерации.

ЧИКИШЕВА Анна Сергеевна

Российский институт культурологии, г. Москва

НОВЫЕ ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: НОСТАЛЬГИРОВАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА

Качественный и количественный скачок в развитии технических средств хранения, обработки и представления информации, свойственный современной культуре, заставляет по-новому взглянуть на проблему диалектического единства традиции и инновации. В частности, это касается формы репрезентации прошлого в пространстве повседневности. Безусловно, ретрообразы и символы присутствуют в любой культуре, даже самой модернистски ориентированной, это часть социального механизма запоминания-забвения. Однако современная ситуация существенно расширяет круг возможных форм представления прошлого, а также медиаторов, при помощи которых оно транслируется в пространство дня сегодняшнего. Так, в русскоязычном сегменте Всемирной паутины можно наблюдать тенденцию к созданию ностальгических по сути своей ресурсов. Это очевидно как на примере популярных социальных сетей (Одноклассники.ру), одной из целей существования которых является актуализация старых связей, так и в отношении сайтов, которые через объединение элементов быта, фотографий, музыки и иных артефактов, отсылающих к прошлому (например, к советскому периоду), создают особую среду, в которой происходит мифологическая реконструкция и коллективное ностальгирование по ушедшей (а возможно и никогда в таком виде не существовавшей) эпохе. Изучение процессов виртуализации ностальгических образов представляется значимым направлением современных *memory studies* и исследований механизма конструирования и воспроизводства идентичности «воображаемых сообществ» в пространстве медиакультуры.

ЧИСТЯКОВА Виктория Олеговна

Российский институт культурологии, г. Москва

МЕДИА «СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ». О ВОЗМОЖНОСТИ «ТРАДИЦИЙ» В СФЕРЕ ТЕХНОЛОГИЙ КОММУНИКАЦИИ

В области *media studies* часто можно услышать выражение «новые» (или даже «новейшие») медиа, как будто в противовес медиа «старым». Границу ме-

жду ними можно провести по-разному, но так или иначе у большинства исследователей она проходит не ранее 19-го (если делается привязка к изобретению фотографии) и не позднее 20-го века (если «новым» считать все, что связано с Веб 2.0). Однако, если медиа определить широко, – как средства коммуникации вообще, – то вопрос о том, что считать «новым» в культуре, становится проблематичным. Один аспект этого вопроса заключается в «памяти тела», которая лучше всего улавливается в устной речи: мы говорим, сидя перед компьютером, что нечто «вышло из-под пера» или находится «на последней стра-

нице», хотя письмо и печать как средства коммуникации не используются сейчас нами непосредственно. Мы «помним» ощущения пера или печатной книги в руках и переносим язык описания «старых» медиа на медиа «новые». И другой аспект – в связи с рассматриваемой возможностью «традиций» в области медиа – состоит в том, что новизна средств коммуникации есть не что иное, как ре-актуализация более ранних технологий в контексте и при помощи технологий более поздних: переизобретение средства («reinventing the medium») как выразилась американский теоретик искусства Розалинда Краусс.

IV. ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ТРАДИЦИИ: СУБЪЕКТ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И/ИЛИ ОБЪЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ

**ДНЕСТРОВСКАЯ Мария Владимировна,
НУРКОВА Вероника Валерьевна**

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

РУССКИЕ БАБУШКИ: О ВЕКТОРЕ НАРАСТАНИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Культуры различных типов используют формирование автобиографической памяти в качестве стратегии создания личности, конгруэнтной доминирующему культурному профилю.

Автобиографическая память «европейского» типа направлена, в первую очередь, на формирование «базы данных» для персональной идентичности («Какой я?»), а память «азиатского» типа – для социальной идентичности («С кем я?»).

Наиболее исследованным параметром культуры, связанным с функциями автобиографической памяти, является параметр коллективизма/индивидуализма.

В культурном сценарии индивидуалистических культур преобладают события, ориентированные на личностную автономию (личные успехи и достижения), а в культурном сценарии коллективистских культур преобладают события, ориентированные на поддержание социальных связей (события, связанные с общиной).

Результатом проведенного исследования стало обнаружение того факта, что культурный жизненный сценарий может быть специфицирован относительно этапов жизненного пути. Анализ показал, что выраженность параметра индивидуализма в жизненном сценарии современной городской субкультуры максимальна по отношению к ранним периодам жизни человека, а затем планомерно снижается, оборачиваясь в нормативных требованиях к фиксации событий пожилого и старческого возрастов в свою противоположность – коллективизм.

В деревенском, т. е. коллективистском культурном жизненном сценарии наблюдается обратная динамика. Содержания включенных в него событий детства и юности максимально коллективистичны (общинные работы – «помогги»), а содержания событий пожилого возраста – индивидуалистичны (еди-

ноличное ведение хозяйства, религиозные ритуалы, подготовка к смерти).

Дополнительные данные в поддержку данной гипотезы обещают внести вклад в более дифференцированную разработку описания культурных средств регуляции автобиографической памяти и обогатить междисциплинарное взаимодействие между психологией и культурологией.

МАЖЕЙКИНА Галина Геннадьевна

Российский институт культурологии, г. Москва

ЧЕЛОВЕК КАК АРТЕФАКТ

Анализируется феномен перформативных акций российских художников актуального искусства.

Вопросы, рассматриваемые и методологически исследованные:

- Каково взаимодействие культуры и игры в контексте актуального искусства современности;
- Является ли игра необходимым (и необходимым ли?) элементом культуры;
- Проблема человека в эпистеме постмодерна.

Результатом метамифологического анализа является обнаружение в сообщениях перформеров глубинных инвариантов структур, восходящих к архаическим мифам и мифологическим нарративам.

Прагматика мифа и нарратива в перформансе предполагает вовлечение художника в создание определенной картины парадигмального пространства, которое, формируясь, начинает предписывать его создателю определенный стиль игры, поведения, таким образом, позиционируя им же определенную систему ценностей или художественных и социально-культурных амбиций.

РЕЙФМАН Борис Викторович

*Глазовский филиал Ижевского государственного
технического университета, г. Глазов*

ПО ПОВОДУ СПОРА О «ЛИЧНОСТИ»

Важным событием «антропологического поворота» в российской исторической науке стал спор о «личности» между Л. М. Баткиным и А. Я. Гуревичем. Баткин полагает, что «индивидуальность и лич-

ность присутствуют <...> только в тех цивилизациях <...> которые пользуются этими <...> словами для обозначения идеальных регулятивных координат», «что <...> мы модернизируем историю, применяя это понятие к средневековью». Гуревич же уверен, что «с личностью <...> мы имеем дело на протяжении всей европейской истории» и выделяет «средневековую личность», признаками которой были «служение, жестко закрепленное место в иерархии, ориентация на христианские ценности ...».

Гуревич приводит «формулу В. С. Библера»: «Личность, это – индивид в той мере <...> в какой вся его жизнь, судьба могут быть представлены и поняты как единый <...> поступок ...». С этим согласен и Баткин, уточняющий данную мысль другой цитатой из Библера: «личность» – это <...> регулятивная идея ... Это история и индивид ...».

При том, что оба ученых исходят, таким образом, из приоритета *экзистенциальной адаптации* индивидом установок культуры, за их полемикой угадывается оппозиция двух борющихся за ценностное формирование «глобальности» концептов: горизонтально-ценностного «*нового средневековья*» с *толерантными* отношениями между не стремящимися за свою «очерченность» традицией и инновацией, и «*личностного*» *диалогизма*, выдвигающего на передний план ценность инновационного развития, которое понимается здесь как стремление к предельно-рефлексивному выходу к границам культуры.

СИРОТИНА Наталия Валерьевна

Уральская государственная архитектурно-художественная академия, издательство «Архитектон», г. Екатеринбург

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЛЕТОПИСЦА XIX в. (НА МАТЕРИАЛЕ «ОЧЕРКА ЛЕТОПИСИ ЗАШТАТНОГО ГОРОДА ЛАЛЬСКА» А. П. АВРАМОВА)

«Очерк летописи заштатного города Лальска» (1862–1883) – рукописная книга чиновника А. П. Аврамова. Анализ языковой личности автора показал, что традиции древнерусской книжности сыграли для нее роль каркаса в создании произведения.

Аврамов избрал в качестве основы традиционную форму летописи. Следуя традиции анонимности древнерусской литературы, он не указал своего имени. Аврамов перенимает также манеру летописцев говорить о себе с подчеркнутым самоуничижением и призывает читателя «ошибки въ сей маленькой книжке <...> по благосклонности своей поправить, невежество <...> извинить».

Первая половина «Очерка» написана полууставом с использованием исключенных на тот момент из гражданской азбуки букв и надстрочных знаков. В дальнейшем автор переходит на скоропись: в скорописном почерке заметно старческое дрожание руки.

Повествование ведется хронологически (с использованием традиционных формул), начинаясь с рассказа о том, как новгородцы расселились по р. Лале, где раньше жили чудские племена.

Рассказывая о городском хозяйстве, или отвлекаясь на лирические пассажи о нравах лалечан, или метафорически описывая необычные природные явления, автор остается верен канцелярскому стилю. Видимо, Аврамов ассоциировал его с книжным стилем, которым писали древнерусские летописцы, что позволило ему легитимизировать стилевое новаторство.

ТУТОРСКИЙ Андрей Владимирович

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДАНИЯ О МИКЛУХО-МАКЛАЕ В XX ВЕКЕ

Понятие традиция включает в себя множество различных феноменов и в частности устные предания. В своём сообщении мне хотелось бы представить трансформацию предания о Н. Н. Миклухо-Маклае в деревне Бонгу, округа Маданг Папуа-Новой Гвинеи.

Случай Бонгу представляет собой один из многочисленных примеров в этнографии (социальной антропологии), когда в одно и то же селение этнографы (антропологи) возвращались для проведения исследований каждые 10–20 лет. 1870–1880-е – Н. Н. Миклухо-Маклай, 1890-е – О. Финш, А. Ромили, 1900 – А. Ханке, 1940-е – П. Лоуренс, П. Уорсли, 1960-е – Т. Бодриге, 1970-е – Н. Бутинов, Д. Тумаркин, Б. Путилов, 1980-е – М. Меннис. В 2010 г. автор сообщения побывал в деревне Бонгу и записал три предания о Маклае. Предание о Маклае служит людям берега Маклая для осмысления взаимоотношений «с белыми» (европейской культурой).

Миклухо-Маклай в дневниках писал, что люди Берега Маклая считают его человеком с Луны. В 1906 г. в предании, зафиксированном О. Демпвольфом, Маклай выступает как культурный герой, принесший навыки земледелия, и авторитетом и словом Маклая обосновывалась необходимость переселения жителей острова Били-Били на континент. В 1930-е гг. он трансформируется в культурного героя, впервые познакомившего папуасов с железом. 1970-е в преданиях Маклай выступает как человек, «давший флаг» жителям острова Кранкет. Флаг символизирует независимость государства, за которую боролись многие народы Меланезии в 1960–1970-е г. В 1990–2010-е гг. идёт формирование папуасского самосознания. В легендах на первое место выступают братские отношения, родство Маклая с папуасами. Родство является исходной предпосылкой для налаживания тесных контактов (экономических, политических, культурных). Кроме того, в настоящее время актуализировались идеи о «русскости» папуасов Бонгу (использование рус-

ских слов, обмен сакральным знанием с Маклаем и др.), название побережья Рай (Rai coast) производится от «Russian coast».

Таким образом, предание о Маклае представляет собой живую, постоянно меняющуюся традицию.

V. РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ: ИМПЕРАТИВЫ САКРАЛЬНОГО И ВЫЗОВЫ ПРОФАННОГО

АЛЕКСЕЕВА Надежда Викторовна

Череповецкий государственный университет, г. Череповец

ПАЛОМНИЧЕСТВО КАК ЧАСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ПОКАЯННОЙ ТРАДИЦИИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XIX ВЕКЕ

Высокая концентрация объектов религиозного поклонения создавала условия для активной паломнической деятельности на Европейском Севере в XIX в. Богомолья носили подвижнический, часто, покаянный характер, при этом выполняя и коммуникативную функцию.

ВИНОГРАДОВ Валентин Валентинович

Российский институт истории искусства, г. Санкт-Петербург

ОБРАЗЫ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО: ПИСЬМА-МОЛИТВЫ К СВЯТЫМ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Традиция письменного обращения к Богу и святым имеет в России давнюю историю. В последнее время она приобретает массовый характер в крупных городах России (Петербург, Москва). Такие послания оставляются в особых местах, находящихся, как правило, на территории кладбищ. Отметим, что не все они признаются Русской Православной Церковью «святыми».

Молитвенные послания существуют в двух видах – бумажная записка и надпись (граффити). В них находятся обращения к святому или подвижнику благочестия, содержащие конкретную просьбу. Перед нами специфический акт сакральной коммуникации, в котором приобретают форму сокровенные пожелания богомольцев. Таким образом, тайная просьба (в традиционных религиозных практиках она проговаривается про себя) оказывается явленной. Данный феномен требует всестороннего изучения. Один из аспектов – образы желаемого будущего, которое испрашивается у святого. Каково оно? При назывании (испрашивании) каких ценностей описывается это будущее? Например, в условиях городского пространства к таким святым местам часто обращается молодежь. Сюда, в основном, приходят девушки с просьбами найти хорошего мужа; сюда же обращаются и молодые люди со своими специфическими просьбами (например, «стать хорошим священником», «свергнуть правительство» и прочее).

Основа исследования – материалы, зафиксированные в 2000–2010 гг. на Никольском Кладбище Александро-Невской лавры у склепа Матфея Татомира (1848–1904 гг.) – затворника, местнотимого святого Санкт-Петербургской епархии.

ВОЗДИГАН Ксения Михайловна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

О СООТНОШЕНИИ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ ТРАДИЦИИ ИНДУИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РИТУАЛЬНЫХ РОСПИСЕЙ МАДХУБАНИ)

В культуре индуизма развито представление об «уровнях» традиции (Великой и Малой, или брахманической и «народной»), соотносимых с кастовой социальной иерархией. Их формирование связано с включением в кастовое общество периферийных этнических групп в качестве отдельных каст.

Росписи *мадхубани* (регион Митхила) стали известны науке в 1934 г.; они создаются только женщинами двух высших каст, брахманками и каястха, в ходе проведения брахманических ритуалов Великой традиции. Однако сегодня росписи *мадхубани* стали формой «народного искусства» и однозначно соотносятся с Малой традицией. В 1960-е г. Бихар страдал от голода. В рамках государственной кампании по спасению жителей региона художницы были обеспечены бумагой, им было предложено перенести на нее традиционные росписи, продавать их и тем самым обеспечивать свое существование. Наиболее одаренные художницы начали развивать индивидуальный стиль, интерпретируя канонические сюжеты, в которых главными персонажами были индуистские божеества, жених и невеста, изображались символы плодородия и процветания (лотос, бамбук, попугай, павлин, рыба, черепаха и т. д.), ведь роспись стен покоев новобрачных изначально являлась частью свадебного ритуала. Со временем, под влиянием возрастающих контактов с внешним миром, мастерицы освоили сюжеты из повседневной жизни, а в последние годы росписи все чаще посвящены проблемам современного мира, таким как терроризм или даже глобальное потепление. Видя финансовое процветание женщин, многие мужчины также начали создавать *мадхубани* в коммерческих целях.

ЖУКОВ Алексей Юрьевич

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ СТРУКТУРА СЕВЕРНОЙ РОССИИ КАК ФОРМА УТВЕРЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИННОВАЦИЙ (XV – СЕРЕДИНА XIX ВВ.)

Церковно-приходская структура Северной России XV – середины XVIII вв. воплощала не только традиционные религиозно-нравственные потребности верующих, но и утверждала общественные инновации,

особенно в сферах самоуправления и этнокультурных процессов. Сложившийся во времена Великого Новгорода круг престольных праздников (свв. Николай Чудотворца и Георгия Победоносца, Христа Спасителя и Ильи Пророка) в московский период истории более гармонизировался, добавив массовое почитание Богородицы, св. Троицы и апостолов Петра и Павла. Приход новгородского времени воплощал успехи освоения крестьянскими общинами северных пространств, в основном соответствуя их административной разбивке на обширные районы-«погосты». В XVI–XVII вв. в погостах складывались волости, закреплявшие их «внутреннюю колонизацию». Но лишь с постройкой в волости церкви она становилась полноценной единицей погоста, оберегавшей общинные земли; священники входили в волостное самоуправление. С ним связана архитектурная инновация: самоуправление собиралось в трапезе церкви, заменившей собой притвор, – почти такой же обширный, как предназначенный для моления центральный объем храма. Наличие содержавшегося волостью храма убеждало государство в ее фискальной состоятельности, что вело к ее официальному признанию. Активный на Севере процесс складывания этнокультурных групп поддерживался видоизменением сложившегося на их землях круга престольных почитаний. К середине XVIII в. сложилась структура: 1 волость – 1 церковь – 1 престол – 1 приход; в XIX в. она облегчила замену в уездах погостов новгородских времен собственно волостной структурой.

КОЧЕЛЯЕВА Нина Александровна

Российский институт культурологии, г. Москва

ТРАДИЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЧИТАНИЯ: ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ ИННОВАЦИЙ?

Сакральная история и связанные с ней пространства и традиции почитания уже в первой по-

ловине минувшего столетия стали объектом исследования в работах ученых, специализирующихся в области *memory studies* (например, М. Хальбвакса).

Доклад основан на анализе становления и развития различных форм религиозного почитания, начиная от возникновения паломнических маршрутов, затем развитие кальварийских мистерий, и заканчивая созданием кинематографических произведений. В предшествующие веку кино столетия проблематика христианской истории и связанной с ней традиции памяти фокусировалась вокруг письменных, изобразительных, архитектурно-пространственных памятников и мистериальных шествий. С развитием киноискусства эта тема находит отражение и в художественных лентах, которые охватывают достаточно длительный временной интервал (от 1916 до 2004 года), обширный географический диапазон (страны Северной и Южной Америки, Европы) и богатое жанровое разнообразие (историческая драма, философская притча, киноверсия рок-оперы).

ЛОГИНОВ Константин Кузьмич

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

«ОКОЛОЦЕРКОВНЫЕ» СПОСОБЫ ДИАГНОСТИКИ И САМОЛЕЧЕНИЯ СГЛАЗА И «ОГОВОРА» У ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В докладе будут рассмотрены инновационные стороны диагностики сглаза и «оговора» при помощи церковной свечи (в сравнении с традиционными) и современные «околоцерковные» способы самолечения прихожан от сглаза и «оговора» православного населения Карелии и сопредельных областей.

VI. ИСКУССТВО: ТРАДИЦИЯ, КАНОН И СВОБОДА ТВОРЧЕСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ

ВЕНКОВА Алина Владимировна

Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии, г. Санкт-Петербург

«СПЕКТАКУЛЯРИЗАЦИЯ ПАМЯТИ» В КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ «МЕДИАЛЬНОГО ПОВОРОТА»

Термин «спектакляризация памяти», предложенный американским теоретиком искусства Розалинд Краусс, встраивается в ряд других концептов, используемых медиафилософией и критической теорией для описания логики художественного мышления в ситуации, получившей название «медиального поворота». «Медиаальный поворот», сменяет в теоретической рефлексии «иконический поворот» и сопровождается такими явлениями как «медиатизация памяти», «трансгрессия и дематериализация медиа», «медиаальный перформатив». Особое место занимает

понятие «ностальгии медиума» имеющее непосредственное отношение к характеру изобретения и поддержания традиций в логике производства образов современной эпохи.

ВИСЛОВА Анна Владимировна

Российский институт культурологии, г. Москва

ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ТЕАТРЕ

Современный театр и русская классическая театральная традиция находятся сегодня в сложных взаимоотношениях. Наблюдается не столько их взаимосвязь, сколько напряженное противостояние. Слом эпох и этапов художественного сознания, обрыв связи времен и поколений, смена ценностной ориентации последних десятилетий породили острый духовный общественный кризис. При этом инновационный процесс модернизации отече-

ственного театра и классическая традиция взаимодействуют, как правило, в пространстве провокативного культурного дискурса. Инновационные процессы, которые происходят сегодня в отечественном театре, сложны и противоречивы, как и их генезис. С одной стороны, эти процессы направлены на модернизацию театра, с другой, – очевидно несут в себе не столько созидательное, сколько деструктивное начало. В результате подобных инноваций на отечественной модернизируемой сцене сегодня происходит последовательное вытеснение и разрушение гуманистической реалистической основы русского театра и замена ее техногенным и чужеродным ей по своей природе новым театральным каноном. На самом деле культурное, а вслед за ним и театральное развитие сегодня все чаще подменяется искусственным технологическим развитием. Однако распространенное в эпоху глобализации всемирное внедрение новых технологий и инноваций на производстве и в культуре – процессы не идентичные один другому. В результате мы имеем технический прогресс, но при этом ужасающий многих культурный регресс. Театральным деятелям необходимо не только глубоко понимать сложную диалектику традиции и инновации в современной культуре, но овладеть искусством их бережного взаимопроникновения.

ГАФУРОВА Зинаида Рузвиновна

Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов», г. Москва

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТР: КОНСТРУИРОВАНИЕ И ИГНОРИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ

В современную эпоху жизнь не просто усложнилась. Все подчинено ускоренному темпу жизни, в том числе – формы и характер современной чувствительности. Последнее имеет большое значение при выборе традиции или новации в театральном процессе. Иначе говоря, зрительское предпочтение определяет, в конечном итоге, традиционное или инновационное направление театральной деятельности.

Современный зритель зачастую предпочитает «не напрягаться» по поводу смысла и взаимоотношений персонажей, он просто *получает удовольствие от формы театрального действия*. Чем традиционнее эта форма, тем легче и быстрее зритель входит в сценический контекст. Здесь традиция не просто сохраняется, а сознательно поддерживается и конструируется.

Другая часть публики, имеющая определенную подготовку: знакомство с языком пьесы, временем и местом действия, *постигает пьесу* как содержание истории на сцене. Этот зритель более внимателен к внутренним процессам театрального действия, нежели к внешним. И поэтому здесь традиционность/новационность формы не является преобладающим фактором представления.

Что касается третьей группы зрителей, чье знание языка и содержания сценического действия можно назвать совершенным, то они обладают *акцентированным восприятием* (выделение нового акцента в старой истории) театрального действия. Традиция (традиционная форма театрального действия) здесь игнорируется в пользу новации.

ГРИГОРОВИЧ Наталья Борисовна

Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, г. Москва

ДИАЛЕКТИКА ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ В ЯПОНСКОЙ МУЗЫКЕ: ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИИ ИЛИ НОВАТОР?

Традиционная музыка Японии – одна из самобытнейших музыкальных культур на земном шаре. Она уникальна не только особым звуковым миром, но и тем, что сочетает в себе бережное отношение к наследию прошлого и поразительную жизнеспособность. Так, зарождение многих видов музыкального искусства Японии восходит к VI–VIII вв, когда с материка на японские острова был передан громадный социокультурный комплекс. Именно с тех пор на японской земле непрерывно развиваются такие традиции как церемониальный оркестр *гагаку*, искусство игры на флейте *сякухати*, люте *бива*, тринадцатиструнной цитре *кото*, песнопения *сэмё* и др.

Долголетие большинства форм японского музыкального искусства обеспечивается двуединством устойчивости и изменчивости в развитии. Верховный глава традиционной школы, имеющей жесткую вертикальную иерархию, выступает гарантом сохранения искусства клана: строго контролирует соответствие подчиненных профессиональным требованиям, следит за соблюдением запрета на передачу традиции непосвященным. Однако этой главенствующей тенденции периодически противопоставляется энергия внутреннего обновления. Никогда окончательно не порывая с традицией, выдающиеся музыканты личности декларируют новые законы японской музыки. Приверженность традиции, в частности, проявляется в том, что любой «бунтарь» неизбежно приходит к созданию собственной школы. Таким образом, меняя соотношение старого и нового, но никогда не нарушая целостность музыкального явления, новаторы-хранители дают жизнь новым побегам традиционной японской музыки.

ИВАШКИН Сергей Николаевич

Центральная библиотека № 3 им. Н. А. Добролюбова, г. Москва

ПАНОВ Сергей Владимирович

Российский институт культурологии, г. Москва

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА: ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ, ДИНАМИКА РЕДУКЦИИ И СЛЕД ЗАБВЕНИЯ

Романтический гений создает в русской культуре XIX в. форму житетворения – романтическую

поэму как способ авторского выстраивания субъекта аффекта и самообладания (Алеко): «страсти роковые» в основе своей уже обнажают автоматизм желания, воплощенный в авторской политике повествования: «и от судеб защиты нет». Герой подчинен выстроенной автором судьбе аффективно-интеллектуального становления, поскольку сам автор в изначальном мимесисе игры «равнодушной природы» является подчиненным произносителем «диктата музы». Концептуальная метасюжетная ситуация «романа жизни» – возвращение реплики «учитесь чувствами владеть» в переоценивании формы самообладания, которая реализована в Онегине: Татьяна как русская маркиза де Мертей сообщает ему новую более высокую перспективу самообладания во всеобщей сценографии жизни как формы воли-к-аффекту, формы контроля над желанием, отношения воли-к-власти. В «петербургской повести» выявится концептуальная основа «романа жизни» – само жизненное становление, во имя которого автор будет выстраивать судьбу героя в исходной метасюжетной ситуации «передачи пламени восстания», рождения романтического революционного гения из духа имперского принципа и памятника, гения, который у Гоголя превратится в духа мщения и возмездия, в галлюциногенную иллюзию и раздвоение авторского тона. Из «петербургской повести» пропишется проект так называемого «русского классического романа» как формы жизнетворения, основанной на сведении индивидуальных ценностно-волевых миров к надындивидуальной основе существования в исходной ситуации становления героя автором собственного обновления. Классический русский роман как форма жизнетворения станет предметом рефлексии в феноменологическом письме романной прозы XX в., где сосуществование автора и героя не будет больше определено трансцендентальным горизонтом авторского обзора и позиции, а выявит интенциональную форму бытия героя автором принципиально недописываемого шедевра, автором всегда уже и все еще не состоявшего кругозора, который оказывается прерывен в самом способе производства интеллектуальных актов самонаблюдения и рефлексии собственных созерцаний.

КЛОБУКОВА Наталья Федоровна

*Российский государственный гуманитарный университет,
Московская государственная консерватория
им. П. И. Чайковского, г. Москва*

ВЛАСТЬ ТРАДИЦИИ ИЛИ ВЛАСТЬ НАД ТРАДИЦИЕЙ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ МУЗЫКИ

В каждой отдельно взятой социокультурной общности пути развития современной музыки представляют собой извечный конфликт между старым и новым, передовым и «отсталым», традиционным и новаторским. Музыка Японии не является исключением. Общество, звуковая культура

которого формировалась в течение более чем десяти веков, смогло сохранить многие из инструментальных и вокальных жанров как грани музыкальной традиции, существующей в нынешней Японии. Однако, несмотря на кажущуюся неизменность, на внешний облик и внутреннее содержание традиционной музыки неизбежно влияют процессы, происходящие за пределами традиции. Японские композиторы и музыканты, являясь гораздо в большей степени «людьми мира», чем их предшественники, в своем творчестве идут на смелые эксперименты, используя традиционный инструментарий в произведениях самых разных музыкальных жанров. Они «заставляют», например, духовую раковину воинственных горных монахов ямабуси играть в джазовом коллективе, сочетают в одном ансамбле древнюю лютную бива и ирландскую арфу, имитируют, наконец, звучание придворного оркестра гагаку с помощью инструментов рок-группы образца 1970-х гг. Подрывают ли подобные эксперименты традицию или способствуют возбуждению интереса к ней? Является ли новаторство одной из форм проявления уважения к традиции, которая не боится выявления ее скрытых возможностей? Где проходит та грань, за которую эти эксперименты не должны заходить из опасения размыть традицию? Японская традиционная музыка как одно из интереснейших акустических явлений на музыкальной карте мира является неиссякаемым источником вопросов, привлекающих исследователей к поиску ответов на них

МЕДВЕДОК Татьяна Владимировна

Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск (Беларусь)

ИРОНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время понятие иронии оказывается одним из ключевых понятий в структуре философского знания, будучи при этом, как ни парадоксально, мало проясненным содержательно. В немалой степени это объясняется полисемантизмом, характеризующим данную категорию, а также – непосредственной вариативностью историко-философской традиции в отношении понимания и оценки самого феномена иронии. На современном этапе ирония активно осваивает новый статус – она выступает в роли культурной категории, поскольку в культурной динамике, особенно в переходные периоды истории, ирония приобретает мировоззренческое значение в сознании общества.

Иронию нередко отождествляют с сомнением: как правило, и у скептика, и у ироника отсутствует эксплицитованное утвердительное итоговое предпочтение. Однако иронику присуща уверенность в своем сомнении относительно и себя самого, и окружающей его действительности. Таким образом, ирония обладает некоторым положительным потенциалом, поскольку, во-первых, она борется с той дейст-

вительностью, которая теряет свою актуальность и приобретает характер уже изжитого; во-вторых, она, не навязывая некоторых новых установок, ценностей, дает возможность личности стремиться к собственной реализации и самовыражению.

Современная культура оказалась вовлеченной в ситуацию перманентного самопародирования, в котором творчество нацелено на игру метафор и самореализацию, а не на получение некоторого универсального результата. В таких условиях позитивный статус иронии не очевиден; максимальную угрозу представляет не столько возможная аксиологическая утрата, сколько исчезновение самой личности, способной видеть и создавать какие-либо ценности.

МЕНЬШИКОВ Леонид Александрович

*Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург*

ТРАДИЦИЯ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ: ЕДИНСТВЕННОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА

В одном постмодернистском романе поэт-неудачник, испытывавший всевозможные способы создания шедевра, избирает последний – вытаскивает наугад по одному кубики с буквами. Складывается всем известное стихотворение. Постмодернизм иронически относится к традиции, но осознает, что преодолеть традицию невозможно. Постмодернистский взгляд на традицию неоднократно актуализи-

ровался в истории общественной мысли. Традиция является необходимым, но не неизменным элементом культуры (в постмодернистской терминологии – текста); за нововведением стоит неизменная, в прошлом сформулированная традиция. Постмодернизм возвращает теории культуры осознание амбивалентности традиции и новации, которые не могут быть отделены друг от друга и существуют только в единстве. Попытки трактовать культуру как только традиционную, основанную на неизменности традиции, равно как и только авангардную, как абсолютную новацию, преодоление и «сбрасывание с паромов современности», одинаково неприемлемы для постмодернизма. Поэтому невозможно создание абсолютной новации, не имеющей прототипов и источников; в этом смысле традиция есть вся культура, укорененность творца в культуре, определяющая его способность к творчеству. Традиция в постмодернизме есть замысел, предшествующий любому творческому акту, как бы ни трактовали последний – как перестановку или комбинаторику, или как случайное соединение фрагментов. Этому всегда предшествует культурный толчок, который задается неожиданным возникновением, соединением или поворотом опыта – всего массива общечеловеческой культурной традиции. Поэтому постмодернизм сохраняет традицию – как необходимую движущую причину творческого акта, а не стремится от нее избавиться, как вышеупомянутый поэт.

VII. СПАТИАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИИ И ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТИ

ЗОСИМОВ Геннадий Иванович

Государственный институт искусствознания, г. Москва

СООТНОШЕНИЕ НОВЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБРАЗОВ В СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДАХ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

Москва – это совершенно спонтанный город, рождённый не изначальным замыслом, а последовательным расселением людей на территории, примыкавшей к стенам кремля, которая формировала свою дорожную сеть по радиусам дорог до принятия ею радиально-кольцевой структуры. Так возникали тогда многие города Европы, когда на пересечении двух так называемых «дорог ослов» начинало ютиться «коренное» население будущих агломераций.

Однако срок функционирования структур такого типа ограничен как первоначальной шириной дорог, так количеством транспорта, что связано с темпами цивилизации. Таким образом, нажитая городом культура со всеми её памятниками и средой обитания неизбежно подвергается всякого рода посягательствам, иногда непреодолимым.

КОНЬКОВА Ольга Игоревна

*Центр коренных народов Ленинградской области,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: МИФОЛОГЕМЫ И РЕАЛИИ

В докладе будут рассмотрены мифологемы, возникающие в современной культуре коренных малочисленных народов Ленинградской области – води, ижоры, ингерманландских финнов и вепсов. Особое внимание будет уделено реалиям современного состояния культуры: выборке сохраняемых традиций, способам передачи традиций, традиционализации инноваций.

КРЫЛОВ Павел Валентинович

*Санкт-Петербургский институт истории РАН,
г. Санкт-Петербург*

ТРАДИЦИОННАЯ ФИННО-УГОРСКАЯ КУЛЬТУРА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНГЕРМАНЛАНДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Интерес к традиционной культуре финно-угорских народов Ленинградской области вызвал в настоящее время в указанном регионе, а также в Санкт-Петербурге деятельность по формированию «новой ингерманландской идентичности». Последняя осуществляется группой людей различного этнического происхождения и вероисповедания, объединённых интересом к историческому и культурному (художественному, музыкальному) наследию воды, ижоры и ингерманландских финнов, активной позицией в деле охраны окружающей среды и памятников архитектуры. Региональная самоидентификация в представлении группы приобретает приоритет перед этнической или религиозной. Тем не менее, в качестве одного из важнейших маркеров данной идентичности является самоотнесение к одному из малых финно-угорских народов Ленинградской области. Анализ представлений «новых ингерманландцев» посвящён указанный доклад.

ПШИР Александра Михайловна

*Журнал «Антропологический форум»,
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

«СТАРЫЙ» И «НОВЫЙ БЫТ» ЛЕНИНГРАДСКИХ ДВОРОВ

Первые десятилетия советской эпохи считаются периодом активного конструирования нового быта и изобретения новых «традиций». Однако некоторые стороны жизни невольно выпадали – как менее важные, периферийные, или хуже поддающиеся переустройству. Такой сферой долгое время оставалась жизнь городских дворов. В значительной степени она складывалась и менялась «естественно», под воздействием изменившегося социального контекста, а не путем намеренного конструирования. При этом самими горожанами повседневные нормы и практики воспринимались как существовавшие «еще до революции» и мотивировались обычаем. Даже дворы новой застройки, которые планировались как очаги нового быта, впускали этот быт с трудом. Именно эти годы стали «золотым веком» дворовой жизни, тогда как осуществленное к концу 1950-х гг. благоустройство дворов (нередко при активном участии жителей) привело к изменению их прагматики и закату дворовой жизни.

В докладе предполагается обратиться к дворовой «традиции», которая успела сложиться и при-

йти к своему закату в течение 40 лет; к тому, как сочетались «старые» и «новые» элементы дворового быта, что воспринималось в качестве «традиционного» и к вопросу о долговечности искусственно создаваемых практик и «новых традиций».

СВЕШНИКОВА Екатерина Евгеньевна

*Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова,
г. Москва*

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

В докладе освещается проблема традиции в культуре губернского города конца XIX – начала XX (на примере г. Орла). Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что наследие является функциональным элементом современной культуры данного города.

ФИНЧЕНКО Александр Евгеньевич

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

МУЗЕЙ В ЛАДВЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Рассматривается проблема музеефикации элементов традиционной культуры в условиях современных экономических (становление частного бизнеса в таких сферах, как сельский туризм, образовательные программы, бизнес-туризм) и демографических условий (изменение демографического состава села, в частности, рост доли таких категорий населения, как пенсионеры, переселенцы из городов, дачники – владельцы домов, использующие их как места летнего отдыха, а также владельцы сельского бизнеса).

Основа доклада – демонстрация фильма (20–25 минут) о сельском музее в с. Ладва Подпорожского района Ленинградской области (Музей вепской народной культуры и быта им. Т. В. Станюкович, частное собрание А. Е. Финченко, ок. 6 тысяч экспонатов). Этот фильм предполагается включить в работу секции как стимул к дискуссии об институтах локальной памяти, среди которых сельские музеи занимают ключевое место. Затрагиваются проблемы изменения условий функционирования этих музейных собраний: если в советский период это были, в основном, школьные музеи, базировавшиеся на краеведческой и учебно-педагогической работе, то теперь на первый план выходят частные собрания. Как это изменение экономического контекста повлияло или способно повлиять на их вещественное наполнение, формы сохранения, описания, условия доступа и проч.? Все это должно стать предметом для дискуссии, нацеленной на лучшее понимание конкретных механизмов современного функционирования сельской традиции.

ЩЕПАНСКАЯ Татьяна Борисовна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ТРАНСЛОКАЛЬНЫЙ ЗАПРОС: ПРОЦЕССЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ СЕЛЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ)

В работе предпринята классификация институтов локальной памяти и внелокальных институтов, в контексте которых они функционируют в условиях современного российского села. На этнографических материалах, собранных автором в ходе экспедиционных поездок, преимущественно в областях Северо-Запада России (Ленинградская, Новгородская, Вологодская области) и Западной Сибири (Омская, Тюменская обл.), рассматриваются процессы функционирования и изменения механизмов сельской культурной традиции.

А) Институты локальной памяти, становление или трансформация которых наблюдаются в наши дни. Среди них: местные сельские кладбища, сакральные центры (почитаемые места, обетные кресты и часовни, почитаемые камни, деревья, рощи, источники, другие объекты ландшафта), местные музеи (общественные – при библиотеках, школах, домах культуры, а также частные – в дачных и гостевых домах, при охотничьих и рыболовных, туристических базах), центры краеведческой работы (школы, кружки при ДК, Центры традиционной народной культуры и ремесел), религиозные центры (монастыри, храмы, церковные общины). Предмет изучения – про-

цессы коммуникации, каналы, обеспечивающие аккумуляцию и трансляцию локальной памяти.

Б) Внелокальные институты, в рамках которых формируется запрос на локальную традицию, ее концептуализация, отбор тем, артефактов, практик, признаваемых как традиционные, а также происходит легитимация локальной традиции и финансовая поддержка каналов ее трансляции. Среди них наиболее значимыми (по нашим материалам) оказались институты образования и туризм; дачный отдых и обратная (пенсионная) миграция из мегаполисов и городов областного и районного значения (институционализация села как рекреативной базы для населения городов); религиозное строительство (становление монастырских и примонастырских порядков жизни, формирование прихрамовых общин), а также неформальные сетевые структуры, объединяющие представителей местной интеллигенции, администрации и бизнеса. Все большее значение приобретают спонсируемые государством, а также бизнесом и религиозными организациями программы сохранения культурного наследия в области традиционной народной культуры. Предмет изучения – конкретные формы влияния этих институтов на функционирование и трансформацию систем организации локальной памяти, на формы трансляции и содержание локальной традиции.

В) Более подробно рассматриваются два cases/случая: институциональные контексты современного функционирования локальных сакральных центров (святых мест) и местных ремесел. Предлагаются методы и техники полевого исследования и анализа транслокальных контекстов и детерминант локальной традиции.

VIII. ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ, ИЛИ НАСКОЛЬКО ХОЛОДНЫ «ХОЛОДНЫЕ» ОБЩЕСТВА?

АЛИЕВА Вилоят Ренатовна

*Институт философии и права
АН Республики Узбекистан, г. Ташкент (Узбекистан)*

НАЗАРОВ Равшан Ринатович

*Институт истории АН Республики Узбекистан,
г. Ташкент (Узбекистан)*

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СОЦИУМЕ

В условиях традиционного взаимодействия этнических культур и напора инноваций в эпоху глобализации актуальной становится проблема этнокультурной маргинальности, когда индивид находится в двух (или более) этнокультурных измерениях. Причины могут быть различны.

Во-первых, проживание диаспор в иноэтническом окружении. При затрудненности/отсутствии контактов с основным массивом проживания этноса происходит сильная маргинализация диаспоры (если не ассимиляция), утрата ею значительной части традиций этнокультурного наследия.

Во-вторых, этнокультурная маргинальность характерна для субэтносов внутри этносов. Субэтническим группам часто свойственна двойная идентифи-

кация: мингрел и грузин, гуцул и украинец, памирец и таджик, хорезмиец и узбек, русский и казак.

В-третьих, широчайшая база для маргинализации – межэтнические браки. Правда, генетический метис – не всегда метис этнокультурный. Степень влияния обеих родительских культур зависит от ряда обстоятельств – социального окружения, его этнического состава, традиций, отношений и др. Метис может явно тяготеть к одной из родительских культур, а может не иметь четкой этнокультурной ориентации.

Четвертый вариант – парадоксален. Человек может быть стопроцентным представителем этноса, жить в родном этноокружении – и быть маргиналом. Пример тому – широкие слои титульной по этносу, но русскоязычной по культуре интеллигенции (научной, творческой, производственной) во всех странах СНГ. Способность восприятия инноваций, ценностей иноэтничной культуры – отличительная черта подлинного интеллигента. В современном мире с его развитой системой информации и коммуникаций, разнообразными и обширными культурными связями интеллигент-маргинал выполняет посредническую функцию, способствует взаимообогащению, взаимопониманию, сотрудничеству, вносит посиль-

ный вклад в процессы интернационализации мышления, образа жизни.

АРХИПОВА Марьяна Николаевна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ФОРМ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА У РУССКИХ КРЕСТЬЯН XX ВЕКА

Трудовой коллектив является важным аспектом в экономической, социальной и культурной жизни традиционного общества, в том числе и русского сельского населения. В центре внимания докладчика – динамика модели взаимоотношений внутри трудового коллектива. С точки зрения соционорматики – модели поведения, которая признаётся в обществе правильной – во взаимоотношениях членов трудового коллектива русской деревни можно выделить три периода:

1. Дореволюционный период (нижняя граница 1917 г. является условной), на протяжении которого главенствующую роль в трудовом коллективе и при распределении заработка или добычи, как правило, играл владелец орудий труда (например, хозяин лодки и снастей во время совместной рыбалки).

2. В советский период в условиях официального запрета подобных промыслов и отсутствии «богачей» в сельской среде своеобразными руководителями неофициальных трудовых коллективов становились люди деловые, те, которым доверяли.

3. В современном сельском обществе произошёл своеобразный синтез двух первых моделей. Владелец основного производящего орудия труда также получает важную долю заработка, даже если лично не участвовал в работе. Однако происходит попытка разделения добычи прямо пропорционально вложенным усилиям, хотя и здесь есть оговорки (например, если охотник подстрелил мало добычи, его товарищи делятся с ним своей, также поступит и он).

Так инновационные введения в определённой степени способствуют сохранению традиций трудовых коллективов в сельском обществе.

КВИЛИНKOVA Елизавета Николаевна

*Институт Культурного наследия АН Республики Молдова,
г. Кишинёв (Молдова)*

ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ГАГАУЗОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ – ОДНОГО ИЗ ВАЖНЫХ КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕЕ УСТОЙЧИВОСТИ/ИЗМЕНЧИВОСТИ

В духовной культуре гагаузов отчетливо отражается процесс интенсивных межэтнических контактов, происходивших на протяжении длительного периода времени. Сравнительно-сопоставительное изучение основных областей традиционной культуры у разных групп гагаузов, проведенное нами в ряде монографий (Квилинкова, 2005, 2007, 2010) позволило

рассмотреть степень устойчивости/изменчивости каждой из них. Так, в ходе выявления этнорегиональных особенностей в традиционной культуре гагаузов Молдовы и Болгарии (более 200 лет проживающих раздельно) стало очевидным, что влияние соседних этносов на гагаузскую культуру в большей степени проявляется в области фольклора, календарной обрядности и в меньшей степени в семейной обрядности, терминологии родства, народной медицине.

Региональные особенности ярко выражены как в репертуаре народных песен, так и в ладово-интонационной и ритмической структуре песенных мелодий. У гагаузов Молдовы отчетливо прослеживается влияние народной музыки болгар и молдаван, в то время как у гагаузов Болгарии основная часть песен, исполнявшихся на гагаузском языке, имеет характерные восточные черты (благодаря сохранению турецкой языковой среды). Широкое распространение у гагаузов Молдовы песен религиозного содержания свидетельствует об усилении религиозности «бессарабских гагаузов», и, в определенной степени, объясняется восточнороманским этнокультурным влиянием. В рождественско-новогодней обрядности гагаузов Молдовы имеется ряд отличительных особенностей (новогодние колядки, хождение плугом, со звездой и др.), возникших у них после переселения в Бессарабию в результате адаптации к иноэтнической среде. Характерной чертой фольклора гагаузов Болгарии является билингвизм, а у гагаузов Молдовы – полилингвизм.

Выявленные региональные особенности позволяют говорить о том, что фольклор является областью, через которую в значительной степени осуществлялся процесс межэтнической интеграции. Основой для усиления данного процесса на территории Бессарабии являлось единство религиозной принадлежности (христианство), общие культурные ценности и длительное проживание в общем регионе.

Большей устойчивости у гагаузов Молдовы других указанных областей традиционной духовной культуры способствовал ряд факторов: замедленность темпов социально-экономического развития на территории Бессарабии, патриархальный уклад жизни, нормы обычного права, компактное проживание, сила общественного мнения и др.

ЛАРИНА Елена Игоревна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

НАУМОВА Ольга Борисовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ИЗМЕНЕНИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИЙ У КАЗАХОВ

Унификация образа жизни в обществе на стадии глобализации требует от этносов выработки новых адаптивных механизмов, поддерживающих самосознание и самоидентификацию народов. Наиболее стабильными оказываются социальные связи и их осоз-

нение этносом. Для народов бывшего СССР периодом активизации, кристаллизации таких связей стало время 1990-х гг. С началом перестройки и деидеологизации общественной жизни, а также в связи с реалиями становления рыночной экономики происходил резкий подъем национального самосознания, коренные изменения в жизнеобеспечении, рост девиантного поведения, и как следствие, в той или иной этнической группе складывались различные механизмы реакции на перечисленные процессы. Ярким является пример воссоздания традиционных институтов у казахов.

В 1990-е гг. вопросы формирования этических норм вообще, казалось бы, ушли из поля зрения общества, представления о социально допустимых нормах поведения размывались. Однако именно это размывание побуждало общество к самоорганизации. В казахской среде формой такой самоорганизации стали советы старейшин.

Совет старейшин как собрание наиболее старых и уважаемых людей, создаваемый для решения общественно значимых задач, – типичный институт для патриархального общества. Современные советы старейшин унаследовали некоторые функции традиционных социальных институтов. Речь идет не о возникновении каких-то совершенно новых по своей организационной форме институтов самоуправления казахов; наоборот, воссоздается традиционная для этого народа форма самоорганизации – собрание уважаемых людей. Вместе с тем очевидно, что нельзя проводить прямые параллели между судами биев и нынешними советами старейшин. Советы не выполняют судебных функций: они лишь передают представления о традиционных социальных нормах поведения и отчасти поддерживают общественный порядок в казахской среде. Совет старейшин – весьма эффективный орган формирования общественного мнения и воздействия на членов небольшой социальной группы; государство это понимает и использует его в своих целях.

В 1990-е же гг. у казахов массовым явлением стала кража невест. Фиктивное похищение (умыкание с согласия девушки) и реальная кража (умыкание без согласия девушки) – это два принципиально разных явления, и в современной жизни казахов встречается и то, и другое. Умыкание невесты раньше считалось нарушением традиции и осуждалось обычным правом. Однако на протяжении второй половины XX в. умыкание невесты по сговору (в случае реальной кражи мы говорим не о традиции, а о нарушении закона, которое при счастливом исходе обставляют элементами традиции) всё более легитимировалось и сегодня в сознании населения представляется «древней традицией», «вечным обычаем». Старое словосочетание «кража невест» приобрело новое содержание, но старые категории и понятия языка не успевают за развитием новых отношений между людьми.

Приведенные материалы демонстрируют как стабилизирующую функцию традиции, так и ее способность к легитимации инноваций.

ЛЕБЕДЕВА Анна Витальевна

*Учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Творческое объединение “Культура”»,
г. Ханты-Мансийск*

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБСКИХ УГРОВ СЕРЕДИНЫ XIX – XXI вв.

Север – край самобытной архаической культуры – всегда был территорией, притягательной для художников, и территорией, вдохновляющей коренных жителей этой земли.

Количество художников из числа коренных народов – хантов, манси и ненцев, проживающих на территориях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, – очень мало, но именно их произведения рассказывают нам о прошлом времени, быте и культуре людей, об их неразрывной связи с природным началом. На примере творчества четырех столповых личностей изобразительного искусства обских угров – К. Панкова, П. Шешкина, М. Тебетева и Г. Райшева мы попытаемся проследить роль традиционных мифологических представлений народов и внесения новой струи временных преобразований в символику картин и творческий поиск авторов.

Стоит заметить, что на сегодняшний день не существует ни одного обобщающего исследования об исторических и культурных процессах развития изобразительного искусства коренных народов Севера, охватывающих **середину XIX – XXI вв.**

Фактически в докладе мы обозначим две параллели — как развивалось искусство коренных малочисленных народов Севера, перенесенное на землю культурной столицы, и как шло развитие без отрыва от культурной (архаичной) почвы.

Учитывая, что в 1920-е г. идет речь о создании собственного «северного стиля» художниками, то уже остро стоит вопрос о традициях, которые проявляются в исторической памяти, фольклоре и мировоззрении коренных народов Севера, а также в том есть ли перспективы развития «стиля» в сложившихся условиях современности.

МУХОТИНА Нина Анатольевна

Гжельский государственный художественно-промышленный институт, г. Гжель

СПЕЦИФИКА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА И ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

В традиционном обществе социокультурный опыт передавался из поколения в поколение, авторитет старших составлял основу социализации. Народное искусство основано на преемственности традиций, точное и неукоснительное следование которым гарантировало успех деятельности. Из века в век передавались поэтические образы и символы, которые формировали картину мира, определяли взаимоотношения между миром и человеком.

Можно говорить о канонической целостности мировоззрения народных мастеров, органично объединенных единой традицией, образом жизни и творчества. Сокровищница народного искусства предоставляет молодежи систему формальных, композиционных и орнаментальных принципов создания предметной среды.

Народное искусство всегда испытывало влияние различных факторов – экономических, политических, научных, художественных, социальных, – но его обновление шло чрезвычайно медленно, с большим отбором: воспринималось лишь то, что обогащало искусство, не нарушая единую структуру; поэтому так высок был авторитет прошлого.

Жизнь в современном обществе определяется законами конкуренции, соперничеством в стремлении добиться в жизни определенных позиций. Ускорился темп исторического времени, стареет опыт, само понятие «традиция» вызывает подчас негативное отношение. В развитии личности возрастает роль возрастной субкультуры. Художники традиционных центров народного искусства не замыкаются в формах прошлого. Каждый выступает в искусстве как яркая индивидуальность и перестает быть носителем коллективного опыта.

Традиция в культуре – явление сложное, развивающееся, обостряющее чувство исторического прошлого и требующее от современника уметь откликаться на изменения в национальной психологии, духовных запросах, образе жизни народа.

САМОЙЛОВА Елена Валерьевна

*Фольклорно-этнографический центр
Санкт-Петербургской государственной консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург*

ПРЕДМЕТНЫЕ ПРОЕКЦИИ ПРАКТИК КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОМИНАЛЬНЫХ АНТРОПОМОРФНЫХ ФИГУР В СЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА)

В поле зрения исследователя попадают «предметы памяти». Это антропоморфные фигуры, изготавливаемые в память об умерших предках. Практика использования таких изображений сохранялась на территории Верхнеуфтыгского (с/п Нюксенского) района и Чарозерского (с/п Череповецкого) района Вологодской области до первой половины XX в.. Такие изображения прочитываются как реликвии коллективной памяти. «Знания» о способах их изготовления и хранения передавались из поколения в поколение. Заместители умерших помещались на почетном месте и служили утешением скорбящим родственникам. Деревянная фигурка «Тети Ани», одетая в одежды умершей женщины была местнотчима как покровительница женских рукодел. Происшедшие на протяжении прошлого столетия изменения в социально-экономической жизни северо-русской деревни привели к нарушению механизмов трансляции традиции и частичной утрате существовавших зна-

ний, (в т. ч. и об антропоморфных заместителях умерших).

Во время летней экспедиции этого года в д. Заречье, Верхнеуфтыгского (с/п, Нюксенского) района, Вологодской области мы увидели стоящую неподалеку от жилого дома «пару» – тряпичные фигурки «гармониста» и его «жены». Женская фигурка была сделана деревенским жителем в память о недавно умершей жене и одета в ее одежды. «Гармонист» – скорбящий муж, играющий в утешение для жены-песенницы. Интересен сам факт появления фигуры-заместителя покойного на территории, где еще шестьдесят-семьдесят лет назад существовали подобные практики. Утрата коллективного знания о ритуальном предмете привела к отрицанию возобновившейся практики, ее восприятию как неуместного чудачества, т. е. была воспринята как нарушение традиционных норм и канонов ритуального поведения. Графическое выражение происшедших перемен может быть выражено волнообразной кривой (синусоидой). Антропоморфная фигура, сделанная в память об умершем воспринималась в начале прошлого века как «традиция», аналогичная практика в начале XXI в. определяется как «новация».

СЕСЛАВИНСКАЯ Марианна Владимировна

Федеральный институт развития образования, г. Москва

ПАРАДИГМА ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ЦЫГАН РОССИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI в. КАК ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ РИСК

Цыганское население – потомки средневековых мигрантов из Северо-Западной Индии, окончательно сформировавшееся в странах Европы, за столетия сохранили экстенсивную традиционную хозяйственную модель (ТХМ), восходящую к «индийскому» периоду его истории. Процесс трансформации этой модели в России XX – начала XXI в. можно условно разделить на несколько периодов, связанных:

- 1) с процессами оседания и модификацией моделей миграций (20–60-е гг. XX в.)
- 2) с модификацией моделей занятий при сохранении ТХМ (20–80-е гг. XX в.)
- 3) и, наконец, с существенными видоизменениями в самой ТХМ цыган (90-е гг. XX в. – настоящее время).

Особенности социально-экономического устройства России 20–80-х гг. XX в. явились причиной консервации ТХМ цыган, которая идеально «вписалась» в модель «экономики дефицита» советского периода.

С 1990-х гг. в цыганской культуре активизировались процессы маргинализации и криминализации. Ключевым в их развитии стало сочетание действия нескольких основных факторов:

I. «Внутренних»:

- 1) ТХМ и соответствующий низкий уровень образования
- 2) ТХМ реализуется в экономических нишах макро-общества

3) традиционные представления об авторитете и престиже

4) низкий уровень интеграции в макро-общество, небольшой процент этнической интеллигенции

II. «Внешних»:

1) эффект шоковой терапии

2) культ богатства и «легких денег», пропагандируемый СМИ

3) коррупция в правоохранительных органах

4) отсутствие государственной политики в отношении интеграции цыганского меньшинства.

ХАБУНОВА Евдокия Эрендженовна

Калмыцкий государственный университет, г. Элиста

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КАЛМЫКОВ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ*

В отличие от календарных обрядов, семейные обряды сохраняют свою устойчивость. В условиях возрождения буддизма древние ритуалы калмыков приобрели новое звучание. В свадебной обрядности активизировался ритуал приготовления чая молодой невесткой, направленный на выявление ее хозяйственных способностей, знания ею этикета и др. Несмотря на то, что некоторые элементы традиционных обрядов постепенно утрачиваются или трансформируются, стержневые компоненты семейной обрядности сохранились до настоящего времени.

ЭЛЬМУРЗАЕВА А. Д.

Дагестанский государственный институт народного хозяйства, г. Махачкала

НЕИЗУЧЕННЫЕ ШТРИХИ В ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

При описании традиционной свадьбы у народов Дагестана исследователи нередко обращают внимание на обрядовые действия, призванные с первых же минут совместной жизни продемонстрировать

главенствующее положение мужчин в семье: символический удар по голове невесты, наносимый женихом, когда та переступает порог брачного уединения молодоженов, удар ногой по спине, снятие новобрачной обуви с ног своего суженого и др. Однако мимо внимания исследователей прошел тот факт, что нередко невеста в первые минуты и часы уединения проявляла характер, самолюбие, независимость, причиняя молодому физическую боль или насмехаясь над ним. Так, у лакцев сел. Вихли новобрачная, демонстрируя действительное или мнимое недовольство, могла чувствительно уколоть новобрачного заготовленной иглой или ущипнуть его. Обычай, в наше время основательно позабытый, нашел свое отражение в фольклоре. «Пусть невеста, входя в твою брачную комнату, захватит с собой не иглу, а шило», – поется в шуточных куплетах. В другом лакском селении Убра, молодой супруг мог проснуться утром с испачканным сажей лицом. У аксаевских кумыков новобрачная могла поколотить мужа за чрезмерную агрессивность прихваченной с собой скалкой. Хаджалмахинка (даргинцы) старалась окатить под утро спящего супруга холодной водой. У ахваццев молодая супруга, улучив момент, клала своему мужу в постель ветку с колючими шипами. У части цезов молодожен мог поесть и попить из того, что специально оставили в комнате для молодых, только с разрешения новобрачной. У гергебильских аварцев молодая, после первого сближения с супругом, могла отхлестать его одеждой.

Можно предположить, что традиционных действий подобного рода было много и у других народов Дагестана. Возможно, что в совокупности они представляли собой глухие отголоски периода, переходного от матрилокального к патрилокальному поселению. Может быть также, что какая-то часть подобного рода действий – это сохранившиеся до новейшего времени фрагменты какого-то религиозно-магического ритуала.

* При финансовой поддержке РГНФ (грант 08-04-92305а/Г).

Секция 5. ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА В РАЗНООБРАЗИИ НАУЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ, МЕТОДОВ И ПОДХОДОВ

Руководители: д.и.н. **Винокурова Ирина Юрьевна** (Петрозаводск);
к.и.н. **Золотова Татьяна Николаевна** (Омск)

АНТОНОВА Марина Сократовна

*Государственный университет культуры и искусств,
г. Санкт-Петербург*

ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВЫЕ ТРАДИЦИИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ КОМУНИКАЦИЙ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКОГО ЭТНОСА)

Празднично-обрядовые традиции – уникальный комплекс, в котором наиболее полно сосредоточены духовно-нравственные ценности традиционной культуры бурятского народа. Значимость *традиций* обусловлена тем, что их элементы *определяют* контуры этнической культуры и *составляют* социокультурное наследие, а также *сохраняются* в жизнедеятельности нации в течение определенного времени.

Празднично-обрядовые традиции – социокультурный институт, в основе функционирования которого заложены важнейшие предпосылки *межкультурной коммуникации*: формы традиционной этнической культуры как условие сохранения национальной идентичности; толерантность в диалоге этнокультур; проявление уважения к культуре другого этноса (на территории Бурятии переплелись культурные, бытовые, религиозные традиции разных народов). Создана система ценностей, выражающихся через художественно-творческое, «игровое» действо. Анализируя классификацию праздников по ряду признаков, можно выявить специфику бурятского традиционного праздника, в современных условиях бытования существенно изменившегося по содержанию: многие его элементы стилизованы, трансформированы, что обусловлено рядом причин.

В современных городских условиях праздник выполняет, главным образом, личностно-развивающие, этноидентифицирующие, эстетические и коммуникативные функции. С этой точки зрения, празднично-обрядовые традиции бурят могут быть определены как способ «текстуализации» этнической культуры, введенный в поле социальной коммуникации. Наиболее полное смысловое «прочтение» возможно лишь в естественном культурном контексте культуры, вне которого она заметно теряет свою символическо-смысловую наполненность и нормативно-регулятивную функциональность для этноса.

БАРАНОВА Ольга Геннадьевна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

УСТЮГСКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ РЕЗНЫЕ КАЛЕНДАРИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди разнообразия научных источников, которые могут быть использованы для изучения празд-

ничной культуры, особого внимания заслуживают деревянные резные календари. Подобные календари были известны многим народам. Ими пользовались русские, болгары, карелы, финны, саамы, коми, якуты, эвены, эвенки, коряки, долганы, ненцы, чукчи, камчадалы и др. Через символическое обозначение в резных календарях праздничный годовой цикл, приуроченный к церковным святцам и переосмысленный народом, обретает в каждом отдельном случае завершенный характер праздничной локальной традиции.

Данное сообщение посвящено детальному описанию и подробной характеристике четырех деревянных русских резных календарей XVIII–XIX вв. из собраний Российского этнографического музея и Государственного Русского музея, привезенных из Устюгского уезда Вологодской губернии. В докладе на основании сопоставления архивных документов и фактического вещевого материала проведен анализ и сделана расшифровка знаков на календарях, которыми отмечены праздники и другие важные даты; выявлена праздничная обрядность и описаны дни почитаемых святых, характерные для данной территории.

БЕЛКИНА Наталья Алексеевна

ФГУ Национальный парк «Водлозерский», г. Петрозаводск

ЛЫЗЛОВА Анастасия Сергеевна

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ОТЖИНАХА НА ТЕРРИТОРИИ ВОДЛОЗЕРЬЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Водлозерье – территория, прилегающая к оз. Водлозеро, одному из наиболее крупных водоемов южной Карелии, расположенному в восточной части Пудожского района Республики. Удаленность, обособленность и труднодоступность способствовали сохранению здесь не только традиционного русского фольклора, но и праздничной культуры. До 1930-х гг. на островах и берегах указанного озера располагалось сорок населенных пунктов. В связи с применяемой здесь программой ликвидации «неперспективных» деревень многие поселения опустели к концу XX в., а их жители переехали в современный административный центр Водлозерья – д. Куганаволок. Старожилы помнят те времена, когда в каждом поселении отмечались свои престольные и часовенные праздники, на которые съезжались жители округи. В календарь любой деревни Водлозерья входил также особый праздник по случаю окончания жатвы под названием *Отжинаха*, сопровождаемый угощениями,

народными гуляньями, играми. Позднее он преобразовался в Праздник сбора урожая. В настоящее время словом *отжинаха* в Водлозерье обозначается завершение любого вида сельскохозяйственной деятельности (сенокоса, уборки картофеля и т. д.). Вместе с тем, вот уже три года подряд осенью в Куганаволоке отмечается праздник *Отжинаха*. В его современном проведении участвуют сотрудники Национального парка «Водлозерский», учителя и ученики местной школы, пенсионеры и заинтересованные жители.

ВЕЗИК Лийза

*Фольклорный архив Литературного музея,
г. Тарту (Эстония)*

ВАЛЕНТИНОВ ДЕНЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ТРАДИЦИИ

В докладе рассматривается изменение народного календаря в постсоциалистический период на основе базы данных эстонского народного календаря BERTA (www.folklore.ee/berta), содержащей обзор праздников приблизительно за 200 лет и ответы, полученные в ходе акции по собиранию молодежного фольклора в 2007 и 2010 гг. Материалы для сравнения взяты из календарных традиций других постсоциалистических государств.

В конце XIX в. аграрная праздничная система народного календаря стала меняться. Многочисленные праздники исчезли вместе с потребностью маркировать сроки работ, их ритуальное начало или окончание. В начале XX в. (в основном до Второй мировой войны) в эстонский народный календарь при институциональной поддержке государства были интегрированы новые праздники, ставящие во главу угла личностные и семейные ценности, – День матери, День отца, День труда. После Второй мировой войны во время существования социалистического строя прежние государственные и новые календарные праздники были отвергнуты, а церковные праздники маргинализированы; но добавились, например, Международный женский день, военные знаменательные даты и – в течение более продолжительного времени (отчасти международные) – профессиональные праздники (День шахтера, День рыбака и пр.). Существенные символические ценности сохранил ряд праздников народного календаря (Иванов день, Мартынов день), но появились и новые праздники (Валентинов день, День святого Патрика). Быстрые изменения в постсоциалистический период сформировали при поддержке семейных традиций, средств массовой информации, школы, обществ и пр. новую уникальную систему знаменательных дат народного календаря, куда входит и новичок 1980-х гг. – Валентинов день.

ВИНОКУРОВА Ирина Юрьевна

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

ВЕПСКИЙ ПЕТРОВ ДЕНЬ В СВЕТЕ КАРЕЛЬСКИХ И СЕВЕРНО- РУССКИХ АНАЛОГИЙ И РАЗЛИЧИЙ*

В настоящее время многие вопросы, связанные с праздничной культурой населения Карелии, все еще остаются недостаточно изученными. Например, нет работ, посвященных сравнительно-историческому анализу календарных традиций коренных этносов, проживающих на этой территории и прилегающих к ней областях, который дает материалы к исследованию этнической истории народов, позволяет наметить генетические и историко-культурные связи. Доклад посвящен Петрову дню (29.06/12.07) у вепсов и его сопоставлению с традициями соседних народов. Петров день относится к великим праздникам, к тому же в вепском, карельском и северно-русском календарях он являлся аккумулятором разнообразных народных представлений, обычаев и обрядов.

При исследовании был выделен круг типологических явлений Петрова дня, характерный для вепсов, карелов и северных русских: время освящения твора и других молочных продуктов в церквях и часовнях, дарений (пастухам, священникам, односельчанам) и жертвоприношений (в сам день или в воскресенье от него совершались заклание быков или баранов и братчины); своеобразный рубеж в природно-хозяйственном цикле (начало сенокоса, укорочение светового дня, созревание зерна – «кукушка давится колосом» после Петрова дня).

Сравнение показало также, что у северных вепсов, карелов и русских Заонежья Иванов-Петров дни были границами летних святок с особыми названиями, в которые совершались девичьи обряды поднятия привлекательности. Это сходство объясняется карельским влиянием.

К числу самобытных вепских явлений можно отнести петровские обряды жертвоприношения твора на ржаных полях, скотоводческие ритуалы.

ВИНТИНА Светлана Геннадьевна

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск*

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Происхождение праздников уходит своими корнями в древнюю эпоху. Ритуалы каждого из них прочно держались в народном быту. По поводу праздников русский народ говорил: «Всякая душа празднику рада». Среди большого количества праздников у русских особо выделяются Рождество Хри-

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

стово, Крещение Господне, Пасха и Троица, которые отмечаются до настоящего времени, но с некоторым упрощением совершаемых во время этих торжеств обрядовых действий. Святки сопровождались ряженьем, играми, песнями, плясками и т. д. В новогодние дни основное место занимали приметы и гадания, которые затрагивали две важные темы: во-первых, земли и урожая; во-вторых, личной жизни, судьбы человека и его брачного союза. Следующим праздником русских было Крещение Господне, которое отмечали 6(19) января. Большинство русского населения в этот праздник запасали освященную крещенскую воду для оздоровительных целей, купались в проруби, устраивали гулянья. Большая группа обрядов сосредоточивалась вокруг Святой Пасхи. В этот праздник крашеные яйца освящали в церкви. Яйцо от первого христосования сохраняли в течение года, оно являлось оберегом от болезней и пожара. Весенние обряды и праздники завершались Троицей. На праздник украшали дома ветками березы, девушки водили хороводы, плели венки, гадали на судьбу в будущем. Будучи неразрывной частью быта и обрядовой жизни русского народа, значительное место на русских календарных праздниках занимала баня.

**ВЛАСОВА Виктория Владимировна,
ШАРАПОВ Валерий Энгельсович**

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар

СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ЛАНДШАФТ: ЗАВЕТНАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ УДОРСКИХ КОМИ

Для христианской традиции удорских коми остаются значимыми обряды, приурочиваемые в селах на р. Вашка к девятой пятнице от Пасхи (*Заветной лун висьсысьяслён*). В период притеснения православной церкви происходит актуализация «периферийных» обрядов: внехрамовые службы, крестные ходы, обряды, связанные с местнотимыми святынями, нередко, проводились тайно за пределами села и были единственно возможными для функционирования религиозных общин. В 1970–1990-е гг. в селах на Удоре зафиксированы случаи появления «зеркальных» заветных праздников, сценарий проведения которых был заимствован из д. Кривое. С начала 2000-х гг. часовня св. Параскевы в д. Кривое после реставрации вновь становится «центром» праздника, намечается тенденция «стягивания» локальных групп вашкиных и мезенских коми к данной святыне, которая становится своеобразным символом района. Расширился половозрастной состав участников за счет людей среднего возраста и мужчин, как местных, так и приезжих. Для многих жителей Вашки участие в заветном празднике, купание в освященной воде, равно как и вода, набранная в этот день, по-прежнему остаются одним из способов «лечения» различных болезней. Активное вмешательство местной администрации и работников культуры в традицию проведения крестного хода в д. Кривое приводит к разрушению

местного «праздничного» канона и, в тоже время, к повышению официального статуса заветного праздника и его дальнейшей секуляризации. Светские власти, а также неформальные региональные лидеры, рассматривают «новую» традицию проведения праздника, как один из эффективных социальных инструментов в конструировании регионального идентитета.

ДИАНОВА Елена Васильевна

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ПРАЗДНИКИ И КООПЕРАЦИЯ КАРЕЛИИ В 1920-е гг.

После Октябрьского переворота 1917 г. в быт людей стали внедряться новые революционные и гражданские праздники и памятные дни. Праздники как форма ознаменования различных событий стали наполняться новым содержанием, соответствующим советской эпохе. Коренные изменения во всех сферах жизни общества привели к появлению гражданских торжеств и обрядов, соответствующих новым идеям. Под влиянием официальной пропаганды складывается резко отрицательное отношение ко многим старым традиционным праздникам, и делаются попытки заменить их новыми. В советской России в 1920-е гг. стали отмечаться такие новые гражданские праздники, как День работницы, или Международный день 8 Марта, Международный день солидарности трудящихся 1 мая, День Конституции, Международный юношеский день, Международный день кооперации, День Октябрьской революции и др.

В 1920-е гг. важное место в жизни общества занимала кооперация не только потому, что она была объявлена «столбовой дорогой к социализму», но и в связи с тем, что кооперация объединяла значительные слои потребителей и мелких товаропроизводителей города и деревни. Кооперативы участвовали в проведении праздничных мероприятий. В Карелии, как и по всей стране, отмечали международные праздники, которые означали солидарность жителей советской страны с рабочим классом капиталистических государств. С 1923 г. в нашей стране стал отмечаться Международный день кооперации. По решению Международного кооперативного альянса этот праздник проводился ежегодно в первую субботу июля.

ДУБРОВСКАЯ Елена Юрьевна

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

СОВЕТСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ В КАРЕЛИИ (1918–1920 гг.)*

Новые праздники, проводившиеся в городах и селах Карелии, были призваны актуализировать память о российской революции 1917 г. и предшествующих

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

революционных событиях. Согласно «Правилам об еженедельном отдыхе и праздничных днях», утвержденным Совнаркомом в 1919 г., к последним отнеслись даты, «посвященные воспоминаниям об исторических событиях»: 1 января – Новый год, 22 января (по н. ст.) – День 9 января 1905 г., 12 марта – День низвержения самодержавия, 18 марта – День Парижской Коммуны, 1 Мая – День Интернационала и 7 ноября – День Пролетарской Революции. В качестве нерабочих, но не праздничных дней были объявлены Пасха (пятница и суббота Страстной, понедельник и вторник Пасхальной недели) и четыре двенадцатых праздника.

Участники новых празднеств ориентировались на определенные образцы политического поведения и на революционную традицию. Исключительное значение общественного ритуала совместного освоения городского центра Петрозаводска, Пудожя, Олонца, Повенца в дни празднования Февральской и Октябрьской годовщин, Первомайских торжеств, годовщин введения института Всеобуча 22 апреля 1919 г. и др. проявилось в использовании всех знаковых средств политической культуры, включая язык жестов, пение, музыку, цвет.

Коллективное исполнение «Интернационала» и другие элементы революционной политической культуры (украшение зданий и арок кумачом, красные банты) создавали необходимый психологический эффект сопричастности новым ценностям. Использование хорошо известных символов позволяло подчеркнуть свою солидарность с десакрализацией рухнувшей монархической власти, разграничивая «своих» и «чужих» не по этнической принадлежности, а по отношению к новому общественному порядку (г. Олонец, с. Шелтозеро и т. д.).

ЕРШОВ Виктор Петрович

Карельская педагогическая академия, г. Петрозаводск

ПРАЗДНИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В ДОМЕ П. Т. АНАНЬЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА ЗАОНЕЖСКОГО БОНДАРАЯ 1932–1938 гг.)

Заонежье славилось книжной традицией, но бытовала и другая – вести дневники. Дневник крестьянина П. Т. Ананьева из д. Красная Сельга (Заонежье) был найден в 1972 г. Он относится к 1930-м гг. и представляет собой уникальный памятник крестьянской письменной культуры эпохи коллективизации и начала умирания крестьянской цивилизации. Текст написан простым карандашом (102 страницы). Автор писал о своей семье, о ежедневных занятиях ее членов.

Дневник дает возможность увидеть колхозную жизнь, репрессии, трудовое воспитание детей, родственные связи, употребление алкоголя, праздничные традиции в деревне. Последней теме посвящен настоящий доклад.

1. О понятии «праздник». Праздниками автор называет воскресенья, например: «*Воскресенье. Праз-*

новали, Митька ходил к черкасу за гостями...». Здесь «праздник» выступает в своем изначальном смысле; «праздный» – свободный от дел (См. «Праздный» у В. И. Даля). День отдыха противопоставлен будням. «Празднику-воскресенью», как видно из контекста, присуща некоторая ритуальность – обязательно отдыхать, не работать, ходить в гости.

2. Автор записывает в дневнике все религиозные праздники – двенадцатые, престольные. Фиксируется, сколько вина куплено, сколько гостей пришло, как относится к ним молодежь.

3. Семейные праздники. Дается описание свадьбы сына.

4. Советские праздники. Из дневника видно, как непросто входили новые праздники в крестьянский быт, как постепенно происходила деградация религиозных праздников из-за работы в праздничные дни в колхозе, отхода молодежи.

ЖУКОВ Алексей Юрьевич

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПРЕСТОЛЬНЫХ ПРАЗДНИКОВ СЕВЕРНОЙ РОССИИ XV–XVIII вв.*

Источниковедческая методология позволяет получить достоверные сведения и встраивает их в историческую действительность. В отношении престольных праздников Северной России мы сталкиваемся и с неполнотой сведений сохранившихся источников, и со сложной структурой предмета исследования как непрерывно эволюционировавшей системы. Система престольных праздников постоянно уплотнялась из-за появления новых волостей (и соответственно волостных храмов) внутри сложившихся с новгородского времени административных районов-«погостов». Переписи XV–XVIII вв. (основной источник) дают моментальные снимки волостной структуры, тогда как волости и их церкви появлялись между переписями. Поэтому источниковедческий ответ на «частную» проблему престольных праздников выливается в общее исследование эволюции административно-территориального устройства Севера, включая каждую волость, посредством учета всех данных вплоть до подписей священников на документах волостного самоуправления. За этот период все приходские церкви отстраивались заново, нередко – со сменой посвящений их престолов. Источниковедческий анализ обязан показать эволюцию престольных предпочтений населения, которая отражает изменение мировосприятия жителей, например, в тесной связи со сменой хозяйственного уклада, или генезиса новых этнолокальных групп, или из-за церковно-культурных взаимовлияний, но чаще – через сложную комбинацию хотя бы этих основных факторов.

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Тем не менее, данный собственно источниковедческий подход к сфере сознания все равно остается гипотетичным. Верификацией ему служит комплексный подход к изучению прошлого: включение в анализ положительных наработок других научных дисциплин, особенно этнографии, лингвистики, фольклористики, археологии и антропологии.

ЗВЕРЕВ Владимир Александрович

*Государственный педагогический университет,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск*

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА РЕПРОДУКТИВНЫЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ)

Репродуктивный календарь – составная часть народного календаря, устойчивый и распространенный в конкретной социальной среде способ хронологической организации в течение календарного года детородного поведения людей. В России второй половины XIX – начала XX в. доминировали традиционные формы культуры и образа жизни людей, и важную роль в организации репродуктивного календаря играл религиозный фактор. Церковь санкционировала половые отношения в одни периоды и запрещала в другие – в посты, большие религиозные праздники.

Исторические источники показывают, что население Сибири признавало церковные рекомендации, но следовало им не очень строго. По статистике, основанной на данных метрических книг, можно установить характер воздействия многодневных постов – Великого и Рождественского – на цикличность зачатий и рождений. Через 9 месяцев после того и другого поста – в ноябре–декабре и сентябре – наступал спад количества рождений. В ноябре–декабре спад в некоторой степени объясняется биологической причиной – снижением способности женщин к оплодотворению в феврале–марте примерно на 14%. У православных жителей Томской губернии в 1870–1880 гг., у казачества Петропавловского уезда Акмолинской области в 1878–1887 гг. снижение рождаемости в конце года не превышало биологической нормы.

Однако в других случаях репродуктивная «яма» в ноябре–декабре была более глубокой: обнаруживается некоторая доля лиц, практиковавших абстиненцию во время Великого поста. В Барнауле в 1871–1874 гг. она составляла 13%. В 1902–1903 гг. великопостного воздержания строго придерживались в Тобольской губернии 10% всех жителей (11% сельчан, 5% горожан, 12% православных). В Енисейской губернии в те же годы показатели были меньшими: 6% всех жителей, 7% деревенских, 7% православных. В данном случае подсчеты производились путем сопоставления уровня рождаемости не в ноябре–декабре и январе, как предполагает известная методика Б. Н. Миронова, а в декабре и июле. Дело в том, что в 1902 и 1903 гг. Великий пост охватывал целиком

март и значительную часть апреля. Абстиненция понижала рождаемость в основном в декабре, но также и январе. Значит, в два этих года январь для сопоставления с декабрем не годится, и мы выбрали июль, в течение которого рождались младенцы, зачатые в октябре, не затронутым ни одним из многодневных постов.

ЗЛАТАНОВИЧ Саня

*Этнографический институт Сербской академии наук
и искусств, г. Белград (Сербия)*

СВАДЬБА (ЧАСТНЫЙ РИТУАЛ НА СОЦИАЛЬНОЙ СЦЕНЕ) И АРТИКУЛЯЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Свадьба является наиболее важным, разработанным и богатым по содержанию ритуалом жизненного цикла. Она в сжатой форме отражает общественную реальность – экономические, родственные и гендерные отношения, религиозные убеждения, и может быть охарактеризована как парадигматическое событие в культуре сербов. Свадебный ритуал, как особенно чувствительный инструмент, подмечает и выражает общественные тенденции и изменения.

Центральной темой в современной свадьбе, которая проявляется в самом ритуале и в сообщениях информантов, является проблема идентичности. Понятие идентичности непосредственно связано с понятием ритуала, так как ритуалы встроены в идентичность сообщества и служат для актуализации его сущностной характеристики. С другой стороны, оба понятия неразделимо связаны с понятием традиции, которая отражает прошлое и передает ценности от поколения к поколению. Современная свадьба является точкой пересечения этих трех понятий, так как по форме, по своему содержанию и важности она является подходящей для проблематизирования через нее разных видов идентичности (этнических, религиозных, местных, гендерных). Свадьба (частный ритуал на социальной сцене, сильно структурированный и разработанный, долго планирующийся и готовящийся) является подходящей формой для связи с традицией, а также для артикулирования и утверждения через неё этнической принадлежности.

Полевые исследования, которые лежат в основе этой работы, проведены в городе Вранье (южная Сербия).

ЗОЛотова Татьяна Николаевна

*Сибирский филиал Российского института
культурологии, г. Омск*

МЕТОДИКА СБОРА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

В начале XXI века особенно актуальным становится вопрос об источниках этнографического исследования и методах сбора новых материалов по тра-

диционной и современной культуре различных этносов. Методы полевого сбора для этнографов многие годы остаются неизменными: интервьюирование, непосредственное включенное наблюдение, метод фиксации явлений культуры, который подразумевает запись на диктофон, фото- и видеокамеры, зарисовку предметов и явлений культуры.

В качестве информаторов для реконструкции праздничной культуры 30–40-х гг. XX в. выступают пожилые люди 70–90 лет, сохранившие в своей памяти картину событий из детских и юношеских воспоминаний. Существует также и пласт «вторичной» информации, относящейся к более раннему периоду существования явлений традиционной культуры. Эта информация поступает к нам от этих же информаторов, но со ссылкой на устные рассказы их родителей, бабушек и дедушек. К этому виду информации следует относиться более осторожно, поскольку она могла быть искажена при восприятии в детском возрасте и при длительном хранении в памяти. Для создания благорасположенности респондента по отношению к интервьюеру существует целый комплекс приемов, который у каждого этнографа свой и складывается годами. Этнограф в период работы с пожилыми людьми выполняет важную социальную функцию: он не только избавляет пожилого человека от чувства одиночества, но и помогает ему почувствовать свою значимость и необходимость его знаний для следующих поколений.

Методы традиционной полевой работы в сельской местности не всегда срабатывают в городских условиях. Для массовых опросов здесь следует использовать этносоциологический метод и метод углубленного интервью с представителями референтных групп. Нами разработана методика опроса среди городских жителей во время проведения городских праздников и праздничных богослужений, являющаяся наиболее эффективной вследствие особого психологического настроя информаторов. Достоверность собранных в ходе полевых сборов материалов должна быть обеспечена их массовостью и повторяемостью, а также – множественностью вариантов, которые способны коррелировать друг с другом.

Источниками информации по традиционным праздникам, помимо материалов опросов, выступают также данные районных, областных, всероссийских государственных и ведомственных архивов и музеев. Для исследования современных праздников могут стать полезными архивы районных и областных отделов культуры и образования, публикуемые ими отчеты, сценарии праздников и отчеты об их проведении студентами факультетов культуры и искусства различных вузов, а также – данные средств массовой информации (периодических изданий, радио, телевидения, Интернета). Новым источником информации по праздничной культуре становятся сайты сетевых сообществ. Появление новых видов источников информации требует выработки особых приемов их критики и верификации.

ИВАНОВА-БУЧАТСКАЯ Юлия Валерьевна
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

БАМБЕРГСКАЯ «ЗАНДКЕРВА»: ИЗУЧЕНИЕ НОВЫХ ПРАЗДНИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ*

Темой сообщения выбран праздник, проводящийся ежегодно в августе в южнонемецком городе Бамберг (Верхняя Франкония). Название праздника (Sand-kirchweih, франконское диалектное -kerwa) и составные элементы (праздничная служба в церкви, шествие городских и ремесленных объединений, установка дерева-шеста с профессиональными знаками, обряд убивания петуха и т. д.) обнаруживают его принадлежность к кругу традиционных народных праздников годового цикла и одновременно – религиозных праздников: день освящения церкви, храмовый праздник.

Зандкерва впервые состоялась как праздник одной улицы г. Бамберг и расположенной на ней церкви в 1951 г. и с этого времени отмечается ежегодно. Уже год спустя праздник улицы расширился до масштабов города и за 60 лет своего существования превратился в один из символов идентификации с Бамбергом и регионом Верхней Франконии. Всего лишь полувековая история праздника позволяет отнести его к т. н. «изобретенным» или новым традициям.

Исследования культурных (в том числе праздничных) мероприятий в XX в. в Европе показывают, что их возникновение (или возрождение) правомерно рассматривать как феномен реализованной творческой инициативы узкой группы лиц в сочетании с финансовыми и рекламными интересами города или субъектов, расположенных в зоне проведения праздника. Этнографическое изучение подобных праздничных традиций и их функционирования в современном городском обществе ставит на первый план вопросы о причинах изобретения новых традиций; легализации инноваций через обоснование их «историчности»; роли праздника в формировании и демонстрации локальных и социальных идентичностей. Исследование построено на архивных документах и полевых материалах автора 2008–2010 гг.

ИВАНОВИЧ-БАРИШИЧ Милина

Этнографический институт Сербской академии наук и искусств, г. Белград (Сербия)

СЛЕДЫ ПРОШЛОГО ИЛИ ПРАЗДНИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В СЕРБИИ

В докладе рассмотрены праздники, бытовавшие в Сербии во второй половине XX в., причины их возникновения, а также некоторые факторы, повлиявшие на их исчезновение.

* Исследование было поддержано грантом немецкого фонда Gemeinnützige Hertie-Stiftung.

В последние шесть десятилетий праздники в значительной степени были согласованы с потребностями югославского/сербского сообщества. Этот период можно подразделить на несколько этапов: 1) доминирование традиционных праздников календарного цикла; 2) новые праздники, которые учредило социалистическое правительство; 3) отмена некоторых праздников, которые существовали во время социализма; 4) реконструкция традиционных праздников и маргинализация праздников бывшего югославского государства; 5) очередное доминирование традиционных праздников и установление новых государственных праздников.

Праздники, которые вошли в календарь в 1950-х гг., были в значительной степени связаны с городской средой, проникнутой духом индустриализации. В разработке содержания новых праздников стремились к тому, чтобы оно, как полагали, стало адекватной заменой традиционным праздникам. В деревне, однако, традиционные праздники продолжали доминировать. Образ жизни и повседневные перемены были причиной значительного адаптирования празднования к новому быту.

КОНКА Алексей Петрович

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ЛЕГЕНДА И ОБРЯД: КАЛЕНДАРНЫЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В КАРЕЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА*

На обширной территории севера Восточной Европы еще во второй половине XIX и начале XX вв. происходили календарные жертвоприношения животных, носившие общественный характер.

Временем проведения обряда были лето и осень, особенная концентрация наблюдалась в июле и августе. Жертвоприношения, как правило, проводились в почитаемых жертвенных рощах, частью которых были старые кладбища, или в «священных местах» на берегах озер и рек или на островах. Среди причин возникновения обряда называют жертвоприношение по обету в связи с эпизоотиями, гибелью скота от хищников, несчастьями в семье и роде, болезнями людей, неурожаями, засухой, пожарами и др., а также действия, направленные на охранение от этих бед в будущем.

Заклание животных (ими могли быть быки, коровы, бараны, овцы, лесные птицы) происходило в роще или на берегу водоема, на рассвете (кровь выливалась на стену часовни или под крыльцо), после чего в котлах варилось мясо, которое расхватывалось участниками («хватание мяса»). Остатки трапезы и кости животных зарывались в землю, вывешивались на деревья или топились в воде. После трапезы, на которую се-

мы могли приходить со своей посудой и котлами, устраивались увеселения (танцы, игры), иногда скачки на лошадях. Для многих обрядовых действий было характерно соревнование (добыча «доли»).

Обряд жертвоприношения зачастую сопровождался легендой о приходившем (иногда – приплывавшем) на место проведения обряда белом олене (лосе), который добровольно отдавался на заклание. Упоминались также лебеди и другие крупные птицы. В своей мифологической основе праздник восходил к периодическим церемониям по установлению контакта с высшими природными силами (характерный цвет жертвы – белый, т. е. небесный) и был направлен на восстановление поголовья промыслового зверя. Кроме того, жертва символизировала Мировое животное и всю Вселенную, которая перерождалась через жертвоприношение. Иллюстрацией подобного мировоззрения могут быть карельские руны о жертвоприношении Большого быка или Большой свиньи (кабана).

КОРНЕВА Валерия Юрьевна

Институт искусств и культуры Томского государственного университета, г. Томск

ЗНАКИ ЗЕРНОВОГО КОДА В ТРАДИЦИОННОМ РУССКОМ КАЛЕНДАРЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI В.)*

Ритуальный «текст» календаря русских центрального и Сибирского регионов пронизан функционированием совокупности знаков зернового кода. Он представлен в двух разновидностях: ботанической, т. е. с использованием зерновых растений (пшеницы, ржи, овса и др.), не обработанных для потребления в пищу и представленных в форме зерна, колоса, соломы, нивы, стерни; и кулинарной – зерновых блюд. Многообразие действий с зерновыми охватывало все сезонные циклы и большинство праздников народного календаря.

Знаки, функционирующие в ритуалах, – этнодифференцирующие признаки культуры. В силу своего земледельческого происхождения она наделила смыслообразующей ролью зерно и его обработанные человеком производные – хлеб, кутью, кашу, блины, снопы, сено и др. Их бытование в календаре служило средством существования и трансляции культуры. Попадая в ритуал, знаки передавали в символической форме смыслы и суть культуры. Доминирующая область традиционного мировоззрения, обслуживаемая знаками кода, касалась антропосоциальной сферы – нужд человека и коллектива. В меньшей степени знаки были задействованы в земледельческой сфере, минимально – в скотоводческой. Мировоззренческие темы, обслуживаемые знаками, – покровительство предков, социальные переходы в коллективе, узнавание будущего и его моделирование,

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ проект №10-01-64104 а/Т.

положительное воздействие на урожай и его защита, обозначение циклов земледелия, позитивное воздействие на животных и их защиту и др.

В большинстве случаев символика зерновых имела «положительное» поле значений, связанное с достатком, жизненностью, новой долей и т. п., кодировавшееся в ритуалах и реализовывавшееся магически по отношению к человеку и тому, что было важным для него.

КРАСИКОВ Михаил Михайлович

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», г. Харьков (Украина)

НОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ: ПРАЗДНОВАНИЕ СОРОКАЛЕТИЯ

Сорокалетие – дата, которую повсеместно в Украине и России побаиваются: отмечать ее не рекомендуется, а если где-то и допускается празднование, то не «день в день» и очень тихо. Считается, что «40 лет – как 40 дней»: ассоциация с поминальной обрядностью породила рассказы о том, как человек отметил 40 лет и вскоре умер.

Однако в течение последних 20 лет в некоторых регионах Полтавщины и Сумщины сложилась новая традиция: 40 лет отмечается как кардинальный момент сексуальной жизни человека. После изрядного угощения происходит шуточное театрализованное действо, причем разное по содержанию при праздновании дня рождения мужчины или женщины. Оба гендерных варианта основаны на популярных в этих краях поговорках: «Сорок літ кабаці – викинь її собаці» и «Сорок літ пізді – держи її в узді». Согласно заложенным в этих максимах противоположным интенциям (конец сексуальной жизни для мужчины и расцвет сексуальной активности для женщины) строится и семантика обряда: мужчине отрубают топором «детородный орган» (привязанную к трусам колбасу или другой аналог), что сопровождается стеланиями супруги. В ряде случаев проводится ассоциация с обрезкой дерева, то есть смысл «обрезания» видится в притоке новых сексуальных сил. Женщину «взнуздывают», как бы запрягая ее (она, естественно, вырывается), и при этом непременно вешают замок (амбарный) там, «откуда ноги растут».

КУРМАНОВА Сулушаш Рахимжановна

Государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

ПРАЗДНИЧНАЯ ПИЩА НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одним из важных аспектов питания является символичность, знаковость. Многие блюда немецкого населения Западной Сибири имеют статус этнических символов, заключающих в себе определенное смысловое содержание.

У немцев Сибири необходимую принадлежность праздничного стола составляли хлеб, блюда из сви-

нины, квашеная капуста и другие, имевшие символическое значение. Хлеб – сакральный предмет, обладающий многозначной символикой. У немцев хлеб во все времена был символом богатства и благополучия. Семантика хлеба включала в себя также представления о жизни и воскрешении. В той или иной форме хлеб присутствовал во всех праздниках немцев. К примеру, в свадебной обрядности он символизировал богатство и счастье будущей семьи.

Употребление немцами свинины на немецких праздниках весьма обширно. Во всех немецких населенных пунктах Западной Сибири к праздничному столу подают жирную свинину. Согласно народным представлениям, блюда из свинины должны способствовать магическим образом плодородию, хорошему приплоду скота, так как из всех животных именно свинья является наиболее плодородной. Кроме того, блюда из свинины отвечают более общей идее достижения счастья и благополучия. У немцев даже есть пословица: «Schwein haben», что переводится как «иметь свинью», а означает «иметь счастье».

Квашеной капусте (*Sauerkohl, Sauerkraut*) немцы приписывали целебные свойства и обязательно ставили ее на стол. По поверью, тот, кто ест кислую капусту в Рождество Христово, весь год будет здоровым. Когда хотят пожелать кому-нибудь счастья, говорят «Leb wohl, ess Kohl» («Живи хорошо, ешь капусту»).

КУХАРОНАК Татьяна Ивановна

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)

КАЛЕНДАРНЫЙ ПРАЗДНИК КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ, ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ)

На основе разнообразных материалов, в том числе записанных в экспедициях, исследованы традиционные календарные праздники и обряды белорусов, являющиеся самобытными памятниками историко-культурного нематериального наследия. Нами охарактеризовано нематериальное наследие как правовая категория, проанализировано современное состояние и перспективы улучшения законодательной охраны нематериального историко-культурного наследия в Беларуси.

Республика Беларусь, одна из первых подписавшая «Международную конвенцию об охране нематериального культурного наследия», принятую в октябре 2003 г. в Париже на Генеральной ассамблее ЮНЕСКО, стремится следовать наметившейся общемировой тенденции по охране культурного разнообразия. На примере восьми обрядов: «Калядныя цары», «Шчодрок», «Жаніцьба Цярэшкі», «Намскі Вялікдзень», «Тураўскі карагод», «Юр'я», «Ваджэне і пахаванне страль», «Варвараўская свечка», получивших статус историко-культурной нематериальной ценности Республики Беларусь и взятых под охрану государства, рассмотрены критерии выделения, перспективы сохранения и полноценного функционирования календарных праздни-

ков и обрядов в современных условиях белорусской деревни.

ЛОГИНОВ Константин Кузьмич

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СВЯТОЧНОЙ ОБЯДНОСТИ У НАРОДОВ КАРЕЛИИ*

В традиционный святочный празднично-обрядовый цикл карелов, вепсов и русских Карелии входили такие основные компоненты, как запреты на некоторые виды повседневной деятельности, обрядовая пища, гостьба девушек на выданье в чужих деревнях, специфически «святочные» беседы, хождения ряжеными, гадания, прославления Христа, обряды повышения девичьей славы и приближения замужества, а также очистительные действия в ночь на Богоявление (Крещение Господне). Каждый из указанных компонентов обнаруживает в себе как черты несомненного сходства, так и весьма существенные различия. Наименьшие черты сходства проявляются в народных представлениях о святочных духах, с одной стороны, русских, с другой – вепсов, а особенно карелов. Народные представления о длительности пребывания этих духов на Земле определяли длительность периода зимних святок у разных групп коренных народов Карелии. Вместо «классического» для православных крестьян двухнедельного периода, у поморов святочные увеселения молодежи продолжались 5 недель, у русских южной Карелии и некоторых групп карелов – 4 недели. Черты сходства и различий внутри каждого из основных компонентов святочной обрядности выявляются методом сравнительного анализа. Исполнение обрядов и обычаев любого из указанных компонентов однозначно указывало, что святки уже начались или еще продолжаются.

ЛУГУЕВ А. С.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

О ТРАДИЦИОННОМ ПРАЗДНИКЕ «ДЕНЬ БАЗАРА» В ДАГЕСТАНЕ

Полевой этнографический материал позволяет создать представление о традиционных праздниках у народов Дагестана, приуроченных ко дню условного открытия базара.

На кумухском базаре (лакцы) через 10–15 дней после наступления нового года по народному календарю, в начале апреля, с раннего утра устраивались увеселения: песни в исполнении певцов и певиц, танцы, выступления ряженных. Местный чауш (глашатай) призывал юношей и молодых мужчин испытать ловкость и силу в единоборстве с кумухскими борцами. Показать свои умения в танцах и в исполнении песен могли любые посетители базара, любой нацио-

нальности. В этот день было принято раздавать пришедшим на базар в небольших количествах лепешки, чуреки, мясо, курдюк, сыр, сухофрукты и проч. Незадолго до полуденной молитвы кто-либо из кумухских старейшин объявлял праздник закрытым, благодарил собравшихся за участие в нем и призывал к честной торговле, к соблюдению взаимного уважения между продавцами и покупателями. После этого начинался обычный базарный, торговый день.

Подобного рода праздничные увеселения проводились и на акушинском базаре (даргинцы), они приурочивались к периоду окончания сельскохозяйственных работ. У ботлихцев в «день базара» веселье и развлечения длились весь световой день: до полудня – на площади, а затем – в домах местных жителей, приглашавших к себе в гости приезжих и пришедших. Особенно большое оживление и веселье царило на большом андрейаульском базаре, куда стекались торговцы не только из различных районов Дагестана, но и из Северного Кавказа и Закавказья.

Вероятно «базарные праздники» организовывались и в других торговых центрах Дагестана, но сведения о них в дагестановедческой литературе не встречаются.

МАРДОСА Йонас

Педагогический университет, г. Вильнюс (Литва)

СОВРЕМЕННЫЙ АРЕАЛ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВИЛЬНЮССКИХ ВЕРБ

Вильнюсские вербы – плетенный из высушенных растений религиозный символ и изделие народного искусства. Истоками традиция изготовления *Вильнюсских верб* уходит в середину XIX в. Традиционно *Вильнюсские вербы* распространяли во время ярмарки *Казюкаса* (в день святого Казимира 4 марта) и во время Вербного воскресенья. Продолжительное время вербы функционировали в Вильнюсе и окрестностях Вильнюса как образец локальной католической религиозной и народной культуры поляков Юго-Восточной Литвы. В ходе антирелигиозной пропаганды во второй половине XX в. усилился подход к *Вильнюсским вербам* как народному декоративно-прикладному творчеству литовцев. Поэтому ареал изготовления и применения в быту *Вильнюсских верб* расширился. Как религиозный символ в постсоветский период, *Вильнюсские вербы* во время Вербного воскресенья стали символом праздничной культуры и в других регионах Литвы.

В последние десятилетия XX в. ареал функционирования *Вильнюсских верб* расширился: за пределами Литвы их стали активно изготавливать в Польше и, в меньшей степени, – в Западной Беларуси. В контексте Вербного воскресенья данные вербы имеют спрос в католической среде как символ религиозной культуры поляков Литвы. Таким образом, в условиях современности локальный образец праздничной народной культуры расширил ареал функционирования. Тем самым сохранилась тесная связь *Вильнюсских верб* с польской средой изготовления. Однако

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

факт существования вербы в качестве составной части литовского народного искусства позволяет судить о значимости *Вильнюсских верб* в формировании культурной и религиозной идентичности поляков и литовцев.

МИРОНОВА Валентина Петровна

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

Середина, а затем вторая половина XX в. внесли колоссальные перемены в жизнь карельского населения. В первую очередь эти изменения связаны с ассимиляцией коренных народов, происходившей в ходе коллективизации, эвакуации во время Великой Отечественной войны и укрупнения деревень. В этой связи огромный интерес представляет праздничная культура карельской деревни, впитавшая в себя элементы архаичных языческих праздников, формы проведения церковных и советских праздников. В ходе полевых исследований удастся зафиксировать материал, отражающий традицию проведения «деревенских праздников» с институтом гостевания родственников. В народной памяти сохранились описания молодежных гуляний с песнями и танцами. Праздничный календарь каждой деревни включал престольные и часовенные праздники. В советское время они ушли из широкого обихода, отмечались, в основном, в узком кругу родственников или жителями некоторых деревень. Встречаются случаи, когда «деревенские праздники» приобрели новую форму. На подобных мероприятиях силами работников культуры устраивались концерты, организовывалась торговля. В послевоенные годы довольно стремительно широкое распространение получили новые праздники: Новый год, 1 мая, День Победы и т. д., которые стали неотъемлемой частью народной культуры в целом. В настоящее время праздничная культура переживает период расцвета: с одной стороны, наблюдается восстановление часовен и церквей и, как следствие, возобновление престольных и часовенных праздников. С другой стороны, отмечается реконструкция такой части «деревенских праздников», как коллективные гуляния, народные песни и игры.

МИШУРИНСКАЯ Любовь Игоревна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

СВАДЕБНЫХ ТРАДИЦИИ КАЗАНСКИХ ТАТАР И МИШАРЕЙ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ (XIX – НАЧАЛО XXI в.)

Традиционный свадебный ритуал татар Среднего Поволжья и Приуралья из всех семейно-бытовых об-

рядов демонстрирует наибольшую вариативность. Каждая этническая, субэтническая или территориальная группа имела в прошлом свой свадебный комплекс с характерным для нее специфическим набором обрядов. В течение XX в., пройдя стадию почти полной деритуализации и вытеснения традиционной обрядности советской в 1920–1930-е гг. и частичного возрождения в 1950–1970-е гг., татарская свадьба вошла в современную фазу своего развития. Собранный в 2004–2008 гг. материал свидетельствует в пользу создания синкретической модели свадебного ритуала на базе однотипных в прошлом компонентов - религиозной стороны бракосочетания, сватовства и сговора, обрядов встречи невесты в доме жениха. Из ритуала исчезают компоненты, связанные с узкими локальными традициями. Начиная с 1990-х гг. в обследованных районах наметилась тенденция к образованию татарской свадьбы единого образца. Однако нельзя не учитывать роль городского интернационального влияния на организацию торжества. Темп отмирания отдельных локальных традиций сравним с темпом европеизации культуры в целом. Вопрос о том насколько новая модель окажется жизнеспособной и сможет противостоять урбанистическим тенденциям остается открытым.

ПАЛИКОВА Татьяна Вадимовна

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

ОТПУСК КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРАЗДНИКА

Любой отдых уже праздник. Особенно в России, где издавна любили и знали толк в празднествах. Данная аналогия, на наш взгляд, станет более выпуклой, если мы будем учитывать два обстоятельства: во-первых, во второй половине XIX – начале XX в. отпуск в Сибири полагался не более, чем раз в два года, а во-вторых – когда в отпуск увольнялся профессионал с ненормированным рабочим днем.

На основе теоретических построений М. М. Бахтина и исследователей-этнографов Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой, привлекая воспоминания современников (верхнеудинца М. В. Танского), находящегося в Национальном архиве Республики Бурятия (НАРБ), мы, проводя сравнительный анализ праздника и отпуска, выявляем совпадение позиций по ряду основных критериев.

Жизнь человека включает в себя два неравных по длительности периода: время работы и время отдыха. Любая концепция праздника рассматривает его как «выпадение» из общего ритма жизни. Праздничный комплекс второй половины XIX – начала XX в. состоял из торжественно-официального, массово-развлекательного, домашне-бытового компонентов. Праздник делился на несколько этапов: подготовка, «введение в торжество», празднество. Он закреплял социальное неравенство.

Отпуск требует предварительной подготовки, прерывает обычный трудовой ритм, наполняет жизнь беспечностью, вырабатывает определенную специфическую жизненную стилистику, карнавально теат-

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

рален по сути, имеет сословный характер, многофункционален (эстетично-эмоционален и познавателен), оставляет долгую память о себе. Все это вместе взятое, позволяет рассматривать отпуск как разновидность праздника.

ПЕТРОВА Елена Валентиновна

*Национальный университет им. И. И. Мечникова,
г. Одесса (Украина)*

**ВЕРБАЛЬНЫЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ
ТЕКСТЫ ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ ОТКРЫТОК
КАК ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ПРАЗДНИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЭКЗЕМПЛОВ XX–XXI вв.)**

Предметом данного исследования является описание одного из видов эпистолярных источников, сложившегося вокруг личных праздников – поздравительных открыток. Регулярное воспроизведение практик Дня рождения и именин закрепило за ними целый корпус специальных текстов, которые могут рассматриваться как контекст для современного ритуала и как фон для его изучения.

Наше исследование строится по хронологическому принципу: от появления первых карточек к указанным праздникам в начале XX века до современных экземпляров с выделением в отдельный блок реалий советского периода. В каждом историческом срезе (дореволюционный, советский и постсоветский) характеризуется структура и виды поздравительных текстов, мотивы пожеланий, выводится типология изобразительных стандартов, рассматривается роль и значение открытки в ритуале.

Материалом для анализа послужили тексты поздравлений и изображений 28 дореволюционных, 260 советских и более 400 современных открыток, собранных и обработанных нами в процессе исследования.

ПОПОВА Елена Александровна

Государственный университет, г. Воронеж

**СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕГО
СОХРАННОСТЬ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ФОНДЕ
НАРОДНЫХ ГОВОРОВ**

Воронежский свадебный обряд является одним из вариантов южного архетипа русской свадьбы. До наших дней свадебный ритуал дошел в сильно измененном виде по сравнению с исконным обликом, были утрачены многие черты обряда. На сегодняшний день одним из основных источников информации о традиционном облике обрядов является живая речь диалектоносителей. Большую роль в изучении традиционной культуры играют областные словари, в которых обобщены данные региональных этнолингвистических исследований.

В нашем исследовании мы обратились к свадебному обряду и проанализировали лексику темати-

ческой группы «свадьба». В результате были выявлены лексемы и фразеологические конструкции, толкования которых в контексте живой устной речи помогают восстановить традиционный облик ритуала: наименования этапов проведения обряда, участников свадебного действия, символических предметов и атрибутов свадьбы. Многообразные семантические параллели с соответствующей лексикой Курской, Орловской областей органично вписывают воронежский ритуал в южнорусский архетип свадьбы, а параллели с лексикой северных областей свидетельствуют о всеобщем характере основ свадебной обрядности и об известном консерватизме традиций на территории России. Примечательно, что лексический фонд говоров зачастую является единственным местом бытования тех или иных элементов обряда, а значит, подлежит всестороннему изучению как средство сохранения нашего культурного наследия.

**ТЕУШ Ольга Анатольевна,
ПОНУРКО Ксения Олеговна**

*Уральский государственный университет
им. А. М. Горького, г. Екатеринбург*

**ОБРЯД ХОЖДЕНИЯ С ВЕРТЕПОМ:
РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
(НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВА
В. И. ПОНОМАРЕВА, ГОРОД ЛАЛЬСК, XIX в.)***

Бытование обряда хождения с вертепом в заштатном городе Лальске до начала XX века отражено в материалах песенно-вокального архива В. И. Пономарева, уроженца Лальска. Тексты, относящиеся к лальскому святочному обряду хождения с вертепом, включают духовные стихи, канты, песни, стихотворения, былинку «Сокол-корабль». Имеются также несколько нотных записей, рисунок вертепного ящика, описание обряда. Сам обряд хождения, по материалам архива, представляет собой вечерний обход ярко освещенных домов группой людей, искусных в пении, в период от Рождества Христова до Нового года. Прежде чем делать обход, певцы зажигают свечу в вертепе. Подойдя к дому, один из певцов спрашивает у хозяина: «Не угодно ли с вертепом?» Получив согласие, начинают петь, за что по окончании получают различную плату.

Лальский обряд предполагал новую конструкцию вертепного ящика, который использовался не для кукольного театра, а в качестве атрибута при пении, по большей части, религиозных текстов. Имеется жанровое своеобразие исполняемых текстов, объединенных сферой нравственности. В лальском варианте обряда утрачена театральность представления: отсутствовали отдельные роли во время исполнения, которое стало хоровым.

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

ФИЛИМОНЧИК Светлана Николаевна

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ГОРОДСКАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА КАРЕЛИИ 1920–1930-х гг.

Свидетельством стабилизации жизни в 1920-е гг. стало возрождение массовых праздников. Главными оставались церковные праздники. Новые праздники приурочивались к привычным дням отдыха. В их проведении использовались дореволюционные традиции. Официальная часть праздника включала торжественное собрание в правительственных зданиях, неофициальная – развлечения и зрелища в парках культуры, на городских площадях.

Верность революции символизировали массовые шествия горожан по украшенным красными флагами, транспарантами центральным улицам с посещением братской могилы павших борцов. Готовность к борьбе с мировым капиталом показывали военные парады национального егерского батальона. В демонстрациях участвовали сводные отряды участников Гражданской войны. Под крики «Долой!» на погребальных дорогах везли карнавальные фигуры капиталистов. В ночь на 1 августа 1929 г. в Петрозаводске прошла массовая инсценировка «В 15-й год мировой бойни будь готов защищать СССР!». Важным способом пропаганды достижений социалистического строительства стали юбилеи карельской государственности. К праздникам приурочивалось открытие новых предприятий и учреждений культуры.

Все больше горожан становились участниками праздников. В дни 15-летия Карельской автономии прошла олимпиада художественной самодеятельности, в которой участвовали театральные коллективы, агитбригады, оркестры, хоры. Премирование передовиков, подарки, продажа продуктов по сниженным ценам позволяли организовать домашнее застолье и сделать праздник семейным. Власти стремились широко вовлечь в праздничные мероприятия молодежь. Это делало праздники эмоциональными, зрелищными и давало надежду, что в будущем новые праздники станут неотъемлемой частью жизни народа.

ХОДЖАЕВА Екатерина Анисовна

Государственный технический университет, г. Казань

ПРАЗДНИЧНАЯ КУХНЯ В ТАТАРСТАНЕ ПО ДАННЫМ МАССОВЫХ ОПРОСОВ 2000-х гг.*

Праздничные блюда, являясь элементом повседневной жизни, могут служить индикатором разнообразных явлений и процессов. Например, в массовых социологических опросах, проведенных в 2001 г. и в 2010 г., задавая открытый вопрос «Какие блюда чаще всего готовятся в Вашей семье в праздничные и выходные дни?», мы хотели понять, про-

является ли этническая идентичность в бытовом поведении татарстанцев. Оказалось, что и татары, и русские в своем большинстве готовят на праздники очень схожие блюда, доставшиеся им «в наследство» от советской культуры (салаты, пельмени и пр.). Респонденты-татары в большей степени, нежели русские, оказываются ориентированными на этническую кухню. Также определенная часть русских (в 2010 г. до 13%) предпочитает готовить на праздник традиционные блюда татарской кухни, что может служить индикатором открытости границ между этими двумя культурами в повседневной жизни. Одновременно прослеживается готовность татарстанцев перенять восточную и западную кулинарию. Нами предпринята попытка представить эмпирическую типологию праздничной кухни, не только в зависимости от этнической принадлежности респондента, но и от стиля его жизни и социально-демографического портрета. В исследовании использованы результаты наблюдений за свадебными торжествами в Казани и интервью с организаторами свадебных торжеств с целью анализа «гибридизации» праздничной кухни.

ЧЕТИНА Елена Михайловна

Государственный университет, г. Пермь

ПРАЗДНИК КАК «СОБЫТИЕ» И «ЗРЕЛИЩЕ» В СЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИКАМЬЯ

В ходе полевых исследований на территории Прикамского региона нами зафиксирован ряд традиционных праздников, для которых характерна редукция ритуальной составляющей («Плэшка», Семик, престольные праздники). Несмотря на то, что культовый смысл коллективной обрядности часто утрачен, праздник воспринимается как одно из главных событий крестьянского мира. Ведущими элементами праздничной структуры являются не ритуальные компоненты, но рекреационный момент, существенный и для поминальных праздников, а также «разыгрывание» и закрепление гендерных и возрастных статусов, переживание которых актуализируется во время праздника, фактор локализации, демонстрирующий связь с природным ландшафтом.

Распространение в современном культурном пространстве реконструированных праздников (Иванов день, Ильин день, «Быкобой») и фестивальных обрядовых реконструкций помогает поддерживать интерес к родной культуре и представить культурную самобытность региона. В то же время, отсутствие коллективных обрядовых «метамеханизмов» (в том числе ритуализации «статусов» и «идентичностей») приводит к тому, что праздник не становится переживаемым событием, а превращается в демонстрируемое фольклорными ансамблями «зрелище», утрачивающее традиционные социальные функции. Праздник-«зрелище» активно используется в агитационных предвыборных практиках и становится одним из элементов политической реальности.

* Тезисы подготовлены в рамках проекта «Многообразие в интеграции: этнокультурные и общероссийская идентичности в региональном контексте (на примере Республики Татарстан)», РГНФ, №10-03-00037а.

ШАРАПОВА Ильдусья Рамзисовна

Башкирский государственный университет, г. Уфа

**ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА**

В 2010 г. увидел свет последний том научного свода «Башкирское народное творчество» на русском языке в 12 томах. В нем даны подробные описания как традиционных сезонно-временных праздников башкир («Нардуган», «Науруз», «Кукушкин чай», «Воронья каша», «Праздник щавеля», «Сабантуй», продолжающих бытовать и в наши дни, так и «забытых» типа «Медвежья свадьба».

О происхождении праздника у башкир имеется легенда и в книге «Легенды и предания» выше-названного научного свода.

Сведения о праздниках обнаруживаются и в текстах фольклорных произведений, в частности эпосах «Урал-батыр», «Кузыйкурпес и Маянхылу» и других, сказках.

ШЕЙБАК Вадим Викторович

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

**МОНАСТЫРСКИЙ ПРАЗДНИК
В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОЙ
КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ**

В белорусской этнологии вопрос о том, какое место занимает монастырский праздник в системе традиционной культуры народа, является малоизученным. Вместе с тем, этнологические исследования религиозных, в том числе и праздничных, традиций не теряют актуальности. Рассматривая монастырский праздник в контексте культуры этноса, мы пытаемся заполнить одну из существующих лакун, предложить новый подход в исследовании проблемы, прежде относящейся к компетенции преимущественно церковных историков.

Отмечаемые в православных, католических и униатских монастырях Беларуси праздники (календарные, храмовые или престольные, дни памяти святых и явленных чудотворных икон) имели большое значение в равной степени как для общин монашествующих, так и верующих-мирян. Традиционно в народной среде к празднику в той или иной обители приурочивались паломничества (хождения на богомолье, крестные ходы, процессии), знаменующие выход из повседневности и движение к сакральному центру. Во время празднества паломниками (пилигримами, богомольцами) осуществлялось поклонение монастырским святыням (чтимым образам, мощам святых и пр.), выполнялись установленные церковью

обряды (таинства покаяния и причащения), вносились пожертвования. Очищение от грехов посредством исполнения ритуально-обрядовых предписаний в стенах обители (святом для верующих месте) в праздничные дни не только одобрялось общественным мнением, но во многих случаях признавалось необходимым. Стремление к спасению души или получению божественной помощи консолидировало в такие дни представителей различных социальных слоев и профессиональных групп (белорусских крестьян, мещан, священников, шляхтичей и др.).

ШУТОВА Надежда Ивановна

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН, г. Ижевск*

**ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК АКАШКА БЫДЗЫМ
НУНАЛ ЗАВЯТСКИХ УДМУРТОВ:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

Празднование начала нового года по народному календарю *Акашка/Быдзым нунал* (Пасха/Великий день) представляло собой целый комплекс обрядовых церемоний и существенно варьировалось среди разных локальных групп удмуртского населения по терминологии, срокам и последовательности проведения, по характеру и семантике отдельных ритуалов. К этой теме проявляли интерес путешественники и исследователи с конца XVIII в. (П. С. Паллас, И. В. Яковлев, Г. Е. Верещагин, Н. Г. Первухин, В. Е. Владыкин, Т. Г. Владыкина, И. М. Нуриева, А. В. Черных и др.). Наиболее полным выглядит описание и анализ празднования Великого дня закамскими удмуртами, проживающими в северных районах Башкортостана и на юге Пермского края (Т. Г. Миннихметова).

Праздник *Акашка* завятских (арских) удмуртов северных районов Татарстана продолжался примерно две недели и включал цикл взаимосвязанных и последовательных празднично-обрядовых мероприятий, направленных на очищение и воссоздание нового сакрального пространства и времени как залога будущего благополучия людей. В синкретичной по содержанию, структуре, акциональному и вербальному оформлению праздничных гуляний и обрядов, приуроченных к Великому дню, вычлениваются четыре хронологических пласта. Наиболее архаичные элементы восходят к традиции древнего лесного пермского населения; группа черт имеет истоки в тюрко-монгольской среде Саяно-Алтайского нагорья; отдельные параллели связывают удмуртский праздник с земледельческой праздничной культурой булгар; поздние наслоения являют собой результат воздействия русского православия.

Секция 6. ЦВЕТ И КРАСКА В АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Руководитель: д.культурол. Серов Николай Викторович (Санкт-Петербург)

АЛЕКСЕЕНКО Евгения Алексеевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ЦВЕТ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ КЕТОВ

Основное ядро в хроматическом сегменте культурной традиции кетов составляют белый, черный и красно-желтый (охра) цвета. В картине мира они маркируют структурно различные положительные или отрицательные части мироздания. Направленностью силам того или иного мира определялся цвет жертвенного животного (олень, собака), прикладов тканей, даримых при обрядах обновления семейным охранителям, и т. п. Семантическая оппозиция белое-черное маркирует связь с верхним и нижним мирами.

До повсеместного распространения русского слова «краска» в этом общем значении употреблялся номинант с'ук («охра»). С этим же корнем использовался и глагол «красить», но лишь в том случае, если речь шла о красном цвете (Вернер, 1993, с. 197). Цвет охры в хроматическом варианте мироздания у кетов был, также как и белый, символом сакральной верхней сферы. С одним из месторождений минерала в береговых россыпях вблизи Осиновского порога на Енисее связаны базисные для кетов мифологические сюжеты.

Отражен в них и мотив красного цвета. Цвет охры обеспечивал ей большую культовую значимость, прежде всего, в шаманстве (знаки-изображения на бубне, колотушке, наддверных дощечках и т. д.). Слово «красный» (*сулем*) и близкие значения включают корневую основу *суль* – «кровь» (ср. *сулянг* – артерия, *анг* – «веревка»). Семантика цвета обусловила особую идеологию мифологического места красного. В числе жертвенных прикладов красная ткань исключалась. Неприязнь к красному цвету выделяла кетов среди сибирских соседей – тунгусов, самодийцев, угров.

БРЕСЛАВ Григорий Эммануилович

*Санкт-Петербургский институт гостеприимства,
г. Санкт-Петербург*

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТО-АРОМАТИЧЕСКИХ СООТНОШЕНИЙ

Восприятие цвета происходит на нескольких уровнях психики: на бессознательном уровне цвет воспринимается как миф и символ, на уровне предсознания – как аллегория, и на вербальном уровне – как метафора.

Казалось, что восприятие цвета и запаха с возрастом меняется, в основном, лишь на сознательном и предсознательном уровнях, а бессознательно человек

воспринимает их всегда одинаково. Однако исследование цвето-ароматических соотношений в двух разных возрастных группах показало, что это не так.

Исследовались ответы 256 респондентов двух разных возрастных групп (до 25 лет и старше 40 лет), которые отвечали на вопрос: какие запахи ассоциируются у них с основными цветами спектра.

Как оказалось, более молодые респонденты менее четко связывали основные цвета хроматического спектра с различными группами запахов. С одним и тем же цветом они ассоциировали гораздо большее количество запахов, чем лица более старшего возраста. Особенно это касается активных секторов хроматического круга – красного и желтого. С ними связывались до шести самых разных запахов, причем из разных концов ароматического спектра – в частности, они нередко ассоциировали с красным цветом фруктовый и морской запахи.

В то же время более зрелые респонденты ассоциировали с каждым цветом не более трех запахов, причем из соседних секторов ароматического спектра. С тем же красным цветом, например, соотносились фруктовые и цветочные запахи.

ВИТЕНКОВА Ирина Филипповна

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИНЕРАЛЬНЫХ КРАСОК ДРЕВНИМ НАСЕЛЕНИЕМ КАРЕЛИИ

Культурный слой древних поселений Карелии обычно окрашен в яркие цвета – от розовато-оранжевого до темно-красного. Анализы показали, что причина в проникновении в песок частиц охры (минеральной краски, состоящей из смеси окиси железа с глиноземом). Особенно ярко окрашены заполнения жилищных впадин, некоторые хозяйственные ямы, погребения. Кроме того, на многих поселениях каменного века встречаются такие артефакты, как куски твердой охры и абразивы – краскотерки.

На поселении бассейна Онежского озера Черная Губа IV, у очага обнаружен большой глиняный горшок, заполненный охрой. На соседнем памятнике, также у очага, найден сосуд, украшенный изображениями лебедей, со следами красной охры на стенках. Причем, на других сосудах этого поселения окраски нет. Неясно, использовалась ли охра для окрашивания тел обитателей (охра в смеси с жиром могла служить средством защиты от гноса).

Традиция использования красной минеральной краски для того, чтобы отметить какие-то особые объекты была широко распространенной и чрезвычайно длительной. Ее можно назвать одной из наиболее устойчивых традиций. Возникает вопрос – в чем ее смысл? По мнению большинства археологов,

красный цвет символизирует жизнь, кровь, силу. Использование охры способствовало и ее доступность в условиях Карелии.

Посыпка пола жилищ или погребений могла символически означать защиту обитателей или способствовать возрождению умершего к новой жизни. К сожалению, перейти от предположений к доказательствам в археологическом исследовании нелегко.

ВОДОВОЗОВА Ирина Викторовна

*Областной методический центр народной культуры,
г. Астрахань*

ИЗМЕНЕНИЕ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ЛАНДШАФТНО-КЛИМАТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

На основании пёстрой и неоднородной картины заселения Астраханского края (XVI–XVIII вв.) можно было бы ожидать бытования огромного разнообразия русских костюмов. Однако результаты этнографических исследований показали обратное. У русского населения нашего региона уже с первой половины XIX века началось полное вытеснение традиционных форм народного костюма одеждой городского типа того времени. Однако нельзя говорить о прямой трансляции городской моды в сельские районы. При сравнительном анализе одежды жителей разных сёл можно увидеть разные «любимые» фасоны и детали костюма.

Особого изучения, на наш взгляд, требует вопрос о предпочтениях в выборе городской одежды и, в частности цветовые предпочтения.

Преобладающий в традиционном праздничном русском костюме красный цвет с точки зрения цветоведения идеально дополнял весенне-летние краски русской природы. Цветовая гармония человека с зелёным лесом и лугов была идеальной.

Попав в условия пустынно-степного ландшафта с преобладанием охристых, серо-коричневых тонов, люди интуитивно начали отдавать предпочтение приглушенно-фиолетовым, синим, терракотовым оттенкам в одежде. Начала складываться новая традиция.

При этом экономические особенности развития региона были таковы, что у населения не было необходимости в домашнем производстве тканей для одежды. Развитое собственное текстильное производство и активная торговля с Индией, Персией и т. д., обеспечивали население доступными и разнообразными тканями.

Выявляемая локальная интерпретация городского стиля даёт основание говорить о рождении собственного стиля, в котором сочетались основанные на традиционных эстетических представлениях рациональность, практичность и своеобразный шик, питаемый обилием предлагаемых тканей.

ГАЛУШКО Виктор Григорьевич

*Санкт-Петербургский Государственный институт
психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург*

ЦВЕТОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Амбивалентность многих цветов и предпочтение их в различных культурах отражает и одновременно предопределяет векторы развития этноса. Цветовые предпочтения (проявленные в том числе и в цветах флага) с самого рождения человека оказывают на организм, нервную систему и психику человека объективное, непосредственное влияние, настраивая его в унисон с окружающим миром.

Однако эта идея о непосредственном воздействии цвета на психику человека, а тем самым, и имманентности цветовых значений, вызывала и вызывает активное неприятие сторонников социокультурного подхода в объяснении генезиса цветовых ассоциаций.

Основным в их подходе является утверждение об опосредованности цветового воздействия предметными связями цвета, необязательно представленными в сознании в развернутой форме, но каждый раз актуализирующимися, когда человек наблюдает тот или иной цвет. Отношение к цвету целиком и полностью определяется культурно-историческими традициями и обычаями.

Не отрицая роли предметных связей цвета в становлении его значений, следует признать, что ведущим фактором в формировании цветовых значений являются, отнюдь, не они, а объективный характер цветового воздействия на человека, как об этом свидетельствуют данные психофизиологических и психологических исследований.

ДУБАШИНСКИЙ Роман Юрьевич

*Институт языка и литературы им. Якуба Коласа
и Янки Купалы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

ЦВЕТОВАЯ ГАММА ПРОИЗВЕДИЙ ВИКТОРА КОЗЬКО: ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СИМВОЛИКИ

Виктор Козько принадлежит к той плеяде писателей, которые пришли в литературу в 1970-х гг. Первые годы его жизни выпали на Великую Отечественную войну, сохранившиеся воспоминания о которых будущий писатель изложил в автобиографической повести «Високосный год» (1974). Уже первые произведения В. Козько (повести «Високосный год», «Здравствуй и прощай» (1976) и др.) свидетельствуют о том, что белорусская, а также и мировая литература пополнилась талантливым автором с ярким индивидуальным почерком, стилем, манерой письма.

Один из центральных мотивов творчества В. Козько – поиск человеком себя, своего «Я», своей настоящей сущности. Писатель строит повествование таким образом, что обязательная в его произведениях мощная философско-психологическая струя

проникает в собственное «Я» читателя, вынуждая его не просто приостановиться, задуматься, а как бы пережить происходящее изнутри.

Большое внимание автор уделяет символике своих произведений, в частности, цветам. Проза Виктора Козько – это совмещение, взаимодействие, взаимопроникновение объективно-реального и символическо-аллегорического повествовательных уровней. Универсальное зачастую воплощается в конкретном, а конкретное – в универсальном. Поэтому почти в каждом произведении прозаика присутствует притчевое начало.

Цветовая палитра произведений В. Козько очень разнообразна. Например, в романе «Бунт невестребованного праха» (1986–1999) наряду с доминирующими цветами – белым, красным и чёрным – встречается около 80 цветов, цветовых сочетаний и оттенков. Определённой ситуации, событию, эпизоду, характеристике персонажа соответствует свой цвет. Каждый цвет при этом содержит определенный информационный код, расшифровать который и следует читателю, а также выполняет в произведении соответствующую функцию.

НИКОЛАЕВА Елена Валентиновна

Московский государственный университет дизайна и технологий, г. Москва

МОДНЫЙ ЦВЕТ И КУЛЬТУРНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Феномен модного цвета может объясняться с нескольких позиций: как спланированная акция, иницированная ведущими игроками в области фэшн-индустрии, включая американскую Color Association; как результат «случайной выборки», сформированной личными пристрастиями кутюрье и массового потребителя; как отражение коллективного культурного бессознательного, раскрывающегося через знаковую систему модных цветов.

Независимо от механизма формирования модного цветового тренда, очевидно, что статистика модного цвета не подчиняется закону больших чисел, но представляет сложные процессы культурной динамики, выходящей далеко за пределы моды. В качестве катализатора модного цвета в XX в. часто выступали хроматические образы из кинематографа. В условиях глобализации значимым фактором, влияющим на культурно-психологическую цветовую картину мира, является общепланетарный социально-экономический и политический контекст. Модный цвет становится семиотическим резонатором культурного бессознательного.

Вызывает интерес популярность фиолетового цвета в массовой моде последних лет, поскольку фиолетовой «лихорадкой» оказалась захвачена не только собственно одежда, обувь и аксессуары, но и сфера дизайна в целом, начиная с канцелярских принадлежностей и сотовых телефонов и заканчивая корпусной мебелью, т. е. вся культура повседневности. Фиолетовый цвет и его оттенки облада-

ют особой культурной семантикой: от философской интеллектуальности до эзотерической духовности, от покаяния и смирения до неудовлетворенной сексуальности (женского вдовства), от гармонизации мира до отчуждения, от романтической страстности до траурного мироощущения. Особое место занимают появившиеся актуальные лингвокультурные маркеры фиолетового цвета (например, «мне все фиолетово»).

ОМАКАЕВА Эллага Уляевна

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

ЦВЕТ И ЦВЕТОВЫЕ ТРИАДЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОНГОЛАЗЫЧНОГО МИРА: ОТРАЖЕНИЕ МНОГОКРАСОЧНОСТИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ*

Восприятие цветового пространства во многом определяется сложившейся в данном обществе языковой и культурной традицией. Цвет в языке и культуре калмыков и монголов, не будучи объектом специального анализа, исследовался в контексте этнической традиции (Н. Л. Жуковская), фольклорной символики (С. Дулам) и др. «Цветовой словарь» этноса отражает традиции той или иной культуры, формирующейся в разных исторических и географических условиях.

Значительное расхождение в членении различными этносами лингвоцветовой картины мира объясняется разным количеством цветообозначений в языках. У каждого народа есть не только «основные» цвета, но и «периферийные». Последние наиболее рельефно позволяют увидеть национальную специфику этнической культуры.

«Основные» названия цвета, как правило, обозначают не весь спектральный участок, а закреплены в сознании носителей языка к определенному фрагменту цветового спектра. Особое значение желтого, белого и красного цветов в жизни калмыцкого этноса объясняется их тождеством с цветом солнца, луны, крови и огня. Имеют место и менее распространенные идентификации цвета, обусловленные спецификой жизнедеятельности и среды обитания.

В монгольских языках спектральный участок, охватывающий синие и зеленые цвета, обозначался одним термином хох (кок). Разграничение синего и голубого цветов более позднее явление, в слове хох можно проследить другое цветовое значение – ахроматическое («серый»), например, хох чоно «синий (серый) волк». Важность цветовых триад (например, белый, красный, желтый) объясняется, прежде всего, их преобладанием в окружающем природном мире (вода, растительность, небо, небесные светила, цвет металлов и драгоценных камней (золота и серебра)).

* При финансовой поддержке РГНФ (грант 08-04-00449а).

ПОЛИНА Наталья Ивановна

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ БЕЛАРУСИ В СВЯЗИ С НЕКОТОРЫМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ

Первоначально тест Макса Люшера был предназначен для изучения эмоционально-характерологического базиса личности и ее актуального состояния. В дальнейшем он получил широкое распространение и при исследованиях степени адаптированности, компенсаторных возможностей, сбалансированности вегетативной нервной системы. К. Шипошем был предложен коэффициент вегетативного баланса (КВБ): $KVB = (18 - (Красный + Желтый)) / (18 - (Синий + Зеленый))$, где в числитель и знаменатель подставляются места цветов в ряду выбора. При интерпретации результатов нормативными значениями КВБ являются 0,9–1,2 (оптимальное функциональное состояние, ориентация на действие). Низкие значения КВБ отражают тенденцию к минимизации усилий, потребность в отдыхе, при КВБ больше 1,5 возможно перевозбуждение и неэффективность деятельности.

Для изучения половозрастных особенностей вегетативной регуляции тестирование по методу Люшера было включено в программу комплексного антропологического исследования городских школьников, проведенного в Минске, Гомеле, Полоцке, Кричеве и Пинске в 1998–2003 гг. Проанализированы данные по 2137 учащимся – 8 (339 мальчиков и 350 девочек), 13 (392 и 417 соответственно) и 17 лет (276 юношей и 363 девушки). Применен краткий 8-цветный вариант теста Люшера.

Полученные результаты показали одинаковые значения КВБ у мальчиков в 8 и 13 лет (1,13), у 17-летних юношей индекс несколько увеличился (1,20). Возрастное повышение КВБ у девочек и девушек носит поступательный характер (1,09 – 1,13 – 1,27). Такая динамика вегетативного указателя свидетельствует о том, что окончательное формирование гормонального статуса к 17 годам еще не завершено.

САМАРИНА Людмила Всеволодовна

г. Москва

НАТУРАЛЬНЫЕ КРАСКИ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННЫЕ ЦВЕТОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ КAVKAZA

Доклад посвящен вопросу о взаимосвязи между колористикой натуральных красок, которые использовались в ряде культур народов Кавказа вплоть до начала XX в., и цветовыми предпочтениями у представителей этих народов в 1990-е прошлого, и в 2000-е годы нынешнего века.

Выявление такой зависимости стало возможным в результате сравнения красок, которые использова-

лись в разных элементах костюма и ковроткачестве (это было сделано в основном на материале музейных коллекций Грузии) с помощью набора цветowych образцов, а затем с использованием тех же образцов при свободном опросе и анкетировании респондентов из республик Северного Кавказа, Дагестана и Грузии.

Оказалось что набор цветowych образцов, которым было отдано предпочтение, во многом совпал с набором цветов и оттенков цвета, которые были наиболее типичны для колористики одежды и ковроткачества в доиндустриальный период развития данных культур, - когда в окрашивании пряжи и тканей использовались только или преимущественно натуральные краски из местного, в основном, растительного сырья. Особенно отчетливо это проявилось у респондентов женского пола в старших возрастных группах.

Превращение натуральных красителей, органической части среды обитания народов с относительно автономной системой жизнеобеспечения, перешло из элемента природы в факт и одновременно фактор культуры. Причем фактор такой силы воздействия, что спустя почти столетие, после того как природные краски практически вышли из обихода даже в сельских регионах, он продолжает оказывать достаточно отчетливое влияние на современный ментально-цветовой ландшафт данных культур.

СЕРОВ Николай Викторович

Санкт-Петербургский Государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург

ЦВЕТ И ГЕНДЕР

Семантика гендера как психологической характеристики личности, рассматривается в конкретных культурно-исторических условиях, которые принято подразделять на нормальные (N – более 75% времени – быт, работа, питание, отдых и др.) и экстремальные (E – менее 25% – праздники, свадьбы, секс, рождения, похороны, коррупция, войны и др.).

Как показал хроматический анализ памятников мировой культуры, при N условиях существования в женственном интеллекте доминирует «природно-белое» сознание (душа), а в мужественном – «незаметно-серое» подсознание (дух), тогда как в E условиях в женственном доминирует «непознаваемо-черное» бессознание (тело), а в мужественном – «социализированно-белое» самосознание (душа) и снова дух. Это объясняется тем, что мальчиков с младенчества общество подталкивает к принятию маскулидных стереотипов активности и отваги (духа) для поддержки будущих поколений женщин в E условиях.

Строго говоря, сочетание этих доминант женского интеллекта (как и «черно-белого» цвета), могут объяснить смысл и многовековую устойчивость такого известного во всех языках оборота, как

«женская логика». В свою очередь, мужское начало представляет собой границу между этими крайними проявлениями женского интеллекта: между «светом» его социализации и «тьмой» сексуализации. С позиций гендера это объясняет, почему при переходе от Е к N условиям личностными свойствами «наделяется» женщина, а не мужчина. Итак, репрезентативно все компоненты оказались связанными с хроматическими функциями интеллекта зависимостью от гендерных доминант и от граничных условий.

СМОЛИЦКИЙ Виктор Григорьевич

г. Москва

ЯСНЫЙ СОКОЛ (К ВОПРОСУ О ЦВЕТЕ В ФОЛЬКЛОРЕ)

Большинство фольклорных постоянных цветowych эпитетов не являются иносказаниями и определяют предмет в своем прямом значении: «море синее», «леса темные», «луга зеленые», «снега белые». Казалось бы, исключением является «ясный сокол». В русском фольклоре это словосочетание встречается повсеместно: «он обернется ясным соколом», «как бывало мне, ясну соколу, да времечко», «поднимается млад, ясен сокол, выше лесу», «налетели ясны соколы».

Словари русского языка толкует слово «ясный» как «яркий, светлый; ничем не затемненный, светлый, чистый». Но соколы в большинстве случаев имеют темный окрас. Наиболее часто встречаемый на нашей территории сокол – «сапсан», называется также «чернаем». Многие фольклористы, обратив внимание на такое противоречие, увидели в словосочетании «ясный сокол» замысловатую метафорическую фигуру – «приятный», «легко схватывающий добычу», «зоркий» сокол.

Мы связываем происхождение фольклорного тропа «ясный сокол» с названием особой породы сокола – белый, полярный, или исландский кречет (*Hierofalco candicans*), – занесенной на Русь варяжскими князьями с Крайнего Севера. Охота с такими соколами была популярна среди князей как Киевской, так и в Московской Руси.

УЛЯШЕВ Олег Иванович

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар

КРОССЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ: ПРЕДМЕТ-ЦВЕТ-НОМИНАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КОМИ И ХАНТОВ

При переводе на другой язык перед любым исследователем возникает дилемма: передать выражение дословно или выразить только цветовым адекватом, что во многом зависит от характера текста (научного, научно-популярного или художественного). Так, к. «*кисьман мырпом тусяэй*» букв. «зреющей морошки ягодка <моя>», х. «*мурэх сам хурассов*» букв. «морошкового глазка <семечка> цвет» одинаковы при переводе: «цвета морошки» или «жёлтый», вызывая зрительный образ жёлто-оранжевого. Хотя, в первом случае, при общем значении *морошковый* «золотой», в представлении коми возникает прозрачный красно-оранжевый цвет чуть-чуть не созревшей ягоды, связанный с девичеством. Во втором случае, при том же общем значении *морошкового*, в представлении ханта возникает дополнительный оттенок «стронцианисто-жёлтый», формирующий *ослепительный солнечно-золотой* образ богини-матери.

В процессе записи текстов приходится уточнять восприятие цвета информатором в сравнении с окружающими предметами, конкретизировать и сопоставлять терминологию, и его понимание терминологических адекватов на чужом языке. В ходе дополнений и комментирования выявляются этнокультурные семантические смещения и неполные соответствия даже устойчивых (не описательных) терминов, таких, как к. *виж* «жёлтый, зелёный», *шель* «синий+зелёный», х. *восты* «синий+зелёный+жёлтый», *хурассов* «жёлтый+серый+голубой+зелёный», значения которых во многом зависят от определяемых ими предметов.

Достоверность подобных исследований и точность перекодировки на иные языки зависят от знания собирателем не только языка, но и этнокультурного контекста, среды обитания, мифологических и повседневных представлений изучаемых народов и, в идеале, требуют обращения к методу погружения в культуру.

Секция 7. НАРОДНЫЕ РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Руководители: д.и.н. **Чвырь Людмила Анатольевна** (Москва);
к.и.н. **Успенская Елена Николаевна** (Санкт-Петербург);
гл. спец. **Янес Мария Александровна** (Санкт-Петербург)

АМАНЖОЛОВА Дина Ахметжановна
*Институт туризма и гостеприимства (филиал)
ФГОУ ВПО «Российский государственный университет
туризма и сервиса», г. Москва*

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ

Развитие народных художественных промыслов (НХП) отражает своеобразное и сложное взаимодействие традиционных ценностей и эстетики мировосприятия этнокультурных общностей современной России с модернизационными тенденциями в повседневной жизни, организации досуга и быта россиян, социализации молодежи и искусстве, интеракции социальных и этнических групп. Изучение народных художественных промыслов предлагается осуществлять путем сбора, систематизации и составления электронной базы данных о состоянии дела в регионах и субъектах РФ на основе оригинальной методики. Среди результатов подобной работы – гражданское и патриотическое воспитание студенчества, формирование у молодежи и других групп общества целостного и неомогенного восприятия мультикультурного пространства России, вовлечение ее в гуманитарную общественную и научную деятельность, создание интерактивной карты функционирования центров, деятельности мастеров и энтузиастов возрождения и развития народных художественных промыслов. Важной частью осуществляемого проекта является налаживание гуманитарного сотрудничества общественных и иных организаций, занимающихся НХП, предоставление возможности всем желающим ознакомиться с историей, этнокультурным содержанием, современным состоянием, представителями и произведениями НХП в разных регионах РФ.

БАБИЧ Оксана Юрьевна
*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

СОБИРАТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОГО ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ БЕЛОРУСОВ В НАЧАЛЕ XXI в.

Собирательство является одной из форм традиционного лесопользования и включает в себя сбор грибов, ягод, трав, плодов дикорастущих деревьев, заготовку соков, живицы, мха и т. д.

В изменяющихся социально-экономических условиях данный промысел сохранил свою архаическую форму, индивидуальный характер ручной работы и не утратил своего значения в

хозяйственной деятельности белорусов. В то же время в начале XXI в. в нём наблюдаются некоторые изменения: отдельные виды собирательства отошли на второй план либо не используются вообще (например, сбор плодов дикорастущих деревьев), модернизируются способы обработки и хранения продуктов леса, меняется посуда для их сбора и хранения; происходит трансформация мифопоэтических представлений, связанных с промыслом. Наиболее востребованными на современном этапе являются такие виды собирательства как сбор ягод и грибов, что обусловлено коммерческой заинтересованностью населения в связи с ростом промышленных заготовок ягод (черники, брусники, клюквы, голубики) и грибов (лисичек). Такой промысел является существенным, хотя и сезонным, источником дохода для сельского населения Беларуси.

При сборе лесных даров в большей степени, чем в других промыслах, связанных с пространством леса, используются символические формы поведения (магические действия и вербальные формы защитного характера, направленные на достижение успеха в деятельности). Это обусловлено востребованностью данного промысла среди значительной части населения, а также тем, что собирательство сохранило роль дополнительного занятия, обеспечивающего материальные потребности населения.

БЕСОЛОВА Елена Бутусовна
*Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В. И. Абаева, г. Владикавказ*

О СОДЕРЖАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОРНАМЕНТА

Этнокультурные контакты ираноязычных и тюркоязычных кочевников охватывали длительный хронологический период и происходили в условиях культурного мира Великой Степи. Быт кочевника издавна закреплял и хранил художественные достижения народа. Это даёт основание выделить в искусстве древних кочевников влияние их мировоззрения, а восприятие мира объяснить особенностями языческих верований. Вещь, взятая сама по себе, должна быть рассмотрена в контексте функциональной реальности, что позволит получить представление о её утилитарном и знаковом смысле.

Формы древних мотивов, отражённые в народном искусстве, жили и изменялись, воспринимая в своём многовековом существовании вновь возникающие элементы. В этих напластованиях имеется и влияние соседних культур, воздействующих на вкус народа. Несмотря на многообразную технику,

характерные особенности искусства и его стиль оставались независимыми от материала и потому могут быть рассмотрены по основным мотивам.

Несмотря на обилие орнаментального материала, до сих пор существует много неясного в отношении методов изучения орнамента, его происхождения и развития. Считают, что орнаментика содержит эстетическое осмысление деятельности человека, творчески преобразующей и упорядочивающей природу (1). Ряд учёных подчёркивает связь орнамента с магией, обрядами, верованиями и религией, выделяет в нём фольклорно-поэтическое отношение к миру (2).

Примечания

1. Дзаттиаты Р. Орнаменты горной Осетии. Владикавказ: Алания, 1992. С. 3.
2. Иванов С. В. Народный орнамент как исторический источник // Советская этнография. 1959. № 2. С. 5.

БЕСОЛОВА Елена Бутусовна

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, г. Владикавказ

О МОТИВАХ В НАРОДНОМ ОРНАМЕНТЕ ОСЕТИН

Мотивы, используемые в народном орнаменте, подразделяют на три группы: *геометрические, растительные и зооморфные*. Чаще встречаются комбинации различных орнаментальных мотивов, придающих изделию неповторимый облик.

Существовало до десяти видов вышивок: шитьё гладью, узелками, вышивка аппликацией и т. д. Находки образцов вышивки золотыми и серебряными нитями говорят о высоком уровне развития данного искусства у алан, от которых, очевидно, перешло к осетинам. А. Хохов и К. Берладина (1) анализировали технику и способы вышивки и доказывали связь осетинского орнамента на вышивках с зооморфной пластикой кобанской культуры. По мнению археолога Р. Г. Дзаттиаты, завитки и «рожки» поздних могильников эпохи бронзы повторяются в вышивке (2). Им же дана классификация мотивов. В сообщении будут приведены типичные образцы орнаментального материала горной Осетии с возможным их толкованием, но остаётся мечтой использование орнаментальных мотивов в качестве исторических источников. Нельзя ведь при их анализе сбрасывать со счетов продвижения носителей иных культур, миграции, влияния и др.

Многообразные орнаментальные мотивы и сюжеты сами по себе распадаются и группируются по характеру и теме изображения на особые художественные школы.

Примечания

1. Хохов А., Берладина К. Осетинский народный орнамент. Дзауджикау, 1948.
2. Дзаттиаты Р. Орнаменты горной Осетии. Владикавказ: Алания, 1992. С. 27.

ВОДОВОЗОВА Ирина Викторовна

Областной методический центр народной культуры, г. Астрахань

ПЛЕТЕНИЕ ИЗ ЧАКАНА И ИЗДЕЛИЯ ИЗ РЫБЬЕЙ КОЖИ – ДВА ПОЛЮСА ПОДХОДА К ТРАДИЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами, во всем мире становятся объектом поддержки и возрождения, о чем свидетельствует принятие ЮНЕСКО в 2003 г. Международной Конвенции об охране нематериального культурного наследия

Традиционный для нашего региона вид художественного промысла – плетение из чакана – находится сейчас в весьма сложном состоянии. В XX в. в него привнесены новые формы и приемы плетения, но традиционная технология изготовления изделий, в частности, знаменитых астраханских зимбилей, не сохранена, и сегодня нет ни одного мастера, способного их делать. Однако кое-что ещё можно спасти. Когда существуют убедительные доказательства, позволяющие реконструировать объект наследия на строго научной основе, когда традиция еще теплится, а если и угасла, то жива память о ней, возможна так называемая *ревитализация*. В селах области, в школьных и клубных музеях сохранились образцы традиционных плетеных изделий, ещё живы люди, которые хотя бы видели, как их делали. Есть мастера, которые знают материал (чакан) и принципы работы с ним, хотя и плетут они по-новому. Есть сохранившиеся сходные технологии и инструменты в других регионах, например, в Адыгее и Краснодарском крае. Изучив и собрав всё это воедино на научно-теоретической базе, мы можем восстановить, сохранить и возродить традиционную для нашего региона технологию плетения из чакана.

Второе интересное направление декоративно-прикладной деятельности отнюдь не традиционно для нашего региона, а является инновацией. Это – изготовление изделий из рыбьей кожи, традиционный промысел народов Западной Сибири и Дальнего Востока. Наличие достаточного количества экологичного сырья и возможность применения для него новых технологий открывает большие возможности перед этим направлением художественного промысла.

ВОЗДИГАН Ксения Михайловна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ РАТХВОВ ГУДЖАРАТА: РЕМЕСЛО ИЛИ РИТУАЛ?

Народное искусство Северной Индии в целом и ритуальные настенные росписи племени ратхва в частности никогда не являлись искусством в строгом смысле этого слова, акт их создания не мыслился носителями племенной культуры как творчество – скорее, росписи воспринимались как текст, создаваемый исключительно в контексте и в процессе совершения ритуала. В обозримом прошлом сакральная племен-

ная живопись была частью комплексных ритуальных церемоний, посвященных обрядам жизненного цикла или одному из локальных культов – в случае ратхвов, культу местного божества Питхоро.

Во второй половине XX в. создалась новая социокультурная реальность. Наряду с развитием коммуникаций и все большей открытостью территорий, заселенных племенами, прежде находившимися в относительной изоляции, пришла доступность новых материалов, достижений технического прогресса. В независимой Индии ремесленное искусство получило поддержку на государственном уровне как способ обеспечить занятость и средство к существованию маргинальных по своему статусу племенных общин.

Трансформация окружающей действительности привела к развитию индивидуального начала в образе мыслей племенных мастеров. Именно превалирование этого индивидуального момента вывело ритуальную живопись в плоскость искусства. Работы племенных мастеров широко экспонируются внутри страны на многочисленных выставках и ремесленных ярмарках. Анонимное сакральное искусство, постепенно утрачивая культовую функцию, получает своих авторов – современные росписи всегда имеют автограф конкретного художника. Переход к новым материалам – ткани, бумаге позволил сделать образцы искусства транспортабельными и востребованными у коллекционеров и в музейных собраниях.

ВУКВУКАЙ Надежда Ивановна

*Лаборатория комплексного изучения Чукотки
Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН, г. Анадырь*

СЕМАНТИКА ПРЕДМЕТА В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ НАРОДОВ ЧУКОТКИ

Проблема развития декоративно-прикладного искусства на Чукотке стоит остро и рассматривается административными органами Чукотского автономного округа в различных плоскостях. Основными проблемами, как правило, считаются отсутствие рынка сбыта предметов сувенирного характера и недостаток сырья. Но, на наш взгляд, к проблеме надо подходить с других позиций, с позиций потребителя.

История формирования декоративно-прикладного искусства лежит в плоскости духовного развития общества, поэтому надо в первую очередь рассматривать потребности общества традиционного характера. На современном этапе это вопросы возрождения и развития ценностей, которые были забыты в эпоху нивелирования национальных особенностей периода социализма.

Символический аспект предмета был ведущим при его производстве, поэтому был незаменим. Особую роль играли предметы обрядового характера, поэтому оформление было особенным. Благодаря своему оформлению они выделялись из общего ряда предметов и находили спрос у пришлого населения. Так формировался перечень предметов сувенирного

характера, нашедший отголосок и в наши дни в виде эскимосских мячей и тапочек, вышитых яркими красками.

Детальное изучение истории предмета дает возможность поднять значимость его в глазах современного традиционного общества, и определяет его роль в дальнейшем развитии культуры.

ВУКОВИЧ Ивана

Этнографический музей, г. Сплит (Хорватия)

МЕТЕЛЬНИК ПРУТЬЕВИДНЫЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ХОРВАТИИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО УПОТРЕБЛЕНИИ В СОВРЕМЕННОСТИ

Метельник прутьевидный – растение, с которым хорваты встретились после прибытия на территорию нынешней Республики Хорватия, занимало важное место в традиционной культуре хорватского побережья Адриатики. Это растение активно использовалось и обрабатывалось до середины XX в., когда местные жители стали приспосабливаться к покупке дешевых материалов из хлопка.

Метельник прутьевидный использовался в необработанном или частично обработанном виде (в первую очередь для изготовления таких изделий как метлы, верши, рамки для сушки инжира, для получения различных веревок), а также в обработанном виде (одежда, мешки, матрасы, ковры, постельное белье и одеяла).

Обработка метельника прутьевидного являлась исключительно женским трудом. Собранные ветки связывали в пучки, погружали в море на мелководье на период около 20 дней, чтобы можно было снять используемый материал с наружной части ветвей. На следующем этапе обработки производится отделение волокон от внутренней части стебля механическим путем. В течение зимних месяцев приступают к этапу окончательного разделения волокон, и получается готовая к ткачеству «шерсть из метельника прутьевидного».

Этот доклад представляет будущий научно-исследовательский проект Факультета текстильной технологии в Загребе, в сотрудничестве с Городским музеем Шибеника и Этнографическим музеем Сплита. Цель проекта: изучить возможность возрождения ремесла и его использования в современной индустрии туризма путем создания оригинального сувенира – текстильного изделия из метельника прутьевидного, своей подлинностью удовлетворяющего принципам этнологической науки.

ГАМЗАТОВА Патимат

О ПРОИЗВОДСТВЕ ШЕЛКА У АВАРЦЕВ В XIX в.

Производством шелка для семейных потребностей и частично на продажу занимались кумыки, даргинцы, дагестанские азербайджанцы, терекеменцы. О производстве шелка и изделий из него у авар-

цев существуют лишь упоминания отдельных авторов (О. В. Маргграф, Е. М. Шиллинг, С. Ш. Гаджиева, Г. А. Сергеева). По полевым материалам 2009–2010 гг., производством шелка у аварцев занимались не только в селении Тлох (Е. М. Шиллинг), но и в селениях Ботлих и Аркани.

В разгар весны, к концу мая, для оживления шелковичных червей «семена» на 7–10 дней оставляли в теплом помещении, дополнительно накрыв их овчинной шубой. Предварительно из айвового дерева делались плетенки 90х50 см, которые подвешивались к потолку на расстоянии до 1,5 м от пола; на них клали веточки шелковицы с листьями, куда и пересаживали полученных шелковичных червей. Хозяева следили, чтобы в помещение не проникли мухи, осы, шмели, пчелы, пауки, куры. Для поддержания нужной влажности в комнату помещали большой керамический сосуд с широким горлом, наполненный водой. В течение 40 дней червей подкармливали свежими листьями тутовника. Кокконы начинали появляться примерно через месяц. Для их завивки в плетенки клали пучки травы с жесткими стеблями, перевязанными веревочкой. Готовые кокконы собирали и выносили на свежий воздух, на солнце, чтобы они остались целыми и основательно просохли. После этого кокконы бросали в кипящую воду, в которую добавляли небольшое количество золы, что якобы способствовало лучшему разматыванию нити кокона. Конец нити находили с помощью длинной (до 1 м) заостренной палочки, нить наматывалась на специальную узкую раму – мотовило. Полученные нити скручивали и ткали на ткацком станке. Грены для шелковичных червей иногда покупались в г. Темир-Хан-Шуре. Готовое шелковое полотно шло на платки, покрывала, на платье. На привозном из Азербайджана шелке-сырце аварки союзов общин Гидатль и Карах готовили отрезы на покрывала.

Таким образом, какая-то часть аварцев занималась шелководством. Условия для этого были в горно-долинной зоне с развитым садоводством, где произрастали и тутовые деревья. Возможно, что производством шелка невысокого качества для собственных нужд занимались и в других аварских селениях.

ГЮЛЬ Эльмира

*Институт искусствознания АН Республики Узбекистан,
г. Ташкент (Узбекистан)*

ТРАДИЦИОННЫЕ РЕМЕСЛА УЗБЕКИСТАНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Традиционные ремесла Узбекистана издавна являются объектом пристального интереса ученых многих стран и специалистов. Огромный интерес в этой связи обретает вопрос судьбы ремесел в XX в., их современное состояние.

Идеологическая политика независимого Узбекистана с самого начала была направлена на провозглашение ценностей национального наследия. Выявившийся приоритет традиционного искусства подтвер-

ждает выводы культурологов о том, что с обретением независимости в обществе актуализируются этнокультурные ценности, в том числе художественный опыт прошлых веков. Традиционная культура стала важнейшим фактором, формирующим идентичность нации, показателем процессов, происходящих в обществе, познающем собственную забытую историю и культуру.

Представители зарубежных фондов сомневались в необходимости поддержки традиционных ремесел. Они считали, что наследие консервативно, является имитацией отжившей традиции и не нуждается в реанимировании. Однако в наши дни художественные ремесла обнаруживают собственный потенциал для развития.

Особое внимание мастера уделяют восстановлению приемов ручного труда, натуральных материалов и красителей. Однако художественный уровень продукции зачастую остается невысоким. Погоня за количеством продаваемой продукции ведет к снижению качества, к появлению эклектики и ширпотреба. Противоречие между высоким уровнем технологической традиции и отсутствием нового «большого стиля» также является одной из больших проблем современного ремесла. Рынок ведет также к утрате понятий «локальная школа», «локальный центр». Все эти проблемы должны быть в центре внимания заинтересованных организаций.

ДАМАДАНОВА Саидат Рамазановна

*Дагестанский государственный педагогический
университет, г. Махачкала*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА ВОЙЛОКА В ИЗВЕСТНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕНТРАХ ДАГЕСТАНА

С древности художественная обработка войлока, являющегося универсальным материалом для изготовления предметов материальной культуры, получила широкое распространение в овцеводческих хозяйствах Дагестана.

Известные художественные центры республики специализировались на производстве определенного вида продукции, в изготовлении и художественном оформлении которой достигли совершенства. Так, в ряде аварских селений производились высококачественные бурки, пользовавшиеся высоким спросом на всем Севером Кавказе. Следует выделить длинноворсовые андийские бурки, изготовленные из шерсти со специфическим блеском, свойственным исключительно местной породе овец.

Орнаментально трактованные войлочные изделия повседневного обихода нашли широкое применение в хозяйственной деятельности жителей даргинских селений: перегонные чабанские палатки, постилочный материал, узорные настенные ковры, накидка «тихалай», являющаяся надежной защитой от дождя, мороза и даже вражеских стрел и др.

Лачки славились мастерством в изготовлении остроносой белой обуви, входившей в обязательный

свадебный комплект многих народов Дагестана. Особенности декоративной отделки обуви этого типа относятся к древнейшим орнаментальным мотивам Нагорного Дагестана.

Кумыкские войлочные ковры «арбабаши» традиционно отличаются сложностью техники исполнения, высокими художественными достоинствами аппликативного узора.

Исследование художественно-стилистических особенностей дагестанского войлочного орнамента, взаимопроникновение отдельных элементов и композиционных решений проливает свет на культурные связи с соседними регионами. В результате установившихся межэтнических связей в Дагестане сформировались локальные центры выделки и художественной обработки войлока, образованные на стыке крупных художественных школ: местных самобытных традиций при значительном влиянии искусства соседних тюркоязычных кочевников-скотоводов.

ДАМАДАНОВА Саидат Рамазановна

Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВОЙЛОЧНЫХ КОВРОВ ДАГЕСТАНА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Традиционные войлочные декоративно трактованные кумыкские ковры «арбабаши», известные также у лакцев, аварцев, даргинцев, отличаются сложностью техники исполнения, высокими художественными достоинствами аппликативного узора, состоящего из пластичной трактовки разнообразных растительных, зооморфных и орнитоморфных мотивов. Очевидно сходство кумыкских «арбабашей» и ногойских, казахских, киргизских войлочных ковров, многие орнаментальные элементы которых носят идентичную смысловую нагрузку. Так, трактовка мотива «бараньи рога» часто фигурирует в декоративном оформлении войлока вышеупомянутых народов, широко представлена в русской народной вышивке. Вместе с тем, звучание изобразительных композиций у названных народов имеет черты национального своеобразия.

Художественное оформление старинных войлочных ковров Дагестана следует рассматривать как единую канонически сложившуюся схему, разбивающую плоскость на каймовое обрамление и широкое центральное поле, декорированное четырехсторонне-симметричным узором. Трактовка фона воспринимается в качестве узоробразующего контрастного декора. Каймовые узоры в основном составлены из динамичного растительного орнамента, представленного ритмичным чередованием цветка и плода: образно-аллегорическая символика «вечного возвращения» отображает народные представления о цикличности явлений природы.

Ногойские войлочные ковры «кийизы», в отличие от кумыкских арбабашей, выполнялись из неокрашенной шерсти, по которой разноцветными шерстя-

ными нитками вышивались традиционные орнаменты, отражающие космологические и эстетические представления народа.

Несколько обособленное положение занимает изысканное орнаментальное оформление ногойских войлочных ковров «юоз кийнэ» («узорчатый войлок»), основанное на самобытных художественных традициях.

Современное войлочное производство Дагестана характеризуется утратой преемственных связей с древними художественными традициями.

ДИАНОВА Елена Васильевна

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

КООПЕРАЦИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫСЛЫ НАРОДОВ КАРЕЛИИ В 1920-е г.

Традиционные промыслы являются важной частью материальной культуры каждого народа. В Олонецкой губернии, а затем и в Карелии, были развиты различные промыслы. Широкое развитие промыслов было обусловлено природно-климатическими особенностями края. Проникновение кооперативных начал в крестьянские кустарные промыслы повлекло за собой образование различных промысловых кооперативных товариществ. Среди вепсского населения были развиты лесной промысел и гончарное производство на реке Оять, в карельских селах и деревнях действовали лесные и рыболовные артели. Повсеместно были распространены артели портных, сапожников, строителей, мастеров по обработке кости, рога, камня, дерева, металла, по производству извести, дегтя, смолы, скипидара и др.

В Карелии (Олонецкой губернии до 1917 г.) объединение различных кустарно-промысловых артелей осуществлял Олонецкий кредитно-производительный союз. В 1921 г. был создан Краевой союз сельскохозяйственных, производительно-промысловых кооперативов, который объединял товарищества кустарей и лесные артели.

В 1920-е гг. шла работа по кооперированию различных промыслов, в том числе по объединению в артели женщин-вышивальщиц в Заонежье. Кооперация способствовала сохранению и развитию традиционных кустарных промыслов народов Карелии, осуществляла преемственность хозяйственно-культурных традиций, распространение этих занятий среди местного населения.

ДОНИНА Лариса Николаевна,

СУСЛОВА Светлана Владимировна

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, г. Казань

ЯКА ЧЫЛБЫРЫ КАЗАНСКИХ ТАТАРОК: ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Яка чылбыры (воротниковая застёжка-пряжка с прикреплёнными к ней на цепочках бляхами) –

этноспецифическое украшение городских казанских татарок. Сложно и неоднозначно происхождение этого украшения. Прототипы его известны у древних булгар и финно-угорских народов Поволжья. Синхронные же этнографические параллели находим в аналогичном женском украшении *гердан* из Дунайской Болгарии, этнокультурная история которой связана с волжскими булгарами. Некоторая восточная помпезность в облике *гердан* и отдельных вариантов татарских *яка чылбыры* не исключает влияния и ювелирных традиций Османской империи.

Среди ранних материалов татарского ювелирного искусства (Казанское ханство?) имеются миниатюрные аналоги *яка чылбыры*, выполненные в технике литья с застежкой, напоминающей сдвоенные, симметрично расположенные головки баранов. Стилизация этих застежек включает два уровня прочтения: первый, построенный на доминировании природы ассоциативного восприятия, – цветок. Второй, аналитический уровень – схема, положенная в основу стилизации морды барана в фас. Она же проявляется и в силуэте плоских штампованных звеньев нагрудной цепочки, крепящихся друг за друга кольцами, стилизация уровня символа которых определена и усилена функциональностью. Баран – один из древнейших и самых распространенных символических знаков (агнец, золотое руно, голова барана, рога барана), значение которых в силу исторических причин весьма существенно различается у разных народов.

ДУБОВА Надежда Анатольевна
Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ТУРКМЕНСКИЙ ТУМОР: ВЗГЛЯД ИЗ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Серебряные украшения с полудрагоценными камнями до сих пор являются важнейшим элементом одежды туркменской женщины. По большей части они являются амулетами, главная цель ношения которых обереечь от болезней, дурного глаза, бесплодия. Туркменские металлические туморы, обычно полые внутри, часто служат футлярами для записанных молитв, заклинания, либо веществ (например, золы, соли, особых растений), отпугивающих злых духов. Маргианской археологической экспедицией осенью 2010 г. в одном из мужских погребений на известном туркменском памятнике Гонур-Депе (середина II тыс. до н. э.), было найдено нагрудное мозаичное украшение, зажатое между кистями погребенного. По своей форме и функции оно напоминает любимый туркменскими женщинами тумор. На деревянной основе (наибольшая ширина 10 см), имевшей трапециевидную форму и окаймленную бронзовыми пластинками, имеется 8 рядов каменных миниатюрных мозаик. Шесть из них изображают горы. Верхний (самый короткий) ряд состоит из трех овалов с отверстием посередине, а нижний (самый длин-

ный) – из 10 полумесяцев. Сердцевины вставок центрального ряда имеют лазуритовое (частично каменное, частично порошкообразное) заполнение, остальные – красное (минерал определяется). В центре нижней части украшения подвешена крупная черная бусина из гематита. Изделие крепилось на искусно сделанных каменных бусах. Кроме подтверждения высочайшего ювелирного мастерства предков туркмен, эта находка позволяет ставить вопросы о современных и древних гендерных различиях в использовании украшений, а также древние корни символизма их формы и содержания.

ЕРМИШИНА Анна Викторовна

Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, г. Москва

ЦЕНТРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ: ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ И ОБНОВЛЕНИЯ ТРАДИЦИИ

Центры традиционных художественных производств образуют особое пространство памяти, в котором консервативный и инновационный потенциал традиции реализуется в сложной структурной взаимосвязи уровней нематериальной и материальной культуры.

Комплексный анализ центров народных промыслов предполагает не только обращение к информации об эстетических и технологических особенностях, культуре трудовых отношений и трудовых практик, но и выявление пространственных связей промысла с учетом реакций сознания мастеров на культурно-историческую память места. Проблематика памяти и обновления традиции тесно связана с проблематикой среды, динамичных свойств повседневности, социальной идентичности, психо-эмоциональных и личностных связей, наконец, с пространством сознания. В языке художественной образности важно выделить архетипически укорененный и более подвижный пласт традиции, отвечающий за обновление.

Несомненный интерес представляет исторический опыт адаптации и изменения художественной традиции. В частности, развернувшиеся в конце XIX в. процессы, в которых проявилась вся неоднозначность профессионального влияния. В советский период новая попытка мобилизации традиции и осуществления идеологического контроля способствовала формированию не только механизмов адаптации, но и стратегий сопротивления народного искусства. В настоящее время динамическая модель развития традиции художественных промыслов испытывает сложное влияние факторов новой экономической и культурной ситуации. Ресурс центров художественных промыслов активно используется в различных локальных имиджевых инициативах, что, с одной стороны, способствует раскрытию инновационного потенциала традиции, а с другой, нередко оказывает дестабилизирующее воздействие на ее свойства.

КАЗУРОВА Наталья Валерьевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН г. Санкт-Петербург*

КИНОЛЕТОПИСЬ НАРОДНЫХ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ: МАСТЕРСТВО КОВРОТКАЧЕСТВА ПЛЕМЕНИ КАШКАЕВ

С момента зарождения этнографического кино и до сегодняшнего дня одна из его центральных тем – народные ремесла и промыслы. Однако к данной тематике обращается не только документальное, строго говоря, этнографическое кино, но и художественный кинематограф (Л. Висконти «Земля дрожит» (1948), М. Махмальбаф «Тишина» (1998) и др.). Исследователи, работающие в рамках этнографического кино, стремятся зафиксировать и, следовательно, сохранить память о народных ремеслах, многие из которых сегодня постепенно исчезают. В свою очередь художественный кинематограф способен оживить традиции на экране путем реставраций или вкраплений документальных хроник в кинотекст. Так нередко игровые фильмы представляют высоко художественные картины, иллюстрирующие бытование традиционных ремесел и народных промыслов, которые не могут не вызывать восхищения у современников. В этой связи полезно обратиться к иранской кинематографии, для которой характерно освещение жизни различных народов, обитающих на территории Ирана. Неизменный интерес у антропологов вызывает племя кашкаев, мастерству ковроткачества которых посвящен не один этнографический видеоочерк. Ковровое ремесло племени легло в основу сюжета фильма М. Махмальбафа, снятого в жанре фольклорного кино и озаглавленного созвучно названию ковра кашкаев – «Габбе». В фильме с этнографической щепетильностью продемонстрирована технология ткачества ковра от изготовления натуральных красок и подготовки необходимых инструментов (станка, расчески, ножа, крючка, ножниц) до среза последней нити готового изделия.

МАХМУДОВА Зоя Увайсовна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ)

Основное внимание уделено динамике соотношения серебряных и золотых изделий среди модных украшений, подарков и того, что можно назвать «символами достатка» и социального статуса на Кавказе в XX веке.

Традиция носить золотые украшения с драгоценными камнями (которые сегодня являются неотъемлемой частью образа кавказской женщины), сложилась только в 1960–1970-х годах. Это было частью процесса вытеснения традиционного костюма и свя-

занных с ним национальных форм украшений, изготовленных преимущественно из серебра.

В этой связи можно поставить проблему «*социокультурного замещения*» – то есть процесса замены одного вида украшений другим при сохранении общей типологии обрядов, в которых эти украшения играли особую роль (например, в свадебном дарообмене).

Переход от серебра к золоту, произошедший в регионе во второй половине XX в., внимание к стоимости изделия отражали не только и не столько эстетику и вкус, сколько придавали новые качества самой владелице предмета. *Манифестация обладания* – то есть почти постоянное ношение дорогих ювелирных изделий многими кавказскими женщинами, имела своеобразный, многогранный социальный смысл, ибо воплощала и особенности традиционного мировоззрения и «региональной моды», и приспособление первых двух качеств к условиям «советского образа жизни».

МАМОНТОВА Оксана Сергеевна

Алтайский государственный краеведческий музей, г. Барнаул

ГОНЧАРСТВО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Гончарство на Алтае в конце XIX – первой половине XX в. принадлежало к числу мелких промыслов. Параллельно с мелкотоварным производством было распространено домашнее гончарство, которое просуществовало вплоть до середины XX в. Такое производство посуды было характерно для районов, где компактно проживало старожилическое, старообрядческое население, казачество. Устойчивость и длительность бытования домашнего гончарства связаны с религиозными и этическими воззрениями данных групп населения и другими факторами.

Характеризуя технико-технологические приемы изготовления посуды на Алтае можно говорить о существовании двух традиций: лепной и гончарной. Изготовлением лепной посуды в домашних условиях занимались преимущественно женщины. Ее ассортимент был не велик: корчаги, горшки, кринки, миски. Орнамент был скуден. Он состоял из прямых параллельных или волнистых линий, точек, крестов. В конце XIX в. с притоком переселенцев из Европейской части России большее распространение получили ножные круги, обжиг посуды в горне, разнообразие форм. Орнамент стал сложнее. Это были одиночные, повторяющиеся, чередующиеся прямые, волнистые и пунктирные линии, вертикальные и горизонтальные черточки, точки.

Наряду с общерусскими чертами (конструкция круга, технико-технологические приемы изготовления, обработка, обжиг, форма посуды), в гончарстве русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX вв. проявилось некоторое своеобразие, которое требует всестороннего изучения.

КИРСАНОВА Александра Александровна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Результаты экспедиций Российского этнографического музея, проходивших в 2009–2010 гг. в Горномарийском районе Республики Марий Эл, позволяют оценить современное состояние ремесел и промыслов горных марийцев. Наиболее активно развивается направление, связанное с текстильной традицией. Повсеместно распространено изготовление тканых половиков. Гораздо реже встречаются образцы тканого холста. С начала XX в. до наших дней пользуются популярностью пояса, созданные на специальном ткацком станке. Однако цвет и фактура всех современных изделий несколько изменена. Традиция изготовления одежды, вышитой счетной гладью, была утрачена. Ее возрождение намечается в работах Ф. Н. Шестаковой, последние годы создающей копии элементов традиционного костюма горных марийцев.

Обретая новые современные формы, лозоплетение продолжает развиваться как в историческом центре промысла (с. Носелы), так и в других населенных пунктах. По-прежнему актуальным остается плетение лыковых лаптей, которые используют в качестве обуви и как сувенирную продукцию. К утраченным промыслам можно отнести изготовление деревянных простей, возникшее в 1960-е гг. в д. В. Шелаболки, а также творчество ювелиров с. Чаломкино, изделия которых были широко распространены в регионе в конце XIX – начале XX вв.

К сожалению, молодежь не торопится усваивать опыт предков: все мастера являются людьми старшего возраста. На основе экспедиционных материалов можно сделать вывод о том, что, занимая особую нишу в культуре горных марийцев, ремесла и промыслы всё же имеют перспективы для дальнейшего развития.

МАЙКОВА Надежда Викторовна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

ЯПОНСКИЙ ТРАДИЦИОННЫЙ ТЕКСТИЛЬ ИЗ РАСТИТЕЛЬНЫХ ВОЛОКОН И ТКАЦКИХ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В СОБРАНИИ МАЭ РАН

Лубяные культуры (конопля, рами, глициния, пурария, липа и др.) издавна служили в Японии материалом для шитья повседневной одежды простого народа и летней одежды представителей высших сословий, а также для изготовления разнообразного технического текстиля (мешки, циновки, занавеси, ширмы, канаты, паруса). С XVII в., после распространения хлопка, который наряду с шелком, стал лидирующим материалом для создания текстильных изделий, растительный текстиль отходит на второй план. Тем не менее, такие качества лубяных волокон

как необычный блеск, ощущение прохлады, прочность, устойчивость гниению и воздействию морской воды позволили ремеслу сохраниться до наших дней.

В фондах Музея антропологии и этнографии представлено большое число предметов, при изготовлении которых использовались волокна растительного происхождения. Среди них: одежда, бытовой текстиль (мешки, сумки, сетки, занавеси и ширмы), предметы декоративно-прикладного искусства (свитки-какэмоно). Основной массив изделий и ткацких инструментарий представлены в коллекциях конца XIX – начала XX в., в том числе в собрании Николая II (например, образец пеньки из префектуры Тотиги, до сих пор известной как центр культивирования технической конопли; свиток-какэмоно и тканые части воинского доспеха из различных растительных волокон), а также в коллекциях конца XX в. (преимущественно кимоно), что позволяет проследить историю развития ремесла в один из наиболее сложных этапов его существования, когда машинное производство дешевых тканей практически уничтожило кустарные промыслы.

МИРОНОВА Н.В.

Дагестанский филиал Российского государственного педагогического университета им. Герцена, г. Махачкала

ОБ ИЗВОЗНОМ ПРОМЫСЛЕ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Об извозном промысле, игравшем заметную роль в развитии внутренней и внешней торговли Дагестана, известно мало. У кумыков было несколько торговых центров, связанных практически со всеми селениями Центрального и Южного Дагестана, а также с крупными рынками Северного Кавказа, Закавказья и Персии. Вывозились продукты полеводства, садоводства, животноводства, шелк-сырец, марена, рыба, предметы ремесла. Ввозились железо, медь, металлические орудия труда и кухонная утварь, сахар и бакалейные товары. Извозом занималось около 200 человек. Со всеми торговыми центрами Дагестана были связаны и базары даргинцев, которые продавали зерно, скот, молочные продукты, фрукты, железные орудия труда, украшения, а ввозили соль, железо, медь, бакалейные товары и т. д. Извоз осуществляли на арбах или на вьючных животных не менее 70 человек. В одном только Дербенте в начале XX в. насчитывалось 74 легковых и 182 ломовых извозчика, большей частью перевозивших марену или обслуживавших рыбные промыслы. В свободное от сельскохозяйственных работ время крестьяне-азербайджанцы, терекеменцы, лезгины, объединившись небольшими партиями, перевозили товары из крупных городов (Дербента, Баку, Гянджи) на внутренние рынки Дагестана и всего Северного Кавказа. Занятие извозом было для них подсобным промыслом, которым они занимались обычно поздней осенью и зимой.

НОВИК Александр Александрович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ЧАСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЮВЕЛИРНОМУ ИСКУССТВУ АЛБАНИИ. МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИЙ 2009–2010 гг.

Специалисты давно изучают изделия из серебра и золота у албанцев. Для этого используются самые разные источники – архивные материалы, воспоминания путешественников, музейные коллекции. Однако незаслуженно забывают о частных коллекциях, которые нередко дают исключительно богатый материал. В ходе экспедиций 2009–2010 гг. на западе Балканского полуострова автором были выявлены частные собрания в Шкодре и Приштине, значительно расширившие источниковую базу по теме.

Расцвет ювелирного дела в албанских землях приходится на XVII–XIX вв. Особенно больших успехов ремесленники добились в обработке серебра. Ассортимент продукции был широк: украшения для мужчин и женщин, домашняя и церковная утварь. Заслуженную славу снискали украшения в технике филигрании. Часто их орнамент содержит растительные мотивы, особенно цветы, зооморфные изображения (бабочек, стрекоз, других насекомых) или антропоморфные детали (рука, глаз, девичья голова, сердце или, например, руки супругов на обручальных кольцах). Интересное решение приобретали космические мотивы – луна, месяц, звезда и солнце (в виде свастики или концентрических лучей). Техника албанской филигрании разнообразна, самый распространенный вид – так называемая *тэлиш кафазэли филигран*. Для филигранных изделий ювелиры используют либо практически чистое серебро, либо его сплав с медью (в соотношении от 39:10 до 60:40). Албанские ювелиры использовали технику филигрании не только для украшений, но и для декора оружия, курительных принадлежностей, посуды, для оформления предметов интерьера.

ОСИПОВА Марина Викторовна

Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск

МУЖСКОЕ ИСКУССТВО УЛЬЧЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАДИЦИОННОГО

Мужское искусство ульчей – неотъемлемая часть их духовной жизни. В декоративно-прикладном искусстве народа издревле существовало четкое гендерное разделение труда. Мастерство резьбы по дереву, художественная обработка кости и металла передавались мужчинами из поколения в поколение, порождая национальную культурную традицию. И сейчас формирование человека как личности, осознание себя членом своей этнической группы происходит через усвоение им этой традиции. Таково содержание традиции, а её функция в современности изменяется. Традиция не просто сохраняет и воспроизво-

дит смыслы, но и рассматривает человека как носителя новых смыслов. Постигая эти новые смыслы, человек изменяется сам и изменяет окружающее. Это – инновационный период развития традиции, когда целью служит не только возобновление и сохранение старого, но и порождение нового содержания и формы. Искусство ульчей свидетельствует о том, что постигая тайны традиционного народного ремесла, эстетически осмысляя искусство предков, современные мастера с успехом переносят их в сегодняшний день. Используя традиционные орнаментальные мотивы, шаманскую символику, авторы, многие из которых имеют уже специальное художественное образование, создают произведения, отличающиеся совершенством художественной формы. Мужчины-ульчи сумели создать собственные школы народных ремесел в рамках оригинальных национальных направлений (берестяная графика, линогравюра, объемная скульптура из дерева, изготовление коробов из гнутой древесины и т. д.).

ПАВЛОВА Елена Юрьевна

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

НАРОДНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОМЫСЕЛ «ТУРИНА ГОРА» – РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

На современном этапе в культурной политике России важно исходить из понимания народного искусства, как особого типа творчества, сохраняющего основы традиционной культуры и целостность стиля. Народное искусство в современном обществе выступает как живая традиция и плодотворно взаимодействует с индивидуальным творчеством. Опираясь на непосредственную связь с материальным производством, народное искусство в современной культуре выступает как духовно-нравственное самосознание народа.

Художественный центр «Турина гора» (г. Барнаул Алтайского края) – предприятие по производству керамических изделий, основанное художником В. М. Москвитиным в 1988 г. «Турина гора» соединяет в себе мастерские, салон-магазин, художественную галерею. В настоящее время промыслом занимается около 60 человек. Технология мастеров «Туриной горы» заключается в изготовлении потечной глазури. Ассортимент изделий – от поточных до авторских. Мастера, осваивая ставшие классикой формы и декор изделий, привносят в производство своё оригинальное прочтение канона. При свободе каждого в выборе темы и в средствах ее воплощения, преемственность творчества сохраняется. Интерес к искусству древних народов Сибири и традиционному искусству современных алтайцев определяет художественное кредо промысла «Турина гора». Основные направления его деятельности – археологическая и этническая архаика, скульптурная пластика. Путем стилизации, условной трактовки образов мастера возрождают традиции народного искусства, и их изделия становятся своеобразным эстетическим знаком региональной культуры.

ПЕТЛЯР Анастасия Павловна

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

**ОТХОДНИЧЕСТВО В БЕЛАРУСИ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В Беларуси трудовые миграции в виде отхожих промыслов получили распространение в XIX в. После реформы 1861 г. участниками миграций были крестьяне, которые не имели собственного хозяйства и не могли найти работу по месту жительства. Среди занятий трудовых мигрантов в этот период – сельскохозяйственные работы, строительство шоссе и железнодородных дорог, каналов, лесозаготовки, извоз и т. д. К концу XIX в. возрос удельный вес мигрантов, отправлявшихся на промышленные предприятия. География миграций в к. XIX в. обширна: Петербург, Москва, Киев, Рига, значительная часть населения направлялась на сельскохозяйственные работы в Приазовские и Причерноморские районы, на Волынь и Подолье. Для занятия лесными промыслами ездили на заработки в восточные районы самой Беларуси. В середине XX в. в БССР трудовые миграции осуществлялись на сезонные работы: ремонт железнодорожных линий, подъездных путей и веток; разработка песчаных карьеров; работы по добыче и производству строительных материалов; лесозаготовительные и сплавные работы. В конце XX века большинство трудящихся-эмигрантов из Беларуси работали по договорам и контрактам в странах СНГ. В 1998 г. из Республики Беларусь на работу в Российскую Федерацию, Молдову, в Украину, Узбекистан, а также в Польшу выезжали преимущественно строители и сельскохозяйственные рабочие. Среди трудящихся-эмигрантов, занятых преимущественно умственным трудом, выделяются преподаватели и воспитатели.

ПИВОВАРОВА Лидия Николаевна

*Филиал Национального исследовательского
технологического университета МИСИС
(СТИ НИТУ МИСИС), г. Старый Оскол*

**ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КУСТАРНЫХ
ПРОМЫСЛОВ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

В хозяйственной деятельности курских крестьян кустарные промыслы, предполагавшие производственное использование свободного времени в домашней обстановке, занимали особое место. Часть продукции домашних промыслов удовлетворяла собственные нужды крестьян (сукноделие, изготовление телег, деревянной и глиняной посуды, ткачество, вязание, а также бондарное, скорняжное, кузнечное ремесла). Оставшиеся изделия поставляли на рынок. Согласно статистике в конце XIX в. здесь существовало 21 промысел. В Курской губернии существовало несколько центров иконописания. Своеобразные в художественном отношении местные иконы охотно раскупали даже за пределами губернии. Но росту благосостояния населения, прежде всего способство-

вал кожевенно-сапожный промысел. В конце XIX в. он давал хорошие заработки нескольким тысячам кустарей-сапожников, работавших на военное производство. Другой повсеместно распространенный еще с XVIII в. промысел – ткацкий, курские ткани имели сбыт далеко за пределами губернии. Курск был центром ковроткачества, местные ковры везде называли «курскими», хотя подобные изделия изготавливали также в соседних губерниях. В курских селах XIX в. получило распространение производство корзин, навыки их плетения принесли с юга России местные крестьяне-отходники. Удалось установить, что в каждом уезде выделялись села, население которых специализировалось на определенных ремеслах. К концу XIX в. наблюдался спад местной кустарной промышленности. Основные причины – сокращение лесных площадей, истощение глинищ, понижение производительности скотоводства, конкуренция со стороны крупной капиталистической промышленности, усиление отходничества на дальние заработки.

ПОГОРЕЛЬСКИЙ Павел Иванович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
КЕРАМИКИ РИШТАНА
(УЗБЕКИСТАН, ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА)**

Устойчивый интерес в российской этнографической науке к среднеазиатской керамике сформировался во второй половине XIX в. после присоединения этих территорий к Российской империи. Уже на рубеже XIX и XX столетий были составлены первые описания местного гончарного производства, а российские музеи и частные собиратели смогли включить в свои коллекции образцы расписной поливной керамики. Основоположающим исследованием в области изучения среднеазиатской керамики, основанном на полевых материалах автора, явилась работа Е. М. Пещеревой «Гончарное производство Средней Азии». Изданное в 1959 г. монографическое описание Е. М. Пещеревой охватывает период конца XIX – первой половины XX в. и дает нам обширный материал по всему спектру проблем, связанных с темой. Среди прочих, известных среднеазиатских гончарных центров, был описан и город Риштан, расположенный в Ферганской долине.

Сопоставление этнографических описаний, в первую очередь фундаментального труда Е. М. Пещеревой, полевых материалов автора, собранных осенью 2010 года у действующих мастеров-керамистов Риштана, и образцов керамики начала XX века из коллекционного фонда МАЭ (коллекции 2785, 2971, 3540, всего более 45 предметов) позволяет нам проследить на протяжении более, чем 100-летнего промежутка времени традиции и инновации риштанской керамики. Содержанием доклада станут такие аспекты темы как следование старинной технологии, применяемые красители, сохранение традиции выполнения кистью в стиле свободной живописи сложных растительных и натюрмортных узоров.

ПРИВАЛОВА Вера Михайловна

Самарский научный центр РАН;

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТА В СЕМИОТИКЕ КУЛЬТУРЫ. ЗНАКО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ РИТУАЛ В ГЕОМЕТРИЧЕСКОМ ОРНАМЕНТЕ

Геометрический принцип построения орнаментальных композиций является общим принципом материальной культуры, создаваемой человеком, и орнаментальной культуры в целом. Геометрические фигуры и знаки имеют самостоятельную символическую нагрузку в культуре, искусстве и жизнедеятельности человека. Знак и соответствующий ему символ в орнаменте, а также символ, имеющий множество знаков для выявления и постижения его значения, отдалены от самих реальных вещественных носителей и заменяют их. Орнамент, обладая ритмической структурой, отражает «язык сознания» в предрасположенности к отысканию порядка и системности в восприятии, оценке и понимании «пейсмейкеров культуры», что служит сознанию как «принцип самовознаграждения», поскольку упорядоченность, в отличие от хаоса, воспринимается как эстетически единое и красивое в воспринимаемом объекте.

В орнаментальной традиции реализуется ритуал, «как ускоренность бытия» посредством символов, поскольку «... ритуалы – это символы в действии». В то же время ритуалы не являются символами в формальном смысле; это скорее жесты, совершаемые индивидами и направленные на активизацию символов, которые поддерживаются и истолковываются мифологическими повествованиями.

Орнаментальная культура является полем действия символа в ритуале, чему способствует ритм орнаментальной культуры (как социальная природа биологической функции жизнедеятельности человека) и семантика знаков, которые, привнося свое значение, создают знаковое пространство культуры (семиотику культуры), где одни и те же символы отражают время их действия, а также индивидуальность их восприятия, оценки и понимания, а также устойчивость орнаментальной культуры как антропной традиции в культурно-историческом времени.

РЫЖАКОВА Светлана Игоревна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

КУЗНЕЦ, ГОРШЕЧНИК И ДИРИЖЁР: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ ТРАДИЦИОННОГО РЕМЕСЛА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТЫШСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Обнаружение взаимосвязи между различными ремёслами и ремесленниками как на технологическом, так и идейном уровне, способно прояснить многие важные, хотя часто и неявные особенности культуры исследуемого человеческого сообщества. Так, якут-

ская пословица, гласящая «кузнец, горшеня и шаман – родом из одного гнезда», резюмирует сходство ряда существенных черт в гончарном, кузнечном и шаманском деле, их взаимозависимость, что отражается в мифах, обрядах и повседневности. Несмотря на то, что традиционная крестьянская культура в балтийских республиках уже давно сменилась современной городской и индустриальной, отдельные черты первой оказались закреплены в неофольклоризме и сохраняемых, а также и возрождаемых ремесленных традициях. В то же время уже более чем полтора вековое существование в латышском обществе традиции самодеятельных хоровых коллективов значительно повлияло на способы местной культурной самоорганизации. Особенности преобразования фольклорных текстов и мелодий по законам классической музыки в рамках местных хоров обнаруживают определенные типологические параллели с работой кузнецов, керамистов, ткачей, сохраняющих ряд самобытных латышских черт (форму, колористику, архитектуру предметов) в ходе неминуемой модернизации. Отчасти это связано с т. н. этнографизмом (как существенным признаком современного латышского искусства), но также и с активным восприятием модных и актуальных инноваций. Культурные и профессиональные контакты между музыкантами и мастерами материальной культуры Латвии демонстрируют прочные связи между на первый взгляд, далёкими друг от друга, но в социальной практике связанными сферами культурной деятельности.

СУРГАНОВ Сергали Кабдрахманович

Евразийский национальный университет

им. Л. Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан)

КАЗАХСКИЕ УЗОРНЫЕ ВОЙЛОКИ. СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ТРАДИЦИИ

Отмечая угасание народной традиции изготовления узорных войлоков в современном Казахстане, исследователи, тем не менее, выделяют несколько ареалов его распространения. Это – Западный Казахстан, Северный, Центральный и Восточный, Южный Казахстан, Сырдарья и Жетысу. За пределами основного этнического массива традиции изготовления узорных войлоков до настоящего времени сохраняются у казахов Российского Алтая, Монголии и Китая. В современном Казахстане в форме домашнего промысла эта традиция воспроизводится лишь в отдельных районах республики. Фактором ее воспроизводства, а порой «ревитализации» является реэмиграция казахов из Монголии и Китая, до настоящего времени сохраняющих основы традиционной культуры. Новой формой существования войлочного ковроделия являются сельские кустарные (надомные) производства, организованные женщинами, прошедшими обучение в рамках курсов, организованных отечественными и международными организациями в целях обеспечения населения рабочими местами. Большая часть такого рода кустарных производств

ориентирована на рынок сувениров и связана с туристической инфраструктурой Казахстана. Особой формой воспроизведения традиции является профессиональное декоративное искусство. Ряд художников-прикладников современного Казахстана, работающих в парадигме этноарта, обратились к традиционным технологиям производства узорных войлоков. Стилистика авторских художественных войлоков связана с кочевническим искусством и одновременно отражает современные тенденции в развитии прикладных промыслов. Сосуществование домашних ремесел, кустарных промыслов и профессионального искусства определяет современное состояние практик изготовления узорных войлоков в Казахстане.

СУРВО Вера Викторовна

Университет Хельсинки, г. Хельсинки (Финляндия)

ЭТНИЧЕСКОЕ, ЛОКАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ОБРАЗОВ ВЫШИВКИ КАРЕЛИИ

С интенсивным развитием «этнического» и «деревенского» туризма, музейных и международных культурных проектов в Карелии стала актуальной этническая тематика в прикладном искусстве, представляемой как «карельский брэнд». Карелия представляет собой своеобразный полигон этнокультурных контактов двух этнических миров – прибалтийско-финского и русского. Локальная и региональная специфика прослеживается во многих сферах культуры, в том числе и в декоре текстиля. В традиционном орнаменте вышивки карел, вепсов и русских концептуально-образные модели и композиционные схемы являлись общими. Система знаков народной вышивки оказывается весьма адаптивной к внешним воздействиям. Представления об этнической составляющей в области декоративно-прикладного искусства сегодня меняются в зависимости от социальных, функциональных, возрастных факторов. Нередко при сохранении стиля меняется смысловая интерпретация. В докладе рассматривается ряд аспектов, связанных с актуализацией образов традиционной вышивки Карелии в работах современных мастеров: ориентированность на прошлое, преемственность/утрата традиционных технологий, способы переработки традиционных орнаментальных композиций, поиск новых форм, «цитирование» старинных образов и придание им новых смыслов. В качестве примеров анализируются работы карельских и финских дизайнеров, «реплики» и «копии» ремесленников, созданные по старинным образцам. В частности, рассматривается продукция фабрики «Карельские узоры», переименование которой интересным образом отражает динамику изменений, происходивших в отношении «пользователей» декоративно-прикладного искусства: на смену переименованиям локального уровня («Хашезерская вышивка», «Заонежская вышивка») пришло региональное «имя» («Карельские узоры»), более рефлексированное туристической аудиторией и в целом горожанами.

ТИТОРЕВА Галина Теодоровна

Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, г. Хабаровск

ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКИ МЕХА И КОЖИ У ЭВЕНОВ ПРИОХОТЬЯ

За многие века развития этнической культуры эвенскими мастерами накоплен большой опыт в области художественной обработки природных материалов, выработаны разнообразные по технике приемы их орнаментации, многие из которых являются уникальными и присущими только северным жителям. Среди материалов, используемых в прикладных ремеслах, таких, как дерево, береста, рыба кожа, кость, а также текстиль и металл, основным, безусловно, является мех и кожа оленя. Кроме этого, применяется шкура лося, горного барана и пушных животных – соболя, белки, норки. Функциональные и декоративные свойства этого материала зависят от возраста животного, сезона, в который произведен забой, и способа выделки сырья.

В производстве традиционных изделий применяются два вида выделки шкуры: мех и ровдуга. Способы декоративной обработки меха разнообразны и способствуют максимальному выявлению фактурных, пластических, колористических свойств и качеств материала. Эвенские мастера используют стрижку, выщипывание ворса, меховую мозаику и инкрустацию. Изделия из ровдуги декорируют вышивкой хлопчатобумажными и шерстяными нитями, бисером и подшейнным волосом оленя. В некоторых случаях применяют тонирование ровдуги охрой.

Традиционный орнамент эвенов носит геометрический характер. Для вышивки нитями характерны криволинейно-ленточные и растительные мотивы, имеющие, вероятно, более позднее происхождение.

Сохранение и развитие самобытного искусства художественной обработки меха и кожи диктуется, не в последнюю очередь, актуальной потребностью нашего времени в использовании экологических природных материалов, адаптации рационального опыта этнических культур в современной экономике и культуре.

ФАСХУТДИНОВА Луиза Фагимовна

Институт истории им. Ш. Марджани

АН Республики Татарстан, г. Казань

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ТАТАРСКОМ И РУССКОМ ЗОЛОТОМ ШИТЬЕ

Различные аспекты взаимодействия двух соседних культур татарской и русской отмечаются в работах современных исследователей традиционных ремесел. В прикладном искусстве, элементах народного костюма и в орнаменте мы находим следы этнокультурных контактов татарского и русского народов. В данном сообщении впервые эти вопросы рассматриваются на примере искусства золотного шитья. Мы разберем некоторые моменты этого культурного обмена, такие как схожие технические приемы, идентичные мотивы в орнаменте, формы головных уборов.

Как известно, классические приемы искусства золотного шитья идентичны в творчестве многих народов, также как, например, в ювелирном искусстве, ткачестве. Тем не менее, у каждого народа золотошвейное искусство самобытно и оригинально. Особое сочетание технических приемов, композиционных построений, стилизации, орнамента и манеры исполнения вышивки того или иного народа делает его искусство самобытным. Естественно, соседние культуры татарского и русского народа взаимодействовали на протяжении столетий на разных уровнях. Данный доклад подготовлен в результате работы с источниками в фондах российских музеев и литературой на данную тему.

ХАСАНОВА Зифа Фаритовна

*Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ У БАШКИР ГОРНОЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА

Согласно опубликованным источникам и полевым материалам, в конце XIX – первой половине XX вв. в хозяйственном комплексе башкирского населения горно-лесного района Южного Урала одно из ведущих мест занимали лесные промыслы. Зимой и летом рубили лес, а весной сплавляли его по р. Инзер до р. Сим. Из деревьев заготавливали дрова и уголь для заводов; из березовой коры гнали деготь.

Березы, дубы, ильмы применялись при производстве санных полозьев, колес, дуг, хомутов. Из липы делали багманы, кадки, лотки для муки. Шишковый нарост на березе-кап применяли для изготовления деревянных тарелок. Из больших деревьев выдалбливали лодки. Молодые деревья шли на изготовление инструментов для заготовки сена. Из ивы и черемухи плели различных размеров и форм корзины, рыболовные снасти, куриные и гусиные гнезда. Ветви черемухи использовались при плетении тарантасов. Из коры липы, березы делали утварь для сбора ягод и хранения масла и кислого молока. Особое место занимала заготовка лыка, из которого производили мочала, веревки, ткали роговые кули, молочные попоны и циновки.

В настоящее время потребность изготовления многих таких предметов исчезла. Вместе с тем, в хозяйстве различных этнографических групп башкир, например, Белорецкого района, до сих пор используются орудия труда, приспособления для домашних птиц и ловли рыбы, мочала и веревки собственного изготовления как не имеющие промышленных аналогов и наиболее соответствующие потребностям жизнеобеспечения этноса.

ХАЛИКОВ Наиль Альфредович

*Институт истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан, г. Казань*

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР

Эти виды хозяйственной деятельности народа в период середины XIX – начала XX вв. различались в субэтническом и территориальном аспектах.

Повсеместно, кроме районов Южного Приуралья, сельское население было занято отходничеством, сельскохозяйственными работами по найму, неземледельческими промыслами. Особенно часто к ним прибегали малоземельные татары-мишари западных губерний Поволжья. Казанские татары Предкамья и Среднего Поволжья активно развивали ремесленные кустарные промыслы. В кожевенном, шерстобитном, скорняжном, золотошвейном, ювелирном деле татары Закавказья достигли особенных успехов, по праву считаясь мастерами в этих ремеслах. В этом усматриваются многовековые традиции ремесленной деятельности, восходящие, по меньшей мере, к болгарскому времени. Для татар-кряшен характерным занятием было ткачество и шитье верхней одежды.

Традиционные национальные татарские ремесла: художественное ткачество, кожаная аппликация, ювелирное дело и др. в Татарстане, не только сохранились до наших дней, но и продолжают успешно развиваться.

ЧВЫРЬ Людмила Анатольевна

Институт востоковедения РАН, г. Москва

БУДУЩЕЕ НАРОДНОГО ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Попытки выявить границы, смыслы и функции традиционного народного искусства в современном мире с неизбежностью возвращают нас к вопросу о его исходной природе и неотъемлемых свойствах. Будущее народного искусства представляют по-разному. Многие уверены, что уже в XX в. оно почти исчезло, прежние его формы, утратив привычные функции, переместились на периферию современной художественной жизни. Оптимисты спорят: популярные ансамбли народных песен и танцев, действующие художественные промыслы и ремесла суть реорганизованное и преобразованное народное искусство. Несмотря на то, что настоящих знатоков, мастеров осталось мало, их репертуар или ассортимент продукции сузился, изменилось качество и назначение их творчества, но всё же и в таком трансформированном виде оно продолжает существовать и пользуется определенным спросом.

Без сомнения продукция современных промыслов не всегда соответствует эстетическому уровню художественной традиции, часто являясь лишь её стилизацией. Встают острые вопросы – сохраняет или подменяет народное искусство каждая подобная трансформация, «воссоздаваемая» традиция уже погибла или ещё существует, но, возможно, в иных, ещё не узанных нами формах? Необходим поиск этих новых, уже «прорастающих» форм современного народного искусства, традиционных по сути, а не внешне. Поэтому весьма своевременно обсуждение вопроса о природе подлинно народного искусства, о критериях его отличия от псевдонародного (массового) искусства, о разумных пределах внедрения «народных» элементов в т.н. высокое («профессиональное») искусство и в современную жизнь. Вопросов много, наша задача – искать ответы.

ШАРИФУЛЛИНА Фарида Лутфулловна

Институт истории им. Ш. Марджани

АН Республики Татарстан, г. Казань

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОМЫСЛОВ У КАСИМОВСКИХ ТАТАР

В конце XIX в. у татар, проживавших в Рязанской губернии (в г. Касимове и его уезде), промысловые хозяйства составляли 23%, а в начале XX в. – 37,1%. Местными промыслами являлись сапожный, кирпичный, ювелирный, а также обработка животного сырья и волокна (кожевенный, овчинный, шерстобитный). Значительное развитие в конце XIX в. получили отхожие промыслы. Татары уезжали в поисках работы преимущественно в центральные города России. В них было занято 14% всего татарского населения (58,3% взрослого мужского населения). Отходничество считалось более выгодным занятием, чем участие в местных промыслах. Часть касимовских татар (10,7%), проживавших в Касимове и уезде, была занята торговлей кожей, мехами и изделий из них. Они составляли 64% от общего объема товаров. Доля сельских и городских татар в неземледельческих промыслах и занятиях не была одинаковой. Для сельского контингента (10,3%) было характерно отходничество в виде содержания в городах различного рода заведений (трактиры, буфеты, рестораны, клубы, меблированные комнаты). Горожане отдавали предпочтение торговле (34,1%) и отхожим промыслам, связанным со сферой обслуживания (13,3%), а также с обработкой волокна, животных продуктов (12,7%). До настоящего времени сохраняются традиции, связанные с обработкой животного сырья и строительных материалов. В г. Касимове успешно функционируют овчинно-меховая фабрика и завод по производству кирпича, на которых трудятся и касимовские татары.

ЩАНКИНА Любовь Николаевна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОМЫСЛЫ МОРДОВСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2009 г.)

Мордовское население в Сибири появилось в связи с переселенческим движением из районов их исконного расселения. Попадая в Сибирь, мордовские переселенцы стремились водвориться в тех местах, которые, по природным условиям, напоминали бы их бывшую родину. Специфику хозяйственно-промысловой деятельности мордовских переселенцев во многом определяли природные условия: более суровый климат, отличия в составе растительного и животного мира по сравнению со средней полосой России. Преимущественно земледельческое мордовское население привнесло с собой исторически сложившуюся культуру земледе-

лия. Значительное место в хозяйственном укладе мордвы играло животноводство, птицеводство. Промыслы у мордвы, проживающей на территории Западной Сибири, имели большое экономическое значение, составляя наряду с земледелием и животноводством существенный источник жизни крестьянской семьи. Для мордовского населения западно-сибирского региона характерны экипажный, колесный промыслы, деревообработка, металлообработка, глиняное производство. Однако, как правило, это была работа с целью обеспечения нужд своей семьи, своего хозяйства. Женщины занимались ткачеством, прядением, вязанием, мужчины ремонтом домов, починкой сельскохозяйственных орудий, за исключением тех, которые требовали приложения профессионального умения.

ЯНЕС Мария Александровна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого

(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

СОВРЕМЕННЫЕ ТКАНИ ДРЕВНЕГО МАРГИЛАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОГО ВЫЕЗДА 2010 г.)

На протяжении многих столетий Маргилан считался одним из важнейших центров производства текстиля в Центральной Азии. В наше время в городе, кроме крупной шелкоткацкой фабрики «Едгорлик», насчитываются десятки мастерских потомственных ткачей, во многих домах установлены станки, на которых женщины выполняют заказы мастеров. Ткани, произведенные в Маргилане, поступают не только на местные рынки, но и на рынки всего Узбекистана. Целый ряд сувенирной швейной продукции, которую предлагают туристам в Самарканде и Бухаре, выполнен именно из тканей Ферганской долины.

В мастерской ткача в пятом поколении Расулджона Мирзаахметова сегодня производят различные шелковые и полшелковые ткани, традиционные для Маргилана: *адрасы*, *шойи*, *бекасы*, *бязь*. Также мастер реконструировал и наладил производство бархатов (*бахмал*) – тканей, не характерных для Маргилана, т. к. традиционно центром производства бархатов считалась Бухара, где богатые ткани изготавливались для эмирского двора. Определенный интерес для нас представляют ткани *джанда* и *альфи*, предназначенные для изготовления одежды представителей суфийских течений. Эти ткани производятся из хлопка или шерсти и также не являются традиционными для Маргилана.

Подводя итог можно сказать, что сегодня в Маргилане в целом сохраняется традиция производства шелковых и полшелковых материй. Но, наряду с этим, под влиянием проникновения новых для региона типов тканей, происходит и некое смешение традиций, определенная утрата локальных признаков, по которым ранее безошибочно могла быть определена принадлежность ткани к тому или иному региону.

Секция 8. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ, ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Руководитель: к.и.н., доц. Румянцева Марина Федоровна (Москва)

БАУЭР Татьяна Владимировна

*Карельская государственная педагогическая академия,
г. Петрозаводск*

ВОРОВСТВО КАК ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)

Если подойти к определению кражи с юридической точки зрения, то воровство следует рассматривать как одно из преступлений против собственности, предусматривающих ее тайное изъятие и присвоение. Вне сомнения, при этом проявляется, во-первых, конфликтная природа воровства, которое, как и любое другое покушение на чужую собственность, нарушает нормы регламентированного обмена, а во-вторых, его негативная оценочность. Именно в силу своей нелегитимности и девиантной природы воровство привлекло внимание юридической, социологической и психолого-педагогической наук. При этом оказались исключенными из области исследования другие, не менее важные аспекты воровства. Иной взгляд на этот концепт можно предложить в рамках исторической феноменологии.

В докладе рассматриваются три основных момента. Во-первых, на основе анализа текстов различного уровня – от описаний деревенской повседневности до фольклорных данных – уделено внимание сложившемуся стереотипу о тотальном характере и неискоренимости воровства. Во-вторых, проблема воровства рассматривается со стороны обычного права, анализируются обычно-правовые практики и представления. И, в-третьих, воровство исследуется как феномена фольклорного сознания, в преломленной форме выражающего народное мировосприятие и, в том числе, морально-этические ценности.

ГАЛИМОВА Лилия Надиповна

*Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск*

БОГАТСТВО КАК ФАКТОР АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА И МНОГООБРАЗИЯ

Изучение *богатства* входит составной частью в исследование феномена человека. Великими силами мировой истории были религия и экономика. Человеческий характер формировался в процессе повседневного труда под воздействием создаваемых материальных ресурсов и при влиянии религиозных идеалов.

Изучение взглядов на проблему богатства показывает, что различные пути его определения приводят к разным результатам: группы людей, которых можно считать богатыми, оказываются различными.

Дифференциация взглядов на феномен богатства требует системного подхода к его рассмотрению. Основа такого подхода – выбор стратификационного критерия, имманентного социальному расслоению, а значит, и богатству.

Представителями богатого слоя в России была классическая элита общества XIX в. – *купечество*. Богатство для купца – это не только деньги, это состояние души плюс деньги как сам фактор богатства.

Богатые люди отличаются от бедных, прежде всего, взглядом на самих себя и мир, который их окружает. Приобретая богатство, человек, в глазах купечества, совершенствуется нравственно, духовно, особенно когда он делится им с другими посредством благотворительности.

Для российского купечества богатство являлось необходимым в жизни фактором, оно не пугало их, так как купцы не забывали Бога и его заповедей. При этих условиях богатство купцов-благотворителей было неопределимо полезно. Богатство, формируя социально-этические нормы, благоприятствующие предпринимательской деятельности, вовсе не стимулировало купечество к погоне за наживой, оно создавало предпринимательский этос с характерной для православия обращенностью вовнутрь, к совести.

ДАНИЛЕВСКИЙ Игорь Николаевич

*Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики, г. Москва*

ИЗОБРАЖЕНИЕ И ТЕКСТ: КЛЮЧИ К ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В центре внимания – пути преодоления интуитивизма в интерпретации визуальных источников по истории Древней Руси: древнерусских миниатюр, каменной резьбы, сюжетов мелкой пластики и т. п. Чаще всего, понимание того, что изображено на таких источниках и каков смысл визуальных рядов, основывается на интуиции, обычно со ссылками на аналогичные изображения, встречающиеся в культурах иных времен и народов. Подобный подход вряд ли может рассматриваться как собственно научный. В качестве основы верифицируемой интерпретации изобразительных источников в докладе предлагаются «открытые» тексты, в которых вербально объясняются значения и смыслы изображений. Визуальные аналогии, имеющие инокультурное происхождение, в качестве семантических ключей привлекаться не могут. Они дают представление лишь о происхождении визуального образа, но не о его переосмыслении в новой культурно-исторической среде. Эти положения раскрываются на примере ряда древнерусских изображений, имеющих различное происхождение.

ДИАНОВА Ксения Андреевна

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ТРАДИЦИОННЫЙ БЫТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОМОРОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Изучение традиционной культуры подразумевает знакомство с такими ее формами как традиции и обычаи, быт и повседневность, обрядность и фольклор. Следует отметить, что еще в начале XX в. на европейском Севере России возник интерес к изучению традиционной культуры повседневности различных этносов, среди которых особое внимание уделялось поморам – этнографической группе русских на побережье Белого и Баренцева морей. Изучением поморов занимались как отдельные исследователи, так и целые научных организации, среди которых особо стоит выделить краеведческие общества Архангельска и Петрозаводска, существовавшие в дореволюционный период. Собранные этими Обществами материалы дают достаточно полное представление о культуре и быте поморов.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Дмитрий Анатольевич

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

НАЧАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ В СТРУКТУРЕ МЕСТНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XII–XVI вв.

С момента зарождения летописного источниковедения в этой дисциплине развивается представление о летописании как о дереве, вырастающем из единого корня – киевской летописной традиции XI – начала XII в. Регулярные попытки обосновать существование в XI в. альтернативных традиций успеха практически не имеют (за исключением гипотезы о новгородском летописании, которая тоже представляется весьма и весьма спорной). Вместе с тем, подход к тексту Начальной летописи в разных локальных традициях был разным: где-то использовался полный текст Повести временных лет, где-то текст Повести заменялся на текст предшествующего ей Начального свода, где-то, наконец, создавались той или иной степени вольности пересказы. Доклад посвящен построению формальной типологии этих подходов и ее историко-феноменологическому осмыслению в рамках проблемного поля исторического самосознания Древней Руси.

ДУБРОВСКАЯ Елена Юрьевна

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА ПРОШЛОГО В ДОКУМЕНТАХ КАРЕЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1919–1920 гг.

Исследование связано с проблемой использования письменных источников при изучении неписьменных культур. Рассматриваются апелляции к архаической модели восприятия времени и попытки

лидеров Временного правительства Архангельской Карелии (Тоймикунта) перед обсуждением вопроса о независимости Северной Карелии (Кемский уезд Архангельской губ.) представить «свою» историю как «чужую» и сформировать у земляков негативное видение «русского периода» в истории карел.

В противовес традиционным крестьянским представлениям о «времени-круге» авторы подготовительных агитационных материалов к Ухтинскому съезду представителей северокарельских волостей (март 1920 г.) позиционировали *образы времени*, которые должны были служить обоснованием идеи новой коллективной идентичности – «единой дружной карельской семьи» и напоминать об исторических событиях, призванных определять такую групповую идентичность.

Реконструируя иерархию различных типов событий, авторы адресованных крестьянскому населению листовок и воззваний первоочередное значение придавали возникновению на сакральном пространстве родного края рун эпоса «Калевала». События, отмеченные негативной аксиологией, соотносимы с униженным, виктимным образом Карелии в «русский период» «безвременья» и «прозябания в глуши».

Период, последовавший за российской революцией 1917 г. и распадом Империи, представлен как цепь событий, обновляющих старую идентичность – «непродолжительное время самоуправления, когда у нас царил покойствие, чувствовался порядок», что вселяло надежду на «лучшее будущее».

События Февральской революции в России репрезентируются как победа, открывшая возможности для постановки вопроса о национальном самоопределении и о новой коллективной идентичности.

КАЗАКОВ Роман Борисович

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

НАРОДЫ СЕВЕРА РОССИИ В ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: Н. М. КАРАМЗИН

Для феноменологической парадигмы исторической науки, разработанной Научно-педагогической школой Историко-архивного института на основе теоретико-познавательной концепции А. С. Лаппо-Данилевского, принципиальным является обращение к истории источниковедения, формирования корпуса объектов исследования (различных типов и видов исторических источников), складывания приемов их изучения. Этапом в истории становления источниковедения как отрасли исторической науки выступает творчество Н. М. Карамзина, автора «Истории государства Российского» и ряда крупных политических трактатов первой четверти XIX в. Впервые в русской исторической науке в «Истории» Карамзина присутствуют и изучаются все имеющиеся на тот момент типы источников, а корпус источников достигает своей всеобъемлющей типологической полноты. Предлагаемая в докладе гипотеза постулирует необходимость исследования комплекса источников

(всех типов), в которых Карамзин черпал сведения об исторических событиях на Севере России. Исторически сложившийся и доступный Карамзину корпус источников по истории народов Севера может быть рассмотрен как объективированный фрагмент культурного наследия, вошедший в научный оборот в XVIII – первой четверти XIX в. Принципиально важным в этом случае будет обратить особое внимание на приемы исследования источников, которые сформировал сам историограф.

КАЗАЧЕНКО Борис Николаевич

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ «ЧЕЛОВЕЧЬИХ» МЕР ПРОТЯЖЕННОСТИ НА ФОНЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ, СОМАТИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР

До сих пор в различных уголках России можно встретить спонтанно образующиеся народные меры (пядь, локоть, шаг), возникающие при бытовом измерении расстояний, например, между посадками растений, грядками, косовищами. Соизмеримые с естественными размерами человеческого тела, они получили название народной метрологии или человекомерия.

Однако причины живучести этого исторического феномена остаются не изученными.

Задача исследования – выявление отнюдь не очевидных связей между метрологией (народной) и антропометрией (академической).

Материалом служили: народные меры протяженности, данные НИИ и Музея антропологии МГУ по антропологической стандартизации, Доклад рабочей группы комитета II Международной комиссии по радиологической защите по условному человеку по условному человеку, геногеографические и диалектологические карты России.

В результате проведенного исследования было выявлено поразительное сходство в характере поведения: 1) модуля протяженности национальных мер (соответствующего размеру древнерусской пяди), 2) его антропометрического прообраза (представленного здесь кистью руки и средними показателями длины тела современного человека), вместе с 3) комплексом генетических маркеров и 4) территориальной разновидностью русского языка.

Возможно, что анализ независимых информационных систем отражает различные аспекты одного и того же процесса – этногенеза русского народа. Это умозаключение не противоречит ставшему крылатым высказыванию Протагора: «Человек – есть мера всех вещей».

МАЛОВИЧКО Сергей Иванович

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева, г. Москва

«СЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Проблема исторического опыта крестьянства и сельских поселений как объектов изучения крестьян-

ской и аграрной историй уже не менее полутора столетий интересует историческую науку. Однако, традиционная историческая наука, находясь в строгих парадигмальных рамках, оказалась не в состоянии решить проблему изучения истории крестьянства, так как основной корпус источников составляло законодательство, созданное властью, а не самим этим социальным слоем. Исследуемый сельский социум был носителем традиционного типа социальной памяти и долгое время не создавал письменных источников, которые и обеспечивают информационные потребности классической исторической науки. Рефлексия современного состояния исторического знания и перспектив изучения национальной и местной историй позволила историкам, работающим на основе источниковедческой парадигмы исторического познания, включить сельскую историю в проблемное поле новой локальной истории. Подходы новой локальной истории, несомненно, отличают сельскую историю от иных направлений, изучающих историко-аграрную проблематику. Аграрная история и история крестьянства, как проблемные поля, генетически связанные с социально-экономическим исследовательским пространством, не исключаются из историографической практики сельской истории, но в новой модели получают социокультурный импульс. Феноменологическая парадигма позволяет смотреть на «село» не только как на географическую точку, но как на форму существования и, что наиболее важно, как на мыслительную конструкцию, созданную новоевропейским знанием. Феноменологический подход побуждает актуализировать проблему использования письменных источников в изучении неписьменных культур, а также использования неписьменных источников для изучения сельской истории.

МЕЛЬНИКОВА Татьяна Владимировна

Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, г. Хабаровск

ОДЕЖДА КАК СПОСОБ МАСКИРОВКИ НА ОХОТЕ

Необходимость маскировки при охоте на зверя и птицу рассматривается как одна из причин появления одежды. В культуре ряда аборигенных народов были зафиксированы предметы промыслового костюма, имевшие маскировочное значение. Так, маньчжурские охотники с давних времен охотились на пятнистых оленей и маралов, накинув на себя оленьи шкуры и надев кожаные шапки с рогами. Замаскировавшись таким способом, копируя крик зверя, они приманивали добычу. По легенде, даже император Цяньлун, достигнув преклонного возраста, облачился однажды в этот маскировочный костюм в надежде добыть траву бессмертия.

По воспоминаниям низовских нанайцев, до распространения дальнбойного огнестрельного оружия мужские охотничьи шапки имели торчащие вверх ушки, чтобы легче было подкрадываться к добыче. В фондах Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова хранится эвенкийский головной

убор, представляющий собой шкурку чешуйчатого крохала с головой, шеей, крыльями на металлическом каркасе. Конструкция головного убора указывает на использование его в целях маскировки. Кроме того, перья чешуйчатого крохала обладают водоотталкивающим свойством, что немаловажно в условиях таежного промысла.

Папуасы Новой Гвинеи как средство маскировки в межплеменных конфликтах использовали головной убор в виде короны из высушенных листьев.

Человек, будучи исконным собирателем, не был приспособлен как биологический вид к охоте, поэтому, чтобы добыть зверя, человеку во время индивидуальной охоты надо было подобрать к нему как можно ближе, чему способствовала особая одежда как средство маскировки.

МИНЕЕВА Инна Николаевна

*Карельская государственная педагогическая академия,
г. Петрозаводск*

ИСТОРИЯ ПОЧИТАНИЯ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ В КАРЕЛЬСКОМ ПОМОРЬЕ В НАЧАЛЕ XXI В.: СВВ. КАССИАН МУЕЗЕРСКИЙ И ЕЛИСЕЙ СУМСКИЙ (по материалам полевых работ 2009–2010 гг.)

В докладе отражены наблюдения над историей почитания местночтимых святых Кассиана Муезерского и Елисея Сумского жителями Карельского Поморья в наши дни. Мы имеем дело с редкими фактами северорусской культуры. Свидетельств о том, каким образом формировался культ св. Кассиана Муезерского, практически не сохранилось в письменных источниках. Между тем предпринятые исследования во время полевой практики в Беломорском районе – запись «устных историй» – свидетельствуют о развитии и даже рождении «новых форм» почитания святого. В последнее время начинает возрождаться и культ св. Елисея Сумского.

МИНЦ Светлана Самуиловна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕМУАРИСТОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕХОДА ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ СОВРЕМЕННОГО ТИПА

Мемуары – литературный жанр, сложившийся в культуре нового времени, – заняли в современном мире существенное место. Их пишут политики и писатели, представители творческой интеллигенции и участники событий разной степени значимости, люди знаменитые и не очень, знатные и не добившиеся известности, сумевшие сделать карьеру и отказавшиеся от нее, те, кто умеет писать, и те, для кого фиксация своих мыслей в новинку. В России мемуары стали массовым явлением в течение XVIII в. До сих пор состав опубликованных и неопубликованных мемуарных произведений весьма разнороден. При принципиальной несводимости их содержания,

источниковеды объединяют существующий корпус мемуарных источников в единую группу источников личного происхождения. Феноменологическая парадигма позволяет рассматривать мемуарные источники как подсистему в системе сложившейся культуры. Системообразующий компонент, объединяющий совокупность мемуарных источников с историко-культурным контекстом, – идентичность мемуаристов. Различия в понимании себя в окружающем мире позволяют выявить эволюцию идентичности мемуаристов от отождествления себя с семейно-клановым окружением через противопоставление себя обществу к осознанию собственной принадлежности к социокультурным группам различного масштаба. Через системообразующий показатель ученые имеют возможность проследить все стадии развития представлений мемуаристов о себе и окружающем мире – от традиционных до современных. Изучение идентичности в ее историческом развертывании особенно актуально в связи с необходимостью определить реальную готовность современного российского общества к принятию модернизационных процессов.

ПАШКОВ Александр Михайлович

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ПАМЯТНИКИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ: ВЫЯВЛЕНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОХРАНА В XIX – НАЧАЛЕ XXI в.

При подготовке «Свода исторических и мемориальных памятников петровского времени» на территории Карелии было выявлено четырнадцать памятников истории, относящихся к петровской эпохе. Их можно условно разделить на памятники, возникшие в петровскую эпоху, и памятники, возникшие позднее. В свою очередь, памятники петровской эпохи можно разделить на памятники, непосредственно связанные с деятельностью Петра I, и памятники, хронологически относящиеся к петровскому времени.

К памятникам, связанным с деятельностью Петра I, относятся корпуса Кончезерского завода, шахты в окрестностях села Кончезеро, поклонный крест 1725 г. в Петрозаводске, церковь в поселке Марциальные воды, пограничный знак Варашев камень на русско-шведской границе 1617 г., пограничный знак 1721 г., остатки домны Повенецкого завода, остатки «Осударевой дороги», памятное место Петровского завода, памятное место Выговского старообрядческого общежития.

Преображенскую церковь в Кижях и Успенский собор в Кемь хронологически принадлежат петровской эпохе.

Памятник Петру I в Петрозаводске и памятный знак о легендарном посещении Петром I Валаама были сооружены в XIX в.

Интерес местной общественности к выявлению, охране, реставрации и использованию памятников петровской эпохи зародился в начале XIX в. Определяющими факторами здесь были оценка деятельности Петра I пра-

вящими кругами и исторической наукой, состояние краеведения и уровень общественного сознания.

В настоящее время большая часть памятников петровской эпохи в Карелии являются значимыми «местами памяти» и одновременно туристическими брендами.

ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.)

Особенные условия для модернизации возникали в странах фронта, которые продолжали осваиваться в современную эпоху. Представляется, что на материале восточных регионов России – Урала и Сибири – можно рассматривать региональную модель фронтирной модернизации в XVIII – начале XX в.

Восточные регионы продолжали осваиваться в эпоху модернизации, длительное время сохраняя освоенческий синдром, что выразилось в растянутости колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение), в экстенсивном характере аграрной экономики, в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, различной степени заселенности и освоенности территорий, в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т. п. Признаком фронтирности являлась заметная милитаризация восточных регионов. Естественное следствие пограничности восточных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации – конгломератность, т. е. длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений. Более того, анклавность составляла суть самой фронтирной модернизации в российском варианте, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социальные технологии – в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами. В итоге, включение еще недостаточно освоенных регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры.

ПОРШНЕВА Ольга Сергеевна

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ОБРАЗЫ ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ В РУССКОМ ТРАДИЦИОННОМ СОЗНАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Социальные перемены в России во второй половине XIX – начале XX в., специфика социокультур-

ной динамики и опыта взаимодействия с другими государствами определили трансформацию массовых представлений о «чужих» странах и культурах. В период Первой мировой войны образы западных союзников формировались не только под воздействием пропаганды, но и актуализации этнических стереотипов, предрассудков, культурных предпочтений. Они были в значительной степени проекцией собственных национальных ценностей, что, наряду с развитием ситуации на фронте и в тылу, предопределило их эволюцию. Если в начале войны роль системообразующих представлений в структуре образов играли идеи о «благородстве» и «справедливости» борьбы за общее дело, то к третьему году войны – о «своекорыстии» союзников. Сохранение традиционных установок массового сознания обусловило устойчивость распространенных антизападных, прежде всего антианглийских, стереотипов. В то же время для сознания «низов» была характерна нерасчлененность образа войны и образов союзников, а также «периферийность», недостаточная маркированность последних.

Весной–осенью 1917 г. союзники России в восприятии массовых слоев населения, прежде всего солдат и рабочих, последовательно превращались во врагов. Сначала они рассматривались как неотъемлемый атрибут царской дипломатии и политики, затем – классовой политики российской и мировой буржуазии.

ПУЛЬКИН Максим Викторович

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

АНТРОПОЛОГИЯ ПЬЯНСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)

Проблема пьянства остается малоизученным аспектом повседневной жизни населения Олонецкой губернии. До настоящего времени не исследованы география распространения пьянства, масштабы торговли спиртным, а также в целом традиции и обычаи, связанные с употреблением алкоголя. Существенным аспектом в будущих трудах может стать своеобразная *алкогольная инициация* – первый опыт употребления спиртных напитков, служащий проявлением «взрослости». Несомненно важным аспектом исследований являются этнические аспекты пьянства: различия в традициях употребления спиртного в карельских и русских деревнях. В качестве важной проблемы рассматривается сочетание пьянства с иными типами девиантного и нормального поведения: пьянство во время праздников и в повседневной жизни, преступления и добрые дела, творимые в состоянии опьянения, конфликты, источником которых становилось отсутствие или наличие алкоголя. Ограничителем возможностей исследователей в данном вопросе становится специфика источников: в имеющихся документах в наибольшей степени освещены негативные стороны пьянства. Положительные моменты – межличностное сближение в результате за-

столя с алкоголем, создание праздничного настроения, формирование и поддержание традиций праздников, уход от мрачной действительности – иные существенные позитивные факторы, связанные со спиртными напитками, остаются за рамками изучения. Чаще всего вне исследовательских интересов пребывают неутомимые труженики на ниве пьянства: производители и продавцы спиртного, являющиеся косвенными виновниками осуществляемых в состоянии опьянения действий.

РУМЯНЦЕВА Марина Федоровна

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ В ОСВОЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Культурное наследие – одна из фундаментальных категорий современного знания о человеке, что заставляет максимально строго подходить к наполнению этого понятия. Феноменологическая парадигма исторической науки, разработанная Научно-педагогической школой источниковедения Историко-архивного института на основе теоретико-познавательной концепции А. С. Лаппо-Данилевского и получившая теоретическое оформление в трудах О. М. Медушевской, позволяет рассмотреть наследие как совокупность исторических источников, важнейшие свойства которых – доступность наблюдению и относительная независимость от познающего субъекта. Сравнение источников, созданных синхронно, но в разных точках географического пространства, дает основания для определения границ этнокультурных регионов и цивилизаций, а диахронное сравнение позволяет обсуждать вопросы периодизации, включая вопрос о переходе от традиционного общества к обществу современного типа. Основное внимание историков-источниковедов сосредоточено на письменных источниках, однако неотъемлемой составляющей феноменологической парадигмы является представление о множественности форм воплощения человеческого опыта, включая устную традицию и символическое осмысление вещного мира. Широкое понимание объекта открывает возможности для междисциплинарного синтеза и позволяет рассматривать феноменологическую парадигму как универсальный метод гуманитарных наук. Феноменологический метод источниковедения разработан применительно, главным образом, к изучению письменных исторических источников. В настоящее время стоит задача эксплицировать основания метода применительно к изучению неписьменных источников; выявить возможности использования письменных источников в изучении неписьменных культур; прояснить феноменологическое понимание понятий «традиция» и «традиционное общество»; определить возможности феноменологического подхода в решении задач географического районирования и периодизации истории традиционных культур.

СКУРАТОВСКИЙ Владимир Ильич

*Днепропетровская консерватория им. М. Глинки,
г. Днепропетровск (Украина)*

«КНЯЗЬ ИГОРЬ» А. П. БОРОДИНА И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДРОСТКИ: ОТ ЭПИЧЕСКОГО – К ЭТИЧЕСКОМУ (МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ЮНАЯ ОПЕРА»)

Одна из выдающихся дат современности, связанных с историей и культурой России и Украины, – 825-летие легендарного похода князя Игоря и памятника древнерусской словесности «Слова о полку Игореве». В 2010 г. к этому сюжету обратилась и творческая группа «Юная опера» (под руководством Владимира и Ольги Скуратовских), которая осуществила постановку оперы А. П. Бородин «Князь Игорь». Эта работа стала еще одним этапом в уникальном многолетнем музыкально-педагогическом проекте, предполагающем исполнение классических оперных произведений силами детей и подростков. Предыдущие спектакли 2008–2009 гг. – «Снегурочка», «Вечера на хуторе близ Диканьки» (на музыку Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского) – стали ярким явлением в современной музыкальной педагогике и были высоко оценены на Украине (Киев, Кировоград, Запорожье, Полтава), в России (Москва, Литве (Вильнюс, Утена).

Деятельность «Юной оперы» нацелена на творческое профессиональное и духовное развитие подростков через синтез искусств на основе музыки. Практическое освоение оперного репертуара в его целостном облике не только решает проблему актуализации классического музыкального наследия. Погружение в мир эпических традиций оперы «Князь Игорь», несомненно, способствует формированию духовности, человеческих, личностных качеств юных участников проекта.

ТЫЧИНСКИХ Зайтуна Аптрашитовна

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева, г. Тобольск

СОВРЕМЕННЫЕ ТАТАРСКИЕ ДЖИЕНЫ: К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ И НОВАЦИЯХ В КУЛЬТУРЕ

Сегодня можно наблюдать, как один из древних праздников поволжских татар – джиен приобретает новое содержание и парадигму развития в социокультурном пространстве России. Традиционно под джиеном понимается общественный институт родственных связей, народный праздник, народный сход, собрание. Все эти значения джиена сегодня фокусируются и трансформируются в современных масштабных религиозных и культурных мероприятиях Булгар-джиен и Искер-джиен, которые проводятся на знаковых для татарского населения Поволжья и Сибири исторических объектах – городищах Булгар и Искер.

На протяжении более двадцати лет в Татарстане проводится Булгар-джиен, включающий паломничество к святым местам, коллективный намаз, различные культурные мероприятия и выходящий за рамки религиозного праздника. В последние несколько лет в Сибири проводится ежегодный Искер-джиен, принявший форму фестиваля историко-культурного наследия, включающий как черты светского праздника, так и религиозный ритуал, паломничество к святым местам. Искер-джиен имеет древние корни и возобновлен уже в XXI столетии.

По мнению Р. К. Уразманова, «в общественной жизни татар складывается своеобразное новое явление, в основе которого некий симбиоз религиозного со светским, гражданским». Праздник возник в результате «обострения вопросов этнокультурной идентификации».

Особое место данных объектов культурного наследия определяется их историческим и религиозным значением для татар Поволжья и Сибири. Булгар-джиен и Искер-джиен стали актуальными и важными явлениями в современной жизни татарского населения, играющими значимую роль в сохранении коллективной исторической памяти и этнической идентичности.

ЮСУПОВА Людмила Николаевна

*Карельская государственная педагогическая академия,
г. Петрозаводск*

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ В ОТРАЖЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В докладе рассматривается ряд теоретических вопросов, касающихся понятия, структуры и факторов формирования этнических стереотипов в массовом сознании. Исторический опыт взаимоотношений народов-соседей составляет своего рода фундамент последующих представлений их друг о друге.

Поскольку ситуация войны является особым вариантом «контакта» этносов враждующих государств, стереотипы их взаимовосприятия обретают тенденцию развития к наибольшей схематизации и эмоциональности. В связи с этим возникает заслуживающий внимания исследователей вопрос о механизмах взаимодействия этнических стереотипов и создаваемого официальной пропагандой «образа врага» в обществе.

Источники личного происхождения, прежде всего дневники и письма солдат действующей армии периода Великой Отечественной войны, отражают представления той части общества, которая имела возможность непосредственного восприятия врага. В докладе подводятся итоги компаративного анализа данной группы исторических источников, отражающих оппозицию «свой – чужой» в сознании участников войны.

Секция 9. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Руководители: д.и.н., проф. **Никонова Людмила Ивановна** (Саранск);
к.и.н. **Шевцова Анна Александровна** (Москва)

ВОЛОДИНА Татьяна Васильевна

*Институт языка и литературы им. Якуба Колоса
и Янки Купалы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

ТЕКСТ БОЛЕЗНИ В ЭТНОСЕМИОТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Этносемиотическая характеристика болезни предполагает представленность ее как текста, узловой схемой которого становится конфигурация таких определяющих элементов, как 1) собственно больной, 2) его тело/болезнь, 3) мир/социум. Законы медицинского дискурса диктуют развертывание текста болезни в трех основных сферах: этиология, симптоматика, терапия. И тогда этиологические конструкции продемонстрируют взаимоотношения человека с миром и социумом (нарушения им законов природно-космической и социальной упорядоченности вызывают болезнь); симптоматика отображает доминирование болезни и повышенное внимание человека к своему телу; соответственно, терапия объединит все три слагаемые и разместит человека между болезнью и остальным социоприродным окружением.

В докладе демонстрируется мифопоэтический анамнез *стени*, который с необходимостью включает этиологическую конструкцию, что основополагающей схемой имеет нарушение внутренней гармонии и "вторжение чужого в тело", и ритуальную терапию, что опирается на идеи символического раздела и обмена, регулирует отношения с внечеловеческим, перераспределение доли и новое утверждение сфер влияния.

ГОДОВЫХ Татьяна Владимировна

*Северо-Восточный государственный университет,
г. Магадан*

ТРАДИЦИОННАЯ МЕДИЦИНА – ЧАСТЬ АДАПТАЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ НАСЕЛЕНИЯ

Для поддержания жизнеобеспечения в экстремальных условиях система должна эргономично использовать энергетические ресурсы. Механизмы долгосрочной адаптации популяции выработали оптимальный путь реагирования с окружающим пространством, сохраняющий функциональность и репродуктивность. Основы традиционной медицины захватывали не только оказание специализированной помощи при заболеваниях, но также соблюдение санитарно-гигиенических требований, рационального питания, правильного воспитания ребенка с учетом возрастных групп, формирование пространственного мировоззрения. Экономичное использование энергоресурсов достигалось путем соз-

дания эргономичных предметов обихода, жилища, использования природных материалов. Эргономичный подход воспитания детей способствовал тренировке генетически заложенных механизмов регуляции системы для своевременного разархивирования генетического кода онтогенетических трансформаций. Нами были отмечены в настоящее время сохранение традиционного питания аборигенов детей Чукотки с раннего возраста до взросления. Использование белково-жирового питания необходимо для запасов бурой жировой ткани, генетически запрограммированы и служат для оптимизации расходования ресурсов при распаковке подпрограмм онтогенетических трансформаций, подстраховки системы для бесперебойной работы в экстремальных условиях существования. В современном периоде, такие элементы, как сохранение особенностей питания аборигенов детей, пространственное мировоззрение в использовании природных ресурсов сохранились на Чукотке. Мигранты второго и третьего поколений также начинают использовать традиционное питание, меняют пространственное мировоззрение, нарабатывают элементы долговременной адаптации. Учитывая теорию функциональных систем, можно считать, что перечисленные элементы традиционной медицины являются частью программы адаптации населения.

ИВАНОВА Людмила Ивановна

*Институт языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН, г. Петрозаводск*

«ЛЕСНОЙ НОС»: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КАРЕЛ О БОЛЕЗНИ

В докладе описаны одни из самых архаичных представлений человека о болезни, которая воспринималась как некое живое существо. Исследуются взгляды карелов на причины возникновения недуга; основная из них – нарушение табу и условий общения с духами-хозяевами леса, неверный способ и ошибочные цели проникновения в «лесное царство». Рассматриваются самые разные симптомы протекания болезни (головокружение, тошнота, боль в спине, ухе и т. д.). Обрядовое наполнение настолько архаично и мифологизировано, что в силу иной ментальности мало соотносимо с современным понятием «народная медицина». В мышлении древнего человека микрокосм (в данном случае это человек) и макрокосм (лес) неразрывно связаны друг с другом, и нарушение, «поломка», любого звена этой цепи приводят к тяжелым последствиям. Путь к исцелению один: восстановить нарушенное равновесие.

КАНДРИНА Ирина Алексеевна

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ И МЕСТО В НЕЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ

В последние годы в России происходит быстрый процесс урбанизации населения, тогда как сельские жители были и остаются основными носителями традиционной культуры. Как показывает исторический опыт, искусственное разрушение традиций жизнеобеспечения, в конечном счете, ведет к исчезновению этнической общности. В связи с этим изучение системы жизнеобеспечения народов, проживающих на территории Мордовии, приобретает особую актуальность. В современных условиях очень важно использовать опыт организации жилой среды, например, при планировке поселений, проектировании и строительстве новых домов в сельской местности. Важно также учитывать народные традиции в приготовлении пищи, изготовлении одежды, обуви, в трудовой деятельности, семейных отношениях и межнациональных контактах. Изучение народной медицины как части системы жизнеобеспечения обусловлено тем, что она вобрала в себя многовековой опыт человеческой деятельности, знания об окружающем мире. Становится очевидным, что вопросы сохранения жизни представителей любого этноса нельзя решать в отрыве от конкретной среды обитания и взаимосвязей между обществом и природой, от природно-климатических условий, материальной и духовной культуры, хозяйственной деятельности и других факторов жизнедеятельности (образа жизни, бытовых привычек, поведенческих причин, физической активности). Однако, на наш взгляд, в системе жизнеобеспечения особая роль принадлежит народной медицине, так как сельские поселения в Республике Мордовия, в большинстве своем располагаются около или в лесных массивах, по берегам рек, т. е. сам ландшафт предполагает её развитие в системе их жизнеобеспечения.

КАСМЕЛ Тийу Яановна, КАСМЕЛ Яан Яанович

*Центр физической антропологии, Тартуский университет,
г. Тарту (Эстония)*

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ БАНИ В ЭСТОНСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ: ОТ К.Э. ФОН БАЕРА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Баня занимает в эстонской народной медицине существенное место: в ней ставились пиявки, делались клистиры, пускали кровь, лечили язвы и оказывали помощь роженицам; в бане работали массажисты, которые растирали застывшие мышцы и суставы; использование веника в парилке давало оздоровительное потение. Баня для лечебных целей отапливалась специально подобранными дровами (напр., рябиной),

лечебный веник изготавливался из березовых, можжевельных, ольховых и дубовых веток. О влиянии бани (точнее – паровой бани) на здоровье эстонцев писал в 1814 г. Карл Эрнст фон Баер в своей докторской диссертации (на латинском языке) «Об эндемических болезнях эстонцев» (глава III, § 18). Здесь он, наряду с описанием своих наблюдений и высказыванием своих мнений, приводит выдержки из научных работ выдающихся для того времени врачей: Ю. С. Вальтера (1744), главврача Таллиннского военного госпиталя, доктора медицины; М. Е. Стикса (1803), профессора кафедры диететики, *materia medica*, истории медицины и литературы по медицине в Дерптском Императорском (ныне – Тартуском) университете; Д. Г. Балка (1791), профессора кафедры патологии, семиотики, терапии и клиники, который был также руководителем докторской диссертации Баера. Ссылаясь на работы проф. Балка, Баер подчеркивал, что несоблюдение в бане требований гигиены может привести к приобретению новых болезней.

В докладе будет дан обзор тех изменений, которые происходили в эстонской народной медицине в значении бани за почти двухсотлетний период после К. Э. фон Баера.

КАСМЕЛ Тийу Яановна, КАСМЕЛ Яан Яанович

*Центр физической антропологии, Тартуский университет,
г. Тарту (Эстония)*

О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ В ЭСТОНСКОМ МУЗЕЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 1924–1934 ГОДАХ

После обретения самостоятельности (1918) в Эстонской республике был основан Союз эстонских врачей, который руководствовался идеей о том, что предупреждение болезней важнее их лечения, и, исходя из этого, возникла мысль открыть постоянно действующее учреждение, которое демонстрировало бы и популяризировало здравоохранение. Эта идея была осуществлена в 1921 году, когда по инициативе тартуской медицинской общности был основан Эстонский музей здравоохранения, открытие которого состоялось в Тарту в 1924 году. Еще до того, как музей был открыт, студент медицинского факультета и ассистент института здравоохранения Вольдемар Сумберг (1893–1965) опубликовал в журнале «Tervis» («Здоровье», № 6, 1922) статью «Народная медицина и официальная медицина». В этой статье он разъяснил принципы понимания народной медицины: «наша народная медицина является сильным противником официальной медицины; народная медицина в ее нынешней форме приносит только вред; одной из причин высокой смертности является то, что врачи полностью отстраняются от духа народа, понимание которого немыслимо без понимания основ народной медицины; в настоящее время народная медицина и официальная медицина – два противоположных лагеря, имеющих одну общую цель, и было бы желательным их сближение во имя здоровья

народа; народная медицина обогатит и освежит официальную медицину; народная медицина – своего рода барометр культуры населения разных уездов и поэтому имеет этнографическое и культурно-историческое значение; необходимо составить словарь по эстонской народной медицине, к созданию которого должен приступить университет. Собирать следует как старые, так и новые приемы лечения, врачебные инструменты, травы, термины и т.п.». Энтузиазм и целенаправленность деятельности В. Сумберга была замечена: еще до открытия музея он был назначен на должность делопроизводителя музея (в 1923 г.), а несколько позже – директором. Организаторские способности В. Сумберга, его умение привлечь к работе музея наиболее интересных и талантливых медиков позволили создать замечательный музей с 18-ю отделениями, среди которых был и отдел народной медицины. В нашем докладе будет представлен обзор деятельности этого отдела в течение первых 10 лет его существования.

КНЯЗЬКОВА Любовь Петровна

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

БАНЯ И РАСТЕНИЯ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ МОРДВЫ

Баня была известна почти всем народам с древних времен. У мордвы, как и у всех родственных ей народов, баня почиталась лучшей лечебницей: в ней парились, мылись, лечились, она же являлась и местом проведения обрядов, направленных для профилактики здоровья, в которых значительное место отводилось растениям. К примеру, накануне Петрова дня молодые девушки топили бани. Украшали себя цветами и зеленью, а потом мылись мочалками из растений и цветов, а затем раскидывали их на полу. В этот праздник молодые люди хлестали друг друга зелеными ветками. Все это должно было обеспечить им здоровье, красоту. Здесь же девушки молились богине бани – Баняаве – о здоровье, так как именно здесь лечили многие болезни. Мытье в бане было обязательной частью обряда мордовской свадьбы, где в обрядовых действиях определенное место занимали растительные средства – берёзовые веники. В лечебной практике наиболее эффективным считался обряд лечения, проводимый в бане. Основу его составляли магические действия, направленные на оздоровление больного, где во время очищения растительным средством – травам приписывались особые магические силы. Из них готовили отвары, делали разного рода припарки, ванны. Воду старались принести из трех источников, поленья клали нечетное число, веники готовились из веток разных деревьев: дуба, березы и рябины. Об устройстве лечебной бани старались не говорить не только чужим людям, но и своим близким. Мордва издавна селилась в местности богатой лесами, поэтому не удивительно, что травы занимают значительное место в этномедицине.

МИНИБАЕВА Заря Ибрагимовна

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

ДЕТСКИЕ ОБЕРЕГИ У КУРГАНСКИХ БАШКИР

По народным представлениям курганских башкир, счастливым считается ребенок, родившийся в «рубашке» – околлодной оболочке. Повитуха высушивала ее, а затем сложив треугольником, пришивала в тряпке к одежде ребенка как оберег. Если в семье часто умирали дети, через семь дней после рождения нового ребенка повитуха собирала семь лоскутов ткани из семи дворов и шила рубашку-оберег для младенца. При этом передняя часть, спинка и рукава рубашки шились из двух лоскутов, а воротник – из одного. Для этого необходимо было использовать только новые ткани. Для маленьких детей шьют головной убор-тюбетейку также из лоскутов. Для предохранения от болезней новорожденного и роженицы записывают дегтем на бумаге первую суру из Корана (Аль-Фатиху), и сложив в треугольник, пришивают к одежде роженицы в подмышечной области. После сорока дней этот оберег кладут в колыбель под подушку младенца. В колыбель кладут также молитвенные книги, чтобы оберечь ребенка от злых сил. Существует множество оберегов для защиты младенца от сглаза. Чтобы избежать сглаза, новорожденным на лбу делают метку сажей, набрав ее пальцем из-под котла. Солью посыпают родничок ребенка, или же растворив ее в воде, обтирают ему затылок, виски и спину. Наиболее распространенным оберегом от сглаза является пух, взятый из хвоста гуся, который красят в разные цвета. Такой пух прикрепляют к тюбетейкам, а также пришивают в один ряд к передней части детской шапки. Пух с курицы с хохлом также наделен магическими свойствами. Чтобы предохранить от сглаза, маленьким девочкам надевают браслеты из разноцветных кораллов. К детской одежде и головным уборам прикрепляют всевозможные обереги: раковины каури, серебряные монеты, пуговицы, веточки осины. Доклад построен на основе полевых исследований автора.

МИННИЯХМЕТОВА Татьяна Гильфияхметовна

*Институт истории и европейской этнологии,
университет Инсбрук, г. Инсбрук (Австрия)*

НАРОДНЫЕ СПОСОБЫ ИСЦЕЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПОГРАНИЧНЫХ ЗОНАХ

В народной медицине известны тысячи способов избавления от недугов и исцеления больных традиционными методами. К одним из распространенных и экстраординарных относится совершение своего рода магических действий в пограничных зонах пространства – на пороге двери, под матицей дома, у приусадебных и полевых ворот, у заборов и ограждений, на перекрестках дорог, у рек и водоемов, на мосту через реки и логи и т. п. Обычно с целью эф-

фективного достижения желаемых результатов выполнение любой операции требует беспрекословного соблюдения определенных правил. Сюда непременно следует включить временно-пространственные ограничения, обладание соответствующими заклинательными словами и выражениями или знание их, наличие требуемых конкретной операцией предметов и инструментов, необходимое число участников, информированность о правилах выполнения предпринимаемых действий и пр.

К традиционным способам исцеления прибегают как при известных всем заболеваниях, так и при затруднениях определить диагноз. К народному врачеванию обращаются и при отсутствии позитивных результатов от лечения современными медицинскими методами и при продолжительных страданиях недугами. Такие заболевания считаются или приобретенными естественным путем, или при вмешательстве темных сил. К избавлению от каждого из них выработаны конкретные способы. Кроме того, имеются и такие проблемы, как неумение ребенка говорить или ходить до определенного возраста, нежелательные поклонники, против которых необходимо сделать «отворот», ограждение живых от возвращающихся покойников и пр. Ритуальные действия в пограничных пространственных зонах привлекаются и при исцелении домашних животных.

НИКОНОВА Людмила Ивановна

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

ПРИРОДНЫЕ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНИЯ В ЭТНОМЕДИЦИНЕ МОРДВЫ АМУРСКОЙ, МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТЯХ И РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2009 г.

Согласно Всероссийской переписи 2002 г., численность мордвы в Амурской области составляет – 1258 чел., в Магаданской – 287 чел., в Республике Саха (Якутия) – 2092 чел. В 2009 г. была совершена этнографическая экспедиция в указанные регионы (проф. Л. И. Никонova – руков. эксп. и Л. Н. Щанкина). Произведен сбор историко-этнографического материала от жителей исследуемых областей, документации по истории сел и заселения, в т. ч. по народным знаниям – этномедицине. Средства народной медицины обычно есть в каждой семье – сушеные травы или их сборы, настойки на травах, если содержат домашних животных – средства животного происхождения (мази, жир, воск, мёд и т. д.). Этими средствами пользуются при различных заболеваниях, для оказания первой помощи. Часть наших респондентов, обычно в возрасте старше 30 лет, особенно интересуются народной медициной, выписывая и покупая специальную литературу, собирают сведения из средств массовой информации (телепередачи, газеты). Информаторы с интересом рассказывают о своих знаниях по этим вопросам, предлагают посмотреть запасы средств народной медицины, книги или брошюры. К примеру,

по сведениям информаторов из Магадана, свежие ягоды голубики употребляют в пищу повсеместно, из них варят варенья, морсы, кисели. В окрестностях Магадана на склонах сопки растёт кедровый стланик, орехи которого считаются полезными для чистки и стенок кровеносных сосудов, а также в качестве профилактического средства от всех болезней и для укрепления иммунной системы. В Амурской обл. наши респонденты – мордва – пьют в качестве средства, успокаивающего центральную нервную систему, слабый отвар горюхавы сибирской (адонис сибирский или стародубка). В пос. Синегорье в Республике Саха (Якутия) донник считается растением для успокоения головных болей, нервной системы. Исходя из собранных сведений, этномедицина занимает важное место в быту населения исследуемых регионов. В большинстве своем, это средства биологического происхождения – травы. Их не так много, что вполне объяснимо – природа не везде одинакова, а в Магаданской обл. растительность крайне скудна. Средства народной медицины обычно есть в каждой семье. Самый распространенный повод применения этих средств – оказание первой помощи. Заговорами пользуются редко, но тексты их есть у многих, как подчеркивают сами респонденты, «из-за любопытства». В наши дни задача этнографического изучения мордвы стала особенно актуальной. Это дает возможность для воссоздания исторического и культурного сохранения прошлого мордовского народа с целью их знаний о традиционных способах сохранения здоровья как на территории Республики Мордовия, так и за ее пределами.

НИКОНОВА Людмила Ивановна

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

ЭТНОМЕДИЦИНА МОРДВЫ В ОМСКОЙ, ТОМСКОЙ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТЯХ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2009 г.

Согласно Всероссийской переписи 2002 года в Томской области численность мордвы составляет 1808 человек, Новосибирской области – 2608 человек, Омской области – 1966 человек. В 2009 г. нами была совершена этнографическая экспедиция в эти регионы для изучения исторического прошлого, особенностей традиционной культуры и тенденций современного социального развития мордовского населения, проживающего на территории Сибирского региона. Особый интерес представляет процесс адаптации мордвы переселившейся с Мордовии в исследуемые регионы через взаимодействие с окружающей средой. Изменение природной среды существенно влияет на здоровье человека, но и помогает открывать в ней новое, использовать некоторые её составляющие для сохранения своего здоровья, в т. ч. и в народной медицине (этномедицине). Подобные процессы происходили и у мордвы при заселении территории Сибири. К примеру, в с. Верх-Тарка Новосибирской обл. мордовское население издавна запасает

разные виды лечебных растений. «Мы читаем литературу по народной медицине, но травы отбираем и сами, испробовав их полезность», – говорят информаторы. Некоторые приготовленные средства помогают сразу, а большинство имеют накопительный характер – их действие может проявиться по истечению некоторого времени. К примеру, тысячелистник незаменим для остановки внутренних кровотечений; выращивают девясил, который лечит от 99 болезней; полезными считаются и цветы боярышника, розового клевера. Володушку золотистую в с. Победа Омской обл. заваривают как чай и пьют как желчегонное средство. Информаторы из г. Стрежевого, с. Чердаты и Мишутино Зырянского района Томской области настоем из звездчатки натирают ноющие суставы. Повсеместно в с. Высокое Зырянского района Томской обл. настоем листьев или корней из лопуха полощут воспаленное горло. Немало и других народных средств и методов у мордвы в исследуемых областях, но исходя из имеющихся сведений, мордовское население, проживающее в Омской, Томской и Новосибирской областях, чаще используют биологические средства лечения, ибо, по словам информаторов: «Природа – это кладезь полезностей в сохранении здоровья и профилактики от болезней. Не ленись, познавай и применяй. Она же помогла нам адаптироваться к новым условиям проживания». Мы надеемся, что сведениями, собранными в этнографической экспедиции, мы восполним пробел в знаниях традиционного способа сохранения здоровья у мордвы при адаптации в ином регионе проживания, а также разумном использовании окружающей среды.

ОМАКАЕВА Элара Уляевна

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,
г. Элиста*

О ПОНЯТИИ «СҮМСН» (ДУША) В НАРОДНОМ ВРАЧЕВАТЕЛЬСТВЕ КАЛМЫКОВ*

Калмыкам душа представлялась как материальная субстанция, «путешествующая» по телу и способная выйти из него при определенных условиях. Человек, если его на время покинет душа, не умирает, но теряет жизненную силу. Калмыки считали, что душа в течение месяца циркулирует по телу человека. Поэтому калмыцкие эмчи избегали воздействия на тот орган человеческого тела, в котором находится в данный момент душа. В противном случае душа могла выйти из тела. Наряду с «суточной» душой существует и годовая, и сезонная, и часовая. Годовая имеет 12-летний цикл, сезонная – трехмесячный, часовая – 12-часовой цикл (учитывая, что калмыцкий час равен двум обычным часам).

Временную потерю души определяли разными способами: 1) по астрологическим параметрам (при наступлении года своего животного знака, при повторении мэнгэ рождения и т. п.); 2) по пульсу; 3) по внешним признакам (взгляду, цвету лица, поведе-

нию, сердцебиению); 4) по снам, несчастьям, испугу; 5) путем гадания.

Причиной болезни могли быть действия злых духов, сглаз, порча (проклятье). Лечили такую болезнь как средствами народной магии (дом), так и шаманскими, буддийскими обрядами. Чтением заклинаний изгоняли духов болезни из больного. К средствам народной лечебной магии следует отнести «литье свинца» (хорһлж цутхх) при потере души от сильного испуга у детей, «зажигание спичек» (хустг зурх) при сглазе, «отрезание черного языка» (хар кел утлх) при порче.

ПОПОВКИНА Галина Сергеевна

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток*

ДВОЙСТВЕННОСТЬ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В народной медицине восточных славян тесно сплетены языческие и христианские элементы. Современные народные врачеватели (знахари) считают себя православными, а свое лечение «от Бога». Церковь не приемлет знахарство, рассматривая его как разновидность магической практики. Сами знахари отличают себя от колдунов по этическим взглядам. Они используют христианские атрибуты: святую воду, молитвы, иконы и т. п. Но в мировоззрении знахаря прослеживаются отчетливые языческие черты: представления об устройстве мира, о болезни, о причинах и способах исцеления. В знахарстве человек – часть природы, микрокосм. В христианстве – член Церкви, микрокосм. Также можно выделить ряд других существенных расхождений: описание дара целительства, полученное от респондентов, сопровождающие его знаки судьбы в знахарстве существенно отличаются от описания обретения целительского дара в житиях святых. Церковь, как и знахарство, признает наличие в мире вредоносных и благих духовных сущностей. Однако, в отличие от знахарства она настаивает на том, что правильное взаимодействие с этими сущностями возможно только при наличии особого дара: различения духов. По ряду признаков знахари не могут быть отнесены к категории людей, обладающих этим даром. То же может быть сказано и о природе энергий, которыми оперируют знахари. В ряде случаев их поведение может быть квалифицировано как «одержимость». Для различения истинной природы лечения знахаря нужен особый духовный опыт.

ПОРОЗОВА Алефтина Дмитриевна

Музей-заповедник «Родина В. И. Ленина», г. Ульяновск

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ЧУВАШ-ЯЗЫЧНИКОВ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2010 г.

Население Симбирской губернии конца XIX – нач. XX в. было представлено многими этническими группами, основные из них: русские, мордва, чуваш и татары. Население Симбирской губернии на рубе-

* При финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-04-00449а).

же веков принадлежало к разным религиозным конфессиям. Основные из них – православие, которое исповедовали 92% населения, ислам – 90 тыс. человек, кроме того, в 1865 г. в Буинском районе проживали 72 чуваша-язычника. Несмотря на то, что мордва и чуваше ещё в XVI–XVII вв. приняли христианство, чуваше Буинского района сохранили свою веру и остались язычниками. И сейчас ещё в некоторых сёлах Ульяновской области языческие верования сохранились, неся свою культуру в быт современного человека. Для более детального изучения культурного наследия чуваш-язычников, в частности традиционной народной медицины, нами была организована экспедиция в Цильнинский район Ульяновской области, в село Старые Алгаши – место компактного проживания чуваш-язычников. Выяснилось, что помимо лечения больных травмами, средствами животного и минерального происхождения, в народной медицине чуваш-язычников присутствовали иррациональные магические способы целительства, включающие как лечебную (знахарство), так и предохранительную (обереги, апотропей) магию. У чуваш-язычников роль знахаря выполнял «юмзя», к которому и обращалось население за медицинской помощью. Культуру и быт села Старые Алгаши ещё в 1906 г. изучал венгерский исследователь Кьюли Месарош, который написал книгу: «Памятники старой чувашской веры». Но опубликована она была только в 2001 г. Чувашским книжным издательством. В ней мы находим материалы по народной медицине чуваш-язычников, причем многие способы лечения сохранились до настоящего времени.

РОМАНОВА Марина Николаевна

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ МОРДВЫ В СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Окружающая среда, человек (общество) и культура жизнеобеспечения представляют единую взаимосвязанную систему. Социокультурный комплекс как часть этой системы в своем историческом развитии адаптируется к определенной природной среде, обеспечивая человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды. Рассматривая типы заселения и расселения мордовского населения, можно сказать, что для них характерны в большинстве приречный, приовражный, а позднее водораздельный типы заселений. Мордовское население Мордовии в качестве основного строительного материала использовали древесину хвойных, лиственных пород. Основными типами жилища являлись двухкамерные и трехкамерные избы. В конце XIX в. более зажиточные хозяева начали возводить четырехстенки и пятистенки, которые в настоящее время получили повсеместное распространение в мордовских селениях. Выбор способа застройки усадьбы обусловлен не только вкусами хозяев, но и природно-географиче-

скими и климатическими факторами, спецификой крестьянского хозяйства, уровнем состоятельности каждой семьи, традициями строительной культуры населения. Места, где проходили различные обряды мордвы, определялись образом жизни самого народа. Местами ритуальных действий служили улицы поселений, а также жилые и хозяйственные постройки. На улицах проводились общественные гуляния, катания на лошадях, делали ледяные горки, своеобразные карусели, качели и т. д. В жилых и хозяйственных постройках совершались ритуалы, связанные как с общественной, так и с семейной жизнью людей (свадебные, родильные и похоронно-поминальные обряды). В избах существовало несколько сакральных центров: домашний очаг – печь, передний угол избы, дверь и др. Обряды мордвы, связанные с жилищами и хозяйственными постройками, были насыщены религиозно-магическими ритуалами с молениями и жертвоприношениями в честь богов и духов. В системе обрядов, связанных со строительством жилища у мордвы особо важную роль играли обрядовые действия, которые предваряли строительство нового дома. К их числу относятся обряды выбора места и времени для строительства; закладку нового дома; обрядовые действия, связанные с переходом в новый дом, как самих членов семей, так и божеств; обряды, связанные с охраной членов семьи от несчастных случаев и др. Мордовское население Мордовии в прошлом для сохранения здоровья обращалось к различным божествам, связанных с жилищами и надворными постройками (Юртава, Кудава, Каштомава, Толава, Толата, Кеншава, Кенкшата, Банява, Овунава и др.). Существовало и много способов лечения народными средствами, которые непосредственно происходили в жилище, где имелись иконы и домашняя утварь (посуда, кровать, стол, печь, порог и т. д.), и бане. При этом жилище, баня и некоторые предметы быта были необходимыми для профилактики и лечения болезней. Сейчас мы вновь обращаемся к опыту наших предков, который собирался сотнями поколений. Этот опыт – часть нашей истории.

САТАРОВ Рамис Талгатович

*Институт истории АН Республики Узбекистан,
г. Ташкент (Узбекистан)*

К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ЦЕЛИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Традиционный целитель является человеком, к которому определенная часть населения обращается для непосредственного контакта с миром сверхъестественного, могущего таким образом помочь излечить тех, кто страдает от болезни, якобы посланной обиженными или злыми духами. Многие полагают, что эти особенные люди могут не только исцелять, но и зачастую предсказывать будущее, накладывая заклятия, защищать от врагов. Такого рода целители часто сочетают в себе многие функции, и можно предположить их значение в качестве объектов аль-

тернативного духовного источника. Современные целители, использующие элементы шаманских практик, предположительно представляют собой социальное явление, которое посредством выражения индивидуальности помогает другим преодолеть социальный прессинг. При этом целительство на основе элементов шаманизма является источником реализации человеческой потребности выходить за пределы собственного эго, ощущать причастность к силам и смыслам большим, чем мы сами. Антропологические исследования показывают, что шаманские техники во многом близки техникам психотерапии. Социальный прессинг и тяжелые психологические переживания в жизни часто являются причиной депрессии, которая является составляющей для шаманского кризиса. По этой причине большинство психиатров признают за духовными практиками функции социальной адаптации, а шаманские практики определяются как действия, вызванные для решения неблагоприятных или кризисных ситуаций. Эти практики могут осуществляться индивидуально. Надо заметить, что шаманские практики в городских условиях достаточно жизнеспособны. Вместе с тем, когда шаманские практики активизируются в обществе, они приходят во взаимодействие с множеством других социальных институтов и ценностей.

ШЕВЦОВА Анна Александровна

*Центр международных образовательных программ
Московского института открытого образования,
журнал «Этносфера», г. Москва*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ У МИГРАНТОВ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

На основе полевых исследований автора в Мордовии (2008–2010 гг.) в докладе анализируется повседневная практика использования средств народной медицины в семьях переселенцев из государств Закавказья, а также факторы, влияющие на ее трансформацию. Повсеместно при лечении, профилактике и восстановительном периоде целого ряда заболеваний представители народов Закавказья пользуются традиционными средствами народной медицины, принятыми на родине. Терапевтический эффект большинства из них подтверждается современной медициной, хотя рациональные объяснения «пользы» информанты часто принимают с оговорками: «помогает, если с молитвой», «помогает, потому что деды наши так лечились». Популярно представление, что обычная еда тоже может быть лекарством. Вот лишь некоторые народные средства: при головной боли, беспокойстве, утомляемости, повышенном давлении используется мятный чай, разведенный в воде мед, отвар шиповника (грузины, армяне, азербай-

джанцы), при простуде – малиновый чай, виноградная водка (грузины), тутовая водка (армяне), растирание курдючным жиром (азербайджанцы, езиды), при малокровии – гранатовый сок (армяне, азербайджанцы, езиды), при отравлении – грецкие орехи с инжиром и солью (грузины), высушенные куриные пупки (езиды), при кашле – уваренный виноградный и тутовый сок с сахаром (армяне), отвар сухой кожуры граната (грузины, езиды), при авитаминозе – кервель, черемша, лук, чеснок (армяне, грузины), при мастице – сухое красное вино (грузины), при похмелье и ревматизме – хаш (армяне, грузины, азербайджанцы), от зубной боли – чеснок (езиды), от гепатита – дикий мед (езиды). Прислушавшись к советам местного населения (мордвы, русских, татар), многие мигранты – сельские жители – стали возводить бани, почитаемые народами Поволжья средством от всех болезней, заготавливать лесные ягоды, противопростудные сборы.

ЮХАС Каталин

*Институт этнологии Венгерской академии наук,
г. Будапешт (Венгрия)*

СТРУКТУРА НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ И ЕЁ СВЯЗЬ С ГИГИЕНИЧЕСКИМИ ОБЫЧАЯМИ И ОБРЯДОВЫМ ОМОВЕНИЕМ

Различные способы принятия лечебных ванн и омовений принадлежат к основным процессам традиционной, а также профессиональной медицины. Хотя под понятием «медицина» люди обычно подразумевают *лечение*, медицина имеет и другую основную задачу – *профилактику*. Если мы посмотрим на медицину с точки зрения гигиенических обычаев и различных магических процедур, обрядовых омовений, станет ясным, что и профилактики и лечение имеют одинаковую важность.

Ежедневные гигиенические процедуры, ритуалы омовений в календарные праздники или особые периоды жизни человека, а также другие магические формы омовений, являются компонентами определенной всеобъемлющей системы.

Каждый акт омовения или очищения происходит с целью избавиться от чего-то нежелательного, то есть, для предотвращения или удаления физической грязи, либо предотвращения магических действий, вызывающих «порчу» или заболевание, либо от моральной нечистоплотности. Эти действия рассматриваются, как комплекс лечебных и профилактических мероприятий, которые можно охарактеризовать при помощи комбинации четырех пар противоположных понятий, входящих в структуру вышеупомянутой системы. Эта система будет конкретизирована в докладе на примерах из венгерских народных традиций.

Симпозиум 5

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Секция 1. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Руководители: д.и.н., проф. Губогло Михаил Николаевич (Москва);
к.и.н. Жигунова Марина Александровна (Омск)

АБРАМОВА Мария Алексеевна

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

ПОНЯТИЕ «ЯЗЫК» В РАМКАХ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Проблема этнической самоидентификации личности в условиях трансформации современного мира предлагает различные решения. Так, Ю. Бромлей, выделяя характерные признаки этноса, отмечает, что этнические свойства (язык, культура, сознание) формируются только в соответствующих условиях – территориальных, природных, социально-экономических, государственно-правовых. В современных условиях усиления миграционных процессов, общность территории, а также общность языка (как речи) уже не являются столь сильными факторами как ранее. Если мы будем рассматривать язык не только как речь (вербальную систему), но и как невербальную систему, которую выстраивает любая культура, или усложним восприятие понятия «язык», выстроив логические цепочки до понятия «семантическое пространство», в котором формируется личность, то тогда мы сможем найти объяснения не только фактам проявления ярко выраженной этнической самоидентификации личности, не владеющей своим родным языком (речью), но и сможем усилить обоснование позиции этнопсихологов, считающих, что именно этническое самосознание и самоидентификация личности является доминирующими в современном глобализирующемся пространстве. Этот подход пересекается с семиотической интерпретацией культуры К. Гирца: «человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а ее анализ – за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений» [Гирц К. Интерпретация культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 11].

АККИЕВА Светлана Исмаиловна

Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик

ПЕРЕПИСЬ 2010 Г. И ВОПРОСЫ О ЕДИНОМ САМОНАЗВАНИИ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (НАУЧНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕБАТЫ)

Подготовка к переписи 2010 г. вызвала новый виток научных и общественных дебатов по вопросу единого

самоназвания у народов адыгской подгруппы северокавказской семьи языков (адыгейцев, шапсугов, кабардинцев, черкесов) и тюрков – карачаевцев и балкарцев, проживающих совместно с адыгами в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Эта проблема активно обсуждалась в начале 90-х гг. XX в. Так, в 1992 г. на первом всеадыгском съезде в г. Нальчике, было принято решение, что единым самоназванием для народов адыгской подгруппы признать «адыгэ», а единым этническим названием (экзоэтноним) для всех адыгов считать «черкес». В августе 1992 г. была создана Межнародная Адыгская (черкесская) академия наук, одной из задач которой было научное обоснование этой идеи.

В начале 1990-х гг. тема единого самоназвания для карачаевцев и балкарцев (несмотря на активное обсуждение и признания, что единым самоназванием для карачаевцев и балкарцев должно быть название «алан») не получила какого-либо оформления. Лишь в 2002 г. была создана общественная организация балкарского народа «Алан», вошедшая в региональную общественную организацию «Алан», объединяющую осетин (северных и южных), карачаевцев и балкарцев.

В период подготовки к переписи 2010 г. адыгские молодежные организации призвали записаться в переписи «черкесами», что вызвало неоднозначную реакцию среди представителей адыгских народов. Общественные организации карачаевцев и балкарцев призвали записаться в переписи как карачаевцы и как балкарцы, особо отметив, что необходимо помнить о правах репрессированных народов.

АЛИМБАЙ Нурсан

Центральный государственный музей

Республики Казахстан, г. Алматы (Казахстан)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ: ПАРАДИГМЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются архетипы, парадигмы и механизмы реализации национально-культурной идентичности в сложившейся координате мультикультурного пространства современного Казахстана. На примере казахского этноса отмечается, что проявление национально-культурной идентичности на различных уровнях социума происходит по-разному: более интенсивно в нематериальных сферах (литература, искусство, гуманитарные науки, образование и т. д.), менее – в производственно-экономических отраслях, достаточно умеренно – в политической

жизни. Сбалансированное взаимодействие этих сфер и их составляющих достаточно сильно институционализировано сверху, т. е. четко регулируется властными структурами. Этим и объясняется своеобразие мультикультурного пространства функционирования национально-культурной идентичности не только казахов, но и других этнических групп в современном Казахстане.

АМАНЖОЛОВА Дина Ахметжановна

Институт туризма и гостеприимства, г. Москва

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДВИЖЕНИЯ АЛАШ КАК ФАКТОР САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Культурное наследие автономистского движения Алаш, организационно оформившегося в 1917 г., составляет сегодня важнейшую консолидирующую и идентификационную основу в процессах конструирования самосознания и самопрезентации казахской интеллигенции, прежде всего научной (гуманитарной) и литературной. Именно казахские автономисты, объединившие интеллектуальную и творческую элиту казахов в начале XX в., были замечательными поэтами, писателями и учеными, создателями казахского литературного языка и грамматики, первых школьных и вузовских учебников, активными исследователями этнической истории, этносоциальных процессов, в т. ч. проблем экономической модернизации и русско-казахского межкультурного диалога в разных его проявлениях и на разных социально-политических «этажах».

Это наследие в настоящее время не только реабилитировано и опубликовано, но и служит мощным инструментом как закономерного возрождения этнокультурных ценностей и моделей социального проведения, так и новой мифологизации истории Казахстана в XX в., отражающей противоречия этнополитического развития молодого государства. Особенно острые дискуссии, в которых целенаправленно и активно используется аргументация, научное и художественное творчество лидеров Алаш, разворачиваются в рядах интеллигенции по поводу предпочтительной идеологической доктрины, способной обеспечить целостность государства и «казахскость» казахов как титульного этноса, понимания и принципов формирования гражданской нации в Казахстане.

АНЖИГАНОВА Лариса Викторовна

Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия, г. Абакан

ЭТНИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ХАКАССКОГО НАРОДА)*

Система внутренней интеграции и внешней дифференциации этносов формулируется в миро-

воззренческих терминах и превращается в устойчивое ядро культуры народа. Этническое мировоззрение можно определить как систему представлений этноса о мире в целом, о себе и своем месте в нем, позволяющую ему идентифицировать себя как целостность во времени и пространстве. Осознание этносом целостности в пространстве означает возможность: дифференцировать этнос от других этнических и внеэтнических образований; выделить компоненты жизнедеятельности народа, способствующие внутриэтнической интеграции (этническое самосознание, культура, язык, территория и т. п.). Обретение целостности во времени способствует обоснованию его положения как необходимого звена между прошлым и будущим, удовлетворяя главную потребность – быть, существовать всегда, вечно.

Этническое мировоззрение включает в себя следующие основные компоненты: модель мира; иерархию потребностей, интересов и ценностей, выражающихся в национальной идеологии; особенности этнопсихологических установок, стереотипов мышления и поведения как наиболее укорененных и консервативных пластов мировоззрения этноса; механизмы, поддерживающие целостность народа (мировоззренческие основания традиций, обычаев и пр.). Будучи генетически вторичным по отношению к базовым этническим признакам («вмещающему ландшафту», языку, культуре), оно отражает их. В процессе развития этноса оно получает относительно самостоятельное существование. Поэтому этническое мировоззрение оказывает обратное влияние на этнос, подтверждая (или опровергая) его целостность во времени и пространстве.

АНТАГУЛОВ Ирек Равильевич

*Магнитогорский государственный университет,
г. Магнитогорск*

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАГАЙБАКОВ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Этническая принадлежность этой группы остается дискуссионной не только на фоне обсуждения «кряшенского вопроса» в целом, но и в контексте собственно «нагайбакской проблемы». Вполне определенно можно обозначить две точки зрения на данный вопрос: нагайбаки – сословная группа субэтноса кряшен этноса волго-уральских татар, и нагайбаки – самостоятельный этнос, выделившийся, в силу ряда причин, из этноса волго-уральских татар. В качестве самоназвания все нагайбаки используют этноним «кэрэшэн». Этноним «нэгэйбэклер» выступает в качестве самоназвания второго уровня и используется преимущественно при общении с представителями других этносов. Следовательно, проблему этнической диагностики нагайбаков следует рассматривать в рамках дискуссии по так называемому «кряшенскому вопросу». Особенность условий формирования нагайбаков состоит в том, что

* Исследование осуществлено при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (госконтракт № 02.740.11.0585)

эта группа с 1842 г. оказалась в географической изоляции от ближайших родственников – бакалинских крышен. Новая географическая и сословная среда (Новолинейный район Оренбургского казачьего войска) выработали вполне очерченное самосознание нагайбаков, построенное на многоуровневой формуле самоидентификации группы. Советский и постсоветский периоды ситуацию не упростили. Нами были проведены исследования по изучению степени сохранности основных элементов традиционной культуры, маркирующих этническое своеобразие группы: религиозного и языкового состояния, традиционной кухни, народных песен и сказок. Результаты отражены в таблицах с учетом половозрастной структуры населения.

АНТОНОВА Марина Сократовна

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, г. Санкт-Петербург

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ БУРЯТ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Научно-исследовательский интерес к этнической истории, традиционной культуре и ее сохранению, современному положению этносов и осмыслению их роли в социально-политических и культурных процессах, достаточно актуален. Предметом особого внимания и анализа представляются проблемы, связанные с трансформацией традиционных культурных ценностей, которые обеспечивают своеобразие и специфику этнической культуры, являются важнейшими механизмами ее поддержания и сохранения. От степени функционирования традиционных культурных ценностей во многом зависит не только сохранение культурной самобытности народа, но и само его существование как этнической общности. В этой связи исследование изменений традиционных культурных ценностей бурят в современных условиях приобретает особую значимость для прогнозирования тенденций дальнейшего развития этноса и носит междисциплинарный характер.

Трансформация культурных ценностей бурят обуславливается следующими факторами: урбанизация общества; особенности этнокультурных процессов; тенденции развития этноязыковых процессов; изменения в социальной структуре бурят; степень религиозности; уровень знания традиционной культуры; изменения в семейной структуре, семейно-бытовых отношениях. Чем выше степень значимости культурной ценности, подвергающейся трансформациям, тем большего изменения следует ожидать в поведении людей, разделяющих эту ценность. Изменения в социокультурном пространстве приводят к динамике ценностей. Необходима выработка системы мер по сохранению традиционных культурных ценностей в полиэтнической среде и трансформации общества, повышению их роли в общественной жизни этноса.

АСТЭР Ирина Валериевна

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург

МЕСТО И РОЛЬ УЕДИНЕНИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА)

Современные мегаполисы не отвечают потребности человека в общении. Лишь в уединении – это ключ к пониманию смысла социальной деятельности в периоды всеобщей неуверенности, когда в обществе возрастает когнитивная потребность в общности. Важным стимулом для индивидуальной идентификации и солидарности становятся политически активные религиозные движения, «фрагментирующие» некогда относительно цельное социальное пространство. Социальные группы таким образом выстраивают свое поведение, чтобы оно представлялось как ориентированное на общее благо. Удовлетворяя потребность в признании и силе, они создают самопрезентацию, которая соответствует их идеалу «Я» и замещает плохое реальное «Я». К примеру, модно быть православным. Но назваться «православным» не означает сущностной включенности в эту жизнь. Зачастую только непризнание сконструированной идентичности со стороны значимых «других» подталкивает искать выход безотнositельно к построению очередного мифа идентичности. На примере практик православного монашества автор раскрывает ключевые составляющие уединения и его роль в процессе культурно-исторической самоидентификации. Так, уединение включает: непорочность (подразумевающую свободу, погруженность в себя, молитву, способность воспринимать новое в себе, для себя, для другого, для других), целомудрие (как объединение различий, отказ во имя обета от не дифференцированности, принятие дистанции между телами как между субъектами), celibat (где каждый – не только «половина пары», но имеет собственное призвание, а существование – другие ценности).

БАБЕНКО Василий Яковлевич

Уфимский филиал Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, г. Уфа

УКРАИНЦЫ РОССИИ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глобальные политические и социально-экономические изменения конца XX в. способствовали росту национального самосознания народов России в т. ч. украинцев, стремлению к национальным формам самоорганизации общественной жизни. Сегодня в России действует более 100 украинских организаций, объединенных в федеральные организации – Объединение украинцев России (1993 г.) и Федеральную национально-культурную автономию украинцев Рос-

сии (1997 г.). Результатом их деятельности явилось создание воскресных/субботних школ, открытие в общеобразовательных школах классов с изучением украинского языка, преподавание в вузах украинского языка как предмета или факультатива. Повсеместно создаются фольклорные художественные коллективы. Стало традицией проведение различных фестивалей и т.д.

Пик этнокультурной активности украинцев приходится на конец 1990-х гг. В настоящее время идет его спад, обусловленный сменой поколений в политической элите России и украинском движении и парадигмы внутренней и внешней политики российского руководства; сокращением затрат на развитие культуры и образования национальных меньшинств, усилением контроля и ограничением украинского движения в РФ. Это отразилось на этнодемографических показателях. Перепись 1989 г. зафиксировала 4,35 млн., 2002 г. – 2,94 млн. украинцев. Для сдерживания ассимиляционных процессов среди украинцев необходимы активные меры со стороны общественных украинских организаций и государственных структур России и Украины.

БАТЫРОВ Валерий Владимирович

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,
г. Элиста*

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЛМЫКОВ

Этноним «калмык» вошел в обиход сравнительно недавно – в XVIII в. Главными причинами были не внешние причины, а изменившийся субэтнический состав среди самого калмыцкого населения (торгуты, дербеты, хошуты) после ухода большинства торгутов в Китай в 1771 г. Если в XVII–XVIII вв. превалировало торгутское большинство, то уход 1771 г. стал причиной ликвидации Калмыцкого ханства и радикально изменил субэтнический состав. Соответственно этноним «калмык» стал основой этнической идентичности как результат событий 1771 г. и с тех пор не подвергался ревизии.

В советское время целенаправленная политика по формированию единой «советской нации» во второй половине XX в. привела к появлению в полиэтнической Калмыцкой республике бикультурной идентичности – «и калмык, и советский человек». С распадом СССР и созданием Российской Федерации бикультурная идентичность приобрела новое звучание – «и калмык, и россиянин».

В настоящее время потеря большей части консолидирующих признаков в результате процессов адаптации и глобализации привела к тому, что в Калмыкии снова возникла проблема этнической идентичности. Особую актуальность указанные проблемы приобрели в преддверии Всероссийской переписи 2010 г., когда в обществе возникло движение за возвращение древнего этнонима «ойрат» и отхода от этнонима «калмык». Таким образом, в Калмыкии возникла тенденция к формированию

новой тройной идентичности – «и калмык, и ойрат, и россиянин».

БЕЛЕЦКАЯ Екатерина Михайловна

Тверской государственный университет, г. Тверь

ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА КАК ПРОЦЕСС ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Движение за возрождение казачества возникло не случайно. Казачество как сложившаяся группа с самобытной культурой и самосознанием, с традиционно высоким статусом воинов-защитников, продолжает оставаться этносоциальным феноменом. С казачеством идентифицирует себя часть населения России. В переписи 2002 г. 142 тысяч человек в пункте «национальность» написали «казак»; в казачьих обществах, включенных в реестр, их 650 тысяч (по данным Б. Алмазова). Кроме того, в России живут люди, не внесенные ни в какие статистические отчеты, которых с казачеством связывают генетические корни. Ключом к пониманию притягательной силы казачества являются его отличительные черты. Идеализация героического, патриотизм, мужество и храбрость, чувство товарищества, сохранение славной истории казачества в коллективной памяти, в песенном фольклоре, осознание ценности традиционного культурного наследия и неразрывная связь поколений – вот истинные достоинства казачьего мира.

Значительную роль в освоении, сохранении и возрождении культурного наследия казачества выполняют научные исследования, публикации фольклорных текстов, экспедиционная собирательская работа, Фонды казачьей культуры, в том числе – выступления казачьих фольклорных коллективов, фестивали и форумы, создание фоно- и видеотек с записями песенного фольклора на электронных носителях и обеспечение свободного доступа к этим материалам через библиотеки, Интернет и др. Все это способствует взаимосвязи самосознания, идентичности и культуры современного общества.

БЕРКОВИЧ Наум Арьевич

*Санкт-Петербургский университет сервиса и экономики,
г. Санкт-Петербург*

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРОБЛЕМЫ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Этнокоммуникативному пространству этносов, определяемых в своем современном развитии как кризисные (тлингиты Аляски, инуиты Гренландии и Канады, индейские племена Бразилии, обские угры, кеты и др.), присущи фактическая не востребовавшая ценность-смысловой значимости этнокультурного наследия, исторической памяти, общности происхождения и, тем самым, неразвитое этническое самосознание и деструктивная, негативная идентичность. Актуальной в подобной этнокультурной ситуации оказывается продуманная, широкомасштабная стратегия этнической мобилизации.

БОГАТОВА Ольга Анатольевна

Мордовский государственный университет, г. Саранск

КАТЕГОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В советской национальной политике инструментами институционализации этничности выступали фиксация этнической принадлежности в личных документах и учет населения по этническому признаку, составлявший демографическую базу формирования национально-государственных образований. Единый комплекс механизмов этнодемографической политики в России был дестабилизирован в результате постсоветских трансформаций. Однако прекращение фиксации этнопринадлежности в российском паспорте, означавшее утрату способа централизованного контроля за учетом этнического состава населения и тем самым создавшее возможность появления новых этнических и квазиэтнических социальных категорий и дополнительных возможностей манипулирования этнодемографическими данными в ходе переписей населения в регионах, не означало ее деинституционализации. Категория «национальность» превратилась в инструмент политического давления на уровне регионов вследствие сохранения ее в системе учета населения в ходе Всероссийских переписей, сохранения республик, главным основанием для административного выделения которых, несмотря на формальное равенство статуса с другими субъектами РФ, являются этнодемографические особенности, а также на уровне ведомственных или организационных «микрopolитик» вследствие сохранения категории «национальность» в личных делах и других документах.

ВЕРЕШ Петер

Институт этнологии АН Венгрии, г. Будапешт (Венгрия)

ЭТНИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРНЫЕ НАСЛЕДИЯ У ВЕНГРОВ ФИННО-УГРОВ

Российская этнология, также как и антропология, генетика, археология и т. д., является лидирующей дисциплиной в мировом масштабе, ведь бывший СССР и нынешняя Россия являются государствами, в которых проживает более 120 национальностей, где национальный вопрос всегда интенсивно изучался эмпирически и теоретически. Результаты исследований советских и российских ученых в области этнической идентичности и национальной политики имеют огромное научное значение. Хотя Венгрия считается страной с гомогенным населением в этническом отношении, тем не менее, здесь проживает около 500 тыс. человек – представителей разных национальных меньшинств. Зато 3 млн. этнических венгров живут в соседних странах. В связи с тем, что согласно Венгерской Конституции, во время переписи

населения национальность граждан не указывается, возникают определенные практические трудности в осуществлении политики поддержки меньшинств. Граждане вправе сами свободно относить себя к той или иной национальности, поэтому часто ложно, искусственно создают этническую группу, чтобы получить государственные субсидии, т. е. имеет место так называемый «этнобизнес». В Венгрии 13 национальностей признаются традиционными национальными меньшинствами и имеют право на получение денежных средств от государства. Однако вопрос о представительстве национальных меньшинств в венгерском парламенте пока юридически не решен. Комиссия по вопросам меньшинств называется Комитетом национальностей и этносов, что является тавтологией. Венгерские чиновники не разбираются в терминологии, и некоторые из них, ссылаясь на политкорректность, договорились до того, что термин «этнос» якобы является расистским понятием. Проблемы терминологии также имеют принципиальное значение. На первой совместной конференции советских и венгерских этнографов в Будапеште (1970 г.) профессор МГУ Аверкиева выступила с докладом о названиях этнологической науки в разных странах. Несмотря на это, после политических изменений в странах бывшего соцлагеря, вдруг появились в Венгрии «новые науки», а именно – «культурная антропология» и «историческая антропология» т.е. этнология, якобы ранее разрабатываемые исключительно в США. В Венгрии после 1990 г. марксистский термин «национализм» заменили на англо-саксонский (американский) – «расизм». Но в английском слово (race) раса имеет двойное семантическое значение: «народ» (этнос) и биологическая или антропологическая «раса». В Центральной Европе употребление слова «раса» вместо этноса ассоциируется с фашистской идеологией. В венгерском варианте Конституции ЕС неточно переведено с английского на венгерский понятие «дискриминация», что создает определенные юридические проблемы. Несомненно, что междисциплинарные исследования являются сегодня важнейшим методом, позволяющим решать сложные эмпирические и методологические проблемы науки. Гениальный русский ученый В. И. Вернадский в свое время предвидел, что грядущая наука будет внутренне выстраиваться не по дисциплинам, а по проблемам, и сегодня мы наблюдаем умножение вопросов, которые в рамках только лишь одной узкой научной специальности не могут быть даже корректно поставлены. Однако междисциплинарный метод не является универсальным.

ВОРОЖИЩЕВА Ольга Михайловна

Томский политехнический университет, г. Томск

ФАКТОРЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫМИ КОРЕЙЦАМИ РОССИИ

В настоящее время в РФ проживает около 500 тысяч этнических корейцев. Занимая видное место сре-

ди народов России, переняв многие черты русской жизни, этнические корейцы сохраняют свою социокультурную идентичность. Каким образом им это удастся? К внутренним факторам можно отнести высокий уровень самоорганизации этнических корейцев – после распада СССР и активизации этнических интеграционных процессов на территории РФ российские корейцы одни из первых стали создавать национально-культурные автономии в разных городах нашей страны. Благодаря этому они могут не только сохранять свои культурные традиции, но и защищать свои права на общегосударственном уровне, позиционируя себя как отдельный этнос. Большую роль в идентификации этнических корейцев играют СМИ, сегодня корейская диаспора России выпускает свои газеты и журналы, а также создает свои информационные сайты. Что касается внешних факторов сохранения идентичности, то к ним можно отнести политику Республики Корея по отношению к этническим корейцам, проживающим за рубежом – это, прежде всего, различные законодательные акты, общественные организации, помогающие зарубежным корейцам не только лучше узнать свою историю и культуру, но и реализовать себя. Следует также отметить деятельность корейских протестантских миссионеров, которые приобщают российских корейцев к религии и прививают любовь к родной культуре и традициям. Все это помогает этническим корейцам не только сохранять свою социокультурную идентичность, но и комфортно жить на территории России, считая себя ее гражданами, но в тоже время, осознавая свою этническую уникальность.

ГАБРИЕЛЯН Мхитар Размикевич

*Ереванский государственный университет,
Институт археологии и этнографии
НАН Республики Армения, г. Ереван (Армения)*

СОВЕТСКИЕ ТРАДИЦИИ И ТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО НА ПРИМЕРЕ АРМЯНСКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

На всем постсоветском пространстве в последние два десятилетия протекают интересные, иногда противоречивые с антропологической точки зрения процессы. Перестройка стала причиной переосмысления и активизации национальных движений на всем советском пространстве. Уже в начале 1990-х гг. во многих регионах Союза, как результат активизации национального выступали конфликты, которые плавно переросли в вооруженные конфликты. Со временем антисоветские настроения стали доминирующей на постсоветском пространстве, в том числе в Республике Армения. Советское в условиях активной пропаганды новой политической элиты воспринималось, в основном, как негативное, а отказ от него – как эффективный способ перехода к новым отношениям и внедрения западных ценностей. Не только политиками, но и представителями общественных наук процесс отказа от советского констатировался

как единственно правильный с точки зрения преодоления кризиса и внедрения западных ценностей (демократия, правовое государство, гражданское общество и др.).

Во второй половине 1990-х гг. ситуация изменилась. Тяжелое экономическое положение, массовая миграция, кардинальные изменения в социальной структуре населения привели к активизации «ностальгии» по советскому. Пересмотр ценностных ориентаций явился основным характерным признаком этого этапа. Социальные реалии недавнего прошлого (высокая пенсия, защищенность, бесплатное образование и медицинское обслуживание) стали основными составляющими восприятия советского, в первую очередь, представителями старшего поколения. Бедность, потеря социальных ролей, незащищенность теперь сравнивались именно с советскими, а не с западными ценностями. В результате переосмысления: советское многими представителями армянского общества воспринимается именно как традиционное, идет интенсивный процесс традиционализации советского, который проявляется во многих сферах общественной и политической жизни. Многие детали не только повседневной, но и социально-политической жизни имеют ярко выраженную или скрытую советскую окраску. Таким образом, советские традиции и традиционализация советского, несмотря на кардинальные изменения, продолжают оставаться важными составляющими социально-политических и культурных процессов в Республике Армения.

ГЛУШКОВА Тамара Николаевна

*Сургутский государственный педагогический университет,
г. Сургут*

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ В СОХРАНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХАНТОВ В НАЧАЛЕ XXI в.

Этническая идентичность отражается в различных направлениях функционирования культуры, в том числе и материальной. Современные процессы в культуре обских угров связаны с возрождением интереса к языку, фольклору, традиционной одежде, ремесел и промыслов. На территории Югры в конце 1990-х гг. была создана сеть Центров традиционных ремесел и промыслов. Они объединили мастеров по изготовлению предметов традиционной культуры и сувениров, взяли на себя обучающую функцию: на их базе проходят научно-практические конференции, фестивали традиционных ремесел и промыслов, мастер-классы, на которых обучают известным или уже забытым технологиям. Такие мероприятия позволили обучить мастеров округа почти забытым технологиям обработки рыбьих кож, плетению циновки и корзин. По музейным образцам восстановлена технология традиционной вышивки южных хантов, проведены семинары по крапивоному ткачеству, бисероплетению, узорному вязанию, изготовлению кукол.

Все это позволяет массово изготавливать предметы традиционной культуры, в том числе одежду, которые востребованы, в первую очередь, носителями этнической традиции. На все праздничные мероприятия в поселках и городах ХМАО-Югре ханты появляются в традиционной одежде, даже молодое поколение осознает свою принадлежность к этой древней культуре. Сувенирная продукция, создаваемая на основе традиционных технологий, предметы быта являются своеобразными символами принадлежности к обско-угорской этнической общности.

ГРИГОРЬЕВА Регина Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ НА РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКО- УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

С появлением на политической карте мира новых стран и новых границ проблема идентификации населения актуализировалась. Вопрос о соотношении государственных и этнических границ нередко становится предметом обсуждения пограничных стран. В этой связи большой интерес представляет изучение различных проявлений идентичности на пограничном пространстве, соответствие определенных форм этнической и гражданской идентичности реально существующим государственным границам. В исследовании, проводимом в пограничных районах Брянской области, особое внимание уделялось изучению идентичности 16–18 летних, т. к. завершение формирования идентичности происходит в старшем подростковом возрасте. Как показали исследования, довольно часто у молодых людей граница между гражданской и этнической идентичностью смыкается и слабо дифференцируется. Оценивая важность различных идентичностей, около 60% подростков поставили гражданскую идентичность на первое место. Этническая идентичность несколько уступает гражданской. Эти две идентичности взаимосвязаны и существуют вместе, разделяя между собой первое и второе место. Существуют и другие идентичности – славянин, европеец, человек мира.

В качестве аргументов своей тождественности с русским народом на пограничных территориях России подростки на первый план выдвигают факт их рождения в России. Все чаще при определении своей национальной принадлежности подростки опираются на российское гражданство. Довольно сильная связь этнической идентичности с гражданством наблюдается также в пограничных районах Беларуси и Украины.

Самым важным дифференцирующим признаком русских с украинцами и белорусами подростками обозначен язык. В системе этнических ценностей язык является самым важным идентификационным критерием. Большинство этнокультурных характеристик (обрядовая культура, традиции, система питания и др.) имеют много общих черт на пограничном

пространстве России, Беларуси и Украины. Этнокультурные границы русских, белорусов и украинцев, образованные на основе отличительных характеристик, подростками осознаются очень слабо и не играют важной роли в формировании этнической идентичности подростков.

ГРОТ Лидия Павловна

*Консалтингово-образовательное предприятие
«Норркон АБ», г. Луллео (Швеция)*

ДРЕВНЕЙШИЕ ТРАДИЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОЛЯРНЫЕ КУЛЬТЫ

Изучение традиций культурного наследия с целью лучшего понимания генезиса современных идентичностей народов России – это исследование глубинных корней их культурного взаимодействия. Богатый материал об этом содержится в такой части традиционной культуры как солярные культы. Солярные культы (как в древнерусской традиции, так и в традициях народов Сибири) неплохо изучены, но пока нет исчерпывающего объяснения наличия схожих черт в солярном наследии разных народов России.

Сравнительный анализ солярно-мифологического наследия народов России приводит к мысли о наличии в российской истории периода, связанного с древними индоевропейскими насельниками Восточной Европы, в числе которых я вижу и предков/пращуров русских. Этот индоевропейский субстрат запечатлелся, например, в русских и сибирских солярных мифах. Схожесть этих мифов приводит к предположению о существовании древней северно-евразийской конфессиональной общности, основу которой составляли солярные культы с представлением солнцезбожества, например, в образе медведя. Интересный материал дает сопоставление традиций медвежьих культов у русских и у народов Сибири: у старообрядцев Забайкалья зимний солнцеворот как поворот медведя на другой бок, а у хакасов поворот медведя на другой бок в «месяц медведя» как граница зимы; общерусский праздник зимнего солнцеворота Коляда, кореллирующий с симбиозом имен Коля – Большая Медведица, у обских угров – медвежьи праздники в период зимнего солнцестояния и пр.

ГУБОГЛО Михаил Николаевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

СЮЖЕТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В CODEX CUMANICUS

Оригинал выдающегося письменного памятника тюркского языка, бытовавшего в разговорной речи XIII–XIV вв., был передан в библиотеку Собора Св. Марка Евангелиста в Венеции в 1362 г. Современная тюркология обязана его сохранением выдающемуся итальянскому мыслителю и поэту – Франческо Петрарке.

В первом разделе памятника, получившем название «Книга переводчика», содержится более 2000 слов, расположенных в три колонки и написанных соответственно на латинском, персидском и куманском языках. Во втором разделе «Книга Мессиионов» содержатся молитвы, религиозные и фольклорные тексты, взятые составителями из разговорной речи тюркоязычного населения Причерноморских степей и Крыма.

Впервые отрывки из этого памятника были изданы в России немецким востоковедом, академиком РАН Юлиусом Клапротом в 1848 г. В дальнейшем памятник дважды издавался в Венгрии (в 1881 и 1981 гг.) и неоднократно в ряде европейских стран, в том числе впервые на русском языке в России в 2006 г., благодаря усилиям казахстанского ученого А. Н. Гаркавца.

Особый интерес в самом словаре и в текстах, разделенных от нас 7 веками, представляют сюжеты этнической идентичности носителей куманского (кыпчатского) языка, а также – этническая принадлежность самого языка и тех, кто занимался, говоря современным языком, сбором и первичной обработкой полевого лексического материала.

Несмотря на продолжительные дискуссии по вопросам этничности, отраженных в тексте документа, многое в этом плане остается спорным до сих пор.

Наличие в языке памятника кыпчатских и огузских элементов дает основание развить высказанную некоторыми комментаторами и исследователями мысль о «не-кумандском» кумандском языке. Природа этого явления, вероятно, кроется не столько в смешанном характере вокабуляра языка, сколько в сложном составе этнически неоднородного кочевого и полукочевого населения южно-русской части евразийских степей, формирующегося из и кыпчакоязычных куман (половцев).

ДРЫНКИНА Татьяна Ивановна

Санкт-Петербургский Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, г. Санкт-Петербург

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В докладе предпринимается попытка рассмотреть некоторые западные подходы, позволяющие понять роль языка в формировании этнической и культурной идентичности. Анализ исследований данной проблемы в различных теоретических моделях и эмпирических исследованиях показал, что большинством ученых признается подвижная и все время меняющаяся природа этнической и культурной идентичности и билингвизма.

Изучая роль языка в формировании культурной идентичности, Х. Хаарманн разрабатывает эколингвистическую модель, где отмечается, что язык должен непременно изучаться как изменяемый фактор этничности, как «язык в этничности», а не как самостоятельный конструкт в диаде «язык-этничность»; наряду с этим, существует необходимость учета и

целого ряда «экологических» факторов (социальных, демографических и т. д.). Таким образом, Г. Джайлс и Х. Хаарманн отмечают, что формирование этнической и культурной идентичности может подчиниться суровым законам «экосистемы», когда побеждает сильнейший и языки этнолингвистически жизнеспособных групп определяют векторы формирования бикультурной и глобальной идентичности.

Другой подход, позволяющий понять роль языка в формировании новой идентичности, рассматривается через понятие культурного интеллекта, предложенного К. Эрли и Сунн Анг. Модель культурного интеллекта состоит из 4-х компонентов: метакогнитивного, когнитивного, мотивационного и поведенческого, где центральное место отводится проблеме языковой компетентности, причем речь идет не только о владении языком, но и знании паралингвистических и кинетико-визуальных аспектов. Модель культурного интеллекта включает 3 уровня: универсальный, культурный и реальный, соответственно, она представляет собой возможность сохранить множество локальных идентичностей и этнических культур, как на глобальном, так и на частном уровне. Языковая компетентность является механизмом к обретению культурного интеллекта и формированию новой идентичности, способствующей проникновению как в надкультурное, так и в метаязыковое пространство.

Таким образом, формирование идентичности под влиянием многоязычия можно рассматривать как сознательное формирование метазнания и метанавыков, позволяющих сохранить собственные культурные ценности и приобрести особое видение мира.

ДУБОВА Надежда Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

«ИМПЕРСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» ИЛИ РАЗУМНАЯ СТРАТЕГИЯ?

Культура народа – та сфера жизнедеятельности, которая значительно богаче, по сравнению с другими, более рациональными, окрашена эмоционально. В этом ее сила и слабость одновременно. Как известно из исследований психологов, сфера эмоций является намного более эффективно воздействующей на человека, чем такие представления как, например, экономическая выгода. Народы России внесли большой вклад в развитие культурного наследия народов Средней Азии, и сами почерпнули в нем немало ценного. На примере современного населения Туркменистана хорошо видно, как среднее и старшее поколение знает русский язык, российскую литературу, европейское искусство, музыку... Его представители хотели бы и сейчас давать образование своим детям именно в российских вузах, хотя однозначно идентифицируют себя как туркмены. В тоже время можно констатировать, что стратегия государственной политики России в области образования, культурного

взаимодействия со странами СНГ полностью отсутствует. Практически все договора, заключаемые руководством стран, касаются лишь экономических вопросов. Все распространенное в России становится тезис о необходимости изучения, главным образом, народов своей страны. Востоковедческие исследования или отодвигаются на задний план, или вовсе не поощряются. Нет понимания того, что с использованием той эмоциональной составляющей, о которой говорилось выше, и решение экономических вопросов могло бы быть намного более эффективным. Такая недальновидная политика приводит к тому, что и экономические, и политические интересы России получают все более слабую поддержку в странах Средней Азии.

ЕРМАК Галина Геннадьевна

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток*

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ НА ЮГЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

В городах юга Азиатско-Тихоокеанской России этнокультурный сегмент состоит из многочисленных групповых идентичностей (перепись 2002 г. зафиксировала 128 национальностей). Важным институтом формирования, воспроизводства и сохранения этнической идентичности стали национально-культурные объединения (НКО) и их деятельность, направленная на сохранение своей этнокультурной самобытности и этнографическое просвещение. Для этого участники НКО активно используют элементы народного искусства, обрядов и фольклора в рамках современных нетрадиционных (модернизированных) бытовых, обрядовых и эстетических систем. Данный круг явлений специалисты называют фольклоризмом и считают одним из механизмов сохранения этнических традиций и этнической идентичности. Примерами традиционного (привычного) включения фольклора в контекст современной жизни могут служить фольклорные фестивали, сувенирная продукция с использованием этнической символики либо выполненной в оригинальной технике, коллекции этнически стилизованной одежды, кафе и рестораны национальной кухни и др.

Одним из действенных механизмов поддержания этнической идентичности в молодежной среде является использование нетрадиционных форм интерпретации этнокультурного наследия: создание и развитие социальной рекламы, интернет-проектов, акции флэшмоба, перфомансы и хэппенинг. Однако такие проекты редко находят поддержку, так как их реализация требует консолидации различных управленческих и финансовых ресурсов, что достаточно проблематично осуществить при сложившейся системе этнокультурного менеджмента.

В целом, деятельность НКО направлена на поиск эффективных форм ценностно-символической адаптации этнокультурного наследия для поддержания своей этнической идентичности.

ЕРМЕКБАЕВ Жарас Акишевич

*Центральный государственный музей
Республики Казахстан, г. Алматы (Казахстан)*

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В КАЗАХСТАНЕ

В середине 1940-х гг. отдельные народы Северного Кавказа испытали последствия сталинской депортации. Среди них были карачаевцы и балкарцы, которых обвинили в сотрудничестве с немецко-фашистским оккупантами. Депортация карачаевцев началась 2 ноября 1943 г. В Казахстан было отправлено 12342 семей или 45501 чел., в основном, в Джамбульскую (20285 чел.) и Южно-Казахстанскую (25212 чел.) области. В Киргизию попали 22900 чел. Около 38 тыс. балкарцев депортировали 8 марта 1944 г. в Казахстан и Киргизию. Советское руководство ликвидировало административно-территориальные названия карачаевских и балкарских народов, передало земли соседним республикам. Однако время внесло свои коррективы. Умер советский диктатор И. В. Сталин, в СССР начались преобразования, и следствием был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. о полном снятии ограничений с балкарцев и карачаевцев, восстановлении прежних национально-государственных субъектов и возвращении их на родину. Массовое возвращение карачаевцев и балкарцев на свои земли пришлось на 1957–1958 гг. В Казахстане и поныне живут около 5 тысяч представителей этих народов. Этническое самосознание балкарцев и карачаевцев хранит память о депортации. Они идентифицируют себя как карачаевцы и балкарцы в составе народа Казахстана, являясь его гражданами, и имеют объединенный национально-культурный центр «Минги-тау» с 1996 г.

ЕРОХИНА Елена Анатольевна

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИЯ В СТРУКТУРИРОВАНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ДОМИНИРУЮЩИМ БОЛЬШИНСТВОМ И ЭТНИЧЕСКИМИ МИГРАНТАМИ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)

На наших глазах стремительно меняется этническая структура населения России за счет миграции из стран Средней Азии и Закавказья, внутренней миграции из северо-кавказских регионов в крупные российские города и мегаполисы. С одной стороны, миграции расширяют социальное и культурное многообразие, позволяют решить проблему дефицита трудовых ресурсов, с другой, обостряют межэтнические

отношения, приводят в движение этносоциальные процессы столь стремительно, что принимающее сообщество не успевает к ним гибко адаптироваться.

Миграция стала привычным элементом социального интерьера крупных городов. Социальная дифференциация в контексте городского пространства требует ясных и различимых критериев «свойскости» и «чуждости». Ключевыми признаками здесь оказываются идентификация и культурные различия между группами. Культурные различия формируют этническую границу – систему социальных представлений, связанных со «своей» или «иной» этничностью. Структурирующим принципом выделения границы является оппозиция «мы» – «они». В докладе будут представлены результаты конкретно-социологического исследования (руководитель – д.соц.н. Г. С. Солодова), осуществленного при финансовой поддержке РГНФ (грант № 09-03-00491а «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество»), на основе проведенного летом 2009 г. в Новосибирске опроса этнических мигрантов, где «мы» – репрезентировано имеющие неславянские корни иностранцы и россияне, представители среднеазиатских и кавказских диаспор, тогда как «они» – жители Новосибирска и россияне в целом.

ЖИГУНОВА Марина Александровна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И КУЛЬТУРА РУССКИХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА

В условиях современных глобализационных процессов особую актуальность приобретают проблемы сохранения этнокультурной идентичности, в том числе русскими. Доклад основан на результатах эмпирических исследований 1980–2000-х гг., которые проводились автором на территории Сибири и Северного Казахстана. Кроме недостаточной изученности, определенные трудности в изучении заявленной проблемы обусловлены значительной численностью русского населения, неоднородностью их социального, этнокультурного и конфессионального состава, большой территориальной разбросанностью. Характерной чертой для русских является значительный диапазон вариативности традиционно-бытовой культуры, из-за множества локальных региональных и специфических особенностей.

С 1990-х годов, при самоидентификации четко фиксируется рост вариативности: встречаются биологическая, этническая (национальная, этногрупповая), конфессиональная, региональная, гражданская, социальная, гендерная и др. характеристики. Уходит в прошлое «новая историческая общность людей – советский народ», меняются критерии социального и национального самоопределения. Все чаще возникает вопрос об основных критериях этнической иден-

тичности. Зачастую «русскими» называются люди иного этнического происхождения, но считающие русский язык родным и являющиеся носителями русско-российской культуры. Среди основных критериев этнической самоидентификации чаще всего указываются национальная принадлежность родителей и родственников, а также язык и культура, территория проживания и личные ощущения. Активные межкультурные взаимовлияния и браки способствуют росту числа лиц со смешанной идентичностью («русский татарин», «русский немец» и др.).

Сравнивая корреляцию различных видов идентичности с современными этнокультурными установками и предпочтениями, можно заключить. У многих возникают определенные трудности при самоопределении, зачастую не совпадают самоидентификация и реальная ситуация, этноним и происхождение, языковая и этническая идентичности, что отражается в этнокультурной и мультикультурной специфике. Это напрямую связано со сложными и противоречивыми процессами, которые происходят в современном российском обществе. Активно декларируется религиозная идентичность, гражданская («россияне») пока фиксируется слабо, все чаще (особенно женщинами) используются гендерные характеристики. Региональная идентичность характеризуется положительной динамикой, топоним «сибиряк» все чаще используется в качестве этнонима. Наряду с ситуативностью, вариативностью, многослойностью напластований в самосознании и культуре различных групп русского населения Сибири все более отчетливо формируются и проявляются общесибирские черты.

ЖЭНЬ ГОИН

Институт этнологии и социологии при центральном университете народов КНР, г. Пекин (Китай)

ПРОБЛЕМЫ, ВСТАЮЩИЕ ПЕРЕД ХЭЧЖЕ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Народность хэчжэ является одной из малочисленных народностей Китая, по статистике пятой всекитайской переписи населения в 2000 году в стране насчитывается 4640 хэчжэйцев, проживающих главным образом в деревне Цзецинъю города Тунцзян, деревне Бача уезда Жаохэ, деревне Аоци города Цзямусы провинции Хэйлунцзян. Хэчжэйцы имеют свой язык, но не имеют собственной национальной письменности, ныне общепринято используют китайский язык. Традиционная религия «Саманизм» уже исчезла. Из поколения в поколение хэчжэйцы кормятся рыболовством и охотой, с середины двадцатого века в экономической жизни произошел постепенный переход от простого рыболовства к «многосторонности», включающей сельское хозяйство, животноводство и бытовое обслуживание.

Поскольку хэчжэйцы живут разрозненно в разных географических районах, то природные ресурсы и исторические условия также различны. В про-

цессе изменения социальных и культурных условий жизни перед хэчжэ стоит много проблем, Среди которых:

1. Ускорение процесса социального перехода, углубление слияния национальностей, исчезновение национального своеобразия.
2. Трудности экономического перехода, обнищание.
3. Утечка умов, нехватка резервов для развития в национальных районах.
4. Постепенное исчезновение традиционной национальной культуры.
5. Нивелировка национальной специфики в процессе туристического освоения.

ЗАБРОДСКАЯ Анастасия Николаевна

Тартусский университет, Таллиннский университет, г. Тарту, Таллинн (Эстония)

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РУССКИХ В ЭСТОНИИ: «ПОРОЙ ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ПОТЕРЯВШИМСЯ ЧЕЛОВЕКОМ...»

В своем докладе я анализирую этнолингвистическую витальность русскоязычных, живущих в Эстонии. Хотя их численность (по данным переписи 2000 г.) составляет 31,7% от всего населения, их нельзя считать типичным меньшинством из-за социоисторических факторов. К настоящему моменту прослеживается неоднородность русскоязычных Эстонии:

1) региональные различия – русскоязычные Северо-Востока в своем большинстве монолингвы; русскоязычные Таллинна обычно имеют определенное знание эстонского языка; русскоязычные, живущие в остальных частях Эстонии, как правило, билингвы в разных функциональных сферах. Эта ситуация объясняется этническим составом, который варьируется от 95% русскоязычных в Нарве до менее 10% русскоязычных в сельских районах остальной Эстонии.

2) различия между поколениями – молодые люди владеют эстонским языком на более высоком уровне.

3) индивидуальные особенности – доминирование эстонского или русского языка в употреблении отдельной личности зависит от самоидентификации с Эстонией или Россией, уровнем знания эстонского языка, целями диалога, социальными сетями и прочими факторами.

Качественное исследование проводилось в 2008 г. Информантами 4-х полуструктурированных групповых интервью были русские, живущие в Таллинне, Нарве и Тарту и имеющие разные социальные, возрастные, гендерные и прочие показатели. Центральными темами интервью стали (1) самокатегоризация, (2) ощущаемая культурная дистанция между эстонцами и русскоязычными, (3) возможная траектория идентичности в будущем, (4) традиции и ценности, (5) восприятие этнокультурного символического капитала и (6) восприятие диссонанса между эстонцами и русскоязычными.

ЗОРИН Владимир Юрьевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ПЕРВЫЕ ИТОГИ ПЕРЕПИСИ – 2010

Перепись–2010 была более спокойной, чем перепись–2002. Данные мониторинга, проведенного Институтом этнологии и антропологии РАН в 37 регионах РФ, показали, что процедура переписи населения прошла без серьезных политических и общественных эксцессов.

Охват населения переписью. По нашим представлениям, учтено подавляющее большинство постоянного населения. В разных регионах этот показатель можно оценить как 80–90% и более. Где-то охват составил 100% и даже выше, если сравнивать с предварительно оцениваемой численностью. В данном случае следует считать не вполне верным подход организаторов переписи, при котором в инструкции закладывалась сама возможность заочного переписывания по документам. Она существенно снижала мотивацию переписных работников. Однако данные переписи сохраняют свою репрезентативность, поскольку на все 25 вопросов переписного листа ответило подавляющее большинство населения на всей территории страны.

Вопрос о точности учета иностранных мигрантов и вообще иностранцев. Перепись и на этот раз, как и в 2002 г., скорее всего, будет неточной. Изучение мнения переписчиков в самых разных регионах России, в т. ч. и Москве, свидетельствует о том, что «иностранцев переписать не удалось». Но в любом случае, перепись не подтвердит и не развенчает спекуляции о многих миллионах иностранцев в России.

Демографические данные. Если о точной численности жителей России и могут быть высказаны определенные сомнения, то по части структуры населения России по полу (соотношение мужчин и женщин), по возрастным группам, доле детей и стариков – сомневаться не приходится. Перепись по этой части является уникальным и первостепенным источником сведений потому, что одновременно было опрошено подавляющее число россиян не только в целом по стране, но и в каждом ее крупном и мелком населенном пункте. Поэтому перепись явно отразит все основные демографические тенденции.

О языках и национальностях. Перепись не стала революционной по части переписывания языков и национальностей. Первоначально предполагалось, что будут заданы вопросы не только о том, какие языки каждому человеку известны, но и какими языками он реально пользуется. Однако, к сожалению, накануне переписи ее программа была пересмотрена, и возобладал старый вариант, т. е. тот, что был в предыдущей переписи. Поэтому опять по итогам переписи получится, что, якобы, на втором месте после русского языка по распространенности в России является английский язык, а не татарский. На этапе подготовки переписи предполагалось, что национальность можно будет записать в переписном листе

именно так, как того желает каждый опрашиваемый. Но, опять же, это новшество было отменено накануне переписи. В результате не все ответы населения оказались учтенными, что конечно, обеднило результаты переписи.

Закон и перепись. Невозможность абсолютного охвата населения переписью при ее проведении всякий раз заставляет руководителей переписи задуматься о том, чтобы ужесточить законодательство. Накануне предыдущей переписи и накануне нынешней переписи делались попытки провести в федеральный закон поправку, смысл которой: сделать участие в переписи для населения России обязательным. Однако это требование не было внесено в закон, и участие в переписи остается добровольным. В условиях современной России перепись как репрессивная мера была бы бессмысленна. Те, кто сегодня добровольно участвует в переписи, а их абсолютное большинство, не нуждаются в принуждении. А те, кто уклоняется от переписи (и вообще от государственных служб) не изменят своей мотивации, если перепись станет обязательной, ведь они и без того идут на нарушение других обязательных норм, например, норм о регистрации по месту жительства.

ИБРАГИМОВ Магомед-Расул Абдуллаевич

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КУМЫКОВ

Интенсивное развитие межкультурных контактов кумыков, издревле обитавших в предгорьях Прикаспийского Дагестана от Терека до Дербента на одном из ветвей Великого шелкового пути, наряду с ранней государственностью, способствовали их ранней этнической самоидентификации.

Эндоэтноним кумыков («кѹмукъ»), отразивший самоидентификацию, имеет древнебулгарское происхождение и означает «оседлый»; экзоэтноним «кумык» является первым фиксированным этнополитонимом Дагестана, относящимся к VII в.

В более поздних источниках, начиная с XIII в. экзоэтноним «комук» встречается у Плано Карпини (XIII в.), у кумыкского поэта XV в. Умму Камала, в османских посланиях XVI в., у Дженкинсона (1561 г.), у Биркина (1587 г.), в хронике «Дербендаме» (рубеж XVI–XVII вв.), у Пауля Флеминга (1638 г.), в «Житие» протопопа Аввакума (1675 г.), в переписке с русскими властями (XVI–XVII вв.). Эти экзоэтнонимы свидетельствуют о достаточной известности кумыкского этноса не только в местном, но и в русском, турецком и западноевропейском общественном сознании XVI–XVII вв.

Попытки исследователей (Э. Кисриев, В. Бобровников и др.) рассматривать этническое самосознание народов Дагестана, в том числе кумыков, как явление новейшей истории, несостоятельны. А. Олеарий (1636 г.), прямо указывал на наличие этнической самоидентификации у кумыков в первой трети XVII в.: «обитатели Дагестанской области суть татары (ку-

мыки – авт.). Персияне называют их лезги (Lesgi), а сами себя они зовут дагестанскими татарами, что значит горные татары».

ИСХАКОВ Дамир Мавляевевич

Институт истории им. Ш. Марджани

АН Республики Татарстан, г. Казань

АКАДЕМИЧЕСКАЯ «ВОЙНА» КОНЦА XX в. В ТАТАРСТАНЕ: В ПОИСКАХ СМЫСЛА

После того, как гуманитарии Татарстана на рубеже 1980–1990-х гг. раскололись на два лагеря – на тех, кто продолжал придерживаться прежней «булгаристской» концепции истории татар, и на тех, кто отстаивал новую для татарского общества того времени «татаристскую» концепцию, между сторонниками этих двух направлений национальной исторической науки началась перманентная борьба, в 1996 г. переросшая в настоящую «битву историков».

Ядром дискуссии, начавшейся еще в 1950-х гг., т. е. задолго до ее нового витка в 1990-х гг., был спор о том, какой период – болгарский или золотоордынский – считать ключевым в национальной истории. Несмотря на стремление сторонников булгаристской школы обвинить своих оппонентов в пренебрежении к истории болгарского периода, ведущем, по их мнению, к «слому хребта татарской истории», никто из них и не думал отказываться от того или иного, в т. ч. и болгарского, этапа национальной истории, речь шла совсем о другом – об определении «ключевого» этапа этой истории, когда произошло формирование основного субъекта национальной истории – татарского народа. На самом деле за этой теоретической дискуссией скрывался вопрос о территориальных рамках трудов по национальной истории: книги под названием «История ТАССР» (или «История Татарстана»), столь характерные для советского периода, могли быть подготовлены и на основе «булгаристской» концепции, а вот целостная «История татарского народа» – нет. Для написания общенациональной истории нужен был совершенно иной концептуальный подход, за выработку которого и шла в конце XX в. академическая «война» в Татарстане.

КАМАЛОВА Гульдар Рашитовна

Бакирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, г. Уфа

ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современный период в он-лайн пространстве произошла трансформация идентичности. Если к концу 1990-х гг. было характерно наличие множественности идентичности, конструирование и создание различных форм сетевой идентичности, то в современный период произошла смена подходов, появились новые практики. Так, в работах ряда зарубежных исследователей (Ш. Теркл, А. Бальзамо, М. Синнирелла и др.) отмечалась «множественность» и «зыбкость»

человеческого «Я» в виртуальном общении, тенденция к конструированию Я-идентичности. Ш. Теркл отмечала, что «Интернет становится важной социальной лабораторией для экспериментов с созданием и реконструкцией Я, что характеризует жизнь в постмодернистском обществе». «Игры с идентичностью», по терминологии Бечар-Изрэли, возможность примерить на себя различные роли, стали характерной особенностью этого периода. А. Висо вводит понятие «электронной идентичности» и отмечает взаимовлияющую тенденцию виртуального мира на идентичность, и наоборот. Появляется также понятие «мобильной идентичности», введенной американским исследователем М. Постером, под которой понимается постоянно изменяющаяся идентичность.

Российские исследователи А. Г. и Г. А. Асмоловы отмечают, что с начала XXI в. «Интернет стал платформой для восстановления стабильности идентичности». Данные лонгитюдных исследований автора также свидетельствуют о том, что происходит смена самопрезентаций в виртуальном пространстве и среди российских пользователей. Данная тенденция стала результатом смены и расширения сетевых возможностей – юзеры стали больше обращаться к новым формам самовыражения и ресурсам, которые позволили найти свое сообщество. Появление и все увеличивающаяся популярность дневников блогосферы ЖЖ, Facebook, страничек Одноклассники.ру, В контакте.ру исключили возможность анонимности, а были направлены на раскрытие личности, на выявление идентичности и формирование своего круга друзей/коллег/партнеров. Появились практики создания своих сайтов с генеалогическим деревом, поиском представителей своей этнической группы.

КАРЛОВ Виктор Владимирович

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

МАКРО- И МИКРОТЕНДЕНЦИИ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Процессы современной глобализации, затронувшие все страны и народы, стали менять сложившиеся в индустриальную эпоху «наборы» идентичностей и их сочетание как на уровне крупных социумов (включая общности национально-этнические, локальные, социально-профессиональные и пр.), так и на уровне личностном. Стало общепризнанным фактом, что прежние национально-государственные институты под воздействием новых тенденций в экономике и политике подвергаются сильнейшему давлению со стороны транснациональных корпораций и мировой финансовой системы, а бывшие устойчивые идентичности индустриального общества постепенно размываются. Но не менее существенным обстоятельством для размывания старых идентичностей становится также очевидная тенденция членения современного общества на большое число субкультур-

ных групп. Субкультуры, прочно укоренившиеся в урбанизированной среде, становятся приметой бытия разных народов ойкумены. В полиэтничных обществах, преобладающих теперь в развитых странах мира, субкультуры нечасто складываются с учетом этнического состава их участников. Примером таких интернациональных субкультур стало, в частности, появление во многих странах прослойки, получившей название «яппи», ярко отражающей процесс глобализации. Такие явления, на фоне изменения способов адаптации современного человечества в среде обитания, где очень многое становится зависящим от техники и разных специализированных структур сферы услуг, не могут не создавать принципиально иную ситуацию в процессах идентификации личности. Для этнологической науки проблема исследования места этнической идентификации, в сочетании с другими идентичностями, в свете этих новых тенденций становится более чем актуальной.

КОЧ Светлана Вадимовна

*Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
г. Одесса (Украина)*

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ДИАСПОРЫ В УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИИ К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ(НА ПРИМЕРЕ ДИАСПОРНЫХ ГРУПП ЮГО-ЗАПАДНОГО ПОГРАНИЧЬЯ УКРАИНЫ)

В докладе анализируются процессы формирования и функционирования различных идентификационных стратегий, которые возникают и реализуются в этнических диаспорах, в условиях сложного пограничья. Неустойчивость политического влияния, отсутствие единой культурной основы отразились на способах организации и репрезентации как региональной, так и этнической памяти у живущих здесь народов. Коллективная память приобрела сложную структуру: помимо поддержания этнокультурной границы, она выполняла активную роль в поддержании социальных границ и экономических статусов этнических групп, что делало ее избирательной и требовало особых форм поддержания и межпоколенной передачи.

Предметом анализа стали особенности функционирования коллективной памяти в этнических группах региона. Показано, что коллективная память способна влиять на эффективность адаптации группы к окружающей социально-политической среде, актуализируя нужные «отрезки» культурной традиции. Рассмотрены идентификационные стратегии, которые использовали диаспоры для формирования и поддержания позитивной идентичности в различных социально-исторических условиях. Обозначены такие способы самоопределения, как «первопоселенцы», «единоверцы», «вольные люди», «иноземцы», «колонисты» и т. д.

Важным аспектом является выделение надэтнических форм коллективной памяти, а именно – формирование региональной традиции. В этой связи рассматриваются формы региональной идентичности, способы ее поддержания, трансляции и исторической эволюции в пределах разных государственных образований. Рассматривается динамика смыслов региональной идентичности на фоне этнических и политических процессов.

Анализируются вопросы, связанные с фактическим социальным статусом этнических групп в регионе и его динамикой на протяжении жизни последних 3-х поколений жителей. Обозначена связь между этнической идентичностью и социально-экономическим статусом групп. Анализируются проблемы соотношения региональной, этнической, национальной идентичности в условиях устойчивого пограничья и длительного межэтнического взаимодействия. Рассмотрены такие составляющие идентичности как «бикультурность», «трансформность», «ситуативность» и т. д. Трансформность групп выступает в виде наличия набора допустимых культурой стратегий поведения и коммуникации («пакетов»), позволяющих так модифицировать идентичность группы, чтобы, адаптируясь к внешним изменениям, не утрачивать групповой целостности.

КУРАКИНА Лидия Михайловна

Филиал ГОУ ВПО «Самарский государственный технический университет», г. Сызрань

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Современное российское общество в очередной раз встает на путь модернизации, сутью которой являются процессы обновления, инновационности всех форм общественной жизни с учетом общемировых тенденций и достижений. Инновационность, с одной стороны, предполагает замену старого новым, но с другой, такая замена может быть успешной только при сохранении «духовного кода» (своеобразной матрицы) нации. Содержание данного кода включает, прежде всего, этнокультурный генотип с определенными региональными особенностями, обозначаемые в современной терминологии как этнокультурные и региональные идентичности.

За годы Советской власти и в последующие десятилетия многие регионы России утратили свои изначальные территории, национальные традиции, историческую память. Их восстановление сопряжено с рядом трудностей: нет однозначного понимания самих терминов «этнос» и «регион»; не определены четкие границы данных идентичностей; утрачены основные каналы и механизмы их формирования и сохранения. Значительную роль в их восстановлении может сыграть повышение краеведческой культуры на уровне местных (региональных) образовательно-просветительских сообществ. Но, чтобы краеведче-

ские знания стали фактором формирования позитивной этнокультурной идентичности, нужны специалисты, обладающие краеведческо-культурологическими знаниями, умениями и навыками, которые позволят им вести диалог с прошлым и видеть перспективу инновационного развития. Современная российская модернизация не будет успешной без четкого понимания того, «кто мы», «какие мы», «чего мы хотим» и «что мы можем» как в общероссийском, так и в региональном масштабе.

КУРСКЕ Владислав Сергеевич

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, г. Москва

ТРАДИЦИОННЫЕ И МОДЕРНИСТСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КУЛЬТУРЕ И ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Российские немцы являются этнической группой с выраженной гибридной этнической идентичностью. Элементы этой идентичности легитимируют себя разными средствами и в различных формах. В то время как основное поле реального социального пространства занимает русская/российская составляющая, «немецкость» вытесняется в зону символического смысла. При этом за основу могут браться как «старинные традиции», так и совершенно новые элементы. Модернистские практики могут иметь либо внешнюю природу (т. е. заимствоваться из культуры ФРГ), либо инициироваться сами российскими немцами и их общественными организациями. К примеру, традиционный для Германии октоберфест явно не относится к наследию российских немцев. Но именно этот информационный повод используется многими общественными организациями для проявления разного рода активности. И, напротив, почти забыт любимый праздник прихода лета (первые майские дни). В календаре появляются и памятные даты, которые «придуманы» совсем недавно: к примеру, «День переселения немцев в Россию». В своем докладе мы предлагаем рассмотреть примеры реализации и той, и другой стратегии, а также проанализировать, как они соотносятся с реальными навыками и опытом различных поколений немецкого меньшинства в России. Насколько успешно эти нововведения принимаются российскими немцами, и как они сами их оценивают? Существует ли конфликт между традиционализмом и модернизмом в среде российских немцев? В чем он проявляется?

ЛАПКИНА Наталья Андреевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ОБРЯДОВЫЕ ПРАКТИКИ КАК АКТУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У НАРОДОВ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

Согласно мнению таких видных ученых как Л. Е. Куббель и В. Б. Мириманов, «современная эпо-

ха характеризуется, с одной стороны, интернационализацией культуры, а с другой – бурным ростом этнического сознания, который проявляется прежде всего в повышенном внимании к «своей» культуре, в стремлении «охранять» ее самобытность» [Африка. Культурное наследие и современность. Введение Л. Е. Куббель, В. Б. Мириманов. М., 1985. С. 15.].

Существенным представляется тот факт, что в области использования и актуализации культурного наследия, его приспособления к современным нуждам общества и прогрессивные, и консервативные круги обращаются к традиции. Многие черты, сохранившиеся в обществах Тропической Африки с глубокой древности, не свидетельствуют «отсталости» (как иногда утверждают некоторые исследователи), а следствие особой гармоничности развития, которое привело к сохранению важнейших особенностей этих обществ в течение всей длительной истории. Одним из актуальных явлений африканского культурного наследия остаются обряды.

Обрядовые практики – это социальные регуляторы, консолидирующие общество, наделяющие идентичностью его членов, снимающие социальную (внутригрупповую, гендерную) напряженность, включенные в политическую и экономическую сферы. Обрядовые практики для африканской действительности являются своеобразным стержнем культурного наследия, подходящим видом социальной деятельности, стабилизации социальных изменений и сохранения идентичности.

МАГОМЕДХАНОВ Магомедхан Магомедович

*Институт Истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала*

ОБ ОСНОВАХ ДАГЕСТАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Дагестанцы, дагестанский народ – это единый социум, которому присущи базовые характеристики историко-культурной общности, однотипность социальной организации и структуры, единые основы этничности и гражданственности. Первичную основу данного социума составляли «самостоятельные» сельские общины – джамааты. Сельские общины принимались в «вольные» общества не как этнические единицы или этнополитические образования, а именно и только как сельские общества. Последние сохраняли за собой свои территории и были свободны в выборе политического образования, к которому они считали возможным входить.

Этнический фактор как в «вольных» обществах, так и в феодальных образованиях Дагестана был выведен за пределы правового поля. Отсюда и то первоочередное значение, какое придавалось принадлежности к определенной сельской общине, а не к этносу в его нынешнем, политизированном понимании.

Социальные связи и отношения в Дагестане имеют ряд особенностей, обусловленных факторами исторического, демографического (преобладание сель-

ского и относительно позднее формирование городского населения), семейно-бытового (традиционность семейных отношений, прочность родственных уз) характера. Дагестан исторически составляет целостное социокультурное пространство, в котором сельские и городские общины устанавливали и отстаивали такие нормы и традиции сосуществования, которые позволяли каждому сельскому обществу, каждому этносу сохранять свой язык или диалект, свою культурную идентичность.

В самосознании дагестанцев этнические константы занимали свою, вторичную по сравнению с принадлежностью к сельскому обществу, нишу. Именно данная ипостась самосознания дагестанцев является конструктивным ядром, структурирующим элементом и компонентом дагестанской идентичности.

МАКАРОВА Гузель Ильясовна

*Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики
Татарстан, г. Казань*

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ И ПРАКТИКАХ ТАТАР И РУССКИХ ТАТАРСТАНА*

В 1990-е гг. на волне этнорелигиозного «возрождения» наблюдается рост интереса татар и русских Татарстана к традиционным обрядам, обычаям, праздникам. 2000-е гг. становятся периодом закрепления религиозной и народной обрядности в бытовой практике. Результаты трендового исследования 2001 и 2010 гг., включавшего, помимо вопросов о роли различных характеристик в солидаризации членов этнических групп, открытые вопросы о соблюдении ими традиций, позволяют обозначить специфику этого процесса.

1) Традиционные обряды и обычаи выступают вторым по значимости (после языка) кодом этнической идентичности. Степень их важности для татар выше, чем для русских, что объясняется их меньшей урбанизированностью.

2) Под влиянием деятельности православных и мусульманских организаций, «пропаганды» де-факто религиозных ценностей политическими деятелями, СМИ, востребованными у населения оказываются, прежде всего, религиозные традиции и обряды. Их преобладание в повседневных практиках связано также с тем, что православные традиции давно и прочно вошли в быт русских, мусульманские – в быт татар.

3) Первоочередная ориентация татар и русских на свою культуру не отменяет межкультурного взаимодействия в регионе, а процессы глобализации ведут к свободному соседству в их практиках традиционных для них обрядов, праздников, блюд с образцами и фреймами других (западных и восточных) культур. Происходит же все это в контексте общероссийской действительности и культуры.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №10-03-00037а.

**МИЛЮКОВА Ирина Александровна,
ШВЕЦ Лариса Павловна**

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу доклада положены результаты международного исследовательского проекта «Быть «другим» в России – гибридная идентичность и бытовой расизм среди молодых «россиян» (2005–2008 гг.), в ходе которого было опрошено 3998 старшеклассников и студентов в Республиках Карелия и Татарстан, в Санкт-Петербурге и Красноярске. Теоретико-методологической базой исследования идентичности явилась концепция множественных социальных идентификаций, развиваемая в работах В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой и др., идея идентификационной матрицы С. Московичи и Т. Шибутани. Этническая идентичность рассматривается в нашем исследовании как один из элементов матрицы социальных идентичностей личности, связанный «с осознанием принадлежности человека к определенной этнической общности» (Т. Стефаненко).

Ключевыми исследовательскими вопросами проекта явились вопросы о том, 1) какое место в системе социальных идентичностей занимает этническая и гражданская идентичности, каково их взаимовлияние и взаимодействие в системе социальных идентичностей молодых людей; 2) что является основанием идентификации с этнической группой для современной российской молодежи; 3) какие типы этнической идентичности существуют в молодежной среде и насколько они распространены; 4) какие социальные и культурные факторы оказывают наибольшее влияние на формирование этнической и гражданской идентичностей.

Основной исследовательский фокус в данной презентации направлен на изучение семьи и семейных традиций (празднование национальных праздников, приготовление национальных блюд и т. д.) как важнейшего фактора формирования у молодого человека национального самоопределения.

МИРОНОВА Наталья Петровна

Комп. научный центр УрО РАН, г. Сыктывкар

СООТНОШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ г. СЫКТЫВКАРА

Сегодня четко наметилась тенденция к переключению внимания населения с этнической идентичности на осознание государственной – российской идентичности, подчеркиванию значения этой общегосударственной идентичности и необходимости активных усилий по ее формированию. Для государственного

строительства особенно востребованными являются гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение. В данной ситуации становится важным анализ соотношения этнических и общегосударственных установок и возможностей их позитивной совместимости в современных условиях. Целью доклада является определение места этничности в структуре самоидентификации современной молодежи республики и анализ возможности совмещения этнической и государственно-гражданской идентичностей. Основными источниками по теме являются полевые материалы автора (опрос студенческой молодежи г. Сыктывкара – 500 чел., 2007 г.), а также данные этносоциологических опросов, проведенных в Республике Коми в 2004–2010 гг. В ходе анализа данных получены следующие результаты: 1) этническая идентичность не занимает первых мест в структуре самоидентификации современной молодежи Республики Коми, но может быть актуализирована при определенных условиях и приобретать характер мобилизационного ресурса; 2) этническая идентичность совмещается, а не противостоит гражданско-государственной у молодежи всех этнических групп республики, для русской молодежи характерно слияние этнической и гражданско-государственной идентичности.

МУРАДОВ Руслан Гельдыевич

*Национальное управление Туркменистана по охране,
изучению и реставрации памятников истории и культуры,
г. Ашхабад (Туркменистан)*

РУССКИЙ ГОРОД НА НЕРУССКОЙ ЗЕМЛЕ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ПАРАДИГМА ДЛЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

С первых лет освоения Туркестанского края на рубеже XIX–XX вв. для функциональной и эстетической адаптации территорий, присоединенных к империи, была принята ориентация на российский опыт как некую целостность и антипод туземного (средневекового), примерно также как на рубеже XVII–XVIII вв. по воле Петра I в самой России был взят курс на вестернизацию и отказ от древнерусской традиции. В новых землях этому вполне отвечали чаяния непосредственных заказчиков начавшегося строительства, а также простых переселенцев. Для русской архитектуры того периода характерно одно наглядно выраженное в иноземной среде свойство: – обостренное стремление к сохранению самобытности, узнаваемого стереотипа, верности образцу и – в специфических условиях противостояния и Востоку, и Западу – к некоторой «самоизоляции». Однако, колониальные поселения в Туркестанском крае оказались в определенной степени детерминированы автохтонной культурой. Они обрели собственный неповторимый облик прежде всего как средовые объекты, ценные как континуум. Тотальное разрушение этой среды 1920-е гг. и фактически завершившееся к концу XX в., привело к девальвации ее отдельных сохранившихся компонентов. Аналогичная участь постигла и сами «туземные» поселения: всё нивелировала

новая идеология, сначала советская, а затем квазинациональная. Между тем, российская/европейская парадигма вовсе не была отброшена в процессе деколонизации, а стала органическим элементом мышления и градостроительной практики в новых независимых государствах. Это касается, прежде всего, репрезентаций власти в каждой из новых столиц, чьи архитектурные образы начала XXI века объединил ориентализм. Осознанно или нет, но в этом проявляется стремление восстановить связь с собственным историко-культурным наследием, столь важную для сохранения национальной идентичности. В докладе показано, как в ходе столетней трансформации культурного ландшафта Средней Азии русские города, даже изменив свой политический статус и утратив прежний этнокультурный баланс, а зачастую и сами исторические названия, продолжают развиваться по векторам, заданным в начале тотальной модернизации этого региона.

МУРТУЗАЛИЕВ Сергей Ибрагимович

*Региональный Центр этнополитических исследований
Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала*

НА ПУТИ ОТ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ К РОССИЙСКОЙ

Проблема национальной идентификации России наряду с проблемой цивилизационной идентификации бурно дискутируется в российской социально-философской, культурологической, этнополитологической, социологической и социально-психологической литературе. Эпоха глобализации воздействует на процессы межкультурной коммуникации, взаимодействия и взаимовлияния различных культур друг на друга. Идентичность играет огромную роль в процессах взаимоотношений народов и этнокультурной интеграции. Модернизация локальных сообществ, этнополитическая интеграция, возрастающее влияние массовой культуры приводят к стандартизации национальных традиций, размыванию этнической идентичности. Народы переживают очередную модернизацию – переход от индустриального общества к постиндустриальному, сопровождающийся социально-экономическим кризисом. Эта волна исторических изменений представляет собой не прямое продолжение индустриального общества, а радикальную смену вектора движения, зачастую полностью отвергая прошлое.

Понятия «российская нация» и «российская идентичность», их формирование и развитие не осмыслены полностью на теоретическом уровне. «Многэтничная и многоконфессиональная Россия зависла на промежуточной стадии между распадающейся советской идентичностью и пока еще не сложившейся до конца национально-государственной идентичностью». С изменением социально-политического положения страны возникла необходимость в предложении обществу символической идентичности, основанной не только на формально-правовой, но и на духовной близости людей. Задача весьма сложная, поскольку спецификой современного этапа развития

национальных отношений в России является обострение межнациональных и межконфессиональных отношений, кризис национально-государственной идентичности ее граждан. Социологические исследования показывают, что респонденты позиционируют «российство» в ментальности, культуре, истории.

МУХА Виктория Николаевна

*Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар*

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АБХАЗОВ И РУССКИХ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Постсоветские социально-экономические и политические преобразования, происходящие в Абхазии, определяют актуальность исследования социокультурного взаимодействия абхазского и русского этносов республики. Несмотря на модернизацию абхазского общества, этнический фактор продолжает играть важную роль. Этнокультурные традиции, составляя основу самобытности, остаются наиболее устойчивыми элементами в рассматриваемой системе. В механизме этнокультурного взаимодействия отправной точкой являются ценностные ориентации взаимодействующих субъектов. Среди главных, базовых ценностей и абхазы, и русские выделяют, прежде всего: семью, хорошую работу; материальную обеспеченность и достаток, уважение людей. В целом, можно говорить о совпадении жизненных приоритетов рассматриваемых этнических групп. Близость ценностей этносоциальных групп в обществе является фактором его консолидации.

Этноязыковая ситуация, сложившаяся в республике, свидетельствует о сохранении языковой практики русского населения, и полноценном функционировании русского языка во всех сферах общественной жизни абхазского общества. В свою очередь, билингвизм абхазов позволяет им свободно ориентироваться в основных параметрах российской культуры, стимулируя пророссийские интеграционные мотивы. И для абхазов, и для русских, на фоне благоприятного межэтнического взаимодействия, этническая идентичность не является доминирующей в структуре социальных идентичностей, тогда как государственно-гражданская идентичность («житель республики Абхазия») актуализирована.

НАГАПЕТОВА Радмила Рандиковна

Российская государственная библиотека, г. Москва

СИМВОЛЫ ШВЕЙЦАРСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Многообразие народной культуры в Швейцарии определяется кантональными границами, языковым и конфессиональным разделением населения, различиями между природно-географическими регионами страны; при этом общешвейцарские черты народной культуры выделить затруднительно.

Определенные элементы традиционной материальной и духовной культуры, утрачивая локальную принадлежность, приобрели широкую популярность, стали восприниматься в качестве «общешвейцарских» черт народной культуры, символов швейцарской народной культуры. В качестве примера можно привести горловое пение йодль, альпийский рожок, праздничный костюм альпийских пастухов-зеннов, блюда традиционной кухни фондю и раклет, народные виды спорта – швейцарскую борьбу швинген и разновидность лапты хорнуссен, упражнение с флагами фаненшвинген, регион исконного распространения которых ограничивается отдельными высокогорными районами Альп.

Таким образом, черты, изначально присущие культуре альпийского пастушеского населения, составляя часть общешвейцарского культурного наследия, оказываются связанными с национальной идентичностью, воспринимаются в качестве национальных символов, символов швейцарской самобытности, являются культурными брендами Швейцарии. В докладе предполагается рассмотреть значимость символов народной культуры для швейцарской национальной идентичности (приверженность швейцарцев определенным общим культурным кодам, в число которых входят и символы народной культуры), а также роль общественных организаций, учреждений культуры, интеллигенции, профессиональной культуры, туристической отрасли, массовой продукции в их популяризации.

НАУМОВА Ольга Дмитриевна

*Самарский государственный университет путей сообщения,
г. Самара*

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ СОЦИОАНТРОПОГЕНЕЗА ПОВОЛЖСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ В ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СОСТАВЕ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

В докладе иллюстрируется систематизация этнографических миров (языки, культуры, цивилизации) в ходе речевой («свои» и «чужие» языки), поликультурной и социальной интеркоммуникации (системы связи: виртуальные, ручные, ментальные).

Мне и моим сотрудникам выпало редкое везение заниматься изучением «жизненных миров» (Э. Гуссерль) коренных народов Поволжья в начале третьего тысячелетия. В ходе областных этнографических экспедиций по гармонизации национального единства подведен итог развития этнических страт при смене общественно-политических режимов. А именно: смещение идентичностей в сторону некоего отрицательного модуса в ходе воспроизведения этничности и одновременное усиление объединительных процессов надэтнического единства поволжских народов.

Анализ социоантропогенеза этничности (механизмы, процессы, представления – результаты жизнедеятельности) проиллюстрирован в пространстве объединительного семиозиса – функционирования

«русского языкового союза» (академик О. Н. Трубачев).

Понятие «культурная целостность» (идеализированный объект «популятивного типа» по Г. П. Шедровицкому) анализируется на примерах прижизненной модификации культурного наследия поволжской этничности (демография, хозяйство, образование, социокультурная традиция этнического наследия). Поволжская этничность рассматривается как «негомогенное целое» жизненных миров коренных народов, исторически проживающих на общей территории и образующих социально-политическое, сложно-культурное многообразное единство этнического большинства (этнические русские и «псевдорусские» страты) и этнических меньшинств (мордва, татары, чуваша, башкиры), включая многочисленные диаспоры других народностей (в целом, около 100 национальностей).

НИКОЛАЕВА Оксана Владимировна

*Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург*

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Просвещение и образование – понятия, близкие по смыслу, означающие специально организованную в обществе систему получения знаний. Тем не менее, «просвещение», в отличие от «образования», несет положительный этический смысл и предполагает улучшение общественных нравов. В настоящее время активно насаждается школьный предмет «Основы православной культуры». Конфессиональное образование носит замкнутый характер, способствует разделению детей по религиозному признаку. В то же время, истинной ценностью России, ее богатством, культурным основанием является полиэтничность. Однако на уровне школы отсутствует какая-либо пропаганда ценности многонациональной культуры, этнической и общероссийской идентичности.

Страх и неприятие других этносов большей частью порождены незнанием их культуры, слабой информированностью, проблемами самоидентификации. Для преодоления деструктивных эмоций и поведенческих реакций в отношении других этносов зачастую достаточно элементарной информированности. В настоящее время практически забыто понятие «дружба народов», означавшее реально бывшее в Советском Союзе культурное явление. Необходимо вернуться к целевой установке на дружбу народов России, а не на конфессиональное разделение. Здесь ведущую роль должно сыграть этнологическое просвещение в школе. Этнологическое просвещение с детства неизбежно влечет положительные результаты: уменьшается ксенофобия; снижается психологическая напряженность у родителей; расширяется культурный кругозор; обогащается бытовая практика; растет чувство гордости за свой народ; пробуждается интерес к истории страны. В результате у детей формируется общероссийская идентичность и возникает чувство братской семьи народов России.

НОСЕНКО-ШТЕЙН Елена Эдуардовна

Институт востоковедения РАН, г. Москва

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ

Доклад посвящен роли еврейского и русского культурного наследия, а также различных культурных кодов в формировании идентичности российских евреев в конце XX – начале XXI в. Он основан на полевых материалах автора, глубинных интервью и опросов в разных российских городах, а также данных некоторых социологических исследований, анализе Интернет-ресурсов и прессы. Проведенные автором исследования показывают, что у людей еврейского происхождения в современной России (большинство их в настоящее время – потомки смешанных браков) нет единой идентичности. Анализ собранных автором данных позволяет выделить 5 основных типов такой идентичности, точнее, самоидентификации:

1. Традиционалистская самоидентификация, свойственная пожилым людям, сохраняющим память о еврейском восточноевропейском (ашкеназском) культурном наследии.

2. «Русская» самоидентификация, которая присуща в основном потомкам смешанных браков и которая основана на русском культурном наследии.

3 «Негативная» самоидентификация, базирующаяся преимущественно на антисемитизме – своего рода культурном коде.

4. Амбивалентная самоидентификация, носители которой испытывают влияние различных культурных традиций, прежде всего, русской, а в последние два десятилетия также и еврейской.

5. «Новая еврейская» самоидентификация, присущая в основном молодежи, как правило, смешанного происхождения. На формирование этого типа большое влияние оказал «религиозный ренессанс» постсоветской эпохи, в частности, попытки возрождения иудаизма.

В ходе доклада автор подробно покажет, какие культурные коды, символы и ценности легли в основу формирования каждого из названных типов.

ОВЧАРОВА Мария Александровна

*Новосибирский государственный краеведческий музей,
г. Новосибирск*

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ АЛТАЯ

На протяжении XIX–XX вв. идентичность мордвы Алтая трансформировалась в условиях инокультурного окружения. При всех социо-культурных и политико-административных изменениях, проявлением самосознания современной мордвы, по-прежнему является идентификация себя в рамках субэтнических групп – мокша и эрзя. В зонах компактного и дисперсного проживания мордвы, основным фактором сохранения этнической идентичности явилось сохранение языка. В настоящее время распределение

поколенных групп по знанию родного языка практически совпадает с выявленным осознанием своей этнической принадлежности.

На протяжении второй половины XIX – начала XXI в. у мордвы Алтая в ходе межэтнического взаимодействия происходил естественный процесс изменения этнических признаков, трансформация обрядового комплекса. Менялись не только функции обычаев и обрядов, но также их форма и содержание. Потеря этничности происходила, прежде всего, в сфере материальной культуры. Духовная культура, включая обрядность, оказалась более устойчивой, в частности, обряды семейного цикла: свадьба, похоронно-поминальный цикл, православные календарные праздники. Устойчивой основой обрядности мордвы являются традиционные мифологические представления, связанные с природными стихиями. Архаизация стала одним из типичных явлений, характеризующих мировоззрение мордвы на конец XX – начало XXI в.

В начале XXI в. отчетливо проявляются тенденции к активизации этнокультурного возрождения. Предпринимаются попытки создания фольклорных коллективов, на факультативном уровне вводится преподавание мокшанского и эрзянского языков.

ОСТАПЕНКО Любовь Викторовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОДИНЕ РУССКИХ МОЛДОВЫ

В 2010 г. исполнилось 20 лет с того момента, как Молдавия объявила о своем суверенитете. В суверенной Молдове положение местного русского населения коренным образом изменилось. Значительная часть русских покинула страну, а оставшиеся попытались адаптироваться к новым условиям жизни. Но стала ли новая Молдова для них Родиной? Ощутили ли русские, получив молдавские паспорта, свою принадлежность к общемолдавской нации?

Представления русского населения Молдовы о Родине заметно варьировали во времени и зависели от комплекса разнообразных условий и факторов. В советский период для подавляющего большинства местных русских Родиной являлся Советский Союз. По данным опросов, Молдавия была названа лишь каждым 10-м городским жителем русской национальности. После распада Союза его продолжали считать своей Родиной почти 70% русских. И в начале, и в середине 1990-х гг. русские отказывались признавать Молдову своей Родиной. В то же время, росло число тех, кто отдавал предпочтение России.

В начале XXI в., когда ситуация в республике несколько стабилизировалась, а надежды русского населения на восстановление Союза рухнули, снизилась ориентация русских не только на СССР, но и на Россию, стала увеличиваться доля тех, кто признал Родиной Молдову. Показательно, что представители этой группы отличался низкий уровень этническо-

го самосознания. В особенности это было свойственно русской молодежи. Для молдаван была характерна противоположная тенденция – гражданская и этническая идентичности «подпитывали» друг друга. Напрашивается вывод, что процесс адаптации русского населения к условиям жизни в Молдове может привести к потере русскими своего этнического самосознания на фоне его роста у молдаван.

ПИВОВАРОВА Мария Николаевна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

В современных российских городах проблема адаптации мигрантов становится одной из главенствующих. Сохранение этнической культуры, этнической идентичности мигрантов из Ближнего зарубежья приводит либо к созданию на новом месте диаспорных структур, либо к консолидации приезжих вокруг культурных центров этнической направленности («домов дружбы народов» и т. п.). Одной из наиболее важных характеристик сохранения идентичности является трансляция традиций этноса внутри семьи, несмотря и не вопреки адаптации ее в сложную полиэтничную сеть взаимодействий мегаполиса. Как показывает практика, наиболее важными элементами сохранения культуры в мигрантской среде является активное использование родного языка, религиозных обычаев и традиций. Элементы же традиционной материальной культуры приобретают ритуализированное значение, становятся отличительным маркером принадлежности к этносу. В докладе прослеживаются механизмы функционирования и трансформации этнической идентичности мигрантов в современных социокультурных условиях полиэтничного города. Самарский регион изначально формировался как полиэтничный, и данное историческое обстоятельство послужило оптимальным базисом для поддержания толерантной межэтнической коммуникации, возможности воспроизведения и функционирования этнических культур приезжих.

ПИМПИРЕВА Женья Ганчева

Институт этнологии и фолклористики с этнографическим музеем в Софии, Болгарская академия наук, г. София (Болгария)

АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕССАРАБСКИХ БОЛГАР: СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ В ЖИТЕЙСКИХ ИСТОРИЯХ

Веками болгары в Бессарабии (регион, на Украине и в Молдове) определяют себя своим языком, «памятью» заброшенных родных болгарских земель, религиозными и культурными характеристиками, связанными с повседневной жизнью, и т. д. Существование с различными этническими группами и национальными большинствами в различных политических

и государственных структурах накладывает отпечаток на бессарабских болгар. В новых реалиях постсоциалистической Украины и Молдовы в процессе конструирования болгарской идентичности прежние параметры изменяются, появляются новые. Процесс определяется переходом от социализма к постсоциализму, но также разделением болгарского этноса в Бессарабии между двумя независимыми государствами, которые ведут свою политику в отношении к меньшинствам и в ходе создания своих независимых государств. Рассказы о «советском времени», «во время Союза» в житейских историях респондентов определяют пройденные этапы развития идентичности и важные аспекты в конструировании современной идентичности.

Доклад подготовлен по материалам полевых этнографических исследований в Бессарабском регионе Республ. Молдовы и Украины в 2009–2010 гг. в рамках междисциплинарного проекта «Бессарабские болгары в постсоветском пространстве – культура, политика, идентичность», финансируемого Министерством образования и науки Болгарии.

РАКАЧЕВА Ярослава Владимировна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ЙЕЗИДЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ЧЕРТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА

В результате массовых миграций из Армении и Грузии в первой половине 1990-х гг. на территории РФ и Краснодарского края, в частности, осели значительные по численности группы йезидов. Сегодня большинство их в крае уже старожилов, здесь родились и выросли новые поколения. Что сегодня представляет собой йезидская этническая общность на Кубани, что служит основой для их этнической самоидентификации, какие культурные традиции, обычаи сохраняются и воспроизводятся сегодня, как обеспечиваются консолидации и внутриобщинные связи, способствующие самосохранению народа?

По данным пилотажного исследования, проведенного в ст. Азовской Северского района Краснодарского края в марте–мае 2010 г., ключевым основанием этнической идентичности для большинства представителей йезидской общины служат причастность к традиционной культуре, обычаям, религиозным обрядам. Быть йезидом – «это жить по правилам, принятым в общине, соблюдать основы религии, следовать обычаям». Религиозная принадлежность является важным консолидирующим фактором, позволившим сохранить народу с самобытной культурой и обеспечивающая прочность внутриобщинных связей. Однако сами религиозные представления достаточно скупы, и ограничиваются обрядовой стороной, что объясняется тем, что информанты – члены касты мридов – мирян, не посвященных в детали религиозных знаний, в отличие от пиров и шейхов.

Однако, при всем консерватизме йезидского общества, традиционная национальная культура неизбежно трансформируется под влиянием процессов модернизации и иноэтничного окружения.

РЕВИНА Елена Викторовна

Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт), г. Новочеркасск

ФОРМАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ГОРОДЕ

Современный человек живет преимущественно в поликультурной действительности мегаполиса, с чем напрямую связано разнообразие форм его культурной жизнедеятельности. Формируясь в рамках культуры своего народа и городской культуры, испытывая прямое воздействие культуры той социальной группы, к которой он принадлежит, современный человек связан и с культурой других народов современного города более широкой, всеобщей системой связей и зависимостей.

Вопрос о национальной идентичности актуализируется, как правило, при длительном контакте с другой культурой, особенно в моменты конфронтации и противоречий между своим, кажущимся естественным, поведением, и иным подходом к жизни. В мультикультурном пространстве мегаполиса человек неизбежно сталкивается с проблемой социального самочувствия, что вызывает необходимость его обращения к этнокультурным отличиям. Национальная идентичность в этом случае выступает как инструмент поиска социального комфорта и формализуется в следующих типах: фрагментарная; приспособленческая; конфронтационная; самодостаточная.

Преодоление негативных социальных и культурных тенденций в современном мультикультурном городе, которые носят характер распада ценностей и норм, утраты национальной идентичности, должно быть связано с усилением интегративных функций традиционной культуры как связующего звена в процессе соотношения человеком своего места и роли в социуме. Формализация национальной идентичности в мегаполисе, с одной стороны, подчеркивает его мультикультурность, а с другой, является нормативным базисом городской культуры, без которого невозможно существование и развитие как самого города, так и современной урбанистической цивилизации.

РОЗАНОВА Мария Сергеевна

Государственная морская академия им. адмирала С. О. Макарова, г. Санкт-Петербург

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К МЕТОДАМ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ИЗ МОНОЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ К МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РАССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА: ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Миграция стала неотъемлемой частью российского общества. Она породила ряд специфических проблем, связанных как с налаживанием взаимопонимания в рамках межкультурного взаимодействия, так и с адаптацией мигрантов (в том числе внутренних ми-

грантов из различных регионов РФ) к новой для них социокультурной среде. Наиболее эффективными институтами адаптации и интеграции являются образовательные учреждения.

В ходе реализации проекта по адаптации студентов из Республики Ингушетия в ГМА им. адмирала С. О. Макарова, специалистами в области этнополитологии, этнопсихологии, культурологии были выделены следующие проблемные задачи: первичная языковая адаптация, адаптация выходцев из моноэтнического региона к поликультурной и поликонфессиональной среде, адаптация к жизни в мегаполисе, к морской профессии представителей традиционно «неморского» региона, расширение узкоэтнической идентичности и формирование «репертуара идентичностей», снижение уровня конфликтности, повышение уровня толерантности к иному образу жизни и мышления, в том числе посредством повышения общекультурного уровня и общекультурной компетентности (в том числе на примере изучения своей исконной культуры и традиций).

Для решения многосложных задач требуется построение эффективной институализированной системы по адаптации студентов из моноэтнических регионов к мультикультурным мегаполисам с применением комплексного подхода.

САНДАКОВА Людмила Борисовна

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

УСЛОВИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Осмысление культурного наследия как ресурса инновационного развития требует обращения к проблемам воспитания, обучения, образования, так как в процессе развития человек должен научиться не только воспроизводящей деятельности в социуме, но и целенаправленному самоизменению, что формирует возможность творчества.

В современной социокультурной ситуации, когда ценятся инновации и высокий творческий личностный потенциал, но общество не стремится к саморазрушению и элемент преемственности позволяет сохранить социальную идентичность (через темпоральную непрерывность и смысловую самоидентифицированность), эффективным будет динамический баланс авторитарной и гуманистической педагогик. Динамический характер этого баланса означает его нежесткую заданность, обусловленность конкретной ситуацией взаимодействия и особенностями самого ребенка. Определенность и преемственность смысловых и поведенческих ориентаций в жизнедеятельности человека представляют собой момент устойчивости в развитии социальной системы и задаются авторитарными педагогическими технологиями. Индивидуализация развития, творчество и неопределенность смысловых и поведенческих ориентаций составляют момент изменчивости в развитии и задаются гумани-

стическими (в классическом варианте толкования этого термина) педагогическими технологиями. В целом, двуединство педагогического взаимодействия должно обеспечить механизм воспроизводства парадоксальности человеческого бытия.

**САФИН Фаиль Габдуллович,
ФАТХУТДИНОВА Айгуль Ильясовна**

*Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА

Этнологическая ситуация в Башкортостане в течение советского периода не подвергалась особым капризам и осталась относительно стабильной. В докладе на основе изучения результатов Всероссийской переписи населения 2002 г. предпринята попытка изучения этнологической идентичности народов Башкортостана.

В 2002 г., среди башкир в республике более 103,6 чел. в качестве родного отметили русский язык, что по сравнению с переписью 1989 г. на 63,9 тыс. чел., или в 2,6 раза больше. В то же время заметно возросли численность (3957908 чел.) и доля (96,4%) владеющих русским языком. Численность владеющих русским языком, за указанный период увеличилась более чем на 400 тыс. чел. Если из всех башкир, в 1989 г. русским языком свободно владели 78,5 %, то в 2002 г. – уже 93 % (рост 14,5%). Среди татар рост владения русским языком составлял 13% при общей доле 96,4%. Значительное увеличение доли владеющих русским языком наблюдалось среди удмуртов: в 1989 г. доля удмуртов, владеющих русским языком, составляла всего 64,4%, то по в 2002 г. достигла 91,3% (росте на 27%). Более чем на 18% выросли показатели и среди марийского населения Башкирии. С 1989 по 2002 гг. увеличилась численность башкир, владеющих языком своей национальности. В 1989 г. башкирский отметили в качестве родного 645351 чел., в 2002 г. – 912204 чел. (рост 29,3%). Доля владеющих башкирским языком среди титульного населения осталась неизменной, составив 74,7%.

Возросла численность башкир владеющих татарским языком, которая достигла 449207 чел., что составляет 36,8% всех башкир в республике (в 1989 г. доля таковых составляла всего лишь 20,7%). Такая тенденция, прежде всего, наблюдается в западных и северо-западных татароязычных районах. Отсюда и значительное увеличение башкирского населения в Российской Федерации и высокая доля башкир с татарским языком.

Парадоксальная ситуация выявлена у татарского населения республики, среди них доля лиц, владеющих татарским языком, по сравнению с переписью 1989 г. сократилась до 86,8% (сократилась на 6 пунктов). Другим парадоксом явилось то, что в республике увеличилась доля татароязычного населения, составившая 34% от всего населения Башкортостана.

Таким образом, перепись 2002 г. на территории республики показала сильные расхождения в этнологической и этнологической идентичности населения, особенно среди титульного народа – башкир. В настоящее время население Башкортостана многоязычно и в основном привержено к своему родному языку. Для всех без исключения национальностей республики характерен рост абсолютной и относительной численности людей, владеющих русским языком.

SHIRO Sasaki

National Museum of Ethnology, Osaka (Japan)

ETHNIC CATEGORY AND IDENTITY: FROM THE CASE OF THE INDIGENOUS PEOPLE IN THE RUSSIAN FAR EAST

The formation of the ethnic identity is one of the most complicated issues of the anthropology and ethnology. As it is affected by many factors, it constantly changes. Even the anthropological and ethnological research often gives serious influence on the identity of the researched people. In this brief paper, I will discuss the factors affecting the formation and change of the ethnic identity, taking some examples from the cases of the indigenous people in the Russian Far East. In this discussion, I will focus on the influence of the ethnic category established by anthropologists and ethnologists on the self-consciousness of the researched people. For this purpose, I will compare different categories that had been proposed by Chinese, Japanese, and Russian researchers since the mid eighteenth century, analyzing their frameworks and some outstanding cultural traits.

СОУКУПОВА Бланка

Университет им. Карла, г. Прага (Чехия)

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Цель доклада – сформировать и объяснить столбы идентичности традиционного меньшинства (религия, антисемитизм, Израиль, народ – хозяин) и современные перспективы национального меньшинства.

СУББОТИНА Ирина Алексеевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГАГАУЗОВ В ТРУДАХ П. КЕППЕНА

Вплоть до середины XIX в. в литературе и государственной статистике России гагаузов не выделяли из общей массы дунайских переселенцев, усматривая в них болгар, говорящих по-турецки. А потому одним из важных вопросов историографии являлся вопрос о первом упоминании этнонима «гагауз» в научной литературе и государственных документах. Многие гагаузоведы Молдавии, Украины и России считают академика П. Кеппена одним из первых (после И. Толстого), кто упомянул гагаузов (Шаб-

шов А. В.), установил численность гагаузов отдельно от болгар (Зеленчук В. С.), выделил гагаузов среди болгар «как этническую общность» (Квилинкова Е. Н., Курогло С. С., Радова О. К. и др.). Более отчетливо обозначена роль П. Кеппена в работах И. Грека, который указывал, что П. Кеппен выделяет гагаузов «из общей массы бессарабских болгар, хотя и не решается полностью обособить от болгарского этноса на основе лишь языкового фактора».

Действительно, в своей статье «Die Bulgaren in Bessarabien» (1853 г.), Кеппен, изучая болгарские колонии Бессарабии, одним из первых российских исследователей использовал этноним «гагауз», как верно и то, что П. Кеппен не считал гагаузов отдельным народом, а рассматривал их как этнокультурную группу болгар, наряду с «македонцами» и «румелами». П. Кеппен выделяет 3 группы болгарского народа, опираясь на 3 признака – язык, территорию обитания и шрифт, используемый при письме – и определяет численность каждой группы. Этноним «болгары» имеет в данном контексте П. Кеппена исключительно этническое содержание, поскольку характеризуя население болгарских колоний Бессарабии по национальному признаку, П. Кеппен перечисляет все народы, его составляющие – болгар, болгарских цыган, молдаван, малоросов, арнаут и греков – не упоминая гагаузов. Становится совершенно очевидным, что в середине XIX в. среди бессарабских гагаузов бытовало самоназвание – «гагаузы».

Безусловным достоинством работы П. Кеппена «Die Bulgaren in Bessarabien» является помещенное в Приложении распределение всех колоний болгарского водворения не только по этническому составу, но и владению населением различными языками – болгарским, турецким, русским и молдавским.

Основные положения своих исследований, касающиеся гагаузов, П. Кеппен повторяет и в последующих работах: «Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году» (СПб, 1857), в составленном под его руководством «Хронологическом указателе материалов по истории инородцев европейской России» (СПб, 1861) и в «Списках населенных мест Российской империи. Бессарабская обл.» (СПб, 1861).

СУУТАРИ Пекка

Карельский институт университета Восточной Финляндии, г. Йозенсуу (Финляндия)

ЧЕТЫРЕХПОЛЬНАЯ ТАБЛИЦА НАЦИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКИ В СОВРЕМЕННОЙ КАРЕЛИИ

Появление национальной эстрадной музыки знаменательно для карельского самосознания и культурного самовыражения. Музыкальные выступления влияют на понимание молодежью карельского самосознания, так как социальные группы образуются часто при помощи музыкальной деятельности. Через музыку поддерживается связь на эмоциональном уровне с культурным идентитетом.

Музыкальные выступления проводятся перед разнородной публикой с разными целями: на различных фестивалях, гостям города и на других многочисленных мероприятиях. В своем выступлении я кратко рассматриваю карельскую национальную музыку в четырехпольной таблице, которая состоит из самостоятельного и финансируемого государством музыкального творчества (по горизонтали), а также – из эстрадных традиций фольклоризма и его альтернатив России (по вертикали).

ТАЙМАСОВ Леонид Александрович

Чебоксарский кооперативный институт

Российского университета кооперации, г. Чебоксары

МЫСЛИТЕЛИ XIX – НАЧАЛА XX вв. О ЗНАЧЕНИИ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ЧУВАШЕЙ

Современные задачи национально-культурного развития невозможно решить без изучения теоретического наследия прошлого. Во второй половине XIX в. буржуазная модернизация и утверждение миссионерско-просветительской системы Н. И. Ильминского в качестве государственной программы христианизации нерусских народов привели, с одной стороны, к значительной деформации традиционной культуры, с другой – к пробуждению этнического самосознания и формированию национальных движений среди новокрещенных народов. Особый интерес в этом отношении представляют сочинения С. М. Михайлова и Н. В. Никольского, отражающие взгляды двух поколений представителей зарождающейся чувашской интеллигенции на перспективу этнокультурного развития чувашей.

С. М. Михайлов в своих работах анализировал этноконфессиональную ситуацию 40–50-х гг. XIX в. и высказывал идеи духовного и культурного развития чувашского народа. Он придавал большое значение его христианскому просвещению и духовному совершенствованию, предсказывая возможное этническое слияние чувашей с русскими через широкое усвоение первыми ценностей русско-православной культуры.

Н. В. Никольский был активным последователем миссионерско-просветительских идей Н. И. Ильминского и И. Я. Яковлева. Придавал большое значение христианскому просвещению и выступал за развитие функций родного языка в религии и культуре чувашского народа. По мере социально-экономических и общественно-политических перемен в стране в начале XX в. и развития чувашского национального движения, взгляды ученого на этнокультурное развитие чувашей претерпели существенные коррективы в сторону их политизации.

Наследие С. М. Михайлова, Н. В. Никольского и других представителей зарождающейся чувашской интеллигенции XIX – начала XX вв. сохраняют свою актуальность, позволяя ориентироваться в истоках и причинах современных этнокультурных и этнополитических процессов.

ТОНЧЕВА Веселка Милчева

Институт этнологии и фолклористики с Этнографским музеем Болгарской академии наук, г. София (Болгария)

ПЕСЕННОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БОЛГАР ИЗ ОБЛАСТИ ГОЛОБОРДО (АЛБАНИЯ)

Доклад представляет песенный фольклор болгар из области Голобордо (полевая работа в деревнях Стеблево, Кленье и Големо Острени) с точки зрения этнической характеристики традиционной песни и ее связи с проблемой современной этнической идентичности общности. Определяющим является мнение самих голобордских людей – их собственные представления об этнической принадлежности в их песенных примерах, их собственный «имидж» для себя. Это, в свою очередь, связано с формами самоопределения как этнически «другой» общности на территории Республики Албании.

Традиционный песенный фольклор из Голоборда в музыкальном отношении имеет диалектные особенности македонской песни (как историко-географическое определение), но традиционное знание болгарского происхождения является устойчивым, несмотря на все политические процессы, протекаемые на Балканах с конца XIX и в XX в.

Этническая характеристика песенного фольклора болгар из области Голобордо имеет важное значение для утверждения или конструирования их этнической идентичности. Важно то, что это этническое самоопределение наследуется, и эта модель сохраняет в коллективной памяти традиционное знание «болгарских» песен, что функционирует как ядро, вокруг которого консолидируется болгарская общность в албанской языковой и культурной среде.

ХОПЕРСКАЯ Лариса Львовна

Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек (Киргизия)

«ТИТУЛЬНАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ КИРГИЗИИ

В Киргизстане активно пропагандируется концепция, в соответствии с которой мировой кризис является следствием глобального распространения потребительской культуры. Она исходит из того, что «идеология единой восходящей логики прогресса потерпела крах. Потребительская культура, как высшая стадия развития глобального общества привела к кризису нравственности, природного окружения, экономики и веры в будущее». Соответственно, выход из кризиса возможен при условии усвоения ценностей кочевой цивилизации всем населением Киргизии и формирования кыргызской политической нации.

Формирование такой нации предполагает консенсус (согласие), а вернее, добровольный отказ представителей всех этнических групп от своей культурной специфики и политических интересов, принятие ими иного самоназвания и национальной, государственной стратегии, основанной на истории, культуре, традици-

ях киргизов как этноса, т. е. добровольную ассимиляцию иных этнических групп под контролем «титულიной» нации. Ассимиляционная модель построения нации заложена в текст новой конституции Киргизии, принятой после «апрельской революции» 2010 г.

В этом контексте как попытка «разжигания межнациональной розни» было квалифицировано предложение Узбекского национально-культурного центра Киргизии о возвращении к положению Конституции 1993 г., в которой были закреплены права на официальное использование языков этнических меньшинств в местах компактного проживания их представителей.

Все громкие и кровопролитные конфликты (Маевка, Токмок, Джалал-Абад, Ош), случившиеся в постреволюционный период, имели этническое измерение. В ходе предвыборной кампании в Парламент республики основные политические партии соревновались в национализме, выдвигая лозунги о привилегиях «титულიной» нации, высшие должностные лица выступали с заявлениями и законопроектами националистического содержания, кадровая политика на всех уровнях приобрела этнократический характер. Перспективы подобного нацистроительства выглядят весьма печальными.

ЦЗАН ИН

Китайский Центральный университет национальностей, г. Пекин (Китай)

КУЛЬТ ПРЕДКОВ В КИТАЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ (НА ПРИМЕРЕ НАРОДОВ ХАНЬ, МОНГОЛЫ, МЯО И МАНЖУРЫ)

Кульм предков перешёл этап тотемизма и превратился в одну форму религий. По мере развития общества постепенно устанавливалась система патриархата и совершенствовалась семейная система первобытного общества. У людей постепенно возникло представление о том, что души умерших родителей и старших предков охраняют всех членов клана и приносят потомкам богатство и благополучие. Появляются особые обряды, с течением времени вырабатывается то, что в науке известно под названием культа предков.

В древние времена Китая культ предков являлся одной из главных религиозных форм. Его история возникновения восходит к эпохе Шан (примерно 16–11 вв. до н. э.) и продолжается до сих пор. В разные исторические периоды культ предков имел свои особенности. Данная работа выявляет многообразие проявлений культа предков в Китае на примерах народов хань, монголы, мяо и манжуры.

ЧИСТЯКОВ Антон Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург

ЭТНИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В ГЕРБАХ РЕСПУБЛИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Этническая идентичность может иметь различные формы выражения, в том числе и изобразитель-

ные. В современных условиях России примером того могут служить гербы национальных регионов – республик. Гербы разрабатывались и утверждались в 1990-е гг. в результате конкурсов, организованных региональными элитами, и, следовательно, символически отражают современные представления об особенностях регионов и населяющих их этносов.

Республики отказались от использования старых (дореволюционных) гербов соответствующих территорий (за исключением Мордовии, построившей свой герб на основе герба своей столицы г. Саранска). В республиканской геральдике преобладает круглая форма гербового щита (14 республик из 21), тогда как подавляющее большинство российских регионов использует «французский» щит. Круглый щит не является новым изобретением, но имеет свои корни в советской республиканской геральдике. Типичным приемом при создании герба стало обращение к персонажам мифологии, таким как грифон Кан-Кереде (Республика Алтай), белый человек-лебедь (Удмуртия), крылатый барс (Татарстан, Хакасия) и т. д. Такой изобразительный прием устанавливает преемственность с культурами предшествующих эпох. Важными символами выступают природные объекты – горы в гербах республик Кавказа, озеро Байкал (Бурятия). В целом прослеживается противоречивая правилам классической геральдики тенденция достоверно изображать реально существующие объекты (памятник Салавату Юлаеву в гербе Башкирии, петроглиф «Всадник со знаменем» в гербе Якутии). Религиозный аспект в республиканской геральдике игнорируется, лишь в гербе Калмыкии золотой цвет официально осмысляется как цвет ламаизма.

ЧУБАРОВА Валентина Викторовна

Учебно-научный центр социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, Институт этнологии и антропологии РАН им. Миклухо-Маклая, г. Москва

СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ И УСПЕШНОЕ НАСТОЯЩЕЕ: ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ ОСТРОГОЖСК И ЛИСКИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Два соседних районных центра Воронежской области: Острогожск и Лиски, разительно отличаются по тому, как их прошлое и настоящее формируют локальную идентичность горожан. Жители Острогожска все время подчеркивают давнюю и славную историю своего города, в которой можно выделить 3 аспекта: военный (XVII – середина XVIII вв.), культурный (середина XVIII – начало XX вв.) и промышленный (советское время.). Настоящее города резко контрастирует с рассказами о славном прошлом: в Острогожске мало работы, молодежь уезжает в большие города, численность населения падает, исторические здания почти не реставрируются, заводы пришли в упадок и т. п. В этой ситуации именно прошлое является основой локальной идентичности острогожцев, привязанных к своему городу.

Лиски, напротив, являются одним из процветающих городов области: здесь заводы смогли переориентироваться в новых условиях, обеспечивая городу экономическое развитие и рабочие места, здесь находится крупный железнодорожный узел, дающий городу значительные преимущества, здесь активно ведется строительство и растет численность населения. Все это дает лисичанцам основания гордиться своим городом и всячески подчеркивать его успешность, особенно на фоне соседей. Однако культурная элита чувствует недостаток исторических корней у города, который еще 100 лет назад был, в сущности, лишь маленьким пристанционным поселком. Предпринимаются попытки «углубить» историю, придав горожанам уверенности в том, что нынешний расцвет не случаен, что прошлое Лисок достойно их нынешнего благополучия.

ЧУШЕВА Мария Ренсовна

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ: ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Республика Коми является поликультурным регионом, ее этнический состав складывался в течение нескольких веков, но особенно «плодотворным» в этом плане оказалось двадцатое столетие, в течение которого республика пережила несколько волн миграций, связанных с системой ГУЛАГа, а затем трудовой миграцией. Сегодня 60% ее населения составляют переселенцы из других регионов страны и из-за ее пределов. Помимо бурных этнодемографических процессов конец XX века ознаменовался для республики актуализацией этнической идентичности, в первую очередь, связанной с финно-угорским движением. Рост этнического самосознания сопровождался возрождением идентичностей, основанных на исторической памяти о прежних этнографических группах, в частности, возрождение ижемской, удорской, усть-цилемской идентичностей. В основе доклада – результаты исследования, основанного на методе глубинного интервью. Определены факторы локализации идентичности, влияние социальных, экономических и политических трансформаций на этот процесс, образы восприятия своей и других этнических групп региона.

ШАРОВ Владимир Дмитриевич

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола

КОМПОНЕНТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЯХ МАРИЙЦЕВ

К числу основных компонентов культурного наследия марийского народа, влияющих на этническое самосознание, следует отнести, прежде всего, язык, сложившуюся систему национального образования,

бытовые традиции, религию и многие элементы культуры и быта. При этом многообразие языковых диалектов и говоров, локально-территориальные особенности культуры и быта, традиционно предопределили наряду с осознанием своей принадлежности к марийскому этносу, появление более мелких идентичностей разного уровня.

Последние два десятилетия характеризовались противоречивыми процессами роста национального самосознания и одновременно увеличением числа маргиналов. Несмотря на снижение численности марийцев по переписи 2002 г., среди них росло осознание своей принадлежности к субэтносам, ярко проявившееся, например, у горных мари, или к локальным группам. В ряде случаев появление «новых»

идентичностей означало возрождение забытых старых. Например, обыденными стали языческие моления и причисление себя к приверженцам марийской веры, чаще в синкретической форме, т. е. осознанием своей принадлежностью и к православию.

Особый интерес представляют появляющиеся в современных условиях совершенно новые и мало изученные идентичности в разных возрастных, социальных и конфессиональных группах. Например, возникающие в столице республики разного рода землячества, объединяющие уроженцев определенной местности, а также формальные или неформальные группы, связанные с деятельностью общественных организаций, образованных, в том числе и по этническому признаку.

Секция 2. ПАТТЕРНЫ КУЛЬТУРЫ МЕНЬШИНСТВ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО/ПОСТСОВЕТСКОГО ГОРОДА. МАЛЫЕ ГРУППЫ В ЭТНОГРАФИИ

Руководители: д.и.н. **Функ Дмитрий Анатольевич** (Москва);
к.и.н. **Козьмин Валериан Александрович** (Санкт-Петербург)

АГАДЖАНИЯ Лиана Алексеевна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

ПОЯВЛЕНИЕ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА САМАРА

Первое упоминания об армянах в Самаре относится к XIX в. Основная же масса приехала к концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. Это было связано с вооруженным конфликтом в Нагорном Карабахе, с событиями в Сумгаите и Баку, а также с трагическим землетрясением 1988 г. в Армении. После данных событий в Самаре была создана городская армянская община, руководителем которой стал В. А. Осипян. Первостепенной целью организации стало оказание помощи вынужденным переселенцам из зоны землетрясения и беженцам из Нагорного Карабаха, Баку и Сумгаита. В 1992 г., согласно указу Президента Российской Федерации, все общественные организации должны были пройти перерегистрацию в соответствии с законом. Самарская городская армянская община не прошла перерегистрацию и прекратила свою деятельность.

Летом 1995 г. А. Р. Мартиросян организовал оргкомитет по восстановлению Армянской Общины. После обсуждения было принято решение о создании Самарской областной армянской организации и Самарской религиозной организации Армянской Апостольской Церкви. В сентябре 1995 г. зарегистрированы Управлением юстиции по Самарской области. Руководителем организации был избран Мартиросян Артур Рафикович. Главной целью общественной организации является сохранение целостности армянского народа, национальной идентичности, развитие национального самосознания в сочетании с общечеловеческими ценностями, культуры и языка.

Самарская Областная Армянская Община поддерживает связи с национальными центрами на территории Самарской области, общественными образованиями в России. Поддерживает связи с армянской диаспорой других государств и с исторической Родиной.

АНТРОПОВА Наталья Александровна

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

АРХИТЕКТУРА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОДИН ИЗ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Доклад основан по полевым материалам, собранным в ходе исследования, проведенного в 2010 г. в малых городах Городец и Заволжье Нижегородской

области, а также Гороховец Владимирской области. Роль культурного наследия в создании общегородской пространственной архитектуры предстает через описание результатов изучения организации городских мест разного типа, и характера их использования разными социальными группами.

АРТЕМОВА Юлия Александровна

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

ГАМАЮНЫ – СУБКУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ г. НИЖНИЕ СЕРГИ?

Город Нижние Серги расположен на западном склоне Среднего Урала и является городом районного подчинения. Средний Урал – один из крупнейших центров металлургического производства, которое существует уже более двух столетий. История становления и развития металлургического производства в Нижнесергинском районе в аспекте человеческого фактора, т. е. тех людей, чьими силами налаживалось это производство, представляет немалый интерес для историков и этнологов (социальных антропологов).

В XVIII веке Никита Демидов начал строить по течению реки Серги ряд металлургических заводов. Основную рабочую силу составили крепостные крестьяне, пригнанные из других регионов России, в частности, из Калужской губернии. Эти люди получили прозвище «гамаюне» или «гамаюны». И по сей день соседи так называют часть современных жителей г. Нижние Серги, которые считаются потомками калужских переселенцев, да и сами они склонны именовать себя гамаюнами. Существует целый ряд версий, трактующих значение этого слова. Возможно, все они имеют под собой основание, но не исключено, что какие-то из них – лишь плод «мифологии». Очевидно одно – уральские «гамаюне» до сих пор характеризуются самобытными чертами материальной и духовной культуры, что автор и попытается показать в докладе.

МАНДЕЛЬШТАМ БАЛЗЕР Марджори

Джорджтаунский университет, г. Вашингтон (США)

ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ КОНТЕКСТЫ: КАК ОПРЕДЕЛИТЬ КУЛЬТУРНОЕ МЕНЬШИНСТВО?

В докладе на примере народов Республики Саха РФ анализируются изменяющиеся контексты определений традиционности и модернизации, национальной и этнокультурной идентичности, культурного меньшинства и большинства.

БАТЬЯНОВА Елена Петровна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ОБРАЗ ГОРОДА В СЕМЕЙНЫХ ХРОНИКАХ И ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ ЛЕСНОВСКИХ КОРЯКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 1985, 1995 гг.)*

Проживание коренных малочисленных народов Северо-Востока в значительной удаленности от городов, специфика их традиционного образа жизни и мировосприятия предопределили особенности их представлений о городе. Эти особенности отчетливо прослеживаются в биографиях и семейных хрониках береговых коряков селения Лесная, представляющих локальную этнокультурную группу с собственным диалектом и насчитывающих около 450 человек. Большинство лесновских коряков редко бывали в городах, многие из них никогда не выезжали за пределы Камчатки, тем не менее, образ города присутствует почти во всех записанных мной семейных преданиях и личных воспоминаниях. В повествованиях лесновцев город всегда преподносится как принадлежность «чужого мира». Соприкосновение с городом связано с экстремальными ситуациями и сопровождается стрессом. Некоторые из рассказчиков подробно описывали эмоциональное потрясение, связанное с их первым впечатлением от города: от шума, движения, большого количества людей и машин, яркого света фонарей. Контакт с городом предполагал в прошлом использование традиционных средств личной безопасности – ношение оберегов, «кормление чужой земли», чтобы ее задобрить и пр.

Город отторгает. Он всегда ассоциируется с властью. Его образ часто связан с негативными ассоциациями – репрессии, больница, тюрьма, преступления, крушение надежд. Положительные ассоциации обычно связываются с учебой (даже неудавшейся), иногда – с армией. Нередко город ассоциируется с отдыхом, с праздником, на котором можно продемонстрировать свою традиционную культуру, свое искусство шить, танцевать.

Аналогичное восприятие города, по-видимому, характерно и для ряда других этнокультурных групп народов Северо-Востока.

БЕЛКОВ Павел Львович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГРАФИИ КАК МНОЖЕСТВО МАЛЫХ ГРУПП

Понятие малых групп позволяет более точно определить области археологии и этнографии. Принято считать, что различие между этими дисциплинами связано с тем, что этнография имеет возможность на-

блюдать трудовой процесс в живом виде, например, наблюдать ритуал, его сопровождающий. Однако деление на современные («живые») и древние («мертвые») культуры не является ключевым моментом при разграничении предметов исследования археологии и этнографии. С этой точки зрения, под понятие малых групп подпадают не только группы людей, но также группы элементов культуры. Археология изучает «остатки» не только материальной культуры, но, исходя из общепринятой морфологии культуры, также социальных институтов (систем родства) или мифов. Этнографические «пережитки» при определенном смещении *f* во времени и пространстве могут быть совмещены с археологическими «остатками». Если этнография основана на абстракции «объективированные результаты абстрагирующей деятельности человека» при дальнейшем разбиении указанного множества на два подмножества «бесписьменная культура» и «письменная культура», то археология основана на абстракции «результаты трудовой деятельности человека» при разбиении на подмножества, соответствующие понятиям «первобытная археология» и «классическая археология», т. е. опять-таки на «археологию бесписьменных культур» и «археологию письменных культур». В данном случае понятие «результаты трудовой деятельности» рассматривается как частный случай, или более конкретная (более сложная) абстракция по отношению к понятию «объективированные результаты абстрагирующей деятельности».

БУЗИН Владимир Серафимович

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

О ЧИСЛЕ СУБЭТНОСОВ РУССКОГО НАРОДА

В составе многих народов, особенно значительных по численности, зачастую встречаются более мелкие подразделения этнического характера. В отечественной научной литературе они имеют разные названия – группы «историко-культурные», «мелкие этнические», «этнолокальные» и др. Однако еще в 1970-х гг. Ю. В. Бромлей предложил типологию внутриэтнических подразделений, выделяющую «этнографические группы» – имеющие специфику традиционной культуры (иногда также языка и внешнего облика), но не обладающие особым самосознанием и, соответственно, названием, и «субэтноты» – при обладании этой спецификой, имеющие самосознание и название. В составе русского этноса есть немалое количество групп, которые в соответствии с этой типологией можно отнести к субэтническим. Каково их количество? В исследованиях разного времени оно изменялось в сторону увеличения (см. в частности: работу Г. Н. Озеровой и Т. М. Петровой, 1979 г., энциклопедию «Народы России», 1997 г., совместную с С. Б. Егоровым статью автора, 2008 г.).

По мнению автора доклада, определить точное число субэтносов русского народа сложно и по субъективным причинам – некоторые исчезли, не попав в поле зрения исследователей, но, в основном, по объ-

* Доклад подготовлен в рамках проекта ««Коренные малочисленные народы города»: этнологический анализ современных адаптационных стратегий и практик малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (грант РГНФ № 10-01-00028а).

ективным – в силу текучести самого процесса формирования и исчезновения этнических подразделений того или иного уровня. Это именно та причина, по которой невозможно указать число этносов Земли. Однако в определенных пределах эту цифру указать можно, если решить проблемы процессуального и терминологического характера, связанные с выделением внутриэтнических подразделений.

ДАВЫДОВА Ольга Эдуардовна

Университет Восточной Финляндии, г. Йонсуу (Финляндия)

РУССКИЕ ФИННЫ – ФИНСКИЕ РУССКИЕ: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ЭТНИЧНОСТИ В МИГРАЦИИ

Финское население современной Карелии сформировалось в результате трех миграционных потоков: послереволюционной миграции «красных финнов», миграции «американских финнов» и «перебежчиков» в 1930-е годы и трудового набора ингерманландских финнов после второй мировой войны. Роль финского языка и финноязычной культуры менялась с течением времени. К концу советского периода на финском языке функционировал ряд культурных институтов, одновременно происходила языковая ассимиляция. Завершение советской эпохи характеризовалось подъемом этнонациональных движений, получавших значительную поддержку с «исторических родин». Одна из форм такой поддержки в Финляндии вылилась в начало «репатриации» людей финского происхождения, которую планируется завершить в 2011 г. За двадцатилетнюю историю этого миграционного процесса сформировались транснациональные культурные и социальные сети между Карелией и Финляндией, финская этничность получила новые значения, в Финляндии сформировалось новое русскоязычное меньшинство. В своем докладе я планирую рассмотреть некоторые аспекты новой, не ограниченной границами одного государства, этничности, используя в качестве примера, в частности, мой личный опыт миграции из Петрозаводска в Финляндию.

ДОРОНИН Дмитрий Юрьевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Миклухо-Маклая, г. Москва*

(НЕО)ШАМАНИЗМ И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ УЛАГАНСКИХ ТЕЛЕНГИТОВ

Доклад посвящён анализу ритуальной практики в (нео)шаманизме теленгитов Улагана (экспедиция 2003 г.) как знакового явления в современной этносоциальной консолидации.

Население с. Улаган (основан в 1765 г.) формировалось во многом благодаря стараниям Алтайской Духовной миссии РПЦ. Христианизация в значительной степени определила особенности протекавших здесь консолидационных процессов. Судя по современным исследованиям, значительным фактором в консолидации улаганских теленгитов, помимо православия, является ритуальная практика местных форм (нео)шаманизма.

Специфика сложения населения райцентра определила и современные особенности местных родовых культов: для части теленгитов, оказавшихся здесь вдали от родовых гор, общеродовые моления производятся на горе, ближайшей к с. Улагану. На ритуальной площадке у вершины г. Кара-Кайа сооружены жертвенники духам-хозяевам родовых гор всех теленгитских родов, проживающих в Улагане, установлена коновязь, общая для всех этих духов.

Анализ материала позволяет заключить: организация ритуального пространства отражает современную полиродовую структуру населения Улагана, содействуя тем самым его консолидации на новом этапе формирования теленгитской этнической общности.

ЕГОРОВ Сергей Борисович

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП СЕВЕРО-ЗАПАДА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Северо-запад Европейской части России является регионом, в котором под воздействием различных факторов происходило формирование и развитие этнолокальных групп. Со средневековья наблюдается активное взаимодействие славянского, прибалтийско-финского, балтского и германского населения, что определило направленность его этнокультурного развития в последующий период.

Пограничный характер территории, особенности географического положения, определяющие характер хозяйственной деятельности и интенсивность связей, миграции, политические и административные факторы, конфессиональная неоднородность населения привели к формированию локальных групп, обладающих определенной этнокультурной спецификой. Некоторые из этих групп со временем потеряли свое своеобразие, другие оказались более устойчивыми и сохранили свои основные особенности до современности.

В настоящее время преобладающей является тенденция, направленная на унификацию, нивелирование этнокультурных различий локальных групп, хотя в ряде случаев и отмечается стремление сохранять и развивать традиционное наследие, что выражается в различных формах: изучение и популяризация собственной истории, создание местных культурных центров и музеев, организация фольклорных коллективов, расширение сферы использования родного языка и т. п.

ЗАХАРОВА Евгения Юрьевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТБИЛИСИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГОРОЖАН

Городская среда, ее отдельные элементы участвуют в «построении» идентичностей горожан. У жите-

лей города формируются представления о тех или иных частях городского пространства, изменения, которые в нем происходят, фиксируются, оцениваются и соотносятся с индивидуальными идентичностями. Элементы городского пространства оцениваются с точки зрения степени престижности, социальных и этнических характеристик, жизненных стилей, которые с ними ассоциируются. Уникальные, индивидуальные представления о пространстве, которые используются при ориентации на местности, выборе маршрутов передвижения и становятся основанием для личных суждений, в антропологической и социологической литературе принято называть ментальными картами.

В приложении к городскому пространству под ментальными картами подразумеваются индивидуальные образы города. Однако можно говорить не только об индивидуальных, но и о коллективных городских образах, стереотипах, разделяемых разными категориями жителей. «Левый vs. правый берег Куры», «центр vs. периферия», «старые vs. новые районы», «многоэтажная vs. малоэтажная застройка» – вот некоторые из оппозиций, через которые тбилисцы осмысливают социальные характеристики городского пространства, и которые влияют на формирование идентичностей жителей столицы Грузии. Цель – через выделение социальных характеристик пространства, которые тбилисцы используют, говоря о городе в котором живут, высветить элементы, релевантные для построения идентичностей жителей города.

КАПУСТИНА Екатерина Леонидовна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

ДАГЕСТАНСКАЯ СТОЛИЦА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ: ЭТНИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

На протяжении XX века население города Махачкалы, столицы республики Дагестан, не только стремительно росло, но и менялось в этническом плане. Бурные события 1990-х годов оказали существенное влияние на изменение этнического баланса города: например, при существенном сокращении числа русских, евреев, некоторых других этнических групп, значительно возросла доля представителей «горских народов Дагестана» – аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин и т. д. Традиционно некоторые районы города обладали своей этнической спецификой.

Изменение этнического состава Махачкалы проходило стремительно, в результате в 1990-х годах можно было говорить о появлении новых этнотерриториальных анклавов на территории столицы. В докладе речь пойдет о том, как изменилась этническая карта Махачкалы за последние 20 лет, насколько актуальным сейчас в экономическом и социо-культурном плане остается принцип этно-

территориального ее деления и как современное этническое наполнение города осмысливается самими горожанами. Внимание также будет уделено роли дагестанской столицы в контексте более глобальных миграционных процессов, проходящих в республике в начале XXI века.

КУЧИНСКИЙ Максим Геннадьевич

*Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН, г. Апатиты*

ТУНДРА. ПОСЕЛОК. ГЕНДЕР

В советское время была определена модернизация образа жизни, основанного на комплексном хозяйстве и кочевании всей семьей. Основной идеологией и новым взглядом на хозяйство и мир человека стала оседлость. Дальнейший идеал государства, осуществлявшийся в сельской культуре – урбанизация. «Переход от первобытного строя к социалистическому» означал переход «от кочевого образа жизни к оседлому». Уже колониальная система трансформировала комплексное хозяйство, навязав экономическую специализацию. Чаще всего эта специализация стала основой для последующей индустриализации. Принятая модель модернизации кочевого хозяйства предполагала создание поселков как хозяйственных центров и организацию кочевой работы как вахтенной/сезонной.

В течение двух-трех поколений опытными оленеводческими станциями, охотуправлениями, институтами рыбного хозяйства и т. д. было выстроено хозяйство, трактуемое сегодня как «традиционное». Это было индустриализацией отношений в хозяйстве народов Севера. Главная трагедия состоит в том, что должности были поделены между полами. Вахтовое/сезонное (бывшее кочевое) хозяйство стало почти исключительно мужским. Для оставшихся в поселках женщин создавались специфически городские профессии, связанные со сферами быта, образования, администрации. Это породило гендерные стереотипы и ориентиры, являющиеся основой современной проблемы народов Севера. С крушением советского государства, «традиционная» экономика вступила в кризис. Выход из него в условиях Севера был самым разнообразным.

Сегодня дихотомия «города и деревни» для народов Севера (читай: поселка и тундры/тайги) является гендерной. Большое количество мужчин, работающих/живущих в тундре/тайге являются холостяками. Большинство женщин стремятся выйти замуж за человека не из тундры/тайги и выстраивают свои жизненные планы не с тундрой/тайгой. Организация хозяйства в тундре/тайге осуществляется акторами из поселков, использующими сложившиеся структуры управления и связанными практиками бухгалтерии, аудита, общественных связей... и презентаций.

МАМОНТОВА Надежда Александровна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ТРАДИЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА НИВХОВ САХАЛИНА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ*

Влияние промышленного освоения нефте- и газодобывающих компаний на традиционную экономику коренных малочисленных народов Севера на протяжении последних десятилетий стало одной из ключевых тем многочисленных дебатов как среди самих КМНС, так и среди ученых, политиков, нефтяников. Обращение коренных народов к своим традициям и историческому прошлому в попытках добиться свободного доступа к ресурсам и возможности ведения хозяйственной деятельности на землях исконного проживания является основным аргументом в диалоге с промышленными компаниями и органами власти. При этом в случаях, когда центральной темой обсуждения становится экономическая деятельность и доступ к ресурсам, диалог становится особенно напряженным. В быстро меняющихся условиях жизни КМНС приходится выдвигать все больше доводов относительно важности сохранения их традиционного образа жизни. В докладе я рассмотрю, как, с одной стороны, программы, предоставляемые компанией «Сахалин Энерджи», в рамках «Плана содействия» влияют на традиционную экономику одного из коренных малочисленных народов Севера – нивхов Сахалина, с другой – как нивхи отвечают на эти вызовы и адаптируются к изменяющимся условиям.

МАСЛОВ Денис Владимирович

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

ФОРМАЛЬНЫЙ И НЕФОРМАЛЬНЫЙ ТИПЫ СОЛИДАРНОСТИ У ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ Г. ГОРНО-АЛТАЙСКА*

В докладе я собираюсь рассказать о том, как в небольшом российском городе люди, принадлежащие к тому «типу» этнических меньшинств, которые получили название и статус «коренных малочисленных народов», пытаются реализовать известные и найти новые пути, выводящие их этническую культуру из состояния, которое можно характеризовать как номинальное.

Получение образования и рабочих мест в промышленности были главными мотивами отъезда из

сельских районов, находящихся к северу и северо-востоку от Горно-Алтайска (где живут кумандинцы, челканцы, тубалары) со второй половины XX в. Миграция имела «индивидуальную» форму, а сами мигранты были молодыми людьми. В городе их связь с «родной» культурой оставалась глубоко личной. Сегодня это сказывается в основных направлениях работы Ассоциаций КМНС, главное содержание деятельности которых состоит в создании институтов, поощряющих групповую солидарность и сплоченность.

На фоне этого привлекают интерес сети, через которые осуществляется неформальное общение. Они организуют повседневную жизнь представителей меньшинств и, как мне кажется, сложились в процессе адаптации к городским условиям. Они стали видны, когда я обратил внимание на сам процесс сбора материала – те социальные «пути», которыми я шел, пытаясь познакомиться с культурой малочисленных народов живущих в Горно-Алтайске. Это важно, поскольку иллюстрирует то, как kaleidoscope множества личных взаимодействий с социокультурным ландшафтом города сложился в городские культуры этнических меньшинств.

НАДЬ Золтан

Университет г. Печ, г. Печ (Сербия)

ПИВО С МУЖСКИМ ХАРАКТЕРОМ (ПИВО И ЕГО ЛОКАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ)

В ходе моих полевых исследований в бассейне Васюгана, ведущихся начиная с 1998 г., обнаружилось значительные изменения в пищевых привычках местных жителей. Если прежде в потреблении алкоголя местных ханты первостепенное значение имела водка, то десять лет спустя наблюдается значительный рост потребления пива, в результате чего изменились локальные значения, связанные с пивом и водкой.

В основе данного явления лежит так называемый процесс наификации (Caldwell), получивший яркое отражение в рекламах пива. В результате этого процесса пиво приобрело значения, которые прежде были связаны исключительно с водкой: оно стало «своим», домашним, народным, аутентичным. Этим обусловлено и то, что в городах Западной Сибири некоторые социальные группы посредством потребления пива стремятся преобразовать социальную структуру: располагаясь посередине этой структуры, они пытаются иерархически интерпретировать общество, в котором живут, отграничиваясь «сверху» от потребителей водки, а «снизу» – от потребителей самогонки. В местном обществе две последние группы интерпретируются по этническим категориям как русские или остяки, следовательно, эта средняя группа, состоящая большей частью из выходцев из смешанных семей, воспринимает себя как этнически нейтральную категорию, пытаясь таким образом игнорировать этнический дискурс. Успех этой преобразовательной стратегии, однако, несколько сомнителен,

* Исследование выполнено в рамках проектов «Коренные малочисленные народы города»: этнологический анализ современных адаптационных стратегий и практик малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (грант РГНФ № 10-01-00028а) и «Землепользование и этничность в циркумполярном регионе» (грант NSF, рук. Х. Бич).

* Исследование выполнено в рамках проекта «Коренные малочисленные народы города»: этнологический анализ современных адаптационных стратегий и практик малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (грант РГНФ № 10-01-00028а).

так как местное общество не желает принимать во внимание новую, выделенную благодаря своим потребительским привычкам, социальную группу.

НОВИКОВА Наталья Ивановна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА ГОРОДСКИХ АБОРИГЕНОВ*

В докладе анализируется ситуация с различными группами городских аборигенов, как занимающихся традиционным природопользованием, так и работающих в других сферах, в первую очередь управления, образования и культуры (в Западной Сибири и на о. Сахалин). Рассматривается вопрос о том, почему для многих чиновников их статус зависит от проживания в городе или сельской местности, хотя это никак не отражено в законодательстве. Показывается, какую роль могут играть обычаи и традиции для подтверждения права городских аборигенов пользоваться гарантиями государства, в первую очередь в сфере природопользования. Согласно закону «О животном мире» коренные народы и их объединения имеют право на приоритетное пользование животным миром, если их «самобытная культура и образ жизни включают традиционные методы охраны и использования объектов животного мира» (статья 49). Хотя в этом законе не упоминается обычное право, но очевидно, что одним из показателей этих характеристик является регулирование их жизнедеятельности именно правовыми обычаями. Следование в природопользовании этим обычаям может быть использовано, и реально используется, для доказательства того, что именно эти люди и именно эти общины или родовые хозяйства имеют право приоритетного пользования ресурсами. А для городских аборигенов эти характеристики могут рассматриваться как свидетельство их права на особый статус.

НОВОЖИЛОВ Алексей Геннадьевич

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ МАЛЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Определение границ малых этнографических групп (МЭГ) применительно к Северо-западу России различается в зависимости от ландшафтных условий и традиции расселения. На севере и востоке региона, где доминирует гнездовой тип расселения МЭГ, представляют собой либо крупное гнездо деревень, либо сумму нескольких гнезд объединённых привязкой к реке или системе проточных озёр, обеспечи-

вающих внутрigrupповые контакты. Часто представители таких МЭГ сами себя идентифицируют.

В западных и южных районах, где преобладает сетевой тип расселения установить границы МЭГ значительно труднее. Исключение составляют группы, выделяемые по принципу религиозной или языковой исключительности (старообрядцы и сету).

Во всех остальных случаях, когда группы реально существуют, но по формальным признакам не выделяются, необходимо выявить МЭГ непосредственно в ходе полевых работ. Это подразумевает определение её внешних социальных барьеров, обретающих в разных ситуациях вид административных, приходских или природопользовательных границ, внешних ограничений очерчивающих группы по основной хозяйственной или промысловой специализации.

Ещё более важно выявление устойчивых внутренних связей, базирующихся на системе совместной жизнедеятельности, обеспечиваемой частотой будничного и ритуального общения, общности бытовых особенностей и единстве круга брачных связей, что создаёт системообразующие императивы, присущие данной МЭГ. Очевидно, что обнаружить все эти показатели заранее, до проведения полевых исследований крайне сложно, а часто и невозможно.

ПОВОРОЗНИК Ольга Алексеевна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА: ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Растущие темпы урбанизации и усиливающийся приток населения в города заставляют современных этнологов и антропологов переключать внимание с «экзотических» обитателей отдалённых поселков и стойбищ на более «обыденных» городских жителей. Городская антропология как одна из наиболее актуальных областей исследований берет свои истоки в социологии города (Wirth 1996). Её социологическое наследие выражается в активном использовании количественных методов, которые позволяют охватывать большие группы населения и успешно сочетаются с глубинными интервью и изучением биографий.

К методологическим вызовам городского антрополога относятся выявление инаковости объекта (изучаемые им люди могут вести такой же образ жизни и быть частью той же культурой среды), а значит, обоснование правомерности самого антропологического исследования. Установление близких и прочных контактов между исследователем и информантами в условиях высокой мобильности и обособ-

* Доклад подготовлен в рамках проекта ««Коренные малочисленные народы города»: этнологический анализ современных адаптационных стратегий и практик малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (грант РГНФ № 10-01-00028а).

* Исследование выполнено в рамках проекта «Коренные малочисленные народы города: этнологический анализ современных адаптационных стратегий и практик малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (грант РГНФ № 10-01-00028а).

ленности отдельных людей и их групп, особенно в мегаполисах, также затрудняет проведение полевых работ, основанных на качественных методах (Foster & Kemper 1996).

С конца 1960-х гг. городская среда стала контекстом исследований проблем этничности, семьи и родства (Harris 1970), идентичности, миграций, этнических, языковых и культурных меньшинств, субкультур (Habeck & Ventsel 2009) и др. Наиболее активно исследования проводились в крупных городах США (Manning 1998), Латинской Америки, Европы (Rotenberg 1996), Ближнего Востока. Россия и, особенно, Север РФ, где расположено множество крупных городов и поселков городского типа с проживающим в них полиэтническим населением, в т.ч., представителями КМНС, пока остается наименее изученным, с точки зрения городской антропологии, регионом мира.

РАХМАТУЛЛАЕВ Шавкат Мухаммадалиевич
Институт истории АН Республики Узбекистан, г. Ташкент (Узбекистан)

КУЛМАТОВ Норкобил Эшмаматович

**ТАШКЕНТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ, г. ТАШКЕНТ (УЗБЕКИСТАН)
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ДИАСПОРЫ УЗБЕКИСТАНА**

Процесс формирования и развития русскоязычной диаспоры на территории современного Узбекистана шел на протяжении почти полутора веков. Интенсивный рост количественных показателей, начавшийся в период колонизации Средней Азии, пришелся на советский период. Сложные социально-политические и экономические процессы 1930-х гг. в совокупности с репрессиями сталинизма, повлияли на этноконфессионально-демографическую картину. С этого времени преобразовавшаяся этнокарта республики включила ряд новых для региона этносов.

В результате иррациональной этнополитики бывшего Союза, корейская культура трансформировалась и к концу XX века вошла в состав русскоязычных диаспор. Такая же участь постигла часть татарской диаспоры. На сегодня среди русскоязычных диаспор, наряду со славянскими, татарская и корейская диаспора являются одними из наиболее многочисленных.

Процесс развития русскоязычных диаспор в 1939–1989 гг. шел неравномерно. Количество русских и украинцев за этот период удвоилось, численность татар повысилась в 2,5 раза (в 1939–1959 гг. утроилось), корейцев – в 4,5. При этом коэффициент роста населения республики составил 3,1.

На этнодемографические характеристики славян влияние оказала вовлеченность их в миграционные процессы. До середины 1970-х годов приток превышал отток, затем начался обратный процесс. В 1989 г. в Узбекистане проживало 2610,8 тыс. чел. вы-

шеуказанных национальностей, из них большинство (63,3%) – русские. В последующий период доля русскоязычного населения, систематически сокращалась. В 1989–2009 гг. численность русских и украинцев в республике сократилось почти вдвое, татар – в 2,7 раза, представителей корейской диаспоры лишь на 16,5%.

СЕРКОВА Алена Алексеевна

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

**ТВЕРСКИЕ КАРЕЛЫ:
В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ**

В докладе рассматриваются современные механизмы формирования и поддержания идентичности у тверских карел, некогда крупнейшего карельского субэтноса, в начале XX в. превосходившего по численности карел, проживавших на территории собственно Карелии. Основное внимание уделено оценке вклада Тверской региональной национально-культурной автономии Тверских карел (с центром в Твери и 8 районными отделениями) в сохранение культуры данной этнической группы.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы (экспедиционные выезды 2011 г.) позволяют предварительно выделить два взаимозависимых типа официальной деятельности, влияющей непосредственно на идентичность, воссоздание и поддержание культуры, культурных ценностей тверских карел:

– *Деятельность «местного уровня».* Организация внутри- и межрайонных мероприятий (проведение заседаний Автономии, праздников), развитие СМИ на карельском языке, изучение языка.

– *Деятельность «вовне».* Конференции, участие в международных фестивалях, связи с финнами и другими представителями финно-угорских народов.

В докладе будут использованы фото- и видеоматериалы автора, позволяющие более наглядно представить основные составляющие современной идентичности тверских карел.

СИРИНА Анна Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**КОРНИ ПРОБИВАЮТСЯ
И СКВОЗЬ АСФАЛЬТ:
ЭВЕНКИЙСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ
ХУДОЖНИКА В. П. КОНДАКОВА***

В этнографии проблема идентичности сегодня занимает важное место. Возникают дискуссии об идентичности человека, утратившего связь с традиционной культурой, об идентичности человека смешанного происхождения, об идентичности тех, кто не знает языка своего народа и живет в городе.

* Доклад подготовлен в рамках проекта ««Коренные малочисленные народы города»: этнологический анализ современных адаптационных стратегий и практик малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (грант РГНФ № 10-01-00028а).

В контексте этих дискуссий интересен пример жизни и творчества художника В. П. Кондакова – городского, образованного человека, говорящего по-русски, считающего себя русским, но помнящего и уважающего свои эвенкийские корни, сопереживающего эвенкийской культуре, которая является, наряду с русской и мировой культурами, источником его творчества.

Живопись, как и музыка, не требует вербального языка, у нее иные изобразительные средства – краска, техника, форма, композиция... Полотна, gobелены и деревянные скульптуры, рождаемые фантазией художника, хорошо узнаются как имеющие эвенкийские корни. Всю жизнь он искал свой стиль, работал в русле поиска корней специфичными художественными средствами. Его становление как художника стиля неоархаики, который отличает целую группу сибирских художников, объединившихся в творческую группу «След», похоже на становление эвенкийских шаманов.

В докладе сделана попытка представить и интерпретировать творчество художника с этнографической точки зрения, рассматривая мотивы избранности и предопределенности, интерпретации прошлого, творческого поиска и эксперимента, а также самоидентификации и самопрезентации в современном глобализованном мире.

СОЛОННИКОВА Галина Львовна

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

ОБРАЗОВАНИЕ ПАССАЖИРСКИХ СООБЩЕСТВ В ЭЛЕКТРОПОЕЗДАХ И ПРИНЯТЫЕ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

В докладе рассматривается формирование пассажирских сообществ с идентичными представлениями о дороге, личном пространстве и их взаимодействии на протяжении всего пути. Главной задачей является систематизация представлений пассажиров электропоездов о власти (государстве, РЖД), взаимодействии с контролёрами, соседями, прочими пассажирами. Особо выделена подгруппа пассажиров – «безбилетников» с их установками, заметно отличающимися от установок общей группы, а также более подробно рассмотрена их развитая система внутригрупповой помощи.

Материал разделен на несколько частей, охватывающих этапы проезда: начиная с возможностей попадания на платформу без билета и примеров установления первых контактов между пассажирами, способов занять свободные места (в т. ч. различных уловок), формирования отношений с соседями по купе и стоящими рядом, коммуникации в ходе возникновения экстренных случаев (оказание медицинской помощи), видоизменении норм этикета телефонных разговоров и прочее; специальная часть, – посвящена безбилетникам и их групповым установкам, примерам групповой солидарности и оказания внутригрупповой помощи, а также рассмотрено условное пред-

ставление об иерархии в электричках, где первостепенное значение имеет машинист. Пассажирское сообщество рассматривается как временное, но тем не менее имеющее определенные установки относительно перечисленных выше тем, и выраженных моделей поведения, принятых в данном сообществе.

СУЛЬДИНА Людмила Викторовна

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ В XX в.

В XX веке в городах Мордовии происходили значительные изменения в воспроизводстве населения, в миграционной активности, но, пожалуй, самой важнейшей среди фундаментальных и одновременно форсированных, крайне сжатых во времени, трансформаций является переход общества из сельского в городское.

На протяжении всего столетия наблюдался невысокий темп прироста населения. Хотя в довоенное время по сравнению с соседними республиками Мордовия значительно отставала по показателям городского населения, в 1939 г. его процент был почти вдвое ниже, чем в Марийской и Чувашской республиках. В период 1959–2002 гг. население городов Мордовии увеличилось и практически сравнялось с Марийской и Чувашской республиками. Концентрация населения приходилась на 3 крупных города республиканского подчинения – Саранск, Рузаевка и Ковылкино. На их территории в конце XX века проживало свыше 70% всего городского населения, так как они представляли из себя крупные промышленные, торговые центры. Значительная доля городских жителей на протяжении всего века проживает в столице республики г. Саранске.

Демографические показатели роста городского населения определялись в равной мере как превышением рождаемости над смертностью, преобразованием сельских населенных пунктов в городские, миграционным притоком, который был связан с ростом промышленного производства, развитием транспорта, увеличением объемов капитального строительства.

ТЕРЁХИНА Александра Николаевна

Средняя общеобразовательная школа № 179, г. Москва

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЦЕРКВИ КАК НОВЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕНТ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Доклад базируется на авторских полевых материалах, собранных в г. Салехард Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в 2008–2010 гг.

С 1990-х годов в ЯНАО началась активная деятельность церквей протестантских деноминаций: баптистов, пятидесятников, харизматов. На данный момент в Салехарде действует не менее десятка молебных домов. Среди членов евангельских

церквей с каждым годом увеличивается число ненцев и ханты.

В докладе анализируется роль евангельских церквей в формировании нового образа жизни, социальной адаптации коренных народов, а также влияние этих церквей на культуру, в том числе на представления о своей «традиционной» культуре, и этническое самосознание КМНС-горожан.

ФУНК Дмитрий Анатольевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ДИСКУРСЫ НАСЛЕДИЯ И ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОРОДСКОЙ СИБИРСКОЙ АБОРИГЕННОЙ СРЕДЕ*

Для современной социальной/культурной антропологии направление антропологии города постепенно становится одним из наиболее весомых и в плане удельного веса полевых исследований, проводимых в городской среде, и в плане развития антропологической теории (см.: Antweiler 2004). Несмотря на то, что антропология города в этнографическом сибиреведении, особенно в России, лишь только начинает становиться на ноги, уже возможно говорить о наличии нескольких особо значимых дискурсов, существующих как в городском обществе/обществах, так и в профессиональной этнографической среде (см., напр.: Graybill 2009; Хамфри 2010; Штаммлер, Эйльмштейнер-Саксингер 2010).

Наследие и идентичность относятся, пожалуй, к наиболее рельефно выделяющимся дискурсам в современной городской сибирской аборигенной среде. Их актуальность и насыщенность особыми смыслами объясняется и поддерживается не только тем, что в городах зачастую сосредоточен значительный процент аборигенной интеллигенции, склонной к рефлексии и творчеству, но и тем, что именно в городах – средоточии маргинальной, «аутсайдерской» части мигрантов из числа коренных малочисленных народов Севера – культура меньшинства подвергается наиболее осязаемым и быстрым трансформациям, зачастую определяемым в терминах «потерь» или «угрозы исчезновения».

Дискурсы аборигенного культурного наследия и сохранения своей, прежде всего этнической «нарративной», идентичности рассмотрены в докладе на основе анализа устных (интервью, беседы, выступления на конференциях) и письменных (газетные публикации, программы развития, заявки на гранты, уставные документы) текстов, собранных автором в городах и поселках городского типа Кемеровской и Сахалинской областей и в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края РФ в 1999–2011 гг.

* В 2010–2011 гг. исследование проводилось в рамках проектов ««Коренные малочисленные народы города»: этнологический анализ современных адаптационных стратегий и практик малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (грант РГНФ № 10-01-00028а) и «Землепользование и этничность в циркумполярном регионе» (грант NSF, рук. Х. Бич).

ХАРИТОНОВА Валентина Ивановна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

(НЕО)ШАМАНЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ*

В докладе будет представлен фото- и видеоматериал, отражающий так называемое «возрождение шаманизма» в современной России, на его основе охарактеризованы сформировавшиеся сообщества (нео)шаманов и отдельные профессионалы-одиночки. Особое внимание будет уделено вопросу этнической принадлежности (нео)шамана в связи с его психоментальностью, статусом, спецификой практики и взаимоотношений с конкретными социальными и иными группам (например, кружками по интересам).

На основе предшествующего авторского исследования истоков, характера формирования и трансформаций современного (нео)шаманизма, специфики предложений населению своей деятельности постсоветскими «шаманскими религиозными организациями» в республиканских столицах – Улан-Удэ, Кызыл, Абакан – рассматриваются проблемы сохранения культурных традиций и модернизации культурно-образовательного статуса (нео)шамана.

Отдельно будут затронуты темы лидерства в (нео)шаманизме и обращения к (нео)шаманизму лидеров коренных малочисленных народов (а также других народов Севера и Сибири), представителей науки и культуры. Этот специфический, деликатный материал, (подаваемый в анонимном варианте) даст возможность проанализировать некоторые особенности сохранения современниками из интеллигенции, в основном, первого поколения, психоментальных и психофизиологических качеств, которые свойственны членам так называемых традиционных обществ.

ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, г. Магадан

АБОРИГЕНЫ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА: СПОСОБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ОТЛИЧИТЕЛЬНОСТИ

В докладе рассматриваются социально-экономические аспекты этнически значимого поведения представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС), проживающих в городской местности Магаданской области (города и поселки городского типа). Показана непрерывная урбанизация коренного населения региона (1979 г. – 33,5%; 1989 – 42,3; 2002 – 58,2; 2009 – 69,0). Итак, большинство аборигенов выбирает город; мотивы переселения связаны со стремлением повысить социальный статус и экономическое благосостояние. В городской местности аборигены либо растворяются в преобладающей массе сообщества, проявляя свою этнич-

* Исследование выполнено в рамках проекта «Коренные малочисленные народы города»: этнологический анализ современных адаптационных стратегий и практик малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (грант РГНФ № 10-01-00028а).

ность лишь эпизодически и, как правило, в культурном формате (специально организуемые «национальные» праздники), либо реализуют принадлежность к КМНС в повседневной трудовой занятости (основной и/или вспомогательной).

У представителей КМНС выделены четыре типа профессионалов, определенным образом организующих этнические процессы в городской среде, право которых на подобную деятельность обуславливается такой явно или неявно подразумеваемой гранью их этничности, как некая концентрированность, связанная, в свою очередь, с возможностью представлять, говорить от имени «своего народа». Выделенные типы («чиновник», «культработник», «предприниматель», «свободный художник») рассмотрены с точки зрения выполняемых ими функций и социальных ролей. Показан их этнодемографический облик, численность и доля в общей массе трудоспособных городских аборигенов.

На основе рассмотрения деятельности этих лиц, а также структур и организаций с «этнической окраской» выявлены механизмы «канализации» этничности коренных малочисленных народов Севера при дисперсном их проживании в городской местности. Показана ведущая роль в этих процессах внешних социально-экономических факторов.

ЧАЙКОВСКАЯ Елена Николаевна

*Кузбасская Государственная педагогическая академия,
г. Новокузнецк*

ОБУЧЕНИЕ РОДНОМУ ЯЗЫКУ ГОРОДСКИХ ДЕТЕЙ-АБОРИГЕНОВ (НА ПРИМЕРЕ ШОРЦЕВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Проблема исчезающих языков имеет несколько стартовых уровней: *нормативно-правовой* (отсутствие среды функционирования языка, статуса социально и общественно значимого), *программно-методический и научный* (недостаточная методическая база для обучения) и *мотивационный уровень* (стремление или нежелание изучать язык). В случае с шорским языком мы имеем дело со всеми тремя уровнями, а процент знания родного языка детьми даже в местах компактного расселения не превышает 30% (по материалам анкетирования 242 детей-учащихся школ Таштагольского района Кемеровской области).

В ходе поиска содержания национально-языкового компонента инициативная группа педагогов-исследователей столкнулась с рядом противоречий на уровне терминологии (что понимать под «родным языком» в тех случаях, когда представители этнической группы говорят лишь на русском языке), осмысления программ (программы *обучения* языку, но не *обучению на языке*), методики изучения языка (как неродного, иностранного, родного, разноуровневой и разноплановой методике, или требуется рождение нового концептуально-содержательного термина) и рядом иных.

Автор полагает, что анализ названных противоречий диктует дальнейшее методическое осмысление проблемы, поиск индивидуального пути в выработке методики сохранения исчезающих языков.

ШТАММЛЕР Флориан

Университет Лапландии, г. Рованиemi (Финляндия)

ПОЛИГАМИЯ МЕСТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ МОНОГОРОДАХ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА)

В докладе рассматривается процесс появления привязанности к месту среди населения промышленных моногородов России. Часто встречается мнение, что на Севере только коренные жители или те, кто там родился, могут «пустить свои корни» и заботиться об окружающей среде. Недавние исследования в Ямало-Ненецком автономном округе и Мурманской области показывают основные компоненты в культурном процессе, которые ведут к созданию новой социальной идентичности некоренных северных жителей. Материалы свидетельствуют о том, что там, где появилась такая социальная идентичность, северное городское общество более устойчиво адаптируется к изменяющимся условиям XXI века, и создается новый социум, который поддерживает своих членов вплоть до взаимопомощи после переселения их в другие регионы страны. Предложен анализ такой развивающейся культурной идентичности через феноменологический подход, путем изучения жизненного опыта и действий людей в пространстве (Инголд 2000), а также с использованием понятия «полигамия местности» (Бек 2000).

Секция 3. АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ: ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (ТПК) КАК РЕСУРС СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Руководитель: д.и.н., проф. **Бочаров Виктор Владимирович** (Санкт-Петербург)

БАЙБУРИН Альберт Кашфуллович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

К АНТРОПОЛОГИИ ДОКУМЕНТА: ПАСПОРТНАЯ «ЛИЧНОСТЬ»

Документы традиционно привлекаются этнографами и антропологами в качестве источников необходимой информации (напр., материалы переписей), однако за рамками изучения оказывается широкий круг социальных явлений, порожденных «эффектом документа». Имеются в виду культурные смыслы, которыми наделяются документы, а также специфические отношения и практики, складывающиеся в процессе их функционирования. Для социальной антропологии особый интерес представляют такие документы как удостоверение личности (паспорт и под.). Каков официальный портрет человека, т. е. как понимается и репрезентируется «личность» с точки зрения органов государственной власти? Какие сведения о человеке считаются необходимыми для его идентификации? Какова культурная история удостоверения личности? Эти вопросы рассматриваются в докладе применительно к «внутреннему» паспорту, который в России всегда считался основным удостоверением личности.

БОЧАРОВ Виктор Владимирович

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Российский социум развивается в историческом процессе под воздействием культуры Запада. Здесь заимствованные экономические политические и правовые формы призваны воздействовать на общество, сделать его адекватным этой Культуре. Однако, их воздействие опосредовано традиционной Культурой Общества с которой заимствованные формы неизбежно вступают во взаимодействие.

Доминантой российского общественного контекста является Иерархия военно-бюрократического типа. Это обусловлено историей российской государственности, в которой решающую роль играла не внутри конкурентная борьба, а военная экспансия. Поэтому разрушение «властной вертикали» неизбежно ведет к дезинтеграционным процессам («смуте»). Этому всегда способствует заимствованная Культура, которая не столько даже привносит в Иерархию новые конфликты, сколько обостряет ее внутренние противоречия. Заимствованные культурные формы в чуждом общественном контексте обретают новые функ-

ции. В частности, закон, возникший для регуляции конкурентной среды, у нас обретает функцию инструмента борьбы за доминирование внутри Иерархии. Поведение же регулируется обычным правом, которое складывается в «командах», и обеспечивает как иерархическое соподчинение «команд», так и лояльность-преданность их членов «командным» лидерам.

Выборы, отражающие конкурентный общественный контекст, на местной почве обретают иное содержание. Реально чиновники повсеместно назначаются вышестоящими властными структурами, процедура же выборов является демонстрацией Лояльности власти. Привнесение западной Культуры в иерархический общественный контекст, порой, не только не ускоряет пришествие Цивилизации, но ведет к реставрации «архаических» общественных проявлений.

БРАТОЛЮБОВА Мария Викторовна

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИБЕРАЛОВ НА ДОНУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Особенности традиционной политической культуры либералов на Дону в начале XX века разворачиваются в трех смысловых перспективах. Во-первых, либералов нельзя интерпретировать вне понимания их личности, индивидуализированной человеческой траектории судеб. В этом случае мы выходим на антропоисторические представления о либеральной идее как таковой. Во-вторых, довольно сложно ответить на вопрос, по крайней мере, в донской региональной истории, действительно ли их можно считать либералами, да и осознавали ли они сами себя либералами?! В-третьих, российские либералы не только воспринимают деятельную свободную личность, но и изначально конструируют футурологические параметры личности, ограничиваемые концептом свободного человека. Через понятие жизненного эксперимента обозначенный тезис связан с исходным положением авторской концепции об инвариантности и поливариантности либералов как явления исторической действительности в исследуемый исторический период.

Сюжетом антропоисторических представлений о либерализме для нас становится либерал как политический человек, для которого принципиален свободный выбор фундаментального социального проекта для страны в целом. Российский, в том числе и донской, либерал идентифицируется не только своей принадлежностью к организационной структуре, а, прежде всего, через индивидуализированную политическую деятельность.

Отдавая должное политисторическим сюжетам в исторической реконструкции донского либерализма,

считаем необходимым рассматривать провинциального либерала как личностно выраженное явление российской культуры.

БЫКОВА Светлана Ивановна

*Уральский государственный университет им. А. М. Горького,
г. Екатеринбург*

НАСИЛИЕ И ВЛАСТЬ НАСИЛИЯ: ПАМЯТЬ ТЕЛА

Рассматриваются проблемы, связанные с рефлексией пострадавших от властного насилия в период массовых репрессий в советском государстве в 1930-е гг.. В качестве источников используются свидетельства современников (фольклор, слухи, частная корреспонденция, «письма во власть», мемуары) и татуировки уголовников, отразившие эту трагедию, из коллекции Д. С. Балдаева, которую он собирал в течение всей жизни и назвал «открытой книгой» человеческой скорби.

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич

Абердинский университет, г. Абердин (Великобритания)

АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ: ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (ТПК) КАК РЕСУРС СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В докладе на примере полевых и архивных материалов рассматриваются стратегии взаимодействия эвенков Северного Байкала со структурами государственной власти. Частью советского управленческого проекта на Северном Байкале было привлечение к политической пропаганде и работе с кадрами специалистов из числа местного населения. Важным элементом агитации – произнесение речей на эвенкийском языке, а также демонстрация местному населению визуальной информации. С помощью передвижных установок эвенкам показывались фильмы, а в районных газетах печатались статьи, которые сопровождалась фотографиями «героев социалистического производства» из числа народов Севера. Воспроизведение сюжетов об охотниках и оленеводах-стахановцах являлись частью дискурсивного механизма управления в эвенкийских колхозах и были призваны формировать лояльность местного населения администрации. Важной для трансляции советской идеологии была попытка создать всеобщую радиофикацию в районе. Первые попытки создания регулярных радиотрансляций в Северобайкальском районе осуществлялись с конца 1930-х годов, однако данная цель была достигнута только в 50-х годах. Хотя отношения местного населения к власти включали презентацию видимой лояльности, они также сопровождалась сопротивлением доминирующему дискурсу. Поэтому воплощение в жизнь различных проектов часто шло далеко не по задуманному представителями аппарата управления плану. Несмотря на то, что в регионе были сформированы структуры официальной власти, вместо того, чтобы воплощать с точностью все идеологические ус-

тановки, местные жители пытались отстаивать собственные интересы, продолжая жить в соответствии с «местными законами».

КАНШОКОВ Марат Валерьевич

*Институт гуманитарных исследований
Правительства Кабардино-Балкарской Республики,
Кабардино-Балкарский научный центр РАН, г. Нальчик*

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЫ КАБАРДИНЦЕВ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в.

К началу 60-х гг. XVIII в. политическая обстановка на Северном Кавказе по-прежнему во многом зависела от кабардинских князей. Важнейшая стратегия политики Российской империи по присоединения Кавказа заключалась в строительстве военных линий и крепостей на них для продвижения в сторону гор Центрального Предкавказья и использования их в качестве базы для проведения атак.

Основание крепости Моздок (1763 г.) существенно ограничивало землепользование кабардинцев: часть территорий кабардинцев, расположенных между этой крепостью и Мекеней, отошли к Российской империи.

Для обеспечения безопасности новых границ империи российское правительство приняло решение о строительстве Азово-Моздокской кордонной линии (1777–1778) из цепи укреплений. Под поселения Линии отошла большая часть кабардинских пашен и зимних пастбищ в Прикумских и Притеречных степях. Линия территориально делилась на две дистанции. Первая (левая или восточная) дистанция крепости Святой Екатерины; Святого Павла; Святой Марии; Святого Георгия; Святого Александра Невского. Вторая (правая или западная) дистанция – крепости Северная; Ставропольская; Московская; Донская. Центр всей линии и первой дистанции был в крепости Святого Георгия; центр второй дистанции находился в Ставрополе. Строительство Азово-Моздокской линии отодвинуло северные границы Кабарды до реки Малки.

Таким образом, за сравнительно небольшой промежуток времени к Российской империи отошла значительная часть территории кабардинцев.

КОБАХИДЗЕ Елена Исааковна

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ

СОЦИАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА СТАРШИНСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Современное развитие социально-политической ситуации на Северном Кавказе сопровождается процессами ретрадиционализации многих сторон общественной жизни, что выражается в реанимации и повышении социальной значимости традиционных базовых ценностей местных этнических культур. Во многом это относится и к практике управления, где

традиционные представления о должном и допустимом негласно регламентируют отношения власти и властвования, обеспечивая комфортную, привычную культурно-психологическую среду и гарантируя некий социальный порядок, соотнесенный с принятой в данном этническом социуме ценностной системой.

Свидетельством живучести традиционной политической культуры как неофициального регулятора властно-управленческих отношений в регионе является категория старшинства. Эволюционируя со временем, старшинство как социальная категория распалось на статусное и позиционное. В первом случае общественный статус индивида являлся результатом сакрализации жизненного опыта, обеспечивавшего естественные возрастные преимущества, сопряженные с правом первородства и проистекающими отсюда привилегиями, во втором – основывался главным образом на хозяйственно-экономических реалиях, привнесенных в традиционную повседневность новыми условиями хозяйствования и организации жизненного уклада. Однако даже в трансформированном виде традиция почитания старшинства и персонафицированного авторитета оставалась достаточно сильна. Именно старшинство (возрастное, статусное, позиционное), опирающееся на авторитет (личностный, приписываемый традицией либо обусловленный экономически), признавалось обязательным атрибутом подчинения, необходимым и достаточным условием осуществления властных полномочий на разных иерархических уровнях социальной системы. Социальная символика старшинства свидетельствовала о властном могуществе родства, когда власть, воспринимаемая как авторитетно-властное полномочие, трактовалась в качестве особого типа межличностных отношений, выстроенных на признании авторитета и неформализованного почитания старшего.

КОТИН Игорь Юрьевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

РЕЛИГИОЗНЫЙ АВТОРИТЕТ ПРОТИВ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. КТО СИЛЬНЕЕ? КОНФЛИКТ ЛОЯЛЬНОСТЕЙ У СИКХОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Сикхи сформировались как этно-конфессиональная общность населения северо-западной Индии в период с XVI по XX века н. э. Многие сикхи в XIX–XX вв. мигрировали в бывшие британские колонии. В настоящее время в Канаде и США проживает около полутора миллионов сикхов. Это три поколения, представляющие как группу так называемых «ортодоксов» – *кешдхари*, так и группы «неортодоксальных», хотя не менее давних по происхождению *сахадждхари*. И те, и другие имеют признанных религиозных авторитетов и подчиняются главам крупнейших храмов – *тахтов*. К совету авторитетов сикхи обращаются в борьбе за контроль над религиозными центрами – *гурдварами*. В условиях диаспоры альтернативными авторитетами выступают местные

светские власти, к совету и помощи которых североамериканские сикхи нередко прибегают. Это вызывает конфликт традиционной религиозной и современной светской власти, в свете которого выявляются достоинства и недостатки обеих.

ЛЮБИНЧАНКОВСКИЙ Сергей Валентинович

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

ИМПЕРСКИЙ ОПЫТ УЧЕТА ТПК ПРИ ВЫСТРАИВАНИИ ЭФФЕКТИВНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В докладе предложен анализ международной дискуссии по истории местного управления России, проводившейся в 2008–2010 гг. под эгидой РАН, модератором которой выступил автор. Специфика множественности ТПК в поликультурном обществе отражалась на организации регионального управления. Причины устойчивости того сложного конгломерата народов и культур, каковым была Российская империя, заключаются именно в умелом использовании ТПК при выстраивании регионально-ориентированной вертикали власти. Успешно практиковалось конструирование русским управлением на периферии собственной системы культурных кодов, способной заместить традиционный культурный код в вопросах власти и управления. В докладе этот тезис раскрыт на примере учета традиционного для восточных окраин принципа «самопрезентации власти». Делается вывод об опоре на ТПК местных элит как универсальном способе контроля над культурно чуждыми перифериями и центральном элементе стабильности империи (вскрыты механизмы кооптации иноэтничных элит). Прослежены последствия отказа от этого принципа в поздней Российской империи. В патримонильных присутственных обществах на Кавказе и в Средней Азии единственно понимаемым и принимаемым уровнем власти был персональный уровень. Неизвестные люди на непонятном языке объясняли и приводили в исполнение странные законы – так воспринимался процесс бюрократизации, игнорировавший наличие ТПК, носителями этой ТПК. В результате в поздней империи нарастал кризис регионального управления. Он смягчался там и в той мере, где присланный из Центра чиновник менял свой социокультурный облик под воздействием местной ТПК.

НОВИНСКАЯ Таисия Юрьевна

Пензенская государственная технологическая академия, г. Пенза

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Политическая культура – с одной стороны, часть общей культуры, включающая исторический опыт, память о социальных и политических событиях, политические ценности, ориентации и навыки, непосредственно влияющие на политическое поведение, с другой стороны, важный структурный элемент политической

системы. В этой связи представляет интерес проблема взаимодействия двух структур – власти и общества, в конкретном случае в середине XX века.

Важная характеристика 50-х годов XX века – постсталинское десятилетие в истории советского государства. С одной стороны, сталинский период и десятилетие правления Н. С. Хрущева – это два принципиально разных периода в истории страны, которые нельзя отождествлять. С другой стороны, эти различия представляются не столь существенными, если проанализировать основные принципы, на которых основывалась политическая система советского государства. Одним из таких принципов являлся идеологический монополизм.

Продуманная в плане идеологии политика государства, направленная на формирование морального облика «советского человека», на протяжении многих лет смогла удерживать равновесие в обществе, сдерживая порыв противостоять унижениям человеческого достоинства.

ПРАСОЛОВ Дмитрий Николаевич

Институт гуманитарных исследований

Правительства Кабардино-Балкарской Республики

и Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик

ПРОБЛЕМА ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ТРАДИЦИОННОГО АДЫГСКОГО ОБЩЕСТВА

Отсутствие четких установок на политическое единство в общественном сознании адыгов отмечали в IX в. Аль-Масуди, в конце XV в. – Дж. Интериано, в первой половине XIX в. – Тэбу де Мариньи, Э. Спенсер и многие другие. Возвращенная в наездничество «жажда дурно понятой славы» (Хан-Гирей), причем славы индивидуальной, в иерархии ценностей адыгских аристократов оставалась определяющим фактором их политического поведения, когда они от участия в набегах с легкостью переходили к решению вопросов, связанных с судьбой всего княжеского владения или страны в целом. Политический эгоцентризм являлся обычным образом мысли князей не только в отношениях с подобными же себе владетелями Черкесии, но и во взаимоотношениях с другими народами и государствами. Этому немало способствовало воспитание в форме аталычества, которое, способствуя упрочению сюзеренно-вассальных отношений и связывая адыгских аристократов с правящими кланами иных субэтносов и соседних народов, в то же время закрепляла разобщенность внутри семей правящей элиты, имевшую далеко идущие последствия для политической организации Черкесии.

Действующий порядок преемственности власти, традиционная система социализации в среде господствующего класса, ярко выраженный приоритет частного над родственным, сословно-корпоративным, тем более общественным в притязаниях удельных монархов и, наконец, немногочисленность в адыгской истории князей с выдающимися политическими талантами

обуславливали постоянное возобновление междоусобиц. Поскольку враждовали относительно равные соперники, а княжеские альянсы были недолговечны, результатом междоусобиц чаще оказывалось не установление одним из князей верховной власти, а восстановление паритета суверенных монархов.

РОДИН Андрей Николаевич

Астраханское представительство Казанского института

социальных и гуманитарных знаний, г. Астрахань

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ОСОБЕННОСТИ «ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РЕСТАВРАЦИИ» НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ КОНЦА 1980-х – НАЧАЛА 1990-х гг.: О РОЛИ ТРАДИЦИЙ ЭТНИЧНОСТИ В ХАРАКТЕРЕ ИЗМЕНЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Формирование предпосылок перехода к экономике рыночного типа, плюрализму мнений явно обозначилось в российском обществе второй половины 1980-х. В центре, на местах ощущался дефицит кадровых, организационных решений, шёл поиск методов, форм социальной реакции, путей изменения управленческой системы. В регионах повышалась интенсивность общественных процессов, обусловленная на Нижней Волге рядом специфических причин (профессионально-иерархическая дифференциация труда, структурный динамизм этнического развития, увеличение значимости миграционно-демографического фактора социальной сферы). Эти причины обострили стремление некоторых групп населения к самоидентификации, стержнем которой стала этничность (в Волгоградской области – среди немцев, в Астраханской области – татар, ногайцев, казахов, отчасти калмыков). Определёлась в данном отношении позиция органов власти, характерной чертой которой стало учреждение и поддержка ряда «этнокультурных «сообществ» («Heimat-Родина», «Дуслык», «Бирлик», «Жолдастык»).

Поощрение традиций этничности у населения (в языкознании, информации, фольклорно-краеведческих изысканиях, организации диаспоральных собраний, выделении лидеров общин) привело к своеобразной «этнокультурной реставрации» традиций, «сообществ», этнически самодостаточных, консолидированных, имеющих собственные социальные стереотипы. Это позволило иначе выразить региональные проблемы рубежа 1980-1990-х, перевести социальную конфликтность граждан в русло политики «межэтнического общения в полиэтничном регионе» и «толерантного поведения», что стало вектором развития общественно-политической системы после 1991 г.

Характерную роль в социоструктурных изменениях сыграло вложение «сообществами» политического смысла в форму собственной культурной деятельности, актуализация архаичного института старейшинства, использование псевдоязыковых стереотипов (татарск. «алма» – «яблоко») в электоральном процессе.

САЛЬНИКОВ Вячеслав Иванович

Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Воронеж

**ПОЛИТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ**

Анализируя тот факт, что свержение существующего строя зачастую ведет не к реализации революционной мечты, а к одичанию нравов и экономической разрухе, автор, опираясь на методологию политической антропологии, предметом исследования которой является ТПК, выводит *матрицу революционных процессов*, позволяющую описать в общем виде механизм их протекания.

1. В основе экстремистского и революционного сознания лежит восходящее к архаике представление о двух мирах – «чистом», которое олицетворяем «Мы» – революционеры» и «нечистом», которое олицетворяют «Они» – наши враги.

2. Для революционного сознания и психологии экстремизма характерны «подростковый» максимализм в восприятии мира, отсутствие склонности к компромиссам, уважение к силовым поступкам, идущие из психологических установок воинских союзов, объединяющих биологическую и социальную молодежь.

3. Наличие особого отношения к жизни – воспевание героизма, презрение к повседневности, отрицание семьи, нелюбовь к системным устоям.

4. Революции притягивают мир искусства, чьи представители оживляют героические мифологические сюжеты, которые, накладываясь на архетипы коллективного бессознательного, активизируют мифологическое сознание масс. Массы, вовлеченные в политический процесс, способствуют его архаизации и радикализации.

5. Сектантский характер революционных организаций, для которых характерны утопизм революционного мышления и маниакальная решимость превращать утопические идеи в жизнь.

6. Хотя революция как процесс проходит определенные стадии, отмеченные историками Великой Французской революции, революционаризм как стиль жизни и психология поведения никуда не исчезает и лишь меняет формы.

СИМОНОВА Вероника Витальевна

Абердинский университет, г. Абердин (Великобритания)

**ВЛАСТЬ ИМЕНИ:
ПРАКТИКА ИМЯНАРЕЧЕНИЯ ОЛЕНЕЙ
У ЭВЕНКОВ СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКОГО
РАЙОНА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ
ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА**

На Северном Байкале, в селе Холодное эвенкийское функционируют две оленеводческие фермы «Орон» и «Улуки». Численность животных у «Орон» 27 оленей (данные 2009), у «Улуки» 700 оленей (данные 2009). В обоих стадах есть олени, наделенные

именем. В докладе предлагается рассмотреть причины имянаречения оленей именами жителей деревни Холодная. В антропологии имя или же прозвище анализируется как комплексный феномен, включающий широкое разнообразие смыслов. Имя есть результат и лингвистической креативности, неформальной забавной игры, имя демонстрирует солидарность индивида с группой, в имени заключается прагматика обозначения ролей и опыт сообщества. Имя также рассматривается как результат отношений власти в локальном сообществе. В данном докладе отношения власти имени во многом строятся на практике персонификации животных. Власть понимается, как с одной стороны власть оленеводов интерпретировать личность человека и личность животного, которое получает имя человека, а с другой стороны, постоянно поддерживать социальные отношения в тайге, где стадо оленей является символической проекцией деревни.

СОЛОННИКОВА Галина Львовна

Учебно-научный центр социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

**СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ГОРОДСКОЙ И РАЙОННОЙ ВЛАСТИ
В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ**

В докладе рассматривается система оценок городского и районного руководства местным населением с точки зрения их эффективности, представления об иерархии власти, а также о политических деятелях малых городов, их роли в жизни города и взаимодействии с избирателями. Анализируются представления населения ряда малых городов о деятельности партий, их эффективности, «психотерапевтического эффекта» от вступления в партию, роли личного влияния руководителей партии. А также представление горожан о политических лидерах, зависимости личностных оценок и их влияние на политических имидж, обусловленных тесными социальными связями в малом городе.

СУЛЬДИНА Людмила Викторовна

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

**СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЙ
МОРДОВИИ В 1970–1980-х гг**

С начала 1970-х гг. обнаружилось отставание развития культуры от экономического и социального роста страны. Остро встал вопрос о повышении престижа учреждений культуры как важных центров общественной и культурной жизни городов и сел. В 1970–1980-е гг. партийными и государственными органами приняты решения и постановления по улучшению руководства учреждениями культуры и искусства повышению их творческого потенциала. Принимаемые документы, решения и постановления съездов дублировались в крайкомах и обкомах Мордовии.

Системе управления культурой этих лет присущи централизованное управление культурой и ограничение функций местных органов управления, которые

были удобны для административных, директивных и бюрократических методов управления.

Партийные, советские, профсоюзные и комсомольские органы республики уделяли серьезное внимание организационному и материальному укреплению культурно-просветительных учреждений. Незначительно увеличивались вложения госбюджета в образование, наибольшая доля ассигнований направлялась на расширение материальной базы школ. Меры, принятые партийными и советскими органами, способствовали приостановлению процессов сокращения строительства учреждений культуры и искусства и уменьшения капитальных вложений на эти цели. Это привело к возрастанию количества учреждений культуры в Мордовской АССР.

Однако в целом состояние уровень развития материально-технической базы сферы культуры нельзя было признать удовлетворительным. В реализации культурной политики сегодня не может быть возврата к прежней модели централизованного управления культурой.

ТРОШИНА Татьяна Игоревна

*Поморский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск*

«СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»: ПРЕДСТАВИТЕЛИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ «МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И НАРОДОМ» (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)*

Традиция власти выводится из архаичной формы коллективной ответственности «одного за всех» и «всех за одного». И в исторические времена, если они были нестабильными, существовали формы такой ответственности, когда приходилось «за мир пострадать». В XVIII веке при исполнении различных повинностей (от предоставления «натуральных» работников до уплаты податей) в качестве «заложников» представители государственной власти забирали «лучших людей» – как правило, членов местного самоуправления. И «головой», и имуществом они отвечали за свое общество.

В процессе индивидуализации сознания, социальной и имущественной дифференциации выполнение таких обязанностей воспринималось как обременительное. Властные полномочия в «государственных» поселениях начали исполнять «по кругу», по жребью. Население равнодушно относилось к местному самоуправлению, во-первых, оно находилось в зависимости от государственных законов и чиновников, а во-вторых, видимость демократии сельских сходо́в вела к зависимости их решений от разнообразного рода «горлопанов» и «мироедов», которые нередко выполняли «заказ» конкретного общинника.

Введение новых форм самоуправления в революционную эпоху первоначально натолкнулось на сформированное в предыдущую эпоху равнодушие крестьян, в результате чего власть на местах «захватили» «горлопа-

ны» – исполненные социальной энергии фронтовики и вернувшиеся из голодных городов отходники. Нередко они получили власть вполне законно, в результате выборов, на которых крестьяне «по старинке» голосовали за тех, кто добровольно готов был выполнять властные функции. Когда «спохватились», поняв, что исполкомы обладают реальной властью, приступили к их перевыборам. Однако политика «военного коммунизма» привела к свертыванию самостоятельности местных органов власти. Невыполнение распоряжений продовольственных и военных органов вело к применению «старинных» мер: сельских и волостных «председателей» брали в качестве заложников, наказывали. Конкретные исторические факты показывают, что в каждой волости, даже в отдельной деревне происходила своя «революция», ход которой во многом зависел от поведения выборных представителей власти: их устранение от участия в событиях вело к стихийности и восстаниям; выполнение же ими своих полномочий приводило к репрессиям по отношению к ним – либо со стороны недовольных односельчан, либо со стороны центральных властей.

ТУРЬИНСКАЯ Христина Михайловна

*Института этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

СИМВОЛИКА ВЛАСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ЗАПАДНОГО КАМЕРУНА

В Камеруне традиционная политическая культура играет важную роль в функционировании современной политической системы. Население страны являет большое разнообразие в этнокультурном, экономическом и социально-политическом отношении. Так, в западном Камеруне распространены различные формы социально-политического устройства – от эгалитарных обществ до вождей и государственных образований. Традиционная политическая культура не теряет своего значения и в современных условиях. Авторитет традиционных правителей, вождей, деревенских старейшин по-прежнему высок. Сохраняет актуальность и символика власти, как зримое проявление политической культуры и неотъемлемая часть традиционного искусства.

Бамум представляет собой одно из наиболее сложных социально-политических образований с многовековой историей Камеруна. К началу колониального периода Бамум – централизованное государство с сакрализованной властью правителя. Влиятельное положение султанов Бамум сохраняется и в рамках современной административно-политической системы страны. В прикладном искусстве активно используются символика власти и образы традиционной культуры.

Символы власти правителей и вождей (престижные сидения, троны, гонги, курительные трубки, изображения «королевских» животных и др.), связанные также с функционированием тайных союзов, с традиционными верованиями и культами, получают новые интерпретации и воплощения в про-

* Работа выполнена в рамках научного исследования, поддержанного Российским Гуманитарным Научным Фондом (проект № 10-01-48102 а/С).

изведениях современного искусства. В докладе рассматриваются традиционная политическая культура бамум и других этнических групп западного Камеруна, исследуется символика власти в прошлом и настоящем и ее место в современной соционормативной культуре.

УЗУНОВА Валентина Георгиевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ПОНЯТИЕ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В «ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА» КАК ОСНОВАНИЕ СТ. 282 УК РФ

Понятие «достоинство личности» включает в себя осознание человеком своей ценности и одновременно осознание им значимости существования и деятельности тех социальных групп, в которые он включен по собственному выбору и/или факту своей биографии. Конституция РФ относит «достоинство» к абсолютным, т.е. охраняемым государством благам личности (ст.21).

Традиционное российское напряжение между «духовностью» и «научностью» уже сейчас (в постсоветской реальности) стало очень острым. Отказ от «теоретизмов» (М. М. Бахтин, 1921) или «герменевтика фактичности» (М. Хайдеггер, 1923) наносили удар по идеализму и романтизму, который вносил запрет на обобщенно-гуманистические представления о «Я» как демиургоподобном, абсолютном творческом субъекте, порожденном принципом монологичности в культуре.

Научная база мыслительной способности отечественных аналитиков в гуманитарных областях знания не отразилась того периода в истории познания, который обозначается как «крах веры идеализма», с его решительным пересмотром таких понятий как культура, личность, творчество, свобода, авторство. Только отдельные научные авторитеты смогли осмыслить и реализовать в своем творчестве утверждение, что основным событием XX века считается переход от мира науки к миру жизни через онтологический и антропологический поворот в приемах промышления современности. Поэтому традиционная политическая российская культура не получила достаточно сильного импульса к переходу на другой принцип – диалогичности, без которого не открывается видение и понимание «Другого».

ШОМАХОВ Заур Хамидбиевич

*Институт гуманитарных исследований
Правительства Кабардино-Балкарской Республики
и Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ В КАБАРДИНСКОЙ АССР

Исследование реформы среднего образования в КАССР в 1944–1957 гг. является одной из актуальных задач современного кабардиноведения, учиты-

вая не только сложности реформирования образовательной системы республики в послевоенное время, но и особенности становления «новой» кабардинской интеллигенции.

Из числа затруднений в процессе реализации реформы, следует отметить: отсутствие новых образовательных программ по родному языку и литературному чтению; отсутствие переведенных на кабардинский язык программ по всем остальным предметам; низкий уровень методической подготовки учителей-предметников, впервые преподававших на кабардинском языке. С учетом этих проблем была активизирована научно-исследовательская работа в области языкознания, в частности, стабилизации орфографии, составления словарей, разработки методики обучения на родном языке. Эти задачи должны были разрешать кафедра родного языка Кабардинского Государственного Педагогического Института, НИИ, союзы писателей. В Кабардинском государственном педагогическом и учительском институте была открыта аспирантура, что способствовало подготовке научных кадров из числа кабардинцев.

Реформа дала импульс развитию всей системы образования республики, формированию национальных педагогических кадров. Острая необходимость в методических программах и учебниках на кабардинском языке и проводимая в этом направлении работа способствовала росту культуры и этнического сознания кабардинского народа, активизируя процесс формирования интеллигенции в данном регионе.

**ЮНУСОВА Джанан Мамадалиевна,
АЛИЕВА Вилоятхон Ренатовна**

*Ташкентский институт ирригации и мелиорации,
Институт философии и права АН Республики Узбекистан,
г. Ташкент (Узбекистан)*

ТРАДИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Длительный процесс становления государственности и политической культуры этносов доказывает, что та социальная практика жизнеспособна, в политических идеях и концепциях которой делается упор на составляющие культуры, веками складывающиеся и передаваемые от поколения к поколению традиции взаимоотношения общества, государства, этноса, индивида.

С одной стороны политическая культура складывается из укоренившихся представлений в сфере политики, обусловленных традициями, обычаями, с другой, из воспроизводства этих представлений в изменяющихся условиях политической жизни общества.

Историческая память и традиции – это история развития политических отношений, исторические, литературные, научные памятники, политические традиции и обычаи, которые формируются в результате деятельности поколений людей – основа устойчивого образа жизни, определяющие образцы поли-

тического поведения. Сохранение и развитие позитивных политических традиций – одно из условий политической стабильности общества и его прогрессивного развития.

Политическая культура способна оказывать разное влияние на этнополитические процессы и институты: воспроизводить традиционные формы политической жизни. Эта возможность сохраняется даже в случае изменения внешних обстоятельств и характера режима. Такая способность политической культуры объясняет то, что в истории большинство революций (стремительных изменений) чаще всего заканчивались либо возвратом к старому, либо террором, который принуждал людей к реализации новых принципов политического развития; порождать новые, нетрадиционные формы социальной и политической жизни; комбинировать элементы старого и перспективного (нового) политического устройства.

ЯКУБОВСКАЯ Ирина Владиславовна

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

**АНТРОПОЛОГИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ
ТРАДИЦИИ В РОССИИ: НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЧВА И БРИТАНСКИЕ ОБРАЗЦЫ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.**

В последней трети XIX в. интеллектуальная элита России выступала в роли одного из основных кана-

лов межкультурной коммуникации – изучения и трансляции экономического и политического опыта западных народов и государств, в том числе – Англии, а также адаптации опыта и использования с учетом этнокультурных, ментальных и политических особенностей нашей страны. Для изучения формирования либеральных элементов политической культуры России необходимо понимание специфики западноевропейского, в том числе английского опыта, каналов его трансляции, особенностей трансформации (искажения) при передаче и специфики усвоения.

Предпосылки формирования либеральной политической культуры были заложены в России в последней трети XIX в., и связаны как с изменениями в социально-экономической сфере, так и с научной, просветительской и общественной деятельностью многих отечественных ученых-гуманитариев: К. Д. Кавелина, И. И. Янжула, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, П. Г. Виноградова, Б. Н. Чичерина, К. К. Арсеньева и др.

Идеи русского либерализма не имели в рассматриваемый период широкого распространения, но как историческому явлению либерализму свойственна диахронность, и в социальном времени его представители были носителями иной темпоральности. В силу ментальных особенностей и общественного положения именно ученые гуманитарии, прежде всего историки, способствовали медленной, но несомненной синхронизации социального времени Европы и России.

Секция 4. «КОРЕННЫЕ» И «ПРИШЛЫЕ»: СВЯЗЬ С ЗЕМЛЕЙ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Руководители: к.и.н. Соколовский Сергей Валерьевич (Москва);
к.и.н., доц. Смирнова Татьяна Борисовна (Омск)

АБАШИН Сергей Николаевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ЧЬЯ ЗЕМЛЯ: РИТОРИКА «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В ОШСКОМ КОНФЛИКТЕ

В докладе речь пойдет о спорах по поводу «своей земли» и «коренных жителей» в конфликте на Юге Киргизии в 2010 г. Физическое насилие во время событий в июне этого года в Оше и Джалалабаде сопровождалось обсуждением вопроса, кто – узбеки или киргизы – являются «автохтонным» населением региона, кому принадлежит эта территория и какими правами разные группы обладают. В докладе будет показано, каким образом конструируются понятия «своего» и «чужого», какие риторические приемы, культурные, исторические и юридические аргументы используются для обоснования позиций.

АРЗЮТОВ Дмитрий Владимирович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ВЛАСТЬ ЛАНДШАФТА: ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ВОООБРАЖЕНИЕ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕKCЦИИ (О СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИКАХ НА АЛТАЕ)

В докладе пойдет речь о воображаемом ландшафте и воображаемых границах религиозного движения Ак-янг на Алтае, а именно, каким образом пространственное воображение и его маркеры определяют социальные идентичности и практики религиозной группы. Создание новых сакральных мест и оживление старых на местных священных горах является одной из основных практик на территории современного Алтая. Расположение этих сакральных мест и их символизация создают реальную и воображаемую карты религиозного движения. Эти карты укладываются в рамки границ республики, тем самым определяя взаимосвязь ландшафта, сакральных мест и политической территории. Поддерживаемая таким образом индигенная идентичность дает основание для построения внутри локальной территории концепции «родины», для посторонних – туземности. Вместе с определением локальных практик и представлений в докладе ставится проблема «расширения» локальности (транслокальные социальные связи) и истоках современных религиозных конфликтов в Республике Алтай. Доклад основан на полевых исследованиях автора.

АСРИБЕКОВА Тамара Вадимовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АРМЯНЕ МОСКВЫ. ХХІ ВЕК

Начиная с XIV в., с периода возвышения Московского княжества, армяне, слывя отличными ремесленниками, врачами, надежными посредниками в торговле между странами Востока и Россией, становятся частыми и желанными гостями в Москве. Москва, как и любая другая столица, представляет собой многонациональный объект, миграционный приток в который ежегодно увеличивается. Армяне, как один из элементов этнической мозаики российской столицы, интересны тем, что корни отношений между двумя христианскими государствами (Россией и Арменией) уходят вглубь веков. Вопросы, связанные с мигрантами, причины переселения, процессы ассимиляции и аккультурации, или отсутствие оных – актуальными будут всегда.

Для функционирования армянской общины как определенной этнокультурной целостности особое значение имеют этнические организации. К ним относятся: армянская церковь, политические центры, культурные, молодежные, благотворительные, земляческие союзы и ассоциации. Их деятельность направлена, в первую очередь, на сохранение исторической памяти, формирование этнической идентичности армян.

БЛИНОВА Анна Николаевна

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО
РАН, г. Омск*

ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ: ОБ ОТНОШЕНИЯХ ДЕПОРТИРОВАННЫХ В СИБИРЬ НЕМЦЕВ С ДОБРОВОЛЬНЫМИ НЕМЕЦКИМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ*

В докладе будут рассмотрены взаимоотношения двух групп немецкого населения Западной Сибири: переселенцев конца XIX–начала XX вв. и депортированными в 1941 г. немцами Поволжья. Немцы были расселены в сельские населенные пункты нескольких типов: с преобладанием русского населения, со смешанным русско-немецким населением, с преобладанием немецкого населения. Будет рассмотрен и проанализирован процесс вселения, адаптации, межэтнических взаимоотношений переселенцев с местным населением. Особое внимание будет уделено взаимоотношениям внутри немецкого населения Западной Сибири, которые не всегда были однозначными в

* Доклад подготовлен в рамках реализации молодежного проекта Лаврентьевского конкурса СО РАН 2010–2011 гг.

сложных политических и экономических условиях. Так, встречаются случаи посильной помощи во всех сферах жизни: предоставление еды, одежды, помощь в строительстве дома, обзаведении хозяйством на новом месте жительства, уход за детьми и т. д. Довольно часто предпринимались попытки дистанцирования от людей «неугодных государству», прослеживается четкое разделение на «сибирских» и «поволжских» немцев. Доклад построен на экспедиционных материалах Омского государственного университета 2000–2008 гг.

ГОНЧАРОВА Татьяна Александровна

*Томский государственный педагогический университет,
г. Томск*

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УКРАИНЦЕВ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ: ПРОБЛЕМА ЭТНОНИМОВ*

Неотъемлемой частью этнокультурного пространства Томской области являются украинцы. При рассмотрении особенностей этнической идентичности украинцев-переселенцев в первую очередь обращает на себя внимание проблема этнонимов. Известно, что сложность этнической истории украинцев проявилась в многообразии самоназваний и этноним «украинец» стал преобладающим к концу XIX в., хотя в обиходе по-прежнему встречались различные варианты самоназваний. С появлением украинцев в границах области местная этнонимическая карта вобрала всю палитру, связанную с ними самоназваний. Использование изначального этнонима «русин» в качестве самоназвания фиксируется различными документами первой трети XX в. Самоназвание «казак», которое выступало в качестве не только этнонима, но и символа защитника национальных интересов, неоднократно встречалось в различной документации в конце XIX в. Единичный пример самоидентификации казаком фиксируется в конце 1930-х гг. На рубеже XIX–XX вв. термин «малоросс» активно использовался в официальной печати, исследователями. Делопроизводственная документация 1920-х гг. хранит бытование такого этнонима как «галичанин». В сельской местности нередко вплоть до настоящего дня фиксируется в качестве самоназвания «хохол». И в этом плане показательны современные прозвища, основанные на указанном самоназвании. При широте распространения этнонима не удалось обнаружить официальных документов, в которых украинцы записаны хохлами. В современном объяснении «хохол» акцентируется его связь с пограничным состоянием культуры – балансированием между русской и украинской. Постепенно, ко второй трети XX в., в Томском Приобье окончательно утверждается этноним «украинцы», что нашло отражение в официальных документах.

* Доклад подготовлен в рамках гранта РГНФ, проект № 10-01-64104 а/Т.

ГРИЦЕНКО Антон Алексеевич

Институт географии РАН, г. Москва

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКО- УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ*

Современные черты регионального и этнокультурного самосознания населения российско-украинского пограничья во многом определяются историко-культурным наследием Слободской Украины – казачьего региона, формировавшегося в пределах России при значительной роли «пришлого» украинского («черкасского») населения.

Совместные усилия украинских, наделенных льготами, и русских переселенцев для защиты юго-западных рубежей России, а также существование административно-хозяйственной и культурной автономии Слободской Украины позволили сформироваться особому региональному типу культуры, ядром которой, по всей видимости, была украинская этническая культура. Согласно переписям населения 1897 и 1926 гг., малорусский язык и самосознание во многих уездах и городах абсолютно доминировали. Однако процессы интеграции Слободской Украины в российское государство привели, в конечном счете, к тому, что этническое самосознание населения в ее российской части сменилось на общерусское (российское). В то же время историческая память о Слободской Украине, черты украинской культуры в сознании и устной речи, а также историко-культурном ландшафте, судя по полевым исследованиям в Курской, Белгородской и Воронежской областях, во многом сохраняются.

Проведенный анализ данных по идентификации населения городов пограничья как «земляков», а также анализ закартированных ментальных регионов выявил существенные внутриобластные различия в характере культурного тяготения, в том числе к соседним регионам России и Украины. Это позволяет говорить о том, что этнокультурные границы пограничья во многом актуализируются региональной идентичностью населения, которая здесь выходит на первый план.

ДОЛГОПОЛОВ Константин Владимирович

*Армавирская государственная педагогическая академия,
г. Армавир*

СОЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КОРЕННЫМ И ПРИШЛЫМ НАСЕЛЕНИЕМ КУБАНСКИХ СТАНИЦ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

В Кубанской области во второй половине XIX в. между казачьим и иногородним населением имелись существенные различия в юридической и социальной сферах жизни. Переселявшиеся в указанный регион земель не наделялись, но имели право ее приобретать, выплачивая каждый год определенную сумму посаженных денег плата (за каждую квадратную сажень земли). На казаков этот налог не распространялся.

* Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ № 07-06-00298.

Только иногородним необходимо было иметь специальное разрешение от местной казачьей администрации, чтобы возвести на своих плановых местах новые строения и отремонтировать старые. Мигранты бесплатно пользовались общественным выгоном лишь тогда, когда число скота не превышало установленной нормы, в противном случае им приходилось платить деньги. Местное население имело право на бесплатный выпас неограниченного количества животных.

На всех оседлых жителей области возлагались обязанности по несению земских повинностей, однако к их выполнению станичные атаманы привлекали только лиц невойскового сословия. В отличие от казаков, пришлое население не имело право свободно обучать своих детей в школе. В образовательные учреждения их принимали при наличии свободных мест и за высокую плату. Казачество также получало бесплатную медицинскую помощь, на переселенцев эта привилегия не распространялась. Таким образом, во второй половине XIX столетия складывавшиеся между казаками и иногородними расхождения в правовом и социальном положении приводили к ухудшению политической обстановки на Кубани.

ЗМЕЕВА Ольга Васильевна

*Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН, г. Анапты*

«АБОРИГЕНЫ» – «СТАРОЖИЛЫ» – «МИГРАНТЫ» КОЛЬСКОГО СЕВЕРА: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СТАТУСЫ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

В докладе рассматривается использование номинаций «аборигены», «старожилы», «мигранты» на разных уровнях: понятийном и в обыденной интерпретации. Названные категории обозначают территориальные статусы этнических групп. Их употребление в различных ситуациях позволяет осмыслить положение этнических групп Мурманской области. К малочисленным народам Севера, проживающим в области, кроме саамов, также относятся ненцы и коми. Саамы являются маркером изучаемой территории и в силу этого имеют более высокий статус в общей массе этнических групп. Остальные этнические группы Кольского Севера не имеют статуса коренного населения и не претендуют на него. Исключение составляют поморы Мурманской области, которые на основании самоидентификации были выделены в 2002 г. в отдельную этническую группу, хотя традиционно считаются локальной группой русских. В отношении жителей новых индустриальных городов Кольского Севера сохраняется стереотип «неукорененности». Даже к осевшим в новых городах «первостроителям» не применялось обозначение «старожилов», которое предполагало не только продолжительное проживание, но и особые характеристики поселенческой общности. Современные жители утверждают, что в малых городах области нет коренного населения. Когда речь идет о городском населении и о территории, интенсивно заселявшейся на протяжении времени менее века, неформаль-

ные территориальные статусы жителей оказываются более чем проблематичными. «Старожилов» могут являться «новоселами» на Кольском полуострове и одновременно «мигрантами», если рассматривать их с позиции «коренного населения» или в индивидуальном-биографической проекции.

ИНОЯТОВА Диларам Манглиевна

*Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека,
г. Ташкент (Узбекистан)*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ – ГАРАНТ СТАБИЛЬНОСТИ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ «КОРЕННЫХ» И «ПРИШЛЫХ» НАРОДОВ

Узбекистан – многонациональная и многоконфессиональная страна. В 1897 г. на нынешней территории Узбекистана проживали представители 70 наций и народностей, в 1989 г. – более 130. Из всего населения республики около 80% составляют узбеки и около 20% – каракалпаки, таджики, русские, казахи, татары, кыргызы, корейцы, туркмены и другие народы.

На протяжении тысячелетий Узбекистан был центром взаимодействия и сосуществования самых различных национальностей, религий, культур и традиций. Еще с древних времен здесь не только тесно соседствовали, но и, дополняя и обогащая друг друга, развивались различные цивилизации: мусульманская, иудейская, христианская, буддийская. Сохранение стабильности и гармонизации межнациональных отношений в республике является главным приоритетом государственной национальной политики. Основными источниками обеспечения этнополитики в Узбекистане являются: Конституция Республики Узбекистан и законодательные акты в данной сфере. Элементами этнополитики республики выступают: практические действия по созданию в обществе атмосферы межэтнической и межконфессиональной толерантности; совершенствование правовых институтов по обеспечению индивидуальных и коллективных прав человека, в том числе меньшинств; меры по сохранению этнокультурной самобытности меньшинств и их интеграции; обеспечение пропорционального представительства этнических меньшинств во всех сферах общественной жизни. Важный источник толерантного, мирного сосуществования титульной нации и национальных меньшинств кроется в особом менталитете «коренных народов».

КОЛЕСОВ Владимир Игоревич

*Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, г. Краснодар*

ИЗ КОРЕННЫХ – В НАЦМЕНЫ: СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРСКИХ ГРЕКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Национальная политика стала одним из основных аспектов деятельности большевистского государства после захвата власти. Цель ее – вовлечение нерус-

ских национальностей в советское и партийное строительство. Выражалась эта политика, во-первых, в создании административно-территориальных автономий, во-вторых, в обучении населения на «родном» языке в своей национальной школе, а, в-третьих, в конструировании для бесписьменных народов Кавказа алфавитов и литературного языка. Изменяется понятие «коренное» население. Горские греки Кубанской области аула Бжедугхабль (образован в 1922 г.) Черкесской (Адыгейской) автономной области, становятся национальным меньшинством наряду с армянами, чехами и т.д. Говорившие на адыгейском языке и получившие образование в школе на «национальном» (греческом) языке, горские греки оказались в совершенно другой культурной парадигме. Вместо лингвистического и культурного симбиоза с черкесогаями и адыгами, они оказались в орбите эллинизации. Репрессии в отношении греческого населения Кавказа, привели к актуализации прежних социальных сетей. Многие горские греки называли себя адыгами или русскими, увеличились брачные связи с названными группами. Изучение истории отдельных личностей, каким-либо способом артикулирующих свою идентичность (этническую, религиозную, сословную и т. д.), или историю семей и семейных связей/отношений/сетей, функционирующих в интересующий нас временной промежуток, позволяет составить представление о групповой идентичности горских греков, проанализировать не только межсемейные и иные родственные отношения, составляющие общность, но и увидеть смену/трансформацию идентичности, в зависимости от изменения политической конъюнктуры, процессов развития национализма или элементарной материальной заинтересованности.

КОРУСЕНКО Светлана Николаевна

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

КАК БУХАРЦЫ В СИБИРИ СТАЛИ СИБИРСКИМИ ТАТАРАМИ*

Бухарцы (собирательное название выходцев из Средней Азии) стали активно осваивать территорию Сибири еще во время правления Кучума. Но только в рамках Русского государства бухарцы в Сибири начинают формироваться в особую этнословную группу, чему способствовала политика царских властей, направленная на сохранение торговых связей со Средней Азией и привлечение бухарцев для поселения на территории Сибири. Постоянно подтверждая и отстаивая свои привилегии, данные им в XVII–XVIII вв., бухарцы и в дальнейшем продолжали существовать как особая социокультурная общность. Даже после реформ М. М. Сперанского, результатом которых стало уравнивание их в правах и обязанностях с оседлыми инородцами (за исключением бухарского купечества), сохранение отдельных управленческих единиц спо-

собствовало сохранению их идентичности. Во второй половине XVII–XVIII вв. бухарцы активно приобретали земельные участки. Для обоснования своих прав на землю в XIX в. они предъявляли выписи из дозорных книг и свои родословия, как документальные свидетельства наследственных прав на землю. В результате землеустроительной политики Российского государства второй половины XIX – начала XX в., создание сельских обществ, которые являлись распорядителями земельного фонда, бухарцы лишились своих «наследственных» наделов. Передел земли и административное переустройство в первые десятилетия советской власти, исключение бухарцев из списка народов при проведении переписей населения (за исключением переписи 1926 г.), длительное совместное проживание с сибирскими татарами, привели к смене этнического самосознания бухарцев. В настоящее время в ряде случаев мы можем говорить лишь об этногенетическом сознании потомков бухарцев. В этническом плане большинство относит себя к татарам или сибирским татарам, связывая это определение с территорией проживания. Сибирь, которую бухарцы стали заселять в XVII в., стала их родной землей.

КОШЕЛЕВА Елена Юрьевна

Томский политехнический университет, г. Томск

САВЧЕНКО Елена Юрьевна

Томский государственный педагогический университет, г. Томск

КИТАЙСКАЯ ОБЩИНА В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Китайская община в Томской области сформировалась позднее, чем в других регионах России. Это связано с тем, что территория Томской области достаточно удалена от китайской границы и не является крупным экономическим центром. Китайские подданные проживали в этом регионе с конца XIX в. В начале XX в. китайская община была представлена, в основном, неквалифицированными работниками.

Современный этап китайской миграции в Томск начался в середине 1990-х гг. и был представлен студентами и представителями рабочих профессий. В 2000-е гг. стали появляться китайские фирмы, специализирующиеся на лесозаготовках. В настоящее время основными сферами деятельности мигрантов являются получение образования и занятие сельским хозяйством, работа в лесной и строительной отраслях промышленности.

Отношение местного населения к китайской миграции достаточно лояльное. Презентации традиционной китайской культуры в Томске, направлены на создание позитивного образа китайцев у томичей. В оценках томичей китайская миграция в регионе в целом не представляет опасности, так как не является многочисленной.

* Доклад подготовлен в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Портрет образовательного мигранта: иностранные студенты в техническом вузе Сибири», проект № 10-01-64102 а/Т.

* Доклад подготовлен в рамках гранта РГНФ № 10-01-00498а.

КРУПОВИЧ Элина Евгеньевна

г. Рига (Латвия)

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ ЛАТГАЛЬСКОГО
ПРЕДМЕСТЬЯ (БЫВШЕГО МОСКОВСКОГО
ФОРШТАДТА) ГОРОДА РИГИ КАК ЦЕНТРЫ
СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО
МЕНЬШИНСТВА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ
НЕЗАВИСИМОЙ ЛАТВИЙСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ (20–30 ГОДЫ XX ВЕКА)
И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ**

В последнее время одной из актуальных тем в контексте сохранения русского культурного наследия является сохранение русской культуры за пределами России – как культуры национального меньшинства. Что может послужить связующим звеном между «коренными» и «пришлыми»? Как не потерять свою идентичность и одновременно найти возможность интегрироваться в местное общество?

Сохранение русской культуры как культуры национального меньшинства было актуально на территории независимой Латвийской Республики (1918–1940) уже в 20–30 гг. XX в. Латгальское предместье города Риги (ранее Московский форштадт), исторически было заселено выходцами из России. Роль культурных и просветительских центров выполняли православные приходы: Благовещенский, Всехсвятский, Ивановский, Михаило-Архангельский.

Во Всехсвятском приходе бытовала традиция еженедельных миссионерских бесед, вечеров, посвященных латышской культуре и Латвии в целом. Связь Всехсвятского прихода с культурной жизнью города проявилась в концертах хоров «Перконс» и «Баян», проведении вечеров, посвященных столетию со дня смерти А. С. Пушкина и др. Большой популярностью среди жителей предместья пользовалась деятельность приходского Дамского комитета. На его средства крестили детей бедноты, хоронили стариков, устраивали елки для детей и т. д.

Православные приходы предместья в 1920–1930 гг. являлись тем стержнем, вокруг которого вращалась культурная жизнь предместья, а также связующим звеном между «коренными» и «пришлыми». Традиция православных приходов как центров русской культуры была прервана в начале 40-х гг. XX в. и восстановилась только в начале 1990-х гг. в связи с восстановлением независимости Латвийской Республики.

КРЫЛОВ Михаил Петрович

Институт географии РАН, г. Москва

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
НА ЭТНИЧЕСКИ ОДНОРОДНЫХ
ТЕРРИТОРИЯХ И В ЭТНОКОНТАКТНЫХ
ЗОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ***

Ядра местных общностей – «местные по рождению» и «местные по убеждению», составляющие в этнически

однородном историческом ядре России – по данным массовых социологических опросов, составляют 81–84% при доле «местных по рождению» 49–55%. Одни сохраняют ностальгическую связь с покинутой малой родиной, другие стремятся укорениться на новом месте. Доля тех, кто не испытывает привязанности к какому-либо месту, и тех, кто всю жизнь прожил на одном месте и предпочел бы уехать оттуда, составила лишь 9–18%.

Автор выделил ракурсы региональной идентичности (РИ), различающиеся по отношению к этнической культуре, традиции и модернизации, мобильности и укорененности. Они обнаруживают связь с рядом социальных индикаторов. Изучение РИ на этнически однородных территориях оказалось пригодно и для этноконтактных зон. Так, при изучении российской части территории б. Слободской Украины была выявлена повышенная, конъюнктурная роль политической границы, искажающей РИ в непосредственной близости от нее. По мере удаленности от границы РИ повышена и тесно связана с этнической идентичностью и исторической памятью о Слободской Украине. В третьем по удаленности вглубь России поясе этническая идентичность явно уступает место региональной, идентичность Слободской Украины исчезает.

Сохранение памяти о Слободской Украине позволяет поставить вопрос о существовании на юго-западе Европейской России особого украинского субэтноса как составной части русских.

КУЗНЕЦОВ Игорь Валерьевич

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

**«ВЫМИРАНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ»
(К ПРОДОЛЖЕНИЮ РАЗГОВОРА
ОБ ЭССЕНЦИАЛИЗМЕ/КОНСТРУКТИВИЗМЕ)**

В последних работах С. В. Соколовский (2009 и др.) предпринял деконструкцию «мифа о вымирании коренных малочисленных народов»: за «вымирание» якобы принимают лишь ассимиляцию и изменения в учете населения, на бумаге приводящие к колебаниям численности аборигенных сообществ. Тем не менее, в полемике вокруг данного вопроса еще много недосказанного. В известном смысле «вымирание» народов – ситуация обратная процессу их конструирования. В большинстве наблюдаемых случаев (в докладе есть примеры из Старого и Нового Света) повторяется ряд моментов, отличных от привычных ассимиляционных процессов, для внешнего глаза постепенно и незаметно завершающихся сменой языка и этнической идентичности. Это – диалог двух сообществ-партнеров, но такой, после которого один из них исчезнет. С одной стороны, с каждым продвижением к концу, возрастает «воображаемость» исчезающего сообщества. «Вымирание» тянется не дольше нескольких человеческих жизней и завершается физической смертью «последнего из...» (беотуков, камасинцев, убыхов и проч.) Но причина его кроется в более ранней фазе и, как правило, связана со стремительной колонизацией, насильственными перемещениями с традиционно занимаемых земель, реке, с

* Доклад подготовлен в рамках грантов РФФИ 01-06-80362; 07-06-00298.

физическим мором вследствие эпидемий и геноцида. С другой стороны, для тех, кому суждено остаться, дабы придать своему «воображаемому сообществу» реалистический, невоображаемый характер, свойственна гражданская мобилизация, оборотной стороной которой являются случаи этнических чисток и геноцидов (Mann 2005), учащающиеся как раз в эпоху колониализма и подъема этнонационализма.

КУПРИЯНОВ Павел Сергеевич

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

«МЫ – ЗАРЯДСКИЕ!»: ДРЕЙФ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВОООБРАЖАЕМЫЕ СООБЩЕСТВА В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

В докладе речь пойдет о локальной идентичности городских жителей, о ее (не)устойчивости и вариативности. Как и почему люди ассоциируют себя с тем или иным местом? Какие факторы обуславливают смену идентичности? Как определяются границы «своего» пространства? Эти вопросы будут рассмотрены на примере бывших обитателей московского Зарядья – небольшого района в центре Москвы, расселенного в 1950–1960-е гг. в связи со строительством гостиницы «Россия». Их воспоминания о жизни в Зарядье, насыщенные бытовыми деталями и описаниями повседневных практик, свидетельствуют о сложной структуре локального самосознания населения столичного центра в середине XX в. В зависимости от ситуации *своя территория* в представлении людей то сужалась до размеров одного двора, то расширялась, вбирая в себя всю близлежащую округу. Эта иерархичная и подвижная идентичность (присущая местным жителям полвека назад) заметно контрастирует с их нынешним статичным и однозначным самоопределением: за редким исключением сегодня они относят себя не конкретному двору или переулку, а – ко всему району. Данная метаморфоза (обусловленная изменением не только статуса жителей, но и самого пространства, его визуального образа и культурного смысла) показывает относительность и конструктивистский характер такого привычного понятия как «местные жители»; в случае с Зарядьем оно обозначает скорее воображаемое сообщество, нежели реальную локальную группу (neighbourhood).

КУРКИЕВА Хава Магомедовна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ВОСПРИЯТИЕ ТЕРРИТОРИИ ЖИТЕЛЯМИ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ*

Предгорные регионы – одни из самых густонаселенных мест планеты. К ним относится и Северный

Кавказ. Ограниченность земельных ресурсов и рост населения определили высокую значимость земли для горных сообществ. Горцы Кавказа сохраняют знание о местоположении земель своего рода. У чеченцев и ингушей это выражено через понятие «Даймохк» (буквально «Земля Отцов»). Это не просто земля, а именно земля отцов, где похоронены их предки.

После революции 1917 г. границы территории проживания ингушей неоднократно перекраивались. В 1944 г. ингуши были депортированы в Среднюю Азию, где выросло поколение, знавшее о «Даймохк» только по рассказам родителей. Восстановленная в 1956 г. Чечено-Ингушская АССР не включала Пригородного района, переданного в состав Северной Осетии, где проживало около половины ингушей. Проблемы возвращения на прежние места проживания вынудили часть этноса жить за пределами «Даймохк». В результате осетино-ингушского конфликта в Пригородном районе Северной Осетии 1993 г. порядка 62 тыс. ингушей стали «беженцами» (себя они называют «депортированными»). Две Чеченские военные компании вынудили всех живших в Грозном ингушей искать убежище на «бедной Родине».

Коллизии национальной политики XX в. привели к появлению «местных» и «беженцев» на одной этнической территории. Это вызвало трансформацию понятия «земля» у поколения, вынужденного жить вдали от родовых земель. Если для старшего поколения сохранилась связь с конкретным местом, то для молодого поколения понятие «Родины» включает всю территорию Республики Ингушетия и Пригородный район РСО-Алания, а выбор конкретного места жительства больше связан с социально-экономическими факторами.

КУШАЕВ Ринар Рустямович

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТИНУУМЕ «ЭТНИЧЕСКОЕ БОЛЬШИНСТВО – ЭТНИЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО» В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Татарстан – полиэтническая республика, где основными этническими группами являются татары (52,9%) и русские (39,5%). В структуре населения республики группы этнических меньшинств составляют 7,6%, но общая комфортность этнического поля республики зависит не только от характера взаимодействия между собой этнического большинства, но и от взаимодействия представителей этих групп с этническим меньшинством. При этом следует пояснить, что Среднее Поволжье, не только является полиэтническим регионом, но выделяется в качестве историко-этнографической области, где дисперсно расселены ряд автохтонных этнических общностей, которые формально могут являться этническим меньшинством в пределах отдельной республики, но не

* Доклад подготовлен в рамках гранта РГНФ № 10-01-00003а.

* Доклад подготовлен в рамках проектов РФФИ 09-06-00424-а и 08-06-90101-Мол_а.

воспринимаются в качестве таковых в сознании регионального большинства (финно-угорские, тюркские народы края).

В рамках настоящего исследования с помощью сочетания количественных и качественных методик изучены процессы межэтнического взаимодействия в континууме «этническое большинство – этническое меньшинство». На основе эмпирического материала удалось выявить и исследовать факторы, влияющие на процессы социального взаимодействия между различными этническими группами. Результаты научно-исследовательского анализа отношений между группами этнических меньшинств и принимающей средой позволяют разрабатывать меры региональной социальной политики целевого и адресного характера по отношению к конкретным группам этнических мигрантов; прогнозировать обстановку в локальных местах проживания; вести мониторинг социальной адаптации мигрантов и восприятия их в принимающей среде.

ЛАРИНА Елена Игоревна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

НАУМОВА Ольга Борисовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТИ: ПОНЯТИЕ РОДИНЫ У РОССИЙСКИХ КАЗАХОВ

Российские казахи – коренные жители российско-казахстанской этноконтактной зоны, недавно ставшей пограничьем. С российской стороны современной границы казахи имели летние пастбища, с казахской – зимние. Центрами притяжения для западных и северных групп казахов стали российские города Оренбург, Омск, Астрахань и др. С переходом кочевников к оседлости, часть казахов обосновалась на местах летовок, другая – на зимних пастбищах. Суверенизация России и Казахстана и проведение межгосударственной границы разделили людей. Российские казахи оказались перед выбором родины. Казахам в России стали называть диаспорой и даже ирридентой (Г. М. Мендикулова) – терминами, которые не соответствуют их истории и современному положению; скорее их можно считать этническими группами Поволжья, Сибири и Алтая или «транснациональной общностью». По нашим наблюдениям, российские казахи считают своей родиной (*елимай*) Россию, а в отношении Казахстана формируется представление о родине исторической (*атамекен*).

Понятие «малой родины» у российских казахов связано с их родными аулами. В результате коллективизации и перевода казахов-кочевников на оседлость на рубеже 1920–1930-х гг. возникло множество мелких аулов-колхозов. В 1960-е гг. проводилась политика агропромышленной интеграции, укрупнения колхозов и совхозов; малые аулы ликвидировались. На старых местах сохраняются родовые кладбища-

зиёраты, которые раньше были при каждом ауле. Около десяти лет назад появилась новая традиция: казахи исчезнувших аулов устраивают на родовых кладбищах коллективные поминки *ас беру* по умершим (традиционно *ас беру* посвящали одному умершему родственнику) и устанавливают на месте ликвидированных аулов памятники (стеллы, камни и т. п.). Так проявляется историческая память у казахов Омской и Оренбургской обл. Возможно, что это нововведение распространится и далее.

МЕЛЬНИКОВА Екатерина Александровна

Европейский Университет, г. Санкт-Петербург

МОЯ ЧУЖАЯ ИСТОРИЯ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ КОНФЛИКТОВ ПАМЯТИ В ЛОКАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Доклад посвящен проблеме применимости понятий «конфликтующие воспоминания» и «конфликты памяти» в локальных исследованиях.

Работа опирается на материалы по истории бывшей финской Карелии, отошедшей к Советскому Союзу в 1940-х гг. После окончания Великой Отечественной войны этот регион был заселен колхозниками из различных республик и областей СССР. Обстоятельства их переезда были тяжелыми, условия жизни в «новых районах» оказались для многих непривычны – жизнь на хуторах пугала, слухи о финнах, тайно переходящих границу и убивающих переселенцев, были широко распространены.

Принимая во внимание обстоятельства переселения колхозников в 1940-х гг. и ту информацию, которая была им доступна о бывших жителях этого региона, можно предположить, что столкновение с финнами в повседневной жизни, которое стало возможным с начала 1990-х гг., должно было означать для переселенцев столкновение с принципиально иной картиной прошлого. «Конфликт памяти» представляется в данном случае вполне ожидаемым. Но имеет ли он место на самом деле?

Анализируя в рамках доклада материалы более 100 интервью, взятых у жителей Северного Приладожья в 2002–2008 гг., я пытаюсь показать относительную независимость тех интерпретаций прошлого, которые сложились в переселенческом сообществе, от моделей предлагавшей в средствах массовой информации и учебниках истории.

НАЗАРОВ Иван Иванович

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

СТАТУС «КОРЕННОЙ ЭТНОС» В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Последние два десятилетия характеризуются ростом этнического самосознания у коренного населения Северного Алтая. Благоприятный политический, идеологический и социально экономический контекст современной эпохи позволил малым

этническим общностям самостоятельно определять свою этническую принадлежность. Большую роль в этом процессе приобретают правовые (статус коренного и малочисленного народа) и территориальные (административная принадлежность) факторы. Так, например, кумандинцы, получившие названный статус, проживают на территории трех субъектов РФ: Алтайского края, Республики Алтай, Кемеровской области. На территории Алтайского края кумандинцы являются единственным этносом, имеющим исторические и правовые основания считаться коренным. Данное обстоятельство привлекает особое внимание общественности и органов власти региона к названному народу. Рост этнической идентичности у кумандинцев проявляется, прежде всего, в активизации общественной жизни (созданы общины и национальные сельсоветы, проводятся съезды кумандинского народа). При этом пока не сложилось единого центра, который бы смог стать выразителем интересов всего этноса. Показательна в этом плане ситуация с общественными организациями кумандинцев. На территории Алтайского края таковых зарегистрировано пять. Однако их деятельность противоречива, а иногда и враждебна по отношению друг к другу. Увеличилось количество публикаций (научных и популярных), рассматривающих историю и традиции кумандинцев, появились специальные издания по языку (азбука, словари, разговорник). Они подготовлены как профессионалами, так и кумандинскими краеведами. Кумандинцы активно участвуют в различных конкурсах грантов, получают финансирование проектов по проведению летних школ для детей и т.п. мероприятий. В результате реализации федеральной целевой программы в Бийске был построен специальный поселок для местных кумандинцев. Ведется разработка краевой целевой программы сохранения и развития кумандинцев.

НАМ Ираида Владимировна

Томский государственный университет, г. Томск

ПУТИ И ФОРМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРЬ (НАЧАЛО XX в.)

В конце XIX – начале XX в. в результате массовых миграций движений как добровольного (переселенческое движение, иммиграция, трудовая миграция), так и принудительного характера (административная, политическая и уголовная ссылка, эвакуация населения и беженство в годы первой мировой войны) в Сибири и на Дальнем Востоке образовались многочисленные группы национальных меньшинств – диаспоральных сообществ украинцев, белорусов, поляков, евреев, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, корейцев, татар и др. В их среде происходили сложные процессы ассимиляции, аккультурации или консолидации с русским и аборигенным населением. Развивался процесс формирования и

структурирования новых этнических диаспор. Поддержание и воспроизводство диаспоральных институтов осуществлялось сложным взаимодействием традиционных социальных институтов, центром которого была религиозная община, и светских культурных, филантропических и политических организаций.

Оказавшись в иной этнокультурной среде, меньшинства стремились сохранить свои конфессиональные и культурно-хозяйственные особенности и прежнюю идентичность. Вслед за Европейской Россией в Сибири возникают светские культурно-просветительские и филантропические организации, представлявшие почти всю этническую палитру Российской империи. Устраиваются литературные и благотворительные вечера, спектакли, концерты, читаются доклады и рефераты по национальной истории и культуре. Начинают издаваться газеты, расширяется сеть национальных школ. Активизация общественной деятельности вела к перемещению центра национальной жизни меньшинств от религиозных учреждений к культурно-просветительским организациям и обществам, которые брали на себя часть функций, принадлежавших ранее церкви.

НАНЗАТОВ Баир Зориктеевич

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

БУРЯТЫ В МОНГОЛИИ: СВОИ ИЛИ ЧУЖИЕ?*

В современной Монголии существует шесть этнотерриториальных групп бурят, по разным данным от 48 до 100 тысяч. В силу различных исторических обстоятельств миграция бурят в Монголию, начиная с XVII в., являлась своеобразным способом проявления недовольства властями. Хотя буряты также являются монгольским народом, как, к примеру, и халха-монголы, зачастую буряты Монголии ассоциируются с чужой страной (с Россией в настоящее время, с Японией в 30–40-е гг. XX столетия, изредка с Китаем в настоящее время). Неоднозначное отношение к бурятам в Монголии формировалось под влиянием разных факторов. Одним из них было наделение политическим статусом бурятского народа в соседнем Советском Союзе. Сегодня вокруг бурятского этноса в Монголии зачастую муссируются политические мифы, создающие негативные представления о бурятах: находящиеся у власти либо имеют бурятскую кровь, либо пользуются поддержкой бурятской диаспоры. Подобные мифы обнаруживают сходные черты с сюжетами политических мифов в России. В связи с этим изучение современного положения бурятской диаспоры в Монголии, ее деятельности, освещения причин и путей миграции бурят в Монголию представляется актуальным.

* Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ 10-01-00495а.

НЕДЗЕЛЮК Татьяна Геннадьевна

Сибирская академия государственной службы, г. Новосибирск

**КОНЦЕПЦИЯ КАРТИНЫ МИРА
И МЕМОРИАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ МЕЖДУ
«КОРЕННЫМИ СИБИРЯКАМИ» И
«ПРИШЛЫМИ ЕВРОПЕЙЦАМИ»: В ПОИСКАХ
ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗНОГЛАСИЙ**

Для преодоления «мемориальных барьеров» требуется осознание механизма их возникновения. Формирование стереотипов, в том числе и национально-конфессиональных, происходит под влиянием конкретных систем ценностей. Неоднократно подчеркивалось различие в психологическом восприятии, философском осмыслении и, как следствие, практической реализации жизненных сценариев христианами восточного и западного обрядов (православными и «инославными», т. е. католиками, протестантами). В каждодневном существовании человек ориентируется на ту систему ценностей, в которой воспитан, и на другую, в условия окружения которой попадает. И немецкие переселенцы-колонисты, и польские «повстанцы»-католики в условиях православного принимающего сообщества в Сибири демонстрировали как традиционно западные, индивидуалистические, образцы поведения, так и коллективно-общинные, продиктованные спецификой проживания в условиях Сибири.

Картина мира, индивидуальная или коллективная, всегда наделена чертами субъективизма, так как является выражением оторефлексированных представлений конкретной личности или социума. Круг этих представлений определяется ценностными характеристиками добра и зла, счастья и несчастья, времени и пространства. Выявлению и сопоставлению содержательного наполнения указанных дефиниций в сообществах «коренных сибиряков» и «пришлых европейцев» предполагается посвятить заявленный доклад.

**ОКТЯБРЬСКАЯ Ирина Вячеславовна,
ОХОТНИКОВ Андриан Юрьевич**

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

**ФЕНОМЕН НЕМЕЦКО-КАЗАХСКОГО
ТАМЫРСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ
КУЛУНДИНСКИХ РАЙОНОВ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Немецко-казахские культурные контакты отличались значительной интенсивностью с момента обоснования выходцев из новороссийских, черниговских, поволжских колоний на бывших «кабинетских» землях в северной части Кулундинской степи. Немаловажные для первопоселенцев вопросы обзаведения скотом и аренды сенокосных угодий были успешно решены благодаря взаимовыгодному сотрудничеству с казаками-старожилами. Именно тогда у жителей немецких поселков впервые оформились отношения тамырства с казаками из соседних аулов. Тамырство оказалось важным ресурсом выживания сначала для казахов – беженцев от коллективизации, затем для немцев, переходивших в 1930-е гг. в казахские кол-

хозы. Прием в казахские колхозы в 1940-х гг. депортированных поволжских немцев, а затем расселенных сибирских немцев-староселов в кулундинских районах Новосибирской области дал новый толчок распространению тамырства. Именно благодаря неформальным связям с казахскими хозяйствами оказалось возможным относительно благополучие немецкого национального колхоза им. Тельмана в 1960–1980 гг. Опыт совместного проживания немцев и казахов в приграничных переселенческих поселках сделал отношения тамырства стабильной этнокультурной практикой, вновь актуализируемой в экстремальных социокультурных условиях, определяющей специфику немецких и казахских общин региона.

РЕВИН Иван Алексеевич

Южно-Российский государственный технический университет, г. Новочеркасск

**КОРЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ В ОБЛАСТИ
ВОЙСКА ДОНСКОГО:
СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)**

В современной историографии достаточно широко освещен вопрос о взаимоотношениях донских казаков и неказачьего населения региона, к которому, прежде всего, относили иногороднее крестьянство. Поэтому за границей исследовательского поля оказались отношения казаков и иногородних с коренными крестьянами Дона, составившими по переписи 1917 г. около 25% населения Области войска Донского. На основе архивных материалов, сведений периодических изданий и воспоминаний коренных крестьян рассматриваются истоки и эволюция аграрного вопроса на Дону, отличительные черты отношения казаков к коренным и иногородним крестьянам, межсословные контакты и браки, влияние столыпинских преобразований на жизнедеятельность донских крестьян. Двойственность положения коренного крестьянства заключалась в том, что, с одной стороны, оно было неказачьим населением, и поэтому находилось в состоянии сословной дискриминации, а с другой – коренным населением региона, которое вместе с казаками противостояло массовой миграции иногородних в пореформенный период. Это привело к тому, что в гражданской войне интересы коренного крестьянства оказались между желанием казаков оградить свои земли от передела и стремлением иногородних к социализации земли.

САВОСКУЛ Мария Сергеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «РОДИНА»
У РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ:
СВЯЗЬ СО ВРЕМЕНЕМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ**

В эпоху глобализации и небывалых масштабов международных миграций проблемы идентичности и связи с территорией выхода мигрантов становятся

актуальными для миллионов людей во всем мире. Не являются исключением и внешние мигранты из России и стран СНГ, в том числе и российские немцы, которые в течение 1990–2000-х гг. активно переселялись в Германию.

После переезда представители этой этнической группы, а также члены их семей столкнулись в новой социальной среде с множеством заранее не предвиденных проблем, среди которых не последнее место занимает и кризис этнической идентичности. Для многих мигрантов их прежнее место жительства становится объектом активной ностальгии и в новом свете видится понятие «Родина».

Теоретическая часть доклада базируется на работах отечественных и зарубежных географов, социологов и этнологов (Д. Замятина, В. Тишкова, З. Баумана и др.). В ходе эмпирических исследований автора в России и в Германии выявлено, что существует определенная зависимость между этнической идентичностью российских немцев, успешностью их интеграции в принимающее общество, и трансформацией образа «Родины». Значимую роль в формировании образа «Родины» у российских немцев в Германии играет образ «счастливого прошлого». Наиболее важными факторами в формировании и трансформации образа «Родины» играют такие факторы как возраст, продолжительность проживания в Германии, этническая идентичность, историческая память.

СМИРНОВА Татьяна Борисовна

*Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск*

ВОЗВРАЩЕНИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ИЗ-ЗА РУБЕЖА, ИХ ЧИСЛЕННОСТЬ, ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ*

Демографические проблемы и этнический состав мигрантов привели к принятию в 2006 г. «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Уже при ее принятии было ясно, что к кардинальному изменению ситуации она не приведет, поскольку не соответствует требованиям времени. В рамках Госпрограммы переселилось около 17 тыс. чел. Это потому что практически всех переселенцев и эмигрантов, но, подразумевается, что они имеют какое-то отношение к русской культуре и наиболее способны к адаптации в принимающем российском обществе. В программу включены 20 российских регионов, в которых утверждены региональные программы переселения. Темпы переселения очень низкие. Медленно работает бюрократическая машина, но конкретная программа была ошибочно воспринята людьми, проживающими за рубежом, как программа репатриации.

Классические и успешные программы репатриации, которые проводят Германия, Израиль, Казахстан, базируются на четкой этнической идентификации переселенцев; важную роль в этих программах играет идеологический фактор «объединения нации». Это не относится к нашей программе, которая «направлена на объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями развития российских регионов». Значительная часть заявлений (около 70%) на переселение отклоняется. Наибольший процент отказов в Казахстане, самая большая динамика обращений по поводу переезда существует в Израиле и Германии, но когда люди узнают условия, то основная масса отказывается от своих намерений переехать. По сути, эта программа является попыткой регулирования трудовой миграции.

ТОДОРОВИЧ Ивица

*Этнографический институт Сербской академии наук
и искусств, г. Белград (Сербия)*

СЕРБСКАЯ ТРАДИЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СИМВОЛЫ – ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ БАЗОВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СЕРБОВ И ИХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В работе рассматриваются некоторые базовые этнические характеристики, касающиеся формирования сербского этноса и соответствующей традиции. Акцент, прежде всего, делается (1) на проблеме общего определения сербской идентичности, (2) ее символике, а также (3) на формулировании сербского этнического пространства (границы, культурные зоны, племена, локальные современные и старинные этнические названия), как первичных определителей рассматриваемого (сербского) этнического контекста. Таким образом, в работе поднимаются вопросы (4) конкретизированного выделения основного культурно-идентичностного комплекса сербской традиции (представление выбранного/небесного народа), в непосредственной связи с (5) определением более широкой цивилизационной идентичности и сосредоточением на неизменяемые коллективные матрицы, а также с (6) проблематикой религиозной идентичности и национальных религиозных взглядов. Кроме того, кратко представлены (7) некоторые существенные вопросы определения и реконструкции семантического фундамента *сербской идеи*, которая понята, прежде всего, в контексте особой исторической и духовной миссии, как важнейшего ядра сербской традиции, то есть культурного наследия.

ТЮХТЕНЕВА Светлана Петровна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

«ЗЕМЛЯ МАТЬ» – КАК ЕЕ ПРИВАТИЗИРОВАТЬ?

Земельные конфликты в Республике Алтай стали повседневной реальностью последних лет.

* Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ № 11-31-00213a1.

Конфликты происходят как между частными лицами внутри села, так и между сообществом жителей деревень, бывших в советское время отделениями колхозов и совхозов, и юридическими лицами. По данным официального сайта правительства РА, к марту 2010 г. только 36% имеющих право на оформление в собственность земельных угодий, имеют надлежащие документы о собственности на сенокосные, пашенные угодья и пастбища. Почему? Причин множество. Мне представляется, что одна из граней проблемы приватизации земли связана с онтологией алтайцев. Наиболее ярким выражением онтологической концепции является сентенция *Јер блаашпас* («Из-за земли нельзя конфликтовать» / «Из-за земли нельзя спорить»). Полностью сентенция звучит так: «Из-за земли нельзя конфликтовать – после смерти каждому человеку достанется по два метра для погребения». Эта краткая фраза очень ёмкая. Она содержит метафору земли как порождающего материнского начала. В традиционном мировоззрении, мифологии и космологии алтайцев земля – это «земля мать», *јер эне*. Образ «земля мать» в мифологии, фольклоре, языке, в целом в мировоззрении алтайцев и антропоморфен, и зооморфен. Он относится к одним из наиболее древних божеств.

ХАРАТСИДИС Элефтериос

Фракийский университет им. Демокрита, г. Комотини (Греция)

«Я ГРЕКОМ ЗОВУСЬ НА ЧУЖБИНЕ, А В ГРЕЦИИ МИЛОЙ – ЧУЖИМ». К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОНТИЙСКИХ ГРЕКОВ

Ищу я тебя, моя Родина! / Как проклятый Богом своим! / Я греком зовусь на чужбине, / А в Греции милой – чужим (куплет из народной понтийской песни «Ищу я тебя, моя Родина!», перевод автора).

По данным на конец XX в. в мире насчитывалось около двух миллионов понтийских греков. В основном они проживали в Греции и в СССР. Распад СССР вызвал очередную миграционную волну в греческой среде страны и многие из них эмигрировали в Грецию. Старая песня вновь обретает смысл, мотивы песни становятся актуальными...

В нашем сообщении мы обращаемся к проблеме идентичности понтийских греков, которые в силу объективных исторических условий оказывались на стыке различных культур. Цель, которую мы ставим перед собой в данном сообщении, заключается в анализе возможных типов идентичности понтийских греков в соответствии с тем, какие взаимоотношения устанавливаются между различным этнографическими группами понтийских греков и их окружением.

Решая эти и другие задачи, мы обращаем внимание и на властные органы и структуры, рассматривая их в качестве внешнего окружения, играющего не последнюю роль в формировании идеологии

взаимоотношений «свои и чужие», «коренные и пришлые».

ЧЕРНЫХ Александр Васильевич

Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, г. Пермь

ЭТНОДИСПЕРСНЫЕ ГРУППЫ НАРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ: МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Значительное усложнение этнического состава населения Пермского Прикамья в XIX – начале XX вв. происходило за счет миграционного притока из западных губерний России. В этот период в регионе сформировались группы немцев, эстонцев, поляков, белорусов, чувашей. Они достаточно давно в исторической перспективе освоили Пермский край, прошли процессы адаптации и аккультурации, их традиционная культура показывает уже результаты пройденных процессов становления на новой территории и межэтнического взаимодействия, что крайне важно для выявления закономерностей развития. Этническая история и традиционная культура показывает разные формы самоорганизации этнической группы от компактного расселения небольшой замкнутой группой в сельской местности, так и дисперсного расселения в условиях городской среды, на основе чего складываются разные формы организации, характер и интенсивности ассимиляционных процессов, степень и особенности сохранения этнического самосознания, языка, традиционной культуры, воспроизводства этнической культуры в разных условиях. Традиционная культура каждого из народов приобрела специфику в связи с процессами адаптации к новым природно-климатическим, социально-экономическим и этнокультурным условиям региона.

ШАЯХМЕТОВ Фидайль Фанилевич

Башкирский государственный университет, г. Уфа

ИЗМЕНЧИВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ БАШКИР И ТАТАР: МЕЖДУ СОСЛОВНОЙ, ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЯМИ В ПЕРИОД ЦАРСКОЙ РОССИИ

В составе России много близких по культуре народов, между представителями которых идут нескончаемые процессы дрейфа этнической (культурной) идентичности. К их числу относятся башкиры и татары, расселенные на территории Волго-Уральского региона, относящиеся к алтайской языковой семье (кыпчакской группе), исповедующие ислам и обладающие близкими (но не аутентичными) культурными характеристиками. Однако между двумя народами всегда пролегла и продолжает проходить иногда явная, иногда невидимая нить различий. Башкиро-татарский тандем напоминает положение двух родственников, прекрасно знающих о своем близком род-

стве, однако предпочитающих вести самостоятельный образ жизни.

В составе России в самоидентификации двух групп социальные различия постепенно стали преобладать над этнокультурными. Башкиры обладали некоторыми сословными правами в системе вотчинного землевладения и военно-служилым статусом группы. Мишари (позднее принявшие татарскую идентичность) также получили статус военно-служилого сословия. Традиции их военной службы были использованы в период кантонной системы управления (1798–1865 г.), в которой башкиры все же получили более привилегированное положение. Татары и мишари в Башкирии составили социальную группу припущенников (арендаторов) башкирских земель. Мощным идеологическим инструментом консолидации башкир и татар в рамках единой религиозной идентичности выступал ислам, однако групповые различия оказались более фундаментальными. После отмены кантонной системы управления и утраты башкирами сословных преимуществ различия между двумя группами вновь стали определяться тонкой гранью различавшихся культурных характеристик, сохраняющих свое значение в самоидентификации представителей двух народов и по сегоднешний день.

ШТАММЛЕР Florian

Арктический центр Лапландского университета, г. Рованиеми (Финляндия); Институт полярных исследований им. Дж. Скотта, Кэмбридж (Великобритания)

ПОЛИГАМИЯ МЕСТНОСТИ СРЕДИ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ МОНОГОРОДОВ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

В докладе рассматривается процесс появления привязанности к месту среди населения промышленных моногородов России. Часто встречается мнение, что на Севере только коренные жители или те, кто там родился, могут пускать там свои корни и заботиться об окружающей среде. Недавние исследования в Ямало-Ненецком автономном округе и Мурманской области показывают основные компоненты в культурном процессе, которые ведут к созданию новой социальной идентичности некоренных северных жителей. Результаты показывают, что там, где появилась такая социальная идентичность, северное городское общество более устойчиво адаптируется к изменяющимся условиям XXI века и создается новый социум, который поддерживает своих членов вплоть до взаимопомощи после переселения в другие регионы страны. Данный доклад предлагает анализ такой развивающейся культурной идентичности через феноменологический подход, изучая жизненный опыт и действия людей в пространстве (Инголд 2000), а так же с помощью понятия полигамии местности (Бек 2000).

Секция 5. КРЕОЛЫ, КРЕОЛИЗАЦИЯ И «КРЕОЛЬСКИЙ СИНДРОМ»

Руководители: д.филол.н. **Добронравин Николай Александрович** (Санкт-Петербург);
д.и.н., проф. **Попов Владимир Александрович** (Санкт-Петербург)

БЕЛОУС Никита Константинович

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ФЕНОМЕН СУАХИЛИ КАК РЕЗУЛЬТАТ КУЛЬТУРНОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕОЛИЗАЦИИ

Неугасающий интерес к проблеме этничности/этнуса и ее/его истоков порождает новые подходы к изучению данного феномена. Осознав, что ответ на вопрос о целесообразности и обоснованности использования понятия этничность/этнос применительно к реально функционирующим в исторической динамике социальным единицам стоит искать, в первую очередь, посредством обращения к социогенетическим процессам, чтобы исследователи другими глазами взглянули на процесс креолизации.

История Восточной Африки, рассматриваемая в тесной связи с историей так называемого ареала Индийского океана, дает немало примеров креолизации. Одним из самых ярких и значимых является феномен суахили. Однако данный феномен нельзя считать до конца понятным, поскольку до сих пор исследователи не приходят к общему определению суахили. Пример суахили позволяет проследить процесс генезиса социальной единицы, основой которой послужила креолизация. Изучение истории суахили дает основание предполагать, что экономико-политические факторы, присущие городской среде, являются наиболее значимыми для генезиса креольских общностей.

БУРЫКИН Алексей Алексеевич

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКОВ И НЕКОТОРЫЕ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМАЦИЙ СМЕШАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (К ПРОБЛЕМЕ ПИДЖИНОВ НА РУССКОЙ ОСНОВЕ)

Одной из аксиом лингвистической географии давно стало то, что пиджины и креольские языки как сменяющие или дополняющие друг друга формы смешанных языков образуются на географически изолированных территориях, к которым приложим термин «заморские территории». Появление и относительную стабилизацию пиджинов на заморских территориях определяли следующие социолингвистические и социокультурные факторы: 1) спорадический характер контактов с местным

населением (от корабля до корабля); 2) преимущественно торговый характер контактов; 3) феномен «культурного шока», производимый европейцами и предметами их культуры и определяющий проникновение заимствований из европейских языков в местные языки; 4) невозможность изучения европейских языков носителями местных языков; 5) отсутствие условий для овладения языками местных жителей первыми волнами европейцев на недавно открытых землях; 6) разноязычный характер европейских моряков, предполагавший либо знание какого-то языка, распространенного среди моряков (английский), либо близость языков (португальский и испанский), которые могли восприниматься их контрагентами как один язык. Отметим, что понятие *lingua franca* в своей номинации отражает восприятие языков северного Средиземноморья (португальский, испанский, каталанский, французский, итальянский и их варианты), разных для европейцев, но представлявшихся единым языком для носителей различных арабских диалектов.

Открытие пиджинов, или, корректнее, сходных с пиджинами языковых формаций с русскоязычным компонентом на территории России было связано с общей модой на лингвистическую контактологию. Характерологическое описание «русских пиджинов» не может служить основанием для определения их статуса, поэтому придется рассматривать их лингвогеографические и социолингвистические параметры.

Целостность территории России повсеместно определяла стабильно-постепенный характер продвижения русских на Восток и устойчивые темпы изменения языковой ситуации. Гипотеза о русском протопиджине, который завелся еще в походах новгородцев и распространился до Тихого океана, высказанная И. Ш. Козинским, не подтверждается источниками, в которых отражается становление взаимного двуязычия землепроходцев и коренного населения. Устойчивый характер контактов местных жителей с носителями русского языка способствовал распространению русского языка среди народов России, лишь иногда при неустойчивых контактах с русскоговорящими или провалах образовательной политики рецептированная форма русского языка (так ее определяют пользователи) могла производить впечатление подобия пиджина. Таймырская «говорка» не предполагала трехязычия и ее не считал пиджином и Е. А. Хелимский. Разнообразные и одновременные формы русского языка на китайской границе (от архаического языка из грамматики М. Смотрицкого до озвученных иероглифических транскрипций русских слов) не поддаются подведению под единый стандарт. Рус-

ская речь коренных жителей Дальнего Востока уже потому не может считаться формой пиджина, что она не выдерживает давления русского языка, в отличие от собственно пиджинов, не обладает конкурентоспособностью и не имеет специфической социальной или территориальной среды, которая поддерживала бы владение пиджином среди носителей аборигенных языков.

БУРЫКИН Алексей Алексеевич

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург*

НАСИЛОВ Дмитрий Михайлович

*Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ЯЗЫКИ ЧУВАНЦЕВ И КАМЧАДАЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПИДЖИНОВ И КРЕОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Язык чуванцев и язык камчадалов, как принято называть группы русских диалектов позднего формирования, функционирующих на территории Охотского побережья (камчадалы) и бассейна реки Анадырь (чуванцы) представляют собой весьма интересное явление, которое ранее интересовало лишь специалистов по русским говорам Сибири, но последние 15–20 лет стало интересовать социолингвистов и специалистов по языковым контактам.

Сами формы языка чуванцев и камчадалов, характеризующиеся такими чертами, как 1) фонетика, отличная от фонетики русского языка и северорусских говоров, на основе которых формировались русские говоры Сибири; 2) наличие существенного количества диалектной (северорусской по происхождению, зачастую заимствованной из финно-угорских и тюркских языков) лексики, отсутствующей в современном русском литературном языке; 3) наличие значительного числа заимствований из аборигенных языков (якутского, юкагирского, чукотского, корякского, отчасти эвенского), с чисто формальной точки зрения позволяли включать их в контекст «русских пиджинов» с большим основанием, нежели отнесение к пиджинам русской речи коренных жителей Дальнего Востока (Е. В. Перехвальская). Дополнительным основанием для подобных утверждений является то, что старшие поколения камчадалов являются билингвами, владеющими как своим родным камчадалским или чуванским языком, так и русским литературным языком на всех уровнях, и демонстрирующими переключение кодов (чаще всего в зависимости от собеседника), в прошлом камчадалы владели эвенским или корякским языком, чуванцы – чукотским или эвенским. Впрочем, билингвизм камчадалов и чуванцев укладывается в дихотомию «родной язык – русский язык», поскольку обе эти этнические группы сформировались на основе, не имеющей единых собственных языков, и чуванский и камчадалский языки стали их первыми этническими языками.

Происхождение билингвизма «родной язык – русский язык» для названных групп выглядит загадочным, поскольку среди носителей других говоров русского языка билингвизм такого типа не наблюдался, и освоение русского языка обязательно вело к размытию диалекта или формированию сельской региональной речи.

В становлении билингвизма чуванцев и камчадалов, сохраняющего этнический язык в виде особой формы русского языка и русский литературный язык, сыграли роль следующие факторы: 1) полициркулярная ротация приезжего русскоговорящего населения, распространяющего русский литературный язык, и его обособленность от массы местных жителей; 2) относительная узость круга лиц, владеющих русским литературным языком, характерная для XIX – первых десятилетий XX в.; 3) возможность использования языка чуванцев и камчадалов в функции языка-посредника в общении с другими народами (некто подобное и принял Ф. Ф. Матюшкин за торговый язык в 1820-е гг. на Аннойской ярмарке); 4) образовательная миграция (типичная для чуванцев), предполагающая освоение студентами русского литературного языка и возвращение их в этническую среду. Если бы языки чуванцев и камчадалов стали языком обучения и были бы включены в программы культурного строительства, они имели бы шансы превратиться в креольские языки или один креольский язык, избежавший в своем развитии стадии пиджина. Этого, однако, не случилось.

ВЛАСЕНКОВА Екатерина Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

КАТОЛИЦИЗМ, «СИЛЬНЫЕ БОГИ» И СИНКРЕТИЗМ: ИСТОКИ САНТЕРИИ И КАНДОМБЛЕ

Отличительной особенностью межкультурного взаимодействия в колониях Нового Света, является синкретизм не только материальной культуры, но и духовной жизни их народов. Позиции католицизма были чрезвычайно сильны в португальских и испанских колониях, где миссионеры-католики активно пытались обратить в христианство индейцев и невольников из Африки. Традиционные верования невольников были под запретом, но, тем не менее, прежние африканские верования не были вытеснены христианством целиком, равно как и католицизм не был воспринят в полном объеме. Постепенно африканские невольники начинали отождествлять своих божеств с католическими святыми, что, по мнению автора, было связано с желанием познания и приобретения к «сильным богам» европейцев. Отождествление африканских божеств с католическими святыми происходило относительно легко, ибо все святые обладали отличительными признаками и свойствами, а также выполняли определенные функции, как и африканские божества. Восприняв христианскую идею об аде и рае, африканцы начинают разделять мир

предков на части. Так зарождались афро-христианские синкретические верования – сантерия и кандомбле.

ДОБРОПРАВИН Николай Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

КРЕОЛЬСКИЕ ОБЩНОСТИ АМЕРИКИ: ПРОБЛЕМЫ РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ*

Среди африканцев, разными путями попадавших в страны Нового Света (рабы, законтрактованные рабочие, освобожденные рабы-солдаты, свободные), особое место занимали мусульмане. Из-за специфики религиозной ситуации в странах Америки реальная численность африканцев-мусульман в эпоху рабовладения занижалась. Вместе с мусульманами распространялся арабский язык, а также традиции, которые позднее были реинтерпретированы как общеафриканские. После прекращения работорговли и запрета рабства ранний ислам в странах Америки повсеместно растворился в христианской или синкретической среде.

В последние годы, особенно в США появилась тенденция к преувеличению роли мусульманского компонента в истории афроамериканцев и даже утверждения о том, что африканцы-мусульмане жили в Америке задолго до Колумба. Несмотря на популярность такой литературы, особенно среди черных мусульман в США, о серьезных доказательствах проникновения африканцев в доколониальную Америку пока говорить не приходится.

В XX в. интерес к африканским корням привел к реинтерпретации языкового наследия. У афроамериканцев США возникло представление о языке суахили как общеафриканском языке. В общностях, возводящих свое происхождение к Западной Африке, особый статус получил язык йоруба. Реальная лингвистическая ситуация в период формирования креольских общностей может быть восстановлена на основе изучения африканских заимствований в европейских языках Америки, а также письменных памятников африканской диаспоры, прежде всего мусульманской.

*Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Креольские общности: этнокультурные, этносоциальные и этнолингвистические аспекты генезиса и исторической динамики»).

ИВАНОВА Вероника Витальевна,
СИИМ Анна Юрьевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

ГОРОДСКАЯ КРЕОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА ЗАНЗИБАРА ГЛАЗАМИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТАВКИ «СОБИРАЯ И РИСУЯ ЗАНЗИБАР» НА ВОСТОЧНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ СПбГУ)*

Несмотря на смешение этнических и культурных общностей, составляющих креольскую культуру острова Занзибар, в ней сложилась статусная иерархия и профессиональная стратификация отдельных этноконфессиональных групп. Каждая из них вырабатывает собственное историческое видение и образ той общей культуры, носителями которой является все население. В этом отношении показателен пример занзибарских индийцев-католиков из Гоа, в частности, биография, творчество и общественная деятельность современного художника Дж. Б. да Силвы (р. 1937 г.). В 2010 г. в рамках совместного проекта научно-экспозиционного объединения молодых ученых МАЭ РАН «Музейная лаборатория» и Восточного факультета СПбГУ прошла выставка его работ. Творческая деятельность художника привела к тому, что пришедший в запустение Стоунтаун получил статус памятника архитектуры ЮНЕСКО. О Дж. Б. да Силве для США и стран Европы снято несколько фильмов. С 2009 г. да Силва – почетный житель Занзибара. Его картины сосредоточены в нескольких музейных и частных собраниях по всему миру.

КУЗЬМИНА Полина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, г. Санкт-Петербург

ПОПОВ Владимир Александрович

Псковский филиал Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, г. Псков

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У КРИО – КРЕОЛОВ СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

Этногеография креольских общностей исторически обусловлена трансокеанскими торговыми путями, проложенными в эпоху Великих географических открытий. В этом плане весьма показательны креолы Сьерра-Леоне, или криолы (эндоэтноним – крио). Их общая численность составляет не менее 800 тыс. чел., в том числе в Сьерра-Леоне – более 700 тыс., живут они также в Сенегале, Гамбии (где их называют аку) и Нигерии (здесь они известны как саро). Крио ведут европеизированный образ жизни, отлича-

*Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Креольские общности: этнокультурные, этносоциальные и этнолингвистические аспекты генезиса и исторической динамики»).

ются высоким уровнем образования. Большинство – англичане. Несмотря на свою малочисленность (менее 2% населения Сьерра-Леоне), крио занимают руководящие посты в государственном управлении, в сферах медицины, образования и юриспруденции, много их также среди ИТР и бизнесменов; из их среды вышли первые идеологи panaфриканизма и политические деятели стран, бывших британскими колониями (Нигерия, Гана, Гамбия).

Крио сформировались в XIX в. в результате смешения новаскоттианцев (новошотландцев) – детрайбализованных африканцев – бывших рабов, вернувшихся в Африку после отмены рабства в конце XVIII – середине XIX в. из Америки (США, Канады, британских владений в Вест-Индии) и высланных с Ямайки марунов, а также т. н. освобожденных африканцев – выходцев из различных регионов Зап. Африки, освобожденных при захвате англичанами невольничьих судов и доставленных во Фритаун (большинство из них – представители народов современной Нигерии: йоруба, игбо, фульбе и др.).

Сначала криолами называли только потомков новаскоттианцев, марунов и освобожденных рабов, родившихся в Сьерра-Леоне, но уже в 1870-е гг. так называли все африканское население колонии иммигрантского происхождения, обладавшее определенным культурным единством и существенно отличавшееся от обитателей внутренних районов Сьерра-Леоне. Новаскоттианцы стали ядром культурной консолидации для освобожденных африканцев и их потомков, при этом культура нового этноса обрела некоторые африканские черты, а родным языком стал крио, возникший на основе креолизованного английского языка британских колоний Сев. Америки и африканского языка йоруба.

До 1890-х гг. криолы в этнокультурном отношении ощущали свою близость к британцам и называли себя «черными англичанами». Лишь в конце XIX в. в результате политики «культурного превосходства» британцев и введения строгой территориальной и бытовой сегрегации начался рост антибританских настроений и осознание себя африканцами. В настоящее время большинство крио считает себя «африканцами» или «сьерра-леонцами» и частично ассимилируется с автохтонным населением.

ОКЛАДНИКОВА Елена Алексеевна

Высшая школа народных искусств, г. Санкт-Петербург

КРЕОЛЬСКИЙ СИНДРОМ В ТВОРЧЕСТВЕ ИНДЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ-АВАНГАРДИСТОВ США

Признаками креольского синдрома в творчестве современных индейских художников-авангардистов США являются бицентризм, инвайраментализм, экологическое сознание и воспроизведение базовых мировоззренческих постулатов традиционной символики тех племен, откуда эти художники ведут свою родословную.

Творчество Аниты Филдс, Норы Наранхо-Морс и Роксаны Свентцел является воплощением крупных эт-

нофутуристических постмодернистских проектов. Знаками-символами, интегрирующими по своей сути этноренессансное движение авангардистов выступают мифологические образы и объекты культа, которые составляют фонд музейных коллекций (сноловки, дождевые жезлы, ритуальные маски, нательные обереги и т. п.). Тексты интервью, которые эти художники давали журналистам, указывают на постулаты философии экологизма. Толкование этнофутуризма как мироощущения, но не мировоззрения, где на первый план выходит не рациональная, логически оформленная философская рефлексия, а глубоко эмоциональная, внутренне прочувствованная реакция современного человека на окружающий мир, раскрывает глубинную сущность творчества индейских художников-прикладников. Идеи, которые они генерируют в своем творчестве, образуют новое течение в художественной культуре Америки. Индейские художники, мастера в области авангардистского искусства, создают творческие ассоциации, которые работают под эгидой крупных американских музеев (национальных музеев в Ванкувере, Анкоридже, Санта-Фе и др.). Доминантными темами их творчества являются культ матери-прародительницы, изображение духов-покровителей и духов-хозяев сил природы, предметы традиционной материальной культуры.

ПОПОВ Владимир Александрович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

КРЕОЛИЗАЦИЯ КАК ЭТНОТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС*

Креолами обычно называют этнические общности смешанного происхождения, образовавшиеся в колониальный период, главным образом в Америке и Африке. Долгое время изучение креолов проводилось, да и сейчас осуществляется в рамках языкознания (как носителей креольских языков) или расоведения (как представителей мулатов, метисов, самбо и пр.). В современной этнологии креолам и креолизации как особому этнокультурному явлению уделяется неоправданно мало внимания. Между тем, креолизация – это, по сути, один из этногенетических процессов, когда из гетерогенных компонентов формируется новая этническая общность, этническая культура которой представляет собой синтез взаимодействующих этнических культур.

Другими словами, креолы – это особые этнические общности гетерогенного происхождения, говорящие, как правило, на специфических креольских языках (кроме латиноамериканских креолов, говорящих по-испански или по-португальски), при этом как расовая, так и лингвистическая составляющие не оп-

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Креолевские общности: этнокультурные, этносоциальные и этнолингвистические аспекты генезиса и исторической динамики»).

ределяют генезис и развитие таких общностей. Главное – это синтезированная культура, процесс формирования которой и есть креолизация.

Этот ряд («интеграция», «консолидация», «ассимиляция», «аккультурация»), вполне может быть дополнен еще одним этнотрансформационным процессом – «креолизацией». В условиях реализации тенденций к гомогенизации современной глобалистической культуры креолизация превращается в один из основных этногенетических процессов.

СИИМ Анна Юрьевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

СИНКРЕТИЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ И КРЕОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА АФРОБРАЗИЛЬЦЕВ*

Автор бразильской государственной идеологии «расовой демократии» Жилберто Фрейре приписывает африканцам особую цивилизаторскую миссию в колонизации Бразилии наравне с португальцами. В качестве «цивилизаторов бразильского общества» (*civilizadores da sociedade brasileira*), африканские рабы в новых условиях адаптировали элементы культуры доминирующего меньшинства плантаторов к своим жизненным нуждам путем упрощения или синкретизации. Большинство шаблонов сегодняшней материальной культуры афробразильцев связаны с антуражем и атрибутикой их синкретических культов *кандомбле* и *умбанды*, возникших как сочетание католицизма и африканских мировоззренческих систем; в основных внешних чертах она восходит к бытовому укладу «плантаторского сообщества» северо-восточных штатов Бразилии, которые первыми подверглись португальской колонизации и метисации. Воссоздаются для применения в культовых практиках вещи европейского происхождения, служившие в давние времена предметами престижа у африканцев (символика, одеяния, убранство интерьеров культовых зданий, сервировка ритуальной кухни). К креольским чертам относится языковой дуализм и способ изображения «божеств», включение символов иных религий помимо собственно католицизма. Образная система культов во многом отличается от йорубской *иле-ориша* (Нигерия), преемницей которой она считается. Это различие осознается последовательно культов и позиционируется как проявление и историческое наследие собственно афробразильской культуры. Новой ступенью креолизации является и современная тенденция приближения к африканским корням: волна новых, чисто африканских, заимствований в области материальной культуры, применение их как «правильных» и престижных предметов.

*Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Креольские общности: этнокультурные, этносоциальные и этнолингвистические аспекты генезиса и исторической динамики»).

СОБОЛЕВА Елена Станиславовна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ИМИДЖА МОЛОДОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО ТИМОРА)*

Восточный Тимор обрел независимость в 2002 г. после длительной антиколониальной борьбы. Молодое поколение тиморцев овладевает четырьмя официальными языками и учится вновь понимать символику традиционных предметов и ритуалов. В начале XXI в. многоуровневость сознания выражается концепцией: «Культура – в наших сердцах». Тиморцы ищут свою самобытность, отстраняясь от португальских и индонезийских элементов культуры, отчасти романтизируя прошлое и опасаясь усредненности. В деревнях воссоздаются Священные Дома, куда предполагается вернуть родовые и общинные ценности, включая останки сородичей, погибших вне родины.

Традиционная материальная культура в стране практически уничтожена, что осложняет создание Национального музея. В кабинетах чиновников, гостиницах, ресторанах широко представлены этнографические фотографии и изделия современных тиморских ремесленников, вытесняющие экспортные балийские. Публичные акции сопровождаются костюмированными песнями и танцами.

Международные неправительственные организации и частные лица помогают восстанавливать традиционные ремесла («Fundasaun Alola») и возвращать незаконно вывезенные с острова коллекции, обучают молодежь основам изобразительного («Arte Moris»), театрального («Gembel Art»), медиаискусства (*digital storytelling*), музейного дела и т.д. За пределами острова, в частности, продаются тиморские ткани, а португальский Институт Камоэнса с 2006 г. продвигает мягкую плоскую куклу (*Bonessa de Atauro*) как «первый сертифицированный продукт независимого Восточного Тимора». Находки археологов, свидетельствующие о древности культурного наследия, укрепляют имидж самобытной культуры этого многонационального государства Юго-Восточной Азии.

УСПЕНСКАЯ Елена Николаевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

САНСКРИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ ИНДИИ*

Современное индийское традиционное общество отличается феноменальной мозаичностью состава.

*Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Креольские общности: этнокультурные, этносоциальные и этнолингвистические аспекты генезиса и исторической динамики»).

Вместе с тем его социальное, этнокультурное, расово-генетическое и даже конфессиональное многообразие приведено к единому структурному началу, которое описывается в науке через концепт касты (*джати*). Это результат многовековых усилий брахманской жреческой элиты по созданию управляемой структуры общества и упорядочению ее структурных компонентов, и он связан с особыми достижениями индийских философов и идеологических работников в теории и практике обустройства «территории дхармы», с брахманическим способом социализации инокультурных соседей, который называется санскритизацией. Антитеза «культура – натура, первозданность» (*санскрити – пракрити*) стала идейной основой санскритизации. Культура в брахманическом понимании – это образ жизни и мировоззрение индоарьев.

Культура кастового общества дискретно-вариативна: индуизм не подавляет самобытные начала

жизни индийских этносов («их такими создал бог»). Он верифицирует их, что-то берет в свой ресурс идей и представлений, а что-то объявляет подлежащим усовершенствованию, создавая большое разнообразие вариантов нормы.

Санскритизация инородных этносов в кастовом обществе привела к сегментации общественного организма, консервации архаичных моделей и форм этносоциального развития. В процессе аккультурации и социализации этносов, вполне субстантивированных к началу своего вхождения в него, формируются этнокастовые общности. Многие из них «надели» на себя кастовую форму, будучи внутренне стратифицированными, поэтому содержат в своем составе *джати* разной профессиональной специализации. Даже появление европейцев осмысливалось брахманами как вписывающееся в этнокультурную парадигму санскритизации.

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Креольские общности: этнокультурные, этносоциальные и этнолингвистические аспекты генезиса и исторической динамики»).

Секция 6. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛО-АЛТАЙСКОЙ СЕМЬИ НАРОДОВ: МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Руководитель: д. филос. н., проф. Юрченкова Нина Георгиевна (Саранск)

АМИНЕВ Закирьян Галимьянович

Институт гуманитарных исследований

АН Республики Башкортостан, г. Уфа

ОТРАЖЕНИЕ КОСМОГОНИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ БАШКИР В ЭПОСЕ «УРАЛ БАТЫР»

Среди богатого фольклорного наследия башкирского народа архаичностью выделяется эпос «Урал батыр», содержанием которого являются космогонические мифы. Анализ эпоса показывает, что основным содержанием его является поиск ответа на вопрос – «кто, когда, каким образом и из чего создал этот мир со всеми его составляющими, и человека в нем?».

Мир в эпосе «Урал батыр» возникает из водного хаоса / безбрежного моря (по-башкирски: «дингез»), которому предшествовала мгла (по-башкирски «монар»), который превращается в туман и болото. В этом болотисто-туманном мире, окруженном со всех сторон безбрежным морем, неизвестно откуда и как появляется некая точка (по-башкирски – «берурын»), где появляются мужчина по имени Янбирде (Душу давший) и женщина по имени Янбика (Прекрасная душа). У этих двоих перволюдей рождаются двое сыновей – старший Шульган и младший Урал. Весь Мир/Космос (по-башкирски «Донъя») в башкирской космогонии возникает в ходе борьбы двух братьев. Старший становится олицетворением всего, что вредносно человеку и всему живому, а младший – создателем светлого, человеческого мира. С выходом в путь братьев, та некая точка, где они появились, начинает увеличиваться, расти, т. е. в ходе их движения появляются такие категории Мира, как пространство и время, а также другие составляющие.

Анализ эпоса показывает, что действия Урала по созданию из водного хаоса суши напоминают мотив «пахтанья моря». Урал своим мечом, подобно мутовке, мешая воды первоначального моря и, уничтожая обитающие там вредоносные существа, создает сушу – складывает первоначальный холм, под которым башкиры, по принципу древнего этноцентризма, подразумевали родные Уральские горы.

БУРНАЕВ Александр Гаврилович

Мордовский государственный университет

им. Н. П. Огарева, г. Саранск

МИФОЛОГЕМЫ МОРДОВСКОЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Основные знаковые системы и их составляющие в народной культуре привязаны к мифологеме прошлого. В этнической культуре мордвы существует особая знаковая система. Есть рождение и смерть,

есть начало и конец, а между ними – свадьба. Свадьба, самая обширная и важная, состоящая из разнообразных знаковых элементов. Она стягивает в единую точку весь смысл существования – жизнь мордвы. В мордовской культуре две основные группы знаков. К первой группе относятся вещно-пластические знаки, применяемые в этническом танце мордвы как украшения, металл с его звуковыми эффектами, горящая свеча (штатол), предмет языческого обожания символ семейно-родового культа и мужского начала, обнаженное женское тело, статичные положения рук, удары ног. Вторую пространственно-временную группу представляют «красный» угол в доме и подпол, душа в виде зеленой бабочки, гроб в погребально-поминальных обрядах.

Примером служит балет «Игра в свадьбу». В основе спектакля причудливые фантазии маленькой девочки и картины мордовской свадьбы. Она сидит на сундуке, проходит через живые «воротца» (символ времени) и превращается в невесту, вырывает из головы клок волос, вдевает в кольцо с розовой лентой (цвет невинности), делает многоженство поклонов на восток, просит богов о покровительстве и плодородии. Обряд очищения происходит в бане путем мытья волос, лица, рук, ног. Подруги невесты гадают, завязывают невесте глаза и водят хоровод: в руках каждой кольцо, нанизанное на цветную ленту, схожую с каким-то цветом радуги, олицетворяющим определенное божество. Практическое (сценическое) воспроизведение мордовской свадьбы требует от хореографа использования всего знакового пространства этнической культуры.

ЗАКИРОВА Ильсеяр Гамиловна

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова

АН Республики Татарстан, г. Казань

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТАТАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ, СВЯЗАННЫЕ С КУЛЬТОМ ВОДЫ

В мифологии вода предстает началом бытия. Мир зарождается в воде или от комочка земли, поднятого со дна Мирового океана. Вода – эквивалент первоначального хаоса. Она – стихия рождения, обновления. Мифологические мотивы, связанные с культом воды, можно разделить на две группы: сакрализация самой воды и мотивы, связанные с хозяевами воды. Сакрализация воды переплетается с возвышением хозяина воды. В фольклоре многих народов, в том числе у татар, нашло отражение верование о живой и мертвой воде. Культ священных источников и родников, способных исцелять от любых болезней, также восходит к поверьям о живой и мертвой воде.

В обычае татарского народа «забор рассветной воды» также отражается вера в целебные силы воды. В фольклоре известны персонажи, связанные с водой, представители водной стихии. Самые популярные из них – Су анасы и Су кызы. Главной героиней татарского эпоса также является девушка-водяная – Су-Сылу. Вода означает и дорогу в потусторонний мир. Она является границей между мирами. Это верование также нашло отражение в татарском фольклоре.

ЗИНУРОВА Рафиля Рафкатовна

*Институт истории, языка и литературы УфимНЦ РАН,
г. Уфа*

БАШКИРСКИЕ БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ НА МОТИВ РОЖДЕНИЯ ОТ МЕДВЕДЯ

Доклад посвящен мотиву чудесного рождения от медведя. В сказке медведь силой уводит старуху в лес, принуждает ее к сожительству и у них рождается сын с большими медвежьими ушами. Медвежий сын, необычайно быстро растет и обладает огромной физической силой.

Мотив о чудесном зачатии и чудесном рождении детей очень древний, характерен для мифологии многих народов. Этот мотив встречается и в башкирских богатырских сказках. Его истоки возникли в период матриархата, когда появились мифологические представления о чудесном зачатии от тотема-первопредка.

Все эти мотивы зачатия, не что иное, как сохранившиеся следы той глубокой древности – эпохи матриархата, когда первобытный человек не знал причинной связи между половым общением и зачатием.

ЗУБОВ Игорь Васильевич

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

РЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ В ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ДЕЙСТВИЯХ МОРДВЫ

С принятием христианства у мордвы трансформируются многие мифологические представления. В противовес имеющимся в финно-угорском мире примерам преобладания православной традиции здесь происходит скорее расширение пространства осмысления традиционной веры. Одним из важных условий адаптации к нововведениям являлась театрализация, в которой парадигмально ретранслировались и осваивались иноэтничные ценности, происходил процесс их сопоставления и отбора в сравнении с собственным мировоззрением. Игра начинает выполнять помимо сакральной еще и интерпретативную функцию, с помощью которой усиливается кристаллизация и закрепление новых элементов культуры.

В силу распространенности театральных действий в обрядовой и не обрядовой практике, игровое народное искусство в XX в. занимает (наряду с фольклором) ведущие позиции в воспроизводстве мифологи-

ческого миропонимания, придавая ему характер праздничности, вседоступности. Именно через игру происходит построение новой модели этнической рецепции, адаптированной под менталитет мордвы (эрзи и мокши). В этом контексте театральное искусство этноса становится важным объектом для комплексного изучения, нуждающемся в аксиологическом осмыслении, рассмотрении его как объективно значимой ценности и шире – неотъемлемой части содержания культуры финно-угров России.

ЗУБОВА Екатерина Владимировна

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ МОРДОВИИ

В 30–40-е гг. XX в. отсутствие достаточного опыта в создании художественных произведений стало причиной частого обращения начинающих мордовских авторов к мифологии и фольклору. Самобытные представления мордвы об окружающем мире, находили самый живой отклик как в писательской, так и в читательской среде. Наиболее благодатной почвой для написания рассказов, повестей, пьес, стала мордовская народная сказка, которую трансформировали впоследствии в литературные произведения многие известные писатели.

К концу XX – началу XXI вв. с новой силой встает проблема самосознания, самоидентификации этносов, этнических групп и наций, их культурного многообразия. Она была быстро подхвачена писательской средой, которая всегда стремилась отражать характерные черты развития общества. Анализ творчества современных авторов позволяет сделать вывод о том, данный фактор повлиял на основную тенденцию периода – поиск методики вплетения в сюжетную линию элементов традиционного мировоззрения и их адекватной ретрансляции в художественном произведении. В настоящее время предпринимаются попытки решения одной из важных проблем в национальной литературе – проблемы воплощения творческого замысла, в процессе которого выстраивается объектно-знаковая система, гипотетически объединяющая в тексте идею творца и восприятие читателя.

ИЛЬИН Дмитрий Фёдорович

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

КОНЦЕПЦИЯ К. Г. ЮНГА И АРХЕТИПИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

К настоящему времени в современной художественной культуре и в первую очередь, в изобразительном искусстве сложилась традиция – использование художником в своем творчестве мифологических или, в целом, этнических мотивов, незамедлительно

некритически расценивать их как имеющие в своей основе глубокие национальные корни. И здесь представляется перспективным обращение к аналитической психологии швейцарского психолога К. Г. Юнга и разработанной им теории архетипа.

Однако насколько правомерно говорить об архетипичности искусства отдельных современных художников, об их опоре на архетипы национальной культуры только на основании их принадлежности к этносу или использования ими национальной символики и мотивов мифологии?

Особое внимание обозначенная проблема заслуживает применительно к такому модному художественному направлению, как этнофутуризм. Именно потому, что этнофутуризм пытается представить «старое», «забытое» наследие предков, используя новые формы культуры, часто рассматривается как наиболее полноценный источник знакомства с архетипами, нежели реалистическое искусство. Но воплощение мастером этнического, реализованного в использовании характерных мифологических сюжетов и персонажей, для чего, кстати, этнофутуризм хорошо подходит, не является достаточным основанием заявлять об искусстве художника и данном направлении как архетипическом.

КИРИЛЛОВА Роза Владимировна

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ В ЛИРИКЕ М. П. ПЕТРОВА

XX век не только усилил интерес людей к мифам как важному компоненту традиционной культуры, определяющему многие парадигмы человеческого мышления, но чрезвычайно расширил наши представления об этом феномене – мифе, его функциях и структуре, тесных связях с индивидуальной психологией творчества. Обращение к удмуртской мифологии в литературе последнего времени стало нормой.

Поэзия удмуртского классика М. Петрова – это, прежде всего, звучание пра-слова, когда за знаковым образом ощущаются голоса далеких предков, тени различных праобразов. Окунувшись в его поэтический мир, где слова значат не только то, что они значат, можно выделить три сферы, мифа: внешний мир природы, космогонический мир предков и внутренний мир поэтического «я». Синтез этих трех миров создает неразрывное единство художественного целого, где определяющей категорией является национальное.

Новый литературный миф непосредственно и генетически связан с мифом архаическим через фольклор, так как в процессе развития литература обращалась к мифологии за готовыми образными формами. Цельность лирической системы М. Петрова сформирована его «самобытным поэтическим видением мира и художественно выстроенным образом мира», где, в свою очередь, прослеживается неразрывная связь с национальной культурой, религиозно-мифологическими, нравственно-этическими и эстетиче-

скими воззрениями народа на мир. В контекстуальном сцеплении слов и подтекстуальном фоне его произведений заключено языческое, пантеистическое мировоззрение удмуртского народа, этноса, для которого мир – в неотторжимости человека от природы и космоса.

ЛОМШИНА Елена Николаевна

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
г. Саранск*

АРХЕТИП СМЕРТИ В МИФОЛОГИИ МОРДОВСКОГО ЭТНОСА

Цикличность восприятия времени в традиционной культуре мордовского этноса представлена через жизнеорганизующий образ смерти. В культуре мордовского этноса создан образ «карнавальной смерти» («свадьбы по умершему» «праздник возвращения»), хотя это понятие имеет ряд значимых отличий от западноевропейской карнавальной народной жизни. Мордовская празднично-смеховая культура предполагала локально-общинную направленность, а не всенародность, чем объясняются, например, различия в сроках проведения обрядов, их названия и формы. Через обрядовый смех происходило преодоление смерти, толчок к воскрешению. Смех был тесно связан с идеей круговорота времени, сменой времени года, – солнечным циклом – вечным повторением и возвращением.

Противопоставление понятий «жизнь» – «смерть» включается в систему круговорота в природе, умирания и воскресания. Смерть воспринимается как начало жизни в новом качестве. Так, мифологические героини – Литова, Сыржа, чтобы избежать замужества без любви, обращаются к божествам и умирают, чтобы затем улететь в небеса и возродиться. По своей функции обряды умирания и воскрешения тождественны, например, оргиастическому катарсису дионисии, их цель – нравственное воскрешение и перерождение индивида.

Возникающие архетипы, связанные с цикличностью, несомненно, предполагают требования сохранения традиций, ритуально-моральных предписаний, нормативного поведения членов общины.

МАРЧЕНКО Галина Ивановна

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
г. Саранск*

ГЕНДЕРНЫЕ ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБЛИКА ГЕРОЕВ В МОРДОВСКОЙ МИФОЛОГИИ

Глубоким и многозначным символом народной поэзии мордвы является дерево. При описании внешности героев фольклор обращается к образам могучих, стройных деревьев, символизирующих жизнь. Причем, народная поэтическая традиция даже внутренний мир героев отражает с помощью образа дерева. Бесполезный герой в безвыходном положении отождествляется со срубленным поваленным деревом.

В фольклорной традиции дерево в зависимости от ситуации может олицетворять как женское, так и мужское начало. Хотя в фольклоре существуют образы деревьев, которые имеют констативный смысл: яблоня у мордвы обозначает только девушку-невесту. Дуб – это парень-жених крепкого телосложения, мужчина. В некоторых случаях в мордовском (мокшанском) фольклоре береза может символизировать и парня.

Сосна и ель, как правило, олицетворяют мужское начало и являются символами рекрута, солдата, отправляющихся в поход и думающих о своей дальнейшей нелегкой судьбе. Возможно, именно поэтому образы этих деревьев наполнялись новым смыслом: одним своим присутствием они выражали тоску, печаль, горе.

Несмотря на подобную гендерную дифференциацию в мордовской мифологии некоторые символы флоры могут обозначать одновременно как женское, так и мужское начало. Так, рябина в зависимости от контекста, может символизировать и парня, и девушку.

Таким образом, уподобление персонажа дереву в мордовской мифологии является одним из основных приемов портретной характеристики героев.

ПАШУТКИНА Валентина Николаевна

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

ОБРАЗЫ ВЕРХОВНЫХ БОГОВ ЭРЗИ И МОКШИ В ОПИСАНИИ У. ХАРВЫ

Анализ верховных богов Эрзи и Мокши Харва дал в книге «Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen» (Helsinki, 1952). Верховный бог мокшан Шкай (создатель, творец) или Шкабаваз, Шкайбаз, Шкабаз, где «паваз», «паз» иранского происхождения, у эрзян Шкипаз, Нишке (Нишки) или Нишкепаз. Харва указывает, что П. И. Мельников и В. Н. Майнов ошибались, отождествляя *Нишке* (творец) и *нешке* (пчелиный улей), отчего следовал вывод, что Нишке является богом пчел. Нишке есть краткая форма имени *Инешке* (Инешки), состоящего из *ине* (большой) и *ики* (творец). Имеются верховные женские божества: *Нишке-ава* или *Шки-ава* (жена Инешки) и *Шкайпаз-ава* (жена Шкайпаза). Нишке-ава предстает, подобно персонажам финских народных песен, многогрудой. У Верховных богов есть дочери и сыновья, которые женятся на богинях (миф о Левонтее и дочери Инешкипаза Везорго).

Харва описывает обряд замещения человеком верховного бога, возникшего под влиянием обычая выбирать исполняющего функции поминаемого на поминках.

Верховные боги – антропоморфные существа, вступают в контакты с людьми в сфере хозяйственной и социальной деятельности, брачных связей; олицетворяя разум, свет, добро, красоту, справедливость, не совершают действий, направленных против людей, хотя, если тот или иной человек проявляет неуважение к ним, могут его наказать.

САПУНОВА Елена Николаевна

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

МИР СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО В МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Художественный мир условно подобен первичной реальности. Однако мера и степень условности в разных произведениях различна. Тонкая грань между реальным и сверхъестественным, переход сюжета из одного мира в другой – одна из перспективных проблем национального литературоведения. Писатели Мордовии зачастую используют для усиления эффекта нереального методiku нарушения известных читателю физических, психологических, причинно-следственных и иных закономерностей, что приближает ее к определению «фантастическое». Таков, например, цикл рассказов Л. Седойкина «Ведунт – муницят» («Ведьмы-колдовки»), события разворачиваются вокруг ситуаций, которые трудно понять и объяснить простому человеку. Вымысел автора, основанный на знании о сверхъестественных существах, их свойствах помогают ему в создании особого – вымышленного, нереального мира.

Схожий подход в прорисовке композиции наблюдается в сборнике Т. Барговой «Вечкемань усият» («Острова любви»). Отличительной особенностью ее произведений является наиболее частое использование в рассказах особого психологического настроения человека, через который к нему приходят сны, слухи, галлюцинации, сумасшествия. В сборнике Т. Барговой от начала до конца присутствует образ «Бога», который является исходным началом всего вокруг, центром устройства мира. Автор моделирует еще один мир, состоящий из чувственно-наглядных, эмоциональных, фантастических образов, мифических верований.

Особая напряженность сюжетного действия, приемы, используемые авторами, создают необычный и интересный художественный мир сверхъестественного, поддерживая тем самым читательский интерес к национальной прозе.

СВЯТОГОРОВА Варвара Сергеевна

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
г. Саранск*

ТЕЛО КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРА В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ МОРДВЫ

Центрирование мира, способы его описания, маркировка в традиционной культуре (мифологическом / мифопоэтическом мышлении) изначально были ориентированы исключительно на человека и преимущественно на его телесную составляющую. Миф описывает мир как тело (единое, совершенное, целокупное, понимаемое в финно-угорской традиции как результат контаминации мотивов ныряющей водной птицы и мирового яйца) и тело как мир, приравненный в своих важнейших природных проявлениях (рождение, смерть, инициация) большому космосу.

Способность на этом основании воздействовать на него магически, характерная для большинства культурных практик, имеет в основе своей мифологическую составляющую.

В обрядовой практике это находит отражение в ходе так называемых обрядов выключения, отделения от пространства девичества и родительского дома. Здесь пространство описывается в категориях телесности, и сама невеста выступает как часть космического пространства, как космическое тело. В текстах заговоров от различных заболеваний, особенно от сердечной боли, где сердце как центр как бы вбирает в себя элементы окружающего пространства, восстанавливая тем самым свою целостность. Расстояние измеряется свойствами человеческого тела – распространением (длительностью слышимого человеческого ухом звука) голоса, степенью освоённости человеком пространства (звуки села, крик петухов, запах хлеба и дыма печи). Посмертное тело, ставшее частью земли, продолжает оказывать влияние на живущих. Тело человека есть универсальная жертва при закладке дома, городской стены, то есть в моменты преобразования космоса, освоения пространства. Отголоском данного обряда можно считать закладывание женского головного убора в фундамент печи – важнейшего функционального элемента жилища.

ТАГИРОВА Фяридя Инсановна

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
АН Республики Татарстан, г. Казань*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ КОДОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА ВОЛК)

Образ волка и связанные с ним мотивы являются одними из самых широко распространенных в мировой мифологии. Такая распространенность во многом объясняется их исключительной архаичностью. В них нашли отражение тотемические представления родоплеменного общества. Так, мотив родства героя с тотемом, его способность к перевоплощению, зооморфная внешность и т. п. сохранились в различных жанрах фольклора как тюркских, так и славянских народов (татарская сказка «Ак бүре», русская былина о Волхе (Вольге) Всеславьевиче, сербский эпос о Змее Огненном Волке и т.п.).

Основным носителем исторически сложившихся этнокультурных кодов в языке, в первую очередь, является фразеология. Анализ лексико-фразеологического фонда и паремий разных языков с компонентом «волк» позволяет составить представление о том, с какими качествами ассоциируется образ волка и какие смыслы исторически закрепились за словом волк. Анализ показывает, что слово волк в рассматриваемых языках (русском, некоторых славянских языках, татарском, турецком и других тюркских языках) имеет коннотации: предвестник удачи, сила, постоянство нрава, независимость и свободолюбие, смелость,

жадность, свирепость и кровожадность, простоватость и глупость, бескорыстие, ум, постоянство, отвага, мрачность, ловкость, ум, знание своего дела, хитрость, мудрость.

УЧАЙКИНА Наталья Ивановна

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
г. Саранск*

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ КАК СПОСОБ ПОСТИЖЕНИЯ СМЫСЛА СУЩЕСТВОВАНИЯ

Для понимания сущности культурного развития человечества необходимо уяснение универсального и специфичного для отдельных народов. Из мозаики национального культурного многообразия складывается представление о культуре в целом, человечество поднимается на уровень осознанности и обретения смысла своего существования. В этом ключе необходимо скрупулезно изучать источники, в которых зашифрован этот смысл – это мифологические образы и системы различных народностей.

При прояснении сущности мифологического восприятия мира наиболее действенным, на наш взгляд, будет принцип эволюционизма, в котором история человеческой культуры предстает в ее развитии. Принцип эволюционизма представляет также плодотворную идею единства человечества, вследствие чего становится возможным сравнение человеческих обществ и культур независимо от их различий – политических, экономических, культурных, расовых, географических. В этом ключе особую значимость приобретают культуры малых народов, особенно начальная стадия их становления. Она выражается в мифологических образах, отражающих структуру как космического, природного мироздания, так и человеческого существования в нем. Именно мифы, не подвергнутые профессиональной литературной обработке, представляют неоценимый материал, содержащий в себе символическое знание о сущности бытия. Оно должно быть подвергнуто тщательному анализу с целью выявления истоков становления культуры, что позволяет прояснить ее смысл и закономерности развития. Анализ аксиологического аспекта мифологического восприятия является необходимой составляющей в исследовательском процессе.

ШАКУРОВА Шаура Рашитовна

*Институт гуманитарных исследований
АН Республики Башкортостан, г. Уфа*

О ГЛАВНОМ ГЕРОЕ ЭПОСА «УРАЛ-БАТЫР»

Урал-Батыр – главный герой башкирского народного эпоса «Урал-Батыр» (и двух сказочных версий), сын первых людей – Янбирде (букв. с башк.: давший душу) и Янбике (букв. с башк. душа-госпожа). Когда эти люди были бессмертны. Но старший брат Урала Шульган нарушил табу и поверг мир первых людей в хаос, на земле появилась Смерть, а люди стали смертными. Так братья стали олицетворять две силы,

находящиеся в вечной борьбе (дуализм): светлые силы добра Якшылык (Урал) и темные силы зла Яманлык (Шульган). Теперь перед ними – долгий путь в поисках бессмертия.

В эпосе мы не находим описания внешности Урал-Батыра, что характерно для текстов раннего периода (подробные описания характерны для поздних форм эпоса), то же относится и к теме взаимоотношений героя с прекрасным полом (здесь все подчинено требованиям родового коллектива). Главное для Урал-Батыра – служение светлым силам добра Якшылык: он совершает подвиги, спасая поработенные роды от жестокого царя Катила, борется с потопом, который принесли на землю дивы, создает из тел поверженных дивов и змей земную твердь, где народ спасается от ужасного потопа. Его помощники небесный конь Акбузат и алмазный меч царя неба и птиц Самрау.

В финале Урал-Батыр находит мифический источник бессмертия – Йэншишмэ (букв. Родник души). Но герой отказывается от личного бессмертия. Батыр выражает главную идею эпоса: смерть не имеет значения, все в мире бессмертно, потому что бессмертна душа. Урал-Батыр стал олицетворением Уральских гор и одним из важнейших поэтических символов башкирской национальной культуры.

Эпос содержит древнейшие мифы, описывающие время первотворения, поэтому Урал-Батыр содержит в себе и черты мифического героя, а также несет в себе и черты культурного героя-мироустроителя.

ШАРОНОВ Александр Маркович

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

ПОНЯТИЕ ГЕРОЯ В ЭРЗЯНСКОМ ЭПОСЕ

Герой в эрзянском эпосе выступает как царь-мироустроитель, создатель государственности, социальный демиург, сын бога грома и дождя Пурьгинепазы и земной девушки Литавы. Персонифицирован в образе царя Тюштяна. Героические свойства приобретает после всенародного избрания царём. С этого момента боги Инешкипаз и Пурьгинепаз наделяют его мудростью государственного деятеля, покровительствуют ему при исполнении им обязанностей правителя народа, при помощи чудесных вестников (пчелиной матки, трёх ласточек, Белого Лебедя, Чёрного ворона с железным клювом) сообщают о надвигающейся угрозе. Став царём, Тюштян вносит в общество порядок, закон, новые обычаи, преодолевает первобытную стихию и хаос. Главное оружие в его деятельности – разум, воинские и богатырские подвиги совершаются лишь тогда, когда они вынуждаются силой обстоятельств. Образ Героя сформировался в эпоху военной демократии и раннего феодализма, поэтому в нем присутствуют признаки мифологического и исторического деятеля, родоплеменного вождя и царя.

Кроме Тюштяна героями являются Чудесный Гурьян, Сабан-богатырь, девушка Литавы, Азравка,

Васальге и др. Чудесный Гурьян избирается царём, имеет божественное происхождение, ему покровительствуют боги; Сабан-богатырь совершает один подвиг – повергает русского богатыря, когда тот провоцирует борьбу с ним, в нём герой только намечается, его сила, как и сила Святогора, неразумна; Литавы рождает от Пурьгинепазы сына, который становится правителем эрзян, – тюштяном.

ШАРОНОВА Елена Александровна

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

ВЯЙНЕМЕЙНЕН И ТЮШТЯН: ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ

Типология образов Вайнямейнена и Тюштяна, центральных персонажей «Калевалы» и «Масторавы», выражается в том, что они культурные герои, демиурги. Вайнямейнен творит мир из яйца, создаёт скалы, рыбные ямы, добывает огонь из чрева огненной рыбы (лосося); Тюштян организует государственность, учит людей жить согласно законам, обычаям. Оба они обладают магическими способностями оказывать воздействие на природу и людей (Вайнямейнен словом, пением, Тюштян – взмахом железного жезла, платка, звучанием медной трубы). Есть сходство между кантеле Вайнямейнена и медной трубой Тюштяна. Параллель содержит уход Тюштяна и Вайнямейнена в конце их жизни. Уходя, Вайнямейнен оставляет народу кантеле, Тюштян – медную трубу. Вайнямейнен уходит ввиду появления молодого героя, Тюштян – в связи с наступлением смерти. Вайнямейнен конфликтует с народом, выражает недовольство его отношением к себе, Тюштян расстается с ним при огромной любви с его стороны. Вайнямейнен уходит, исчерпав возложенные на него мифологическим сознанием функции, Тюштян возносится на небо, сохранив огромную историческую перспективу и поэтому после него правителем становится его сын, который продолжает его миссию. При наличии известного сходства Вайнямейнен и Тюштян стадийно разные герои: Вайнямейнен – герой родоплеменного эпоса, Тюштян – раннеклассового эпико-исторического. Поэтому в Вайнямейнене больше мифологического (волшебного, фантастического, демиургического), в Тюштяне – исторического, реалистического, приближенного к действительным явлениям и событиям, связанным с действующими в природе и обществе причинно-следственными факторами.

ШАХОВ Павел Сергеевич

Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, г. Новосибирск

О МЕТОДАХ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ МОРДВЫ СИБИРИ

При изучении музыкальных традиций сибирской мордвы, с одной стороны, необходимо привлечение

широкого опубликованного материала и архивных источников о музыкальных традициях европейской мордвы. Это важно для сравнительного изучения жанрового состава, вопросов музыкальной стилистики, проблем интонирования и других задач музыкально-фольклорной компаративистики. С другой стороны, имеются материалы для исследования динамических процессов в фольклорных традициях мордвы Сибири. Предваряя перспективное изучение, для начала необходимо создание некоторой общей электронной базы данных о полевых источниках музыкально-фольклорных традиций сибирской мордвы. Создание такой информационной базы поможет исследователям включить фольклорное наследие сибирской мордвы в научный оборот, представить более целостную, динамичную картину фольклора мордовских переселенцев и выделить устойчивые элементы музыкальных традиций самого многочисленного финно-угорского российского этноса. По мнению исследователей, музыкальная стилистика сибирской мордвы представляет собой самостоятельный интерес для мордовской фольклористики, что ещё больше актуализирует проблему изучения региональной специфики музыкально-фольклорных традиций мордвы Сибири.

ШЕЯНОВА Ирина Ивановна

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

«РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ДОМ» – ГЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРНЫЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК МОРДВЫ

«Рождественский дом» – праздник, посвященный покровителям домашних животных. Начало праздника приходилось на последнюю ночь перед зимним солнцестоянием и длился до Крещения (7–19 января нового стиля). В прошлом у мордвы это был один из самых главных календарных земледельческих праздников плодородия и изобилия. Считалось, что чем больше народу приходило в «Роштувань куд», тем действенней становились благопожелания, а люди, отдавшие свой дом для проведения праздника, считали это за честь и хорошее предзнаменование.

Праздник начинался с группового пения благопожелания, обращенного к покровителю, с просьбой о хорошем урожае, увеличении семьи и приплода скота (колядки). Пение или предшествовало, или сопровождало коллективную ритуальную еду. Обязательным ритуальным блюдом была свинина, обычно свиная голова. Образ свиньи ассоциировался с ритуаль-

ным животным, олицетворяющим плодородие земли и домашних животных. После ритуальной еды и пения благопожеланий начинались традиционные пляски молодежи. Обязательным ритуалом была пляска с поднятыми вверх руками, согнутыми в локтях (символ обращения к солнцу), а так же игра – «Пляска медведя» (офтонь кштима, м.), которая сопровождалась особыми инструментальными наигрышами.

ЮРЧЕНКОВА Нина Георгиевна

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск*

СУДЬБА И ЕЕ ПОКРОВИТЕЛИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ МОРДВЫ*

Понятие «судьба» по праву занимает центральное место, как в осмыслении сущности человека, так и в определении путей развития культуры и цивилизации.

В различных культурах мифологическое мышление нередко отождествляло понятие судьбы с женскими божествами. У мордвы, в отличие от других народов, персонификации судьбы не зафиксированы. По нашему мнению, их роль выполняют иные, сопредельные мифологические персонажи. Прежде всего, это духи-«хозяева», которые так или иначе предстают в качестве предвестника будущего. В мордовской мифологии даром предвиденья событий, судьбы человека обладают хозяйка леса Вирь ава, домашние божества-покровители. Хозяйка дома Куд ава в преддверии смерти или беды в доме начинает стонать, плакать, а домовая Кережочка перед несчастьем предупреждает своего хозяина по-особому: звенят стекла у окон, трескается матица. Богиня урожая (Норов ава (э.), Пакся ава (м.)) во время цветения ржи в полночь дает знать о предстоящем хорошем урожае свистом, о неурожае – воплем. Явление бежеств-покровителей воды Ведь авы или Ведь ати, будь они в зоо- или антропоморфном облике, уже само по себе осмысляется как недоброе предзнаменование. Случается, что вскоре после такого видения тонут люди или крестьянскому хозяйству наносится урон.

К судьбоносным божествам мордвы можно отнести мать богов Анге патяй, являющейся самой лучшей пряхой. Как и другие богини пряхи, она обладает способностью определять судьбу человека при рождении.

Способами узнавания судьбы у мордвы могут выступать пророчества, гадания, магические действия, а также сны и сновидения, в свою очередь требующие истолкования.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Мордовская мифология: генезис и трансформация» № 09-01-23106 а/В.

Симпозиум 6

СЕМЬЯ. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

Секция 1. ИНСТИТУТЫ ПРАВОСУДИЯ НАРОДОВ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН: КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

Руководитель: к.и.н. Новикова Наталья Ивановна (Москва)

АБАЗОВ Алексей Хасанович

*Институт гуманитарных исследований
Правительства Кабардино-Балкарской Республики
и Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик*

ИНСТИТУТ ХАБЗЭНШЭ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ КАБАРДИНЦЕВ

В настоящее время юридическая антропология кабардинцев находится на стадии становления. Она еще не получила должного осмысления как система научных знаний, несмотря на то, что многие институты правовой культуры этого народа исследовались в рамках этнологической и историко-юридической проблематики. Важным условием обособления юридической антропологии кабардинцев как самостоятельной науки является формирование ее понятийного аппарата. Остается до конца не решенной проблема установления смысла и содержания категории хабзэншэ (каб. – нарушитель адатов). Как и у других адыгских народов, у кабардинцев, если виновный в совершении преступления, оказывался неплатежеспособным, то он терял свободу и становился рабом.

У кабардинцев в XVIII–XIX в. перевод преступника в низшую сословную группу как вид наказания за преступление применялся только в отношении лаганатуов (крепостных крестьян). Нам удалось установить, что перевод лица в низшую сословную группу в упрощенном понимании сводился к порабощению. Это подтверждается и материалами полевых исследований. Некоторых рабов у кабардинцев часто называли хабзэншэ. В отношении женщин такой вид наказаний применялся за нарушение ими супружеской верности или неповиновение мужу. Эта норма была закреплена в адатах кабардинцев. В докладе делается вывод, что термин хабзэншэ очень тонко отражал сущность и особенности института перевода крепостных крестьян в рабство, как вида наказания за нарушение некоторых норм кабардинского обычного права.

АБАЗОВ Алексей Хасанович

*Институт гуманитарных исследований Правительства
Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского
научного центра РАН, г. Нальчик*

СКИБА Константин Викторович

*Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник им. Е. Д. Фелицина, г. Краснодар*

ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ АДЫГОВ

Абрек (абрэдж), хаджирет (хьэжрэт), психадзе (псыхэдзэ), джигит (джигит), хубхадед, харцыз (хьерсыз),

карамзада (кырымзадэ), мюрид (мюрид), мутази (мутази), хехес (хэхэс) – эти термины довольно часто встречаются в архивных и нарративных источниках по истории Кавказской войны. Следует отметить, что в отечественной историографии до настоящего времени еще не выработана единая точка зрения по проблемам дефиниции этих определений. В юридической антропологии адыгов эти понятия до сих пор не разграничены. По нашему мнению, подмена понятий в исторических исследованиях обусловлена рядом факторов, основанных на методологическом плюрализме в изучении особенностей Кавказской войны. Во-первых, существенно отличается характер содержащихся в трудах авторов разных поколений взглядов и суждений, которые трансформируются вместе со сменой государственно-политических режимов. Во-вторых, в правовых культурах каждой из адыгских субэтнических групп сформировались различные обозначения схожих по смыслу явлений. В-третьих, со временем семантика анализируемых терминов менялась под воздействием качественно разных факторов. Все это в разное время зачастую приводило к ошибочным отождествлениям этих понятий. Для их дифференциации в работе была проделана попытка проследить этимологию каждого из них. В работе делается вывод, что каждый из анализируемых дефинентов, независимо от обстоятельств их появления, имел собственное условное обозначение, которое очень тонко отражало сущность и особенности его функционирования.

АЛБОГАЧИЕВА Макка Султан-Гиреевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

ПОЛИГАМИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИНГУШЕТИИ

В докладе рассматривается одно из направлений гендерной тематики, связанное с изучением статуса женщины в полигамном браке в современном ингушском обществе. 19 июля 1999 г. Указом Президента Республики Ингушетия Р. С. Аушева гражданам мужского пола было разрешено вступать в брак с лицами женского пола, не состоящими в браке, до четырех раз. Впоследствии он был отменен как противоречащий Семейному кодексу Российской Федерации. За период действия указа в Ингушетии успели оформить браки многие «многоженцы». Как разрешить эту проблему без нанесения урона такому значимому институту общества, как семья? В этом вопросе в сложном положении оказываются дети, рожденные в полигамных семьях, и их матери, которые согласились на такой брак

часто с одной лишь целью – завести ребенка, так как не могут иметь внебрачных детей. Все вопросы, связанные с семейно-брачными отношениями полигамных семей решает шариатский суд, так как в нашей стране нет соответствующей правовой базы. Для того, чтобы все граждане нашей многонациональной страны были равноправны, нужно создать такую правовую систему, где были бы учтены местные особенности.

БРУСИНА Ольга Ильинична

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯГИ У КАЗАХОВ И КИРГИЗОВ ТУРКЕСТАНА ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧ. XX в.

В народном суде биев существовала следующая система доказательств. Если ответчик не сознавался, принимались свидетельские показания, велся поиск следов преступления, а в случае отсутствия того и другого назначалась присяга. Присяга была решающим элементом дознания. Изредка присуждалась «доказательная» присяга (стороне истца), а чаще всего – «очистительная»: по выбору истца «присяжные» назначались из числа наиболее авторитетных людей из рода ответчика. Если они отказывались от присяги, вина считалась доказанной. Принятие присяги считалось очень ответственным и даже опасным делом, имело мистический характер. Бытовало представление, что ложно присягнувший подвергнется небесной каре и лишится покровительства общества. Изменения в народных судах биев, происшедшие под влиянием реформ царского правительства (1867 г.) сопровождалась трансформацией системы доказательств. Все большую роль приобретала очистительная присяга, которой бии стали отдавать предпочтение перед опросом свидетелей. Порой бии старались так формулировать вопросы присяжным, чтобы получить ответ не по существу дела, а в нужном им направлении. Стало менее сложно найти людей, готовых за вознаграждение дать ложную присягу, что говорит об ослаблении контроля общества за нравственностью своих членов. Переосмысление в общественном сознании статуса народного суда привело к тому, что авторитетные люди предпочитали не участвовать в судебных процессах. Влиятельные и уважаемые члены рода стали всеми возможными способами избегать принятия присяги, даже, если это было связано с материальными затратами с их стороны: выплатой по ложному иску, «отступными» в пользу биев.

БУЛАТОВ Абдулгамид Османович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ У ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

В современной действительности на Северо-Восточном Кавказе сосуществуют три системы правового регулирования жизни общества – адатная (нормы

обычного права), шариатская и светское законодательство Российской Федерации. Такой симбиоз имеет исторические корни. Традиционно жизнь горцев-мусульман Северо-Восточного Кавказа регулировалась обычным правом и нормами мусульманского права – шариата. Но при всем безусловном признании главенства шариатских норм реальная повседневная жизнь горцев основывалась на адатах. Шариатские нормы применялись в основном в сфере семейных отношений, в вопросах наследования. Такой симбиоз сложился естественным путем в результате многовекового существования ислама на Северном Кавказе и взаимодействия его с традиционной культурой горцев. С вхождением региона в состав России он пополнился новым элементом – светским законодательством – сначала Российской империи, затем СССР и, наконец, Российской Федерации. В результате вот уже около 150 лет в регионе функционируют, с разной степенью значимости, три правовые системы. И особенность их сосуществования в том, что большую часть истории оно осуществлялось мирно. Сейчас продолжается симбиозное сосуществование указанных правовых систем при изменении их места и роли в жизни различных социальных групп, что связано с рядом социально-демографических факторов. Представляется, что реализация мнения о легитимизации шариатских норм в настоящее время может нарушить и без того хрупкий естественный баланс существующих в регионе систем права и привести к усилению клерикализации общества.

ГОНЧАРОВА Елена Захаровна

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И НЕДВИЖИМАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ЕВРЕЕВ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Неустойчивость политики правительства в отношении еврейского вопроса сказывалась и на законах, определявших правовое положение евреев в Сибири. Укоренение евреев в Сибири рассматривалось властями не иначе, как следствие приобретения ими недвижимости. К наличию в собственности недвижимого имущества были прочно «привязаны» занятия евреев тем или иным «полезным для края делом», будь то торгово-промышленная, ремесленная или иная деятельность, поскольку отдельно оговаривались «права евреев по производству торговли и промыслов». Узкое толкование законов местной администрацией сибирских губерний приводило к ущемлению прав евреев, которые в свою очередь обращались с жалобами в правительствующий Сенат. Многочисленные неофициальные издания «обзоров действовавших законоположений о евреях» рубежа XIX–XX в. включали частные определения Сената, сыгравшие ключевую роль в юридической практике. Таким образом, можно говорить о том, что российская законодательная политика в отношении евреев на протяжении второй половины XIX – начала XX в.

не была стабильной, но позволяла им оставаться в Сибири и «быть полезными», осваивая незапрещенные сферы деятельности, вкладывая средства в недвижимость. Обладание недвижимым имуществом, в свою очередь, если не гарантировало, то страховало владельцев от высылки в черту оседлости. Кроме того, сохранившиеся в исторических центрах современных сибирских городов архитектурные сооружения, некогда принадлежавшие евреям – дома, совмещавшие функции жилых помещений с магазинами, типографиями, конторами – наглядно иллюстрируют политику правительства в отношении сибирских евреев, поскольку месторасположение, время постройки и стилистика указывают на тот или иной «разрешительный акт» имперских властей.

ДАМДЫНЧАП Вера Монгушевна

Тувинский государственный университет, г. Кызыл

СУДОПРОИЗВОДСТВО В ОБЫЧНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ТУВИНЦЕВ

Наделение родовых правителей административной властью от маньчжурского императора способствовало укреплению монгольских обычно-правовых норм в Туве. Прежде всего, это коснулось системы судопроизводства. Дуализм проявился в том, что структура судебной власти имела обычно-правовую основу, судебным органом считался *чыыш* – народное собрание. Но сущность судебного процесса подверглась коренному изменению. Судебными функциями обладали только представители знати. Процесс стал носить ярко выраженный обвинительный характер. В системе наказания широко применялись различные виды физических истязаний. Основной мерой наказания за преступления у тувинцев был имущественный штраф. Под влиянием монгольского права штраф стали называть – *яла*, букв. перевод – *наказание*. В отличие от монгольских норм у тувинцев штраф не имел разновидностей. В случае несостоятельности должника штраф заменялся либо отработкой долга, либо физическим наказанием.

ДЖАМАЛОВА Эмина Камаловна

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ВЛИЯНИЕ ОБЫЧАЯ МАСЛИАТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

На формирование правовой культуры народов Дагестана оказывают большое влияние нормы обычного права. В современной правовой практике при безусловном верховенстве российского законодательства актуализируются некоторые институты обычного права. В XIX в. для рассмотрения дел особой важности или при явно неудовлетворительном их решении в Дагестане обращались к лицам, обладавшим авторитетом в *джамаате* (обществе). Их решение называется *маслиатом*. Суть *маслиата* можно воспринимать в двух аспектах его осуществления. Он восполняет от-

сутствующий адат, когда на данный случай нет руководящего адата. Он выступает в качестве «совета помириться», т.е. мировой сделкой или в роли медиаторского суда. На сегодняшний день *маслиат* существует на *джамаатском* уровне. Это – один из самых распространенных в Дагестане видов согласительных судов, состоящий из лиц, которым доверяют тяжущиеся стороны. На данном этапе, в связи с введением в судебную систему России института мирового судейства, можно говорить о возрождении в Дагестане выборного суда – *маслиата*.

ЕГОРОВ Димитрий Владимирович

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ПРАВОСУДИЯ ЧУВАШЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Многообразие форм неофициальных судебных институтов – результат правового творчества крестьянства. Общинные суды, сложившиеся в силу географических, конфессиональных, социальных и культурно-нравственных особенностей российских провинций, регулировали практически все сферы жизнедеятельности. Обязательной крестьянской судебной инстанцией чувашей являлся суд сельского старосты, разбиравший различного рода инциденты, возникавшие в этнической среде. Суд стариков имел непрерываемый авторитет. В него входили прекрасные знатоки норм обычного права, имевшие репутацию уважаемых людей и неформальных мирских лидеров. Вопросы, обсуждавшиеся на суде сельского схода, касались личности, семьи и общества в целом. Сход занимался расследованием, наказывал виновных, следил за морально-нравственными нормами общества. Одной из эффективных форм общинного суда чувашских крестьян был самосуд, которому подвергались воры, поджигатели, лица, совершившие порубки и потраву в общественных лесах или полях, нарушители религиозных обрядов, правил морали и нравственности. Поимка правонарушителя с поличным, медлительность официального суда и назначение несоразмерного преступлению наказания, отсутствие доказательств виновности явного нарушителя могли явиться его причинами. Самочинная расправа была вызвана также чувством мести и страха перед преступником, который мог совершить подобное в будущем. Отношение к официальному правосудию, в целом, было скептическим, что было детерминировано коррумпированностью волостных судебных чиновников, медлительностью процесса и существенными финансовыми затратами. Все это ярко отразилось в чувашской пословице. Главной целью неофициальных органов юстиции было примирение конфликтующих сторон и установление справедливости. Сохранение и функционирование обычно-правовых судебных институтов углубляло сословную и правовую обособленность крестьянства, отражало этническую приверженность к традициям общинного уклада.

КРЮКОВА Светлана Станиславовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

СЛЕДСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ И СИСТЕМА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРАВОСУДИИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Исследование правовой культуры русского народа методами юридической антропологии подразумевает реконструкцию и детализацию каждого ее элемента, в том числе и такой наиболее показательной ее части как правосудие. Правоотношения в крестьянской среде представляли собой развитую систему связей, в которой правосудие далеко не всегда имело институционализированный характер. В докладе будут прослежены многообразные формы суда в дореволюционной русской деревне России с точки зрения процессуальной практики. Судебный процесс в официальной юстиции являлся сложной конструкцией, включавшей множество этапов. Вместе с тем немаловажную роль в проведении следственных мероприятий играли обычно-правовые технологии. Связь обычного права с официальным государственным позволяет говорить о наличии взаимодополняющих систем права, которые хотя и имели разный источник происхождения и механизмы реализации, но находились в постоянном взаимодействии. Антагонизм между неформальными и официальными приемами следствия и системами доказательств не был единственной и определяющей чертой этого взаимодействия. Рассмотрение различных примеров как противостояния, так и сотрудничества официальной и обычно-правовой юстиции позволяет сделать заключение о причинах и степени отчужденности крестьян от общегражданской правовой культуры, а также о возможностях и путях ее преодоления.

ЛУГУЕВ Сергей Абдулхаликович

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН, г. Махачкала*

О РОЛИ ПОСРЕДНИКОВ В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

Посреднический (*маслагатский*) суд – древняя форма судопроизводства у народов Дагестана. А. Комаров называл его «мировой сделкою при пособии посредников, избранных тяжущимися». По своему характеру это были посреднические суды, отмечал А. Ладыженский. К посредническому суду после административно-судебных реформ 1860–1870-х гг. население стало обращаться заметно реже, его функции постепенно сошли на нет при советской власти. В нестабильные 1990-е гг. обращение населения к посредникам для разрешения конфликтных ситуаций стало возрождаться. С укреплением в республике правопорядка число таких обращений уменьшилось. Тем не менее, вопросы долговых обязательств, наследственного права, присвоения чужого имущества, нанесения морального или физического ущерба и в

наши дни время от времени решаются посредниками. В их качестве выступают лица мужского пола, преимущественно представители старшего поколения, пользующиеся высоким авторитетом, выделяющиеся из общей среды мудростью, глубоким знанием условий местной жизни, честностью, справедливостью, неподкупностью. В подавляющем большинстве случаев они от вознаграждения за разрешение вопроса отказываются. В число избранных конфликтующими сторонами посредников нередко попадают представители духовенства. Однако в подобных случаях к ним обращаются не как к духовным лидерам, знатокам шариата, а исключительно как к авторитетным личностям. Бытование форм посреднического суда в наши дни свидетельствует о следующих фактах: недостаточном доверии населения к официальному правопорядку; подъеме национального самосознания и повышении интереса населения к элементам национальной культуры.

МАРТЫНОВА Елена Петровна

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, г. Тула*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРАВОСУДИЕ В СОВЕТСКОЙ ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ

В повседневной жизни русской доколхозной деревни сохранялись многие традиции общинной жизни дореволюционной поры, в том числе и «мирской» суд. В крестьянской среде существовало свое понимание степени тяжести преступлений, несовпадающее с юридическими нормами. Так, деревенское «правосознание» считало кражу лошади у соседа преступлением, а хищническое истребление лесов расценивало как мелкий проступок. Убийства односельчан во время традиционных кулачных боев, аборты со смертельным исходом были едва ли не нормой. Государство предпринимало усилия по борьбе с преступностью в селе, уровень которой был значительно выше, чем в городе. Одной из мер по наведению порядка стало введение в 1924 г. должности сельского исполнителя, в обязанности которого входило наблюдение за порядком, помощь сельсоветам и милиции в профилактике преступлений, сопровождение преступников и т. п. В крестьянской среде они считались «осведомителями уголовки» (милиции), не пользовались авторитетом. В селах продолжал функционировать общинный суд. Он созывался в случаях, касавшихся общих интересов селян (конокрадство, другие кражи, гадание и ворожба). Решения («приговоры») принимались с учетом коллективного мнения, выносились на деревенских сходах и основывались на традиционных для крестьянства ценностях. При этом «мирской» суд часто выносил неэффективные санкции: изгнание, выговор, предупреждение и т. п. Сохранялся в деревне и самосуд. Так, пойманного на месте преступления вора либо избивали до полусмерти, либо водили по деревне и поочередно били в каждом дворе. При этом, ни его родня, ни друзья не имели права его защищать.

МУРАТОВА Елена Георгиевна

*Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик*

ОБЫЧНОЕ ПРАВО НАРОДОВ КAVKAZA: ФИКСАЦИЯ И ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ

Весьма важную группу источников по антропологии права северокавказских народов представляют адаты – обычно-правовые нормы народов Кавказа. Научное значение материалов по обычному праву северокавказских народов признано благодаря исследованиям уже нескольких поколений кавказоведов. В XIX в. кавказская администрация большое внимание уделяла сбору и систематизации адатно-правовых норм народов Северного Кавказа, поскольку фактически до середины этого столетия Российская империя не касалась основ общественного порядка горцев, признавая действие у них норм обычного права и шариата. Попытки собрать и систематизировать адаты горцев в течение XIX в. предпринимались, по меньшей мере, трижды. Первая попытка была предпринята еще в 1820-х гг., когда генерал Ермолов, учредив «Временный суд» в Кабарде, предписал этому суду собрать подробные сведения об обычном праве кабардинцев. В 1840-х гг. офицерами Кавказской линии было проведено более широкое и систематическое изучение горских адатов по специальной программе. Однако вопросы о землевладении и землепользовании, политическом устройстве и административном управлении, об обязанностях различных категорий крестьянства не получили должного освещения, что заставило администрацию в 1860-е гг. вновь собирать эти сведения в период подготовки крестьянской и земельной реформы на Северном Кавказе. Тогда же были опубликованы обнаруженные в записи памятники обычного права некоторых народов Дагестана. Сборники адатов, собранные в 1840-е гг. офицерами Кавказской линии, впервые были изданы профессором Одесского университета Ф. И. Леонтовичем в 1882 г. Задача по выявлению и публикации архивного материала по обычному праву народов Кавказа успешно решалась советскими кавказоведами. С 2009 г. Северо-Кавказская Академия государственной службы осуществляет масштабный проект – издание «Антологии памятников права народов Кавказа». К настоящему времени издан первый том первой части «Памятники права народов Северного Кавказа», который наряду с переизданием основных источников адата включает и акты органов Российского государства.

НАЛЬЧИКОВА Елена Аниуаровна

*Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик*

СПОСОБЫ ПОДДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАВНОВЕСИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сегодня осмысление принципов сохранения социальной стабильности в северокавказском регионе

представляет несомненный практический интерес. Принципиальное значение имеют ответы на вопросы: «Какие механизмы применялись в обществе к нарушителям морали? К людям, совершившим тяжкие преступления? Возможно ли их использование сегодня?». Повсеместное распространение и высокую результативность имели такие меры как кровомщение, бойкот и остракизм. Идея об обязательности осуществления кровной мести была настолько укоренена в сознании горцев, что две наиболее незащищенные категории (дети и женщины) не оставались от нее в стороне. Правда, женское участие сводилось только к «подстрекательству», к поддержанию чувства обиды, а ни в коем случае к личному отмщению. Пока жив хоть один мужчина, женщина своим непосредственным вмешательством в «мужское дело» могла его опозорить. Актуализация этой традиционной установки позволила бы, возможно, приостановить процесс радикализации жительниц Северного Кавказа, которые объясняют свое поведение желанием отомстить за гибель близких, и, тем самым, выполняют традиционно несвойственную им роль «мстительницы». Но решающую роль в поддержании социального равновесия в регионе играло, на наш взгляд, показательное исключение индивида из жизни родственной группы в наказание за преступные действия или нарушение норм общественной морали. И если кровная месть в правовом государстве не может существовать на законных основаниях, то потенциал общественного осуждения недостойных индивидов и коллективная ответственность фамилии за них, далеко не исчерпан.

НОВИКОВА Наталья Ивановна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АБОРИГЕННОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ОБЫЧНОЕ ПРАВО КАК ОСНОВА АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ*

В докладе рассматриваются возможности обычно-правового регулирования природопользования и корпоративного права, выработанного промышленными компаниями, для создания механизмов взаимодействия компаний и коренных малочисленных народов Севера. Органы государственной власти демонстрируют свою несостоятельность в этом вопросе, как на законодательном уровне, так и в суде. Проблема носит столь острый характер, что от ее разрешения зависит само существование народов, ведущих традиционный образ жизни. А для некоторых районов России, в частности для Ямала, положительное разрешение возникающих в этой сфере вопросов является гарантией освоения человеком арктических территорий. На основании анализа обычного права коренных народов и корпоративного права промышленных компаний мо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 10-01-00105А).

гут быть выработаны стандарты их взаимодействия. Принципиальные положения таких документов могут обеспечить в досудебном порядке разрешение конфликтов, но для этого необходимо прежде всего добровольное принятие на себя обязательств со стороны всех участников процесса природопользования на Севере и потребуется, вероятно, создание специальных органов для проведения согласительных процедур.

ПОПОВА Анна Дмитриевна

*Рязанский государственный университет им. С. Есенина,
г. Рязань*

ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЗАПАДНЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В современном России более 15 лет идет судебная реформа, в основе которой лежит введение принципов и судебных процедур, разработанных западной политико-правовой мыслью в ходе буржуазных преобразований. Аналогичный процесс наблюдался в XIX в., в ходе реализации судебной реформы 1864 г. Тогда реформа была построена на заимствовании западных правил отправления правосудия. В докладе планируется проанализировать, как эти новшества были восприняты российским обществом, насколько они сочетались с правовыми традициями различных слоев населения. Будет рассмотрено, как повлияли на деятельность суда присяжных особенности российского правового менталитета различных слоев населения, в том числе и крестьян, как реформа сочеталась с правовыми традициями народа, насколько приемлемы для нашей страны были такие заимствования. В задачи также входит анализ, насколько было допустимо стремление правительства сохранить крестьянские правовые обычаи, насколько была успешна деятельность волостного суда, основанного на применении обычного права. Планируется показать актуальность этой проблемы в данный момент, как реализация современной судебной реформы сочетается с особенностями современного российского менталитета. В частности, особое внимание будет уделено проблеме восприятия суда присяжных, показано, влияют ли особенности российского менталитета на деятельность суда присяжных в современной России, насколько допустимо использовать в нашей стране такую форму рассмотрения дел и есть ли необходимость создавать какие-либо особые механизмы отправления правосудия, свойственные только нашей стране.

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович

*Государственный университет – Высшая школа экономики
(Санкт-Петербургский филиал), г. Санкт-Петербург*

КАЗАХСКИЙ СУД БИЕВ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НАЧАЛА XIX – НАЧАЛА XXI вв.

Казахский традиционный суд *биев* стал объектом изучения российских исследователей с начала

XIX в., когда началось систематическое и глубокое изучение Казахстана в целом. При этом изучение суда *биев* велось по двум направлениям, которые можно условно обозначить как «государственническое» и «историко-этнографическое». Представители первого направления были преимущественно российскими государственными чиновниками XIX в., в задачи которых входило исследование правовой ситуации в Казахстане в целях его интеграции в российское имперское правовое пространство. Представители этого направления больше внимания уделяли несовершенствам суда *биев*, его архаичности и потребности в реорганизации. Причем для них не было важным, шла ли речь об обычном казахском праве, законах казахских ханов или применявшихся в Степи нормах шариата. Второе направление также возникло в XIX в., и его представители, также зачастую являвшиеся российскими чиновниками, исследовали казахский суд *биев* как самобытное правовое явление в историческом развитии и конкретных социально-политических условиях. Для них этот суд являлся результатом правового развития казахов на протяжении многих поколений, отражением их уровня политического развития и особенностей правовых воззрений казахов. Возрождение исследований суда *биев* в XX–XXI вв. было инициировано современными казахстанскими правоведами, однако и российские специалисты вновь возвращаются к его изучению, поскольку в рамках концепции правового плюрализма этот суд представляет собой весьма интересное поле для изучения, являясь ярким примером традиционного института правосудия.

СУШКОВА Юлия Николаевна

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
г. Саранск*

ТРАДИЦИИ ЭТНОПРАВОСУДИЯ У МОРДВЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На современном этапе государственно-правового развития Российской Федерации, когда основным источником права является закон, действие народных обычаев юридического характера (мокш., эрз. *кой*) существенно ограничено. Вместе с тем, исследования современной этнической правовой культуры показывают, что обычаи во многом и поныне сохраняют свою актуальность, как уникальный источник мудрости народа, его понимания закона и справедливости, зачастую несовпадающего с нормами позитивного права. В условиях современности традиционные институты народного (этнического) правосудия претерпели значительные изменения, они не действуют в чистом виде, как это имело место еще в недалеком прошлом, но продолжают своим духом пронизывать многие этносоциальные отношения, нередко заполняя лакуны в законодательстве или же исправляя правовые упущения. В контексте существующей правовой доктрины традиции рассматриваются одновременно в качестве как позитивного, так и негативного проявления юридического плюрализ-

ма, поскольку, с одной стороны, они представляются в виде морально-нравственного дополнения к закону, поддерживающего и развивающего социально признанные ценности, а, с другой, опасной разновидностью негативного неофициального (теневое) права, находящегося в состоянии противоречия с действующим в государстве законодательством.

СЮКИЯЙНЕН Леонид Рудольфович

*Государственный университет – Высшая школа экономики,
г. Москва*

ШАРИАТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ В НЕМУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ

Исламская правовая доктрина традиционно уделяла особое внимание разработке принципов организации и деятельности органов шариатского правосудия. Вплоть до настоящего времени данные начала оказывают влияние на судебные системы ряда мусульманских стран. Шариатские суды сохраняются и в некоторых немусульманских странах, где действует исламское право в области личного статуса мусульман. В последние годы данные суды появляются в некоторых странах Запада (Канада, Великобритания). Шариатские суды в той или иной форме действовали в России в XIX в., а также до конца 20-х гг. XX в. С конца прошлого столетия такие институты неоднократно создавались в ряде республик Северного Кавказа. В 2010 г. была попытка учреждения шариатского суда в Санкт-Петербурге. Все это ставит вопрос о принципиальной возможности и условиях создания органов шариатского правосудия в нашей стране.

ХАМИДУЛЛИНА Аделя Ильмировна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ (ПРИМЕР РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Введение и реализация национально-регионального компонента (НРК) государственного образовательного стандарта вызывает в обществе неоднозначную оценку. С одной стороны, распространено восприятие НРК исключительно как дополнительных часов на изучение языка титульного населения за счет (и в ущерб) часам, отведенным на изучение других дисциплин школьной программы. Такое заблуждение порождает чувство недовольства, ущемления права на образование и в отдельных случаях становится основой для судебных разбирательств. С другой стороны, наши исследования свидетельствуют, как о существовании нерешенных проблем, так и о положительных результатах реализуемого национально-регионального компонента в общеобразовательных школах Татарстана и высокой доли граждан,

которые выражают позитивную оценку перспективы реализации билингвального и полилингвального образования. Роль национально-регионального компонента как государственного механизма сохранения этнокультурного многообразия, развития языков, формирования полилингвального общества, а также проблемы и перспективы его реализации будут рассмотрены в рамках доклада.

ЦВЕТКОВ Георгий Николаевич

Федеральный институт развития образования, г. Москва

ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ ПРАВОСУДИЯ У ЦЫГАН

В ортодоксальных этнических цыганских группах, сохраняющих основы своей социальной организации и культуры, хорошо функционируют традиционные институты, связанные с контролем за соблюдением этнических норм и санкциями за их нарушение. Важнейшим принципом цыганской культуры является равенство родов и их представителей по отношению друг к другу (эгалитарность), а важнейший принцип разрешения конфликтов – согласительность. Этнический суд собирается при невозможности решения конфликта соглашением. Наиболее разработанная процедура суда наблюдается во владимирских цыганских группах (у кэлдэрарей, ловарей). Суд – преимущественно мужское собрание с выборными незаинтересованными судьями. Подавляющая часть конфликтов связана с деловыми (экономическими) отношениями, нарушением норм морали внутри общности (воровство у цыган, прелюбодеяние и проч.). Традиционные санкции в зависимости от характера и тяжести правонарушения: штраф, изгнание (временное или постоянное), как правило, сопровождающееся объявлением виновного оскверненным – цыг. *магердо*. Полевые материалы показывают, что санкция осквернения у цыган в прошлом, возможно, представляла собой отдельный институт (связанный с нарушением сексуальных табу), не привязанный непосредственно к институту суда, представлявшая собой действие, «оскверняющее» виновного. Кровавая месть существовала в прошлом как отдельный правовой институт и прекратила бытование после перехода цыган к оседлости.

ШУСТРОВА Ирина Юрьевна

*Ярославский Государственный университет
им. П. Г. Демидова, г. Ярославль*

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В настоящем докладе речь идет о возможности использования документов волостных судов как источника для исследования изменений, происходивших в русской крестьянской семье Верхнего Поволжья в пореформенный период. Значительная часть материалов, отложившихся в фондах региональных

архивов России, в должном объеме не введена в научный оборот. Названные источники дают возможность составить представление о событиях, происшедших в повседневной жизни конкретных поселений, проанализировать функционирование семьи в рамках сельского социума. Значительная часть дел, рассматривавшихся волостными судами, касалась повседневных забот крестьянского сообщества. Часть документов содержит сведения о соседских взаимоотношениях, собственно о делах семейных. Несогласие между супругами, супружеская неверность, нежелание продолжать совместную жизнь — эти обстоятельства также становились предметом рассмотрения волостных судов. Поводом для кон-

фликтов нередко становились имущественные претензии в связи с разводами. Как правило, в результате развода в деревенском сообществе возникала новая социальная и хозяйственная единица — малая семья. Экономические основы деятельности такой семьи были качественно иными. Изменения во внутреннем строе семьи проявлялись в постепенном ослаблении патриархальных порядков. Вынужденная самостоятельность женщины в рамках малой семьи в хозяйственных и общественных делах способствовала значительному повышению ее общественного положения и утверждению авторитета в семье. Все это, в конечном счете, означало постепенное вовлечение российской деревни в процесс модернизации.

Секция 2. МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ РОССИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Руководитель: д.и.н., проф. Пушкарёва Наталья Львовна (Москва)

АГЕЕВА Ольга Гениевна

Институт российской истории РАН, г. Москва

ЖЕНЩИНЫ ПРИ РУССКОМ ДВОРЕ XVIII в.: СЛУЖЕБНАЯ ИЕРАРХИЯ ЧИНОВНЫХ ДАМ И СЛУЖИТЕЛЬНИЦ, ИХ СОСТАВ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Дворцовое ведомство русского монарха в XVIII в. являлось социальной структурой, в рамках которой среди нескольких тысяч служителей несли разнообразную службу женщины. Они делились на дам в чинах и служительниц (без чинов). К числу чиновных дам относились выполнявшие представительские и служебные функции – обер-гофмейстерина, гофмейстерины, статс-дамы, фрейлины и др. По социальным характеристикам эти дамы принадлежали к привилегированному сословию русского общества. К категории служительниц относились служительницы комнатные (камер-юнгферы, камер-медхины), прачечного двора (кастелянши, золотошвейки, белошвейки, нескольких категорий прачек), кухни и др. Все они имели четкий круг обязанностей. По социальной принадлежности среди служительниц были представительницы дворянского и разночинного происхождения; по семейному положению – незамужние девицы, замужние женщины и вдовы, представительницы разных национальностей (калмычки, гречанки и др.). Во многих случаях зачисление на службу ко двору являлось формой социальной опеки, так как давало заработок и социальные льготы. В XVIII в. все служители двора были переведены на денежное жалованье и многие из них получали хлебное жалованье. При дворе действовала система бесплатного медицинского обслуживания (в том числе фрейлинский госпиталь), обеспечение приданым и выплаты на погребение, пенсии (все в соответствие с местом в социальной иерархии), бесплатное обучение проживавших при дворе малолетних девочек.

АРГУДЯЕВА Юлия Викторовна

Отдел этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток

СЕМЬЯ У РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Русские старообрядцы начали переселяться в Америку в конце XIX – начале XX в. Наиболее крупные партии прибыли в 60–80-е годы XX в. из Турции и Китая (Маньчжурия, Синьцзян), куда предварительно эмигрировали из России, сохранив свои региональные названия – «турчане», «синьцзянцы», «харбинцы». Это были беспоповцы; часть их позднее приняла старообрядческое священство. Расселившись преимуще-

ственно в штатах Аляска и Орегон, они сумели сравнительно быстро приспособиться к местным условиям жизни, сохранив некоторые традиции в семейном быту и полностью – в религиозной жизни. В настоящее время молодежь сама выбирает себе брачного партнера, но с учетом отсутствия до восьми степеней кровного, а также духовного родства. Превалируют браки между поповцами и между беспоповцами, хотя встречаются браки между представителями этих религиозных направлений и русских старообрядцев с американцами. Семья нуклеарная, двухпоколенная с ориентацией на малодетность, с главенством мужчины, с преобладанием демократических внутрисемейных отношений. В отличие от прошлого увеличился возраст вступления в брак (с 16–18 до 25–27 лет), появилось стремление получить среднее и специальное образование, развита производственная занятость женщин. В повседневной семейной жизни велика роль религиозной общины и религиозных традиций – соблюдение постов, ежедневных домашних и общих воскресных и праздничных молений, крещение детей, оформление брака, похорон, разбор конфликтных ситуаций между супругами и др.

БАЯЗИТОВА Розалия Рафкатовна

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

ТРАДИЦИИ ПОЧИТАНИЯ ЖЕНЩИН У БАШКИР

В традиционной башкирской семье у каждого было свое место в родственном кругу, жизненном пространстве. Башкиры почтительно относились не только к отцу, но и к матери, к женскому полу. Делом чести любого мужчины в скотоводческом обществе считалось создание условий для жены, семьи. В полукочевом обществе женщина была первой помощницей и надежной опорой своего мужа, детей, всего рода. Исследователями замечено, что башкирские женщины в прошлом пользовались относительно большей свободой, чем представительницы многих других мусульманских народов. Взаимоотношения с женщинами складывались с учетом биологических признаков, брачного состояния, родственных и свойственных уз. Каждая возрастная группа обладала своим набором поведенческих стандартов, соответствующими атрибутами этикета. Особым уважением пользовались старшие женщины и многодетные матери.

Особенности этикетного поведения по отношению к женскому полу нашли отражение в фольклоре башкирского народа. В произведениях устного народного творчества дается также идеал физической и духовной красоты башкирки. В женщинах почитались такие качества, как скромность, сдержанность,

верность, искренность, трудолюбие. Уважительное отношение к женщине является критерием как отдельных членов семейного коллектива, так и всей семьи и общества в целом.

**БЕЛКИНА Тамара Леонидовна,
РУДНИЦКАЯ Татьяна Юрьевна**

*Костромской государственный университет
им. Н. А. Некрасова, г. Кострома*

ЖЕНЩИНА В ПРАВОСЛАВНОМ ДИСКУРСЕ

Тема социального и семейного статуса женщины в церковном дискурсе предельно актуальна. В условиях деформации социально-ценностного статуса семьи, снижения ее духовно-нравственных оснований, Русская православная церковь активизировала деятельность по актуализации и продвижению ценностей традиционной семьи, роли женщины как матери и супруги.

Своеобразное понимание роли и места женщины в православии повлекло за собой определенные ограничения ее положения в семейной и общественной практиках. С точки зрения христианства, прообразом семейных отношений является духовный союз Христа и Церкви. Эта идея организует весь логико-содержательный строй спиритуальной модели семьи и предопределяет главенствующую роль мужчины в семье и обществе.

Со временем позиция церкви по женскому вопросу смягчилась. Кардинальные социально-политические преобразования XX века, связанные с провозглашением идей женской социальной эмансипации, дальнейшего их нарастание повлияли на позицию церкви. В доктринальном документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви» приветствуется участие женщины в политических, культурных, социальных процессах. Однако провозглашенный принцип носит декларативный характер. В действительности церковь продолжает выступать за сохранение традиционной полоролевой дифференциации и настаивать на покорности и подчинении женщины мужчине. Подобные установки, культивируемые в Средневековье и в Новое время, доминируют в современных проповедях православия. Религиозный архетип отношения к женщине, исходящий из образа Евы как отступницы от заповеди Бога, носительницы греха, преобладает над образом Богородицы, почитаемой в православной традиции, воплощающей в себе женское начало, главным в котором является материнство.

БОЛЬШАКОВА Анна Викторовна

*Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина, с. Борское, Ленинградская область*

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В ТРАДИЦИОННОМ ВЕПСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Этнокультурная и социально-экономическая история вепсов. Влияние социально-экономических и политических преобразований второй половины XIX – начала XX века на изменения в семейном ук-

ладе вепсов. Изменения в положении женщин в хозяйстве вепсов в XIX – начале XX века.

Эволюция имущественных прав женщин. Права на долю общесемейного имущества, участие в коллективном пользовании имуществом наравне с другими членами семьи, право распоряжения своим приданым и имуществом, произведенным лично в результате эксплуатации движимой собственности, а также право на распоряжение семейным имуществом. Права женщины при разводе. Пожилые бездетной вдовы.

Вывод об эволюции социально-экономического положения женщин в традиционном вепском обществе. Конструкция вепской семейной собственности показывает, что у вепсов семья была не только брачным и родовым, но и трудовым союзом, обладающим семейным имуществом, все члены мужского пола которого имели право на долю в общей собственности. Социальное и правовое положение женщины вепской народности в XIX – начале XX веков определялось как патрилокальным характером всего общественного уклада традиционного вепского общества, так и местом ее в семейной иерархии.

ВАРДАНИЯН Елена Магаковна

*Гюмрийский государственный педагогический институт,
г. Гюмри (Армения)*

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ

Концептуальными основами формирования социально-политических отношений, модернизации и евроинтеграции современной Армении признаны демократия как идеал справедливости и равенства и демократизация как принцип достижения этих идеалов. Демократия предполагает устройство отношений в обществе, внутри и между его подсистемами, способное обеспечить стабильное, рациональное и последовательное развитие, опирающееся на принцип реализации интересов, прав, свобод, возможностей всех граждан. Непосредственная связь норм и идеалов демократии с проблемами социальной справедливости и равенства делает их мерой измерения демократичности общества, выявляет их связь со стратегией гендерного равенства. Процесс демократизации в разных обществах отличается спецификой проявления проблемных ситуаций, но их объединяет необходимость преодоления социальной несправедливости в отношении женщин, проявляющейся во всех сферах общественной жизни. Гендерный подход предстает не самоцелью, а объективной потребностью адекватного объяснения тенденций развития современного общества и возможностей его совершенствования. В этом аспекте актуализируется исследование гендерной ситуации и гендерных стратегий.

Гендерная ситуация в Армении развивается под влиянием опыта участия и равноправия советского времени, пробудившего осознание прав, но не обеспечившего возможностей, и ожиданий граждан отно-

сительно возможностей создания политической системы, способной обеспечить реализацию интересов и гражданского, политического участия. В результате гендерная ситуация отличается противоречивостью, стереотипными подходами, формирующимися вследствие гендерно-некоординированной государственной политики. Женщины, обладающие высоким интеллектуальным потенциалом, обеспечивают жизнедеятельность малобюджетных сфер общества, властью неадекватно осознается их гражданская активность, обеспечивающая активность электората, общество и они сами терпимо относятся к недооценке собственной роли. Гендерная дискриминация и стратификация – характерные черты экономической и политической сферы. Поборники демократизации, женщины незаслуженно отодвинуты на низкие позиции в обществе и семье, находящейся в состоянии выживания. Пропаганда стереотипов под видом национальных традиций и менталитета привела к замалчиванию и игнорированию проблемы женского политического участия. Составляя большинство населения, граждан с высшим образованием, значительное число служащих на второстепенных государственных должностях, женщины низко представлены в Национальном собрании и правительстве. В международном масштабе по представленности женщин Армения уступает более ста странам. Ограничение политических прав женщин и не востребованность гендерного равноправия – важнейшего ресурса трансформации, рассматривается как причина недостаточной динамичности демократических процессов. Решение проблем зависит не только от заинтересованных в процессах демократизации граждан, особенно женщин, но от политической воли и политических стратегий, сопоставляемых с гендерными.

Политическую волю относительно стратегии гендерного равенства должно рассматривать на двух уровнях: осознание политическими институтами значимости гендерного равенства для эффективного развития и готовность формирования гендерного равенства в рамках исполнения международных обязательств. Значение приобретает концептуальное обоснование стратегии гендерного равенства в сочетании с формированием институциональных механизмов. В рамках международной интеграции и евроинтеграции, Армения обязуется в соответствии со всеми существующими международными документами по гендерному равенству. Принятие, реализация «Национальной программы по улучшению положения женщин и повышению их роли в общественной жизни», учет гендерных проблем в «Государственной стратегии демографической политики», принятие правительством Концепции государственной гендерной политики на данный момент к изменениям не приводят. Причина – пассивность политических партий в продвижении гендерного равенства. При этом женщины составляют большинство рядовых членов партий и их электората. «Активизация женского участия в партиях» часто воспринимается как способ достижения гендерного равенства и метод повышения эффективности партийной работы.

Исследование гендерной ситуации и гендерного аспекта социально-политических процессов в Армении при сравнении со странами постсоветского пространства утверждает, что решение проблем связано с обоснованием и реализацией последовательной стратегии государственной политики гендерного равенства с привлечением гражданского общества и властных структур разных уровней.

ВЕРЖИБОК Галина Владиславовна

*Минский государственный лингвистический университет,
г. Минск (Беларусь)*

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ

В настоящее время гендерные исследования играют значительную роль в различных направлениях гуманитарных наук. Центральное место занимают культурные и социально-психологические факторы, обуславливающие стереотипные представления о мужских и женских качествах, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, формирующие механизмы построения системы отношений на основе половариативных различий языкового сознания. Исследование гендера в психолингвистике и языкознании касается двух групп проблем: язык и отражение в нем пола, речевое и коммуникативное поведение женщин и мужчин.

Система «пол/гендер» рассматривается как база социальной дифференциации и иерархизации общества. Самовыражение культуры характеризуется наличием языковой диглоссии, отражающей значимость языка как символической престижной формы общения, благодаря которой утверждаются социальный, культурный статусы человека. Реальный мир в бессознании «строится» индивидом на основе языковых норм определенной социокультурной группы, дающих возможность видеть, слышать и воспринимать окружающую действительность. В многополярном мире власть языка, проявляющаяся в формировании образа и культурной картины мира человека, может существовать в социально-организованной форме, определяя характер практического сознания.

Ориентация на поведение, общение, культуру – отмечал Л. С. Выготский, утверждая, что сознание выстраивается посредством знаковых систем, одна из которых – язык. Сознание отождествляется с картиной мира, открывающейся человеку, в которую включен он, его действия и состояния. Выделяя в структуре индивидуального сознания три составляющие – чувственная ткань восприятия (или образа), значение и смысл – автор особое место отводит системе значений, поскольку они являются преобразованной и свернутой в материи языка идеальной формой существования предметного мира, его свойств, связей и отношений.

Язык как динамическая структура постоянно развивается, появляются новые слова, связанные с социологической вариативностью языка, фиксируется устаревающее в современном обществе гендерное рас-

пределение ролей. Утверждение идеологии доминирующей группы достигается посредством использования языка в различных дискурсах: мужчина лидирует в публичной сфере, предпринимает нечто творческое и новаторское, удел женщин – домашний очаг, воспитание детей. Язык воссоздает гендерные отношения, установленные в обществе, через существующие в нем концепты, употребление мужского/женского рода, прилагательных, ассоциированных с мужским/женским референтом, связанные с ними коллокации, специфический вокабуляр. Гендерная лингвистика подвергает критике язык за его андроцентричность, ориентированность не на человека, а на мужчину, что выражается в преобладании мужских форм в языке, вторичности и объектности женщин, совпадении во многих языках понятий «человек» и «мужчина», обусловленное патриархальным дискурсом. Это связано с социокультурными значениями (нормы, образцы, стереотипы), с фиксацией, их интерпретацией в индивидуальном сознании.

Проведено исследование значения слов «пол» и «гендер» методом субъективной дефиниции при выборке студентов – 378 чел. (юноши – 230, девушки – 148). Многие испытуемые дали более одной дефиниции, было получено 869 разноплановых реакций, содержание которых моделировалось в определенные структуры. Установлено, что абсолютное большинство респондентов (без разницы ответов) по отношению к понятию «пол» обозначили признаки дихотомии различий (70%) и биологической детерминации (генетическое строение, физиологические различия и пр.). Ответы по значению слова «гендер» были расплывчаты и не определены у более половины опрошенных (55%), социальные аспекты выделил каждый третий (взаимоотношения, характеристики), признаки пола – около 1/5 информантов (юноши в 4 раза больше предложили такой вариант ответа). Зафиксирована нейтральная направленность оценивания без ярко выраженных отрицательных, либо положительных предпочтений.

Свободный ассоциативный эксперимент позволил выявить специфику концепта «гендер», где на первый план выходит сфера значений «пола», на периферии концепта наблюдается накопление противоречащих друг другу признаков. Овладение гендерными и языковыми поведенческими стереотипами имеет взаимный эффект: манифестация гендера находит отражение в языковых элементах, а языковая деятельность имеет гендерную специфику. «People are gendered and are actively involved in the process of their own gendering». Значения и смысловое наполнение индивидуализируются и субъективируются, получают развитие в биодинамических действиях (рефлексивный и бытийный слой) конкретного индивида, проявляются в единстве субъективного и объективного в онтогенезе языкового сознания, позволяя рассматривать язык как систему ориентиров в социальном или предметном мире культуры.

Анализ семантики языковых средств и их интерпретация позволяет наблюдать проблемное поле и

перспективы работы. В связи с современным пониманием гендера как компонента коллективного и индивидуального сознания, конструируемого средствами языка, есть необходимость в осмыслении феномена с позиций когнитивной науки. Исследование языкового сознания раскрывает природу, структуру, формирование и постоянное воспроизведение гендерных отношений в обществе.

**ВИНОКУРОВА Наталья Александровна,
ГУДОВИЧ Ирина Семёновна,
РИЗНИЧЕНКО Галина Юрьевна**

Ассоциация «Женщины в науке и образовании», г. Москва

ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: ГЕНДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ, ГЕНДЕРНАЯ ПРАКТИКА

Межрегиональная общественная организация «Женщины в науке и образовании» (МОО ЖНО) существует с 1994 года. За плечами у нее работа по поддержке женщин, работающих в науке, образовании, культуре, десятки научных, образовательных, просветительских конференций, семинаров, круглых столов; более сотни изданий трудов и тезисов научных мероприятий, культурно-просветительских материалов и поколение девушек и молодых женщин, защитивших кандидатские и докторские диссертации благодаря информационной, организационной, методической, профессиональной моральной и материальной поддержке организации.

Важное направление деятельности организации – гендерное направление, включающее гендерные исследования, распространение идей гендерного равенства, практические шаги, способствующие продвижению научно-образовательного сообщества в этом направлении. Соображения следующие: основная цель – реализация гендерного равенства в обществе, в сфере науки и образования, в современных условиях может быть достигнута только с учетом всех особенностей современных российских реалий. В настоящее время большое количество наших соотечественников, постоянно живущих вне двух столиц мегаполисов, относят себя к бедным. Это касается работников науки и образования, что подтверждается результатами социологических исследований. В соответствии с диаграммой иерархии человеческих потребностей по А. Маслоу, они находятся на нижних ступенях пирамиды потребностей, где главными являются удовлетворение физиологических потребностей и потребности в безопасности. Это состояние далеко от потребностей высшего порядка.

Гендерные конференции, проводимые в регионах России, показали, что значительное число женщин воспринимает некоторые радикальные идеи феминизма как не вполне своевременные. Ассоциация концентрируется на проблемах, наиболее важных не только для большинства ее членов, но и для граждан нашей страны в целом.

В нашей стране сложилась ситуация, когда в некоторых регионах продолжительность жизни мужчин

катастрофически ниже женской (до 15 лет), что даже на фоне общероссийских депопуляционных процессов выглядит удручающе. Вызывает опасения мужское здоровье, особенно репродуктивные способности мужчин. Все это способствует тому, что гендерные проблемы мужчин становятся не менее актуальными.

В последнее время большее значение приобретает институт семьи. Причем в этом отношении совпадают тенденции, потребности и восприятия, как на уровне отдельной личности, так и на уровне общества, государства. В современности семья и родственные связи стали важным фактором устойчивости жизнеобеспечения, оплотом духовной стабильности личности. С точки зрения общества и государства, без восстановления и укрепления института семьи невозможно решить или смягчить демографическую проблему в России, которая сегодня приобретает трагические черты для будущего. Ассоциация в гендерной практике ориентируется на семью и необходимость её укрепления.

С учетом вышесказанного, гендерная идеология МОО ЖНО строится на основе гендерной толерантности (уважения традиций, взаимовыручки и постепенности при последовательном движении к цели). При этом гендерная практика традиционна. Она состоит: 1) в поддержке женщин в части повышения квалификации, повышения статуса, продвижения на высокие позиции в административной и научной иерархии; 2) в развитии гендерной теории (исследования, семинары, конференции). Однако подход включает, помимо традиционного,

1. распространение гендерных идей среди мужчин в процессе совместной работы в проектах, инициированных женщинами. За годы существования Ассоциации сотни мужчин, включая многих именитых ученых, приняли участие в мероприятиях, оказывая интеллектуальную и моральную поддержку всем начинаниям женщин, включая гендерные конференции и круглые столы;

2. распространение гендерных идей в процессе преподавания различных курсов и в неформальном общении с учениками (школьниками, студентами, аспирантами). Вовлечение студентов в проекты, инициированные женщинами, внедрение гендерных идей в процессе совместной работы;

3. привлечение семей к осуществлению проектов, инициированных женщинами. Внедрение вышеуказанных идей в семье в процессе работы. Мужья и дети членов Ассоциации стали ресурсом, способствующим ее успешной деятельности.

Примером удачных проектов являются научные конференции в Москве, Воронеже, Чебоксарах, Абрау-Дюрсо, Астрахани, организованные женщинами, в которых обсуждаются проблемы образования, математического и компьютерного моделирования, экологии, гендерного равенства, в которых принимает участие значительное число мужчин; ряд студенческих проектов, выполненных под руководством организации, таких, как «Инновационное студенческое самоуправление в вузе» и «Школа молодого

женского лидера», в которых много внимания уделено обсуждению гендерных проблем в аудиториях, представленных девушками и юношами.

ВИШНЯКОВА Дарья Викторовна

*Отдел этнографии и отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

ТРАДИЦИОННОЕ БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КОМИ КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В работе рассматриваются основные черты брачного поведения населения Коми во второй половине XIX – начале XX в. Основой проведенного исследования послужил широкий круг источников статистического характера, архивные и опубликованные материалы: метрические книги, сведения губернских статистических комитетов, издания Центрального статистического комитета МВД Российской империи, материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Привлекаемые источники позволили рассмотреть вопросы брачности населения Коми в широких временных границах. В исследовании затрагивается тема гендерных различий в психологических установках и стереотипах демографического поведения, связанных с процессом вступления в брак, вопросы возрастных норм совершеннолетия, возраста вступления в первый брак женихов и невест, соотношение возрастов супругов, частоты повторных браков, добрачного состояния вступающих в брак.

Материалы используемых источников показали значительную территориальную и половую дифференциацию первых браков по возрасту вступления в них. На протяжении изучаемого периода основная доля первых браков концентрировалась у девушек в младшем и среднем брачных возрастах (около 80%), у юношей – в среднем и старшем возрастах (60–70%). Весомая разница между мужчинами и женщинами в дифференциации доли браков по возрасту вступления приводила к растяжимой возрастной разнице супругов. Большинство союзов, когда жених старше невесты, заключалось с разницей в возрасте от одного до семи лет. Когда женщина была старше, разница в возрасте между супругами составляла один-два года. Значительная возрастная градация была характерна для повторных браков вдовцов, стремившихся заключить новый брак с молодыми, ранее незамужними девушками. Приблизительно только треть повторных браков по Коми приходилась на женщин, и две трети – на мужчин. Среди населения Коми наибольшее число браков регистрировалось между холостыми мужчинами и незамужними девицами, второе место по распространенности занимали браки вдовцов с девицами, затем браки вдов с холостыми и вдовцами.

Брачное поведение населения Коми в исследуемое время определялось сложившейся системой культурных норм и ценностей, характеризовалось

соблюдением общеобязательности вступления в брак, зрелым брачным возрастом обоих полов и частыми, в меньшей степени, повторными браками овдовевших супругов.

ВЛАСКИНА Татьяна Юрьевна

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ОБЩИНЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ: УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ И РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

Проблема гендерной стратификации казачьих обществ традиционно рассматривается в контексте двух сюжетов, наиболее ярко отражающих стереотипные представления об их этносоциальном колорите: значимости воинской службы и гипотетической мизогинии, усугублявшейся в ранний период истории безбрачием. Определяющее значение службы для формирования войскового социума в сословный период (XVIII – начало XX в.) представляется бесспорным, для убедительного воссоздания условий жизни раннего казачества (XVI–XVII в.) существовало препятствие в виде ограниченности источниковой базы. Препятствие не преодолимо, однако определенные возможности для прояснения вопросов, касающихся статуса, прав и обязанностей женщин в казачьих общинах раннего типа существуют в том случае, если факт сохранения казаками-некрасовцами традиционного наследия допетровского периода может считаться доказанным. Рассмотрение «женского вопроса» на некрасовском материале интересно само по себе, поскольку к этим аспектам их самобытной культуры исследователи еще не обращались. Опыт изучения взаимодействия женских и мужских составляющих в семейном и общественном быту одной из групп русских старообрядцев актуален.

Исследование опирается на источник, недавно ставший доступным для научного анализа: записи атаманов майноской общины на полях богослужебных книг, в которых перечисляются важные для некрасовцев события, происходившие на протяжении 300 лет, приводятся списки законов, по которым жило сообщество – т. н. «заветы Игната Некрасова». Изучение этих текстов и сопоставление их с материалами устной традиции выявляет высокий, детально разработанный, обеспеченный представительным рядом «заветов» статус казачки-некрасовки.

ВОЛКОВА Ольга Александровна

Белгородский государственный университет, г. Белгород

ШИШКИНА Светлана Валерьевна

Поволжская академия государственной службы, г. Саратов

МИГРАЦИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН МАЛОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

В докладе выделяется комплекс факторов, связанных с миграцией, под воздействием которого меняется гендерный баланс в сфере занятости малого российского города, описывается гендерная специфика процессов

миграции в малом российском городе, характеризуется противоречие между увеличением вариативности гендерных ролей и сохранением гендерных стереотипов.

Гендерная специфика процессов интеллектуальной миграции в малом российском городе, во-первых, является результатом общемировых тенденций, во-вторых, отражает характеристики внутренних миграций России, в-третьих, обусловлена рядом специфически городских факторов: территориально-поселенческими, экономическими, социокультурными административными, демографическими. В ходе исследования выявлена разница в факторах миграции мужчин и женщин. Как правило, для мужчин наличие несовершеннолетних детей не является сдерживающим моментом для миграции, в подавляющем большинстве случаев временной. Малолетние дети остаются в малом городе с матерью. Женщины также мигрируют в крупные города, оставляя детей с родственниками. Гендерная специфика определяется соотношением полов в миграционных процессах. Среди общего числа людей, прибывающих в город, прослеживается тенденция увеличения количества женщин и уменьшения – мужчин, а среди убывающих наоборот: тенденция увеличения численности мужчин и уменьшения женщин. Среди интеллектуальных иммигрантов и эмигрантов наблюдается другая картина: среди обоих разнонаправленных потоков количество мужчин постепенно увеличивается, а женщин – уменьшается.

Миграционная мобильность, влекущая за собой феминизацию, нарушает сложившиеся пропорции занятости мужчин и женщин, что является одной из предпосылок формирования устойчивого и нормального воспроизводства населения города.

ГИМБАТОВА Мадина Багавутдиновна

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала

ГАДАНИЯ НА ЗАМУЖЕСТВО У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (XIX – НАЧ. XX в.)

Девушек всегда интересовал вопрос замужества. С этой целью использовали различные гадания. У азербайджанцев девушки собирались вместе, сидели в круг, одна из них забирала у присутствующих личные вещи, прятала их в мешочек или завязывала в платок, который клала по середине. Здесь же сажали маленькую девочку, лицо которой было прикрыто платком. Девушки по очереди пели песни, после каждого куплета девочка вынимала вещь, принадлежащую одной из присутствующих. По пропетому девушка угадывали судьбу.

С этой целью вечером азербайджанки выходили на улицу, подходили к чужим окнам, воротам и слушали, какое поручение хозяин даст своим домочадцам. Если он говорил: «*Къапыны орт*» (Закрой ворота) или же: «*Пенджерини орт*» (Закрой окно), это означало, что девушка в этом году замуж не выйдет, а если: «*Къапыны ач, пенджерени ач*» (Открой ворота, открой окно), то выйдет замуж в ближайшее время.

Кумычки гадали с помощью спичек разной длины. Вытянувшая самую короткую якобы должна была выйти замуж раньше подруг. Существовал ещё способ: в руки брали немного фасоли, кукурузы, гороха и трясли в ладонях, затем бросали их на ровное место и распределяли по парам, если без пары оставалось хотя бы одно зернышко, это означало, что девушка в этом году замуж не выйдет.

Молодые ногайки гадали на орешках, камушках, бусинках, на том, что может покатиться. Одна из девушек собирала у остальных бусинки и прочее, трясла их в ладонях и бросала на ровную поверхность. Чья бусинка дальше других покатится, та и выйдет первой замуж.

Гадания на замужество удовлетворяло праздное любопытство девушек, являлось формой проведения досуга.

ГОЛИКОВА Наталья Владимировна

*Карельская государственная педагогическая академия,
г. Петрозаводск*

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

В условиях возрождения ценности семьи и брака в современном российском обществе актуальным является изучение ценностных оснований женского воспитания в традиционной культуре. Ценностные основания воспитания представляют собой единство этнических идеалов и норм поведения, которые складывались в соответствии с потребностями социума и личности, принимались человеком в процессе приобретения им нравственного опыта. Ценностные основания воспитания концентрируются в традициях, образе жизни, представлениях о нравственности, нормах морали. Формирование ценностных оснований воспитания происходит под влиянием социокультурной среды региона.

Специфика ценностных оснований женского воспитания в Олонецкой губернии второй половины XIX – начала XIX веков определялась историко-культурными условиями функционирования крестьянской семьи. Ценностные основания женского воспитания определялись экономическими, природными факторами, социокультурной ситуацией, в том числе этническими и религиозными особенностями региона. Приобщение к идеалу и нормам поведения женщины в крестьянской семье Олонецкой губернии осуществлялось посредством образа жизни, труда, эстетики быта. Характерной особенностью формирования ценностных оснований женского воспитания в крестьянской семье Олонецкой губернии являлся синкретизм мифологического и религиозного (православного) мировосприятия. Ценностные основания женского воспитания в крестьянской семье базировались на идеалах христианской жизни: любви к Богу и ближнему, как самому себе.

Ценностные основания женского воспитания обрели воплощение в орнаментальных символах кре-

стьянского жилища, костюма, вышивки; воспитание эстетикой быта было направлено на понимание значимости преемственности поколений, благополучной семьи, роли женщины – хранительницы рода и семейных традиций.

ГРЕЧИШКИНА Мария Владимировна

Государственный университет гуманитарных наук, г. Москва

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН, СОСТОЯЩИХ В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ

В последнее время в обществе традиционная семья теряет привлекательность. Распространяется практика, когда формирующаяся семья уходит от официальной регистрации отношений, создавая семью на основе так называемого «гражданского брака». Обнаруживается, что распространение «гражданского брака» влечет за собой реальную угрозу семье и обществу. Семья, основанная на «гражданском браке», не может полноценно выполнять присущие ей функции. Это связано с функцией деторождения. Встает вопрос о том, как переживаются такие браки самими женщинами, отражаясь на их удовлетворённости брачными отношениями и эмоциональном фоне.

Цель исследования – изучение особенностей эмоциональной и личностной сферы женщин, имеющих разный социальный статус.

Для реализации целей работы использован следующий методический материал:

1. Тест на удовлетворенность браком (В.В. Столин).
2. Анализ семейной тревоги (Э. Эйдемиллер).
3. Шкала дифференциальных эмоций (К. Изард).
4. Личностный опросник Р. Кетелла.
5. Опросник С. Бем (на изучение фемининности-маскулинности).

В исследовании приняли участие 40 женщин (2 группы по 20 человек). Для проверки гипотез были исследованы особенности эмоционально-личностной сферы женщин, проживающих в незарегистрированном гражданском браке, проведен сравнительный анализ с группой замужних женщин, состоящих в официальном браке. Результат исследования: существуют различия в эмоционально-личностной сфере у женщин, состоящих в разных видах брачного союза. Удовлетворенность браком у женщин, состоящих в незарегистрированном браке, ниже, чем у официально замужних. Эмоциональный фон, связанный с семейной жизнью, оказался менее благополучным у женщин, состоящих в гражданском браке, у них маскулинные качества выражены более по сравнению с женщинами, живущими в браке официальном.

Современное общество стало терпимым к разным формам партнерских отношений, но остается открытым вопрос: что дают гражданские браки женщинам, если заметно их эмоциональное неблагополучие в этих отношениях? Ответ на этот вопрос является основанием для дальнейших исследований, посвященных проблемам гражданских браков.

ГРОМОВ Дмитрий Вячеславович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

КОНСТРУИРОВАНИЕ МАСКУЛИННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Современные молодежные сообщества многообразны, и способы конструирования маскулинности в них различны. Можно выделить три группы.

1. Сообщества с численным преобладанием молодых мужчин, ориентированные на брутальные стандарты маскулинности. В сообществе приемлемой (а часто и одобряемой) является высокая степень агрессивности. Это выражается в интересе к дракам, межгрупповым конфликтам, экстремальному поведению. Ценится умение проявлять агрессивность, физическая сила, лидерские качества. В качестве идеалов маскулинности выступает образ «настоящего мужика», часто с элементами милитаризма (например, «белый воин» у скинхедов-наци) и/или спортивности.

Девушки в группе встраиваются в мужскую систему отношений и поведения, что предполагает три наиболее распространенные роли: личной подруги одного из участников группы; «общей», сексуально доступной девушки; девушки, ведущей себя по-мужски.

2. Сообщества, где мужчин и женщин примерно поровну, а гендерные отношения выстраиваются на равных (гендерная композиция соответствует в среднем принятой в обществе). Ценится способность контролировать собственную агрессивность. Маскулинность выстраивается в соответствии с идеалами конкретной группы (например, в творческих сообществах ценятся успехи в конкретном виде творчества, в туристических – опыт и владение навыками походной деятельности и др.).

3. Сообщества, в которых преобладают девушки. Поведение парней детерминируется ожиданиями девушек. Агрессивность, грубость и излишняя экстремальность поведения не ценятся. Особенно заметно это выражено в сообществах девушек юного возраста – недостаточный сексуальный опыт большинства участниц делает нежелательной демонстрацию сексуальной брутальности парней.

ДУБИНА Вера Сергеевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ФОРМИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МУЖЕСТВЕННОСТИ В ЭЛИТАРНЫХ ЗАКРЫТЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Гендерные исследования по своей сути междисциплинары и способны объединить стремления представителей разных наук в единое тематическое поле. Появлению гендерной тематики история во многом обязана антропологии, свежее влияние которой позволило иначе взглянуть на казавшиеся уже исследованными вопросы, а также открыть «новый»

мир мужской и женской культуры, без понимания своеобразных практик которого мы не можем приблизиться и к изучению прошлого. «Делать историю этнологической – это также значит провести переоценку магических элементов, истории харизмы», и культура русской элиты XIX века представляет для такого подхода особенно плодородную почву.

В России XIX века было принято доверять воспитание детей закрытым учебным заведениям. Первый свой сексуальный опыт многие дворянские мальчики получали именно там, и часто это был опыт гомосексуальных отношений. Повсеместное распространение гомосексуальных контактов формировало спокойное отношение к ним в дворянском быту, о чем свидетельствуют многие источники, а также тот факт, что выявленные гомосексуальные связи (включая изнасилование малолетних воспитанников учителями) оставались без адекватного наказания, даже при наличии строгого закона 1832 года. При этом намеки на гомосексуальные связи активно использовались в качестве способа разрушить репутацию идейного противника, что говорит о некомплементарной гомосексуализму картине мужественности и обещает интересные результаты исследования соотношения между повседневной практикой гомосексуализма и формированием у молодых дворян мужской идентичности.

ЕФИМОВА-СОКОЛОВА Ольга Леонидовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ОСТОЧНАЯ ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРИМЕР ЖЕНСКОГО ДОСУГА ГОРОЖАНОК

В современном индустриальном обществе с развитием прогресса и техники у людей появляется все больше свободного от работы и домашних дел времени. Это время, которое надо «убить с интересом». Одним из видов городского женского досуга является посещение групп восточного танца – «танца живота».

Чем привлекателен для женщин этот вид досуга?

В чем его отличие от других двигательных занятий?

Почему современные женщины предпочитают танцевать для себя?

Могут ли мужчины заниматься восточными танцами?

Автор доклада пытается найти ответ на эти и другие, связанные с ними, вопросы о женской повседневности и женском досуге в крупных современных российских городах.

ЖИНДЕЕВА Елена Александровна

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск*

ТРАДИЦИОННАЯ ЖЕНСКАЯ МАТРИЦА СОВРЕМЕННОЙ ЛИРИКИ МОРДОВИИ

Женское литературное творчество, эффективно развивающееся на рубеже XX–XXI веков, остается

дискуссионным вопросом в современном литературоведении. Клишированность, искусственность деления литературного процесса дают серьезные основания говорить, что в целом рамки термина «женская литература» в литературоведении еще не устоялись, но в настоящее время с воинствующим феминизмом это явление не имеет ничего общего.

Между тем женская поэзия, например, в пределах развития литературного процесса Мордовии, может быть достаточно четко разделена на реалистические и постмодернистские художественные тексты. Последние характеризуются как эмоциональные переживания действительности в контексте краха ценностей, расколотости сознания, хаоса, перевернутости мира. Неординарные, замысловатые, такие художественные тексты ориентированы, как правило, на элитарного читателя, владеющего определенным набором знаний, смысловым кодом, помогающим воспринимать и интерпретировать подобное произведение.

Все же наиболее интересны традиционные тексты, где мыслящая современница предстает личностью, наделенной пытливым умом, твердым характером, отзывчивым сердцем, свято преданной не только семейному, но и общественному, гражданскому долгу, способной быть опорой во всех жизненных обстоятельствах. Данные доминанты характерны для творчества избранных авторов – О. Савловой, Т. Смольяновой. Предложенный доклад посвящен выявлению характерных особенностей творчества поэтесс в связи с обоснованием наличия женской матрицы мышления и, следовательно, способов передачи эмоционального и вещественного мира современницы.

ЗОЛОТУХИНА Мария Владимировна
Московский Государственный университет дизайна и технологий, г. Москва

МАТЕРИНСТВО VS ОТЦОВСТВО: СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ И ПРАКТИКИ В США

Основной замысел автора – анализ главных тенденций в трансформациях феномена родительства США и его гендерной составляющей. Речь идет преимущественно о среднем классе как главном генераторе новых веяний. Источники – статистические данные, материалы СМИ, художественные фильмы, обширная литература, собственный опыт включенного наблюдения на протяжении двадцати лет.

Восприятие детей. В 2007 г. в США родилось больше детей, чем когда-либо раньше: свыше 4,3 миллионов, всего на сегодняшний день в Америке насчитывается более 73 миллионов детей. Как и принято утверждать во многих социологических и социально-антропологических работах, современные американцы в большинстве своем убеждены, что именно рождение ребенка превращает супружескую пару в семью. Эта установка носит метагендерный характер. Дети, с уверенностью смотрящие в будущее, счастливое детство – элементы «американской мечты», а возможность дать детям образование в надеж-

де на то, что они будут жить лучше, чем родители, всегда являлась ее неотъемлемым элементом. Желание завести ребенка или детей воспринимается как абсолютно естественное, не всегда заслуживающее осознанной рефлексии, не строго обязательное. Около 1% населения заявляют, что не хотят иметь детей вообще. Гендерный аспект на данном этапе рассуждений не очевиден. По наблюдениям автора, отношение к продолжению рода совершенно не обязательно привязано к полу.

Принципиальными моментами, определяющими, будет ли малыш желанным и запланированным, или неожиданным и даже не ожидаемым, является вопрос ресурсов и личной ответственности, которая с позиции общепринятой морали в идеале ложится на обоих родителей (правда, уже в независимости от биологического пола, что видно по телевизионным сериалам общенациональных каналов). Наиболее общие показатели «готовности» – наличие стабильной работы у одного или обоих супругов и собственного жилья.

Расчеты на примерное содержание ребенка носят конкретный характер: включают стоимость материального обеспечения ухода за ребенком (в зависимости от того, кто этим занимается), расходы на образование. Готовность супругов работать или не работать (и фактом не-работы экономить на оплате заботы о детях) – показатель ответственности и умения искать компромиссы.

ИВАНЧИНА Оксана Александровна
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

ПОЛОЖЕНИЕ И РОЛЬ ЧУВАШСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв. (до 1933 г.)

В последнее время заметно усилился интерес ученых и широкой общественности к проблеме современного функционирования этнических ценностей в материальной, духовной и соционормативной культуре, в связи со стремлением к возрождению нравственных основ, самосознания, идентичности и духовных ценностей этносов. Исследование предполагает работу в рамках одного из самых актуальных направлений в современной науке – гендерного, суть которого составляют социально и культурно-детерминированные различия в поведении и статусно-ролевых функциях женщин и мужчин. Важным направлением гендерных исследований является меняющийся статус женщины и образ женского в современном обществе.

В связи с этим назрела необходимость выявить и проанализировать роль и статус женщины в семье и социуме, в том числе и в традиционной культуре чувашей. В решении данной проблемы предполагается рассмотреть ряд вопросов, связанных с определением совокупности факторов, оказывающих влияние на социальный, имущественно-правовой статус женщины, с изучением структуры повседневности традиционного женского быта, с выявлением и описанием

смысловой и мифологической нагрузки женских образов в духовной культуре чувашей, с определением значения и роли чувашской женщины в семейной обрядности.

ИВШИНА Мария Владимировна

Глазовский государственный педагогический институт
им. В. Г. Короленко, г. Глазов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ (ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Неритуализованная гендерная коммуникация – нормы поведения, обычного права, а более всего практика их нарушений и конфликты дают наиболее отчётливое представление о реальном гендерном балансе в крестьянской семье удмуртского и русского населения Вятки.

Гендерную окраску имела едва ли не большая часть семейных конфликтов. Основой чаще всего являлись имущественно-денежные споры, возникавшие либо внутри семьи, либо в случае её раздела. Раздел становился, как чаще формулируют первоисточники, следствием ссор «между женщинами, которые мужей своих стараются всеми мерами возбудить к разделу». Очевидно, варианты семейных разделов, инициатором которых выступал мужчина, подпадали под категорию «обычных».

Постоянной зоной имущественных конфликтов становились отношения в сфере семейного свойства – между свёкром/деверем и снохой. Частота споров между ними по поводу раздела имущества, которые разбирались волостными, уездными и губернскими администрациями, достаточно высока. «Нажитая вне хозяйства» собственность женщины не могла войти в семейный раздел, однако это не всегда учитывалось противной стороной.

В семейных конфликтах нередко возникали случаи мелодраматически-криминального характера, когда вдова, выделявшаяся из семьи мужа, в жалобах на свёкра или деверя основной упор делала на всяческие «обиды и притеснения», чинимые последним. Любопытны и те разбирательства между свёкрами/деверями и снохами, в которых суть дела имела не материальный характер, но в виду имелось «оскорбление словом или действием» – причём, со стороны женщины.

КАБАКОВА Галина Ильинична

Университет Париж 4-Сорбонна, г. Париж (Франция)

«ПИР ГОРОЙ»: ОБРАЗ ПРАЗДНИЧНОГО ЗАСТОЛЬЯ В ЗЕРКАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО СЕВЕРА (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Иностранцы путешественники неизменно поражались изобилию русского застолья. Метафорически парадный обед может описываться, как *семиблюдка* (арханг.), в действительности торжественное застолье могло состоять из 15, 16, 20 и даже 40 блюд. Каждое

блюдо (ст.-рус.: *обнос, артель, выть, перемена, смена, постав, поставка*) было представлено множеством разновидностей: в начале трапезы подавалось двенадцать видов студня (костром.), а в конце – семь видов каши (волог.). Накрытый праздничными угощениями стол создавал образ вселенского изобилия, отсюда тщательно разработанная симметричная структура сервировки стола, в которой доминирует вертикаль (ср. выражения *пир горой, вологод. котюр, стог* и пр.). Богатство застолья наделяло удачей главных «виновников торжества»: на свадьбе – новобрачных, на родинах и крестинах – новорожденного.

Терминология праздничного застолья отражает главное, символически насыщенное блюдо: ст.-рус. *хлебины, хлебник, хлебница, хлебная вечеринка* – «угощение у отца новобрачной на второй или третий день свадьбы», вологод. *дрочёны, дrouchельница* – «угощение, устраиваемое молодой для друзей после свадьбы», *молодкин чай* – «угощение после свадьбы, на котором молодая угощает свою новую родню пирогами» (Ниж.Печора).

Застолье выступает сложно организованным действием, центральным актом оказывается распределение между участниками главного блюда. На свадебном пиру таким блюдом выступает либо каравай, причем каждый гость получает по куску, олицетворяющему часть общей доли и носящему говорящее название *жеребеек*, либо большой кусок вареного мяса, называемый *честь* (волог.), и также распределяемый между участниками застолья. Не менее значимыми оказываются первое и последнее блюда.

КАЗАКОВА-АПКАРИМОВА Елена Юрьевна

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОЖАН В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В пореформенный период истории России (после Великих реформ) профессионализация как один из субпроцессов модернизации набирала темп. По убеждению Грегори Л. Фриза, подчеркивающего значимость сословной парадигмы применительно к истории России второй половины XIX – начала XX в., профессионализация являлась одним из главных индикаторов социокультурных изменений в обществе. Новая профессиональная интеллигенция по увеличению численности и укреплению самосознания становилась одной из главных сил в российском обществе. Значимым был процесс появления женщин-профессионалов в сфере образования, медицине. Исследование процесса профессионализации и формирования городской профессиональной субкультуры в региональном измерении (в частности, на примере самобытного Уральского региона), чему посвящается доклад, способствует углублению научных представлений о закономерностях и особенностях модернизации в российских регионах, ее социокультурных последствиях.

На материалах Урала второй половины XIX – начала XX в. представляется важным проанализировать формирование профессиональной субкультуры горожан (учителей, медицинских работников и инженеров), которая поддерживалась формальными профессиональными ассоциациями. Предполагается определить роль в процессах профессионализации (мужчин и женщин) профессиональных обществ, обществ взаимопомощи и иных обществ, построенных по профессиональному признаку. В докладе уделяется внимание проблемам формирования профессиональной этики с ее акцентом на общественное служение, формирование определенных культурных и социальных привилегий профессиональных групп. Особенности формирования профессиональной субкультуры (или субкультур) горожан в имперской России исследованы недостаточно, особенно в региональном плане. На фоне дефицита подобных исследований исторический опыт профессионализации на «горнозаводском Урале» в целом и в связи с ролью технической интеллигенции в экономической и общественной жизни региона в частности представляют значительный научный интерес.

КАЛАЧЁВА Ирина Ивановна

*Республиканский институт повышения квалификации
Министерства труда и социальной защиты, г. Минск
Беларусь*

ТРАДИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ: БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ

Национальная культура является важнейшим источником развития современной белорусской семьи: её интерес к материальной и духовной культуре народа угадывается в образе жизни, ценностных ориентациях, семейных традициях, в которых сочетается новое и уже известное. Согласно данных социологических опросов населения Беларуси, важнейшими ценностями остаются ценности семьи, любви к детям, уважительного отношения к старшим поколениям, коллективизма, взаимопомощи и поддержки («талакі»), здоровья, материального достатка. Анализ брачной мотивации людей с разным стажем семейной жизни показывает, что эти ценности определяют долголетие семьи, её устойчивость к невзгодам.

Формирование культуры семейных отношений основывается на семейных традициях, обрядах: большую популярность приобретают свадебные обряды с национальным колоритом, родинные обряды, сохраняются традиция кумовства.

Современная семья, обладая знаниями о методах воспитания ребенка, слабо обращается к народному педагогическому наследию. Сами родители, в особенности молодые, не обладают достаточно высоким уровнем педагогической культуры: экспертный анализ показывает, что многие из них применяют мето-

ды морального давления на ребенка, иногда физическое наказание. Фактором, способствующим затруднениям в освоении национального наследия белорусского народа, является преобладание русскоязычной среды, слабая популяризация литературы на белорусском языке.

Снижение уровня общественного мнения относительно сожителств (гражданских браков) порождает многие негативные тенденции: безответственность родителей, правовую незащищённость детей и матерей. Специалистам следует активней внедрять новую форму регулирования семейно-брачных отношений – брачный договор, который может быть конструктивным инструментом формирования правосознания молодёжи.

КОЗЛОВА Ольга Андреевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

«В ТЕРЕМУ ВЫСОКОМ ДУША-ДЕВИЦА». ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЗАТВОРНИЧЕСТВА МОСКОВИТОК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Накануне петровской эпохи в российском обществе наметился процесс модернизации существующего патриархального строя, характеризующийся усилением внимания к нравственно-этической стороне общественной жизни, и особую роль в этом сыграло внимание к моральному облику женской половины общества, в частности – незамужних девушек.

До проведения реформ девушки, особенно в привилегированных сословиях, воспитывались в системе теремного затворничества, на которое повлияли каноны Домостроя. Воспитание заключалось в том, что девушек существенно ограничивали в общении и возможности участия в общественной жизни. Большинство своего времени московитки проводили дома, занимались рукоделием, домашним хозяйством, и покидать место своего «заточения» могли лишь в случае посещения храма или по иной причине, считавшейся уважительной: свадьба, похороны, приём важного гостя.

Объяснение подобному восприятию общества было простым: вне стен родного дома (терема) девушку, согласно религиозным воззрениям, встречали соблазны и прегрешения мира, жертвой которых она становилась. Теологическая составляющая уверяла: запятнавшая себя грехами девушка становилась в глазах общества «падшей», недостойной замужества, причём этот факт являлся позором не только для неё, но и для всей её семьи и рода.

Подобные патриархальные пережитки были искоренены европеизацией, введённой Петром I и продолженной его потомками: общественные реформы способствовали росту образования, просвещённости, женщина перестала быть «существом злым», которое нужно было скрывать от света, как диктовал Домострой, стала полноправным членом общества, независимо от своего семейного положения.

КОЛЯСКИНА Елена Александровна

Алтайская государственная академия образования, г. Бийск

ОТНОШЕНИЯ МАТЕРИ И РЕБЕНКА У РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Символика материнства обладала защитной магией, витальной энергией. Самой распространенной покровительницей материнства была Богородица. Считалось, что у ребенка с матерью существовала духовная и эмоциональная связь. Мать выступала проводником между ребенком и внешним миром в преднатальный период. У старожилов она несла ответственность за душу ребенка, умершего до крещения.

Характеристики родителей, особенно матери, переносились на детей. Большее значение материнскому благословию придавали старожилы. Оскорбить мать было большим грехом.

Дочь представлялась продолжением матери, ей она передавала часть своей витальной энергии. Рождение девочки, с внутренней, женской точки зрения, наделялось высшей ценностью, а мальчика – с внешней, мужской.

Материнская любовь представлялась наиболее сильным, постоянным и врожденным чувством. Кормлению грудью придавалось ритуальное значение, его длительность рассматривалась как проявление любви матери. Верили в магические свойства грудного молока, его связь с жизненной силой.

Смерть ребенка представлялась божьей волей и роком, которому нельзя сопротивляться. В свою очередь, потеря матери считалась большей бедой для ребенка, чем утрата отца.

Функции ухода и воспитания детей воспринимались преимущественно как женские, хотя в воспитании принимали участие и другие члены семьи, и крестьянского общества, как контролирующие органы. На транслируемые в процессе воспитания стереотипы поведения влияли этнокультурные и конфессиональные факторы. У старожилов, исключая «поляков», отмечались более суровые, чем у переселенцев, методы воспитания.

КОН Игорь Семенович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ТРИ В ОДНОМ: СЕКСУАЛЬНАЯ, ГЕНДЕРНАЯ И СЕМЕЙНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Гендерные отношения современного общества основаны на нескольких глобальных процессах. Сексуальная революция XX в. – не просто поведенческие сдвиги, типа снижения возраста сексуального дебюта, но отделение сексуальности от репродукции и признание ее самостоятельной ценностью. Сдвиги являются не только социально-экономическими и дискурсивными, но и технологическими (новая контрацепция, вспомогательные репродуктивные технологии). Хотя главными агентами изменений были женщины, пове-

дение и установки которых изменились значительно больше, чем мужские, эволюционируют как сексуальные сценарии, так и гендерный порядок.

Сексуальная революция оказалась верхушкой айсберга, за которой скрывается более глубокая гендерная революция. В конце XX в. женщины впервые начали соревноваться с мужчинами не в отдельно взятой семье или постели, а на макросоциальном уровне, на рынке образования и рабочей силы. Не отменяя базового полового диморфизма, ослабление гендерной поляризации революционизирует все сферы общественного разделения труда и подрывает привычные нормативные представления. Женское равноправие из политического лозунга становится социальной реальностью. Вопреки байкам о феминизации мужчин и маскулинизации женщин, нормативная неопределенность не калечит людей, а открывает перед ними новые возможности индивидуальной самореализации.

Третья революция, семейная, о которой социологи доказательно заговорили в 2003 г., на основе когортных исследований трех поколений европейцев (близкие тенденции обнаружило первое репрезентативное отечественное когортное исследование, проект «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», 2007), проявляется в том, что современные мужчины и женщины вступают в брак реже и позже, чем раньше, их союзы чаще распадаются, и все больше детей воспитывается без участия одного из родителей. Юридический брак, как до того – церковный, фактически утратил монополию на легитимацию сексуальности и партнерских отношений. Подобно гендерной революции, это ставит перед обществом новые сложные проблемы. Культура и государство вынуждены легитимировать ранее осуждавшиеся, девиантные формы союзов. Безразличное «сожитительство» стало уважаемым «гражданским браком», никого не удивляют семьи с одним родителем, происходит легализация однополых браков, интимизация семейных отношений порождает новые модели родительства, переориентацию с власти на авторитет и т. д. Превращение брака в свободное партнерство резко уменьшает возможности административно-бюрократического «регулирования» сверху, а сами семейные отношения оцениваются не столько по степени их устойчивости, стабильности (нет ничего стабильнее крепостного права!), сколько по качественным показателям, включая субъективное благополучие (subjective well-being) и удовлетворенность всех членов семьи. Традиционная семья этих ценностей не признавала.

Все эти процессы – частные случаи характерной для сложного динамичного общества индивидуализации и плюрализации стилей жизни. Как и всякая модернизация, они вызывают сопротивление традиционалистов, которые воспринимают новые вызовы истории как катастрофы и пытаются навязать обществу заведомо нереальные политические стратегии (полное сексуальное воздержание до брака, сохранение мужского верховенства в семье и т. п.).

КОСТРИКИНА Ольга Анатольевна

*Департамент информационно-аналитического обеспечения
органов государственной власти Ярославской области,
г. Ярославль*

ШУСТРОВА Ирина Юрьевна

*Ярославский Государственный университет
им. П. Г. Демидова, г. Ярославль*

**«ВОИТЕЛЬНИЦЫ» УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ
ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В докладе речь пойдет о возможностях использования опекунских отчетов для изучения занятий женщин-мещанок в уездных городах Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. На протяжении первой половины XIX в. структура занятости горожан претерпевает заметные изменения за счет резкого уменьшения числа лиц, занятых в аграрном секторе, и увеличения числа лиц, занятых промышленным трудом. «Рапорты о купецких и мещанских вдовах и сиротах за 1785–1795 гг.» позволяют судить о занятиях женщин «мещанского и купеческого состояний».

Самыми распространенными видами занятий в Рыбинске, Любиме, Данилове были прядение льна и ткачество холстов, продажа съестных припасов, содержание постоялых дворов. Поименный список мещанских вдов 1789 г. позволяет говорить о том, что практически все они имели не один, а два-три и более источников дохода. Наиболее часто упоминаются «пряжка льна и швейное рукоделие», «пряжка льна и харчевой промысел», «пряжка льна, ткачество пестрядей, продажа огородных овощей и харчевой промысел», «торговля сукнами, набойки нитяные, продажа сбитня». Опекунские отчеты позволяют судить об уровне оплаты прислуги, главным образом женщин («работниц», «кухарок», «горничных девок»). Отличия в размере годового жалованья в пределах одного города велики, логично предположить, что уровень оплаты зависел от круга выполняемых обязанностей. Уровень жизни горожан во многом определялся развитостью городской инфраструктуры, наполненной элементами, ориентированными на обеспечение базовых жизненных потребностей человека.

КОТОВСКАЯ Мария Григорьевна.

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**ГЕНДЕРНОЕ РЕФОРМАТОРСТВО
В ТЕОЛОГИИ**

Внесение гендерного равенства в социально-политическую сферу и в сферу духовности является насущным требованием времени. В каждой из мировых или национальных религий по сей день сохраняется система антиженских (мизогинических) взглядов, принижающих роль Женского: от менструальных табу до вербальных инвектив о греховности и «вторичности» женщины. Понимая, что традиционные религии сыграли значительную роль в формировании

гендерных предрассудков, дискриминирующих Женское начало на фоне Мужского, и из осознания несправедливости существующих церковных практик, в середине XX века ряд исследователей обратился к систематической критике религий с позиций восстановления гендерного равенства.

Наибольшего размаха гендерное реформаторское движение достигло в христианской теологии, что можно объяснить большей активностью общественных лидеров и организаций в странах Запада. Часть религиозных деятелей под давлением феминистской общественности, принимая во внимание изменения, происходящие в современном обществе, повышение социальной роли женщины и общей культурной демократизации, начали предлагать клиру новую интерпретацию священного писания, отказываясь от установок, наиболее откровенно дискриминирующих женщин. Наиболее прогрессивные из служителей церкви заявляли, что «в Библии нет указаний, препятствующих политическому, гражданскому, духовному равноправию женщин» и что, согласно католической доктрине, первородный грех был с лихвой искуплен жертвой Христа.

Аналогичная ситуация складывается и в других институциональных религиях. Согласно иудаизму, велика роль еврейских женщин в спасении еврейского народа и сохранении иудейской духовности в период более двухтысячелетнего рассеяния евреев по миру.

Гендерные исследования религии распадаются на множественные направления, парадигмы и методы, из чего следует, что не существует единой классификации их описания. Согласно географическому принципу различения, выделяют гендерные парадигмы в теологиях регионов: азиатскую теологию Китая, Японии и Тибета, европейскую феминистскую теологию (Западная Европа), североамериканскую (Канада и США), латиноамериканскую (Центральная и Южная Америка), теологию Индии и Юго-Восточной Азии, теологию Тихоокеанского региона и теологию Африки. Наиболее мощными и институализированными являются феминистские теологии Европы и Северной Америки, однако гендерные исследования религий других регионов обладают рядом специфических черт и особенностей.

КУЗНЕЦОВА Рита Шалвовна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

**СУДЬБА ОДНОЙ КОНЦЕПЦИИ
(МАТРИАРХАТ НА КAVKAZE)**

Выходу *Das Mutterrecht* («Материнское право») Бахофена – 150 лет. Было показано, что концепция матриархата, появление которой обычно связывают с этим событием, вдохновлена не столько самим текстом, сколько неким «мистическим» его прочтением. Тем не менее, после Энгельса, по словам которого, «открытие... матриархальной ступени, предшествовавшей патриархальной, имеет... то же значение, что и теория эволюции Дарвина... и теория прибавочной стоимости Маркса», концепция матриархата превращается

тилась в руководство для нескольких поколений марксистов. Применительно к этнографии Кавказа ответственность за это лежит на М. О. Косвене. Последующее же поколение кавказоведов, в частности специалистов по Западному Кавказу, продолжало иллюстрировать его идеи. Опорой в их поисках служил советский «государственный феминизм».

Правительство приступило к систематическому выправлению неравенства женщины, которое касалось и области брачно-семейных отношений, и участия в социальной жизни и государственном управлении. Так, в 1937 г. в составе окружных избирательных комиссий по Абхазии работало 16 абхазок, около 15 абхазок было избрано в Верховный Совет Абхазской АССР. Но СССР прекратил свое существование, и на новом витке борьбы методологий концепция матриархата в кавказоведении была отброшена, как одна из устаревших марксистских догм. Однако в ее критике снова стали звучать привычные патриархатные голоса.

КУПЦОВА Ольга Николаевна

*Всероссийский государственный университет
кинематографии им. С. А. Герасимова, г. Москва*

**«МУЖСКОЕ» И «ЖЕНСКОЕ»
В РУССКИХ УСАДЕБНЫХ ПРАЗДНИКАХ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.**

Русские усадебные праздники конца XVIII – начала XIX в. могут быть рассмотрены не только в контексте развлекательной культуры или истории зрелищ, но и с точки зрения возникновения новых форм общежития (в частности, складывающихся новых семейных традиций). В этот период русской аристократией активно усваивается и присваивается европейская традиция светских праздников (прежде всего празднования именин). В русскую культуру приходит понятие «семейного круга», включающее как новое распределение гендерных ролей в семье, так и новые отношения между поколениями старших и младших (с особым местом детей в них). Однако для усадебных праздников остается существенным и традиционное представление о «большой семье» (дальние родственники, свойственники, соседи, а также крестьяне), корректирующее и изменяющее заимствованную европейскую модель, для которой узкий «дружеский круг» в это время уже важнее широко понятых родственных отношений.

В докладе рассматривается переход от усадебных праздников 1770–1790-х гг. с «мужским центром», ориентированных на Хозяина (Кусково Шереметевых, Знаменское Плещеевых), к праздникам 1800–1820-х гг. с «женским центром», адресованным Хозяйке (Чернь Плещеевых, Муратово Протасовых, Казацкое Голицыных, Приютино Олениных, Знаменка Мятлевых и др.). А также анализируется особая роль литературы и искусства в формировании новых семейных традиций (в частности, сценарии усадебных празднеств Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского. И. А. Крылова, Н. А. Гнедича, И. А. Мятлева и др.).

КУРТО Ольга Игоревна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ДИАСПОРЕ КИТАЯ**

Сформировавшаяся за последние двадцать лет русская диаспора Китая – это пока малоизученная страница современной России, не говоря уже о её специфике с гендерной точки зрения. Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что год от года неуклонно растёт численность русской общины в Китае, значительную часть которой составляют женщины. Причин, по которым женщины оказываются в Китае, несколько:

- 1) есть китайские корни или родственники в Китае;
- 2) получение образования;
- 3) брак;
- 4) временная работа по контракту;
- 5) желание постоянно работать и жить в Китае.

В образовательном и социальном плане женщин, постоянно или временно проживающих в Китае, можно условно разделить на три группы:

- 1) без образования или получившие среднее образование и, как следствие, работающие официантками, танцовщицами и пр.;
- 2) неоконченное высшее – обучение в Китае, временные заработки или работа по найму;
- 3) очень высокий образовательный уровень и работа в крупных компаниях.

К отдельной категории относятся женщины, приехавшие в Китай вслед за мужьями. Источниками информации в рамках данного исследования являются ещё не введенные в научный оборот материалы современных эмигрантских изданий и материалы из личных архивов автора.

ЛЕБЕДЕВА Лариса Витальевна

*Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза*

**СПЕЦИФИКА МОДЕРНИЗАЦИИ
БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КРЕСТЬЯН В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИИ**

Готовность к принятию новаций обществом отличается не только в различные исторические эпохи, но и в разных социальных группах, имеющих свой жизненный уклад, менталитет, иерархию ценностей. В связи с этим особый интерес представляет первое десятилетие советской власти, когда шла смена формы государственности, формирование юридического равенства, вырабатывались новые мировоззренческие ориентации и гендерные отношения. Законодательное изменение брачно-семейных отношений, ожидания, предъявляемые мужскому и женскому поведению, наталкивались на традиции, которые сохранялись в обществе. Важными факторами консервации традиционных взаимоотношений были социально-

экономические условия существования семьи, сохранность религиозных догматов в обществе, слабое развитие различных видов коммуникаций.

На практике внутрисемейные отношения крестьян в этот период времени в целом оставались прежними. Их брак был своеобразной хозяйственной сделкой, в основе которой лежала не столько привязанность, сколько экономический расчет. Их взаимоотношения определялись нормами обычного права, религиозными воззрениями, общественным мнением. Традиции в мужском и женском поведении крестьян проявлялись в порицании сожителства, разводов, нескольких браков, межнациональных союзов; сохранности раннего брачного возраста, выбора времени для заключения брака, религиозной обрядности, свадебного ритуала; ограниченности свободы выбора супруга; отсутствии партнерских отношений, принимающих во внимание интересы друг друга.

ЛИТВИН Юлия Валерьевна

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАРЕЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)

Правовое самосознание является частью такого понятия, как «правовая культура». Правовая культура в дореволюционной деревне в значительной степени сформировалась благодаря нормам обычного права, и находилась под их влиянием. Население Олонецкой губернии, в какой-то мере воспринявшее идеи как либеральной Финляндии с ее лютеранской традицией, так и самодержавной православной России, сумело сохранить культурную и национальную идентичность. Одним из следствий такого этнокультурного синтеза можно признать формирование определенного правового положения женщины. Частые жалобы на оскорбления со стороны должностных лиц или односельчан, на «неправильные» решения схода о разделе имущества; относительная свобода в выборе спутника жизни; многочисленные ходатайства в волостное правление с просьбой выдачи паспорта на отдельное от мужа проживание или «отлучки» без согласия супруга; выполнение «мужских» работ во время их отсутствия; участие в отходничестве; старообрядческая традиция с ее почитанием женщины – все эти и другие данные позволяют говорить об относительно высоком правовом статусе карелки.

Развитие правовой культуры и правового самосознания карельской крестьянки происходило в значительной степени под влиянием внешних факторов: вынужденный отход на заработки в Финляндию и Петербург, усилия земства в деле повышения образовательного уровня населения, возросшая роль учительниц в жизни деревни и т. д.

ЛЫЗЛОВА Анастасия Сергеевна

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ПОХИЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ: ФУНКЦИИ ГЕРОИНИ В ИНОМ МИРЕ

Коллизия, связанная с похищением женщины, достаточно широко представлена в русской сказочной традиции. Женские персонажи играют в таких сказках не менее значимую роль, чем другие герои (похитители и освободители).

На первый взгляд может показаться, что похищенной героине в сказках отводится довольно пассивная роль. Однако привлечение большого количества текстов опровергает подобное мнение. Оказавшись в ином мире, женщина становится женой похитителя, т. е. хозяина потустороннего царства. Образ жизни похищенной заключается именно в выполнении функций жены: она готовит и убирает в доме, кормит похитителя, «ищет» у него в голове (головах). Очень часто героиня занимается рукоделием: шьет, вяжет, вышивает, прядет. Эти занятия изначально были магическим действием, имеющим определенные результаты, о которых сообщается лишь в единичных сказках о похищении женщины. Кроме того, похищенная героиня нередко оказывается помощницей освободителя. Именно она в большинстве рассматриваемых сказок узнаёт тайну смерти похитителя и сообщает о ней герою. Также женщина скрывает своего освободителя в потайном месте, чтобы его не обнаружил хозяин иного мира, во власти которого она пребывает. Наконец, женщина наделяет героя чудесными предметами, с помощью которых он впоследствии добывает себе невесту. Обо всех этих многочисленных функциях похищенной идет речь в докладе.

ЛЫТКИНА Татьяна Степановна

Институт социально-экономических и энергетических

проблем Севера Коми научного центра УрО РАН,

г. Сыктывкар

ПРЕДЕЛЫ ЖЕНСКОЙ ВЛАСТИ В ПАТРИАРХАТНОЙ КУЛЬТУРЕ

Несмотря на социальную необходимость домашнего труда, выполняемого женщинами, он, будучи не престижным, низко квалифицированным, не оплачиваемым, ограниченным пределами дома, по-прежнему воспринимается как второстепенный и рассматривается в качестве показателя угнетения женщин. Эта точка зрения утвердилась на российской почве. Другая точка зрения вовсе неоспорима. Она заключается в подчиненности женщины в патриархатной культуре. Особенно, если он является «классическим». «Классический патриархат» представляет собой семейный уклад, предполагающий безусловный авторитет отца в семье, сильное влияние родителей на заключение браков, главенство мужа над женой и вторичный статус дочери по сравнению с сыном».

Почему при столь активном распространении феминистских взглядов, признании дискриминации женщин мужчинами сохраняются общества, сберегающие признаки классического патриархата? Неужели женщины так слабы, что не могут сопротивляться агрессии мужчин в современных условиях? Или женщины приспособились к подчиненной роли в обществе, что не хотят замечать ее? Возможно, они научились манипулировать мужчинами в достижении своих корыстных целей, и это их устраивает? Или женщинам предоставлены широкие права в управлении домашнего хозяйства, занимающего в иерархии ценностей народа доминирующее положение, но неспособного конкурировать с благами рыночного обустройства мира?

Иными словами, каковы пределы женской власти, позволяющие поддерживать или разрушать патриархатную культуру, основанную на подчинении женщины мужчине? Чтобы ответить на эти вопросы, мы использовали материалы монографического исследования, суть которого состоит в изучении случая, раскрывающего внутренние механизмы повседневной жизни сельских жителей традиционной культуры.

МАГОМЕДСАЛИХОВ Хайбула Гамзатович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА

Социальный статус мужчины в обществе сложился с учетом фактора обороны, защиты репутации тухума и джамаата. Мужчина – это продолжатель рода, глава и опора семьи, поэтому рождение мальчика у горцев отмечалось торжественно, наравне со свадьбой.

В социальном статусе женщина значительно уступала мужчине, что было обусловлено соответствующей ей социальной роли. Исламская религия не ревновала женщину, и предписывала ей быть неприязнительной, скромной и во всем подчиняться мужу. Горский быт требовал значительных физических и морально-психологических затрат ради поддержания жизнедеятельности, где основная роль отводилась женщине, и от отношения к труду во многом зависели ее социальный статус и общественная репутация.

Потенциально женщина своим порочным поведением могла подпортить репутацию как свою, так и тухума, и потому это обстоятельство было одним из актуальных конфликтогенных факторов. С учетом этого мужская часть тухума к женщине превентивно относилась с должной строгостью. Некорректно статус женщины в горах интерпретировать только в негативном смысле, так как женщина – это и мать, и сестра, и жена, и представительница тухума, или просто горянка. Соответственно, следует дифференцированный подход. Свидетельством тому, что горянка в рамках горской морали не была ущемлена в социальном статусе, является пример ханши Бахубика – правителя Аварского ханства.

Итак, социальный статус мужчины и женщины в горских обществах сложился с учетом той роли, которую они играли в жизни общества.

МИНЕЕВА Татьяна Александровна

Омский государственный педагогический университет, г. Омск

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛА XX вв.

В середине XIX в. в России появилось множество сочинений, направленных против женского образования, связанных общей мыслью, что для исполнения семейных обязанностей женщине не нужно уметь читать и писать, т. е. нет никакой надобности в развитии. Питаясь понемножку от крупниц просвещения, пользование которым мужчины считали своим исключительным правом, женщины набрались такой интеллектуальной силы, что предъявили требование равноправного с мужчинами образования и, с большим или меньшим успехом, добились его. У женщин возникает потребность в удовлетворении умственной активности путем уединения, что замыкает на себе, отторгая от семьи, детей и коллег. «Проснувшись» женская активность и самостоятельность, разорвавшая старый уклад и разрушившая традиционную зависимость и покорность.

Как отмечают в своих воспоминаниях В. Н. Харузина и А. Я. Ефименко, стали распространенными совместные семейные чтения вслух. Эпоха позволила одним женщинам отодвинуть на второй план семейно-брачные отношения, а на первый выдвинуть занятие любимым делом, не свойственное им исторически, – наукой, педагогической и общественной деятельностью. Другие прекрасно совмещали жизнь в браке с активной научной деятельностью, шли по жизни вместе с мужьями. Такой путь выбрали А. Я. Ефименко и М. А. Островская, О. Добиаш-Рожественская и С. Брюллова.

Середина XIX в. привнесла в общество новую традицию, постепенно охватившую каждую семью, и повседневность женщины стала меняться, на смену "созидания" пришла активная общественная и научная деятельность.

МИХАЙЛОВА Мария Викторовна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ВОПРОСЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В РОМАНЕ А. Я. МАРЧЕНКО «РАЗЛУЧНИКИ» (1869)

Творчество А. Я. Марченко (1830–1880) практически не освоено литературоведением. Только в 2010 г. появилась диссертация Т. Сварчевской, где упор сделан на проблеме женской реализации ее героинь.

Анализу подверглось, главным образом, раннее творчество писательницы, где действительно можно обнаружить идущие вразрез с мужским литературным каноном установки на самореализацию лично-

сти женщины, на отстаивание ею полноценной роли в социуме. Если это являлось чем-то исключительным в общелитературном контексте, то в русле развития тенденций женской литературы не выглядит особо оригинальным, поскольку почти все писательницы отстаивали идеи эмансипации. Зато разительный контраст представляет собою ее последний роман «Разлучники». В нем, на первый взгляд, Марченко «сдает» свои прежние позиции, «закрепляя» за женщиной только семейную сферу: ее героиня отказывается от литературных занятий и с головой уходит в семейные дела.

На самом деле в нем даны инновационные «гендерные решения». Марченко явилась едва ли не первопроходцем в рассмотрении юридической неоформленности семейного права, при котором права женщин в семье постоянно ущемляются. Писательница подсаживает читателю такой вывод: писательницей-то не каждая женщина будет, а вот матерью и женой – большинство. Посмотрите, во что выливается это «традиционное» женское занятие! Автор оказалась прозорлива, поскольку в современном мире в большинстве стран в социальной сфере женщины добились многого, но при этом успешная деловая женщина может подвергаться насилию в семье, у нее могут отобрать детей и т. п. Автор напрямую ставит вопрос о семейном праве, формулируя свои требования: «...равноправность и гражданственность должны быть в семействе и с семейных ее прав начинаться».

МИХЕЕВА Анна Рэмовна

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ ТРЁХ ПОКОЛЕНИЙ: О СЕМЬЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРУППОВЫХ ДИСКУССИЙ)*

Сравнительное изучение представлений трёх поколений мужчин и женщин о семье в современной России было проведено в Новосибирске в 2010 г. Целью исследования было выявление устойчивости/ослабления гендерных стереотипов, относящихся к сфере частной жизни. В спектр представлений о семье были включены следующие аспекты: что такое «российская семья сегодня», её формы, отношения между супругами, их семейные обязанности, различные аспекты родительско-детских отношений, о семейной и демографической политике и др. В докладе содержатся результаты анализа материалов шести открытых групповых дискуссий на эти темы: трех дискуссий с женщинами (отдельно 20–25 лет, 35–40 лет, 55–60 лет) и трёх дискуссий, участниками которых были мужчины этих же возрастных групп (по отдельности).

Основной результат – не выявлено межпоколенных и межгендерных различий во мнениях почти по

всем обсуждаемым аспектам проблем семьи и семейной жизни в современной России.

Единодушные мнения все группы участников выразили по следующим моментам:

- 1) о снижении авторитета родителей у детей;
- 2) о государственной семейной политике как малоэффективной.

Небольшие межгендерные разногласия проявились в отношении к следующим моментам:

- 1) феномен распространения нерегистрируемых союзов;
- 2) участие в воспитании детей.

К межпоколенным разногласиям можно отнести взгляд на распределение семейных обязанностей: молодые женщины полагают, что их «*всегда* нужно делить поровну», а более старшие женщины (и все группы мужчин) считают, что «нужно делить поровну *по мере возможности*».

МУХИНА Зинара Зиевна

Старооскольский технологический институт, г. Старый Оскол

О ВОПРОСЕ ВХОЖДЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В КУЛЬТУРУ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Вопросы вхождения новаций занимают важнейшее место в понимании законов функционирования культурных систем. Предлагается схема для выявления закономерностей формирования новых структур в крестьянском социуме. Для построения схемы использованы результаты современной теории самоорганизации, рассматривающей общие закономерности образования новых структур в самых разных системах, в том числе в экономических и социальных. Данную схему автор использует применительно к жизни крестьянской женщины.

Все, что касается жизни женщины, все точки соприкосновения с внешним миром, все аспекты ее внутреннего мира отнесем к женскому пространству. Оно имеет множество компонентов: функциональные, структурные, символические, предметные, генетические, познавательные, эмоционально-психологические, морально-правовые, мировоззренческие и др. Женское пространство является открытой системой, она обменивается с внешней средой информацией и энергией. Вследствие коллективного поведения элементов женского пространства, в результате взаимодействия их между собой и с внешним миром происходит процесс упорядочения. Сам упорядочивающий фактор получил название параметра порядка. Параметр порядка представляет сложное образование, куда входят элементы жестко детерминированных внешних воздействий (как, например, Манифест об эмансипации крестьянства или установленная система налогообложения), элементы пространства крестьянского социума и элементы самого женского пространства.

Из бесчисленного множества элементов внешнего мира, воздействующих на женское пространство,

* Работа выполнена на кафедре общей социологии ЭФ НГУ при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 10-03-00499а «Социализация детей в современной России: роли семейных и внесемейных институтов».

при взаимодействии с параметром порядка производится их селекция и адаптация к существующей структуре женского пространства, а затем происходит формирование новых элементов женского пространства и трансформируется ее структура.

НАЛЬЧИКОВА Елена Аниуаровна

*Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик*

ЖЕНСКИЕ ЧЕРТЫ «ЛИЦА КAVKАЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ»

Представление о наиболее типичных чертах национального характера сконцентрировано в так называемых гетеростереотипах, которые являются совокупностью оценочных суждений об этносе, составленных представителями других народов. В многонациональной России проблема «отрицательных» гетеростереотипов проявляется, в частности, в негативном восприятии населением центральной части страны «лиц кавказской национальности». Респонденты в многочисленных опросах создают обобщенный образ горца: «невысокого роста, с густыми черными бровями, трудолюбивый, необразованный, с очень высоким уровнем агрессивности». Этот стереотип обобщает все этнические группы Кавказа и распространяется на коренные народы российского Кавказа.

Проблема межнационального восприятия приобрела сегодня новый, неожиданный оттенок. Традиционный обобщенный образ народа – мужской. Но в современных обстоятельствах, в связи с ростом женского экстремизма и непосредственного женского участия в событиях террористического характера, негативную реакцию начинают вызывать жительницы Кавказа. «Лицо кавказской национальности» постепенно приобретает женские черты, невзирая на то, что подобный образ в корне расходится с традиционными представлениями о «скромной» (даже забитой), красивой и сдержанной горянке. Таким образом, учитывая роль исторического опыта межкультурного взаимодействия, СМИ, слухов, анекдотов в формировании гетеростереотипов, представляется необходимым и более активное вмешательство науки в процесс реабилитации северокавказских народов и формирование объективного образа современной женщины Кавказа.

НЕВСКАЯ Татьяна Александровна

*Северо-Кавказский государственный технический университет, Ставропольский государственный университет,
г. Ставрополь*

ЖЕНЩИНА В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА СЛАВЯН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIX – НАЧАЛА XX вв.)

В XIX – начале XX вв. повседневная жизнь русских крестьян Северного Кавказа регулировалась не столько общероссийским законодательством, сколько обычным правом, причем, распространенные у

крестьян нормы вступали нередко в противоречие с общеперскими законами. Основные имущественные права женщины были аналогичны общероссийским: право собственности на приданое, на деньги, заработанные путем сторонних заработков, на подарки мужа и т.п. Однако вдова не имела прав собственности на наследство мужа, а считалась распорядителем его до совершеннолетия детей, отчитываясь ежегодно о произведенных расходах перед сходом. Поскольку в регионе широко бытовали большесемейные коллективы, субъектом права собственности выступала семья, а не личность. Поэтому у невестки свекровь могла отобрать вещи для девушки «на выданье», распределять общесемейные деньги на одежду в пользу дочерей.

В условиях освоения колонизируемых земель женщина на Кавказе имела больше личных прав, чем в центральных областях. Так, женщина имела право на развод в случае пьянства и бесхозяйственности мужа. В этом случае священник мог обвенчать женщину с новым мужем, а прежнему нерадивому супругу пять лет запрещался брак. Сельский суд оправдывал сына, убившего отца, заступаясь за мать. Дискриминацию женщины можно усмотреть в имевшем место снохачестве, что также обуславливалось жизнью в большой семье, в принуждении к вступлению в брак с выгодным женихом. Таким образом, права женщины определялись как обычно-правовыми нормами типичными для всей страны, так и нормами, возникшими уже на Кавказе в силу специфических хозяйственных и социальных условий.

НИКОЛАЕВА Дарима Анатольевна

ФГОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств», г. Улан-Удэ

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ В КУЛЬТУРЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ БУРЯТ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

У бурят конца XIX – начала XX вв. отношение к женщине, связи и взаимосвязи с ней выражались выработанными общепринятыми стандартами и схемами, которые были, с одной стороны, обусловлены особенностями патриархальных взаимоотношений. Согласно им, женщина была существенно принижена в юридических, экономических, моральных правах. Бесправие законодательно закреплялось в «Приговорах», «Уложениях» и «Правах».

Тем не менее, можно заметить бросающееся в глаза противоречие между патриархальным господством в социуме и существенной властью женщины внутри дома. Это положение объясняется, с одной стороны, психо-эмоциональными комплексами мужчин: публичные высказывания в обществе (законодательство), где они сами себя представляли неограниченными властителями, выполняли функцию коллективного подавления глубоко сидящего страха мужчин перед агрессивными и способными взять верх женщинами. С другой стороны, законодательные источники формулируют желательные «стандарты» по-

ведения и поступков. Из этого следует, что соблюдение зафиксированных в нем норм не стало общим правилом и поэтому были призваны регулировать новые отношения, в которые не вступали члены традиционного общества.

Роль традиций – обычного права у бурят – была особо велика. Это в полной мере относится к культуре семейно-брачных отношений, в частности, высокого статуса матери в семье. Это положение слабо рефлексировалось и, как правило, не находило отражения в памятниках письменного права, поскольку не нуждалось в санкции.

НИКОЛАЕВА Екатерина Александровна

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
г. Саранск*

ТРАНСЛЯЦИЯ ЖЕНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА В ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ РОССИИ

Женская литература, одно из перспективнейших в своем развитии и изучении, и неоднозначных явлений современной культуры, представляет собой синтез вербально оформленных культурных традиций равноценной по своей значимости части общества. Рассматривая традиции как звено, связывающее настоящее с его новациями, и прошлое, мы понимаем под ними всю совокупность наиболее ценных элементов культурного и социального наследия, сохраняющихся и передающихся от поколения к поколению на протяжении столетий.

На основании многочисленных исследований этнографов сложилось мнение, что традиции статичны и не имеют исторического развития. Работы социальных антропологов доказывают некоторую ошибочность этого положения, утверждая, что традиции не лишены определенной внутренней динамики развития, поскольку в число их функций входит не только консервация социального опыта, но и адаптация общества к меняющимся условиям бытия. Развитие традиций имеет характер эволюционный, не радикальный.

Это утверждение дало возможность выделить следующие фазы развития традиций в женской литературе (понимаемой как вербальное женской ментальности посредством системы культурно-опосредованных символов женственности):

- априорность традиций, нашедшая свое художественно-вербальное воплощение в произведениях устного народного творчества;

- инсталляция традиций (установка, частичная трансформация утилитарных и социально-регулятивных функций). Отражение этого этапа – женская литература XVIII в.;

- институционализация традиций, подразумевающая закрепление определенных общественных отношений, приводящих к учреждению новых социальных институтов. Циклично повторяющийся процесс запечатлен литературой середины XIX и середины XX вв.;

- транслокация (мутация) традиций, характерная для рубежа веков (как XIX–XX, так и XX–XXI вв.).

Женское литературно-художественное творчество отражает сущность общественных отношений, складывающихся в течение определенного времени и влияющих на последующее развитие общества, соответствуя сущности традиции.

НИКОНОВА Ирина Евгеньевна

*Центр немецкого и английского языков им. Гете, г. Барнаул;
Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Зарубежные исследователи сделали огромный вклад в изучение женской истории России, особенно в течении XX века, первыми заявив об этой теме в своих трудах. В первом десятилетии XXI века по-прежнему наблюдается их устойчивый интерес к изучению российской истории повседневности, роли личности в истории, в том числе особое место отводится роли женщины в истории России.

В начале XXI века зарубежные исследователи продолжают научную линию, заданную в предыдущем столетии. В международных изданиях, как и в XX веке, преобладают работы модернистов и советологов. К концу 1990-х гг. зарубежным историкам предоставляется возможность работать с новыми источниками, особенно по советскому периоду, что означает перспективу пересмотра ранее изданного материала и приводит к повторному всплеску интереса к истории России XIX–XX в.

Начало XXI века – время интереса зарубежных историков к проблеме личности человека. Интерес остался как к судьбе известной русской женщины, такой, как Екатерина Великая и др., так и к истории повседневности незнатной русской женщины. Помимо изучения уже существовавших ранее тем, таких, как имущественные, социальные, политические права женщин, появление новой женщины в советское время и многие другие, зарубежные историки обращаются к исследованию малоизученных сфер повседневной жизни отдельных слоев российского общества в различные эпохи. К таким работам можно отнести, например, статью М. Хельфанта, посвященную роли женщины в мужской культуре игры в азартные игры в XIX в. в России.

НОВИКОВА Наталья Валентиновна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва; Ярославский
государственный педагогический университет, г. Ярославль*

«ЖЕНСКАЯ КУЛЬТУРА» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ФЕМИНИСТОК НАЧАЛА XX ВЕКА

Российский феминизм, оформившийся к началу XX века в организованное, широкое движение, не

представлял собой единого, однородного течения ни с точки зрения политических приоритетов, ни с точки зрения социального состава: интересы женщин пытались отстаивать представительницы разных общественных страт, поколений, национальностей. Несмотря на заметную разницу в риторике и ценностных ориентациях активисток женских движений, объединяло феминисток представление о женской культуре как об особом мире и особом пространстве, наполненном отличными от «мужских» образцами чувствования и поведения. Такой ход рассуждений не был новым в русской интеллектуальной традиции. Публицистика «шестидесятников», философия «серебряного века» наполнены идеями о смысле и значении женственности в родной культуре, представлениями о женщине как о высшем нравственном создании и символе нации, но задавленной физически и духовно, обреченной на страдание и терпение, ожидающей спасения.

Феминистки придерживались тех же эссенциалистских положений, делая акцент на «особенностях женской натуры», «природном» предназначении женщины-хранительницы традиций, материнской ответственности за будущее своего народа, ими подчеркивалось активное женское начало, последовательно проводилась мысль о стремлении женщины к самореализации на общественном поприще, необходимости признания за нею права субъекта политики. «Женская культура» мыслилась ими как равная по значимости «мужской», соединение этих двух миров в совместной работе понималось как единственно возможное условие выживания человеческого сообщества. На практике эти идеи выливались в многочисленные инициативы женщин по созданию благотворительных фондов, обществ помощи, трудовых артелей в центре и на окраинах империи, и привели к оформлению движения за политические права россиянок.

ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ВЕНЧАНИЕ И РАЗВОД В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

Развивая идею брака, христианские мыслители наполняют ее идеальным содержанием понятия «таинства». Брак в этом случае понимается ситуацией, в которой человек максимально оправдан и возвышен как половое существо. Таинство брака содержит в себе следующие необходимые условия, которые делают брак «честным»:

- 1) взаимное простое согласие мужа и жены, если нет иных препятствий (обручение).
- 2) согласие должно быть ими самими засвидетельствовано в церкви перед священником.

На Руси современное «чинопоследование» венчания складывается в XVI в. и содержит в себе древнейшие части ритуала и элементы позднего происхождения. Обручение происходило в притворе храма,

что подтверждает известную из древности гражданскую суть обручения, что это дело семейное, частное. Венчание производится в центре храма. В древней русской церкви желающие вступить в брак должны были получить «венечную память», которая отменяется в России в 1765 г. Формируется традиция брачных «оглашений» и «обысков», результаты которых с 1802 г. по указу Синода записываются в особые «шнуровые книги». В 1837 г. вводится особая расширенная форма их записи. Постепенно церковь наделяется ответственностью за юридическую легитимацию брака. Это ведет к стиранию различий между браком-контрактом и браком-таинством.

Тему развода обозначают одной из самых драматичных не только в судьбе многих брачных историй, но и в правотворчестве церкви. Развод оказался той точкой минимума, в которую неизбежно опрокидывались идеальные символы брака как союза Христа и Церкви, сталкиваясь с повседневной практикой *неидеальных* мужчин и женщин. Расторжение брачного союза на протяжении культурной истории человечества проходит три ступени: отвержение женщины (*repudium*), разлучение супругов от стола и ложа на всю жизнь (*separation*), развод (*divortium*) в собственном смысле. С приходом христианства бракоразводный институт в России формируется на традициях византийских законов и римского права, хотя под определенным влиянием особенностей русского уклада. Русскому мужу не приходило в голову требовать развода, если жена участвовала в народных гуляниях и пирах, мылась в совместной бане, поскольку это было обычной традицией русского быта. В древней Руси строгая регламентация развода долго не находила себе применения, браки расторгались легко. Активно использовалась практика разводов под видом пострижения в монашество. В допетровской России практиковался развод по обоюдному согласию супругов, оформлявшийся в виде договора, о чем вносилась запись в городские книги. Новая стадия в истории бракоразводного института наступает в России со времен Петра Великого, который придавал особое значение семейному праву. Реформирование происходило в сторону ограничения развода, что объяснялось желанием власти «очистить» брак и развод от злоупотреблений и распространить в XVIII в. общеевропейские теории народонаселения. Список причин развода сводится к минимуму, процедура принятия решения практически полностью переходит в ведение Синода.

ОСИПОВА Ольга Сергеевна

*Институт семьи и воспитания Российской академии
образования, г. Москва*

САКРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ СФЕРЫ В КАРТИНЕ МИРА ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Образно-символическим выражением понятийных элементов в картине мира древних славян в сфере брака и семьи выступает пантеон, освящающий

идеалы общественного порядка, плодородия природы, жизнелюбия, здоровья, любви, брака, семьи, деторождения и домоводства. В организации пантеона взаимоотношения божеств подчеркнуты через брачно-родительские связи. Боги семейной, родовой и домовых сферы имеют благоприятный покровительствующий характер, занимают значительное место и объединены в единый комплекс.

В славянском божественном покровительстве институализированность, формализованность и легитимность брачного союза воплощает Сварог. Брачную форму, созданную и совершенствуемую полем идеалов и императивов, в виде народных воззрений и обычаев, гармонично дополняет содержание брака как чувственно-телесное единство мужчины и женщины в сотворении семейного пространства наполненного любовью и верностью, рождением и воспитанием детей, охраняемое Ладой, поскольку это во многом доминанта женского начала в брачно-семейной жизни, а сосредоточие мужского начала – силу, храбрость, молодость и половое желание поддерживает Ярило, при этом сфера деторождения освящена Родом и рожаницами. Священный статус брака и семьи прослеживается и в поклонении славян природе: небо и земля представляются в брачном союзе, причем небу придается действующий мужской тип, а земле воспринимающий женский. Почитание брачно-семейных отношений отражают также ритуальная и обрядовая сферы, включая дом и повседневный быт. О семейных ценностях в жизни славян оставили свидетельства Маврикий в VI веке, Ибн-Фадлан, Бонифаций в X–XI веках и др.

ПАВЛОВА Ольга Николаевна

Национальный институт им. Екатерины Великой, г. Москва

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ, СВЯЗАННАЯ С ОТЕЧЕСТВЕННЫМ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ

Доклад посвящен анализу глубинного пространства ядерной половой идентичности современной женщины, которое является надежно скрытым и проявляется лишь имплицитно во внешнем контексте, что может быть вскрыто для самой женщины и окружающих зачастую лишь в процессе длительного психоаналитического исследования. Ее женская природа и сущность образуют внутреннее пространство ее женственности, наполненное символами, метафорами и визуальными образами, которые являются одновременно универсальными и сугубо специфическими для данной культуры.

Русские народные сказания и имеющие к ним непосредственное отношение детские сказки, на которых воспитывается не одно поколение женщин России, несут в себе важную, специфически окрашенную роль, и имеют функцию, наряду с материнским объектом, идентификации с «женским» в процессе формирования женского идентитета. Именно эта

сфера ее «ментальности» играет решающую роль в ее жизни: в возможности материнства, в том, как она строит отношения с мужчиной в семье и в социуме, воспитывает детей и реализует себя в работе и творчестве, и многое другое.

ПАЛИКОВА Татьяна Вадимовна

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

МИР ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЖЕНЩИНЫ- ГОРОЖАНКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Вся человеческая деятельность разделена по гендерному признаку, в ней выделяются «мужские» и «женские» занятия. Вплоть до XIX в. «мужской мир» оберегался от вторжения женщин. В патриархатной действительности женщине традиционно отводилась роль матери и хозяйки домашнего очага. Рольевые установления домостроения, восходящие к XV в., прочно закрепившиеся в общественном сознании, были серьезным руководством в крестьянском домохозяйстве. Последнее чрезвычайно важно для забайкальских городов означенного времени, в силу того, что основная масса городских поселений вплоть до конца XIX в. относилась к разряду «городов-сел», где большинство населения занималось сельскохозяйственным трудом и на рубеже веков городское общество активно рурализировалось, что имело серьезные последствия. Несмотря на свободу сибирской женщины, на что неоднократно обращали внимание современники и исследователи XX в., их мир во второй половине XIX в. традиционно ограничивался сферами «кухни» и «детской».

Во второй трети XIX в. наблюдается размыкание «женского мира» и включение в него общественной и по необходимости экономической деятельности. Женская деятельность становится публичной (всевозможные благотворительные общества, кружки по интересам). В это время закрепляется практика обучения дочерей богатых горожан в центральных городах России, путешествий, в том числе и заграничных, что имело чрезвычайные последствия не только для самих носительниц новых знаний и опыта.

Важным этапом пересмотра взглядов на роль женщины в обществе стала последняя треть XIX в., когда появляется необходимость в женском труде, а число работающих женщин неуклонно растет.

ПОПОВА Ольга Дмитриевна

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, г. Рязань

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ДИСКУССИЯХ ДУХОВЕНСТВА НАЧАЛА XX ВЕКА

В начале XX века развитие женского образования, особенно высшего, и расширение сфер профессиональной деятельности женского труда значительно изменили в общественном сознании представление о предназначении женщины. Активное обсужде-

ние «женского вопроса» в России в начале XX века происходило не только в среде светской интеллигенции, но и среди духовенства.

В докладе предполагается рассмотреть дискуссии среди духовенства на страницах прессы, проследить эволюцию духовенства по женскому вопросу к началу XX века от однозначно патриархальной психологии священнослужителя до появления либеральных взглядов на «женский вопрос». Часть духовенства стала разделять идею возможности получения женщиной образования, ее право на самостоятельную жизнь без контроля мужа. Наиболее прогрессивные священнослужители стали выражать на страницах периодики неудовлетворенность существовавшей системой женского духовного образования, поддерживать стремление многих дочерей духовенства к получению высшего образования на высших женских курсах. Однако взгляды прогрессивной части духовенства на женское образование входили в противоречие с официальной позицией Св. Синода и с мнением консервативной части духовенства. Ставится задача показать связь обсуждения «женского вопроса» в среде духовенства в связи с пониманием социального вопроса, а также с местом проживания участников дискуссий. Городское духовенство гораздо гибче реагировало на происходящие изменения, и были более либеральны в своих взглядах, чем, нежели сельское духовенство. В целом на страницах духовной периодики происходило переосмысление духовенством социального предназначения женщины.

ПУШКАРЁВА Наталья Львовна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНОЙ РЕФЛЕКСИВНОСТИ ПРИ АНАЛИЗЕ ТЕКСТОВ, СООБЩЕННЫХ МУЖСКИМИ И ЖЕНСКИМИ ИНФОРМАТОРАМИ

Феминистская методология постоянно ставит под сомнение объективность сложившейся – это значит «мужской» - интерпретации общества, преимущественное право лидеров традиционной науки («патриархов») означать, классифицировать, интерпретировать эмпирические данные.

Желание сопереживать изучаемому объекту связывает феминистских теоретиков со сторонниками этнографического метода «включенного наблюдения». М. Хиден, обосновывая различия мужского и женского подходов к сбору информации, обратила внимание на его последствия: мужчины акцентировали внимание на цели («почему/зачем он так делал»), женщины подчеркивали обстоятельства («как он бил ее») и последствия акта.

Специфика качественных методов в общей социологии в том, что его сторонники постоянно имеют дело с идеографическим – с теми символами и знаками, обозначающими индивидуальные неповторимость данной жизненной истории, рассказ о себе, текст, совокупности практик. Сторонники направле-

ния женской и гендерной истории идут дальше. В их исследованиях идеографическое так же присутствует акцент на теме неповторимости, но он иной, поскольку преодолевает надменность обычного социологического описания судеб.

Исследователь(-ница) биографий с феминистских позиций историоризирует самого(саму) себя, обозначая время и место в пространстве, высказываясь в качестве участника(-цы). *Все сообщенное информантами, соотносится с личной биографией.* Этот методический прием – способ избежать суждения, диктуемого привилегированной позицией.

Исследовательницы, разделяющие феминистские подходы, призывают постоянно учитывать собственную включенность в процесс, поскольку тогда обнаруживается то, чего нет у исследователя, желающего писать и видеть процессы как бы со стороны: пишущий о своем, своей включенности в культуру и историю, обладает памятью тела, наполненного немотой воспоминаний, маркированного, нагруженного уже свершившейся историей. Воспроизведение ее приносит *радость обретения действительности* (хранившееся в дальних уголках памяти).

Не забывая, что сверхзадачей любого социального исследования является изучение сети социальных связей (а не просто суммы казусов, отдельных судеб), феминистские исследователи жизненных историй хотят выявить *специфику повторяющихся форм человеческих взаимодействий через понимание приущего им субъективного смысла.*

Значимость новых, обоснованных гендерной теорией, подходов в том, что они утверждают неполноту, частичность любой точки зрения, настаивают на необходимости полифонии репрезентаций, где нарративный анализ с позиций сопереживания – лишь один из подходов, полезное дополнение к классическому научному знанию.

РАЗУМОВА Ирина Алексеевна

*Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН, г. Апатиты*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАКТИЧЕСКОГО («ГРАЖДАНСКОГО») БРАКА: ГЕНДЕРНЫЙ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В докладе на материале текущих социально-антропологических исследований в северных индустриальных городах рассматривается отношение представителей различных половозрастных групп к разным формам брака. Интерпретации связаны с определением значимости регистрации брака и ее значениями, с временными параметрами брачного союза, качеством супружеских отношений и рядом других характеристик.

Заключение брака может рассматриваться как часть женской культуры. Большое значение имеют символический, «посвятительный», характер заключения брака и свадьба как «красивое» событие. Основным долгом в браке, с обеих гендерных позиций,

признается отцовский. Взаимные права и обязательства супругов друг перед другом уравниваются. «Этика ответственности» может входить в прямое противоречие или более сложные отношения с юридической ответственностью сторон. Основания функциональности и дисфункциональности фактического брака, как и зарегистрированного, варьируют на разных этапах жизненного цикла женщин и мужчин. Поколенческие расхождения в отношении к разным формам брака связаны с динамикой брачного права и «брачной идеологии». Антропологический подход выявляет типичные противоречия в интерпретации брака, обусловленные социокультурными свойствами и биографическими траекториями индивидов.

РЕБРОВА Ирина Викторовна

*Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар*

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ В СОВЕТСКОЙ СЕМЬЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ ИЛИ НОВАТОРСТВО?

Исторически после утверждения патриархальной модели моногамии она оставалась единственной на протяжении столетий. Апогей зрелости эта модель пережила в советское время, подпитанная социально-экономическими «базисными» идеями марксизма-ленинизма. Тяжелые события истории Советского Союза, прежде всего Великая Отечественная война, упрочили традиционное понятие «патриархальной» семьи. Это прослеживается в укладе жизни, в практике выживания советских граждан во время войны на временно оккупированной врагом территории.

Официальные источники не могут отражать умонастроения человека, они сухи эмоционально, обезличены. Для анализа повседневных практик выживания / переживания / проживания военного времени членами семьи был привлечен комплекс опубликованных и неопубликованных его-документов периода войны: личная переписка, дневники, фронтового лирика. Был изучен комплекс послевоенных источников: воспоминания, письма в редакции газет и журналов, устноисторические интервью. Эти источники позволяют сделать вывод о неизменности распределения гендерных ролей внутри семьи, несмотря на экстремальные условия военного времени, отсутствие мужчины в доме. Женщина продолжала зависеть от мужчины, все важные решения принимал глава семьи, давал советы, наказывал жене, детям. Риторика писем военного времени и язык повествования устных интервью демонстрируют доминирование мужской позиции в семейных отношениях.

Война, экстремальные условия жизни упрочили традиционную модель семьи. Как ячейка общества, семья помогала выжить ее членам, взаимопомощь была не только экономической, но духовной. Советский народ ассоциируют с большой семьей, каждый член которой стал на защиту Родины-матери.

РЫБЛОВА Марина Александровна

*Лаборатория истории казачества Южного научного центра
РАН, г. Ростов-на-Дону*

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ РОЛИ И ФУНКЦИИ В ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ: ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В традиционной казачьей общине и в ее обрядовой практике доминирующей была роль мужчин-казачков (конно-спортивные состязания, стрельба, военные парады, организация праздничных ссылок по типу мужских военизированных сообществ с выборами праздничного атамана и есаула, мужские обходы домов и пр.).

В XX в. кардинально трансформировалась культурная модель донских казаков, изменилась специфика гендерных отношений, распределение мужских и женских статусов и ролей в рамках семьи и общины. В ходе социалистической модернизации была разрушена основа традиционной социальной организации казаков, связанная именно с мужскими статусами и ролями: местное казачье самоуправление, обязательная военная служба за право владения земельным паем, система подготовки будущих воинов, система обычного права. Это привело к тому, что многие мужские общественные роли и функции в культурной сфере полностью исчезли, другие оказались вытесненными в приватную (иногда – нелегитимную) сферы жизни.

Параллельно возрасла роль женщин в культурной жизни хуторов и станиц. Это происходило в рамках советских официальных институтов. Женщины продолжали соблюдать традиционные календарные праздники, сохраняли религиозный опыт, заботились о кладбищах, святых колодцах, родниках, они становились активными участниками фольклорных самодеятельных коллективов, в рамках которых сохранялся казачий фольклор, принимали активное участие во внедрении в жизнь некоторых советских обрядов и праздников (традиции празднования 8 марта). Значима роль женщин в возрождении в послевоенное время традиционного свадебного обряда, проводов призывников, элементов зимних святок (рождественские и новогодние обходы домов).

По наблюдениям, постепенное «возвращение» мужчин-казачков в традиционную обрядность началось с середины 1960-х гг., когда вместе с повышением достатка на территорию праздника стали возвращаться обильные трапезы со спиртными напитками. С конца 1960-х и в 1970-х гг. традиция употребления алкоголя стала проникать в такие ранее «заповедные» для нее зоны, как похороны и поминки, поминальные трапезы на кладбищах на Пасху, Радуницу и Троицкую субботу. На данном этапе роль мужчин в традиционной обрядности чаще всего сопряжена не с организующим, а с деструктивным началом. Позитивные сдвиги в этой ситуации стали происходить уже в послеперестроечное время, с началом «казачьего возрождения», ознаменовавшего собой своеобразный «мужской реванш» в этой сфере.

САВЕЛЬЕВА Татьяна Викторовна

Миасский филиал Челябинского государственного университета, г. Миасс

ИГРА КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ГЕНДЕРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Традиционное патриархальное общество, стабильное с демографической точки зрения, предполагало четкую гендерную самоидентификацию личности в индивидуальной картине мира. ИКМ ребенка является не пассивным, а «активно конструирующим началом». Правильной гендерной идентификации, формированию потребности продолжения рода как базовой, в традиционной культуре способствовал детский игровой фольклор, который служил способом формирования и трансляции ИКМ. Большую часть детских игр составляли имитационные игры в «жениха и невесту». Так формировались гендерные модели «невеста – жена – мать», «жених – муж – отец».

Мы сопоставили традиционные игры: «Яша», «Каравай», «Стоит мальчик молоденький» и др., а также частушечную перепалку между девушками и юношами с современными формами детского игрового фольклора по рассматриваемой теме. Опираясь на материалы фольклорных экспедиций студентов МФ ЧелГУ, выявили наиболее распространенные «гендерные» игры современных подростков: «арам-шим-шим», «поцелуйчики», видоизмененный «садовник». Особенностью традиционных игр являлась логика разбиения пар, то есть выбранная девушка или парень больше не участвовали в игре. В современных играх подобного выбывания не происходит. На основании исследования делается вывод, что постепенно игры из матримониальных стали сексуальными, то есть направлены не на выбор возможной пары, а на поцелуй со многими участниками, даже среди однополых игроков.

Таким образом, разрушение традиционного детского фольклора сегодня дезориентирует ребенка в плане формирования индивидуальной гендерной картины мира.

СЕРОВ Николай Викторович

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург

ГЕНДЕР И ПОЛ

Вообще говоря, в антропологии «интеллект» включает в себя понятие «личность». Однако имеет ли смысл изучать личность человека только по признакам полового диморфизма, или необходимо обязательно включать сюда и такой атрибут культуры как гендер? То есть, можно ли без учета культурных влияний на гендерные исследования создать реальную картину антропологии?

В настоящем сообщении речь идет исключительно о «гендере», сущностный смысл которого отрицает абсолютизацию понятия «пол» из-за 15%

исключений соответствия между «полом» как физиологической («паспортной») характеристикой и «гендером» как характеристикой психологической, которая была распространенной еще в 60-х гг. XX в.

Сегодня же мы все чаще сталкиваемся с весьма нерелевантной синонимичностью понятий «пол» и «гендер», которую антропологи механистически переняли от американских социологов феминистических направлений.

В силу сложности и смешений этих понятий, базой для создания классификации функций интеллекта в хроматической антропологии выступает системно-функциональная модель, основанная на фактах мировой культуры и представленная триадой «природное – культурное – социальное» с безусловной доминантой социального при нормальных условиях существования общества.

Семантика гендера моделируется цветовыми канонами и, безусловно, должна рассматриваться в конкретных культурно-исторических условиях, которые для адекватности исследований следовало бы подразделять на нормальные (более 75% времени – быт, работа, питание, отдых и др.) и экстремальные (менее 25% – праздники, секс, свадьбы, рождения, похороны, коррупция, войны и др.).

СИРАГУЗА Лаура

Факультет антропологии Абердинского университета, г. Абердин (Шотландия)

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ НАРОДА

Тема «культурного наследия», заявленная в названии конференции, вызывает необходимость тщательного исследования социальных и культурных аспектов одного народа. Наследие народа формируется через его постоянный диалог с диахроническими и историческими событиями, развивая определенные социальные и культурные «обычаи, привычки». Данные «обычаи, привычки» получают особенные символические социальные и культурные значения для каждого народа. Поэтому, для понимания социального и культурного «наследия», важны истоки «обычаев, привычек», процесс их развития со временем, форма их современного бытования и их символические значения.

Благодаря такому подходу к их анализу, мы надеемся, что понимание значения «наследия» станет началом для «развития ресурсов», внимание к которым стремится привлечь конференция.

В данном докладе я намереваюсь показать, как возматерела социальная роль старшего поколения – бабушек – в течение XX века на территории вепсского народа, и какие социальные сферы охватывает в настоящем. В заключение, через сравнительный подход, я стремлюсь показать, что роль бабушек оказалась важной для процесса сохранения и вепсского языка и культуры.

СОЛДАТОВА Анна Сергеевна

Научно-образовательный центр «Политический анализ территориальных систем» при Мордовском Государственном Университете им. Н. П. Огарева, г. Саранск

МУКНАЕВА Татьяна Ивановна

Мордовский Государственный Университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

**МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ
В САМОБЫТНЫХ РЕЛИГИОЗНО-
МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ МОРДВЫ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

Дифференциация мужского и женского в традиционных культурах народов России присутствует во всех сферах этнического бытия, является как основой, так и следствием многих культурных процессов, вот почему описание традиционной культуры предполагает включение в него знаний, основанных на специальном анализе деятельности носителей культуры того и другого пола. Комплекс исследуемых традиций следует рассматривать, как традиции «мужской» и «женской» половины этноса.

Мужское и женское в культуре мордвы имеет ряд особенностей. Одним из наиболее репрезентативных и интересных объектов для их изучения являются самобытные религиозно-мифологические традиции, отчасти сохранившиеся доньше.

В традиционной картине мира и образе мышления мордовского народа, прежде всего, обращает на себя внимание большое количество женских божеств. Все подобные божества-мужчины играют менее важную роль. Следует отметить, что и в мордовском фольклоре женские образы являются первоочередными, а мужские, как правило, остаются на втором плане. Однако Творцом мира мордва считала своего верховного бога Шкая.

Изучение представленной и иных характерных черт в распределении мужского и женского в традиционной картине мира и образе мышления мордвы и по сей день является актуальным, так как оно не только открывает путь к более глубокому постижению сущности их традиционной культуры, но и дает возможность выявить механизмы формирования гендерных стереотипов у мордовского народа на современном этапе.

СТЕПИН Сергей Николаевич

ГОУ ВПО Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

**СПЕЦИФИКА БЫТОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ
ЛИРИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ
МОРДВИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА
ПОЭТА-ФИЛОСОФА ОЛЬГИ АЛИЕВОЙ)**

Рубеж XX–XXI веков ознаменовался заметными изменениями, протекающими в поэзии народов, населяющих территорию Поволжья и Приуралья. Эти изменения были связаны процессами внутрילитературного развития регионов, и значительным влиянием на него ряда социальных и духовных факторов.

Представленный литературно-исторический период является наиболее благоприятным с точки зрения исследования его художественности, проблем традиций и новаторства, анализа творчества ярчайших поэтических индивидуальностей, гендерного аспекта и многих других проблем.

Статья посвящена исследованию специфики творчества поэтессы Ольги Алиевой, творческое наследие которой представляет собой пример заметно проявляющего себя «женского крыла» в литературе национального региона, является предметом внимания мордовских критиков и литературоведов.

Ольга Алиева вошла в литературу как лирик-философ. Ее зарисовки о красоте природы, любви, мордовском крае, стихи-раздумья о вечном и срочном, временных и пространственных границах бытия, гармонии и хаосе в отношениях современников, трогают сердца читателей. Лирика поэтессы порой искусственно усложнена, переполнена абстрактными словами-образами, глубокими ассоциациями, метафоризмом, что не мешает ей говорить о вечных проблемах, смотреть на них с позиции своей индивидуальности. Явления действительности вызвали большое количество произведений, магистральной темой которых явились вопросы онтологического характера: человек и природа, жизнь и смерть, мотивы совести и памяти. Духовное родство ее лирики с традиционными формами поэзии – в утверждении поэтессы идеала представленного сквозь призму современного мироздания, в смелости духа и желания жить полноценной жизнью.

Тяготение О.Алиевой к раздумьям «о времени и о себе» находит отражение в сборнике стихов «Признание в любви». Автору свойственна предметно-аналитическая мысль стремления к многостороннему охвату явлений окружающей его действительности. Размышления лирической героини о тайнах и загадках человеческого бытия образуют основную канву поэтического полотна, диалектически взаимосвязанной цепи представлений современного человека о космосе, свете и тьме, добре и зле, победе и поражении.

В поэзии О.Алиевой последних лет все острее встает вопрос о нравственных исканиях современного человека. Это мотив возвращения человека к своим корням. Герои ее произведений в потоке жизни ощущают потребность окинуть взглядом прошлое, чтобы понять, как проходит жизнь.

Поэтесса разрабатывает философские категории, в которых звучит мотив разлада мечты с действительностью. Отличительная особенность – в ощущении и переживании исторического времени, показе нового общественного сознания, сформировавшего иной тип личности.

Заметно то, что, располагая возможностями философско-эстетического осознания действительности, художественная система О. Алиевой не оставляет без внимания другие формы и жанры лирической поэзии. Философская лирика является своеобразным фокусом, способным вобрать в себя общие темы,

идеи и проблемы других жанров и жанровых форм. Особенностью лирики О. Алиевой является то, что в ней заурядные житейские проблемы возводятся на новый, высокий философский уровень. Тематика большинства ее стихов подчеркнута философична. Гражданская лирика связана с социально-философской проблематикой. Пейзажная – натурфилософская. Любовная становится философской, восходя до раздумий о сущности человека и смысле жизни.

Раздумья поэтессы о судьбах мира, проблемах морально-этического плана – характерные мотивы зрелой лирики О. Алиевой. Эта поэзия заставляет задуматься о том, что мир полон катаклизмов, общество находится на грани тотального разрушения, гибнут духовные и культурные ценности.

Заслуга поэтессы заключается в том, что она не отрывает философию от предметно-изобразительной основы, не увлекается абстрактным мышлением, отвлеченными рассуждениями и выводами. Она раскрывает внутренний мир женской души своей современницы, ее психологию, динамику перехода от старого сознания к новому. Ее лирика – стремление вырваться из рамок жанровой и тематической ограниченности, чтобы понять и выразить нашу непростую современность.

СУХОВА Ольга Александровна

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского, г. Пенза

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Сравнение поведенческих форм в период Первой мировой войны и в эпоху коллективизации позволяет сделать вывод о существенных изменениях гендерных ролей в сельском обществе: столь масштабное участие женщин в проявлениях массового протеста можно объяснить нарушением традиционного демографического баланса, а точнее резким сокращением числа молодых мужчин. Отходничество, мобилизационные кампании, дезертирство, «бегство кулаков» на начальном этапе коллективизации и пр. также можно прочесть как угрозу патриархальной «картине мира», хотя данная гендерная реакция и не была формализована и представлена в требованиях восставших.

Именно представление о кардинальной ломке гендерных ролей на крутых поворотах истории позволяет интерпретировать «бабий бунт» как критерий для периодизации революции в России. С другой стороны, реконструкция алгоритма «бабьего бунта» помогает увидеть механизм «встраивания», адаптации общины к новой социальной реальности, к масштабнейшему проекту социальной инженерии. Поэтому не стоит сбрасывать со счетов и возможности социальной мимикрии, столь щедро продекларированные советской властью. Социальная политика квази-демократической России порождала столь же

квази-мистифицированные представления о правовом иммунитете по гендерному признаку («с детьми не тронут», «их (женщин) не покарают»), что, с одной стороны, и ранее существовало в ритуальной практике «бунта», а, с другой, – задавало новый формат отношений крестьяне – государство, выстроенных на обоюдном обмане, цель которого заключалась в стремлении обезопасить себя от возможного наступления ответственности и не допустить политики народного сопротивления.

СУШКОВА Юлия Николаевна

Мордовский государственный университет Н. П. Огарева, г. Саранск

О ТРАДИЦИИ СОБЛЮДЕНИЯ МОРДОВСКИМИ ДЕВУШКАМИ ЦЕЛОМУДРИЯ

Нравственное поведение в семье тесно связано с обычаем соблюдения целомудрия. В мордовских селах нарушение данной нормы поведения считалось большой редкостью, поскольку влекло позор не только для девушки, но и для ее родственников в целом. Некоторые авторы писали о наличии у мордвы в конце XIX – начале XX в. свободного полового общения. Приводимые ими доводы в подтверждение существования этого обычая у мордвы (ссылки на обычаи «пробных браков» у некоторых народов, косвенные свидетельства в материалах фольклора) не убеждают в правдивости этого положения, высказывания отдельных авторов носят противоречивый характер. В. Н. Майнов в 1885 г. писал: «Не беда, если девушка увлечется до замужества и принесет в дом, а стыда на ней нет, она доказала лишь, что не будет бездетна, ... всякий охотно на ней женится». Он же констатировал: «При ревнивом охранении со стороны парней «своих» девушек нельзя предполагать и значительного числа случаев незаконного сожительства».

Знаток быта мордвы этого времени М. Е. Евсевьев считал утверждение о несоблюдении мордовскими девушками целомудрия «клеветой» на них, ибо оно не соответствовало нравственным соционормативным устоям, присущим народу в тот период. Устои же эти были весьма строгими, поэтому нарушались исключительно редко, неисполнение их накладывало «позорное пятно не только на девицу, но и на весь род ее».

Доказательствами бытования обычая сохранения целомудрия являются старинные традиции, связанные с негативными последствиями, которые претерпевала нарушительница. Если девушка была нецеломудренной, на ее дом вывешивали порванное сито. Дом, в котором жила нецеломудренная девушка, мазали дегтем. В него уже не приходили свататься. Нечестную девушку были вправе выгнать из дома, высмеять всем селом. Брак прекращался, а обманутый муж мог взять новую жену. Девушку, не сохранившую целомудрия, замуж в дальнейшем никто не брал. Бывало, когда муж принимал решение сохра-

нить семью и простить обман. В таких ситуациях он на протяжении жизни демонстрировал потерю уважения к жене, сносившей, как правило, все упреки и издевательства, она осознавала свой проступок и причины подобного поведения.

Происходили случаи, когда ребенка, рожденного вне брака, убивали. Родители нередко проклинали своих дочерей за потерю целомудрия. Девушки становились изгоями, их никто не принимал ни в семье, ни в селе. Они были вынуждены переезжать далеко за пределы деревни, боясь порицаний и преследований. В с. Дубенки был случай, когда мать, узнав о беременности 16-летней дочери, отказалась от нее. Но с рождением девочки она сжалась, «взяла свои слова обратно» и стала заботиться о малыше. Если проведение свадебного обряда с нецеломудренной девушкой имело место, то оно отличалось от традиционной, обычной свадьбы.

ТАШЛЫКОВА Наталья Юрьевна

*Московский государственный институт музыки
им. А. Г. Шнитке, г. Москва*

ФАМИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В X–XV В. В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В древнерусских памятниках переводной литературы прослеживается традиционное для христианской культуры двойственное отношение к ценностям брака, семьи и детей. Во многих рукописях утверждается важность обета безбрачия и ухода от семьи в монастырь. Ценность монашеской аскезы обосновывается в «Чудесах Николы Мирликийского», «Житии Алексия, человека Божия», «Синайском патерике» и др. Сила монашества доказывается описанием сверхъестественных способностей святых и их помощи людям. При этом монашескому воздержанию и деланию придается большая ценность, чем супружеству, семье и воспитанию детей, нормальным считается оставить малолетних детей ради монашеской аскезы.

Однако ценность супружеских отношений, стремление иметь детей и заботиться о них, все же находят обоснование в рукописях. Рождение детей, излечение от бесплодия связывается в «Чудесах Николы Мирликийского», «Житии Алексия, человека Божия», «Сказании о Евстафии Плакиде» с божественной благодатью, с добродетелью матери, хотя ценность материнства противопоставляется ценности монашеской аскезы, осуждается нежелание родителей согласиться с выбором юноши или девушки уйти в отшельники.

Поднимаются в рукописях и вопросы равенства полов, ценности женского целомудрия, силы веры. Отдельной темой в рукописях выделяются взаимоотношения супругов, жертвенная супружеская любовь и любовная страсть. В «Синайском патерике», рукописи «Об Адаме и Еве» женская любовная страсть характеризуется как преступная и наказывается смертью, а женская жертвенная любовь восхваляется.

ТЕКУЕВА Мадина Анатольевна

*Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик*

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ VS ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Несколько лет назад мы открыли новый для кавказоведения сюжет для этнографического исследования: сексуальная культура адыгов, чувственные переживания женщин, внебрачные связи. Были подготовлены публикации, растиражированные в Интернете, за которыми последовали комментарии на форумах. Определился болезненный конфликт между обыденным сознанием и научным познанием, затрагивающий не только гендерный аспект социальных связей в традиционном обществе, но и чувства национальной гордости. В статье о мире интимных переживаний адыгских женщин некоторые пользователи увидели посягательство на честь горянки, унижение ее достоинства, пренебрежение правилами приличия. Так, на форуме <http://www.djeguako.ru/>: «лучше бы администрация сайта удаляла вот такие статьи, которые позорят Адыгов!!!! А Текуева, видать, про своих ничего и не знает». Это вызвало небольшую дискуссию, но даже голоса «за» звучали так: «информантов не указывать: это ваша тайна. А то люди разные – могут по-своему понять... Фамилии и имена лучше не писать: это неэтично для ученых. Лучше даже и инициалы не давать».

Мы столкнулись с тем пластом семиотического поля обыденного сознания, которое выдает противоречие с нашими утверждениями о значительной свободе сексуального поведения адыгов. Непредвзятые выводы, основанные на беспристрастных полевых данных, вызвали неоднозначную реакцию из-за неприятия дискурса сексуальной культуры в своем этническом пространстве. Таким образом, определилось новое поле для сбора этнографического материала и возможности корреляции наших выводов о «ментальном отношении к сексу, как естественному явлению, практически лишенному ограничений, но требующему сохранения интимности, такта и некоторых форм избегания».

ТИКУНОВ Данила Геннадьевич

*Миасский филиал Челябинского государственного
университета, г. Миасс*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОВРЕМЕННОМ АНЕКДОТЕ

Интерес к гендерной тематике проявляется сегодня при изучении самых разных жанров фольклора. Согласно исследованию анекдотов на предмет аспектов социальной идентичности, проведенному в 2008 году Микляевой А. В. и Румянцевой П. В., в 500 исследованных анекдотов ярче других проявилась проблема именно гендерной идентификации (около 28%).

Описывая гендерную картину мира, репрезентирующуюся в современном русском анекдоте, мы выделяем несколько социо-культурно обусловленных

стереотипов. Особенностью стереотипных представлений является то, что стереотипы – это не только когнитивный механизм восприятия мира, но и способ структурирования и передачи знаний, а также их языковой фиксации. Для исследования гендерных стереотипов брались анекдоты следующих тематических групп: о супружеской измене, о зяте и теще, о блондинках. Последняя группа не строго относится к гендерной тематике, однако мы приходим к выводу, что анекдоты о блондинках являются квинтэссенцией мужского взгляда на женщин.

Психологический уровень гендерной идентификации представлен, прежде всего, характеристиками мужчины и женщины. Мужчина всегда сообразителен, находчив, инициативен. Женщина глупа, эмоциональна и болтлива. Однако, если брать анекдоты о супружеской измене, то психохарактеристика мужчины или женщины зависит от точки зрения и является диаметрально противоположной в анекдотах про любовницу или любовника, что убедительно показала в своих исследованиях О. Фролова.

Исследование анекдота с гендерной точки зрения, в отличие от других жанров русского фольклора, позволяет говорить о современных явлениях в семье и обществе.

ФИЛИППОВА Ирина Александровна

*ГОУ ВПО Магнитогорский государственный университет,
г. Магнитогорск*

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ В «МУЖСКИХ» И «ЖЕНСКИХ» ТЕКСТАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Научно-исследовательский проект «Казачий фольклор в контексте современной культуры» (РГНФ, № 09-04-85403 а/У) посвящен выявлению духовно-нравственных ценностей современного казачества. Материал для исследования собран в фольклорно-этнографических экспедициях (1999–2010 гг.) на территории юга Челябинской области.

Корпус текстов, подготовленных к публикации, мы разделили на два блока: тексты, записанные от мужчин, и тексты, записанные от женщин. Это позволило нам наблюдать сходство и различие образов, мотивов, механизмов трансляции культурной традиции.

Общими для текстов обеих групп являются образы коня, шашки, нагайки. Для всех информантов актуальны сюжеты и мотивы, связанные с гражданской войной. Песенный и семейно-обрядовый фольклор записан нами преимущественно от женщин, а суждения о внутренней политике дореволюционной и современной России – от мужчин, для которых характерно восприятие казака как воина через категории службы, долга, чести как верности присяге. Женщинами казак в первую очередь воспринимается как мужчина, служба которого для женщины всегда сопряжена с одиночеством и тяжестью быта. Честь девушки/женщины традиционно связана с целомудрием и супружеской верностью.

Указанный проект не предполагал выявления гендерных особенностей текстов, поэтому замечания относительно различий устных рассказов мужчин и женщин носят предварительный характер. Продолжение исследования в этом направлении требует корректировки вопросников и сбора дополнительных полевых материалов.

ЧУРИЛОВА Людмила Александровна

*Сибирский государственный технологический институт,
г. Красноярск*

ШАМАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В НГАНАСАНСКОЙ СЕМЬЕ КОСТЕРКИНЫХ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Таймыр – Костеркины – Шаманство – таково ассоциативно-логическое звено, прочно занявшее своё место в неразрывной цепи кросскультурных уникальных явлений. Автор прослеживает на богатом материале, основу которого составили архивные, музейные, полевые источники, процесс становления, передачи шаманских традиций в семье Костеркиных, характеризует современное положение членов самой известной на Таймыре нганасанской семьи.

Нганасаны до недавнего времени являлись образцом относительно обособленной популяции, сохранившей многие черты древней культуры охотников на диких оленей Северной Евразии. На протяжении многих веков они не изменяли своим традиционным социальным установлениям и сумели донести до современности шаманские воззрения на мир, природу и человека.

Так случилось, что именно на Таймыре, едва услышанные миром, тихо отзывались в холодной тундре голоса последних нганасанских шаманов. О настоящих нганасанских шаманах, живших на Таймыре, слышали многие. На исходе XX века шаманская традиция не только не омертвела, в творческой рефлексии Т. Д. Костеркина она раскрылась неожиданно современно, заиграла новыми гранями, в частности, в акте прощания шамана со своими культовыми предметами.

Последний нганасанский шаман – Тубяку Дюходович Костеркин, в полной мере аккумулировал в себе сложный опыт жизни, сопряженный с реализацией шаманской традиции, мужчин и женщин-предков.

ШАВЛАЕВА Тамара Магомедовна

Чеченский государственный университет, г. Грозный

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

В традиционном обществе чеченцев не приветствовалось отклонение от общепринятых норм поведения, которые, как правило, соответствовали гендерным установкам. Последние складывались должным образом в определённых географических, экономических и исторических условиях.

Лучшим вознаграждением считалось признание обществом заслуг человека в его гендерном право-

вом пространстве. Если женщину иной раз и можно было похвалить за «мужской» поступок, то мужчину – никогда за «женский» поступок. Отношение окружающих к мужскому полу и женскому строилось с момента рождения ребёнка, вернее, даже до его рождения. Женщине, по предположению, вынашивающей мальчика, не разрешали много смеяться, смотреть в зеркало, сплетничать, жадничать. После рождения мальчика заворачивали в бурку, а рядом клали кинжал, чтобы вырос настоящим мужчиной. Интерьер мужской половины в доме заметно отличался от женской. Много запретов находим и в пище. К примеру, девушке не разрешали есть мясо нехолощённого барана, а юношам – вымя коровы и хвостовую часть курицы. Ярко прослеживается гендерный аспект в хозяйственной деятельности и промысловых занятиях чеченцев.

В современном обществе чеченцев заметно изменились гендерные отношения, смешались права и обязанности мужчин и женщин. Но в республике принята программа культурного возрождения, которая приветствует почтение некоторых исторически сложившихся традиций, которые, безусловно, касаются мужского и женского в культуре чеченцев.

ШАЛЫГИНА Наталья Валентиновна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ ГЕНДЕРА

Все виды социальной дифференциации в традиционных обществах маркировалась через ритуалы и обряды. Воспроизведение в ритуале символических действий помогало усвоению индивидом групповых норм поведения, принятых в конкретной культуре, подчеркивало единство человека и социума.

Ритуализация взаимоотношений полов в традиционных культурах занимала важное место в жизни общества, была строго дифференцирована и имела множество смысловых маркеров, порой недоступных пониманию европейцев. Одна из наиболее ярких последователей структуриалистского метода К. Леви-Строса французский этнолог-африканист Франсуаза Эритье, долгие годы изучавшая ритуальную составляющую родственных связей у народов Верхней Вольты, пришла к выводу о существовании у них многоуровневого характера инцеста, не имеющего аналогов в современных европейских культурах. Согласно выводам Эритье, так называемые примитивные народы различали как минимум два вида инцеста. К первому виду они относили традиционные гетеросексуальные запреты на отношения между кровными родственниками. Инцест же второго вида представлял собой символически опосредованную систему отношений однополых родственников, которые делят одного и того же сексуального партнера. Например, у африканского народа *само* мужчина не мог брать жену из того же самого линиджа (родовой структуры), откуда уже взяли жену его отец и бра-

тья. Точно так же налагался запрет и на сексуальные связи мужчины с сестрой его жены.

Для европейца понимание всех сложностей экзогамных запретов у «примитивных» народов оказывается возможным только в том случае, если он постарается представить себе всю структуру их мифологического мышления в целом. Тогда вышеописанный случай обретает вполне обоснованную логику. Эритье выяснила, что среди всех бинарных оппозиций в символике народа *само* (правое/левое, верх/низ и т.д.) центральное место занимает оппозиция горячее/холодное. Нарушение баланса между двумя этими субстанциями, по мнению *само*, может привести к различного рода катаклизмам. Если горячее соединяется с холодным и оказывается сильнее последнего, это вызывает иссушение (засуху). Если холодное возьмет верх над горячим, возникают проливные дожди и наводнения.

Сложные отношения двух субстанций регулируют и отношения полов. В определенном смысле оппозиция мужского / женского нередко действовала активно, фактически перекодируя другие бинарные оппозиции. «Мужское» у *само* ассоциируется с горячим, а «женское» – с холодным. В силу этого разделения горячее оказывается неразрывно связанным со спермой, а холодное – с кровью менструального периода у женщин.

Однако брачно-сексуальные запреты и разрешительные нормы в этой сфере социальной жизни туземцев зачастую воспринимались европейцами как неупорядоченные половые связи, что впоследствии становилось основой множества заблуждений и мифологем. Особенно это касается коллективных форм брачных отношений, практикующихся у папуасов Новой Гвинеи, жителей Тробрианских островов и у некоторых индейских племен Бразилии. В обычаи этих народов входило совершение «любовных экспедиций» для встреч мужчин и женщин, принадлежащих к разным родовым структурам, некоторые редкие формы брака, когда женщине позволялось иметь несколько мужей (полиандрия) и др.

На определенном этапе развития человеческого общества статус женщин (как в парном, так и в групповом браке) был почти равен статусу мужчин. Женщины пользовались значительной свободой, и их права были мало ущемлены, т.е. положение женщин было равноценным или почти равноценным положению мужчин. Это проявлялось не только в экономической сфере, но и в ритуальной практике, особенно важной для бесписьменных народов. С развитием примитивных форм экономики во многих архаичных культурах происходит усиление роли мужчин в семейном коллективе и постепенное понижение статуса женщины в семье и роде.

Этнографический материал показывает, что практически у всех бесписьменных народов существуют мифы, рассказывающие в той или иной форме о свержении власти женщин. Некоторые исследователи связывают появление подобного рода мифов с началом формирования двух принципиально различаю-

щихся между собой культур – мужской и женской, которые, непрерывно пересекаясь и взаимодействуя, отгораживаются друг от друга стеной запретов.

ЮКИНА Ирина Игоревна

Невский институт языка и культуры, г. Санкт-Петербург

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА: АКТОРЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

В общем смысле термин «гендерная политика» употребляется для обозначения деятельности по преодолению неравенства между мужчинами и женщинами в доступе к политическим, экономическим, культурным возможностям и ресурсам. В рамках гендерной политики ставится вопрос о специфике социальных проблем мужчин и женщин, о гендерных различиях бедности и исключения и разных путях решения этой проблемы. Целью гендерной политики, как подсистемы социальной политики, является преодоление социального неравенства и достижение равенства возможностей и социальной справедливости для больших социальных групп – женщин и мужчин.

Проблема заключается в том, что в современной России темы социального равенства и социальной справедливости исключены из политического дискурса. Не находят они своего отражения в социальной политике, которая недостаточно сориентирована на целевые (в том числе гендерные) группы, неэффективна и не нацелена на выравнивание возможностей различных групп и страт населения, и исходит из узкого понимания бедности, определяемое чисто количественными показателями.

В свое время, в годы реформ 1990-х эта идея социальной справедливости и социального равенства были отброшены, как «советские», старомодные и не оправдавшие себя в государствах «всеобщего благоденствия» и как несовместимые с целью реструктурирования экономики и развития новых политических институтов. Доказательством правоты политики для реформаторов служил известный факт, что страны с либеральным режимом, ограничивающие социальные расходы, демонстрируют высокие темпы экономического развития. Маргинализация некоторых групп населения представлялась неизбежным побочным эффектом политических и экономических реформ. Справедливость как важнейшая социальная ценность была удалена из политического дискурса, и переходный период 1990-х гг. охарактеризовался резким возрастанием неравенства в России, признанием его как нормы в публичном дискурсе.

Женские организации возникали в эти годы после десятилетий советского общественного безвременья для решения проблем, как «феминизация безработицы» и «феминизация бедности», формируя женское движение и женские, гендерные исследования, как осмысление социальных проблем женщин, а затем и мужчин, связанных с неравенством.

Говоря о перспективах социального развития страны, нет основания думать, что ситуация может измениться в лучшую сторону без переосмысления

идеологической составляющей социальной политики, без актуализации различных видов и проблем неравенства, в том числе гендерных, без допуска новых игроков на поле социальной политики и новых инновационных технологий, привнесенных ими. Речь идет о развитии деятельности организаций гражданского общества, как о все еще новом для России акторе социальной политики.

Актор гендерной политики в России, как политики, не являющейся мейнстримной, – женское движение и «союзнические» организации гражданского общества. Идеология движения формируется вокруг идеи социальной справедливости и социального равенства.

За период с 1990-х гг. гендерная политика РФ прошла несколько стадий развития: от своего пика в 1994–1995 гг., к понижающей волне в конце 1990-х и практического свертывания в 2000-е. Сегодня развитие политики гендерного равенства перешло на региональный уровень.

На примере СПб предполагается рассмотреть существующие практики участия женских НКО в актуализации проблем социальной и гендерной политики в СПб, рассмотреть практики взаимодействия правительства города и организаций гражданского общества в развитии политики гендерного равенства, в решении проблем бедности и социального исключения.

ЯКУШКИНА Елена Ивановна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ СИТУАЦИИ 2000-х гг.

Воронежская область – самый большой по численности населения регион ЦФО после Москвы и Московской области (2270 тыс. чел.). Доля мужчин в общей численности населения Воронежской области составила 45,4%, женщин – 54,6%. В течение последних 5-ти лет наблюдается тенденция к снижению мужского и женского населения в регионе. Как и в большинстве регионов Черноземья, доля городского населения в области понижена – 63% (по РФ – 73%), это является следствием благоприятных условий для сельского хозяйства. Численность экономически активного населения, по данным Облстатуправления по Воронежской области в сентябре 2009 года составила 1173,9 тыс. человек, или 51,7% общей численности населения области. В их числе 91,6% экономически активного населения были заняты в экономике, а 8,4% не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией МОТ они классифицируются как безработные).

Уровень экономической активности населения Воронежской области составил в 2009 г. 65,9%. В других регионах Центрально-Черноземного района он ниже среднероссийского (68,2%). Сказывается пожилая возрастная структура населения и высокий уровень самозанятости среди сельского населения. Уровень экономической активности женщин в 2008 г. составил 58,6%, что ниже среднероссийского на 3,7% и ниже

экономической активности мужчин региона (68,9%) более, чем на 10%. Занятость женщин в Воронежском регионе в 2008 г. продолжала снижаться и составила 55,5%, в то время как уровень мужской занятости Воронежской области повысился за последние 5 лет и составил 65,2%. Последние годы растет уровень образования экономически активного населения региона. Уровень образования женщин выше, особенно гендерный разрыв ощутим в сегменте высшего и среднего профессионального образования. Это обстоятельство позволяет удерживать женщинам свои позиции на рынке труда. По мере снижения уровня образования в сегменте начального профессионального и среднего общего образования, доля мужчин возрастает. Проблема недостаточного профессионального образования обусловлена невысоким уровнем урбанизации, аграрным укладом жизни значительной части населения региона, что ограничивает социальную мобильность населения, делает его уязвимым в случае кризисных явлений в сельском хозяйстве.

В отраслевой структуре занятости наибольшую долю составляют занятые в промышленности (18,6%), торговле (18,4%), в сельском хозяйстве (17,2%). Распределение численности занятых в экономике по видам экономической деятельности следующее – женщины преобладают среди работников сферы образования, торговли, общественного питания, в жилищно-коммунальном хозяйстве, среди работников культуры – традиционно низкооплачиваемых бюджетных отраслях, в секторе связи. Одной из ключевых проблем областного рынка труда становится вынужденная неполная занятость. В целом на режим неполного рабочего времени в 2008 году перешли 97 предприятий с общей численностью персонала 55,1 тыс. чел. Количество работников, занятых неполное рабочее время, составило 7,7 тыс. чел., отпуска без сохранения заработной платы предоставлены 2,6 тыс. чел. Простой охватил 1,4 тыс. чел. По данным Облстата в 2008 г. в Воронежской области насчитывалось 404604 человека, занятых в неформальном секторе, это составляет 37,6% к общей численности занятого населения. Отметим, что данные являются опросными. Необходимо отметить, что с 2007 г. численность занятых в неформальном секторе увеличилась на 5%, причем в большей мере росла занятость женщин (на 7,1%), чем мужчин (на 2,3%). Вероятно, одной из основных причин вторичной занятости, в том числе, и в неформальном секторе является низкий уровень оплаты труда на территории Воронежской области. Неформальная занятость позволяет приспособиться к нестабильным условиям, уменьшает уязвимость, снижает фактический уровень и социальные издержки безденежья и безработицы. Лица с пониженной конкурентоспособностью и, прежде всего, женщины, заполняют не престижные рабочие места неформального сектора, где не соблюдаются ни трудовые, ни финансовые законы РФ, отсутствуют социальные гарантии, а порой даже элементарные права человека в этой сфере занятости.

Следствием сегрегации женщин в сфере занятости стали значительные гендерные диспропорции в оплате труда. Средняя заработная плата мужчин и женщин в Воронежской области составляет 12033 руб. и 7677 руб. соответственно, этот уровень зарплат ниже общероссийского, но находится на уровне средних показателей по ЦФО.

При сохранении женщинами достаточно высокой экономической активности, их занятость снижается, несмотря на высокий уровень образования. Женщины занимают рабочие места в не престижных сферах образования, торговли, жилищно-коммунальных услуг и др., вплоть до большой доли занятости в неформальном секторе, что является следствием не только гендерной дискриминации, характерной для всей страны, но и усугубляется отсутствием последовательной гендерной политики в регионе.

ЯХНО Ольга Николаевна

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

ЖЕНСКИЕ ЗАНЯТИЯ И БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА ЭПОХИ МОДЕРНА

Актуализированное в последнее время понятие модернизации заставляет осмыслить ее значение для европейской цивилизации. Попытки глобализовать свои ценностно-мировоззренческие установки приводят к всеобщему экономоцентризму. Отсюда высокий социальный статус мужчины, неоспоримый в силу их определяющего влияния на производство материальных благ. В период социальных сдвигов, когда меняются некогда традиционные роли, появляются новые действующие лица.

Изменение отношения к женщине, ее роли в обществе зафиксировали газеты начала XX века. Они отмечают, что женщины, занятые на службе в различных государственных ведомствах, становятся нередким явлением, что вызывает недоумение или явный протест у традиционно настроенных мужчин. Сами современники отмечали, что тяжелое экономическое положение жителей городов уменьшает шансы женщин на брак. С другой стороны, брак для огромного количества мужчин стал непосильным экономическим бременем. Высшие должности были недоступны для женщин, жалование их было значительно ниже, чем у мужчин на той же должности. Непременным знанием и умением, обязательным для женщины, считалось шитье и другие женские рукоделия. Шитье, вышивка, вязание требовало определенных черт характера, которые у большинства ассоциируются с женственностью и считаются ее добродетелями. Но за последние сто лет, благодаря борьбе женщин за свои права, отношение к рукоделию и женской занятости на службе поменялось. То, что раньше считалось символом бытового рабства, сегодня свидетельствует о свободе выбирать занятия и распоряжаться временем по собственному усмотрению.

Секция 3. АНТРОПОЛОГИЯ РОДСТВА И ВОЗРАСТА

Руководитель: д.и.н., проф. Попов Владимир Александрович (Санкт-Петербург)

АХМЕТОВА Мария Вячеславовна

Редакция журнала «Живая старина», г. Москва

**ГОРОДА-БРАТЯ, ГОРОДА-ДЕТИ,
ГОРОДА-РОДИТЕЛИ...:
ОБ ОДНОЙ МЕТАФОРЕ РОДСТВА**

В докладе будет рассмотрено метафорическое употребление русских терминов родства применительно к городам (на материале преимущественно XX–XXI вв.: художественной и краеведческой литературы, публицистики, блогов и форумов и т. д.).

Установление «родственных отношений» между двумя городами или между одним городом и другими городами служит одним из способов определения их по отношению друг к другу прежде всего по признакам возраста (Дмитров как младший брат Москвы, Зеленоград как сын Москвы, и т. д.), статуса (любой город как младший брат/сестра по отношению к областному центру), общности территории (Челябинск как брат Екатеринбурга) или общности исторической судьбы (братья – Петербург и Петрозаводск, Ленинград и Сталинград и т. д.).

В то же время, употребление терминов родства по отношению к городам является репликой на общеизвестные прецедентные формулы (прежде всего *Киев – мать городов русских* и *Одесса – мама, Ростов – папа*). Например, старейший город какого-либо региона объявляется родителем городов этого региона (напр., Тюмень и Тобольск как мать/отец городов сибирских), какой-л. город объявляется сыном или дочерью Одессы и Ростова (чаще всего по принципу криминальности) и т. д.

БАГЛАЙ Валентина Ефимовна

Краснодарский государственный университет культуры и искусств, г. Краснодар

**КРОВНОРОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ДРЕВНЕЙ ЗАПАДНОЙ МЕКСИКЕ
ПОЗДНЕГО ФОРМАТИВНОГО ПЕРИОДА
(НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ЗАУПОКОЙНОЙ
ПРАКТИКИ III в. до н. э. – III в. н. э.)**

В течение последних 30 лет археологи активно исследуют территорию Зап. Мексики, меняя ранее сложившуюся картину развития здесь древних культур. В 1993 г. в штате Халиско была открыта культура Уитсилапа позднего формативного периода (III в. до н. э. – III в. н. э.). Среди прочего археологический памятник содержит неразграбленное шахтное погребение, которое поставляет исследователям богатейшие данные относительно погребальной практики, ритуалов, верований и характера общественных групп, которые сформировались к тому времени.

Шахта глубиной 7,6 м, вырытая в сплошном вулканическом туфе, ведет к двум погребальным камерам. Подземные помещения устроены в направлении «север – юг» и содержат 6 костяков. В каждой камере находились 3 индивидуальных захоронения с богатыми погребальными дарами. Среди них выделялось захоронение мужчины около 45 лет. Оно оказалось самым богатым (многочисленные осколки керамики, керамические фигурки очень высокого качества, предметы из кварца, сланца (шифера), обсидиана, морских раковин, нефрита). Последнее обстоятельство и конструкция помещения наводят на мысль, что погребение изначально было связано именно с ним.

Остеологический анализ показал, что в захоронениях Уитсилапы пять погребенных были генетически близки и у них зафиксированы следы общего заболевания. Эти данные доказывают очевидную первую степень родства между покойными и, таким образом, позволяют предположить, что могила была криптой для группы родственников или членов отдельного линиджа. Известно, что линидж включает потомков от общего предка, возможно даже обоженного. Одни линиджи могли быть более важными и влиятельными, чем другие. Понятно, что идеологический, экономический и социальный контроль над всем обществом могли осуществлять наиболее сильные из них.

Качество и количество пожертвований в погребениях Уитсилапы, размеры и план расположения остатков поселения свидетельствуют об определенной иерархии статусов, а с точки зрения системы организации и управления обществом – о наличии вожества. Однако подобная иерархия связана только с происхождением, т. е. родственной близостью, а не с индивидуальной деятельностью или личным богатством. Последнее имеет место в гораздо более поздних и более сложных в социальном отношении обществах.

Скорее всего (с учетом других факторов, прежде всего, уровня материального производства), общество, функционировавшее в Уитсилапе, основывалось на кровном родстве и общинной собственности. В данном обществе Зап. Мексики сохранилась традиция эндогамности, замкнутости внутри племенного сообщества, что подтверждается, в том числе и соблюдением особой ритуальной погребальной практики.

БУРЫКИН Алексей АлексеевичИнститут лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ
СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА XI–XVII вв.**

Фундаментальное изучение системы терминов родства (СТР) русских по материалам современного русского языка имеет множество разных направлений. Оно, помимо описания отношений системы род-

ства (СР) и СТР, в частности, включает социолингвистические характеристики частных, как бы минимизированных вариантов СТР в разных слоях общества в разные периоды истории русского литературного языка XVIII–XX вв., культурные коннотации ТР и отношений родства в их динамике, стилистические характеристики отдельных ТР и их перифрастические замены. Все названные факторы определяют непосредственные причины, тенденции и направления эволюции СТР русских за последние 300 лет.

Изучение русской СТР в отдаленной исторической перспективе по материалам древнерусского языка XI–XVII вв., как и рассмотрение СТР русских на общеславянском и индоевропейском фоне, имеет прочные традиции. Однако нарастающий объем материала по лексике языка древнерусских памятников, появление новых словарей древнерусского языка и выявление некоторых семантических признаков, оказывающихся значимыми для СР русских, побуждает возвращаться к проблематике истории СТР русских и ставит перед исследователями новые задачи.

Новые словари древнерусского языка становятся надежным источником фактического материала, но имеют специфические особенности его преподнесения. Так, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (вышло 27 выпусков) дает только самые ранние и самые поздние фиксации ТР, что затрудняет изучение особенностей семантики и особенностей употребления ТР в разные периоды истории древнерусского языка. «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» содержит аутентичные в плане хронологии данные, но не слишком разнообразен в плане источников. Словари к памятникам («Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”», «Лексика и фразеология “Моления Даниила Заточника”») описывают ограниченный объем лексики.

Установление значимости для русской СТР такого признака, как живой/умерший коннектор, позволяющее уточнить значения некоторых ТР (так, племянник – это не сын брата или сестры, а сын умершего брата или сестры) ставит перед исследователями новые задачи, в число которых входят: 1) тщательная проверка условий употребления ТР в летописях с вниманием к характеру родственных связей персонажей и статусу коннекторов (жив или умер коннектор на момент употребления термина) и датировке непосредственных источников ТР; 2) изучение ТР в деловых памятниках со вниманием к фактическому составу семьи; 3) история ТР, вышедших из употребления к концу XVII–XVIII вв. (*вый*, *стры* и т. п.) и остававшихся в узусе как экзотика в условиях, когда исторические словари русского языка отсутствовали, а словарь В. И. Даля преподносил читателям факты русского языка вне исторической характеристики и стилистической отнесенности и с не вполне точной для наших дней географической привязкой, которая требует уточнения по современным региональным диалектным словарям и – в перспективе – по материалам «Лексического атласа русских народных говоров».

БУРЫКИН Алексей Алексеевич

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург,*

ЩЕРБАК Анна Алексеевна

*Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина, г. Тамбов*

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА (НАБЛЮДЕНИЯ НАД СТАТЬЕЙ «БРАТ» В «СЛОВАРЕ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВВ.»)

В последние десятилетия в научный оборот был введен значительный массив нового материала, документирующего факты истории русского языка XI–XVIII вв., причем сказанное относится как к текстам, так и к словарям разных периодов истории русского языка – это, прежде всего, «Словарь русского языка XI–XVII вв.», близкий к завершению, «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», хотя и не завершённый, но достаточно объемный для исследований отдельных групп слов, продолжающийся «Словарь русского языка XVIII века». В этом ряду особое место занимает «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», два выпуска которого вышли в свет и еще два готовятся к печати. Словарь основан на уникальной картотеке, охватывающей хронологически недостаточно изученные периоды истории русского языка и включающей малоизвестные источники (картотека хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А.Ларина филологического факультета СПбГУ).

Словарная статья на слово БРАТ («Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков». Вып. 1. СПб., 2004. С. 270–273) содержит интереснейшие примеры употребления слова *брат* в значении «сын по отношению к другим детям тех же родителей или одного из родителей» с оттенком «человек, имеющий общих с кем-л. предков, родственник по отношению к лицам того же поколения (с. 271), в первой части статьи фиксируются словосочетания *брат родной*, *старший (старейший) брат*, *большой брат* 'старший брат', *меньшой брат* 'младший брат', *брат двина* 'близнец', *брат двоюродный*, *брат в третьем колене*, *сродный брат* 'двоюродный или троюродный брат', *названный брат*. Переносные значения слова брат – как этикетное наименование: монарх по отношению к другому монарху, всякий человек (христианин) по отношению к другому, тот, кто подобен кому-л. в определенном отношении, член монастырской братии. В Словаре зафиксированы также производные от слова *брат*: БРАТАН 'брат родной или двоюродный', БРАТАНИЧ 'сын брата, племянник' (С. 273), уменьшительно-ласкательные формы БРАТЕЛКО, БРАТЕНИК, БРАТЕЦ, БРАТИШКА и БРАТИШКО.

Однако даже материалы этого словаря, насыщенные цитатами из деловых, в том числе юридических документов, не дают ответа на нетривиальный вопрос – были ли в древнерусской СР сыновья одного отца *братьями* друг другу, пока был жив их отец, или это

родство актуализировалось только после смерти родителя. Для решения таких вопросов, большая часть которых связана со статусом коннектора, необходимо изучение большого массива материала, детально освещающего генеалогии, относительный возраст и даты жизни членов семей; такая информация извлекается из летописей, а для более позднего времени (XV–XVIII вв.) – из деловых документов.

ВУКВУКАЙ Надежда Ивановна

*Лаборатория комплексного изучения Чукотки
Северо-Восточного Комплексного научно-исследовательского
института ДВО РАН, г. Магадан*

МЕХОВАЯ ОДЕЖДА КАК МАРКЕР СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АБОРИГЕННОЙ КУЛЬТУРЕ БЕРИНГОМОРЬЯ

История семейно-родственных связей и отношений между Чукоткой и Аляской имеет более чем двухвековую историю. Прямые свидетельства тесных контактов мы находим в истории формирования праздничного костюма морских охотников, чьим культовым символом был морж.

Изначально предполагалось, что этот вид одежды характерен для всего сообщества морских охотников, чьим объектом охоты является тихоокеанский морж. Данное предположение основывалось на многочисленных фотоматериалах с обоих берегов Берингова пролива.

Этнографические материалы Чукотского района (Чукотский АО), собранные в селе Уэлен, свидетельствуют о том, что в семье морских охотников при именовании новорожденному вместе с именем гостя с Американского континента передавалась и меховая одежда, которая зачастую становилась маркером родства. Также сохранился фотоматериал из архивов чукотских семей, в которых выявляются общие знаки оформления одежды, характерные как для прибрежных чукчей азиатского континента, так и для аборигенов Аляски. Научные материалы американских антропологов содержат факты оформления меховой одежды данного вида с периода формирования оленеводческой культуры эскимосов Аляски (конец XIX в.).

При исследовании автором семейно-родственных отношений между коренным населением Аляски и Чукотки были составлены генеалогические схемы семей (297/824 чел.). Также были собраны материалы по одежде и другим элементам материальной культуры. Анализ символики меховой одежды показал единую родственную основу коренных жителей Берингоморья. Родственные связи подтверждают и генеалогические исследования автора.

ГРОТ Лидия Павловна

*Консалтингово-образовательное предприятие
«Норркон АБ», г. Лунд (Швеция)*

МАТРИЛАТЕРАЛЬНЫЙ СЧЁТ РОДСТВА И НАСЛЕДНЫЙ ИНСТИТУТ ВЛАСТИ

Исследования потестарной проблематики показывают, что традиция передачи власти в рамках одного

рода, выделившегося из социума в качестве правящего, уходит в глубокую древность и связана со спецификой духовной жизни первобытного общества. Сакрализация природы породила обожествление духов предков – оберегов и гарантов благополучия социума. Выполнение ритуалов по общению с духами предков возлагалось на представителя рода, к которому принадлежали наиболее прославленные предки, поэтому родовая принадлежность сделалась основой определения легитимности правителя.

Особенностью института наследной власти являлся учёт родственников с двух сторон – отцовской и материнской. Традиция учёта матрилиатеральности давала право на престол потомству княжён/принцесс, отданных замуж в другие страны. Кроме того, право на власть могло быть получено благодаря браку с правительницей/принцессой или акту усыновления.

Примеры из европейской истории показывают, что матрилиатеральная традиция имеет очень древнее происхождение. Родоначальник скифских царей Таргитай стал правителем боришфенитов как наследник своего деда по матери. Геракл, по замыслу Зевса, должен был стать владыкой потомков царского рода Персея, к которому принадлежала его мать Алкмена. С пресечением Каролингской династии в X в. призвали на престол Конрада – внука императора Арнульфа от его дочери, т. е. наследника согласно матрилиатеральной традиции. С пресечением княжеского рода в летописном княжении Словен призвали на престол внука князя Гостомысла от его дочери Умилы – Рюрика, также как позднее на российский престол призвали Петра III – внука Петра I от его дочери Анны. Разновидность матрилиатеральной традиции – брак с королевой/принцессой: Роллон получил Нормандское герцогство благодаря его браку с дочерью Карла Простоватого.

Имя правителя соответствовало сакральной традиции общества: например, правитель свеев Якоб (1022–1050) при интронизации поменял – по требованию народа – христианское имя на языческое Анунд.

ДЗИБЕЛЬ Герман Валентинович

Агентство «Хилл Холлидей», г. Бостон (США)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ИНФОРМАЦИИ О ДРЕВНЕЙШИХ ПОПУЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

В изучении феномена родства, систем родства и систем терминов родства наблюдается заметный подъем. Одно из перспективных направлений заключается в привлечении систем терминов родства в качестве источника информации о древнейших популяционных процессах. Впервые обоснованный в середине XIX в. Л. Г. Морганом, этот подход приобретает особую важность в настоящее время, когда успехи популяционной генетики (митохондриальная ДНК, Y хромосома и др.) и набирающие силу исследования популяционной динамики языков сделали воз-

можным построение моделей происхождения и расселения человеческих популяций на основе изучения данных современных популяций и языков.

Системы терминов родства занимают ключевую позицию в междисциплинарном синтезе, так как, в добавление к этносоциальным структурам (формы брака и семьи, наследование, брачное поселение, родовая организация и пр.) в них отражаются как языковая грамматика, так и историческая демография. Наблюдение за эволюционными трансформациями систем терминов родства в контексте данных лингвистики и популяционной генетики позволит более четко определить соотношение унаследованных, приобретенных (языковое заимствование, поток генов) и конвергентных биологических и культурных признаков в истории человеческих популяций.

Гигнетический (иденетический, демограмматический) подход к системам терминов родства оперирует всей совокупностью типов систем терминов родства и моделями их эволюционной трансформации с целью установления изоморфизма между ними и существующими языковыми (семьи, макросемьи, типологические ареалы) и популяционно-генетическими (гаплотипы и пр.) структурами. На основании междисциплинарных параллелей формулируются гипотезы о происхождении и расселении человеческих популяций, которые в дальнейшем могут обосновываться на материалах археологии, палеоантропологии и палеоклиматологии.

ИВАНОВ Алексей Вадимович

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва*

ПРИНУЖДЕНИЕ К БРАКУ У ЧЕНЧУ (ИНДИЯ)

Дж. Фрейзер определил в свое время задачи социальной антропологии как изучение «бесписьменных народов». В наши дни многие из тех, кого он назвал бесписьменными народами, вполне овладели и языками «Больших традиций», и их письменностями. В частности, ченчу – малый народ Индии, – среди которых работал в поле автор предлагаемого доклада, в совершенстве владеют телугу, некоторые умеют читать и писать. Но ченчу сохранили важный признак, отличающий их от крупных этносов Индии: они по-прежнему организованы на основе кровного родства.

Важнейшей работой о принципах родственной организации, недооцененной в нашей стране, являются «Элементарные структуры родства» К. Леви-Стросса. Там исследованы механизмы взаимодействия родственных групп и принципы брачных отношений, в частности феномен кросскузенных браков. Леви-Стросс спрашивает: чему они служат? Его ответ всем известен: любая форма предпочтительных браков поддерживает связь между группами – экономическую или любую другую – и осуществляется через обмен женщинами. Женщины принуждаются к браку во имя благополучия своих групп и служат своеобразным залогом добрых отношений между ними. Но не является ли и мужчина, вступающий в брак, также предметом

обмена? У автора доклада сложилось убеждение, что у ченчу мужчина принуждается семейной группой к браку в той же степени, что и женщина. Браки устраиваются между семейными группами, а не между индивидами. И это не столько «обмен женщинами», сколько «обмен детьми».

КАЗАЧЕНКО Борис Николаевич

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ СИСТЕМЫ РОДСТВА

Родство – важнейшее понятие популяционной генетики человека. Лица, связанные узами родственных отношений используют специальные термины, которые способны нести различную смысловую нагрузку (например, брат названный, брат сводный и брат родной у русских). Мерой русской системы родства является вероятность сходства, например, по идентичным генам (кровное родство), по месту рождения/проживания (общинное или землеродное родство) и даже по принадлежности к общему делу (все разновидности братского родства), что, кстати, отразилось и в терминологии родства (брат – братич – братец – браток – братва).

Однако внутренние механизмы динамики русской системы родства в отечественной антропогенетической литературе не изучены. Задача исследования состояла в выявлении отнюдь не очевидных связей между естественным и фиктивным родством. Основные материалы были собраны в экспедициях НИИ и Музея антропологии МГУ в 1972–2007 гг. в Северо-Западном, Центральном, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, а также в русских религиозных изолятах (молокане, старообрядцы и пр.). Привлекался также архивный материал отделов ЗАГС с глубиной генеалогического поиска за истекшие 140–214 лет.

Результатом исследования явилось: 1) субтотальное восстановление связей кровного, сводного, побочного, узаконенного и свойственного родства в реальных сельских популяциях России; 2) реконструкция церковного (т. е. внутриприходского) духовного и свадебного родства, представленного здесь кумовством и сватством, соответственно; 3) систематизация русской терминологии родства по типам и видам; 4) реконструкция принципиального облика русской системы родства с XII по первую четверть XX в.

КУЛЛАНДА Сергей Всеволодович

Институт востоковедения РАН, г. Москва

СЛЕДЫ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В «РИГВЕДЕ»

О существовании половозрастного жизненного цикла в ведическом обществе свидетельствует словопотребление древнеиндийского *vāyas*. Обычно его трактуют как «жизненная сила», но есть контексты, где *vāyas* означает нечто иное: ср. пассажи из гимна

о прославлении даров (VIII, 55. 4) «проходя один период жизни (*váyas*) за другим» (*váyo-vayo vicaránta*) или из гимна Агни (V, 15. 4): «Когда ты стареешь, устанавливая/даруя один период жизни за другим, / Меняя облик, ты сам движешься вкруговую» (*váyo-vayo jarase yád dádhāna* / *pári tmānā víurūpo jigāsi*), где поведение Агни возможно понимать как персонификацию движения людей по возрастным ступеням, когда они, достигнув предела социально активного возраста, выходят из системы, а вместо них в систему вступает новый возрастной класс, принимающий их имя, т. е. совершается упоминаемое в тексте движение по кругу. В связи с трактовкой слова *váyas* представляет определенный интерес то обстоятельство, что им практически всегда управляет глагол *dhā-* «устанавливать», а не *dā-* «давать». Показательно, что в более поздних памятниках засвидетельствовано производное *-vayasá* в значении «период жизни» – ср. *uttamavayasá-* «последний период жизни» (Шатапатха-брахмана, 12,9,1,8). К сожалению, этимология *váyas* темна. Считается, что оно неотделимо от латинского *uīrēs* «силы, возможности, способности». Не ясно также, как относится сюда *váyas* в значении «пища».

МАТВИЕВСКАЯ Лилия Федоровна

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

СЕМЬЯ ГЛАЗАМИ МЛАДЕНЦА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЕЙ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

В исследованиях по антропологии родства и этнографии детства очень часто уделяется внимание только самим действиям, производящимся с ребенком, но не тем деятелям, которые их выполняют. В то же время, очевидно, что для индивида, только что включенного в новое сообщество, чрезвычайно важно, кто именно и каким образом с ним взаимодействует. Следствием рождения ребенка является не просто смена статуса членов семьи, но и вовлечение их всех (а не только родителей) в воспитательный процесс. Именно выполнение членами семьи разнообразных функций по отношению к ребенку формирует его первоначальную картину мира (по крайней мере, «картину семьи») и включает ребенка в отношения с теми, кто находится рядом с ним. Рассмотрению функций членов семьи и реконструкции связей с ними ребенка и посвящен данный доклад.

ПОПОВ Владимир Александрович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

«БРАТСТВА ПО КОРАБЛЮ»: ОПЫТ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

«Братства по кораблю» (shipmates) появились в эпоху трансатлантической работорговли (XVII – сер. XIX вв.), когда невольники-негры, перевезен-

ные на Американский континент из Тропической Африки на одном и том же корабле, считали себя родственниками (сиблингами, родителями/детьми, дедами/внуками), а название корабля становилось их общим именем.

Во второй половине XIX в. аналогичные братства сформировались и среди законтрактованных рабочих, привезенных в Америку из Южной и Юго-Восточной Азии. Следует подчеркнуть, что во всех случаях африканские, индийские и индонезийские корабельные братства возникали и функционировали независимо друг от друга. Но все объединяли людей, совершивших трансокеанский переход на одном и том же корабле, а также их потомков. Наиболее близким считалось «братство» тех, кто прибыл одним и тем же рейсом одного и того же корабля. Примерно так же котирировалось прибытие тем же кораблем, но уже другими рейсами, однако на протяжении того же года. Те же, кого привозили все на том же корабле через год, два года и позднее также считались корабельными братьями, но рассматривались уже как более дальние родственники.

Основой «братства» всегда был именно корабль – те, кого привозили примерно в одно и то же время, но на разных кораблях оставались совершенно чужими друг другу (даже соплеменники), и могли формировать разные shipmates. Совместное плавание на парусном корабле, занимавшее в среднем три месяца, сплачивало людей, оборвавших все свои связи с родиной, этносом, кланом, общиной, семьей, друзьями и т. д., а в случае с индустриальными – с кастой.

Базовыми условиями для появления корабельных братств были следующие:

- морской переход на одном и том же корабле, даже в разное время;
- необходимость длительного плавания, причем обязательно в условиях хотя бы относительной несвободы;
- этническая и социальная неоднородность;
- возрастная и половая неоднородность.

Основной целью создания «братств» была взаимопомощь – материальная и моральная. Каждый корабельных «брат» мог рассчитывать на совет, содействие, экономическую, а часто и физическую поддержку. Существовала также особая система брачных норм, прежде всего брачных запретов, иногда превращающая shipmate в экзогамный организм.

Фактически под видом корабельных братств воспроизводились привычные формы традиционной социальной организации. Так, африканские братства, по сути, были аналогами родовой (клановой) организации, постепенно перераставшей в нечто похожее на рэзидж. Индонезийцы создавали большесемейную общину (по-явански братство буквально называется «семья из одного чрева», где под чревом подразумевается корабль), а выходцы из Индии – бирадари (букв. «братство») – совокупность экзогамных единиц кастового общества, обладающих статусным паритетом.

РУДНЕВА Екатерина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА АЛБАНСКОГО ГОВОРА СЕЛА ГЕОРГИЕВКА (УКРАИНА)

Село Георгиевка Приазовского района Запорожской области – одно из четырех на территории Украины, где представлены этнические албанцы. Это потомки выходцев с Балканского полуострова, которые в XVI в. переселились в Болгарию, а оттуда – в южную Бессарабию. Длительное проживание в тесном контакте с болгарскими, гагаузскими, позднее с русскими и украинцами, а также многочисленные миграции отразились в терминах родства их говора. Прежде всего, утрачена большая часть терминов, обозначающих более крупные, чем семья, объединения родственников (как в лит. яз. *fis*, -i; *gjinī*, -a; *vllazni*, -; *bark*, -u; *ship*), также отсутствуют термины, имеющие собирательное значение (как в лит. *vellazeri*, *moteri*), за исключением *shtipër* «члены семьи, домочадцы».

Сравнение лексических единиц говора с данными литературных языков и диалектов позволяет предложить следующую классификацию терминов родства по их происхождению:

1) Албанские единицы, соответствующие литературному языку: а) относящиеся к древнему индоевропейскому пласту (напр., *b'ir*, -i «сын» (ср. лит. *bir*, -i), *b'iljē*, -a «дочь» (ср. лит. *bijlė*, -a)) б) латинские (напр., *(n)drīkljē*, -a «кума» (ср. лит. *ndrikull* «та, кто дает ребенку имя; мать по отношению к крестному ее ребенка»))

2) Славянские единицы (в основном, болгарского происхождения) (напр., *ka|o*, -u – обращение к старшей сестре, старшей сестре мужа/брата, «старшая сестра», «старшая сестра мужа/брата», обращение к женщине, старшей по возрасту (ср.: болг. *кака* «старшая сестра», како «обращение к старшей сестре, старшей женщине»), *čik|o*, -u «дядя по отцу» (ср.: болг. *чичо* (дядя, брат отца), болг. диал. *чичка*))

3) Тюркские единицы (гагаузского происхождения) (напр., *sənsəle* «род» (ср.: тюр. *silsile*; гагаузск. *сенселә*); *is'uz* «сирота» (ср.: тюр. *öksüz*; гагаузск. *үсүсө*))

В целом, терминология родства сохранила черты, характерные для Балканского ареала: различие наименований родственников по матери / отцу; наличие разветвленной системы обращений; представлены некоторые термины-балканизмы, напр., *baχhenakē* «мужья сестер между собой». Сохраняется важная роль в семье бабки по отцу (*male*), более высокий статус старших сиблингов по отношению к младшим. Однако в настоящее время наблюдается тенденция к ассимиляции с русско-украинским окружением, что отражается в СТР: утрачивается важность кровнородственных связей более крупных, чем малая семья, объединений родственников; к ранним славянским заимствованиям прибавляются новые (напр., *внук*, *племянник*).

САЛЬНИКОВ Вячеслав Иванович

Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Воронеж

О РОЛИ ВОЗРАСТНЫХ КЛАССОВ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Как отмечает ряд исследователей (О. Кабанесс, Л. Насс, В. Мельгунов и др.) революции часто становятся «симптомом нарастания иррациональных сил» и на первых этапах сопровождаются архаизацией социальных отношений, что позволяет рассматривать революционные процессы в политико-антропологическом аспекте (В. В. Бочаров). Если считать первыми революциями свержение вождей, опирающимися на военизированную неженатую молодежь, власти жрецов, поддерживаемых старшими возрастными группами, то стоит обратить внимание на роль возрастных классов в революционных процессах, когда на повышительной волне разрушения «старого порядка» велика роль молодежи (биологической и социальной), а на понижительной волне, ведущей к институционализации нового строя, начинают доминировать люди с более зрелым сознанием и поведением, оттесняя молодежь на второй план. Данные тенденции проявляются во всех революциях, что говорит в пользу того, что кроме социально-экономических и политико-правовых причин революции имеют глубокие антропологические корни, подсознательное воздействующее на наше сознание и поведение.

Однако революционные элиты, как правило, препятствуют приходу к власти поколениям «детей», и лишь состарившись, передают власть «внукам», что способствует чередованию застоев и революций.

Если Россия, где даже «самые одаренные натуры... долго остаются детьми, подающими блестящие надежды, чтобы затем сразу без перехода стать стариками, ворчливыми и вышедшими из ума» (Ф. Тютчев), хочет перейти к устойчивому развитию – ей предстоит избегать и геронтократии, и «культы молодости», вырабатывая навыки взрослого ответственного поведения.

СЕСЛАВИНСКАЯ Марианна Владимировна

Федеральный институт развития образования, г. Москва

БАЗОВЫЕ СОЦИОНИМЫ И ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОТЕСТАРНОСТИ У ЕВРОПЕЙСКИХ ЦЫГАН КАК ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИНДО-ЦЫГАНСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Базовые соционимы европейских цыган (*ром*, *ромни*) и выражения потестарности (*патив*, *пативало*) рассматриваются как концептуальные понятия традиционной цыганской культуры и в сопоставлении с их индоарийскими этимонами и понятиями индоарийской культуры.

Этимология и функционирование обозначений *ром* и *ромни* находят параллели в лексике индоарийских языков (инд. *kutumba* и проч.), связанной с

аустроазиатским субстратом (аустроаз. *domba*, *kutumba* и проч.), где их этимоны выражают идею кровных или брачных связей и идею размножения. Хотя лексема инд. *pətih* / *pəti* (< индоевр. **pot-/*potis*), связанная с цыг. *патив*, *пативало*, широко представлена в индоарийском словаре, в языке цыган нет самого слова **пати*, соответствующего индоарийскому этимону. Возможно, это связано с особенностями формирования индоарийского слоя населения, ставшего источником «протоцыганских» миграций. Так, в основном значении инд. *пати* «глава семейно-родовой группы» у цыган используется базовый соционим неарийской этимологии: цыг. *ром* «супруг, мужчина полноценного социального возраста». Возможно, поэтому лексема инд. *pətih* / *pəti* не была усвоена носителями «протоцыганского» индоарийского языка в ее основном значении. В то же время, существуют ее производные в формах цыг. *патив* «знаки статуса», и цыг. *пативало* «высокостатусный, уважаемый, обладающий постарными функциями», что можно рассматривать как маркер влияния арийской (индоарийской) культуры и языка.

СТОЯНОВА Галина Николаевна

Одесский национальный университет
им. И. И. Мечникова, г. Одесса (Украина)

КАТЕГОРИЯ «ВОЗРАСТ» И ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД (НА МАТЕРИАЛАХ БОЛГАР ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ)

Категория «возраст» – одна из основных, которая определяет место человека в народной культуре. Хотя среди этносов нет единого представления о биологическом возрасте, основой для всех есть следующая градация жизненного цикла: детство, юность, зрелость и старость.

Универсальность категорий «пол» и «возраст» в народном мировоззрении расширяют диапазон исследования половозрастной тематики в любом аспекте. Проследим, каким образом членение общества на возрастные группы отражается в похоронной обрядности, основываясь на полевом материале, собранном в болгарских селах Южной Бессарабии.

Незавершенность социализации, ее начальный этап, на котором находится ребенок, отразилась и на обрядах его погребения, которые характеризуются небольшим количеством обрядовых действий и ограниченным количеством их участников. Лишь достигнув года, новорожденный получал социальный статус ребенка. Родители ребенка не присутствовали на его похоронах, поскольку в традиционной культуре болгар именно один год является рубежом моментом завершения первого этапа социализации ребенка.

Специфичны также и похороны первого ребенка в семье. Тот факт, что родители не должны были знать, где похоронен их первый ребенок, можно связать с магической силой, которой наделяли первенца,

потому что именно он мог повлиять на судьбу последующих детей.

В случае смерти ребенка больших поминок не устраивали. На поминальном обеде могли присутствовать только его крестные родители. Зафиксирован обычай на поминки ребенка печь особый хлеб – *куличку* (отличался по размеру и форме от поминального карава, который пекли на поминки взрослого). Особенности похорон первого ребенка нашли свое отражение и в обычаях его поминания, в частности долго *жалеть* первенца нельзя (дольше 40 дней), иначе у матери больше не будет детей.

Одежда, в которую обряжали покойника, и цвет ткани, которой оббивали гроб, отражали в определенной степени возраст умершего. Особенности поминания его души тоже зависело от возраста. Возраст также служил одним из обстоятельств для деления покойников на «чистых» и «нечистых»: тех, кто прожил свой век, и тех, кто умер до срока (дети, молодые люди).

ТАДИНА Надежда Алексеевна

Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА КАК «ИНСТРУМЕНТАРИЙ» ПРИ ОБЩЕНИИ С ИНФОРМАНТАМИ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АЛТАЙЦЕВ)

Среди современных алтайцев почти каждый по отношению к другому является родственником или свойственником и ведет себя с учетом того, к какому роду относятся он и окружающие – к сёоку отца (*карындаш сёёк*), сватовскому сёоку (*куда сёёк*) или сёоку матери (*таай сёёк*). Даже не знакомые друг с другом и проживающие в разных районах представители одного сёока (или родственных сёоков) считаются родственниками. Собирая полевой материал о традициях общения алтайцев, я обычно обращаюсь к своим информантам, учитывая их принадлежность к сёоку и, в соответствии с этим, использую термин родства. Обычно мужчину из сёока моей матери, независимо от возраста, я называю *таай* («дядя по матери»), а женщину старше меня или бабушку из моего сёока или родственного сёока, а также из сёока моего мужа, зову *эжебис* («наша старшая сестра»). Использование термина родства при обращении к старшим выражает уважение, признание роли старшего. В свою очередь, обращение к младшим с использованием термина родства выражает внимание, желание оказать помощь, что проявляется в содействии моих информаторов в сборе полевого материала. Соблюдение принятых норм общения позволяет во многом сократить дистанцию взаимопонимания между мной как этнографом и информантом. Необходимость учитывать принадлежность каждого к сёоку дает ориентир в достаточно сложных (с точки зрения человека европейской культуры) правилах общения у алтайцев.

ШАХОВЦОВ Кирилл Геннадиевич

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

**ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА
ЮЖНЫХ СЕЛЬКУПОВ: К НЕОБХОДИМОСТИ
КРИТИЧЕСКОГО ПЕРЕСМОТРА НАСЛЕДИЯ
А. П. ДУЛЬЗОНА И Г. И. ПЕЛИХ**

За почти 50 лет, прошедших с момента публикации статьи Г. И. Пелих «Кольцевая связь у селькупов Нарымского края», ее выводы касательно системы терминов родства южных селькупов не были подвергнуты критическому анализу, и в современном этнографическом, и, особенно, в филологическом «селькуповедении» либо принимаются как данность, либо обходятся молчанием.

Работа Г. И. Пелих в значительной мере основана на анализе списка южноселькупских ТР, опубликованного А. П. Дульзоном. Г. И. Пелих полагала, что ТР записаны А. П. Дульзоном «с исключительной полнотой». Я склонен считать, что список далеко не

полон, поскольку отсутствуют термины для обозначения некоторых ожидаемых позиций, а большое количество позиций пропущено во время записи, что обнаруживается при рассмотрении ТР, записанных в каждом населенном пункте (или ареале) по отдельности. Имеются также ошибки в интерпретации отдельных терминов.

Г. И. Пелих упоминает о проделанной ею работе по уточнению списка, но не указывает, ни как это делалось, ни какие конкретные результаты были получены, более того, некоторые, прямо противоречащие опубликованным данным, выводы основаны на недоступных читателю материалах. Проблема усугубляется и невозможностью в настоящее время собрать сколько-нибудь сопоставимый полевой материал.

Критический пересмотр исследований А. П. Дульзона и Г. И. Пелих необходим для описания южноселькупской СТР без влияния их преконцепций (о полном взаимном соответствии чулымско-тюркской СТР и наличии кольцевой связи соответственно).

Секция 4. ТРАДИЦИОННАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ НА СЕВЕРЕ И СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Руководитель: к.и.н. **Чернякова Ирина Александровна** (Петрозаводск)

**БРАТУХИНА Милена Юрьевна,
ЗАЙЦЕВ Владимир Михайлович**

ФГУ Национальный парк «Валдайский», г. Валдай

СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАРЕЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-СТАРОВЕРОВ НА ВАЛДАЕ: ОПЫТ ОБОСОБЛЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА С XVII ВЕКА ПО НАШИ ДНИ

После подписания Столбовского мирного договора в 1617 г. к Швеции отошел Корельский уезд Новгородской земли. Крестьяне попали в зависимость к «иноверцам» — шведским и немецким феодалам. Карелы исповедовали православие собственного конфессионального символа. Спасаясь от феодального и религиозного давления, они стали покидать западное Приладожье, расселяясь на новгородских землях компактными группами. Массовый характер переселение приняло в 1630–1650-х гг.

Из разных потоков сформировалось несколько групп «корельских выходцев». Одни из них — валдайские и тихвинские карелы. Во вновь возникших карельских деревнях оставались постоянными язык, верования, семейные ценности. Этому способствовала традиционная структура семьи, «истинная вера» и строгость старообрядческой общины.

Исследования этнографов и краеведов во время полевого сезона 2010 г. выявили в современных деревнях на территории Национального парка «Валдайский» ряд поныне существующих деревень, обитатели которых сохранили особенности карельской культуры в быту, семейных и духовных традициях, язык.

ГЛАВАЦКАЯ Елена Михайловна

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ТОРВАЛЬДСЕН Гюннар

Университет г. Тромсё, г. Тромсё (Норвегия)

СТРУКТУРА СЕМЬИ У МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИПОЛЯРНОЙ ПЕРЕПИСИ 1926–1927 гг.

Изучение разницы в характеристиках традиционной семьи Западной и Восточной Европы усилило интерес к исследованию семьи на территории России. Недавно обнаруженные первичные материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг. позволяют восстановить структуру семей некоторых малочисленных народов Российского Севера. Приполярная перепись занимает особое место в истории учета населения. Экспедиции регистраторов почти год фиксировали демографические аспекты и весь спектр тради-

ционной культуры кочевников, следуя от стойбища к стойбищу. Коллекция учетных форм содержит уникальный материал о жизни народов Севера. В докладе анализируются первичные материалы Приполярной переписи по Кольскому полуострову и Северо-Западной Сибири.

Большинство населения Александровского района Мурманской области составляли финны. Кроме них здесь проживали саамы, карелы, русские и скандинавы. При этом часть саамов были зарегистрированы как фильманы. Так называли переселенцев с запада, в прошлом — оленеводов, сменивших занятия на рыболовство и исповедовавших лютеранство. Саамы, как правило, жили большими семьями. Другие этнические группы также проживали в составе большой семьи какую-то часть своей жизни. Мужчины, и женщины Александровского района вступали в брак рано, поскольку переселение в пределах богатого рыбными ресурсами побережья Баренцева моря, вероятно, благоприятствовало созданию семьи.

Материалы Обдорского края (современный Салехард) отличаются по степени сохранности, характеру и содержанию. Тем не менее, они дают возможность проследить продиктованный производственной необходимостью совершенно иной образ жизни и еще более сложный состав семьи ненцев и хантов.

ГОЛИКОВА Светлана Викторовна

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

БРАК У ЖИТЕЛЕЙ ОРЛОВСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ 1830-х – СЕРЕДИНЫ 1870-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ Н. Н. БЛИНОВА)

Несмотря на то, что брак является традиционным объектом исследования этнологии, в изучении матримонимальных отношений у русских остается немало лакун. На региональном уровне вопрос остается малоисследованным, при построении концепций пользуются теорией Хайнала о резких отличиях российского брака от западноевропейского.

Для характеристики брачных отношений жителей одного из уездов, расположенных на севере Вятской губернии — Орловского — привлекается достаточно необычный источник — книга Н. Н. Блинова «Движения народонаселения в Орловском уезде Вятской губернии» (Вятка, 1876). Автор доклада ставит целью взглянуть на приведенные в ней сведения с точки зрения современной историко-этнологической науки. Брак рассматривается в качестве инструмента создания семьи. Характеризуются численность браков, их сезонность, брачный возраст, круг брачных партнеров.

ДАШКЕВИЧ Людмила Александровна

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОДВОРНЫХ ОПИСЕЙ ПОТАШИНСКОЙ ВОЛОСТИ 1805 г.

Семья как важный институт традиционного общества является объектом активного исследования этнологов и историков. Особый интерес исследователей вызывает крестьянская семья, которая на протяжении долгого времени была основным хранителем традиционной культуры народа. История крестьянской семьи на Урале находится пока на стадии собирания и осмысления фактов, ввода в оборот новых источников (прежде всего – массовых). Нами обработаны материалы такого источника как подворные описи крестьян Поташинской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии за 1805 г. и получены данные о численности, структурно-поколенном составе семьи государственных крестьян, рассчитаны этапы ее типичного жизненного цикла.

СМИРНОВА Марина Александровна

Издательство Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВЫ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО СЕМЕЙНОГО МЕНТАЛИТЕТА НА СЕВЕРЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Северные территории на рубеже XIX–XX вв. стали объектом интенсивного изучения, к которому привлекалось местное население. Первыми этой деятельностью заинтересовались представители интеллигентных кругов. Глава семьи, занимаясь на досуге любительским изучением какого-либо направления (М. И. Сибирцев, В. А. Ленгауэр, В. П. Шляпин), часто привлекал к этому членов своей семьи – обычно детей, реже – жен, которые иногда превосходили своих учителей, а иногда становились надежными помощниками. Жены участвовали в экспедициях своих мужей (Е. К. Верещагина, Л. В. Верещагина, А. П. Амалицкая), помогали сохранять их интеллектуальное наследие (А. П. Амалицкая).

Дети, помогая отцу, включались в исследования и, подрастая, становились продолжателями отцовского дела или выбирали для себя новое направление в соответствии с собственными интересами (Е. В. Ленгауэр-Горохова, Н. М. Сибирцев, И. М. Сибирцев, К. В. Шляпина).

В 1920-е гг. обученные с детства навыкам исследовательской работы молодые люди увлеченно включались в общественно-научную жизнь (А. В. Шипчинский, К. П. Шляпина, Е. В. Шляпина). В эти же годы среди активистов общественной жизни появились молодые представители мещанских и крестьянских слоев населения, чьи родители не занимались интеллектуальной деятельностью, но не запрещали этого своим детям (П. В. Витков, С. А. Селезнев, Е. А. Пискова, Е. М. Ковицкая). Иногда у них научная и общественная деятельность ста-

вилась выше личной, что приводило к проблемам в семейной жизни.

СУСЛОВА Евгения Дмитриевна

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА СКЛАДЫВАНИЯ ДИНАСТИЙ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ВОЕВОДСКОЙ ИЗБЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

В докладе реконструируются впервые прослеживаемые по актам приказного делопроизводства в сопоставлении с материалами писцовых и переписных книг середины XVI – начала XVIII в. генеалогии карельского духовенства. Исследование основано на выявлении судебных причетников и особенностей служебной карьеры их родственников.

Автор отмечает, что начало складывания династий местного духовенства относится ко второй половине XVI в. В первом десятилетии XVIII в. довольно значительная группа клириков находилась на церковной службе в пятом, шестом и седьмом поколениях. Удалось установить, что единого порядка наследования церковных должностей не существовало. Они передавались в основном братьям или сыновьям клириков согласно принципу старшинства. Младшие члены семей, дожидаясь своей очереди и приобретая необходимый опыт, временно занимали позиции причетников низшего звена.

Проведенное исследование позволяет с уверенностью констатировать, что формирование династий дьяконов, церковных дьячков, пономарей и даже проскурниц было связано с развитием прямых и боковых ветвей священнических семей, самых старинных из прослеживаемых по источникам. Разрастание социальной страты местного духовенства способствовало тому, что младшие члены семей, внимательно отслеживавшие ситуацию и стремившиеся сохранить традиционный фамильный статус, переходили из родных приходов в те, где появлялись подходящие для них вакансии. В случае отсутствия подобной перспективы сыновья священников, хорошо знавшие грамоту, стремились попасть в число подьячих воеводской канцелярии.

ХЯМЮНЕН Тапио

*Факультет географических и исторических наук
Университета Восточной Финляндии, г. Йюэнсуу (Финляндия)*

**ПАРТАНЕН Юкка, ШИКАЛОВ Юрий,
ЮНККАРИНЕН Марко**

*Карельский Институт Университета Восточной Финляндии,
г. Йюэнсуу (Финляндия)*

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СФЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ КАРЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В ФИНЛЯНДИИ

Пионером научных исследований, посвященных карельской семье в Финляндии можно считать Вяйно Войонмаа, опубликовавшего в 1915 г. труд под

названием «История карельского племени в Финляндии».

На международной научной арене интерес к изучению истории семьи испытывает подъем с 1960-х гг. В научных кругах Финляндии исследования по истории семьи становятся популярными в 1990-е гг. В этот период финских ученых вновь интересуют семьи, проживавшие в восточных областях Финляндии, и, прежде всего, карельские семьи.

С начала 2000-х гг. в Финляндии над изучением истории карельской и финской семьи работает уже целая плеяда исследователей. По этой тематике было защищено несколько диссертационных работ, выпущены монографии и сборники статей. На кафедре истории университета города Йюэнсуу в 2001–2003 гг. велась работа по проекту «Крестьянская семья на северо-востоке Европы», в которой принимали участие исследователи из университетов Оулу и Хельсинки, а также из Петрозаводского и Санкт-Петербургского университетов. Руководителем проекта являлся профессор Тапио Хямюнен, а другие авторы данного доклада принимали непосредственное участие в его осуществлении.

В докладе содержится обзор исследований по истории карельской семьи, проведенных в рамках вышеуказанного проекта и до его начала, дан анализ современной ситуации в работах по данной тематике, рассматриваются возможные перспективы изучения традиционной семьи в Финляндии.

ЧЕРНЯКОВА Ирина Александровна

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ЛЯЛЯ Елена Витальевна

*Региональный центр новых информационных технологий
Петрозаводского государственного университета,
г. Петрозаводск*

ТРАДИЦИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКОВ В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ XIX ВЕКА: О ПЕРСПЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА К ИНФОРМАЦИИ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ

Объектом анализа являются метрические книги в той их части, которая содержит сведения о заключенных в ряде приходских сообществ Карелии браках. Как показало пилотное исследование, выполненное авторами доклада в рамках поддержанного РФФИ в 2005–2007 гг. проекта (№ 05-07-97504_р_север_в), география брачных союзов, заключенных обитателями Ялгубского прихода (Петрозаводский уезд) на протяжении большей части XIX века, не оставляет сомнений в чрезвычайной узости ареалов брачных связей.

Подчеркнем, что, следуя сложившейся в историографии практике видеть в брачном поведении четыре типа: браки, заключенные внутри той же деревни, в территориальных границах прихода, в пределах уезда и за пределами уезда, исследователь получает по тем же данным уверенное наблюдение о примерно

равных в пропорциональном отношении ориентациях при выборе брачного партнера обитателями приходского сообщества, по крайней мере в отношении трех первых параметров: 31, 33, 30 и 6% соответственно.

Только зонирование ареалов с применением программных картографических методов анализа в сопоставлении с данными, почерпнутыми в документальных источниках, обеспечивает полное раскрытие количественной исторической информации, которая, будучи не только сосчитанной, но и «привязанной» к картам соответствующей местности, позволяет визуализировать процессы и явления, тем самым обеспечивая должную адекватность интерпретаций.

ЧЕРНЯКОВА Ирина Александровна,

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ЧЕРНЯКОВ Олег Владимирович

*Издательство Петрозаводского государственного
университета, г. Петрозаводск*

ДОМОХОЗЯЙСТВО КАРЕЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНИНА В XVIII—XIX вв.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА И МЕТОДЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

В доиндустриальных локальных сообществах социальная жизнь концентрировалась в домохозяйствах, как в западной, так и в восточной Европе. Под данным термином понимается «домовое сообщество» (определение Питера Ласлетта), как правило, не совпадавшее с собственно семьей (супружеская чета с детьми). Хотя в источниках нового времени группа лиц, проживавших вместе в одном жилище, нередко именовалась семьей (family), западноевропейская историография успешно преодолела эту семантическую неопределенность на уровне признанных классическими исследований (case study), основанных на целом комплексе источников, в то же время держащих в фокусе внимания исключительно локальное людское сообщество (населенный пункт: город или деревню).

Несмотря на убедительность результатов, достигнутых наиболее часто цитируемыми представителями советской школы демографических исследований, накопленные в отечественной историографии цифровые данные не вписываются в общепринятую современной наукой кембриджскую методику изучения населенности крестьянского двора по принципу выделения шести типов домохозяйств. Это чрезвычайно затрудняет получение обобщенных в исторической ретроспективе сравнительных характеристик в важнейшей для оценок социально-демографического развития общества сфере семейного поведения абсолютного большинства населения доиндустриальной России – крестьянства.

В докладе предложен сопоставительный анализ домохозяйственной организации крестьянин-карелов

на уровне приходских сообществ разных регионов Олонецкой, Приграничной, Беломорской и Тверской Карелий. Сведения получены с применением количественных методов и составления территориально ориентированных баз данных, идентичных по содержанию взятым за основу документальным источникам массового характера – ревизским сказкам и исповедным ведомостям.

**ШРЕДЕРС Анатолий Михайлович,
ЛЯЛЛЯ Елена Витальевна**

*Региональный центр новых информационных технологий
Петрозаводского государственного университета,
г. Петрозаводск*

**ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГИС ТЕХНОЛОГИЙ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА
МАТЕРИАЛАХ ГЕНЕРАЛЬНОГО
МЕЖЕВАНИЯ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ**

В настоящее время ГИС в исторических исследованиях применяются достаточно широко и разнообразно, как в ходе изучения документальной информации и проверки выдвигаемой научной гипотезы, так и для оформления полученных результатов. К ГИС технологиям прибегают как к инструменту для обработки и анализа исследовательских данных, равно как для визуализации наблюдений и выводов.

Данный подход существует давно, являясь первым этапом в освоении этих технологий историками.

В последнее время появились и другие формы применения ГИС в области исторических и других гуманитарных наук. Имеются в виду специализированные программные комплексы и системы для конкретных исследовательских задач. Они могут быть разработаны как для ограниченной группы исследователей, решающих определенные, зачастую довольно сложные, но вместе с тем локально ориентированные задачи, так и для более широкого круга лиц, решающих общие задачи. Это в свою очередь позволяет применять возможности и ресурсы специальных программ и систем в максимально широком и разнообразном круге исследований.

Еще одним подходом к созданию геоинформационных ресурсов является разработка ГИС, полностью идентичных комплексным исходным данным. Примером такой работы может служить создание геоинформационной системы на основе картографических и описательных данных Генерального межевания земель на Европейском севере России (Олонецкая губерния и Кемский уезд Архангельской губернии). Геокодированная карта с исчерпывающей картиной расселения на 1792 г. позволит более адекватно оценивать историческую информацию в демографических исследованиях, в том числе при изучении традиционной крестьянской семьи.

Симпозиум 7

ЭТНОГРАФИЯ И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Секция 1. ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Руководитель: к.филол.н., доц. Михайлова Любовь Петровна (Петрозаводск)

АБРАМОВА Елена Ивановна

Московский городской педагогический университет, г. Москва

**О РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ЯЗЫКА В СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ И
ДЕКОРАТИВНОЙ ФУНКЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ
ГАЗЛЬСКОГО И ВАЛЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В связи с уменьшением числа носителей кельтских языков в Великобритании и сокращением объема коммуникации на кельтских языках, использование газльского и валлийского языков приобретает все более сентиментальный характер.

Кельтская идентичность реализуется, в том числе, путем использования отдельных языковых элементов кельтского происхождения в английском языковом контексте. В первую очередь речь идет о функционировании кельтских имен собственных (антропонимов и топонимов) и культурных реалий традиционно кельтского образа жизни в английском языковом пространстве.

Сентиментальное отношение к своим корням проявляется и в слоганизации кельтских этикетных фраз (пожелания, приветствия, благодарность) и призывов (боевые кличи, девизы), которые функционируют в качестве рекламного текста на сувенирной продукции и как названия пабов, кафе, музыкальных групп, фитнес клубов, журналов здоровья, отелей и т. д. на традиционно кельтских территориях. Кельтицизмы в рекламе выполняют информативные и текстообразующие функции. В туристическом лингвопространстве особую роль играют длинные кельтские топонимы.

Декоративная функция кельтицизмов как «украшений» в английском контексте и в английском языковом пространстве реализуется через использование некоторых ласкательных обращений, пожеланий, приветствий, простых фраз в качестве надписей на одежде, аксессуарах и предметах обихода.

АТРОШЕНКО Ольга Валерьевна

*Уральский государственный университет им. А.М. Горького,
г. Екатеринбург*

**ЗАГОВЕНЬЕ В РУССКОЙ
КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ***

В докладе рассматривается культурно-языковая символика русского заговенья (кануна поста, когда

разрешается есть скоромное). Народное сознание выделяет четыре точки годового времени, в названия которых входит слово *заговенье*, – кануны Великого, Петрова, Успенского и Рождественского постов. На основе семантико-мотивационного анализа хрононимов выявляются ключевые мотивы для каждого из заговений. Так, великопостное заговенье предстает как время прощания со скоромной пищей, ср. костром. *Яичное заговенье*, прикам. *Мясопустное заговенье* ‘воскресенье перед Масленой неделей’; нижегород. *Рыбное заговенье* ‘суббота перед Масленой неделей’. Заговенье перед Петровым постом – время завершения гуляний, проводов весны, связанное с культом «заложных» покойников: прикам. *Вешное заговенье*, архангел. *Гулящее заговенье*, астрах. *Русалкино заговенье*. Канун Успенского поста почти «незаметен» – имеет одну номинацию: томск. *Морковкино заговенье* (время, когда пробуют новый урожай). Четвертое же заговенье завершает период заготовок на зиму, ср. вологод. *Свинобойное заговенье*. Заговенье – своего рода посредник между важнейшими календарными сезонами: оно «проводит» мясоед и «встречает» пост, подготавливая к нему человека, ср. смолен. *Масленские заговини*, псков. *Петровское заговенье*, сибир. *Филиппово заговенье*. Отсюда «подвижность» семантики этого слова в русских говорах. Помимо собственно кануна поста, оно может обозначать: а) воскресенье или субботу накануне поста; б) более длительный промежуток времени перед постом (помор. *Великое заговенье* ‘мясоед перед Великим постом’); в) первый день поста (нижегород. *Девичье заговенье* ‘первый понедельник Петрова поста’); г) праздник в числе, на который выпадает заговенье (нижегород. *Девичье заговенье* ‘24 июня/7 июля’).

БАДГАЕВ Николай Боктаевич

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,
г. Элиста*

**ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО ИЗУЧЕНИЯ
ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ
МОНГОЛЬСКОГО ГЛОССАРИЯ
«МУКАДДИМАТ АЛ-АДАБ»)***

Хотя анализируемый памятник неоднократно привлекался монголооведами в качестве материала для решения различных проблем, лексикон глосса-

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-04-00449а).

рия не выступал еще как объект исследования (Н. Н. Поппе в своей публикации ограничился некоторыми фонетическими и морфологическими особенностями памятника).

Между тем любой язык характеризуется не только рядом специфических фонетических и грамматических особенностей, но и наличием в его лексике своеобразных характеристик, обусловленных историческими контактами с другими языками – как с генетически родственными, так и неродственными.

В современных условиях, когда резко возрос интерес к этнолингвистическим и лингвокультурологическим исследованиям, особо актуальными представляются проблемы системного изучения лексики, в том числе заимствованной. Основное внимание направлено на два основных вопроса, касающихся изучения лексики памятника: 1) как шло развитие лексики языка в фонологическом отношении и 2) как можно систематизировать лексику в семантическом плане. Лексика монгольских языков еще недостаточно изучена как семантическая система, не описана и как фрагмент языковой картины мира в сравнительно-сопоставительном плане.

Подобный когнитивный подход к явлениям языка необходим и актуален для решения целого комплекса проблем, связанных с пониманием мира представителями разных этносов. Особый интерес представляют лексические соответствия между среднемонгольским и чагатайским языками, заимствования из арабского и персидского языков.

БАХВАЛОВА Татьяна Васильевна

Орловский государственный университет, г. Орел

МИР ОРЛОВСКОГО КРЕСТЬЯНИНА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Тексты художественных произведений ушедшей эпохи – бесценный источник для изучения не только национального языка того или иного периода, но и богатейшая база для познания жизни народа в ее самых разных проявлениях на одной ступени своего исторического развития.

Мир сельского жителя срединной России конца XIX – начала XX вв. блестяще показан в «Повести о днях моей жизни», многочисленных рассказах писателя-орловца И. Вольнова. Орловский крестьянин представлен в его физической и духовной ипостасях в системе разнообразных общественных отношений (односельчане, семья, положение на иерархической лестнице и др.), в быту, в производственной сфере, во взаимосвязи с миром природы. Лексические и фразеологические единицы, употребленные мастером слова, репрезентируют ценностные приоритеты, жизненные ориентиры, особенности мировосприятия, своеобразие языка жителей орловского края. Многочисленны наименования человека (в числе которых немало устаревших, диалектных) по его социальному положению (*колокольная дворянка, серяк*), по родственным связям (*большак, матыка, няня*),

по роду занятий (*колотушечник, краснорядец*), по материальному положению (*бесподставница, с карманом*), по чертам характера (*коко́ра, непря́ха*) и др. Разнообразны номинации реалий окружающего быта: *грубка, сионские горы, самогрей, саламата, чуйка, возилки, пятишница* и др.

Средством компактного и систематизированного описания жизни и языка населения Орловщины в историческом прошлом, как свидетельствует наше исследование, может быть словарь особого типа, созданный на материале произведений писателя, выросшего на орловской земле, хорошо знавшего материальную и духовную культуру ее жителей и показавшего мир орловского крестьянина во всем разнообразии.

БЕРЕЗОВИЧ Елена Львовна

Уральский государственный университет им. А. М. Горького, г. Екатеринбург

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕАЛИИ (ХРЕН)*

В докладе представлен этнолингвистический портрет реалии (растение *Cochlearia armoracia*, хрен) на материале славянских лингвокультурных традиций. Растение получает амбивалентную оценку. С одной стороны, выделяется линия сакрализации хрена: его происхождение трактуется в рамках сюжетов священной истории (хрен вырос из гвоздей для распятия, – как правило, из четвертого гвоздя, который был спрятан цыганом-кузнецом, учеником Христа и др. и воткнул в землю), что определяет его использование как пасхальной пищи; ему приписываются лечебные и защитные свойства (по полесским поверьям, заблудившийся в лесу должен сказать: «Святэй хрен, выведь меня на дорогу!»). С другой стороны, есть линия негативной оценки хрена: он символизирует мучения (*рус. горче хрена* ‘о полной лишений жизни’, ассоциируется со злостью, агрессивностью (*болг. хрен* ‘злоба’, *словен. hréniti se* ‘сердиться’), сварливостью (*словац. zjedli jag hren*). Крепость хрена и трудности его обработки порождают как значение упрямства (*польск. sperty jak chrzan*), так и символику отваги (*словаки считали, что труссы должны есть больше хрена, который придает отвагу*). Хрен очень дешев (*укр. «Хрін дешевий, та що толку в тім?»*), а те, кто его едят, нередко бедны (*рус. девятый хрен без соли доедает*), отсюда символика низкой ценности, бесполезности (*рус. хрен по деревне* ‘о чем-л. неинтересном’) – и далее испорченности (*польск. chrzanić się* ‘портиться’), старости (*рус. старый хрен*), физической и интеллектуальной неполноценности (*рус. захренеть* ‘заболеть’, *словац. chren* ‘дурень’, *чеш. okřeněný* ‘болезненный’). Форма корня порождает фаллическую символику растения. Благодаря ей и способности разрастаться хрен наделяется свойством «плодовитости» (*рус. хрен плодливый* ‘о мышах, мошкаре’) и используется в продуцирующей магии. Символика хрена поддержива-

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры» инновационной России» (тема «Современная деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

ется и разнонаправленными звуковыми притяжениями соответствующего слова (аттракция к имени Христа; ассоциация с обценным обозначением пениса).

БОГАЧЕВА Мария Владимировна

Пермский государственный университет, г. Пермь

НАРОДНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ С НУМЕРАТИВНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Проанализировано 163 диалектных фразеологизма с нумеративными компонентами (НК) в пермских говорах. Наиболее частотны компоненты: *один* (55), *семь* (26), *два* (23), *три* (23), 78% единиц. Менее употребительны лексемы *сорок*, *семьдесят семь*, *полтора*, *четыре*, *шесть*, *сто*, *восемь*, *десять*, *девять*, *пять*, *двенадцать*, *двадцать*, *тридцать*, *тридцать* (по убывающей).

НК актуализируют устойчивый набор смыслов, например: *один* – единичность (*один на одно* ‘совсем один, в одиночестве’); тождественность (*в одной купели купались* ‘о ровесниках’); *три* – интенсивность (*в три косы* ‘напряженно’); *семь* – значительная удаленность (*за семью горами* ‘очень далеко’); полнота проявления (*от семи собак отъестся* ‘не дать никому спуска’). Наблюдаем пересечение смысловых полей: *один* – *два* (семантика единства: *в одно жить* ‘жить дружно’); (*как*) *два плесня* ‘неразлучно’), *один* – *полтора* (семантика неполноценности: *дом на одно окно* ‘маленький домик’, *полторы тараты* ‘очень мало’), *три* – *семь* – *семьдесят семь* – *сто* (семантика множественности: *наказать три четверга (семь четвергов) на неделе, наговорить сто пудов* ‘наговорить многое, наговорить лишнего’, *семьдесят семь четвергов* ‘многое’) и др. Одновременно возникают оппозиции, внутренние и внешние: *один* – *один* (единичность – единство), *один* – *два* (статичность – динамичность), *два* – *семь* (истинность – ложность), *три* – *семь* (определенность – неопределенность), др. Структура семиотического поля фразеологизмов с НК диалектична.

Особенности фразеологизмов детерминированы этнокультурными факторами: набор лексем культурно маркирован, традиционен (преобладают обозначения простых чисел *один*, *два*, *три*, *семь*). Специфичны актуализированные семиотические зоны.

БОЛЬШАКОВА Наталья Валентиновна

Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова, г. Псков

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ РУССКО- БЕЛОРУССКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ЗОНЫ

Южнопсковские говоры и северные говоры Белоруссии (витебские, полоцкие), генетически близкие между собой на основе общекривичского происхождения, являются недостаточно исследованными как в систем-

но-структурном аспекте, так и с позиций антропоцентрической научной парадигмы. К этнолингвистическим проблемам говоров рассматриваемой пограничной территории относятся вопросы самоидентификации их носителей, вопросы демаркации границ переходной диалектной зоны, предметно-логические и культурно-исторические категории, воплощенные в диалектной лексико-семантической системе. В работе ставится задача характеристики принципов семиотической категоризации пространства в традиционной картине мира контактирующих славянских народов. К исследованию этноконтактной зоны привлекаются данные Псковского областного словаря и его картотеки, а также многочисленные тексты, в том числе и аудиозаписи, содержащиеся в псковском диалектном и фольклорно-этнографическом архиве.

БОРИСОВА Ольга Геннадьевна,

КОСТИНА Людмила Юрьевна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «КУХОННАЯ УТВАРЬ» В ГОВОРАХ КУБАНИ

Кубанские говоры – говоры позднего образования. В тематическом аспекте макросистема кубанского диалекта описана недостаточно. К таким малоизученным в лингвистическом плане относится тематическая группа «кухонная утварь». Её лингвистическое описание позволит восполнить одну из лакун в лексической системе кубанских говоров. В результате отбора из лексикографических источников, а также из материалов, собранных в полевых экспедициях, сформирован корпус лексических единиц, внутри которого произведено деление на более мелкие подгруппы. В докладе представлен комплексный анализ диалектных лексем, который включает в себя выделение разных типов диалектизмов, структурных и семантических вариантов, характеристику семантической структуры слова, этимологию, выявление синонимов-дублетов и параллелей, последние из которых могут стать объектом картографирования. Поскольку многие слова тематической группы «кухонная утварь» являются устаревшими, особое внимание уделяется их толкованию. Изучение данной диалектной лексики даёт возможность не только более полно представить уклад домашнего быта кубанских казаков, но и выявить лексическое своеобразие кубанского диалекта, подготовить языковой материал для лексико- и картографирования.

ВАСИЛЬЕВ Валерий Леонидович

Новгородский государственный университет, г. Великий Новгород

«РУССКАЯ» ТОПОНИМИЯ ПРИИЛЬМЕНЬЯ И ПОВОЛХОВЬЯ

В центральных районах исторической Новгородской земли плотность географических названий с корнем *рус-* заметно выше, чем во всех других славянских регионах. Столь отчетливое скопление «русской» топо-

нимии в бассейне оз. Ильмень и Волхова со времен средневековья вплоть до наших дней обычно интерпретировалось как свидетельство появления и начального распространения именно с этой исторической территории этнонима *русские* и термина *Русь*. Однако тщательный историко-лингвистический анализ таких названий в регионе выявил разнообразие причин их появления и большое различие в их хронологии. Выяснилось, что только отдельные из них, причем не самые древние, действительно являются этническими маркерами. К таковым обыкновенно относятся составные названия типа *Русская Шилинка*, *Русская Киношка*, *Русское Огоро-во*, *Русское Пестово*, *Русская Болотница* и т. п.; другие же по косвенным признакам могут считаться предположительными этнопонимами (*Русыня*, *Русовщина*). Часть «русских» названий находит много соответствий в Балтии, являя собой характерный древнебалтийский субстрат, например, оз. *Русское*, рр. *Руса*, *Русская*. Часть отражает отгидронимные или иные типы переносов (*Старая Русса*, *Порусья*, *Русско* и др.), причем основой таких переносов нередко становился древний местный «русский» промысел – солеварение (*Новые Русы*, *Новая Русса*, *Русье* и др.). Ряд названий восходит к антропонимии (*Русино*, *Русса*, *Русилово*, *Русково*, *Русаново* и др.), однако порой такие названия трудно отделить от предположительных этнопонимов.

ВЕНДИНА Татьяна Ивановна

Институт славяноведения РАН, г. Москва

ЯЗЫК И ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ

В докладе дается критическая оценка лингвистических прогнозов об отмирании языка традиционной духовной культуры. По мнению автора, эти лингвистические прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в русских и шире – в славянских диалектах, и поэтому нуждаются в серьезной корректировке. Приводя диалектные материалы, автор говорит об устойчивости языка традиционной духовной культуры, его консервативности и вместе с тем – динамичности, т. к. в языке идет процесс перманентного обновления и восстановления его лексического состава. Причины лексической устойчивости языка традиционной культуры в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских странах, по мнению автора, кроются в самой традиционной культуре, в своеобразии ее языковой картины мира, ее номинативной логики, так как язык традиционной культуры имеет свой взгляд на окружающий мир и его категоризация мира отличается от языка элитарной культуры. Не отрицая процесса нивелировки диалектов, автор считает, что **пока будет жива традиционная духовная культура, до тех пор будет существовать и ее язык**. Оптимизм вселяет, прежде всего, лексическая система этого языка, с ее своеобразной номинативной логикой когнитивного освоения мира, явление реставрации диалектизмов в речи диалектоносителей преклонного возраста, широкое распространение

идеи престижности диалекта как языка т. н. «малой родины», способствующего этнолокальной идентификации, наконец, сама история славянских диалектов, переживших в XX в. социальные потрясения и войны, которые, однако, не смогли их уничтожить.

ВИКТОРИН Виктор Михайлович

Астраханский государственный университет, г. Астрахань

К СООТНОШЕНИЮ СОЦИОЛЕКТА И КОНФЕССИОЛЕКТА В ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРАХ ПОВОЛЖЬЯ, ПРИУРАЛЬЯ И ПРЕДКАВКАЗЬЯ (СЕР. XVI – XX вв.)

Евразийское, этноконтактное пограничье отличается разнообразием языков и видов речевого поведения – сложной связью религий, служилыми (казачьими, «подказачьими») группами, массой переходных вариаций. Типологически полезна версия о социо(этно)лектах (Р. Барт, Ж. Вандриес, Т. И. Ерофеева, М. И. Занд, С. В. Кардинская и др.).

Различна интенсивность данной специфики: общеказачьего социолекта и конфессиолекта христиан не сложилось у калмыков, а исламский конфессиолект («шереды / хазлары» Ставрополя, неск. сот. чел.) за два века тюркизировался, лишь отразившись в фольклоре. Мусульманский вариант у осетин (в осн. диалектах: иронском и дигорско-«ирафском») только намечал литературную форму.

Зато конфессиолект армяноязычных мусульман («хемшинов / хемшчил», Кубань и Причерноморье) максимально обособился, считается носителями «турским». Соединены религиозный и сословный признаки у моздокских адыгов-кабардинцев (в осн., православных), у большинства нагайбаков Приуралья, а прежде – и у уральских калмыков-христиан. Литературным становится часто один религиозный вариант языка: т. н. «еврейско-татский» – это иудейский конфессиолект западно-иранского в Предкавказье.

Кряшенский конфессиолект («суб-этнолект») в теч. XIX в. принял особую книжно-литургическую форму, помимо общетатарской. Он объединяет ряд татарских диалектов, в том числе нагайбакский. Одним из них («кайбицким», с чуваш. чертами) пользуются татары – «язычники», тенгриане (до 0,5 тыс. чел.). Особый региолект у моздокских (курских) кабардинцев-мусульман, до 2 тыс. чел., но он един с православными (служили как «казачья братья» те и другие). Креативный ресурс межэтнолингвогрупповых связей высок и поныне.

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Евгеньевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ЭТНИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ В XXI ВЕКЕ

Развернувшийся процесс интеграции в различных сферах жизни предreshен самим ходом истории. Вместе с тем расширяющееся коммуникационное про-

странство активно навязывает диалог, не принимая во внимание национально-культурную самобытность и опираясь лишь на очевидную общность «этнических полей поведения и активности» (Л. Н. Гумилев). Это приводит к стиранию границ между национальными речеповеденческими традициями и постепенному нивелированию того ценностного фундамента, который в течение многих веков обеспечивал жизнеспособность этноса. В итоге **глобализация**, призванная служить гармонизирующим фактором в развитии межкультурного сотрудничества, всё более проявляется как тенденция «американизации» и/или утверждения западного либерализма. И сегодня всё активнее звучат голоса тех, кто исключает саму перспективу формирования унифицированной мировой культуры, усматривая в стремлении утвердить западные ценности потенциальную угрозу национальной самобытности. Поэтому этнологам и антропологам совместно с лингвистами предстоит внести свою лепту в осмысление того пути, который позволит строить диалог культур на основе взаимного признания каждым из собеседников права на этнокультурную самобытность и личностное самовыражение. При этом роль несущей конструкции должна на себя взять **культура «самоотражения в другом и для другого»** (М. М. Бахтин).

Актуальность этносоциокультурного и лингвофилософского осмысления данной проблематики представляется тем более очевидной, что в СМИ нередко высказываются точки зрения, игнорирующие национально-культурные особенности участников диалога. Вместе с тем, одинаково не приемлемыми являются как навязывание представителю иной лингвокультурной общности собственного образа жизни и своих ценностных представлений о «должном», так и развитие диалогических отношений, исходя из принципа толерантности, или терпимости. Если первое отвергается, поскольку может повлечь за собой нежелательную ассимиляцию этнического языка и культуры или даже исчезновение миноритарного языка, то второе не принимается в силу лежащего в основе толерантности снисхождения без уважения, что вряд ли может рассматриваться в качестве искомого уровня диалогических отношений.

Накопленный исторический опыт также свидетельствует о том, что активное приобщение носителей иного языка и культуры к своим ценностным представлениям и ориентирам поведения, как правило, служит серьезным барьером на пути взаимопонимания и сотрудничества. Унаследованные ценностные ориентиры глубоко укоренены в национальном самосознании и обладают достаточно сильным иммунитетом, препятствующим их растворению в чуждых установках и идеалах. Это еще раз подтверждает известную закономерность: идеологические соображения и/или собственно цивилизационные потребности в комфорте и улучшении условий жизни не могут заменить ни стремление к национальной самоидентификации, ни любовь к родному языку и культуре.

Отечественной истории также известны случаи полного забвения языка вследствие его взаимодейст-

вия с доминантным (русским) языком. В качестве иллюстрации сошлемся на ассимиляцию финно-угорских племен, которые растворились среди славянских племен, превосходящих их по численности. Аналогичная тенденция наблюдалась и в советское время. Таким образом, если этика межэтнического взаимодействия не встанет на защиту лингвокультурного многообразия, жертвой глобализации к концу XXI века может стать большая часть ныне действующих языков. Поэтому **государственная языковая политика** предполагает направленность на решение двух взаимодополняющих задач: утверждение высокого статуса русского языка и сохранение российского этнолингвокультурного разнообразия. Это подразумевает, с одной стороны, внимание к современному состоянию языка и к уровню создаваемого на его основе «языкового материала» (Л. В. Щерба), или дискурса. А с другой, – определение этико-правовых норм речевого взаимодействия носителей различных этнических языков и культур.

ВОРОНЦОВА Юлия Борисовна

Уральский государственный университет им. А. М. Горького,
г. Екатеринбург

СЛОВАРЬ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРОЗВИЩ КАК ИСТОЧНИК ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ*

В докладе анализируются данные «Словаря коллективных прозвищ» – неофициальных неоготопонимических названий жителей какой-либо территории, населенного пункта (*боскоеды* ‘жители города Петрозаводска’, *слепороды* ‘жители Вятской губернии’, *рябинники* ‘жители поселка Ладва Прионежского района Карелии’). Источниками материала стали русские диалектные словари, неопубликованные картотеки полевых материалов (по территориям Русского Севера, Среднего Урала и др.), фольклорные тексты и этнографические исследования XIX–XXI вв., статьи современных исследователей, описывающих коллективные прозвища отдельно взятых регионов.

Региональное изучение коллективных прозвищ позволяет пролить свет на ряд обстоятельств исторического характера: особенности заселения территории, контактирования различных микрорегиональных, а также микроэтнических групп друг с другом, формирование современного состава населения в жестких этносоциальных условиях, получающих языковое отражение на уровне одной из основных доминант народного сознания – координатой «свое» / «чужое». Кроме того, значима собственно лингвистическая и этнолингвистическая сторона региональных исследований, когда коллективные прозвища рассматриваются в связи с проблемами лингвогеографии, взаимодействия языков на той или иной терри-

*Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

тории, а также в связи с проблемой реконструкции фрагмента языковой картины мира, отражающего представления жителя определенной территории о своих соседях. Данные представления ярко проявляются в мотивационной классификации прозвищ, включающей следующие типы мотивов номинации: занятие; гастрономия; место жительства; черты характера; внешний вид; особенности речи; социальное поведение; экономическое положение; одежда; отношение к гигиене; бытовые привычки; характеристика интеллекта; этническая характеристика; социальный статус; отношение к религии; количество жителей; культурный досуг.

ГАНЦОВСКАЯ Нина Семеновна

*Костромской государственный университет
им. Н. А. Некрасова, г. Кострома*

КОСТРОМСКОЙ АКАЮЩИЙ ОСТРОВ КАК ОСОБОЕ ДИАЛЕКТНОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Исследование диалектов и диалектных объединений в ареальном аспекте в полной мере будет успешным, если удастся учесть все этнокультурные особенности территории их бытования. Актуальность данной проблемы для адекватной типологической характеристики Костромского акающего острова (КАО) неоспорима. КАО возник после событий Смутного времени в результате переселения Михаилом Романовым подмосковных дворян с челядью на земли черносошных чухломских и солигаличских крестьян. Говоры КАО квалифицируются как среднерусские смешанного типа с севернорусской основой и южнорусским наслоением. Языковый сдвиг в них сопровождается и территориально этнокультурным, который усилился в последние два века в связи с полудеревенско-полугородским образом жизни семей чухломских и солигаличских «питершиков», что, возможно, и продлевает существование аканья в этих исконно севернорусских землях. До сих пор говоры КАО представляют собой «акающую» аномалию среди севернорусских окающих говоров в виде ареала с достаточно чёткими границами. Возникнув на некогда исконных угро-финских землях, говоры КАО междуречья Костромы и Унжи значительно менее, чем окружающие их говоры (например, поунженские к востоку, буйские и костромские к западу, вохомские и вологодские к северу и северо-востоку от них), содержат угро-финских субстратных включений и неславянских заимствований, но в них более ощутим, чем в вышеперечисленных сравниваемых говорах, слой общерусской лексики и заимствований из литературного языка и южнорусского наречия. Последние чаще проявляются в виде изосем (например, *клеть* 'хранилище зерна, то же, что житница', *водонос* 'палка для ношения ушата воды вдвоём' и др.), чем изолекс. Немногие южнорусские явления в области грамматики и лексики говоров КАО в своей совокупности ярче проявляются в фольклорно-обрядовых произведениях края.

ГАШИЛОВА Людмила Борисовна

*Институт народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург*

СЕВЕРОВЕДЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Институт народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена имеет большой опыт в образовательной и научно-исследовательской сферах по подготовке специалистов, способных работать в полиэтническом культурно-образовательном пространстве регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока, решать образовательные проблемы, связанные с сохранением и защитой уникальных культур северных этносов России.

Народы Севера с древнейших времен сохранили традиционные знания и духовные ценности, которые на сегодняшний день зафиксированы не только в памяти носителей культуры, но и в научной литературе, получили теоретическую основу. Многие выпускники института народов Севера стали исследователями традиционных культур своих народов, что обеспечивает преемственность, трансляцию новым поколениям северян ценностей их этнических культур, уникального видения и понимания мира, духовно-нравственного, художественно-эстетического опыта их предков. Данный опыт обладает не только исторической ценностью, но востребован сегодня в условиях экологического и культурного кризисов, как в глобальном масштабе, так и на уровне конкретных исчезающих культур.

Для передачи культурного наследия коренных народов Севера новым поколениям необходимо, чтобы среди них были компетентные специалисты, обладающие целостным представлением о содержании и особенностях культурных ценностей своих народов, об образовательных потребностях регионов, о задачах устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера.

ГРИГОРЬЕВА Наталья Евгеньевна

*Псковский государственный педагогический университет
им. С. М. Кирова, г. Псков*

ЭТНОНИМЫ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ

Работа посвящена выявлению этнонимов и их функционированию в диалектной системе псковских говоров. В исследовании отражены дискуссионные вопросы в области терминологии и содержания понятия «этноним» в отношении исследуемого материала. В работе выявлены дифференциальные признаки, по которым определяются типы этнонимов Псковского региона в соответствии с этнолингвистической направленностью собранного лексического материала. В материалах доклада представлена диалектная лексико-семантическая парадигма этнонимов, дифференцированных по национальной / религиозной принадлежности. На примерах особо значимых для северо-запада этнонимических наименований произведен их семантико-derivационный анализ

ЗАЙЦЕВА Нина Григорьевна*Институт языка, литературы и истории**Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск***ТЕРМИНОЛОГИЯ ВЕПСКОЯЗЫЧНЫХ
ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В последнее время все настойчивее говорят о роли переводов Библии для младописьменных народов России в различных аспектах: сугубо лингвистическом, развивающем, прежде всего, лексику и стилистику младописьменных языков, социолингвистическом, считая их «успешным фактором сохранения и развития языков народов России», этнолингвистическом, при котором ощущается влияние данного направления работы на развитие различного рода понятий, важных для жизни того или иного народа, духовном, воздействующем на внутренний мир человека и его внутреннюю жизнь и т.д.

При работе над вепскоязычными переводами Нового Завета, начатой в конце 1980-х годов, следовало провести некую экспертную оценку многих ключевых понятий (например, *Sünd*, *Jumal*), именования которым уже существовали в языке вепсов, употребляясь в различных контекстах, как в мифологии, этнографии, так и в фольклоре. Однако они требовали идентификации, своеобразной «переоценки ценностей», соотнесенности с терминологией Нового Завета, чему способствовал, прежде всего, этимологический анализ. Выявление терминологических параллелей между науками в исследуемом направлении, определение их сущности и степени наполненности лингвистическим содержанием помогли определиться со многими терминами; богатство словообразовательных моделей вепского языка существенно углубило и обогатило названную область, а сравнение данного вида работы со старописьменными прибалтийско-финскими языками помогло расширить возможности словотворчества, воспользоваться опытом, накопленным ими в данной сфере.

ЗОРИНА Людмила Юрьевна*Вологодский государственный педагогический университет,
г. Вологда***ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ ВОЛОГОДСКОГО
НАРОДНОРЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА**

Крестьянский речевой этикет Вологодского края сформировался в далёком прошлом, но функционирует как живая динамическая, изменчивая система вплоть до настоящего времени. В основе многих благопожелательных формул лежат сказочные сюжеты (*Серебро в ведро!* – при черпании воды), старинные колядные песнопения (*Река молока!* – при доении коровы), пословицы и поговорки русского народа (*Не красна изба углами!* – при замешивании теста) и др. В коллекции автора имеется свыше трёхсот стереотипных формул, зафиксированных в экспедиционных условиях. Функционирующие в настоящее время благопожелания имеют яркий образный харак-

тер, что подчёркивает их генетическую связь именно с устным творчеством русского народа. Однако в этой системе этикета прослеживаются и универсальные свойства (обнаруживаются, например, параллели с вепской культурой).

ИПАТОВА Ирина Серафимовна*Российская академия правосудия, Приволжский филиал,
г. Нижний Новгород***РИТОРИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ
КУЛЬТУРОГЕНЕЗА**

Риторика как наука об искусстве публичной речи имеет историю древнейшую, но «пунктирную». Сложившаяся в Древней Греции, она быстро приобрела статус высшей степени образованности эллина.

В разные эпохи в разных странах свобода слова способствовала интенсивному развитию «количественного» показателя риторики – ораторства, догма – «качественного» – красноречия. Вместе с тем преемственность основных категорий науки от Аристотеля и Цицерона остается традиционной, как и базовый образовательный гуманитарный тривиум «грамматика – риторика – диалектика».

Секуляризация российского общества расширяет риторическое поле деятельности – от духовной риторики до риторики «в пользу молодых девиц». Теория словесности опирается на грамматику, риторику и поэтику; в рамках теории красноречия зарождается стилистика, позже – и культура речи.

Социальное развитие России в XIX в. провоцирует интенсивное становление отдельных аспектов красноречия: политического, судебного, академического и др. Отражая диалектику общественно-культурной мысли и процесс формирования системы русского литературного языка, а также становление единых норм национального языка, риторические концепции приобретают жанровую специфику и предполагают различную реализацию: учебную, научно-теоретическую и функциональную.

Риторический заказ на оратора: трибуна, гражданского идеала, военачальника, священника, лектора и др., впрочем, как и отсутствие общественной востребованности на риторически образованную личность, по сути, есть маркерный показатель социального состояния общества. Интеграция же основных категорий риторики в существующую культурную систему отражает всю цветовую палитру речевого общения в социуме – от чистоты высоких нот до мутной фальши.

КАКСИН Андрей Данилович*Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан***СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ
С СОМОНИМАМИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специфику хантыйского языка можно видеть в особенностях отражения картины мира, а также в

высоком уровне «субъективизма»; другими словами, хантыйский язык дает возможность говорящему на нем всегда выражать свой, исключительный, субъективный взгляд на мир. В хантыйском языке нет, например, деления имен «по родам», нет регламентации в выборе «вида» глагола, а есть свобода для субъективного восприятия мира и проявления этой субъективности в речи. В подтверждение этому – несколько выражений, записанных нами у носителей казымского диалекта: *сэмт щи!* ‘это очевидно!’ (букв.: глаза ведь!), *а́л во́лтал сухн* ‘на трезвую голову; в твердой памяти’ (букв.: просто живет он в коже), *ка́шлы му́лты нюхи х́он!* ‘тоже бывает больно/обидно!’ (букв.: ведь не без боли тело/мясо!), *нумсэм вана йис* ‘мне тяжело стало/я испугался’ (букв.: ум/мозг мой коротким стал), *и муй п́унаң ут верл!* ‘какие у него могут быть дела!?’ (букв.: и что он такое из волос/из пуха делает!?), *муй нюхел п́аты!* ‘за что, за какие заслуги!?’ (букв.: за какое мясо его!?).

Мы считаем, что подобные устойчивые сочетания играют очень важную роль в языке, помогая ярко выразить множество эмоций и дать соответствующую оценку. Рассмотрению структуры и стилистических функций таких устойчивых сочетаний в хантыйском языке будет посвящен наш доклад.

КАЧИНСКАЯ Ирина Борисовна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ТЕРМИНЫ РОДСТВА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ)

Антропоцентричность языковой картины мира ярко проявляется через термины родства. Наряду с терминами, связанными с названиями частей тела (соматикой) и именами (антропонимами), термины родства являются «донорами» для многих других систем. Термины родства чрезвычайно активны в мифологии – языческой и христианской. Они метафорически переносятся на «семью» животных, экстраполируются на растительный мир (даже в официальной ботанике используются термины *семейство, род, материнское растение, па-сынок*), у них имеется большое количество предметных значений. Через термины родства осмысливается космогоническая картина мира, значимое пространство и время. Термины родства могут отражаться в антропонимах (фамилиях и прозвищах) и в топонимах, переходить в междометия (*батушки, матушки, батюшки-светы*). Доклад основан на полевых материалах, собранных для «Архангельского областного словаря», центральное внимание будет уделено одному из аспектов этой широкой темы – например, «Терминам родства в мифологии».

КОВАЛЕВА Светлана Викторовна

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

НОВЕЙШАЯ ЛЕКСИКА И ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОТРАЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

Активная работа в области словотворчества началась в связи с возрождением карельской письменности с начала 1990-х гг. Расширение коммуникативных возможностей карельского языка, употребление его в сфере образования, в средствах массовой информации, в науке и культуре продиктовали потребность в соответствующей этим сферам специальной лексике. Стали публиковаться бюллетени школьной, лингвистической, общественно-политической лексик и терминологии. В деле создания новых слов активно участвовали носители языка, высказывая на страницах печати мнения по поводу того, насколько понятны неологизмы, предлагая собственные лексические варианты для понятий, которые не имели в языке словесного оформления. Наиболее активно создавалась абстрактная лексика, ранее практически не использовавшаяся. 1990-е годы характеризовались подъемом этнического самосознания карелов, вопрос о сохранении языка отождествлялся с проблемой сохранения этнической идентичности.

2000-е гг. стали новым этапом развития карельского языка в его лингвистическом и социолингвистическом аспектах. К этому времени сформировалась определенная городская языковая культура, возникновение которой обусловлено функционированием языка в общественных институтах. Карельский язык стал осваивать новые уровни коммуникативного пространства, он проник в Интернет, на нем создаются произведения современной молодежной поп- и этнокультуры. Меняется и экстралингвистическая ситуация: освоившие язык молодые люди стали приобщать к карельскому языку детей, возобновляя ставшее раритетным двуязычие среди молодого поколения карелов.

КОЗНЕВА Людмила Михайловна

*Вологодский государственный педагогический университет,
г. Вологда*

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (XIX в.) КАК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди разнообразных исследований XIX в., которые в XX в. стали называть краеведческими, одно из важных мест занимают диалектологические труды. Люди разных сословий и званий (чаще местные жители), объединенные стремлением изучить и зафиксировать те или иные аспекты народной жизни, составляли словари и «словарики». Собранные данные публиковались иногда в московских и петербургских изданиях, но чаще в местной печати. Зафиксированные в XIX в. сведения введены в научный оборот

лишь частично. Заслуживающие внимания рукописи хранятся в фондах ВОИСК (Вологодское общество изучения Северного края) вологодских архивов (ГАВО, ВГИАХМЗ). Среди них рукописи П. А. Дилаторского, составившего объемный диалектный словарь (опубликован лишь в 2009 г.). В сборе материала для этого словаря участвовали многие краеведы, в том числе учитель земской школы Кадниковского уезда С. В. Мальгинов. Его «Тетради» (1900 г.) содержат интересные этнолингвистические данные, отражающие традиционный материальный быт и духовную культуру северного крестьянства. Зафиксированная лексика народной культуры разнообразна: демонологическая, календарная, обрядовая и др. Информативность данных позволяет квалифицировать рукопись С. В. Мальгинова как важнейший источник этнолингвистических исследований Вологодского края. И хотя другие местные материалы того времени уступают в объеме словника, подробности описания данных такого рода, необходимость их введения в научный оборот очевидна.

КОСТЮЧУК Лариса Яковлевна

Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова, г. Псков

СЛОВО В ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ И НА ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАРТЕ КАК ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ О ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯХ (ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ)

Слова являются главным средством номинации понятий и через взаимодействие с другими языковыми единицами отражают разные стороны понятий, связь между понятиями при познании действительности. В XX веке в отечественной, как и в мировой, науке были обоснованы принципы многих типов диалектных (областных) словарей и диалектологических атласов. Прогресс многое менял в обществе и требовал фиксации в слове и изучения того, как отражалась через лексику специфика жизни народа. Понимание плана содержания слова невозможно без знакомства с культурными, этнографическими, этническими, социальными составляющими жизни человека и без учета ментальных традиций в отношениях людей друг с другом и с миром.

В лексикографии и картографировании важны 1) полнота материала (количество регистрируемых лексем, не только регионально ограниченных, но и общенациональных); 2) широта и информативность иллюстраций, получаемых от диалектоносителей разных возрастов; 3) хорошее знакомство с опытом предшественников для выяснения синхронно-диахронных особенностей слова и передаваемых им сведений о народном быте. Доклад покажет это на примерах. Лингвоэтнографический аспект представления и изучения слова характерен для уникального «Псковского областного словаря с историческими данными» (с его глубокой разработкой лексико-семантической стороны слова и его места в однокоренных, синонимических и пр. отношениях с другими

единицами) и для «Лексического атласа русских народных говоров» (с его богатством наименований соответствующих участков действительности на новаторских лексических картах разных типов, показывающих бытование народных слов в Европейской части России).

КРИВОЩАПОВА Юлия Александровна

Уральский государственный университет им. А. М. Горького, г. Екатеринбург

ПИТЕР В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ*

В докладе рассматривается языковой образ Петербурга в русской народной языковой традиции. Ядро этого образа представлено языковыми фактами, связанными с неофициальным топонимом *Питер*. Лингвистический «абрис» города реконструируется с опорой на семантико-словообразовательные производные от слова *Питер*, вторичные топонимы, фразеологизмы, включающие в себя лексику *Питер* и его дериваты. В результате семантико-мотивационного анализа языковых данных выявляются некоторые ключевые мотивы, характеризующие образ города. В пространственном восприятии Питера значим мотив **отдаленности**, ср. архангел. *Гогин Питер* 'название удаленного поля', устюжен. *Питер* 'название покоса' – «Дней на десять ездили косить, вроде как в Питер съездили», можно в *Питер съездить* 'о долгом времени, в течение которого кто-либо отсутствовал', простореч. *эти щи из Питера или* 'о товаре, который уже давно стал негодным'. Питер воспринимается как **место отхожих промыслов**, куда можно поехать на заработки: карел. *Питер* 'место отхожего промысла', архангел. *питер* 'способ зарабатывания денег с помощью промыслов; архангел., калуж., яросл. *питеряк* 'человек, занимающийся отхожим промыслом'. В этом городе можно «набойчиться», обнаглеть, набраться **городских манер** (архангел., вологод., калуж., новгород. *напите-реться*, смол. *обпите-реться*) или, напротив, **обнищать, разориться** (волог. *напите-рился* 'поехать в Петербург в надежде разбогатеть, а вернулись в свою деревню без денег'). На уровне идиоматики проявляется традиционное **противопоставление Москвы и Питера** (перм. *Питер – голова, Москва – сердце, Питер женится, Москва замуж идет*).

КЮРШУНОВА Ирина Алексеевна

Карельская государственная педагогическая академия, г. Петрозаводск

НЕКАЛЕНДАРНЫЙ ИМЕННИК КАК ИСТОЧНИК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Антропонимы помимо комплекса лингвистической информации, обусловленной особым статусом онимов в языковой системе, несут в парадигме со-

*Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

временных исследований познание духовного мира номинатора и носителя именованного, а также являются источником сведений о культурном и социальном контексте эпохи.

Региональные антропонимические системы специфически отражают это познание, поскольку содержат не только ономастические, лингвистические, этнолингвистические универсалии, свойственные языковому коллективу, но и отражают характерные моменты такого познания, обусловленные географическим положением региона (центр ~ периферия), его социально-экономической значимостью в истории государства, особенностями контактов с другими народами, преобладающим социальным статусом лиц, населявших регион, их верованиями и т. д.

В этом плане антропонимия Карелии донативного периода представляет особый интерес. Впервые, Карелия являлась периферийной частью русского государства. Через исследование некалендарного имени – особого культурного слоя русского Средневековья, – выявляются черты, свойственные древним центрам Руси – Новгороду, Пскову. Кроме того, Карелия издревле была полиэтническим пространством и контакты неславянского и славянского населения края нашли своеобразное преломление в ономастической системе.

Во-вторых, XIV–XVII вв. – время «борьбы» христианской и дохристианской ономастических систем, что с учетом местной специфики межэтнических контактов обнаружено в именах крестьянского населения – преобладающего социального слоя Карелии.

Таким образом, в регионах, подобных Карелии, вырабатывается опыт адаптации к иным культурам, иным представлениям о системе ценностей, что и находит отражение в языке и системе некалендарных онимов прошлого разных народов.

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Валерьевна

Уральский государственный университет им. А. М. Горького,
г. Екатеринбург

РИТУАЛИЗОВАННОЕ ПОРИЦАНИЕ ПЛОХОГО РАБОТНИКА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ*

Для народной культуры характерно стремление выразить отстающему или неумелому работнику порицание посредством сообщения или ритуализованного вручения позорящего символа: пучка сена на палке, петельки из ниточки и др. Знак иконичен: борода или пучок сена «изображают» траву на месте непрокоса. Известна фаллическая символика килы, ср. демонстрацию гениталий с целью оскорбить. Вручение килы сродни деструктивному магическому действию, ср. *сажать, ставить килу* 'по суверенным представлениям – вызывая действие сверхъестественных сил, насылая грыжу, опухоль'. Субститут

*Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

вещного знака может выступать осмеивающая речевая формула: «под Петров день ночь не спят, а к заре все выгоняют свой скот к воротцам; кто из хозяев останется последним, тому кричат вслед: *Кила-килэчка, попова собачка*» (калуж.). Посрамление состоит в демонстрации, отсюда пропозиция «соединить провинившегося с постыдными результатами его труда»: *Жнешь плохо, косишь ли – ой, привяжем тебя к нижней бороде* (волог.). Слово *нижний* привносит в значение коннотацию неприличного. В семантических сближениях находит выражение упомянутое выше сходство знака и ореха в работе: *Косишь да бороду эту [орех] оставишь – ругались, что за волосы привяжут* (арх.). Наконец, носителем языка актуализированы мотивы торчания (по сходству нескошенной травы с петушиным гребнем) и угрозы возмездия: *Смотри: борода за тобой, петух назади стоит, петух-от в задницу клонет – ругались, если оставишь позади себя*.

МАКАРОВА Анна Андреевна

Уральский государственный университет им. А. М. Горького,
г. Екатеринбург

ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В ПРИЗМЕ ОЗЕРНОЙ ГИДРОНИМИИ БЕЛОЗЕРЬЯ*

Топонимы – языковые знаки, обозначающие пространственные объекты, поэтому наиболее полно отражают пространственный аспект народной картины мира. Мотивационно-этимологический анализ топонимии Белозерья дает возможность восстановить пространственные представления, характерные для местного населения. К исследованию привлекаются названия озер, указывающие на положение озера в водной системе (*Верхнее, Нижнее; Илес* (вепс. *iles, ülez* 'наверх'), *Ладвозеро* (люд., вепс. *ladv* 'вершина'); *Чогозеро* (прасаам. **čokke* 'вершина')) или относительно определенного центра освоения территории (*Ближнее, Дальнее; Летнее* (на юге), *Осеннее* (на западе); *Половинное; Торозеро* (тер. *toaras* 'надвое, пополам; поперек')). Особое место в топонимии Белозерья занимают названия озер, отражающие «маршрутный» тип видения пространства – связанные с обозначением волоковых путей (*Дорожное, Переходное, Перевозное; Маткозеро* (карел. *matka*, ливв. *matki*, люд. *matk*, вепс. *matk* 'путь, дорога, волок'), *Урозеро* (карел. *ura* 'тропа, дорога', 'русло')) или указывающие на порядок расположения объектов (*Первое, Второе, Третье*). Рассматриваются комплексы метонимически связанных названий, позволяющие реконструировать последовательность освоения территории. Наиболее прочные связи объединяют лимнонимы с ойконимами (*Аверинское < Аверино, Вазеринское < Вазеринцы*), названиями рек (*Индоман > Индоманка, Курбозеро > Курба, Мола > Мола*) и церквей (*Вознесенское, Иван Постный, Пятницкое*).

*Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

МИХАЙЛОВА Любовь Петровна

Карельская государственная педагогическая академия,
г. Петрозаводск

**СИСТЕМА УСТОЙЧИВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ
В РУССКИХ ГОВОРАХ
КАК ПРИЗНАК ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ**

При исследовании словарного состава северо-западных и северных русских говоров, особенно после выхода в свет таких словарей, как «Псковский областной словарь с историческими данными», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Архангельский областной словарь», «Селигер» и др., выявилась своеобразная группа лексики, обладающая особыми характеристиками, которые неадекватны общеизвестным исторически объяснимым явлениям русского языка. Неслучайно некоторые севернорусские слова в этимологических словарях относятся к числу неясных по происхождению. Сопоставление внешнего облика единиц данной группы, довольно пестрой в семантическом отношении, с исходными русскими лексемами, во-первых, позволяет выявить характер адаптационных процессов при переходе слов из одного языка в другой (взаимообмен сильными признаками системы русского и прибалтийско-финских языков), во-вторых, дает основания выделить более двадцати явлений несистемного характера, отражающихся в составе севернорусской лексики (ср. *áбжа* < *обжá*, *дорóвни* < *дрóвни*, *вáкора* < *окóр*-, *óзле* < *вóзле* и т. п.). Основная причина появления несистемных признаков во внешнем облике русского по происхождению слова – влияние соседних неродственных языков. Такие признаки относим к экстенциальным.

В докладе представлены блоки лексем с разными экстенциальными характеристиками. Массовый характер, неединичность и неслучайность данных элементов в лексике является признаком наличия языкового союза на Северо-Западе европейской части России (в подтверждение идеи А. С. Герда, высказанной им в 1970-х гг.).

МОНАХОВА Елена Александровна

Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург

**ПРИНЦИПЫ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАНДИИ
ПО МАТЕРИАЛАМ РОДОВЫХ САГ:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В докладе говорится о средневековой исландской системе имянаречения в целом, об отражении социальных, религиозных, исторических реалий в ономастике и более конкретно рассматриваются условия бытования некоторых принципов и запретов при выборе имени и делаются предположения об их происхождении. Исследование основано на данных средневековых исландских письменных источников (на

прямых указаниях авторов саг и на анализе генеалогий), а также на данных по системам имянаречения в некоторых других обществах, типологически близких средневековому исландскому.

НЕВСКИЙ Сергей Анатольевич

Средняя школа № 9 им. И. С. Фрадкина, г. Петрозаводск

**МИРОВОСПРИЯТИЕ СЕВЕРНОГО ЖИТЕЛЯ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕКСИКИ
КРЕСТЬЯНСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Строительство издавна считается одной из самых важных сфер деятельности в жизни русского народа. Дом – воплощение всех жизненных ценностей, символ Родины, семьи, покоя и благополучия.

При анализе терминологии крестьянского строительства русских говоров Карелии внимание привлекают «зооморфные символы», сопоставляющие элементы жилища с элементами человеческого тела, а также с животными и растениями: *подребрина* 'горизонтально уложенные бревна, на которых держится крыша'; *кóнь* 'верхнее бревно, поддерживающее всю крышу, конек' и др.

Из подобных антропоморфных сравнений складывается целостный облик человека. Наиболее детально на нашем лексическом материале представлена фасадная сторона дома в сравнении с человеческим лицом. Ср: в говоре *лицó* 'фасад дома'. На фасаде крестьянского дома можно обнаружить: *лóб*, *зуб*, *губá*, *глаз*, *брóвь* и т.п. Крестьянское жилище наделялось образными характеристиками человека, превращаясь в некое его подобие.

Дом уподоблялся и образу животного: *кóнь*, *кúрица*, *бык* и др.

Данные лексемы, описывающие зоо-, фито- и антропоморфные символы крестьянской избы, могут быть рассмотрены и как метафоры. Степень продуктивности разных метафорических моделей неодинакова: преобладает антропоморфный тип.

Данная группа слов представляет особый интерес для изучения и сопоставления ареальной характеристики подобных терминов в других русских говорах.

ПАЛИКОВА Оксана Николаевна

Тартуский университет, г. Тарту (Эстония)

**ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ СТАРОВЕРОВ ЭСТОНИИ
В ИХ ГОВОРЕ**

Этноконфессиональное самосознание староверов Эстонии, живущих в деревнях западного побережья Чудского озера:

1. Эксплицитная информация – те сведения, которые сообщают староверы о себе, как об особой этноконфессиональной группе, сами. Например: *Это отсебятина, не имеешь права делать. И вот когда мне могилу пришлось рыть сейчас: трое роют могилу, по триста пятьдесят крон. Но у меня могила такая, что два покойника, и мать должна лечь посередине! Это такая страшная могила, кто пойдёт рыть её!*

Пошёл только Сашка Кузнецов <...> И я, как ни считай, по 350 три раза – это есть тысяча. Я Сашке и дала тысячу. А ведь рыл-то он один! И сразу стали: «Вот, ты Сашке дала тысячу крон, не имеешь права, это нарушает наши...» **Тяжёлые, тяжёлые мы люди.**

2. Имплицитная информация проявляется, в первую очередь, на лексическом и фразеологическом уровнях. Например, в говоре существует не только самоназвание *староверы* (при отсутствии *старообрядцы*), но и характеризующее название *крепковеры* (так называют староверов, относящихся к *рабской моленной*, у которых соблюдение *запретов по вере* всегда было строже). Кроме того, в говоре причудливых старожилов (в т. ч. и православных) функционирует слово *русманы*, которым называют русских, переселившихся на западное побережье с восточного берега Чудского озера.

ПЬЯНКОВА Ксения Викторовна

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького, г. Екатеринбург

ТРАДИЦИИ ПИВОВАРЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ СЕВЕРНОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ*

На Русском Севере пиво являлось основным праздничным и обрядовым напитком. Анализ диалектной лексики и фразеологии, относящейся к пиву и пивоварению, позволяет выстроить сетку наиболее важных характеристик пива и выявить их культурную символику. Так, значимым является календарное время варки пива (выделяются особые «пивные» праздники и ритуалы приготовления пива к ним – ср. *кузьмодемьянское пиво*, *пивные песни*, *пивной молебен*) и коллективность/индивидуальность приготовления (*большое пиво* варили прямо на улице зажиточные крестьяне, а *маленькое пиво* готовили в корчагах крестьяне победнее). Поскольку пиво варили и пили коллективно, связанные с ним фразеологизмы нередко несут социальную семантику (ср. *пиво сварить* ‘поссориться’), а процесс приготовления пива воспроизводится в ряде игр (*пивушко*, *пиво варить*). В лексике пивоварения выделяется несколько тематических кодов, через которые интерпретируется качество сваренного пива: например, оно может оцениваться через систему родственных отношений (пиво первого слива – *отец*, второго – *сын*, третьего – *пасынок*, а жидкий слив сусла – *зятёво пиво*). Диалектная лексика позволяет выделить основные социальные ситуации и обряды, в которых пиво получает символическую значимость (ср. *дружьино пиво*, *женихово пиво* на свадьбе, а также такие свадебные роли как *пиво́воз*, *пивник*).

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

ПЮЛЬЗИО Елена Арвидовна

Карельская государственная педагогическая академия,
г. Петрозаводск

ОКРУЖАЮЩИЙ МИР В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ

В докладе представлено описание севернорусской образной лексики и фразеологии, отражающей особенности диалектной языковой картины мира. Проводится мотивационный анализ семантики слов и устойчивых сочетаний, характеризующих предметы окружающего мира: реалии быта, животных, растения, явления природы, а также элементы мифологического и религиозного сознания человека. В центре внимания находятся антропоморфная (*граф* ‘журнальщик’, *офицер* ‘о высокой траве’ кириш.), зооморфная (*морж* ‘неровный камень’ тер., *ласточкино крыло* ‘комнатное растение’ медв.), предметная (*кóвшичек* ‘головастик’ бокс.), географическая (*петрогра́дка* ‘модница’ тер.) и религиозная (*бо́жий огонёк* ‘насекомое светлячок’ бат.) метафоры. Выделяются регулярные и нерегулярные метафорические переносы в субстантивной, атрибутивной, глагольной лексике и фразеологизмах, подчеркивающих неразрывную связь человека и объектов действительности. В значениях слов выявляются ядерные мотивационные признаки, свидетельствующие о сквозных мотивах, связанных с русским менталитетом.

РОДИОНОВА Александра Павловна

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАРЕЛОВ В СВЕТЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В течение последнего века итогом развития морфологии явилось смещение акцентов в сфере исследовательских интересов. Представление человека о мире стало более точным и усложненным, и как следствие этого, семантика языковых знаков приобрела дополнительные черты. Намечился переход от формально-грамматических классификаций слов и словоформ к изучению их содержательных характеристик в функциональном плане.

В последние десятилетия важными признаками современной лингвистики стали отказ от проведения резких границ между грамматикой и лексикой. Среди исследователей закрепилось утверждение о прямой связи семантики с грамматикой и убежденность в том, что грамматическая форма и синтаксические конструкции обладают своей конкретной семантикой.

Данное выступление посвящено рассмотрению грамматических, т. е. морфологических и синтаксических способов передачи *семантики пространства и времени*, а также синкретизма пространственно-временных отношений у падежных окончаний и посложных конструкций средствами карельского языка.

Во многих языках пространственные отношения выступают, как первичные. Существует определенный иерархический ряд в развитии значений: пространство > время > причина. Именно поэтому, многие конструкции, имеющие свое основное пространственное значение развивают в себе как временное, так и, например, причинное значение. Примером этому служат и некоторые послелого карельского языка, обозначающие пространство и развивающие в себе также значение времени, которое усиливается под влиянием других как близкородственных, так и неродственных языков (речь, прежде всего, идет о влиянии русского языка). Значения могут развиваться, при этом послелого, обладающие первоначальным временным значением, могут приобретать и другие значения (причины, цели и т. д.).

РУСИНОВА Ирина Ивановна

Пермский государственный университет, г. Пермь

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ МАГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Доклад посвящен вопросам лексикографирования магической лексики, функционирующей в говорах Пермского края. Под магической понимается лексика, называющая субъектов (*бесист, ертник, знающий, икотник, киловязка, портёжник, чертистый; заговорица, лекарица, словица, шепталь*), объектов (*икотка, урочливый*), предметы магического действия (*воскресная молитва, громовая стрела, ратная червь, чёртов палец*), само магическое действие, которое может обозначать наличие магических возможностей и их передачу (*владеть словами, знать слова, знаться с бесом; отдать силу, перевести чертей, передавать грамотку*), быть направлено против человека (*ведьмничать, высушить, глазить, делать уроки, закликать, зёбнуть, изурочить, озевать, посадить, схитить, холдунить, чертознай*) или носить лечебный характер (*вычерчивать, нашептывать, отговаривать, очертить, поговорить, пошептывать*). На обсуждение выносятся следующие проблемы: отбор единиц для «Словаря магической лексики Пермского края», способы толкования единиц и тип информации, отраженной в словарной статье, структура словарной статьи, объем и форма подачи иллюстративного материала. Одним из главных является вопрос об описании в словаре устойчивых сочетаний типа *братъ слова, бросить хитку, знать чертей, отнимать молоко, посадить килу* и под., использующихся в сфере магических практик региона.

САВЕЛЬЕВА Лидия Владимировна

*Карельская государственная педагогическая академия,
г. Петрозаводск*

РУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ВАЖНЫЙ РЕСУРС И ПРОБЛЕМА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ РОССИИ

Как важнейший ресурс и вместе с тем великий культурный потенциал для инновационного развития

России в современном мире русское языковое сознание переживает кризисный период. С одной стороны, конъюнктурные спекуляции с русским языком строятся на том, что феномен языка, сам по себе безразличный к идеологическим предпочтениям его носителей, обвиняется в тоталитаризме и выталкивается из культурного пространства многих вышедших из Союза республик. С другой стороны, нигилизм в отношении к русскому языку отмечается в самой России, в том числе и в Карелии. Перепахивание его культурного слоя в СМИ и наплыв ненужных заимствований, отесняющих концептуальные понятия мировидения, опрокинул на своем пути не только советские идеологические запреты, но очень часто даже нравственные, эстетические, культурные нормы и ограничения. Национальная открытость языкового сознания русских обратилась в преклонение перед иноземным, некритичность к нему, упоительную игру в макаронизмы. Примат идеи над прагматическими соображениями, а иногда неоправданное мессианство тоже обращаются в свою противоположность – самоуничтожение и русский кетонизм. Признанная ментальная черта русских – бескрайняя широта и неограниченность характера – становится проблемой, которую следует обозначить для поисков оптимальных практических решений как в самопознании своей культурной самоидентичности, так и в языковой политике государства.

САФИНА Элина Фаилевна

Башкирский государственный университет, г. Уфа

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Язык – это средство отражения действительности через призму человеческого сознания. Человек, как представитель того или иного этноса, культуры, выступает в качестве промежуточного звена между языком и реальным миром. Один и тот же предмет бытия у разных народов может иметь разные формы языкового выражения. Это объясняется различиями в истории, укладе жизни, обычаями, традициями и т. д., то есть всем тем, что обозначается словом *культура*. Язык – основной инструмент ее усвоения, носитель специфических черт национальной ментальности. Он играет важную роль в формировании личности, его мировоззрения и картины мира.

В последние годы немало работ посвящено лингвистами изучению эмоциональных концептов, которые отражают особенности так называемой эмоциональной картины мира носителя конкретного языка. Эмоции пронизывают все сферы жизнедеятельности человека, и, несомненно, так же, как и язык, являются элементом культуры. Несмотря на то, что эмоциональные переживания и их проявления универсальны для людей всего мира, их вербализация может различаться по форме и объему в различных языковых общностях. Данный факт указывает на наличие такой черты эмоционального концепта как этноспецифичность и еще раз подчеркивает неповторимость и уникальность каждой культуры.

СЕДАКОВА Ирина Александровна

Институт славяноведения РАН, г. Москва

**РАССТАВАНИЕ, ПРОЩАНИЕ, РАЗЛУКА:
СЛОВО В РИТУАЛЕ И РИТУАЛ В СЛОВЕ**

В докладе в рамках проблемы «язык и этническая культура» исследуются факты славянской народной традиции, имеющие отношение к поверьям, ритуалам и вербальным комплексам с семантикой расставания, ухода, разлуки. Это этнолингвистическая работа по изучению обрядно-этикетных формул славян (прощение и прощание, приглашение и пр.) с привлечением в большей степени магическо-ритуального содержания. За вербально-жестовым этикетом всегда стоит народная вера в магическую силу слова, в фиксированность семантики действия, и это особенно важно в ситуациях расставания.

Особое внимание в докладе уделяется проблемам соотношения этимологии и акционального наполнения ритуала (для нашей темы особенно сильна семантика *раз-деления, раз-лучения, рас-ставания*, включая новое *рас-сора*, болг. *раз-дяла* и пр.). Рассматриваются разнообразные ситуации: уход из дома, проводы в путь, прощание на свадьбе, на похоронах, развод супругов, расставание влюбленных и пр. Все ситуации прощания делятся на две категории в зависимости от интенций участников (возвращение – невозвращение уходящих, встреча – не встреча в будущем) и соответственно моделируют два типа прощания – «навсегда, окончательно» и «на время», ср. «Не прощай, а до свидания».

Похоже, что сегодня словесно-ритуальный этикет расставания оказывается как нельзя более востребованным (актуализируются старые ритуалы и формулы, создаются новые, особенно с учетом миграций, охвативших многие страны) и требует более внимательного изучения.

СЕМЕНОВА Ольга Ростиславовна

Челябинский государственный педагогический университет,
г. Челябинск**НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ И СРЕДСТВ
ИХ ЛЕЧЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ
ЮЖНОГО УРАЛА**

В докладе рассматриваются материалы, собранные в ходе диалектологических экспедиций в горнозаводские районы Челябинской области. Выявление ареала распространения названий болезней и дикорастущих растений, используемых для их лечения, подтвердило севернорусскую основу уральских горнозаводских говоров (70% исследуемых лексем встречается на территории северного наречия). В настоящее время в речи носителей южноуральских говоров активно функционируют 34% диалектных слов (фонематические диалектизмы – *воспа, грыза*, словообразовательные – *бесплодица*, семантические – *жаба, овес* и др.). Наиболее богатой по составу является лексика, называющая инфекционные заболевания, а в говорах южного наречия частотна группа кожных заболеваний. Отличия в составе медицинской терми-

нологии в большей степени объясняется различными материнскими основами говоров.

В качестве общего названия болезни выступают лексемы *болезнь* и *зараза/заразина*. Для указания начала болезни используются глаголы с приставкой *за* (*занедужить, занемочь*). Усиление болезни передается с помощью приставки *раз* (*разнедужиться, разнемоchься*). Тяжелое состояние больного характеризуется носителями как невозможность им поддерживать вертикальное положение (*свалиться, слечь, лежать пластом, лежать лежкой*); выздороветь – значит «подняться», вернуться к активному образу жизни, к работе. В исследуемой лексике отражаются архаические представления о болезни: вредоносное воздействие потусторонних сил (*бесна, бешиха*).

Анализ словесных образов, закрепленных в системе народных названий лекарственных растений и болезней, свидетельствует о специфике диалектной картины мира.

ТАБАЧЕНКО Людмила Владимировна

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

**СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКАЛИЗОВАННОЙ
СИТУАЦИИ 'ДОБИТЬСЯ ЧЕГО-Л.,
ПОЛУЧИТЬ ЧТО-Л.', ВЫРАЖАЕМОЙ
ВЫ-ПРИСТАВОЧНЫМИ ДИАЛЕКТНЫМИ
ГЛАГОЛАМИ**

В лексическом микрополе диалектных *вы-*приставочных глаголов, выражающих лексикализованную ситуацию «добиться чего-л.», актуализируются следующие аспекты ситуатемы (по Н. Б. Лебедевой, комплекса конвенциональных и имплицативных ситуаций):

1) постоянный фациент – настойчивость действий субъекта-1 (агенса, манипулятора), направленных на достижение своих целей, для преодоления модальности нежелания и незаинтересованности субъекта-2 (посессора), от которого зависит осуществление целей агенса: субъект-2 испытывает дискомфорт и удовлетворяет просьбу агенса-манипулятора, в которой он сам не заинтересован: *выбажать, выгнуть, выдалбывать, выжмурить, вывязать, вызырить, вызыдаричить, вызудить, выкалячить, вымозжить, выканучить, выканькать, выкондить, выкучить, вымаклакчить (вымаклачивать), вымарицивать, вымолять, вымолачивать, высопать, высочкать, вытявкать, выханжить*. Как правило, это интерпретационные глаголы, однако здесь можно выделить дескриптивные глаголы речевого поведения: *выбаивать, вывякать, выгалдить*;

переменные фациенты:

2) обман, хитрость: *выбечь, выдуривать, вылаживать, вылюсить, вылясить, вылясничать, выскать*;

3) лесть, обещания: *выалюсить, выблазнить, выелозить, вылебезить, вылестить, выбожить*;

4) психологическое давление:

а) грубость: *выгаливать, вызвизгать, выкальчить, вырычать*;

б) расчет на жалость: *вызыдариить, вывурасить, выкулить*.

Лексическое микрополе «получить что-л. в результате какой-л. деятельности, каких-л. действий» представлено группой интерпретационных глаголов (*выжигать/выжечь, вылучать*), дескриптивными глаголами определенных действий (*выкунять, выскакать, выгавливать, выгаивать*) и профессиональной деятельности (*вылапотничать, вылесовывать, вырыбачить*).

ТАГИРОВА Фяридя Инсановна

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
АН Республики Татарстан, г. Казань*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ КОДОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА *ВОЛК*)

Образ волка и связанные с ним мотивы являются одними из самых широко распространенных в мировой мифологии. Такая распространенность во многом объясняется их исключительной архаичностью. В них нашли отражение тотемические представления родоплеменного общества. Так, мотив родства героя с тотемом, его способность к перевоплощению, зооморфная внешность и т.п. сохранились в различных жанрах фольклора как тюркских, так и славянских народов (татарская сказка «Ак бүре», русская былина о Волхе (Вольге) Всеславьевиче, сербский эпос о Змее Огненном Волке и т. п.). Основным носителем исторически сложившихся этнокультурных кодов в языке, в первую очередь, является фразеология. Анализ лексико-фразеологического фонда и паремий разных языков с компонентом «волк» позволяет составить представление о том, с какими качествами ассоциируется образ волка и какие семы исторически закрепились за словом волк. А для выявления специфичности лингвокультурных кодов самым продуктивным является межъязыковое сравнение, что мы пытаемся осуществить в данной работе на примере русского и некоторых славянских языков, татарского, турецкого и некоторых других тюркских языков.

Анализ показывает, что слово *волк* в рассматриваемых языках имеет коннотации: предвестник удачи, сила, постоянство нрава, независимость и свободулюбие, смелость, жадность, свирепость и кровожадность, простоватость и глупость, бескорыстие, ум, постоянство, отвага, мрачность, ловкость, ум, знание своего дела, хитрость, мудрость.

ТИХОМИРОВА Александра Васильевна

*Уральский государственный университет им. А. М. Горького,
г. Екатеринбург*

СИМВОЛИКА НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА*

В докладе анализируются факты русской диалектной лексики и фразеологии свадебного обряда,

образованные от обозначений одежды и обуви или включающие их в свой состав. Выявляется культурно-языковая символика наименований одежды и обуви. В образовании рассматриваемых языковых единиц участвуют наименования всех «уровней» традиционного костюма (собственно одежды, обуви, головных уборов): *снять девичью рубашку* «выйти замуж», *в лапоть готовый вступить* «удачно выйти замуж». Языковые единицы могут номинировать участников обряда (*сваха-немытая рубаха* «сваха со стороны невесты»), характеризовать различные его этапы – сватовство, подготовку к венчанию, собственно вступление в брак и т. д. (*кроить рубахи* «о невесте и ее подругах: изготавливать подарки для жениха и его родственников»). В устойчивых сочетаниях может находить отражение символика одежды как обрядовой реалии, ср. *шубу вывернуть* «после венчания встретить новобрачных, одевшись в вывернутую наизнанку шубу (о матери новобрачного)». В некоторых случаях (*армяк скроить* «дать отказ при сватовстве (о невесте)», *ступить в красный сапог* «неудачно выйти замуж») мотивировка языковых единиц затемнена и может быть обнаружена только при учете семантико-мотивационных параллелей и привлечении данных фольклора и ритуала.

ФЕОКТИСТОВА Любовь Александровна

*Уральский государственный университет
им. А. М. Горького, г. Екатеринбург*

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ, БОЛЕЗНЕЙ И СМЕРТИ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ АНТРОПОНИМОВ*

Употребление антропонимов в обозначениях различных психофизиологических состояний человека, болезней и смерти объясняется действием языкового табу, а также персонификацией данных явлений. Для номинаций болезней характерны паронимическая аттракция к личному имени (*гришка поймал* «кто-либо заболел гриппом», *марья* «болезнь малярия»), использование двучленной формулы именования (*марья иродовна* «лихорадка», ср. *оспа ивановна* «о болезни оспе»: «При появлении оспы просят Оспу Ивановну пожаловать в дом и в честь ее пряжат пироги»). Смерть и различные психофизиологические состояния человека осмысляются в пространственных категориях – как перемещение в пространстве (*тихон подъезжает* «о состоянии дремоты, засыпания, сна»; *иван гробов подойдет* «о смерти») – и связанных с ними категориях социальных – как сватовство и замужество/женитьба (*мартын засватал* «о состоянии человека, когда он начинает зевать, хочет спать», *ванька ёлкин посватался* «о смерти», *за ванечку (ганечку, танию) пойти*). Аттракция к личному имени в подоб-

*Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

*Исследование выполнено при поддержке госконтракта П 736 от 12.08.2009 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (тема «Время и человек в свете ономастической и отономастической номинации»).

ных случаях семантически мотивирована (*мартын*, *тихон*); вторым компонентом в двухчленных антропонимических формулах выступает «говорящая» псевдофамилия (*гробов*, *ёлкин*), которая указывает на локус передвижения.

ХАРАТСИДИС Элефтериос

Фракийский университет им. Демокрита,
г. Комотины (Греция)

ЕСАКОВА Мария Николаевна

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЕ МНОГОЯЗЫЧИЯ В ГРЕЧЕСКОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ – СССР – РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В докладе рассматриваются основные этапы развития многоязычия в греческой среде современной России.

Греки России представляют собой несколько отдельных этнографических групп, каждая из которых имеет свои особенности хозяйственного уклада, быта и говорит на своём языке – одном из понтийских диалектов греческого языка («ромейском»), азиатско-анатолийском диалекте турецкого языка («урумском») и т. д.

Применительно к истории вопроса о соотношении родного языка (*греческий / его диалекты*) с другими языками культурного и внутригосударственного взаимодействия (*греческий / его диалекты с османский / его диалекты, татарский и русский*) принята попытка показать, что указанным этнографическим группам греков сценарий многоязычия был свойственен на протяжении всей их истории. При этом понтийские диалекты выступали в роли языка внутреннего общения по сравнению с греческим (языком византийской империи), впоследствии с османским языком, то есть языками «официальными» и «государственными».

После переселения в пределы Российской империи меняется соотношение и роль языков, используемых греками в каждодневной практике. Греческий язык начинает стираться (в контексте *понтийские диалекты / азиатско-анатолийский диалект / османский*). Его место начинают занимать сначала национальные (*армянский, грузинский и др. яз.*), а потом и русский язык. Этот процесс особенно заметен в среде городского населения.

Турецкий язык оставался языком общения между локальными этнографическими группами греков вплоть до конца XIX века. В этот период в греческой среде наблюдается интенсивный процесс развития многоязычия (*понтийский диалект / турецкий / какой-то из национальных языков / русский*).

Русский язык в этом процессе занимает всё более значимое место, став во второй половине XX столетия родным для многих греков России.

В конце доклада вкратце анализируются языковые процессы, протекающие в среде греков переселенцев из стран СНГ в Грецию.

ШАБАЛИНА Екатерина Владимировна

Уральский государственный университет им. А. М. Горького,
г. Екатеринбург

КАЧЕСТВЕННЫЕ КОННОТАЦИИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО ДЕВЯТЬ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ*

Числительные могут выступать в речи как выражители качественной оценки объектов и ситуаций (*девятый вал* ‘наиболее бурное, сильное проявление чего-либо грозного; наивысший подъем, взлет чего-либо’). Цель доклада – показать особенности функционирования числительных вне привычного «числового» значения, охарактеризовать их коннотации, выявляемые при анализе фактов семантико-словообразовательной деривации на основе числительных и фразеологии с их участием (на примере лексемы *девять* в русских и польских говорах и общенародном языке).

За числительным *девять* как в русском, так и в польском языке закрепляется свой набор коннотативных сем, в значительной степени обусловленный теми смыслами, которыми *девять* наделяется в культуре. Среди наиболее частотных и устойчивых коннотаций числительного *девять* в русском и польском языках выделяются: связь с **религиозной (христианской) традицией** (рус. *девять кругов ада* и польск. *dziewięć kręgów piekła*, рус. диал. *девятины* ‘девятый день после смерти’); коннотация **магической силы** (рус. *девясил*, польск. диал. *dziewięćsił* ‘род многолетних трав сем. сложноцветных, применяется в лечебных целях’, польск. *dziewięciojesiennik* ‘лекарственное растение от чумы’); коннотация **«аномальной» удаленности** (рус. диал. *на девятом кирпиче* ‘очень далеко’, ‘очень высоко’, *на девятом суку* ‘неизвестно где, где-то далеко’, *девять путей* ‘о долгой дороге, нелегком пути’, польск. *za dziewięćciu górami* ‘очень далеко, неизвестно где’).

ШАРАЯ Ольга Николаевна

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора НАН
Беларуси, г. Минск (Беларусь)

ЛЕКСЕМА КУСТ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

В восточнославянском языковом пространстве лексема *куст* соотносится с двумя уровнями функционирования, один – мир природы, другой – мир культуры. В первом случае слово *куст* употребляется в значении ‘растение’. Во втором значении данная лексема использовалась для обозначения социальных связей или совокупности однородных предметов. Одно из значений лексемы *куст* в повседневности – род, семья. Это слово как диалектное используется для обозначения определенных социальных фактов – в значении ‘большое потомство’ («куст ро-

*Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

бят», волог., перм.), также оно применимо для обозначения группы людей, связанных родственными, экономическими отношениями («Он из куста Петра Ивановича», пск.); совокупности поселений, домов на ограниченной, часто периферийной территории.

В Западном Полесье лексема *куст* автохтонным населением не употреблялась в значении 'растение'. Традиции Западного Полесья характерен обряд Куст на Троицу. Обряд выражал конкретную социальную ценностную идею – идею культа рода. Обрядовое и

социальное значение лексемы *куст* здесь является доминантным. В рамках ареала распространения этого обряда, в котором наряженная в зелень женщина занимает центральное место, выявлена его трансформационная модель, в которой лексема *куст* (имя главной фигуры обряда во всем ареале) перешла на название обрядовой группы женщин. Таким образом, в границах ареала обряда впервые зафиксировано новое значение лексемы *куст*, которая обозначает группу женщин – участниц обряда на Троицу.

Секция 2. ЭТНОНИМЫ: ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И СВЯЗЬ С ИЗУЧЕНИЕМ ЭТНОГЕНЕЗА

Руководитель: к.и.н. Ушницкий Василий Васильевич (Якутск)

БАКАЕВА Эльза Петровна

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,
г. Элиста*

ПРОБЛЕМА ЭРКЕТЕНЕЙ В ЭТНОГЕНЕЗЕ КАЛМЫКОВ*

Этническая группа эркетен являются одной из составляющих субэтнуса калмыков-торгутов. В современном монголоведении имеется точка зрения, согласно которой в качестве основных составляющих этнических групп калмыков-торгутов выступают керяты (кереиты), эркетени, цатаны и багуты], на основе которых сложились более поздние этнические торгутские объединения (шабинеры, цохуры и др.).

Проблема происхождения этнической группы эркетен может быть решена различно в зависимости от предлагаемой этимологии термина эркетен. Первый вариант связан с названием племени аргын, к которому возводят и истоки казахского племени аргынов, второй – с обозначением социального статуса лиц, наделенных определенными льготами за отличия и ратные подвиги. Именно такое толкование этнонима распространено среди эркетеней. В этом случае основной субэтнуса торгутов могут считаться только керяты, цатаны и багуты. Согласно третьему варианту, этноним предлагается считать происходящим от антропонима, (имени тайши Мергена Эркету, при котором торгуты вошли в XV веке в состав союза ойратов «Дербен-ойрат»). Исходя из этой версии, основной этнической группой калмыков-торгутов может являться группа кереитов. Наконец, если считать общим происхождение терминов «эркет» и «иркит», этногенез калмыцких эркетеней также может быть связан и с древним племенем иркит как этническим компонентом, вошедшим в состав западномонгольских групп. Проблема происхождения этнической группы калмыков-эркетеней по настоящее время остается открытой.

БУТЫЛОВ Николай Васильевич

*Российский государственный социальный университет,
г. Москва*

БУРТАСЫ И МОРДВА. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Относительно этнонимов «буртасы» и «мордва» до сих пор нет единой точки зрения. Более менее ясная картина наблюдается относительно этнонима «Мордва». Часть ученых считает, что в основе данного этно-

нима лежит др. иранское слово «мард» – «муж, мужчина». Другие ученые полагают, что его происхождение связано с др. индийским словом «морт» («человек»). Мы, придерживаясь второй точки зрения предполагаем, что этноним «мордва» является собирательным этнотермином, включающим в себя и другие восточно-финские этнотермины, в частности «удмурт» и «коми». Дело в том, что одно из самоназваний коми звучит как «коми-морт» («человек с реки Кама»), а «удмурт» можно этимологизировать как «человек с реки Уда», которая является одним из протоков реки Сури. То, что коми-зыряне когда-то населяли нынешнюю территорию мордвы, подтверждает топоним «Саранск». Данный топоним по-мордовски звучит «Саран-ош». А в Этимологическом словаре Фасмера мы находим, что одним из названий коми-зырян было название сараны. То есть топоним «саран-ош» этимологизируется как «город саранов».

Относительно этнонима «буртасы» ситуация более сложная. До сих пор идет дискуссия по поводу этнической принадлежности буртасов. Их считают как тюрками, так восточными финнами, а более конкретно мордвой.

Мы полагаем, что это были финно-угорские племена. На территории нынешней Мордовии довольно компактно сгруппированы топонимы – названия населенных пунктов, с формантом таш/тас, которые являются чисто мордовскими: Буртасвеле, Ордашвеле, Курташвеле, Адашевеле, Пурдашвеле и др. Данные топонимы разлагаются на следующие части: «веле» (село), тас/таш/ даж (род), и соответственно бур/ор/кур/ад/ат, которые с нашей точки зрения являлись родо-племенными микроэтнонимами. Этноним «ор» прослеживается в топонимах Орск, Оренбург, Оркино, а этноним «кур» в топонимах Курск, Курляндия и др.

КАКСИН Андрей Дмитриевич

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
г. Абакан*

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕРМИНА «ЮГРА»

Известно, что давно существовавшее слово «югра» (коми и русского языков) с середины 90-х гг. XX в. стало термином – вторым официальным названием Ханты-Мансийского автономного округа.

Первоначально оно возникло как этноним в коми языке. Его закрепление в качестве слова, называющего территорию расселения восточных соседей – ханты и манси относится ко времени, когда общие предки ханты и манси пришли на соседнюю с коми территорию – «восточные склоны Урала»

Вызывает интерес и история самого этнонима «ёгра» ~ «югра», точнее – используемый принцип номинации народов по характеру местности, на которой

* Работа подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», проект «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика»

они проживают (коми *jögga* – заболоченный лес; ханты и манси). Автор предполагает также проанализировать, как “работает” этот принцип в хантыйском языке (предварительно показав этимологию слов-этнонимов *vuɣaɫ* ‘манси’, *juɣn* ‘ненцы’, *ɣätaŋ* ‘татары’).

КАРЦЕВ Павел Петрович

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

О ПЕЧЕНЕГАХ К СЕВЕРУ ОТ БУЛГАР

В арабо-мусульманских географических сочинениях (Худуд ал-алам, ал-Идриси) содержатся сведения о расселении к северу от волжских булгар неких печенегов. Эти сообщения вполне могут соответствовать действительности, если предположить, что под именем печенегов в данных источниках упомянуты не собственно печенеги, а нукраты – одно из племён печенежского союза (и в этом, широко, значении вполне обоснованно названные печенегами). Присутствие нукратов на северо-востоке Волжской Булгарии сохранилось в самоназвании чепецких татар, и в названии реки Вятки (Нократ). Возможно, и «серебряные болгары» русских летописей являются результатом ошибочного понимания двойного этнонима «нукрат-болгар» как словосочетания, в котором незнакомый русским этноним был воспринят ими по созвучию как определение к слову «болгары» со значением «серебро».

Археологически нукраты, видимо, представлены керамикой IX группы (по классификации Т. А. Хлебниковой) имеющей аналогии и истоки среди памятников кочевников юга Казахстана, северных склонов Каратау и Сырдарьи. В монгольскую эпоху, по видимому, именно нукраты составили ядро Джукетауского княжества и археологически были представлены керамикой XIII группы, возникшей на основе керамики IX группы.

Потомки нукратов, видимо, вошли в состав казанских татар как один из компонентов, принявших участие в формировании этого народа.

НАПОЛЬСКИХ Владимир Владимирович

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

ЭТНОНИМИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ПЕРСПЕКТИВЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В докладе рассматривается происхождение и ранние фиксации экзо- и эндоэтнонимов народов Поволжско-Приуральского региона (*мордва, мари, черемис, суас, чуваш, ветьке, татар, бигер, бесерман, ар, удмурт, коми, роч, русский*) в связи с этнической историей региона в I – первой половине II тыс. н. э. В этнонимике края отразились процессы взаимодействия ариев (индоарийских языков в древности и восточно-иранских в средневековье: *мордва, мари, удмурт*), тюрков (языков болгарской и кыпчакской групп: *черемис, суас, чуваш, татар, бигер, башкорт, бесерман, ар*), финно-угров (мордовских, марийского, пермских

языков: *ветьке, коми, роч*) и славян (древнерусского и русского языков: *русский, (о)рус, ватка*). Кроме того, на формирование этнонимии влияли германские, прибалтийско-финские (*роч, зыряне, пермь*), монгольские (*татар*) и, возможно, угорские (*югра, мишар*) языки. Важную роль в формировании этнонимии играли не только этнокультурные, но и социально-политические процессы (что отражено в истории таких этнонимов как *мари, черемис, чуваш, татар, бигер*) и распространение в регионе мировых религий (*бесерман*). Важное значение для понимания истории формирования этнонимии региона и его этнической истории в целом имеет анализ ранних письменных источников, и в докладе предлагаются новые интерпретации ономастического материала, содержащегося в сочинениях Иордана, кагана Иосифа, Константина Багрянородного, Ал-Гарнати и др.

УШНИЦКИЙ Василий Васильевич

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

ДРЕВНИЙ ЭТНОНИМ И СОВРЕМЕННЫЕ НАЗВАНИЯ В ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ

В разноразличных источниках сохранились названия древних этносов, говоривших как на языках ныне существующих языковых семей и групп, так и ныне исчезнувших. В изучении этногенеза современных народов и их ранней этнической истории зачастую можно встретить отождествление древних этносов с современными народами. Часто внешне схожие между собой этнонимы имеют различную семантику в разных языках. Название народа саха позволило отдельным исследователям производить их от древних саков, ираноязычных обитателей Средней и Центральной Азии. Другой проблемой является возникновение новых этносов с древним названием, который взят из китайских летописей, а также из других древних языков (например, хакасы). Имеется практика, использовать названия, которые даны соседями. Например, словом тубалар южные алтайцы обозначали таежные этносы. Этноним якут возводится к тунгусскому йако (от саха), измененного в соответствии с тунгусским произношением.

ХАРИТОНОВ Александр Михайлович

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНОНИМИКИ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

В ходе изучения географии Руси у автора возник ряд вопросов. 1) Как такие густонаселенные и хорошо известные государства как Русь и Волжская Булгария могли попасть у историков на территорию, которая была известна в античной и ранней средневековой географии как «необитаемые земли севера»? 2) Почему в Хазарию надо было двигаться из Киева окольным путем на север?

Между тем помимо Волжской и Дунайской Болгарии в истории была известна Великая Болгария. Ее точное местонахождение на Кавказе порой связывают с названием Балкария и народом болгар, но сами балкарцы «болгарами» себя не считают и имеют другое самоназвание. Подобная же картина наблюдается и у других народов данного региона, относимых лингвистами к самым разным языковым семьям.

Географический анализ показал происхождение современных этнонимов региона не от самоназваний

народов, а чаще от названия местности, где этот народ проживает ныне, что отражает процесс интенсивного перемещения народов на данной территории. При этом часто название местности идет от имени другого более древнего народа.

Лингвисты, следуя традициям историков XVIII–XIX веков, склонны придавать современной локализации народов решающее значение в определении языковой принадлежности древних народов, от которых порой сохранились только этнонимы. Последнее явно является спорным.

Секция 3. ЭТНОБОТАНИКА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Руководитель: к.филол.н. **Колосова Валерия Борисовна** (Санкт-Петербург)

БЕЛИКОВА Ольга Борисовна

Томский государственный университет, г. Томск

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОБОТАНИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНА КОНЦА XVI – XVII в. ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

При археологических раскопках 1985 г. кургана конца XVI – XVII в. Зырянского могильника (юг Западной Сибири) в погребении обнаружен археоботанический объект: 3,9 л семян, растительных остатков и др. Опыт культуроисторических реконструкций, проведенных на его материале, обозначил проблемы источниковедческого и интерпретационного плана: 1) необходимость доказательства антропогенного происхождения археоботанического скопления: подтверждение рукотворности объекта, а не его случайного присутствия (оставление грызунами) требует междисциплинарного исследования еще на этапе полевых работ; 2) неразработанность археоботанического направления в отечественной науке: получение подробных результатов массовых палеокарпологических определений затруднено вследствие нехватки специалистов-карпологов.

Данные этноботаники коренных народов Сибири наиболее репрезентативны в решении вопросов о всевозможном использовании жителями Причулымья конца XVI – XVII вв. тех пятидесяти растений, которые представляют рассматриваемый археоботанический комплекс. Но этноботанические сведения в документах начального освоения Сибири и трудах ее первоисследователей малочисленны. Часто затруднительна идентификация растений, о которых идет речь.

Возможности для смыслового прочтения системы знаков, отражающих внешнюю и внутреннюю стороны археоботанического скопления, представляются ограниченными. Обозначено несколько возможных основных смысловых векторов археоботанического комплекса: магическое влияние на природу, направленное на повышение плодородия; создание образа мира, родной земли; сооружение «затычки дыры» – входа в Нижний мир; бескровное жертвоприношение и др. Помещение в захоронение ботанического скопления вплетается в канву выпроваживающего обряда, реконструированного на основе иных признаков по материалам Зырянского могильника.

БУНЧУК Татьяна Николаевна

Сыктывкарский государственный университет, г. Сыктывкар

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ОБРАЗ ГОРОХА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

В докладе на материале данных русских говоров, фольклорных текстов и этнографических сведений будут рассмотрены концептуальные составляющие

образа гороха в русской культуре. Выводы будут сделаны на основании анализа парадигматических и синтагматических свойств слова в языке и речи, а также системных свойств денотата в «языке» народной культуры.

ГАВРИШИНА Валентина Владимировна

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

ГОРОХ В ХОЗЯЙСТВЕ БЕЛОРУСОВ: ОГОРОДНАЯ ИЛИ ПОЛЕВАЯ КУЛЬТУРА (XIX – НАЧАЛО XX в.)

Огород в крестьянском хозяйстве белорусов на протяжении XIX–XX в. видоизменялся. Связано это было с различными факторами: потребностями хозяйства в выращивании тех или иных растений, возможностью сбыта продукции, усложнением севооборота, появлением новых культур и др. В связи с этим набор выращиваемых на огороде растений в разное время был неодинаковым. Нередко овощи, которые к концу XIX в. считались полевыми культурами, в более ранние периоды выращивались исключительно на огороде. Белорусские крестьяне выращивали горох в разное время и в поле, и на огороде. К концу XIX в. он причислялся к полевым растениям, о чем свидетельствует официальная статистика. Однако горох имеет «огородное происхождение». Горох имел большое значение в культуре белорусов. Это растение использовалось в ритуально-магической практике, было важным блюдом на Святки и Рождество, широко употреблялось в свадебной и поминальной обрядности, использовалось в народной медицине. Горох был действующим лицом в мифологических текстах. Например, с сюжетом «горох на краю поля» было связано народное представление о незащищенности растения от прохожих и сравнение с жизнью сироты.

ГАЙДАМАШКО Роман Валентинович

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург*

ФИТОНИМЫ ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

Лексико-семантическая группа названий растений (фитонимов) является одной из обширных и базовых лексических групп диалектов России. Из нескольких тысяч лексем, зафиксированных в русских говорах и обозначающих объекты растительного мира, несколько сотен являются заимствованными или субстратными. В работе рассмотрены бытующие в русских говорах Верхнего Прикамья фитонимы финно-угорского происхождения, среди которых встречаются как интердиалектные (*бака* ‘трутовик’, *кале-*

га 'брюква', *конда* 'строевая сосна', *кульбик* 'валуй', *мянда* 'сосна' и др.), так и узкораспространенные (*ижман* 'жимолость', *козоль* 'незрелые еловые шишки', *мумра* 'дудник лекарственный', *няча* 'ряска', *пучка* 'дудник низбегающий' и др.).

Историко-этимологический, сравнительно-сопоставительный и лингвогеографический анализ данной группы лексики с привлечением материалов письменных памятников, диалектных и этимологических словарей позволяет сделать выводы относительно языкового взаимодействия и этнических контактов в Верхнем Прикамье и, шире, на всей территории Русского Севера. Так, на материале неискожных фитонимов в Верхнем Прикамье выделяются лексические изоглоссы различного финно-угорского происхождения: прибалтийско-финского (*калега*, *конда*, *мянда*, *няча*, *пучка* и др.) и пермского (*бака*, *ижман*, *козоль*, *кульбик*, *мумра* и др.). Это обусловлено, во-первых, тем, что русские говоры Верхнего Прикамья генетически связаны с севернорусскими говорами, и по сей день обнаруживающими следы былого взаимодействия с различными прибалтийско-финскими языками, а во-вторых, тем, что при колонизации Урала русские встречали в Прикамье автохтонов – коми-пермяков, у которых заимствовали названия местных реалий, в том числе и растений.

ДОМОСИЛЕЦКАЯ Марина Валентиновна
Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург

БАЛКАНСКИЕ ФИТОНИМЫ ДЛЯ *LAGENARIA VULGARIS* (ТЫКВА ПОСУДНАЯ, ТЫКВА-ГОРЛЯНКА)

На материале восьми неродственных балканских языков и их диалектов прослеживается общее и различное в наименовании тыквы-горлянки *Lagenaria vulgaris*, устанавливаются причины лексических и ономастических схождений между ними. Выделяются общеполубанские, региональные балканские и уникальные национальные принципы наименования данного растения. Большое внимание уделяется заимствованиям, в особенности турцизмам, что может прояснить пути проникновения этой растительной культуры в сельское хозяйство балканских народов. Часть доклада посвящена метафорическому восприятию растения и его образу в фольклоре (пословицы и поговорки), а также использованию в быту (разного рода сосуды, вспомогательные плавсредства и проч.) и в народной медицине (принцип «лечения подобным подобным»).

ИППОЛИТОВА Александра Борисовна
Государственный республиканский центр русского фольклора,
г. Москва

К ПРОБЛЕМЕ ТЕКСТОЛОГИИ РУССКИХ ТРАВНИКОВ: ТРАВНИКИ ТИПА ГУБЕРТИ

Современные этнобиологические исследования, как правило, базируются на полевых материалах и

источниках эпохи т. н. «этнографической современности». Обширное рукописное наследие предшествующих эпох, в том числе травники, лечебники и другие материалы, обычно изучается в рамках филологических и исторических дисциплин; его этноботанический потенциал до сих пор остается почти не раскрытым. Одна из основных проблем при изучении русских рукописных травников XVII–XVIII вв. состоит в сложности однозначной ботанической идентификации описанных в них растений. Обозначенная проблема препятствует прежде всего компаративному анализу материалов травников с одной стороны и данных об этноботанических знаниях русского народа – с другой.

В докладе будет предпринята попытка текстологического анализа одного из наиболее ранних типов русских травников – так называемого типа Губерти, появившегося не позднее рубежа XVII–XVIII столетий и содержащего значительное число фитонимов русского происхождения, что позволяет говорить о его местном происхождении. Изучение текстологии травников типа Губерти позволит идентифицировать корпус описанных в них растений и сделать выводы о значимости этих данных для истории этноботаники русских.

КАРПУН Мария Александровна
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

КУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ РАСТЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

На материалах, собранных в казачьих станицах и хуторах Дона, рассматриваются смысловые связи и отношения между отдельными фитонимами и культурными реалиями, что дает представление о фрагменте картины мира донских казаков. Растения всегда наделялись символическим значением и включались в обрядовые действия, обретая ритуальную значимость. Особую форму функционирования растений в культуре донских казаков представляет собой повторное использование уже участвовавших ранее в каком-либо другом обряде растений и наделение этих растений новыми функциями. Тогда можно вслед за Н. И. Толстым говорить о вторичных функциях растений.

Формирование символического статуса растений в традиционной культуре может происходить двумя способами: во-первых, путем придания символического значения напрямую, непосредственно на основе природных свойств растения (обычай сажать освященные прутики вербы около колодцев, чтобы всегда была вода, обусловлен знанием о том, что верба растет около воды); во-вторых, представлять собой семантизацию, основанную на ассоциативном переосмыслении знаний о растениях, оценке и определении их роли в донской культуре. Такая трансформация значений может происходить на основе метафорического переноса значения, например, калина, в донской традиции символизирует чистоту невесты. Символи-

ческое значение может приписываться растению благодаря вхождению в мотивационную парадигму ряда фактов (разного рода), имеющих в культуре одинаковое символическое значение. Например, отказ при сватовстве может передаваться формулами: *чайник прицепить, навешать кабакох (кабаков)* и т.д.

КАТОМИНА Анна Петровна

*Ботанический Институт им. В. Л. Комарова РАН,
г. Санкт-Петербург*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПОНАТЫ В БОТАНИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Проанализирован состав коллекции экономической ботаники Ботанического музея Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург). За почти двухсотлетнюю историю в ней собраны образцы растений, используемых человеком, а также продукты и изделия, изготовленные из них. Наряду с традиционным делением полезных растений на пищевые, лекарственные, технические и т. п., выявлена группа экспонатов, имеющих многофункциональное значение. Прослежена связь между экспедиционными поездками российских биологов, географов, путешественников и поступлением экспонатов в коллекцию. Показана роль крупных выставок (Сельскохозяйственной в Буэнос-Айресе в 1910 г., Кустарной выставки в Санкт-Петербурге в 1912 г.) для пополнения коллекции и тем самым сохранения ботанических и этнографических экспонатов исторического плана. Кроме выявления систематической принадлежности, проведен первичный анализ географического охвата коллекцией растений, различным образом используемых человеком в разных странах.

КИСЕЛЬ Владимир Антониевич

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

МОЖЖЕВЕЛЬНИК КАК МАРКЕР ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО КОЧЕВОГО МИРА

Комплексы священных растений тюрко-монгольских кочевых культур отличаются большим разнообразием. Среди них наиболее часто встречаются кустарниковые формы можжевельника *Juniperus* – *арча*, *арчын*, *артыш*. Можжевельник занимает особое место в ритуальной практике. Он служит курением, благовонием, жертвой, добавкой в сакральные жидкости. Считается, что растение способно привлечь добрых духов и отогнать нечистую силу.

Популярность можжевельника у кочевого населения может вызвать недоумение, поскольку он произрастает в горных районах на высоте от 1000 до 4800 м над уровнем моря. Нередко склоны, покрытые можжевельником, находятся на значительном расстоянии от мест современного проживания тюркских и монгольских родоплеменных групп. Очевидно, кочевники для регулярных ритуальных действий должны были выбрать растение, приуроченное к низменностям, тем более, что во времена древних ираноязычных кочевников

такую роль играла конопля (*Cannabis*), произрастающая на равнинах и в предгорьях.

Представление о сакральной значимости можжевельника сочетается у тюрков и монголов с сильно развитым культом гор. Они обожествляют не только абстрактные горные цепи, но и вполне определенные вершины, воспринимая их как порождающее начало, узловую точку родовой территории, место перехода в иной мир. Включение можжевельника, а также гор в религиозно-мифологический круг служит указанием на область формирования тюрко-монгольских культур. Данный центр размещался не в степи или лесостепи, а на высокогорье. Это находит подтверждение в ряде мифологических сюжетов.

КОВАЛЕНКО Кира Иосифовна

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург*

ФИТОНИМЫ В АЗБУКОВНИКЕ 1596 ГОДА

В статье рассматриваются фитонимы, представленные в азбуковнике 1596 года (хранится в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга, собрание Погодина, № 1642). В данном лексикографическом своде имеется значительное количество статей, в которых упоминаются названия растений, их частей (стеблей, ветвей, плодов), а также образованные от них прилагательные. Это могут быть злаковые культуры (рожь, пшеница, овес), бобовые (бобы, горох, чечевица), овощные культуры (капуста, редька, каперсы), огородные растения (укроп, тмин, лук-порей) и др. Как правило, в заголовке статьи выступает фитоним, в качестве толкования приводится перевод иноязычного слова, который может быть снабжен более или менее подробным комментарием. В некоторых случаях над названием растения стоит помета, поясняющая, из какого языка оно заимствовано и из какого литературного источника.

В большинстве случаев в азбуковнике представлены слова греческого происхождения, а наиболее часто упоминаемыми текстовыми источниками являются книги Ветхого и Нового завета, жития святых, хроники, лечебники. Также можно установить, что часть названий растений вошла из «Речи тонкословия греческого». Некоторые фитонимы поддаются идентификации достаточно легко: их иноязычное название соответствует приведенному эквиваленту. Однако другие требуют длительных изысканий и погружения в лингвистическую картину мира человека Средневековья.

КОЛОСОВА Валерия Борисовна

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург*

СЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ЗООНИМОВ: МОДЕЛИ И МОТИВАЦИИ

В докладе анализируются славянские фитонимы, образованные от названий животных, фольклорные тексты, в которых упоминаются эти растения, и све-

дения об их использовании в народной медицине, магии, ритуальной и повседневной жизни. Анализируются причины, в том числе и этнографического характера, по которым в создании фитонимов используются зоонимы, а также признаки растений, повлиявшие на их номинацию, причем как объективные, так и приписываемые: 1) растение служит пищей животному; 2) место обитания растения совпадает с местом обитания животного; 3) форма / цвет органа растения совпадает с формой / цветом органа животного; 4) растение используется как лекарство для животного; 5) размер растения / животного; 6) ядовитые свойства растения; 7) суррогатные свойства растения; 8) негативное отношение к растению и пр.

Использование растений рассматривается в широком этнографическом и этнолингвистическом контексте, в тесной связи с их названиями и признаками. Помимо зоонимного, рассматриваются также другие коды традиционной культуры, которые в определенных ситуациях становятся синонимичны зоонимному коду – антропоморфный код, этнонимный код и др. Кроме того, в докладе делаются наблюдения лингвогеографического характера, позволяющие установить сходства и различия в номинационных моделях и обрядовых практиках разных языковых и этнических групп славян.

ПЕТКЕВИЧЮС Роландас Ромуалдович
Университет Витутас Магнус, г. Каунас (Литва)

ЛЕЧЕНИЕ ДУРМАНОМ (*Datura stramonium* L.) В ЭТНИЧЕСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЕ XXI ВЕКА

Использование дурмана (*Datura stramonium* L.) в лечении испуга и других нервных расстройств часто упоминалось в этнографических сборниках Литвы XX века, но, как правило, вследствие слабого интереса к подобным этноботаническим исследованиям в межвоенное и советское время, данные были фрагментарны и поверхностны. Также оставались без ответа вопросы идентификации, дозировки и эффективности использования, что весьма актуально при высокой ядовитости веществ, содержащихся в растениях семейства *Solanaceae*. Во время полевых работ 2008–2010 гг. в восточной Литве и западной Беларуси удалось обнаружить живую архаическую традицию использования дурмана в лечении. Это позволило не только уточнить архивные материалы, но и обнаружить единый, до сих пор учеными незамеченный, магико-растительный комплекс литовской этнопсихиатрии, важный для изучения литовской этноботанической традиции в целом.

ПЕТРОВ Никита Викторович
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

ФЛОРА КАК МАРКЕР ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Героический эпос представляет собой один из самых элитарных жанров словесности в составе тради-

ционной культуры практически любой этнической группы. Изучение семантики и контекста былинного слова позволяет описать семантическое пространство эпической модели мира русских. Названия растений конституируют основные категории эпического пространства, времени и топики. В первой части доклада речь пойдет о наиболее частотных номинациях флоры (*дуб, лес, трава, вяз, куст, овес*) и их месте в эпической модели мира. На основании этого делаются выводы о значимости и статусе определенных профессиональных сфер в культуре (коневодство, зодчество, кораблестроение). Интересно, что огородничество (лексемы *репа, лук, чеснок* и т. п. и их контекстуальное окружение) фигурируют в поздних пародийных сюжетах, что косвенным образом подтверждает аристократическую теорию происхождения русского эпоса. Во второй части доклада на основании данных о флоре индоевропейских эпических традиций (как мифологических – «Старшая Эдда», так и исторических – юнацкий цикл) показывается сходство и различие механизмов конструирования типов эпических памятников.

СИДНЕВА Светлана Александровна
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ

Флористический компонент часто лежит в основе фразеологических единиц, которые, как известно, отображают особенности мировоззрения отдельно взятого народа и являются одним из важнейших источников для изучения языковой картины мира. Почти универсальным, общим для многих лингвокультур становится уподобление отдельных периодов человеческой жизни вегетативному циклу и описание их при помощи слов, которые воспринимаются уже как стертые метафоры: рост, зрелость, увядание. Новогреческая фразеология представляет довольно богатый фактический материал, содержащий как классификационные общие слова (дерево, трава, растение), так и конкретные фитонимы.

Большая часть лексико-синтаксических единиц с компонентом-фитонимом построена на описании человека, его эмоционального и физического состояния, характера, отношения и оценки его со стороны общества, в котором он живет: *то φυτό* ‘ботаник, зубрила, сухарь’; *то σκληρό καρύδι* ‘крепкий орешек’; *από τη καλή ρίζα* ‘из хорошей семьи’; *μαραίνεται από ζήλεια* ‘сохнет от ревности / зависти’. Некоторые выражения могут нести информацию этнографического характера, служить источником для изучения традиционной календарной обрядности, народных поверий, традиций, связанных с растениями. Например, о важности плодов смоквы для хозяйства в определенных регионах Греции можно судить по поговорке: *τα σύκα σήκωμα του νοικοκύρη* ‘смоквы – процветание хозяина’. Современной тенденцией является использование ряда народных выражений с компонентом-

фитонимом в языке масс-медиа и рекламных текстах, что отображает устойчивость традиционных моделей и их адаптацию к постоянно меняющемуся социуму.

СТАНЮКОВИЧ Мария Владимировна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

РОЛЬ ARECA CATESCHU L. В РАСПРОСТРАНЕНИИ ОБЫЧАЯ ИСКУССТВЕННОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЗУБОВ И ФОРМИРОВАНИИ ИДЕАЛА КРАСОТЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Искусственная деформация зубов была распространена во многих районах мира и, как правило, связана в традиционной культуре с обрядами перехода. Модификации зубной системы (деформации зубов или их удаление) зафиксированы в Мезоамерике, Юго-Восточной Азии, Австралии, Африке и Южной Европе начиная со II тыс. до н. э. Юго-Восточная Азия, тем не менее, выделяется на фоне других регионов мира степенью разработанности этого обычая, его распространенности как среди мужчин, так и среди женщин, изощренностью техник и эстетической значимостью. В докладе будет показана роль арековой пальмы – ключевого компонента бетельной жвачки – в распространении культуры искусственной деформации зубов. Ареал произрастания данного растения очерчивает границы распространения этой культуры.

СЫУКАНД Рената, КАЛЛЕ Райво

Эстонский Музей литературы, г. Тарту (Эстония)

О ВОЗМОЖНОСТИ ЭТНОБОТАНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ ЭСТОНСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ

Фольклорный архив Эстонского Музея Литературы содержит десятки тысяч сведений об использовании растений в народном быту. Из них около 15000 текстов, касающихся народной медицины, оцифрованы и собраны в Историческую Базу Данных Эстонской Травной Народной Медицины (HERBA <http://herba.folklore.ee>), созданную авторами. Этот материал представляет огромную историческую и культурную ценность и обладает большим потенциалом для научного этноботанического анализа, несмотря на тот факт, что к текстам не приложены ни гербарные экземпляры, ни детальные описания приготовления и применения лекарственных средств, обязательные для методов современной этноботаники. Учитывая специфику материала, он действительно не может дать ответы на некоторые вопросы, интересующие этноботаников, но в целом, при использовании подходящих методов, многочисленные данные (в Эстонии охватывающие период с 1888 по 1994 гг.) позволяют понять изменения, не поддающиеся анализу в результате кратковременных полевых работ. В докладе авторы демонстрируют применение экосемиотических методов при анализе изме-

нений в восприятии, распознавании и назывании лекарственных растений, а также знакомят слушателей с понятием травного ландшафта.

ТАТАРЕНКОВА Наталья Александровна

Алеутский краеведческий музей, с. Никольское, о. Беринга

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЫСШИХ СОСУДИСТЫХ РАСТЕНИЙ АЛЕУТАМИ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ

Собирать историческую информацию об использовании наземной растительности алеутами Командорских островов приходится буквально по крупицам. К сожалению, в прошлые столетия этноботаническое направление не привлекало к себе пристального внимания исследователей. До сих пор не существует самостоятельных публикаций на данную тему, за исключением техники плетения алеутских корзин из *Leymus mollis*, описанной Р. Г. Ляпуновой. Несколько лучше обстоит дело с альгофлорой – в основном благодаря изысканиям Е. А. Кардаковой в 1930-х гг.

На православных Командорах не существовало шаманского культа, не прославили себя и знахари. Со временем привозные продукты питания и медикаменты почти полностью вытеснили трудоемкие в заготовке местные травы. Тем не менее, островная изоляция способствовала сохранению целого ряда элементов традиционного лечения и питания. Заслуживает внимания культура применения в пищу таких условно съедобных видов, как *Streptopus amplexifolius*, *Dryopteris expansa* и *Heracleum lanatum*. Специального изучения требует факт употребления в пищу высокотоксичного *Anemonastrum villosissimum* на о. Медном; это один из немногих видов, не утративших местное название.

Применение в пищу *Polygonum viviparum*, *Streptopus amplexifolius*, *Heracleum lanatum* и некоторых других видов в настоящее время больше характерно для детской и подростковой субкультуры. Среди ягод, как это ни удивительно, наибольшей популярностью пользуются *шикша* (*Empetrum* sp.) и рябина. В то же время, спектр видов, используемых взрослым населением, определяют сегодня не столько местные традиции, сколько литература и СМИ.

ТУНИН Антон Евгеньевич

Институт славяноведения РАН, г. Москва

«РАСТИТЕЛЬНЫЕ» ЗАГАДКИ НОВОГРЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Доклад посвящен «растительным» загадкам новогреческой традиции. Исследование показало, что в целом лексикон денотатов греческих загадок отражает реальную средиземноморскую природу и акцентирует внимание в первую очередь на растениях хоть и диких, но полезных в хозяйстве (каштан, грибы, орех, рожковое дерево). Загадки именно с такими отгадками наиболее многочисленны и разнообразны. Большинство загадок о диких растениях следует типичным сюжетным моделям и их сочетаниям. Дено-

тат кодируется через парадокс, внешнее сходство, функцию (каштан – еда, губка – сосуд), общий локус, реальное свойство (чаще всего цвет).

Набор кодов, использующихся в загадках о растениях, в общем совпадает с набором, типичным для загадок других традиций, однако можно отметить, что, как кажется исходя из интуитивной статистики, чуть более часты, чем обычно, сочетания кодов, кодирующих цвет («напрямую», то есть с помощью цветового кода) и форму (в основном, метафорически, с помощью разнообразных культурных кодов).

С ареальной точки зрения особый интерес представляют понтийские, кипрские и критские тексты. Так, понтийские тексты наиболее специфичны и обнаруживают большое сходство с турецкими загадками; северогреческие тексты часто имеют аналоги в македонской традиции. В докладе более подробно будут анализироваться тексты загадок о рожковом дереве, каштане, грибе и грецком орехе, для которых зафиксировано наибольшее число вариантов в разных районах Греции.

ШАРАФАДИНА Клара Ивановна

*Санкт-Петербургский государственный университет
технологии и дизайна, г. Санкт-Петербург*

БОГОРОДИЧНЫЙ МОТИВ В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ БОТАНИКЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РОМАНЕ ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

В докладе анализируется весь спектр семантики фитонима *богородицны слезки*, использованного

Тургеневым при описании усадьбы Васильевское в XX главе романа, важной для его концепции национального уклада жизни.

1. Ботанический аспект. Имя *богородицны слезы* / *слезки*, *Матери Божией слезы* / *пречистыя слезы* в славянской традиции носят около десятка растений: трясунок, бусенник, зверобой, ландыш, манжетка, гвоздика (два вида), грушанка, дербенник (два вида). На основании яркого и точного образа растения, созданного Тургеневым (форма соцветия, время цветения, цветовая гамма и пр.), а также сравнения с черновым автографом, в котором в этом описании фигурирует синонимический вариант *подплакунец*, предлагается ботаническая атрибуция растения – дербенник.

2. Этноботанический аспект. Фитоним *богородицны слезки* рассматривается в контексте славянского народного ботанического лексикона, связанного с христианской образностью. Показательно, что народная ботаника выстраивает свою иерархию библейских персонажей, не совпадающую с ортодоксальной, и на первом месте стоит Богородица. Рассматриваются версии народной этимологии фитонима *богородицны слезки*, отсылающие к сюжетам апокрифов и духовных стихов, ассоциативно корреспондирующих с мотивикой романа (мотивом греха и искупления).

3. Герменевтический аспект: предлагается анализ персонажной поэтологии фитонима *богородицны слезки* в контексте богородичной темы романа и его семантический вклад в природно-растительный код романа, связанный с Лизой.

Секция 4. ЭТНОЭКОНОМИКА В РЕАЛИЯХ ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУР

Руководитель: к.п.н. **Коч Светлана Вадимовна** (Одесса)

АКСЁНОВА Наталья Владимировна

*Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина,
г. Харьков (Украина)*

ЭКОНОМИКА СУБКУЛЬТУРЫ НИЩИХ: МУСОР–ДЕНЬГИ–МУСОР

Доклад посвящен проблеме распределения в обществе ценностей и различных форм обмена, которая рассматривается сквозь призму субкультуры нищенства и ее социальной значимости. Понятие сбалансированного сосуществования различных представителей общества базируется на тезисе о «значимости» того или иного слоя, его доли во взаимоотношениях, а самое главное участие в тенденциях развития и стабилизации общества. В докладе доказывается, что культуру нищенства следует рассматривать как медиативную. Подаяния выступают эквивалентами обмена между мирами. Благодаря этому побиршество является олицетворением не столько ценностного, а именно культурного обмена.

Доказывается, что наличие в социуме нищих приводит не к деструкции общества, а наоборот, к поддержанию баланса сохранения в обществе категории избытка, которая проявляется в двух ипостасях – деньги=мусор. Культуры нищих и богатых проецируются как абвивалентные. Эти социальные слои следует рассматривать как лиминарные, в силу их пограничности и общей основе деятельности – работа с излишками общества.

Нищие являются главными переработчиками такого «излишества» общества как мусор. Мусор рассматривается в культурной перспективе как негативный, связанный с потусторонним. Свалки располагаются за пределами городской черты, маркируя переход. Излюбленным местом «время препровождения» нищих являются также и рынки, здесь происходит перераспределение богатств и взаимобмен, мусор накапливается со сверхскоростью. Именно рынок и становится мультиобъемным полем деятельности и богатых, и нищих.

ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна

*Институт истории им. Ш. Марджани АН
Республики Татарстан, г. Казань*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА МУСУЛЬМАНСКИХ ТОВАРОВ И УСЛУГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Как известно, рынок представляет собой совокупность структурно связанных продавцов и покупателей определенного товара, деятельность которых регулируется сходными правилами и разделяемыми большинством участников концепциями контроля. В современной России происходит формирование рын-

ка товаров и услуг для мусульман, который регулируется правилами, прописанными в Коране и предъявляемых к мусульманину. Ведущими участниками этого рынка являются покупатели, а также:

1) производства (предприятия, цеха, кафе, рестораны, ателье), торговые сети, специализированные магазины, деятельность которых направлена на продажу для мусульман: а) продуктов питания; б) косметической и гигиенической продукции; в) фармакологических препаратов; г) одежды, атрибутов;

2) мусульманские организации и туристические фирмы, которые организуют паломнические туры и отъезды для верующих в специальных отелях;

3) интернет-сайты и журналы, часть которых создается специально для религиозного образования правоверных, другая – рекламирует мусульманские товары и услуги;

4) операторы мобильной связи, рекламирующие услуги для мусульман – чтение Аятов, SMS-сообщения о времени Намаза и т.д.;

5) медицинские клиники, предлагающие услуги по нормам Ислама;

6) спортивные учреждения, организующие Олимпиады для мусульман.

В докладе представлен анализ одного сегмента рынка товаров и услуг для мусульман – производства продуктов питания «халяль» (дозволенное, разрешенное). Показаны участники рынка товаров и услуг «халяль», показана динамика производств, раскрыты деловые стратегии и рекламные шаги предпринимателей, формы их интеграции, представлен портрет потребителей, раскрыто влияние рынка на идентичности.

**ГАНЧЕВ Александр Иванович,
ЛЕСНИКОВА Анна Викторовна**

*Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова;
Центр миграционных исследований, г. Одесса (Украина)*

«МЫ ВЕЗЕМ ДОМОЙ ЕВРОПУ»: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ БОЛГАР ЮГО-ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ*

После распада социалистической системы население в поисках новых путей для выживания переориентировалось на трудовые миграции за рубеж. В

* Этнографические исследования велись в рамках направления «European peripheries: rural transformation processes in Ukraine» проекта «Rural futures: ethnographies of transformation from Finland, Estonia, Ukraine and Russia»). The research project is funded by The Academy of Finland (2007-2010). The responsible director of the project is Dr. Soc. Sc. Laura Assmuth and other team researches are PhD Tuula Tuisku, PhD Marina Hakkarainen, MA Eeva Pääkkönen and MA Eeva Uusitalo. The sites of the research are University of Helsinki, University of Oulu and European University of St Petersburg.

2008 году произошел трехкратный подъем миграционной активности населения. Политическая и экономическая нестабильность в государстве привели к обнищанию населения. Следствием сложившейся ситуации стало увеличение числа безработных и людей, неудовлетворенных социальным положением и заработной платой.

Объект исследования является болгарское население Юго-Западной Украины. Исследуемой фокус-группой выступили болгары села Владычень Болградского района Одесской области.

Предметом анализа – миграционное поведение индивидов и семей, их потенциальная миграционная активность, индивидуальные планы и стратегии развития, принятые для устойчивых, многопоколенных этнокультурных групп. В область исследований вошли жизненные стратегии и повседневные практики болгарской этнической группы Бессарабии, которые сложились на базе трудовых миграций.

Эмпирическая база исследования – полевые этнографические материалы, собранные путем непосредственного интервьюирования трудовых мигрантов, побывавших в Финляндии (Интервьюирование велось совместно с МА Eeva Pääkkönen, University of Helsinki). Интервью проводились как в Украине, так и в Финляндии во время сезонных работ. Детальные сведения о жизни трудовых мигрантов в Финляндии были получены благодаря включенному, полевому систематическому наблюдению летом 2007–2008 годов.

Как показало исследование, сезонные трудовые миграции оказали влияние на изменения экономического облика, внесли новые тенденции в этнокультурную, социальную и демографическую характеристики болгарской этнической группы региона.

**ДЖАМИРЗАЕВ Салман Мирзакаевич,
ДЖАМИРЗАЕВ Ваха Салманович**

Лаборатория этнологии и археологии Комплексного научно-исследовательского института РАН, г. Грозный

К ЭТНОЭКОНОМИКЕ ЧЕЧЕНЦЕВ (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ)

Нет сомнения в том, что историческое культурно-хозяйственное наследие (в основном, сегодня заброшенное в Чечне) является важным ресурсом для современного инновационного развития этноэкономики чеченцев. Причем, она нуждается в исследовании на междисциплинарном уровне (этнос + экономика + экология). Их синтез позволит решить ряд практических задач этноэкономического развития республики.

Основной акцент в докладе делается на следующие направления (аспекты) науки.

1. Аспект этноса (этика и культура, психология труда, ценность человека труда у чеченцев и др.).
2. Аспект экономики (экономика и культурно-хозяйственная деятельность: получение прибавочного продукта, расчет, обмен и др.).
3. Аспект экологии (рациональное использование природных ресурсов).

ДЬЯКОНОВА Мария Владимировна

*Институт экономики Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПУДОЖСКОГО РАЙОНА РК)

Под этноэкономикой понимается территориально-локализованный исторически сложившийся на базе хозяйственного уклада этноса сегмент экономики, характеризующий господством традиционных форм хозяйственной деятельности, натуральных и мелко-товарных форм производства, замкнутостью домохозяйств, использованием кустарных ремесел, надомного труда и т. п.

В условиях реформы муниципального развития поиск путей государственного управления такими объектами, как сельские поселения и сельская занятость, является особой задачей. Сельские территории в условиях распространения рыночных отношений представляют собой сегмент усиливающегося экономического и социального неблагополучия.

После перехода России к рыночным формам хозяйствования обширные малозаселенные территории северных регионов, ориентированные на традиционные формы природопользования, оказались не способными к самостоятельному функционированию без государственной поддержки. Сельский рынок труда стал придатком городских агломераций, а традиционные виды занятий трансформируются в малопrestижные сферы городской занятости.

Традиционно стратегии развития сельских территорий и связанной с ними занятости основываются на формах природопользования, сводя широкий их спектр к аграрной, сырьевой ориентации хозяйственной деятельности. Не стали исключением и лесосырьевые регионы, к которым относится Пудожский район.

В условиях отсутствия компенсаторных механизмов хозяйственной деятельности, распада традиционной градообразующей производственной структуры, неизбежным стал целый спектр негативных социальных последствий: деградация сельской поселенческой среды, сужение локальных рынков труда. В связи с этим актуален вопрос перспектив развития сельских поселений, трудовой потенциал которых является основой как социально-экономической жизни, так и основой саморазвития территорий.

КАРПОВА Елена Алексеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет
технологии и дизайна, г. Санкт-Петербург*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ МЕГАПОЛИСА

Вследствие развития экономических процессов в обществе приобретает актуальность проблема изменения пространства повседневной жизни.

Особенности трансформации экономического поведения можно проследить, изучая динамику экономических представлений, происходящих под влиянием социально-экономических условий, а также создавая типологии экономического сознания в соответствии с отношениями людей к преобразованиям.

Экономическое сознание рассматривается как система, которая наряду с объективными условиями жизни формирует цели трудовой и социальной деятельности, мотивы социально-экономического поведения. Являясь элементом общественного сознания, экономическое сознание оказывает влияние на его подструктуры: экологическую, политическую, правовую и т. д.

Акцентируется внимание на компонентах экономического сознания: эмоциях и чувствах, окрашивающих процесс приобретения, коллекционирования, заготовок и др.; перцептивной сфере экономического поведения; экономических представлениях и мышлении; волевых компонентах.

Экономическое сознание представляется как сложное образование, несущее в себе: когнитивный компонент, выступающий в виде представлений, идей, стереотипов; аффективный компонент, выражающийся в эмоциональном отношении человека к фактам и явлениям экономической жизни, существующий в виде оценок, настроений, эмоций; поведенческий компонент в виде норм и стратегий экономического поведения и деятельности людей.

Доказано, что на экономическое поведение влияют реклама, мода, референтные группы. Важным фактором экономического поведения является стремление к «психологической выгоде», проявляющееся в личной свободе.

Условием эволюции социума в сторону экономической глобализации является экономическая социализация. При этом экономическая социализация детей обусловлена психическим развитием, а экономическая социализация взрослых – социально-экономическими изменениями.

КАШАЕВ Тимур Мохирович

*Институт истории АН Республики Узбекистан, г. Ташкент
(Узбекистан)*

ЭТНОЭКОНОМИКА: ПСИХОЛОГИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Многие исследователи выделяют характерные для этносов и серьезно влияющие на состояние экономики черты национальной психологии. Например, для узбеков – общинность, традиционность, территориальность, которые в значительной мере определяют основную составляющую проводимых в стране рыночных экономических реформ. Примеров взаимовлияния традиций и национальной психологии на эффективность функционирования социально-экономической системы можно привести много.

Учитывая, что этнос – понятие более широкое, чем национальная психология, целесообразно наряду с экономической психологией развивать и такое научное направление, как этноэкономика, в рамках которого найдут разрешение проблемы определения взаимосвязи этнических и экономических процессов, выявление этнических особенностей экономического поведения, в том числе рыночной адаптации народов. Иначе говоря, этноэкономика – это наука о взаимосвязи и взаимовлиянии, которое оказывают традиции, обычаи, психология, идеология, религиозные воззрения этносов на характер и уровень развития производительных сил и производственных отношений.

Именно традиционность и общинность населения явились важнейшими социально - психологическими факторами, обусловившими постепенное осуществление рыночных реформ в Узбекистане, отказ от метода «шоковой терапии». Они же вкупе с необходимостью усиленного государственного регулирования воспроизводственных процессов в значительной степени определяют и специфику формирования узбекской модели развитой рыночной экономики. Кстати, другие известные национальные модели рынка – шведская, японская, канадская, американская и пр. – обусловлены именно особенностями исторического и культурно-психологического развития этносов.

КОЧ Светлана Вадимовна

*Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
г. Одесса (Украина)*

АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ «МОДЕЛЕЙ БЛАГОПОЛУЧИЯ» (НА ПРИМЕРАХ «СТАРЫХ» И «НОВЫХ» ДИАСПОР ЮГА УКРАИНЫ)

Изучение адаптационных стратегий этнических групп мигрантов в различных этнических средах и социально-политических условиях дает возможность диагностировать способность социально-культурной среды «встраивать» или «интегрировать» новых субъектов отношений, а также рассматривать формы саморегуляции диаспор в процессе их взаимодействия с новой средой.

В докладе предпринята попытка анализа социально-экономических моделей адаптации различных групп этнических мигрантов в условиях сложной этноконтактной среды юга Украины на протяжении XIX–XX вв.

Уникальность социально-экономического развития региона проявляется в том, что здесь на протяжении столетий сохраняется комплекс культурной специфики и экономической специализации многими этническими группами. Экономическая специализация этнических групп (украинцев, русских, болгар, греков, албанцев, евреев, армян и др.) вызвана условиями переселения, социальным составом переселен-

цев, экономическими потребностями империи, желанием сохранения собственной культуры и поддержания этнокультурной границы. Исторические и геополитические особенности региона, обеспечившие сохранение возможности поддержания толерантной мультиэтнической среды, обусловили презентацию этнической культуры, как способа адаптации в регионе, что проявляется в стратегиях, избираемых «новыми диаспорами» (китайской, арабской, вьетнамской, чеченской и др.)

Исходя из наличия в различных группах специфических социальных моделей – «моделей благополучия», в центре внимания оказываются: способы формирования и поддержания группой позитивной идентичности; стратегии социально-культурной памяти; модели коммуникационного поведения; формы презентации группы в окружающей их социально-политической среде; способы лоббирования этнических интересов в системах власти.

На примере современных диаспор региона продемонстрировано, что презентация этничности диаспорами направлена на лоббирование групповых социально-экономических интересов, а поддержание внутригрупповых диаспоральных «социальных сетей», выполняющих социально-психологическую и адаптирующую функцию, рассматриваются как «социальный капитал», позволяющий сохранять за группой социально-экономическое пространство в региональной системе.

КРЖИЖЕВСКИЙ Михаил Владиславович

*Российский государственный университет туризма и сервиса,
г. Самара*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В настоящее время роль туризма в экономике многих стран мира весьма велика. Туризм способствует улучшению благосостояния местного населения, развитию инфраструктуры, диалогу культур.

Одним из видов современного туризма является этнический туризм. Под этническим туризмом автор понимает туризм, при котором целью туристов является ознакомление с особенностями традиционной культуры и быта различных этносов.

Этнический туризм предусматривает посещение поселений, сохранивших различные особенности традиционной материальной и духовной культуры, этнографических музеев под открытым небом, национальных праздников и т. д. Такой туризм особенно перспективен в многонациональных регионах. Туристские маршруты с этнической направленностью успешно функционируют в различных регионах мира.

Самарская область относится к числу наиболее многонациональных областей нашей страны. В ней расположены русские, татарские, чувашские, мордовские, башкирские поселения, сохранившие особенности традиционной культуры и быта, функцио-

нирует несколько музейных комплексов под открытым небом, ежегодно проводятся национальные праздники и фестивали, работают десятки национально-культурных объединений и выходят в свет этнические СМИ.

Для успешного развития этнического туризма представляется целесообразным взаимодействие государственных и муниципальных органов, занимающихся этнонациональной политикой и туризмом, и национально – культурных объединений с турфирмами, а также с высшими учебными заведениями, готовящими специалистов в области туризма. В настоящее время в таких вузах Самары разрабатываются различные этнические маршруты, возможность их успешного применения будет зависеть от взаимодействия указанных структур.

КУЗНЕЦОВ Николай Григорьевич

*Институт социально-политических исследований РАН,
г. Москва*

АДАПТАЦИЯ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Учебная миграция занимает важное место в глобальных миграционных потоках. В 2005 г. в мире насчитывалось 2,7 млн. студентов, которые обучались за пределами своих стран. Согласно прогнозам ЮНЕСКО численность иностранных студентов в мире в 2010 г. достигла 3,7 млн. человек. В условиях усиления миграционных потоков, образованных мигрантов можно считать самой желательной категорией. Так, миграция молодых людей несет «омолаживающий» эффект, пополняет численность трудоспособного населения и высококвалифицированных специалистов на рынке труда, стимулирует культурный обмен и развитие национальной системы образования.

По данным Министерства образования и науки Российской Федерации в 2007/08 учебном году в стране обучались 101 тыс. иностранных студентов, аспирантов, докторантов, стажеров. Вьетнамские студенты занимали пятое место среди иностранных студентов в России (более 4 тыс.)

Часть иностранных студентов остаётся в России после окончания обучения. На решение остаться влияние оказывает отсутствие ограничений на рождение детей, существующее во Вьетнаме. Проведенное в 2007 г. социологическое исследование учеными ИСПИ РАН при поддержке Посольства Вьетнама в 14 городах России показало, что вьетнамские граждане положительно относятся к вступлению в брак с гражданами России (7% респондентов состоят в браке; 19% выражают желание вступить в брак; 30% вьетнамцев выразили желание, чтобы их дети жили в России). И хотя Вьетнам остается второй страной из «дальнего» зарубежья, обеспечивающей российские вузы иностранными студентами, мер, которые предпринимаются в сфере привлечения мигрантов из Вьетнама – недостаточно.

ЛЫТКИНА Татьяна Степановна

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар*

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ АКТИВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Автор данной работы доказывает целесообразность формирования социального капитала через различные виды идентичности и распространение практик социального взаимодействия различных групп населения. Социальная идентичность становится основным фактором формирования социального капитала (СК) по нескольким причинам. Во-первых, идентичность и СК имеют одинаковую природу, уходящие вглубь истории традиции социального взаимодействия, они образуются в структурах социальных связей. Во-вторых, социальная идентичность определяется как часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству. В-третьих, ценностные категории на труд, социальный и материальный успех обусловлены проявлением идентичности человека. Но если идентичность обеспечивает главным образом мотивацию, то социальный капитал – рост потенциальных ресурсов посредством социальных связей, социального взаимодействия, сотрудничества. В свою очередь, именно ресурсы и потребности становятся элементами экономического поведения населения. Активность населения – это реализованная практика, порождающая новый виток потребностей и требующая более высокий уровень ресурсов.

Гипотеза идентичности апробирована в эмпирическом исследовании муниципальных образований республики Коми. Площадками исследования с использованием качественных методов стали как благополучные (слабо периферийные) поселения, имеющие экономические ресурсы для самоорганизации и развития, так и неблагополучные (сильно и глубоко периферийные) поселения, лишенные таких ресурсов.

ПЕРЕПЕЛИЦА Татьяна Витальевна

*Международный гуманитарный университет, г. Одесса
(Украина)*

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ

Новая геоэкономическая структура мира приводит к образованию «нового мышления» – мировосприятия в эпоху транснациональных метаморфоз. Догматы региональных экономик становятся международными политическими аксиомами. Появляется новое по форме и содержанию глобальное распределение труда и материальных благ с более глубоким

уровнем кооперации и взаимозависимости, который становится помехой для традиционного способа реализации интересов национальных государств.

Нации-государства более не являются самостоятельными собственниками производства/сырья, они превращаются в относительно зависимых участников глобального конвейера и обеспечивают функционирование производительно-потребительского комплекса транснациональных образований. Транснациональный капитал получил независимость: он формирует контролируемые производственно-потребительские циклы; фундаментом новой мировой экономической структуры стали транснациональные сырьевые, производственные, коммуникационные и торговые комплексы, которые не привязаны к национальному капиталу. Изменился качественный характер функций организаций транснационального капитала: они осуществляют наднациональное управление (МВФ, ВТО и т. п.). Существует пример транснационального союза с функциями и формами надгосударства – Европейский Союз.

Как следствие, меняется характер политической конкуренции: мотивы геополитической борьбы (территория, ресурсы, рынки) меняются на мотивы геоэкономической конкуренции (контролируемые транснациональные производственно-потребительские системы).

Залогом существования национального государства является рациональное восприятие элитой и гражданским обществом тенденций в развитии геоэкономической парадигмы мира. Это предполагает понимание необходимости расширить содержание концепта «национальные интересы». В новом качестве «национально-экономическими интересами» становится разработка и осуществление эффективной программы экономического саморазвития, актуальным становится инвестирование собственных высоких технологий и участие в глобальном содружестве.

ПИМПИРЕВА Женья Ганчева

Институт этнологии и фолклористики с этнографическим музеем БАН, г. София (Болгария)

АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕССАРАБСКИХ БОЛГАР: СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ В ЖИТЕЙСКИХ ИСТОРИЯХ

Веками болгары в Бессарабии (регион, в настоящее время находящийся в Украине и в Молдове) определяют себя своим языком, «памятью» заброшенных родных болгарских земель, религиозными и культурными характеристиками, связанными с повседневной жизнью, хозяйственными навыками и экономическими стратегиями. Сосуществование с различными этническими группами и национальностями «большинствами» в различных политических и государственных структурах наложило отпечаток на идентичность бессарабских болгар.

В новых реалиях постсоциалистической Украины и Молдовы в процессе конструирования болгарской идентичности прежние параметры изменяются, появ-

ляются новые социокультурные маркеры. Процесс определяется переходом от социализма к пост-социализму, но также разделением болгарского этноса в Бессарабии между двумя независимыми государствами, которые ведут свою политику в отношении к меньшинствам и в ходе формирования своих независимых национальных государств.

Рассказы о «советском времени», «во время Союза» в житейских историях респондентов определяют пройденные этапы развития идентичности и важные аспекты в конструировании современной идентичности.

Настоящий доклад подготовлен на основе материалов, собранных во время полевых этнографических исследований в Бессарабском регионе Республики Молдовы и Украины, проведенных в 2009 и 2010 годах в рамках междисциплинарного проекта «Бессарабские болгары в пост-советском пространстве – культура, политика, идентичность», финансируемого Министерством образования и науки Болгарии.

РЫЧКОВ Сергей Юрьевич

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
г. Казань*

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В МИССИЯХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

Сегодня практически все субъекты РФ и сотни муниципальных образований реализуют разработанные стратегии, планы социально-экономического развития, содержащие в качестве базисного элемента миссию или главную (генеральную) цель развития. Присутствуют ли в формулировках миссий национальная или межнациональная компоненты?

Процесс стратегического планирования социально-экономического развития территорий начался в России около пятнадцати лет назад. Он стал результатом воздействия двух основных факторов. Первый – обретение регионами и муниципальными образованиями реальной самостоятельности и субъектности в рамках конкуренции территорий как на российском, так и на международном уровне. Второй – общемировая тенденция распространения современных концепций стратегического менеджмента и маркетинга на управление территориями.

В докладе представлены результаты исследования миссий – главных целей территорий РФ: субъектов РФ и муниципальных образований. Изучение формулировок миссий, главных целей социально-экономического развития субъектов РФ показало, что в них этническая составляющая отсутствует. Вопросы межэтнического взаимодействия рассматриваются в некоторых случаях (Москва, Чеченская Республика) в специальных документах, содержащих концепцию национальной политики. Контент-анализ формулировок миссий муниципальных образований позволяет сделать вывод о единичности случаев наличия в них этнического смыслового элемента. Для этого необходимо присутствие двух условий. Первое – мультиэтничность территории, свидетельствующая

о наличии исторического опыта межнационального кросскультурного взаимодействия. Второе – количество смысловых единиц в формулировке миссии должно быть более десяти. Тогда наряду с более актуальными для составителей в структуре генеральной цели территории находится место и межэтнической компоненте.

САМАНЦОВ Александр Петрович

*Славянский государственный педагогический университет,
г. Славянск*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАБОЧИХ ПОСЕЛКОВ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ КОН. XIX – НАЧ. XX вв.

В работе рассматриваются национально-географические особенности формирования культуры рабочих поселков Екатеринославской губернии, причины, детерминирующие этот процесс и формы его проявления.

СЕРЕБРЯННИКОВА Наталья Ивановна

*Международный гуманитарный университет, г. Одесса
(Украина)*

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ г. ОДЕССЫ)

Изучение этнического предпринимательства и этностереотипов в экономической жизни – актуальное направление современной антропологии, особенно в полиэтничных регионах. Большие города, расположенные на перекрестках крупных транспортных и торговых магистралей, являются центрами скопления различных этносов, которые вынуждены занимать или создавать социально-экономические ниши, дающие им возможность адаптироваться к экономическим и культурным условиям.

Одним из таких городов в Украине является Одесса. Ее геополитические особенности обусловлены выгодным транспортно-географическим положением. По территории области протекает государственная граница, территория выходит к Черному морю, проходит пять международных транспортных коридоров. Все это способствует концентрации эмигрантов как в регионе, так и в городе. К тому же, изначально заселение территории области и города осуществлялось представителями различных этнических групп, которые принимали активное участие в формировании и структурировании экономической системы области. Это делает Одесскую область и город перспективным объектом для изучения этнического предпринимательства, этнокультурных стереотипов экономической деятельности.

В докладе на полевом материале показано: уровень терпимости и толерантности в полиэтничной среде города; возможность включения «чужих» в культурную и экономическую жизнь региона через

предпринимательскую, образовательную сферы, а также через властные структуры; место и потенциал различных этносов в представлениях респондентов; экономические ниши», которые занимают представители различных народов в Одесской области; традиции взаимопомощи и демонстрация своего экономического и социального успеха у различных народов и пр.

УЗУН Юлия Вадимовна

*Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
г. Одесса (Украина)*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ НЕСБАЛАНСИРОВАННОЙ ЭТНОЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ

Формирование глобальной системы разделения труда, являющееся предметом исследований геоэкономики и геополитики, заставляет переоценивать традиционное значение локализованных этноэкономик с точки зрения потенциала региональных рисков (риск превращения этнорегиона в объект территориальных претензий, риск утраты конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности, риск экономической депрессивности, риск эмиграционного оттока и некачественного этнокультурного замещения, риск превращения в оффшор).

Этноэкономика исходит из тезиса, что «нет экономики без этноса, но нет и этноса без своей экономики», поскольку человек создает необратимую структуру ландшафта, работая для близких и в своем ландшафте, на базе опыта предков. Пространственная локализация, род занятий, способ хозяйствования отличают этнорегионы, стремящиеся к институционализации своей идентичности и, одновременно, к взаимовыгодной интеграции с другими регионами.

Сбалансированность этноэкономических систем в пределах национального целого делает возможной его экономическую самодостаточность (автаркичность) и, в конечном счете, геополитическую субъектность. И напротив, этническая многослойность и этноэкономическая традиционность (рутинность) регионов периферийного типа (пограничных) обуславливает их депрессивность, превращая их в объекты геополитического влияния.

Мировая геоэкономическая взаимозависимость порождает противоположные тенденции: унификацию экономических систем и возрастание этнической специфики в хозяйствовании. Названные тенденции должны развиваться синхронно, т. к. условием развития глобальной хозяйственной системы является эволюционное преобразование и сохранение многообразия локализованных этноэкономик. Анализ этнорегиональной специфики хозяйства Украины, определяющий уровень инерции, риски и потенциал экономики этнорегионов, становится необходимым в связи с отсутствием геоэкономической и геополитической стратегии страны по встраиванию в глобальную экономику.

ЧЕРКАШИН Александр Леонтиевич

Гусинополянская ООСШ, г. Харьков (Украина)

ТОРГОВЛЯ КАК ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУПЕЧЕСКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ РОДОВ СЛОБОЖАНЩИНЫ

Доклад посвящен анализу места, которое занимает предпринимательство в социально-экономической структуре этноконфессиональной группы старообрядцев. Основное внимание в исследовании уделяется роли купцов-старообрядцев в экономической и социально-политической жизни города Харькова и края в целом. Актуализирует тему то, что современные исследователи недостаточно уделяют внимания рассмотрению социально-экономической деятельности населения сквозь призму этнической и конфессиональной принадлежности.

Поднимается вопрос о формировании купеческого сословия в среде старообрядческих общин. Доказывается, что в XIX в. на территории Слобожанщины проживало значительное количество купцов-старообрядцев, демонстрируется их деятельность и значительное влияние на экономическую и культурную жизнь всего общества. Также исследуется роль купцов данной группы в политической жизни города и их влияние на хозяйственные и управленческие структуры губернского центра. Изучаются стратегии экономических взаимоотношений внутри общины и с представителями других этносов.

В работе исследуется особенная торговая этика, которая сформировалась у представителей данной конфессии. Старообрядцы отличались от других этносов не только особой религией, но и трудолюбием, экономической активностью, в основе которых лежало особое отношение к труду в религиозной догматике.

**ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна ,
КОЛОМИЕЦ Оксана Петровна**

*Лаборатория комплексного изучения Чукотки
Северо-Восточного Комплексного научно-исследовательского
института ДВО РАН, г. Анадырь*

К ВОПРОСУ О ГРАММОФОНЕ У ЧУКЧЕЙ: «ПОЛЕЗНЫЕ» И «БЕСПОЛЕЗНЫЕ» ТОВАРЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ АМЕРИКАНЦАМИ В ПРОЦЕССЕ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С КОРЕННЫМИ ЖИТЕЛЯМИ ЧУКОТКИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В докладе рассматриваются аспекты торговых взаимоотношений коренных жителей Чукотки с социально-профессиональными группами американцев в начале XX века и дается характеристика отдельных предметов менового торга. На примере изучения проникновения в быт чукчей такого предмета торга, как фонограф/граммофон, впервые завезенного американцами для обмена на пушнину и мамонтовую кость, делается попытка проследить взаимодействие

народов с различными экономическими укладами: традиционным и капиталистическим.

Во второй половине XIX – начале XX века в жизни коренных народов Чукотки торговля стала играть важную роль и органично включилась в различные аспекты их традиционной культуры и быта. Как поставщики пушнины, моржового клыка и других предметов чукчи и эскимосы представляли интерес у американских бизнесменов и в конце XIX – начале XX века были их постоянными торговыми партнерами. В обмен на меха и другие предметы традицион-

ной культуры аборигены Чукотки получали товары, которые не могли производить сами.

В докладе дается характеристика отдельных товаров, получаемых аборигенами Чукотки в результате менового торга с американцами, с позиции их утилитарных функций, роли в экономической жизни и влияния на культуру и жизнь народов крайнего Северо-Востока. Параллельно затрагивается вопрос о приспособлении «предметов цивилизации» к традиционному быту и сложности процесса включения этих предметов в традиционную культуру.

Секция 5. МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И БИОТИКА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ, СПЕЦИФИКА, ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Руководители: д.и.н., доц. Харитонов Валентина Ивановна (Москва);
к.м.н., доц. Молчанова Елена Сергеевна (Бишкек)

МАНДЕЛЬШТАМ БАЛЗЕР Маржори

Джорджтаунский университет, г. Вашингтон (США)

НУЖНЫ ЛИ ШАМАНЫ СЕГОДНЯ?

Фигура традиционного шамана как конкурирующего лидера и как целителя всегда была противоречивой. Ярлык «черные» и «белые» шаманы очень долго наполнялся смыслом теми, кто его давал.

Приходится ли пик популярности шаманского целительства на конец 1990-х годов?

Нам необходимо выйти за рамки избитых аналитических привычек, предпочитающих европейские определения местному здравомыслию.

БУЛГАКОВА Татьяна Диомидовна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

ШАМАНСКОЕ ЦЕЛИТЕЛЬСТВО С ПОЗИЦИЙ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Трансперсональная парадигма дает принципиально новое понимание шаманского целительства, рассматривая его в контексте традиционной магикомистической практики как явление целостного психологического опыта. Трансперсональный подход претендует на то, чтобы взглянуть на шаманскую болезнь, а также на любую другую болезнь как на ситуации контакта человека с недоступными в обыденной жизни (перинатальными и трансперсональными) слоями психики. Данный подход контрастирует с пониманием сущности болезни, как шаманской, так и любой другой, если рассматривать их в эмной перспективе. С точки зрения хранителей шаманской традиции как причины болезней, так и исцеление их, связаны, напротив, не с контактом человека со скрытыми слоями его собственной психики, но с некими внешними для него сущностями (энергиями), которые хоть и влияют на его психику, но существуют независимо от нее. Исследование шаманского целительства с позиций трансперсональной антропологии и описание феноменологии болезни и процесса ее исцеления в терминах трансперсональной парадигмы должно, с нашей точки зрения, не противоречить эмному ее пониманию, но органично его интерпретировать.

ВОЛДИНА Татьяна Владимировна

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

МЕДВЕЖЬИ ИГРИЩА ОБСКИХ УГРОВ КАК ФОРМА РИТУАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Важнейшим религиозно-мифологическим праздником обско-угорских народов являются медвежьи

игрища – обрядовый комплекс с ритуальной и развлекательной составляющими. Он представляет собой богатую жанрово-стилевую систему, включающую в себя песни сакрального и лирического плана, сказания, «танцы предков», драматические представления, а также гадания, жертвоприношения и т. д.

Как любой коллективный ритуал, медвежьи игрища несомненно носили психотерапевтический характер. Отмечается положительное влияние данного ритуала на психоэмоциональное состояние общества, снятие напряжения, стресса. Это объяснялось преодолением дефицита общения, внесением разнообразия в трудную повседневную жизнь.

В свете современных исследований медвежьи игрища являются ярким примером экстатического ритуала, направленного на психологическую защиту общества. При его проведении участники церемонии испытывают измененные состояния сознания, которых достигают, благодаря ритмическим звукам, телодвижениям, пению. Обряд наполнен глубоким мистическим смыслом. В процессе его происходило комплексное воздействие на человеческую психику. Сакральная часть праздника способствует переживанию ритуального транса, а также комплекса явлений, названных американским психологом А. Маслоу «высшими переживаниями». Особенностью этого процесса является воздействие на людей образов, связанных с мифологической картиной мира, культом медведя.

На медвежьих игрищах ярко представлен один из психотерапевтических приемов – сценическое искусство, где люди могли испытать чувство перевоплощения, сопереживать в процессе восприятия.

ГОЛОВИЗНИН Марк Васильевич, БУЛДАКОВА Юлия Рафаэлевна, ЛАХОНИНА Наталья Сергеевна

Московский государственный медико-стоматологический университет, г. Москва

ВАРЛАМОВА Татьяна, АЛТАНЦЭЦЭГ Алтангерел

Traditional medical science, technology, and production corporation of Mongolia, г. Улан-Батор (Монголия)

ТИМОФЕЕВ Виталий Тимофеевич

Российский государственный медицинский университет им. Н. И. Пирогова, г. Москва

СОВРЕМЕННАЯ ИММУНОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ СИНТЕЗА «ЗАПАДНОГО» И «ВОСТОЧНОГО» ПОДХОДОВ К БОЛЕЗНИ И ЗДОРОВЬЮ

Развитие европейской медицины в XX веке связано с преодолением Ньютоно-картезианской парадиг-

мы, обусловившей «анатомо-физиологический» подход в медицине Нового времени, исходя из которого «болезнь» достаточно жестко увязывалась с нарушением строения и функции отдельных систем. Бурное развитие наук о регуляторных процессах в конце XX века, прогресс в эндокринологии, иммунологии, биоритмологии пробудили интерес к философии и практическим элементам дальневосточной (индийской, тибетской, монгольской) медицины. В ней подход к норме и патологии традиционно связан с изучением организма как «целостности», понятие болезни трактуется как нарушение равновесия между его элементами, а лечение представляется как восстановление баланса.

В настоящее время попытки синтеза «западного» и «восточного» регуляторных подходов, а именно, поиск параллелей между традиционными системами регуляции тибето-монгольской медицины «Lung», «mKhris» и «Bad Kan» («ветер», «желчь» и «слизь») и нейроэндокринной регуляцией предпринимаются в частности в Монголии. Нервная регуляция организма представляется близкой к системе «ветра», а эндокринная – к системе «желчи». Современная иммунология также может быть «мостом» между «западным» и «восточным» подходами в медицине. С одной стороны, объектом ее изучения являются конкретные органы иммунитета, клетки и продукты их синтеза. С другой стороны, принцип баланса показателей у конкретного индивида как основа нормы и принцип дисбаланса как основа иммунопатологии близок к «восточному» подходу к болезни. Гипотетически эффекты «Lung» («ветра») могут быть сопоставимы с эффектами хемокинов, «mKhris» («желчи») – с эффектами «хелперных», а «Bad Kan» («слизи») – «супрессорных» цитокинов. Перспективной моделью проверки такого параллелизма могут стать системные заболевания соединительной ткани.

ДИАНОВА Татьяна Борисовна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

ТЕКСТЫ «РЫНКА МАГИЧЕСКИХ УСЛУГ» СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ЖАНРЫ, ПЕРСОНАЖИ И СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ, СВЯЗЬ С ТРАДИЦИЕЙ И НОВАЦИИ

В современных мегаполисах и малых городах альтернативу официальной медицине составляет традиция обращения к целителям и магическим специалистам для излечения, решения деловых и семейных проблем и проч. Это развитый рынок магических услуг со своеобразной системой коммуникации между потребителями и продавцами, поддерживаемой СМИ и иными формами массовой культуры, стал яркой приметой нынешнего времени.

В рамках этой коммуникации функционируют тексты авторских заклинаний как объект купли-продажи, а также рекламных объявлений и интервью, жанра «реальных историй», призванных убедить потенциальных покупателей в действенности лечения,

возникают тематические дискуссии на форумах сайтов, создаваемых «продавцами» услуг. Эти тексты являются ценным источником для этнолога: в них моделируются социальные роли участников рынка, спектр их потребностей и возможностей, предоставляются различные формы выбора культурной альтернативы существующей национальной традиции целительства. Типология этих текстов и создаваемых в них культурных моделей представлена в соотношении с народной традицией.

ЕРМАКОВА Елена Евгеньевна

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

О РОЛИ ПОЧИТАЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИСЦЕЛЕНИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ: САМОВНУШЕНИЕ, ОЗДОРОВЛЕНИЕ, ВРЕД?

В последнее время все большую роль в рамках той или иной религиозной группы играет «внутриконфессиональное исцеление». Значимо оно и в среде православных, которые, наряду с услугами больниц и поликлиник, прибегают к исцелению другими средствами, способами, в иных инстанциях. Наши полевые материалы (территория Зауралья) говорят о том, что православные традиционно обращаются к почитаемым источникам. Среди таких источников есть как существующие достаточно давно, так и функционирующие совсем недавно. Их «открытие» продиктовано именно обращением верующих к воде ради исцеления. Соответственно, идет и процесс мифологизации, «удревнения истории» этих источников. Вера в исцеление «святой водой» может быть настолько полной, что верующие пренебрегают теми обстоятельствами, из-за которых эта вода может считаться непригодной для использования.

ЗРИЛИНА Ольга Сергеевна

*Всероссийский государственный институт кинематографии,
г. Москва*

АРТТЕРАПИЯ С ПОЗИЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ В ДЕТСКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ СТУДИЯХ)

Доклад посвящён рассмотрению одного из направлений современной психологической деятельности – арттерапии, концентрирующейся на воздействии на психику и психосоматику человека таких видов искусства как живопись, музыка, танец, актёрская игра.

Особое внимание будет уделено влиянию актёрского мастерства на формирование детской психики на примере работы детских театральных студий. В докладе анализируются возможности воздействия основных приёмов и методов педагогов различных студий на формирование личности ребёнка.

Опираясь на широкий круг собственного наблюдения процесса, а также на литературу, посвящённую данному вопросу, автор делает выводы о поло-

жительном влиянии на ребёнка занятий актёрским мастерством. Эти занятия способствуют формированию целостного мировосприятия, что, в свою очередь, способствует более полному личностному самоопределению и активной социализации конкретного человека.

ЗУБАИРОВА-ВАЛЕЕВА Айгуль Сабировна

Башкирский государственный медицинский университет,
г. Уфа

РЕЛИГИОЗНОЕ ВРАЧЕВАНИЕ В БУДДИЗМЕ

В соответствии с буддийскими представлениями, страдание (*дукха*), включая болезни – неизменный атрибут сансарического бытия. Причина сансарического существования – следствие омраченности сознания, загрязненности его аффектами (*клеша*), привязанностями из-за непонимания истинной природы всего сущего и природы собственного «Я». Главным способом освобождения из сансары считается следование Благородному Восьмеричному Пути (Пути Дхармы – учения Будды).

Среди частных способов врачевания – ритуалы, в которых после предварительного развития в себе *бодхиचितты* практикующий отождествляет себя с Буддой Медицины или другими божествами буддийского пантеона, олицетворяющими целительный аспект высшей реальности. Затем осуществляется визуализация очищающих лучей света, исходящих из межбровной, горловой и сердечной чакр божества, входящих в аналогичные центры и исцеляющих три главных составляющих (тело, речь и ум) природы Будды в человеке. В таких ритуалах может производиться духовное лекарство (тиб. *чос-ман*) – «лекарство осуществления» – нектар (*ду-ци*) или мандруб, считающееся формой благословения. Буддисты верят, что для излечения от болезней очень полезно чтение мантры Будды Медицины. Представляет несомненный интерес буддийский обряд «выкупа жизни» (тиб. *glud*, в Калмыкии он называется «амин долги»): жизнь человека, которому угрожает смерть, «выкупается» посредством спасения жизни другого живого существа. Считается, что при этом он обретает дополнительную духовную заслугу (положительный кармический отпечаток), которая, в свою очередь, спасает самого человека. Одним из важнейших методов врачевания в буддизме Махаяны считается практика «принятия-даяния» (тиб. *Тонг-лен*).

КАСМЕЛ Тийу Яановна, КАСМЕЛ Яан Янович
Тартуский университет, г. Тарту (Эстония)

«ОЦЕНОЧНЫЕ ТАБЛИЦЫ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНИКОВ» ПРОФ. Ю. АУЛЯ И ИХ РОЛЬ В МЕДИЦИНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЭСТОНИИ

В середине прошлого века возникло отставание в изучении и оценке физического развития эстонских школьников: отсутствовали необходимые оценочные

таблицы измерений тела. Тогда пользовались стандартными таблицами физического развития немецких и русских школьников, не соответствующих антропологическим признакам эстонцев.

Кафедрой зоологии ТГУ под руководством проф. Ю. Ауля (1956–1967 гг.) проводилось исследование физического развития 7–18-летних эстонских школьников. В общей сложности были обмерены 14862 школьника-мальчика и 15195 школьниц-девочек. Данные обрабатывались студентами, участниками экспедиций, и использовались для курсовых и дипломных работ (1958–1972 гг.). В приложениях давались оценочные таблицы, что позволило объективно оценить физическое развитие школьников-эстонцев в 10 районах и трех городах.

В 1974 г. Ю. Аулем были опубликованы «Оценочные таблицы физического развития эстонских школьников», которые являются результатом почти 12-летнего исследовательского труда, сбора данных по измерению 30000 эстонских школьников и обобщения их по восьми признакам (рост стоя, масса тела, рост сидя, окружность груди, ширина плеч, ширина бедер, длина верхних конечностей, жизненная емкость легких) по пяти классам для всей Эстонии.

С этого времени у врачей появилась возможность, используя местные оценочные таблицы, правильно оценивать физическое развитие эстонских школьников (его отставание или опережение) и устанавливать нарушения или болезни. Труд проф. Ю. Ауля можно считать одной из составляющих основу медицинской антропологии Эстонии.

**КОЛМАКОВ Сергей Викентьевич,
КУРИС Ирина Викторовна**

Международный Университет фундаментального обучения,
г. Санкт-Петербург

ДУЛЬНЕВ Геннадий Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет
информационных технологий, механики и оптики,
г. Санкт-Петербург

ПРОФИЛЬ СОСТОЯНИЙ НАСТРОЕНИЯ (POMS) СРЕДИ ФИНСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ»

Анализ более чем 500 анкет-опросников «Профиля состояний настроения (ПСН = POMS)» на основе графической интерпретации позволил выявить типичные паттерны профилей и соотношений факторов ПСН (индекс ПЭн). Предложенный метод даёт возможность оценить качественные и количественные характеристики актуальных профилей ПНС.

Актуальные профили ПНС и индексы ПЭн исследовались в различных группах ($n = 288,12$ групп) взрослого контингента (средний возраст 48 лет). По усреднённым значениям представители «альтернативной медицины» находятся по показателям ближе к значениям «гармонического состояния ПСН», чем контрольные группы.

КОМИССАРОВА Елена Николаевна

Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия, г. Санкт-Петербург

ОВСЯННИКОВ Александр Александрович

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, г. Санкт-Петербург

**ДАННЫЕ МЕДИЦИНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
В ПРОГНОЗЕ СПОРТИВНОЙ ПРИГОДНОСТИ
МАЛЬЧИКОВ 10–13 ЛЕТ**

В настоящее время не вызывает сомнения, что конституция человека и ее морфологическое выражение – соматотип служит определяющим фактором многих физических и психических проявлений жизнедеятельности человека. Целью исследования явилось определение взаимосвязи между морфофункциональным профилем и двигательным развитием юных гандболистов. Лонгитудинально обследованы мальчики 10–13 лет, занимающиеся гандболом 4 года. Методы исследования: метрическое и компьютерное соматотипирование (Дорохов 1991); пальцевая дерматоглифика (DL₁₀); педагогическое тестирование. Результаты исследования обрабатывались с применением пакета прикладных программ STATGRAPHICS plus for Windows. Процедура факторного анализа в 10–11 лет определила взаимосвязь между морфофункциональными особенностями юных гандболистов, качествами быстроты и ловкости. В 12 лет первый фактор (59,4%) объединил факторные нагрузки длины тела с показателями прыжковых нормативов, а потом и с результатами метания гандбольного мяча. Обследованные юные гандболисты имели разброс дельтового индекса 10–15, что свидетельствует о преобладании пальцевых узоров – петля (L) и завиток (W) или сочетания этих узоров на 10 пальцах (LW) и (WL). В 13 лет установлена сопряженность между морфофункциональными показателями, DL₁₀ и степенью развития качеств быстроты и ловкости. Мальчикам макросоматического типа, как будущим игрокам задней линии, на тренировочных занятиях необходимо предлагать на начальном этапе обучения больше упражнений на развитие ловкости, а впоследствии – ловкости и силы; гандболистам микросоматического типа уделить на тренировках больше внимания развитию качества быстроты.

КУРЛЕНКОВА Александра Сергеевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ
БИОЭТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В РОССИИ
И ЗА РУБЕЖОМ**

Исследовательское поле биоэтики широко, что позволяет работать в ней специалистам из разных научных дисциплин (медикам, философам, антропологам, социологам, юристам и др.) и делает эту область актуальной для всех сфер науки и медицины. В докладе представлен обзор основных принципов и неко-

торых ключевых проблем западной биоэтики – этики в биомедицине и научных исследованиях. К ним, в частности, относятся:

- Проблема смерти и умирания (принятие решений о воздержании от/выключении аппарата искусственной вентиляции легких, реанимации, нутритивной поддержки, проблема тщетности в медицине, хосписы)

- Этика в педиатрии и неонатологии (получение информированного согласия детей, жизнеспособность и качество жизни недоношенных детей и детей-инвалидов и пр.)

- Репродуктивная этика (репродуктивное здоровье, контрацепция, аборт, репродуктивные технологии)

- Этика в психиатрии (получение информированного согласия и принудительная госпитализация людей с психиатрическим диагнозом, обращение с пациентами в «пограничных» состояниях, вызванных анестезией или соматическими заболеваниями, пациентами, отказывающихся от медпомощи и пр.)

- Этика научных исследований (регулирование исследований, этические комитеты, проведение исследований на уязвимых группах населения, в других странах и пр.)

Планируется также рассказать о существующих достижениях и возможностях развития биоэтической работы в России, о дальнейших перспективах развития этического подхода в российской биомедицине и других науках.

КЫЙВА Маре Олеовна,

КУПЕРЬЯНОВ Андрус Антсович

Эстонский литературный музей, г. Тарту (Эстония)

МЕДИУМ КАК РЕЗЕРВУАР СИМВОЛИЗМА*

Интердисциплинарные конференции «Medica», посвященные медицинской антропологии и фольклористике, проводятся в Тарту с 2004 г. Их организаторы призывают представителей различных отраслей науки заниматься исследованием народной медицины, этноботаники, деятельности медицинских сообществ и многих других феноменов вместе с их философией и существующими проблемами. Одно из направлений работы – анализ феномена медиумов и народных целителей в различных теоретико-прикладных рамках, таких как повествования, отношения между пациентами и медиумами, ценностные установки, этническая психиатрия, сочетание разных медицинских приемов и др.

В докладе на примере двух эстонских целителей анализируется современный целитель как личность, объединяющая старые и новые символы и представляющая собой, условно говоря, резервуар символизма.

В качестве источников сравнения для интервью с двумя целителями использовались архивные материалы. Более подробно рассмотрены следующие те-

* Исследование поддержано проектами SF0030181s08 и ESF 8137.

мы: а) каковы основные приемы лечения, как они обновляют традицию; б) участие в дискурсах создания медицинской литературы, а также эпосов и другой литературы; в) воспроизведение и использование ритуалов в лечебной практике.

Оба целителя компилируют различные религиозные направления. Они учились у других народных целителей, контактировали с русскими и другими целителями, представителями шаманизма и неошаманизма, восточной медицины, популярной восточной и природной философии; они связаны с эстонским новоязыческим движением. Это краткий перечень того, что сформировало мировоззрение, символику и лечебную практику обоих. В то же время оба целителя с уважением относятся к фольклорному архиву и используют результаты исследований фольклористов в своей практике. СМИ, рукописи и лечебная практика вводят символы целителей в общий культурный контекст.

ЛАПИНА Маина Афанасьевна

Обско-угорский Институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

МУЗЫКА В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ХАНТОВ (ЛЕЧЕБНЫЙ АСПЕКТ)

Традиционная музыкальная культура является неотъемлемой частью жизни хантыйского общества. Она состоит из таких важных составляющих элементов как вокал, танец, инструментальная музыка. Музыка выполняла очень важные общественные функции – магические, охранительные, символические.

Музыкальная культура нашла отражение и в их фольклорной традиции. В древних сказаниях, сказках часто упоминаются различные музыкальные инструменты: *нарс-юх*, (обско-угорская цитра), *тумран* (женский музыкальный инструмент) и др.

В ритуальной практике хантов достаточно широко использовалось звуковое интонирование и инструментальная музыка.

Звуковые знаки, своего рода звукоподражания, обычно очерчивали особое ритуальное пространство шаманов или подчеркивали особое «голосовое поведение» сказителей.

Все группы хантов во время лечебных обрядов в «Темном доме» активно использовали весь набор звуковой интонации: шелканье языком, хрипение, свист, крик, шепот, звукоизвлечение не только на выдохе, но и на вдохе. Звуковое поведение с использованием акустического интонирования во время исполнения обрядовых действий было направлено, прежде всего, на больного человека и слушателей.

Об использовании музыкального инструмента *панах-юх* (цитра) у ваховских хантов во время шаманского обряда М. Б. Шатилов сообщает, что там, где сидел шаман, слышались мягкие звуки *панах-юх*. Затем звуки начали перемещаться, они слышались в разных местах юрты: на полу, под самой крышей, звуки то удалялись, то исчезали и снова появлялись, получалась полная иллюзия звучащего пространства.

ЛАРИОНОВА Юлия Александровна

Независимый исследователь, г. Москва

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАРОДНОМ ЦЕЛИТЕЛЬСТВЕ

В течение двух последних десятилетий XX и первого десятилетия XXI вв. сложились формы оздоровительных практик, названные *народное целительство* (НЦ). Его последователи используют приемы народной медицины и/или традиционных медицинских систем, инновационные высокотехнологичные средства оздоровления (в том числе компьютерные разработки), психологические методы и практики различных религиозных и духовных систем. Во многих случаях мировоззрение народных целителей формируется на основе разнообразных методик и подходов, они создают авторскую концепцию оздоровления.

Во главе НЦ изначально стояли профессиональные медики, заложившие правовые и медицинские стандарты деятельности народного целителя («нц»). Ключевой организацией был Всероссийский научно-исследовательский центр традиционной народной медицины «ЭНИОМ» (основан Я. Г. Гальпериным в 1987 году). ВНИЦТНМ «ЭНИОМ», проводя активную учебную и научную деятельность, обосновал необходимость профессионализации работы «нц» и критерии оценки результатов оздоровительной деятельности, инициировал создание Ассоциации народных целителей как профессионального сообщества.

Из-за отсутствия однозначной юридической базы НЦ законодательные и административные органы в ряде больших городов разрешают возникающие ситуации, руководствуясь исключительно собственными представлениями о критериях допуска и правовом статусе «нц». Этические проблемы деятельности также стоят чрезвычайно остро: исторически в народной медицине было принято оказывать помощь безвозмездно или за добровольную плату. Данное правило не является повсеместным, особенно в настоящее время, когда в этой сфере идет процесс финансовой структуризации и профессионализации. Легализации деятельности и определения правового статуса народного целителя активно добиваются профессиональные организации (Ассоциации народных целителей России).

ЛИХОМАНОВ Александр Евгеньевич

Независимый исследователь, г. Волгоград

НА ПУТИ ИСЦЕЛЕНИЯ: НЕОРЕЛИГИОЗНЫЕ ГОРОДСКИЕ ПРАКТИКИ

В настоящее время в Волгоградском регионе активно происходят неорелигиозные перемены. Как правило, это связано с продолжением распространения идей различных учений ориенталистского толка (типа Нью-Эйдж), наряду с воззрениями, традиционными для России. Основные положения таких учений трансформируются и находят выход в современных неорелигиозных движениях и течениях. Помимо этого активно формируются на основе традиционных

языческих культов неоязычество и так называемое «Родноверие».

Идея излечения и духовного поиска приводит многих современных образованных людей в группы, которые пропагандируют религиозные и мистические убеждения и взгляды. Разумеется, что такого рода учения появились не сегодня, часть из них «вышла» из восточных эзотерических практик, часть сложились как самобытные. Сегодня же речь идет об их массовой интеграции в сферу общественной жизни населения нашей страны.

В предлагаемом докладе автор исследует некоторые аспекты сложившейся ситуации и анализирует трансформации идей оздоровления в свете неорелигиозных обновлений, которые происходят в России и конкретно в Волгоградском регионе. Исследование опирается на изучение современной ситуации и новейшие полевые материалы. В докладе будет раскрыта суть духовных исканий лиц, оказавшихся в различных группах, занимающихся восстановлением здоровья на базе религиозно-мистических практик, охарактеризованы особенности мировоззрения и деятельности таких людей, рассмотрены их личностные трансформации.

МОЛЧАНОВА Елена Сергеевна

Американский Университет в Центральной Азии, г. Бишкек (Киргизия)

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ НА ЮГЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: БИОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В докладе речь пойдет об основных проблемах, с которыми сталкиваются представители различных национальностей, проживающих на юге Кыргызской Республики, и способах их решения. На примере конкретных случаев будут продемонстрированы типичные конфликты, возникающие между общечеловеческими ценностями, моралью и необходимостью выживания в кризисных условиях. Автором предложена рабочая классификация конфликтов и проанализированы способы их решения в зависимости от ценностных ориентаций и личностных особенностей индивидуума. На обширном исследовательском материале (2500 респондентов, рандомизированная выборка) доказано семантическое сходство образов «своего» и «чужого» у конфликтующих групп и у представителей нейтральных международных организаций, описаны универсальные поведенческие реакции на нарушение личностных и телесных границ.

НЕЖМЕТДИНОВА Фарида Тансыковна

Казанский государственный аграрный университет, г. Казань

БИОЭТИКА: СИНТЕЗ «ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ПЕРЕЖИВАНИЯ» И «ВНУТРЕННЕЙ ОПТИКИ» СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Сегодня можно констатировать, что наша цивилизация столкнулась с целым комплексом глобаль-

ных проблем: проблема сохранения мира на Земле, экологии, продовольственная проблема, народонаселения, преодоления бедности большей части человечества, проблемы здоровья и качества жизни. Наибольшую популярность в их решении завоевывают технологические подходы: био-нано-инфо-когно. Противостоять или уравновесить высокие технологии должна или может высокая гуманность, к которой относятся чувства сострадания, признание прав другого человека, умение не жалеть сил в отстаивании справедливости, умение понять первобытную силу жизни и смерти. Место биоэтики в этом контексте отнюдь не последнее. Биоэтика представляет собой новый тип научного знания, это «внутренняя оптика» современных технологий, которая опирается на процедуры и методы «опережающего переживания». Рассматривая место и роль биоэтики в условиях глобальных изменений, очевидным становится и ее социально-регулятивный статус, призванный предотвратить их негативные последствия, не допустить того, что может оказаться необратимым результатом той техновласти, которую сегодня получило человечество через современные технологии.

Важно отметить, что появление биоэтики имеет полифакторный характер, а это не просто совокупность причин. Это – система взаимосвязанных факторов, породивших синергетический эффект в виде **биоэтики, которая представляет собой оценку и выбор критерия нравственного отношения к живому.**

ОЖИГАНОВА Анна Александровна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

РЕЛИГИЯ И ЗДОРОВЬЕ: СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ

Одна из задач биоэтики заключается в выявлении различных позиций по сложнейшим моральным проблемам, связанным с современной медицинской практикой, и в поиске морально обоснованных и социально приемлемых решений.

Значительная часть таких вопросов обусловлена конфликтом между позитивистскими подходами современной биомедицины и культурно обусловленными ценностями пациентов, связанными с их этнической и религиозной принадлежностью.

Крупное международное новое религиозное движение – Свидетели Иеговы – насчитывает более 7 млн. человек. Одно из важнейших положений движения состоит в запрете на употребление крови, в том числе и на переливание крови в медицинских целях, что создает для врачей неразрешимую юридическую и моральную коллизию, которая становится особенно острой, когда дело касается детей.

Необходимо рассмотреть позиции конфликтующих сторон. С медицинской точки зрения религиозные убеждения Свидетелей Иеговы представляют опасность для здоровья. С другой стороны, иеговисты, отстаивая свои ценности, способствуют разви-

тию и популяризации прогрессивных медицинских технологий, прежде всего в области бескровной хирургии.

Важно отметить, что за последние годы эта проблема приобрела довольно острый характер: в России прошел ряд судебных процессов над иеговистами (с разными юридическими, медицинскими и моральными последствиями).

Могут ли медицинские антропологи, обладающие знанием и об идеологических установках биомедицины, и об альтернативных медицинских практиках, и о тонкостях вероучения Свидетелей Иеговы в этой ситуации сыграть роль экспертов?

ПАВЛОВА Людмила Анатольевна

Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, г. Москва

МОНГУШ Долаана Менжитовна

Министерство здравоохранения Республика Тыва, г. Кызыл

ЭТНОМЕДИЦИНА ТУВЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Этномедицина Тувы соединяет шаманизм, тибетскую медицину, русскую народную медицину, медицину старообрядцев, народную медицину тувинцев. Все они активно используются населением.

В Туве широко практикуются:

- методы лечения, накопленные эмпирическим путем;
- тибетская медицина, реализуемая в *хурээ* (храмах);
- лечение с использованием культово-обрядовой практики, основанной на вере в существование духов и другие мистические силы;
- смешанная форма *народного целительства*, сочетающая народные методы и магические обряды и ритуалы.

Функции врачевания в равной мере принадлежат шаманам, ламам, знахарям, целителям. Нет строгой дифференциации между ними: если не может помочь шаман, он отправляет клиента к ламе или к знахарке, и наоборот.

В лечебных целях используются многочисленные и разнообразные лекарственные средства, особенно продукты животного происхождения: мясо, жир, внутренние органы животных, кровь. Употребляются различные минералы, мумиё, каменное масло. Допускается совмещение продуктов животного и растительного происхождения с целью получения многокомпонентных вытяжек. Основными лекарственными формами являются: отвары, настои, настойки, густые и сгущенные экстракты. Особое место занимают чаи на основе смородины, малины, кипрея, березы и пр. Они широко применяются в повседневной практике жителей Тувы, особенно в сельскохозяйственных районах.

Лекарства тибетской медицины поступают из Тибета, Бурятии. Практика замены на местные растения, существующая в Бурятии, утеряна в связи с репрессиями лам в XX веке.

ПАВЛОВА Людмила Анатольевна

Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, г. Москва

ТОПОЕВ Валерий Степанович

Абаканский филиал Современной гуманитарной академии, г. Абакан

РОЛЬ ШАМАНА В СИСТЕМЕ ОЗДОРОВЛЕНИЯ У НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Шаманские практики по сей день являются составной частью народной медицины Хакасии и Тувы. Материалы экспедиций, посвященных изучению народной медицины, в труднодоступных регионах Южной Сибири, проведенных в 2009–2010 гг., позволяют утверждать, что шаман в настоящее время выступает как лекарь, диагностирующий заболевание и использующий материальные источники исцеления (растительное, животное, минеральное сырье), и как психотерапевт, применяющий различные психотерапевтические практики, гипносуггестию, ритмотерапию и др.

Диагностика заболевания реализуется: через собственное тело шамана, путем идентификации с заболевшим органом (шаман как бы вживается в тело пациента); с помощью «образной диагностики» (выявление патологии органов пациента, «сканирование» его тела); через слуховые галлюцинации (постановка диагноза извне, путем передачи готовой информации «советчиком», «духами»); с помощью «путешествия» по органам пациента в виде некоего мелкого элемента, а иногда наблюдается сочетание различных приемов. Далее определяется причина заболевания, которая имеет различный характер: влияние людей; влияние шаманов; нежелательные действия самого человека, направленные на нарушение гармонии с природой, духами и т. д.

Лечение осуществляется с помощью воздействия звука бубна, окуливания пряно-ароматическими и/или слабонаркотическими ритуальными растениями (можжевельники различных видов, чабрец, полынь) с целью расслабления пациента, дезинфекции жилища и проведения определенных лечебных манипуляций путем образования биологически активных аэрозолей. Применение лекарственных средств отмечали 2/3 опрошенных шаманов.

ПАНАСЮК Татьяна Владимировна

Российский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Москва

КОМИССАРОВА Елена Николаевна

Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия, г. Санкт-Петербург

СОМАТОТИП И ОСОБЕННОСТИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ С ПОЗИЦИЙ МЕДИЦИНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Этнические различия в движении, обусловленные воспитанием и культурой широко известны. Так, в

XVIII веке на Востоке европейский шпион был разочарован, когда стал отбивать ногой музыкальный ритм; у русских утвердился жест – кивок, а у болгар – покачивание головы из стороны в сторону... А есть ли различия в движении, обусловленные биологическим разнообразием человечества? Можно предположить, что на характер движения способен повлиять соматотип, который регулирует процессы роста и развития (Никитюк 2000). Было установлено, что на первом году жизни моторное развитие детей разных соматотипов различается по срокам (Комиссарова, Панасюк 2009). Аналогичный вывод сделан при наблюдении за школьниками с 1 по 10-й класс. Кроме того, дети астеноидного и торакального типов схемы Штефко более предрасположены к выполнению аэробных нагрузок, а мышечного и дигестивного – к скоростно-силовым нагрузкам (Изаак, Панасюк, Тамбовцева 2005). Биомеханический анализ пяти базовых шагов классической аэробики у младших школьников и женщин 1-го зрелого возраста показал, что техника выполнения зависит от соматотипа: представители макросоматического типа схемы Дорохова отличаются замедленными темпами освоения и выполнения движений, микросоматического типа – промежуточными, а мезосоматического – наилучшими (Беляев, Комиссарова, Панасюк 2007; Комиссарова, Политыко, Шолохова 2008). Ведущие двигательные качества у представителей макросоматического типа – сила, микросоматического – гибкость, мезосоматического – координация движений (Комиссарова, Политыко 2009). Таким образом, соматотип человека можно считать маркером предрасположенности к виду двигательной деятельности.

ПЕТРОВА Ирина Анатольевна

Научно-исследовательский институт общественного здоровья РАМН, г. Москва

ЦЕННОСТИ И ЦЕЛИ В ДИАЛОГЕ «ВРАЧ-ПАЦИЕНТ»

Нравственные ценности, изначально со-природные медицине, на этапе перехода от индивидуально-го целительства к корпоративной деятельности потребовали формирования принципов профессиональной этики взаимоотношений врача и пациента. При переходе к организуемым и контролируемым государством службам здравоохранения они предполагают наличие ясной и четкой этической регламентации прав, обязанностей и ответственности всех сторон, участвующих в организации, предоставлении и получении медицинской помощи.

Однако, в то время как медицинская этика, деонтология и биоэтика – дополняя, отчасти повторяясь, иногда противореча друг другу – составили основной свод профессиональных этических норм и правил, отраслевая этика здравоохранения лишь сейчас начала осознаваться теоретиками и практиками здравоохранения как реальный социальный (этика социальной справедливости) и отраслевой (ценностно-нормативная составляющая идеологии и политики

здравоохранения) заказ; при этом расширение пространства действия этических норм рассматривается истинным достижением демократии.

Всякий правовой конфликт содержит в себе нарушение, как правило, целого ряда этических норм. Однако именно этические нормы и правила поведения, будучи восприняты неформально, становятся частью внутреннего мира человека, определяют его самоидентификацию и не могут быть нарушены без ясно осознаваемого человеком собственного саморазрушения. Это особенно характерно и должно быть рассмотрено (и со стороны врача, и со стороны пациента) применительно к медицине, изначально направляемой морально-этическими правилами.

ПОПОВКИНА Галина Сергеевна,

ПОПОВКИН Андрей Владимирович

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ВРАЧЕВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Православное врачевание занимает особое место в традиции народной медицины восточных славян. До настоящего времени большинство исследователей рассматривали его лишь как компонент магической медицины. Однако сама православная традиция четко дифференцирует себя от магической народной медицины. В этом смысле сама логика предмета диктует нам необходимость рассмотреть православное врачевание как самостоятельный культурный феномен. Под православным врачеванием мы понимаем совокупность элементов православной культуры, нацеленных на сохранение физического и душевного здоровья человека: традиция медицинской помощи населению со стороны монастырей, чудесные исцеления и их осмысление в Церкви и народной культуре, противостояние Церкви и народной магической медицины восточных славян (знахарства).

До сих пор феномен православного целительства не был предметом специального этнологического изучения. Рассмотрение функции православия в таком важном элементе жизнеобеспечения этноса как народная медицина представляет особый исследовательский интерес.

Для проведения исследований по данной теме необходимо знакомство с православной мыслью, в том числе и святоотеческим наследием, житиями святых и т. п. Вместе с практическим полевым материалом, отражающим состояние знахарства и бытовой народной медицины, это позволит эксплицировать аспекты «народного православия», а также вычленил собственно православное целительство. Рассмотрение православного врачевания как самостоятельного феномена с привлечением методов религиоведения, культурной и философской антропологии, литературоведения позволит выявить его существенные черты.

ПРОПИСНОВА Елена Олеговна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

КЛИНИКИ ИНТЕГРАТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ: МОДЕЛЬ И ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Словосочетание «интегративная медицина» на рубеже веков все чаще употребляется в научном и научно-популярном лексиконе. Под интеграцией в данном случае понимается разрешенное использование в сфере биомедицины различных методов и систем диагностики и лечения, в том числе относящихся к традиционной медицине. Постоянно растущее число примеров сочетания этих систем на практике позволяет делать прогнозы о перспективах интеграции, сближении биомедицины и традиционных, народных методов в холистическом подходе к человеку.

Среди факторов, активизирующих процесс сближения, можно назвать пропаганду СМИ безмедикаментозного лечения и перманентное дорожание лекарств, разочарование населения в возможностях биомедицины и осознание важности использования дополнительных резервов альтернативных систем сохранения здоровья. Всё это способствует развитию различных оздоровительных направлений, извлечение максимальной пользы из которых возможно при сочетании их с самыми современными направлениями биомедицины.

Примером того, как это происходит на практике, может служить деятельность Института Традиционной Восточной Медицины, который функционирует в Москве с 1993 г. Здесь представлен интегративный подход в оздоровлении человека, начиная от диагностики/обследования до разнопрофильного лечения и восстановления клиентов/пациентов.

В докладе будет подробно проанализирован данный пример медицинской интеграции, включающий биомедицину, традиционные (восточные – тибетскую и китайскую) медицины, методы комплементарной медицины (гирудотерапия, ароматерапия и др.), элементы альтернативной медицины (народное целительство, шаманские практики оздоровления). Эта клиника представляет собой образец модели, которая становится всё более популярной в здравоохранении.

РИГОНЕН Владимир Иванович

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ПОКАЗАТЕЛИ ЧАСТНЫХ КОНСТИТУЦИЙ У ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛИИ

Современные достижения медицины позволяют предполагать наибольшую эффективность организации индивидуальной профилактики заболеваний на основе знания конституциональных особенностей населения. Представляет интерес изучение у юношей региональных особенностей частных конституций (соматотип, дерматоглифика). Обследованы 300 юношей Карелии; использованы методы: антропо-

метрии; метрическое и компьютерное соматотипирование по методике Р. Н. Дорохова (1991); пальцевая дерматоглифика; определение пропорций тела по ИГМР (Пушкарев С. А., 1983) и методы многомерной статистики с использованием пакета STATGRAPHICS plus for Windows. ИГМР свидетельствует о гетерохронном развитии юношей 16–17 лет: пикноидные пропорции (ПП) – 25%, астеноидные (АП) – 24%, а нормостеноидные (НП) – 51%. Во всех группах доминируют НП. ПП более часто встречаются у юношей МаС типа у 33,3%, а менее у МиС типа – 2,5%. АП встречаются у МаС типа у 27,8%, МеС – 22,1%, МиС типа – 23,3%. Пальцевые узоры являются составным элементом дерматоглифической конституции. Высокие показатели дельтового индекса (DL10) отмечены у юношей МиС типа ($11 \pm 0,9$), низкие значения DL10 у МаС $10,8 \pm 0,4$ и МеС типа $10,5 \pm 0,2$. Факторный анализ объединил значения DL10, показатели соматотипа и ИГМР. Полиномиальная регрессия установила не линейную зависимость между значениями соматотипа и DL10 у юношей. Уравнения регрессии имеют следующий вид для МаС типа: $DL10 = -89,017 + 344,05 \times ST - 288,712 \times ST^2$; для МеС типа: $DL10 = 7,18723 + 35,8222 \times ST - 50,4889 \times ST^2$; для МиС типа: $DL10 = 569,46 + 320,019 \times ST - 353,58 \times ST^2$.

ТЕРЕШИНА Дарья Витальевна

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

«ЖИВОЙ МЁД» И «СЫРАЯ ВОДА»: РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ПРАКТИКАХ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ (НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ «ТЕНТОРИУМ»)

В докладе речь пойдет об особенностях дискурса нетрадиционной / альтернативной медицины, локализованного в рамках одной из российских компаний («Тенториум»), занимающейся распространением оздоровительной продукции методами прямых продаж (товар движется от производителя к потребителю в обход традиционных торговых точек через социальные сети – друзей, родственников, знакомых).

Я остановлюсь подробнее на особенностях функционирования того корпуса знаний и идей, которые репрезентируют специфику понимания природы болезни и лечения, распространенных в сообществе дистрибьюторов (людей, занимающихся продвижением продукта и заинтересованных в расширении своих потребительских сетей).

Мой тезис заключается в том, что данные представления о болезни и лечении основаны на многослойных метафорах, позволяющих применять полученное знание к разным контекстам и ситуациям, далеко выходящим за рамки решения сугубо прикладных медицинских задач. В этом отношении модели лечения, транслируемые внутри компании, демонстрируют свое сходство с традиционной (здесь: «народной», неконвенциональной) медициной и обозначают разрыв с сугубо утилитарными техниками биомедицины.

В первой части доклада я рассмотрю, каким образом обнаруженные мной метафоры работают внутри терапевтического дискурса, в том числе какова роль метафор в доказательстве истинности терапевтических знаний и практик. Во второй части я проанализирую, каким образом терапевтическая метафорика распространяется на сферу социальной жизни и способствует поддержанию представлений об опасностях «загрязнения», который скрывает в себе окружающий социальный ландшафт.

ТОПОЕВ Валерий Степанович

*Абаканский филиал Современной гуманитарной академии,
г. Абакан*

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ СУИЦИДА СРЕДИ ХАКАСОВ

Шаманство является бесписьменной формой религиозных верований. В структуре религиозных представлений шаманистов нет концептуально разработанного выхода из бесконечного чередования рождения и смерти. В связи с этим нет религиозного объяснения смысла жизни. Это проявляется в отношении и к жизни, и к смерти среди хакасов. Смерть для хакаса – это всего лишь переход из одной формы существования в другую. По представлениям хакасов после смерти человек становится духом и для него начинается новая жизнь в других местах, в частности в горах, где он превращается в *таг кизи* – человека горы. Поэтому для хакаса особого смысла в реальной жизни не было, как не было и четкой жизненной цели.

Отношение к смерти является одним из факторов формирования суицидальных тенденций. Суицид уживался в системе шаманистского концептуального религиозного сознания личности. Общество не осуждало суицид, оно объясняло его причину влиянием духа самоубийства – *пончех* (*мончех*). В связи с таким отношением к суициду обществом не было выработано социальных механизмов по его предотвращению. Наоборот, были проявлены некоторая обреченность и безысходность. В таких психокультурных условиях могли возникнуть предпосылки формирования человека, психоментальные характеристики которого имели суицидальную направленность. В подобном обществе единственный, кто как-то мог противостоять суициду, был шаман, который мог повлиять на поведение суицидента.

ТУТОРСКАЯ Мария Сергеевна

Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, г. Москва

СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО И НАУЧНОГО В МЕДИЦИНСКИХ ПРАКТИКАХ НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

В быту современного сельского населения Русского Севера отмечается своеобразное «медицинское двоеверие». По ряду вопросов люди могут обратиться

как в существующий в деревне фельдшерский пункт, так и к «бабушкам», которые нащептывают, заговаривают и т. д. В докладе будут проанализированы известные автору случаи обращения за той или иной помощью. Материалы были собраны в процессе работы в составе Северной экспедиции кафедры этнологии МГУ им. М. В. Ломоносова в 2008–2009 гг.

1. Современная научная медицина воспринимается как медицина «быстрого действия» и «действия независимо от воли человека». В том случае, если человек не хочет тратить время на борьбу с болезнью, он обращается в медпункт. Народная медицина воспринимается как медицина «действия человека для своего спасения». В том случае, если человек хочет сам участвовать в лечении болезни, он обращается к «бабушкам».

2. В деревенских условиях в медпунктах часто не хватает лекарств, кроме того, в ряде случаев медицинские препараты могут иметь побочные действия. Если прогнозируемый эффект от обращения в медпункт не будет желаемым, человек обращается к «бабушкам».

3. Медпункт и фельдшер относятся к сфере общественного в деревенской социальной структуре. Если человек не желает афишировать свою болезнь или проблему, он обращается к «бабушкам». В том случае, если болезнь не наносит урона репутации человека – он обращается в медпункт.

Кроме того, следует отметить так называемые переходные практики. Например, многие фельдшеры при обращении к ним могут сами «помочь» с помощью заговора.

ТУГУЖЕКОВА Валентина Николаевна

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, г. Абакан

БИОЭТИКА И ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ*

Изучение причин суицида и работа с суицидентами порождает массу проблем биоэтического характера, однако эти исследования необходимы, поскольку самоубийство в последние годы выдвигается в ряд первопричин растущей смертности населения.

ХакНИИЯЛИ с декабря 2003 г. начал исследования в Аскизском районе, где особенно высока суицидальная активность учащихся. С 2003 по 2007 г. было выявлено более 388 подростков с высоким уровнем суицидальной направленности (группа риска; 15% от общего числа). Текущий мониторинг (март-апрель 2010 г.) показал, что в 14 из 15 школ района есть дети группы риска. Они характеризуются высоким уровнем тревожности, фрустрации, агрессивности

* Министерство образования и науки и Министерство здравоохранения, учитывая биоэтический аспект проблемы, разработали мероприятия по профилактике здорового образа жизни: «Школьники Хакасии – за здоровый образ жизни», «Помоги ближнему любить жизнь», «Голосуем за жизнь вместе».

сти, ригидности. В 5 общеобразовательных школах процент (9,2–23,3) учащихся, вошедших в группу риска, значительно превышает среднерайонный показатель.

Причины и формы добровольного ухода из жизни не зависят от этнической принадлежности и социальных условий, однако число самоубийств хакасов выше, чем в других этносах. Это требует исследования психотипа личности с ориентацией на биоэтические аспекты.

Следует создавать и внедрять коррекционно-развивающие программы, которые повысят интерес подростков к жизни. В республике необходим межведомственный центр профилактики суицида при содействии Министерств здравоохранения, образования и науки, внутренних дел.

ХАРИТОНОВА Валентина Ивановна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

НАРОДНОЕ ЦЕЛИТЕЛЬСТВО В РОССИИ: БИОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В докладе будет рассматриваться *народное целительство* (НЦ) – деятельность сравнительно недавно (в последнее двадцатипятилетие) сложившегося профессионального сообщества – с позиции биоэтики. НЦ сформировалось на точках пересечения народной медицины/этнических медий, магико-медицинских и магико-мистических практик, неорелигиозных движений, традиционных (восточных) медий, парапсихологических концепций, практик гипноза, психолого-психотерапевтических знаний и других сфер деятельности лиц, занимающихся оздоровлением человека и поддержанием его статуса. Законодательно НЦ было оформлено в 1993 г., однако деятельность народных целителей до настоящего времени вызывает много сомнений и нареканий.

В НЦ имеются как «внешние» биоэтические проблемы, связанные в первую очередь с противостоянием биомедицины и разных вариантов альтернативных медий, спецификой освещения НЦ в СМИ и на ТВ в каждый конкретный момент, так и «внутренние», предопределяемые сложностями целительских методик, восприятием целительства клиентами/пациентами, религиозными и этнокультурными сложностями современной жизни. Особые трудности биоэтического порядка порождаются тем, что принципы и характер воздействия народного целителя на человека и окружающую среду не всегда могут быть понятны перцепиентам и сторонним наблюдателям, а также научно обоснованы. Наличие определенного эзотеризма в НЦ порождает специфические проблемы биоэтического порядка, например, проблемы «виртуального» воздействия и вполне реальные конфликты на этой почве.

Анализ названных выше вопросов проделан на большом полевым материале, собираемом автором на протяжении всего времени существования НЦ в России.

ХАРИЮЧИ Галина Павловна

Ямало-Ненецкий научно-инновационный центр, г. Салехард

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА В МИРОВОЗЗРЕНИИ НЕНЦЕВ

В докладе будет обсуждаться мировоззренческий аспект восприятия ненцами здоровья/болезни, способов лечения и поддержания здоровья, отражения представлений о сохранении здоровья в специальной терминологии.

Народные медицинские знания – это профанно-сакральный комплекс средств, представлений, навыков, используемых в магико-ритуальной практике. В них выделяются представления о причинах болезней, посланных духами, связанных с потерей души, насланных другими людьми, наследственных, вызванных испугом; травмы, порезы – как *хэбяха* (грех), *ваңы* (наказание, посылаемое человеку за совершенное им преступление).

Существовали предохранительные, магические действия для защиты жизни, здоровья. Одним из предохранительных мер было использование эвфемизмов. Чтобы быть здоровым, необходимо соблюдать табу, запреты и установки, иметь обереги. Оберегом служили шкуры священных животных: медведя, соболя, выдры, белки, горностая. К иррациональным способам лечения относились: кормление духов, жертвоприношения духам-хозяевам священных мест, окуливание, очищение, обрызгивание, омовение, помазание, камлание шамана. Действенными методами лечения были прижигание, иглоукалывание, надавливание, массаж.

Здоровье воспринималось ненцами не только как физическое состояние, оно являлось подтверждением гармоничного сосуществования человека с верхним и нижним мирами.

**ЧЕРНЫШЕВА Фанзиля Абузаровна,
ИСЛАМОВА Назия Мидхатовна**

*Поволжская государственная академия физической культуры,
спорта и туризма, г. Набережные Челны*

СЕКУЛЯРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ В ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ КАМСКОГО РЕГИОНА

Проведено исследование особенностей изменения антропометрического профиля новорожденных 1987 и 2007 гг. рождения пяти городов Камского региона, отличающихся по социально-экономическим, экологическим и демографическим показателям населения. Масштабный кризисный переход России к рыночной экономике, негативно отразившийся на многих показателях качества жизни населения всех регионов страны, отделяет годы исследования.

Анализ данных 1800 медицинских карт проводился с учетом полового диморфизма.

Морфологические показатели новорожденных в исследуемые годы находятся в пределах нормальной вариативности. При сопоставлении данных детей по

годам исследования можно отметить уменьшение длины тела детей в городах Набережные Челны, Менделеевск и Елабуга, увеличение – у детей г. Мамадыш и сохранение – у мальчиков и девочек г. Нижнекамск.

Не выявлены достоверные различия по среднему значению показателя окружности головы детей в оба года исследования, однако отмечается тенденция к уменьшению параметра у детей городов Набережные Челны, Мамадыш и Елабуга. Современные дети имеют меньшие значения обхвата груди. Общая тенденция секулярных изменений массы тела определяется увеличением встречаемости маловесных детей, что, по-видимому, зависит и от уровня жизни жителей города, уровня экономического развития города и др. В городе с наиболее напряженной экологической ситуацией (Нижнекамск) отмечается сохранение высокой доли крупновесных детей среди мальчиков и ее увеличение среди девочек. В остальных исследованных городах наблюдается уменьшение числа таких детей.

ЧУХАЛДИНА Фарида Абузаровна,

ВИНОГРАДОВА Елена Шакуровна

Центр реабилитации слуха, г. Набережные Челны

ЧЕРНЫШЕВА Фанзиля Абузаровна

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, г. Набережные Челны

АХМЕТШИНА Эльза Исхаковна

Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права, г. Набережные Челны

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАЧЕСТВА ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ПРИКАМЬЯ НА ЗДОРОВЬЕ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

В Прикамском регионе проживает 1/5 часть населения Республики Татарстан. Сложившаяся экологи-

ческая обстановка в Прикамье ухудшает биологический статус населения региона.

В работе использованы результаты многолетней практики эндоэкологической реабилитации человека по программе «Афран», реализуемой на базе Центра реабилитации слуха г. Набережные Челны. Пациенты были обследованы с помощью аппарата электропунктурной и частотно-резонансной компьютеризированной диагностики «Имедис-Эксперт». Авторами рассматривалась частота встречаемости микронутриентной недостаточности, различные виды экологических отягощений (тяжелыми металлами, опасными физическими факторами, различными видами паразитов), нарушения функций отдельных органов и их систем.

«Элементный портрет» населения Прикамья характеризуется дефицитом по многим микроэлементам. Наиболее часто среди обследованных диагностируется алиментарная недостаточность по Mg, Zn, Cu, Ca, I, Cr, Si. Витаминный дисбаланс встречается у большей части пациентов, особенно по витаминам группы B, коррелирующий с дисбактериозами, а также фолиевой кислоты и биотина. Значительную распространенность имеют отягощения грибами, простейшими и бактериями (от 60 до 100% обследованных). Гельминтозы обнаружены у половины обследованного контингента. Нарушения функций эндокринной и иммунной систем диагностируются у большей части пациентов. Лишь треть обследованных не испытывает избыточного геомагнитного, электромагнитного и радиационного воздействия.

Для улучшения биологического статуса взрослого населения необходим комплексный подход в подборе лечебных и оздоровительных процедур, направленных на запуск генетически и экологически детерминированных механизмов исцеления.

Симпозиум 8

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Руководители: д.и.н. **Васильев Сергей Владимирович** (Москва);
к.и.н. **Хартанович Валерий Иванович** (Санкт-Петербург)

АФАНАСЬЕВА Александра Олеговна
Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ГОРОДИЩА I–III вв. н. э. (ТЕРРИТОРИЯ СОВРЕМЕННОГО г. АЗОВА)

В I–III вв. н. э. на территории современного города Азова (Ростовская область) существовали два меотских поселения, Крепостное и Подазовское городища, входящие в сельскую округу античного Танаиса. Их создание на границе Боспорского государства, а также миграция меотов в Нижнее Подонье в I в. н. э. осуществлялись в рамках политики Аспурга по укреплению пограничных районов и восстановлению системы обороны, разрушенной в ходе племоновой войны.

Исследование населения Крепостного городища проводится в целях изучения процессов взаимодействия оседлого и кочевого населения Нижнего Подонья античной эпохи Танаиса, сельских поселений его округи и кочевников. Исследованы кости 67 индивидов из погребений I–III вв. н. э. с территории могильника Крепостного городища. Программа включала в себя палеопатологическую методику, а также метод оценки развития рельефа длинных костей.

Из патологических изменений на костях чаще всего фиксируются дегенеративно-дистрофические изменения позвонков и суставов верхних конечностей, а также переломы верхних конечностей. Это может свидетельствовать о чрезмерной нагрузке на указанные отделы скелета. Из привычных движений, реконструированных по результатам оценки развития рельефа длинных костей, можно отметить отведение плеча назад и ротацию в плечевом суставе, преимущественно с правой стороны. Дальнейшие исследования предполагают сравнение данной группы с населением других меотских городищ, Танаиса и представителями кочевых племен.

БАЛАГАНСКАЯ Ольга Алексеевна,
БАЛАНОВСКИЙ Олег Павлович,
БАЛАНОВСКАЯ Елена Владимировна
Медико-генетический научный центр РАМН, г. Москва
ЛАВРЯШИНА Мария Борисовна
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово
БАЛАГАНСКИЙ Алексей Геннадьевич
Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва
КУЗНЕЦОВА Марина Александровна
Читинский государственный университет, г. Чита

ИСАКОВА Жайнагуль Толоновна
Научно-исследовательский институт молекулярной биологии и медицины, г. Бишкек (Кыргызстан)
САБИТОВ Жаксылык Муратович
Евразийский национальный университет,
г. Астана (Казахстан)

ТАЖИГУЛОВА Инкар Мешитбаевна
Центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Республики Казахстан, г. Астана (Казахстан)

NYMADAVA Paghajabyn
Монгольская академия медицинских наук,
г. Уланбаатор (Монголия)

PITCHAPPAN Ramasany
Madurai University, г. Мадурай (Индия)

СТРУКТУРА ГЕНОФОНДОВ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПО ДАННЫМ О РАЗНООБРАЗИИ ГАПЛОГРУППЫ R1a Y-ХРОМОСОМЫ*

Гаплогруппа **R1a** широко распространена в коренном населении Европы, Ирана, Центральной Азии, Пакистана, Индии, Южной Сибири. В оживленной дискуссии о прародине этой гаплогруппы рассматриваются две основные гипотезы: «индоевропейская» и «индийская». Нами проведен анализ 1937 образцов ДНК от представителей коренных народов Южной Сибири (хакасы, шорцы, северные и южные алтайцы), Центральной Азии (казахи, киргизы и монголы), Индии (Tamil Nadu). Максимальные частоты **R1a** обнаружены у шорцев и южных алтайцев (около 60%). Продвигаясь на юг, частота **R1a** снижается, в степной зоне не превышая 5% (казахи, монголы). В горах Тянь-Шаня и Памира частота **R1a** вновь возрастает до 40%. Для 448 образцов, принадлежащих к гаплогруппе **R1a**, проведен анализ 15 STR маркеров Y хромосомы и построены медианные сети. Обнаружено чрезвычайно высокое гаплогруппное разнообразие гаплогруппы **R1a** у индийцев и монголов. Представители народов Южной Сибири и киргизов, напротив, объединяются в пять кластеров. Из них три кластера смешанные: киргизы+южные алтайцы; шорцы+северные алтайцы; шорцы+хакасы. Северные и южные алтайцы образовали также два самостоятельных кластера, при этом кластер «южные алтайцы», в отличие от остальных, имеет звездчатую структуру, фиксирующую эффект основателя.

Таким образом, данное исследование подтверждает связь между народами Южной Сибири,

* Работа поддержана грантами РФФИ № 10-06-00451а, № 10-04-01603а.

Центральной Азии и Индии по гаплогруппе **R1a**. Наличие четких кластеров алтайцев, хакасов, шорцев и киргизов свидетельствует о продолжительном периоде их самостоятельного развития.

БАЛАНОВСКИЙ Олег Павлович,
ЗАПОРОЖЧЕНКО Валерий Владимирович,
БАЛАНОВСКАЯ Елена Владимировна
Медико-генетический научный центр РАМН, г. Москва
DER SARKISSIAN Clio, HAAK Wolfgang,
COOPER Alan

Australian centre for ancient DNA, г. Аделаида (Австралия)

ХАРТАНОВИЧ Валерий Иванович

Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург

БУЖИЛОВА Александра Петровна

Институт археологии РАН, г. Москва

ГЕНОФОНД СЕВЕРА ЕВРОПЫ В МЕЗОЛИТЕ, НЕОЛИТЕ И СОВРЕМЕННОСТИ: АНАЛИЗ ДРЕВНЕЙ ДНК*

Могильник Южного Оленьего острова (Карелия) является опорным памятником мезолита Восточной Европы, а Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря – едва ли не единственным источником по антропологии Кольского полуострова в досаамский период.

Изучена митохондриальная ДНК из палеоантропологического материала обоих Оленьих островов. При анализе древней ДНК главной проблемой является обеспечение аутентичности результатов, поэтому лабораторный анализ проведен не в российских лабораториях (не имеющих, к сожалению, достаточного технического оснащения), а в Австралийском центре древней ДНК – одной из немногих общепризнанных лабораторий. Сравнительный анализ и интерпретация лабораторных данных выполнены российскими соавторами. Немногочисленность «древних» выборок отчасти компенсирована нашей обширной базой данных (MURKA-2010, 130 тыс. записей) об изменчивости митохондриальной ДНК в современных популяциях.

Митохондриальный генофонд Южного Оленьего острова отличается от современного населения Европы низкой частотой гаплогруппы Н (появление которой обычно ассоциируется с неолитическим давлением с Ближнего Востока) и наличием восточноевразийских гаплогрупп, что делает его сходным, например, с современными хантами и манси. Эти результаты молекулярной генетики вторят классическому антропологическому представлению о неоднородности оленеостровцев с участием восточных компонентов. Генофонд Большого Оленьего острова имеет еще меньше европейских черт и указывает на возможность миграции его населения из глубин Сибири. Саамы, живущие сейчас на той же территории, почти не имеют с ними общих генетических черт, что заставляет пред-

полагать печальную судьбу населения, оставившего памятник Большой Олений остров.

БАТИЕВА Елена Федоровна

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ БРАТСКОЙ МОГИЛЫ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (г. АЗАК): ЭКСПЕРТИЗА ТРАГЕДИИ

Были изучены костные останки человека из захоронения в г. Азове по ул. Измайлова № 49а, открытого в 2002 г. и, по мнению археологов, являющегося местом массовой резни 1363/1364 г. (Масловский, 2004, с. 84).

Судя по расположению скелетов и повреждениям на костях, в заброшенном жилище были сложены тела и части тел в разной степени разложения. Обращает на себя внимание то, что многие черепа не только располагались отдельно от тел, но и были сложены пирамидами. Всего в братской могиле содержались останки 133 погребенных, в том числе 41 мужчины, 52 женщин и 38 детей. Процентное соотношение взрослых и детей в изученной выборке является вполне типичным для древних городских некрополей, хотя показатели возрастной смертности имеют определенную специфику. Смертность среди детей по большей части (52,6%) падает на период от 9 до 15 лет, а у взрослых – на период 25–35 лет (у мужчин в 80%, у женщин в 60%).

Были также проведены предварительные краниологические исследования, которые показали, что доля монголоидных вариантов в компонентном составе выборки из братской могилы определенно выше, чем в общей азакской серии (предварительные данные автора).

Таким образом, результаты исследования не подтверждают предположение археологов о том, что погребенные в данном захоронении были убиты на месте. Скорее всего, они могли быть жертвами карательной экспедиции, предпринятой в отношении конкретной группы населения Азака.

БЕРЕДНИКОВА Наталья Евгеньевна,
БЕРЕДНИКОВ Иван Михайлович

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГАЛЕЕВ Равиль Марветович,

ЛЕЙБОВА (СУВорова) Наталья Александровна,

ХАРЛАМОВА Наталья Владимировна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

КОМПЛЕКСНОЕ АРХЕОЛОГО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКА XVII–XVIII вв. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК У СПАСКОЙ ЦЕРКВИ*

В результате охранных раскопок православного некрополя XVII–XVIII вв. Спасской церкви на

* Работа поддержана грантами РФФИ № 10-06-00451а, № 10-04-01603а.

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт П152.

территории Иркутского острога были получены уникальные археологические и антропологические материалы по истории первых русских поселенцев Прибайкалья. Палеоантропологическая коллекция включила в себя 379 скелетов хорошей сохранности, из них 75 мужских, 58 женских, остальные – детские. Комплексное антропологическое исследование осуществлено по краниологической, остеологической, палеопатологической, одонтологической программам. Для иллюстрации физического облика первопоселенцев Иркутска была выполнена графическая реконструкция.

В результате исследований получены данные о демографии, антропологическом составе, палеопатологических особенностях населения Иркутска XVII–XVIII вв. В антропологическом отношении жители города характеризуются как европеоиды (за исключением нескольких монголоидных черепов). Изученный материал демонстрирует неоднородность антропологического состава населения. По краниологическим особенностям выделяются две группы черепов. Одонтологическое исследование фиксирует небольшое увеличение доли восточных маркеров, в большей мере выраженное у женщин и детей. Величины и сочетания этих признаков указывают, скорее всего, на брачные контакты с населением Прибайкалья в ходе колонизации. Фиксируемые патологии связаны, прежде всего, с холодным стрессом. При соотнесении археологических и антропологических данных установлено отсутствие связи между антропологическим типом и типом погребения, что свидетельствует о единой культурной (православной) принадлежности погребенных.

Графическая реконструкция была выполнена для 50 индивидуумов и наглядно проиллюстрировала и подтвердила краниометрические данные.

БОРУЦКАЯ Светлана Борисовна

Кафедра антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОСТЕОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Население средней бронзы относится к катакомбной археологической культуре. Курганные могильники располагались на территории Нижнего Подонья. Исследована довольно представительная популяция. Анализ пропорций конечностей выявил у мужчин среднее относительное соотношение длин конечностей, удлиненное плечо по сравнению с бедром, чаще удлиненное предплечье по сравнению с плечом и голень по сравнению с бедром. У женщин – несколько относительно укороченные руки, при уд-

линенном плече по сравнению с бедром, чаще удлиненную голень по сравнению с бедренным отделом ноги. Тенденций в отношении длин предплечья и плеча выявлено не было.

Скелет верхних конечностей мужчин и женщин можно охарактеризовать, как грацильный или, изредка, среднемассивный. Скелет ног женщин в основном был грацильным. Пилястр бедра выражен плохо, а верхняя часть тела бедра – сильно уплощена. Бедренные кости мужчин были среднемассивными или массивными, задний пилястр выражен или плохо, или средне, бедро в верхней части уплощено. Большеберцовые кости были сильно массивными, средне- или сильно уплощенными. Прижизненная длина тела мужчин была средней, выше среднего и высокой (168–180 см). Женщины в основном были среднего роста (155–165 см).

БОРУЦКАЯ Светлана Борисовна

Кафедра антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович

Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва,

ХАРТАНОВИЧ Валерий Иванович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И ПАЛЕОПАТОЛОГИИ СКЕЛЕТОВ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Исследованы особенности скелета и патологические изменения на костях у представителей трех групп населения районов Кольского полуострова в разные века. Это поздненеолитические поморы северного края полуострова (могильник на Большом Оленьем острове Баренцева моря), средневековые саамы северо-востока Кольского полуострова и средневековые карелы, жившие на территории Карельского перешейка. Большинство патологий скелетов из могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря связаны с экологическими условиями существования и типом хозяйственной деятельности (морской промысел в Баренцевом море). Периостит длинных костей, пороз структур свода черепа и лицевого скелета были вызваны холодным стрессом. Пороз эпифизов длинных костей, позвонков и других структур скелета, изогнутость бедренных, а иногда и берцовых костей вследствие перенесенного в детстве рахита, пародонтоз, эмалевая гипоплазия, пороз альвеол и некоторые другие патологии были вызваны недостатком в пищевом рационе растительной пищи, богатой витаминами, а также низким уровнем инсоляции в арктических условиях. Интересен факт наличия в группе только одного случая кариеса и всего лишь четырех случаев признаков *Cribra orbitalis*.

У саамов, живших, по сути, в аналогичных условиях, но, вероятно, не занимавшихся морским

* Работа выполнена при поддержке программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», тема № 5.12. Комплексное исследование антропологии популяций Нижнего Подонья эпохи бронзы.

промыслом, точно также часты случаи пороза структур свода черепа и лицевого скелета, поражения периоститом длинных костей, чаще, ног, а у женщин – и рук, а кроме того, эмалевой гипоплазии и пародонтоза. Интересно, что у средневековых саамов часты краудинг зубов, кариес, не характерный для поморов, а также нередки случаи присутствия хорошо выраженного зубного камня. Отмечается высокий процент присутствия *Cribra orbitalia*. Пороз эпифизов костей довольно редок. Признаки такого заболевания, как рахит, не отмечены ни разу.

У средневековых карелов Кольского полуострова (Карельский перешеек) на фоне поражения челюстно-зубного аппарата остальные патологии выглядят не так проблемно. Фактически на всех черепах отмечены: сильнейший кариес зубов, обычно сразу нескольких, значительный пародонтоз, признаки одонтогенного остеомиелита, гингивита, а также сильная эмалевая гипоплазия.

БОРУЦКАЯ Светлана Борисовна

Кафедра антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ХАРЛАМОВА Наталья Владимировна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ г. ТВЕРИ В XIX–XX вв.

Представление об антропологических особенностях населения г. Твери в XIX–XX вв. получено благодаря археологическим раскопкам городского кладбища под руководством сотрудника Тверского государственного объединенного музея Д. С. Рудникова в 2006–2007 гг. Смоленское кладбище, возникшее по данным тверского краеведа Бориса Роттермеля на юго-восточной окраине Твери в начале XVIII в., является одним из самых древних и больших городских кладбищ.

В ходе комплексного изучения материалов Смоленского кладбища проведено определение пола, возраста (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Bukstra, Ubelaker, 1964), прижизненной длины тела по формулам С. Депертюи и Д. Хэдден (Алексеев, 1966), аномалий скелета, палеопатологий. По краниологической программе исследовано 104 индивида, остеометрические характеристики получены для 172 индивидов, одонтологическая выборка составила 250 индивидов. Описание материала проводилось по стандартным краниологической (Алексеев, Дебец, 1953), остеологической (Алексеев, 1966), одонтологической (А. А. Зубов, 1968, 1973) методикам. Пол и возраст определены для 293 взрослых индивидов, из них 181 мужчина и 112 женщин. Средний рост женщин ($n = 60$) составил 157,2 см, мужчин ($n = 112$) – 168,75 см. По морфологии зубной системы, краниологическим характеристикам изученная выборка относится к кругу европеоидных форм.

ГАЗИМЗЯНОВ Ильгизар Равильевич

Институт истории АН Республики Татарстан, г. Казань

МАКАРОВА Екатерина Михайловна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНИ ПО МАТЕРИАЛАМ ХРИСТИАНСКИХ КЛАДБИЩ XVI–XVIII вв.

В настоящее время с территории Казанского Кремля и его окрестностей происходит около 500 черепов из христианских кладбищ (монастырских и приходских) и случайных захоронений XVI–XVIII вв.

В докладе дается морфологическая характеристика различных групп русского (православного) населения г. Казани после вхождения края в состав Русского государства; анализируются его генетические связи с позднесредневековым населением Центральной России и местными тюркоязычными (татары, чуваша) и финноязычными (марийцы, мордва, удмурты и т. д.) группами; на основе широкого сравнительного анализа с привлечением дополнительных данных исторического характера (сведения летописей, переписных книг и т. д.) определяются возможные исходные районы миграционных потоков русского населения при заселении Казанского Поволжья.

ГЕРАСИМОВА Маргарита Михайловна, ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

БОРУЦКАЯ Светлана Борисовна

Кафедра антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ФОФОНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА*

Палеоантропологический материал из Фофановского могильника неоднократно обсуждался в отечественной литературе. Стимулом для нового осмысления материала из Фофановского могильника явилось некоторое увеличение краниологического материала в результате дополнительно проведенной реставрации, получение новых данных из раскопок Е. А. Жамбалтаровой, данные по радиоуглеродному возрасту фофановских погребений, расширение программ исследования за счет определения на костях скелета следов перенесенных заболеваний, стрессов и травм, появившиеся возможности формализованного многомерного статистического анализа расогенетических связей, и, наконец, формирование нового экологического подхода к палеоантропологическому материалу относительно хронологии так называемого прибайкальского «неолита». Нами была выбрана в качестве рабочей гипотезы схема

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта фундаментальных исследований Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

М. М. Герасимова, считавшего китойский этап более древним, чем серовский. Исходя из этой гипотезы, отмеченное своеобразие китойских черепов, особенно забайкальских, может быть, в известной мере, объяснено их древностью. Древность китойских черепов подтверждается радиоуглеродным датированием костей из китойских погребений, возраст которых составляет более 7 тысяч лет от наших дней.

ДИБИРОВА Хадиджат Дибировна,
БАЛАНОВСКИЙ Олег Павлович,
КУЗНЕЦОВА Марина Александровна,
ФРОЛОВА Светлана Александровна,
БАЛАГАНСКАЯ Ольга Алексеевна,
ЗАХАРОВА Татьяна Александровна,
БАЛАНОВСКАЯ Елена Владимировна

Медико-генетический научный центр РАМН, г. Москва

ПОЧЕШХОВА Эльвира Аслановна,
ТЕУЧЕЖ Ирина Эдуардовна,
СХАЛЯХО Роза Арамбиевна

Адыгейский государственный медицинский университет, г. Майкоп

УТЕВСКАЯ Ольга Михайловна

Харьковский государственный университет, г. Харьков (Украина)

ЕПИСКОПЯН Левон Михайлович

Институт молекулярной биологии НАН, г. Ереван (Армения)

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ АРМЯН ПО ПОЛИМОРФИЗМУ Y-ХРОМОСОМЫ*

Для понимания этногенеза армян – одного из крупнейших народов Закавказья – необходимы новые источники информации, одним из которых становится молекулярная антропология. Нами изучен полиморфизм Y хромосомы в двух популяциях армян (N=168): 1) амшенцы (N=53) – потомки длительно изолированной группы, проживавшей на юго-восточном побережье Черного моря; 2) «сборная» выборка (N=115) армян из республик FSU. В суммарной выборке выявлены десять гаплогрупп (E1b1b1, G1, G2a, I, J1, J2, L2, R1a1, R1b1b1, T), соотношение которых в популяциях оказалось неодинаковым. У амшенцев отчетливо доминируют две переднеазиатские гаплогруппы (G1 и J2 с совокупной частотой более 75%), что значительно отличает их от народов Северного Кавказа, для которых характерна гаплогруппа G2. В «сборной» выборке на гаплогруппы G1 и J2 приходится лишь 44%. При этом частота гаплогруппы R1b1b1-M269 у них достигает 12%, в то время как у амшенцев она обнаружена лишь у одного человека. Неожиданно высокой в армянских популяциях оказалась встречаемость гаплогруппы I (9% в «сборной» выборке, 6% у амшенцев), которая является типично европейской и практически отсутствует у народов Кавказа. Таким образом, в генофонде двух популяций армян не только прослеживается преимущественный вклад переднеазиатского субстрата, но и фиксируется связь с популяциями Европы.

* Работа поддержана грантами РФФИ 10-06-00451а, № 10-04-01603-а, № 08-06-00102а.

ЕВТЕЕВ Андрей Алексеевич

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ МОРФОГЕНЕЗА ЧЕРЕПА ЧЕЛОВЕКА И РОЛЬ МОРФОМЕТРИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ЭТИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследования последних двух десятилетий в области молекулярной генетики и экспериментальной эмбриологии позволили практически полностью очертить круг генов и белков, образующих аппарат регуляции морфогенеза черепа позвоночных. Для многих генов хорошо известна функциональная структура локусов и паттерн их экспрессии. В докладе приводится обзор основных семейств генов (FGF/FGFR, BMP, TWIST, Eph, TGF и др.) и существующих гипотез об их роли в регуляции морфогенеза черепа. На современном уровне развития генетики изучение взаимосвязи морфологической вариабельности со структурой и функциональными особенностями конкретных рецепторов, лигандов и транскрипционных факторов является вполне реальной задачей. Но успешность ее решения напрямую зависит от адекватности используемого морфометрического аппарата целям исследования. Само по себе применение современных методов трехмерной съемки материала и геометрической морфометрии не является достаточным условием успеха. Выявить и описать реальные взаимосвязи генотипа и фенотипа возможно лишь с использованием комплекса измерительных признаков или точек, учитывающего данные сравнительной эмбриологии и онтогенетических исследований и дающего всеобъемлющее, насколько это возможно, описание морфологических структур. В докладе анализируется возможность создания такого комплекса признаков на примере системы измерений, разработанной автором для дыхательной части лицевого скелета человека. Эта система основана на разделении объекта на компартменты, имеющие различное эмбриональное происхождение, динамику роста и, возможно, своеобразие генетической регуляции: носовые кости, область premaxilla, лобные отростки и тело верхнечелюстной кости и др.

ЗУБОВА Алиса Владимировна

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

ОДОНТОЛОГИЯ КАТАКОМБНОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫКИИ

Одонтологический комплекс, присущий населению Калмыкии катакомбного времени, складывается из средней частоты диастемы между центральными резцами, низкой частоты редукции латеральных резцов и отсутствием лопатообразных форм медиальных. В серии понижена частота бугорка Карабелли, дополнительные краевые бугорки верхних моляров встречаются в единичных случаях, высок уровень редукции. На нижней челюсти отсутствуют протостилид, M16. С повышенной частотой встречаются межкорневой затек эмали, M14. Дистальный гребень

тригонида и коленчатая складка метаконида отмечены с близкими к умеренным частотами. В целом одонтологический тип группы проявляет сходство с современными представителями так называемого южного грацильного типа (в особенности населением Азербайджана, Дагестана), отличаясь от последних очень слабой выраженностью признаков «восточной» направленности и низкой частотой бугорка Карабелли.

При разделении серии на две выборки по наличию или отсутствию искусственной деформации черепа, между ними наблюдаются различия по частотам редукции гипоконуса верхних моляров, дистального гребня тригонида и коленчатой складки метаконида. «Деформированная» выборка отличается повышенным уровнем редукции при отсутствии двух последних признаков. В выборке, включившей в себя черепа без признаков деформации, ниже уровень редукции и с умеренными частотами встречаются как дистальный гребень, так и коленчатая складка.

КАШИБАДЗЕ Вера Федоровна

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

НАСОНОВА Ольга Гивиевна

*Специальная астрофизическая обсерватория РАН,
Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова,
г. Ростов-на-Дону*

ДОНСКИЕ КАЗАКИ: ВОСПЕТЫЕ ИЛИ СПАСЕННЫЕ*

Исследование представляет собой антропологическую характеристику одной из наиболее исторически и социально значимых групп населения южного региона – донских казаков – на основе многомерного статистического анализа современных и ископаемых материалов, а также текстологических данных романа М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Антропологическая история донских казаков подразумевает процессы миграции из юго-восточных зон Центральной России, смешения между разными исходными группами русских и незначительное включение южных и восточных элементов в возрастающей к югу пропорции. Соответствие полученных данных результатам исследований донских казаков по классической расоведческой программе, проведенных академиком В. В. Бунаком в 1912–1915 гг., указывает на преемственность физических характеристик этой группы населения и выживание группы в процессе демографических коллизий XX в. Статистический анализ антропологического портрета донских казаков в романе-энциклопедии М. А. Шолохова «Тихий Дон» показал соответствие портрета научным данным и воспроизведение в романе достоверной антропологической среды. Сохранение самосознания и культуры, само физическое выживание донских казаков, безусловно, связаны с творчеством и личными усилиями великого соотечественника. Интеграция данных науки и литературы способствует вос-

становлению общего культурного поля и создает основу успешного включения полученных результатов в информационное, интеллектуальное, образовательное пространство всей Российской Федерации.

КИТОВ Егор Петрович

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СРУБНО- АЛАКУЛЬСКОГО ТИПА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

За последние годы собран и изучен краниологический материал из могильников эпохи бронзы Южного Зауралья. Были изучены краниологические и одонтологические материалы памятников срубно-алакульского типа.

Анализ антропологического материала Южного Зауралья коррелирует с условным делением степной южнозауральской группы памятников на три группы погребальных комплексов (выделены И. П. Алаевой), различающихся как географическими, так и культурными параметрами. Первый вариант условно назван северо-восточным, включает в себя памятники, находящиеся на границе степной и лесостепной полосы в среднем течении рек Уй и Караталы-Аят. Второй вариант – центральный – ограничен реками Караталы-Аят на Севере и Синташта на юге (основное ядро срубно-алакульской контактной зоны). Третья группа – юго-западная – концентрируется в Оренбуржье и на юге Зауральской Башкирии. Границы деления условны.

Рассматривая антропологический материал разных могильников срубно-алакульского времени, необходимо отметить их неоднородность как внутри каждого могильника, так и между различными могильниками. Можно тем не менее говорить, что носители срубно-алакульской контактной зоны Зауралья, хотя бы отчасти, представляли результат сосуществования и метисации разных групп населения синташтинской и петровской культур. В своей основе данный пласт населения, вероятно, сформировавшийся на границе лесной и лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири, подпитывался за счет привнесения генов носителей окружающих близких культурных групп в первую очередь со срубными и, возможно, алакульскими (степными) традициями.

КУФТЕРИН Владимир Владимирович

Музей естественной истории, г. Уфа

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ КАРАНАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА (РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН)

Представлены результаты комплексного анализа первых антропологических материалов из Каранаевского курганного могильника (Стерлибашевский район РБ). Памятник оставлен носителями срубной культуры эпохи бронзы. Изучены скелетные останки из насыпей

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 08-06-00124-а «Комплексное изучение населения Евразии (картографический анализ одонтологии на фоне современных генетических данных)».

7 и 8 (раскопки М. С. Чаплыгина за 2008–2009 гг.). В общей сложности исследовано 19 скелетов, а также их отдельные элементы из 21 захоронения. Состояние материала различно – имеются останки удовлетворительной и крайне плохой сохранности. Выборка из кургана 7 в половозрастном отношении неоднородна – в насыпи содержались погребения взрослых, подростков и детей обоего пола. Курган 8 использовался для захоронения детей, индивидов подросткового и юношеского возраста, и женщин. Малочисленность серии и плохая сохранность краниологического материала пока не дают возможности вести поиск ближайших аналогий физическому типу населения, оставившего могильник. В плане внутригрупповой характеристики интересно, что остеологические особенности (как морфология отдельных элементов, так и соотношение большинства пропорций) позволяют установить наличие довольно значительного морфологического сходства скелетов из погребений 1 и 3 кургана 8. Высокая концентрация генетических аномалий (третий вертел, дополнительные фасетки большеберцовой кости и др.) в выборках из обеих насыпей дает возможность предположить присутствие определенных родственных связей между погребенными. Особое внимание в докладе уделяется индивидуальной диагностике стрессовых маркеров и специфике морфологии посткраниальных элементов. На основе представленных результатов предпринимается попытка реконструкции особенностей палеоэкологии срубников Башкирского Приуралья.

МАРФИНА Ольга Владимировна

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ, ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Проведен сравнительный анализ основных показателей физического развития исследованных в конце 1990-х – начале 2000-х гг. детей и молодежи Беларуси, России, Польши, Сербии, Болгарии и Эстонии в возрасте 7–17 лет, а также проанализированы погодные прибавки роста (скорость роста) которая имеет свою специфику у школьников разных стран. Скорость роста длины тела исследованных в разных странах с возрастом неуклонно уменьшается: у мальчиков в основном в 16–17 лет в Беларуси, России Сербии, Болгарии и 15–16 лет в Польше и Эстонии; у девочек в основном в 14–15 лет в России, Болгарии, Эстонии, в 15–16 лет в Беларуси и Польше. «Полуростовой» скачок, когда девочки обгоняют мальчиков по длине тела, наблюдается в России у 7-летних детей. В Сербии такой скачок как по длине, так и по массе тела наблюдается у 9-летних. Наиболее близкие тенденции по динамике процессов роста отмечаются у белорусских детей обоего пола с русскими и поляками, а у мальчиков и с болгарскими. Сербские и эстонские дети наиболее высокорослые. По массе тела белорусы обоего пола сходны, как и по длине тела с русскими и поляками, а также и с эстонскими детьми. Наибольшие отличия, как и по длине тела,

наблюдаются между белорусскими и эстонскими школьниками. По темпам и характеру ростовых процессов белорусы 7–17 лет показали значительное сходство практически со всеми этнотерриториальными группами, так как максимальные прибавки длины и массы тела приходится на близкие возрастные периоды.

МОВСЕСЯН Алла Арменовна

Кафедра антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ПОЗДНИХ СКИФОВ И САРМАТОВ

Особое место в скифской проблематике занимает вопрос об этническом составе населения позднескифской культуры, связанной с государственным периодом истории Скифии. Считается, что позднескифская культура сформировалась в Крыму и на Нижнем Днепре в результате многовекового процесса развития скифской культуры и в условиях перехода кочевников на оседлую жизнь. Одним из интересных вопросов, связанных с изучением скифо-сарматского мира, является вопрос о наличии сарматского компонента у поздних скифов, населявших территорию северного Причерноморья. По частотам дискретно-варьирующих признаков на черепе были исследованы следующие краниологические материалы: *поздние скифы* (Николаевка, Золотая Балка, Неаполь Скифский), *сарматы* (Политотдельское, Быково, Бараново, Харьковка, сарматы Приуралья).

В качестве сравнительного материала были использованы скифы среднего Приднепровья, черняховцы Молдавии, северной и южной Украины, ямная, срубная и катакомбная культуры, а также средневековые славянские племена. Результаты исследования показали, что в позднескифское время в Крыму и на Нижнем Днепре проживали популяции, составляющие единую генетическую общность. Обнаружено сходство поздних скифов с сарматами, что указывает на несомненное участие сарматских племен в формировании позднескифского населения. Близость сармат Поволжья к славянским племенным группировкам выявила следы метисации сарматских популяций праславянами. В отличие от лесостепных скифов, население северного Причерноморья не обнаружило связи с популяциями эпохи бронзы и черняховской культуры с территории Украины.

МОИСЕЕВ Вячеслав Григорьевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НОСИТЕЛЕЙ ОХОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

Основной целью исследования являлось изучение динамики формирования краниологического

* Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

комплекса признаков, характерного для носителей охотской культуры Дальнего Востока. Для этого были проанализированы данные двух систем признаков – краниоскопии и краниометрии. На основе сравнительного анализа с участием близких к современности групп с территории Восточной Сибири и Дальнего Востока были сделаны следующие выводы; охотские группы имеют достаточно высокий уровень взаимного сходства, что говорит о единстве их происхождения; все охотские группы Хоккайдо имеют в своем составе протоайнский компонент (более выражен на востоке Хоккайдо); носители охотской культуры сформировались в результате метисации, в которой участвовали несколько групп древних монголоидов.

Сравнительный анализ краниометрических показателей серий Дальнего Востока и Сибири позволяет предложить следующий сценарий формирования и популяционной истории носителей охотской культуры. Вероятнее всего предками «охотцев» были древние популяции, антропологически сходные с неолитическим населением Южного Приморья, которое, в свою очередь, было родственно древним забайкальским популяциям. Уже на этом этапе в состав древних приморцев вошли какие-то палеоазиатские группы. Поскольку палеоазиатская тенденция более выражена у охотских серий, чем у серии из Бойсмана 2, можно предположить, что палеоазиатские группы сыграли более заметную роль в популяционной истории охотцев в сравнении с древним населением Южного Приморья. Около середины I тыс. н. э. в бассейне Амура появляются племена мохэ, которые ассимилируют местное население и в дальнейшем проникают на территорию южного Сахалина. Результатом этого процесса стало наличие у носителей охотской культуры мохэской примеси. После миграции охотских групп на Хоккайдо начался процесс их ассимиляции протоайнским населением.

НЕЧВАЛОДА Алексей Иванович

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа

НАСЕЛЕНИЕ ОАЗИСА ГОНУР-ДЕПЕ И ЕГО ЮЖНО-ИНДИЙСКИЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ (ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Археологические работы (В. И. Сарияниди) в дельте Мургаба (Древняя Маргиана) выявили обширную область распространения поселений эпохи бронзового века. В замковой дельте Мургаба в III–II тыс. до н. э. находился крупный древний урбанистический центр – Гонур-депе. Радиоуглеродные даты (2200–1800 гг. до н. э.) показывают, что функционирование Гонур-депе синхронно времени существования городских цивилизаций Месопотамии, Элама, Хараппы. Палеоантропологами

(Н. А. Дубова, О. Бабаков, Г. В. Рыкушина) изучен антропологический материал как с обширного некрополя, так и из руин Гонур-депе времени упадка и элиминации урбанистической традиции в Маргиане. Палеоантропологами выявлено несколько антропологических компонентов в древнем населении города и оазиса Гонур-депе: восточно-средиземноморский, переднеазиатский и экваториальный (веддоидный) типы. В фокусе нашего внимания два черепа веддоидного облика из раскопок Гонур-депе завершающего этапа его существования. По одному из черепов была создана пластическая реконструкция, другой череп послужил материалом для графической реконструкции лица по черепу.

ПЕЧЕНКИНА Екатерина

Queens College of the City University of New York, New York (USA)

СТАТУС И ЗДОРОВЬЕ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Общеизвестно, что социальный статус индивида оказывает влияние на многие аспекты биологии индивида. Неравный доступ к ресурсам накладывает ограничения на рост и развитие ребёнка, а также на здоровье индивида. Степень экспонирования патогенов часто различается между индивидами, принадлежащими к разным слоям общества. Механические нагрузки на опорно-двигательный аппарат сильно различаются между представителями разных социальных и ремесленных групп. Тем не менее найти зависимость между скелетными индикаторами здоровья и аспектами погребения, коррелирующими со статусом индивида в обществе, в биоархеологических исследованиях удаётся не часто. В данной работе мы исследовали взаимосвязь между множественными скелетными индикаторами здоровья и различными аспектами погребального контекста для двух временных периодов Древнего Китая: группой Янганшао из среднего неолита (5000–3000 до н. э.) и погребениями Восточного Джоу конца бронзового века (770–221 до н. э.). В обоих контекстах пол и возраст покойного наиболее сильно коррелируют с различными аспектами погребения, из чего следует, что уже в неолите пол и возраст значительно влияли на статус индивида в обществе. Интересно, что самым богатым в исследованной нами группе было погребение пятилетнего ребёнка. В погребениях Восточного Джоу существует также статистически значимая ассоциация между зубными патологиями и статусом погребения, так что в более богатых погребениях наблюдается повышенная частота кариеса, прижизненная потеря зубов и периодонтоз. Скорее всего, это свидетельствует о том, что диета индивидов из богатых погребений во времена Джоу была более насыщена сахарами. Вопреки ожиданиям, костяки из бедных погребений не отличаются более сильным развитием остеоартрита или травматическими изменениями.

**ПОЧЕШХОВА Эльвира Аслановна,
СХАЛЯХО Роза Арамбиевна,
ТЕУЧЕЖ Ирина Эдуардовна**

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

**ДИБИРОВА Хадидат Дибировна,
БАЛАНОВСКАЯ Елена Владимировна**

Медико-генетический научный центр РАМН, г. Москва

«ФАМИЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ» НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ*

Фамилии служат важным источником информации о структуре генофонда. Исследованы спектр и частоты фамилий в Карачаево-Черкесии. Источником информации служили похозяйственные списки, позволяющие определить этническую принадлежность носителей фамилии. База данных включила информацию о 8951 чел.: 4438 черкесов, 3195 абазин, 1318 карачаевцев. Отсев редких фамилий проведен с помощью демографического критерия – фамилия относится к редким, если в районе встречено менее пяти носителей фамилии. Поскольку большая часть носителей редких фамилий является мигрантами, использование критерия позволяет отсеять «пришлого» население. После применения критерия у абазин из 132 фамилий осталось 78, у черкесов из 166 – 113, у карачаевцев из 140 – 75. При этом исключение редких фамилий практически не сократило численность выборки: у абазин к «пришлым» отнесено лишь 0,97% индивидов, у черкесов – 0,99%, у карачаевцев – 0,93%. После отсева редких фамилий определялось число общих фамилий, встречающихся во всех трех этносах Карачаево-Черкесии. Таких не обнаружено: каждый этнос имеет собственный спектр фамилий, отличный от других этносов. Важнейший показатель структуры генофонда – случайный инбридинг – традиционно оценивается с помощью коэффициента изонимии (вероятности встречи двух однофамильцев, $f_i \cdot 10^2$). Полученные оценки инбридинга оказались сходными у всех трех народов Карачаево-Черкесии, указывая на сходство структуры их генофондов: 0,88 у абазин, 0,60 у черкесов, 0,61 у карачаевцев.

РАДЖАБОВ Магомед Османович

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала*

ЭТНОГЕНЕЗ КУМЫКОВ В СВЕТЕ ДАННЫХ ОБ ИММУНОГЕНЕТИЧЕСКИХ И БИОХИМИЧЕСКИХ МАРКЕРАХ ГЕНОВ

Вопрос этногенеза и этнической истории кумыков пока еще остается не однозначно решенным. В наших исследованиях сделана попытка генетического обоснования места генофонда кумыков в общей структуре народов Евразии. Представлены результаты анализа частот фенотипов, генов и гаплотипов в

двух локальных популяциях кумыков Дагестана (N=88 чел.). Изучены 39 аллелей и 6 гаплотипов 14 локусов (ABO, Rhesus, P, Lewis, Kell, HP, GC, C'3, TF, 6PGD, GLO1, ESD, ACP, PGM1) иммунобиохимических систем маркеров генов.

Из редких гаплотипов системы Rhesus в популяции Карабудахкент обнаружен CDE с частотой 0,030, в популяции Доргели – Cde и cdE на уровнях 0,034 и 0,38 соответственно.

Как и в других изученных нами этносах Дагестана, в кумыкских популяциях также обнаружен редкий, но типично «европеоидный» ген ACP1с локуса Acp1. Концентрация этого гена в обеих популяциях оказалась на одинаковом уровне и составила для Карабудахкента 0,031 и для Доргели 0,032.

Показатели частот аллелей всех изученных полиморфных локусов, за исключением PGM1, у кумыков согласуются со средними значениями для остальных коренных народов Дагестана и Кавказа, и всей Европейской историко-этнографической провинции, но имеют расхождения по сравнению с данными для народов Казахстана и Средней Азии, а также для Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, в работе показана генетическая близость кумыков, по данным о классических маркерах генов, к остальным коренным этносам Дагестана, нежели к народам тюркоязычного мира.

**РЫКУН Марина Петровна,
КРАВЧЕНКО Геннадий Григорьевич**

Томский государственный университет, г. Томск

НОВЫЕ СРЕДСТВА И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ ПО АНТРОПОЛОГИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО ФОНДАМ КАБИНЕТА АНТРОПОЛОГИИ ТГУ)

Фонды кабинета антропологии ТГУ по коренным народам Западной Сибири являются важной источниковедческой базой изучения их этно- и расогенеза. Фонды представлены не только краниологическими коллекциями (более 5500 черепов), фотографиями (более 1300) и антропометрическими бланками (1195) представителей коренных народов Сибири (селькупы, ханты, чулымцы, томские татары, эвенки). Их уникальность состоит в том, что краниологические материалы по древнему населению Сибири продолжены фотографиями и антропометрическими данными по современному населению. Среди фотоматериалов представителей коренных народов Сибири есть и фотографии метисов, что позволяет визуально оценить метисационные процессы на заявленной территории в первой половине XX в. Отсутствие такого объемного материала по коренным этносам Сибири в других научных центрах диктует необходимость введения их в научный оборот с использованием наиболее современных средств.

* Работа поддержана грантами РФФИ № 08-06-00102а, 10-06-00451а.

Для этих целей нами создаётся специальный банк данных в среде MS SQL. Средства банка для работы с параметрической информацией (учётно-хранительские данные, данные кранио- и остеометрии, фотоизображения) расширены за счёт геоинформационной компоненты, которая создаётся средствами ArcMap. Для этого приложения СУБД и ArcMap интегрированы друг с другом с помощью набора специально созданных служебных макросов. В созданной версии банка представлены фотографии: селькупы – 69, ханты – 87, томские татары – 243, чулымцы – 258, эвенки – 20. В настоящее время в фондах кабинета выявлены дополнительно фотографии по кетам, манси, хантам, алтайцам. Эти материалы позволят визуальнo проанализировать, сопоставить и обобщить данные по антропологическим типам этих народов. Представляется целесообразным дальнейшее расширение банка данных за счёт загрузки вновь выявленных фотографий представителей коренных народов и создания подсхемы для имеющихся антропометрических бланков (для многих из которых имеются специально сделанные фотоизображения соответствующих индивидов).

САЛИВОН Инесса Ивановна

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ РАСОВЫХ ПРИЗНАКОВ У БЕЛОРУСОВ

До аварии на ЧАЭС (в 1970–1980-х гг.) были исследованы разные территориальные группы коренного сельского взрослого населения белорусской национальности. Материал сгруппирован по возрастному принципу и представлен двумя условными поколениями – младшим (до 35 лет) и старшим (мужчины 36–60 лет и женщины 36–55 лет). Территориальные различия в пределах одного и того же поколения незначительны и проявляются в виде тенденции. С запада на восток и северо-восток у белорусов становятся чуть уже поперечный диаметр головы и скуловой диаметр. Со стороны определяемых визуальнo антропоскопических признаков к востоку проявляются черты несколько ослабленной европеоидности, характерной для некоторых финно-угорских групп населения Поволжья. Вектор изменчивости расовых признаков сохранил то же направление, что и у населения в начале II тыс. н. э., свидетельствуя тем самым об устойчивости основных черт физического типа, унаследованных славянами от древних локальных популяций при расселении по территории Восточной Европы. Это подтверждает тезис об относительном постоянстве генофонда сельского населения Беларуси. Исследования школьников до аварии на ЧАЭС и после нее (начало 2000-х гг.) выявили начавшийся среди детей и подростков процесс дебрахицефализации на фоне некоторого ускорения роста в сочетании с грацилизацией скелета.

СПИЦЫН Виктор Алексеевич

Медико-генетический научный центр РАМН, г. Москва

СПИЦЫНА Наиля Хаджиевна

Институт этнологии и антропологии РАН

им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

ЭТНИЧЕСКАЯ МЕТАГЕНОМИКА: ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИМОРФНЫХ ГЕНОВ ЧЕЛОВЕКА И ПАТОГЕННЫХ МИКРООРГАНИЗМОВ

Настоящее время характеризуется все возрастающим накоплением информации относительно сопряженной коэволюции геномов человека и микроорганизмов. Эта проблема чрезвычайно интересна для фундаментальной науки и практики. Данные последних лет свидетельствуют о том, что трансформация геномов самих микроорганизмов тесным образом связана с конкретными человеческими общностями, локализованными в разных географических зонах. Сейчас широко изучается связь между геномом человека и микобактериями. Для разных этно-антропологических групп достоверно установлены различные полиморфные гены, ассоциирующиеся с развитием туберкулеза легких. Различные штаммы *Mycobacterium tuberculosis* свойственны для конкретных этно-территориальных групп, которые, в свою очередь, также отличаются между собой особенностями генетической структуры. Например, аллель GC*1F гена группно-специфического компонента GC ассоциирован с развитием тбс легких у коряков Камчатки и, напротив, он является редким фактором в случае этого заболевания у русских пациентов. При этом геномы различных штаммов могут существенно отличаться размерами и набором генов, определяющих вирулентность (степень патогенности). Характер патогенности определяется также комбинаторикой генов. Гены, контролирующие вирулентность, собраны в так называемые островки патогенности (PAI). Для патогенных микроорганизмов важны не только инструменты агрессии, но и механизмы защиты от действия иммунных и других систем организма хозяина, предотвращающие вредоносность патогенного агента (Шестаков, 2001). Анализ накопленных данных позволяет нам выделить новое направление исследований – этническую метагеномику. Развитие данного направления позволит в будущем определять конкретные гены человека, с которыми взаимодействуют «островки патогенности» (PAI) микроорганизмов в развитии инфекционного заболевания, и вести направленный поиск лекарств нового поколения, нацеленных на специфические мишени. Сравнение соотношения геномных характеристик разных штаммов одного и того же патогена и полиморфизма по множеству генов в разных этно-территориальных группах представляется стратегическим направлением в разработке новых методов профилактики и лечения инфекционных заболеваний.

СПИЦЫНА Наиля Хаджиевна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

ГЕНЕТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕЛЬСКИХ ПОПУЛЯЦИЯХ ПРИБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ

В сообщении представлены результаты анализа 4 сельских популяций бурят Усть-Ордынского национального округа Республики Бурятия. Их численность варьирует (NT) от 204 в с. Ахины до 625 в с. Гаханы, число семей колеблется от 51 в с. Байтог до 163 в с. Гаханы. Обращает на себя внимание высокая пропорция репродуктивного объема в популяциях. В ряду популяций Ахины, Муромцовка, Байтог, Гаханы отношение репродуктивного объема (N_r) к тотальной численности (NT) выражается соотношением: 0.51, 0.54, 0.56, 0.56 соответственно, не обнаруживая зависимости величины репродуктивной части от численности популяций. В целом, параметры демографической структуры сельских групп бурятов отличаются относительной устойчивостью в пространстве и времени. Однако в предшествующем поколении наблюдались более благоприятные репродуктивные характеристики по всем сравниваемым параметрам. Приведены два варианта расчета индексов потенциального отбора. По предложенной нами модификации метода количественно оценен вклад социальной компоненты в величину коэффициента. Анализ особенностей процессов воспроизводства в популяциях позволил сделать следующие выводы.

1. В популяциях западной группы бурят проявляется действие смешанного (регулируемого и нерегулируемого) типа воспроизводства, характер воспроизводства расширенный, среднее число детей, доживших до репродуктивного возраста $K = 4.530$, $V_f = 5.6963$, IT, находится в пределах от 0.6519 до 1.046.

2. Исследование индексов потенциального отбора в сельских популяциях Бурятии выявило возрастание вклада небиологических факторов в величину коэффициента отбора.

3. Выявлена функциональная связь характеристик репродуктивной структуры с особенностями традиционного хозяйственно-культурного уклада.

СТРЕЛКОВИЧ Наталья Николаевна

*Красноярский государственный медицинский университет,
г. Красноярск*

ОСОБЕННОСТИ В СТРОЕНИИ ТАЗА ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ г. КРАСНОЯРСКА XVII–XVIII И XVIII–XIX вв.

При исследовании скелетной серии из погребений Покровского некрополя г. Красноярск (XVII–XVIII вв.) отмечается инфантильность в строении тазовых костей женского населения. По основным показателям физического развития женщины того времени были узкоплечими, узкотазыми. В это время была очень высокая детская смертность. Было ли это связано с анатомическими особенностями в строении таза у женщин того

времени? В связи с этим цель нашего исследования – изучение остеометрических показателей костей таза женского населения г. Красноярск с учетом вектора времени (по материалам Покровского и Всехсвятского некрополей г. Красноярск). Объектом для сравнительного исследования явилась скелетная серия Всехсвятского некрополя г. Красноярск XVIII–XIX вв. Из 172 скелетов взрослого населения было выявлено 69 женских скелетов, у которых исследовались обе тазовые кости, крестец и копчик. Остеометрический анализ материала состоял в определении размеров таза по схеме В. П. Алексеева (1966) в количестве 66 признаков. При сравнении полученных данных наибольшие различия в сторону увеличения значений остеометрических показателей характерны для костей таза женских скелетов Покровского некрополя. У них по сравнению с серией Всехсвятского некрополя значительно различаются следующие показатели: наибольшая ширина таза, ширина крыла подвздошной кости, ширина нижнего тазового отверстия, высота таза, высота седалищной кости. Таким образом, у более поздней по времени серии наблюдается уменьшение широтных размеров и высоты таза женского населения XVIII–XIX вв., что указывает на некоторую его грацилизацию.

ТЕГАКО Лидия Ивановна

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)

ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ ВО ВРЕМЕННОМ И ЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

В современных условиях жизнедеятельности человека, когда происходит трансформация устоявшихся экологических ниш Земли и с каждым днем возрастает антропогенная нагрузка на среду обитания, разностороннее изучение процессов адаптации человека остается актуальной проблемой.

В измененной экологической нише находится и население Беларуси после Чернобыльской аварии, которая затронула все сферы деятельности человека, обострив интерес к экологической тематике и изучению процессов адаптации и уровня здоровья.

В ходе комплексных антропологических исследований детского и юношеского населения Республики Беларусь создана значительная база данных, включающая морфологические и функциональные показатели, дерматоглифику, а также результаты психологического тестирования. На ее основе проанализировано влияние степени урбанизации на соматические особенности и адаптационные возможности школьников и студентов городов Беларуси. Выявлено напряжение адаптационных процессов, связанное с показателями урбанизации и индустриализации, которая проявляется в сдвиге основных показателей физического развития. Наряду со стабилизацией длины тела происходит увеличение массы тела и частоты встречаемости студентов и школьников с пониженным и низким физическим развитием, частота которого у девушек достигает 35%, у юношей – 40%. У школьников г. Минска происходит уменьшение удельного веса учащихся со

средними показателям массы тела и окружности грудной клетки. Уменьшение количества детей со средними показателями физического развития сопровождается в большинстве случаев увеличением крайних вариантов – с низкими и высокими показателями. Скрининг-оценка адаптационного потенциала, произведенная на основании изучения показателей физического развития, сердечно-сосудистой системы и психофизических механизмов адаптации по методу Р. М. Баевского подтверждается напряжением механизмов функциональной адаптации, возрастание которых связано со степенью урбанизации.

ТОМАШЕВИЧ Татьяна Владимировна

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

О ДВУХ ПРОЕКЦИЯХ КРАНИОЛОГИЧЕСКОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ

Вопрос о взаимосвязи двух краниологических систем признаков – краниометрической и краниоскопической (в значении этого термина следую А. Г. Козинцеву) – был поднят в годы бума увлеченности вторыми в 60-е гг. XX в. А. Чеснис характеризовал свою обширную программу дискретных признаков как дополнительный к краниометрии набор фенотипических маркеров. А. Г. Козинцев, специально рассмотрев обсуждаемый вопрос, пришел к заключению, что эти две системы признаков морфологически независимы. А. А. Мовсеян считает «дискретно-варьирующие признаки «... типичными фенами»... причем даже «редкие и, казалось бы, неинформативные для классификации признаки могут служить важными индикаторами как возможных миграций, так и родственных связей внутри популяций». Статистическое оценивание ассоциаций предложенных мной краниоскопических признаков (надглазничного канала, третьего решетчатого отверстия) с 27 стандартными краниометрическими признаками в восьми расовополовых группах выявляет их функциональные онтогенетические связи. Эти связи значительно выше для эпиптерных костей – краниоскопического признака, малоподходящего для выявления расогенетических процессов, но ценного для выявления семейного родства. Поэтому я настаиваю на том, что краниометрические и краниоскопические признаки – две онтогенетически зависимые проекции краниологической изменчивости. Это необходимо иметь в виду при отборе признаков.

ТЮРИН Руслан Александрович

ООО «Терра», г. Воронеж

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ КУРГАНА ЛОЩИНА (ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

В данной работе приводится комплексное описание антропологического материала из погребального памятника эпохи бронзы – одиночного кургана у

х. Лощина Россосанского района, Воронежской области. Расположение рассматриваемого в работе кургана соответствует пограничью донской степи и лесостепи в правобережье Среднего Дона.

Одиночный курган у х. Лощина расположен на невысокой первой надпойменной террасе (высота над уровнем поймы около 5 м) левого берега р. Черная Калитва. Кургана был исследован в 2006 г., в нем было обнаружено 23 погребения носителей правобережного варианта среднедонской катакомбной культуры и лесостепной срубной культуры (ранний период, так называемый покровский тип) а также погребения, относящиеся к средневековому времени.

УТЕВСКАЯ Ольга Михайловна,

НОВИКОВА Оксана Юрьевна,

АТРАМЕНТОВА Любовь Алексеевна

Харьковский национальный университет, г. Харьков (Украина)

ДИБИРОВА Хадиджат Дибирова,

БАЛАНОВСКИЙ Олег Павлович,

КУЗНЕЦОВА Марина Александровна,

ЗАХАРОВА Татьяна Александровна

Медико-генетический научный центр РАМН, г. Москва

ПОЧЕШХОВА Эльвира Аслановна

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

ЧУХРЯЕВА Марина Игоревна

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ ЧЕТЫРЕХ ГРУПП КАЗАЧЕСТВА: АНАЛИЗ ГАПЛОГРУПП Y-ХРОМОСОМЫ*

В зоне контакта восточных славян с кочевыми народами «Дикого поля» и народами Кавказа сформировалось несколько групп казачества. Нами исследованы генофонды кубанских (объем выборки N=95), донских (N=323), запорожских (N=86) и терских (N=125) казаков. При анализе полиморфизма Y-хромосомы использована широкая панель SNP маркеров, позволяющая фиксировать миграции мужского населения.

Значительную часть – 95% – обобщенного генофонда казаков (N=629) составили Y-гаплогруппы *R1a1a, I2a, R1a1a1g, G2a, N1c1, R1b1b2, J2a, I1* (перечислены в порядке убывания частот). Остальные гаплогруппы – *G1, E1b1a, E1b1b1, E1b1b1a, J1, J1e, J2b, L2, N1, N1c, O3, Q, R1b, T* – составляют суммарно лишь 5%. При этом кубанские, донские и запорожские казаки имеют типичный для восточных славян паттерн гаплогрупп Y-хромосомы; на графике многомерного шкалирования их популяции образуют компактный кластер вместе с русскими, украинцами и белорусами, дистанцируясь от народов Кавказа и татар; на дендрограмме генетических расстояний они представляют единый кластер, который далее объединяется с кластером восточных славян.

Таким образом, обнаружено значительное генетическое сходство между кубанскими, донскими и за-

* Работа поддержана грантами РФФИ 10-06-00451а, 10-04-01603-а, 08-06-00102а.

порожскими казаками и близость их обобщенного генофонда к русским, украинцам и белорусам. Генофонд кубанских, донских и запорожских казаков образует единый южный фрагмент восточнославянского генофонда, что согласуется с историческими сведениями об их происхождении и взаимных миграциях. Генофонд терских казаков занимает обособленное положение, указывающее на включение представителей коренных народов Кавказа в состав терского казачества.

**ФРИЗЕН Сергей Юрьевич,
ПЕСТРЯКОВ Александр Петрович**

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАННЕКОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫХ ПАРАМЕТРОВ МОЗГОВОГО ЧЕРЕПА)

Краниологические серии савроматского и раннесарматского времени из Южного Приуралья и Западного Казахстана были изучены по стандартной краниологической программе и проанализированы с помощью метода главных компонент. В результате выделяются два морфологических варианта в мужской серии и три – в женской. Варианты различаются между собой по параметрам лицевого скелета. Нами была предпринята попытка их (вариантов) сопоставления с использованием генерализованных параметров мозговой коробки. Исходя из результатов сопоставления, необходимо отметить, что при достоверности различий выделенных морфологических вариантов по целому ряду параметров серия принадлежит к единому панорамному голарктичному пласту. Проведенный межгрупповой анализ, по нашему мнению, позволяет предположить, что происхождение савромато-сарматского населения Южного Урала связано с импульсом из Южного Приуралья, с последующим расселением на территории Среднего и Нижнего Поволжья и Западной Сибири.

ХАЛДЕЕВА Наталия Ивановна

*Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

АНТРОПОЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА РОСТА В СОВРЕМЕННЫХ ГРУППАХ

Длина тела является антропологическим критерием, отражающим многофакторные биосоциальные процессы и объективной биологической характеристикой индивидуума и популяции. Рост человека, будучи объективным для восприятия признаком, связывается с рядом значимых био-социокультурных представлений. Методами антропоэстетики можно исследовать особенности эстетического восприятия роста в разных этнотерриториальных группах, что явилось темой данной работы. Исследование проводилось в рамках антропоэстетической программы,

основанной на изучении выбора вариантов красивой внешности и её элементов, в частности роста в разных группах.

Обследовались 20 групп: русские разных регионов, татары, русско-татарские метисы чувашей, марийцы, мордва, коми, башкиры, калмыки, литовцы, арабы, венгры, китайцы (выборки 16–18 и 20–25 лет). Анализ проводился по моделям МРТМ (выбор мужчинами вариантов мужского роста) и FРТМ (выбор женщинами вариантов мужского роста).

Для внутригруппового и межгруппового сравнения применялись регрессионный и дисперсионный методы. Сделаны выводы: 1. В некоторых группах фиксируется заметная связь эстетически предпочитаемых параметров роста и его реальных антропологических показателей. 2. Относительная гетерогенность выбора роста в некоторых группах проявляется в относительно слабой связи между реальными и «идеальными» параметрами роста. 3. В стратегии мужского выбора (МРТМ) заметны дифференцирующие тенденции, очерчивающие общности этнического, регионального, этногенетического, этнокультурного характера. 4. Антропоэстетическая «ростовая» стратегия русско-татарских метисов (модель МРТМ) проявляется в большей интегрированности с одним из родительских этносов. 5. Позиции групп временных мигрантов (студенты китайцы и арабы г. Москвы) в заметной степени ориентированы по шкале «запад – восток». 6. Выбор мужчинами вариантов мужского роста можно определить как антропоэстетическую презентацию мужского статуса. 7. По модели FРТМ рисуется менее структурированная картина. Группа русско-татарских метисов сближается с татарами Казани (20–25 лет), заметно отделяясь от татар Казани (16–18 лет). Группы временных мигрантов (студенты арабы и китайцы г. Москвы) сближаются с русскими группами. В целом, эстетическая стратегия женщин при выборе мужского роста демонстрирует увеличение пространства выбора, выходя за рамки группы*.

ХОХЛОВ Александр Александрович

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ УРАЛОИДНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ В СЛОЖЕНИИ ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА НОСИТЕЛЕЙ СТЕПНЫХ КУЛЬТУР ВОЛГО-УРАЛЬЯ ЭПОХ НЕОЛИТА–БРОНЗЫ

По современным научным данным в эпохи неолита-энеолита в Приуралье и Зауралье складывается и существует специфический антропологический пласт. В расовом отношении он занимает самостоятельную позицию наравне с европеоидной и монголоидной конгломерациями. Многочисленные и надежно датированные археологические материалы с территорий лесостепных и степных пространств

* Работа поддерживалась РФФИ (проект 06-09-00114а).

Поволжья, Южного Урала, северо-западного Казахстана показывают, что в развитии культур энеолита-бронзы этих регионов, а также в дальнейшем участвуют народы северного происхождения, в том числе с территорий Урала. Весомерно представительные краиниологические данные демонстрируют, что это влияние зачастую сопровождалось процессом метисации и обновлением физического облика носителей степных культур, в свою очередь, игравших заметную роль в культурогенезе народов Восточной Европы и Азии.

ШЕРЕМЕТЬЕВА Валентина Алексеевна

Кафедра антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

НАСЛЕДСТВЕННОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В ПРОЦЕССЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ В СИСТЕМЕ ДРЕВНИХ ИЗОЛЯТОВ ЧЕЛОВЕКА В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Генетические основы полиморфизма организмов были показаны открытием групп крови человека. До конца 50-х гг. XX в. изучение групп крови носило случайный характер, и только в 60-е гг. приобрели популяционно-генетический характер, во многом благодаря двадцатилетним комплексным исследованиям Сибирской генетико-антропологической экспедиции МГУ (научный руководитель Ю. Г. Рычков). Инициатором работ по популяционной генетике был Г. Ф. Дебец. Автор настоящего сообщения являлся участником экспедиции (1963–1980 гг.).

Суммированы антропологические и популяционно-генетические материалы по этническим популяциям Северной Азии: коми, хантам, манси, ненцам, селькупам, нганасанам, алтай-кижи, теленгетам, тубаларам, кумандинцам, шорцам, тофаларам, тоджинцам, эвенкам, эвенам, якутам, бурятам, нанайцам, ульчам, негидальцам, нивхам, чукчам, корякам, эскимосам и алеутам Командорских островов. Главное внимание уделено наиболее древним и наиболее изолированным популяциям Сибири и Северной Азии. Генетический полиморфизм (иммунно-биохимический, физиологический, морфологический, молекулярный) и генетическое разнообразие в различных этнических группах изучены на уровне элементарных популяций. Созданы геногеографические и антропологические карты.

Рассмотрена проблема микроэволюции и стабилизации популяций в Северной Азии в отрезке палеолит – современность. На основе разработанного нами метода генохронологии исторических событий по данным о современном генетическом разнообразии всех коренных народов Сибири установлена длительность процессов генетической дифференциации населения Северной Азии и древность дивергенции населения Америки и Старого Света; получены доказательства того, что оцениваемый лишь в среднем по совокупности полиморфных локусов микроэволюционный процесс соответствует селективно нейтральному.

В заключение можно сказать, что изучение генетической изменчивости человека в Северной Азии проведено по исторически сложившейся системе популяционных точек.

ШИРОБОКОВ Иван Григорьевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА: ДЕРМАТОГЛИФИКА РУССКИХ КАРЕЛИИ И АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Доклад посвящен изучению дерматоглифических признаков в трех локальных группах русских Северо-Запада России и основан на материалах, собранных автором в течение последних двух лет. В качестве сравнительных материалов в исследовании использованы несколько десятков мужских и женских территориальных этнических групп Северной и Восточной Европы. Результаты анализа подтвердили существенную роль субстратного, вероятно, финно-угорского населения в формировании состава современных групп русских Карелии, а также показали сходство отдельных выборок русских северо-западных областей России. Выявленные особенности дифференциации групп в значительной степени согласуются с историческими источниками об освоении территории Русского Севера в эпоху Средневековья. Несмотря на целый ряд факторов, оказавших и продолжающих оказывать значительное влияние на изменения этнической и демографической картины в регионе на протяжении XX – начала XXI в., результаты исследования свидетельствуют о том, что антропологический состав местного населения по комплексу дерматоглифических признаков сохраняет устойчивый и даже «консервативный» характер. Это позволило выдвинуть и обосновать предположения о генетических истоках основных компонентов, принявших участие в его формировании, как для современной эпохи, так и для более ранних периодов истории.

ШПАК Лариса Юрьевна

Кафедра антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ЦВЕТОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ У ШКОЛЬНИКОВ С РАЗНОЙ ТРЕВОЖНОСТЬЮ

В настоящее время у российских детей и подростков отмечаются крайне низкие показатели здоровья, увеличивается число «тревожных» детей, отличающихся эмоциональной неустойчивостью, повышенным беспокойством, что нередко провоцирует развитие у них синдрома школьной дезадаптации и ведет к обострению уже имеющихся хронических заболеваний или к появлению серьезных психосоматических нарушений здоровья. Данное исследование

посвящено изучению физического и функционального состояния современных школьников и поиску дополнительных критериев оценки уровня их психоэмоциональной адаптации. Помимо программы антропометрических измерений и установления физиологических и функциональных показателей, применялось психологическое тестирование, определяющее уровень тревожности учащихся и направленное на выявление групп риска по устойчивости к психоэмоциональному стрессу в условиях школы. Кроме того, применялся тест-опрос, направленный на выяснение цветовых предпочтений среди подростков. Для этого автором была разработана оригинальная методика количественной оценки цветоотношения и бланк опросника, в котором не использовались проективные цветовые карточки, принятые в существующих цветовых психодиагностических тестах.

Показатели психоэмоциональной адаптации (и тревожность, и цвет) выявляют различную половозрастную специфику по отдельным факторам (факторы тревожности и различные количественные цветовые характеристики). По результатам цветового тестирования, у школьников проявляется четкая половая дифференцированность в отношении следующих предпочтительных выборов: голубой, желтый, фиолетовый, черный. Тесты психологической программы обследования определяют различный процент «тревожных» школьников в выборке, но в целом свидетельствуют о достаточно высоком психоэмоциональном адаптационном потенциале исследуемой группы. Гармоничное физическое (рост/вес/половое созревание) развитие отмечается у более чем 70% обследованных московских школьников.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Cooper A. 541	Арсланов Л. Ш. 202	Белкина Т. Л. 272, 453
Der Sarkissian C. 542	Артемова О. Ю. 299	Белков П. Л. 309, 402
Haak W. 541	Артемова Ю. А. 401	Белоус Н. К. 431
Nymadava P. 541	Арутюнов С. А. 243	Беляева Н. Ф. 184
Pitchappan R. 541	Архипенко Н. А. 91	Беляева С. С. 50, 272
Rygina L. 78	Архипова М. Н. 325	Белянская М. Х. 227
Shiro S. 396	Асрибекова Т. В. 419	Бендюков А. 91
Абазов А. Х. 444	Астафьева О. Н. 312	Бердинских В. А. 63
Абашин С. Н. 419	Астэр И. В. 300, 377	Бердников И. М. 542
Абдулаева Э. С. 199	Атаходжаев А. М. 174	Бердникова Н. Е. 542
Абилов И. Ш. 63	Атраментова Л. А. 552	Бережков Д. В. 234
Абрамов В. К. 182	Атрошенко О. В. 495	Бережнова М. Л. 83
Абрамов И. В. 226	Афанасьева А. О. 541	Березович Е. Л. 496
Абрамов Р. Н. 75	Афанасьева К. В. 234	Беркович Н. А. 378
Абрамова Е. И. 495	Афанасьева Ю. Ю. 286	Бесолова Е. Б. 347, 348
Абрамова М. А. 165, 375	Ахатов А. Т. 134	Биланчук Р. П. 63
Абрамова О. В. 182	Ахмедова Н. Р. 175	Биче-оол С. М. 154
Абсалимова Ю. А. 133	Ахметова М. В. 483	Благовещенская Л. Д. 218
Аверьянов Ю. А. 153	Ахметшина Э. И. 540	Блинова А. Н. 419
Авксентьев В. А. 153	Ахунова Э. Р. 38, 49	Блусенкова И. В. 211
Агаджанян Л. А. 401	Бабенко В. Я. 210, 377	Боброва А. И. 256
Агеева О. Г. 452	Бабич О. Ю. 347	Бовин В. Б. 97
Агларов М. А. 199	Баглай В. Е. 483	Богатова О. А. 154, 379
Агранат Т. Б. 253	Бадараев Д. Д. 166	Богачева М. В. 497
Адаев В. Н. 104	Бадгаев Н. Б. 495	Боев А. А. 218
Азаматова Г. К. 199	Бадмаева Е. Н. 206	Бойко Ю. И. 272
Аккиева С. И. 83, 375	Бадмаева Т. Б. 104	Бойцова О. Ю. 92
Аксёнова Н. В. 75, 521	Байбурун А. К. 411	Большакова А. В. 453
Аксенова Т. В. 133, 153	Байгожина А. М. 92	Большакова Н. В. 497
Аксянова Г. А. 253	Бакаева Э. П. 512	Бондарев А. В. 309
Албогачиева М. С.-Г. 444	Бакиева Г. Т. 287	Бондаренко А. Ф. 218
Александренков Э. Г. 38	Балаганская О. А. 264, 541, 545	Борисова О. Г. 497
Александров Е. В. 91	Балаганский А. Г. 541	Боров А. Х. 38
Алексеев А. К. 154	Балановская Е. В. 541, 542, 545, 549	Бороноева Д. Ц. 92
Алексеева Н. В. 318	Балановский О. П. 541, 542, 545, 552	Боруцкая С. Б. 543, 544
Алексеевский М. Д. 206	Балинова Н. В. 210	Бочарников В. Н. 234
Алексеевский М. Д. 206	Балуева Т. С. 254	Бочарникова А. В. 227
Алексеевский М. Д. 206	Баляев С. И. 183	Бочаров В. В. 411
Алексеевский М. Д. 206	Банщикова Н. В. 226	Братолобова М. В. 411
Алиева В. Р. 174, 176, 324, 417	Баранов Д. А. 49	Братухина М. Ю. 491
Алимов А. Н. 375	Баранова О. Г. 329	Бреслав Г. Э. 342
Алтанцэцэг А. 529	Бартош О. П. 254	Брусина О. И. 445
Аманжолова Д. А. 347, 376	Бартош Т. П. 254	Бубнова Н. А. 256
Амелин В. В. 133	Басангова (Борджанова) Т. Г. 243	Буганов А. В. 125
Аминев З. Г. 206, 437	Баташев М. С. 255	Будинас Б. Л. 93
Аминова А. Ю. 174	Батиева Е. Ф. 542	Бужилова А. П. 542
Амоглонова Д. Д. 299	Батыров В. В. 207, 378	Бузин В. С. 402
Анайбан З. В. 165	Батъянова Е. П. 255, 402	Булатов А. О. 445
Андреева О. Н. 182	Бауэр Т. В. 361	Булгакова Т. Д. 529
Андреева Ю. О. 286	Бахвалова Т. В. 496	Булдакова Ю. Р. 529
Андронов В. П. 286	Бахолдина В. Ю. 256	Бунчук Т. Н. 515
Андропова Т. Д. 286	Баязитова Р. Р. 134, 452	Буркова В. Н. 287, 288
Анжиганова Л. В. 165, 376	Белевцова В. О. 135, 183	Бурнаев А. Г. 437
Антагулов И. Р. 376	Белецкая Е. М. 378	Бурыкин А. А. 431, 432, 483, 484
Антонова М. С. 329, 377	Беликова О. Б. 49, 515	Бутенко Е. Л. 50
Антропов Е. В. 91	Белкина Н. А. 329	Бутовская М. Л. 288, 289, 290
Антропова Н. А. 116, 401		Бутылов Н. В. 512
Аргудяева Ю. В. 299, 452		Быкова С. И. 75, 412
Арефьева А. Г. 83		
Арзютов Д. В. 419		

- Валиахметов Р. М. 135
 Вандор А. 268
 Вандышева Г. А. 300
 Варданян Е. М. 453
 Варивода Н. В. 200
 Варламова Т. 529
 Варнавский П. К. 288
 Васильев А. Г. 309
 Васильев В. Л. 497
 Васильев С. В. 543, 544
 Васильцов К. С. 155
 Вдовченков Е. В. 155
 Везик Л. 330
 Везнер Н. Н. 84, 288
 Векилова С. А. 104
 Венгер Н. В. 300
 Вендина Т. И. 498
 Венкова А. В. 319
 Вереш П. 379
 Верещагина А. В. 211
 Вержибок Г. В. 454
 Веригин С. Г. 248
 Веселовская Е. В. 289
 Викторин В. М. 135, 498
 Виноградов В. В. 64, 318
 Виноградова Л. Ш. 540
 Виноградова О. В. 301
 Винокурова А. В. 166
 Винокурова А. А. 227
 Винокурова И. Ю. 330
 Винокурова Н. А. 455
 Винокурова У. А. 50, 235
 Винтина С. Г. 330
 Вислова А. В. 319
 Витенкова И. Ф. 342
 Вишнякова Д. В. 456
 Владимирова Т. Е. 498
 Власенкова Е. С. 432
 Власкина Н. А. 91
 Власкина Т. Ю. 91, 457
 Власова В. В. 331
 Власова И. В. 125
 Водовозова И. В. 343, 348
 Воздиган К. М. 318, 348
 Войтишек Е. Э. 105
 Волдина Т. В. 529
 Волжанина Е. А. 289
 Волкова М. С. 184
 Волкова О. А. 457
 Володина Т. В. 528, 368
 Воробьев Д. В. 64, 257
 Ворожищева О. М. 379
 Воронина Т. А. 243
 Воронцов В. С. 211, 301
 Воронцова Ю. Б. 499
 Вуквукай Н. И. 349, 485
 Вукович И. 349
 Выдрина Г. А. 167
 Вятчина М. В. 101
 Габбасов С. М. 289
 Габдрахманова Г. Ф. 112, 521
 Габдулгафарова И. М. 310
 Габриелян М. Р. 380
 Гавришина В. В. 515
 Гаджиева А. А. 50
 Газимзянов И. Р. 544
 Гайдамашко Р. В. 515
 Галеев Р. М. 542
 Галимова Л. Н. 361
 Галушко В. Г. 343
 Гамзатова П. 349
 Гамидова С. У. 200
 Ганцовская Н. С. 500
 Ганчев А. И. 521
 Гапова Е. И. 76
 Гармаева Т. В. 212
 Гафурова З. Р. 320
 Гашилова Л. Б. 500
 Герасимова М. М. 544
 Гильмуллина Д. А. 235
 Гимбатова М. Б. 457
 Главацкая Е. М. 93, 491
 Глушецкий А. А. 218
 Глушкова И. П. 105
 Глушкова Т. Н. 380
 Глушковски П. А. 313
 Година Е. З. 257
 Годовых Т. В. 212, 368
 Голант Н. Г. 51
 Голева Т. Г. 185
 Голикова Н. В. 458
 Голикова С. В. 491
 Головизнин М. В. 529
 Головнёв А. В. 93, 195
 Головнев И. А. 5
 Голлобова В. Н. 167
 Голубев А. В. 64, 155
 Гончарова Г. С. 167
 Гончарова Е. З. 94, 445
 Гончарова Т. А. 420
 Гончикдоржиева О. Ж. 167
 Горошков Н. П. 112
 Гостиева Л. К. 39
 Гречишкина М. В. 458
 Грибкова Е. Ю. 219
 Грибченко Ю. Н. 257, 258
 Григорович Н. Б. 320
 Григорьева М. А. 94
 Григорьева Н. Е. 500
 Григорьева О. М. 267
 Григорьева Р. А. 381
 Григулевич Н. И. 65, 116
 Гринько И. А. 76
 Гриценко А. А. 420
 Гриценко В. В. 290
 Гриценко Г. Д. 273
 Гришина И. Е. 112
 Громов Д. В. 459
 Громова А. В. 185
 Грот Л. П. 381, 485
 Грошев И. Л. 156
 Грошева И. А. 156
 Губогло М. Н. 381
 Гудкова Л. К. 258
 Гудович И. С. 455
 Гулавская В. В. 136
 Гуревичева Ю. А. 185
 Гусева Ю. Н. 136
 Гущина В. А. 219
 Гущина Е. Г. 51, 94
 Гусян Л. С. 52
 Гюль Э. 350
 Давлетшина З. М. 136
 Давыдов В. Н. 412
 Давыдов Д. В. 137
 Давыдова О. Э. 212, 403
 Дагаева Е. А. 76
 Дамаданова С. Р. 350, 351
 Дамдынчап В. М. 446
 Данилевский И. Н. 361
 Данилейко В. А. 255, 258
 Данилко Е. С. 95, 301
 Данилкович Н. М. 259
 Даутова С. С. 65
 Дашкевич Л. А. 492
 Денисова И. М. 125
 Дерябина О. Н. 273
 Детлова Е. В. 259
 Джамалова Э. К. 446
 Джамирзаев В. С. 522
 Джамирзаев С. М. 522
 Джандосова З. А. 156
 Джапуа З. Д. 65
 Дзибель Г. В. 485
 Дианова Е. В. 331, 351
 Дианова К. А. 362
 Дианова Т. Б. 66, 530
 Дибирова Х. Д. 545, 549, 552
 Днестровская М. В. 316
 Добровольская М. В. 259
 Добровольский Д. А. 362
 Добронравин Н. А. 433
 Долгополов К. В. 420
 Домосилецкая М. В. 516
 Донина Л. Н. 137, 351
 Доронин Д. Ю. 403
 Дорофеева Е. М. 219
 Дорошенко Т. И. 175
 Досэ Ф. 116
 Драмбян М. И. 290
 Дронова Д. А. 290
 Дрынкина Т. И. 382
 Дубашинский Р. Ю. 343
 Дубина В. С. 459
 Дубова Н. А. 352, 382
 Дубровская Е. Ю. 331, 362
 Дугушина А. С. 52

- Дульнев Г. Н. 531
 Дыртык-Оол А. О. 52
 Дьякова Е. В. 95
 Дьяконова М. В. 522
 Евтеев А. А. 260, 545
 Егоров Д. В. 446
 Егоров С. Б. 403
 Екеева Н. М. 168
 Епископян Л. М. 545
 Еремеева А. Н. 77
 Еремкина О. А. 186
 Ермак Г. Г. 383
 Ермакова Е. Е. 530
 Ермакбаев Ж. А. 383
 Ермишина А. В. 53, 352
 Ермолин Д. С. 53
 Ерохина Е. А. 168, 383
 Ершов В. П. 332
 Есакова М. Н. 510
 Ефимова С. Г. 260
 Ефимова-Соколова О. Л. 459
 Ефремова М. В. 301
 Ефремова Ю. Н. 39
 Жантасова Ж. Ж. 291
 Желтов А. А. 126, 243
 Жеребцов И. Л. 250
 Жигунова М. А. 168, 384
 Жиндеева Е. А. 186, 459
 Жук А. В. 40
 Жуков А. Ю. 318, 332
 Жуковская Н. Л. 244
 Жульников А. М. 106
 Жэнь Гоин 384
 Забродская А. Н. 385
 Заварюхин Н. В. 186
 Задорожная Л. В. 257
 Зайцев В. М. 491
 Зайцева Н. Г. 239, 501
 Закирова И. Г. 437
 Запорожченко В. В. 542
 Заседателева Л. Б. 126
 Захарова Е. Ю. 403
 Захарова Т. А. 545, 552
 Зверев В. А. 333
 Зверева Ю. И. 53
 Зеткина И. А. 291
 Зинурова Р. Р. 438
 Златанович С. 333
 Змеева О. В. 213, 421
 Золотова Т. Н. 333
 Золотухина М. В. 460
 Зорин В. Ю. 385
 Зорина Л. Ю. 501
 Зосимов Г. И. 322
 Зотова Н. А. 213
 Зрилиа О. С. 530
 Зубаирова-Валеева А. С. 531
 Зубарева А. В. 94
 Зубарева И. Г. 116
 Зубов И. В. 438
 Зубова А. В. 270
 Зубова Е. В. 438, 545
 Ибрагимов М.-Р. А. 386
 Иванов А. В. 486
 Иванова А. А. 273
 Иванова В. В. 433
 Иванова Е. М. 261
 Иванова Л. И. 186, 368
 Иванова-Бучатская Ю. В. 54, 334
 Иванович-Баришич М. 334
 Иванчина О. А. 137, 460
 Ивашкин С. Н. 320
 Ившина М. В. 461
 Игнатъева В. Б. 261
 Игнатъева О. П. 207
 Идиатулло А. К. 138
 Идрисов Э. Ш. 138
 Измаилов Г. М. 201
 Иларионова Т. С. 84
 Илимбетова А. Ф. 138
 Ильин Д. Ф. 438
 Ильин И. Е. 274
 Ильинич Т. К. 274
 Илюха О. П. 117, 248
 Иноятова Д. М. 176, 421
 Ионова М. В. 139
 Ипатова И. С. 106, 501
 Ипполитова А. Б. 40, 516
 Исаева Ю. А. 95
 Исакова Ж. Т. 541
 Исаченко Т. А. 244
 Исламова Н. М. 539
 Исхаков Д. М. 386
 Кабакова Г. И. 461
 Кадырова З. Р. 176
 Казакбиева О. И. 200
 Казакевич О. А. 96, 261
 Казаков Р. Б. 362
 Казакова К. С. 59
 Казакова-Апкаримова Е. Ю. 461
 Казаченко Б. Н. 66, 363, 486
 Казурова Н. В. 96, 353
 Кайчук В. С. 219
 Каксин А. Д. 501, 512
 Каландаров Т. С. 156
 Калачёва И. И. 462
 Калле Р. 519
 Калуцков В. Н. 274
 Кальнин А. М. 96, 201
 Камалова Г. Р. 157, 386
 Кан В. С. 84
 Кандрина И. А. 369
 Каншоков М. В. 412
 Капуста Л. И. 220
 Капустина Е. Л. 404
 Карапетова И. А. 40
 Карасева Н. К. 228
 Каримов Б. Р. 169, 176, 187
 Карлов В. В. 262, 387
 Карпова Е. А. 522
 Карпун М. А. 516
 Карташова М. В. 220
 Карцев П. П. 66, 513
 Касмел Т. Я. 369, 531
 Касмел Я. Я. 369, 531
 Касперович Г. И. 126
 Катеб К. 117
 Катомина А. П. 517
 Качинская И. Б. 502
 Кашаев Т. М. 177, 523
 Кашибадзе В. Ф. 546
 Каштанова П. В. 187
 Квашнин Ю. Н. 262
 Квилинкова Е. Н. 213, 325
 Керимова М. М. 41
 Кешева З. М. 201
 Кириллова Р. В. 439
 Кириченко О. В. 127
 Кирсанова А. А. 354
 Киселёв А. В. 54
 Киселёва И. А. 67
 Кисель В. А. 517
 Китов Е. П. 546
 Кламм В. В. 97
 Климин Е. А. 220
 Клобукова Н. Ф. 321
 Клоков К. Б. 263
 Ключева М. А. 187
 Кляус В. Л. 302
 Кляшев А. Н. 302
 Князькова Л. П. 370
 Кобахидзе Е. И. 412
 Ковалева С. В. 502
 Коваленко К. И. 517
 Ковач Л. 268
 Кожевникова Ю. Н. 249
 Козлов В. Е. 147
 Козлова О. А. 462
 Кознева Л. М. 502
 Кознова И. Е. 275
 Кокоба Е. Г. 263
 Колгушкина Н. В. 117
 Колесниченко С. Г. 97
 Колесов В. И. 421
 Колмаков С. В. 531
 Коломиец О. П. 228, 527
 Колосова В. Б. 517
 Колчина Е. В. 61
 Коляскина Е. А. 463
 Комарова Г. А. 77
 Комиссарова Е. Н. 532, 535
 Комолятова (Теребихина) А. Н. 157
 Кон И. С. 463
 Кондратьева А. В. 289
 Конкка А. П. 335
 Конькова О. И. 322

- Корнева В. Ю. 335
 Корнишина Г. А. 188
 Коростелев А. Д. 139
 Корусенко М. А. 41
 Корусенко С. Н. 67, 422
 Косинцева А. П. 54
 Костикова Н. 85
 Костина Л. Ю. 497
 Кострикина О. А. 464
 Костючук Л. Я. 503
 Котин И. Ю. 413
 Котовская М. Г. 464
 Котылев А. Ю. 41, 302
 Коч С. В. 387, 523
 Кочеляева Н. А. 319
 Кочемасов Г. Г. 188
 Кочергин А. А. 85
 Кочкина И. Ю. 291
 Кошелева Е. Ю. 422
 Кравченко Г. Г. 549
 Красиков А. Н. 275
 Красиков М. М. 106, 336
 Краснодёмбская Н. Г. 157, 221
 Красовская Т. М. 113
 Кржижевский М. В. 86, 524
 Кривошапова Ю. А. 503
 Криничная Н. А. 275
 Крупович Э. Е. 423
 Крылов М. П. 423
 Крылов П. В. 323
 Крюкова В. Ю. 158
 Крюкова С. С. 127, 447
 Кубанцева И. А. 188
 Кузиванова О. Ю. 189
 Кузнецов А. А. 77, 275
 Кузнецов А. В. 140
 Кузнецов Д. Н. 55
 Кузнецов И. В. 423
 Кузнецов Н. Г. 524
 Кузнецова В. П. 97
 Кузнецова М. А. 541, 545, 552
 Кузнецова Р. Ш. 464
 Кузьмина П. В. 433
 Куклина В. 214
 Кулагин О. И. 249
 Кулакова И. П. 78
 Кулешов Д. Н. 214
 Кулланда С. В. 486
 Кулматов Н. Э. 178, 407
 Кульбачевская О. В. 118
 Куперьянов А. А. 532
 Купина Ю. А. 55
 Куприянов П. С. 292, 424
 Купцова И. А. 313
 Купцова О. Н. 465
 Куракина Л. М. 388
 Куренкова Е. И. 258
 Курис И. В. 531
 Куркиева Х. М. 424
 Курленкова А. С. 532
 Курманова С. Р. 336
 Курске В. С. 388
 Курто О. И. 465
 Кутенков П. И. 55, 56
 Куфтерин В. В. 546
 Кухаронак Т. И. 336
 Кучинский М. Г. 404
 Кушаев Р. Р. 424
 Кыйва М. О. 532
 Кюршунова И. А. 503
 Лаврентьева Л. С. 310
 Лавров О. Б. 221
 Лавряшина М. Б. 264, 541
 Лаллукка С. 8, 189
 Ламажаа Ч. К.-О. 169
 Лапина М. А. 533
 Лапкина Н. А. 388
 Ларина Е. И. 325, 425
 Ларионова Ю. А. 533
 Лахонина Н. С. 529
 Ле Коадик Р. 118
 Лебедев В. Ю. 78
 Лебедева А. В. 326
 Лебедева В. В. 228
 Лебедева Е. Г. 264
 Лебедева Л. В. 465
 Легостаев А. С. 42
 Лейбова (Суворова) Н. А. 542
 Леонтьева С. Г. 118
 Леонтьева Т. В. 504
 Лепилкина О. И. 276
 Лепшокова З. Х. 303
 Лесникова А. В. 521
 Лехтинен И. 189
 Линник Ю. В. 276
 Липатова А. П. 67, 292
 Липинский В. 303
 Лисевич Н. Г. 79
 Листова Т. А. 127
 Литвин Ю. В. 466
 Литвина Н. В. 97
 Лихачев Р. А. 98
 Лихоманов А. Е. 533
 Логинов К. К. 319, 337
 Ломоносов М. Ю. 56
 Ломшина Е. Н. 439
 Лугуев С. А. 447
 Лугуев А. С. 337
 Луканова Л. С. 140
 Лукьянец О. С. 42
 Лукьянова О. О. 214
 Лукьянченко Т. В. 264
 Лурье В. Ф. 98
 Лызлова А. С. 329, 466
 Лысенко О. В. 57, 310
 Лыткина Т. С. 466, 525
 Львова Э. Л. 311
 Льюис Д. К. 303
 Любичанковский А. В. 303
 Любичанковский С. В. 42, 413
 Ляля Е. В. 112, 493, 494
 Магомедова М. А. 158
 Магомедсалихов Х. Г. 202, 467
 Магомедханов М. М. 43, 385
 Мадасон Д. А. 98
 Мажейкина Г. Г. 316
 Мазурина В. Н. 221
 Майборода Э. Т. 158
 Майкова Н. В. 354
 Майоров Р. А. 301
 Макарова А. А. 504
 Макарова В. Ю. 304
 Макарова Г. И. 389
 Макарова Е. М. 544
 Макашина Т. С. 128
 Максимов А. А. 236
 Максимов А. Л. 265
 Маланкин А. В. 190
 Маликова Н. Р. 86
 Маловичко С. И. 363
 Мамиева И. В. 202
 Мамонтова Н. А. 405
 Мамонтова О. С. 353
 Мандельштам Балзер М. 401, 529
 Мардоса Й. 277, 337
 Мариненко Е. Л. 58
 Марков В. П. 237
 Мартазова С. Ф. 277
 Мартынова Е. П. 229, 447
 Мартынова М. Ю. 119
 Марфина О. В. 547
 Марченко Г. И. 439
 Марьёнкина Т. А. 194
 Маслинский К. А. 119
 Маслов Д. В. 405
 Матвеев А. С. 17, 236
 Матвеев А. В. 43, 107
 Матвиевская Л. Ф. 487
 Матлин М. Г. 99, 293
 Маурер А. М. 265
 Махалов С. А. 140, 190
 Махмудова З. У. 353
 Махмутов З. А. 159
 Махова Л. П. 293
 Маховская И. С. 68
 Медведев В. В. 141, 143
 Медведок Т. В. 321
 Межевикин И. В. 43, 86
 Мелехова Г. Н. 128
 Мельников Н. П. 50
 Мельникова Е. А. 425
 Мельникова Т. В. 363
 Мелютин М. Н. 277
 Меньшиков Л. А. 322
 Меньшикова Е. В. 249
 Мигранова Э. В. 68, 244
 Микиденко Н. Л. 169

- Милова О. Л. 266
 Милюкова И. А. 390
 Минеева И. Н. 364
 Минеева Т. А. 467
 Минибаева З. И. 120
 Минибаева З. Р. 370
 Миннихметова Т. Г. 370
 Минц С. С. 364
 Миронова В. П. 338
 Миронова Н. В. 354
 Миронова Н. П. 79, 390
 Мирошкин В. В. 190
 Миссонова Л. И. 107
 Михайлова Е. А. 117
 Михайлова Л. П. 505
 Михайлова М. В. 467
 Михайлова Т. А. 159
 Михалева Т. В. 44
 Михеева А. Р. 468
 Мишурина Л. И. 338
 Мишурина О. В. 117
 Мовсесян А. А. 547
 Моисеев В. Г. 547
 Мокшин Н. Ф. 191
 Мокшина Е. Н. 191
 Молотова Т. Л. 192
 Молчанова Е. С. 534
 Молчанова Н. В. 290
 Монахова Е. А. 266, 505
 Монгуш Д. М. 535
 Морозов И. А. 293
 Морозова Е. Н. 192
 Мукнаева Т. И. 476
 Муллагулов М. Г. 159
 Муллонов И. И. 19
 Мурадов Р. Г. 390
 Муратова Е. Г. 38, 113, 448
 Мурашко О. А. 236
 Муртузалиев С. И. 237, 391
 Мусина Р. Н. 142, 160
 Муха В. Н. 391
 Мухамедов Ш. Б. 177
 Мухаметшина Н. С. 304
 Мухина З. З. 468
 Мухотина Н. А. 326
 Мухтарова Г. Р. 68
 Мычко М. В. 254
 Нагапетова Р. Р. 391
 Нагорнова Е. С. 142
 Надь З. 405
 Назаров И. И. 425
 Назаров Р. Р. 177, 324
 Назарцева Т. М. 57
 Найденова Е. А. 120
 Нальчикова Е. А. 448, 469
 Нам И. В. 426
 Нанзатов Б. З. 426
 Напольских В. В. 513
 Насилов Д. М. 432
 Насонова О. Г. 546
 Наумова Н. И. 278
 Наумова О. Б. 325, 425
 Наумова О. Д. 392
 Невская Т. А. 469
 Невский С. А. 505
 Недзелюк Т. Г. 170, 427
 Нежметдинова Ф. Т. 534
 Некрасова М. А. 129
 Нестерова Н. А. 237
 Нестерова С. Л. 87
 Нечвалода (Никонорова) Е. Е. 142
 Нечвалода А. И. 548
 Низамова Л. Р. 294
 Никаноров А. Б. 221
 Никитина Г. А. (Москва) 129
 Никитина Г. А. (Ижевск) 278
 Никитина С. Е. 69, 304
 Никишенков А. А. 44, 120
 Николаев О. Р. 57, 121
 Николаева Д. А. 278, 469
 Николаева Е. А. 470
 Николаева Е. В. 344
 Николаева О. В. 392
 Никонова И. Е. 470
 Никонова Л. И. 371
 Никулина Е. Е. 58
 Новик А. А. 58, 355
 Новикова Н. В. 470
 Новикова Н. И. 406, 448
 Новикова О. Ю. 552
 Новинская Т. Ю. 413
 Новожилов А. Г. 406
 Носенко-Штейн Е. Э. 294, 393
 Носкова Х. 294
 Нуркова В. В. 316
 Овсянников А. А. 532
 Овчарова М. А. 393
 Ожиганова А. А. 534
 Окладникова Е. А. 279, 434
 Октябрьская И. В. 99, 427
 Омакаева Э. У. 344, 372
 Онучина Т. А. 245
 Орехова Н. А. 266
 Орлова Н. Х. 471
 Осипов В. И. 305
 Осипова М. В. 355
 Осипова О. С. 471
 Остапенко Л. В. 393
 Охотников А. Ю. 69, 427
 Павлова Е. Ю. 355
 Павлова Л. А. 535
 Павлова О. Н. 472
 Павлова О. С. 87, 202
 Паликова О. Н. 505
 Паликова Т. В. 338, 472
 Панасюк Т. В. 535
 Панов С. В. 320
 Пантелеева Т. А. 27
 Партанен Ю. 492
 Патрушева Г. М. 58
 Пация Е. Я. 59
 Пашков А. М. 250, 364
 Пашкова А. А. 250
 Пашуткина В. Н. 440
 Пежемский Д. В. 267
 Пекина А. М. 59, 222
 Перевалова Е. В. 107
 Перевозчиков Ю. А. 192
 Перепелица Т. В. 525
 Перлов А. М. 79
 Пермиловская А. Б. 279
 Персидская О. А. 170
 Пестей Ф. 121
 Пестряков А. П. 267, 553
 Песьякова О. П. 222
 Петкевичус Р. Р. 518
 Петляр А. П. 215, 356
 Петров И. Г. 143
 Петров Н. В. 519
 Петрова А. А. 99, 280, 295
 Петрова Е. В. 339
 Петрова И. А. 536
 Петрова Н. С. 87
 Печенкина Е. 548
 Пивнева Е. А. 229
 Пивоварова Л. Н. 356
 Пивоварова М. Н. 215, 394
 Пиир А. М. 323
 Пимпирева Ж. Г. 394, 525
 Пискунова Л. П. 79
 Плужников Н. В. 108
 Побережников И. В. 365
 Поворознюк О. А. 406
 Погорельский П. И. 536
 Подлесных О. Н. 121
 Подрезова С. В. 44, 305
 Поздеев И. Л. 280
 Полещук В. В. 121
 Полина Н. И. 345
 Понурко К. О. 339
 Попей-Оол С. К. 295
 Попков Ю. В. 171
 Попов А. А. 237, 250
 Попов В. А. (Псков) 433
 Попов В. А. (СПб) 434, 487
 Попов Н. С. 119
 Попова А. Г. 238
 Попова А. Д. 449
 Попова Е. А. 339
 Попова Е. В. 100, 119
 Попова И. С. 295
 Попова Л. Ф. 160
 Попова О. Д. 472
 Поповкин А. В. 536
 Поповкина Г. С. 372, 536
 Порозова А. Д. 372
 Поршнева О. С. 365

Почакаев Р. Ю. 449
 Почешхова Э. А. 545, 549, 552
 Прасолов Д. Н. 203, 414
 Привалова В. М. 357
 Пригарин А. А. 79, 305
 Прищепова В. А. 161
 Прописнова Е. О. 537
 Просикова Е. А. 289
 Пулькин М. В. 365
 Пушкарёва Н. Л. 473
 Пушкин С. Н. 45, 171
 Пчелинцева Н. Д. 80
 Пьянкова К. В. 506
 Пюльзо Е. А. 506
 Раджабов М. О. 549
 Радин П. В. 222
 Радойичич Д. 23
 Ражев Д. И. 267
 Разин А. А. 311
 Разумова И. А. 473
 Ракачева Я. В. 394
 Ракова Л. В. 295
 Рандымова З. И. 268
 Распопова С. Л. 88
 Расулова З. А. 178
 Рахимов Р. Р. 161
 Рахматуллаев Ш. М. 178, 407
 Реброва И. В. 69, 474
 Ревин И. А. 70, 427
 Ревина Е. В. 395
 Резван Е. А. 162
 Резван М. Е. 162
 Рейс Т. М. 268
 Рейфман Б. В. 316
 Ретеюм А. Ю. 108, 129
 Ригонен В. И. 537
 Ризниченко Г. Ю. 455
 Рогачев В. И. 144, 186
 Роготнев И. Ю. 100
 Родин А. Н. 113, 414
 Родионов В. Г. 161
 Родионова А. П. 506
 Рожков А. Ю. 122
 Розанов Ю. В. 281
 Розанова М. С. 395
 Романова Е. Н. 245
 Романова И. Н. 68
 Романова М. Н. 373
 Ростовская О. В. 223
 Руднева Е. А. 488
 Рудницкая Т. Ю. 453
 Рудометова О. А. 222
 Румянцева М. Ф. 366
 Русин Д. В. 314
 Русинова И. И. 507
 Рыблова М. А. 474
 Рыжакова С. И. 245, 357
 Рыкун М. П. 256, 549
 Рычков С. Ю. 526

Рычкова Н. В. 144
 Рябчикова З. С. 238
 Сабитов А. Т. 70
 Сабитов Ж. М. 541
 Савельева Л. В. 507
 Савельева Т. В. 475
 Савинова О. Н. 88
 Савоскул М. С. 427
 Савоскул С. С. 45
 Савостьянова О. П. 306
 Савченко Е. Ю. 422
 Сагитова Л. В. 145
 Садиков Р. Р. 145
 Сакович В. А. 213
 Сакума С. Л. 215
 Саливон И. И. 550
 Салмин А. К. 193
 Сальников В. И. 415, 488
 Саманцов А. П. 526
 Самарина Л. В. 345
 Самойлова Е. В. 100, 327
 Сампиев И. М. 203
 Самсонов А. В. 89
 Самушкина Е. В. 229
 Сандакова Л. Б. 395
 Сапалова Д. У. 162
 Сапунова Е. Н. 440
 Сатаров Р. Т. 70, 373
 Сафин Ф. Г. 396
 Сафина Э. Ф. 507
 Свешникова Е. Е. 323
 Святогорова В. С. 440
 Седакова И. А. 508
 Селезнёв А. Г. 311
 Селезнева И. А. 306
 Сем Т. Ю. 59
 Семенова В. Н. 306
 Семенова О. Р. 508
 Семенова Т. В. 145
 Сенюткина О. Н. 146
 Сергеева Е. В. 146
 Серебрянникова Н. И. 306, 526
 Серин П. А. 306
 Серкова А. А. 407
 Серов Н. В. 345, 475
 Сеславинская М. В. 327, 488
 Сёке (Болотова) Н. С. 193
 Сиднева С. А. 519
 Сиим А. Ю. 433, 435
 Сий Э. 194
 Симонова В. В. 415
 Синдянкина О. К. 194
 Сирагуза Л. 475
 Сирина А. А. 255, 407
 Сиротина Н. В. 317
 Ситнянский Г. Ю. 179
 Скиба К. В. 444
 Скоробогатая А. А. 296
 Скуратовский В. И. 366

Славгородская Н. А. 100
 Слепцова (Кызласова) И. С. 129, 296
 Смирнова М. А. 492
 Смирнова Т. М. 238
 Смирнова Т. Б. 428
 Смолицкий В. Г. 346
 Снежкова И. А. 130
 Соболев А. Н. 58
 Соболева Е. С. 223, 435
 Совкина В. В. 239
 Содномпилова М. М. 216
 Сокаева Д. В. 71
 Соколова А. Д. 130, 307
 Солдатова А. С. 476
 Соловьева А. Н. 313
 Соловьева Л. Т. 45, 245
 Соловьева С. А. 71
 Солонникова Г. Л. 408, 415
 Сорокина Е. А. 122
 Соукупова Б. 46, 396
 Спицын В. А. 550
 Спицына Н. Х. 550, 551
 Ставицкий В. В. 194, 195
 Станюкович М. В. 519
 Старицын А. Н. 251
 Староверов В. И. 281
 Старостенков С. А. 223
 Старцев А. Ф. 239
 Стасевич И. В. 162
 Степанов А. В. 281
 Степанов В. В. 122
 Степанов В. Ю. 307
 Степин С. Н. 476
 Столярова Г. Р. 80
 Стоянова Г. Н. 489
 Стрекалова Е. Н. 71
 Стрелкович Н. Н. 551
 Строгальщикова З. И. 239
 Строгальщикова П. Б. 195
 Субботина И. А. 396
 Сульдина Л. В. 408, 415
 Сураганова З. К. 163
 Сурво А. А. 251
 Сурво В. В. 251, 296, 358
 Сурганов С. К. 357
 Сулова Е. Д. 492
 Сулова С. В. 146, 351
 Суутари П. 397
 Сухова О. А. 477
 Сушков С. А. 115
 Сушкова Ю. Н. 449, 477
 Схальяхо Р. А. 545, 549
 Сысоева А. Е. 171
 Сыуканд Р. 519
 Сюкияйнен Л. Р. 450
 Табаченко Л. В. 508
 Тавровский А. В. 101, 216
 Тагирова Ф. И. 441, 509

Тадина Н. А. 163, 489
 Тадышева Н. О. 230
 Тажигулова И. М. 541
 Таймасов Л. А. 397
 Талеева Л. П. 246
 Тарасова О. И. 312
 Татаренкова Н. А. 519
 Ташлыкова Н. Ю. 478
 Тегако Л. И. 551
 Текуева М. А. 478
 Терёхина А. Н. 408
 Терешина Д. В. 537
 Терлецкий Н. С. 164
 Тернавский Н. А. 108
 Тер-Саркисянц А. Е. 246
 Теучеж И. Э. 545, 549
 Теуш О. А. 339
 Тикунов Д. Г. 478
 Тимофеев В. Т. 529
 Титова Т. А. 101, 147
 Титовец А. В. 297
 Титорева Г. Т. 358
 Тихомиров К. Н. 46
 Тихомирова А. В. 509
 Тихомирова М. Н. 46
 Тодорович И. 428
 Тодышев М. А. 240
 Толмачева Е. Б. 101
 Томашевич Т. В. 552
 Томилов Н. А. 47, 314
 Тончева В. М. 398
 Топоев В. С. 535, 538
 Торвальдсен Г. 491
 Тормосова Н. И. 281
 Тосин С. Г. 224
 Трапезникова О. Н. 282
 Тростина М. А. 196
 Трошина Т. И. 72, 416
 Трушкова И. Ю. 147, 282
 Туаева Б. В. 203
 Тугужекова В. Н. 538
 Тульцева Л. А. 130
 Тунин А. Е. 519
 Тураев В. А. 230
 Туркина О. А. 60
 Турьинская Х. М. 60, 416
 Турская М. С. 131, 538
 Турской А. В. 317
 Тычинских З. А. 109, 366
 Тюганкова Е. В. 160
 Тюренева Н. Н. 307
 Тюрин Р. А. 552
 Тяхтенева С. П. 80, 207, 428
 Убайдуллаева Б. М. 179
 Уварова Т. Б. 47, 114
 Удалова И. В. 172
 Удина И. Г. 268
 Узун Ю. В. 527
 Узунова В. Г. 417

Ульянова М. В. 264
 Уляшев О. И. 346
 Уразманова Р. К. 147
 Успенская Е. Н. 315, 435
 Утевская О. М. 545, 552
 Утюпина О. В. 89
 Учайкина Н. И. 441
 Ушаков Д. В. 172
 Ушаков Н. В. 60
 Ушницкий В. В. 72, 513
 Фазлиев А. М. 148
 Файзуллина Г. Ш. 61
 Фасхутдинова Л. Ф. 358
 Фатхутдинова А. И. 89, 396
 Феденок Ю. Н. 297
 Федорова Д. Н. 102, 110
 Федорова Е. Г. 231
 Федосова К. А. 72
 Феоктистова Л. А. 509
 Филимончик С. Н. 81, 340
 Филиппов В. И. 216
 Филиппов В. Р. 47, 123
 Филиппова И. А. 479
 Филиппова Т. П. 79
 Финченко А. Е. 283, 323
 Фишман О. М. 61
 Фризен С. Ю. 553
 Фролова А. В. 269
 Фролова О. Е. 131, 298
 Фролова С. А. 545
 Функ Д. А. 409
 Фурсова Е. Ф. 246, 286
 Хабибуллина А. Р. 148
 Хабибуллина З. Р. 148
 Хабунова Е. Э. 328
 Хакназаров С. Х. 240
 Халдеева Н. И. 553
 Халиков Н. А. 359
 Халтурин А. Н. 252
 Хамидуллина А. И. 450
 Харатсидис Э. 429, 510
 Харитонов А. М. 513
 Харитонов В. И. 409, 539
 Харитонов Е. Е. 240
 Харламова Н. В. 269, 542, 544
 Хартанович В. И. 27, 542, 543
 Харунов Р. Ш. 123
 Харунова М. М.-Б. 172
 Харючи Г. П. 231, 539
 Хасанова З. Ф. 359
 Хасбулатова З. И. 283
 Хаховская Л. Н. 48, 231, 409
 Хилажева Г. Ф. 308
 Ходжаева Е. А. 340
 Хомякова И. А. 257
 Хоперская Л. Л. 398
 Хохлов А. А. 553
 Хохлов Н. В. 102
 Христофорова О. Б. 102, 269

Хрущев С. А. 263
 Хрущёва М. Г. 283, 297
 Хун Д. 32
 Хямонен Т. 248, 492
 Цветков Г. Н. 450
 Целищева В. Г. 284
 Цепкова И. Б. 180
 Церетели Т. К. 308
 Цеханская К. В. 131
 Цзан Ин 398
 Цыкарев А. В. 196
 Чабиева Т. С. 204
 Чагин Г. Н. 124
 Чайковская Е. Н. 410
 Чвырь Л. А. 359
 Черкашин А. Л. 527
 Чёрная Л. А. 315
 Черниенко Д. А. 149
 Черных А. В. 429
 Чернышева Ф. А. 539, 540
 Чернышов С. В. 62, 284
 Черняков О. В. 493
 Чернякова И. А. 493
 Четина Е. М. 103, 340
 Чигрина Е. В. 232
 Чижикова Т. П. 263
 Чикина Н. В. 90
 Чикишева А. С. 315
 Чикишева Т. А. 270
 Чистяков А. Ю. 398
 Чистякова В. О. 315
 Чубарова В. В. 399
 Чузаев Р. И. 196
 Чураков В. С. 149
 Чурилова Л. А. 479
 Чухалдина Ф. А. 540
 Чухряева М. И. 552
 Чушева М. Р. 399
 Чушьялова А. П. 270
 Шабалина Е. В. 510
 Шабалина Л. П. 138
 Шавлаева Т. М. 208, 479
 Шагапова Г. Р. 164
 Шагланова О. А. 73
 Шадманов Т. Р. 180
 Шадманова С. Б. 180
 Шакурова Ш. Р. 173, 441
 Шалманова А. Б. 164
 Шалыгина Н. В. 480
 Шантаев Б. А. 73, 208
 Шараева Т. И. 208
 Шарапов В. Э. 331
 Шарапова И. Р. 341
 Шарафадина К. И. 520
 Шарая О. Н. 510
 Шарифуллина Ф. Л. 150, 360
 Шаров В. Д. 399
 Шаронов А. М. 442
 Шаронова Е. А. 442

Шахов П. С. 73, 442
Шаховцов К. Г. 490
Шаяхметов Ф. Ф. 429
Швец Л. П. 390
Шевцова А. А. 374
Шевченко Ю. Ю. 308
Шейбак В. В. 341
Шелегина О. Н. 62
Шереметьева В. А. 270, 554
Шерстова Л. И. 232
Шеянова И. И. 443
Шиженский Р. В. 90
Шикалов Ю. Г. 248, 492
Шилов Н. В. 308
Широбоков И. Г. 27, 554
Широкалова Г. С. 284
Сихалиева С. Х. 204
Шишкина Е. М. 150
Шишкина С. В. 457
Шкалина Г. Е. 197
Шкердина Н. О. 48
Шнирельман В. А. 81
Шомахов З. Х. 417

Шпак Л. Ю. 554
Шредерс А. М. 494
Штаммлер Ф. 110, 410, 430
Шувалова Я. Ю. 110
Шумский К. А. 285
Шустрова И. Ю. 450, 464
Шутова Н. И. 341
Шэнминь Я. 32
Щанкина Л. Н. 360
Щеглова Т. К. 73
Щепанская Т. Б. 324
Щербак А. А. 484
Щербаков А. С. 150
Ыча М. В. 241
Эльмурзаева А. Д. 328
Эпштейн А. 81
Юдкина А. Б. 130
Южаков А. А. 241
Юкина И. И. 481
Юннкаринен М. 492
Юнусова А. Б. 114
Юнусова Д. М. 177, 417
Юренко А. И. 132

Юрченкова Н. Г. 443
Юсупов М. М. 204
Юсупов Р. М. 151
Юсупова Л. Н. 367
Юхас К. 374
Ябыштаев Т. С. 163, 208
Явнова Л. А. 124
Ягафова Е. А. 115, 151
Якель Ю. Я. 241
Яковлев В. И. 224
Яковлева Н. П. 224
Якубовская И. В. 124, 418
Якунчева М. Г. 197
Якушкина Е. И. 481
Ямсков А. Н. 271
Янес М. А. 360
Янков И. В. 82
Янцевич И. А. 272
Ярзуткина А. А. 527
Ярлыкапов А. А. 205
Яушкина Н. Н. 197
Яфаева Г. М. 152
Яхно О. Н. 482

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ
IX КОНГРЕССА ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ**

Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.

Сопредседатели

ТИШКОВ Валерий Александрович – директор Института этнологии и антропологии РАН, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, проф.

НИКИШИНА Марина Викторовна – заместитель Главы Республики Карелия

Заместители

МУЛЛОНЕН Ирма Ивановна – Президент Ассоциации этнографов и антропологов России, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, д.филол.н., проф.

МАРТЫНОВА Марина Юрьевна – зам. директора Института этнологии и антропологии РАН, д.и.н., проф.

Члены оргкомитета

АРУТЮНОВ Сергей Александрович – заведующий отделом Института этнологии и антропологии РАН, член-корреспондент РАН, проф.

ВОРОНИН Анатолий Викторович – ректор Петрозаводского государственного университета, д.техн.н., проф.

ГУБОГЛО Михаил Николаевич – заведующий отделом Института этнологии и антропологии РАН, д.и.н., проф.

ДАНИЛКО Елена Сергеевна – в.н.с. Института этнологии и антропологии РАН, д.и.н.

НИКИШЕНКОВ Алексей Алексеевич – зав. кафедрой этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова, д.и.н., проф.

ТИТОВ Александр Федорович – председатель Карельского научного центра РАН, член-корреспондент РАН, проф.

ТОМИЛОВ Николай Аркадьевич – директор Омского филиала объединенного Института истории, филологии и философии СО РАН, зав. кафедрой этнографии и музееведения Омского государственного университета, д.и.н., проф.

ЧИСТОВ Юрий Кириллович – директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, д.и.н., проф.

НИКОНОВА Людмила Ивановна – зав. Отделом археологии и этнографии Научно-исследовательского Института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, д.и.н., проф.

ЯРЛЫКАПОВ Ахмет Аминович – Исполнительный директор Ассоциации этнографов и антропологов России, с.н.с. Института этнологии и антропологии РАН, к.и.н.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**IX КОНГРЕСС
ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ
РОССИИ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.

Оформление обложки: *Анастасия Трифанова*

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 60х84¹/₈.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 66,5. Усл. печ. л. 65,7.
Тираж 700 экз. Изд. № 200. Заказ 963.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**IX КОНГРЕСС
ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ
РОССИИ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.

Оформление обложки: *Анастасия Трифанова*

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 60х84¹/₈.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 66,5. Усл. печ. л. 65,7.
Тираж 700 экз. Изд. № 200. Заказ 963.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**IX КОНГРЕСС
ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ
РОССИИ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.

Оформление обложки: *Анастасия Трифанова*

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 60х84¹/₈.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 66,5. Усл. печ. л. 65,7.
Тираж 700 экз. Изд. № 200. Заказ 963.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**IX КОНГРЕСС
ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ
РОССИИ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.

Оформление обложки: *Анастасия Трифанова*

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 60х84¹/₈.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 66,5. Усл. печ. л. 65,7.
Тираж 700 экз. Изд. № 200. Заказ 963.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50